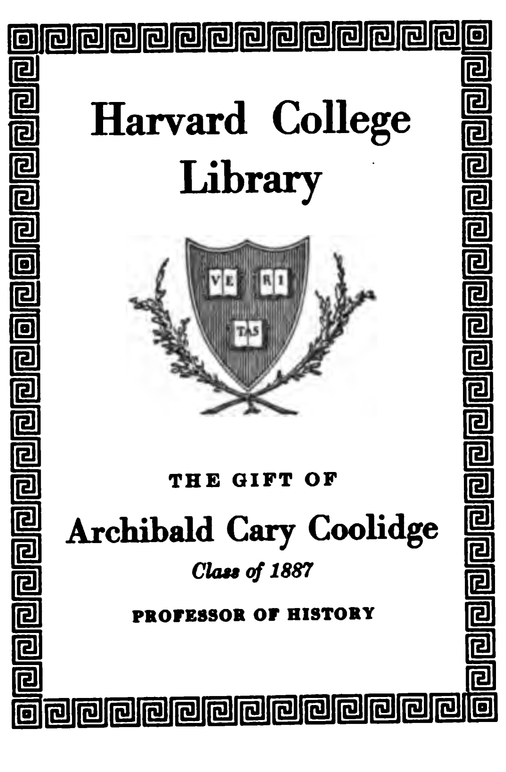

Harvard College
Library
VE RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY



СВАДЬБА КАРЛИКОВЪ ВЪ 1710 ГОДУ.

Съ современной голландской гравюры Филипса. Гравюра на деревѣ Паннемакера въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюня 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ IX

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ IX

1882



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1882

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, 1882).



ВЪ КРАЮ БЫЛЫХЪ ЕРЕТИКОВЪ.

(Изъ старыхъ воспоминаній о с.-восточной Чехіи).

I.

Изъ Праги—въ Ровенско.

Святки—„сватки ваночне́", какъ называютъ чехи Рождество, продѣлавъ свое ваночне́ изъ нѣмецкаго „Weihnachten", безспорно, самые веселые, задушевные дни въ чешскомъ бытовомъ календарѣ. Чешскія святки — это чисто народный праздникъ. Отъ мала и до велика, отъ бѣднаго халупника—крестьянина безъ земельнаго участка, и до богатаго господаржа—все это веселится, отдыхаетъ, гуляетъ. Будничная — серьезная, задумчивая, озабоченная физіономія чеха (а эти будни для него цѣлый годъ сплошь) сбрасывается, и сосредоточенно-угрюмый человѣкъ перерождается на нѣсколько моментовъ — дней — въ беззаботнаго юношу. Можно сравнить чешскія „сватки ваночне́" съ нашей Свѣтлой недѣлею—онѣ близки по своему мѣсту въ обиходѣ народномъ, но съ одной особенностью: чехъ въ свой праздникъ не только весело отдыхаетъ, но умѣетъ показать себя своей симпатической стороной — свою рѣдкую музыкальную природу. „Кто желаетъ видѣть настоящаго чеха съ его любовью къ музыкѣ, тотъ долженъ непремѣнно отправиться на святки въ село и быть въ церкви", скажетъ каждый горожанинъ. Одни проводы святокъ ваночныхъ уполномачивали, такъ сказать, знаменитаго чешскаго поэта, Гавличка, начать свои извѣстныя „Тирольскія элегіи" извѣстнымъ стихомъ:

„Я изъ края музыкантовъ..."

Проведши съ ранней осени 1874 года все время въ Прагѣ, я безъ малѣйшаго раздумья рѣшилъ воспользоваться дружескимъ при-

глашеніемъ моего чешскаго пріятеля, О. В. Пича, учителя гимназіи въ Младой-Болеслави (Mladá Boleslav, Jung Bunzlau, въ с.-в. Чехіи), сдѣлать зимнюю экскурсію на святки въ горы — посѣтить во время святочныхъ вакацій въ небольшомъ мѣстечкѣ — селѣ Ровенскѣ, его знакомаго старика-декана (священника-благочиннаго, по-нашему). Въ перспективѣ веселыя святки въ глуши, въ горахъ сѣверо-восточной Чехіи; но кромѣ этого были и другія приманки: этнографическая и историческая. Языкъ, вдали отъ все нивелирующаго Пражскаго центра, и къ тому же въ горахъ, интересовалъ меня сохранностью общеславянскаго характера. Въ формѣ словъ чешскаго литературнаго языка славянинъ, къ какой бы народности онъ ни принадлежалъ, съ трудомъ распознаетъ свою знакомую славянскую форму — такъ чешская форма тонка, сухопара, съ своимъ классическимъ иканьемъ, котораго очень не жалуютъ не только недавніе отщепенцы — словаки, но и сами чехи изъ Моравіи. Самый же край — область рѣки Изеры, съ Младой-Болеславой, Мниховымъ-Градиштемъ и другими мѣстами—это чешская исторія съ сѣдой эпохи князя Вячеслава (Х-й вѣкъ) и по вчерашній день (война 1866 года). Укажу на одинъ самый видный и рѣшительный моментъ въ исторіи чеховъ. Въ этой гористой области основалась, окрѣпла и широко распространилась знаменитая „Община" чешскихъ (моравскихъ) братьевъ (Jednota bratrská) на склонѣ XV и втеченіе XVI столѣтій. Здѣсь, подъ прямымъ руководствомъ ея, выросли и воспитались тѣ государственные дѣятели старой Чехіи начала XVII вѣка, которые въ борьбѣ съ церковнымъ и политическимъ іезуитизмомъ Габсбурговъ—въ неудавшейся революціи 1618—1620 годовъ—открыли знаменитую тридцати-лѣтнюю войну, какъ Вацлавъ Будовецъ, панъ съ Кляштора и Мнихова-Градишта, и друг. При воспоминаніи о многострадальной „Общинѣ" братьевъ, каждый, вступая на почву с.-восточной Чехіи, не можетъ не привѣтствовать ее словами знаменитаго поэта славянства, Коллара:

„Остановись! всюду святыя мѣста, куда ни направишься ты!" [1]).

Приглашеніе давало мнѣ случай видѣть воочію колыбель „братьевъ".

Съ особеннымъ удовольствіемъ, во вторникъ, 10-го (22-го) декабря, оставлялъ я Прагу и съ полуденнымъ поѣздомъ дороги Франца-Іосифа отправился въ Младу-Болеславь. Дорога идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, чрезъ Жижкову гору (гдѣ тунель), на Либичь. День былъ снѣжный. Густые хлопья снѣгу мѣшали видѣть, да и видѣть-то было нечего, такъ какъ ужъ съ недѣлю лежалъ глубокій снѣгъ. Жизнь замерла подъ сплошною снѣжной пеленой. Только вдали сѣрѣлись лѣса, да частыя черныя трубы, торчавшія изъ-подъ снѣга, рябили бѣлый фонъ и указывали, что дорога проходитъ не по пустынѣ черноморскихъ степей, а по странѣ, густо населенной, постоянно вблизи человѣческаго жилья. Австрійская желѣзная дорога,

---

[1]) Изъ вступленія въ „Дочь Славы".

нигдѣ и никогда не отличающаяся скоростью хода, на этотъ разъ была особенно тяжела — двигалась шагомъ: и смѣшанный поѣздъ, и масса снѣгу рекомендовали быть особенно осторожнымъ. Мы тянулись до Младой-Болеславы слишкомъ три часа, хотя разстояніе всего верстъ пятьдесятъ. Только въ четверть четвертаго мы были на станціи, причемъ съ трудомъ я могъ протоптаться чрезъ груды снѣга, сметеннаго съ рельсовъ, между нашимъ путемъ и платформой. Въ перспективѣ была теперь у меня простуда, когда пришлось свои окоченѣвшія ноги снять съ металическихъ цилиндровъ, наполненныхъ горячей водой (это—вмѣсто печей въ вагонахъ), и прямо ступить въ сугробы снѣга. Къ счастью, этотъ невольный опытъ обошелся благополучно.

Городъ съ величественно возвышавшимся на скалѣ старымъ замкомъ стародавнихъ владѣтелей Болеславы, пановъ зъ-Краиржовъ (XV—XVI стол.), расположенъ на горѣ, и съ нашей станціи, несмотря на зимнее время, представлялъ весьма красивый видъ. Внизу вьется змѣйкой небольшая рѣчка Изера—между станціей и городомъ. Крутой подъемъ къ городу весьма затруднителенъ для сообщенія, такъ что омнибусъ, принявшій насъ изъ гостинницы „U zlatého jehnête“, густо набитый пассажирами,—болѣе всего „студентами“, малаго и большаго возраста, спѣшившими на святки изъ Праги къ „маминкамъ“, тащился еле-еле. Дорога была вся завалена снѣгомъ; узкая колея была пробита такъ, что встрѣчные пѣшеходы, сворачивая намъ, погружались въ море снѣгу. Только черезъ добрыхъ полчаса дотащились мы до гостинницы.

Квартиры моего пріятеля я не зналъ. Пришлось обратиться къ главному „склепнику“ (кѣльнеру) и, конечно, по-чешски. Долженъ признаться, что, несмотря на всѣ мои старанія, не далась мнѣ чешская рѣчь, и съ ея долгими гласными (бываетъ, что два-три слога—и два-три долгихъ), и безусловно съ удареніемъ на первомъ слогѣ, и съ ея средними *и*, *л*. Понятно, что своимъ чешскимъ обращеніемъ я сейчасъ же выдалъ себя. „Склепникъ“ засуетился, отошелъ въ сторону къ группѣ молодыхъ людей у окна и сообщилъ о прибытіи какого-то иностранца: „нѣяки чловѣк пришел и подивнѣ млуви поческу“, говорилъ онъ. Ясно, что моя чешская рѣчь возбудила въ немъ удивленіе. Изъ группы выдѣлился молодой человѣкъ и отрекомендовался товарищемъ моего пріятеля Пича. Это былъ „профессоръ филологіи“ въ болеславской гимназіи, Иванъ Ив. Броучекъ. Самъ Пичъ читалъ исторію. Онъ предложилъ провести меня до квартиры, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ—по ту сторону чешскаго „гостиннаго ряда“—рынка. Чрезъ нѣсколько минутъ мы втроемъ уже сидѣли въ скромной квартирѣ болеславскаго „суплентъ-профессора“ за чаемъ. Чай былъ первымъ признакомъ, что хозяинъ—руссофилъ. Послѣ снѣжной ванны на станціи я былъ особенно радъ чаю.

На другой день, т. е. 23-го декабря н. ст., въ гимназіи еще были уроки

до полудня (гимназія находится въ завѣдываніи монаховъ-піаристовъ и существуетъ съ 1688 г.); поэтому было рѣшено ѣхать съ вечернимъ поѣздомъ, и прежде всего въ сосѣдній городъ—Мнихово-Градиште (извѣстный Münchengrätz въ кампаніи 1866 года), гдѣ насъ долженъ былъ встрѣтить другъ моего хозяина, образованный литераторъ, поэтъ и политикъ, и въ то же время не болѣе какъ владѣлецъ водяной мельницы у сосѣдняго съ Градиштемъ села Клаштера, панъ „млинаржъ", какъ говорятъ чехи, т. е. мельникъ.

Въ 8 часовъ утра мой хозяинъ былъ уже въ гимназіи. Мнѣ же нужно было воспользоваться хоть какъ нибудь свободнымъ утромъ. Осмотръ города былъ невозможенъ—все было завалено снѣгомъ; только въ немногихъ мѣстахъ были тропинки, хотя самъ городъ не изъ малыхъ въ Чехіи (до 10.000 жит., изъ нихъ около 1.000 евреевъ). Я отправился въ ратушу—„радницу", чтобы хоть бѣгло ознакомиться съ архивомъ, для занятій въ будущемъ,—и ратуша закрывалась въ 12 часовъ. Обязательный „пуркмистръ" (голова), д-ръ К. Матушъ, показалъ мнѣ древности архива. Намѣтивъ старыя грамоты, латинскія и чешскія, „листины", съ привиллегіями городу (городъ на своемъ нынѣшнемъ мѣстѣ съ 1334 года, раньше же былъ только „градъ", т. е. крѣпость около), я успѣлъ только бѣгло осмотрѣть два знаменитые въ чешской старой письменности гигантскіе „Канціонала" (церковныя пѣсни), съ XVI стол., чешскій и латинскій. Чешскій Канціоналъ былъ писанъ въ 1572 году, спеціально для болеславской братской „Общины", съ роскошными иллюстраціями,—но знакомство съ этимъ любопытнымъ памятникомъ долженъ былъ отложить на-послѣ. Было 12 часовъ.

Послѣ чешскаго ранняго обѣда оставалось еще нѣсколько часовъ до предположеннаго отъѣзда. Что дѣлать? Рѣшено было посѣтить главу болеславскаго кружка руссофиловъ, нотарія, пана Гесса, завиднаго для молодыхъ его друзей, по русскимъ симпатіямъ, обладателя библіотеки спеціально русскихъ книгъ—въ числѣ 50-ти названій. Въ Младой-Болеслави—и собраніе русскихъ книгъ у нотарія! Просто, какъ русскій, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться съ этимъ любопытнымъ типомъ мелкаго австрійскаго чиновника въ чешской глуши.

Нотарій былъ не молодой человѣкъ, и жизнь его таскала повсюду по Австріи. Во время Баховскаго абсолютизма чиновники рекрутировались почти исключительно изъ чеховъ. Свои первые годы панъ Гессъ провелъ въ Венгріи, и уже тогда занимался русскимъ языкомъ и нашей литературой. Послѣднія деньги шли на пріобрѣтеніе русской книги. Кто вспомнитъ 50-е годы и особенно Австрію того времени, тотъ пойметъ, что̀ значило тогда пріобрѣсти русскую книгу. Посольскіе священники Вѣны и Пешта (Ирома, у гробницы в. кн. Александры Павловны) были единственными справочными книгами по русской литературѣ. Впрочемъ, та же безвѣстность и недоступ-

ность были и у насъ, и позже, въ половинѣ 60-хъ годовъ, и даже въ Москвѣ (говорю по личному опыту), относительно славянскихъ книгъ, выходившихъ въ Австріи. Но въ Австріи были еще свои условія для русской книги. Не только книги, но каждый печатный листокъ съ кирилловскимъ, русскимъ, шрифтомъ возбуждалъ пытливость пронырливой полиціи и наводилъ подозрѣнія. Пугало русскихъ эмиссаровъ идетъ изъ-стари. Все это надо имѣть въ виду чтобы оцѣнить самоотверженную любовь къ русской книгѣ чешскаго нотарія въ Венгріи въ 50-хъ годахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта любовь воспиталась въ юношѣ Гессѣ подъ теплымъ вліяніемъ свѣтлыхъ дѣятелей чешской литературы—Шафарика и Ганки,—40-хъ и 50-хъ годовъ. Извѣстно, что самымъ энергическимъ проводникомъ русской книги, русскаго письма, былъ старикъ Ганка, наслѣдовавшій, въ свою очередь, доброе чувство къ Россіи, къ русскому, отъ своего знаменитаго учителя, аббата Іосифа Добровскаго. Уже въ своемъ „Литературномъ путешествіи въ Россію“ (вышло въ 1796 году) Добровскій сравниваетъ свой родной языкъ съ русскимъ и находитъ ихъ замѣчательно близкими. Но самымъ полнымъ и, къ счастію, еще живымъ (писано въ 1875 г.) свидѣтелемъ этого кирилловскаго, доселѣ еще не оцѣненнаго, вліянія аббата Добровскаго на своихъ учениковъ служитъ замѣчательный, почти столѣтній, старикъ священникъ, Антонинъ Марекъ, всю Мафусаилову жизнь свою проведшій въ глуши Болеславскаго края; но о немъ мы будемъ говорить позже. Возвращаемся къ нотарію.

Произведенія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева изъ русскихъ поэтовъ, Карамзина, Соловьева, Костомарова изъ русскихъ историковъ, были перечитаны, изучены паномъ Гессомъ, и не был для него сердечнѣйшаго удовольствія, какъ достать гдѣ нибудь новую русскую книжку для прочтенія. Но нотарій сожалѣлъ объ одномъ: всю жизнь проскитавшись въ Венгріи и въ захолустьяхъ чешскихъ, онъ не видѣлъ „праваго“, т. е. настоящаго, русскаго. Его молодые друзья изъ болеславской гимназіи хотя и говорили съ нимъ всегда по-русски, но все это были для него не болѣе какъ „псевдоруссы“, не удовлетворяли.

Панъ „нотаржъ“ жилъ на томъ же рынкѣ. Онъ былъ дома, когда мы постучались въ дверь. На нашъ стукъ сейчасъ же послышалось стереотипное „дáлѣ“, и мы вошли въ комнату. Предъ нами сидѣлъ плотный, небольшого роста, съ открытымъ широкимъ лицомъ мужчина, весьма уже пожилыхъ лѣтъ, далеко за пятьдесятъ. Это и былъ нотарій. Я представился. Съ доброй, привѣтливой улыбкой хозяинъ поздоровался со мной, но не успѣли мы переброситься двумя-тремя словами, какъ онъ исчезъ въ другую комнату и явился черезъ минуту, неся громадный сладкій калачъ (пирогъ), такъ называемую „ваночку“, т. е. святочный хлѣбъ. У насъ—пасхальный хлѣбъ, у чеховъ—рождественскій. Чрезъ нѣкоторое время вошла хозяйка, и мужъ

съ женой вдвоемъ принялись за наше угощеніе вкусной ваночкой. Замѣчу мимоходомъ, что кто побывалъ въ Австріи, тотъ знаетъ, что на тѣстѣ вскормлена вся Австрія, и особенно Чехія, но, безспорно, вкуснымъ: на кулинарномъ искусствѣ тѣста сдѣлали себѣ имя чешки далеко въ Германіи. Хоть и по обѣдѣ, но я не отставалъ отъ моихъ чешскихъ друзей. Лишь послѣ ваночекъ начался у насъ разговоръ съ „нотаржемъ"—о послѣднихъ произведеніяхъ Тургенева. Онъ зналъ нашего романиста и понималъ, давая ему по художественности постройки и типовъ первое мѣсто въ европейскомъ романѣ. На святки было положено прочесть — въ который-то разъ—Богдана Хмѣльницкаго Костомарова: нотарій крайне сожалѣлъ, что не имѣлъ подъ рукой карты старой Польши, чтобы слѣдить, не сбиваясь, за разсказомъ. Бесѣда шла по-чешски; только мѣстами нотарій позволялъ себѣ вставлять русскія выраженія. Изъ нихъ было видно, что хозяинъ усвоилъ себѣ русскую рѣчь на-столько, на-сколько можно было изъ чтенія книгъ, никогда не слышавъ русскаго. И вспомнился мнѣ въ эту минуту Палацкій, авторъ, безспорно, знаменитыхъ „Судебъ чешскаго народа", „отецъ отечества", какъ льстивые себялюбцы отитуловали его, и съ трудомъ читавшій кирилловскую грамоту... Симпатичный старикъ нотарій напомнилъ мнѣ извѣстнаго безкорыстнаго чешскаго патріота Браунера, который уже на старости принялся за русскій языкъ, и—одолѣлъ его.

Былъ уже третій часъ — въ половинѣ четвертаго мы ѣхали. Мы должны были окончить нашъ визитъ и проститься съ радушнымъ нотаріемъ, этимъ чехомъ славянскаго сердца.

Тотъ же медленный поѣздъ, что̀ привезъ меня вчера изъ Праги, повезъ насъ теперь въ Мнихово-Градиште (Münchengrätz). Чрезъ двѣ-три станціи мы были на мѣстѣ, гдѣ насъ поджидалъ панъ „млинаржъ", Осипъ Ивановичъ Дурихъ, слѣдовательно—опять руссофилъ, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, школьный товарищъ моего пріятеля-вождя, Пича. Мы сѣли въ сани, проѣхали городъ, обогнули высокій холмъ, на которомъ возвышается громадное трехъ-этажное зданіе въ казарменномъ стилѣ — замокъ гр. Вальдштейновъ, съ гробницей злой памяти въ исторіи Чехіи Вальдштейна (Валленштейна), начавшаго свою карьеру кражей денегъ Моравскаго сейма. Впрочемъ, въ 1630 году, шведы потревожили прахъ этого знаменитаго авантюриста. Въ этомъ же замкѣ происходило свиданіе императоровъ Николая и Франца въ 1833 году, примирившее нашу и австрійскую политику на Востокѣ. Далѣе, дорога шла на сѣверо-западъ, вдоль знакомой намъ Изеры, обширной долиной, окаймленной отвѣсными горами, гдѣ въ 1866 году произошла извѣстная битва, а минутъ черезъ десять мы были у подножья самаго Клаштора.

Клашторъ (съ нѣм. Kloster—монастырь)—теперь небольшое село въ долинкѣ межъ двухъ горъ, на разстояніи версты полторы отъ Мнихова Градишта, послѣднее чешское поселеніе къ сѣверу. За нимъ уже

идутъ нѣмецкіе поселки: Bezdes, Kroupy и др. Названія чешскія, но мѣстность эта принадлежала въ началѣ XVII вѣка членамъ „Вратрской Общины“ и потому особенно пострадала послѣ несчастнаго исхода революціи 1618 года. Населеніе было изгнано, страна „антиреформирована“, т. е. вмѣсто „кацирж овъ“ (еретиковъ, чеховъ) были посажены нѣмцы, а если и остались гдѣ чешскіе седлаки (крестьяне), не стѣснившіеся купить у католическаго фараржа (приходскаго священника) росписку въ бытіи у исповѣди и представить полицейскому комиссару, они обнищали во время грабежей, производимыхъ императорскими солдатами, и легко слились съ массой покровительствуемаго населенія. Такимъ образомъ, у Клаштора мы очутились на самой тнографической межѣ чешскаго и нѣмецкаго элементовъ.

Клашторъ, какъ показываетъ самое имя, обязанъ своимъ происхожденіемъ монахамъ. До Гуситскихъ войнъ (нач. XV-го стол.) здѣсь былъ монастырь, остатки котораго и теперь еще видны въ стѣнахъ обширнаго замка на обрывистой скалѣ, у самаго поворота въ долину Клаштора—нѣкогда резиденціи знаменитаго „братра“, Вацлава Будовца. Вѣроятно, находящійся южнѣе его городокъ Мнихово-Градиште (цистеріанскій монастырь уже въ XII стол.), какъ показываетъ имя—„монашеское укрѣпленіе“, принадлежалъ Клаштору и служилъ передовымъ городищемъ. Въ Гуситскую войну осажденный Прокопомъ, Клашторъ былъ разрушенъ. Тогда же погибъ и монастырь Мнихово-Градиште. Въ XVI же столѣтіи онъ вмѣстѣ съ Градиштемъ, Бездесомъ и др. поселеніями къ сѣверу принадлежитъ рыцарямъ Будовцамъ. Послѣднимъ владѣтелемъ былъ Вацлавъ Будовецъ, путешественникъ на Востокъ, дѣятельнѣйшій участникъ революціи 1618 года. Послѣ его казни (21-го іюля 1621 г.), Клашторъ, Мнихово-Градиште перешли къ Вальдштейну. Этому роду они принадлежатъ и теперь. Теперь изъ Клашторскаго замка Будовцевъ сдѣланъ пивоваренный заводъ; а изъ жилаго дома послѣдняго Будовца, который стоялъ тутъ же на горѣ еще недавно, остались двѣ-три стѣны: что̀ можно—порастаскано.

Итакъ, мы пріѣхали въ знаменитый нѣкогда Клашторъ, на мирную водяную мельницу, гдѣ насъ привѣтливо встрѣтила сестра пана „млинаржа“. Сейчасъ же явился чай (домъ—съ русскими симпатіями) съ массой чешскихъ „калачей“ (круглые съ яблоками, макомъ и, особенно популярными въ Чехіи, „швестками“, т. е. сливами). Намъ было и холодно, и голодно; поэтому и чай, и калачи были весьма желанны. За чаемъ послѣдовалъ ужинъ. Въ ѣдѣ и бесѣдѣ о клашторской жизни мы просидѣли до позднаго вечера, дальше 11-ти часовъ, что̀, по правиламъ чешскимъ, рѣзкое исключеніе: каждый правовѣрный чехъ долженъ въ 10 часовъ если не спать, то по крайней мѣрѣ лежать подъ ветхозавѣтной „периной“ — въ морѣ пуха. Эти перины мнѣ остались памятными послѣ поѣздки еще въ 1869 году въ Гусинцы, въ юбилей Гуса: едва не задохся. Но на мельницѣ и 11 часовъ было не поздно: послѣ ужина присоединилась къ нашему

обществу сестра хозяина, покончивъ кухонную стряпню, и старуха-мать. Отецъ давно умеръ—до нашествія пруссаковъ, такъ что все мельничное „господаржство“ ведетъ сынъ, нашъ Осипъ Ивановичъ.

У молодаго „млинаржа“ порядочная русская библіотека; были собраны даже почти всѣ русскія грамматики. Самъ онъ говорилъ вообще хорошо по-русски. Бесѣда наша поэтому имѣла сначала какой-то филологическій характеръ. Говорили, напримѣръ, о небывалой, но не безъ гордости защищаемой моими чешскими друзьями прошедшей формѣ неопред. наклоненія—„мѣвшети“—соотвѣтствующей лат. habuisse, дать право гражданства которой напрасно тщился знаменитый пѣвецъ „Дочери Славы“,Колларъ. Но съ приходомъ старухи наша бесѣда перешла на почву болѣе интересную: старуха вспомнила прусское нашествіе 1866 года, событія еще свѣжаго прошлаго. Битва на равнинѣ между Клаштеромъ и Мниховымъ-Градиштемъ (собственно, убой бѣжавшихъ стремглавъ австрійцевъ), понятно, памятна всѣмъ. На мельницѣ у старухи жили прусскіе офицеры; на мельницѣ же произошло событіе, едва не имѣвшее фатальнаго исхода для всѣхъ жителей села. Стѣны мельницы были испещрены пулями, а надъ мельницей, на горкѣ, гремѣла прусская батарея, обстрѣливавшая австрійскую артиллерію у Мн. Градишта. Уславъ малыхъ дѣтей, большинство крестьянъ попряталось по погребамъ; старуха Дурихова съ сыномъ и дочерью принимала гостей. Съ ужасомъ говоря объ этихъ дняхъ, старуха не забыла прибавить, что не только офицеры, но и простые солдаты были особенно вѣжливы со всѣми. Какъ ни странно подобное отношеніе людей, которые, четыре года спустя, показали и подвиги разрушенія; но это явленіе даетъ себя объяснить безъ особеннаго труда. Все дѣло въ томъ, что такъ было приказано: вѣжливымъ обращеніемъ съ чехами объединитель Германіи добивался—какъ бы заохотить чеховъ объявить себя за присоединеніе къ Германіи и отложиться отъ Вѣны. Тотчасъ по занятіи сѣверовосточной Чехіи, пруссаки издали „воззваніе къ жителямъ славнаго чешскаго королевства“, по-чешски. Прокламація была напечатана въ чешскомъ городкѣ Хрудимѣ. Она—библіографическая рѣдкость: тщательно истреблялась позже, и такъ мало извѣстна, почти неизвѣстна, особенно у насъ, что читатель не посѣтуетъ, если мы приведемъ изъ нея въ переводѣ нѣкоторыя пикантныя мѣста.

Прокламація начиналась сваленіемъ всей вины на всегда вѣроломную Австрію. „Мы приходимъ отнюдь не какъ враги и завоеватели на вашу патріотическую почву, но съ полнымъ уваженіемъ къ вашимъ историческимъ и народнымъ правамъ. Не войну и опустошенія, но вниманіе и добрыя отношенія мы предлагаемъ всѣмъ жителямъ, безъ различія сословія, вѣры и народности. Не дайте себя оговорить врагамъ нашимъ и клеветникамъ, что мы начали войну изъ корысти...—отъ насъ слишкомъ далека всякая мысль противодѣйствовать справедливымъ вашимъ стремленіямъ къ самостоятель-

ности и свободному національному развитію“. Прокламація приглашала оставаться дома, не предаваться бѣгству предъ „друзьями“, поборовъ—никакихъ: за все будетъ уплачено, и заканчивалась пріятно щекочащемъ намекомъ на возможность повторенія 1618 года — низверженія Габсбурговъ, но съ иными послѣдствіями: „если наше справедливое дѣло побѣдитъ, то, можетъ быть, и чехамъ съ моравами наступилъ бы тогда опять моментъ, когда они могли бы свободно рѣшить свою будущую судьбу. Пусть же болѣе счастливая звѣзда освѣтитъ эту войну и заложитъ прочно ихъ благосостояніе!“

„Болѣе счастливая звѣзда“, т. е. не тѣ результаты, что̀ принесла чехамъ тридцатилѣтняя война.

Прокламація написана хорошимъ чешскимъ языкомъ и, по слухамъ, вышла изъ-подъ пера одного чешскаго эмигранта-поэта.

Воззваніе не навязывало „рѣшенія“; но давно никому не было тайной, кто имѣлъ быть предметомъ искушенія для чеховъ: заготовленнымъ кандидатомъ былъ король саксонскій. Разсчеты имѣли свои основанія. Не говоря, что король Іоаннъ († 1873) былъ католикъ (и вся династія) для своихъ саксонцевъ—лютеранъ, онъ все свое правленіе былъ необыкновенно мягокъ, внимателенъ къ кучкѣ своихъ подданныхъ славянскаго языка: въ революцію 1848 года сербы-лужичане остались вѣрными королю, несмотря на всѣ происки нашего Бакунина, и въ рѣшительную минуту сербо-лужицкій полкъ отстоялъ короля противъ столичныхъ демагоговъ, съ тѣмъ же Бакунинымъ во главѣ. Іоаннъ хорошо выучился сербо-лужицкому языку и своихъ славянъ всегда отличалъ: въ 60-хъ годахъ директоромъ извѣстной королевской гимназіи въ Дрезденѣ былъ священникъ Букъ, лужичанинъ, однимъ изъ профессоровъ знаменитый лужицкій филологъ, Пфуль. Въ бытность нашу въ Лужицахъ въ 1869 году, мы слышали одни самые симпатическіе отзывы объ королѣ-отцѣ и сынѣ. Наконецъ, надо замѣтить, что въ фамильныхъ преданіяхъ королевской семьи живо помнятся ея историческія связи съ землями славянскихъ сосѣдей. Уже сейчасъ послѣ революціи 1618 года, курфирстъ саксонскій былъ кандидатомъ на чешскій престолъ; но предпочли протестанта—Фридриха Пфальцкаго; зато немного позже курфирстамъ посчастливилось въ Польшѣ. Въ эпоху славы Наполеона, послѣ 1807 года, уже королевство, Саксонія получила Нижнія Лужицы отъ Пруссіи, герцегство Варшавское, и отъ Австріи западную Галицію съ Краковомъ. Наконецъ, въ польское возстаніе 1863 года, кажется, и саксонскій наслѣдный принцъ имѣлъ свои виды на корону Пястовъ: во время возстанія онъ прилежно бралъ уроки польскаго языка. Сколько же было желателей!..

Но чехи не соблазнились указаніемъ на „благопріятную минуту“ и остались при своей старой знакомкѣ — Австріи. Конечно, за это посулены были горы благъ, а заключили ихъ экзекуціями. Обманывались чехи въ своихъ разсчетахъ? Думаю, что иллюзіями они себя

не питали, а если и остались вѣрны Австріи, то въ виду горькаго опыта: врагъ слабѣе—легче. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы въ настоящую минуту съ чехами, если бы ихъ политика въ революцію 1618 года увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и чешскій протестантизмъ, исповѣдывавшійся состоятельными сословіями пановъ и городовъ, вытѣснилъ бы католицизмъ? Масса народа въ 1618 году была инертна, только часть его примыкала къ „Братской Общинѣ“, дѣла у которой съ протестантами были всегда не ладны... Кажется, жизнь чешскаго королевства съ нѣмецкимъ протестантствомъ во главѣ примкнула бы тѣснѣйше къ Германіи; нѣмецій элементъ росъ бы быстро; ему помогала бы постоянная внутренняя неурядица между чехами—лютеранами и членами „Общины“. Примѣръ на лицо—нижніе лужичане и польско-лужицкіе славяне по среднему Одеру. Пока держался здѣсь католицизмъ, религія внѣ національной подкладки, держалось и славянство; но съ появленіемъ Лютера, съ новаго окрещенія земли чрезъ феодальныхъ владѣтелей, осклабившихся на церковныя и монастырскія имущества, быстро началась германизація края. Въ половинѣ XVI-го вѣка (1548) былъ сдѣланъ переводъ Евангелія на славянское нарѣчіе жителей средняго Одера (Жаровъ); но теперь округъ Sarem давно уже нѣмецкій. Правда, тридцатилѣтняя война много народу заставила эмигрировать изъ Чехіи и нѣкоторые края заняли нѣмцы-католики; но зато брошенные промежду чеховъ итальянцы, фламандцы и разные другіе авантюристы, въ силу своей малочисленности, не только не ослабили туземнаго элемента, но скоро расплылись въ славянской массѣ. Если геніальный послѣдній епископъ „Братской Общины“, Амосъ Коменскій, разочарованный въ послѣдней попыткѣ исторгнуть чешскую землю изъ рукъ Габсбурговъ, при вѣсти о Вестфальскомъ мирѣ, въ нѣмомъ отчаяніи, сказалъ: „въ горлѣ антихристовѣ оставилъ этотъ миръ чеховъ на вѣчныя времена“; то, можетъ быть, политика скажетъ иное: антихристъ спасъ чеховъ, какъ народъ, извѣстную этнографическую особь, ну, не на вѣчныя, но на многія времена [1]).

Но возвращаемся къ ночной бесѣдѣ въ радушной семьѣ пана „млинаржа“. По словамъ старухи, одно случайное обстоятельство на мельницѣ едва не омрачило память о нашествіи пруссаковъ. У себя на мельницѣ, въ погребѣ, Дурихи держали пиво и спиртъ. Человѣкъ 30 солдатъ забрались въ погребъ и стали кутить. Полупьяные, они не замѣтили, что оставили полуоткрытымъ чопъ у спиртной бочки; спиртъ мало-по-малу покрылъ полъ погреба, такъ что когда они перешли къ пиву и одинъ изъ нихъ зажегъ трубку, огонь попалъ на полъ и спиртъ загорѣлся. Всѣ бросились къ выходнымъ дверямъ, но двери открывались во внутрь и полупьяные солдаты сгорѣли. Спасся одинъ работникъ на мельницѣ, и чехъ, полѣзшій было вмѣстѣ съ

[1]) О революціи чеховъ 1618 года см. мою книгу: „Братья-Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII-го вѣка“. Одесса. 1878.

солдатами въ погребѣ, но стоявшій ближе къ дверямъ. Явилось подозрѣніе въ злоумышленіи, и оно пало на работника. Подъ вліяніемъ понятнаго раздраженія, работникъ былъ приговоренъ къ смерти; съ трудомъ удалось ему умолить своихъ судей дозволить объяснить все дѣло предъ командующимъ генераломъ, кажется, Вердеромъ, и генералъ его помиловалъ. Старуха вспомнила, что тотъ же генералъ помиловалъ у нихъ и другаго, старика: старикъ скрывался въ ямѣ; бѣжавшій австрійскій солдатъ бросилъ ружье и, на грѣхъ, оно попало въ яму къ старику. Захваченный съ поличнымъ, старикъ былъ приговоренъ къ смерти...

Было уже два часа ночи, когда мы разошлись спать.

Встали рано—въ 11 часовъ намъ надо было быть уже на станціи, а къ 2-мъ часамъ быть въ Турновѣ, гдѣ насъ имѣли ждать сани отъ самого декана изъ Ровенска, Яна Чермака, чтобы до первой звѣзды быть уже на мѣстѣ,—„щедрый вечеръ", т. е. канунъ Рождества, у чеховъ, какъ и у насъ на югѣ Россіи и Малороссіи, начинается торжественною „вечерею" съ появленіемъ именно первой звѣзды. Сочельникъ и у чеховъ день постный, до зари не ѣдятъ; но „слечна Дурихова"—сестра—не могла отпустить насъ въ путь, не приготовивши многояственнаго рыбнаго завтрака. Рыбный столъ—и рѣдкость, и прелесть въ Чехіи: искусственное разведеніе рыбъ—одинъ изъ усовершенствованныхъ промысловъ народнаго хозяйства въ Чехіи—ведетъ свою исторію съ XIV-го—XV-го столѣтій. Чешскіе карпы тысячами идутъ въ Германію—до Гамбурга. Рыбный завтракъ—карпы, то „смаженные", то „на-модро" и т. д., заставилъ насъ просидѣть слишкомъ долго, такъ что мы опоздали на поѣздъ въ Мниховомъ-Градиштѣ. Поворотили въ городъ, чтобы поискать тамъ саней—„прилежитости", по нашему—оказіи, въ Турновъ. Изъ гостинницы мы послали „гоха" (мальчика) на почту, и къ моему удивленію, не далѣе какъ черезъ четверть часа, у подъѣзда уже стояли легкія городскія сани съ парой добрыхъ коней. Отъ Мнихова-Градишта до Турнова двѣ станціи желѣзной дороги, слѣдовательно верстъ пятнадцать; но въ виду сочельника „кочій", т. е. возница, запросилъ неслыханную цѣну—4 гульдена, и мы должны были дать. Поблагодаривъ гостепріимнаго пана „млинаржа", мы вдвоемъ поѣхали въ Турновъ.

Клашторъ и Мнихово-Градиште—съ этими двумя именами живо возстаетъ въ памяти значеніе исторіи чеховъ въ общей драмѣ человѣчества. Эти два имени—грандіозная межа двухъ эпохъ чешской жизни: реформаціонной и іезуитско-реакціонной. Клашторъ и Мнихово-Градиште—владѣнія энергическаго защитника „Братрской Общины", Вацлава Будовца; защита привела его къ революціи, затѣмъ къ плахѣ, и владѣнія его переходятъ въ руки Вальдштейна, извѣстнаго у насъ болѣе подъименемъ Валленштейна, даннаго ему Шиллеромъ. „Община" смѣнилась іезуитами, „антихристомъ", выражаясь словами Амоса Коменскаго.

Кони везли бойко по ровному шоссе, окаймленному сугробами снѣга. Бубенчики—„роглички"—сани, снѣгъ—все переносило на Русь: но шоссе говорило, что это не родная сторона. Морозъ 3—4 градуса; легкій вѣтерокъ дулъ въ спину. Одѣты мы были въ простое пальто, но заботливый Дурихъ не забылъ бросить намъ шубу на ноги, и мы ѣхали, не чувствуя обычнаго саннаго спутника—озноба. Шоссе шло вдоль той же Изеры, поодаль отъ желѣзной дороги; въ двухъ мѣстахъ мы ее пересѣкли. По обѣимъ сторонамъ тянулись горы; налѣво — голыя, отвѣсныя скалы Межско своею черной наготой рельефно выдавались среди общаго бѣлаго фона—земли и неба; падалъ снѣгъ, небо было заволочено бѣлесоватыми тучами. На этихъ скалахъ крѣпко держались въ 1866 году австрійцы—чешскіе „мысливцы", стрѣлки; но пруссаки вскарабкались, какъ кошки, и прогнали ихъ. Село слѣдовало за селомъ на разстояніи самомъ близкомъ, какъ это обыкновенно въ загроможденной людьми Чехіи; мѣстами высились черныя, закопченныя трубы фабрикъ, заводовъ. Все это давало чувствовать, что мы не на Руси, все разрушало иллюзію. Не русскій зимній пейзажъ былъ видѣнъ и въ деревьяхъ, которыми было обсажено шоссе: деревья были сливовыя; не имѣя свободной земли, чехъ разбиваетъ садъ по обочинамъ шоссе, и не хозяинъ не коснется чужаго дерева.

Черезъ часъ ѣзды, въ снѣжной дали изъ-за горъ показались высокіе шпицы старыхъ церковныхъ башенъ Турнова, а черезъ полчаса мы были уже въ гостинницѣ „U Petrohrada", т. е. Петербургской. Въ громадной общей комнатѣ ресторацiи стояли бильярдъ, столы вдоль стѣнъ у сплошныхъ дивановъ, по обычаю нѣмецкому. По угламъ сидѣли группы людей, тянули пиво и играли въ карты. Въ одной изъ группъ слышался рѣзкій счетъ—пятьдесятъ, шестьдесятъ, на ломанномъ чешскомъ языкѣ, и съ комическимъ произношеніемъ: по шепелеватому выговору звука с, по замѣтному затрудненію справиться съ чешскимъ мягкимъ дь, чтобы не перешло оно въ дзь, легко было догадаться, что считавшій былъ полякъ, какъ-то занесенный въ глушь Чехіи. Дѣйствительно, это былъ, какъ сообщилъ хозяинъ, повстанецъ 63-го года, бѣжавшій изъ Россіи. Полякъ этотъ тотчасъ же догадался, что вошедшіе (мы) не всѣ чехи и спросилъ хозяина—не поляки ли, и, очевидно, получилъ отрицательный отвѣтъ. Нѣсколько разъ онъ вставалъ, дѣлалъ рекогносцировку мимо насъ, видимо желая заговорить; но его красный носъ, какое-то растрепанное выраженіе лица—заставляли насъ быть сдержанными.

Ровно въ два часа подъѣхалъ капланъ изъ Ровенска за нами. Капланъ—это помощникъ приходскаго священника, „велебный панъ", „велебничекъ", какъ онъ титулуется въ народѣ, въ противность „милость-пану", настоящему, полномочному духовному отцу. До зари оставалось часъ-два; старикъ-деканъ, Чермакъ, насъ ждалъ, надо было торопиться: дорога санная и шоссе, но уже въ горахъ,—требовала не менѣе 1½ часа доброй ѣзды, которая не по сердцу чеху—

у него конь побѣжитъ шаговъ двадцать и тпру—шажкомъ. Самъ велебный панъ, красивый молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, съ тонкими чертами лица, даже съ тонкимъ носомъ (что такъ рѣдко у чеховъ, у которыхъ носъ имѣетъ фигуру пуговки, „кнофлика“, хвостомъ внизъ), сѣлъ править парой бойкихъ лошадей декана. Настоящій же кучеръ, Вацлавъ, флегматикъ и философъ (какъ обнаружилось послѣ), лицомъ похожій болѣе на обезьяну, не соотвѣтствовалъ шаловливому нраву молодыхъ лошадей, и потому умѣнье велебнаго пана было кстати.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были за заставой Турнова. Это небольшой, но очень древній городокъ, съ старою величественною церковью на горѣ—на крайнемъ сѣверѣ чешской земли; далѣе за нимъ уже нѣмецкіе города — Либерецъ (Reichenberg), Friedland, еще немного далѣе—и сама мать-Германія. Замѣчательно число писателей, которое далъ чешской литературѣ и наукѣ маленькій Турновъ. Назову однихъ писателей конца прошлаго и начала нашего столѣтія: Дурихъ, оба Томсы, еще живой Ант. Марекъ—все это первые будители чешскаго народнаго духа, первые дѣятели эпохи воскресенія. Изъ Турнова и чешскій переводчикъ Пушкина, талантливый, но умершій очень молодымъ, священникъ Вацлавъ Бендль († 1859).

Изъ города дорога пошла сейчасъ же въ гору, а затѣмъ широкой долиной межъ горъ и отвѣсныхъ песчаныхъ скалъ (на-право), ровныхъ, словно высѣченныхъ рукой человѣка, и стоящихъ рядомъ одна за другой, будто солдаты. Эти болваны — природные идолы, истуканы. Мы были въ сѣверныхъ частяхъ Кырконошъ, „Краконошъ“, какъ ихъ называютъ здѣсь, хребта, составляющаго естественную границу между Чехіей и Пруссіей. Шоссе шло по отлогостямъ горъ съ-лѣва; то голыя, то поросшія лѣсомъ скалы съ-права, круто спускались въ долину. Межъ скалъ виднѣлись села, поселки, старые и новые замки. У самаго шоссе попадались одиночныя помѣщичьи усадьбы, „дворцы“, неуклюжія, широкія строенія въ два этажа, постройки XVII и XVIII столѣтій, съ непремѣнными гербами на воротахъ. Велебный панъ правилъ умѣло, кобылицы несли быстро, и быстро миновали мы замокъ Вартенберкъ, необыкновенно живописныя и цѣлительныя Седмигорскія „лазни“ (собственно баня, т. е. вообще лѣтнее лѣчебное мѣсто), у нѣмцевъ Вартенберкъ, въ сосновомъ бору, межъ скалъ-великановъ, Грубую-Скалу, съ поновленнымъ замкомъ и старою церковью, и, наконецъ, показался въ полномъ своемъ величіи рѣдкой красоты старый, полуразрушившійся замокъ Троски, взгнѣздившійся на двухъ пирамидальныхъ скалахъ изъ порфира. Вдали, словно въ облакахъ, Троски были видны еще у самаго Турнова. Не легко представить себѣ что нибудь величественнѣе Тросокъ. Словно орелъ, взобрался замокъ на отвѣсный одиночный верхъ горъ, размѣстился на ея двухъ скалахъ, соединивъ ихъ поперечными стѣнами, и упирается въ облака. Съ одной только, Турновской, стороны онъ доступенъ; съ остальныхъ—отвѣсный гре-

бень. Каждая изъ двухъ скалъ-башенъ имѣетъ въ народѣ свое имя: на-право, меньшая, Баба, на-лѣво, бо̀льшая, Дѣва. Время и человѣкъ полуразрушили Бабу, но Дѣва устояла: она неприступна давно человѣку. Замокъ, несомнѣнно, относится къ первымъ замковымъ постройкамъ въ Чехіи, слѣдовательно такъ—ко второй половинѣ XIII столѣтія. Громадность, прочность его, вѣроятно, обусловлены и близостью земской границы. Въ Гуситскую войну Троски были взяты „божьими воинами“; замокъ пострадалъ и съ тѣхъ поръ онъ необитаемъ—четыре вѣка съ половиной онъ—мерзость запустѣнія; съ тѣхъ поръ высокая скала на-лѣво стала Дѣвой, тогда какъ на скалу Бабу и мѣстный любознательный житель, и захожій туристъ, съ трудомъ, рискуя ежеминутно свалиться, съ ломающимся подъ ступнею порфиромъ, вскарабкивается. По разсказу возницы—велебнаго пана—внутри замка есть погреба, подземные ходы. Можетъ быть, тамъ тлѣетъ, среди вѣковаго мусора, какой нибудь свидѣтель старой жизни—оружіе, пергаменный листокъ или даже рукопись; но всѣ попытки предмѣстника нашего „велебнаго пана“ проникнуть въ эти подземелья были напрасны. Свилъ себѣ суровый человѣкъ суровое гнѣздо на глухомъ верху подъ облаками, подальше отъ людей, чтобъ тѣмъ легче владѣть своей добычей — беззащитнымъ человѣкомъ долины, и гуситы, „божіи воины“, какъ они по праву себя называли, не были варварами, когда не щадили всѣхъ этихъ мрачныхъ гнѣздъ гнета, какъ бы величественны они ни были своею внѣшностью и тогда, какъ сегодня...

Приблизившись къ Троскамъ, мы достигали цѣли нашего путешествія—Ровенска. Но прежде, чѣмъ мы оставимъ роскошную долину Турновъ—Троски, еще нѣсколько словъ посвятимъ ей—историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ ней.

Черезъ полгода, въ іюлѣ 1875 года, я сдѣлалъ вторично тотъ же путь—Болеславь—Турновъ, пробираясь въ Лужицы, въ Саксонію. Своротилъ и въ долину Турновъ—Троски, и въ Ровенско. Гдѣ ѣхалъ, гдѣ шелъ пѣшкомъ. Пѣшкомъ обошелъ Вартенберкъ, съ его „лазнями“, этотъ модерный монастырь для уврачеванія плоти, гдѣ лѣчатся не только водными купаньями, но и воздушными. Эти воздушныя ванны просты: въ роскошномъ сосновомъ лѣсу, въ удольѣ межъ скалъ, полномъ аромата, на припекѣ, лежатъ больные нагишомъ, часъ-другой, въ одномъ мѣстѣ женщины, въ другомъ мужчины,—ну, совершенно современные адамиты эпохи послѣгуситскихъ войнъ. Обошелъ и скалы-гренадеры на Грубой-Скалѣ. Не знаю, есть ли гдѣ уголокъ земли, болѣе завлекательный, роскошный, чѣмъ долина Турновъ—Троски; безъ прибавленія, райскій уголокъ. Съ „велебнымъ паномъ“ взлѣзали на самыя Троски, на Бабу. Съ высоты скалы роскошная долина и ея продолженіе къ Ичину была предъ нами какъ на ладони; а на горизонтѣ къ сѣверу подымалась пирамидой гора Бездесъ, съ развалинами своего замка. Но чехи еще недовольны

рѣдкимъ богатствомъ своей природы. Они ищутъ отъ нея и исторического аттестата.

И роскошная Груба-Скала, и величественныя Троски связаны съ одной изъ поэмъ знаменитой Краледворской рукописи—„О разбитіи саксонцевъ", пробравшихся было украдкой, нашей долиной, только съ сѣвера, подъ самыя Троски:

„Длугым тагем нѣмци тагу
А су нѣмци сасици,
От Згорѣльских дрѣвних гор
В наше краины".

Уничтоживши все по пути, они

„Далѣ к Троскам йду"...

Но не далѣе. Они подошли къ Троскамъ, когда сейчасъ же впереди ихъ въ лѣсу, у Грубой-Скалы, Бенешъ,—надо полагать, панъ этого владѣнія или замка, собралъ своихъ крестьянъ, чтобы встрѣтить и дать отпоръ врагу:

„Случехусе кметшти люде
В лѣсѣ под Грубу-Скалу"...,

и прогнали врага.

По объясненію всѣхъ комментаторовъ этой поэмы Краледворской рукописи, событіе, послужившее предметомъ произведенія, составленнаго тотчасъ же по горячимъ слѣдамъ разбитыхъ „сасиковъ", относится къ 1203 году, хотя не могу не замѣтить, что у Палацкаго, въ его „Судьбахъ чешскаго народа" (т. I, часть 2-я, 116), событіе просто излагается на основаніи поэмы, вмѣсто того чтобы подъискать, позволю выразиться, оправдательнаго документа для сюжета, въ родѣ того, какой предлагается южно-русской лѣтописью (ипатьевской) для нашего безсмертнаго „Слова о полку Игоревѣ". Высокочтимый русскій толкователь чешской поэмы, г. Н. Некрасовъ, говоритъ ясно, что содержаніе этой пѣсни такъ вѣрно соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ, чувство, которымъ она проникнута, отличается такою правдою, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта пѣснь сложилась вскорѣ послѣ самаго событія; поэту вполнѣ были знакомы и и событіе, и мѣстность, на которой оно происходило" [1]). Въ послѣднихъ словахъ, если не ошибаемся, имѣется въ виду указаніе въ поэмѣ именно на Троски, Грубую-Скалу, такъ какъ кромѣ этихъ двухъ топографическихъ именъ, да, въ самомъ началѣ, горъ Згорѣлецкихъ, съ неудачнымъ эпитетомъ „древнихъ", въ поэмѣ другихъ мѣстныхъ указаній нѣтъ.

Итакъ, событіе самаго начала XIII столѣтія, и поэма того же времени. Тогда (1203) слѣд. существуютъ уже и замокъ Троски, и Груба-Скала, при видѣ которыхъ и простой туристъ, безъ всякаго поэтическаго склада, невольно умиляется... Кто нѣсколько съ поэтиче-

[1]) Краледворская рукопись, трудъ Н. Некрасова. Спб. 1872, стр. 340.

ской душей—они родникъ вдохновенія. Что подъ „Грубой-Скалой“ комментаторы Краледворской рукописи понимаютъ не только мѣстность, но именно замокъ этого имени (что теперь—новой постройки, у бароновъ Эренфельдовъ), видно изъ словъ г. Некрасова: „Ичива Скала—замокъ, расположенный на дикой (!) песчаной возвышенности, принадлежавшій, вѣроятно, Бенешу“ (стр. 341). Не иначе толкуются и Троски: „извѣстныя развалины замка и скалы, на что указываетъ самое значеніе слова Trosky, говоритъ тамъ же г. Некрасовъ (приводя здѣсь слова чеха Гануша), съ миѳическими (! гдѣ основаніе !) именами обѣихъ его особенно выдающихся высотъ—Baba и Dêva, которыя указываютъ на нѣкогда бывшія знаменитыя святилища (!), такъ какъ въ славянской миѳологіи поименованные миѳическіе образы относятся другъ къ другу, какъ, пожалуй, Церера къ Прозерпинѣ“.

Попытаемся оставить миѳологическій пріемъ и обратимся къ фактической исторіи. Именно категорическія указанія поэмы Краледворской рукописи на современное воспѣваемому событію существованіе Тросокъ и Грубой-Скалы, и еще замковъ, подъ этими именно именами, наводятъ меня на разныя размышленія.

1203 годъ—воспѣваемое побіеніе „сасиковъ“; тогда же появляется поэма, а уже раньше этого времени существуютъ наши Троски, какъ Троски, и Груба-Скала, какъ Груба-Скала—все это не складывается у меня въ гармонію.

Предварительно—общеизвѣстный фактъ: первые замки въ Чехіи стали строиться только въ половинѣ XIII вѣка, а не въ половинѣ XII, какъ слѣдуетъ полагать, чтобы къ 1203 году существовали и Троски, и Груба-Скала, какъ замки. Читатель прочтетъ объ этомъ хоть у г. Пыпина, и въ первомъ изданіи „Исторіи славянской литературы“.

Но согласимся, что только толкователи Краледворской рукописи говорятъ о замкахъ Троски, Груба-Скала; въ самой же поэмѣ называются просто мѣстности—городища ли, поселенія, все равно. Поэтому, оставимъ наше первое недоразумѣніе въ сторонѣ, и пойдемъ дальше.

Раскроемъ вторую часть 1-го тома Палацкаго „Судебъ чешскаго народа“. Тамъ, въ четвертомъ приложеніи (1-ое изд., отъ стр. 369), мы найдемъ обстоятельный списокъ населенныхъ мѣстъ старой Чехіи до половины XIV столѣтія, тщательно составленный знаменитымъ исторіографомъ на основаніи оффиціальнаго описанія пражской архіепископіи, сдѣланнаго архіеп. Арноштомъ между 1244 и 1350 годами, и пополненнаго самимъ Палацкимъ указаніями изъ ставленныхъ книгъ—„Erectiones„ и „Confirmationes“, того же стараго времени. Въ этомъ церковномъ схематизмѣ стараго чешскаго королевства („схематизмъ“ въ западной церкви—это по-нашему памятная книжка) и до половины XIV вѣка—подробно исчислены всѣ села каждаго

деканата (благочинія), но—увы! мы напрасно бы искали въ деканатахъ Ичинскомъ и Турновскомъ (стр. 386 и 383) именъ: Троски, Груба-Скала... А между тѣмъ, среди поселеній Ичинскаго деканата мы найдемъ и Ровенско (куда мы ѣдемъ), и Либунь (куда поѣдемъ). А Ровенско и Либунь сейчасъ у самыхъ Тросокъ. Замѣтимъ, что такія ничтожныя поселенія, что въ окружности теперь Младой-Болеславы, какъ напр. Bakov, Kosmonosy—и тѣ мы найдемъ въ упомянутомъ схематизмѣ, въ Болеславскомъ деканатѣ (стр. 382), а это говоритъ о живучести вообще старыхъ поселеній въ Чехіи и ихъ названій.

Не нашли мы искомыхъ именъ и въ седьмомъ приложеніи тамъ же, у Палацкаго: „Начала чешской генеалогіи и топографіи" (451, сл.). Нѣмецкое имя Грубой-Скалы, Wartenberch, встрѣчается впервые въ грамотѣ 1283 г.: „Benessins de Wartenberch" (стр. 472).

Такимъ образомъ, наше второе недоумѣніе основывается на недоказанности существованія Тросокъ и Грубой-Скалы, подъ этими именами, современнаго воспѣваемому побіенію „сасиковъ"—въ 1203 году. Можетъ быть, правильнѣе сказать—на недоказуемости, а не на недоказанности...

И въ извѣстной апологіи Краледворской рукописи братьевъ Иречковъ (1862 г.) ничего нѣтъ о хронологіи именъ: Trosky, Hruba-Skala, хотя о самомъ героѣ Бенешѣ говорится много.

Но оставимъ чешское догматическое ученіе, что поэма Краледворской рукописи съ Тросками и Грубой-Скалой составлена въ 1203 году, соглашаясь, однако, съ тѣмъ, что поэту, автору поэмы, вполнѣ была знакома мѣстность, на которой происходило событіе поэмы: она составлена для насъ въ неизвѣстное время. Съ котораго же времени имя Trosky, какъ имя величественныхъ развалинъ на Бабѣ и Дѣвѣ, можетъ вести свою не миѳическую исторію?

Передъ нами два факта:

1) Зàмокъ, что теперь Trosky, по своей грандіозной, циклопической постройкѣ (обращаю вниманіе на сторону, обращенную къ Либуню, къ пути, по которому шли „сасики" въ 1203 году), принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ этого рода, но не старѣе второй половины XIII вѣка.

2) Въ Гуситскія войны замокъ палъ, былъ разрушенъ, пострадалъ.

Что же такое имя Trosky, что значитъ оно? Мы видѣли, что уже чешскій комментаторъ, пок. Ганушъ, вѣрно толковалъ, что самое слово Trosky, какъ нарицательное, значитъ просто развалины, и сама форма Trosky именно множ. числа, отъ именительнаго ед. troska—развалина, глаголъ troskotati—валить и пр. Но, протолковавъ вѣрно имя, Ганушъ остановился и не сдѣлалъ единственно возможнаго заключенія для хронологіи названія замка Trosky: какъ день ясно, что зàмокъ могъ быть названъ Trosk'ами, т. е. развалинами, не раньше превращенія своего въ развалины, какія мы имѣемъ и въ на-

стоящій день. Иначе, чтобы съ самаго своего основанія, такъ—съ половины XIII вѣка, грандіозный, солидный замокъ сталъ называться развалинами—возможно только въ миѳологіи.

Если наше недоразумѣніе при Troskach въ 1203 году имѣетъ нѣкоторое основаніе, то тогда нѣсколько понятенъ и тотъ фактъ, почему мы этого топографическаго имени не находили и не могли найти въ топографіи старой Чехіи, именно, въ деканатѣ Ичинскомъ, тогда какъ нашли сосѣдей Тросокъ—и Ровенско, и Либунь. Замокъ (и мѣстность, поселеніе) Trosky, до обращенія своего въ развалины, т. е. въ Trosky, долженъ былъ слыть подъ инымъ именемъ. Ужъ не Belohvad-ли, при которомъ имени у Палацкаго (op. cit., 386) вопросительный знакъ, по близнѣ громадныхъ стѣнъ величественнаго нѣкогда замка? Снова обращаю вниманіе на лицевую сторону, смотрящую на Либуньскую долину. Когда же неизвѣстный намъ своимъ именемъ замокъ прозвался въ народѣ Тросками, т. е. развалинами, тогда только могла, по нашему убѣжденію, одну часть этихъ развалинъ—скала мѐньшая—получить имя Baba—т. е. взлѣзаемая скала, другая — Deva, т. е. недоступная. Понятно, насколько въ этихъ двухъ именахъ мы имѣемъ миѳологическаго элемента! Ср. имя Jungfrau въ швейцарскихъ Альпахъ. Припомню и названія въ Альпахъ Краины, у словенцевъ: съ роскошнаго Бледскаго озера (у нѣмцевъ Feldes) виднѣется, какъ бы въ двухъ шагахъ, высочайшая вершина этихъ Альпъ—Triglau, по-нѣмецки Terglau (передѣлка изъ славянскаго), т. е. Три головы, такъ какъ вершина состоитъ, дѣйствительно, изъ трехъ бѣлыхъ усѣченныхъ конусовъ, на подобіе головъ, а тутъ же на-лѣво, у берега самаго озера, высится громадная скала—Babi zôb, т. е. Бабій зубъ: форма ея напоминаетъ зубъ, и громадный. По нашему убѣжденію, и въ именахъ Triglav, Babi zôb, нѣтъ ничего миѳологическаго, и нѐ-зачѣмъ соблазняться божествомъ Триглавомъ въ Олимпѣ полабскихъ (прибалтійскихъ) славянъ.

Такимъ образомъ, величественныя Троски, у которыхъ мы своротили на-лѣво въ Ровенско, невольно занесли насъ на историко-литературную почву, подвели къ тяжкому вопросу о времени и обстоятельствахъ появленія знаменитой чешской рукописи—Краледворской. Нашъ экскурсъ приводитъ къ сомнѣнію о рожденіи поэмы „Бенешъ Германовъ“ или „Побитіе Сасиковъ“ въ 1203 году. Но возможно, конечно, что Краледворская рукопись—поздняя копія съ затеряннаго оригинала и копія съ передѣлками; но копія—не старѣе обращенія Тросокъ въ троски, развалины, которыя и не поэта настраиваютъ на поэтическій ладъ...

Что касается, наконецъ, хронологіи имени Hrubà-Skala, то его документы еще менѣе разборчивы. Дѣйствительно, слово hrubỳ въ мѣстномъ нарѣчіи чешскаго языка синонимъ velkỳ—большой. Но переходъ значенія отъ признака качества — грубый, неоформенный, къ признаку количества — большой, едва ли очень старъ. Какъ-то ду-

мается, что этотъ переходъ совершился не безъ вліянія нѣмецкаго сосѣдства—нѣмец. слова stark (ср. выраженіе starker Band—чешскому gruby dil), а нѣмцы—сосѣди чеховъ При-изерскаго и Ровенскаго края.

II.

Ровенско.

У самаго подножья Тросокъ мы оставили широкое, „дозаржскé“ шоссе и своротили влѣво, на узкое, деревенское—къ Ровенску (старое и оффиціальное названіе—Tyn nad Rovenskem“, т. е. крѣпость, городище, надъ поселеніемъ, чтó на равнинѣ; такихъ тыновъ въ Чехіи много; само слово отъ кельтовъ, у которыхъ dunum—тынъ).

Черезъ четверть часа мы въѣхали въ Ровенско. Грязныя, маленькія деревянныя избы, изъ срубовъ какъ на Руси, въ перемежку съ каменными, одно-этажными и двухъ-этажными домами, непремѣнная высокая башня радницы на площади, съ непремѣнной статуей Божіей Матери посреди ея,—все это указывало, что Ровенско не село, не городъ. Дѣйствительно, Ровенско числится среди „мѣстышей“, т. е., по нашему, мѣстечко. Мѣстечко, раскинувшееся крайне неправильно въ ложбинѣ межъ горъ, занимаетъ большое пространство. На сѣверномъ концѣ его стоитъ старая небольшая церковь въ обыкновенномъ готическомъ стилѣ, реставрированная, какъ гласитъ надпись надъ входомъ, въ концѣ XVI вѣка, слѣдовательно въ своемъ первоначальномъ видѣ свидѣтельница и Гуситскихъ войнъ. Около нея „фара“, т. е. двухъ-этажный церковный домъ для причта: приходскаго священника, „фараржа“ — отца декана, Яна Чермака, и его помощника, каплана, нашего любезнаго возницы.

Мы подъѣхали къ крыльцу фары, когда только начало смеркаться. Было около 4 часовъ. Какъ разъ вó-время.

Въ сѣняхъ насъ встрѣтила выбѣжавшая изъ кухни „господыни“—хозяйка, худая женщина лѣтъ 40—45. Въ кухнѣ все было готово къ „вечерѣ“ съ первой звѣздой,—очевидно, она съ нетерпѣніемъ ждала нашего пріѣзда. Поясню, что „господыни“—это безотлучная спутница дома католическаго священника, человѣкъ необходимый сколько для веденія обширнаго хозяйства „фары“, столько и для призрѣнія, особенно на случай болѣзни, того, кто вынужденъ вести до конца дней своихъ неуютную, одинокую жизнь. По уставу, право имѣть на фарѣ „господыню“ пріобрѣтаетъ священникъ не моложе 40 лѣтъ. Вотъ почему молодые священники—капланы—живутъ на фарѣ, на хлѣбахъ, безъ своего хозяйства, бездомны. „Господыни“—это особый типъ женщины, выработанный издавна историческими условіями, женщины, отъ которой требуется извѣстная жертва. Насколько мнѣ случалось встрѣчаться съ „господынями“, все это были женщины добрыя, кроткія, радушныя, къ жизни нетребовательныя; такова была,

какъ оказалось позже, и ровенская „господыни". Мѣстная, чешская беллетристика, къ сожалѣнію, почти еще не обратила вниманія на этотъ достойный изученія типъ.

Поздоровавшись съ „господыней", мы поспѣшили представиться декану. Деканъ сидѣлъ въ столовой, гдѣ ожидалъ насъ накрытый столъ. Старикъ лѣтъ за 60, крѣпкаго сложенія, умѣренно-полный, съ большою головой и крупными чертами лица. Сейчасъ было ясно, что изъ семьи—не чеха городскаго, всегда изможденнаго. При видѣ насъ, онъ пошелъ на встрѣчу и съ доброй улыбкой привѣтствовалъ насъ. По обычаю, дважды облобызались (чаще же, только трутся щеками).

Какъ всегда бываетъ при первомъ знакомствѣ, разговоръ пошелъ туго; но минутъ черезъ пять господыни попросила на „вечерю" „щедраго вечера"; старикъ прочелъ молитву и мы размѣстились. И пошло кушанье за кушаньемъ, начиная съ „поливки" (супа). Конечно, все было постное, т. е. рыбное, но на коровьемъ маслѣ, и масса мучнаго. Уже за вторымъ блюдомъ мы были пресыты; но угощенье хозяина, рекомендація господыни каждаго новаго кушанья—и мы ѣли до невозможнаго. Неизмѣнныя „ваночки" заключили вечерю. Затѣмъ явился чай, и настоящій отъ К. и С. Поповыхъ, и мы учили старика, какъ приготовлять и пить его безъ рома. За ѣдой и бесѣдой прошло ровно шесть часовъ: былъ одиннадцатый часъ, когда мы, наконецъ, встали отъ старославянской вечери подъ Рождество. Вспомнимъ русское гостепріимство, хоть подчиванье въ день Пасхи, законъ гостепріимства у балтійскихъ славянъ, и увидимъ ясно, что живъ еще, непорушенъ славянскій духъ въ чехѣ на селѣ, несмотря на не гармонирующее съ этой чертой широкой натуры вліяніе его нѣмецкаго сосѣда. Ровно въ полночь должна была начаться церковная служба Рождества: мы оставили декана, давъ слово непремѣнно быть въ церкви. Намъ были отведены комнаты хозяина во второмъ этажѣ.

Въ половинѣ 12-го заблаговѣстили; деканъ съ капланомъ пошли въ церковь, а вслѣдъ за ними и мы.

Уже съ раннихъ сумерекъ ровенская церковь наполнялась праздничнымъ народомъ. Когда еще мы подъѣзжали къ фарѣ, церковь была ярко освѣщена; около толпилась масса народа; изъ церкви неслось многоустное хоровое пѣніе. Понятно, къ 12-ти часамъ эта масса увеличилась. Съ трудомъ пробравшись по узенькой тропинкѣ межъ снѣжныхъ стѣнъ отъ фары къ церкви, мы попытались было проникнуть внутрь, но напрасно: старая небольшая церковь (сосѣднія села хотя и приписаны къ другимъ приходамъ, но жители идутъ въ мѣстечко) не вмѣщала молящихся — молодежь наполняла входъ и стояла въ снѣгу. Торжественная полночная служба въ воспоминаніе минуты Рождества уже началась; гремѣлъ органъ; слышались и мелодичные сильные звуки какъ бы цѣлаго оркестра. Пришлось поискать броду на хоры, къ органу; по деревянной, ветхой лѣстничкѣ кое-какъ

взобрались. На хорахъ было полно. Около органа мы увидѣли цѣлый оркестръ музыкантовъ, своихъ же, изъ мѣстечка: и скрипки, и віолончель, и басъ, и трубы,—человѣкъ 12. За органомъ сидѣла дочь мѣстнаго учителя. Мнѣ менѣе всего думалось, что я въ эту минуту въ церкви—такова сила привычки.

Въ минуту нашего входа въ церковь, оркестръ исполнялъ какой-то торжественно-веселый концертъ. Хоръ пѣвчихъ—мужчины и женщины—сопровождалъ его. И музыка, и пѣніе, тономъ своихъ звуковъ подготовляли предстоящихъ къ торжественной минутѣ, когда, по знаку священника, вся церковь огласится радостнымъ кликомъ—„Христосъ родился!" Въ пѣніи слышались веселые звуки, музыкальный ладъ—быстрый. Слышался напѣвъ, мелодія народной пѣсни. Мнѣ чудилась и русская пѣснь. Я не ошибался въ близости церковной и народной пѣсни—напѣва.

Но вотъ оркестръ смолкъ, хоръ не слышенъ, одинъ органъ продолжалъ играть. Началось пѣніе соло—теноръ и сопрано. Напѣвъ—продолженіе перваго; но словъ разобрать я не могъ. Но пѣсня была чешская, не латинская. Деревенскіе солисты, въ сознаніи важности своей роли въ ту минуту—ихъ слушаетъ тысячеголовая толпа,—напрягали, вытягивали свои шеи что есть мочи; но немногіе имъ внимали: по угламъ, то тамъ, то здѣсь, дремали и спали. Наконецъ, и солисты, и органъ умолкли: наступила давно ожидаемая минута въ рождественской полунощницѣ. Служитель алтаря подалъ знакъ, и всѣ предстоящіе, старики, дѣти, мужчины, женщины, все, что дремало, спало по лавкамъ вдоль стѣнъ, по угламъ хоръ, мгновенно поднялось, встрепенулось, и старые своды огласились звуками радостнаго хоральнаго гимна изъ тысячи устъ:

„Народил се Кристус Пан,
Радуйме се!
З руже квитек выквѣтноул,
Весельме се!
З живота чистéго,
З роду кра̀ловскéго,
На́мъ, на́мъ народил се;
Іенж (который) пророкован јест,
Радуйме се!
Тен (тотъ) на свѣтъ посла́н јест,
Весельме се!
З живота чистéго", и т. д.

Правда, въ этомъ дружномъ хоралѣ сотенъ голосовъ слышались сиплые голоса стариковъ, старухъ, визгъ дѣтей; но этотъ диссонансъ не замѣчался при видѣ величественной картины народнаго христіанскаго торжества, когда вся масса, съ самымъ искреннимъ чувствомъ возвышеннаго религіознаго восторга, едиными усты пѣла отъ дѣдовъ и прадѣдовъ унаслѣдованный гимнъ Спасителю міра. Я невольно перенесся въ первые вѣка христіанства, въ эпоху Амвросія, или Гри-

горія Двоеслова, который въ простотѣ унисонной музыки своей обѣдни („григоріанской“, съ ней я познакомился въ Прагѣ, въ церкви св. Войтѣха) трогательно и мощно умѣлъ выразить преданность Христу первыхъ христіанъ. Я понялъ практическое значеніе, въ народномъ обиходѣ, западной церкви, ея всегдашнее стремленіе указать мѣсто и массѣ въ самой службѣ церковной.

Съ этимъ гимномъ на устахъ молящіеся стали тихо выходить изъ церкви—полунощница окончилась. Спустившись съ хоръ и ожидая своихъ хозяевъ, мы остановились у входа и пропускали мимо себя поющихъ: ихъ было далеко за тысячу.

Ровенская полунощница познакомила меня съ деревенской церковной пѣснью и музыкой чеха — этимъ эмбріономъ чешской пѣсенной и музыкальной славы во всѣхъ концахъ міра. Въ мотивахъ церковныхъ мнѣ чуялась народная пѣснь. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи чешскаго музыкальнаго имени одно обстоятельство интересно — это взаимная связь церкви и народной пѣсни, народнаго мотива, идущая изстари. Знакомство съ старочешскими католическими „Канціоналами“ („Канціоналъ“ — въ родѣ нашего требника, октоиха) показало, что въ XIV вѣкѣ, въ эпоху Карла IV, въ церкви господствовалъ старый григоріанскій напѣвъ, поражающій и современнаго слушателя своей величавой простотой и силою чувства; столь гармонирующей съ возвышенностью духа христіанина первыхъ вѣковъ. Однообразныя, но мелодическія, пѣснопѣнія Канціонала папы Григорія Великаго (нач. VII в.), полныя чувства скорби, радости, надежды, пришлись по сердцу чешскаго человѣка, напомнили ему его любимые мотивы, и церковная пѣсня, мелодія, сдѣлалась народной. Обычай церкви—предоставлять народу широкое участіе въ дополнительныхъ и вечернихъ службахъ церковныхъ, конечно, помогъ этой популяризаціи церковныхъ мотивовъ. Переходъ совершился легко, ибо въ григоріанскомъ напѣвѣ было какъ бы повтореніе народнаго. Церковный напѣвъ вошелъ въ народъ; съ другой стороны, народъ, активно участвуя въ церковной службѣ, не могъ не внести въ церковный обиходъ и мелодій своихъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, григоріанскій Канціоналъ вліялъ на развитіе пѣсенности въ народѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на развитіе его музыкальности, такъ какъ пѣсня шла вмѣстѣ съ музыкой. „Изъ григоріанскаго напѣва развилась самостоятельная чешская церковная музыка“, говоритъ извѣстный историкъ музыки, d-r Ambros.

Музыка, какъ мы видѣли въ ровенской церкви, тѣсно связана съ церковной службой. Отсюда естественное стремленіе каждой церкви имѣть оркестръ изъ своихъ прихожанъ. Намъ неизвѣстны судьбы первыхъ церковныхъ попытокъ привлечь людей изъ народа къ участію въ церковной музыкѣ; но онѣ не могли быть безъ успѣха. Уже „Братрская Община“, сохранившая многіе обычаи своего непріятеля—католической церкви—сохранила и музыку: ея Канціоналы указываютъ на существованіе оркестровъ при „братрскихъ сборахъ“ (молитвенныхъ

домахъ); слѣдовательно, такіе же оркестры были и у католиковъ. Возьмемъ, напр., братскій Канціоналъ 1572 года, въ „Младой Болеслави", съ богатыми иллюстраціями. Какъ пояснительное введеніе въ Канціоналъ, на первой же страницѣ нотнаго текста—изображеніе оркестра ангеловъ: ихъ девять; одни изъ нихъ поютъ, другіе играютъ — на скрипкѣ, арфѣ, гитарѣ, контрбасѣ и органѣ. Иллюминаторъ желалъ показать, что какъ пѣніе, такъ и музыка, въ церкви необходимы, освящены свыше. Этотъ рисунокъ, конечно, есть списокъ съ дѣйствительности: музыкальные инструменты, какіе на рисункѣ, употреблялись и „Общиной", и католической церковью. Раннее существованіе деревенскихъ церковныхъ оркестровъ, въ родѣ ровенскаго, или что въ Канціоналѣ 1572 года,—несомнѣнно. Слѣдовательно, можно думать, что очень рано церковь занялась музыкальнымъ воспитаніемъ народа. У насъ съ трудомъ формируются жалкіе пѣвческіе хоры въ большихъ городахъ, а въ ничтожномъ чешскомъ мѣстечкѣ — готовый оркестръ. Нельзя не думать уже изъ этого, что употребленіе оркестровъ церковью въ Чехіи имѣетъ весьма старую исторію. Замѣтимъ, что церковь и крейцера не тратитъ на своихъ музыкантовъ—она открываетъ имъ только средство практиковаться. И, несмотря на то, эти истинные „любители" неутомимы въ своей службѣ церкви, чести ради: около часу окончилась полунощница, а на другой день съ 7 часовъ утра и до 12 ровенскіе музыканты снова были у дѣла на цѣломъ рядѣ обѣденъ, вечеромъ опять на „нешпорѣ" (вечернѣ), на третій день—служба св. Степану... Эти даровые, но весьма дорогіе служители церкви довольствуются лишь тѣмъ заработкомъ, что получатъ при похоронахъ, свадьбѣ и другихъ обрядахъ. Не на иныхъ началахъ должны были существовать любительскіе оркестры и въ старину.

Церковь въ Чехіи благопріятно дѣйствовала на развитіе пѣсенной и музыкальной способности народа; церковь была консерваторіей музыкальнаго образованія. Музыкальнымъ именемъ своимъ Чехи обязаны и своей старой церкви.

На слѣдующій день—день Рождества—мы, усталые отъ вчерашнихъ впечатлѣній, встали поздно: деканъ и велебный панъ уже отслужили по обѣднѣ, съ „кázаним"—проповѣдью. Цѣлый кувшинъ кофе, ворохъ ваночекъ, ожидали насъ въ нашей свѣтлицѣ на столѣ. Желѣзная печь нагрѣвала сильно; на дворѣ морозъ, вѣтеръ, и мы за кофе, вдвоемъ, просидѣли болѣе часу. Но вотъ стукъ въ двери, входитъ велебный панъ съ приглашеніемъ къ обѣду—изъ огня да въ полымя, подумалъ я. Дѣйствительно, было 12 часовъ — обѣденная пора. Въ столовой насъ поджидалъ почтенный деканъ въ сообществѣ праздничнаго гостя— „пана лѣснéго", т. е. лѣсничаго, старика лѣтъ за 80. Начался старочешскій обѣдъ. Блюдамъ не было числа: отъ „поливки" перешли къ говядинѣ съ „омачкой" (соусъ), къ безсчетнымъ птичьимъ соусамъ съ

„кнедликами“ (бомбы изъ тѣста), къ сладкимъ мучнымъ яствамъ, и кончили жаркимъ съ огурцами, вишнями, брусникой. Все это запивалось пивомъ, легкимъ, какъ нашъ квасъ, „обычейнымъ“. Въ заключеніе появилось жерносѣкское вино, кофе и чай. Естественно, нашъ обѣдъ протянулся ровно 4 часа. Старикъ лѣсничій повѣствовалъ намъ о войнѣ 1813 года, о Лейпцигѣ, Кульмѣ. Но интереснѣе были воспоминанія самого декана о своихъ школьныхъ годахъ. Какъ мѣстный уроженецъ, онъ учился въ Младой Болеславн, въ „нормальныхъ“ классахъ, въ 20-хъ годахъ, затѣмъ въ семинаріи. „Зубрили мы все, безъ толку, не выучивались ничему, и выпускались въ свѣтъ невѣждами, набивши лишь языкъ и руку въ латыни“, говорилъ Чермакъ. Здѣсь мнѣ припомнились разсказы моихъ пріятелей въ Галичинѣ, деревенскихъ священниковъ, какъ ихъ муштровали тѣмъ же порядкомъ въ полонизованныхъ уніатскихъ школахъ, съ тою разницей, что чешскія семинаріи хоть выучивали языку церкви; тогда какъ русскіе семинаристы, поступая на приходъ, не умѣли разбирать своего славянскаго евангелія; когда же приходилось совершать богослуженіе, то тутъ же, на книгѣ, они механически переписывали славянскій текстъ польскими буквами. Не будемъ же послѣ этого слишкомъ упрекать старую русскую семинарію... Старый деканъ изъ своей школьной жизни вспоминалъ объ одномъ съ видимымъ удовольствіемъ — объ актахъ. „Нашъ городъ (т. е. Болеславь) принималъ праздничный видъ, когда наступалъ этотъ день; вся околица съѣзжалась — старики, молодые, чтобы принять участіе. Музыка гремѣла въ залѣ, и какъ былъ счастливъ тотъ школьникъ, которому выпадала завидная доля декламировать или получить награду: онъ выступалъ подъ звуки музыки и никогда въ жизни не забывалъ этого дня“. Конечно, самъ разскащикъ долженъ былъ быть въ числѣ этихъ счастливцевъ: старикъ живо и съ удовольствіемъ велъ свой разсказъ. „Теперь все это вывелось, заключилъ Чермакъ съ сожалѣніемъ, и въ Болеслави больше не бываю“.

Святочный обѣдъ нашъ кончился при свѣчахъ. Хорошо было бы куда нибудь пройти—но на дворѣ горы снѣгу; не идется, пришлось болтаться въ комнатѣ. Но снѣгъ не препятствовалъ оживленной пѣснѣ-колядкѣ (koleda) по улицамъ мѣстечка. Живая пѣснь слышна была и изъ ближайшихъ „гостинцевъ“, и „господъ“—трактировъ или пивныхъ. Попозднѣе къ вечеру появились колядники и у насъ на фарѣ, малые и большіе, одно-и много-парные, соло и хоромъ, и пѣли свои колядочные тропари, въ которыхъ прославляли маленькаго „Іежишка“, т. е. Іисуса. Ваночки, крейцеры, ожидали колядниковъ отъ щедрой руки декана и господыни.

И въ упорномъ сохраненіи старыхъ, до-христіанскихъ обычаевъ и обрядовъ,—ваночный круглый хлѣбъ, коляда—празднованіе зимняго солнцеворота, слившагося съ Рождествомъ, и въ этихъ безконечныхъ угощеніяхъ—видно было славянство Востока и Юга и на этой далекой западной окраинѣ, и въ глуши, на межѣ нѣмецкой,

видно было, какъ русскій съ щедрымъ вечеромъ, сербъ съ своимъ баднякомъ, чехъ вырконошскій съ своимъ щедрымъ вечеромъ— дѣти одной семьи. Да не упрекнутъ меня въ поспѣшности заключенія изъ наблюденій надъ жизнью фары, слѣдовательно мѣста съ достаткомъ; — живали мы у чеховъ незажиточныхъ, и подъ кровлей седлака; бывали просто у крестьянъ (назову здѣсь хорошо знакомаго многимъ русскимъ седлака Патеру, въ сельцѣ Гудлицахъ, около Бероуна, пана лѣсничаго въ Скреи, у Раковника, и даже изъ природныхъ нѣмцевъ; назову крестьянъ такого убогаго села, какъ Тейржовицы на Берункѣ, и вскорѣ послѣ страшнаго наводненія 1872 года, и нѣсколько дней спустя послѣ пожара),—всегда и вездѣ я видѣлъ радушіе, сердечность, гостепріимство. Славянство осталось при чехѣ, хотя физическія черты измѣнили ему: черты, напр., лица мало напоминаютъ ту идеальную модель, по которой, такъ сказать, сдѣланы славяне. Красавицы-чешки—что заморская птица. Въ вопросѣ о славянствѣ чеховъ „стобашенная“ Прага, „zlatá Praha“—не масштабъ: она, какъ всякій большой городъ, живетъ на грошѣ. Чехи, какъ народъ, доселѣ вѣрны характеру своего племени, который въ наиболѣе рельефной формѣ выразился въ польской пословицѣ: „gość w dom, Bóg w dom“.

Остатокъ вечера мы провели въ игрѣ въ карты, но чешскія, съ изображеніемъ звѣрей и разныхъ пейзажей. Старикъ деканъ былъ въ веселомъ настроеніи духа, сражаясь съ нами въ „21“; шутилъ, острилъ, особенно при покупкѣ „eco“—карты съ медвѣдемъ.

Уже въ полночь оставили мы декана съ выигрышемъ въ нѣсколько крейцеровъ.

А. Кочубинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

НѢТЪ, друзья мои, еще разъ повторяю вамъ: я не могъ бы долго любить Бабету. Я стоялъ слишкомъ выше ея, и стало быть имѣлъ бы мало къ ней уваженія; создавъ самъ для себя кумиръ, я легко могъ и разбить его—и разбилъ бы въ дребезги, наскучивъ убирать его по праздничному и прикрывая пятна, вросшія въ него отъ природы и воспитанія. Не для сравненія и не для параллели скажу о моей Нѣжинькѣ, а для того только, чтобъ показать, на чемъ можетъ держаться до гроба любовь моя къ ней: на томъ высокомъ, безпредѣльномъ, благоговѣйномъ уваженіи, которое она часъ-отъ-часу болѣе и болѣе внушаетъ мнѣ своими неувядаемыми отъ времени совершенствами"...

Несмотря на привлекательность семейной жизни, она все-таки не въ состояніи была уравновѣсить всѣ непріятности, какія Аскоченскому на первыхъ же порахъ пришлось испытывать въ новой обстановкѣ.

„Это ужасъ!" пишетъ онъ подъ 12-мъ декабря. „Сидѣть въ присутствіи до половины пятаго. Терпѣнья человѣческаго не станетъ. И добро бы дѣломъ занимались, а то пересыпаютъ изъ пустаго въ порожнее и очень довольны, какъ будто рѣшили такую вещь, отъ которой зависитъ благосостояніе края. Тошно смотрѣть на эту пустоту чувствъ и мыслей и вѣрить не хочется, чтобъ всѣ эти люди въ шитыхъ золотомъ мундирахъ имѣли что нибудь въ себѣ истинно человѣческое. Это—ходячія статьи свода законовъ, статьи сухія, безсмысленныя, безусловно исполнительныя".

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VIII, стр. 502.

Или вотъ еще замѣтки о томъ же предметѣ:

„Что это за міръ, что это за люди, между которыхъ бросила меня судьба моя! Всѣ они твердятъ о благородствѣ, противорѣча изъ всѣхъ силъ дѣлами рѣчамъ своимъ; всѣ кричатъ о законахъ, забывая законъ нравственный и вопль совѣсти, вопіющей въ пустынѣ. Правительство видитъ это и уже гонитъ это безграмотное подъячество, сильное только формою закона" (20-е января 1847 г.).

„Не весело, тяжело съ этимъ окружающимъ меня людомъ. Гляжу около себя—и не вижу образа человѣческаго. Все это интриганы, жалкое подобіе того существа, которое, какъ говоритъ апостолъ, „малымъ чимъ умаленъ отъ ангелъ". Невольно приходитъ въ голову Шиллерова грустная дума, и я повторяю про себя іеремiаду истиннаго поэта, понимавшаго высокое назначеніе человѣка и оплакивавшаго его ничтожность.

„Странны настоящія мои отношенія къ товарищамъ моимъ по службѣ. Я не ихъ десятка, ни по мыслямъ, ни по направленію моей дѣятельности. Это—народъ, который готовъ торговать и честью, и совѣстью своею, если бъ то и другое у нихъ было. Являясь въ присутствіе, я гоню отъ себя всякую восторженную рѣчь, все, въ чемъ проглядываетъ истинное, благородное чувство. Я молчу и слушаю только самыя низкія, подъяческія сплетни"...

Аскоченскій самъ сдѣлался вскорѣ жертвою этихъ сплетенъ.

„Интриги поминутно растутъ, какъ тѣсто на опарѣ киснетъ. Сегодня (12-го апрѣля) я узналъ, что и вице-губернаторъ присоединился къ оппозиціонной противъ меня партіи. Вотъ странный человѣкъ! Объ немъ рѣшительно можно сказать поговорку малороссовъ: „сбывся съ пантелыку". Сначала дѣятельный, трудолюбивый, находчивый—онъ съ тѣхъ поръ, какъ поссорился съ губернаторомъ, исключительно сталъ заниматься сплетнями и дошелъ, наконецъ, до того, что началъ писать доносы и ябеды. Онъ теперь въ томъ положеніи, въ какомъ бываетъ помѣшанный, который воображаетъ, что всѣ противъ него имѣютъ злые умыслы, и потому Гайворонскій въ каждомъ ничего не значащемъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ, сказанномъ вовсе не на счетъ его, открываетъ какую либо интригу противъ себя. Запутавшись въ сплетняхъ, онъ теперь протежируетъ людей, заклейменныхъ или общимъ недовѣріемъ, или отъявленныхъ негодяевъ. Стóитъ только сдѣлаться доносчикомъ и ябедникомъ, чтобъ стать въ близкихъ сношеніяхъ съ Гайворонскимъ. Хитрый по натурѣ, какъ малороссъ, онъ думаетъ все и всѣхъ употреблять средствомъ для достиженія ему одному извѣстныхъ цѣлей, и есть люди, которые отъ души вѣрятъ въ его благонамѣренность и откровенность, между тѣмъ какъ то и другое существуетъ у него на словахъ однихъ. Трудно было мнѣ подладить подъ такой двусмысленный характеръ, но я подладилъ и по силѣ моей подлаживаю доселѣ. Но хитрецъ, однако жъ, проникъ, что я въ этомъ случаѣ дѣйствую немножко макіавелевски,

и я увѣренъ, что Гайворонскій при первой минутѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность повредить мнѣ безъ ущерба для себя, сдѣлаетъ это съ полнымъ убѣжденіемъ въ благородствѣ своего поступка.

„Нельзя позавидовать теперешней его жизни. Подозрительный, недовѣрчивый, онъ очертилъ около себя какой-то магическій кругъ, въ который допускаетъ только такихъ людей, которые или почему нибудь ему нужны, или сплетничаютъ на-пропалую. Въ обществѣ съ нимъ нѣтъ болѣе рѣчей, какъ только о поступкахъ враждебнаго ему Каменскаго, нѣтъ разсужденій, кромѣ самыхъ сплетническихъ и подъяческихъ. Еще по улицамъ бродятъ праздныя толпы, еще не умолкъ шумъ и говоръ отъ суетливаго народа, а у Гайворонскаго уже закрыты ставни и по временамъ втихомолку пробирается къ нему кто либо съ закрытымъ лицомъ, оглядывающійся подозрительно по сторонамъ. При свѣтѣ тусклаго фонаря тамъ въ кабинетѣ разсуждаютъ о мелкихъ сплетняхъ и куютъ ковы противъ ненавистныхъ ему или только заподозрѣнныхъ Гайворонскимъ людей. Ужасная жизнь! Прошу покорно подумать, каково теперь служить съ такимъ человѣкомъ! Судорожно сотрясается рука, протягиваемая къ нему при свиданіи, и искреннее чувство боязливо прячется въ глубь души, предугадывая хитрость и мертвящую холодность ожесточеннаго малоросса. Нѣтъ, опасно съ такимъ человѣкомъ—и одна моя молитва: спаси меня, Господи, отъ такого чудака!"

А вотъ другой житомірскій сановникъ, еще болѣе типичный. Это—ближайшій товарищъ Аскоченскаго, второй совѣтникъ губернскаго правленія, П. И. Карпенко:

„У меня теперь что ни день, то новость. Столкновеніе съ такимъ отребьемъ человѣчества, какимъ я окруженъ теперь, порождаетъ цѣлую бездну фактовъ, драгоцѣнныхъ для этнографа-наблюдателя. Вотъ, хоть бы сегодня (т. е. 24-го іюня). Напередъ надо сказать, что я взялъ на себя изданіе неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей". Состоя начальникомъ газетнаго стола, я сдѣлалъ кое-какія распоряженія, которыя, не знаю почему, показались непріятными исправляющему должность вице-губернатора Карпенкѣ, привиллегированному ослу, крещенному въ чернилахъ. Слово за слово, и мы дошли до маленькой горячности.

— Послушайте, Павелъ Ивановичъ, сказалъ я,—намъ стыдно, что въ этомъ краѣ, богатомъ историческими воспоминаніями, до сихъ поръ не было человѣка, который бы умѣлъ взяться за дѣло и передать во всеобщее свѣдѣніе то, на что мы съ вами глядимъ равнодушными глазами.

— А дэжь винъ теперь узявся, проговорилъ мой антагонистъ, поднявъ густыя свои брови.

— Ну, да хоть бы я, если ужъ на то пошло.

— Було и до васъ много у насъ умныхъ людей.

— Слова нѣтъ, да что жъ они дѣлали? Гдѣ факты, доказывающіе

присутствіе вашихъ умныхъ людей? Мнѣ сказывалъ Чернявскій, что Булгаринъ, у котораго получаются всѣ губернскія вѣдомости, съ удивленіемъ говорилъ прокурору: „Неужто на Волыни нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы съумѣлъ сдѣлать занимательнымъ для всѣхъ неоффиціальный отдѣлъ „Вѣдомостей"? Надѣюсь, что теперь ни Булгаринъ, ни кто другой этого не скажутъ.

— И прежде то жъ було.

— Что и говорить. Недавно Русское Географическое Общество требовало отъ насъ свѣдѣній, что было напечатано у насъ относящагося къ статистикѣ, исторіи и географіи. Что жъ? Кинулись въ „Вѣдомости", перекопали ихъ кучи—и оказалось, что ни одной строки не было напечатано. Были, правда, статьи, но краденыя: то изъ „Русскихъ", то изъ „Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостей", а своего ни слова. Хороша же Волынь! Хорошо губернское правленіе!

— Да кто тамъ буде читать ваши „Вѣдомости"?

— Всѣ, кому дороги отечественныя воспоминанія, кто знакомъ сколько нибудь съ просвѣщеніемъ, всѣ, кто интересуется не однимъ производствомъ въ чины и для кого назначеніе того или другаго въ такую-то должность немного дороже выѣденнаго яйца.

„Замолчалъ мой противникъ, но зато заговорили другіе. И—Боже мой!—что это за рѣчи, что это за понятія! Тошно, потому что гадко! Тутъ пришлось и мнѣ замолчать".

Аскоченскій не на шутку разладилъ съ этимъ изъ своихъ сослуживцевъ.

„Діаметральная противоположность въ понятіяхъ, въ самомъ происхожденіи и воспитаніи, наконецъ, въ значеніи свѣтскомъ,—все это рано или поздно должно было высказаться просто, ясно и убѣдительно. Пора уже выставить этого оригинала на всенародныя очи".

Характеристика его, сдѣланная въ дневникѣ, дѣйствительно, заслуживаетъ общаго вниманія. Это рѣдкій теперь экземпляръ подъячаго, а нѣкогда подобный типъ имѣлъ широкое распространеніе.

„Павелъ Ивановичъ Карпенко, какъ звучитъ изъ самой фамиліи его, родился въ Полтавской губерніи. Въ формулярномъ спискѣ его значится, что онъ происходитъ изъ дворянъ, что не подвержено, разумѣется, никакому сомнѣнію, потому что нельзя же отвергнуть, чтобы батюшка его въ оно блаженное время не могъ дослужиться до перваго чина—коллежскаго регистратора, дававшаго когда-то ничтожнымъ созданіямъ права потомственнаго дворянства. Павелъ Ивановичъ далеко за грамотою не погнался; благоразумный его батюшка по собственному опыту узналъ, что всѣ эти... какъ ихъ... науки только сбиваютъ съ толку и рѣшительно отвлекаютъ отъ службы, заставляя парня убивать золотое время чортъ знаетъ надъ чѣмъ. И вотъ Павлуша, выучившись читать псалтырь и познакомившись съ гражданскою грамотою чрезъ чтеніе назидательныхъ правилъ, помѣщаемыхъ, бывало, въ старинныхъ азбукахъ—„буди благочестивъ, уповай на Бога" и пр.,

замѣтивъ при семъ удобномъ случаѣ нѣсколько сентенцій, весьма полезныхъ для предстоящаго домашняго обихода, какъ, напримѣръ, „уважай старшихъ себя"; „съ сильнымъ не борись"; „съ богатымъ не тягайся" и т. д., поступилъ куда-то въ подъяческое болото въ качествѣ писца безъ награды и жалованья, а единственно изъ желанія пріобрѣсти имя и значеніе, или, какъ говорится, пошелъ служить изъ чести. Павлуша, надо сказать, имѣлъ порядочный почеркъ; правописаніемъ не отличался,—оно у него было чисто народное и онъ, ставши уже Павломъ Ивановичемъ и потомъ—легко сказать—надворнымъ совѣтникомъ, все-таки не могъ привыкнуть къ настоящей орѳографіи, считая ее ни къ чему не нужнымъ и даже очень опаснымъ нововведеніемъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Надо много было испачкать бумаги, много потратить чернилъ, перенести кучу толчковъ и начальническихъ замѣчаній, которыя встарину, говорятъ-таки—нечего грѣха таить—были крупненьки и подъ-часъ довольно осязательны; надо было всю эту гадость и мерзость канцелярскую обратить въ плоть и кровь свою, чтобъ потомъ пріобрѣсть право самому давать другимъ щелчки и начальническія замѣчанія. Дорога трудная, страдальческая и развѣ только далекая цѣль впереди, цѣль, увѣшанная красными и зелеными ленточками столоначальничества, ассигнацій и возможности распекать другихъ, бывъ меньше и рѣже распекаемымъ другими,—развѣ только такая цѣль можетъ ободрять и укрѣплять силы ежеминутно готоваго упасть подъ бременемъ такой истинно полезной отечеству службы. Но вотъ тутъ-то, я вамъ скажу, и выработываются-то характеры, вотъ тутъ-то и видна твердость, дающая побѣждающему сѣсть на престолѣ, или хоть на стулѣ повытчика, вотъ здѣсь-то и школа этихъ мучениковъ подъячества, которые потомъ съ гордостью и съ худо скрытымъ негодованіемъ на настоящій порядокъ вещей говорятъ въ иную пору: „да что ваши университеты? да что ваши науки? Тутъ, батюшка, опытность; безъ опытности ничего не сдѣлаешь. Я вотъ, дескать, статскій совѣтникъ, а шелъ до этого чина съ копіиста". Много, очень много подобныхъ и весьма поучительныхъ вещей говорятъ такіе опытные люди; переслушать, запомнить и потомъ приложить къ своей дѣятельности слѣдовало бы всякому образованному человѣку и желающему пользы своему отечеству. Но неблагоразумны и неблагодарны нынѣшніе люди; они забрали въ голову, что можно будто бы въ пять лѣтъ съ небольшимъ изучить очень хорошо ту юридическую путаницу, которою такъ окружали себя старинные soi-disant правовѣды, держа въ своихъ рукахъ аріаднину нить въ этомъ лабиринтѣ хитросплетеній человѣческихъ; они—эти нынѣшніе люди и особливо „младое поколѣніе", самое опаснѣйшее изъ всѣхъ поколѣній на земномъ шарѣ, смѣло говорятъ, что чины не важны и что, какъ говорилъ старикъ Державинъ:

„Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ,—
Онъ только хлопаетъ ушами".

„Да, повторяю, неблагодарны и легкомыслены нынѣшніе люди, которые даже не считаютъ необходимостью ѣхать на Кавказъ за чиномъ коллежскаго ассесора и которые очень равнодушно читаютъ статьи въ „Русскомъ Инвалидѣ" о производствахъ. Не таковъ былъ мой герой Павлуша. Ужъ то-ли, что онъ не видѣлъ ничего въ себѣ похожаго на такой волтеріанизмъ въ поступкахъ и мысляхъ (что, впрочемъ, дѣлаетъ ему особенную честь); то-ли, что воспитаніе-то его было хорошо и фундаментально и, главное, сообразно съ избранною имъ цѣлью; то-ли, наконецъ, что онъ обширнымъ умомъ своимъ понялъ требованія какого-то духа времени, о которомъ и онъ слышалъ вскользь что-то; но только онъ сталъ твердою ногою на томъ пути, на который бросила его проказница-судьба. Узка была тропинка, по которой началъ пробираться въ жизни Павлуша. Сидя за канцелярскимъ столомъ, онъ очинивалъ перья для столоначальника (теперь Павелъ Ивановичъ увѣряетъ, что онъ не умѣетъ и никогда не умѣлъ починить пера, и вретъ, ей Богу, вретъ пребезсовѣстно, даже съ потерею чести. Онъ говоритъ это такъ потому, чтобъ забыть прежнее унизительное свое состояніе въ качествѣ очинивателя чужихъ перьевъ). Павлуша... нѣтъ ужъ пора перестать называть его Павлушею: онъ уже съ полнымъ правомъ можетъ носить титулъ Павла Ивановича, потому что и сторожъ, когда Павелъ Ивановичъ, приходя въ канцелярію, вѣшалъ на гвоздикѣ шинель свою между многимъ другимъ канцелярскимъ тряпьемъ, всегда приговаривалъ: „повѣсьте вотъ тутъ, Павелъ Ивановичъ; а то всякій чортъ придетъ, высморкается, да и обтираетъ пальцы-съ о шинели. Вотъ что". Павелъ Ивановичъ, потрепавъ дружески по плечу сторожа и даже спросивъ его безъ всякой, впрочемъ, нужды: „а который часъ?" отправлялся въ камеру, осматривая по лѣстницѣ, не тащится ли на сапогахъ какая-нибудь дрянь и, вошедши куда слѣдуетъ, усаживался на стулѣ, у котораго, за неимѣніемъ спинки, торчали одни рожки, свидѣтельствовавшіе, что тутъ, дѣйствительно, была нѣкогда даже вырѣзная спинка. Онъ вынималъ носовой платокъ, осматривалъ его со вниманіемъ и, выбравъ такія въ немъ мѣстечки, гдѣ бы не было опасности просунуть носъ и схватить его вовсе безъ надобности и довольно въ неприличномъ положеніи, сморкаясь громко, и потомъ, уложивъ платокъ на столъ подъ лѣвый локоть, приспособлялся къ письму и начиналъ выводить каракули, по временамъ любуясь самъ ихъ красивостью, для чего обыкновенно Павелъ Ивановичъ поднималъ бумагу и, держа ее передъ собою, легонько повертывалъ головой, обнаруживая въ то же время на лицѣ своемъ такое удовольствіе, какъ будто бы щекотала у него за ухомъ кошка хвостомъ.

„Но, виноватъ, я заговорился, а это не хорошо, во-первыхъ, потому не хорошо, что занялся совершенными пустяками, выпустивъ изъ виду предметы, болѣе вызывающіе на размышленіе; во-вторыхъ, потому не хорошо, что не замѣтилъ, какъ встали всѣ вотъ эти господа съ небритыми подбородками и всклоченными головами, когда Павелъ Ивановичъ входилъ въ камеру. А это ясно и мнѣ, и вамъ должно было бы дать знать, что вѣрно Павелъ Ивановичъ самъ сталъ теперь значительное лицо и что не даромъ на лицѣ его есть теперь что-то такое, внушающее уваженіе. Да-съ, такъ оно вѣдь и есть. Павелъ Ивановичъ состоитъ ужъ теперь въ какой-то должности, въ исправленіи каковой, по аттестаціи, находящейся въ формулярѣ, оказался „способнымъ и достойнымъ". Съ Павломъ Ивановичемъ теперь не вотъ-то такъ прямо поведешь рѣчь; сторожъ уже торопится самъ снимать съ него шинель, приговаривая съ подобающимъ подобострастіемъ: „пожалуйте, ваше благородіе". Канцелярскіе чувствуютъ невольно какое-то присутствіе вышней силы, замкнутой въ Павлѣ Ивановичѣ, и поднимаютъ свои головы вмѣстѣ съ носами, когда Павелъ Ивановичъ кому-нибудь изъ нихъ начнетъ дѣлать этакое или въ родѣ такого замѣчаніе: „ты, какъ тебе! Эй-бо! шо це вы тамъ пышете?" Или: „кто тутъ въ васъ цыбули наився?" Причемъ виноватый плотнѣе закрывалъ губы и сдерживалъ на время дыханіе, думая самъ про себя: „пронюхалъ-таки, чортъ его побери, а и всего-то съѣлъ одну цыбульку, чтобъ не такъ пахло наливкою". Павелъ Ивановичъ не любилъ неопрятности и строго взыскивалъ, если какъ-нибудь молодой, вольнодумный канцеляристъ утаскивалъ изъ камеры или бросалъ на столѣ испачканный листъ бумаги, на которомъ бывало написано: „проба пера и чернилъ", или: „его высокородію такому-то", или даже такія слова, отъ которыхъ, бывало, всегда Павелъ Ивановичъ улыбнется и скажетъ: „ото шелопаи, бестіи наши канцелярскіе!" Павелъ Ивановичъ особенно не любилъ никогда умничанья и весьма справедливо считалъ всякіе резоны отъ подчиненнаго не подлежащими. Всему этому онъ находилъ причину въ настоящемъ образѣ воспитанія, которое чортъ знаетъ къ чему ведетъ; всѣ только и дѣлаютъ что разсуждаютъ, а ни у одного изъ этихъ ученыхъ нѣтъ хорошаго почерка — самой лучшей аттестаціи исправнаго и на все годнаго чиновника. И такъ, нашъ Павлуша сталъ уже Павломъ Ивановичемъ, уже, изволите видѣть, съ именемъ и значеніемъ, получилъ производство въ чинъ коллежскаго регистратора, сѣлъ на мѣсто столоначальника, зашибъ, что называется, копѣйку (что было нетрудно въ тѣ блаженныя времена, о которыхъ отъ всего сердца вздыхаютъ нынѣшніе старожилы) и сталъ носить голубую бисерную цѣпочку при большихъ, въ родѣ порядочной луковицы, часахъ на плисовомъ жилетѣ зимою и на пестромъ пикеневомъ—лѣтомъ. Все шло, какъ видите, очень хорошо. Павла Ивановича желанія вполнѣ удовлетворялись и часто, въ минуты

канцелярскаго бездѣйствія, онъ, лежа съ трубкою на кровати, начиналъ чувствовать всю невыгоду одинокой жизни. Конечно, онъ позволялъ иногда себѣ нѣкоторыя невинныя развлеченія и съ улыбкою самодовольства вспоминалъ кое о какихъ похожденіяхъ съ существами, которыя по натурѣ принадлежатъ къ женскому полу, а по безстыдству не уступятъ старинному Денисовскому гусару. Но это все было не то, все это не удовлетворяло... „какъ бишь воно... матери чого бисъ... отъ тому шо называють ученые"... Тутъ Павелъ Ивановичъ обыкновенно задумывался на минутку и начиналъ потомъ сильнѣе и съ особеннымъ выраженіемъ курить трубку, не замѣчая, что она давно уже трещитъ или, какъ онъ самъ выражается, „скворытъ". Можете вообразить, какъ такого рода размышленія, волнующія душу, а за неимѣніемъ таковой, кровь, могутъ вдругъ, въ одну минуту, перевернуть весь порядокъ вещей и опять — какого роду въ силахъ произвести рѣшимость въ человѣкѣ, уже стоящемъ въ нѣкоторомъ отношеніи твердою ногою на службѣ и, сверхъ того, носящемъ на указательномъ пальцѣ большой вызолоченный перстень съ драгоцѣннымъ сердоликовымъ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ вензель самого господина и о которомъ даже жидъ, отличнѣйшій знатокъ всякихъ галантерейныхъ драгоцѣнностей, сказалъ, покачивая головою: „прекрасный, очень прекрасный, крѣпкій камусекъ".

„Все это вѣдь я говорю къ тому, чтобъ... ну, вотъ ей-Богу... не могу, знаете, такъ и хочется еще потолковать о всякомъ вздорѣ, а главнаго-то, существеннаго, что называется, такъ и боишься трогать. Въ самомъ дѣлѣ, все это длинное и даже краснорѣчивое описаніе Павла Ивановича и его достоинствъ ведено мною къ тому, чтобы вы нисколько не удивились, когда я скажу вамъ, что Павелъ Ивановичъ рано, очень рано предпринялъ возложить на себя узы брака. Богу тако изволившу, Павелъ Ивановичъ нашелъ себѣ подругу жизни между... да на что вамъ знать родословную супруги моего героя? Кто были ея родители, чѣмъ они жили, какъ, когда и какимъ образомъ родилась у нихъ дочь, какъ они воспитывали ее, — все это обстоятельства совершенно постороннія, на которыя даже самъ Павелъ Ивановичъ не обращалъ на тотъ разъ большого вниманія, зная очень хорошо, что все это мечта, пустяки, поэзія, которую выдумали пустыя головы, сочинители. Говорили, что Марья Андреевна—супругу Павла Ивановича зовутъ Марья Андреевна—жила у какого-то барина въ компаньонкахъ или ключницахъ—такъ, что-то въ родѣ этого; но я тому совершенно не вѣрю, потому что это неправдоподобно и, вопервыхъ, потому неправдоподобно, что Марья Андреевна очень хорошо умѣетъ держать себя, и съ какой стороны вы ни взглянете на нее, увидите, что она во всѣхъ отношеніяхъ порядочная дама. Заговорите съ ней, напримѣръ, хоть о любви. Она и о любви будетъ разсуждать очень хорошо и такимъ мягкимъ и сладкимъ голосомъ, что вы по неволѣ зажмуритесь отъ удовольствія внутренняго. Пове-

дите рѣчь о хозяйствѣ—она и здѣсь сообщитъ вамъ весьма полезныя свѣдѣнія и основательно докажетъ, что соленіе разнихъ огурцовъ совсѣмъ не разсчетъ хозяйскій и что послѣдніе осенніе огурцы долѣе и крѣпче держатся въ разсолѣ. Спросите о здоровьѣ губернаторши, она и объ этомъ дастъ вамъ подробныя извѣстія, не преминувъ весьма кстати прибавить, что Елизавета Валентиновна безпрестанно все спрашиваетъ о мигрени Марьи Андреевны, отъ каковой боли она, Марья Андреевна, ужасть страдаетъ. А знаніе людей, а знаніе свѣта! Господи! Вѣдь родятся же на свѣтъ такія женщины или дамы!.. Къ музыкѣ Марья Андреевна всегда чувствовала большую охоту; но сама не играетъ по причинѣ слабонервности, да и притомъ давно ужъ играла, и потому большую часть забыла. Но ужъ танцовать Марья Андреевна иногда не прочь; это для нея, какъ сама она чувствуетъ, чрезвычайно полезно,—размягчаетъ поясницу и полируетъ кровь.

„Но Богъ съ вами, Марья Андреевна! За вами я забылъ и супруга вашего, почтеннѣйшаго Павла Ивановича. А знаете ли, что я вамъ скажу: его и узнать нельзя. Посмотрите, какъ онъ потолстѣлъ, какая сіяетъ въ лицѣ его важность; просто, хамелеонъ! Оно, впрочемъ, и не мудрено. Теперь Павелъ Ивановичъ не что нибудь тамъ такое, не столоначальникъ какой нибудь, а исправникъ, лицо въ нѣкоторомъ смыслѣ правительственное и играющее-таки немаловажную—чортъ его не взялъ—роль въ семъ коловратномъ мірѣ.

„Я замѣчалъ, что у натуры точно такъ же, какъ и у судьбы, есть свои любимцы. Но только оба эти патрона — натура и судьба — никогда или очень рѣдко бываютъ въ ладу между собою. Положимъ, что натура рѣшится крѣпко напроказить надъ чьей либо физіономіею, изуродуетъ ее такъ, что совѣстно людямъ показать, и если взглянешь ненарокомъ на такую насмѣшку натуры, то отойдешь, да покивавши головой, подумаешь: „эка штука! ну-ну!“ Зато судьба ужъ непремѣнно приметъ такое чучело подъ свое всемогущее покровительство. Глядишь только на эту ворону на шестѣ, да только удивляешься. Не подумайте, однако жъ, чтобы я это говорилъ въ обиду Павла Ивановича,—ничего не бывало: Павелъ Ивановичъ—Богъ его знаетъ, какъ сдѣлался любимцемъ и натуры, и судьбы. Первая прибрала его очень и даже очень недурно. Она дала ему толстое и даже весьма толстое брюхо, застегнула его небольшою пуговицею, которую всевластно приказала называть носомъ, прибрала его голову русыми волосами, немножко похожими на взбитую солому; прорѣзала глаза въ надлежащемъ мѣстѣ, немножко въ этомъ случаѣ скомпрометировавъ свою фабрикацію тѣмъ, что ужъ слишкомъ узеньки прорѣзы, а, впрочемъ, ничего, живетъ и такъ. Органъ у Павла Ивановича не такъ чтобы громогласенъ, но и не тихъ, а таковъ, какъ слѣдуетъ человѣку, назначенному играть немаловажную роль на сценѣ сего міра. Къ тому жъ и поступь Павла Ивановича прилична; Павелъ Ивановичъ любитъ ходить ровно и мѣрнымъ шагомъ, въ которомъ отзы-

вается что-то журавлиное, если бы, разумѣется, для полноты сравненія, ноги его были немного подлиннѣе, а не походили на коротенькія колонны, обращенныя внизъ капителями. Зато ужъ судьба рѣшительно превознесла Павла Ивановича всѣми зависящими отъ нея благами. Одно ужъ то возьмите, что Павелъ Ивановичъ сдѣланъ былъ все тою же судьбою исправникомъ, — кажись, и пустяки, а подите-ка! Да я вамъ скажу, если бы Эаку или Радаманту предложили бы уступить свое мѣсто по ту сторону Стикса капитанъ-исправнику, и даже просто исправнику, то, увѣряю васъ, они отказались бы разомъ отъ всѣхъ доходовъ, бывшихъ, настоящихъ и грядущихъ. Оно, впрочемъ, и естественно. Эти господа-судьи дирали только съ мертвыхъ, а исправники—и съ живаго, и съ мертваго, и все это во имя закона. А относительно значенія, то между подсудимыми и говорить нечего, какая разница".

Такой злой и подробной характеристики изъ всѣхъ сослуживцевъ удостоился одинъ Карпенко. О другихъ Аскоченскій дѣлаетъ болѣе краткіе отзывы. Приведемъ ихъ для того, чтобы дать понятіе о средѣ, въ какой онъ пробовалъ свои силы на бюрократическомъ поприщѣ. Наиболѣе симпатичный отзывъ сдѣланъ о Квистѣ подъ 4-мъ февраля 1848 г.

„Это созданіе, ростомъ немножко больше Тома Пуса, подписывается у насъ исправляющимъ должность волынскаго губернскаго прокурора. Рѣдко попадаются люди, которые бы такъ ладно пришлись по мѣсту, какое назначаетъ смертнымъ правительство, оффиціально называемое мудрымъ. Полное, энциклопедическое образованіе, полученное Квистомъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, прекрасный характеръ, хорошій тактъ, молодыя, цвѣтущія лѣта дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ лучшихъ людей злополучнаго Житоміра. И я безъ грѣха горжусь тѣмъ, что могу включить Квиста въ число близкихъ ко мнѣ и самыхъ лучшихъ моихъ пріятелей въ семъ коловратномъ Житомірѣ. Правда, и мой Квистъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, но я нахожу, что онѣ точно такъ же необходимы ему, какъ его собственные штаны, которыхъ ужъ вѣрно никто не натянетъ на свои ноги и на все прочее, несмотря на всѣ свои усилія. Если вы встрѣтите Квиста гдѣ нибудь на вечерѣ, то легко можете подумать, что онъ того же утра поставилъ себѣ на затылокъ мушку, и такое заключеніе будетъ съ вашей стороны очень натурально, потому что Квистъ иначе не поворачивается, какъ всѣмъ туловищемъ. Но это только одна и есть въ немъ особенность; во всемъ прочемъ онъ можетъ быть всегда образцомъ для нынѣшней молодежи. И я, честью клянусь, не могу ничего сказать больше о Квистѣ, несмотря на раздражительную мою замѣчательность, такъ часто вызывающую меня на сарказмы и ѣдкія nota-bene. Оскаръ, мой милый Оскаръ! Ты не прочитаешь этихъ строкъ. Но я никогда не забуду тебя и въ лучшихъ воспоминаніяхъ моихъ о Житомірѣ ты всегда займешь одинъ изъ первыхъ уголковъ".

Далѣе, подъ 20-мъ апрѣля 1849 г., находимъ отзывы о слѣдующихъ лицахъ:

Князь Васильчиковъ.

„Князь Иларіонъ Иларіоновичъ—благороднѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ; но тѣмъ не менѣе онъ не на своемъ мѣстѣ.. Здѣсь онъ точно слонъ на воеводствѣ. Если онъ и могъ бы быть губернаторомъ, то развѣ въ одной изъ сѣверныхъ нашихъ губерній. Тутъ ему не обнять своимъ медленнымъ умомъ всю многообразную, бурную текучесть мутныхъ водъ одного даже губернскаго правленія, не касаясь другихъ присутственныхъ мѣстъ; тутъ ему не замѣтить сѣтей, которыя ловко и постоянно раскидываютъ кругомъ его аттестованные плуты и мошенники; тутъ онъ болѣе сдѣлаетъ вреда, чѣмъ пользы—и благородная душа его сама ужаснется впослѣдствіи великости зла, въ которомъ непосредственно она не была виновата. Жаль, онъ не понялъ меня, и не понялъ потому, что меня оттолкнули отъ него интриги и непріятныя обстоятельства, въ какія я запутался по милости моихъ проклятыхъ кредиторовъ. При всемъ томъ я не скрою правды: князь въ частномъ обращеніи уменъ, добръ, радушенъ и мило-привѣтливъ. Это аристократъ въ полномъ смыслѣ.

Львовъ.

„Въ „Панорамѣ“ [1]) есть маленькій эскизъ этого человѣка, встрѣчающагося тамъ подъ именемъ Сергѣя Ильича Мямли. Какъ вице-губернаторъ, Димитрій Сергѣевичъ рѣшительно ни къ чорту не годится. Лѣнивый, тупой, разслабленный, онъ можетъ жить только чужимъ умомъ и ходить на помочахъ. Отнимите у него Зарембу—секретаря, Львовъ не найдетъ мѣста въ журналѣ, гдѣ подписаться слѣдуетъ. Законы писаны не при немъ и не по его головѣ. Но Димитрій Сергѣевичъ образованъ, прекрасно говоритъ по-французски и по-нѣмецки, знакомъ съ русской литературой, хорошо читаетъ Тасса, танцуетъ хоть и прескверно, но танцуетъ, отлично стрѣляетъ и страстный охотникъ. Онъ камеръ-юнкеръ, но отнюдь не вице-губернаторъ.

Ключаревъ.

„Предсѣдатель казенной палаты, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, умный, дѣловой и грубый. Получивъ воспитаніе въ с.-петербургской духовной академіи и будучи сначала профессоромъ семинаріи—онъ остался почти такимъ же бурсакомъ, какъ былъ. Правда,

---

[1]) Рѣчь идетъ о пародіи его—„Подъячіе разбойники“, о которой см. ниже.

положеніе въ свѣтѣ, извѣстность такому человѣку, какъ Воронцовъ (NB женившій его на...), свычка съ нѣкоторыми необходимыми пріемами порядочнаго общества—сгладили нѣкоторыя угловатости нравственной физіономіи Алексѣя Кирилловича; но и только. Онъ остался вѣренъ тѣмъ началамъ, какія вложены въ него сѣрымъ схоластицизмомъ и бурсацкой субординаціей, а гордость и неприступность со стороны младшихъ его довершила всю нетерпимость и дурное renommée, какими онъ пользуется между сослуживцами своими, которые, однако жъ, боятся его, какъ огня. Крѣпко онъ держитъ въ рукахъ своихъ палату—и слово его считается тамъ закономъ для членовъ. Неотрицаемый умъ и несомнѣнная опытность внушаютъ въ подчиненныхъ уваженіе къ нему, и рѣшительныя мѣры держатъ въ страхѣ всю канцелярскую челядь. Надо, однако жъ, отдать справедливость, что Алексѣй Кирилловичъ препріятный человѣкъ въ обществѣ и рѣчь его, всегда плавная и острая, слушается съ истиннымъ удовольствіемъ. Въ послѣднее время службы моей въ Житомірѣ я жестоко разсорился съ этимъ человѣкомъ и нажилъ въ немъ себѣ заклятаго врага. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что въ поступкахъ Ключарева по отношенію ко мнѣ вовсе нельзя было видѣть обыкновеннаго его ума; онъ горячился, бранилъ меня какъ школьника, и разъ ошибочно увлекшись предубѣжденіемъ, никакъ не хотѣлъ отстать отъ него по самолюбію. А всему была причиною ода моя: „О ты, которой не умѣю приличное названье дать". Ключаревъ разсердился за Иду Врангель, на которую, нечего грѣха таить, и была она написана; а эта Ида, видите ли, живетъ въ качествѣ компаньонки при его женѣ. Истинная чудо-юдо.

Шванебахъ.

„Антонъ Антоновичъ, предсѣдатель палаты имущества, нѣмецъ умный, но не благоразумный, хитрый, но не дальновидный, вспыльчивый до безразсудства и потому много теряющій черезъ это. Онъ тоже присталъ къ моимъ противникамъ и долго безумствовалъ, нарочно ѣздивъ по домамъ и внушая всѣмъ отказать мнѣ въ пріемѣ. Очень хорошо понимая эту вспышку Шванебаха, я хладнокровно ожидалъ минуты, когда онъ опомнится, что, дѣйствительно, и случилось. Подъ конецъ онъ сталъ ко мнѣ попрежнему внимателенъ и хорошъ. Службу онъ несетъ исправно, но она у него не цѣль, а средство... Передъ моимъ отъѣздомъ закипѣло въ палатѣ прескверное дѣло, по доносу одного изъ плутовъ, обиженнаго въ дѣлежѣ; чѣмъ-то оно кончится, не знаю. Въ „Панорамѣ" я упомянулъ объ немъ подъ именемъ Адама Христофоровича Буря въ каретѣ.

Малаховскій.

„Предсѣдатель гражданской палаты, прозванный въ Житомірѣ дѣдушкою,—старикъ почтенный, умный, и пунктуально-аккуратный въ службѣ. Быстрое теченіе нынѣшняго дѣлопроизводства запутываетъ его голову; медленно, но твердо и опираясь идетъ онъ по лабиринту дѣлъ, которыми всегда такъ богата гражданская палата. Чуждый самолюбія, онъ всегда готовъ согласиться, если покажутъ и докажутъ допущенную имъ ошибку. Въ обществѣ его никогда не видно.

Карпиловичъ.

„Порфирій Ивановичъ, предсѣдатель уголовной палаты, лицо въ высшей степени типичное. Онъ мелькнулъ въ моей „Панорамѣ" Аристархомъ Ипатьевичемъ Копеечкою,—я говорю—мелькнулъ, потому что этотъ типъ сберегся у меня для второй части моей поэмы. Карпиловичъ воспитывался въ семинаріи—это было давно, очень давно—но все семинарское вросло навсегда въ характеръ моего типа. Онъ никогда не читаетъ ничего, кромѣ „Христіанскаго Чтенія", считая все остальное бредомъ и вздоромъ; пренаивно разсказываетъ вычитанную имъ легенду у Евсевія; проводитъ удивительную параллель между нынѣшними временами и эпохою Златоуста, ходитъ всякій праздникъ въ церковь, гдѣ почти вслухъ поетъ и разговариваетъ со всей любезностію старичка-простачка, поясняетъ тексты священнаго писанія и восхищается тѣмъ, чѣмъ давно ужъ пересталъ восхищаться родъ человѣческій. Дѣтей своихъ онъ воспитываетъ самъ; но, Боже! что это за воспитаніе! Какая-то дикость, неумѣнье сказать слово кстати, неумѣнье поклониться и сѣсть, увѣсистость и угловатость всѣхъ движеній, какая-то дьячковская застѣнчивость, безтолковое бренчанье на препоганѣйшихъ клавикордахъ, на которыхъ чуть ли не игралъ самъ Тубалъ—вотъ результаты воспитанія, даваемаго Карпиловичемъ своимъ дочерямъ. Къ счастью, сыновей у него нѣтъ. И замѣтьте, что всему этому, даже музыкѣ, учитъ самъ папенька. Ужасъ! При всемъ, однако жъ, христіанскомъ смиреніи своемъ Порфирій Ивановичъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, завистливъ и злопамятенъ. Я выпыталъ искренно всю тайную лабораторію души его—и съ глубоко-скрытымъ отвращеніемъ отвернулась отъ него душа моя, и тогда-то я увидѣлъ, что Кукольникъ сказалъ правду: „блаженъ, кому Провидѣніе подарило радужную призму, чрезъ которую онъ можетъ смотрѣть на окружающіе предметы: не отымайте отъ глазъ этого веселаго стеклышка, иначе надо бѣжать отъ людей, строить вавилонскую башню и поселиться на за-облачномъ ея темени". Да, хорошо кому подарило, а кому нѣтъ—тутъ что? Болью въѣдается въ душу этотъ гнилой туманъ, эти вонючія испаренія, поднимающіяся изъ глубины су-

щества человѣческаго, тихаго и спокойнаго на поверхности, но на днѣ хранящаго гадовъ, ихъ же нѣсть числа, животныхъ малыхъ съ великими. Несчастливъ тотъ человѣкъ, кто зритъ, какъ ясновидящій, тайныя сплетенія думъ и мыслей человѣка, выходящихъ наружу въ парадномъ уборѣ добродѣтели и добродушія!... Прочитайте мою Апологію; она не нарядное гримасничанье, а вопль души безпокойной, мучимой недугомъ. Карпиловичъ успѣлъ себѣ сдѣлать репутацію чуть не святаго человѣка. Мнѣ не было нужды разувѣрять въ этомъ кого нибудь, да и не кстати. Понятливые, такіе, напримѣръ, какъ Квистъ, Польмanъ, Ивковъ, Марковичъ и друг. и безъ меня понимали, а для непонятливыхъ мой голосъ былъ бы вопіющимъ въ пустынѣ, и я часто бывалъ у Карпиловича, игралъ тамъ въ преферансъ и уходилъ домой, сердясь на себя за такую двуличность. Въ обществѣ Карпиловичъ являлся точно такимъ, какимъ я очертилъ его въ моей „Панорамѣ". На службѣ это былъ, по пословицѣ, „ни Богу свѣча, ни чорту кочерга". Безсильный, чтобъ удержать свое мнѣніе, хлопотливый, гдѣ надо быть стойкимъ, говорливый, гдѣ нужно лишь одно слово, пріученный къ одной лишь формальности безо всякаго основательнаго пониманія дѣла, онъ ворочалъ шиворотъ-на-выворотъ и пасовалъ передъ горластымъ и устойчивымъ, хоть бы въ неправдѣ. Не вѣрилъ никогда, не вѣрю и теперь въ безкорыстіе его, ибо оно никогда не могло подвергаться искушенію. Просители, зная слабость предсѣдателя, вовсе не думали обращаться къ нему съ своими просьбами и съ предложеніемъ осязаемыхъ услугъ, а въ такомъ случаѣ, разумѣется, поневолѣ будешь безсребренникомъ. Грѣхъ даже сказать, чтобы Карпиловичъ былъ и уменъ; онъ только добрый человѣкъ, въ полномъ значеніи этого слова, и къ нему именно идутъ слова Крылова:

„Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью,—
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю".

Саноцкій.

„Совѣстливый судья. Этотъ человѣкъ былъ мало извѣстенъ въ чиновничьемъ кругу. Онъ оффиціально являлся въ высокоторжественные дни—и только. Впрочемъ, мнѣ говорили, что Саноцкій по твердости и независимости своего характера стоитъ уваженія и пользуется имъ.

Посниковъ.

„Петръ Яковлевичъ, полковникъ и гарнизонный командиръ. Онъ очень хорошій хлѣбосолъ и къ Посникову всегда собирается молодежь пообѣдать и поволочиться за его кокетливою супругою, въ ко-

торой я никогда не видѣлъ ничего замѣчательнаго, исключая классически-скверной прически, да частенько невыглаженнаго грязнаго платья. Супругъ ея, если хотите, добрый человѣкъ, но мягкій и безхарактерный. Какъ онъ управляетъ своей гарнизонной командою, я не могу сказать,—должно быть, хорошо, потому что жалобъ и претензій къ нему ни отъ кого никуда не поступило. Посниковъ немножко очерченъ въ моей „Панорамѣ"; онъ подъ именемъ Петра Филимоновича Сальника, а жена его подъ титуломъ Амаліи Эдуардовны. Его высокоблагородіе тоже принадлежалъ къ числу недоброжелателей моихъ, но былъ главою только партіи умѣренныхъ.

Волковъ.

„Иванъ Петровичъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты. Это Ермилъ Тихонычъ Ерихонскій, который такъ часто встрѣчается въ моей „Панорамѣ" рядомъ съ своею супругою. Объ немъ тутъ остается только прибавить, что по службѣ его считайте человѣкомъ себѣ на умѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ имѣетъ самостоятельный характеръ и, искусно лавируя, не всегда увлекается общимъ потокомъ мнѣній. Въ обращеніи съ дамами онъ позволяетъ себѣ самыя площадныя вольности; играя въ карты, онъ нисколько не стѣсняется въ своихъ лакейскихъ выходкахъ, и хоть бы тутъ сидѣли двѣ дюжины дамъ, онъ преспокойно скажетъ, бросая на столъ червонную даму: „вались за мя, посмотрю, кая ты плодовница". Онъ пользуется репутаціей „милаго человѣка".

Яшинъ.

„Василій Гавриловичъ, бывшій товарищъ предсѣдателя уголовной палаты. Читайте „Панораму"—въ Акимѣ Корниловичѣ Квашинѣ вы увидите во весь ростъ этого человѣка. Схоже этого портрета нарисовать нельзя.

Новицкій.

„Викентій Степановичъ, непремѣнный членъ приказа общественнаго призрѣнія, тоже явившійся въ моей „Панорамѣ" Никитою Ивановичемъ Дынею. Когда-то онъ былъ исправникомъ, и въ это время, по случаю проѣзда черезъ Волынь государя императора, получилъ высочайшее прозваніе дурака, каковъ онъ и есть дѣйствительно, кромѣ службы, однако жъ, гдѣ онъ очень хорошо чуетъ носомъ своимъ, гдѣ плохо лежитъ. Репутація его и жены его въ тамошнемъ обществѣ весьма двусмысленна: ихъ всюду бранятъ и вездѣ принимаютъ.

Новицкій тоже принадлежалъ къ врагамъ моимъ и громко иногда возвышалъ свой голосъ противъ меня; но никто его не слушалъ, а я просто презиралъ его.

Кагура.

„Губернскій казначей, добрый старикъ и смышленый чиновникъ; во всемъ прочемъ онъ есть безличное мѣстоименіе.

Чернявскій.

„Андрей Андреевичъ, бывшій прокуроръ. Скиццы, набросанные мной въ „Панорамѣ" о прокурорѣ, живьемъ сняты съ Чернявскаго. Въ Житомірѣ онъ пріобрѣлъ себѣ имя взяточника, а я, зналъ его, какъ умнаго и добраго малаго, страшнаго крикуна и такого человѣка, котораго трудно кому нибудь повести за носъ.

Лукьяновъ.

„Яковъ Константиновичъ, совѣтникъ губернскаго правленія. Я старался схватить черты его въ Недотрогѣ, нарисованномъ мною въ „Панорамѣ"; но портретъ вышелъ не похожъ. Лукьяновъ очень умный человѣкъ, отличнѣйшій дѣлецъ, владѣющій удивительной оборотливостью и никогда не спускавшійся до степени низкаго подлеца. Онъ ни за что не склонитъ головы своей передъ кѣмъ бы то ни было; онъ чуждъ всякаго сплетничества и глубоко отъ всѣхъ скрываетъ тайные помыслы души своей. Въ короткое время Лукьяновъ службою своей сдѣлалъ себѣ порядочное состояніе, мастерски всегда пользуясь случаями прибрать къ рукамъ своимъ хлѣбное дѣльце: словомъ, человѣкъ не такъ, какъ я грѣшный, понялъ, что̀ надобно дѣлать, служа отечеству. Общество, къ которому причислилъ себя Лукьяновъ, по̀шло и грязно; это міръ подъячихъ, картежниковъ, взяточниковъ и мерзавцевъ. Въ послѣднее время, женившись на житомірской артисткѣ Хмеліовской, онъ сдѣлался совершеннымъ сиднемъ. Съ Лукьяновымъ я никогда не былъ въ враждебныхъ отношеніяхъ; я прощалъ иногда горячія его выходки, уважая его умъ, но никогда опять и не назывался его пріятелемъ. Мы прятались другъ отъ друга, не позволяя читать взаимно внутреннюю лабораторію нашихъ мыслей. Лукьяновъ на всякомъ мѣстѣ будетъ отличнѣйшимъ дѣльцомъ и изъ крѣпкаго камня съумѣетъ пробить для себя живительную влагу, падающую въ карманъ то серебрянымъ, то золотымъ дождемъ.

Опоцкій.

„Ламбертъ Васильевичъ, тоже совѣтникъ. Насилу я могъ написать имя, отечество и фамилію этого человѣка,—такъ велико мое отвращеніе къ нему; низкій предъ высшими себя, гордый предъ низшими, вкрадчивый до подлости,—онъ олицетворилъ въ себѣ поляка нынѣшнихъ временъ. Набивъ, какъ говорится, руку и наметавшись по дѣламъ, онъ считается дѣльцомъ; но это типъ тѣхъ дѣльцовъ, которыхъ такъ зло преслѣдовалъ когда-то Булгаринъ, и которые, бывъ прежде полными распорядителями и указателями законовъ, смотря по личной своей надобности, стали потомъ въ другую позу и пробили себѣ другой хлѣбный путь происками и мнимой добросовѣстностью. Этотъ человѣкъ не былъ никогда моимъ открытымъ врагомъ; въ обществѣ онъ являлся ко мнѣ болѣе теплымъ, чѣмъ холоднымъ; но мнѣ тошнило отъ него, судорожно сжималась пожимаемая имъ рука моя. Моя молитва: „Спаситель мой! Еще одно моленье"—вылилась отъ души, по милости Опоцкаго, гдѣ онъ списанъ у меня во весь ростъ. Не дай Богъ встрѣтиться мнѣ гдѣ нибудь съ этимъ человѣкомъ!

Барановскій.

„Гноратъ Ксаверьевичъ, ассесоръ губернскаго правленія—полякъ. Въ этомъ словѣ сказано все; всегдашнее двоедушіе—вотъ отличительная черта его характера. Онъ продалъ меня за мою глупо-искреннюю довѣрчивость къ нему. Какъ дѣлецъ, онъ понимаетъ дѣло, но только по-своему. Не хочется что-то и говорить объ немъ.

Шаржинскій.

„Семенъ Даниловичъ, почтмейстеръ, человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ,—умный, образованный, удивительный наблюдатель и безподобный юмористъ и разскащикъ. Онъ живетъ прекрасно, потому что независимъ ни отъ кого; всѣ питаютъ къ нему уваженіе, всѣ любятъ его, всѣ, однако жъ, боятся попасть подъ острый, какъ бритва, язычекъ его. Такихъ людей, какъ Шаржинскій, со свѣчей поискать не въ Житомірѣ только, а кое-гдѣ и подальше. Въ pendant къ нему надо поставить и Трахимовскаго, бывшаго директора гимназіи. Никогда не забыть мнѣ тѣхъ вечеровъ, которые я проводилъ въ кругу ихъ, тѣхъ умныхъ разсужденій, какія привелось мнѣ слышать отъ этихъ двухъ прекраснѣйшихъ людей, тѣхъ споровъ одушевленныхъ, отъ которыхъ освѣщался умъ и крѣпла голова.

„Далѣе за этими звѣздами идетъ млечный путь, въ которомъ трудно уловить что нибудь отдѣльное для наблюденія. Всѣ эти свѣтящіяся

точки только потому свѣтятся, что стоятъ вмѣстѣ и рядомъ; отставить одну отъ другой,—онѣ потемнѣютъ и пропадутъ. Не стану касаться ихъ".

Легко представить себѣ, какъ долженъ былъ чувствовать себя Аскоченскій въ подобной средѣ. Черезъ полтора года службы въ Житомірѣ онъ писалъ объ этомъ слѣдующее:

„Вотъ уже полтора года, какъ я борюсь съ этою службою, не сродною мнѣ ни по характеру моему, ни по понятіямъ, ни по привычному образу моей жизни. Не мудрость здѣсь проповѣдуютъ; не хитры плетеницы затѣй подъяческихъ, но многообразность и безчисленность ихъ убьетъ хоть какую энергію души. Я усталъ и часто одинъ на одинъ твержу слова Пушкина:

„Мнѣ душно здѣсь; я жить хочу".

„Да, жить—потому что развѣ это жизнь, когда она проявляется только въ низшихъ своихъ потребностяхъ? Развѣ это жизнь, когда мысль и чувство считаются контрабандою? Развѣ это люди, когда достоинство ихъ взвѣшивается тяжестью ихъ кармана и умѣніемъ удить рыбу въ водѣ, которую они сами же мутятъ для своихъ выгодъ? Боже мой! Когда уймется во мнѣ это несчастное стремленіе къ чему-то высшему, что уже давно осмѣяно міромъ и его привычками? Когда утолится эта ничѣмъ ненасытимая жажда мысли и чувства?"

Это писано 11-го февраля 1848 года. На другой день въ дневникѣ значится:

„Какая скука, Господи, какая скука! Поневолѣ примешься за писаніе стиховъ, когда не знаешь, къ чему лучшему приложить безпокойныя руки. Самъ не вѣдаю, для чего вздумалось мнѣ написать сегодня пародію на піесу Пушкина: „Братья разбойники". Завтра впишу ее сюда (т. е. въ дневникъ), потому что ей нельзя дать мѣста въ собраніи моихъ риѳмованныхъ издѣлій. Чего добраго, пожалуй, ее примутъ за пасквиль и обидятся; да что тамъ обидятся. Пріищутъ еще статейку въ „Уложеніи"—и вертись тогда. Нѣтъ, въ дневникѣ моей пародіи будетъ покойнѣе и безопаснѣе".

Пародія эта носитъ названіе „Подъячіе разбойники". Здѣсь выставлены многіе изъ вышепоименованныхъ сослуживцевъ Аскоченскаго. Видно, ему больно насолили, если не проходило дня, въ который не поднималась бы желчь противъ нихъ.

„Не радуетъ меня, съ какой стороны ни взгляни, не радуетъ меня настоящая служба, прибавляетъ Аскоченскій, вписавъ пародію въ дневникъ. Съ перваго шагу я уже встрѣтилъ непріятности, которыя ростутъ, словно тѣсто на опарѣ киснетъ. Начну съ самаго перваго распоряженія насчетъ порученія мнѣ въ управленіе перваго отдѣленія. Я, изволите видѣть, назначенъ былъ на мѣсто совѣтника Филипова, бывшаго начальникомъ втораго отдѣленія. Когда мѣсто это

было вакантнымъ и я не являлся въ Житоміръ, старая равалья Карпенко, по званію старшаго совѣтника, управлялъ первымъ отдѣленіемъ. Но, присмотрѣвшись хорошо къ дѣламъ губернскаго правленія и наскучивъ собирать алтыны съ просителей, обращавшихся къ нему, онъ счелъ выгоднѣйшимъ для себя занять предназначенное мнѣ мѣсто. Губернатору было внушено, что управлять вторымъ отдѣленіемъ трудно, что по новости я не съумѣю взяться за это, а что Павелъ Ивановичъ имѣетъ всѣ нужныя къ тому качества. Его превосходительство, убѣжденное такими резонами, согласилось, и я сѣлъ на стулъ, какой мнѣ подали. Что-жъ дѣлать?

„Само собою разумѣется, что назначеніе меня въ должность совѣтника губернскаго правленія никому здѣсь не могло быть пріятно. Воображаю, какъ толковали эти господа о самовластіи Бибикова, который ставитъ на мѣста такой важности людей какихъ-то ученыхъ, даже не дворянскаго, а духовнаго происхожденія, не занимавшихся вовсе подьяческою службою; какъ они острили и хохотали, разумѣется, въ рукавъ, потому что здѣсь вслухъ засмѣяться нельзя. Съ какой жадностью читали мой формулярный списокъ, отыскивая въ немъ степень моей чиновной знатности. Словомъ, еще не живя въ Житомірѣ, я уже нажилъ враговъ, которые только выжидали случая повредить мнѣ пооснователънѣе, почувствительнѣе. Но робко поднималась на меня рука ихъ; увѣренность, не знаю, впрочемъ, на чемъ основанная, что Бибиковъ и Писаревъ покровительствуютъ мнѣ, удерживала ихъ отъ наступательныхъ на меня движеній. Каменскій, тоже частью раздѣлявшій это убѣжденіе, лисилъ со мною и казался внимательнымъ. Цѣлый годъ я оставался почти покоенъ; бывали маленькія непріятности, да гдѣ жъ безъ нихъ? Наконецъ, не стало моей Нѣжиньки, а съ ней какъ будто унеслось и все мое спокойствіе [1]). Вдовецъ потерялъ уже сто процентовъ уваженія у людей, которые такъ были внимательны къ нему, когда онъ являлся къ нимъ съ дивною своею подругою, или когда пріѣзжали сами въ домъ мой и уѣзжали, очарованные прекраснымъ, благороднымъ, умнымъ пріемомъ моей несравненной Нѣжиньки. Аскоченскій во мнѣніи общества сталъ исключительно судейскимъ дѣльцомъ—и только. Теперь уже одинъ вопросъ прилагается къ нему: какъ ведетъ онъ службу? Тяжко!

„Наступила пора выборовъ въ разныя общественныя должности. По принятому издавна порядку, они производились въ правленіи, и прежніе совѣтники, говорятъ, имѣли отъ этого сытный кусокъ хлѣба. Разумѣется, совѣсти, чести и присягѣ доставалась тутъ ужасная ломка. Но такъ какъ ужъ было рѣшено, что все это предразсудки, выдуманные нынѣшнимъ безпокойнымъ поколѣніемъ, то, дѣйстви-

---

[1]) Вторая жена Аскоченскаго скончалась 28-го августа 1847 г. Съ этого дня какое-то отчаяніе сквозитъ въ каждой строкѣ записей, лишь только Аскоченскій начинаетъ раздумывать о своемъ одинокомъ и безутѣшномъ положеніи.

тельно, эта пора доставляла совѣтнику перваго отдѣленія богатую жатву. Немножко протянуть дѣло, воротить для какой нибудь поправки баллотированный списокъ, погрозить неутвержденіемъ тому, кто имѣетъ всѣ условія, дающія полное право на должность, утаить нужныя справки, наконецъ даже (ей-Богу, это было!) подскоблить, смотря по надобности, количество балловъ—вотъ обыкновенныя продѣлки, которыми молодцы выжимали у претендентовъ послѣдній рубль. Грабовскій, управляющій канцеляріею губернатора, зналъ все это очень хорошо. Онъ успѣлъ внушить начальнику губерніи, что правленіе незаконно присвояетъ себѣ власть производить эти выборы, что, на основаніи, молъ, такой-то статьи не оно, а ваше превосходительство утверждаетъ эти выборы, и что, слѣдовательно, всѣмъ этимъ должна завѣдывать собственная канцелярія вашего превосходительства. Губернаторъ, знающій законы точно такъ же, какъ я вторую часть ариѳметики, совершенно согласился съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Ивановичемъ и повелѣлъ для перваго опыта выборы на градскаго житомірскаго голову произвести у себя въ канцеляріи. Грабовскій торжествовалъ, а надо мной трунили и подсмѣивались, говоря, что я далъ вырвать кусокъ жирный у себя изъ-подъ носу. Не помню, зачѣмъ-то случилось мнѣ быть вечеромъ у начальника губерніи. Зашла рѣчь о выборахъ. Я сталъ доказывать, что переносъ ихъ въ канцелярію дѣлается незаконно, потому что выборы иначе и производить нельзя, какъ только коллегіальнымъ порядкомъ, а въ канцеляріи нѣтъ и не можетъ быть никакого присутствія, что право утвержденія во всякомъ случаѣ остается за губернаторомъ, ибо губернское правленіе только проектируетъ, представляя проекты свои усмотрѣнію его превосходительства. Я говарилъ, правда, рѣзко, но—ей-Богу—справедливо. Генералъ, по обыкновенію, горячо отвѣчалъ мнѣ и даже чуть не наговорилъ мнѣ грубостей. Замѣтивъ, что дѣло принимается больно горячо, я немного отступилъ, выжидая случая снова начать мои нападенія. Дня эдакъ черезъ два губернаторъ, противъ всякаго чаянія, приглашаетъ меня къ себѣ и приказываетъ опять попрежнему производить всѣ выборы въ губернскомъ правленіи. Это рѣшеніе окончательно вооружило противъ меня Грабовскаго и было началомъ всѣхъ дальнѣйшихъ непріятностей по службѣ. Строго и неутомимо смотрѣли за мной лазутчики, не попадусь ли я, какъ взяточникъ, но, встрѣтивъ съ этой стороны хорошее укрѣпленіе и отчаявшись сдѣлать какую нибудь брешь, повели нападеніе съ другой. Они начали внушать губернатору, что дѣла у меня замедляются, что я лѣнивъ, недѣятеленъ, невнимателенъ, и нашъ воевода, не обращая вниманія на кучи бумагъ и дѣлъ, окружающихъ меня по этимъ проклятымъ выборамъ, сталъ сначала исподволь, а потомъ уже прямо всякій день дѣлать мнѣ строгіе выговоры, да замѣчанія. Малѣйшее промедленіе, совершенно отъ меня независящее, доводило его до горячихъ выходокъ и я съ стѣсненнымъ сердцемъ

долженъ былъ выслушивать обидные для меня намеки и глупыя угрозы. Чортъ знаетъ, за что и изъ-за чего человѣкъ такъ много хлопочетъ, неся глупую службу! Ей-ей, квакеры лучше всѣхъ понимаютъ жизнь, презирая всѣ оффиціальныя ея требованія!"

Ожесточенный подъяческими подвохами своихъ сослуживцевъ, Аскоченскій старался изолироваться, искалъ уединенія.

„Я началъ писать что-то большое; право слово, самъ еще не знаю, что такое... Что будетъ—увидимъ; но я радъ, что хоть это будетъ отвлекать меня отъ бѣготни по знакомымъ домамъ и засадитъ въ кабинетѣ. Право, пора сосредоточиться въ себѣ, а то долго ли размѣнять свою душу на мелочную, никуда негодную монету. Начата вторая глава моего разсказа. Я сильно и горько плакалъ, пиша ее."

Въ это время Аскоченскій переживалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда грусть наполняла его сердце ядомъ и желчью, когда каждое слово, имъ произносимое, дышало раздражительностью. Не щадилъ онъ тогда и „созданій", манившихъ когда-то его взоры и волновавшихъ кипучую кровь. Онъ бросалъ во всѣхъ ядовитыми эпиграммами и терзающими насмѣшками.

„Я перессорился со всѣмъ городомъ включительно"—пишетъ онъ 11-го іюня,—поднявъ нечаянно моими стихотвореніями вонючія подонки этого протухлаго общества, и теперь большую часть сижу сиднемъ дома".

Понятно, съ какою радостью Аскоченскій разстался съ Житоміромъ. 8-го марта 1849 г. онъ уже былъ въ Каменецъ-Подольскѣ, въ новой должности предсѣдателя совѣстнаго суда. Вотъ что онъ писалъ на прощаніе съ Житоміромъ:

„Я простился съ Житоміромъ, со всѣми непріятностями, испытанными тамъ мною, чтобы встрѣтить, можетъ быть, новыя.

„Но будь воля Божія!

„Я простился съ Житоміромъ. Въ послѣднее время онъ звѣрски ожесточился противъ меня; не было оскорбленія, котораго бы не придумали мнѣ завистники мои, названные мои товарищи. Все, что только можно встрѣтить непріятнаго по службѣ, все поднято было на меня, чтобы столкнуть, если можно, съ лица земли. Оговаривали меня предъ начальствомъ, выдавали меня за безтолоча, кричали во весь голосъ за безпокойный мой характеръ. Замѣчали каждый шагъ мой и дошли, наконецъ, до того, что 17-го декабря внесли въ журналъ неприсутствованіе мое въ правленіи, какъ противозаконное нарушеніе служебнаго порядка.

„Я простился съ Житоміромъ, но не расквитался съ нимъ. Мои обстоятельства до того запутались тамъ въ финансовомъ отношеніи, что съ величайшимъ трудомъ я успѣлъ выбраться изъ ненавистнаго мнѣ города. Если бы не благородные и добрые мои друзья, Квистъ и Ивковъ, то долго бы мнѣ еще не видать Каменца. Въ послѣдніе

дни я отъ безполезныхъ хлопотъ даже слегъ было въ постель, и не было руки, которая протянулась на помощь мнѣ. Вотъ тутъ-то я повѣрилъ на опытѣ справедливость словъ покойнаго Мерзлякова: „всѣ друзья, всѣ пріятели до чернаго лишь дня". Впрочемъ, я и не богатъ былъ ими. Зато все, что составляло мое хозяйство, все серебро мое, всѣ драгоцѣнныя вещи, остались въ Житомірѣ или распроданными за безцѣнокъ, или заложенными подъ страхомъ пропажи. Странное дѣло! съ какой бы стороны ни взглянулъ я на мою жизнь, вездѣ и всегда въ итогѣ мнимыхъ плюсовъ выходитъ у меня минусъ.

„Я простился съ Житоміромъ; но неужели не было тамъ ни одного семейства, съ которымъ бы жаль мнѣ было разстаться? Постойте, дайте подумать... Такъ, ни одного. Есть какъ будто одно,—это семейство доктора Битнера; но я не любилъ самого Битнера, безтолковаго, вздорнаго и во всѣхъ отношеніяхъ безпокойнаго человѣка, съ глуподобрымъ сердцемъ, съ безсвязною рѣчью и съ неумолкаемыми толками чортъ знаетъ о чемъ. Было еще два-три семейства, но не льнула къ нимъ душа моя, ибо видѣла всю пустоту внутренняго содержанія этихъ господъ и госпожъ, ибо не находила мѣста, куда бы сложить умную мысль и животрепещущее чувство. Нѣтъ, не о комъ мнѣ было пожалѣть, прощаясь съ Житоміромъ. Останутся только неизгладимыми въ памяти моей Квистъ, Ивковъ, Богуславскій и... только.

„Я простился съ Житоміромъ; но горько плакалъ я, прощаясь не съ нимъ, а съ драгоцѣннымъ прахомъ, зарытымъ въ сырой его землѣ, весь обливался я слезами, разставаясь съ тѣми мѣстами, къ которымъ прикованы святыя мои воспоминанія счастливо проведенной жизни съ другомъ моимъ, моей Нѣжинькой. Въ послѣдній, можетъ быть, разъ я обливалъ слезами деревянный помостъ той каплицы, гдѣ почіетъ она, моя несравненная подруга, и грустныя думы ходили въ головѣ моей, и спрашивалъ я, обращая вокругъ взоры мои: „кто жъ теперь придетъ къ моей Нѣжинькѣ?" Суровое безмолвіе могилы и полуразрушенныхъ временемъ памятниковъ было отвѣтомъ на мой безотрадный вопросъ. Снова залившись слезами, я уѣхалъ съ кладбища и вотъ одно, что мнѣ жаль было оставить въ Житомірѣ.

„Я простился съ Житоміромъ; но никогда, никогда я не забуду его, какъ не забываетъ исторія имени Герострата, постоянно обрекая его вѣчному забвенію. Эта полупосѣдѣлая голова одна въ состояніи напомнить мнѣ о Житомірѣ. Но не забудетъ и онъ меня. Изъ рода въ родъ передадутъ имя Аскоченскаго, какъ опаснаго гонителя подлостей и пошлостей людскихъ, составляющихъ существенную стихію этого города и вообще всей Волыни. Празднуютъ теперь прежде робѣвшіе пера моего жалкіе представители духа этого края; но не долго. И отсюда достанетъ ихъ мое длинное перо, и отсюда скажу я имъ слово, отъ котораго зачешется у нихъ за ухомъ.

„И вотъ я теперь въ Каменцѣ. Но мало еще у меня впечатлѣній, хоть отъ думъ голова ломится. Я видѣлъ городъ и подивился смѣлой

и гордо-неправильной его архитектурѣ, я видѣлъ сильныхъ этой земли и ни чуть не подивился невѣжеству и какой-то глупой надменности нѣкоторыхъ изъ нихъ, очень хорошо зная, что это въ порядкѣ вещей, что это такъ должно быть. Появленіе мое въ ряду этихъ людей, во всю ширину своего существа занятыхъ собою и своей служебной важностью, не могло быть пріятно. Я прозелитъ, и иду подъ управленіемъ десницы Божіей, а эти ханааны, какъ муравьи, давно копались и строили зданіе своего теперешняго благополучія, тогда какъ у меня оно выросло точно такъ же скоро, какъ смоковница пророка Іоны. Люди вездѣ и всегда люди и утопическихъ мечтаній я не приложу ни къ какому сорту людей, и сердиться на нихъ не буду, лишь бы только не подставляли мнѣ ноги сзади".

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





„ЛИХОЛѢТЬЕ“ [1].

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

I.

„Да гдѣ тебѣ невѣста по любви, тутъ и бери,
Добромъ не отдаютъ—такъ и силой возьмешь“.

„Что не дивую я разуму-то женскому,
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку Владиміру,
Съ молодой княгиней съ Апраксіей“.

(Былина о князѣ Владимірѣ).

НЕ ПО НУТРУ была гордому курскому боярину эта неумѣстная скромность новаго царя. Пуще всего Іона Агѣичъ негодовалъ на его вовсе не царскую скупость и мелочность, недостойную великаго государя. Подозрительность Шуйскаго постепенно отталкивала отъ него лучшихъ бояръ его думы. На эти слабыя „непростительныя“ стороны царя Василія, при случаѣ, глазъ на глазъ, горячо нападалъ курскій бояринъ. Онъ скорбѣлъ душой, сознавая, что царь Василій не совмѣщаетъ въ себѣ того величія, внѣшняго и внутренняго, безъ котораго онъ не могъ представить себѣ русскаго „бѣлаго царя“. И точно: Васи-

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VIII, стр. 522.

лій Ивановичъ Шуйскій, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могъ похвалиться ни сановитостью, ни особенною твердостью характера. Бояринъ Ферапонтовъ „рѣзалъ ему правду-матку“ въ глаза, не стѣсняясь; „прямилъ царю безъ порухи“ тамъ, гдѣ дѣло шло о государственномъ строеніи, о врагахъ государственнаго порядка. Почтенныя лѣта Ферапонтова, его величавый видъ, ясный, опытный умъ, толковая рѣчь, глубокая привязанность ко всему русскому, а также его независимость отъ какихъ либо корыстныхъ, личныхъ разсчетовъ, расположили къ нему царя и думу. Для всѣхъ было ясно, что Іона Агѣичъ для себя ничего не добивается. Напротивъ, онъ всегда удалялся отъ всего того, что увлекало другихъ: царской милости, почестей. Всегда онъ выступалъ борцомъ за правду. Старые бояре гордились имъ, молодые побаивались его правдиваго языка. Новый патріархъ, Гермогенъ, сошелся съ нимъ, какъ съ другомъ. Ни къ одному важному дѣлу не приступалъ царь Василій, не узнавъ напередъ мнѣнія боярина Іоны. Какъ человѣкъ, хорошо знающій украйны „польскую“ и „татарскую“, и какъ самъ украинецъ,—онъ „вершилъ“ украйныя дѣла.

— Тѣ украйныя дѣла тебѣ, Іона Агѣичъ, свычныя и о тѣхъ дѣлахъ сказать ты можешь, что̀ самъ знаешь, а не то, что отъ людей слышалъ,—говорили въ думѣ бояре и царь.

„Крестоцѣловальную“ запись и грамоту во всѣ концы Россіи, а также перенесеніе мощей святаго Дмитрія царевича изъ Углича въ Москву обдумывала, между прочими, и старая голова боярина Ферапонтова.

— Ты теперича мнѣ въ думѣ моей царской нужнѣе, чѣмъ на рати, старшой мой братецъ Іона Агѣичъ, повторялъ ему царь.— Прошу и велю тебѣ въ нашемъ градѣ стольномъ намъ въ помощь остаться. Какая жъ дума безъ думца бываетъ?

Умный Шуйскій зналъ, что сила его въ боярахъ, что онъ ихъ „ставленникъ“. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ оставался въ прежнихъ товарищескихъ отношеніяхъ. Льстилъ онъ только тѣмъ, кого боялся. Ставъ русскимъ царемъ, Василій Ивановичъ забылъ личные счеты князя Шуйскаго. Тяжелое наслѣдіе самозванца сказалось съ перваго дня царствованія Василія. Его опытный умъ терялся, сознавая успѣхи крамолы, отовсюду угрожавшей Москвѣ.

— И отецъ не поможетъ, когда сынъ занеможетъ, повторялъ въ думѣ курскій бояринъ,—а царю бѣлому всего воровства на Руси не сократить скоро. Не время намъ, княжи и бояре и думные люди, нонѣ пуза свои спокоить, коли до нихъ холопи добираются. Постоимъ за матушку Русь, за батюшку царя, за свою боярскую честь. Довлѣетъ оставить намъ нашу рознь боярскую, что всѣмъ дѣламъ русскимъ всегдашняя помѣха. Возьмемся-ка за дѣло это „воровское“, украинское, подружнѣе, каверзы свои боярскія забывши; анъ перемѣну въ дѣлѣ узримъ: и бѣлокаменная устоитъ, и государство сво-

ихъ недруговъ одолѣетъ: бѣлый кречетъ побьетъ черную галицу. Твердо бы намъ держаться и неподвижно, а то, поможетъ Богъ, и Болотникова холопа одолѣемъ, и Илейку казака, лжецаревича Петра, повѣсимъ. Рать за Оку послать неминуче; большую бы силу царскую послать къ Калугѣ, къ Ельцу, въ иныя украйныя мѣста.

И большая сила пошла съ бояриномъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ, да съ стольникомъ, княземъ Юріемъ Трубецкимъ, но отступила, побитая подъ Кромами Болотниковымъ, и на половину разбѣжавшаяся. Хотя князь Скопинъ-Шуйскій и нанесъ пораженіе мятежникамъ на рѣкѣ Пахрѣ, тѣмъ не менѣе Болотниковъ съ казаками, Истома-Пашковъ съ тулянами, Сунбуловъ и Ляпуновъ съ рязанцами взяли Коломну и на голову разбили главное царское войско воеводы Мстиславскаго у села Троицкаго, недалеко отъ Москвы, всего въ двухъ переходахъ. Царскіе полки бѣжали. Мятежные предводители гнали ихъ до самыхъ московскихъ окоповъ и стали въ селѣ Коломенскомъ. Стольный городъ трепеталъ не только за свою судьбу, но и за участь всего государства, такъ какъ „подметныя" грамоты Болотникова угрожали „большимъ и лучшимъ людямъ", суля благо и честь „безъимяннымъ ворамъ, шпынямъ и казакамъ". Шуйскому казалось, что его звѣзда померкла.

— Вѣсти все не веселыя, да передъ веселыми, государь! замѣтилъ Ферапонтовъ, съ добрымъ желаньемъ успокоить Шуйскаго.— Патріарху вели каждодневно по церквамъ молиться; самъ, государь, покажись своей государевой рати.

Шуйскій выслушалъ стараго боярина молча, но по взгляду его усталыхъ глазъ было понятно, что онъ согласенъ и поступитъ именно такъ, какъ совѣтуетъ бояринъ. По мѣрѣ того, какъ осложнялась опасность, угрожавшая государству и ему, Шуйскій становился тверже духомъ. Онъ зналъ теперь, какія роковыя силы темнаго народнаго духа враждуютъ съ государственнымъ „нарядомъ" и рѣшился до послѣдняго своего вздоха исполнить тяжелую обязанность, налагаемую на него царскимъ чиномъ. Положеніе его, какъ государя, еще ухудшалось положеніемъ его, какъ жениха. Судьба, такъ долго отказывавшая ему въ счастьи супружеской жизни, отрываетъ его теперь отъ молодой красавицы невѣсты, къ которой онъ привязался, какъ только можетъ мужская старость привязаться къ женской красотѣ и молодости. Не даютъ ему, горькому, до дна испить сладкій нектаръ поздняго, но глубокаго чувства!

Ударъ, разразившійся надъ почтенною Ростовскою семьею, можно было сравнить съ ударомъ грома надъ головою человѣка, не ожидавшаго его. Впрочемъ, великое горе не помѣшало княгинѣ Аннѣ строго выполнить свои послѣднія обязанности по отношенію къ покойному мужу. Долгъ христіанки пересилилъ горе жены. „Ризъ-Положенскій про-

топопъ", отецъ Филатъ, не замедлилъ отслужить въ княжескомъ домѣ панихиду по „въ бозѣ новопреставльшемся, на брани смерть пріявшемъ, за родину, царя и вѣру животъ свой положившемъ, болярина князѣ, рабѣ Божіемъ Петрѣ". Посланы были на поминъ его души вклады въ Высоко-Петровскій монастырь, въ Чудовъ, въ Троицу-Сергія и др. монастыри, согласно волѣ покойнаго, обстоятельно выраженной имъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Въ приходской церкви отцу Филату заказанъ сорокоустъ; тамъ же отслужена заупокойная обѣдня, послѣ чего угощена обѣдомъ и одѣлена деньгами нищая братія. Милостыню раздавала княжна Марья.

Семья облеклась въ черное платье съ бѣлыми тесемками и ежедневно посѣщала церковную службу. Настоящей „вдовицей неутѣшной" выглядѣла теперь сановитая княгиня. Нàкрѣпко затворился „Ростовскій дворъ"; отворялся лишь въ праздники, по воскресеньямъ, и то для поповъ и нищей братьи. Княжна Марья усердно занялась вышиваньемъ шелками, золотомъ и серебромъ съ цвѣтными камнями, по фіолетовому бархату, покрова на раку св. Петра митрополита, въ Успенскій соборъ. Свои имянины покойный ея отецъ праздновалъ въ день сего святителя. „Тропарь" на покровѣ, „Отъ юности своея", княжна вышила съ замѣчательнымъ искусствомъ. Слова красиваго славянскаго письма сверкали удачнымъ соединеніемъ серебряной капители съ голубымъ шелкомъ.

Однажды княжна возвращалась одна домой отъ обѣдни изъ церкви Ризъ-Положенья. Ей приходилось перейти только пустынную улицу. По выраженію ея задумчиваго, растроганнаго красиваго лица и по слегка склоненной ея головкѣ казалось, что она вынесла съ собой изъ церкви то очищающее, возвышающее и примиряющее съ жизнью впечатлѣніе, что даетъ чистой душѣ молитва и божественная служба. Вдругъ, откуда ни возьмись, передъ ней молодой польскій панъ Пржемиславъ, верхомъ на своемъ горячемъ рыжемъ жеребцѣ.

Въ эту минуту, можетъ быть болѣе, чѣмъ когда нибудь, она не была расположена видѣть этого красиваго, смѣлаго пана, такъ еще недавно преслѣдовавшаго ее своими нѣжными взорами и рѣчами. Она съ радостью думала, что онъ ее забылъ; а тутъ вдругъ—опять! Тотъ же хорошо знакомый ей почтительный поклонъ коротко остриженной бѣлокурой головы, съ тѣмъ же ловкимъ движеніемъ приподнята синяя бархатная магерка, опушенная соболемъ; то же радостное при видѣ ея выраженіе этихъ смѣлыхъ глазъ и этого красиваго мужскаго лица. Вздрогнуло ея дѣвичье сердце, словно бы чуя опасность. Гордымъ, чуть замѣтнымъ движеніемъ отвѣтила красавица-княжна на поклонъ польскаго пана и опустила глаза, продолжая свой путь. Она ясно дала ему понять, что онъ можетъ ѣхать своей дорогой.

— Якъ сè можь, княжна Марія? сказалъ Дворжицкій, съ трудомъ сдерживая своего какъ червонецъ золотистаго жеребца.

На его нѣсколько робкій, хотя радостный, привѣтъ княжна бро-

сила короткій, испуганный взглядъ, безъ словъ говорившій ему, чтобы онъ уѣзжалъ, и ускорила свои шаги. Въ черномъ платьѣ, подъ чернымъ длиннымъ покрываломъ, она показалась молодому пану еще лучше. Его горячее чувство снова вспыхнуло съ прежнею силою. Холодность княжны еще пуще распаляла его страсть, вызывала ревность, отчаяніе...

— Княжна Марія! вскричалъ онъ и въ его пріятномъ голосѣ она услыхала сердечную боль, сжавшую ея сердце. — Для меня у тебя даже нѣтъ добраго слова! Ты меня избѣгаешь, какъ человѣка, виновнаго передъ тобой. Одна моя вина, княжна, — люблю тебя, хотя знаю, что поступаю безразсудно, отдавшись влеченію своего сердца...

— Я просила тебя, панъ, забыть меня! вырвалось у поблѣднѣвшей княжны противъ ея воли.

— Забыть! съ горькою усмѣшкою повторилъ Дворжицкій. — Но развѣ въ моей волѣ забыть тебя, княжна? Спроси мое сердце: можетъ ли оно тебя забыть?

— Пути наши разные, панъ, сказала княжна, на минуту остановясь, чтобы перевести духъ, и чувствуя, что она задыхается отъ волненія, но все-таки не подымая глазъ на прекраснаго польскаго пана.—Я русская, ты полякъ...

— Прибавь еще, что ты невѣста царская, а я только благородный шляхтичъ, и ты мнѣ все скажешь, княжна! вскричалъ съ горькою ироніей Дворжицкій.—Пойми же, что ваши русскіе предразсудки губятъ прежде всего васъ, русскихъ женщинъ! Я полякъ, но готовъ любить хорошихъ русскихъ, какъ своихъ братьевъ, и презираю порочныхъ и дурныхъ, хотя бы они были поляки! Знаешь ли, прекрасная княжна, что отъ тебя, отъ одного твоего слова, зависитъ моя жизнь? Что, ставъ твоимъ мужемъ, я стану—если ты того пожелаешь—горячимъ борцомъ за Русь! Хочешь — приму православіе и твоя религія станетъ моею?

Молодая княжна недовѣрчиво и грустно покачала своею красивою головкою и чуть слышно вздохнула.

— Страсть и самолюбіе увлекаетъ тебя, панъ Пржемиславъ, дальше чѣмъ слѣдуетъ, сказала она.—Судьбы Руси и Польши различны, какъ различны народы, ихъ населяющіе. Богъ, испытуя православную Русь, предалъ ее временно на разореніе отъ козней католической Польши. Не нарушивъ правды и не забывъ своей совѣсти, могу ли слушать твои прельстивыя рѣчи? Никогда дочь храбраго князя Петра Буйносова-Ростовскаго, павшаго за родину, не будетъ твоею женою, польскій панъ! Сокрушаясь о бѣдствіяхъ моего народа, могу ли облечься въ свадебный нарядъ и передъ Богомъ назвать своимъ супругомъ одного изъ враговъ моей родины? Прощай!..

Въ волненіи молодая княжна сдѣлала усиліе отворить калитку. Она не глядѣла на красавца-пана, какъ бы не ручаясь за свою рѣ-

шимость проститься въ эту минуту съ нимъ навсегда, какъ бы боясь видѣть его отчаяніе... Жаль ей было его.

— Прощай же, гордая княжна! Теперь навсегда прощай! рѣшительно сказалъ Дворжицкій, съ слезой, блеснувшей въ синихъ глазахъ его и съ душевнымъ отчаяніемъ.—Надѣнь корону, которая рѣдко приноситъ женщинѣ счастье. Прощай!

Онъ далъ коню шпоры и помчался.

Снова взялась княжна за кольцо калитки, чтобы войти на свой дворъ, и снова калитка не слушалась ея; дрожавшая рука снова оказалась безсильною отворить запоръ. Глубокій вздохъ вырвался изъ ея волновавшейся груди. Ея черные глаза, съ выраженіемъ сильнаго внутренняго чувства, противъ ея воли слѣдили за скакавшимъ паномъ, скоро скрывшимся въ извилинахъ узкой улицы изъ вида. Тогда она опять вздохнула глубоко и тяжело и поспѣшила рукою придержать свое бѣдное сердце, трепетавшее новымъ, еще незнакомымъ ей трепетомъ. Крупныя слезы градомъ катились по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ.

— Господи! прошептала она, держась рукою за кольцо калитки, чтобы не упасть, — прости мнѣ: грѣшна я, люблю этого иноземца...

— Что ты, Маша, меня ждешь? спросила ее подошедшая мать—княгиня, остававшаяся на церковной паперти для раздачи милостыни нищей братіи, и показала дочери свой пустой холщевой мѣшечекъ, что брала съ мѣдными деньгами.

Княжна молча отворила калитку, не слыша и не понимая материнскихъ словъ. Какъ будто не она шла: ноги не слушались, голова горѣла; неожиданная встрѣча съ польскимъ паномъ разбередила ея сердечную рану, воскресила всю прелесть тѣхъ дней, когда онъ искалъ ея встрѣчи, смутила миръ ея дѣвичьей души. Теперь, въ эту минуту, она чувствуетъ, что любитъ этого иновѣрца, этого военачальника иноземной рати...

Она не должна его любить. Она „обѣщанная“ невѣста государя; на бракъ съ нимъ соизволилъ ея покойный отецъ. То его послѣдняя родительская воля. Ей ли, дочери, любившей его при его жизни и свято чтущей его память, идти наперекоръ его послѣдней волѣ? Но ея молодое сердце, ея женская природа, такъ громко заговариваютъ въ ней при сравненіи стараго, „противнаго“ ей жениха съ молодымъ паномъ Пржемиславомъ... Какая разница!.. но да будетъ воля Божія: она пойдетъ за Шуйскаго. Не суетное и не корыстное чувство ведетъ ее въ царскія палаты, а польза семьи, осиротѣлой безъ отца. Мать спитъ и видитъ ее царицей, а себя царицыной матерью; она требуетъ, какъ и покойный отецъ требовалъ, чтобы красавица дочь своимъ бракомъ съ царемъ возвеличила свой княжескій родъ. Вся Москва знаетъ ее за царскую невѣсту, за свою будущую царицу; ея пѣсенка спѣта...

Но отъ такого великодушнаго рѣшенія ей не было легче. Въ дѣвичьемъ сердцѣ ныла тоска раздраженнаго чувства. Разомъ она переживала двѣ тяжелыя утраты: смерть любимаго отца и потерю любимаго человѣка. Ея дѣвичій сонъ тревоженъ. То окровавленный князь, отецъ, своими изрубленными руками и строгимъ взглядомъ благословляетъ ее на бракъ съ Шуйскимъ; то молодой польскій красавецъ, въ ночной тишинѣ, припадаетъ къ ней на изголовье и цѣлуетъ ее крѣпко, горячо такъ, что ее бросаетъ въ жаръ и полымя. Онъ любуется ею безъ словъ, въ его нѣжной и нѣжащей ее улыбкѣ, во взглядѣ его синихъ глазъ—столько для нея счастья! Просыпается княжна и въ слезахъ спѣшитъ передъ иконой Матери Божіей замолить грѣхъ своихъ ночныхъ грёзъ. Съ „сугубымъ" стараніемъ вышиваетъ она покровъ на раку̀ Петра-митрополита. Свою душевную дѣвичью тоску по миломъ она прикрываетъ дочернимъ горемъ по отцѣ; и мать не тревожитъ ея сердечной раны своими неумѣстными допросами. Какъ въ могилѣ, глубоко въ себѣ схоронила княжна свое разбитое чувство, разсудкомъ сознавая его грѣховность и незаконность. При матери и даже при своей „сѣнной дѣвкѣ" она не плакала, казалась спокойной. Зато, запершись у себя „въ вышкѣ", она падала на постель, обезсиленная борьбой съ собой, уткнувъ голову въ подушки, заглушавшія ея рыданія. Дни за днями шли для нея въ томительномъ и мрачномъ однообразіи. Ничто ее не занимало внѣ ея душевной тоски. Равнодушно выслушивала она извѣстія объ успѣхахъ самозванныхъ воровъ на Украйнѣ. Видъ матери и братьевъ тревожилъ ее теперь почему-то и она ихъ избѣгала по возможности.

Въ день Косьмы и Даміана Безсребренниковъ, „объявленный" женихъ, царь и великій князь Василій Ивановичъ, „изволилъ" обѣдать у своей нарѣченной невѣсты, княжны Маріи. Хотя „столъ" былъ званый, однако кромѣ самыхъ близкихъ къ царю лицъ никто не былъ приглашенъ. Таково было желаніе царственнаго жениха. Бояринъ князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій, княгиня Екатерина Григорьевна, жена Дмитрія Ивановича Шуйскаго, да родной хозяйки, князь Никита Хованскій,—и только, если не считать Ферапонтова. Безъ своего „свата" Шуйскій къ невѣстѣ не ѣздилъ.

Василій Ивановичъ Шуйскій былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы не понять неловкость своего положенія, какъ стараго и невзрачнаго жениха молодой, въ полномъ цвѣтѣ красавицы, княжны Маріи. Испытавъ въ жизни много тяжелаго и, по правдѣ сказать, незаслуженнаго горя, утомясь душевными тревогами и опасностями, какъ бы караулившими этого „большого" боярина и при Грозномъ, и при Борисѣ, и при Самозванцѣ, Шуйскій въ своей женитьбѣ видѣлъ „житейское пристанище". Усталая душа жаждала нѣжной женской ласки, ободренія и участія близкаго и любимаго существа. Пятидесятипятилѣтній женихъ любилъ двадцатилѣтнюю не-

вѣсту не пылкою страстью—онъ и смолоду не отличался пылкостью,—но глубокимъ, сознательнымъ, а потому прочнымъ чувствомъ пожилаго человѣка, не избалованнаго жизнью, понимающаго, какое счастье, вмѣстѣ съ своей рукой, даетъ ему молодая красавица, становясь его женой. До сихъ поръ, до заката своихъ дней не живя сердцемъ, Шуйскій преобразился теперь внутренно силою впервые заговорившаго въ немъ чувства.

За „столомъ", дѣлавшимъ честь какъ тароватой хозяйкѣ, такъ и ея кухарямъ, женихъ, по обычаю, сидѣлъ рядомъ съ невѣстой. Княжна Марія казалась ему нынче особенно прекрасною, но отъ него не ускользнуло грустное расположеніе ея духа. „Столъ", какъ водится, прошелъ съ неизбѣжными веселыми замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, на счетъ жениха съ невѣстой. Вѣкъ свой державшійся вдали отъ женщинъ, мало привычный къ застольному остроумію, прочно державшемуся въ старой Руси, благодаря „заздравнымъ чашамъ" и добросовѣстной „круговой", застѣнчивый женихъ понималъ, что не можетъ внушить невѣстѣ особенной къ себѣ любви; убѣждался, что она за него идетъ по семейнымъ видамъ, что не будь онъ царемъ — она за него не пошла бы. Нѣтъ такого философа, который оставался бы равнодушнымъ къ холодности избранной имъ красавицы и нé желалъ бы ея взаимности. Воспользовавшись послѣ „стола" подходящею минутою, Шуйскій подсѣлъ къ невѣстѣ, уединившейся въ „моленной" горницѣ.

— Княжна Марія Петровна, обратился къ ней Шуйскій, и въ его голосѣ она услыхала волненіе, обезпокоившее ее и заставившее взглянуть ему въ глаза;—кажись, полюбилъ я тебя, а не знаю: любишь ли ты меня, княжна, хоть немножко?

Княжна, вмѣсто отвѣта, только поблѣднѣла, раздумчиво опустивъ глаза въ полъ. Вся она обратилась во вниманіе, не смѣя въ эту минуту взглянуть на своего стараго, немилаго жениха.

— Знаю, княжна, немудрено тебя полюбить, красу всей Москвы бѣлокаменной, гордую лебѣдку бѣлую! съ увлеченіемъ продолжалъ Шуйскій, любуясь невѣстой.— И тò знаю: старъ я для тебя. Что-жъ мнѣ теперь дѣлать? Помолодѣть годковъ на двадцать — не въ моей волѣ; должно, нынче живой воды не добудешь, тропка къ ней запала; а—слышь, княжна—не на шутку я тебя полюбилъ. Шуйскій не смогъ сдержать своего вздоха. — Вѣдь, пойми, не любилъ я еще ни разу въ жизни, даромъ что состарѣлся, пойми ты: тѣломъ состарѣлся, сердце же мое юно и тепло, то я чувствую даже сію минуту. Что-жъ, видно судьба моя—поздно жениться! Но страхъ меня беретъ, княжна, когда гляну на тебя, задумчивую, и въ сомнѣнье впадаю невольное: любишь ли ты меня? не гублю ли я тебя и себя? не на срамъ ли свой подъ старость жениться вздумалъ?..

Крупныя слезы градомъ брызнули вдругъ изъ прекрасныхъ глазъ княжны прежде, чѣмъ она успѣла закрыть ихъ бѣлыми руками.

— „Тоска наружу просится", подумалъ Шуйскій, глядя на невѣсту съ отчаяньемъ, быстро смѣнившимъ въ его душѣ недавнія тихія, робкія надежды. Онъ далекъ былъ отъ желанія утѣшить плачущую боярышню. Взволнованный, если не оскорбленный, ея слезами и вызваннымъ ими сомнѣніемъ въ возможность того счастья, о которомъ мечталъ, Шуйскій раздражительно, съ горькой усмѣшкой, замѣтилъ ей:

— Если не любъ я тебѣ, княжна, скажи: не ушло время. Отъ чужихъ воротъ есть поворотъ.

— Прости! прости меня, Василій Ивановичъ! прошептала княжна, поспѣшно отирая свои заплаканные глаза и свое разгорѣвшееся личико тонкимъ платкомъ.—Сама не знаю, что̀ это нынче со мной!..

— Что̀ жъ! мрачно, словно бы не слыша словъ княжны и увлекаясь теченьемъ своей мысли, продолжалъ дрожащимъ шепотомъ Шуйскій, можетъ статься, зазноба у тебя есть прежняя,—я не прещу, отступлюсь... Иди съ милымъ подъ вѣнецъ, а меня, горемычнаго, забудь, не гляди, что царь...

Нетвердый шепотъ Шуйскаго прервался и въ послѣднихъ его словахъ княжна услыхала сдавленныя мужскія слезы. Она вздрогнула вся нервическою дрожью, глубоко вздохнула и медленно огляделась, словно въ себя приходя. Выраженіе грусти и безпомощной слабости замѣнилось въ ней теперь ея обычнымъ горделивымъ видомъ; улыбка, нѣсколько насмѣшливая, по прежнему заиграла на ея красивыхъ губахъ; ея чудные черные глаза изъ подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ глядѣли прямо въ глаза Шуйскому.

— Не зналъ я счастья и, должно, не къ чему на старость чужое своимъ звать! продолжалъ Шуйскій съ непритворнымъ душевнымъ страданіемъ. — Тоска-злодѣйка давитъ мнѣ сердце, какъ вспомню свою одинокую холостую жизнь. Да ужъ и привыкъ я къ ней: не измѣнитъ она мнѣ; больно ужь облюбила меня та холостая одинокая жизнь! На что тебѣ, красавицѣ, старый мужъ?

Глубокое, хотя сдерживаемое, отчаяніе услыхала княжна въ словахъ своего жениха, и ей жалко его стало, какъ никогда; жалко оттого именно, что онъ не молодъ, одинокъ...

— Василій Ивановичъ, заговорила она съ добрымъ желаніемъ его успокоить, утѣшить, свѣтившимся въ ея черныхъ глазахъ. — Ты не понялъ моихъ слезъ. Не о томъ плачу, что иду за стараго мужа; не полюбовника своего оплакиваю — его у меня нѣтъ: оплакиваю я свою дѣвичью жизнь безпечальную. Какъ помыслю, куда иду, на какую высоту подымаюсь,—страхъ меня беретъ... Шутка ли: изъ дѣвичьяго терема—въ царскія палаты, изъ боярышенъ—въ царицы! Вотъ отчего плачу...

— Не мила и мнѣ тягота вѣнца царскаго, не по душѣ и мнѣ кремлевскія палаты, княжна, чистосердечно высказался Шуйскій. — Кому нибудь надо быть и царемъ... Судьба... Коли не по душѣ

тебѣ бракъ со мной, княжна, надо быть честолюбіе твое женское польщено. А, замѣтилъ я, всякая умная женщина честолюбива...

Старый женихъ вздохнулъ и, снова любуясь на свою красавицу невѣсту съ возрастающею надеждою, заговорилъ, какъ бы оживляясь:

— Ну, сняла ты камень съ моей души, княжна. Дастъ Богъ, освободимся отъ ига крамольнаго, станешь ты моею женою желанною, царицею русскою... Не все же на святой Руси поляку и своему вору хозяйствовать... Дастъ и мнѣ Богъ радость познать супружество...

Но въ то время, какъ хорошее чувство, исполненное свѣтлой надежды, освѣтило умное лицо Шуйскаго, и онъ довѣрчиво глядѣлъ въ ея ясные глаза, соболиная бровь княжны вздрогнула и тонкая краска разлилась по ея лицу. Ея рука судорожно прижалась къ сердцу, какъ бы для того, чтобы сдержать его сильное біеніе.

— Что съ тобою, княжна? участливо спросилъ Шуйскій, явно испугавшись за нее.

— Ничего. Такъ, государь! и она ему улыбнулась.

— Тогда, все оживляясь, продолжалъ Шуйскій,—отдамъ я тебѣ свою волюшку, Марья Петровна. На правительственномъ дѣлѣ утомясь, строеніемъ державнымъ наскуча, буду искать успокоенія, отрады въ твоемъ царицыномъ терему, какъ въ пресвѣтломъ раю... Кринъ ты мнѣ сельный, жена милая, по сердцу подруга; ты, да дѣтки—ежели Господь благословитъ ими насъ съ тобою — вотъ мнѣ радость безмѣрная, вотъ моя надежда теплая!..

А въ воображеніи княжны рисовался въ эту самую минуту молодой панъ, съ своими синими, смѣлыми, страстными глазами, которые сулятъ ей столько счастья; молодъ и красивъ стоялъ онъ передъ ней, грустно склонивъ бѣлокурую голову...

Ничего не отвѣтивъ Шуйскому, княжна поднялась съ мѣста и вернулась въ свѣтлицу къ гостямъ вмѣстѣ съ женихомъ.

II.

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися со всею дружиною.
Коли вы меня съ дружиною побьете, Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи!
А буде я васъ побью, и вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань".

(Изъ новгородской былины).

„Московскій острогъ поставленъ на валу стоячій, по угламъ вывожены быки; кругомъ острога ровъ копанъ, въ вышину сажень пе-

чатнаю, а въ ширину двѣ сажени; кругомъ рва битъ чеснокъ деревянный, а кругомъ деревяннаго битъ чеснокъ желѣзный, потайной, дабы на томъ желѣзномъ чесноку приступавшіе люди кололись и идти къ острогу не могли. Въ накрѣпко срубленномъ дубовомъ дѣтинцѣ исподній и верхній бои; а внутрь острожной стѣны насыпанъ хрящъ съ нижняго боя и до верху. Въ острогѣ же выкопанъ колодецъ превеликъ, а изъ колодезя выведены жолобы на всѣ на четыре стороны на случай поджогу. Да сдѣланы въ острогѣ козы желѣзныя, на чемъ зажигать солому для свѣту про случай ночного приступа, чтобы видать было приступавшихъ. На острожныхъ стѣнахъ кади стоятъ, на случай навальнаго приступа, и срубленъ раскатъ, откуда бить изъ пушекъ по непріятелю. А башня угловая, что отъ Москвы отъ рѣки, проѣзжая, четвероугольная, а подъ нею двои ворота, одни съ пріѣзду, а другія внутри города, брусчатыя, высота по саженѣ печатной, а ширина тожъ; въ высоту башня по обламки семдесятъ вѣнцовъ, а мѣрою семь саженей; а отъ обламокъ до кровли тринадцать вѣнцовъ, а мѣрою сажень съ аршиномъ. А стѣна межъ башенъ въ полторы сажени; а башенъ въ острогѣ дванадесять; на каждой наряду по шести пищалей затинныхъ желѣзныхъ и иныхъ, да ядра".

Въ такомъ видѣ было главное укрѣпленіе, возведенное, по грознымъ обстоятельствамъ, Шуйскимъ, для защиты Москвы съ юга, со стороны села Коломенскаго. Оттуда грозила опасность. Тамъ окопался Болотниковъ съ своими таборами мятежныхъ холопей и грабителей казаковъ. Глубокій ровъ съ высокою насыпью охватывалъ кругомъ московскіе посады. По земляному валу блестѣлъ „нарядъ", т. е. артиллерія, состоявшая изъ „нарядныхъ пищалей: вѣстовыхъ и затинныхъ, долгихъ и полуторныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ". Въ земляныхъ, укрытыхъ дерномъ, погребахъ, хранилась пороховая казна и „чиненки". Пушкари и пищальники неотлучно были при „нарядѣ" съ зажженными фитилями. Стрѣлецкіе приказы съ заряженными мушкетами непрерывающеюся, живою стѣной стояли за валомъ.

Царь Василій Ивановичъ понималъ всю важность отстоять отъ мятежниковъ стольный городъ своего обширнаго государства и на его оборону не щадилъ казны, которую вообще скупо берегъ. Большому боярину, князю Мстиславскому, и его подручнымъ воеводамъ, старымъ боярамъ, не довѣрялъ теперь Шуйскій, еще живо помнившій пораженія, нанесенныя имъ Болотниковымъ. Защиту Москвы и свою царскую рать царь поручилъ своему племяннику, молодому герою, о комъ уже заговорила народная молва,—князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Старые бояре сами указали его царю и добровольно подчинились молодому полководцу. Косился только на него дядя, царскій братъ, князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій, нелюбимый войскомъ за свой гордый нравъ, о комъ лѣтописецъ говоритъ: „былъ онъ воевода сердца не храбраго, обложенный женствующими вещами, любящій красоту и пищу, а не луковъ натягиваніе".

Съ спокойствіемъ опытнаго воеводы, внушавшимъ ратнымъ людямъ довѣріе, съ величіемъ прекрасной, мужественной наружности, вызывавшимъ восторгъ, объѣзжалъ полки молодой полководецъ, только-что разбившій мятежниковъ на берегахъ рѣки Пахры. Орломъ глядѣлъ онъ, и „Орломъ“ прозвало его войско. Курскій бояринъ вспомнилъ старину: не сходилъ съ „острога“, за Москвой-рѣкой, защиту котораго взялъ на себя; разставлялъ по валу стрѣльцовъ, разсчитывалъ смѣны, осматривалъ патронныя сумки, училъ пушкарей, какъ наводить пушки и крѣпостныя пищали; наблюдалъ, такъ ли засыпаютъ пескомъ башенныя ворота, достаточно ли смолы въ котлахъ; у него подъ рукой былъ стрѣлецкій голова, или тысяцкій, Григорій Полтевъ съ своимъ смоленскимъ приказомъ. Даромъ что прозывался „Тетерей“, а врасплохъ его захватить мудрено было. Онъ и поставленъ былъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, какъ надежный и исполнительный служака, да и смольяне ненавидѣли поляковъ и были противъ всякаго царя, выставленнаго Польшей.

Престарѣлый игуменъ Высоко-Петровскаго монастыря, отецъ Мельхиседекъ, съ соборными іеромонахами пришелъ въ „острогъ“ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и зажженными свѣчами, съ предносеніемъ образа св. Петра-митрополита, московскаго первосвятителя и покровителя. Духовенство въ праздничныхъ ризахъ и черныхъ клобукахъ, а за нимъ черные пары иноковъ, торжественно пѣли: „Спаси, Господи, люди твоя!“ Игуменъ кропилъ святою водою и благословлялъ крестомъ ряды колѣнопреклоненныхъ смоленскихъ стрѣльцовъ и пушкарей. Многіе изъ нихъ прослезились, проникнутые религіознымъ чувствомъ. Мрачныя осеннія тучи, съ утра заволакивавшія небо, вдругъ раздвинулись и надъ бѣлокаменною Москвою блеснуло холодное солнце, засвѣтившееся на безчисленныхъ церковныхъ крестахъ и главахъ. Какъ бы небесный свѣтъ озарилъ церковную процессію, радуя эти умиленные ряды на колѣняхъ стоящихъ защитниковъ государства русскаго и православія. Добрымъ предзнаменованіемъ казался этотъ солнечный лучъ и старому курскому боярину. Престарѣлый игуменъ Мельхиседекъ сказалъ войску, какъ могъ громче, слѣдующее:

— Забывъ страхъ Божій и часъ смертный и судный страшный день, пришли мятежники къ царствующему граду Москвѣ, въ Коломенское, и стоятъ и разсылаютъ воровскіе листы по городамъ и велятъ вмѣщати въ шпыни и въ боярскіе и въ дѣтей боярскихъ люди и во всякихъ воровъ всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ, и велятъ цѣловати крестъ мертвому и злодѣю и прелестнику, а сказываютъ его, проклята, жива. И вы бы, православные вои, пребыли вѣрны государству россійскому и крѣпко постояли бы за домъ святителя Петра-митрополита, московскаго чудотворца и молитвенника, еже притекъ днесь побарать по васъ.

— Постоимъ за Русь и за домъ святителя Петра! громко кричали боярскіе дѣти, стрѣльцы и пушкари.

— Въ сей самый часъ куръ патріархъ съ освященнымъ соборомъ, всенародно, на Красной площади молится о дарованіи христолюбивому царскому войску побѣды и о избавленіи царствующаго града отъ опасности! заключилъ престарѣлый игуменъ.—Да прокляты будутъ измѣнники отечеству! Пріявшіе же за Христа вѣнцы мученическіе—на небесахъ возрадуются, въ обители горней!...

— На Господа Бога уповаемъ! готовы животъ свой въ законѣ положить! кричали единодушно ратные люди, крестясь.

Церковная процессія крестнымъ ходомъ направилась вдоль живой стѣны защитниковъ, стоявшихъ за валами, съ торжественнымъ пѣніемъ: „Спаси, Господи, люди твоя!

— Теперь, братцы, обратился къ войску бояринъ Ферапонтовъ:— помолясь, выпьемъ по чаркѣ водки, да перекусимъ, дабы не отощать намъ и охулки на руку свою не положить въ трудный часъ! подходите къ бочкѣ, разбирайте калачи!

— Перву чарку воеводѣ! по закону! весело крикнули боярскіе дѣти и стрѣльцы.

— Воевода отъ закона не прочь! Здравыми быть бы вамъ, дѣтушки! на рати побѣдными! провозгласилъ бояринъ, выпивая первую чарку.

— Исполать тебѣ, бояринъ! еще громче гаркнули боярскіе дѣти и стрѣльцы, окружая бочку съ водкой и возъ съ калачами.

— Что Господь дастъ, а тебя, бояринъ, не выдадимъ и себя не посрамимъ! на томъ присягали царю Василью Иванычу!

— Сумлѣнія не имѣю въ васъ, дѣтушки! убѣжденнымъ голосомъ замѣтилъ Ферапонтовъ, любимый всѣми за свою „простоту“ и „добродѣтель“.

Далеко во всѣ стороны открывалась съ высокой насыпи „острога“ окрестность. Вдали темнѣлись таборы „холопа Болотникова“, у деревни „Котлы“. Какъ бы по капризу судьбы, мятежныя силы расположились на томъ самомъ урочищѣ, гдѣ развѣянъ былъ пепелъ сожженнаго палачемъ трупа перваго самозванца.

Только что покончили съ водкой и калачами, караульный стрѣлецъ съ верха деревянной башни вскричалъ:

— Пыль бѣжитъ! отъ Коломенскаго!.. вершникъ скачетъ!... никакъ еще!.. Много ихъ!..

Бояринъ съ головой Полтевымъ поспѣшили на валъ. Пыль, дѣйствительно, быстро приближалась по коломенской дорогѣ. Скоро къ башнѣ подскакалъ человѣкъ мужественнаго вида, въ малиновомъ бархатномъ полукафтанѣ, опушенномъ бобровымъ мѣхомъ съ длинными русыми усами и бритымъ по-польски подбородкомъ. Взмыленный рѣзвый конь „двошилъ“ боками и еле духъ переводилъ, бѣлая пѣна кусками падала изо-рта. Вершникъ нетерпѣливо сорвалъ

съ своей стриженой головы бобровую шапку и махнулъ ею, привставъ въ желтыхъ сапогахъ на посеребренныхъ стременахъ, какъ бы желая, чтобы его выслушали защитники Острога.

— Привѣтъ Москвѣ стольной! вскричалъ онъ во все горло, и перекрестился.—Старая Рязань идетъ въ помощь и единеніе съ своей старшей сестрицей!..

— Давно бы пора, Прокопій Ляпуновъ! отвѣтилъ ему бояринъ Ферапонтовъ съ высокаго вала.—Ты, съ братенькомъ да съ товарищи, оторвалъ отъ бѣлокаменной старую Рязань, ты и приведи меньшую сестру къ старшей, да съединятся купно на врага злаго. Пора!

— Пора, коли къ вамъ идемъ, бояринъ! вели ворота отворять!.. Рать моя, рязанская, сейчасъ прибудетъ, на рысяхъ идетъ...

Ляпуновъ явно избѣгалъ встрѣчаться съ пытливымъ взглядомъ Ферапонтова и, нагнувшись, гладилъ рукою потную шею нескладнаго, мордатаго бураго коня, на толстыхъ косматыхъ ногахъ, съ широкимъ задомъ и тяжелымъ хвостомъ. Было понятно, что онъ смущенъ, что только серьезныя, хотя и личныя соображенія побудили этого честолюбиваго рязанскаго дворянина перейти неожиданно, на царскую сторону. Съ затаеннымъ презрѣніемъ глядѣлъ Іона Агѣичъ старыми строгими глазами на этого „заводчика“ смутъ, на дерзкаго „подъискателя“, поставившаго русское государство въ такую опасность. Въ этомъ „худородномъ дворянинишкѣ“, брата котораго, Захара, при царѣ Борисѣ Федорычѣ, высѣкли кнутомъ за то, что бѣжалъ съ Ельца, со станишной службы, на Донъ и „подымалъ“ казаковъ,—бояринъ Ферапонтовъ видѣлъ врага боярству, выскочку, добивающагося только своего возвышенія и власти.

— Что жъ воротъ не велишь отпирать, бояринъ? повторилъ нетерпѣливо Ляпуновъ и красивое лице его загорѣлось краской оскорбленнаго, самолюбиваго, знающаго себѣ цѣну человѣка.

— Не вѣдаемъ, Прокофій, съ чѣмъ пришелъ ты къ намъ, спокойно возразилъ ему Ферапонтовъ.—Врагомъ своимъ мы тебя видали, а коли вправду умыслилъ ты за царя и православіе тянуть — поклянись!

— Святыя церкви московскія и почивающіе въ нихъ нетлѣнные угодники Божіи мнѣ порукой да будутъ, что не худое умыслилъ я, Прокофій Ляпуновъ, отшатнувшись отъ холопскаго дѣла и отъ воровскихъ воеводъ! горячо вскричалъ рязанскій дворянинъ, крестясь на всѣ стороны, гдѣ только блестѣли церковные кресты и главы.—Не измѣнникъ я своему отечеству и народу русскому! Мнилъ: точно-де государь Дмитрій, законный сынъ Грознаго Ивана, Божіимъ промысломъ спасенъ отъ убійства московскаго и на Литвѣ скрывается. За своего русскаго, прирожденнаго государя всталъ я и поднялъ за собой старую Рязань! То Богъ видитъ!... А видючи, что польскіе паны самозванца ведутъ на Москву, и Болотникова холопа увѣдавъ хотѣніе,—бѣлую кость на Руси извести и холопье царство на Москвѣ

упрочить—не хочу служить темному державству, несу московскому государю Василію Ивановичу свою повинную голову!

— Повинную голову мечъ не сѣчетъ! разсудительно замѣтилъ Ферапонтовъ.—По рѣчамъ умницу видать. И рѣчи твои, Прокофій, добрыя, христіанскія... Вели, Полтевъ, ворота отворить.

— Невѣдомая рать близится во многолюдствѣ! крикнулъ съ башни караульный стрѣлецъ.

Ляпуновъ быстро повернулъ своего коня и смотрѣлъ на пыль, поднятую конницей.

— Старая Рязань! съ радостнымъ оживленіемъ кричали съ валовъ смоленскіе, а за ними московскіе стрѣльцы и пушкари.—Пики что твой частоколъ блестятъ!... валомъ-валятъ!... сила ихъ!... Стягъ рязанскій напереди!...

— Не потайно идутъ: на трубахъ играютъ! весело замѣтилъ старый курскій бояринъ, напрягая свое зрѣніе, чтобы распознать приближавшуюся рязанскую рать.—Эхъ-ма, глазушки вы мои,—отказываетесь хозяину служить: темнѣетъ въ полѣ, какъ бы пыль пылитъ; блеснетъ тебѣ какъ бы оружіе—и шабашъ: ничего больше не вижу...

Свободнѣе вздохнулъ, наконецъ, царь Василій Ивановичъ, увидѣвъ, какъ одинъ за другимъ отстаютъ отъ „холопскаго дѣла“ предводители возстанія, вмѣстѣ съ дворянами и боярскими дѣтьми. Всѣхъ ихъ „обласкалъ“ умный государь, принялъ на свою царскую службу, наградилъ, честолюбиваго Ляпунова возвелъ въ званіе думнаго дворянина. Архіепископъ Өеоктистъ удержалъ Тверь и ея область въ вѣрности царю и тверскія дружины пришли отстаивать Москву отъ Болотникова, котораго теперь поддерживалъ только Истома Пашковъ съ туляками. Но никакіе посулы и убѣжденія не дѣйствовали на Болотникова. Сталъ на своемъ: „приду-де на Москву побѣдителемъ, не измѣнникомъ; служу-де истинному русскому государю Димитрію, а Шуйскому служить не хочу“.

Боярская дума высказалась единодушно: „время съ коломенскими ворами покончить, царской силы на Москвѣ собралось много; пусть князь Михаилъ Скопинъ ведетъ ее на Коломенское“. Сказано—сдѣлано: князь Михаилъ Скопинъ у Данилова монастыря построилъ царскіе полки, чуть только занялась тусклая зимняя заря; онъ собралъ ихъ тамъ дня за два. Бѣлокаменная столица молилась и трепетно ждала развязки.

Проведя ночь безъ сна въ Даниловомъ монастырѣ въ совѣщаніи и въ распоряженіяхъ къ предстоявшей битвѣ, молодой воевода не замедлилъ выяснить себѣ положеніе, въ какомъ были силы мятежниковъ. Тульскія дружины Пашкова ждали его въ боевомъ порядкѣ за оврагомъ, пересѣкавшимъ село—коломенскую дорогу. Казацкія станицы лавами стояли за деревней „Котлы“, на ровномъ полѣ. Между

казаками и туляками, по снѣжному косогору, какъ мрачная туча темнѣлась огромная пѣшая рать. То были толпы разнаго сброда, больше мужичье, кое-какъ выстроенныя рядами, то и дѣло путавшіяся; хмѣльная голытьба, которую „сбивали въ ряды" усердныя палки казачьихъ урядниковъ, неистово орала, шумѣла, похвалялась, что бѣлокаменную разграбитъ и боярство выведетъ. Не отличаясь воинственнымъ видомъ, эти густые „таборы" грозны были своимъ многолюдствомъ. Одѣтъ былъ—кто въ чемъ. Полушубки, свиты, кафтаны, куртки изъ кафтановъ и полушубковъ, за старостью лишенныхъ своихъ полъ, нанковые бешметы, подбитые хлопьемъ, безобразные овчинные треухи, бѣлые войлочные „гречишники", медвѣжьи и рысьи шапки, лапти, сапоги, валенки — все тутъ было. Украинскія степи, литовское Полѣсье, „Поле-дикое", разбойничій Донъ—выслали сюда свою отважную „сирому". Рядомъ съ „полѣхомъ" въ бѣлой свитѣ, свѣтлая борода котораго напоминаетъ его родное липовое лыко и лубокъ, стоялъ черномазый какъ уголь, курчавый, узкоглазый „перевертень", не то калмыкъ, не то цыганъ, въ остроконечной красной трухменкѣ, въ азіатскомъ цвѣтномъ халатѣ. Столь же разнообразно было вооруженіе толпы. Оно вѣрно отражало вліяніе тѣхъ враговъ, съ которыми исторія заставляла украинское населеніе биться изъ вѣка въ вѣкъ. Эти враги, „степные воинскіе люди" нашихъ лѣтописей, передали со многими своими обычаями украинцамъ русскимъ то самое свое оружіе, которымъ съ ними бились. Тутъ были: ослопы или палицы, старые тяжелые мечи, „ножи подсайдачные", носимые около меча сбоку, и „засапожные ножи" (засапожники), прятавшіеся въ голенищѣ праваго сапога; кривыя татарскія сабли, копья, сулицы (дротики), джиды (съ арабскаго „джиртда"); джиды состояли изъ трехъ и болѣе сулицъ, которыя вкладывались въ гнѣзда ноженъ, имѣвшихъ металическое устье, „обоймицы" и металическій наконечникъ. Джидъ привѣшивался къ поясу, у лѣваго бока; кидени, короткія гнущіяся палки съ свинцовымъ набалдашникомъ на одномъ концѣ и темлякомъ на другомъ; рогатины, совни, бердыши, топоры; чеканы—желѣзный молотъ съ заостреніемъ задней стороны, насаженный на топорище съ наконечникомъ въ видѣ копейнаго жала; шестоперы—черенъ съ металическимъ наконечникомъ на одномъ концѣ и шестью металическими же перьями, глухими или прорѣзными, на другомъ. Шестоперъ съ бо̀льшимъ числомъ перьевъ назывался „буздыханъ" или „перначъ". Многіе изъ мятежныхъ холоповъ были въ стрѣлецкихъ мѣдныхъ шишакахъ, съ стрѣлецкими мушкетами и саблями, взятыми ими вслѣдствіе частыхъ пораженій царской рати; но большинство имѣло тяжелыя дубины, да гибкіе луки со стрѣлами.

При видѣ такого оборваннаго, полудикаго сброда, пришедшаго брать Москву, нарядные стрѣлецкіе приказы, особливо московскіе, разразились обиднымъ для своего непріятеля хохотомъ и хвастливыми насмѣшками.

— Псы смердячіе! кричали они.—Падлой облопались! съ цѣпами—словно на токъ вышли! подступайте-ка, живодеры!

— Боярскіе наемники! кричали имъ въ отвѣтъ мятежные холопы.—Давайте намъ своего шубника! мы съ нимъ, да съ боярами, расправилися бы за обиду государя нашего Димитрія Иваныча! подходите!..

Выстрѣлы мушкетные забѣгали по густой цѣпи стрѣльцовъ, наступавшихъ впереди царской рати, вырывая въ нестройной толпѣ мужиковъ раненыхъ и убитыхъ. Мужики плотнѣе жались другъ къ другу, какъ бараны, видимо смущенные мѣткимъ огнемъ, но упорно напирали на стрѣльцовъ съ намѣреніемъ охватить ихъ кругомъ и раздавить своимъ многолюдствомъ. Далеко неслось дикое, яростное завываніе холопьяго ополченія, достигавшее бѣлокаменной столицы и угрожавшее ея защитникамъ и жителямъ. То былъ вой раненаго, кровожаднаго звѣря... Темнѣвшіяся по снѣжному косогору толпы теперь „валомъ-валили, все подваливали", издали представляя видъ омраченнаго, взволнованнаго, ревущаго моря головъ... Ихъ передняя линія исчезала въ голубоватыхъ облакахъ пороховаго дыма... Пальба учащалась и переходила въ залпы. То „нарядныя пушки" стонали, метая въ толпы ядра, которыхъ мужики такъ боялись. Бой разгорался. Остервенѣлые холопы съ-пьяна лѣзли на стрѣлецкіе мушкеты, вырывали ихъ, смяли наступавшую цѣпь и прогнали ее до самаго „наряда". Но тутъ встрѣтилъ ихъ дружный залпъ: ядра градомъ запрыгали въ толпѣ.

— Забирай пушки! Навались, братцы! оралъ дюжій боярскій сынъ, красная рожа котораго отъ самыхъ глазъ заросла широкою, какъ деревянная лопата, рыжею бородою, и который тяжелою саблей косилъ стрѣльцовъ, прочищая себѣ путь впередъ.—Навались! Навались! ревѣла за нимъ толпа, подобно потоку, прорвавшему плотину, разливаясь во всѣ стороны и быстро своими живыми, грозными волнами охвативъ длинную линію полевыхъ пищалей и пушекъ съ ихъ пушкарями. Царскій „нарядъ", т. е. артиллерія, очутилась вдругъ въ рукахъ мятежниковъ. Правда, они не могли ими дѣйствовать: ихъ собственные таборы замкнули пушки со всѣхъ сторонъ, и съ ревомъ: „За Димитрія царя! за холоповъ! смерть боярамъ!" двигались, страшной грозовой тучей, прямо на пѣшую царскую рать...

Настала страшная минута. Это чувствовалъ молодой полководецъ, князь Скопинъ, это чувствовала его рать, это чувствовали москвичи, трепетно слѣдившіе съ высокихъ острожныхъ валовъ за исходомъ боя. Въ эту минуту рѣшался вопросъ: устоитъ ли русское государство? быть ли на Москвѣ боярскому, или холопьему распорядку? Царская ли дума—по старому, или казачій кругъ—по новому станутъ властителями? На этомъ снѣжномъ полѣ, между зубчатой стѣной и круглыми наугольными башнями Данилова монастыря и темнѣвшимися вдали дворами деревни Котлы, 2-го декабря 1606 года, сводился кровавый

разсчетъ свободолюбивыхъ русскихъ окраинъ съ все-закрѣпощавшею за собой русской сердцевиной, съ матушкой царской Москвой бѣлокаменной. „Бѣлый лебедь“ дрался съ „черною галицею“.

Стройно, съ развѣвающимися стягами своихъ городовъ и областей, съ барабаннымъ боемъ и игрою „на сопѣляхъ и мѣдныхъ трубахъ“ двинулись стрѣлецкіе полки по знаку, данному саблей мужественнымъ красавцемъ княземъ Скопинымъ. Въ глазахъ царскаго войска онъ казался представленіемъ самого архистратига силъ небесныхъ, архангела Михаила. Недаромъ же онъ Михаилъ. На бѣломъ конѣ, гордо выступавшемъ подъ малиновымъ бархатнымъ чепракомъ съ золотыми кистями и золотой бахромой, въ золоченомъ шеломѣ и золоченомъ нагрудникѣ, сіявшихъ какъ бы чистымъ свѣтомъ побѣдной надежды и великодушіемъ къ побѣжденнымъ, съ гордымъ, орлинымъ взглядомъ и прекраснымъ лицомъ, едва опушеннымъ свѣтлою бородой, съ властной осанкой прирожденнаго военачальника, — онъ былъ душею этихъ двигавшихся на врага царскихъ полковъ. Впереди шелъ смоленскій полкъ головы Григорія Полтева, на зеленомъ стягѣ котораго темнѣлся образъ Смоленской Божіей Матери. Сами просились смольяне впередъ: очень ужъ злы были на своихъ добрыхъ сосѣдей литовскихъ, да польскихъ пановъ, не дававшихъ имъ покоя дома, а теперь кознями своими латинскими замутившихъ Русь.

— За Смоленскую Богоматерь! одушевленно прокатилось по длиннымъ рядамъ смольянъ.

— Московскіе угодники съ нами! неслось по московскимъ полкамъ, сливаясь съ невообразимымъ хаосомъ голосовъ, поднятымъ царскою силой.

Грянулъ залпъ мушкетный; смольяне дружно ударили прикладами и копьями въ заколебавшуюся мужичью толпу. Началась свалка жестокая! Стрѣлецкіе полки съ двухъ сторонъ тѣснили мятежные таборы. Царскій „нарядъ“ отбитъ, заваленный грудами тѣлъ. Князь Скопинъ, въ своемъ пунцовомъ полукафтаньѣ на соболяхъ, въ сіяющихъ доспѣхахъ, на бѣломъ конѣ,—у всѣхъ на глазахъ. По взмаху его сабли полки заходятъ куда нужно и одинъ за другимъ схватываются съ ревущими, волнующимися таборами. Нѣтъ пощады! да ее и не просятъ. Князь Скопинъ зорко поглядываетъ на неподвижныя казацкія конныя станицы, темнѣющіяся у деревни „Котлы“; съ ними Болотниковъ. Истома Пашковъ въ отдаленіи тоже не трогается съ тулявами. Они, конечно, выжидаютъ подходящаго часа, чтобы дать своей пѣшей рати подмогу. Противъ нихъ у Скопина-князя запасные полки—на обоихъ крылахъ его силы стоятъ. Рукопашный бой ожесточенно разгорался: мужичьи таборы чуть-чуть подались назадъ. Не любили они мушкетнаго огня, а въ рукопашной сами были страшны. Кромѣ того ихъ одушевляло отчаянье. Знали холопы, что московскій плѣнъ для нихъ не медъ, что ихъ „въ воду посажаютъ“, по-просту—утопятъ. Скопинъ-князь ждетъ, оглядывается.

...Дрогнула мерзлая земля. Ураганомъ сокрушительнымъ помчались отъ „Котловъ“ конныя казачьи станицы; Болотниковъ скачетъ впереди; его красная трухменка и лазоревый жупанъ хорошо знакомы царской рати, столько разъ имъ побѣжденной. Даже у самого Скопина-князя ёкнуло ретивое. Онъ зналъ, что казаки — не тѣ, что мужичій сбродъ. Лѣсъ длинныхъ пикъ быстро близился.

— За Дмитрія царя! бей его недруговъ! кричали Болотниковъ и казачья густая лава, съ дикой отвагой топча и рубя все, что ни попадалось имъ по пути...

— Святой Микола! не выдай! отвѣчали стрѣлецкіе полки, очутившіеся вдругъ межъ двумя непріятельскими стѣнами, какъ въ тискахъ. Царскіе ратники падали подъ копытами казачьихъ лошадей, подъ ударами казачьихъ сабель, насквозь проколотые казачьими пиками. Прежде чѣмъ успѣли стрѣлецкіе головы опомниться и сообразить—что̀ это за буря и откуда налетѣла?—ихъ разстроенные полки сбились въ огромную толпу, отражавшую съ одной стороны нападенія холопскихъ таборовъ, а съ другой — отчаянный натискъ казаковъ. „Шиши“, по нынѣшнему мародеры, разсыпавшись по снѣжному полю, добросовѣстно и проворно обирали убитыхъ дѳ-нага и безпощадно убивали раненыхъ „царевцевъ“. Такъ было приказано имъ Болотниковымъ. Отъ „Котловъ“, вслѣдъ за казаками, спѣшили большія толпы мужичья̀, тащившія „туры“—связки хвороста, „приступныя“ длинныя лѣстницы, катившія на „колесняхъ“ тараны,—тяжелыя деревья съ прочно окованнымъ „рыломъ“, для разбитія стѣнъ. Князь Скопинъ ясно видѣлъ, что холопъ Болотниковъ не съ тѣмъ пришелъ, чтобы отойти отъ Москвы и не попытаться ее взять. Временный успѣхъ мятежной силы, разстройство нѣсколькихъ стрѣлецкихъ полковъ—не смутили твердую душу молодаго военачальника. Онъ все это предвидѣлъ, онъ этого ждалъ. Онъ знаетъ, что̀ ему дѣлать...

Взмахомъ сабли онъ двинулъ тверское ополченіе, стоявшее наготовѣ, за которымъ красивыми развернутыми линіями, по-сотенно, виднѣлись стремянные, то есть конные стрѣлецкіе полки. То былъ цвѣтъ стрѣлецкаго войска: отборные люди на сильныхъ коняхъ, вѣрные царскіе тѣлохранители. Хвостами конница стояла къ Данилову монастырю. Мѣдные шапки съ мѣдными же орлами на верху и мѣдные панцыри сверхъ алыхъ суконныхъ кафтановъ ярко сверкали. На красныхъ копьяхъ вѣяли цвѣтные значки. Музыканты съ мѣдными трубами и тулумбасами окружали полковые прапоры. Скопинъ-князь даже улыбнулся, соображая, какой ударъ нанесетъ казакамъ Болотникова эта „выученная“ конница, и пустилъ ее вскачь, правѣе бѣгомъ бѣжавшаго тверского ополченія. Обскакавъ его, стремянные полки ворвались въ казачью лаву и прорвали, разрѣзали ее. По полю забѣгали казачьи лошади безъ сѣдоковъ. Сытыя московскія лошади напоромъ своимъ сбивали съ ногъ поджарыхъ казачьихъ лошадей вмѣ-

стѣ съ казаками. Поражаемые съ тылу и съ лица, разсѣянные, отважные сыны степей еще впервые дрогнули и побѣжали по коломенской дорогѣ. Стремянные полки гнались за ними, рубили ихъ, кололи; но степные кони скоро унеслись отъ тяжелыхъ московскихъ. Отбросивъ казаковъ, самую опасную для себя часть войска Болотникова, Скопинъ-князь остановилъ стремянные полки, повернулъ ихъ и велѣлъ ударить въ тылъ холопскихъ пѣшихъ таборовъ. Онъ самъ повелъ свою „отборную дружину", и—не выдержало „молодецкое ретивое"—первый врубился и влетѣлъ въ ревущую, ожесточенную толпу. Кованыя лошадиныя копыта топтали лапотниковъ, сшибали ихъ съ ногъ конскія груди, сабли рубили ихъ сверху, копья кололи; но холопы дорого продавали свою жизнь. Они вырывали у стрѣльцовъ копья, стаскивали самихъ съ сѣдла и рѣзали ножами, если тѣснота мѣшала имъ дѣйствовать дубинами и топорами. Многіе изъ ворвавшихся въ плотные мужичьи ряды конныхъ стрѣльцовъ не выскочили изъ нихъ. Ножами распарывали мужики лошадиное брюхо, подрѣзали лошадямъ ноги. Самъ Скопинъ-князь спасся благодаря только силѣ своего коня и золоченымъ доспѣхамъ, въ которыя порядочно-таки позвонила мужичья дубина. Но все же стремянные полки сдѣлали свое дѣло: прорвали по всѣмъ направленіямъ плотное тѣло огромной толпы, давъ стрѣлецкой пѣхотѣ возможность въ нее ворваться. Напрасно Болотниковъ съ пѣною, у рта убѣдившійся въ томъ, что его казацкія станицы, разбитыя, бѣжали безъ оглядки съ поля, самъ принялъ начальство надъ пѣшими таборами; напрасно онъ одушевлялъ ихъ словомъ и саблей твердо стоять и биться съ боярствомъ, заклятымъ врагомъ холопей; таборы отступали къ Коломенскому, устилая своими трупами широкій путь отступленія, смачивая своею теплою кровью снѣжное поле. Не даромъ доставался и стрѣлецкимъ полкамъ каждый шагъ впередъ.

Между тѣмъ, вниманіе Скопина-князя было обращено на бездѣйствіе боярскаго сына Истомы Пашкова, стоявшаго съ своими сильными и хорошо устроенными тульскими дружинами за дорогой въ Коломенское. Страннымъ показалось Скопину поведеніе Пашкова въ битвѣ. Онъ не далъ помощи казакамъ Болотникова и допустилъ ихъ быть разбитыми на-голову; онъ не шевельнулся, чтобы поправить положеніе холопскихъ пѣшихъ таборовъ и отвлечь отъ нихъ на себя часть стрѣлецкихъ полковъ. Даже теперь, ударь Пашковъ на царскую рать, тѣснящую отступающіе таборы, онъ дастъ Болотникову возможность перейти въ наступленіе и, пожалуй, вырветъ у Скопина вѣрную побѣду. Правда, не всѣ свои силы князь ввелъ въ дѣло; запасные полки, у Данилова монастыря, нетерпѣливо ждутъ своей очереди,—боевые, надежные полки изъ боярскихъ дѣтей и помѣстныхъ дворянъ; но судьба, особенно военная, капризна. Наблюдая съ такими мыслями за тульскими дружинами, Скопинъ увидѣлъ, что отъ нихъ отдѣлился начальный человѣкъ, верхомъ на богато убранномъ

конѣ, и поскакалъ прямо къ нему. Когда же онъ подъѣхалъ, князь увидѣлъ передъ собою самого Истому Пашкова.

— Князь Михаилъ Васильичъ! обратился къ нему Пашковъ, тучный, пожилой мужчина съ сильною просѣдью въ бородѣ и волосахъ въ скобку, отдуваясь подъ своимъ тяжелымъ стальнымъ доспѣхомъ послѣ скачки и выглядывая добрякомъ. — Самъ видишь, что отступился я отъ холопскаго дѣла и Болотникову холопу не товарищъ. Не мѣшаю тебѣ съ нимъ управиться, потому что нынѣ я съ моими дружинами тульскими слуга царя Василья Ивановича. Самозванцу же, другому Дмитрію, служить не хотимъ.

— Исполать тебѣ, Истома, съ твоими туляками! весело сказалъ Скопинъ.

— И ты бы, Михайла Васильичъ, велѣлъ намъ въ городъ идти,— спокойно продолжалъ Пашковъ.

— Что-жъ, съ Богомъ! Обрадуй государя Василья.

Какъ только Пашковъ повелъ свои дружины въ Москву, холопьи таборы побѣжали въ Коломенское, гонимые страхомъ и стремянными полками. Тутъ не положила охулки на руку и курская сотня боярина Ферапонтова. Смѣтливый Ера съ своими севрюками захватилъ всю толпу мятежныхъ мужиковъ, тащившихъ туры и лѣстницы, и какъ стадо барановъ, подстегивая плетьми, пригналъ къ Данилову монастырю, гдѣ ихъ заперли на дворѣ.

Поле осталось за царской ратью, огласившею его радостнымъ, побѣднымъ кликомъ. Въ городѣ жители цѣловались и поздравляли другъ друга, словно въ Свѣтлое Христово воскресеніе.

Грозовая, мрачная туча унеслась дальше...

III.

„Тутъ Егорій—свѣтъ, поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святый Егорій глаголуетъ:
—„Вы лѣса, лѣса дремучіе:
Встаньте и расшатнитеся,
Расшатнитеся, раскачнитеся:
Порублю изъ васъ церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя,
Въ васъ будетъ служба господняя.
Разростайтесь вы, лѣса,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ".
По Божьему все повелѣнію,
По Егорьеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ.
(„Стихъ о Егоріи Храбромъ").

„Застрялъ" старый бояринъ Іона Агѣичъ въ бѣлокаменной, а душей рвался къ своимъ далекимъ курскимъ степямъ и дубовымъ рощамъ; душей скорбѣлъ при мысли о дочери-монашкѣ, за жизнь которой боялся весьма основательно. Царская столица, съ своими обычаями, скоро надоѣла строгому старику, привыкшему къ спокойствію своихъ боярскихъ хоромъ на „Думныхъ Курганахъ". Отвыкъ онъ и отъ высокой горлатной шапки, и отъ стоячаго козыря боярскаго длиннаго кафтана; утомляли его многочасовыя и многотрудныя засѣданія на скамьяхъ царской думы и посольской избы; и уже не подъ силу ему оказалась тяжелая круговая братина на пиршествахъ, которыми изстари славились хлѣбосольные и невоздержные московскіе бояре. И вѣдь всѣ-то они ему старые пріятели, всѣ ему „свои" люди: и того не хочется обидѣть, и другаго; глядишь, нынче „перебралъ", завтра „перебралъ"—и неможется старику.

Но еще болѣе основательныя соображенія тянули боярина въ Курскъ. Болотниковъ, выбитый изъ своихъ окоповъ у села Коломенскаго, бѣжалъ въ Серпуховъ, оттуда въ Калугу; здѣсь онъ засѣлъ: калужане, какъ и вся Украйна, „норовили вору", уже мало заботясь теперь, самозванецъ ли онъ, или истинный сынъ Ивана Грознаго. Невозвратно прошло то недавнее время, когда населеніе отдаленной отъ Москвы Украйны поднялось на имя Дмитрія, прирожденнаго русскаго государя, котораго законныя права на московскій столъ оспаривало вооруженной силой и у Бориса Годунова, и у Василія Шуйскаго. Теперь „обездоленному", полудикому украинцу, воинственному сѣверянину, „воровскому черкасу", безпокойному казаку съ Дона, не

было нужды знать: истинный ли сынъ Грознаго, или самозванецъ ведетъ ихъ на Москву? Темную народную массу подымалъ теперь не вопросъ о законности или незаконности того, кто „сядетъ“ на Москвѣ царемъ, а настоятельныя требованія новыхъ порядковъ, сознательная и крайняя нужда въ такомъ правительствѣ, которое избавило бы народъ отъ непосильной „тяготы“ податной, отъ „судной волокиты“, отъ всяческой неправды и лихоимства волостелей; которое могло бы обезпечить „животы“ отъ раззоренія и смертнаго убійства. Именно „крестьянская“ нужда домогалась взять силой то, въ чемъ ей отказывали московскіе порядки, узаконившіе закрѣпощеніе всего и во всемъ, даже въ вопіющей неправдѣ. Украинскій духъ отваги и независимости не подчинялся не „бѣлому русскому царю“, не Москвѣ православной, а „московской неправдѣ“. Общее происхожденіе, историческія преданія, языкъ и вѣра связывали русскія украйны съ ея русскимъ сердцемъ, Москвой; но Москва, въ смыслѣ власти государственной, казалась народу боярскою властью, московскіе порядки понимались народомъ, какъ боярскіе порядки, при которыхъ боярству хорошо, а народу плохо. Самозванцы, разные Дмитріи, Петрушки, Лаврушки, Ерошки, Гаврилки, Мартынки и прочіе обѣщали „худымъ и меньшимъ людишкамъ“ вольность „обѣленную“, т. е. избавленную отъ тягла землю, безпечальную жизнь, безъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, „земское строеніе“, т. е. самоуправленіе вмѣсто „боярской неправды“,—словомъ, все то, что не давало народу и не могло дать московское самодержавіе. Вотъ почему окраины русскія шли за всякимъ самозванцемъ противъ Москвы. Не доискивались—откуда у царя Ѳедора Ивановича, умершаго „безпотомственно“, могли обыскаться въ далекихъ степныхъ юртахъ сыновья, да разомъ восемь: царевичи Ѳедоръ, Клементій, Савелій, Семенъ, Василій, Ерошка, Гаврилка и Мартынка. Мужское поколѣніе хоть бы и не хворому, безсильному и безсемейному Ѳедору Ивановичу! Не доискивались: откуда вдругъ, на Астрахани, обыскались невѣдомые доселѣ никому сыновья Ивана Грознаго: царевичи Петръ, Августъ, Иванъ и внукъ, царевичъ Лаврушка? и почему у царевича не русское имя: Августъ? Самозванцы, какіе бы и сколько бы ихъ ни было, нужны были народу и онъ за ними шелъ. Всколыхавшееся и забушевавшее море не скоро успокоивается. Народная темная масса—то же море...

Умный царь Василій Ивановичъ понималъ все значеніе, какое можетъ имѣть, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, бояринъ Ферапонтовъ на своей курской украйнѣ, отторгнутой отъ Москвы возстаніемъ; онъ понималъ, что такой „излюбленный земскій человѣкъ“, какъ Іона Агѣичъ, пользовавшійся вполнѣ заслуженнымъ довѣріемъ своихъ земляковъ, стóитъ доброй рати; что твердый подвижникъ русскаго дѣла, курскій бояринъ, соберетъ вокругъ себя „лучшихъ“ людей и съ ними упорядитъ курскую сторону и направитъ ея духъ и силы

противъ крамолы, разъѣдающей государственное единство, грозящей неисчислимыми бѣдствіями Руси православной. Въ этихъ соображеніяхъ Шуйскій согласился, наконецъ, отпустить отъ себя своего „старшаго брата", Агѣича, на Украйну, только съ условіемъ—вмѣстѣ съѣздить къ невѣстѣ, на Ростовскій дворъ.

— Безъ свата нельзя, шутя добавилъ Шуйскій.

— Сваты съ правдою не ѣздятъ, Василій Ивановичъ, отшучивался Ферапонтовъ,—семеро сватаются, а одному достанется.

У невѣсты за „покалами" шелъ разговоръ о только что полученномъ извѣстіи: Телятевскій подъ Пчельною разбилъ царскую рать; Мстиславскій отошелъ отъ Калуги. Чуть не 20.000 царевыхъ ратниковъ передались мятежникамъ. Болотниковъ, котораго не взяли въ Калугѣ соединенныя силы Ивана Шуйскаго, Мстиславскаго, Скопина и Татева, перешелъ въ Тулу, гдѣ уже „сидѣлъ" царевичъ лже-Петръ съ донцами.

— Что жъ, царюшка, не робѣй! говорилъ Ферапонтовъ, одушевляясь по мѣрѣ того, какъ Шуйскій терялъ самообладаніе и поддавался унынію, несмотря на присутствіе внимательно слушавшей красавицы-невѣсты.—Воры что твои мыши по уѣздамъ расползлись, точатъ; ну, а котъ у тебя сибирскій обыскался, Василій Ивановичъ, крысъ, не токмо мышей, давитъ, племянничекъ-то твой, Михаилъ свѣтъ Васильичъ, Скопинъ-князь. И прочіе коты твои царскіе когтисты да зубасты, крысъ обижать почали. Вотъ хоть бы Иванъ Никитичъ Романовъ съ Мезецкимъ съ княземъ—отработали воровскаго воеводу Василья Рубца на оба бока, и Нижній съ Арзамасомъ къ тебѣ вернутъ, и Понизовье. Благодари Бога, Василій Ивановичъ, за его къ тебѣ милости; а себя—не нуди; раскинемъ-ка лучше умомъ-разумомъ, какъ нашему дѣлу правому пособить. Гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало.

Шуйскій только недовѣрчиво качнулъ головой и уставилъ свои подслѣповатые глаза на Ферапонтова съ нѣмымъ, но нетерпѣливымъ ожиданіемъ: что онъ скажетъ?

— Самъ подъ Тулу ступай, государь, самъ добывай своего ворога злаго, своего подъискателя вора, твердо сказалъ бояринъ.—Сядь на коня, покажись своему войску—иные порядки сразу пойдутъ. Самъ иди на свое великое царское дѣло, по старому обычаю...

Наступило тяжелое молчаніе. Молодая невѣста украдкой глянула на стараго жениха и вдругъ поблѣднѣла; а тамъ пуще разгорѣлась, что твой маковъ-цвѣтъ. Въ ней, видимо, разрѣшалась какая-то сильная душевная борьба, которую она не была въ силахъ скрыть. Трудно было опредѣлить чувство, волновавшее въ эту минуту молодое женское сердце. Былъ ли это страхъ за жизнь жениха? или радость, что она не будетъ его видѣть хоть нѣкоторое время, надежда, что онъ не вернется?

Замѣтивъ быстрыя измѣненія этого прекраснаго дѣвичьяго лица,

Ферапонтовъ усмѣхнулся себѣ въ бѣлую бороду и подумалъ: „дѣвушки хороши, красныя пригожи! Да откуда жъ злыя жены берутся“.

Шуйскій глянулъ на свою невѣсту робко и недовѣрчиво и вздохнулъ, словно бы убѣдясь въ чемъ-то для себя тяжеломъ.

— Государю надо быть при своемъ войскѣ, ты сущую истину сказалъ, Іона Агѣичъ, рѣшилъ, послѣ явнаго колебанія, Шуйскій и всталъ, не глядя на невѣсту. По его печальному взгляду было понятно, что ему тяжело оставлять въ Москвѣ свою сердечную привязанность и подвергать себя всѣмъ случайностямъ ратнаго дѣла. Въ красноватыхъ его глазахъ свѣтилась благодарность. Онъ порывисто обнялъ Ферапонтова и крѣпко его поцѣловалъ.

Старый бояринъ, по долгу подданнаго, ловилъ цареву руку, чтобъ поцѣловать. Шуйскій руки ему не далъ.

— Не государь я тебѣ здѣсь, а благопріятель! замѣтилъ боярину Шуйскій, взволнованный и какъ бы съ упрекомъ.—Въ наши лѣта, Іона Агѣичъ, можно вѣрить только въ дружбу.

— Друга въ вѣрности безъ бѣды не узнаешь, замѣтилъ Ферапонтовъ, самъ разстроганный.

Молодая невѣста быстро повернулась на своей бархатомъ обитой скамьѣ, какъ бы на свой счетъ принявъ послѣднія слова стараго жениха, вѣрившаго въ дружбу, но не въ любовь. Онъ, конечно, желалъ своими словами упрекнуть княжну въ ея къ нему холодности. Тѣмъ болѣе непріятнымъ показался ей этотъ упрекъ, что она сознавала его справедливость. Волнуемая разнородными ощущеніями, въ которыхъ была невластна и не могла дать себѣ отчета, княжна удалилась.

Не выдержалъ старый женихъ, проводилъ ее глазами, пока не перестала волноваться дѣвичья кисейная фата и не скрылась за лакированною орѣховою дверью. Съ минуту простоялъ онъ неподвижно, съ глазами устремленными на дверь и, душевно разбитый, опустился на скамью. Что-то больное замѣчалось въ выраженіи его умнаго лица.

Но борьба человѣческаго сердца съ сознаніемъ правительственнаго долга была коротка.

— Ѣхать подъ Тулу надо! сказалъ онъ,—на „заводчиковъ крови“.

— Слава Богу! выбрался! радостно подумалъ бояринъ Ферапонтовъ, въ тотъ же день двигаясь не безъ труда съ крыльца къ дорожнымъ санямъ, въ теплой медвѣжьей шубѣ съ ужасно длинными рукавами, въ высокой собольей шапкѣ, въ ярославскихъ валенкахъ. Ера подпоясалъ его по бабьему, чуть не подъ-мышки, шелковымъ кушакомъ, умоталъ по поднятому воротнику персидскою шалью. Съ помощью же Еры бояринъ грузно ввалился въ широкія троичныя

сани съ высокимъ ковровымъ задкомъ, выкрашенныя бѣлою краской и очень щегольскія, приготовленіемъ которыхъ славилась тогда Москва.

— Уфъ! отдувался старый бояринъ, усаживаясь поуютнѣе и косясь на кульки съ московскими сайками, баранками, прянцемъ, малосольной бѣлужиной и прочими запасами, купленными на дорогу. Ноги его въ валенкахъ уперлись въ боченокъ съ крѣпкимъ медомъ, а подъ бокомъ онъ чувствовалъ мѣшокъ, плотно набитый мороженными рябчиками.

— Прощай, матушка Алпатьевна! за хлѣбъ за соль спасибо! на угощеніи! отвѣтилъ бояринъ своей дородной домохозяйкѣ, напутствовавшей его съ крыльца добрыми пожеланіями и низкими поклонами.

— И впредки бы, батюшка Іона Агѣичъ, не забывалъ бы ты меня, сиротинку, вдову горемычную, своею боярскою милостью! нараспѣвъ причитывала дородная посадница, кланяясь поднятому боярскому воротнику.

— Ну, Ера ты ерницкая, гляди у меня: не отставать съ сотней, не баловаться! строго приказалъ Ферапонтовъ стремянному;—ѣхать тебѣ позади: про всякъ случай.

Подъ „всякимъ случаемъ" бояринъ разумѣлъ насиліе, или какую нибудь „пакость" своихъ ребятъ.

— Благонадеженъ буди, бояринъ: не впервой! бойко сказалъ Ера, прикрывъ его ноги бѣлою мягкою полстью, и проворно влетѣлъ въ свое сѣдло съ такими вздутыми, явно не пустыми кожаными подушками, туго перехваченными ременною подпругою, что только такой мошенникъ, какъ Ера, могъ на нихъ сидѣть. Съ обоихъ боковъ добрый конь его былъ увѣшанъ узлами, мѣшками, сумками, торбами, конечно съ ворованнымъ добромъ.

— Не баловаться, ребята! крикнулъ изъ-за поднятаго воротника бояринъ сотнѣ на коняхъ, но къ ней не повернулся, потому что повернуться не могъ.

— Кажись, тоже православные! какъ бы обидясь на боярина за всю сотню, пробормоталъ Ера, зорко оглядывая свой вьюкъ.

— Съ Богомъ! крестясь сказалъ бояринъ.

— Съ Богомъ! весело подхватили конные севрюки. Соскучились и они на Москвѣ по своимъ бабамъ и ребятишкамъ, по своей родной сторонушкѣ.

— Ну вы, черти! принимай! сипло прикрикнулъ на добрую тройку мрачный кузнецъ „Маркела", на прощаньи изрядно „урѣзавшій".

За возницу посадилъ его бояринъ на облучекъ саней по основательному опасенію: не пропилъ бы кузнецъ дорогой своего коня, сѣдло и оружіе, и самъ не пропалъ бы. Мрачный Маркела, по своему обычаю, „разчертыхался", передернулъ широкими плечищами, занукалъ, задергалъ вожжами. Осадистый коренникъ „принялъ". Доб-

рая тройка сытыхъ, доморощенныхъ лошадей побѣжала подъ тупой на морозѣ звонъ колокольца. Словно и улица побѣжала по обѣимъ сторонамъ саней: дома, заборы, сады въ бѣломъ инеѣ, бѣлыя площади, церкви, лавки, торгаши и безъ дѣла снующій народъ—все бѣжало въ старыхъ глазахъ боярина, покачивавшагося въ саняхъ.

Выѣхавъ за заставу, бояринъ велѣлъ остановиться. Привставъ съ помощью кузнеца, онъ обернулся на Москву и, снявъ шапку, набожно перекрестился на горѣвшіе въ морозномъ воздухѣ золоченые кремлевскіе кресты и главы. Хороша раскинулась бѣлокаменная во всѣ стороны, куда глазъ окинетъ, съ своими безчисленными церквами и монастырями. Озлащенный янтарнымъ зимнимъ лучемъ, бѣлый столбъ Ивана Великаго гордо подымался изъ-за бѣлыхъ кремлевскихъ башенъ, стѣнъ, царскихъ палатъ и храмовъ. По голубоватому небу ползутъ разорванные клочья тусклыхъ снѣговыхъ тучъ...

— Доведется ли теперь на Москвѣ побывать? подумалъ бояринъ, снова усаживаясь поуютнѣе въ сани,—не въ послѣдній ли это разъ?

— Мытную деньгу на государево дѣло! требовательно крикнулъ подбѣжавшій къ санямъ старикашка, мытный ярыжка, въ бабьемъ шушунѣ, согнутый, какъ колесо, съ беззубымъ провалившимся ртомъ, отчаянно гримасничавшимъ и брызгавшимъ слюнями.

— Дамъ я тѣ мытъ, старая ты крыса! прикрикнулъ на него бояринъ, прогнѣвавшійся при одной мысли, что его, боярина Іону, мытный приставъ осмѣлился остановить, да еще по такому морозу.— Наладьте его по шеѣ, ребята!

Не входя въ дальнѣйшую для себя непріятность и косясь на плеть расторопнаго Еры, мытный приставъ, сорвавъ съ себя облѣзлую шапку, какъ могъ скорѣе побѣжалъ къ рогаткѣ, запиравшей впереди дорогу. Согнувшись „въ три погибели", онъ откатилъ рогатку.

— Прощенья просимъ у твоей боярской милости! съ униженнымъ поклономъ прошамкалъ приставъ, старая заставная крыса съ розовою плѣшью во всю голову, провожая испуганными крысьими глазами сердитаго проѣзжаго.—Скатертью вамъ дорожка, молодцы!

Ера только плетью погрозилъ ему за его доброе напутствіе.

Сани легко скользили по дорогѣ, до глянцу натертой обозами. Подрѣза и подковы завизжали и заголосили по морозу, усиливавшемуся къ ночи. Дорога виляла изъ стороны въ сторону. Широкая спина возницы, кузнеца „Маркелы", запрыгала въ старыхъ глазахъ боярина, имѣвшаго слабость въ дорогѣ дремать или задумываться. Но теперь ему не дремалось. Съ каждой верстой, удалявшей его отъ Москвы, онъ наглядно убѣждался въ тяжелыхъ слѣдахъ, оставленныхъ мятежнымъ Болотниковымъ и его сбродомъ. На бѣлыхъ въ инеѣ вѣтвяхъ деревьевъ, выбѣленныхъ мятелью, висѣли бѣлые, снѣгомъ запушенные, мерзлые тѣла казненныхъ царскими воеводами мятежниковъ. Черное воронье мрачными пятнами съ рѣзкимъ кар-

каньемъ, разсѣвшись по деревьямъ, стерегло свою добычу. Невеселыя думы вызывали въ бояринѣ чернѣвшіеся среди снѣга остовы печей и дымовыхъ трубъ, обуглившіеся вереи и столбы сожженныхъ дворовъ. Исчезли цѣлыя деревни. Ихъ пожарища обозначались только высокими сугробами снѣга, навѣянными зимнею бурей. Духомъ палъ бояринъ, обсуждая все, что видѣлъ. „Хотя бы иноплеменные враги, а то свои же, русскіе, русскую кровь точатъ"! думалъ онъ.

А сотни подковъ скрипятъ по морозу. Севрюки вытянулись за санями длинной толпой, подгоняемые сзади Ерой.

Отъ безпрестанныхъ раскатовъ саней у стараго боярина голова закружилась, его закачало, онъ наконецъ задремалъ. Зимніе дорожные звуки баюкали его, какъ колыбельная пѣсня.

IV.

„Разставшись, душа сама прочь пошла,
И отошедши, возвратилася,
Съ своимъ бѣлымъ тѣломъ попростилася.
— „Ты прости, тѣло бѣлое мое,
Прости беззаконіе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червямъ, тѣло, на источенье;
Вы кости—землѣ на преданье,
А я, душа, къ самому Христу на спокаянье"
(„Стихъ про душу грѣшную").

Уже разсвѣло, когда Ферапонтовъ въѣхалъ въ Серпуховъ,—ранняя обѣдня только что отошла. Бояринъ велѣлъ везти себя прямо къ воеводскому двору. Воевода ему старый пріятель; приходился даже, по Стародубскому роду—родичемъ. Усталый, избитый вошелъ онъ въ горницу, теплую и просторную, и радешенекъ былъ, что отдохнетъ. Лѣтà свое брали.

— Тебя ли, Іона Агѣичъ, вижу? радостно встрѣтилъ пріѣзжаго родича высокій и толстый воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, оттолкнувъ Еру и помогая ему освободиться отъ шубы.— Вотъ обрадовалъ! какъ разъ къ кулебякѣ: горячая на столѣ, Іона Агѣичъ, пальчики оближешь, братъ. Сядемъ-ка!

Отъ почтенной своей толщины тридцатилѣтній воевода казался гораздо старше. Онъ задыхался, таща Ферапонтова за руку прямо къ столу, къ дымившемуся завтраку, забрасывая дорогаго гостя вопросами о московскихъ новостяхъ.

Воевода князь Пожарскій, добрякъ, какъ большинство толстяковъ, говорилъ чистосердечно, съ убѣжденіемъ во всемогущемъ вліяніи на человѣка ѣды и питія. Онъ заботливо подкладывалъ гостю на та-

релку, подливалъ ему въ стаканъ, усердно упрашивая его ѣсть и пить больше и краснорѣчиво пугая его вредными послѣдствіями воздержанія.

— Ты попроще, Іона Агѣичъ, говорилъ онъ:—что взялъ—съѣлъ, и опять взялъ, и опять съѣлъ,—анъ дѣло колесомъ пойдетъ, ходко... Глянь на меня: дороденъ, румянъ—а отъ чего? ѣмъ-пью вволюшку. И скуки не знаю, даромъ что холостъ живу: семья на Москвѣ. А поѣвши, Агѣичъ, завались ты себѣ на лежанкѣ, на пуховикѣ. Лежанка, братъ, горячая, съ дорожки всхрапнешь—мое почтеніе. Встанешь къ обѣду, какъ встрепаный. А пообѣдавши, можно рѣчь и о дѣлахъ повести. А сейчасъ, вижу, ни на какое дѣло ты не годишься. О какомъ дѣлѣ съ тобою говорить, коли ты кускомъ давишься, хуже больнаго ѣшь? Уха, вѣдь, налимья. Дай, подложу, братъ.

Накормивъ дорогаго гостя, Пожарскій уложилъ его на перину, на широкую горячую лежанку, а самъ вышелъ въ воеводскую избу „службу править". Онъ понималъ опасность и отвѣтственность своего воеводства, и даже спалъ не раздѣваясь.

По печальнымъ событіямъ, замутившимъ московское государство, Серпуховъ „получилъ особенное значеніе". Крѣпкій городъ одинаково считался важнымъ украйнымъ мѣстомъ и царемъ, и мятежниками. Не даромъ предпріимчивый холопъ Болотниковъ, разбитый молодымъ Скопинымъ у деревни „Котлы", вытѣсненный имъ изъ „острога" въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ его три дня „добывала" пушками царская рать, побѣжалъ прямо къ Серпухову. „Прокормите-ли вы, граждане, мое войско, и сами прокормитесь-ли весь годъ?" спросилъ Болотниковъ собравшійся міръ, посадскихъ жителей.—„Сами не прокормимся весь годъ, а войско твое кормить намъ нечѣмъ", простодушно отвѣчали жители. Только вслѣдствіе такого отвѣта Болотниковъ побѣжалъ въ Калугу; но своего сподручника, атамана Митьку Беззубцева, съ его казаками оставилъ „отсиживаться" въ деревнѣ Заборьѣ, подъ Серпуховымъ, съ приказомъ укрѣпить ее острогомъ и сторожить перевозъ черезъ Оку и Тульскую дорогу. Беззубцевъ съ казаками сдались Скопину „на слово", что ихъ не побьютъ и на царскую службу примутъ. Городъ Серпуховъ занялъ смоленскій стрѣлецкій приказъ головы Полтева, да отрядъ тверскихъ боярскихъ дѣтей. Воеводой прислали князя Пожарскаго.

Умный Василій Ивановичъ Шуйскій давно зналъ семью Пожарскихъ. Она была приближена къ царю Борису Годунову. Княгиня Марья, старая вдова, мать Дмитрія Михайловича, жила во дворцѣ, при царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ; молодой, едва двадцатилѣтній князь Дмитрій несъ должность стряпчаго съ платьемъ. Спорное дѣло Пожарскаго съ Лыковымъ, возобновленное ими въ боярской думѣ при Шуйскомъ, возникло такъ: царь Борисъ „указалъ" княгинѣ Лыковой быть при царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ, а матери Пожарскаго—при

царевнѣ Ксеніи. Пожарскій челомъ билъ: „матери-де его ниже княгини Лыковой быть невмѣстно". Справки по разряднымъ книгамъ не выяснили дѣла. Лыковъ же утверждалъ, что Пожарскій хвалится родами, „которые съ Пожарскими разошлися, что онъ хочетъ тѣмъ пособить своей худобѣ и своему роду", „князь-де Иванъ, княжъ Петровъ сынъ, Пожарскій былъ на Тулѣ ямской стройщикъ". Дѣда Пожарскаго, Ѳедора Ивановича, Лыковъ обзывалъ въ челобитной губнымъ старостою.

Худородство не мѣшало, впрочемъ, проявленію въ князѣ Дмитріи личныхъ качествъ, невольно сближавшихъ его съ людьми и выдвигавшихъ его впередъ. Шуйскій не разъ убѣдился въ добромъ усердіи и прилежаніи служебномъ князя Дмитрія, а также въ глубокомъ его благочестіи и теплой набожности. Въ кровопролитномъ бою у „Котловъ" Шуйскій восхищался предусмотрительностью и храбростью князя Пожарскаго, начальствовавшаго надъ однимъ изъ стремянныхъ полковъ, отличившихся при пораженіи мятежниковъ и при ихъ преслѣдованіи. Пылкій Скопинъ тутъ же, среди грудъ мертвыхъ, обнялъ его и въ знакъ братства по оружію помѣнялся съ нимъ крестами. Шуйскій, желая почтить доблесть князя Пожарскаго, послалъ его, съ согласія боярской думы, воеводой въ Серпуховъ, и лучшаго назначенія не могъ сдѣлать.

Такъ въ трудную годину испытанія, когда невольно „шатались" умами и волей серпуховичи, не могшіе еще дать себѣ отчета въ событіяхъ, вовлекавшихъ ихъ въ кровавый потокъ, судьба послала имъ воеводу, соединявшаго съ простодушіемъ неподкупную прямоту слова и дѣла. Ужъ подлинно „прямилъ" онъ царю Василію и недругъ былъ его врагамъ. Скоро серпуховичи съ своимъ воеводой „сплотились во едино" и уже безъ шатости стояли за государево великое дѣло, отожествляя его, царя Василія, дѣло—съ дѣломъ государственнаго наряда. Пожарскій не обманывался, донося Шуйскому, чтобы онъ, государь великій, на Серпуховъ городъ въ надеждѣ былъ, „безъ сумлѣнья". Увѣренность въ Серпуховѣ „на берегу" развязывала царю руки для дѣйствій противъ Болотникова, засѣвшаго теперь въ Тулѣ. Ежедневно лихая ямская тройка съ веселымъ колокольцомъ, съ бойкимъ ямщикомъ на облучкѣ и „приказнымъ", дремлющимъ въ саняхъ съ кожаною сумкою на груди, прилетала по Тульской дорогѣ къ серпуховскому „яму". Сзади не отставала другая тройка съ тремя вооруженными стрѣлецкими урядниками. Торопливо, съ криками, перепрягались у яма свѣжія тройки и мчались съ тѣмъ же бойкимъ покрикомъ и свистомъ по Московской дорогѣ. То везли „отписки" воеводъ изъ подъ Тулы царю, въ Москву.

Дѣла Пожарскому по городу было „полонъ ротъ", какъ онъ говаривалъ; воротился онъ домой усталый, весь мокрехонекъ, отирая платкомъ потъ съ краснаго лица, и выпилъ разомъ кружку холоднаг грушеваго квасу.

— Уходился? замѣтилъ ему Ферапонтовъ, успѣвшій выспаться на тепломъ пуховикѣ.

— Пообѣдаю, Іона Агѣичъ, поправлюсь! весело сказалъ Пожарскій, принимаясь за другую кружку квасу.

Ферапонтовъ по-своему посмѣивался, поглядывая на толстаго родича. Его онъ любилъ, несмотря на свои рѣдкія съ нимъ встрѣчи. Грузная фигура Пожарскаго вполнѣ подходила къ его характеру. Широкое сѣроглазое лицо, пышущее избыткомъ здоровья, окаймлялось свѣтлорусой бородкой; волоса, подрѣзанные по-старинѣ — въ скобку и немного вылѣзшіе на темени, какъ это нерѣдко встрѣчается у молодыхъ толстяковъ, были значительно темнѣе бороды. Какъ въ характерѣ его преобладала осторожность, соединенная съ благоразуміемъ старика, такъ и наружность его казалась остарковатою; весело и душевно онъ смѣялся, и заразителенъ былъ его добрый, лѣнивый смѣхъ. Распахнувъ широкій, какъ мѣшокъ, суконный кафтанъ, такъ что бѣлая ткацкая рубашка, выпущенная сверхъ свободныхъ бархатныхъ штановъ и подпоясанная шелковымъ шнуркомъ съ кистями напереди, была напоказѣ, онъ то и дѣло отиралъ платкомъ потное лицо и отдувался. Широко разставя ноги въ высокихъ сапогахъ, онъ упирался въ колѣни руками, словно облегчая себѣ необходимость сидѣть на лавкѣ, а не лежать, какъ бы хотѣлъ онъ, на перинѣ. Несмотря на свои лѣнивыя привычки, онъ выглядѣлъ богатыремъ; богатыремъ, по сложенію, создала его природа; но въ немъ чувствовалась также и богатырская сила духа; та именно спокойная, скромно сознающая себя душевная сила, что, когда надо, направляетъ хорошаго русскаго человѣка на подвиги, способные изумлять своимъ самоотверженіемъ и безкорыстіемъ.

Нечего говорить, что радушный хозяинъ угостилъ гостя обѣдомъ на славу: супомъ изъ гусиныхъ потроховъ съ крупичатыми горячими калачами; солянкой изъ свѣжей осетрины съ лавровымъ листомъ и перцемъ, съ шинкованною капустою; киселемъ клюковнымъ съ медомъ; курею безкостою, отбивною, въ коровьемъ маслѣ томленною, смѣтаной политою. Кушанья оказались нетолько вкусными, но и по плохимъ зубамъ Іоны Агѣича. Не прочь былъ, послѣ обѣда, посидѣть старый бояринъ за медами крѣпкими—слабость къ нимъ имѣлъ; а тутъ передъ нимъ хозяинъ какихъ медовъ не наставилъ: вишневый, смородинный, можжевеловый, сборный, приварный, бѣлый паточный. Послѣдній, подъ названіемъ „княжій", особенно понравился боярину. Пошли разговоры про московскія дѣла, про тульскую осаду. Говорилъ больше Ферапонтовъ, Пожарскій слушалъ. Совсѣмъ другой человѣкъ сидѣлъ онъ теперь, подперевъ голову рукою и глубоко задумавшись. Веселое простодушное выраженіе лица смѣнилось сосредоточенною душевною печалью; въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ стояла та твердая рѣшимость, чтò можетъ быть только послѣдствіемъ долгихъ думъ и безповоротнаго убѣжденія. Въ тѣни, бросаемой рукой, поддерживавшей

голову, глаза его свѣтились живымъ чувствомъ состраданія къ бѣдствіямъ, постигшимъ Русь.

— За Окой—мятежъ, говорилъ Фетапонтовъ,—украйны за царя встали. А сѣверъ! — онъ выразительно махнулъ рукой: — Смоленскъ круль польскій отбираетъ — не отобралъ-ли ужъ? Свейскіе полки, слышно, у Новгорода-Великаго. Подлый бездомовникъ и христопродавецъ казакъ словно въ степяхъ казакуетъ по всему русскому царству; Болотниковъ холопьевъ на боярство ведетъ; на Москвѣ измѣна; скончанье свѣта пришло: ибо лжецарь, самозванецъ, тотъ же антихристъ!... А царь Василій старъ, бездѣтенъ....

— Увѣдать скончанье свѣта сего — человѣку не дано: то дѣло Божьяго промысла, человѣку недоступное, строго замѣтилъ Пожарскій.—Уныніе грѣшно, особливо вождямъ народнымъ, Іона Агѣичъ. Санъ твой боярскій велитъ тебѣ даже унывающихъ людишекъ ободрять. Припомни поученіе Анастасія Синаита: „Богъ въ законѣ говоритъ: дамъ вамъ князя по сердцу вашему. Нѣкоторые изъ князей или царей поставляются достойными такой чести отъ Бога, а недостойные поставляются за недостоинство людей, по злобѣ ихъ, по Божьему попущенію и хотѣнію. Не дивись, ни Божьяго промысла не оглаголуй, но научись и вѣруй, что по беззаконію нашему такимъ мучительствамъ предаемся".

— Не до монашеской проповѣди, когда видишь гибель свою и всего крещенаго міра! нетерпѣливо возразилъ Ферапонтовъ. — Лихое споро, не умретъ скоро. Худо—добро переможетъ.

— Не говори такъ, Іона Агѣичъ! то слова не твоей сѣдовласой старости, не твоего мудраго разума! заговорилъ Пожарскій съ одушевленіемъ, совсѣмъ его преобразившимъ и даже удивившимъ Ферапонтова.—Ангелъ гибели и смерти, Азраилъ, носится надъ смятенною русскою землею съ пылающимъ факеломъ въ шуйцѣ и съ разящимъ мечомъ, окровавленнымъ, въ десницѣ; но ликъ его свѣтелъ и одежды блестящи, какъ солнце. То посланецъ небесной рати, творящій волю небеснаго вождя. Это не мститель, не бичъ божій — это само божеское правосудіе, это гласъ Божій, призывающій отпавшихъ отъ закона, забывшихъ его!... Настанетъ время и, — кто знаетъ: не близко-ли оно?—когда свѣтозарный Азраилъ замѣнитъ свой пылающій факелъ и мечъ окровавленный — масличною вѣтвію. Тогда придутъ на землю русскую миръ и строеніе, вотще призываемое нынѣ лучшими людьми; народная воля, воля Божія, укажетъ государя— и никакая вражья сила, никакіе самозванцы не пошатнутъ престола помазанника Божія, и не спадетъ волосъ съ головы его безъ Божьяго соизволенія!... Какъ снѣгъ исчезаетъ отъ вешняго солнца—исчезнутъ съ лица земли русской ея враги—внутренніе и внѣшніе, и возрадуемся всѣ, отъ мала до велика! Благолѣпна и крѣпка подымется государства русскаго храмина!...

— Твоими бы устами да медъ пить, Дмитрій! отвѣчалъ, вздохнувъ, Ферапонтовъ.

До-сыта наугостившись у Пожарскаго и отведя душу въ дружеской бесѣдѣ съ нимъ, Іона Агѣичъ съ вечеру пустился въ дальнѣйшій путь, сопровождаемый благими пожеланіями радушнаго хозяина. Ночью онъ выѣхалъ на „Пахнутцовую дорогу". „Пахнутцовая" (Бахнутцовая, Вахмутская) дорога шла высокими мѣстами, бросая яры лѣсные и болота, обходя рѣки. Начиналась она отъ „Меловаго брода", на рѣкѣ Семи, въ сорока верстахъ отъ Курска; выше Орла, у устья рѣки „Добраго Колодезя", она выходила на „Свиную дорогу", названную такъ въ насмѣшку надъ бѣлгородскими (аккерманскими) татарами, „прихаживавшими" на Рыльскъ, Карачевъ, Болховъ, Орелъ и ихъ уѣзды. Молъ, „дорогу свинья проложила". Очень можетъ быть, что этимъ названіемъ дороги народное сказаніе намекаетъ на неудачный возвратъ Батыя изъ подъ Козельска, „злого города", имъ не взятаго. „А прихаживали татаровя на Свиную дорогу съ Бакаева шляху; а Бакаевъ шляхъ отъ Муравскаго шляху верстъ съ сорокъ къ Днѣпру"—объяснено въ „Книгѣ большому чертежу". Пахнутцовая дорога пролегала водораздѣломъ. Къ востоку отъ нея пошли притоки Оки, къ западу притоки Десны. Тульскій и лѣсной Амченскій уѣзды, хотя и менѣе опасные отъ татарскаго наѣзда, чѣмъ уѣзды пососенскіе и подесненскіе, тѣмъ не менѣе строго подчинялись мѣрамъ обороны, обязательнымъ для украинскихъ мѣстъ. Въ тульскихъ лѣсахъ, сливавшихся съ одной стороны съ рязанскими, а съ другой— съ Брынскими, тянулась „засѣка". На перелазахъ засѣкались засѣки и „зарубы", такъ называвшіеся „частники", лѣсные завалы, въ открытыхъ мѣстахъ рылись рвы, насыпались насыпи. По Пахнутцовому шляху, возлѣ острожковъ, селились селенія, „городища". Въ случаѣ опасности отъ татаръ, Орелъ извѣщалъ Амченскъ черезъ вѣстовыхъ станичниковъ; Амченскъ подавалъ вѣсть Тулѣ, Тула Серпухову, Серпуховъ Москвѣ. Амченцы, по наряду, ходили „на полевую службу" въ Орелъ и на сосенскую линію. Но уѣздные люди не имѣли уже надобности „стоять усторожливо, чтобъ воинскіе люди не пришли безвѣстно и уѣзда не повоевали". Эта была теперь тяжелая обязанность уѣздовъ потускарскихъ, подонецкихъ, посеймскихъ и „Бѣлогородской" сторожи, „дозиравшей" поле. Тула и Амченскъ пугали конныхъ степняковъ своими неприступными каменными острогами.

Шибко ѣдетъ Ферапонтовъ Пахнутцовымъ шляхомъ, по которому нынѣ пролегаетъ старая курско-московская дорога. Тульская засѣка далеко назади. Затемнѣлись „богатырскіе и заповѣдные" лѣса, по Соснѣ рѣкѣ. Всѣ ихъ знаетъ бывалый Ера, разъясняетъ севрюкамъ, гдѣ какой лѣсъ: тамъ вонъ „Мокрецкій", „Долгій", „Радушкинъ лѣсъ", „Богатый"; полѣвѣе „Красный сосновый лѣсъ", „Красный еловый лѣсъ". Изъ двухъ послѣднихъ лѣсовъ вытекаетъ-де рѣка „Красная Сосна" и ея притокъ „Красный Елецъ".

— Тамъ вонъ Ока взялась, указывалъ Ера севрюкамъ вправо отъ Пахнутцовой дороги.—Съ чистаго поля Ока взялась, отъ „Раковыхъ Колковъ". Очи—село; тамъ ей головище. Такъ трясина вышла, озеро. Солонь-рѣчка да Кромы-рѣчка Окѣ воду подаютъ.

— Нѣшто охотиться доводилось въ головищѣ? спрашивали Еру молодые севрюки.

— На кабановъ дикихъ хаживалъ, во младости, сказалъ Ера.— И кабанъ же тутъ жилъ!

— Да ты, Ивашенька, никакъ въ новой шапкѣ? замѣтилъ Ерѣ севрюкъ, когда сотня за боярскими санями шагомъ вытягивалась въ гору.

— И то на Ивашенькѣ нашемъ бобровая шапка! подхватили зубоскалы севрюки.

— А старая-то твоя, облѣзлая шапчонка гдѣ? приставали они. — Шапка твоя невидимка, что хозяйка Арина прятала: въ кабакъ бы ты не бѣгалъ, Ивашенька?

— Шапку-невидимку, въ саму глуху полночь, на „крестахъ" бросилъ, гдѣ двѣ дороги сошлись, серьезно сказалъ Ера. — Съ заговоромъ бросилъ: кто-де мою шапку подыметъ, на себя бѣса моего позоветъ.

— Вправду, аль шутишь? спрашивали севрюки, вполнѣ раздѣлявшіе суевѣріе боярскаго стремяннаго, затронувшаго ихъ любопытство.— Стало, на чужую голову бросилъ?

— На того на самаго, кто ее надѣнетъ, либо подыметъ, того человѣка мой бѣсъ облюбитъ, а меня смущать перестанетъ.

— Должно не скоро выкуришь ты изъ себя бѣса, не разлюбитъ тебя, Ивашенька, пострѣлъ твой! смѣясь, замѣтилъ ему сѣдой севрюкъ.—Замуздалъ онъ тебя, самого бѣсомъ сдѣлалъ!

— Бѣсъ бѣса хвалитъ! подмигнулъ Ера ребятамъ на сѣдого севрюка.—Не ты ли, Крыса, поднялъ мою шапочку заговорную?

— Избави Богъ! Крыса перекрестился и сплюнулъ.

— Кто-жъ те заговору тому училъ? спрашивали молодые севрюки Еру.—Аль колдунъ?

— Стало, колдунъ. Ходятъ по бѣлу свѣту досужіе...

— Ходятъ?! робко заговорили зубоскалы, уже безъ смѣха.—Какъ же теперича колдуна узнать?

— А вотъ какъ: послѣ утрени, на Благовѣщенье, садись ты на лошадь, которая хуже у тебя,—лицомъ къ хвосту, да назадъ не оглядывайся. Выѣзжай за околицу; гляди на трубы; потому въ этотъ самый часъ нечистая сила провѣтриваетъ колдуновъ: висятъ колдуны на воздухѣ внизъ головой...

— Страсти! прошепталъ севрюкъ помоложе.

— Я вѣдаю, ребятки, и чародѣйскій травникъ, вы обо мнѣ какъ полагаете? расхвастался Ера.—Я травами лечу. Вотъ колюка-трава; окури ею ружье—не промахнешься. Трава кочедыжникъ, тоже

папоротникъ: цвѣтъ достанешь—повелѣвай землею и водою, клады бери, невидимкой кройся, все въ твоихъ рукахъ. Ну, только не можетъ человѣкъ тотъ чуденъ цвѣтъ сорвать. Цвѣтетъ папоротникъ только въ ночь подъ Ивановъ день, нечистая сила его караулитъ. Въ глуху полночь на кустѣ широколистомъ, папоротникѣ, зацвѣтаетъ почка. Не то волной колышется, не то словно птичка прыгаетъ. Стало быть, нечистый духъ отъ глазу людскаго скрыть цвѣтокъ тотъ старается. Ростетъ цвѣтокъ, какъ жаръ разгорается; словно зарница, съ трескомъ развертывается и пламенемъ освѣщаетъ кругомъ. Тутъ нечистый цвѣтокъ срываетъ. Чтобъ не дать ему цвѣтка сорвать, очерти ты вокругъ себя черту и всѣ дьявольскія искушенія перетерпи. А оглянулся на зовъ дьявольскій—пропалъ! Онъ тебѣ голову свернетъ. Охъ, ребятки, мудрено—сказываютъ—кочедыжника цвѣтъ скрасть!

— А околдовать можешь, Ивашка? спросилъ Крыса съ лукавой усмѣшкой, свидѣтельствовавшей, что онъ сомнѣвается въ способности Еры околдовать человѣка.

— Это, по-нашему, „мертвою рукою обвести", отвѣтилъ Ера, самодовольно улыбаясь.—Для того есть, другъ, свѣча восковая „околдованная". Безъ свѣчи нельзя.

— Что жъ это за свѣча околдованная? спросилъ любопытный малый.

— А та самая свѣча, что въ мертвую руку воткнута, а мертвая рука у повѣшаннаго отрѣзана, высушена въ собачьи жары. И та свѣща свѣтитъ путь дороженьку разбойникамъ, а на спящихъ хозяевъ сонъ нагоняетъ непробудный.

— Страсти! замѣтилъ любопытный малый, робко поглядывая на лѣса, которые одѣвались уже въ ночныя тѣни и хмуро поджидали къ себѣ путниковъ. Крыса замолчалъ, какъ побѣжденный.

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ДНЕВНИКЪ ЗАКЛЮЧЕННАГО [1].

IX.

Выходя на прогулку, я услышалъ лай Радкевича, доносившійся съ того коридора: „Снять съ него рубашку! Снять сапоги у этой скотины!... Я тебя, каналья! Снять все съ него, повѣсить его, подлеца, бунтовщика!... Брродяги!...“ и т. д. Этотъ лай относился къ только что приведенному плѣнному,— какое варварство!

Прогулки становятся невыносимыми,—не потому, что настала сильная, удушливая жара, а на мнѣ, за неимѣніемъ лѣтняго—ватное пальто и барашковая шапка,—нѣтъ! но потому, что онѣ происходятъ на глазахъ у всего населенія крѣпости,—населенія, въ которомъ не мало найдется дико-дерзкихъ, рѣшающихся открыто оскорблять насъ. Когда я переходилъ улицу, кучка грязныхъ солдатъ остановилась и одинъ сказалъ конвойнымъ, нагло смѣясь мнѣ въ лицо:—„Ведите его...“ и затѣмъ послѣдовало любимое татарско-русское словцо. Да и не по одному этому. Боже мой! кажется, ничего нѣтъ омерзительнѣй, возмутительнѣй картинъ, составляющихъ теперь обыденное явленіе въ крѣпости. Вотъ спѣшатъ куда-то трое солдатъ; одинъ останавливается, наклоняется и что-то ищетъ на дорогѣ; идетъ Радкевичъ и со всего размаху—бацъ его ногой по головѣ!... Неуклюже переступаютъ съ ноги на ногу, по одному, по двое—обезображенные „гражданскіе арестанты...“ Прошла по направленію къ банѣ партія „новобранцевъ“ въ толстыхъ рекрутскихъ шапкахъ и пальто поверхъ шляхетскихъ костюмовъ,—сколько почти-дѣтскихъ, нѣжныхъ лицъ! За ними—„дядьки“ изъ старыхъ солдатъ. Большинство „забранныхъ

---

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VIII, стр. 557.

повстанцевъ" обратили въ рекрутовъ, и „уже была присяга". Сколько ироніи для нихъ въ этой присягѣ!—Смѣшно и гадко: съ одной стороны завѣдомо-затаенная ненависть, съ другой—начальники говорятъ: „ничего,—вы только дѣлайте, чтó мы приказываемъ, а тамъ, а тамъ, что на душѣ у васъ—не наше дѣло, мы и душу перевернемъ современемъ на свой ладъ!..."

Вотъ ведутъ ксендза передъ судъ жандармовъ и полиціи........... Скрылись за угломъ. Вскорѣ затѣмъ вывели, изъ казематъ же въ ордонансъ-гаузъ, женщину, по поступи видно—молодую „панну" или „панни"; голова опущена, лицо закрыто чернымъ платкомъ, можетъ быть, изъ дѣвичьяго стыда...

Скачетъ по плацу запыленный казакъ съ нагайкой... Черезъ минуту показалась изъ-за угла влѣво партія плѣнныхъ, какъ ядро скорлупой окруженная вооруженною ротой; нѣкоторые прихрамываютъ, совершенно хилый старикъ еле-еле двигается... Еще минутъ черезъ пять, изъ-за того же угла вышла группа женщинъ, съ тремя солдатами сзади, — это матери, жены, сестры несчастныхъ узниковъ; тяжело, медленно, шагъ за шагомъ подвигались онѣ съ опущенными головами по плацу,— видно, тяжелый камень давитъ ихъ грудь: нравственная пытка ихъ ничуть не слабѣе физическихъ мукъ близкихъ ихъ сердцу людей...

Свиданіе съ родными, это самое невинное и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднѣйшее (въ положеніи заключеннаго) удовольствіе, теперь стѣснено здѣсь до крайности. Рѣдкій пользуется имъ, и то обыкновенно съ разрѣшенія варшавскихъ властей. Всѣхъ пріѣзжающихъ, на свиданіе ли съ заключенными, или только для передачи имъ бѣлья, съѣстнаго, вообще вещей,—останавливаютъ у крѣпостныхъ воротъ; одѣтыхъ въ траурѣ, кажется, далѣе не пускаютъ—во всякомъ случаѣ такимъ свиданія не разрѣшаются, а остальнымъ даютъ „въ провожатые" до ордонансъ-гауза и обратно вѣстовыхъ (изъ караульныхъ же). Прежде, до „повстанія", свиданія происходили въ пріемномъ покоѣ казематъ [1]) и иногда — когда было мало посѣтителей—длились по получасу; при посѣтителѣ становился начальникъ жандармской команды, капитанъ Бѣлановскій, при заключенномъ—жандармы со свѣчей. Теперь же отдѣленіе для заключенныхъ (N'), въ упомянутомъ пріемномъ покоѣ, обращено въ „служительскую", гдѣ отдыхаютъ и дежурные жандармы, и свиданія, сокращенныя до 6—15-ти минутъ, происходятъ въ ордонансъ-гаузѣ, въ присутствіи двухъ офицеровъ (изъ коихъ одинъ караульный) и двухъ жандармовъ, конечно строго наблюдающихъ, чтобы при этомъ никакихъ передачъ и лишнихъ разговоровъ не было. Послѣ свиданія нѣкоторыхъ заключенныхъ осматриваютъ, не получили ли они чего нибудь тайно, что при такомъ бдительномъ надзорѣ трудно и допустить.

---

[1]) См. на планѣ модлинскихъ казематъ (чертежъ I) N' N".

Въ ордонансъ-гаузѣ же осматриваются и привезенныя вещи; затѣмъ, дозволенныя—передаются черезъ „хозяина казематъ“ (Радкевича) по назначенію, недозволенныя—возвращаются; письма во всякомъ случаѣ отсылаются для просмотра въ комиссію, которая—„по своимъ соображеніямъ“—одни удерживаетъ, даже „присовокупляетъ къ дѣлу“, другія, по большей части „съ своими помарками“—возвращаетъ въ ордонансъ-гаузъ для передачи по принадлежности. Такой же цензурѣ подвергаются и письма отъ заключенныхъ къ роднымъ. Если кому чтó нужно написать домой или въ комиссію, изъ канцеляріи присылаются на короткое время необходимыя письменныя принадлежности (но никому, кромѣ насъ троихъ, какъ осужденныхъ уже,—таковыхъ не дозволяется держать при себѣ).

Прогулка длилась всего восемь минутъ. Жандарма не было, а караульный унтеръ-офицеръ, не умѣя „читать часовъ“ (башенныхъ), дерзко крикнулъ мнѣ: „до дому!“ Нечего дѣлать—пошелъ; вѣдь не спорить же съ глупцомъ!—а иначе могло бы быть со мною то, что однажды случилось съ Линебергомъ: онъ, вопреки распоряженія жандарма, не хотѣлъ идти съ прогулки раньше времени, и тотъ приказалъ конвою окружить его и „толчками“ проводить въ казематы.

Вообще, съ сегодняшняго дня кончилась для меня „милость“ здѣшнихъ истуканчиковъ, судя по слѣдующимъ фактамъ: Радкевичъ объявилъ, что „съ этого раза“ за мытье бѣлья съ меня будутъ высчитывать изъ положеннаго содержанія—высчитывать изъ скуднаго содержанія, да еще какія деньги! напр., за маленькую тряпку (портянку) по 7 грошей (3½ коп. с.)! Это разъ; а во-вторыхъ—еще впервые повели меня въ баню одного и подъ сильнымъ конвоемъ (4 человѣка).

— Пожалуйста, пойдемте тѣнью, говорю я, обливаясь пóтомъ; передовой конвойный хотѣлъ было свернуть съ середины дороги влѣво, ближе къ высокой каменной стѣнѣ двора, кажется, плацъ-маіорскаго жилья, но унтеръ-офицеръ крикнулъ ему: „Иди прямо,—куда идешь? Прямо иди!“

Не удивила меня эта безполезная жестокость, тѣмъ болѣе не удивила, что въ ней я видѣлъ перстъ Износкова, безъ сомнѣнія, оскорбленнаго моимъ отказомъ отъ его милостей.

На маленькой терасѣ вблизи бани прогуливались окруженные „дядьками“ новобранцы изъ „забранныхъ“.

Придя въ баню, я замѣтилъ унтеръ-офицеру, что я лучше обращался съ солдатами, чѣмъ онъ со мною, отказавъ въ такой пустяшной просьбѣ, и проч. и проч. Онъ извинился и, пристыженный, вышелъ.

11-го апрѣля. Въ первый разъ шелъ весенній дождь, съ громомъ и молніей, и на душѣ у меня было легко. Потомъ его смѣнилъ градъ большой величины, причемъ былъ громъ, и такъ потемнѣло въ казематѣ, что нельзя было писать... Къ вечеру опять пробралась въ душу тревога,—тревога, терзающая меня вотъ уже нѣсколько дней сряду. Не слѣдствіе ли это моей довѣрчивости съ Г—мъ? Вѣдь онъ сблизился теперь съ З—мъ, а З—нъ—гусь, закадычный другъ Радкевича, которому наябедничалъ даже на добряка Торопова, яко бы тотъ давалъ мнѣ тайно читать газеты за то, что я, въ свою очередь, давалъ ему взаймы деньги... Или же, наконецъ, не слѣдствіе ли это моей ужъ слишкомъ откровенной переписки съ казематными друзьями? Дѣло въ томъ, что съ недавнихъ поръ кто-то сталъ перехватывать мои записки, а иногда бываетъ настолько добросовѣстенъ, что возьметъ записку, прочтетъ и черезъ нѣсколько часовъ опять положитъ на свое мѣсто, не обращая вниманія на безпокойство, причиняемое этимъ хозяину ея. Я открылъ новое мѣсто (за планкою внизу стѣны, у пола, въ томъ же преветѣ), о чемъ и не замедлилъ извѣстить друзей, но ... день два дѣло шло хорошо, а сегодня прихожу—однѣ развалины: кто-то оторвалъ планку...

Вообще, скверно! А тутъ еще плацъ-маіоръ Ивановъ подбавилъ... конечно, не масла въ кашу—на это рука не подымется. Ужъ сколько разъ просилъ я у него (письменно) книгъ,—все обѣщаетъ, но не присылаетъ; сегодня, наконецъ, прислалъ; жадно развертываю—„Начальная Геометрія",—каково?!!. Да, эти филантропы приготовляютъ изъ меня мизантропа.

16-го апрѣля, занимаясь польскимъ языкомъ (на которомъ уже могу переписываться) и подъ-часъ вслушиваясь въ звуки отдаленной музыки, я до того забылся, что вообразилъ себя на свободѣ, въ лагерной палаткѣ, но увы! осмотрѣлся кругомъ—и ненавистная дѣйствительность представилась мнѣ во всей своей наготѣ...

Слышу, какъ часовой—о, мерзкій!—справляетъ нужду въ уголку около моего каземата, заражая тѣмъ его воздухъ еще болѣе. Вскакиваю съ нары, стучусь въ дверь,—отворяетъ второпяхъ:

— Чаво?

— Какъ ты смѣешь тутъ это дѣлать!

— Я ничаво не дѣлалъ.

— Какъ ничего?

— Ничаво... только воду лилъ.

— Какую?

— Да изъ кружки.

— А гдѣ же кружка?

Растерялся, хлопаетъ глазами.

— За это, братъ, можешь поплатиться...

— Ахъ ты, такой-сякой, раздался крикъ Радкевича съ площадки (часовой прихлопнулъ дверь).—Ахъ ты, такой-сякой... Не давать ему ничего, кромѣ воды!... Взять его!...

Прошло полчаса. Входитъ ко мнѣ дежурный жандармъ, мой любимецъ—Канаревъ, съ истрепанною до-нельзя сказкою „О Бовѣ Королевичѣ и славномъ Іеруслакѣ Лазаревичѣ“ въ рукѣ. Угощаю его по обыкновенію папироскою и преравнодушно спрашиваю: кого это Радкевичъ велѣлъ на одну воду посадить?

— Какого-то пана, или чиновника, отвѣчалъ онъ.

— За что?

— Этого сейчасъ только привели. Я съ другимъ жандармомъ начали при Радкевичѣ обыскивать его: сняли сюртукъ, брюки,—ощупали вездѣ, но не нашли ничего, а съ ордонансъ-гауза передали сюда, что у него есть деньги... Мы искали, искали—нѣтъ! а потомъ нашли въ зажатой рукѣ 43 рубля,—ну, Радкевичъ какъ пошелъ-пошелъ и его и насъ пушить по матушкѣ, и обѣщалъ пожаловаться на насъ, а его велѣлъ на одну воду посадить.

По увѣренію Канарева, другихъ не такъ еще осматриваютъ здѣсь: „раздѣваютъ до-нага, ищутъ въ волосахъ и даже въ самыхъ потаенныхъ частяхъ тѣла“. Спустя нѣкоторое время по уходѣ моего любимца, я постучался въ дверь „за нуждой“, и когда проходилъ караульную площадку, онъ стоялъ, углубленный въ сказку, у стола, а по лѣстницѣ спускался, вѣроятно возвращаясь съ прогулки, какой-то панъ, изъ заключенныхъ. Искоса поглядывая на послѣдняго, я замедлилъ шаги.

— Ну жъ, иди, иди скорѣй! Не видишь, что ли! приговариваетъ часовой, слегка толкая меня въ спину—теперь выходящихъ за нуждой часовые провожаютъ до самаго превета.

— Канаревъ! крикнулъ я: — дежурнымъ жандармамъ слѣдуетъ передавать часовымъ, чтобы они не толкали арестованныхъ и были поделикатнѣе съ ними. Этотъ господинъ толкнулъ меня, и это уже не въ первый разъ; ежели еще что-либо подобное случится—я буду писать коменданту...

На это замѣчаніе мой пріятель понесъ тихимъ голосомъ какую-то чепуху, изъ которой можно было только догадаться объ его усиліи оправдать поступокъ дикаря-часоваго, и я, не дослушавъ его, пошелъ далѣе. Какъ видите, „политическихъ“, хоть бы и въ офицерскомъ мундирѣ, можно даже солдатамъ безнаказанно обижать,—каково же положеніе „мятежниковъ“—поляковъ?!

X.

18-го апрѣля, пошатываясь, вноситъ ко мнѣ корзину съ бѣльемъ „Михайло“—служитель, вполнѣ замѣнившій для меня собою отправленнаго обратно въ роту стрѣлка.

— Ищите свое, сказалъ онъ, поставивъ корзину на нару.

Бѣлье было вымыто очень дурно, одного платка нехватало. Да и не удивительно, что нехватало: прачка не потрудится сама разобрать бѣлье каждаго, а кладетъ его въ корзину какъ попало; Радкевичъ же не распорядится, чтобы оно разносилось по казематамъ,—исключеніе сдѣлано только для насъ троихъ, а остальные заключенные для отысканія своей собственности призываются по очереди на караульную площадку, и тутъ роются въ корзинѣ, иногда захватывая—по ошибкѣ ли, или изъ разсчета—чужое хорошее бѣлье, вмѣсто своего дурнаго, рванаго.

Уходя, Михайло сунулъ мнѣ записку отъ ***. Славный этотъ Михайло, да та лишь бѣда, что много пьетъ, а выпивши—бѣдокуритъ; или вотъ еще: несмотря на то, что я недавно подарилъ ему сорочку и часто даю на водку, какъ ни пошлю его въ воскресенье за чѣмъ бы то ни было въ лавку,—всегда пропьетъ деньги, и затѣмъ пьянехонькимъ является съ объясненіями, что вотъ, молъ, „этого товару не нашелъ въ лавкѣ... Ужъ извините—деньги пропилъ... Потомъ отдамъ—у меня своихъ много". Послѣднее съ меня тянетъ за услуги свои: за передачу записокъ и пр.!

— Что, братъ, уже готовъ? улыбнулся я, видя какъ качнуло его въ сторону отъ дверей.

— Да мой отецъ сегодня имянинникъ,—такъ его имянины справлялъ.

— Да вѣдь тебѣ за 45, твой отецъ давно ужъ умеръ.

— Такъ что же? Все-таки я ему всегда, значитъ, благодарствіе должòнъ отдать...

— Ну, а новенькаго что?

— Сегодня одинъ на выписку.

— То есть на свободу?

— Такъ точно.

— Кто?

— Моссаковскій... Вчера выпустили Левицкаго...

— Ты что тутъ? Пшелъ! пугнулъ его, вваливаясь въ казематъ, Радкевичъ, и затѣмъ попросилъ меня отъ имени Износкова приготовить счетъ: сколько остается у меня въ экономіи денегъ отъ казеннаго содержанія.

„Что̀ бы это значило?.. Къ худу или къ добру?.." думалъ я, расхаживая по своему склепу. Зашевелилась надежда на свободу, но какъ-то несмѣло. Позвалъ дежурнаго хохла-жандарма, упрашиваю его сказать по правдѣ: не слышалъ ли чего насчетъ увольненія насъ? Онъ божится, что нѣтъ, и увѣряетъ, что „объ освобожденіи здѣсь никогда никому впередъ не объявляютъ"—изъ опасенія, чтобы остающіеся не дѣлали черезъ увольняемыхъ какихъ либо передачъ своимъ роднымъ или друзьямъ.

— Сегодня выпустили двухъ, но ихъ также объ этомъ не

предупреждали, а когда уже принесли книгу для подписки разсчета,— то и свободны, добавилъ хохолъ.

По его словамъ, увольненіе происходитъ такъ: если у увольняемаго были деньги, которыя расходовались здѣсь, то ему предлагается скрѣпить своимъ подписомъ правильность этихъ расходовъ; затѣмъ, служители забираютъ его вещи, и его, не осматривая, какъ то дѣлается при заключеніи,—ведутъ подъ конвоемъ въ ордонансъгаузъ, для окончательныхъ разсчетовъ, а отсюда выпроваживаютъ за крѣпость—„на всѣ четыре стороны", или вывозятъ съ жандармами „до самаго мѣстожительства".

Ушелъ жандармъ, я опять заходилъ по склепу... Не вѣрится и вѣрится. Послалъ двумъ пріятелямъ „на память" по виду изъ оконъ моего прежняго (№ 3-й) и теперешняго (№ 8-й) каземата—рисовалъ ихъ карандашомъ; спустя полчаса, еще двумъ послалъ по обширной запискѣ, а къ третьему самъ зашелъ, выходя на прогулку,—успѣлъ только поцѣловаться. Вскорѣ получилъ отъ трехъ отвѣты.

„У Левицкаго—писалъ, между прочимъ, одинъ — оставалось 50 рублей, но плацъ-маіоръ Износковъ оставилъ ихъ у себя, хотя тотъ и расписался, что получилъ все сполна и никакихъ претензій не имѣетъ".

„Плацъ-маіоръ не хочетъ подписывать книги „zyczenia", сѣтовалъ другой, объясняя это, впрочемъ, „добрыми" вѣстями для поляковъ.— Однако, нашли чѣмъ мстить.

„Дежурный офицеръ—извѣщалъ третій—хотѣлъ отнять у моего товарища прекрасно вылѣпленный имъ изъ хлѣба алтарикъ, — тотъ не далъ, за что плацъ-маіоръ Износковъ велѣлъ посадить его въ темный номеръ, на хлѣбъ и воду на 15 дней". Далѣе Дембицкій— или, по условному знаку, X—пишетъ, что читалъ о моемъ дѣлѣ въ „Колоколѣ",—интересно знать: въ какомъ нумерѣ?

Михайло, доставившій мнѣ всю эту корреспонденцію, разсказывалъ, что сюда привели бурмистра „z miasta Makowa" — отставнаго офицера безъ ноги, которой онъ лишился подъ Севастополемъ, — и подали ему на обѣдъ такія „krupi", что онъ „вышвырнулъ ихъ за двери", за что плацъ-маіоръ хочетъ пересадить его въ темный казематъ,

---

Прошло 4 дня въ тщетномъ ожиданіи... Право, глупо было надѣяться раньше положеннаго срока выйти на волю! Но для чего-жъ насъ просили приготовить счеты (за которыми до сихъ поръ никто не является)? Неужели для того только, чтобъ помучить надеждой!— Вѣроятно, такъ.

Вечеромъ, 23-го апрѣля, овладѣло мною непонятное безпокойство, и я лихорадочно принялся вымарывать въ дневникѣ всѣ правдивыя, или, какъ многіе выражаются, „неудобныя" выраженія и уничтожилъ „внутреннюю" корреспонденцію. Ночью шелъ большой

дождь; на слѣдующее утро, на мѣстѣ нашей прогулки появились желтые цвѣточки (одуванчики)—пріятное впечатлѣніе... испарившееся однако, лишь только я опять вступилъ въ тяжелую, отравленную атмосферу казематъ. Какъ тяжко сидѣть въ такую пору въ этой ямѣ!

Послѣ обѣда, 25-го августа, рисовалъ карандашомъ видъ съ окна, которое въ первый разъ еще не затворялъ на ночь; такъ и заснулъ подъ пѣніе соловьевъ.

30-го апрѣля. Какъ дѣйствительность мрачна, такъ и сны мрачны,—все снятся кровавыя картины.

Въ крѣпости чего-то ждутъ — вчера была примѣрная тревога. Войска, кромѣ гарнизона, выведены отсюда въ Варшаву и Плоцкъ; кажется, инсургенты „хотятъ брать" послѣдній, затѣмъ Модлинъ. Канаревъ все приговариваетъ: „бѣда, бѣда намъ"...

Зондировалъ часоваго,—говоритъ: инсургенты держатъ крѣпость въ постоянномъ страхѣ, и гарнизонъ нерѣдко по цѣлымъ ночамъ не смыкаетъ глазъ въ полномъ вооруженіи.

Между заключенными идетъ жаркая переписка, и каждое новое извѣстіе „съ того свѣта" оживляетъ ихъ надеждою, что вотъ-вотъ „братья вырвутъ всѣхъ насъ изъ челюстей ада".

Дембицкій извѣщаетъ о сильномъ возстаніи въ Бѣлоруссіи, особенно въ Витебской губерніи, гдѣ мужики „рѣжутъ поповъ и жгутъ церкви". Далѣе записка гласила: „дѣла Польши идутъ изрядно. Начальникъ революціи—Домантовичъ, диктаторъ — Лангевичъ, помощникъ его — Высоцкій, бывшій начальникъ военно-свободной школы въ Генуѣ"...

...„Въ партизанскихъ отрядахъ находится много женщинъ, между которыми выдавалась отвагою своею недавно убитая въ сраженіи панна Михальская (Сандомірскаго уѣзда, Радомской губерніи), командовавшая эскадрономъ (?) въ городѣ Лодзи; послѣ нея осталось двое дѣтей. Но самая замѣчательная между инсургентками — это девятнадцатилѣтняя дѣвушка Пустовойтова (panna Pustowojtowa), въ роли адъютанта при главномъ штабѣ инсургентовъ. Отецъ Пустовойтовой—русскій генералъ—умеръ пять лѣтъ тому назадъ, мать—полька. Умная, энергичная дѣвушка была, въ 1861 г. (10 pazdziernika), въ Хоридло на „соединеніи Литвы съ Польшей", и участвовала во всѣхъ домонстраціяхъ въ Люблинѣ, за что и выслали ее въ Житоміръ на 10 лѣтъ; отсюда она бѣжала въ Молдавію, а когда началась инсурекція—вернулась въ Польшу и заняла вышеозначенный постъ.

1-го мая. Солнечный лучъ никогда не заглядываетъ ко мнѣ, на дворѣ стоитъ нестерпимая жара, а въ казематѣ невыносимый холодъ, затхлость, сырость — получилъ насморкъ и чувствую себя простуженнымъ.

„По положенію“ слѣдуетъ топить печи по 1-е мая—ежедневно, а эти экономисты и филантропы своихъ кармановъ, попросту—мошенники, въ февралѣ и мартѣ только протапливали ихъ, и то по разу въ недѣлю, въ апрѣлѣ же вовсе не топили. Немудренно поэтому, что когда на дворѣ лѣто—въ казематѣ простуживаешься и закутываешься въ два пальто, въ легкое военное и ватное штатское; только и чувствуешь себя хорошо во время прогулки, или днемъ, когда черезъ отворенное окно идетъ теплая струя воздуха въ эту могилу; но утромъ и ночью — невыносимый холодъ и сырость, взапуски бѣгаютъ мокрицы по стѣнѣ, табакъ дѣлается мокрымъ, какъ будто напитанъ водою. Въ 12 часовъ пополудни—не лучше. Сѣлъ я бокомъ на окно и чувствую, какъ лѣвую сторону, обращенную къ свѣту, припекаетъ солнце, и вижу, какъ хорошъ Божій міръ, а по правой сторонѣ, обращенной къ смрадной ямѣ, пробѣгаетъ дрожь, и вся она окоченѣла отъ холода—точно одна половина тѣла въ Италіи, другая въ Сибири!.. Сколько разъ просилъ я Радкевича распорядиться протопить! „Плацъ-маіоръ не приказалъ“ — только и слышалось въ отвѣтъ. О, варвары! Для пріобрѣтенія нѣсколькихъ полѣшковъ дровъ, они жертвуютъ нашимъ здоровьемъ, нашею жизнью! Или вотъ еще: жалуюсь Радкевичу, что многіе часовые въ нашемъ коридорѣ справляютъ „малую нужду“ въ уголку около моего номера, а расхаживающіе по валу — у будки, что̀ наискось моего окна, отчего повременамъ чувствуется ужасная вонь, — хоть бы бровью пошевельнулъ! Тоже насчетъ постели. Соломенникъ вернули, а прочія принадлежности нѣтъ, да и вовсе не вернутъ; блохи, нечистота... мерзко даже вносить въ дневникъ всѣ эти гадости. Вообразите же себѣ положеніе „плѣнныхъ“ въ вонючемъ туманѣ темнаго, мрачнаго каземата! Нѣкоторымъ роздали было на Пасху соломенники, затѣмъ отняли, и теперь они, полуодѣтые, кучами валяются на грязномъ холодномъ полу или на голой нарѣ. Я искренно скорблю за нихъ! Кто испытываетъ самъ тяжелую участь,—охъ! тотъ сильно чувствуетъ страданіе другихъ... Какъ тяжело отзывается въ душѣ ихъ мученическій стонъ! У нѣкоторыхъ солдатъ еще есть жалость къ этимъ страдальцамъ: они часто печально киваютъ головами, а у инаго и слезы навертываются на глазахъ; но Радкевичъ, Износковъ!!.. Боже, не только что испытать самому—быть свидѣтелемъ того, что̀ творится здѣсь,—какая жестокая пытка для каждаго, у кого есть сердце, а не комокъ навоза, душа, а не смрадный газъ Износковыхъ! Комендантъ спитъ, не входитъ въ несчастное положеніе заключеннаго, и Износковъ свирѣпствуетъ, подписывая смертные приговоры; даже этотъ зловонный наростъ—Радкевичъ, и тотъ самовластно распоряжается тутъ! Знали, кого назначить надъ нами: кажется, никто не съумѣетъ такъ грубо обращаться съ безотвѣтными, связанными по рукамъ и ногамъ людьми, какъ онъ. Тяжело и прискорбно...

Въ послѣднее время онъ что-то не является на мой зовъ — вѣроятно, знаетъ, что его ждетъ у меня не комплиментъ З—на, а заслуженное презрѣніе и требованіе исполненія долга; но сегодня, наконецъ, приползъ.

— Что жъ вы не пришли вчера, когда я посылалъ за вами?.. Я изъ-за вашихъ грошевыхъ разсчетовъ заболѣлъ!..

И я напустился на него за воровство дровъ. Отговаривается, увѣряя, что „всегда готовъ топить печку" и что „вчера приходилъ", но я спалъ,—вретъ, каналья!.. Спустя нѣсколько минутъ, уже раздавалась его обычная брань въ сосѣднемъ темномъ казематѣ. На этотъ разъ я не выдержалъ, — постучалъ въ дверь, подъ предлогомъ выйти за нуждой, и какъ только заслышалъ его шаги по коридору, выскочилъ изъ номера и набросился на него, при жандармахъ и караулѣ:

— Всѣ ваши злоупотребленія и гадости съ арестованными будутъ извѣстны коменданту!!—Слышите!!

— Не кричите такъ,—я ничего... ничего...

И, притихнувъ, съежившись, онъ бочкомъ, какъ блудливая кошка, тихонько-тихонько скользнулъ въ служительскую.

2-го мая. Ужасное положеніе! Дня не пройдетъ, чтобъ не испытать на себѣ оскорбленія человѣческаго достоинства! Желчь бурно подымается, кровь бьетъ и въ сердце и въ голову при видѣ этихъ жестокихъ глупцовъ, высшихъ и низшихъ. Сколько нужно твердости переносить хладнокровно окружающее; и наружно, дѣйствительно, переносишь всегда, но внутренно,—нѣтъ силъ постоянно переносить видъ тѣхъ, которыхъ считалъ своими братьями, ради которыхъ пожертвовалъ привольною, безпечною и обезпеченною жизнью, и за человѣческія права, за счастье которыхъ сотни разъ готовъ былъ умереть. И что же вижу? что̀ каждый день почти испытываю?—Трудно выразить!..

Тѣ солдаты (караульные), которые знаютъ, за что я посаженъ, очень деликатны со мною, но многіе изъ вновь прибывшихъ—звѣрскія натуры, съ любопытствомъ или злобно поглядывающіе на „бунтовщика офицера".

Жандармы въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ мерзѣйшаго Сырова, еще порядочные люди; да и навѣрно, при другой обстановкѣ, они были бы порядочными во всѣхъ отношеніяхъ, но здѣсь они— измученные невольники, которымъ вдали, вдали, далеко — виднѣется огонекъ домашняго очага, а вблизи — казематы и проч. прелести...

Сегодня дежурнымъ—Канаревъ. Чтобы испытать его немного, я передъ самою прогулкой спрятался за печь. Тихо, безъ крика, онъ справился у часоваго: „гдѣ офицеръ?" и пошелъ искать меня по номерамъ, затѣмъ опять является,—я расхохотался.

— Хотѣлъ напугать тебя, говорю ему.

— Да я знаю, ваше благородіе, что вы ничего не сдѣлаете, отвѣчалъ онъ;—а ежели-бъ и пошли въ другой номеръ, то не бѣда.

Такъ относятся ко мнѣ, пожалуй, всѣ жандармы, за исключеніемъ Сырова, который отъ злости блѣднѣетъ, если только заглянешь въ чужое окно, не то что войдешь къ кому.

10-го мая. Вотъ уже недѣлю не хожу гулять, главнымъ образомъ за неимѣніемъ лѣтней шапки. Просилъ купить или заказать—здѣсь много портныхъ,—обѣщали, но не исполняютъ обѣщанія. Кажется, главная задача этихъ тюремщиковъ — только дѣлать зло, и всѣми возможными средствами ухудшать положеніе политическаго арестанта... Не было силъ терпѣть, и сегодня отправился на прогулку въ ветхомъ военномъ казакинчикѣ безъ погонъ и еще худшемъ кепи, въ которомъ постоянно сплю, въ предохраненіе головы отъ казематной сырости.

Жандармъ, подбоченясь, стоитъ на всходахъ. Проходятъ два казака; одинъ указываетъ другому головой на меня, и оба злобно-радостно улыбаются. Трое солдатъ останавливаются, и одинъ, въ упоръ смотря на меня, дико хохочетъ. Пять гарнизонныхъ офицеровъ, идя вмѣстѣ, укорачиваютъ шагъ и, нахально поглядывая на меня, пересмѣиваются между собою, громко болтая какой-то вздоръ насчетъ „мятежника стрѣлка",—картины обыкновенныя, и не изъ крупныхъ.

По возвращеніи съ прогулки, я получилъ двѣ записки, и обѣ знакомятъ нѣсколько съ здѣшнею военно-судною комиссіею. Привожу одну дословно:

„W komis... obchodzą się z nami jeszcze nie najgorzej, ale zato im wszystko jedno, czy kto winien rzeczywiscié, lub nie, — czy kto miesiąc, albo i 2 dłużej posiedzi, lub nie; oni w to nie wchodzą i wcale się nie spieszą ze sledztwem, a tylko obecują ciągle i słowo dają, że już nie długo; i tak tydzien za tygodniem, miesiąc za miesięcem schodzi, a tu siedź—choć niema żadnej winy i żadnego dowodu" [1]).

Другая записка была отъ X., посаженнаго сюда „по подозрѣнію" въ самомъ началѣ „повстанія". Ему еще въ январѣ прочли „сентенцію", что хотя противъ него нѣтъ уликъ, но во всякомъ случаѣ онъ присуждается: 1) къ денежному штрафу; 2) на три мѣсяца въ казематы и затѣмъ 3) втеченіе трехъ лѣтъ не отлучаться отъ мѣстожительства далѣе трехъ миль (за чѣмъ наблюдать будетъ жандармъ,

---

[1]) „Въ комиссіи обходятся съ нами еще недурно, зато имъ все равно, виноватъ-ли кто дѣйствительно, или нѣтъ; просидитъ-ли кто мѣсяцемъ-двумя дольше, или нѣтъ; они въ это не входятъ и со слѣдствіемъ совсѣмъ не спѣшатъ, а только постоянно обѣщаютъ и слово даютъ, что уже не долго; и такъ проходитъ недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а ты здѣсь сиди — хоть нѣтъ никакой вины и никакого доводу".

котораго онъ обязанъ продовольствовать на свой счетъ).—И что жъ? Проходятъ эти три мѣсяца заключенія, но его не выпускаютъ отсюда... „Обращался я—пишетъ Х. далѣе,—къ плацъ-маіору; онъ говоритъ: дѣйствительно, по правиламъ васъ должно выпустить, но приговоръ находится еще у великаго князя Константина Николаевича, и Богъ знаетъ, когда онъ его подпишетъ; обращался и къ жандармскому капитану (Бѣлановскому),—говоритъ: „хотя и кончился срокъ, но васъ не выпускаетъ великій князь потому, что желаетъ вамъ сдѣлать благодѣяніе,—если выпустить, вы сейчасъ же опять попадетесь".

Вечеромъ опять получилъ отъ Х. записку. Извѣщаетъ, что Іосифа Сеписмана, съ которымъ мы „комуниковали" (переписывались), неожиданно увезли куда-то сегодня утромъ, и спрашиваетъ меня: „не на казнь ли ужъ, или не въ Сибирь ли?" Справился объ немъ на другой день у Михайлы.—„Уже давно въ Варшавѣ!" отвѣтилъ онъ и сдѣлалъ жестъ, какъ будто стрѣляетъ въ кого. Этотъ Сеписманъ уже четыре мѣсяца какъ приговоренъ къ смерти, и все это время просидѣлъ въ темномъ казематѣ, не видя свѣта Божьяго.

„Вѣроятно—писалъ мнѣ, спустя день, тотъ же Х.,—его перевели по просьбѣ родныхъ въ Варшавскую цитадель, а не разстрѣляли". Межеевскій же увѣдомляетъ, что его вывезли въ Варшаву для отправки въ Сибирь; ксендза Кухарскаго, лѣтъ 69-ти—тоже. Далѣе бѣднякъ изливаетъ передо мной свое горе: сегодня ему велѣно было одѣться; онъ думалъ, что „на свободу", и порадовался, а его „повели въ госпиталь на осмотръ" и затѣмъ—„подъ мѣрку", значитъ, „въ солдаты".

Михайло, доставившій мнѣ эту записку утромъ, къ обѣду былъ отосланъ „обратно въ роту"; на него, какъ и на предшественника его—стрѣлка, „наябедничалъ" старшій служитель, Демьянъ—ужаснѣйшая каналья, подхвостокъ Радкевича. Какъ только хорошій служитель—а ихъ, кромѣ его, двое: по одному въ каждомъ коридорѣ,—сейчасъ же подкопается подъ него! За сіи добродѣтели Радкевичъ и и назначилъ его старшимъ надъ ними; мало того,—величаетъ „хозяиномъ", то-есть тѣмъ, что есть самъ,—ну, тотъ и поднялъ рыло: подражая своему патрону, возмутительно обходится съ плѣнными (хотя обязанность его—присмотрѣть только за чистотою въ номерахъ). Не далѣе, какъ часъ назадъ, слышу его крикъ на поляка, вѣроятно, мимоходомъ заглянувшаго въ чужое оконце: „Ахъ ты сукинъ сынъ, подлецъ, мошенникъ,—да какъ ты смѣлъ заглядывать въ чужое окно?! Вотъ погоди, мятежникъ, я Радкевичу скажу".—На это я постучался въ дверь, вышелъ яко бы за нуждой и, сказавъ Сырову, что „ежели придетъ плацъ-маіоръ—попросить его ко мнѣ", распекъ подхвостка.

— Вы обижаете меня, ваше благородіе, оправдывался онъ:—я не думалъ ругать арестованнаго, а только ругалъ часоваго, чтобъ не пущалъ заглядывать въ чужой нумеръ...

Право, если бъ я не подавалъ по временамъ свой голосъ въ защиту несчастныхъ,—да здѣсь бы адъ двойной былъ.

XI.

Вмѣсто Михайлы назначенъ служитель, Давидъ Чуврилевъ—скромный, усердный, изъ типа безотвѣтныхъ; онъ сильно золотушный, и „на-дняхъ" идетъ домой на излеченіе.

Для меня онъ оказался вполнѣ подходящимъ; на время прерванная переписка опять закипѣла.

Прошло нѣсколько дней. Приноситъ онъ мнѣ, по обыкновенію, обѣдъ, смотрю—щека распухла, золотушныя раны открылись, шея обмотана въ окровавленную тряпицу, на глазахъ слезы.

— Что съ тобою, голубчикъ? спрашиваю его.—Что это у тебя щека? Боленъ?

— Усталъ больно, прилегъ на минутку отдохнуть, а Радкевичъ пришелъ и началъ бить меня по лицу,—не дай Богъ какъ вся голова теперь болитъ!.. Одолжите мѣшка, продолжалъ онъ, указывая на соломенникъ,—потомъ опять набью.

— Для чего тебѣ?

— Да вотъ пудъ хлѣба собралось у меня, такъ завернуть его,—понесу смотрителю казармъ: онъ скупаетъ, по копѣйкѣ за фунтъ.

— А ему зачѣмъ?

— Да панамъ въ обѣдъ и ужинъ даетъ.

— Развѣ онъ ихъ продовольствуетъ?

— Онъ...

Заслышавъ чей-то громкій голосъ, Давидъ удалился.

Послѣ обѣда дежурный жандармъ разсказывалъ мнѣ, что Радкевичъ „билъ Давида за ничто при всемъ караулѣ до крови", и всѣ удивлялись, какъ это онъ устоялъ на ногахъ,—„не повалился" отъ ударовъ этого звѣря.

— Видно, былъ пьянъ, пояснилъ Канаревъ поступокъ послѣдняго.

Больше я не видалъ несчастнаго Давида. Вечеромъ на мой зовъ явился уже другой, Алексѣйчукъ:

— Что угодно?

— Купи чего нибудь поѣсть, говорю ему, желая хоть съ нимъ перекинуться словомъ отъ скуки—ѣсть мнѣ вовсе не хотѣлось.

— Пожалуйте.

— А ты хочешь чего нибудь поѣсть?

— Мало ли что,—трохи похлебалъ, а ѣсть хочется.

— Отчего жъ вы не ѣдите то, что даютъ полякамъ?

— Въ обѣдъ попробуешь ложку каши, да и плюнешь.

— Развѣ такъ дурно кормятъ?

Алексѣйчукъ мотнулъ съ гримасой головой.

— Что на обѣдъ даютъ? продолжалъ я.

— Солдатскій супъ да кашу... А каша-то водяниста,—маслица ничего нѣтъ, только водица,—ну, и противно ѣсть.

— А на ужинъ?

— Супъ одинъ, холодный, отъ обѣда.

— А хлѣбъ съ плѣсенью?

— Одна плѣсень.

— Ну, и что жъ поляки?

— Ничего, ѣдятъ на здоровье.

На-дняхъ принесли и мнѣ, по ошибкѣ, порцію чернаго хлѣба. Для провѣрки своихъ наблюденій оставляю его, разсматриваю и пробую,—оказывается нѣсколько лучшаго достоинства, чѣмъ тотъ, какой мнѣ случалось прежде видѣть: плѣсени меньше—видно, не болѣе 4—5 дней пролежалъ въ запасѣ у солдатъ, у которыхъ и скупается хлѣбъ для плѣнныхъ, вмѣсто того, чтобъ печь свѣжій,—но кислятина! точно на $1^1/_2$ фунта муки пошло два стакана квасу,—вѣроятно, дрожжи употребляютъ дурныя. Червей, величиною съ мизинецъ, тоже было меньше: всего на ломоть—два съ половиною, но не перемолотыхъ зеренъ—масса. Вообще на недосмотръ за хлѣбомъ здѣсь, въ крѣпости, жалуются всѣ солдаты и жандармы; ну, а плѣнные не рѣшаются теперь заявлять какихъ бы то ни было претензій, зная по опыту, что даже за этого рода „строптивость"—здѣсь, въ казематахъ, сажаютъ на нѣсколько дней на хлѣбъ и воду и переводятъ изъ свѣтлыхъ номеровъ въ темные, не исключая и того, самаго ужаснаго, вонючаго и маленькаго, что о-бокъ превета. Хлѣбъ, по два фунта въ день на каждаго плѣннаго, разносится по номерамъ въ 7—$7^1/_2$ ч. утра; затѣмъ, въ $8^1/_2$ ч. утра, какой-то до-нельзя неряшливый золотушный солдатъ, съ вѣчно-текущею матеріею изъ глазъ, раздаетъ имъ нѣсколько меньше чѣмъ по $^1/_4$ фунта холоднаго, съ застывшимъ жиромъ, обыкновенно жилистаго или съ костями мяса, нанизаннаго маленькими кусочками на грязную палочку.

Въ $10^1/_2$ ч. утра, въ биткомъ набитые номера подается обѣдъ—въ въ деревянныхъ короткихъ ушатахъ, или, по-просту сказать, въ лаханкахъ, въ которыхъ арестанты побѣднѣе (и даже достаточные, но не располагающіе теперь деньгами) и бѣлье моютъ, и сами умываются; въ номера менѣе набитые обѣдъ подается въ старыхъ банныхъ шайкахъ и деревянныхъ мисахъ, служащихъ тоже для умыванья, такъ какъ имѣющихся здѣсь на-лицо двухъ мѣдныхъ тазовъ, конечно, недостаточно на всѣхъ—въ нихъ моются „только богатые паны". Вообразите жъ себѣ вкусъ казеннаго супа изъ сихъ мыльныхъ посудинъ (кашу уже охарактеризовалъ Алексѣйчукъ). Нельзя ложки проглотить, чтобъ потомъ не отплевываться съ часъ, какъ отъ чего-то отвратительнаго! Когда я въ послѣдній разъ пробовалъ этотъ супъ, жандармъ и служитель, лукаво улыбаясь, въ одинъ голосъ спросили: „а что—вкусно?"—Съ виду онъ напоминаетъ мут-

ную водицу желтоватаго цвѣта, или помои, на поверхности которыхъ плаваетъ какая-то мерзѣйшаго вкуса бурая масса, а на днѣ слоемъ лежитъ лукъ, попадается и старая, гнилая картошка съ грязными слѣдами пальцевъ, но не болѣе пяти кусочковъ на мису. Иногда къ луку прибавляется немного ячменныхъ, овсяныхъ или пшенныхъ крупъ; разъ въ недѣлю дается жидкій горохъ. Второе блюдо—обыкновенно жиденькая пшенная, гречневая или ячменная каша—безвкусная, или горьковатаго вкуса, случается и съ песочкомъ; иногда густой горохъ.

Вотъ и обѣдъ, который—кстати сказать—одиночнымъ и вообще болѣе важнымъ заключеннымъ подается въ глиняныхъ мискахъ и тарелкахъ. Объ ужинѣ (въ 5½ ч. вечера) уже упомянуто въ бесѣдѣ съ Алексѣйчукомъ. Пища для заключенныхъ евреевъ готовится теперь—безъ сомнѣнія, съ разрѣшенія Износкова—евреемъ же, здѣшнимъ солдатомъ.

Для воды—ни стакана, ни бутылки; напиться приносятъ, если въ номерѣ много сидитъ—въ тѣхъ же, пропитанныхъ мыломъ, банныхъ шайкахъ, а если сидитъ одинъ, то въ заржавленныхъ желѣзныхъ кружкахъ, каковыхъ на все наше отдѣленіе (номеровъ 12) имѣется всего пять. Ножей и вилокъ, конечно, и въ поминѣ нѣтъ; берущимъ обѣдъ изъ трактира—мясо присылается уже нарѣзаннымъ на куски.

Воображаю себѣ голодныхъ братій за шайкой микстуроподобной снѣди. Вѣроятно, чтобы удовлетворить мучительный голодъ, они стараются глотать ее, побѣждая въ себѣ отвращеніе, какъ ко всякому другому отвратительному лекарству. Но вѣдь эдакъ не насытишься, и не удивительно, что самые здоровые при поступленіи сюда—черезъ нѣсколько дней страшно худѣютъ. Прибавьте къ этому убійственную температуру биткомъ-набитыхъ темныхъ казематовъ съ „парашками", и тогда понятно будетъ, почему эти несчастные не только быстро худѣютъ, но и слабѣютъ и разстраиваютъ себѣ грудь. Вѣдь все это—медленная отрава, которая отзовется впослѣдствіи! Вѣдь и безъ этого, какъ кажется мнѣ, каждый мѣсяцъ заключенія въ казематахъ уноситъ съ собою полтора, два года жизни!... Особенно тяжело положеніе тѣхъ, кого не выпускаютъ по нѣскольку мѣсяцевъ на прогулку—а такихъ здѣсь огромное большинство; есть и такіе, которые со дня повстанія арестованы, и досегодня еще не видѣли свѣта Божьяго, не нюхали воздуха!

XII.

Въ 10-ть часовъ утра, 20-го мая, ко мнѣ приходилъ „за счетомъ" (заказаннымъ еще Радкевичемъ 18-го апрѣля) самъ экономистъ-смотритель казармъ, старикъ Газѣевъ, у котораго находятся и наши продовольственныя деньги. Изъ его запутанныхъ фразъ я опять возъ-

имѣлъ надежду на увольненіе, тѣмъ болѣе, что завтра имянины в. к. Константина Николаевича... Но послѣ обѣда все разъяснилось. Входитъ въ сопровожденіи Юнина съ Георгіемъ въ петличкѣ какой-то пожилой артиллерійскій полковникъ и спрашиваетъ меня: не имѣю ли претензій—это первый опросъ претензій съ самаго „повстанія".

— Ежели бъ—отвѣчалъ я—вы спросили меня объ этомъ четыре мѣсяца тому назадъ, то я бы отвѣтилъ: доволенъ всѣмъ—относительно, но, къ сожалѣнію, теперь не могу этого сказать, потому что Радкевичъ такъ грубъ, такъ дерзокъ, такъ варварски обходится съ арестованными, что трудно повѣрить! По крайней мѣрѣ я никогда бы не повѣрилъ, не видѣвши, не слышавши и даже не испытавши самъ на себѣ его дикаго обращенія... Да, скажу вамъ, что варвары такъ не обращаются, какъ здѣсь дѣйствуетъ Радкевичъ...

Подкрѣпивъ это нѣсколькими фактами, относящимися лично ко мнѣ, я продолжалъ:

— И кто же?!—Радкевичъ, Радкевичъ,—этотъ ничтожный...

— Это скобки, перебилъ меня Юнинъ.

— Нѣтъ, не скобки, извините, это не скобки! Я, можетъ быть, знаю болѣе, чѣмъ могъ бы знать въ этомъ положеніи; нѣтъ, не скобки, повторяю. Я вамъ уже сказалъ, что теперь не желалъ бы высказывать своей претензіи, но потомъ, когда кончится срокъ моего заключенія... Вамъ извѣстно, что меня лишили свободы, но не лишили человѣческихъ правъ, и его дикое, грубое, обращеніе клеймитъ его, и неизвинительно ему...

— Да, безъ сомнѣнія, нужно сожалѣть о вашемъ положеніи, сказалъ Юнинъ.

— Извините, я не прошу и не хочу сожалѣнія, а требую только того, чтобы со мною и другими обращались такъ, какъ должно.

Я замолчалъ... потому что и такъ потратилъ много словъ на вѣтеръ.

Въ продолженіе моего монолога, полковникъ стоялъ серьезно, съ опущенною головой; вѣроятно, монологъ этотъ произвелъ на него впечатлѣніе въ мою пользу. Прощаясь со мною, плацъ-адъютантъ обѣщалъ донести „обо всемъ этомъ" коменданту.

На слѣдующій день старикъ Газѣевъ принесъ мнѣ „экономію".

— Значитъ, теперь вы удовлетворены до 1-го іюня, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ же теперь эти разсчеты,—не лучше ли при увольненіи? спросилъ я намѣренно.

— Потому что тѣ, два другихъ офицера, не имѣютъ денегъ и просили, чтобы ихъ разсчитать.

— 23-го мая. Алексѣйчукъ, который на первыхъ же порахъ обѣщалъ „помогать и служить" мнѣ (что и исполняетъ по мѣрѣ возможности),—сообщилъ, что у насъ въ казематахъ „начинаетъ пока-

зываться желтая лихорадка". Неудивительно... Удивительно только, какъ тутъ эти несчастные, находящіеся въ темныхъ номерахъ, не умираютъ безъ всякихъ желтыхъ лихорадокъ! Сегодня я заглянулъ въ отворенныя двери напротивъ—ни души (вѣроятно, вывели куда нибудь), но вонь—невообразимая! Несчастные безотвѣтны,—все сносятъ, ни на что не протестуютъ въ ожиданіи рѣшенія суда... Впрочемъ, для меня это понятно; самъ былъ въ ихъ положеніи, сидя въ 10-мъ павильонѣ, и много терпѣлъ.

На слѣдующій день я находился въ припадкѣ съумасшествія,—по крайней мѣрѣ такъ многіе бы назвали мое твердое намѣреніе идти въ военно-судную комиссію и сказать составляющимъ ее палачамъ голую правду въ глаза. Да и неудивительно сойти съума тому, кто испилъ такую горькую чашу!

Къ ночи нервы успокоились. Написалъ письмо къ коменданту, начинающееся такъ: „Четвертый мѣсяцъ не вижу печатной строчки,—это гибельно для меня въ моральномъ отношеніи"; затѣмъ прошу его разрѣшить Торопову по-прежнему доставлять мнѣ книги и газеты. Интересно знать: разрѣшитъ ли? Письмо мое къ нему на прошлой недѣлѣ осталось безъ послѣдствій,—вѣроятно, у Радкевича застряло: этотъ негодяй сперва самъ читаетъ мои письма и записки къ здѣшнимъ властямъ, и чуть что въ нихъ не по немъ, т. е. касается его,—задерживаетъ ихъ, ие то вовсе уничтожаетъ.

25-го мая. Отказъ!.. Напрасно ждать отъ подобныхъ людей проблеска человѣческихъ чувствъ. Нѣтъ словъ выразить испытываемую мною нравственную пытку! Пять мѣсяцевъ уже, какъ сижу одинъ, а слѣдовательно ни съ кѣмъ не перемолвилъ человѣческаго слова, и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ не вижу печатной строки! Человѣку, привыкшему всегда быть за книгами, это — невыносимо. Гагманы, Износковы хорошо знаютъ, что я офиціально обвиненъ только въ распоряженіи панихидой и, несмотря на сознаніе жестокаго наказанія мнѣ за это, еще болѣе стараются увеличить мою пытку... а все потому, что я подлость называю подлостью и громко протестую противъ нея!

Одно лишь утѣшительно—это то, что мои протесты и послѣдняя претензія не остались безъ добрыхъ послѣдствій. Правда, въ томъ коридорѣ еще поминутно раздается мерзкая брань, но въ нашемъ обхожденіе съ узниками видимо улучшилось, и тотъ самый жандармъ Сыровъ, который при мнѣ ругалъ ихъ сволочью, сегодня распекалъ одного часоваго за грубый отвѣтъ какому-то — судя по акценту — еврею, а Радкевичъ былъ бы вовсе не узнаваемъ, если бъ по временамъ не прорывался; теперь онъ избѣгаетъ меня, и при моемъ стукѣ въ дверь его голосъ утихаетъ. Не далѣе какъ часъ назадъ, услыхавъ такой обмѣнъ: „Я тебя, такой-сякой, подлецъ; взять его, взять

его! Въ нужникъ посадить его!"—„Я ей-Богу не виноватъ; не знаю, за что вы ругаете меня, ей-Богу ничего не дѣлалъ", — я постучался въ дверь.

— Цо хцешь? [1]) спросилъ грубовато часовой только что сформированнаго здѣсь Новогеоргіевскаго полка [2]).

— Выйти.

— Подожди.

Черезъ минуту онъ отворилъ дверь, и Радкевичъ, завидя меня, какъ ни въ чемъ не бывало заговорилъ съ подхвосткомъ своимъ о какомъ-то дѣлѣ — говорятъ, „ему теперь запрещено ругаться", но развѣ рыба можетъ жить безъ воды, человѣкъ безъ воздуха, Радкевичъ безъ брани?

Когда я вернулся изъ превета, часовой снялъ шапку и сказалъ:

— Извините, ваше благородіе: я думалъ, что вы полякъ.

Повторяю, въ военномъ мундирѣ чтутъ все, въ человѣкѣ—ничего, и я опять ношу его, — полный выигрышъ, по крайней мѣрѣ относительно солдатъ; напримѣръ, когда я, идя на прогулку ли, въ преветъ ли, загляну въ чужое окошечко, что обыкновенно бываетъ, если въ коридорѣ никого кромѣ часоваго нѣтъ, то послѣдній уже не шумитъ, какъ прежде, до моего протеста, и когда я ходилъ въ штатскомъ пальто, а подойдетъ и скажетъ: „ваше благородіе, нельзя говорить и смотрѣть въ чужой номеръ", или — молча, въ недоумѣніи смотритъ на меня, не то покажетъ видъ, что вовсе ничего не замѣчаетъ. Сдѣлай же это штатскій, то тотъ же часовой (не говорю уже о дрянныхъ жандармахъ) такъ ткнетъ его съ бранью, что несчастный невольно полетитъ куда шелъ, — по крайней мѣрѣ такъ было еще на-дняхъ.

Часовой „изъ билетныхъ Нижегородской губерніи" оказался сообщительнымъ. Ночью—по его словамъ—съ 8-ми часовъ вечера и до утра, никого изъ темныхъ номеровъ не выпускаютъ за нуждой — „боятся"; для этого въ каждый номеръ вносится гражданскими арестантами по открытой „парашкѣ", — вообразите же себѣ вонь, въ особенности по утрамъ, когда для выноса содержимое въ нихъ тутъ же переливается въ одинъ общій ушатъ!

Далѣе вышеупомянутый часовой коснулся своего начальства. „Намъ—говорилъ онъ—ничего здѣсь не даютъ; шапки, мундиры — все должны справлять на свои деньги, пища—одна вода".

Другой, смѣнившій его часовой того же Новогеоргіевскаго полка, подкрѣпилъ это, говоря: „Намъ теперь въ караульные дни полагается $1^1/_2$ копѣйки на сало и 4 копѣйки на водку, а ихъ не даютъ, да

---

[1]) Что хочешь.

[2]) Означенный полкъ сформированъ изъ здѣшняго гарнизоннаго баталіона и прибывшихъ изъ Нижегородской губерніи 1.200 „билетныхъ", т. е. безсрочно-отпускныхъ.

еще велятъ намъ на свои деньги обмундировываться... Ждутъ, вѣрно, смотра скоро, потому что фельдфебель собиралъ роту и сказалъ: ежели васъ спросятъ: получили ли сальныхъ 1½ копѣйки и водочныя, то сказать: получили все сполна и довольны,— а мы ихъ и въ глаза не видѣли... Ужъ не дай Богъ, какъ обижаетъ начальство!"... Да, смѣло, нагло „обижаетъ", и это въ то время, когда всѣ кричатъ объ уничтоженіи хищенія! Здѣсь въ крѣпости почти все осталось такъ, какъ было при императорѣ Николаѣ I; то же мошенничество и мордобитіё со стороны начальства, то же невѣжество со стороны солдатъ,—модлинская сатрапія предпочитаетъ покой движенію.

Вечеромъ получилъ нѣсколько записокъ. Теперь я почти со всѣми въ перепискѣ, и успѣлъ многихъ перезнакомить между собою; точно также, успѣлъ расположить къ себѣ нѣкоторыхъ часовыхъ, не говорю уже о жандармахъ и служителяхъ,—даже „подхвостокъ" со мною— какъ ласковый песъ. По ихъ словамъ, многіе заключенные ждали „по случаю имянинъ великаго князя Константина Николаевича" амнистіи, или облегченія своей участи, „но ничего не вышло",—по прежнему цѣлыми партіями ссылаютъ однихъ въ Сибирь, другихъ въ арестантскія роты, третьихъ въ солдаты,— о, изъ нихъ выйдутъ отличные солдаты! Одинъ пишетъ мнѣ, что когда вели его товарища, вмѣстѣ съ прочими, къ присягѣ—онъ улыбнулся, и Износковъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ посадить его „на нѣсколько недѣль въ темный номеръ, на хлѣбъ и воду".

28-го мая вступилъ въ переписку съ № 9-мъ (темнымъ). Тамъ сидятъ: 1) Вольскій, изъ Варшавы (родственникъ разстрѣляннаго Вольскаго)—офицеръ изъ отряда разстрѣляннаго Подлевскаго, отецъ котораго — по здѣшнимъ извѣстіямъ — предводительствуя (повстанцами?) на Литвѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и тоже разстрѣлянъ; 2) Целтъ— адъютантъ Подлевскаго, и 3) Овчарскій. Всѣ трое приговорены къ смерти.

Что это значитъ, что часовой не отходитъ отъ моего окна, а у него ихъ семнадцать въ одномъ только нашемъ отдѣленіи?.. Да ужъ не донесли ли на меня З—нъ и Г—скій? Или все это—слѣдствіе недобросовѣстности нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, съ которыми я слишкомъ довѣрчиво переписывался? На всякій случай, нужно принять коекакія мѣры относительно дневника. Придумалъ. Попрошу служителя достать мнѣ, конечно, за приличное вознагражденіе, тоненькую деревянную доску, пригоню ее ко дну (уцѣлѣвшаго вмѣстѣ съ другимъ хламомъ) кивернаго деревяннаго ящика, и выкрашу все внутри ваксой,—въ результатѣ получится великолѣпный потайной ящикъ; говорю „великолѣпный", потому что, если замазать хлѣбомъ съ ваксою же, или съ углемъ, пазы между означенною доскою и боками киверна го ящика, — то и въ голову не придетъ даже выдрессиро-

ваннымъ ищейкамъ III-го Отдѣленія о существованіи его, слѣдовательно дневникъ мой уцѣлѣетъ... по крайней мѣрѣ для меня.

29-го мая. Получилъ отъ Вольскаго записку. Бѣдный, не имѣетъ другой надежды, какъ Сибирь или арестантскія роты ...зато—сохранена жизнь. Целтъ сильно боленъ — ничего не ѣстъ и безпомощно лежитъ одинъ въ опустѣвшемъ смрадномъ № 10-мъ, куда вчера перевели его.

Идя въ баню, въ предбанникѣ встрѣтился и поцѣловался съ Дембицкимъ и Штибельтомъ,—послѣдній очень симпатиченъ.

Помощникъ банщика, изъ билетныхъ Нижегородской губерніи, кряхтя, моетъ меня и при этомъ тяжело кашляетъ, и разбитымъ, прерывающимся голосомъ говоритъ:—Ну, слава Богу! скоро и на покой... Уже шестой десятокъ живу,—не долго остается жить...

— Да, голубчикъ, говорю я,—трудненько живется!

— Да что? оживился онъ:—еще можно тернѣть отъ начальства; знамо дѣло, это легко, потому—они дворяне, а мы мѣщане... А то отъ своего брата, отъ фельдфебеля и унтеровъ—еще хуже терпишь... Да и зачѣмъ позвали меня снова на службу? Ну, къ чему я годенъ! Давно уже, какъ лошадь разбила мнѣ грудь,—кровью харкаю... Пришелъ домой... Такъ славно было отдохнуть, — отняли отъ дѣтей... А къ чему? Чтобы не сегодня, такъ завтра умереть.

У старика навернулись даже слезы...

Подходя къ казематамъ, видѣлъ процессъ осмотра гражданскихъ арестантовъ, передъ дверьми ихъ отдѣленія. Всякій разъ, когда они возвращаются съ работы, — надсмотрщикъ-солдатъ ощупываетъ у нихъ карманы, но и только,—какъ будто бы въ сапоги или иное мѣсто нельзя спрятать „запрещенное!“

Вечеромъ узналъ, что наконецъ-то выпустили безногаго „бурмистра „z Makowa“. Изъ того же источника—„z Płonska“ привезли сюда 8 ксендзовъ капуциновъ и разсадили ихъ въ нашемъ коридорѣ... Эти казематы — какъ бездонная пропасть: одного освободятъ и на его мѣсто являются—двадцать новыхъ заключенныхъ.

Въ ночь на 3-е іюня была въ крѣпости тревога. Утромъ привезли еще много плѣнныхъ; судя по озабоченнымъ лицамъ (что я замѣтилъ на прогулкѣ) и по усилившейся грубости съ заключенными (этому политическому барометру, или мѣрилу хода дѣлъ), — вѣрно случилось что-то важное. Радкевичь опять громко захрюкалъ и позволяетъ себѣ, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, нетолько лишать прогулокъ тѣхъ, кому таковыя были разрѣшены Износковымъ, но даже переводить изъ свѣтлыхъ номеровъ въ темные, что также зависитъ исключительно отъ того же плацъ-маіора. Достойные его

сподвижники, вышеупомянутый жандармъ Сыровъ и служитель Демьянъ—тоже подняли морды, но все это относится къ тому коридору; въ нашемъ же—трусятъ: знаютъ, что я все слышу и вижу,—впрочемъ, прорываются, а чаще дѣйствуютъ исподтишка, украдкой.

Караулъ, что на площадкѣ у насъ, уже не складываетъ ружей въ сошки, а сидитъ и лежитъ (на скамьяхъ) съ ними, изъ предосторожности, „чтобы забранные не похватали ихъ", идя въ преветъ.

Нѣсколько словъ по поводу выраженія: „политическій барометръ". О ходѣ дѣлъ „на томъ свѣтѣ" тутъ обыкновенно узнаютъ или отъ податливыхъ жандармовъ, часовыхъ и служителей, или другъ отъ друга, благодаря слѣдующимъ четыремъ пріемамъ сношеній между собою: 1) словесному (разговоромъ—въ окна амбразуръ, если часовой на бермѣ добрый); 2) знаками (пуканьемъ въ стѣну, если жандармъ снисходительный); 3) личному (если коридорный часовой простоватъ или зазѣвается, а жандарма нѣтъ въ коридорѣ, то, идя въ преветъ или на прогулку, быстро отодвигаешь засовъ и входишь въ номеръ—если къ знакомому, то обмѣниваешься новостями, если къ тому, съ кѣмъ желательно познакомиться, то условливаешься насчетъ корреспонденціи: о литерѣ вмѣсто фамиліи, о мѣстѣ въ преветѣ для нея и о времени, когда ее класть) и 4) письменному, т. е. только-что упомянутою корреспонденціей, или записками—обыкновенно черезъ преветъ, а иногда черезъ служителя, — случается и самому передавать ихъ по назначенію.

Кромѣ этихъ явныхъ и тайныхъ передачъ разныхъ извѣстій, мы узнаемъ о колебаніяхъ политическихъ дѣлъ „на томъ свѣтѣ" по пониженію и возвышенію степени ругательствъ и дикаго обращенія съ заключенными. Это-то послѣднее и составляетъ для насъ „политическій барометръ". Когда дѣла наши относительно польской „справы" идутъ успѣшно,—грубое обращеніе съ заключенными здѣсь обыкновенно смягчается, переходитъ на „милостивое",—иного, невинно взятаго, даже освободятъ, другому разрѣшатъ свиданіе съ родными, третьему прогулку, четвертому курить, и вообще пользоваться своими деньгами; если же наоборотъ, — то, какъ уже сказано выше, угрозы и брань раздаются по цѣлымъ днямъ; Радкевичъ, хотя и мало смыслящій въ чемъ дѣло, но всецѣло подчиняющійся Износкову и проч., сильно напивается, вѣроятно — для бодрости, и бушуетъ больше всѣхъ; только и слышишь изъ его устъ: „Возьми его, подлеца! Я тебя повѣшу, такой-сякой! Я тебя упеку!" Сыровъ, Демьянъ и нѣкоторые часовые дѣлаются дерзче, злѣе, Износковы, судьи—жестче.

XIII.

6-го іюня. Въ половинѣ перваго часа пополудни, отправился въ преветъ за запискою Дембицкаго, но ничего не нашелъ; только на

стѣнѣ, сбоку лампочки, было крупно написано: „Żehnam was, bracia! Żegnam was, ofiary!“ (Прощайте, братья! прощайте, жертвы!

Вѣроятно неожиданно выпустили, и онъ не успѣлъ мнѣ написать... Взгрустнулось мнѣ, какъ будто я разстался съ однимъ изъ близкихъ родныхъ. Послѣ обѣда спрашиваю служителя: „что, тебѣ оставилъ что-нибудь на прощанье Дембицкій?“—„Да онъ еще сидитъ; ха, ха, ха!—его еще и не думаютъ увольнять“...

„Что бы это значило? подумалъ я. — Не относится ли его надпись къ отправленнымъ сегодня въ арестантскія роты? — Нужно узнать... Вѣроятно, онъ самъ напишетъ мнѣ объ этомъ“. Дѣйствительно, послѣ вечерняго чаю (въ 7 часовъ вечера) онъ прислалъ съ служителемъ записку: „Радкевичъ сказалъ, чтобы я сегодня упаковался, а завтра—простится со мной“.

— Вѣрно уволятъ, пояснилъ Алексѣйчукъ.

Я былъ и радъ и опечаленъ его увольненіемъ—такъ привыкъ къ нему, породнился съ нимъ духовно втеченіе трехмѣсячной переписки!—что и выразилъ ему въ прощальномъ письмѣ, которое закончилъ обѣщаніемъ „во что-бы-то ни-стало“ попрощаться съ нимъ „лично“. Черезъ часъ получилъ отвѣтъ,—проситъ меня составить планъ казематовъ нашихъ и обѣщаетъ приготовить къ 9-ти часамъ вечера болѣе подробную записку, которую положитъ на свое мѣсто, въ преветъ.

Удивительно только, какъ ему сообщили объ увольненіи преждевременно! Служитель объясняетъ это тѣмъ, что „при немъ — много вещей, а жалобъ на пуканье“ и т. п. непорядки — противъ него не было ни одной.

Прихожу ровно въ 9 часовъ въ преветъ—записки нѣтъ, прощальная его надпись соскоблена; это трудъ Сырова, который постоянно заглядываетъ туда, не отыщетъ ли чего, хорошо зная, что многіе чаще выходятъ не за нуждой, а положить или взять корреспонденцію. Я его не разъ заставалъ за этимъ дѣломъ.

— Зачѣмъ ты это скоблишь? спрашиваю его.

— Да вотъ, эти-то всегда мараютъ стѣну.

— Кто это „эти-то“?

— Разумѣется, не съ вашего сословія; съ вашего-то сословія не станутъ такія вещи дѣлать...

Если только была записка, то — нѣтъ сомнѣнія! ее взялъ онъ, Сыровъ. Конечно, пропажа завѣдомо невинной корреспонденціи — пустяки: не обезпокоиваетъ, не тревожитъ, но вѣдь мы часто откровенничаемъ, а иная откровенность пахнетъ Сибирью... Можетъ быть, Дембицкій, вопреки обѣщанію, и ничего не писалъ,—въ такомъ случаѣ, интересно знать, почему онъ не предупредилъ меня о томъ, хорошо понимая, что подобнаго рода неакуратность (которой никогда не позволяю себѣ и не одобрлю въ другихъ) обыкновенно заставляетъ сильно безпокоиться, думать: не взялъ ли записку жандармъ, или кто изъ заключенныхъ, какъ это еще недавно случилось съ одною,

очень важною корреспонденціею моею къ Межеевскому: ее взялъ, по ошибкѣ ли, или изъ дурныхъ побужденій — не знаю, „policyant z miasta Makowa, Idzi Zaborowski"; но къ счастью, въ тотъ же день въ номеръ къ нему перевели моего пріятеля, который, узнавъ объ этомъ—взялъ отъ него „честное слово никогда не брать того, чего не слѣдуетъ ему брать", и поспѣшилъ возвратить мнѣ означенную корреспонденцію. Я тогда же инстинктивно почувствовалъ отвращеніе къ этому Заборовскому, и посовѣтовалъ пріятелю быть осторожнымъ съ нимъ; онъ отвѣчалъ, что узналъ его съ порядочной стороны, но во всякомъ случаѣ — послѣдуетъ моему совѣту. И хорошо сдѣлаетъ, если послѣдуетъ, ибо понятіе о порядочности какъ-то не вяжется у насъ съ профессіею policyant'а.

Почему-то Канаревъ смѣнилъ Сырова. Было уже поздно, около часу ночи, когда я кончилъ планъ съ профилью казематъ для Дембицкаго; спать не хотѣлось,—пригласилъ къ себѣ Канарева „побесѣдовать, покурить". Ночь—самое удобное время для этого: ключъ отъ казематной двери у дежурнаго жандарма,—безъ него никто не войдетъ сюда. Добрый, честный, но запуганный, Канаревъ по временамъ бываетъ туманно краснорѣчивъ, и тогда его не поймешь,—развѣ только уловишь смыслъ. Къ большому моему удовольствію, сегодня онъ, перебирая начальство, былъ въ изложеніи простъ. По словамъ его, Радкевичъ, какъ „хозяинъ казематъ", обязанъ присматривать за чистотою здѣсь, за служителями, за цейхгаузомъ; но входить къ заключенному безъ доклада дежурнаго жандарма, что вотъ, молъ, его требуютъ—не долженъ; прежде, до „повстанія", такъ и было: „хозяинъ" входилъ къ заключеннымъ только по утрамъ, спросить: „неугодно ли чего купить?—записывалъ, бралъ деньги и покупалъ". Радкевичъ же поминутно шныряетъ по номерамъ...

— А какъ придетъ въ 3-й редюитъ, продолжалъ Канаревъ, притворивъ совсѣмъ мою дверь,—сейчасъ кричитъ безъ всякаго повода: „лобузы [1]), подлецы!"...

— Зачѣмъ же его держатъ? спросилъ я.

— Плацъ-маіоръ Износковъ больно любитъ. Вотъ тоже Сырова любитъ, а у насъ въ командѣ терпѣть его не могутъ,—капитанъ (Бѣлановскій) только за язычекъ и держитъ его въ жандармахъ.

— Ну, а за что Радкевичъ Демьяна любитъ?

— Тоже за язычекъ, ну и дѣлются тамъ кое-чѣмъ...

Я поинтересовался знать мнѣніе Канарева о комендантѣ.

— Комендантъ-то ничего, отвѣчалъ онъ,—если поймаетъ въ чемъ солдата, или жандарма у воротъ,—только крѣпко выругается, а бить

---

[1]) Польская брань.

не бьетъ, и ужъ будь покоенъ, капитану не донесетъ,—добрая душа! Не то, что прежній (комендантъ), Брюмеръ...

Спать пора. Потушилъ свѣчку. Теперь мнѣ отпускается всего по полторы восьмериковой (сальной) свѣчки,—впрочемъ, и этого довольно, такъ какъ теперь вечерѣетъ не раньше девяти часовъ, а на ночь я тушу у себя огонь, чего другіе, конечно, за исключеніемъ З—на и Г—скаго, не имѣютъ права дѣлать.

Всталъ (7-го іюня) въ 7 часовъ и, вспомнивъ свое слово Дембицкому—„во чтобы-то-ни-стало попрощаюсь съ тобою лично"; постучался „за нуждою", захвативъ съ собою записку съ ночною работою, на всякій случай... который и помогъ мнѣ: Алексѣйчукъ, подметая его номеръ, нарочно полуотворилъ двери,—я вошелъ и простился. Удивительно, и въ послѣднюю минуту,—вѣроятно для муки,—ему сказали объ увольненіи двусмысленно, ибо, прощаясь, онъ прибавилъ: „jeszcze nic nie wiem, co chcą ze mną zrobic" [1]).

Когда я возвращался изъ превета, въ коридорѣ былъ только одинъ Канаревъ, и Дембицкій, увидавъ меня, выскочилъ изъ номера и еще разъ простился, сказавъ: „Отъ F [2]) все узнаешь". Въ 12 ч. пополудни я видѣлъ, какъ выносили его вещи изъ номера; спустя нѣсколько минутъ, Штибельтъ извѣстилъ меня (запискою), что его „подъ конвоемъ повели въ ордонансъ-гаузъ", и сомнѣніе вкралось въ мою душу насчетъ его увольненія... Но Алексѣйчукъ, подавая мнѣ обѣдъ, сказалъ: „Они велѣли кланяться вамъ и сказать, что совсѣмъ уже ѣдутъ домой; они теперь въ трактирѣ, и вещи ихъ тамъ. Дали мнѣ рубль серебра, остальнымъ служителямъ и жандармамъ тоже по рублю".—Обрадовался я!.. Хотя его и продержали въ казематѣ лишній мѣсяцъ (яко бы изъ опасенія, чтобы онъ по выходѣ не пошелъ къ своимъ братьямъ—повстанцамъ), но, вѣроятно, послѣ стольких тяжкихъ испытаній здѣсь онъ теперь одинъ изъ счастливѣйшихъ смертныхъ!

Послѣ обѣда онъ прислалъ мнѣ съ тѣмъ же служителемъ польскую газету „Курьеръ". Съ жадностью принялся я читать этого „Курьера", но обрѣлъ въ немъ одну пустыню.

Во время прогулки видѣлъ Дембицкаго, уже свободнымъ, но по условію—не подавалъ виду, что знакомъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что по близости находился Радкевичъ.

Придя съ прогулки, увидѣлъ на часахъ передъ окномъ (на валу) давнишняго знакомаго.

— Ну, что новаго? спрашиваю его.

— Да большія строгости завелись, отвѣчалъ онъ.—Все стращаютъ: „подъ лавочку" [3]). Одного уже посадили на 7 дёнъ за то, что ку-

---

[1]) „Еще ничего не знаю, что хотятъ со мною сдѣлать".

[2]) F—литера Штибельта, съ которымъ Дембицкій содержится вмѣстѣ.

[3]) Т. е. казематами.

рилъ на часахъ... Вчера, продолжалъ онъ, оглядѣвшись,—юнкеръ читалъ намъ газеты, что къ пятнадцатому (числу) англичане и французы придутъ на помощь полякамъ,—своими ушами слышалъ, какъ читалъ, только позабылъ какъ это собраніе-то называется: „винегретъ, анагретъ"—ужъ забылъ,—которое собралось въ городѣ и написало въ Петербургъ: „Идемъ на васъ".

— Можетъ быть, парламентъ? замѣтилъ я.

— Такъ, такъ... Теперь у насъ—бѣда какая горячка: крѣпость вооружаютъ, у Варшавскихъ воротъ, что идутъ на Закручиню, разрушаютъ башню,—баттарею будутъ строить; черезъ тѣ ворота не приказано никого пущать, даже самого коменданта... Ждутъ цѣлую дивизію. Вотъ уже три дня, какъ намъ никакого ученія не дѣлаютъ, а только все гоняютъ на валъ, да въ бойницы,—значитъ, обучаютъ, какъ тамъ стрѣлять нужно и прочимъ дѣламъ, на случай осады крѣпости. Для обученія насъ новымъ правиламъ, прислали изъ Литовскаго гвардейскаго полка офицера и 16 солдатъ...

Смѣна прервала интересную бесѣду.

Докончивъ „Курьеръ", послалъ его при запискѣ сперва Межеевскому, потомъ Вольскому; впрочемъ, послѣднему самъ передалъ въ дверное оконце, въ которомъ вотъ уже два дня, какъ выбито стекло, благодаря чему передаю ему теперь и записки лично, что дѣлается такъ: когда все готово, я стучусь „за нуждой"; часовой отворяетъ двери,—прошу его взять у меня съ нары бутылку и принести воды, а самъ быстро иду къ дверямъ номера Вольскаго, который уже поджидаетъ меня у самаго оконца и принимаетъ записку; если же онъ прозѣваетъ это сдѣлать,—я кашляю (на знакъ) и бросаю ее въ номеръ, благодаря тому же выбитому стеклу. При хорошемъ часовомъ, все это продѣлывается безъ хитростей, открыто,—конечно, если въ коридорѣ никого кромѣ него нѣтъ.

Отъ Алексѣйчука, принесшаго мнѣ воды на ночь, узналъ, что вчера послѣ обѣда Целта перевели опять къ Вольскому, а его номеръ, какъ и №№ 3-й и 4-й того коридора, биткомъ набили „пригнанными сюда изъ арсенала на хлѣбъ-воду за буйство". „Буйство" состояло въ слѣдующемъ: приходитъ Тороповъ „съ какою-то бумагой", собралъ всѣхъ—„а ихъ теперь тамъ (т. е. въ арсеналѣ) триста"—и предложилъ „выбрать изъ себя какъ бы надзирателей за порядкомъ, чтобы не пѣли патріотическихъ пѣсенъ" и т. п., „а на самомъ дѣлѣ—надзирателей", изъ которыхъ можно было бы приготовить „шпіоновъ". Нѣкоторые зашумѣли, „осмѣяли и освистали Торопова",—онъ пожаловался; является грозный Износковъ, опять съ вооруженными солдатами, и перебирая весь ругательный лексиконъ, — „приказалъ имъ бить прикладами поближе стоявшихъ", затѣмъ отобралъ 69 (по другимъ свѣдѣніямъ—72 ч.) и велѣлъ пересадить ихъ „сюда, въ темные нумера", на пищу св. Антонія, если только можно такъ назвать двухфунтовой ломоть заплѣснѣлаго червиваго хлѣба съ пескомъ и дѣйствительно хорошую вислянскую воду.

По словамъ Алексѣйчука, комендантъ „только разъ былъ въ арсеналѣ“; съ заключенными „обошелся хорошо“ и даже „разрѣшилъ имъ прогулку, по очереди, маленькими партіями“—они прогуливаются на плацу передъ арсеналомъ, конечно, оцѣпленные достаточнымъ конвоемъ. „Плацъ-маіоръ Ивановъ тоже хорошо обходился съ заключенными“, и они хвалятъ его; но Износковъ, въ особенности плацъ-адъютантъ Юнинъ, въ качествѣ помощника Иванова, по полицейской части—„Боже упаси!“ Ничего-то они отъ нихъ не слышатъ, кромѣ брани: „мятежники, разбойники, подлецы, сукины сыны“, пересыпанной непечатными словами,—ничего-то отъ нихъ не видятъ, кромѣ побоевъ, подъ прикрытіемъ вооруженной силы, да пересадокъ въ темные казематы на хлѣбъ и воду, что обыкновенно случается „съ недовольными пищей“, хотя бы таковое недовольство и было заявлено законнымъ путемъ, т. е. скромною жалобой. Караулъ также нельзя похвалить въ отношеніи обхожденія съ заключенными въ арсеналѣ: не только офицеръ,—солдаты „поминутно ругаются, надоѣдаютъ“ и до того стѣсняютъ, что „они не смѣютъ даже разговаривать между собою вполголоса“.

Далѣе Алексѣйчукъ разсказывалъ, что сегодня подали „по ошибкѣ“ ужинъ „наказаннымъ“,—они бросились-было съ жадностью голодныхъ волковъ на холодные помои, но прибѣжалъ „въ страхѣ“ жандармъ и велѣлъ „все немедленно убрать“. Вотъ испытываютъ-то муки голода!.. А воздухъ-то каковъ, въ особенности въ № 10-мъ, гдѣ сидитъ 32 человѣка?! Караульные только покачиваютъ головами, когда отворяютъ его, чтобъ подать воды несчастнымъ; а жандармы даже зажимаютъ носъ.

Въ 7½ ч. вечера, идя въ преветъ, я отодвинулъ оконную заслонку въ № 9-мъ и увидалъ группу человѣкъ въ 15, освѣщенную заходящимъ солнцемъ; кто лежалъ на нарахъ, кто на голомъ полу, кто на „сѣнникѣ“, или „соломенникѣ“, которые опять роздали, но „не всѣмъ и безо всего“, т. е. безъ подушки, простыни и одѣяла. Заглянулъ въ него и въ 10 часовъ вечера. Жандармъ Сыровъ сидитъ на нарѣ и разглагольствуетъ что-то вкрадчивымъ голосомъ, а изнуренные узники, обступивъ его, молча слушаютъ. Очевидно, лиса забралась къ нимъ съ цѣлью или выпытать что нибудь такое, о чемъ было бы не безвыгодно донести, или поймать меня, какъ я буду передавать въ оконце записку (Вольскому); но, хотя этотъ звѣрь и считается здѣсь однимъ изъ лучшихъ шпіоновъ, онъ настолько глупъ и такъ грубъ, что врядъ ли кто попадется въ его тенета. Однако, на всякій случай, возвращаясь изъ превета, я не преминулъ предостеречь ихъ на этотъ счетъ. Звѣрь уже вышелъ изъ номера,—онъ стоялъ въ коридорѣ около площадки и конечно видѣлъ, какъ я разговариваю въ окошко (съ Вольскимъ),—и хоть бы слово мнѣ!—даже виду не показалъ о томъ, и только когда я пошелъ къ себѣ,—что-то съ жестомъ тихо

сказалъ часовому. Вольскій говоритъ, что онъ какъ тать прокрался къ нимъ, и что они, ожидая ревизіи, сожгли мои записки.

Черезъ часъ я опять заглянулъ къ нимъ,—уже спали, положивъ головы на бока или на ноги одинъ другому; какой-то вонючій паръ, точно туманъ, окутывалъ ихъ и ослаблялъ свѣтъ мерцающей лампадки надъ дверьми.

Если въ свѣтлыхъ номерахъ, гдѣ амбразурныя окна теперь почти по цѣлымъ днямъ открыты, чувствуется, въ особенности послѣ сна, запахъ свѣжаго навоза и гнили, то что же сказать о воздухѣ темныхъ номеровъ,—этихъ мрачныхъ подземелій, гдѣ только на-дняхъ вынули наддверныя окна?! Вынули ихъ, конечно, съ цѣлью сколько-нибудь освѣжить ихъ, если только коридорная атмосфера, отравленная преветомъ и пр. и пр., можетъ освѣжать... Но что она еще болѣе заразилась отъ него—это не подлежитъ сомнѣнію. Чтобы имѣть точное понятіе о степени зараженія казематной атмосферы — пера недостаточно, а нужно войти въ казематы съ свѣжаго воздуха; невыразимая гниль и вонь—какъ въ самомъ отвратительномъ отхожемъ мѣстѣ. Если бъ разложить ее теперь химически, то навѣрное получится натуральныхъ частей атмосферы всего 1/5 часть, а остальное—самые зловредные міазмы,—на сколько-жъ десятковъ лѣтъ убавитъ жизни эта сфера міазмовъ?!

Войдя (9-го іюня) въ первомъ часу пополудни въ преветъ, я услышалъ ужасные стоны за стѣной и надрывающій душу плачъ, точно въ предсмертной агоніи. Неужели это братъ Постриха? справился у служителя.—Нѣтъ, говоритъ, юнкеръ,—сегодня только привели съ шайки. Онъ сбѣжалъ къ мятежникамъ и тамъ сдѣланъ офицеромъ... Много онъ нашихъ солдатъ повѣсилъ,—поймаетъ на дорогѣ и сейчасъ на веревку; а плачетъ онъ оттого, что ужъ больно упалъ духомъ... Ни присѣсть, ни прилечь—однѣ стѣны, да полъ; и самъ почти голъ,—все сняли съ него, оставили только шинелишку.

Вписываю это (въ дневникъ), а стоны и плачъ его все еще рѣжутъ мою душу. Наконецъ, къ 4-мъ часамъ прекратились,—вѣроятно, уснулъ, или... не знаю, что съ нимъ теперь...

Послѣ обѣда тяжело писать; спать хочу... Лягу-ка я, да засну—время убивать сномъ, корреспонденціями, дневникомъ, а главное — сномъ...

Спалъ съ часъ, и до полуночи не смыкалъ глазъ. Тѣ же стоны и болѣзненныя рыданія при ночной тишинѣ и темнотѣ еще глубже проникали въ душу...

Служитель говоритъ, что эти стоны и рыданія привлекаютъ много крѣпостнаго люду къ окошечку его ужаснаго склепа.

12-го іюня. Уже нѣсколько дней, какъ наступила жара. Невыносимо даже въ одномъ пальтишкѣ или сюртучишкѣ гулять! Зато у себя въ казематѣ не дрожишь отъ холода, не покрываешься ночью двумя пальто поверхъ одѣяла; днемъ иногда можно даже безъ пальто, въ одной сорочкѣ посидѣть, но не долго,—обыкновенно черезъ полчаса влажность заставляетъ снова надѣть его.

XIV.

Конвоируя меня утромъ (13-го іюня) на прогулку, караульный унтеръ-офицеръ (жандармъ оставался въ казематахъ) пошелъ сзади, а рядовой, обязанный идти впереди меня, держался въ сторонкѣ, видимо стѣсняясь и въ этомъ, изъ чувства ли деликатности (такъ какъ они знаютъ меня давно), или изъ уваженія къ офицерскому мундиру (съ котораго, впрочемъ, я уже споролъ погоны),—не знаю, но, не желая поддерживать ихъ ложнаго понятія, что конвой компрометируетъ меня, я попросилъ ихъ идти на своихъ мѣстахъ, и шествіе, какъ обыкновенно, медленно привело меня на плацъ...

На слѣдующій день, выхожу въ баню и слышу на караульной площадкѣ шепотъ дежурнаго жандарма молодому унтеръ-офицеру, которому я отдалъ нести бѣлье: „Только двухъ возьми конвойныхъ для этого офицера,—такъ приказалъ капитанъ Радкевичъ". — „Что дальше будетъ", подумалъ я. Вышелъ на улицу и вижу, что унтеръ-офицеръ приказываетъ двумъ изъ числа четырехъ конвойныхъ остаться.

— Для чего-жъ не всѣ? Вѣдь постоянно послѣднее время меня водили съ пятью конвойными? спросилъ я.

— Такъ-съ приказалъ офицеръ, отвѣчалъ онъ улыбаясь.

— Ежели меня водили постоянно съ пятью конвойными, то это значитъ такое правило, а поэтому пусть всѣ идутъ, иначе я не пойду, сказалъ я... И, такимъ образомъ, одна ступень такъ называемой „милости" отъ позорныхъ парій была почти насильно отстранена.

Послѣ (вечерняго) чаю, я заглянулъ въ дверное оконце къ моему пріятелю, который сидитъ съ „Соловейчикомъ"—полиціантомъ, но на этотъ разъ его не было видно и къ оконцу подошелъ послѣдній.

— А гдѣ-жъ F? спрашиваю его по-польски.

— Отправленъ въ арестантскія роты, отвѣтилъ онъ, и попросилъ меня продолжать переписку съ нимъ, полиціантомъ, на что я, конечно, промолчалъ. Затѣмъ, вернувшись къ себѣ, получаю записку отъ Межеевскаго: „...Policyant z miasta Makowa Idzi Zaborowski—wydał Piotra Skwarskiego"—семейнаго человѣка пожилыхъ лѣтъ, который и осужденъ на разстрѣляніе...

15-го іюня привезли „z Przasnysza“ около пятидесяти человѣкъ, изъ коихъ шестерыхъ или семерыхъ,—все пановъ,—Радкевичъ посадилъ на мѣсто юнкера, который переведенъ въ свѣтлый номеръ, и „теперь очень веселъ“; остальныхъ размѣстили тоже по темнымъ номерамъ, и въ номеръ, гдѣ сидѣлъ Вольскій, попало 20 человѣкъ, больше—„простонародіе“, а его съ четырьмя другими перевели въ свѣтлый. Служитель того коридора, передавая мнѣ это, прибавилъ относительно вышеупомянутыхъ семи пановъ: „а какіе все богатые,—ухъ! Сколько денегъ и бѣлья, да и одѣты жъ какъ!“

Возвращаясь изъ превета, замѣтилъ, что наддверное окно въ № 10-мъ опять выставлено. „Вѣрно, въ наказаніе“, подумалъ я, и не ошибся: „громко разговаривали“, говоритъ жандармъ. Въ сосѣднемъ же номерѣ (9) оно остается открытымъ (вотъ уже четвертыя сутки); въ настоящую минуту тамъ кукуетъ кукушка,—я бы немедленно уволилъ невинную птицу, если только это не полиціантъ какой нибудь...

Пафъ-пафъ! вдругъ донесся до моего уха неопредѣленный звукъ, и вслѣдъ затѣмъ раздалось рыканіе Радкевича: „вотъ тебѣ, такой-сякой! вотъ тебѣ!“... Бѣдный Алексѣйчукъ! Это онъ получилъ нѣсколько плюхъ „за ничто“,—Радкевичъ пьянъ, кровь разыгралась, ну и напалъ на безотвѣтнаго, смирнаго, старательнаго и добраго, честнаго слугу. Будь Алексѣйчукъ такимъ же подлецомъ, какъ, напримѣръ, Демьянъ, тогда, конечно, и ему было бы хорошо здѣсь!.. Полюбилъ я этого хохла, и съ нимъ такъ откровененъ, какъ не былъ бы съ инымъ порядочнымъ товарищемъ; онъ даже знаетъ всѣ мѣста нашей корреспонденціи, но я убѣжденъ, что онъ и во снѣ даже не проговорится. Честность выражается на его спокойномъ, но болѣзненномъ лицѣ; всё понимаетъ: очень не глупый отъ природы... Мнѣ его очень жаль; онъ еле-еле ходитъ,—грудь сильно болитъ; но на его просьбы—принять его въ госпиталь или, по крайней мѣрѣ, освободить отъ тяжелой службы въ казематахъ (гдѣ здоровье еще больше разстраивается, какъ отъ убійственнаго воздуха, такъ и постоянной бѣготни)—получается одинъ отвѣтъ: „ничего,—служи“.

Вечеромъ я успѣлъ войти въ сношенія съ панами, что̀ посажены о-бокъ превета. Въ отвѣтной запискѣ ихъ ко мнѣ выставлено только четыре фамиліи: „Сикорскій, Кучковскій, Млодзяновскій и Ожечковскій“. Въ „Przasnyszu“ они высидѣли 4 мѣсяца, и уже „приговорены“, одни—въ здѣшнія арестантскія роты, другіе въ Сибирь [1]), и т. д. Записка заканчивалась опроверженіемъ слуховъ насчетъ Я. Домбровскаго и западныхъ державъ. Мой академическій товарищъ „не

[1]) Модлинъ, помимо прямаго своего назначенія, служитъ теперь и главнымъ пересылочнымъ пунктомъ для осужденныхъ (въ Сибирь) изъ ближайшихъ городовъ.

разстрѣлянъ",—ну, отлегло отъ сердца [1]). „Англія и Франція еще не объявляли войны Россіи, а только продолжають свою интервенцію энергично".—Вообще казематныя извѣстія—противорѣчивы и неправдивы. Да и трудно узнать здѣсь правду; отъ кого ее узнаешь? Отъ безмолвныхъ часовыхъ и „мудрыхъ" жандармовъ? Да они на самый скромный вопросъ корчатъ удивленную, наивную рожу, какъ бы спрашивающую: „неужели это правда? Ничего не слыхалъ; не можетъ быть". Отъ вновь привозимыхъ тоже трудно узнать что нибудь вѣрное, по большей части сами сидѣли нѣсколько мѣсяцевъ подъ замкомъ, до прибытія сюда, подъ новый замокъ; а потому, какой нибудь фактъ—въ ста видахъ разносится по казематамъ и такъ держится по нѣскольку мѣсяцевъ, пока наконецъ разъяснится.

Одновременно съ вышеприведенною запиской получилъ еще двѣ: отъ Межеевскаго и Вольскаго; первый извѣщаетъ, что „архіепископъ Фелинскій посаженъ въ 10-й павильонъ", и отсюда выводитъ заключеніе: „вѣроятно, партіи соединились дружно для дѣла свободы и независимости"; второй описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него переводомъ изъ темнаго подвала въ свѣтлый: „... Myśmy kontenci z przeniesienia tego, bo przynajmnij widzimy swiatło i kawałek choc ziemi, wody, słońca, mamy nieco powietrza, jak by z grobu nas wyprowadzono: powołano do życia"... [2]).

Въ PS. значилось, тоже по-польски: „Готовимъ на память для тебя хорошенькую фигурку,—Целтъ ее лѣпитъ изъ хлѣба".

Въ эту записку была вложена другая, на имя одного моего пріятеля, съ которымъ Вольскій „желалъ-бы вступить въ переписку". При первомъ же удобномъ случаѣ я бросилъ ее въ оконце къ означенному пріятелю, и вскорѣ получилъ слѣдующій, характеризующій осторожность нѣкоторыхъ заключенныхъ, отвѣтъ: „Я слишкомъ много выстрадалъ, чтобы вступать въ переписку съ неизвѣстными мнѣ людьми,—тѣмъ болѣе теперь, когда съ часу на часъ жду увольненія. Не перетолкуй моей осторожности относительно г. Вольскаго въ дурную сторону и—будь тоже остороженъ".

День проходитъ довольно быстро, потому что каждый день нужно отвѣтить на записки, вписать кое-что въ дневникъ, а тамъ—спишь.

---

[1]) Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что Домбровскій, слѣдуя въ Сибирь, бѣжалъ, кажется, переодѣтымъ въ женскій костюмъ, изъ Москвы, и именно изъ бани, въ которую водили партіями ссыльныхъ поляковъ. По низверженіи Наполеона III (въ послѣднюю франко-прусскую войну), онъ былъ генераломъ въ арміи коммунаровъ, и погибъ отъ пули въ животъ.

[2]) „... Мы очень рады этому переводу,—по крайней мѣрѣ видимъ свѣтъ и хоть кусочекъ земли, воды, солнца, имѣемъ немного воздуху, точно вывели насъ изъ гроба: къ жизни вернули"...

Иногда меня что-то тревожитъ, и тогда я недовѣрчивъ въ корреспонденціи; иногда же негодованіе подниметъ порядочную дозу желчи, и я открыто пишу и называю предметы ихъ именемъ. Иногда опасаюсь, чтобы кто не открылъ мѣста корреспонденціи...

То же самое относится и къ дневнику, въ который день за днемъ вписывается все, что только выходитъ изъ ряда необыкновенныхъ вещей (называя обыкновеннымъ порядкомъ—звѣрства, дающія ежеминутно чувствовать себя, а необыкновеннымъ—человѣчество).

16-го іюня. Сегодня ровно годъ, какъ въ этихъ стѣнахъ разстрѣляны Сливицкій, Арнгольдтъ и Ростковскій.

Вѣчная вамъ память, друзья!

Полный воспоминаній о нихъ, сижу я на окнѣ съ папироскою въ зубахъ; часовой останавливается, осматриваетъ меня и восклицаетъ:

— Сигарки не курить!

— Кто-жъ тебѣ отдавалъ такое приказаніе? спрашиваю его.

— Ефлейтеръ.

— Неправда, самъ выдумалъ. Ефрейторъ вѣрно знаетъ службу и этого не прикажетъ, потому что курить можно.

— Ефлейтерь приказалъ такъ; а мнѣ — что? и часовой опять зашагалъ.

При смѣнѣ его, спрашиваю ефрейтора объ этомъ, — „такого не приказывалъ", говоритъ. Пристыженнымъ удалился часовой, и во вторую смѣну—уже не подходилъ близко къ моему окну.

Спустя день (18-го іюня), слышу при смѣнѣ: „...а за этимъ окномъ смотри лучше и чаще подходи"... и это уже не первый разъ слышу. Не подкапываются ли подъ меня темныя силы, за то, что я не стѣсняясь высказываю имъ презрѣніе?—Очень можетъ быть но я уже привыкъ къ этой угрожающей таинственности, и не безпокоюсь о томъ, что будетъ впереди. Какъ и куда ни толкнетъ судьба—пойду за ней... а не преклоню выю свою передъ паріями!..

Прогуливаюсь. Мимо меня везутъ гражданскіе арестанты тачки съ навозомъ, съ дровами. У всѣхъ лица измученныя, печальныя.

Прошла партія заключенныхъ плѣнныхъ изъ казематъ въ арсеналъ—переселеніе изъ одного ада въ другой. Почти всѣ несли на себѣ казенные тюфяки; иные еле-еле тащили, потому что, кромѣ того, имѣли и свои вещи.

Вотъ одного поляка ведутъ въ комиссію пять конвойныхъ — дурной знакъ!

Одинъ гарнизонный офицеръ остановился въ аллеѣ и смотритъ нахально на меня, поджидая другаго, который немедленно и подошелъ къ нему, съ словами: „пойдемъ панефиду служить", и при этомъ покосился на меня. По физіономіямъ и солдатскому выговору, я заключилъ о ихъ бурбонскомъ происхожденіи, а по остротѣ (очевидно, относившейся ко мнѣ)—о пустотѣ въ ихъ головахъ.

Направляюсь къ казематамъ; въ это время одинъ изъ оцѣпляющихъ мѣсто прогулки конвойныхъ падаетъ; я останавливаюсь, смотрю на него—посинѣлъ, у рта пѣна, судороги подергиваютъ; указываю на умирающаго другому конвойному—тотъ преравнодушно посматриваетъ съ своего мѣста на него, машетъ мнѣ рукой, приговаривая: „ступайте, ступайте",—потомъ тихо подходитъ къ нему, безучастно смотритъ, и подымаетъ съ земли его ружье; указываю конвойному унтеръ-офицеру—съ мѣста не шелохнулся, какъ и жандармъ, стоявшій на всходахъ! И только черезъ нѣсколько минутъ онъ услалъ одного конвойнаго за смѣной. Изъ трактира вышелъ дежурный по караулу офицеръ,—стоитъ около жандарма и тоже безучастно глазѣетъ... Это тянулось, пока не вернулся конвойный съ другимъ солдатомъ; тогда офицеръ подошелъ къ умирающему и велѣлъ „встать"; тотъ, шатаясь, еле-еле поднялся—даже поднять его не потрудились! Пришедшій солдатъ взялъ его подъ-мышки и тихо-тихо повелъ куда-то. Да, въ этой гуманной сценѣ—не малая тема для размышленія.

Вихровъ говоритъ, что Г—скій сегодня, въ 5 часовъ утра, оставилъ казематы и до Варшавы отправился подъ охраною сильнаго конвоя, сопровождающаго партію изъ 48-ми „осужденныхъ" повстанцевъ и 13-ти фуръ переселяющихся въ Россію колонистовъ, которые искали защиты и убѣжища въ крѣпости отъ ожидающей ихъ висѣлицы повстанцевъ за шпіонства и проч.

— Самъ просилъ плацъ-маіора, чтобы его отправить подъ конвоемъ, добавилъ Вихровъ.

Трусишка; хоть и полякъ, но боится за себя—совѣсть не чиста, и ему, вѣроятно, все мерещилась висѣлица...

Въ числѣ отправленныхъ вчера находятся: Мечиславъ Вольскій, Казиміръ Овчарскій (оба—въ солдаты) и Михаилъ Маевскій (въ Сибирь). Всѣ они прислали мнѣ прощальныя записки...

XV.

22-го іюня. Прогуливаясь, я видѣлъ... всѣхъ.

Когда я вижу, какъ ползетъ изъ своей норы жирная, приземистая фигура (Радкевичъ) на короткихъ тумбахъ, въ пальто—вѣчно на-распашку и стоячемъ кепи, какъ бы намѣревающемся улетѣть отъ своего барина, мнѣ кажется тогда, что всѣ каты на землѣ — только копія съ него. Не могу понять, почему у насъ на Руси—есть на все образцы, а на палачей нѣтъ; не могу понять, почему бы Радкевича не взять за образецъ этихъ почтенныхъ ремесленниковъ?

Когда я вижу прогуливающагося по аллеѣ высокаго, покрытаго сѣдинами старика, въ голубомъ мундирѣ съ новоформенной шапкой и новоформенными аксельбантами, и украшеннаго орденами,—невольно

голова мая преклоняется, глаза искрятся, сердцебіеніе учащается,— передъ мною — славный мужъ, жандармскій капитанъ Бѣлановскій, одинъ изъ ревностнѣйшихъ патріотовъ.

Вотъ далѣе еще фигура, тоже въ жандармскомъ костюмѣ, съ торчащими длинными усами и лукаво улыбающеюся физіономіею,—а! это хохолъ Ларіоновъ:

— Здравствуй, здравствуй,—ну, что скажешь?

— Да что?!.. Житья намъ нѣтъ въ командѣ... Вахмистръ — съ такимъ длиннымъ языкомъ, просто бѣда; наговоритъ капитану то, чего и во снѣ не снилось, — мало того, что самъ-то каждую минуту грызетъ да грызетъ въ казармѣ: то не хорошо, да это не такъ... Ну, извѣстно, какъ наябедничаетъ капитану, капитанъ сейчасъ призоветъ, а передъ нимъ лучше молчи, хоть правъ, хоть виноватъ,—ну, покричитъ и накажетъ; но если только заикнешься въ свое оправданіе—бѣда!— „Я тебя, такой-сякой, въ горнизонъ на службу сошлю! Я тебя..: пошелъ подъ лавочку!“[1]). Зарядитъ сюда на мѣсяцъ и болѣе,—хуже врага не любитъ свою команду; никто отъ него добраго слова не слыхалъ... Прежде больно дрался, а теперь ужъ нѣтъ: запрещено,— такъ онъ по мѣсяцамъ на дежурство посылаетъ... Ну, и пользу съ команды имѣетъ: вмѣсто четырехъ—два гарнца овса выдаетъ на лошадей, порцію соломы тоже уменьшилъ. Житье ему здѣсь,—даже пять разъ отъ чина отказался...

— А давно онъ здѣсь, въ командѣ?

— Съ 47-го года, а офицеромъ съ 31-го... Не хочетъ отсюда,— больно ему хорошо; да намъ-то больно худо подъ его командой,— никогда не заступится за своего...

— Онъ любитъ насъ, какъ собака палку, хотя постоянно за нашу команду получаетъ награды, говорилъ мнѣ на-дняхъ другой жандармъ, Жур...—хорошій и для заключенныхъ, и для товарищей, а потому и не любимый „начальствомъ“. — Ужъ не буду говорить о томъ, что минуты нѣтъ свободной отъ службы, а служи, хоть не служи хорошо— все равно, ежели не умѣешь язычничать на своихъ товарищей. Больно онъ любитъ язычниковъ, и слушаетъ ихъ, хоть бы тамъ пьяница, лѣнтяй былъ, а только ябедничай,—такъ хорошо будетъ; и сколько-то разъ, просто, не знаешь за что, по нѣскольку недѣль дежуришь, или въ казематъ на нѣсколько дней посадитъ. Думаешь, думаешь, какъ бы лучше, исправнѣе быть,—все одинъ конецъ!.. Ужъ право, такъ-то больно отъ этихъ язычниковъ приходилось, что—просто гадко сказать, — самому на умъ приходило сдѣлаться такимъ же язычникомъ, да совѣсть помучаетъ, и не могу... Кто бы тамъ ни пожаловался, ни навралъ бы, — сейчасъ „подъ лавочку“. Ничего не

---

[1]) Подъ лавочку—значитъ въ казематы, на дежурство, что для жандармовъ самое непріятное, потому что „заботливо, да и воздухъ не хорошъ“.

разберетъ, и говорить не станетъ, а маршъ — и все тутъ! Трудно, тяжело... Скоро ли конецъ-то терпѣнію будетъ...

Къ этой характеристикѣ можно пока прибавить: Бѣлановскій — высокій, плотный, здоровый, что называется—видный, представительный старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ; цвѣтъ лица напоминаетъ младенца во время крещенія; при ударѣ въ церковный колоколъ—шапку снимаетъ и дѣлаетъ крестное знаменіе по формѣ; съ 15-го мая надѣваетъ бѣлыя брюки, и стрижетъ свои сѣдины также по формѣ; усы— № 1-й. Почему онъ почти не заглядываетъ въ казематы—неизвѣстно, хотя всѣмъ извѣстно, что власть надъ ними раздѣлена между нимъ и плацъ-маіоромъ Износковымъ.

Кстати, слово о жандармской командѣ. Въ ней—не болѣе 23-хъ человѣкъ, которые дежурятъ поочередно здѣсь (въ казематахъ) и въ другихъ мѣстахъ заключенія плѣнныхъ,—при всѣхъ крѣпостныхъ воротахъ, въ ордананс-гаузѣ, у коменданта и, конечно, у своего начальника—Бѣлановскаго; такимъ образомъ, „почти всѣ въ расходѣ"— въ казармѣ остается не болѣе пяти человѣкъ, на обязанности которыхъ лежитъ чистка лошадей на всю команду, и эта чистка считается здѣсь „отдыхомъ", послѣ дежурствъ. Каждому жандарму полагается въ мѣсяцъ на все, кромѣ обмундированія, 5 рублей, считая тутъ и жалованье, которое давно уже обѣщали увеличить „за тяжелую службу", но „провели". Пищу ихъ я пробовалъ—очень порядочная, хотя на нее выходитъ на брата въ мѣсяцъ „менѣе двухъ рублей", и это потому, что они сами распоряжаются своимъ хозяйствомъ, а не начальство.

Тотъ же жандармъ Жур... разсказывалъ, какъ ему разъ Износковъ „сто розогъ далъ"—и до сихъ поръ не знаетъ, за что...

Видѣлъ сегодня и плацъ-маіора Иванова, галопирующимъ на лошади—необыкновенно граціозно, особенно когда шапка на затылкѣ! Но не въ томъ дѣло. Впереди его шли три солдата, только что прибывшіе изъ шестилѣтняго отпуска; они уже отвыкли снимать шапки въ одну терцію, какъ по командѣ, и завидя его—снимаютъ медленно; тотъ быстро проскакиваетъ ихъ съ крикомъ: „Я вамъ, мерзавцы, покажу, какъ шапки нужно снимать! Быстрѣе снимать, а то я вамъ ихъ сорву!!" — Клянусь, такая умѣренность поразила меня, и я мысленно поблагодарилъ Иванова, что онъ ихъ тотчасъ не отправилъ въ казематы, или не слѣзъ съ лошади и не научилъ уму-разуму по-Юнински.

Видѣлъ и коляску, наполненную крѣпостными дамами съ однимъ офицеромъ; за коляскою, ради воинственнаго шика—конвой изъ семи казаковъ.

По разсказамъ жандармовъ, здѣшнія дамы купаться ходятъ по большей части вмѣстѣ съ мужьями, иная при этомъ и сестрицу свою

беретъ; есть и такія, которыя въ церковь ходятъ съ собачками; танцовать очень любятъ всѣ безъ исключенія, и наряжаться—тоже; даже „прапорщицы“ одѣваются хорошо, хотя гарнизонный прапорщикъ и получаетъ всего около 200 рублей въ годъ.

23-го іюня. Радкевичъ совсѣмъ притихъ; послѣ послѣдней со мною бесѣды—даже шепота его неслышно въ нашемъ коридорѣ; къ З—ну на совѣщанія крадется тихо, и уже не кричитъ, какъ прежде: „Здравствуйте, Евгеній Ивановичъ!“ — Визиты къ нему куда какъ сократились. Несмотря на то, что теперь здѣсь сидятъ больше „лобузы“, какъ обыкновенно называетъ Радкевичъ всѣхъ безъ исключенія бѣдняковъ—будь-то „панъ“ или „хлопъ“, — обхожденіе повидимому, смягчилось: громкій разговоръ, смѣхъ, даже божественная пѣснь—уже не вызываютъ противъ нихъ бури. Ну, развѣ я не счастливъ?— Вѣдь не даромъ же попортилъ нѣсколько фунтовъ крови! Въ результатѣ все-таки принесена польза: мои казематные сотоварищи-поляки уже не слышатъ столь любезнаго намъ историческаго ругательства и ихъ уже не толкаютъ, какъ прежде. Впрочемъ, это относится только до нашего коридора; не знаю, такая ли перемѣна въ арсеналѣ, въ 3-мъ редюитѣ и прочихъ мѣстахъ заключенія „инсургентовъ“, какъ теперь оффиціально называютъ повстанцевъ—прежнихъ „мятежниковъ“, „бунтовщиковъ“. Сомнѣваюсь. Тамъ, вѣроятно, никто не бесѣдовалъ съ Радкевичами такъ же любезно, какъ я; осторожности и терпѣнію поляковъ въ перенесеніи въ заключеніи всѣхъ родовъ грубаго обращенія — нечего удивляться; они, какъ уже упомянуто, научены опытомъ, какіе результаты постигнутъ того дерзкаго, который осмѣлился бы заговорить, а тѣмъ паче защищать свои человѣческія права; они знаютъ по опыту, что на ихъ протестъ—удесятерятъ „гуманное обращеніе“ съ ними, — а въ запасѣ остается еще военносудная комиссія.

И мясо продовольствующимся „съ котла“ теперь разноситъ не грубый, грязный и зараженный солдатъ, а здѣшніе служителя и жандармъ. И хлѣбъ теперь стали давать посвѣжѣе — не такъ воняетъ, не такъ киселъ, плѣсени меньше, меньше попадается и червей, крылышковъ отъ букашекъ и самихъ букашекъ, и кусочковъ какой-то черной массы; зато порцію поубавили на пол-фунта, и песочку много, отчего послѣ двухъ кусочковъ уже чувствительно болятъ зубы, да и хрустъ песка на зубахъ непріятенъ, — а то бы ѣлъ этотъ „скупаемый со всего гарнизона залежавшійся хлѣбъ“, потому что полубѣлый, трактирный—уже пріѣлся.

24-го іюня. Это число вторично встрѣчается въ моемъ дневникѣ заключенія. Итакъ, сегодня ровно годъ, какъ я лишенъ свободы! ровно годъ, какъ лишенъ всего дорогаго въ жизни, — какъ я полу-

живу!.. Ровно годъ, какъ духъ мой быстро началъ укрѣпляться!— Его не согнула ни борьба съ подлостью, ни невзгоды заключенія. Онъ закалился въ этой борьбѣ!..

Бываютъ въ жизни многихъ людей моменты, приводящіе ихъ на распутіе двухъ духовныхъ дорогъ, двухъ противоположныхъ идей о счастіи человѣка; года три тому назадъ, обстоятельствами и я былъ приведенъ на это распутіе: по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ баталіона, я началъ сближаться съ другою сферой, знакомою мнѣ только инстинктивно. Когда я обернулся назадъ,—увидалъ глубокую пропасть, раздѣляющую мою еще кадетскую сферу, выработанную опекою „воспитателя русскаго юношества“ (Якова Ивановича Ростовцева), отъ сферы истины, ведущей человѣка къ счастью, какое только можетъ дать ему свобода и его естественныя права! Нечего было сравнивать, нечего было выбирать: нагота эгоизма и лжи — съ одной стороны, свѣтлая правда и любовь къ человѣчеству—съ другой... Я принялся съ энергіей себя перевоспитывать: вѣдь трудъ не малый—изъ воспитанника Ростовцева сдѣлаться человѣкомъ! Однако, результаты труда были успѣшны.

. . . .

Сегодня ровно годъ, какъ Повонзковская походная церковь вмѣстила въ себѣ около пятидесяти человѣкъ, собравшихся вспомнить своихъ разстрѣлянныхъ товарищей: Сливицкаго, Арнгольдта, Ростковскаго!.. Сегодня ровно годъ, какъ, вставъ рано утромъ, я поѣхалъ въ Повонзки. Подъѣзжая къ заставѣ, я увидалъ вдали шедшаго мнѣ на встрѣчу корпуснаго товарища К., который жилъ тоже въ городѣ; онъ дѣлаетъ мнѣ жестъ рукой: „напрасно, напрасно“. Поравнявшись съ нимъ, я останавливаю дружку [1]); К. говоритъ:

— Ѣдемъ назадъ... Напрасно,—никого нѣтъ...

— Какъ никого? Вчера же обѣщали быть, и всѣмъ, вѣроятно, извѣстно?! возразилъ я съ досадой.

— Почти никого нѣтъ; я былъ въ нѣсколькихъ баталіонахъ,— теперь тамъ молебствіе и, кажется, панихида не состоится.

— Не можетъ быть!.. Садись—поѣдемъ... Если никто не пожелаетъ, такъ мы съ тобою вдвоемъ отслужимъ, но отслужимъ непремѣнно...

Поѣхали.

У бараковъ 7-го стрѣлковаго баталіона увидѣлъ я А., разговаривающаго съ незнакомымъ мнѣ офицеромъ — это былъ Г — скій-Д—вичъ; увидалъ, какъ между зимними и лѣтними бараками шло (подъ открытымъ небомъ) молебствіе, по случаю избавленія отъ опасности великаго князя Константина Николаевича. Я подошелъ къ А. и попросилъ его караулить священника (Виноградова), а между тѣмъ самъ отправился къ другимъ знакомымъ офицерамъ.

---

[1]) Такъ называются извощики въ Варшавѣ.

Молебенъ кончился; я вышелъ изъ барака М. и, увидавъ, что А. и Г—скій разговариваютъ съ попомъ и что фигура и жесты послѣдняго выражали нерѣшительность,—быстро подошелъ къ нему и убѣдилъ отслужить панихиду. Всѣ мы, кромѣ Г—скаго (который исчезнулъ незамѣтно для меня), отправились къ походной церкви, вблизи и вдали которой стояли группами артиллеристы, почти всѣ знакомые мнѣ. Ровно годъ сегодня, какъ панихида совершилась, я былъ арестованъ... ни за что иное, какъ только за панихиду...

. . . .

Судьба хорошо распорядилась,—и я успокоился, и только коекогда мрачный сонъ, да невольная тревога въ казематахъ напоминаютъ мнѣ тревогу предшествующихъ дней.

XVI.

25-го іюня.—Что такъ долго дежуришь? спросилъ я утромъ Канарева, который уже третьи сутки не смѣняется.

— Да на мѣсяцъ наказанъ сюда... А за что?—и сказать смѣшно.

— За что же?

— До сихъ поръ почти безсмѣнно дежурилъ я въ арсеналѣ, не за наказаніе, а такъ приказалъ нашъ капитанъ; послѣ онъ меня взялъ къ себѣ; на другой день я попросилъ его служанку помыть мнѣ китель; она начала мыть, а капитанша-то увидѣла,—страшно раскричалась и пожаловалась. Капитанъ призвалъ меня: „Какъ ты смѣлъ мыть свой китель въ моей квартирѣ?! Я тебя, такой-сякой! сейчасъ отправляйся на мѣсяцъ подъ лавочку!"—Вотъ видите, за что посадили на дежурство; потомъ онъ кликнулъ служанку, и ну ее грызть: „Какъ ты смѣла мыть у меня на квартирѣ солдатскій китель?! Я тебя отправлю въ темную, въ полицію, да велю сто розогъ вкатить!" А служанка говоритъ: „Да я, какъ прежде жила у другихъ господъ, то всегда мыла вмѣстѣ съ господскимъ и людское бѣлье". А капитанъ на нее еще пуще, и говоритъ: „Такъ видно, что эти господа были сволочь!"—Ужъ не знаю навѣрное, высѣкъ онъ ее, или нѣтъ, только у него и жить-то—никто долго не уживется...

Дальше Канаревъ сообщилъ, что „на этихъ дняхъ привезли сюда одну паню (даму), очень молоденькую и красивую" (фамиліи онъ еще не узналъ); сидитъ она въ томъ коридорѣ,—въ темномъ, самомъ послѣднемъ номерѣ, ключъ отъ котораго находится у него; постель—своя, кушанье—„съ трактира".

— Какъ ни войдешь къ ней—все плачетъ... Слышалъ, что она взята въ плѣнъ въ одномъ отдѣлѣ повстанцевъ,—больше ничего не знаю,—заключилъ бесѣду мой любимецъ.

Вечерѣетъ. Какъ-то нерѣшительно входитъ ко мнѣ тотъ же Канаревъ, держа въ рукахъ бумагу; замялся—и проситъ написать письмо,—оказывается, что онъ страшно влюбленъ въ одну молоденькую дѣвушку, Афросинью, которая, недовольная его рѣдкими визитами, какъ кажется, хочетъ его бросить. Услуга за услуги; онъ сообщаетъ мнѣ разныя свѣдѣнія, доставляетъ иногда польскія газеты, и я, согласно его просьбѣ написать „почувствительнѣе",—составилъ патетическое посланіе; когда я ему прочелъ его, то увидалъ передъ собою вполнѣ влюбленнаго человѣка.

Спустя два дня, онъ опять является и проситъ написать еще „къ ней". Написалъ еще патетичнѣе, въ духѣ простонародномъ, съ эпилогомъ въ стихахъ, и, по желанію его, вмѣсто фамиліи (Канаревъ) подписалъ: „Имя мое—знаетъ сердце твое". При чтеніи этого писанія, онъ опять прослезился, опять дрогнулъ усъ...

Разумѣется, я воспользовался его любовью къ „Афросиньюшкѣ" и довѣріемъ ко мнѣ, и вотъ—у меня „Русскій Инвалидъ" за 18—30 іюня. Давно уже не видалъ я русской газеты,—обрадовался несказанно и протянулъ руку Канареву въ благодарность. Онъ честный, добрый, умный.

Изъ означеннаго номера „Русскаго Инвалида" я узналъ, что польская „справа" разростается, но Англія и Франція не объявляли войны Россіи, какъ распространился здѣсь слухъ.

Занялся составленіемъ извлеченій изъ „Русскаго Инвалида", для корреспонденцій. Входитъ Алексѣйчукъ; потчую его папиросной,—онъ смотритъ на перо и бумагу, и говоритъ: „Будьте осторожны... Сегодня служитель того коридора нашелъ двѣ записки въ преветѣ и отдалъ жандарму, а жандармъ Радкевичу..."

— Такой подлецъ—добавилъ добрый служитель,—не могъ разорвать и бросить.

Я нѣсколько встревожился: не мои ли записки къ А. и У.? Скверно, хоть тамъ одна истина... „И изъ-за чего мерзавецъ бьется?" подумалъ я о доносчикѣ, котораго не далѣе какъ вчера еще поймалъ я за стираніемъ со стѣнъ превета нашихъ условныхъ знаковъ (относящихся къ корреспонденціямъ). Нѣтъ ему больше отъ меня ни ласковаго слова, ни папироски,—не буду его болѣе пускать къ себѣ на глаза.

Утромъ на слѣдующій день (28-го іюня) Алексѣйчукъ успокоилъ меня, говоря, что „эти записки разобрать нельзя,—карандашемъ писаны... кажется, къ какому-то ксендзу". Ну, а я всегда пишу чернилами, что, конечно, въ подобномъ случаѣ, выдастъ меня съ головой и руками. Впрочемъ, несмотря на строжайшее запрещеніе, и у нѣкоторыхъ поляковъ имѣются всѣ письменныя принадлежности.

Однако, послѣдствія отъ представленія вышеупомянутыхъ записокъ—неутѣшительны; какъ ни войду въ преветъ—часовой (что при немъ) за мной; смотритъ въ упоръ, чего прежде здѣсь не бывало, по крайней мѣрѣ—относительно меня. Это, вѣроятно, по приказанію Радкевича. Благоразуміе требуетъ на время прекратить корреспонденцію... о чемъ я и предупредилъ своихъ друзей черезъ Алексѣйчука.

Сегодня (29-го іюня) я имянинникъ. Такъ какъ имянины придуманы главнымъ образомъ съ цѣлью лишній разъ въ году покутить, то и я послѣдовалъ этому обычаю. Канаревъ тайкомъ купилъ водки, я приготовилъ уже явно рѣдьку съ конопляннымъ масломъ, нарѣзалъ колбасу, и угостилъ его такъ, что онъ даже разстегнулъ шинель, причемъ обнаружились хорошіе часы съ цѣпочкой.

— Откуда это у тебя такіе богатые часы?

— Выигралъ въ лотерею.

— Вонъ у Базуновича трое дорогихъ часовъ,—тоже выигралъ въ лотерею?

— У насъ у каждаго теперь часы. За два рубля можно отличные купить у казаковъ, не то у солдатъ...

— Послѣ каждой экспедиціи?—Слышалъ, слышалъ.

— Я-то выигралъ въ лотерею.

— Вѣрю,—вѣдь объѣзды—своего рода лотерея...

Трудности „облавъ" и вообще разныхъ экспедицій на плохо-вооруженныхъ „мятежниковъ" обыкновенно вознаграждаются съ лихвой. Находились и великодушные воины, которы за часы и деньги отпускали пойманнаго повстанца. Такимъ-то путемъ въ Модлинѣ накопилось очень много часовъ, спросъ же на нихъ не великъ,—остается брать, что даютъ...

Справилъ я съ Канаревымъ свой праздникъ,—справилъ собственно для него, и не даромъ: онъ обѣщалъ мнѣ еще газетъ и сообщилъ между прочимъ, что „найденныя служителемъ въ преветѣ записки—никто не могъ разобрать и Радкевичъ съ досады разорвалъ ихъ".—Воображаю его досаду въ этомъ случаѣ, и радость, торжество, если бъ записки оказались моими?! Вѣдь онъ ненавидитъ меня... потому что трусить,—трусить такъ, что старается большею частью тогда посѣщать казематы, когда я на прогулкѣ, и въ это время, какъ оказывается, по прежнему звѣрствуетъ.

Канаревъ, уходя, попросилъ у меня немного водки для какого-то „больнаго пана", но потомъ сознался, что отдалъ ее „пани Домицели Драминской", которая просила у него „хоть глотокъ водки", чтобы разогнать грызущую ее тоску,—это та самая пани, о которой онъ прежде говорилъ, что взята „въ одномъ отдѣлѣ повстанцевъ", а теперь увѣряетъ, что привезена „изъ своей деревни, за нѣсколько верстъ отъ Новаго Двора". Она просила и книгъ; къ сожалѣнію—не

имѣю, но постараюсь достать, и тогда по нимъ можно будетъ переговариваться съ нею, что дѣлается очень просто: подчеркиваются буквы на первой страницѣ (и далѣе, если нужно много сказать). Этотъ методъ сношеній между собою заключенныхъ важенъ въ томъ отношеніи, что книгу передать хорошій жандармъ еще согласится, но записку—почти никогда.

День прошелъ для меня пріятнѣе предшествующихъ дней; ничто не нарушало моего душевнаго спокойствія; ничто не могло поднять желчи во мнѣ; даже не приходила мысль о будущемъ, нерѣдко потревоживающая меня въ послѣднее время. Вотъ только грудь что-то сильнѣй ломитъ,—уже третій мѣсяцъ, какъ она у меня по временамъ побаливаетъ, конечно—вслѣдствіе заключенія.

30-го іюня. Нестерпимая жара на дворѣ, а потому въ казематахъ такъ холодно, что безъ пальто невозможно сидѣть; это слѣдствіе казематной сырости. Вернешься съ прогулки—и чувствуешь, какъ насморкъ или возобновляется, или увеличивается,—такъ и не оставляетъ онъ меня вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ—условія благопріятны!

Наддверныя окна, снятыя въ нѣкоторыхъ темныхъ номарахъ, опять вставили, значитъ—воздухъ опять безъ малѣйшаго движенія; ужъ не понизился ли барометръ?

Въ часъ пополудни является служитель того коридора и говоритъ:

— Ну, слава Богу! этого хозяина, нашего-то Демьяна, отсюда назначаютъ снова на службу—въ полкъ, потому—онъ перваго разряда (т. е. способный).

Дѣйствительно, это недурно; дерзкій подхвостокъ Радкевича много шумитъ въ томъ коридорѣ. „Ну, да и ты хорошъ!“ подумалъ я насчетъ вѣстника—этой „подлой штучки“, по выраженію Канарева:—все стираешь наши знаки въ превѣтѣ и ищешь тамъ записокъ!“

По уходѣ его, я на-скоро написалъ друзьямъ, что можно продолжать переписку, конечно, съ соблюденіемъ возможной осторожности, и постучался въ дверь.

На этотъ разъ стражъ при превѣтѣ уже не слѣдовалъ за мною, а только посматривалъ въ дверное оконце, и я успѣлъ положить приготовленныя записки на прежнія мѣста, сдѣлалъ знакъ на стѣнѣ и, возвращаясь въ номеръ, подалъ условный сигналъ кашлемъ.

Спустя часъ, Канаревъ принесъ мнѣ „отъ Торопова“ газетъ. Добрякъ не забываетъ меня; всегда спрашиваетъ обо мнѣ жандармовъ: „здоровъ ли?“ и пр.

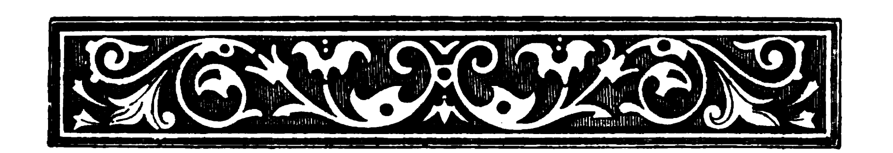
— Онъ бы постоянно присылалъ вамъ газетъ, да боится шпіонства другихъ жандармовъ,—боится сплетень Радкевича, сказалъ Канаревъ.

Вѣрю. Честный человѣкъ, и съ добрымъ сердцемъ, которое не могло зачерствѣть даже на службѣ въ здѣшнемъ гарнизонѣ, гдѣ употребляются всѣ усилія для превращенія сердца въ комъ навоза. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ отставки съ пенсіей, которая ему и составитъ единственное средство къ жизни, потому что родныхъ не имѣетъ, а самъ—„изъ выслуженныхъ", слѣдовательно неспособенъ къ занятіямъ, которыя бы дали ему хлѣбъ.

О—въ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОСТРОВА.

(Гаданія о будущемъ).



ПЕССИМИСТЪ, и предупреждаю объ этомъ заранѣе, съ цѣлью—подсказать точку зрѣнія на мои „гаданія о будущемъ“ тѣмъ изъ читателей, которые могутъ быть не согласны съ моими взглядами и выводами: авторъ-де пессимистъ, и потому очень естественно, что все ему кажется въ преувеличенно-мрачныхъ краскахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ—„все къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ“.

Пусть будетъ такъ. Охотно и самъ желалъ бы вѣрить послѣднему, если бы не уроки исторіи и современной жизни, которые въ суммѣ своей неособенно-то благопріятствуютъ такимъ блаженнымъ упованіямъ.

Недавно въ одной изъ нашихъ большихъ газетъ попалось мнѣ на глаза нижеслѣдующее маленькое извѣстіе, затертое между другими, между какимъ-то шахматнымъ турниромъ и Сарою Бернаръ и напечатанное очень мелкимъ шрифтомъ, въ отдѣлѣ газетной смѣси, служащемъ, какъ извѣстно, „затычкою“ въ тѣхъ случаяхъ, когда для текущаго нумера нѣтъ болѣе серьезнаго и интереснаго матерьяла. Подобная обстановка извѣстія въ газетѣ уже сама по себѣ показываетъ, что редакція не придавала ему ни малѣйшаго серьезнаго значенія, а если и напечатала, то развѣ такъ только, въ видѣ маленькаго курьеза. Остальныя же газеты, кажется, не удостоили его даже и такимъ мимолетнымъ вниманіемъ, не проронивъ о немъ ни слова. Мнѣ же, въ качествѣ пессимиста, извѣстіе это—если только оно справедливо—кажется не только серьезнымъ, но и весьма важнымъ для будущаго. Гласитъ оно слѣдующее:

„Германія жаждетъ сдѣлаться морскою державой. Нѣмцы старались недавно пріобрѣсти морскую станцію для своей восточно-азіятской эскадры, когда война съ Россіей казалась неизбѣжною. Предложеніе занять какой нибудь пунктъ на Амурѣ серьезно обсуждалось берлинскими оффиціозами. Разсматривалась возможность сопротивленія во Владивостокѣ русскихъ фортовъ и, разумѣется, овладѣніе ими найдено было весьма легкимъ. Когда опасенія войны съ Россіей разсѣялись, желающіе укрѣпленія Германіи въ Азіи пришли къ убѣжденію, что острова Танза и Чу-си-ма (Цусима), къ югу отъ Кореи, были бы наилучшимъ помѣщеніемъ для морской станціи. „Kleine Journal" первый предложилъ это колоніальное пріобрѣтеніе и приходитъ въ восторгъ отъ захвата этихъ двухъ острововъ. По его словамъ, Германія пріобрѣтетъ этимъ не только цѣнное приращеніе территоріи, но „вступитъ на путь присоединенія потомъ и всей Кореи". Затѣмъ, — неизвѣстно, отъ себя, или изъ текста „Kleine Journal",—наша газета прибавляетъ въ скобкахъ: „разумѣется, если Россія взглянетъ на это равнодушно" [1]).

Что до Россіи, то для нѣмецкой печати, въ ея современномъ настроеніи противъ насъ, вопросъ о равнодушіи или неравнодушіи этой державы въ подобномъ дѣлѣ едва ли имѣетъ какое либо значеніе. Но чаянія и гаданія какой бы то ни было печати не суть еще выраженіе активной политики государства, хотя они очень часто служатъ для послѣдней, въ нѣкоторомъ родѣ, пробными шарами. Нужды нѣтъ, если иногда, какъ и въ настоящемъ случаѣ, то или другое предложеніе политическаго характера исходитъ со столбцовъ маленькаго журнальца. Тутъ не важно, кто высказываетъ,—важно, что высказывается. А когда высказывается маленькій журналецъ, то это даже удобнѣе, въ томъ отношеніи, что если бы его предложеніе обратило на себя вниманіе или неудовольствіе тѣхъ, до кого непосредственно касается, то политика не газетная, а настоящая, въ случаѣ надобности, всегда имѣетъ возможность сказать, что это, молъ, какое-то частное мнѣніе какой-то газеты, съ которымъ она, политика, не имѣетъ ничего общаго. Тѣмъ не менѣе, какъ пробный шаръ, это частное мнѣніе свое дѣло сдѣлало и тѣмъ сослужило службу настоящей политикѣ.—„А какъ, молъ, отнеслось въ Россіи общественное мнѣніе къ проекту занятія нами Цусимы?"—Да никакъ. Въ Россіи, кажется, о Цусимѣ, кромѣ нѣкоторыхъ моряковъ, никто никакого понятія не имѣетъ.—„Можетъ ли это быть?!."—Такъ надо думать; потому что вся русская пресса, кромѣ одной газеты, пропустила этотъ проектъ безъ всякаго вниманія, да и та-то газета, которая слегка его замѣтила, отвела ему крошечное мѣстечко между своими „мелочами".—„Гм... стало быть, это можно принять къ свѣдѣнію, и на невѣжествѣ сосѣда (на сей разъ географическомъ), при

---

[1]) „Новое Время", № 2.222.

удобномъ случаѣ, подставить ему ножку въ одномъ изъ его самыхъ существенныхъ государственныхъ интересовъ".—Вотъ почему, мнѣ кажется, не слѣдуетъ пренебрежительно пропускать безъ вниманія проекты даже и маленькихъ газетокъ, если они касаются нашихъ существенныхъ интересовъ, а тѣмъ болѣе, если эти мнѣнія и проекты исходятъ изъ Германіи, гдѣ, какъ извѣстно, даже и нѣкоторыя маленькія газетки иногда служатъ политикѣ въ качествѣ оффиціозовъ.

Это-то обстоятельство и побуждаетъ насъ отмѣтить вышеозначенное извѣстіе своего рода нота-беней. Исторія, а въ особенности современная дѣйствительность, представляютъ немало примѣровъ, какъ тотъ или другой проектъ, составлявшій вначалѣ не болѣе какъ чье-то „частное академическое мнѣніе", обращался постепенно, при помощи печати, во мнѣніе общее, затѣмъ дѣлался рычагомъ политики и, наконецъ, при сочетаніи благопріятныхъ обстоятельствъ, превращался въ осуществившійся фактъ. Развѣ самое единство Германіи не создалось подобнымъ же образомъ? Въ данномъ случаѣ, если бы проектъ маленькой газетки когда нибудь осуществился, если бы островъ Цусима дѣйствительно сдѣлался сильною морскою станціей Германіи на крайнемъ Востокѣ, то такой фактъ имѣлъ бы весьма серьезное значеніе не для одной лишь Россіи, а и для Англіи, и для Японіи, отчасти и для Франціи, да и вообще, болѣе или менѣе для всѣхъ державъ, имѣющихъ свои колоніи на островахъ Великаго океана. Этотъ фактъ вводилъ бы въ ихъ колоніальную жизнь и отношенія новаго фактора, какъ въ отношеніи промышленности и торговли, такъ и въ отношеніи политики въ особенности, отдавая въ его руки одну изъ сильнѣйшихъ и наивыгоднѣйшихъ стратегическихъ позицій на всемъ крайнемъ Востокѣ.

Чтобы пояснить, что̀ такое островъ Цусима и какое онъ, при случаѣ, можетъ имѣть значеніе, обратимся немножко къ географіи.

Островъ Цусима лежитъ подъ 34° 18′ 55″ с. ш. и 129° 12′ в. д., занимая въ длину 37 итальянскихъ (морскихъ) миль по направленію отъ NNO къ SSW, ширина же его въ самомъ узкомъ мѣстѣ 1½ мили. Находится онъ въ Корейскомъ проливѣ, раздѣляя его на восточный и западный каналы, и служитъ какъ бы естественною станціею между южно-центральною Японіей и Кореей. Берега его приглубы и безопасны; нѣсколько рифовъ и скалъ находятся только у юго-западной (Маме-саки) и сѣверной (Тайу-саки) оконечностей острова. Но что̀ придаетъ Цусимѣ громадное значеніе въ смыслѣ военно-морской станціи, такъ это его заливъ Татамура, который глубоко врѣзывается съ западной стороны въ островный материкъ, почти въ самой серединѣ его протяженія, и развѣтвляется внутри онаго на четыре большія бухты, которыя въ свою очередь вѣтвятся на множество меньшихъ, изъ которыхъ, однако же, каждая вполнѣ удобна для стоянки нѣсколькихъ судовъ, такъ какъ средняя глубина всѣхъ этихъ второстепенныхъ бухтъ и бухточекъ равняется 10—17-ти са-

женямъ, наибольшая же глубина свыше 42 саженъ. Это такая роскошь для выбора себѣ самой удобной, широкой и безопасной стоянки, больше которой и желать невозможно. Тутъ не то что флотъ, а цѣлые флоты,—соединные флоты нѣсколькихъ морскихъ державъ могли бы размѣститься со всѣми удобствами, ни мало не стѣсняя другъ друга. Суда самыхъ большихъ размѣровъ во всякую погоду могутъ входить въ обширную бухту и ея главнѣйшія развѣтвленія совершенно безпрепятственно. Татамура въ своей юго-восточной бухтѣ соединяется съ восточнымъ каналомъ Корейскаго пролива незначительнымъ протокомъ въ 20 футъ шириною, при 4-хъ футахъ глубины въ полную воду и, такимъ образомъ, во время прилива Цусима временно раздѣляется на два острова, но протокъ этотъ доступенъ однѣмъ только шлюпкамъ. На островѣ есть нѣсколько деревень, населенныхъ японцами и отчасти корейцами. До японскаго переворота 1868 года, островъ принадлежалъ полу-независимому князю Цусима; по родовому имени котораго онъ и называется. Въ 1861 году, нашъ корветъ „Посадникъ“ болѣе восьми мѣсяцевъ стоялъ въ Татамурскомъ заливѣ, и именно въ бухтѣ Оодзе-ура. Князь Цусима уступилъ-было намъ частичку своей территоріи, на которой наши моряки построили складочный сарай, мастерскую, баню, домъ для начальника станціи, развели огороды и провели шоссейную дорогу отъ своей колоніи до сосѣдней деревни Хираста. Кромѣ того, трудами нашихъ гидрографовъ, за время стоянки „Посадника“ въ Оодзе-ура, было астрономически опредѣлено географическое положеніе острова, изслѣдованы его внѣшніе и внутренніе берега и въ большей части бухтъ основательно сдѣланы промѣры.

Слухъ о нашей стоянкѣ, конечно, не могъ не дойти до англичанъ, которые направили сюда свой фрегатъ „Актеонъ“, съ цѣлью освѣдомиться, что̀ такое дѣлаютъ русскіе на Цусимѣ. Командиры обоихъ судовъ размѣнивались другъ съ другомъ обычными любезностями; англичанинъ прислалъ нашему въ презентъ даже партію какого-то особеннаго вина; офицеры „Актеона“ съ своей стороны занялись промѣрами въ бухтѣ „Обсерваціи“ (названной такъ отъ устроенной нами на одномъ изъ ея мысовъ обсерваторіи), помогая въ этомъ трудѣ нашимъ гидрографамъ; наконецъ, „Актеонъ“ ушелъ, но вслѣдъ за тѣмъ возникла дипломатическая переписка, вслѣдствіе которой „Посаднику“ было приказано немедленно оставить Цусиму,— и съ тѣхъ поръ никакія попытки на устройство здѣсь станціи уже не возобновлялись ни съ нашей, ни съ англійской стороны.

Семь лѣтъ спустя, въ Японіи произошелъ политическій переворотъ, устранившій рядомъ съ сіогунальною властью и полу-независимость феодальныхъ князей, въ пользу Микадо, какъ высшаго, законнаго издревле представителя государственнаго единства и монархической власти. Этотъ переворотъ самъ по себѣ уже рѣшилъ вопросъ о томъ, кому, въ сущности, принадлежитъ и должна по праву принадлежать

Цусима. Хотя одно время слышно было, будто и корейцы простирали на нее свои притязанія, но тотъ фактъ, что бывшій владѣлецъ острова считалъ себя вассаломъ Микадо, не говоря уже о преобладающемъ японскомъ населеніи на его торриторіи, казалось бы, ставитъ вопросъ внѣ всякаго спора. Островъ японскій, и долженъ принадлежать Японіи, какъ искони составная часть сего государства. Бывшій владѣлецъ Цусимы, пока еще ему принадлежали его феодальныя права, воленъ былъ уступить намъ клочекъ своей земли; но англичане, разумѣется, не могли оставить этотъ фактъ безъ вниманія, ибо русская станція на Цусимѣ служила бы форпостомъ на рубежѣ Японскаго и Китайскаго морей, прикрывая, съ одной стороны, Владивостокъ, а съ другой—служа постоянно угрозою Шангаю и Гонконгу. Побужденія англійской политики въ этомъ случаѣ не только понятны, но, если хотите, до извѣстной степени даже законны, такъ какъ ими руководило чувство самообороны. Такимъ образомъ, какъ для насъ, такъ и для англичанъ, самое лучшее, если Цусима будетъ всегда оставаться въ рукахъ нейтральныхъ: этимъ какъ бы устраняется важность сего острова въ смыслѣ стратегической позиціи. Изъ гаваней Цусимы можно грозить столько же Владивостоку, сколько Шангаю и Гонконгу.

Нашъ противникъ, владѣющій Цусимой, запираетъ намъ свободный и кратчайшій выходъ въ китайскія воды и дѣлаетъ для насъ Японское море почти настолько же закрытымъ, какъ Балтійское и Черное. Для противника, который захотѣлъ бы дѣйствовать наступательно противъ Владивостока и южно-Уссурійскаго края, Цусима является наилучшимъ и наибезопаснѣйшимъ опорнымъ пунктомъ, въ смыслѣ арсенала, складочнаго мѣста всякихъ запасовъ и главнаго лазарета. Теперь, надѣюсь, понятно, почему нѣмецкія газетки „приходятъ въ восторгъ“ отъ идеи захвата Цусимы въ пользу Германіи? Нужды нѣтъ, что островъ принадлежитъ Японіи!—Развѣ нельзя выговорить себѣ дипломатическимъ путемъ уступку, или, просто, частною покупкою пріобрѣсти маленькій клочекъ земли на Цусимѣ, въ бухтѣ Татамура? Развѣ тѣ же нѣмцы, путемъ частныхъ покупокъ, не пріобрѣли себѣ, начиная съ 1864 года, въ русской Польшѣ и далѣе оной, цѣлыя территоріи, имѣющія громадное стратегическое значеніе? И если это возможно по сей день въ Россіи, до которой такія покупки непосредственно касаются, то почему же не надѣяться, что и Японія, при извѣстной дипломатической ловкости съ ихъ стороны, не уступитъ имъ какого-то тамъ ничтожнаго клочечка землицы на Цусимѣ, тѣмъ болѣе, что не съ враждебными же цѣлями противъ самой Японіи (NB. пока, до времени надобности) они его пріобрѣсти желаютъ! Они, напротивъ, домогаются этого, чтобы быть всегда ближайшею надежною опорою Японіи противъ Китая, Англіи, Россіи и кого вамъ угодно. Они постараются доказать, какъ дважды-два—четыре, что у Японіи нѣтъ и не можетъ быть лучшаго и естествен-

нѣйшаго союзника, какъ Германія, и что только при поддержкѣ Германіи и въ тѣсномъ союзѣ съ нею Японія можетъ спокойно и безопасно крѣпнуть и развивать свои государственныя силы. И развѣ подобная политическая перспектива, уже сама по себѣ, не стôитъ того, чтобы ради ея осуществленія поступиться какимъ-то ничтожнымъ клочкомъ земли на Цусимѣ?!

Ахъ, читатель, все это пессимистическія мечты и предположенія, которыя, быть можетъ, никогда не осуществятся. Но если...—А, если это „если" когда нибудь осуществится, то, безъ сомнѣнія, будетъ вотъ что:

Воинственная морская держава, которая станетъ твердою ногою на островѣ Цусимѣ, необходимо подчинитъ видамъ своей политики ближайшія сосѣднія страны, т. е. Японію, Корею и даже Китай, и будетъ изображать собою вѣчно поднятый кулакъ надъ Владивостокомъ, Шангаемъ и Гонконгомъ. Тогда Китаю, при его ненависти къ Англіи и жаждѣ сбросить съ себя иго ея торговой политики, не останется ничего другаго, какъ сдѣлаться всегдашнимъ покорнымъ союзникомъ такого кулака и гостепріимно открыть свои рынки для привиллегированнаго сбыта произведеній его промышленности. Только подобное положеніе на Цусимѣ и можетъ доставить этой державѣ надежное обезпеченіе ея торговли съ крайнимъ Востокомъ,—торговли, которая и теперь стремится конкурировать тамъ съ англичанами и брать если не всегда достоинствомъ товара, то сравнительно его дешевизною [1]). Но выжить англичанъ съ китайскихъ рынковъ—дѣло не легкое, и если возможное, то развѣ въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ. Для этого требуется слишкомъ много весьма сложныхъ условій, къ преодолѣнію коихъ нѣмцы однако же идутъ, хотя и медленнымъ, но терпѣливо-упорнымъ и настойчивымъ шагомъ. Уже и теперь на всемъ крайнемъ Востокѣ немало англійскихъ фирмъ, нѣ-

---

[1]) Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" время отъ времени помѣщаются мало кѣмъ, кромѣ спеціалистовъ, читаемыя торговыя телеграммы изъ Шангая и Тянцзина, гдѣ нерѣдко встрѣчаются весьма интересныя и поучительныя свѣдѣнія. Въ подтвержденіе только что высказаннаго, беру изъ этихъ телеграммъ на выдержку двѣ слѣдующія:

1) Шангай, 13-го (1-го) августа 1880 г.

„Англійская торговля въ Китаѣ держится преимущественно громадностію капиталовъ, допускающихъ долгосрочные кредиты; но главная выгода, которую извлекаютъ изъ торговли съ Китаемъ англичане, заключается въ возможности сбывать въ большомъ количествѣ остъ-индскій опіумъ; по торговлѣ же собственно мануфактурными издѣліями, нѣмцы и американцы извлекаютъ болѣе выгоды; первые потому, что сами расходуютъ меньше, вторые потому, что производство имъ обходится нерѣдко дешевле".

2) Шангай, 16-го (4-го) августа 1880 г.

„Германія чрезвычайно дѣятельна по своей торговой политикѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ; едва только успѣла она заключить дополнительный торговый трактатъ съ Китаемъ, немало волновавшій здѣшнюю европейскую колонію, какъ получается извѣстіе, что Германія заключила торговый трактатъ и съ Сандвичевыми островами и отправила туда немало уже товаровъ, отчасти и изъ Шангая".

когда блестящихъ, перешло въ нѣмецкія, съ виду болѣе скромныя руки, — и эти руки постепенно возвращаютъ дѣла къ ихъ прежнему блестящему состоянію, причемъ, разумѣется, и капиталы переходятъ, вмѣсто англійскихъ, въ нѣмецкіе карманы.

Въ этомъ отношеніи терпѣнію, упорству и настойчивости нѣмца надо отдать полную справедливость. Англичанинъ гораздо шире его по натурѣ и потому нерѣдко зарывается, чему опять-таки множество примѣровъ встрѣчаете вы все на томъ же Востокѣ. Да, говорятъ, то же самое происходитъ и въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, вытѣснить англичанъ съ рынковъ Китая—дѣло трудное и не скорое. Гораздо удобнѣе, — пока что̀, поискать себѣ по сосѣдству другихъ, хотя и болѣе скромныхъ, но зато пока еще не заграбастанныхъ англичанами, рынковъ и на нихъ дать развитіе своему сбыту, не упуская, однако же, изъ виду и своей главной цѣли — овладѣнія торговлею крайняго Востока въ будущемъ.

Гдѣ же находятся такіе, болѣе скромные, рынки?—Да все у насъ же, грѣшныхъ, у русскихъ, на нашей приморской окраинѣ Восточнаго океана и въ восточной Сибири, затѣмъ въ Кореѣ, отчасти въ Манчжуріи и, наконецъ, въ Японіи, хотя въ послѣдней опять-таки приходится нѣмцамъ уже и теперь выдерживать сильную борьбу съ англичанами.

Вотъ почему для нихъ было бы столь „лестно и пріятно" овладѣть Цусимою.

Дѣло въ томъ, что Владивостокъ, по своему географическому положенію, есть естественный центръ экономическаго тяготѣнія не только для Уссурійскаго края, но и для сѣверной Кореи, и для восточной Манчжуріи, и даже, можно сказать, для большей части восточной Сибири, съ которою его близитъ водный путь по Уссури и Амуру. Не всегда же эти страны будутъ оставаться въ ихъ нынѣшнемъ первобытномъ состояніи. Китайское правительство уже и теперь очень дѣятельно и въ весьма почтенныхъ размѣрахъ заселяетъ Манчжурію земледѣльческими переселенцами изъ своихъ переполненныхъ населеніемъ центральныхъ провинцій и прокладываетъ по этой странѣ новыя стратегическія дороги; Корея—volens-nolens — должна будетъ не сегодня—завтра выдти изъ своего замкнутаго положенія, въ особенности если на нее будутъ нажимать изъ Цусимы; наконецъ, и у насъ, вмѣсто тропинокъ, проложатся же когда нибудь дороги, разовьется уссурійское населеніе и вызовется въ болѣе широкихъ и раціональныхъ размѣрахъ эксплуатація естественныхъ богатствъ этой страны, чему уже и теперь кладутъ починъ иностранцы, въ родѣ Мориса и прочихъ.

Въ виду этого неизбѣжнаго будущаго, не трудно предвидѣть, что Владивостокъ, такъ сказать, обязательно явится важнѣйшимъ экономическимъ и торговымъ центромъ для окрестныхъ материковыхъ странъ, связанныхъ съ нимъ сухопутными и рѣчными путями. Кто

владѣетъ Владивостокомъ, тотъ экономически владѣетъ восточною Сибирью.

Теперь представьте себѣ, что, вслѣдствіе успѣшной войны съ Россіей, Германіи удалось заполучить съ одной сторону Либаву и Ригу, а съ другой Владивостокъ. Чему это равняется?—Ни болѣе, ни менѣе, какъ вѣчному экономическому рабству Россіи, потому что Германія процѣживала бы чрезъ свои руки всю нашу отпускную торговлю, подобно тому, какъ Англія процѣживаетъ теперь въ Гонконгѣ всю торговлю Китая, да кромѣ того, наводняла бы какъ Европейскую Россію, такъ и Сибирь своими произведеніями, въ ущербъ нашей промышленности и, такимъ образомъ, съ двухъ концовъ безвозмездно высасывала бы эту дойную корову. Нѣтъ надобности завоевывать весь Уссурійскій край — довольно одного Владивостока съ территоріей по „первую рѣчку", да съ русскимъ островомъ на придачу, чтобы окончательно запереть намъ океанскіе выходы и навсегда лишить Россію всякаго самостоятельнаго политическаго и торговаго значенія въ Тихомъ океанѣ.

Благодаря просторнымъ выходамъ въ океанъ, если мы будемъ, сильны своимъ флотомъ тамъ, во Владивостокѣ, то это и въ Европѣ дастъ нашему голосу надлежащую силу при рѣшеніяхъ и улаживаніяхъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ затрудненій съ западными державами. Потеря же политическаго значенія на крайнемъ Востокѣ равносильна для насъ утратѣ таковаго же и на Западѣ.

Понятно, что подобная перспектива не можетъ не улыбаться нѣмецкимъ газетчикамъ. Понятно и то, почему ихъ помыслы и похотѣнія все болѣе и болѣе стремятся къ крайнему Востоку, куда нѣмца влечетъ вовсе не жажда новой воинской славы, а гораздо болѣе серьезные, насущные, торгово-промышленные интересы.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за текущій годъ (томъ VIII, стр. 155—167) была напечатана статья, авторъ которой, разбирая шансы нашей возможной въ будущемъ войны съ нѣмцами и ихъ союзниками, приходитъ къ заключенію, что собственно европейскіе союзники Германіи не могутъ быть особенно для насъ страшны, потому что при окончательномъ результатѣ затянутой нами войны, каковы бы ни были втеченіе оной частные успѣхи австрійцевъ, румынъ или турокъ, они утратятъ сами по себѣ всякое серьезное значеніе, если главный вожакъ и душа коалиціи—Германія окажется въ необходимости первая искать съ нами мира, по случаю своего банкротства.—Но если это такъ, то оно осуществимо лишь въ томъ случаѣ, когда наша оборонительная война противъ европейской коалиціи ограничится территоріально только Европою, т. е. нашими западными границами. А если намъ одновременно придется воевать и на крайнемъ Востокѣ?

Въ сущности говоря, у нѣмцевъ можетъ случиться только одинъ союзникъ, серьезный въ томъ смыслѣ, что его военные успѣхи (если таковые окажутся), не могутъ быть сведены къ нулю, при неудач-

номъ для Германіи исходѣ ея предпріятія. Но этотъ союзникъ находится не въ Европѣ.

Я заранѣе увѣренъ, что когда назову его по имени, очень многіе если не впрямъ расхохочутся надо мной, то отнесутся къ моимъ словамъ крайне скептически; но я полагаю, что этимъ они обнаружатъ только свое собственное высокомѣрное невѣдѣніе, за которое обыкновенно, въ практической жизни, люди расплачиваются болѣе или менѣе своими боками, либо своимъ карманомъ. Крайне опасаюсь, какъ бы и у насъ не случилось того же...

Будущій союзникъ Германіи—это Китай, и не даромъ дальновидные нѣмцы называютъ его своимъ естественнымъ союзникомъ.

Газеты нѣмецкія въ послѣднее время откровенно высказываютъ свою цѣль—поставить Россію между Китаемъ и Германіей въ такое же положеніе, въ какомъ находится сама Германія между Россіей и Франціей. Этой идеѣ нельзя отказать въ своего рода находчивости и остроуміи, какъ нельзя не сознаться и въ томъ, что нѣкоторыя послѣдствія дѣйствій въ семъ направленіи уже начинаютъ обнаруживаться. Если намъ пришлось въ прошломъ году покончить свои счеты съ Китаемъ безъ войны, то скажемъ за это спасибо Гладстону, которому удалось, чрезъ посредство англійскаго дипломатическаго представительства въ Китаѣ, склонить мѣстную придворно-воинственную партію къ благоразумному соглашенію съ нами, но ужъ никакъ не направимъ своей благодарности по адресу нашихъ „друзей" изъ германской и австрійской миссій въ Пекинѣ, которымъ очень улыбалась идея—связать намъ руки войною съ Китаемъ, чтобы тѣмъ временемъ предоставить своимъ патронамъ бо̀льшую свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, въ ихъ стремленіи „au-delà de Mitrowitza".

Третируя китайцевъ какъ своихъ естественныхъ будущихъ союзниковъ, Германія снабжаетъ Дайцинскую имперію прусскими офицерами и фельдфебелями, которые уже не первый годъ усердно и не безъ успѣха трудятся въ качествѣ инструкторовъ надъ устройствомъ китайской регулярной арміи изъ людей манчжурскаго контингента; нѣмецкіе инженеры избираютъ и укрѣпляютъ въ Манчжуріи стратегическіе опорные пункты, строятъ китайцамъ форты на нашей границѣ, какъ напримѣръ: 1) въ мѣстечкѣ Санчакоу, на Амурѣ, въ промежуткѣ мѣстности, лежащей противъ станицъ Михайло-Семеновской и Хабаровки, и 2) въ мѣстности Удану, противъ бухты Славянской; ведутъ по Манчжуріи, отъ Мукдена на Гиринъ, большую стратегическую дорогу и отъ Гирина двѣ вѣтви оной—одну на городъ Нингуту, для дѣйствій противъ южно-Уссурійскаго края, другую — на городъ Санъ-синь, на судоходной рѣкѣ Сунгари, для дѣйствій противъ станицы Михайло-Семеновской и Хабаровки, лежащихъ непосредственно на Амурѣ, т. е. на нашей единственной коммуникаціонной линіи; нѣмецкіе моряки поступаютъ капитанами и меха-

никами на военныя китайскія суда новѣйшей конструкціи, заказанныя китайскимъ правительствомъ въ Англіи и уже дошедшія по назначенію еще лѣтомъ прошлаго года; нѣмецкіе коммерсанты снабжаютъ китайское правительство, особенно съ конца прошлаго года, скорострѣльными ружьями и пушками; нѣмецкіе техники устраиваютъ ему арсеналы, патронные заводы и оружейныя мастерскія, за что оно весьма щедро оплачиваетъ труды всѣхъ этихъ спеціалистовъ. Все это такого рода „невинные" признаки, что намъ пропускать ихъ безъ вниманія не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что воинственныя приготовленія Китая стали съ особенною энергіею обнаруживаться уже по ратификаціи нашего послѣдняго трактата по Кульджинскому вопросу, и именно послѣ ухода эскадры адмирала Лесовскаго изъ Восточнаго океана.

Въ прошломъ году въ газетахъ сообщалось, будто китайцы раздумали пока воевать съ нами по той причинѣ, что не съумѣли или не успѣли во-время приготовиться къ войнѣ надлежащимъ образомъ. Эту-то неготовность они и стараются наверстать теперь какъ можно скорѣе. Что до насъ, то, въ случаѣ надобности, мы, конечно, стали бы драться, какъ повелѣваютъ долгъ и честь, и хотя неподготовленность китайцевъ значительно склоняла вѣроятные шансы успѣха въ нашу сторону (ибо нашу собственную неготовность все же нельзя сравнивать съ китайскою), тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе наличное количество нашихъ сухопутныхъ войскъ на крайне-восточномъ театрѣ войны, количество боевыхъ и интендантскихъ запасовъ, отсутствіе соотвѣтствующаго мѣстнымъ условіямъ обоза и подвижныхъ лазаретовъ, убійственные пути сообщенія, ихъ громадное протяженіе, дикій характеръ страны и ея манчжурское населеніе,—нельзя не сказать, что и китайцы, и мы избавились отъ очень большихъ хлопотъ и затрудненій. Можно думать, что въ концѣ-концовъ наши войска одолѣли бы всѣ препятствія, но чего это стоило бы!.. Издали, въ Петербургѣ, война съ Китаемъ казалась многимъ дѣломъ очень заманчивымъ и даже легкимъ; но, ознакомясь съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, приходится придти къ совсѣмъ иному заключенію.

Теперь уже дѣло прошлое,—стало быть, можно съ достаточною откровенностью высказаться о тѣхъ затрудненіяхъ, какія неизбѣжно представились бы намъ, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій съ весною прошлаго года. Смѣю думать, откровенность будетъ не лишнею потому, что авось-либо она вызоветъ со стороны тѣхъ, кто можетъ существенно помочь въ данномъ дѣлѣ, болѣе участія къ нашимъ настоятельнѣйшимъ нуждамъ въ своей восточно-океанской окраинѣ, на которыя мы, по застарѣлой привычкѣ, все еще обращаемъ слишкомъ мало вниманія, несмотря на первостепенную государственную важность для Россіи южно-Уссурійскаго края. Авось-либо это вниманіе (если таковое проявится) поможетъ исправить и пополнить то,

что настоятельно требуетъ пополненія и исправленія, пока есть къ тому время, пока еще не поздно.

О китайцахъ мы не будемъ распространяться особенно много. Извѣстно, что въ виду возможной войны съ Россіей, они успѣли наскоро собрать подъ знамена множество всякаго плохо вооруженнаго, необутаго и неодѣтаго сброда, съ которымъ, по ратификаціи трактата, и сами не знали какъ справиться, ибо этотъ разнузданный, въ большинствѣ своемъ пристращенный къ куренію опіума и не признающій никакой дисциплины сбродъ, жестоко обижалъ и грабилъ мирное, производительное населеніе сѣверо-восточныхъ провинцій Небесной имперіи. Роспускъ его, по тѣмъ же слухамъ, представлялся для китайскаго правительства еще затруднительнѣе, чѣмъ сборъ, потому что содержать его подъ знаменами безъ всякой надобности стоило слишкомъ дорого, а предоставленный самому себѣ, весь этотъ бездомный сбродъ еще болѣе сталъ бы пробавляться грабежами на всѣхъ путяхъ своего слѣдованія въ разныя стороны. Рѣшено было, увольняя людей, группировать ихъ по мѣсту родины въ небольшія команды, которыя и отправлять по назначенію подъ надзоромъ офицеровъ. Но и эта мѣра, при отсутствіи въ войскѣ дисциплины, едва ли обезпечила жителей отъ грабежа и насилій, потому что большинство китайскихъ субалтернъ-офицеровъ ни мало не отличается отъ подобныхъ солдатъ ни по нравственному, ни по умственному своему развитію.

Между тѣмъ, по своей численности, этотъ сбродъ въ прошломъ году составлялъ главныя силы китайской арміи, которая, кромѣ того, насчитываетъ въ своихъ рядахъ восемь „знаменъ" манчжурскаго контингента, нѣсколько болѣе знакомаго съ дисциплиною, и небольшой (42.000 человѣкъ) корпусъ регулярныхъ войскъ, обученныхъ на европейскій ладъ нѣмецкими и, частью, англійскими инструкторами. За исключеніемъ сего послѣдняго корпуса, плохо вооруженное всякимъ арсенальнымъ хламомъ, отъ стрѣлъ и дротиковъ до фитильныхъ, кремневыхъ и ударныхъ ружей (причемъ всего вообще огнестрѣльнаго оружія на всю армію приходилось не болѣе 20 процентовъ), войско это едва ли было бы въ состояніи оказать нашимъ регулярнымъ отрядамъ какое нибудь серьезное сопротивленіе.

Но сила нашихъ затрудненій лежала бы вовсе не въ нынѣшнемъ китайскомъ войскѣ, а въ тѣхъ препятствіяхъ, какія противупоставила бы намъ природа Манчжуріи и громадное протяженіе нашихъ операціонныхъ линій.

И такъ, разберемъ безпристрастно наши прошлогодніе шансы въ войнѣ съ Китаемъ со стороны манчжурской границы.

Вся наличность нашихъ сухопутныхъ боевыхъ силъ въ Амурской и Приморской областяхъ не превышала 12-ти тысячъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ казаковъ амурскихъ и уссурійскихъ. Изъ этого числа для защиты важнѣйшихъ пограничныхъ и приморскихъ пунктовъ, какъ Благовѣщенскъ, Хабаровка, Николаевскъ, Владивостокъ,

Сахалинъ и проч., необходимо было бы отчислить, по крайней мѣрѣ, 5.000 человѣкъ; стало быть, для активныхъ дѣйствій у насъ оставалось бы 7.000 человѣкъ, изъ коихъ, за вычетомъ конницы и специальныхъ войскъ, мы могли бы располагать только пятью тысячами штыковъ. Забайкальское казачье войско могло бы удѣлить отъ себя, для усиленія этихъ частей, до четырехъ баталіоновъ, восьми сотенъ и двѣ конныя батареи, или около 4.400 человѣкъ. Значитъ, общая сила нашихъ дѣйствующихъ отрядовъ простиралась бы до 12-ти тысячъ, изъ коихъ пѣхоты около 8.800 человѣкъ, т. е. до девяти почти комплектныхъ баталіоновъ, 12 сотенъ и 40 орудій.

Сухопутная граница наша, сопредѣльная съ провинціею Хелунъцзянъ и Манчжуріею, начинаясь отъ Абагайтуевскаго караула [1]), тянется до устья Тюмень-улы [2]), на протяженіи около 3.000 верстъ, по рѣкамъ Аргуни, Амуру, Уссури и Сунгари, которыя въ то же время составляютъ для Уссурійскаго края единственную коммуникаціонную линію съ нашею главною базою—Забайкальемъ, и эта линія со стороны Китая совершенно открыта. Понятно, что съ вышеисчисленными силами мы были бы не въ состояніи оборонить столь громадно растянутое пространство своей границы, оставаясь на немъ въ пассивномъ выжиданіи непріятеля. Оставалось бы единственное средство—прибѣгнуть къ такъ называемой „активной оборонѣ“, т. е. самимъ двигаться впередъ, въ непріятельскую страну, на встрѣчу противнику. Другаго исхода, при данномъ положеніи, нѣтъ, да и быть не можетъ.

Что же до китайцевъ, то ихъ войска, въ случаѣ войны, могли бы дѣйствовать на нашу коммуникаціонную линію (Амуръ-Сунгари) въ слѣдующихъ направленіяхъ:

1) Изъ города Цицигара на караулъ Абагайтуевскій и на обѣ Цурухайтуевскія станицы (въ Забайкальской области), отъ коихъ идетъ къ Цицигару караванная дорога.

2) Изъ Цицигара же на Сахалинъ-ула-хотонъ (Айгунъ), противъ Благовѣщенска, соединеннаго съ Цицигаромъ точно также караваннымъ путемъ.

3) Изъ города Санъ-синъ, по вполнѣ судоходной рѣкѣ Сунгари, на станицу Михайло-Семеновскую, а быть можетъ и на Хабаровку, какъ на важнѣйшій центрально-стратегическій пунктъ всей нашей пограничной коммуникаціонной линіи и главное военно-складочное мѣсто.

4) Изъ Санъ-синя, по долинѣ рѣки Норо, на среднее теченіе рѣки Уссури, въ районѣ селеній Обдерихи (Абдерихъ), Венюковой и Киселевой, откуда тоже недалеко до Хабаровки.

---

[1]) Крайній южный пунктъ Забайкальской области.

[2]) Впадаетъ въ Японское море на границѣ съ Кореей.

5) Изъ города Нингуты, по долинѣ рѣки Мурень, на верхнее теченіе Уссури [1]), на Сунгари [2]) и озеро Ханка [3]).

6) Изъ Нингуты, по долинѣ рѣки Суйфунъ, на Ханкайскій округъ, къ сел. Никольскому и далѣе, къ Посьету.

7) Изъ города Хунчуна къ Посьету или къ бухтѣ Славянской.

Все это пути, ведущіе къ весьма важнымъ для насъ стратегическимъ пунктамъ, въ особенности же 3-й, 5-й, 6-й и 7-й.

При активной оборонѣ, необходимость заставила бы насъ избрать для наступленія нѣкоторые изъ поименованныхъ путей, и цѣлью нашихъ дѣйствій, на первый періодъ войны, были бы тѣ же китайско-манчжурскіе города: Цицигаръ, Санъ-синь, Нингута и Хунчунъ, дабы занятіемъ оныхъ обезопасить свою пограничную и коммуникаціонную линію, а затѣмъ наступательныя дѣйствія съ нашей стороны могли бы направиться на Гиринъ и, наконецъ, главнымъ объектомъ сихъ дѣйствій для русскихъ силъ, сосредоточенныхъ въ Гиринѣ, сдѣлался бы Мукденъ, эта, своего рода, Москва Небесной имперіи, городъ, изъ коего происходитъ династія нынѣ царствующихъ богдыхановъ, древняя столица Манчжуріи. Не знаю, таковъ ли былъ планъ, выработанный нашими стратегами; но простой взглядъ на карту убѣждаетъ, что въ данномъ случаѣ, собственно на манчжурскомъ театрѣ войны, едва ли было бы возможно что-либо другое. При наличномъ количествѣ нашихъ войскъ, съ открытою коммуникаціонною (она же и пограничная) линіею въ 3.000 верстъ, ничего иного и не оставалось бы, какъ смѣло ринуться быстрымъ движеніемъ въ глубь Манчжуріи, имѣя городъ Мукденъ объектомъ наступательныхъ дѣйствій. Съ восмью тысячами штыковъ иначе и не оборонить такую растянутую границу.

Во всякомъ случаѣ, вѣренъ ли этотъ взглядъ, или невѣренъ, но, принимая въ соображеніе именно непомѣрную растянутость границы, надо сознаться, что активныя средства наши для этой войны были и весьма не велики, и крайне разбросаны.

Между тѣмъ, военные люди во Владивостокѣ полагали и полагаютъ, что стратегическою цѣлью войны съ такимъ государствомъ, какъ Китай, единственно должно быть быстрое и рѣшительное наступленіе кратчайшимъ путемъ на обѣ его столицы—Мукденъ и Пекинъ,—чтобы этимъ нанести ударъ прямо въ сердце противника. Если же не имѣть этой цѣли, то война на границахъ могла бы длиться цѣлые годы, не достигая ни для той, ни для другой стороны

---

[1]) Въ районѣ селеній: Лопатинской, Крутобережной, Княжеской, Има, Крестиковъ, Красноярской, Ильинской, Верхне-Никольской, Верхне-Михайловской и Буссе.

[2]) Посты № 2, № 3 и № 4, селенія и станки: Лутковское, Тихменева, Романовка и Бѣльцова.

[3]) Постъ № 5, сел. Турій Рогъ, Платоно-Александровская, Большіе и Малые Усачи, Петропавловская, Самарская, Комисаровская, Лѣсная, Ильинка, Троицкая и проч.

никакого существеннаго результата, кромѣ взаимной и едва ли полезной траты боевыхъ силъ и денегъ. Даже дѣйствія—положимъ, самыя блистательныя,—такого сильнаго корпуса, какой сосредоточивался нами на границахъ Кульджи, остались бы безъ существеннаго результата, благодаря громаднымъ, почти бездорожнымъ разстояніямъ, отдѣляющимъ западный театръ войны отъ обѣихъ столицъ китайской имперіи. На западномъ театрѣ для насъ нѣтъ объекта дѣйствій. Цзо-зунъ-танъ могъ быть разбитъ нашими туркестанскими и западно-сибирскими войсками, армія его разсѣяна или вовсе уничтожена; но это еще ровно ничѣмъ существеннымъ не отозвалось бы на самомъ Пекинѣ, не говоря уже о Мукденѣ, такъ какъ тамъ очень хорошо знаютъ, что движеніе черезъ всю громадную территорію Небесной имперіи съ запада на востокъ, по Гобійскимъ степямъ и пустынямъ Монголіи, на растояніи, по прямому пути, свыше трехъ тысячъ верстъ, невозможно совершить безнаказанно (даже и не сражаясь) никакой регулярной арміи, и чѣмъ больше она будетъ, тѣмъ ей хуже: сама себя съѣстъ на однихъ лишь перевозочныхъ средствахъ, не говоря уже о прочемъ.

Восточный театръ войны, т. е. пространство Манчжуріи, лежащее за границею Амурской области и Уссурійскаго края, немногимъ лучше западнаго: здѣсь разстоянія тоже мѣряются тысячами верстъ,—если и не тремя, положимъ, то все-таки до Мукдена ихъ будетъ около полуторы, а до Пекина и всѣ двѣ тысячи. Вести наступленіе изъ какого либо одного пункта (Благовѣщенскъ, Михайло-Семеновская или Хабаровка) всѣми силами дѣйствующаго корпуса было бы невозможно, потому, во-первыхъ, что въ гористо-болотистой и бездорожной странѣ это значительно замедлило бы самый процессъ движенія, оставляя открытыми фланги операціонной линіи, и, во вторыхъ, самая страна, по своей бѣдности, не была бы въ состояніи прокормить подвижной вьючный составъ такого корпуса. Судя по группировкѣ нашихъ силъ, можно было думать, что онѣ будутъ двинуты въ Манчжурію тремя или четырьмя отрядами. Въ такомъ случаѣ, эти отряды оставляли бы за собою три или четыре операціонныя линіи, которыя неизбѣжно потребовали бы обезпеченныхъ этаповъ. Но что же въ состояніи были бы выдѣлить изъ себя наши отряды для такой цѣли, если количество штыковъ всего дѣйствующаго корпуса не достигало даже девяти тысячъ? При этомъ должно принять въ разсчетъ и то, что, по мѣрѣ движенія въ глубь страны, отряды неизбѣжно ослаблялись бы въ своемъ численномъ составѣ, теряя, хотя бы временно, людей больными, отсталыми по слабосилію, а быть можетъ и ранеными.

Съ какимъ же наличнымъ количествомъ боевыхъ силъ дошли бы они при такихъ условіяхъ до объекта своихъ дѣйствій и были ли бы даже въ состояніи предпринять противъ него что либо рѣшительное? Какими, наконецъ, средствами обезпечили бы они себѣ вѣрный и безпрепятственный подвозъ всякаго рода снабженій въ странѣ, совер-

шенно не имѣющей дорогъ, если не считать таковыя вьючныхъ и пѣшеходныхъ тропъ, въ странѣ, изрѣзанной горными хребтами, наполненной дикими лѣсными трущобами и болотами, въ странѣ малолюдной и бѣдной средствами питанія, которыя вдобавокъ и непривычны нашему солдату. Манчжуръ, и въ особенности китаецъ, могутъ довольствоваться весьма малымъ: горсти двѣ чумидзы или риса, съ приправою черемши и разной дряни въ родѣ слизняковъ, саранчи, а то и полевой мыши—для китайца и довольно; манчжуръ въ крайности прибѣгаетъ къ свѣже-палой конинѣ, а нашего солдата кониной да слизняками не накормишь; онъ хотя и не взыскателенъ къ пищѣ до такой степени, что грызетъ порою гнилые сухари, но все же требуетъ пищи „христіанской", а много ли достанешь ее въ Манчжуріи!.. Населеніе этой страны совсѣмъ не то, что въ застѣнномъ Китаѣ и въ особенности въ юго-восточной части сего государства. Манчжуръ и дикъ, и вольнолюбивъ, хорошій конникъ и далеко не трусъ по природѣ; а каковы его инстинкты—это мы знаемъ по уссурійскимъ „хунгузамъ" [1]). Поэтому особенно презирать своего противника намъ и на будущее время не приходится: для малой войны, которой болѣе всего слѣдовало намъ опасаться въ разсужденіи своихъ коммуникціонныхъ линій, манчжуръ былъ бы самымъ настоящимъ противникомъ.

Въ войнѣ съ Китаемъ, чтобы добиться рѣшительныхъ и быстрыхъ результатовъ, есть только одно средство: наступленіе кратчайшимъ путемъ на Мукденъ и затѣмъ на Пекинъ, а еще лучше—на обѣ столицы одновременно. Для этого было бы необходимо:

1) Сдѣлать высадку въ какомъ-либо мѣстѣ Печилійскаго (въ отношеніи Пекина) или Ліаутунгскаго (въ отношеніи Мукдена) заливовъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы сухопутное разстояніе отъ перваго пункта высадки до Пекина и отъ втораго до Мукдена было бы около 200 верстъ. Или же, если вести атаку одновременно на Мукденъ и Пекинъ, то предпочтительнѣе была бы высадка въ какомъ либо изъ среднихъ промежуточныхъ пунктовъ, какъ Шань-гай-гуянъ, близъ восточнаго предѣла Великой стѣны, откуда до Мукдена считается береговою дорогою 400, а до Пекина лишь 225 верстъ, по наиболѣе удобному пути, идущему вдоль по широкой заселенной равнинѣ.

2) Мѣсто высадки слѣдовало бы немедленно обратить въ укрѣпленный опорный пунктъ, защищаемый, кромѣ того, съ моря флотомъ.

3) При этомъ всѣ снабженія шли бы къ десантному корпусу изъ Владивостока, чрезъ посредство того же флота, равно какъ и транспортировка больныхъ и раненыхъ во Владивостокъ, для чего въ особенности были бы пригодны наши добровольныя суда.

---

[1]) Профессіональные и хорошо организованные разбойники, съ которыми у насъ идетъ вѣчная малая война на манчжурской границѣ, въ особенности въ южно-Уссурійскомъ краѣ.

При такихъ условіяхъ, операція противъ обѣихъ столицъ, имѣя результатомъ бомбардировку и штурмъ, а можетъ статься и добровольную сдачу Мукдена и Пекина, потребовала бы для своего окончанія не болѣе трехъ, много четырехъ мѣсяцевъ. Но для успѣха предпріятія, сила десантнаго отряда должна была бы быть не менѣе 20.000 человѣкъ. При этомъ наступленіе восточно-сибирскихъ войскъ изъ Амурской области и южно-Уссурійскаго края на Цицигаръ, Саньсинъ, Нингуту и Хунчунъ, начатое нѣсколько ранѣе десанта, собственно для обезпеченія нашей коммуникаціонной (Амуръ-Сунгари) линіи, получило бы, конечно, второстепенное, но, тѣмъ не менѣе, весьма важное значеніе, какъ средство для развлеченія и разъединенія силъ противника. Главный же ударъ и рѣшающая роль принадлежатъ только десантному корпусу, безъ котораго нѣтъ разумной и рѣшительной войны противъ Китая на крайне восточномъ театрѣ дѣйствій. Доказательство — война англичанъ съ китайцами 1841 — 42 годовъ, когда англичане овладѣли цѣлымъ рядомъ приморскихъ портовыхъ пунктовъ, а въ Пекинѣ, между тѣмъ, что называется, и не почесались отъ этого: „это-де до насъ не касается; это дѣло кантонскаго вице-короля,—пусть онъ тамъ справляется, какъ знаетъ, а намъ даетъ лишь общій отчетъ“, и только тогда лишь пекинское правительство подумало о мирѣ, когда устье большого Императорскаго канала, этой главнѣйшей въ то время питательной артеріи Пекина, очутилось во власти настойчиваго противника. Второе доказательство—англо-франко-китайская война 1860 года: китайцы запросили мира лишь послѣ того, какъ противники ихъ, совершивъ удачную высадку въ Печилійскомъ заливѣ и овладѣвъ фортами Таку, стали угрожать непосредственно Пекину. Но операція противъ одного Пекина была бы недостаточна, потому что въ такомъ случаѣ богдыханскій дворъ и правительственныя учрежденія заблаговременно перебрались бы въ Мукденъ, гдѣ и богдыханъ, и всѣ высшіе чины его правительства, какъ прирожденные манчжуры, чувствовали бы подъ собою болѣе прочную родную почву, чѣмъ въ собственно Китаѣ, гдѣ народъ довольно равнодушенъ къ своему нынѣшнему правительству и къ династіи, коихъ власть основана на правѣ завоеванія. Въ Мукденѣ же за богдыханомъ и правительствомъ стоялъ бы родственный имъ по крови, патріотическій и наиболѣе воинственный народъ, представляющій собою и въ настоящее время контингентъ правящихъ классовъ (чиновничество и офицерство) въ Китаѣ. Взятіе Пекина временно лишило бы страну только ея высшаго административнаго центра, тогда какъ взятіе Мукдена лишило бы само правительство его наиболѣе сильной нравственной точки опоры. Надо, чтобы обѣ столицы, чтобы высшее правительство китайское и пекинскій дворъ почувствовали близкую и личную для себя опасность, а безъ того—всѣ военныя дѣйствія на отдаленныхъ окраинахъ имперіи были бы, въ сущности говоря, только переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее.

Роль нашего флота въ такой войнѣ заключалась бы: 1) въ пріобрѣтеніи опорныхъ пунктовъ: Чифу и Фучжеу, обороняющихъ доступы въ Печилійскій заливъ; 2) въ пріобрѣтеніи главнаго опорнаго пункта, Шань-гай-гуяна; 3) въ постоянной защитѣ оныхъ съ моря, и 4) въ питаніи десантнаго корпуса.

Разсчитывать на крейсерство противъ какихъ нибудь джонокъ — игра не стоила бы свѣчъ, а серьезно блокировать пòрты намъ не позволили бы тѣ же англичане съ нѣмцами, да и наши „заатлантическіе друзья"—американцы, ибо въ открытыхъ китайскихъ портахъ лежитъ въ тысячу разъ больше европейскихъ интересовъ, чѣмъ китайскихъ, а въ неоткрытыхъ—ни для кого нѣтъ ровно никакихъ интересовъ и менѣе всего для самихъ китайцевъ. Начни мы серьезную блокаду — въ Петербургъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ посыпались бы дипломатическія ноты, и кончилось бы все дѣло тѣмъ, что черезъ три-четыре недѣли намъ, вѣроятно, не безъ скандала пришлось бы снимать нашу блокаду и убираться во Владивостокъ, или безобидно разгуливать себѣ по китайскимъ морямъ, охотясь на какія нибудь несчастныя джонки. Занятіе же какого либо одного пункта въ Печилійскомъ или Ліаутунгскомъ заливѣ представлялось бы болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ уже и потому, что таковое ничьихъ европейскихъ интересовъ не нарушило бы и никого, кромѣ насъ съ китайцами, не касалось бы, а потому ни съ чьей стороны и не допускало бы никакихъ дипломатическихъ и иныхъ протестовъ. Сжигать же какіе нибудь жалкіе побережные городишки и селенія, какъ было предложено кѣмъ-то еще въ самомъ началѣ нашихъ недоразумѣній съ Китаемъ — задача сама по себѣ незавидная и едва ли достойная славнаго имени русскаго флота.

Но чтобы начать операцію одновременно противъ Мукдена и Пекина, необходимо было бы имѣть на лицо десантный корпусъ, силою не менѣе, какъ въ 20.000 человѣкъ, а его-то у насъ и не имѣлось. Между тѣмъ, для перевозки такого корпуса изъ Одессы потребовалось бы до двадцати большихъ пароходовъ, зафрахтовка коихъ, на основаніи бывшихъ опытовъ, обошлась бы казнѣ около милліона металлическихъ рублей, и заблаговременная отправка такихъ пароходовъ избавляла бы суда нашей восточно-океанской эскадры отъ необходимости идти, во время самой войны, въ Сингапуръ на встрѣчу перевозимому десанту, чтобы конвоировать его въ китайскихъ водахъ до Печилійскаго залива. Во Владивостокѣ ни мало не сомнѣвались, что начнись у насъ война, то въ Петербургѣ, въ концѣ концовъ, все-таки пришли бы къ сознанію о необходимости десантнаго корпуса и что онъ былъ бы сюда присланъ; но увѣренность эта сопровождалась опасеніемъ, что это было бы сдѣлано уже тогда, когда война затянулась бы, когда наши слабыя количествомъ войска, пройдя черезъ рядъ тяжелыхъ предпріятій, значительно потерпѣли бы отъ похода и болѣзней, когда „хунгузы" на оголенныхъ границахъ успѣли

бы вдоволь поразбойничать въ беззащитныхъ русскихъ селеніяхъ и пожечь ихъ, и когда война уже стоила бы государству многихъ напрасно ухлопанныхъ милліоновъ. Между тѣмъ, та же операція отправки десанта, исполненная своевременно, обошлась бы, сравнительно говоря, въ незначительную сумму, которая съ избыткомъ вознаградилась бы и быстрымъ окончаніемъ войны, и контрибуціею съ противника, въ случаѣ окончательной надъ нимъ побѣды, въ которой, при желаемыхъ условіяхъ, едва ли могло бы быть сомнѣніе. Но... все это относилось лишь къ области благихъ пожеланій и гадательныхъ предположеній, коимъ наличная дѣйствительность далеко еще не соотвѣтствовала, и потому извѣстіе о мирномъ исходѣ нашихъ недоразумѣній съ Китаемъ было встрѣчено во Владивостокѣ съ большимъ удовольствіемъ.

Скажу болѣе: тамъ, на мѣстѣ, эта война представлялась вовсе не желательною, и не потому нежелательною, что военные люди во Владивостокѣ не вѣрили бы въ ея успѣхъ, или въ собственныя боевыя силы, сколь ни малы онѣ на самомъ дѣлѣ. Очень могло бы статься, что дѣйствуя даже и съ этими силами, мы—какъ ни какъ—одержали бы верхъ надъ китайцами; но тѣмъ хуже для будущаго. Чѣмъ блистательнѣе и побѣдоноснѣе для нашего оружія была бы эта война, тѣмъ хуже. Чтобы объяснить это кажущееся противорѣчіе, надо нѣсколько ближе знать современныхъ китайцевъ, о которыхъ въ Европѣ, а у насъ въ особенности, все еще живетъ старое и далеко не точное представленіе. Люди, знающіе ихъ, говорятъ, что китайцы теперь уже далеко не то, чѣмъ были двадцать лѣтъ назадъ, когда французы съ англичанами пожали въ Пекинѣ дешевые лавры и, раззоривъ безъ всякой надобности загородные императорскіе дворцы, подтвердили этимъ актомъ лишь старое мнѣніе Китая о европейцахъ, какъ о величайшихъ варварахъ.

Китайцы очень осторожно и даже недовѣрчиво относятся ко всякаго рода европейскимъ порядкамъ и вообще ко всякой европейщинѣ, желая болѣе всего соблюсти въ неприкосновенности свою національную и государственную самость. О національной самости заботится общество, народъ, о самости же государственной—правительство. Какова бы она намъ ни казалась, но китайцы гордятся ею и мѣнять ее не желаютъ. Изъ этого, однако, далеко еще не слѣдуетъ, чтобы они затыкали себѣ уши и съ отвращеніемъ зажмуривали глаза на все европейское. Нѣтъ, но они очень осторожно и благоразумно заимствуютъ отъ европейцевъ только то, въ чемъ воочію видятъ дѣйствительную для себя пользу. И вотъ въ этомъ-то отношеніи у нихъ болѣе всего оказывается склонность къ перенятію у Европы военно-техническихъ средствъ, морскихъ и сухопутныхъ. У нихъ, какъ помянуто выше, уже есть регулярная армія,—правда, пока еще незначительная, но, по степени своего обученія, уже имѣющая задатки, чтобы послужить въ будущемъ надлежащимъ кадромъ къ образованію

большой арміи, и если ее, въ качествѣ инструкторскаго элемента, влить въ составъ хотя бы тѣхъ же восьми манчжурскихъ „знаменъ" (т. е. по нашему, приблизительно, дивизій) Ли-хунъ-джана, то изъ нихъ можетъ образоваться на нашей амуро-уссурійской границѣ сила весьма внушительныхъ размѣровъ. Ружья и пушки у китайцевъ пока еще старье, или разныхъ системъ, мѣшанина, и надо отдать справедливость европейскимъ и американскимъ торгашамъ въ томъ, что они жестоко надували пекинское правительство на этомъ товарѣ. Но все же горькій опытъ къ чему нибудь да служитъ людямъ, и основываясь на немъ, китайцы въ послѣднее время, какъ слышно, уже становятся очень осмотрительны въ своихъ военно-арсенальныхъ пріобрѣтеніяхъ, да и нѣмецкіе комиссіонеры, принявшіе, наконецъ, это дѣло въ свои руки, стараются восполнить прежнія неудачныя покупки своего будущаго союзника вполнѣ добросовѣстными поставками орудій Круппа и ружей системы Снайдера. Есть у китайцевъ уже и коекакой военный флотъ, отлично примѣненный къ условіямъ мѣстнаго плаванія. Еще въ самомъ началѣ возникшихъ недоразумѣній съ Россіей изъ-за Кульджи, когда у насъ и не помышляли объ отправкѣ эскадры во Владивостокъ, они уже поспѣшили заказать въ Англіи 32 полуброненосныхъ, паровыхъ судна, спеціально приспособленныхъ къ плаванію вдоль береговъ и по великимъ рѣкамъ Китая. Надо замѣтить, что устья всѣхъ этихъ рѣкъ заграждены весьма высокими барами, такъ что для военнаго судна не то что глубокой, но даже средней осадки, проходъ черезъ эти бары возможенъ лишь въ полную воду, во время прилива; при отливахъ же высота воды на барахъ остается отъ 9-ти до 3-хъ футовъ, а мѣстами даже и менѣе, такъ что доступъ въ рѣку во всякую воду возможенъ только для плоскодоннаго судна. Даже обыкновенные пассажирскіе пароходы, держащіе береговое сообщеніе, для того чтобы войти, напримѣръ, въ Возунгъ, впадающій въ устье въ Янцзы-Кіанга, должны по нѣскольку часовъ выжидать въ этомъ устьѣ достаточной высоты прилива. Военныя же китайскія суда, пришедшія въ лѣто прошлаго года изъ Англіи, имѣя малую осадку, свободно входятъ въ рѣки во всякую воду, и я самъ, во время плаванія въ Кантонъ по Шу-Кіангу, видѣлъ, какъ ловко маневрировали въ рѣкѣ такія канонерки, подъ управленіемъ европейскихъ капитановъ, между цѣлыми караванами тяжелыхъ, неуклюжихъ джонокъ. Эти 32 судна защищены бронею, имѣютъ каждое по два дальнобойныхъ восьми или девяти-дюймовыхъ орудія, не считая мелкихъ калибровъ, и носятъ, подобно своимъ англійскимъ прототипамъ, плавающимъ въ китайскихъ же водахъ, имена по алфавиту греческой азбуки, отъ альфы до омеги; они быстроходны, имѣя средняго ходу, какъ слышно, до 12-ти узловъ, и способны даже къ океанскому плаванію, доказательствомъ чему служитъ переходъ, самостоятельно совершенный ими изъ Англіи въ китайскія воды. Надо также замѣтить, что всѣ большіе портовые города Китая, какъ Тянцзинъ, Шангай,

Кантонъ и проч. лежатъ не при устьяхъ большихъ рѣкъ, а значительно, на цѣлые десятки миль, отступя въ глубь страны, по ихъ теченію, такъ что въ случаѣ войны, если бы нашъ флотъ пожелалъ самостоятельно предпринять что либо противъ этихъ богатыхъ городовъ, то его глубокосидящимъ судамъ неизбѣжно пришлось бы входить въ самыя рѣки, а это значило бы рисковать сѣсть на мель при первомъ же отливѣ, представляя изъ себя либо неподвижную цѣль для береговыхъ блиндированныхъ батарей (у китайцевъ уже есть такія!), защищающихъ устья рѣкъ и дальнѣйшіе доступы къ симъ городамъ, либо же ложиться на мели подъ разстрѣлъ канонерокъ, которыя въ данномъ случаѣ имѣли бы надъ нами то неоцѣненное преимущество, что для нихъ высота воды ровно ничего не значитъ. Поэтому съ нашей стороны было бы очень большимъ заблужденіемъ думать, будто китайцы покончили съ нами миролюбиво, вслѣдствіе того, что испугались нашей эскадры, собранной во Владивостокѣ: они отлично понимали, что весь этотъ прекрасный океанскій флотъ, не имѣя въ своемъ составѣ ни одной плоскодонной канонерки, ровно ничего не могъ бы сдѣлать ихъ богатѣйшимъ портовымъ городамъ. Не эскадры собственно они испугались, а предполагаемаго на ней сильнаго десанта, въ чемъ, между прочимъ, подъ рукою увѣряли ихъ и англичане, изъ своихъ собственныхъ видовъ. Это не мѣшаетъ имѣть въ виду и на будущее время, и смѣю думать, что ужъ коль скоро пришлось намъ въ прошломъ году грозить Китаю, то угроза наша была бы гораздо существеннѣе, если бы хоть четыре милліона изъ тѣхъ десяти милліоновъ рублей, что̀ пришлось потратить на отправку и содержаніе своей тихо-океанской эскадры, мы употребили на заказъ въ Санъ-Франциско или Йокоска (въ Японіи) двадцати канонерокъ того же типа, какъ новыя китайскія, стоимостью каждая въ 200.000 рублей, и вооружили бы ихъ соотвѣтственною артиллеріею. Тогда бы и разговоры съ нами другіе были.

Этимъ, однако, я вовсе не хочу сказать, что намъ не нужна хорошая эскадра во Владивостокѣ;—нѣтъ, крейсерская эскадра въ Тихомъ океанѣ всегда нужна, и не временно, какъ въ прошломъ году, а постоянно, и чѣмъ больше она будетъ, тѣмъ лучше, но нужна она не столько противъ Китая, сколько для войны съ серьезнымъ европейскимъ противникомъ, будетъ ли онъ называться англичаниномъ, или нѣмцемъ съ его приспѣшниками. Противъ Китая же необходимо имѣть штукъ двадцать канонерокъ, по крайней мѣрѣ.

Есть у китайцевъ и кое-какой паровой коммерческій флотъ, коего пароходы, подъ управленіемъ англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ шхиперовъ, уже плаваютъ въ Санъ-Франциско (съ ноября 1880 г.) и на острова Тихаго океана, тогда какъ владивостокскіе русскіе купцы ни о чемъ подобномъ даже и мечтать пока еще не дерзаютъ.

Все это наводитъ тамошнихъ русскихъ знающихъ людей на мысль, что Китай начинаетъ просыпаться и, хотя еще ощупью, но уже по-

нимаетъ, что̀ ему нужно, что̀ именно слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ перенимать у европейцевъ. Время беретъ свое и—какъ знать!—пройдетъ еще двадцать-тридцать лѣтъ, и Китай, быть можетъ, шагнетъ впередъ противъ нынѣшняго своего состоянія такъ, какъ мы и не ожидаемъ. Свѣдущіе люди увѣряютъ, будто для этого достаточно появиться, даже не на богдыханскомъ престолѣ, а лишь на мѣстѣ перваго министра, энергическому человѣку, сильному умомъ и характеромъ, который искренно захотѣлъ бы приложить свою волю и умъ на то, чтобы повернуть страну на путь военныхъ преобразованій, съ коими въ связи неразлучно послѣдуютъ и другія, тщательно выбираемыя по степени своей пригодности для Китая.

Китай уже готовъ къ тому, чтобы двинуться впередъ (не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ значеніи слова) и искать „новыхъ мѣстъ“ для избытка своего населенія. Побудительная причина къ тому—самая естественная изъ всѣхъ человѣческихъ причинъ: хроническій голодъ, порождаемый чрезмѣрностью населенія, несмотря на то, что въ Китаѣ тщательно воздѣлано все, что̀ лишь можно воздѣлать, несмотря на примѣрное трудолюбіе народа и на то, что это населеніе привыкло довольствоваться ничтожнымъ для удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей. Въ Гобійскія степи Монголіи выхода нѣтъ: тамъ голодныя пустыни, гдѣ мѣстами лишь возможно номадное существованіе; китаецъ же, какъ земледѣлъ и ремесленникъ по преимуществу, любитъ осѣдлость. Поэтому ему нужно искать болѣе плодородныхъ источниковъ для жизни, въ силу чего Китай и высылаетъ пока избытокъ своего населенія на острова Южнаго океана и въ Америку. Но такой путь переселенія дорогъ и удобенъ лишь для небольшихъ партій эмигрантовъ, а между тѣмъ потребность „новыхъ мѣстъ“ все болѣе и болѣе сказывается въ массахъ китайскаго населенія, для которыхъ сухопутное направленіе въ будущемъ, несомнѣнно, представитъ болѣе легкости, чѣмъ дорого стоющіе пути морскіе. Вотъ въ этомъ-то исканіи „новыхъ мѣстъ“ для жизни, въ этой потребности „великаго переселенія“, для европейцевъ вообще является весьма плохимъ признакомъ то, что Китай, не вѣря въ несокрушимую силу европейскаго интеллекта, въ непобѣдимость европейцевъ и въ прочность нынѣшняго ихъ обладанія міромъ, не перенимаетъ у нихъ зря всего, а тщательно и осторожно выбираетъ только ему пригодное,—не конституціи, не парламенты, не парижскіе нравы и моды, а ружья Снайдера, орудія Круппа и Армстронга, блиндированныя береговыя батареи и быстроходныя паровыя суда, оставаясь во всемъ остальномъ самимъ собою, т. е. государствомъ, прежде и больше всего чтущимъ свой китаизмъ (въ смыслѣ превосходства рассы) и свою китайскую самость. Вотъ объ этомъ-то и надлежитъ подумать европейцамъ, а болѣе всего намъ, русскимъ, какъ непосредственнымъ сосѣдямъ Китая. Это, конечно, исторія не завтрашняго дня, но несомнѣнно—для меня, по крайней мѣрѣ,—исторія

грядущаго. Въ исторіи человѣчества, какъ и въ жизни моря, есть свои періодическіе приливы и отливы, и нѣтъ никакихъ незыблемыхъ основаній думать, что актъ великаго переселенія народовъ былъ послѣднимъ и неповторимымъ актомъ этого рода.

Очень можетъ быть, что завоеваніе „новыхъ мѣстъ" пойдетъ исподволь, путемъ совершенно мирнымъ, какимъ оно идетъ уже и теперь у насъ, въ Уссурійскомъ краѣ; но нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что правительство китайское сочтетъ, наконецъ, благовременнымъ озаботиться у себя серьезною организаціей сильной по численности и средствамъ регулярной арміи, чему начàло уже положено. Многомилліонное населеніе легко выдѣлитъ часть своего избытка въ ряды арміи, которая, въ случаѣ надобности, быть можетъ, безъ особеннаго труда пополнится до трехъ-четырехмилліоннаго состава. Средства вооруженія и снабженія не все же будутъ покупаться у европейцевъ: китайское правительство уже и теперь озабочивается тѣмъ, чтобы имѣть у себя дома свои собственныя, независимо отъ европейскихъ помочей дѣйствующія, военно-техническія мастерскія, фабрики, заводы, арсеналы, склады и проч., въ чемъ усердно помогаютъ имъ нѣмцы своими знаніями и практическою опытностію. Какъ знать, до какихъ размѣровъ все это можетъ развиться и усилиться со временемъ!.. Можно думать, что китайскому правительству будетъ тѣмъ легче все это сдѣлать, что у Китая нѣтъ еще пока серьезныхъ государственныхъ долговъ, тогда какъ сосѣдняя съ нимъ Японія, ринувшаяся вводить у себя зря и часто безъ разбора и надобности всяческіе европейскіе порядки, находится уже чуть не наканунѣ государственнаго банкротства, благодаря „реформамъ" и ловкимъ гешефтамъ своихъ американо-европейскихъ благодѣтелей. Этотъ примѣръ у Китая на глазахъ, и потому-то Китай, быть можетъ, такъ и разборчивъ въ выборѣ пригодныхъ для себя „продуктовъ" западной „цивилизаціи".

Вотъ, на основаніи этихъ-то всѣхъ соображеній, люди, знающіе Китай ближайшимъ образомъ, и не желаютъ съ нимъ войны, говоря, что чѣмъ блистательнѣе были бы для насъ ея результаты теперь, тѣмъ хуже для насъ же впослѣдствіи.

И въ самомъ дѣлѣ, двѣсти лѣтъ мы прожили съ Китаемъ въ глубокомъ мирѣ, какъ съ единственнымъ своимъ спокойнымъ сосѣдомъ. Правда, миръ этотъ былъ купленъ цѣною извѣстныхъ уступокъ (Нерчинскій трактатъ), но въ послѣднія 25 лѣтъ мы дипломатическимъ путемъ возвратили себѣ почти все, чтó нѣкогда было нами уступлено. Зато, благодаря этому миру, мы могли довѣрить охрану своей громадной границы съ Китаемъ почти однѣмъ лишь казачьимъ силамъ, ничтожнымъ по своей численности. При всѣхъ своихъ столкновеніяхъ въ Европѣ, мы всегда могли быть глубоко спокойны на счетъ Китая, зная, что оттуда намъ не повѣетъ никакою опасностію. Теперь же, возгорись у насъ съ нимъ война, и притомъ война успѣшная для нашего

оружія,—въ непродолжительномъ времени послѣ ея окончанія, мы почувствовали бы въ отношеніи себя со стороны этого сосѣда нѣчто совсѣмъ иное, доселѣ еще не испытанное нами: мы почувствовали бы нѣчто похожее на то, что̀ чувствуетъ теперь побѣдоносная Германія относительно побѣжденной ею и воскресшей изъ пепла Франціи. Вотъ откуда и является у нѣмцевъ желаніе поставить насъ между собою и Китаемъ въ такое же положеніе, въ какомъ сами они стоятъ между нами и Франціей.

Неудачный исходъ войны, безъ сомнѣнія, нанесъ бы оскорбленіе если не китайскому народу, то китайскому правительству, которое крайне ревниво охраняетъ свое достоинство въ глазахъ народа. Правительство это уже не питало бы къ намъ довѣрія, какъ было еще недавно. Подъ вліяніемъ чувства обиды, какая была бы нанесена его самолюбію неудачною войною, оно затаило бы противъ насъ въ душѣ месть и, до норы до времени, держало бы камень за пазухой. Очень могло бы статься, что новый грустный опытъ войны понудилъ бы его еще ретивѣе заняться организаціею, на всякій случай, своей регулярной арміи, которая и сдѣлалась бы этимъ запазушнымъ камнемъ. А тогда, при всякомъ нашемъ—не говорю уже столкновеніи, но просто при всякомъ даже осложненіи и затрудненіи нашихъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, мы должны бы были принимать въ соображеніе и Китай, которымъ, конечно, не замедлили бы, во всѣхъ такихъ случаяхъ, пользоваться противъ насъ европейскіе наши благопріятели, къ чему нѣкоторыя попытки мы уже видѣли и въ настоящее время.

Но если бы пришлось принимать въ соображеніе Китай, то охрана пограничной съ нимъ линіи нынѣшними нашими силами была бы уже недостаточна. Тогда, волей-неволей, нужно бы было держать на этой безконечной границѣ цѣлую армію, которую пришлось бы снабжать всѣмъ необходимымъ изъ Европейской Россіи, къ новому отягощенію этимъ постояннымъ расходомъ своего государственнаго бюджета. Таковъ-то былъ бы вѣроятный результатъ нашей блестящей войны съ Китаемъ, и вотъ почему, между прочимъ, такъ хотѣлось втянуть насъ въ нее нашимъ благопріятелямъ, къ числу которыхъ, однако, по отношенію къ Китаю, мы не причисляемъ англичанъ. Съ каждымъ другимъ противникомъ наши затрудненія были бы для нихъ дѣломъ совершенно безразличнымъ, если даже не прямо выгоднымъ, но по отношенію къ Китаю этотъ вопросъ становится у нихъ на совершенно особую почву. Объяснимся:

Тѣ изъ англичанъ, которые не ослѣплены безусловною руссофобіею, очень хорошо понимаютъ, что съ наличными нашими силами сухопутное предпріятіе противъ Мукдена, направленное черезъ всю манчжурскую территорію, явилось бы дѣломъ крайне рискованнымъ и что успѣхъ китайцевъ на данномъ театрѣ войны отразился бы на самихъ англичанахъ весьма непріятными послѣдствіями. Они знаютъ, на-

сколько ихъ ненавидятъ въ Китаѣ, благодаря, во-первыхъ, двумъ войнамъ, счастливо веденнымъ ими противъ Китая, — войнамъ, для которыхъ у самихъ англичанъ существуетъ спеціальное названіе—„plundering expeditions“, т. е. грабительскія экспедиціи; но еще болѣе ненавидятъ ихъ за то, что они заграбастали въ свои руки всю торговлю этого государства, подчинивъ оную исключительно своимъ видамъ и, кромѣ этого, не только безнаказанно, но „на законномъ основаніи“, въ силу своего Тяндзинскаго договора 1858 года, отравляютъ китайское населеніе опіумомъ изъ своихъ шангайскихъ складовъ, куда ежегодно ввозится этого продукта 80.000 ящиковъ, на сумму 12.000.000 фунтовъ стерлинговъ; весь же годовой оборотъ англійской торговли въ Китаѣ составляетъ въ среднемъ колоссальную цифру въ 45.000.000 фунтовъ стерлинговъ. Знаютъ англичане и то, до какой степени возбужденія дошли эти чувства ненависти и негодованія и какъ страстно желаютъ китайцы свергнуть, наконецъ, съ себя иго англійской торговой политики, которое убиваетъ въ зародышѣ торговлю и промышленность самого Китая и гнететъ его именно благодаря тому, что въ силу договоровъ, вынужденныхъ войнами, въ рукахъ этого врага находятся два такихъ важнѣйшихъ пункта отпускной торговли, какъ Шангай и Гонконгъ, и въ особенности послѣдній,—и чувствуютъ англичане, что выбить ихъ оттуда, въ сущности говоря, потребовалось бы не особенно много усилій,— будь только китайцы немножко рѣшительнѣе и смѣлѣе. Что это былъ бы фактъ далеко не изъ числа невозможныхъ, доказываетъ дерзкое ночное нападеніе на Гонконгъ, совершенное въ 1878 году китайскими пиратами, въ количествѣ восьмисотъ человѣкъ. Несмотря на солидный гарнизонъ, содержимый англичанами въ Гонконгѣ, переполохъ въ ту ночь вышелъ ужасный... Пираты дѣйствовали на свой страхъ, а насколько само китайское правительство желаетъ избавиться отъ англійскихъ „благодѣяній“, показываетъ, между прочимъ, новый трактатъ, заключенный имъ съ Соединенными Штатами: чтобы хоть сколько нибудь ослабить торговую монополію англичанъ, правительство дало американцамъ новыя льготы для торговли за чисто фиктивную уступку,—именно, за обязательство не ввозить въ Китай опіумъ, тогда какъ американцы и безъ того никогда не торговали этимъ продуктомъ. Фраза, нѣкогда сказанная принцемъ Кунгомъ англійскому уполномоченному, сэръ Рутефорду Алькоку — „избавьте насъ отъ вашего опіума и отъ вашихъ миссіонеровъ“—фраза эта и до нашихъ дней выражаетъ собою завѣтнѣйшее желаніе каждаго благомыслящаго китайца. Словомъ сказать, положеніе таково, что китайцамъ приходится уже не въ-моготу и потому они ищутъ случая свергнуть съ себя не только иго англійское, но, за одно уже, и всякія иностранныя давленія и вліянія, кромѣ, быть можетъ, мирволящаго имъ, нѣмецкаго, да и то относительно послѣдняго лишь на время, пока не станутъ на свои собственныя ноги въ дѣлѣ государствен-

ныхъ вооруженій. Такъ предполагаютъ китайцы, но удастся ли имъ выбиться впослѣдствіи и изъ-подъ нѣмецкихъ давленій,—это другой вопросъ. Если же нѣмцы овладѣютъ морскою станціею на Цусимѣ, то можно сказать навѣрное, что вліяніе ихъ въ Китаѣ будетъ обезпечено надолго.

Зная все это, англичане хорошо понимаютъ, что война съ Россіей на крайнемъ Востокѣ была бы для китайцевъ, такъ сказать, „пробою пера", и что если бы эта проба оказалась успѣшною, то слѣдующее за тѣмъ воинственное предпріятіе ободреннаго своимъ успѣхомъ и потому еще болѣе осмѣлѣвшаго правительства было бы направлено противъ самихъ англичанъ, въ Гонконгѣ и Шангаѣ, что̀ во всякомъ случаѣ грозило бы имъ большими затрудненіями, къ явной выгодѣ нѣмцевъ, которые, повторяю, уже и теперь стремятся конкурировать съ ними на крайнемъ Востокѣ. Тѣ изъ англичанъ крайняго Востока, которые не ослѣплены нелѣпою руссофобіею, съ каждымъ днемъ все осязательнѣе начинаютъ понимать, что не мы ихъ враги въ этой полосѣ міра, а что напротивъ, какъ у насъ, такъ и у нихъ существуетъ тамъ одинъ только общій нашъ врагъ, который до времени скрываетъ свою игру, но идетъ къ цѣли осторожными и вѣрными шагами, работая на китайцевъ и прячась пока за ихъ ширмы. Эти-то соображенія, какъ сообщали японскія газеты, и побудили правительство Гладстона вліять на придворно-воинственную пекинскую партію въ примирительномъ смыслѣ и даже застращивать ее, выставляя боевыя силы и средства Россіи на крайнемъ Востокѣ въ преувеличенно грозныхъ размѣрахъ. Радѣя намъ, помимо соглашенія о томъ съ нами, англичане, въ сущности говоря, заботились только о своей собственной шкурѣ,—и вотъ, результатомъ ихъ увѣщаній и застращиваній явилось засѣданіе „большого государственнаго совѣта", въ присутствіи обѣихъ императрицъ, собраннаго въ Пекинѣ 15-го сентября 1880 года, гдѣ „западная императрица" объявила, чтобы всѣ желающіе войны подписали обязательство, гарантированное всѣмъ ихъ достояніемъ, что, въ случаѣ пораженія Китая, они выплатятъ въ казну все, что̀ потребуетъ Россія въ уплату военныхъ издержекъ. Первымъ предложено было подписать этотъ документъ главнокомандующему восточной арміи Ли-хунъ-чжану, государственному секретарю и старшему опекуну молодаго богдыхана. Ли-хунъ-чжанъ, а за нимъ и остальные, разумѣется, отказались отъ такой рискованной подписи, и дѣло стало клониться въ пользу мирнаго исхода нашихъ переговоровъ. Но все это не болѣе, какъ счастливая случайность. Продолжай сидѣть на мѣстѣ Гладстона покойный лордъ Биконсфильдъ, ослѣпленный своею семитическою ненавистью къ Россіи,—едва ли бы кончили мы съ Китайцами миромъ.

Будь у насъ желѣзная дорога, которая перерѣзала бы Сибирь съ запада на востокъ, хотя бы до Срѣтенска, откуда уже начинается пароходное сообщеніе по Амуру, связавъ, такимъ образомъ, южно-

Уссурійскій край съ Москвою и давая намъ возможность, въ случаѣ войны, пользоваться производительностью Сибири для Европейской Россіи и свободно передвигать части боевыхъ силъ и запасовъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, до Восточнаго океана, — тогда дѣло другое: тогда не только китайцы, но и европейскіе благопріятели наши сами постарались бы жить всегда съ нами въ мирѣ. Пока же этого нѣтъ, то, конечно, было бы всего желательнѣе поддерживать по-старому глубокій миръ съ Китаемъ; но... къ сожалѣнію, поддержаніе мира съ этою державою не исключительно отъ насъ однихъ теперь зависитъ. Почему это вышло такъ, — постараюсь объяснить ниже.

Китай—одно изъ тѣхъ счастливыхъ государствъ, которыя имѣютъ сильное внутри правительство. Нужды нѣтъ, что народъ застѣннаго или собственнаго Китая относится къ нему довольно безразлично, какъ къ элементу чуждому (манчжурскому), коего власть основывается на правѣ завоеванія,—правительство это все-таки сильно своимъ абсолютизмомъ, умѣньемъ всегда поддержать свой авторитетъ и свой престижъ въ глазахъ народа, а также и тѣмъ особеннымъ тактомъ, который побуждаетъ его „не мѣшать жить“ своему народу въ сферѣ его частныхъ и экономическихъ интересовъ, — лишь бы были исправно вносимы требуемыя подати. Какъ народъ китайскій, такъ и его манчжурское правительство, по присущему всѣмъ азіятамъ понятію, больше всего на свѣтѣ уважаютъ силу—нравственную и физическую, и эту послѣднюю даже преимущественно, потому что она необходимо оказываетъ на нихъ и нравственное давленіе, заставляя безусловно подчиняться своимъ требованіямъ. Никакихъ тонкостей и высшихъ принциповъ „гуманной“ и „цивилизованной“ политики китайцы, какъ и вообще всѣ азіяты, не понимаютъ и всякую уступку имъ считаютъ не дѣломъ гуманнаго миролюбія или благодушной снисходительности, а несомнѣннымъ для нихъ признакомъ слабости и даже трусости. Тѣ принципы, которыми наша политика руководствуется по отношенію къ Европѣ, въ дѣлахъ съ Китаемъ вовсе не годятся; да мы видимъ, что и въ самой Европѣ принципы эти, будучи заявляемы съ нашей стороны, понимаются тоже по-китайски, т. е. какъ признакъ нашей слабости. По отношенію къ Китаю нуженъ вовсе не воинственный задоръ, или такъ называемый „шовинизмъ“, а только разумная твердость, послѣдовательность и опредѣленность въ цѣляхъ своей политики, готовая, въ случаѣ надобности, поддержать себя надлежаще внушительными средствами. Если мы, занимая Кульджу, сами добровольно обѣщали возвратить ее Китаю, то, по китайскому разумѣнію вещей, и надо было исполнить это обѣщаніе въ точности. Если же, напротивъ, было желательно удержать ее за собою, вслѣдствіе чего возвратъ этой области обусловливался тѣмъ, чтобы китайцы сначала укротили возстаніе въ Кашгарѣ и водворили въ немъ полный порядокъ, то не слѣдовало самимъ способ-

ствовать скорѣйшему осуществленію сего, допуская, ради совершенно частныхъ интересовъ какихъ нибудь двухъ спекулянтовъ, снабженіе войскъ Цзо-зунъ-тана русскимъ хлѣбомъ изъ западной Сибири. Заручась съ нашей стороны этою существенною помощью, китайцы, какъ извѣстно, покончили съ возстаніемъ очень скоро, сказнили, сколько имъ потребовалось, людей и затѣмъ, понятно, обратились къ намъ съ напоминаніемъ о нашемъ обѣщаніи возвратить имъ Кульджинскую область. Тутъ, какъ извѣстно, съ нашей стороны явились нѣкоторыя затрудненія въ вопросѣ о способахъ и размѣрахъ возврата, поконченныя, впрочемъ, Ливадійскимъ трактатомъ. Затѣмъ, не безъ наускиванія со стороны нѣкоторыхъ нашихъ „друзей", разыгралась въ Пекинѣ извѣстная комедія съ Хунчоу. Уже въ то время можно было видѣть, что дайцинское правительство желаетъ сдѣлать нѣкоторую „пробу пера"—сначала хотя бы только на дипломатическомъ полѣ, и—надо сознаться — проба ему удалась, въ томъ смыслѣ, что мы сдались на новые переговоры,—значитъ, по китайскимъ возрѣніямъ на вещи, признали себя, въ нѣкоторомъ родѣ, несправедливыми въ условіяхъ и требованіяхъ Ливадійскаго договора. Согласіе на новые переговоры было понято въ Пекинѣ какъ уступка, а всякая уступка, по основнымъ азіятскимъ понятіямъ, заставляетъ предполагать возможность и дальнѣйшихъ уступокъ. Дайте, напримѣръ, приставшему къ вамъ за подачкой азіяту „бакшишъ". Вы думаете, онъ отстанетъ?—Ничуть не бывало! Напротивъ, уцѣпится за вами еще съ пущею энергіею, станетъ еще неотвязчивѣе приставать къ вамъ за новымъ „бакшишемъ". Такова уже азіятская натура и въ этомъ отношеніи, кажется, единственное исключеніе изъ общаго правила составляютъ японцы, народъ рыцарски благородный и только еще въ будущемъ обѣщающій сдѣлаться не тѣмъ, что̀ онъ есть, когда побольше усвоитъ себѣ „европеизма". Итакъ, переговоры опять возобновились—на сей разъ уже съ маркизомъ Цзенгомъ—и сопровождались отправкою въ Восточный океанъ эскадры адмирала Лесовскаго, но въ то же время и новыми уступками. Съ одной стороны—эскадра и, главное, предполагаемый на ней десантный корпусъ внушали дайцинскому правительству понятныя опасенія; съ другой стороны—наша уступчивость дразнила его аппетиты и являлась великимъ соблазномъ къ дальнѣйшей продерзости. Собственная неготовность въ то время къ войнѣ заставила китайцевъ пока согласиться на наши крайне умѣренныя требованія и ратификовать условія новаго договора. Но убѣжденіе въ нашей относительной слабости—убѣжденіе, вызванное ничѣмъ инымъ, какъ только нашею же непослѣдовательностью и уступками—въ китайцахъ осталось и засѣло довольно глубоко, укореняясь еще прочнѣе нашептываніями, въ томъ же смыслѣ, и со стороны кое-какихъ нашихъ „друзей", не имѣющихъ пока, подобно англичанамъ, своихъ собственныхъ полновѣсныхъ причинъ удерживать Китай отъ „пробы пера" въ военномъ предпріятіи

противъ Россіи. Поэтому, тотчасъ по уходѣ эскадры адмирала Лесовскаго, начались у китайцевъ энергическія военныя приготовленія, которыя, впрочемъ, не прекращались и раньше, несмотря на то, что дѣло видимо склонялось къ миру.

По недавнимъ извѣстіямъ, мы знаемъ, что, ведя въ Манчжуріи стратегическія дороги къ нашимъ границамъ, дайцинское правительство въ то же время заселяетъ ихъ земледѣльцами изъ центральныхъ провинцій, въ количествѣ полутораста тысячъ семействъ, и снабжаетъ переселенцевъ, не жалѣя средствъ, какъ земледѣльческими орудіями и деньгами на хозяйственное обзаведеніе, такъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ,—первыми для того, чтобы манчжурская армія была вполнѣ обезпечена продовольствіемъ изъ мѣстныхъ средствъ, а вторымъ для того, чтобы это населеніе могло само по себѣ представлять вооруженную оборону страны, на всякій случай. Это, безъ сомнѣнія, мѣра очень благоразумная, которую и намъ, въ свою очередь, не мѣшало бы позаимствовать у китайцевъ, раздавъ своему при-амурскому и уссурійскому крестьянству ружья системы Карля, поступившія въ сдачу, послѣ перевооруженія въ 1880 году тамошнихъ войскъ берданками. Такая мѣра, въ сущности, ничего не стоя правительству, значительно обезпечила бы крестьянъ, нынѣ почти беззащитныхъ, въ ихъ постоянной борьбѣ съ манчжурскими хунгузами.

Негласныя рекогносцировки, произведенныя въ ожиданіи войны изъ Уссурійскаго края въ Манчжурію, еще осенью 1880 года, убѣдили насъ, что не только города, какъ Гиринъ, Нингута, Сансинь и проч., но даже многія полевыя позиціи, на путяхъ предполагаемаго наступленія русскихъ, оказались укрѣпленными, гдѣ въ самомъ характерѣ земляныхъ, чрезвычайно цѣлесообразно расположенныхъ, верковъ нельзя было не узнать европейски-опытную руку спеціалистовъ полевого инженернаго дѣла. Разумѣется, было бы странно съ нашей стороны претендовать на китайцевъ (это только на насъ въ подобныхъ случаяхъ претендуютъ) и оспаривать ихъ право на оборону своей собственной территоріи въ какое бы то ни было время, а тѣмъ болѣе наканунѣ ожидавшейся войны; но это не исключаетъ необходимости зорко слѣдить за приготовленіями сосѣда, и вотъ въ этомъ-то отношеніи уже имѣются кое-какія свѣдѣнія, которыя указываютъ ясно, что и намъ, въ свою очередь, зѣвать не слѣдуетъ.

Напримѣръ, газета „Порядокъ", недавно сама себя прекратившая и которую, полагаю, уже никто не заподозрилъ бы въ „шовинизмѣ", извѣщала (въ корреспонденціи, отъ 12-го октября прошлаго года, изъ Пекина, № 346), что высшія власти областей, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ нашими крайне-восточными окраинами, принимаютъ всѣ необходимыя мѣры къ усиленію и укрѣпленію ввѣренныхъ имъ мѣстностей такъ, чтобы онѣ, не опираясь на митрополію, на первыхъ порахъ собственными силами могли бы встрѣтить всякую случайность. Особенною энергіею и неутомимостью, по сло-

вамъ газеты, отличается въ этомъ направленіи главный начальникъ сопредѣльной съ нашимъ Уссурійскимъ краемъ Гиринской области. Давно ходившіе слухи о постройкѣ въ этой области пороховаго завода и арсенала нынѣ оказались вполнѣ основательными, что, впрочемъ, было извѣстно намъ во Владивостокѣ еще и въ осень 1880 года. По словамъ шангайской газеты „Синь-бао", отъ 11-го сентября прошлаго года, зданіе арсенала въ Гиринѣ, лежащемъ на рѣкѣ Сунгари, уже близко къ окончанію; необходимый составъ мастеровыхъ отправленъ туда изъ Тяп-цзина и на производство первоначальныхъ работъ, въ видѣ опыта, ассигновано 200.000 металлическихъ рублей. Выдѣлка пороха уже идетъ, но, кромѣ того, предполагается открыть при этомъ же арсеналѣ доки для рѣчныхъ судовъ, которыя, въ случаѣ надобности, могли бы оперировать въ Амурѣ.

Говоря о мѣрахъ, принимаемыхъ Китаемъ къ усиленію своей безопасности, газета „Порядокъ" (въ той же корреспонденціи) придаетъ (и совершенно справедливо) особенно важное значеніе укрѣпленію бухты Люй-шунь-коу, лежащей на самой юго-восточной оконечности Ліаутунгскаго полуострова и извѣстной на англійскихъ и вообще иностранныхъ картахъ подъ именемъ „Arthur-bay". Всѣ инженерныя работы по постройкѣ въ Люй-шунь-коуской бухтѣ фортовъ производятся подъ руководствомъ германскаго инженера Ганнекена (Hannekеn) и окончаніе ихъ ожидалось въ самомъ непродолжительномъ времени. По отзывамъ американскаго комондора Шуфельта, который, по порученію Ли-хунъ-чжана, недавно посѣтилъ бухту Люй-шунь-коу, она, какъ по своему положенію, такъ и по вмѣстимости, удовлетворяетъ требуемымъ условіямъ, т. е. въ ней можетъ удобно пріютиться китайскій флотъ и затруднить непріятелю доступъ въ Печилійскій заливъ. Сооруженія въ этой бухтѣ являются прямымъ результатомъ убѣжденія китайцевъ, что на эскадрѣ адмирала Лесовскаго находился десантъ, готовый для высадки въ Печилійскомъ или Ліаутунгскомъ заливахъ.

Такая усиленная дѣятельность въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ съ нами, должна бы—по справедливому заключенію корреспондента газеты „Порядокъ"—„вызвать и съ нашей стороны принятіе соотвѣтственныхъ мѣръ къ колонизаціи и всестороннему развитію богатѣйшаго, по своимъ естественнымъ условіямъ, края, обладаніе которымъ даетъ намъ свободный выходъ на просторъ безбрежнаго Великаго океана, — просторъ, котораго съ такою беззавѣтною настойчивостью добивался первый создатель нашего флота. Въ этомъ важномъ дѣлѣ—продолжаетъ тотъ же корреспондентъ—не можетъ быть и рѣчи ни о рискѣ, ни объ опасеніяхъ за то, что затраченные капиталы и трудъ пропадутъ даромъ; благодатная почва, въ соединеніи съ трудомъ и умѣньемъ, по истеченіи немногихъ лѣтъ, съ лихвою вознаградятъ за сдѣланныя затраты. Всякія колебанія, замедленія и полумѣры будутъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ постепенное усиленіе

нашихъ сосѣдей, которые, какъ видно по всему, неуклонно и систематично рѣшились слѣдовать по сознательно начертанному ими для своихъ восточныхъ окраинъ плану".

И вотъ, какъ одно изъ логическихъ послѣдствій этого сознательно начертаннаго плана, являются позднѣйшія извѣстія, полученныя съ мѣста газетою „Сибирь", о томъ, что въ Нингутѣ и Сансинѣ нынѣ находится уже по 800 китайскихъ солдатъ, а въ Гиринѣ, какъ въ резервномъ пунктѣ, ихъ уже 20.000, и что въ мѣстности Удану, близъ залива Славянскаго, строится сильное укрѣпленіе, а въ городъ Санчакоу [1]) вскорѣ должны прибыть, для постройки укрѣпленій, 2.500 солдатъ, которые и останутся тамъ гарнизономъ. Эти два послѣднія извѣстія уже несомнѣнно указываютъ не на оборонительный, а прямо наступательный противъ насъ характеръ будущихъ военныхъ дѣйствій „естественнаго" союзника Германіи.

Санчакоу противулежитъ станицамъ Михайло-Семеновской и Хабаровкѣ и, находясь между той и другой, можетъ угрожать единственному сообщенію Хабаровки по Амуру съ Забайкальскою областью, которая служитъ военною базой для Амурскаго и Приморскаго края. Понятно, что въ случаѣ успѣшныхъ дѣйствій нашихъ противниковъ изъ Санчакоу, они легко могутъ и вовсе отрѣзать Хабаровку отъ ея забайкальской базы, вслѣдствіе чего отрѣзывается отъ сообщеній съ Россіей и вся Приморская область съ южно-Уссурійскимъ краемъ.

Постройка же форта въ Удану прямо указываетъ намъ, гдѣ именно будетъ сдѣлана высадка дессантнаго корпуса, и выборъ данной мѣстности только служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что будущему противнику отлично извѣстны какъ топографія этого края съ тѣми мѣстными условіями, какія могутъ послужить на пользу дессанту, такъ и наши мѣстныя слабыя стороны. Мудренаго въ этомъ ничего нѣтъ, потому что во Владивостокѣ проживаетъ много иностранныхъ подданныхъ, преимущественно нѣмецкаго происхожденія, которые, подъ видомъ промышленныхъ цѣлей, уже не первый годъ свободно разъѣзжаютъ и по нашимъ водамъ (иногда на собственныхъ шхунахъ), и по внутренности края. Да и кромѣ того, на Владивостокскій рейдъ постоянно заходятъ германскія суда—и коммерческія, и военныя; послѣднія—въ особенности въ лѣтнее время, подъ тѣмъ удобнымъ предлогомъ, что здѣсь можно спасаться отъ убійственныхъ жаровъ Китайскаго моря, простаиваютъ на рейдѣ иногда довольно продолжительный срокъ, и въ это время ихъ офицеры свободно совершаютъ свои экскурсіи, куда имъ угодно, до нашихъ вооруженныхъ укрѣпленій включительно. У насъ вѣдь на этотъ счетъ просто.

---

[1]) На правомъ берегу Амура, между Хабаровкой и Михайло-Семеновской. На картѣ Азіатской Россіи, изд. Воен.-Топогр. Депо 1860, сел. Санчакоу, названо Салтжаку.

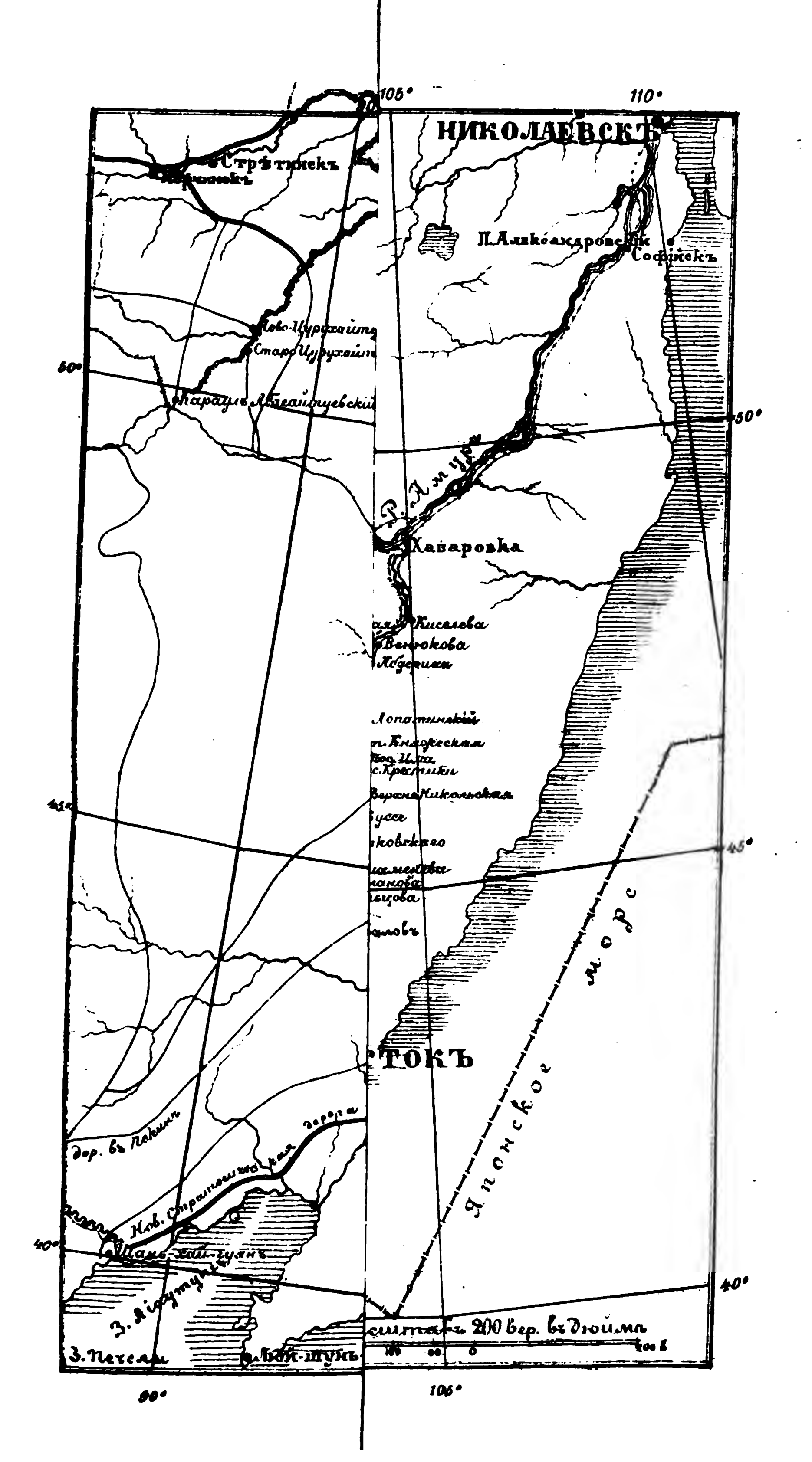
Поэтому нѣтъ ничего мудренаго и въ томъ, что, согласно газетному извѣстію, подавшему собою тему для настоящей статьи,—въ нѣмецкихъ газетахъ недавно „разсматривалась возможность сопротивленія во Владивостокѣ русскихъ фортовъ“ и, разумѣется, овладѣніе ими найдено было „весьма легкимъ“. Вотъ почему весьма наивно было бы думать, что настоящая статья обнаруживаетъ предъ будущими противниками наши слабыя стороны на крайнемъ Востокѣ: онѣ и безъ того хорошо имъ извѣстны, а если и составляли для кого-либо „секретъ“, то скорѣе—для насъ съ вами, чѣмъ для нѣмцевъ. Повторяю, что выборъ мѣстности Удану для постройки укрѣпленія служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, и недаромъ германское правительство, озабочиваясь, на всякій случай, правильною мобилизаціею дессанта, условилось относительно фрахта и прочаго, съ гамбургскими владѣльцами нѣсколькихъ океанскихъ пароходовъ,—чтобы эти суда, во всякое время, какъ только потребуется, могли принять на себя, для перевозки въ Восточный океанъ, дессантный корпусъ со всѣми необходимыми тяжестями.

Политическія обстоятельства послѣднихъ лѣтъ, начиная съ 1877 года, сами собою выдвинули для насъ вопросъ о государственномъ и стратегическомъ значеніи Владивостока. Въ послѣднемъ отношеніи недостатки его очевидны, потому что они заключаются въ самомъ географическомъ положеніи полуострова Муравьевъ-Амурскій, выдавшагося длинною тридцати-верстною кишкою въ самый центръ залива Петра Великаго. Владивостокъ лежитъ на южной оконечности полуострова, и его единственно удобное сообщеніе со внутренностію южно-Уссурійскаго края и его житницею, Ханкайскимъ округомъ, идетъ по рѣкѣ Суйфуну. Этотъ же путь связываетъ его и со всею остальною Россіей. Другой источникъ стратегической слабости Владивостока заключается въ изобиліи сосѣднихъ съ нимъ бухтъ, изрѣзывающихъ берега Уссурійскаго и Амурскаго заливовъ и, въ большинствѣ своемъ, вполнѣ удобныхъ для временной стоянки военныхъ судовъ всѣхъ ранговъ. Между этими бухтами наивыгоднѣйшую для непріятеля и опаснѣйшую для Владивостока роль могутъ играть Славянская и Песчаная, обѣ въ Амурскомъ заливѣ. Первая лежитъ противъ сѣверной группы острововъ, служащихъ продолженіемъ того кряжа, что́ образуетъ собою полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, а вторая — близъ устья Суйфуна. Глубина первой отъ 5-ти до 14-ти саженъ, и очертаніе ея возвышенныхъ береговъ таково, что достаточно четырехъ батарей, чтобы оборонить всю бухту съ моря вполнѣ надежнымъ образомъ, а конфигурація возвышенностей, окружающихъ ее съ суши, даетъ полную возможность къ устройству полевыхъ, взаимно себя поддерживающихъ, укрѣпленій. Глубина же бухты Песчаной такова, что самыя большія военныя суда могутъ стоять въ одной милѣ отъ берега.

Цѣль непріятельскихъ дѣйствій противъ Владивостока можетъ заключаться въ тѣсной блокадѣ этого пункта и въ пресѣченіи ему сообщеній съ Ханкайскимъ округомъ, а стало быть—и съ Россіей. Эта послѣдняя задача естественно заставитъ нашего противника обратить вниманіе на Суйфунъ. А для этого наилучшимъ и ближайшимъ къ цѣли дѣйствій опорнымъ пунктомъ является именно Славянская бухта. Высадка во всякой другой бухтѣ Амурскаго, а тѣмъ болѣе Уссурійскаго залива, была бы менѣе удобна для непріятеля уже потому, что отдаляла бы его отъ цѣли дѣйствій и вела бы къ Суйфуну слишкомъ длиннымъ, кружнымъ путемъ. Основавшись въ Славянской бухтѣ и легко укрѣпивъ ее какъ съ моря, такъ и съ суши, непріятель, разумѣется, первымъ же дѣломъ — вышлетъ сухопутный отрядъ на Суйфунъ, каковой отрядъ и станетъ укрѣпленнымъ лагеремъ на правомъ берегу этой рѣки, верстахъ въ пяти выше ея устья причемъ защитою противъ нашихъ попытокъ со стороны полуострова Муравьевъ-Амурскій ему служила бы самая рѣка, представляя собою естественный широкій ровъ передъ фронтомъ лагеря. А противъ покушеній извнутри страны, отъ села Никольскаго, — достаточно выслать боковой авангардъ къ станціи Раздольной на Суйфунѣ. Сдѣлать все это непріятелю было бы тѣмъ легче, что какъ разъ мимо Славянской бухты идетъ на Суйфунъ и далѣе въ Ханкайскій округъ очень удобная дорога изъ Посьета, служащая для насъ и нынѣ почтовымъ трактомъ, а разстояніе отъ Славянской до предполагаемаго лагернаго мѣста не превышаетъ шестидесяти верстъ. Всякая высадка въ Уссурійскомъ заливѣ (бухты Кангоуза и Цимухэ) неудобна уже потому, что съ нею сопрягается необходимость флангового движенія къ Суйфуну мимо горжи полуострова Муравьевъ-Амурскій, тогда какъ по посьетской дорогѣ всякія передвиженія могутъ совершаться вполнѣ спокойно и безопасно, да и самыя бухты Кангоуза и Цимухэ слишкомъ открыты и потому неудобны для стоянки.

Бухта Песчаная, по близости своей къ Суйфунскому лиману, можетъ служить отличною стоянкой для сторожеваго непріятельскаго судна, на которое будетъ возложено ближайшее наблюденіе за тѣмъ, чтобы никакое суденышко не могло проскользнуть въ Суйфунъ со стороны Муравьева-Амурскаго и, кромѣ того, она могла бы служить какъ складочное мѣсто для ближайшей выгрузки запасовъ, потребныхъ наблюдательному суйфунскому отряду.

Вообще, надо предполагать, что непріятель предпочтетъ высадку въ Амурскомъ заливѣ уже потому, что здѣсь наша территорія проходитъ узкою полосою между берегомъ моря и китайскою границею, вслѣдствіе чего и путь сообщенія опорнаго пункта (Славянская бухта) съ суйфунскимъ отрядомъ можетъ считаться болѣе обезпеченнымъ съ обоихъ фланговъ, чѣмъ при высадкѣ въ какой-либо изъ бухтъ Уссурійскаго залива. Здѣсь къ его услугамъ проходитъ телеграфная линія, здѣсь же подъ бокомъ находятся Сидемійскія каменноугольныя



НИКОЛАЕВСКЪ
Срѣтинскъ
П. Александровскій
Софійскъ
Ново Цурухайтуй
Старо Цурухайтуй
Караулъ Абагайтуевскій
Р. Амуръ
Хабаровка
Киселева
Венюкова
Лопатинскій
Верхне Никольская
Бусе
токъ
Японское море
дор. въ Пекинъ
Нов. Страдонская дорога
Шань-хай-гуанъ
З. Ліаодунскій
З. Печелы
Бэй-шунь
200 вер. въ дюймѣ
105°
110°
50°
45°
40°
100°

копи, сюда изъ сосѣднихъ областей Манчжуріи удобно могутъ доставляться перевозочныя средства, порціонный скотъ и другіе жизненные припасы, не говоря уже о томъ, что занятіемъ подъ опорный пунктъ Славянской бухты отрѣзывается нашъ сухопутный посьетскій отрядъ отъ Никольскаго и Владивостока. Что всѣ эти соображенія входятъ въ расчеты противника и что для высадки будетъ имъ избрана именно Славянская бухта, доказывается появленіемъ на самой нашей границѣ и какъ разъ противъ названной бухты сильнаго укрѣпленія въ Удану, откуда до Славянской около 20-ти верстъ. Такимъ образомъ, если бы мы захотѣли помѣшать высадкѣ, или атаковать непріятеля въ его опорномъ пунктѣ, то откуда бы ни направился ради этой цѣли нашъ отрядъ—со стороны ли Суйфуна, со стороны ли Посьета—онъ неизбѣжно очутится между двухъ огней, имѣя либо въ тылу у себя, либо на флангѣ, китайское укрѣпленіе. Вотъ почему я говорю, что укрѣпленный пунктъ въ Удану имѣетъ прямо наступательное противъ насъ назначеніе.

Наконецъ, и въ отношеніи чисто морской блокады Славянская бухта представитъ непріятелю болѣе удобствъ, чѣмъ всякая иная, благодаря своему почти центральному положенію: отсюда всего удобнѣе высылать суда для запора обоихъ входовъ пролива Босфоръ-Восточный и отсюда же—почти равныя разстоянія во всѣ стороны: и къ устью Суйфуна, и къ Посьету, и къ проливу Стрѣлокъ, и къ бухтамъ Уссурійскаго залива. Центральнѣе Славянской въ этомъ отношеніи можетъ считаться одна только бухта Новикъ, на островѣ Русскомъ. И нѣтъ сомнѣнія, что, утвердившись въ первой и выславъ наблюдательный отрядъ на Суйфунъ, непріятель первымъ же дѣломъ постарается овладѣть Русскимъ островомъ, для того чтобы стѣснить до послѣдней крайности блокаду Владивостока и дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ по Галдобинскимъ укрѣпленіямъ. При настоящемъ положеніи дѣла, операція противъ Русскаго острова не представляетъ для предпріимчиваго противника ни малѣйшихъ серьезныхъ затрудненій: всѣ западныя и южныя бухты этого острова—къ его услугамъ. Стóитъ выбрать первое туманное утро, въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка въ лѣтнее время,—и высадка въ любой изъ нихъ можетъ быть произведена такъ ловко, что мы, пожалуй, узнáемъ о ней лишь тогда, когда все предпріятіе уже будетъ окончено и непріятель займетъ вполнѣ доступную съ его стороны вершину горы Русскихъ, на которой, конечно, и поспѣшитъ укрѣпиться. А разъ ему удастся возвести на этой вершинѣ батарею, вооруженную дальнобойными орудіями (разумѣется, не полеваго типа),—то уже нѣтъ ничего легче, какъ сбить оттуда нашу батарею, расположенную на низменномъ перешейкѣ кряжистой косы, отдѣляющей бухту Новикъ отъ Босфора Восточнаго. Она можетъ быть засыпана сверху снарядами, такъ какъ разстояніе отъ вершины горы Русскихъ до этой батареи всего только 1.800 саженъ. Разъ что батарея на перешейкѣ сбита—Русскій островъ,

съ его великолѣпною бухтою Новикъ, сполна поступаетъ въ пользованіе непріятеля, который насыпаетъ тогда на немъ свои батареи, гдѣ только найдетъ удобнымъ, и почти безнаказанно дѣйствуетъ противъ Галдобинскихъ и Эгершельдовскихъ укрѣпленій. При такихъ условіяхъ, Владивостокъ, отрѣзанный на Суйфунѣ отъ своихъ материковыхъ сообщеній съ Россіей, въ состояніи будетъ продержаться лишь до тѣхъ поръ, пока хватитъ запасовъ для его гарнизона. Вотъ почему смѣю думать, что мы тогда только можемъ считать Владивостокъ достаточно крѣпкимъ, когда въ систему его обороны будетъ введенъ Русскій островъ, который собственно и составляетъ ключъ къ овладѣнію этимъ портомъ съ моря. И въ самомъ дѣлѣ, даже трудно представить себѣ, зачѣмъ бы это непріятель пошелъ непремѣнно пробиваться въ Золотой Рогъ, подъ перекрестнымъ огнемъ батарей Галдобина и Эгершельда, рискуя притомъ пойти ко дну на первомъ же изъ трехъ минныхъ загражденій, когда его конечная цѣль гораздо удобнѣе и безопаснѣе достигается простою высадкою на Русскій островъ. Но если непріятель только будетъ знать, что у насъ существуетъ въ этомъ пунктѣ достаточно сильное укрѣпленіе, то уже всякія попытки къ овладѣнію Русскимъ островомъ и Новикомъ будутъ для него немыслимы безъ штурма. А штурмъ отдѣльнаго форта на высотѣ въ 810 футъ, при условіяхъ данной мѣстности, даже и для многотысячнаго дессантнаго отряда представлялъ бы тактическій nonsens.

Постройка и соотвѣтственное вооруженіе подобнаго форта, конечно, потребуютъ новыхъ издержекъ и нѣкотораго усиленія мѣстнаго гарнизона. Но нѣтъ никакой надобности придавать владивостокскимъ укрѣпленіямъ долговременный крѣпостной характеръ, употребляя на ихъ внутреннія сооруженія кирпичъ и камень. Родъ постройки, избранный для нихъ въ настоящее время, вполнѣ можетъ удовлетворить условіямъ долговременной обороны, — не надо только, разъ построивши, считать это дѣло совсѣмъ поконченнымъ, дабы чрезъ то не доводить батареи до запущенія, въ какомъ онѣ были найдены контръ-адмираломъ Асланбеговымъ въ іюлѣ 1880 г., чрезъ два года послѣ ихъ сооруженія. Во Владивостокѣ есть теперь саперная команда и готовыя рабочія руки въ линейномъ баталіонѣ и сибирскомъ флотскомъ экипажѣ, — стало быть, есть и полная возможность постоянно поддерживать укрѣпленія въ надлежаще исправномъ видѣ.

Года два-три тому назадъ былъ поднятъ вопросъ о перенесеніи военнаго порта изъ Владивостока въ какое-либо иное мѣсто, хотя бы даже въ непопулярную Ольгу, лишь бы средства его обороны обошлись казнѣ дешевле. Но, увы!—куда бы ни перенесли мы военный портъ, а Владивостокъ, въ случаѣ войны, защищать все-таки придется, или иначе—это будетъ такая непоправимая, роковая ошибка, за которую Россія поплатится всею своею будущностью въ водахъ Восточнаго океана.

Если мы оставимъ Владивостокъ вовсе безъ обороны, то непріятель тотчасъ же займетъ его, и это несомнѣнно будетъ первое, что̀ поспѣшитъ онъ сдѣлать. Для непріятеля обладаніе Владивостокомъ является вопросомъ первостепенной важности по слѣдующимъ причинамъ:

1) Владивостокъ въ настоящемъ составляетъ естественный центръ экономическаго тяготѣнія для всего южно-Уссурійскаго края, а въ будущемъ—пожалуй, чуть не для всей восточной Сибири.

2) Обладаніе Владивостокомъ отдаетъ въ руки непріятеля двѣ превосходныя, первоклассныя бухты — Но́викъ и Золотой Рогъ, въ которыхъ могутъ свободно укрыться суда многочисленнѣйшаго флота.

3) Овладѣвая Владивостокомъ, непріятель въ то же время овладѣваетъ и всѣмъ полуостровомъ Муравьевъ-Амурскій, а стало быть и устьями Суйфуна.

4) Владѣя нижнимъ Суйфуномъ, онъ легко распространяетъ свое вліяніе и на Ханкайскій округъ, житницу всего этого края, что̀ въ особенности важно на время военныхъ дѣйствій.

5) Обладаніе Золотымъ Рогомъ и Новикомъ ставитъ его флотъ въ счастливѣйшее стратегическое положеніе въ самомъ центрѣ залива Петра Великаго, откуда онъ удобно можетъ высылать свои суда во всѣ стороны—на-перерѣзъ пути нашимъ крейсерамъ и для прегражденія имъ выходовъ въ Восточный океанъ чрезъ Сунгарскій и Лаперузовъ проливы. Стало быть, наши суда, хотя бы и съ портомъ въ Ольгѣ, все-таки, въ сущности, окажутся запертыми въ тѣсныхъ предѣлахъ Японскаго моря.

Такимъ образомъ, то, что́ для насъ, въ настоящемъ положеніи дѣла, при неукрѣпленности Русскаго острова, является источникомъ стратегической (въ оборонительномъ смыслѣ) слабости Владивостока— т. е. географическое положеніе его относительно материка,—для непріятеля, напротивъ, будетъ источникомъ его силы, и разъ онъ безнаказанно овладѣетъ этимъ пунктомъ, то, въ случаѣ неудачнаго для насъ исхода войны, конечно, никогда уже не выпуститъ его изъ своихъ рукъ, и этимъ надолго, если не навсегда, уничтожитъ все наше значеніе, всю нашу политическую и промышленную будущность на крайнемъ Востокѣ и въ водахъ Тихаго океана!..

Е. Ларіоновъ.





ИСТОРІЯ „МѢДНАГО ВСАДНИКА".

Августа 7-го нынѣшняго 1882 года исполнится столѣтіе со дня открытія памятника Петру Великому на берегу Невы, между адмиралтействомъ и сенатомъ, въ оградѣ нынѣшняго Александровскаго сада, на мѣстѣ, составлявшемъ прежде Петровскую площадь. Въ виду этого, благовременно будетъ вспомнить исторію этого сооруженія, наглядно, въ мощной фигурѣ опоэтизированнаго Пушкинымъ „мѣднаго всадника", увѣковѣчившаго образъ безсмертнаго творца Петербурга и преобразователя Россіи. Исторія эта не лишена занимательности и далеко не многимъ хорошо знакома.

Обращаясь къ этой исторіи, весьма важно и интересно рѣшить прежде всего вопросъ: когда именно возникла мысль воздвигнуть памятникъ Петру Великому?—Въ XVII томѣ „Сборника Императорскаго Историческаго Общества", посвященномъ перепискѣ императрицы Екатерины II съ скульпторомъ Фальконетомъ, г. А. Половцевъ, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что „намѣреніе воздвигнуть памятникъ Петру Великому изъявлено было впервые императрицею Елизаветою Петровною, въ самомъ началѣ ея царствованія".

Мы имѣемъ основаніе утверждать, что это указаніе несовсѣмъ вѣрно. „Впервые" возникло „намѣреніе" воздвигнуть такой памятникъ еще при жизни самого Петра и раздѣлялось всѣми окружавшими его „птенцами", а отчасти и имъ самимъ. На это имѣются фактическія доказательства. Петръ, несмотря на отличавшую его въ данныхъ случаяхъ скромность, повидимому, весьма интересовался идеей своего образнаго увѣковѣченія въ потомствѣ и придумывалъ разныя аллегорическія для этого формы, во вкусѣ царившаго тогда въ искусствѣ псевдо-классицизма. Голиковъ описываетъ одну его „своеручную" печать, употреблявшуюся для частной переписки, на

которой Петръ изобразилъ самого себя въ такой чисто монументальной концепціи. Стоитъ онъ на колѣняхъ съ молотомъ и долотомъ въ рукахъ, въ качествѣ скульптора, передъ мраморной статуей Россіи, которую онъ обдѣлываетъ. Статуя воспроизведена начисто только до колѣнъ; надъ нею парящее „божество", способствующее творческому дѣлу царственнаго ваятеля; по сторонамъ изображены флотъ и архитектура, внизу—подъ щитомъ военныя орудія, все это—какъ дѣло рукъ Петровыхъ... „Мысль, достойная зиждителя Россіи!"—сочувственно замѣчаетъ историкъ, описавъ эту печать.

Но кромѣ такихъ косвенныхъ указаній, свидѣтельствующихъ о существованіи въ головѣ Петра идеи сооруженія себѣ монумента, есть на то и прямыя, достовѣрныя доказательства. Мало того, мы полагаемъ, что у самой Елизаветы Петровны мысль эта явилась не по ея личной инціативѣ, какъ думаетъ г. Половцевъ, а только возобновлена ею и приведена въ исполненіе, „въ воспоминаніе о достославномъ своемъ родителѣ" и въ осуществленіе его завѣтнаго желанія. Есть даже вѣроятіе, что Елизавета Петровна просто хотѣла закончить уже начатое при Петрѣ, но потомъ, послѣ его смерти, заброшенное дѣло воздвиженія ему памятника, для чего имѣлись готовые проекты, планы и модели, составленные еще въ 1724 г.

Предположеніе наше мы основываемъ, между прочимъ, на слѣдующихъ фактическихъ указаніяхъ достовѣрнаго Берхгольца.

Въ „Дневникѣ" его, подъ 23-мъ апрѣля за 1723 годъ, говорится, между прочимъ, о первомъ визитѣ, сдѣланномъ въ Петербургѣ герцогу голштинскому извѣстнымъ архитекторомъ, графомъ Растрелли. „Растрелли—говоритъ Берхгольцъ—пріѣхалъ отчасти, чтобъ представиться герцогу, а отчасти, чтобъ попросить его пожаловать когда нибудь къ нему и взглянуть на модели бронзовыхъ статуй, которыя онъ долженъ сдѣлать для его величества (т. е. для Петра) въ большомъ видѣ и изъ которыхъ одна будетъ въ 40 футовъ вышиною. Одна будетъ изображать императора пѣшаго, другая на конѣ; первую предположено поставить на Васильевскомъ островѣ, а послѣднюю на лугу, противъ дома его высочества. Государь, говорятъ, былъ недавно у графа и остался очень доволенъ моделями".

Спустя почти годъ, подъ 8-мъ февраля 1724 года, авторъ „Дневника" снова вспоминаетъ о работахъ графа Растрелли по сооруженію памятниковъ Петру. Говоритъ онъ, со слуховъ, что вышепомянутыя двѣ статуи императора предположено сдѣлать „больше статуи Людовика XIV въ Парижѣ" и что, „по окончаніи ихъ, Растрелли сдѣлаетъ еще большую колонну, на которой будутъ изображены всѣ побѣды императора". При этомъ Берхгольцъ упоминаетъ, что въ ту минуту Растрелли „надѣялся кончить конную статую Петра еще до возвращенія его величества изъ Москвы" (куда дворъ ѣздилъ на коронацію Екатерины).

Около этого же времени Растрелли подарилъ герцогу бюстъ императора своей работы, „сдѣланный изъ особеннаго рода гипса и окрашенный металлическою краскою“. 29-го февраля герцогъ поручилъ Берхгольцу, въ благодарность за поднесеніе бюста, свезти Растрелли въ подарокъ 100 рублей. При этомъ, Берхгольцъ удостовѣряетъ уже, какъ очевидецъ, о существованіи моделей памятника Петру. Указаніе это особенно для насъ цѣнно.

„Графъ показывалъ мнѣ,—разсказываетъ онъ,—три модели, именно: конной статуи императора, которая будетъ имѣть 54 фута вышины, пѣшей статуи императора, вышина которой предполагается въ 64 фута, и колонны, на которой будутъ обозначены всѣ побѣды его величества. Всѣ эти три вещи предположено вылить изъ металла. Обѣ первыя модели въ особенности очень хороши“.

По какой-то странной, но не единственной въ своемъ родѣ, случайности, въ отечественныхъ историческихъ матеріалахъ не сохранилось, кажется, никакихъ свѣдѣній объ этихъ проектахъ и моделяхъ памятника Петру Великому, ему современныхъ, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить, напр., указанный нами пробѣлъ въ статьѣ г. Половцева. Цитированныя здѣсь выдержки изъ „Дневника“ добросовѣстнаго Берхгольца, полагаемъ, не могутъ оставлять никакого больше сомнѣнія въ томъ, что мысль означеннаго памятника явилась впервые гораздо раньше дней Елизаветы Петровны. Спрашивается, однако, какую участь испытали, послѣ кончины Петра Великаго, задуманные имъ и, по его мысли, выполненные, какъ мы видѣли, проекты и модели описанныхъ монументовъ? Фактическихъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ, но, сообразуясь съ историческими обстоятельствами того времени, можно, кажется, довольно близко намѣтить судьбу, постигшую это дѣло, путемъ гипотетическимъ.

Какъ извѣстно, уже у гроба Петра Великаго начались та борьба эгоизмовъ вельможныхъ людей, та сумятица и игра случайностей, которыя отличаютъ весь періодъ нашей исторіи со смерти великаго государя до дней Елизаветы Петровны. Интересы государственные заглушаются интересами личными временщиковъ и придворныхъ интригановъ. Каждый, власть имѣющій, думаетъ только о себѣ, о сохраненіи за собой и пріумноженіи этой власти, съ цѣлями своекорыстными. Великое дѣло Петра не находитъ себѣ достойныхъ дѣлателей и останавливается въ своемъ развитіи, если не совсѣмъ забрасывается. Тѣмъ скорѣе, разумѣется, должна была предаться забвенію и мысль о сооруженіи памятника творцу обновленной Россіи. Не до ней было этой толпѣ безпрерывно смѣнявшихъ другъ друга корыстолюбцевъ и честолюбцевъ. Кромѣ того, съ воцареніемъ Петра II, а потомъ — представителей старшей линіи династіи Анны Ивановны и Іоанна III, идея такого памятника могла игнорироваться уже съ завѣдомымъ, преднамѣреннымъ умысломъ: при Петрѣ II—потому, что

въ силу вошло все, недовольное преобразователемъ Россіи, а въ особенности его кровавыми счетами съ сыномъ, несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ; при Аннѣ Ивановнѣ—потому, что возникло соперничество между представителями двухъ линій династіи, вслѣдствіе котораго Аннѣ Ивановнѣ не могла быть по сердцу мысль почтить память дяди торжественнымъ актомъ.

И вотъ, по причинѣ этихъ обстоятельствъ, все, что было сдѣлано графомъ Растрелли по изготовленію вышеописанныхъ монументовъ, оставлено въ забросѣ. Самъ онъ,—вѣроятно, подчиняясь настроеніямъ минуты,—ничего не дѣлаетъ для осуществленія продуктовъ своего художественнаго творчества. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до воцаренія Елизаветы Петровны, которая возстановляетъ его изъ-подъ-спуда и даетъ ему движеніе, потому что ей дорога память отца и потому что освѣжить эту память въ умахъ общества и народа было политически-выгодно для нея.

22-го іюля 1743 года, императрица указала „архитектору и скульптору графу Дерастрелію по апробованнымъ отъ ея императорскаго величества моделямъ государя императора Петра Великаго два портрета мѣдные сдѣлать". Нѣтъ почти сомнѣнія, что это были тѣ самыя (можетъ быть, только измѣненныя) модели, которыя Растрелли изготовилъ еще при жизни Петра, какъ свидѣтельствуетъ Берхгольцъ. Вѣроятно, самъ ваятель, имѣя уже эти модели, и естественно, желая дать надлежащій ходъ своимъ произведеніямъ, предложилъ сдѣлать означенные „мѣдные портреты" Петра, пользуясь благопріятной для того минутой съ воцареніемъ Елизаветы Петровны. Однако-жъ, Растрелли не удалось увидѣть осуществленіе своей идеи. Въ 1744 г. онъ умеръ и порученное ему дѣло было возложено на служившаго при немъ помощникомъ „штукатурнаго дѣла" мастера, итальянца Мартелія, или Мартелли, который „сказкою въ канцеляріи строеній о себѣ показалъ, что имѣетъ искусство дѣлать отличные изъ серебра и мѣди портреты и прочія мастерства знаетъ".

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ дѣло съ памятникомъ подвигалось медленно; Мартелли только въ 1761 г. доносилъ, что „каменный портретъ" имъ отлитъ [1]), и при этомъ просилъ 400 руб. на починку грозившаго развалиться сарая, въ которомъ помѣщалась статуя. Елизавета Петровна скончалась, не дождавшись желаннаго памятника „достославному родителю". Мысль о немъ снова возникаетъ въ первые годы царствованія Екатерины II.

Изготовленный Мартелли памятникъ былъ близокъ къ окончанію, и для этого „штукарнаго дѣла" мастеръ требовалъ денегъ; но сенатъ возбудилъ вопросъ: „означенная статуя будетъ-ли ея император-

---

[1]) И. Бакмейстеръ, въ своемъ „Историческомъ извѣстіи о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Великаго" (1786 г.), свидѣтельствуетъ, что означенный „образъ" Петра „былъ уже изваянъ изъ мѣди" въ 1747 г.

скимъ величествомъ апробована и такова-ли она, чтобъ угодно было е. и. величеству повелѣть, по прожекту Мартелія, оную совсѣмъ окончить?"

Справились съ „прожектомъ", осмотрѣли статую и — апробаціи не послѣдовало. Екатерина нашла, что памятникъ сдѣланъ „не такимъ искусствомъ, каково-бы должно представить толь великаго монарха и служить ко украшенію столичнаго города С.-Петербурга". Вслѣдствіе такого рѣшенія, „прожектъ" Мартелли оставленъ безъ исполненія, а отлитая имъ статуя Петра (вѣроятно, по модели Растрелли) была заброшена и сорокъ почти лѣтъ пролежала въ забвеніи. Георги, въ своемъ извѣстномъ описаніи Петербурга, свидѣтельствуетъ, что въ девяностыхъ годахъ статуя эта находилась въ особомъ деревянномъ сараѣ на берегу Невы, близъ Воскресенскаго моста. Это — та самая статуя, дѣйствительно не блестящая изяществомъ и скорѣе странная, чѣмъ величественная, которая красуется въ настоящее время передъ Инженернымъ замкомъ. Здѣсь она поставлена была императоромъ Павломъ въ 1800 году.

Предъявивъ такія высокія требованія по отношенію къ мысли памятника Петру Великому, Екатерина, конечно, не могла найти тогда достаточно искусныхъ ея исполнителей въ Россіи, только что еще начавшей учиться у Европы наукамъ и искусствамъ. Разсадница послѣднихъ—россійская академія художествъ только что была основана, и хотя имѣлись уже у насъ свои художники, но соперничать съ европейскими знаменитостями они, разумѣется, не могли. Поэтому, когда Екатерина поручила Бецкому, тогдашнему президенту академіи художествъ, найти художника, способнаго создать памятникъ, достойный славы великаго Петра, то онъ не сталъ и пытаться искать такого исполнителя у себя дома, среди отечественныхъ художниковъ, а прямо вошелъ, чрезъ нашего посланника въ Парижѣ, князя Дмитрія Алексѣевича Голицына, въ сношенія съ славившимися тогда французскими художниками.

Результатомъ этихъ сношеній, содѣйствовавшихъ выработкѣ должнаго взгляда на предметъ, явилась записка, составленная и прочитанная Бецкимъ въ сенатѣ, въ которой, между прочимъ, предъявлялись ваятелю такія требованія: 1) что Россія есть наибольшее въ свѣтѣ государство; 2) что Петръ I болѣе другихъ государей трудился на пользу своего народа; 3) что памятникъ воздвигнуть государынею, слѣдующею по стопамъ его; 4) что загробная похвала чужда лести, и т. д. Сенатъ принялъ эти, отдающія риторическимъ канцеляризмомъ, задачи „съ великимъ уваженіемъ"... Здѣсь будетъ кстати замѣтить, какъ это увидимъ впослѣдствіи, что выборъ организатора и руководителя этого дѣла, въ лицѣ Бецкаго, былъ сдѣланъ крайне неудачно, и это знала сама Екатерина, но, по многимъ щекотливымъ причинамъ, была поставлена въ невозможность обойти Бецкаго, какъ главу и представителя вѣдомства художествъ въ Россіи. Иванъ Ивановичъ

Бецкій — „человѣкъ нѣмецкій“, какъ онъ названъ въ одной современной эпиграммѣ, былъ личностью безъ иниціативы, безъ вкуса, безъ дарованій, съ весьма недальнимъ умомъ, но зато съ огромнымъ самолюбіемъ и съ напыщенными претензіями на власть и вліяніе въ въ сферахъ придворной и правительственной. „Нѣмецкаго“, т. е. педантическаго и буквоѣднаго, чѣмъ отличается типъ нѣмецкаго гелертера, въ немъ, дѣйствительно, было очень много, и этой-то антипатичной стороной своей личности онъ главнымъ образомъ и заявлялъ



Памятникъ Петру I у Инженернаго замка въ С.-Петербургѣ.

себя, нерѣдко самымъ комическимъ манеромъ, въ дѣлѣ руководительства по сооруженію памятника Петру, не столько способствуя, сколько мѣшая должному его исполненію.

Къ счастію, ближайшее пріисканіе художника на мѣстѣ для осуществленія мысли Екатерины попало въ умѣлыя и искусныя руки. Оно было поручено, какъ мы уже знаемъ, нашему тогдашнему парижскому посланнику, князю Голицыну—человѣку высоко образованному, находившемуся въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ литературно-артистическимъ міромъ Парижа. Князь очень близко, какъ

истый патріотъ, принялъ къ сердцу порученную ему миссію и употребилъ все свое вліяніе при французскомъ дворѣ, утилизировалъ всѣ свои связи, чтобы найти достойнѣйшаго и искуснѣйшаго исполнителя предположеннаго памятника. Такой вскорѣ нашелся въ лицѣ скульптора Фальконета, на которомъ остановился выборъ князя Голицына, благодаря, главнымъ образомъ, совѣтамъ и участію Дидеро. Князь, при этомъ выборѣ, принималъ въ соображеніе не только эстетическія требованія, но и экономическія, что̀ особенно удивительно въ русскомъ вельможѣ „златаго вѣка", отличавшагося такою беззаботностью относительно финансовой ариѳметики. Расхваливъ талантъ и нравственныя качества Фальконета въ письмѣ къ Н. И. Панину, Голицынъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что въ то время, какъ „самое скромное требованіе" другихъ художниковъ, соглашавшихся взять на себя сооруженіе памятника, „простиралось до 450 тысячъ ливровъ", Фальконетъ назначилъ себѣ гонораръ всего лишь въ 200 тысячъ, и — это послѣ того, какъ самъ князь „счелъ себя вправѣ предложить ему 300 тысячъ" и очень долго настаивалъ на этой цифрѣ. Словомъ, лучшаго выбора во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлать было невозможно.

Этьенъ-Морисъ Фальконетъ родился въ 1716 г., отъ бѣдныхъ и незнатныхъ родителей, давшихъ ему въ юности самое ограниченное, элементарное образованіе. Онъ умѣлъ лишь читать и писать, когда поступилъ подмастерьемъ къ рѣзчику, занимавшемуся преимущественно выдѣлкою болвановъ для париковъ. Тѣмъ не менѣе, уже и тогда художественное призваніе въ немъ сказалось: онъ, еще мальчикомъ, покупалъ рисунки и старался копировать ихъ рѣзцомъ. На семнадцатомъ году онъ явился къ извѣстному тогда скульптору Лемуану и просилъ взять его къ себѣ въ ученье. Юноша понравился Лемуану и достигъ цѣли. Вскорѣ изъ ученика Лемуана образовался замѣчательный и плодовитый скульпторъ, удостоенный въ 1745 г., за модель Милона Кротонскаго, терзаемаго львами, почетнаго званія члена, а вслѣдъ затѣмъ профессора королевской академіи живописи и скульптуры. Съ этого времени Фальконетъ пріобрѣтаетъ громкую извѣстность во Франціи, и ему, какъ модному скульптору, со всѣхъ сторонъ предлагаютъ заказы, начиная съ знаменитой маркизы Помпадуръ. Въ моментъ переговоровъ съ кн. Голицынымъ, въ 1765 г., Фальконетъ работалъ надъ двумя большими статуями, по заказу герцога виртембергскаго, — одну славы государей, другую пышности государей. Покончивъ со скульпторомъ на счетъ его поѣздки въ Россію, князь уговорилъ герцога уступить обѣ эти статуи императрицѣ Екатеринѣ.

10-го сентября 1766 г. Фальконетъ выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ, въ сопровожденіи своей талантливой ученицы, восемнадцатилѣтней дѣвицы Колло. Ѣхалъ онъ на такихъ условіяхъ, одобренныхъ Екатериной: вознагражденіе онъ получаетъ ежегодно по 25 ты-

сячъ франковъ втеченіе восьми лѣтъ; если работа продлится менѣе этого срока, то все-таки ему уплачиваются сполна 200 т., а если долѣе, то Фальконетъ „предоставляетъ рѣшеніе участи своей великодушію ея величества“; кромѣ того, на путешествіе въ Россію ему дается карета и 12.000 фр., такая же сумма будетъ отпущена ему и на отъѣздъ изъ Россіи; съ нимъ ѣдутъ трое мастеровыхъ, съ жалованьемъ отъ русскаго правительства въ 5—6 тысячъ фр. каждому; ему отводится чистая и удобная квартира съ скромнымъ и здоровымъ столомъ на нѣсколько персонъ; ему предоставляется для ежедневныхъ разъѣздовъ казенная карета; наконецъ, приказанія Фальконетъ долженъ получать только отъ государыни, непосредственно или чрезъ министра. Рекомендуя Фальконета вице-канцлеру, князь Голицынъ просилъ, помимо соблюденія заключенныхъ съ нимъ условій, оказать всяческія милости „сему честному и почтенному человѣку, истинно честью и сентиментами преисполненному старику, и мало примѣровъ столь великаго безкорыстія, какъ его“.

Желаніе и ходатайство Голицына въ этомъ случаѣ были предупреждены самою императрицей, которая заранѣе, по отзывамъ своихъ заграничныхъ корреспондентовъ, Гримма, Дидеро и др., составила о Фальконетѣ самое выгодное понятіе, какъ о такомъ человѣкѣ, „которому нѣтъ подобнаго“, по ея выраженію, у котораго, если есть соперники, „ровные по таланту, то смѣло можно сказать, никто изъ нихъ не можетъ сравниться съ нимъ въ чувствахъ“. На этомъ основаніи, Фальконетъ встрѣтилъ на первыхъ порахъ въ Петербургѣ самое радушное гостепріимство и самое лестное вниманіе со стороны Екатерины, которая, находясь въ отсутствіи изъ столицы въ моментъ пріѣзда туда Фальконета, поспѣшила прислать ему „изъ уголка Азіи“ весьма любезное собственноручное письмо... Скромный скульпторъ былъ очарованъ. „Давно уже—пишетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ на первое письмо императрицы—я сильно расположенъ къ нѣкоторому безумію. Милости, коими ваше величество удостоиваете меня, положительнымъ образомъ доказали этотъ бредъ и сдѣлали его неизлечимымъ“. Съ этого времени завязывается между ними весьма оживленная переписка, которая продолжается и по возвращеніи императрицы въ Петербургъ. Она прекращается въ 1778 г. съ отъѣздомъ Фальконета; но еще задолго до этого времени, благодаря интригамъ недоброжелателей художника, а главнѣе всего Бецкаго, переписка эта утрачиваетъ интимно-дружескій характеръ, и Екатерина, охлажденная къ Фальконету, все рѣже и рѣже удостоиваетъ его своими письмами, которыя въ то же время становятся все кратче и суше. Художникъ, „сентиментами преисполненный“, какъ его аттестовалъ князь Голицынъ, былъ жестоко уязвленъ этимъ охлажденіемъ къ нему императрицы, а въ особенности тѣмъ, что онъ, даже при отъѣздѣ своемъ, былъ лишенъ чести представиться ей и показать лично свое законченное произведеніе. Это былъ весьма чувствительный ударъ для

него, послѣ того какъ онъ, по его сознанію, вложилъ въ это произведеніе всѣ свои творческія силы и гордился не перспективой славы въ потомствѣ, а одобреніемъ лишь Екатерины и голосомъ своей совѣсти.

Упомянутая переписка, касающаяся весьма многихъ стороннихъ предметовъ, хорошо знакомитъ насъ также съ обстоятельствами и условіями, при которыхъ постепенно развивалась идея задуманнаго памятника и совершалась процедура ея выполненія.

Фальконетъ смотрѣлъ на свою задачу широко и, можно сказать, благоговѣйно, какъ на великое художественное произведеніе, которое должно стать достойнымъ величия самого сюжета. До этого въ особенной славѣ была сдѣланная имъ группа Благовѣщенія для парижской церкви св. Рока. На упоминаніе объ этой группѣ въ письмѣ Екатерины, Фальконетъ пишетъ: „Работа моя въ церкви св. Рока— пустяки въ сравненіи съ статуею Петра Великаго...". „Есть такія дѣянія, которыя совершаются лишь для потомства. Петръ I не нравился окружавшимъ его современникамъ, но великій человѣкъ видѣлъ тѣхъ, кои не существовали еще и благословляли его. Философу, уводящему слѣпцовъ съ путей безсмыслія, приходится терпѣть палочные удары, но потомство возблагодаритъ его. Немудрено, что ваше величество восторгаетесь этими добродѣтелями, онѣ—ваши. Но большій или меньшій успѣхъ статуи мало интересуетъ человѣчество. Она всегда памятникъ изображаемаго героя..."

Во взглядахъ на идею памятника Петра Екатерина совершенно сходилась съ Фальконетомъ, и потому-то онъ такъ высоко ставитъ ея мнѣніе въ этомъ вопросѣ, несмотря на ея сознаніе въ письмѣ къ нему, что мнѣніе ея—„ничтожное", что она „не умѣетъ рисовать", что „всякій ученикъ болѣе ея имѣетъ понятія въ скульптурномъ искусствѣ" и что статуя Фальконета „можетъ быть, будетъ первой хорошей статуей, которую она увидитъ въ своей жизни...".

Эта изящная скромность, не всегда вполнѣ искренняя, которою Екатерина часто кокетничала, если можно такъ выразиться, въ своей интимной перепискѣ съ европейскими знаменитостями, не мѣшаетъ ей, однако, весьма тщательно, съ большимъ умомъ и тактомъ, выспросить Фальконета со всѣхъ сторонъ относительно возложенной на него важной задачи, провѣрить его способности къ тому и убѣдиться, что выборъ, въ его лицѣ, сдѣланъ былъ въ данномъ случаѣ безошибочно. Этотъ неощутительный, тонкій и деликатный опросъ сквозитъ во всѣхъ письмахъ Екатерины, особенно въ началѣ ея переписки съ Фальконетомъ. Но, разъ убѣдившись въ талантѣ художника и въ томъ, что онъ обладаетъ всѣми способностями наилучше осуществить идею памятника, Екатерина совершенно ему ввѣряется въ этомъ дѣлѣ и постоянно высказывается въ пользу его плановъ и предположеній въ тѣхъ случаяхъ, когда они оспариваются Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ и ему подобными вельможными Мидасами.

Когда Бецкій, съ компетентностью истаго Мидаса, вздумалъ требовать отъ Фальконета, чтобы онъ подражалъ древней статуѣ Марка Аврелія въ Buen retiro, чѣмъ уязвилъ его самолюбіе, то, на жалобу объ этомъ художника, Екатерина ему отвѣчала: „Послушайте, киньте и статую bon retiro, и статую Марка Аврелія, и плохія разсужденія людей, несмыслящихъ никакого толку; идите своею дорогой, вы сдѣлаете во сто разъ лучше, слушаясь своего упрямства (я ему не придаю никакого дурнаго смысла), чѣмъ обращая слишкомъ много вниманія на неумѣстныя разсужденія".—Хотя жалобы на эти „неумѣстныя разсужденія" впослѣдствіи стали нѣсколько докучать Екатеринѣ, но она не перестаетъ становиться на сторону Фальконета, защищаетъ его отъ притязательнаго и недоброжелательнаго давленія знатныхъ невѣждъ и многократно убѣждаетъ его „презирать болтуновъ, будь между ними и почтенные люди...".



Памятникъ Петру I на Сенатской площади въ С.-Петербургѣ.

Въ исторіи сооруженія „мѣднаго всадника" царственное покровительство Екатерины его творцу играетъ весьма важную роль: не будь этого покровительства и этой полной, основанной на чуткомъ пониманіи дѣла, солидарности съ Фальконетомъ, мы получили бы весьма курьезный монументъ Петру, или—вѣрнѣе—не получили бы никакого, потому что гордый Фальконетъ не сталъ бы подчиняться нелѣпымъ требованіямъ Ивана Ивановича и, бросивъ все, уѣхалъ бы изъ Россіи. Да онъ и грозилъ сдѣлать это въ одну изъ горькихъ минутъ, когда Иванъ Ивановичъ довелъ его своими вздорными претензіями и притѣсненіями до отчаянья.

Злостное мелкодушіе Бецкаго простерлось до такого, напримѣръ, остроумнаго фортеля. Въ 1771 г., лѣтомъ, когда уже модель для памятника была совершенно готова и стояла въ мастерской Фальконета, вдругъ, въ одно прекрасное утро, художникъ слышитъ, что рядомъ съ мастерской, извнѣ, происходитъ какой-то потрясающій шумъ. Что-жъ оказалось? По приказанію Бецкаго, пришли рабочіе, стали „рыть фундаментъ и вбивать сваи" для какой-то постройки: „забава,—жалуется на это Фальконетъ императрицѣ, — долженствовавшая все перековеркать, вслѣдствіе потрясенія, производимаго вбиваніемъ свай и дурнымъ качествомъ грунта въ этомъ мѣста...". „Вотъ тревоги, выходящія изъ предѣловъ шутки, и я,—продолжалъ онъ,— не знаю звѣря смирнаго въ такой степени, чтобы не встревожиться, не смутиться, особливо, когда онъ знаетъ, что высочайшая воля рѣшительно противоположна". (Дѣло въ томъ, что за день до этого государыня извѣщала Фальконета о данномъ ею Бецкому приказаніи „не безпокоить" художника „своими новыми постройками", и, слѣдовательно, Бецкій дѣйствовалъ вопреки высочайшаго повелѣнія).

Въ заключеніе своего письма, огорченный Фальконетъ, испрашивая у Екатерины „всемогущаго покровительства", говоритъ, что безъ этого ему „невозможно оставаться здѣсь ни мига, потому что человѣкъ этотъ (т. е. Бецкій) и его Мишель возбуждаютъ противъ меня вражду сколько могутъ."

Вражда Ивана Ивановича къ Фальконету имѣла много нехорошихъ, мелочныхъ источниковъ, но главнымъ изъ нихъ было—уязвленное самолюбіе претенціознаго барина, высоко мнившаго о своемъ вкусѣ и эстетической компетентности, а также о своемъ генеральствѣ, начальственныя указанія котораго и поправки къ сооружаемому памятнику вызывали со стороны гордаго художника постоянный досадливый отпоръ, какого они вполнѣ заслуживали по своей нелѣпости.

Мы уже говорили о вздорномъ требованіи Бецкаго, чтобы Фальконетъ въ своей работѣ рабски слѣдовалъ образцамъ древней скульптуры. Были требованія еще болѣе безсмысленныя. Такъ, Иванъ Ивановичъ настаивалъ, чтобы у статуи Петра одинъ глазъ былъ направленъ нà адмиралтейство, а другой — на двѣнадцать коллегій, какъ на его созданія... Можно представить себѣ, какъ это было бы натурально и красиво! Екатерина назвала блистательную идею Бецкаго „болѣе чѣмъ глупой," и очень много надъ ней смѣялась... Не умнѣе были доводы Бецкаго и противъ помѣщенія ползущей у ногъ коня статуи змѣи, такъ просто и художественно олицетворяющей эмблему зависти и злобы — неизбѣжныхъ спутниковъ великаго человѣка. Бецкій требовалъ совершеннаго ея уничтоженія, видя въ ней что-то ужасно нецензурное. Его мнѣніе раздѣляли отчасти и другіе, требуя сокращенія змѣи. Екатеринѣ она, по ея выраженію, „ни нравилась, ни не нравилась", но, въ концѣ концовъ, мудрая государыня совершенно склонилась на сторону доводовъ художника, и змѣя была по-

щажена. Фальконетъ доказалъ, что послѣдняя не только умѣстна, какъ общепонятная, ясная и простая аллегорія, но и необходима, въ задуманномъ размѣрѣ, для технической цѣли, представляя собою надежную опору для всей статуи, безъ чего послѣдняя была бы недолговѣчна. Наконецъ, когда уже былъ привезенъ камень для подножія статуи, Бецкій опять засвидѣтельствовалъ свое тупоуміе и безвкусіе, требуя, чтобы камень этотъ былъ сохраненъ въ его естественныхъ размѣрахъ (онъ очень дорожилъ его громадностью), безъ всякаго соотвѣтствія съ величиной статуи. Фальконетъ же, разумѣется, стоялъ за строгомъ соблюденіи такого соотвѣтствія и требовалъ сообразной тому обтески камня, безъ чего была-бы утеряна гармонія памятника, и Петръ представлялъ-бы собою нѣчто въ родѣ воробья на коровѣ... И здѣсь Екатеринѣ пришлось спасать великое художественное твореніе отъ вандализма своего президента академіи художествъ, который положительно портилъ существованіе Фальконету своими претенціозными глупостями и придирками. Немало горечи и раздраженія прибавили художнику также невѣжественныя мнѣнія, высказанныя и другими цѣнителями, когда модель статуи была открыта для публики весною въ 1770 г., и Екатеринѣ пришлось снова успокоивать его и утѣшать, рекомендуя не обращать вниманія на толки „глупцовъ“.

Всѣ эти нелѣпыя противодѣйствія Бецкаго и ему подобныхъ вліятельныхъ невѣждъ, ихъ недоброжелательство и непріязнь къ Фальконету, не могли, конечно, не оказать парализующаго вліянія и на успѣшное окончаніе памятника. Дѣло затягивалось, и вмѣсто предположенныхъ восьми лѣтъ для его завершенія, потребовалось—шестнадцать. Встрѣтились, къ тому-же, важныя препятствія чисто техническаго свойства.

Когда въ 1769 г. модель уже была готова для отливки, не оказалось на лицо достаточно знающаго и искуснаго въ этомъ дѣлѣ литейщика. Фальконетъ предложилъ было самъ взяться за отливку, но и тутъ Бецкій подгадилъ: онъ двѣ недѣли оставлялъ предложеніе художника безъ отвѣта и, оскорбивъ его такимъ пренебреженіемъ, далъ, наконецъ, отвѣтъ уклончивый, неясный, обличавшій незнаніе дѣла и обидное невниманіе. Фальконетъ умылъ было руки, тѣмъ болѣе, что сознавалъ всю трудность этой задачи, свою неподготовленность къ ней, и боялся неудачи. Только спустя четыре года, по убѣдительнымъ просьбамъ императрицы и вторившаго ей теперь Бецкаго, а также въ виду напрасныхъ поисковъ надежнаго литейщика, Фальконетъ согласился взяться за отливку статуи, послѣ основательной къ тому научно-технической подготовки.

Въ 1774 г. онъ нашелъ возможнымъ приступить къ дѣлу, удовольствовавшись 80.000 ливровъ гонорара собственно за отливку, и выговоривъ по 15.000 ливровъ двумъ своимъ помощникамъ. Передъ этимъ, выписанный изъ Парижа и оказавшійся неспособнымъ, литейщикъ Ерсманъ за ту же работу выговорилъ 140.000 ливровъ,—

доказательство безкорыстія Фальконета. На отливку потребовалось 1.351 пудъ мѣди и, сверхъ того, 250 пуд. желѣза на заднія ноги и хвостъ лошади для укрѣпленія и уравновѣшенія ея туловища; для той же цѣли соблюдена была различная степень толщины монумента— отъ трехъ линій въ верхнихъ частяхъ статуи до двѣнадцати линій въ хвостѣ и въ заднихъ ногахъ коня.

Отливка состоялась въ августѣ 1775 г., но неудачно, вслѣдствіе непредвидѣнной случайности. Во время переливанія расплавленнаго металла въ форму, одна изъ пяти трубокъ, по которымъ стекала масса, лопнула отъ чрезмѣрнаго жара, и — пылающая мѣдь вылилась наружу, потекла по мастерской и грозила произвести опустошительный пожаръ, если бы его не прекратилъ своимъ мужествомъ и находчивостью артиллерійскій литейщикъ Хайловъ.

Къ слову сказать, г. Половцевъ, кажется, ошибочно приписываетъ этотъ несчастный случай помощнику Фальконета, Помелю. Въ своемъ предисловіи къ перепискѣ Фальконета съ Екатериной, въ „Сборникѣ Историческаго Общества", г. Половцевъ говоритъ, что неудача въ отливкѣ произошла отъ того, что ночью, во время переливки массы въ форму, Помель, состоявшій на дежурствѣ, заснулъ и тѣмъ допустилъ рабочихъ развести чрезмѣрный огонь. Но Фальконетъ ничего не говоритъ объ этомъ въ своихъ письмахъ, касающихся этого факта. Бакмейстеръ, правда, упоминаетъ объ этомъ несвоевременномъ снѣ Помеля, имѣвшемъ дурныя послѣдствія для работы, но относитъ этотъ случай не къ моменту отливки статуи, а ко времени приготовленія глиняной формы для нея.

Когда, послѣ неудачи въ отливкѣ, вскрыли форму, то оказалось, что, вслѣдствіе разрыва трубки, остались не отлитыми голова всадника и верхняя часть коня. Пришлось ихъ отлить особо и потомъ припаять, на что потребовалось еще два года, опять-таки вслѣдствіе задержекъ и затрудненій, дѣлавшихся Бецкимъ. Наконецъ, лѣтомъ 1777 г. „мѣдный всадникъ" былъ окончательно отдѣланъ его творцомъ и стоялъ въ его мастерской въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы видимъ его и теперь. Миссія Фальконета была окончена, но для того, чтобъ возвратиться въ отечество, ему пришлось еще провозиться въ Петербургѣ цѣлый годъ съ затрудненіями и непріятностями при разсчетѣ, безъ которыхъ злопамятный Иванъ Ивановичъ не хотѣлъ его отпустить. Судя по послѣднему письму (1-го сентября 1778 г.) Фальконета къ императрицѣ, онъ уѣзжалъ изъ Петербурга съ тяжелымъ чувствомъ отъ всего, что̀ „заставили его претерпѣть" втеченіе пребыванія въ Россіи, и съ тревогой за дальнѣйшую судьбу своего произведенія. Бецкій постарался отравить послѣднія минуты пребыванія художника въ Петербургѣ, распространяя молву, что статую Петра необходимо и рѣшено перелить, потому что въ ней допущена спайка. Встревоженный Фальконетъ старается убѣдить государыню въ совершенной ненужности и опасности такой переливки, которая

могла бы погубить все дѣло. Опасенія его, къ счастью, не оправдались...

Прекрасная, по мысли и по исполненію, статуя Фальконета, столько восхищавшая знатоковъ искусства, была по достоинству оцѣнена и современными ему эстетиками. Вотъ что писалъ Фальконету извѣстный Дидро, увидѣвшій его работу въ бытность свою въ Петербургѣ (1774 г.):

„Истина природы сохранила всю чистоту свою (т. е. въ статуѣ Петра); но геній вашъ слилъ съ нею блескъ всеувеличивающей и изумляющей поэзіи. Конь вашъ не есть снимокъ съ красивѣйшаго изъ существующихъ коней, точно такъ же, какъ Аполлонъ Бельведерскій не есть повтореніе красивѣйшаго изъ людей: и тотъ и другой суть произведенія творца и художника. Онъ колоссаленъ, но легокъ; онъ мощенъ и граціозенъ; его голова полна ума и жизни. Сколько я могъ судить, онъ исполненъ съ необыкновенною наблюдательностью, но глубоко изученныя подробности не вредятъ общему впечатлѣнію; все сдѣлано широко. Ни напряженія, ни труда не чувствуешь,— подумаешь, что это работа одного дня"... „Герой сидитъ хорошо. Герой и конь сливаются въ прекраснаго кентавра, коего человѣческая, мыслящая часть, по своему спокойствію, составляетъ чудный контрастъ съ животною, взвивающеюся частью. Рука эта хорошо повелѣваетъ и покровительствуетъ; ликъ этотъ внушаетъ уваженіе и довѣріе; голова эта превосходнаго характера, она исполнена съ глубокимъ знаніемъ и возвышеннымъ чувствомъ; это — чудесная вещь"... „Трудъ этотъ, другъ мой, какъ истинно прекрасное произведеніе, отличается тѣмъ, что оно кажется прекраснымъ, когда его видишь въ первый разъ, а во второй, третій, четвертый разъ—представляется еще болѣе прекраснымъ, покидаешь его съ сожалѣніемъ и охотно къ нему возвращаешься".

Кстати будетъ сказать здѣсь, что такъ плѣнившая Дидро своимъ благородствомъ голова Петра была скомпонована и вылѣплена дѣвицей Колло, конечно, по указаніямъ и подъ руководствомъ Фальконета, за что она была удостоена званія академика петербургской академіи художествъ. Весьма интересна также подробность относительно того, какимъ образомъ Фальконетъ достигъ той красоты и той натуральности въ изображеніи своего коня, которыя и до сихъ поръ удивляютъ знатоковъ. Не довольствуясь своимъ художественнымъ опытомъ и знаніемъ анатоміи лошади, знаменитый скульпторъ „взялъ еще самую природу себѣ въ помощь", по выраженію одного современника. По его желанію, предъ нимъ ѣздили верхомъ на красивѣйшихъ лошадяхъ императорской конюшни, изъ коихъ онъ особенно отличилъ двухъ—хроника сохранила ихъ имена для потомства: „ле-Бриллiантъ" и „ле-Каприсіе". Фальконетъ наглядно изучалъ каждую ихъ позу, каждое движеніе, каждое измѣненіе ихъ мускуловъ. Наконецъ, и—этого мало: по его требованію, было насыпано крутое воз-

вышеніе, соотвѣтствующее предположенному пьедесталу скачущей статуи, и искусный берейторъ долженъ былъ въ разные дни то на томъ, то на другомъ конѣ въѣзжать на это возвышеніе не однажды, но многократно и даже по нѣскольку сотъ разъ вскачь... Эта скачка продолжалась до тѣхъ поръ, пока Фальконетъ не уловилъ должную аттитюду для своего мѣднаго коня, взвивающагося надъ обрывомъ.

Въ то время, какъ обработывалась статуя Петра, подготовлялся одновременно и колоссальный пьедесталъ для нея, выборъ матеріала для котораго и операція его перевозки и отдѣлки служили предметомъ многихъ обсужденій и заботъ. Мысль помѣщенія статуи на „нерукотворной“ скалѣ—„мысль новая, дерзновенная и много выражающая“, по замѣчанію Бакмейстера, мотивировалась, какъ говоритъ тотъ же авторъ, слѣдующими соображеніями:

„Избранное подножіе къ изваянному образу россійскаго ироя долженъ быть дикій и неудобовосходимый камень“, „самъ себѣ украшеніемъ служащій“ и напоминающій „о тогдашнемъ состояніи державы и о трудностяхъ, кои творецъ оной, при произведеніи великихъ своихъ намѣреній, преодолѣвать былъ долженъ“.

„Аллегорія“ эта прекрасно была моделирована Фальконетомъ, но возникъ вопросъ, какъ и изъ какого матеріала сдѣлать „неудобовосходимую“ скалу? Требовалась огромная масса, въ пять саженъ длины, въ двѣ сажени и полъ-аршина ширины и въ сажень и два аршина вышины. Найти такой монолитъ, а главное — перевезти его вначалѣ представлялось невѣроятнымъ, поэтому Фальконетъ предположилъ составить подножіе для статуи сперва изъ двѣнадцати, а потомъ изъ шестнадцати камней, связанныхъ желѣзомъ или мѣдью; но въ 1768 г. было признано возможнымъ сдѣлать подножіе изъ одного камня и тогда же былъ найденъ такой камень. Въ изданной, въ 1777 г., въ Парижѣ брошюрѣ — „Monument élevé à la gloire de Pierre le Grand“, графомъ Мариномъ Карбури Кефалонскимъ (le comte Marin Carburi de Ceffalonie), описывающимъ свои труды и подвиги по перевозкѣ скалы для памятника Петра, авторъ утверждаетъ, что мысль составить пьедесталъ изъ одного камня и нахожденіе послѣдняго ему принадлежатъ. Карбури, авантюристъ по профессіи, служилъ, подъ именемъ кавалера Ласкари, адъютантомъ при Бецкомъ и, дѣйствительно, взялъ на себя и блистательно выполнилъ трудную операцію перевозки знаменитой скалы съ Лахты въ Петербургъ; но точно-ли онъ первый додумался до этой смѣлой мысли, принятой Бецкимъ, по его увѣренію, за сумасбродную фантазію, — сказать теперь съ увѣренностью трудно. Судя по брошюрѣ кефалонскаго графа, онъ не чуждъ наклонности къ хвастовству и къ „краснымъ словечкамъ“ какъ о своей персонѣ, такъ и о величіи его петербургскихъ покровителей, „заставившихъ цвѣсти на берегахъ гиперборейскихъ законы Рима и искусства Аѳинъ...“

Достовѣрно, впрочемъ, что честь открытія самаго камня, послужившаго пьедесталомъ для „мѣднаго всадника", принадлежитъ казенному крестьянину с. Лахты, Семену Вешнякову, имени котораго, однако жъ, Карбури вовсе не упоминаетъ въ своей брошюрѣ. Вешняковъ, знавшій вѣроятно объ опубликованномъ академіей художествъ вызовѣ—найти и указать подходящій камень, донесъ, въ сентябрѣ 1768 г., о своей находкѣ по начальству, и Карбури немедленно поѣхалъ ее осматривать. Это оказалась такъ называвшаяся окрестными поселянами „Каменная гора" [1])—огромный, цѣльный гранитный параллелипипедъ, обросшій на два дюйма мохомъ, сорока двухъ футовъ



Камень-Громъ.

длины, двадцати семи—ширины и двадцати однаго—вышины. Лежалъ онъ въ шести верстахъ отъ Финскаго залива и въ двадцати верстахъ отъ столицы. По своей формѣ и по своимъ качествамъ, онъ вполнѣ отвѣчалъ предложеннымъ требованіямъ, но — какъ сдвинуть и перенести такую гору, вѣсившую до пяти милліоновъ фунтовъ или до 125.000 пуд.! Это казалось недостижимымъ даже въ мнѣніи людей знающихъ. Карбури, однако-жъ, смѣло взялся за эту задачу и—ему

[1]) Бакмейстеръ увѣряетъ, что скалу эту называли также „Камнемъ Громомъ", вслѣдствіе того, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ нее ударило грозой. По его же словамъ,' самъ Петръ, будто бы, „неоднократно взиралъ на оную (скалу) со вниманіемъ..."

дали всѣ средства для ея выполненія. Фальконетъ очень горячо отнесся къ этому дѣлу, помогалъ Карбури своими совѣтами и съ нетерпѣніемъ ждалъ осуществленія его проекта. По его указаніямъ, началась первоначальная обтеска камня на самомъ мѣстѣ его нахожденія. Такимъ образомъ, еще до перевозки съ него было сколото до двухъ милліоновъ фунтовъ. Фальконетъ требовалъ продолжать сколку, доколѣ камень приблизится къ размѣрамъ и формѣ, указаннымъ моделью памятника; но его не послушали, желая побольше удивить Европу необычайной перевозкой такой громады. Тогда у насъ было въ модѣ такое праздное, кичливое заискиванье аплодисментовъ у Европы, и Фальконетъ долженъ былъ этому покориться. Кажется, съ этой именно цѣлью была издана тогда и вышепомянутая брошюра Карбури, хотя и отъ его имени, но вѣроятно подъ диктовку изъ Петербурга и на русскія деньги...

Началась перевозка. Прежде всего была устроена надлежащаго качества, твердая дорога отъ камня къ морскому берегу, на которомъ соорудили соотвѣтствующую цѣли пристань. Въ мартѣ 1769 года, посредствомъ громадныхъ рычаговъ, камень былъ приподнятъ со своего ложа и опрокинутъ на деревянную площадку, поставленную на двухъ рядахъ окованныхъ желѣзомъ брусьевъ. Верхніе брусья были прикрѣплены къ площадкѣ, а нижніе, совпадавшіе съ верхними, подкладывались въ видѣ рельсовъ. И въ тѣхъ и въ другихъ были выдолблены жолобы, въ которые помѣщалось тридцать мѣдныхъ шаровъ, служившихъ какъ бы колесами,—на нихъ-то и катился камень. Къ этому остроумному способу пришли не сразу; первоначально пробовали везти камень на желѣзныхъ валахъ, въ 2 фута длины и десять дюймовъ поперечника, но опытъ этотъ оказался неудачнымъ. Тогда Ласкари придумалъ мѣдные шары и — дѣло пошло въ ходъ. Чтобы двигать этотъ громадный грузъ на ровномъ мѣстѣ, требовались усилія шестидесяти четырехъ человѣкъ, тянувшихъ канаты посредствомъ воротовъ; на мѣстѣ сколько нибудь покатомъ число рабочихъ удвоивалось и даже утроивалось. Для дружной и ровной тяги, на камнѣ все время стоялъ барабанщикъ и подавалъ сигналы и тактъ впряженнымъ въ лямку рабочимъ; тамъ же помѣщалась кузница для чинки и приготовленія нужныхъ для передвиженія орудій.

Работа была кропотливая и тяжелая. Камень подвигался медленно, по нѣскольку десятковъ саженъ въ день, и на перевозку его съ мѣста до пристани потребовалось болѣе четырехъ мѣсяцевъ (съ 15-го ноября по 27-е марта). За это время (20-го января 1770 года) пріѣзжали смотрѣть на работу императрица и великій князь, съ многочисленною свитою, и находившійся тогда въ Петербургѣ миніатюристъ Фанъ-Бларембергъ срисовалъ и сохранилъ для потомства картину этого посѣщенія.

По достиженіи пристани, камень съ большими затрудненіями былъ перемѣщенъ на огромный плотъ, помѣщенный между двухъ

судовъ, которыя должны были его буксировать. Перевозка водою—со взморья, Малой Невкой и потомъ Большой Невою,—заняла нѣсколько недѣль и затруднялась сильными противными вѣтрами, угрожавшими даже, по словамъ Карбури, гибелью всему дѣлу. Наконецъ, 22-го сентября, въ день коронаціи Екатерины, скала благополучно прошла мимо оконъ Зимняго дворца, а на другой день ее причалили къ берегу, на томъ мѣстѣ, гдѣ предположено было воздвигнуть памятникъ. 11-го октября Европа, въ лицѣ своего высокаго представителя, принца Генриха прусскаго, пріѣхавшаго тогда въ Россію, „изволила смотрѣть" и дивиться совершившемуся восьмому чуду, которое современный піитъ, одушевленный патріотической гордостью, превознесъ въ такихъ краснорѣчивыхъ виршахъ:

„Колоссъ Радосскій, днесь смири свой гордый видъ!
И нильски зданія высокихъ пирамидъ,
Престаньте болѣе считаться чудесами!
Вы смертныхъ бренными содѣланы руками.
Нерукотворная здѣсь росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра!"

Но такая покорность стихій и гладкость процедуры въ передвиженіи „росской горы" были плодомъ лишь піитическаго воображенія. На самомъ дѣлѣ, какъ это можно судить по описанію Бакмейстера, а также по тексту брошюры Карбури и по приложеннымъ къ ней пояснительнымъ рисункамъ, операція эта была чрезвычайно сложная, медленная и сопровождалась множествомъ опасностей и затрудненій. Обошлась она, по счетамъ Карбури, въ 70.000 рублей, и въ память ея, въ предвидѣніи удивленія патомства, была выбита особая медаль, „которая заключаетъ въ себѣ слѣдующее представленіе: на главной сторонѣ видно грудное изображеніе ея величества государыни, безъ короны, въ лавровомъ вѣнкѣ"... „На оборотѣ изображенъ самый камень, какъ его везутъ, помощію машины, и обсѣкается каменосѣчцами, окруженный великимъ множествомъ зрителей, съ подписью: Дерзновенію подобно! Генваря 20, 1770 года". Здѣсь изображенъ собственно тотъ моментъ, когда сама Екатерина посѣтила работы по перевозкѣ камня.

Несмотря, однако жъ, на всѣ эти пышныя и витіеватыя увѣковѣченія совершившагося чуда, потребовалось еще ровно двѣнадцать лѣтъ на осуществленіе поэтической картины „дерзновеннаго", „по гласу Божію", перемѣщенія „росской горы" „подъ стопы Великаго Петра".

Открытіе памятника послѣдоваго 7-го августа 1782 года, при торжественной церемоніи и огромномъ стеченіи народа, наполнявшаго нетолько площадь, но окна и крыши всѣхъ окружающихъ ее зданій. Вокругъ памятника, закрытаго полотняными щитами, разставлены были гвардейскіе и армейскіе, находившіеся въ Петербургѣ,

полки, въ числѣ 15.000 человѣкъ. На Невѣ расположилась цѣлая флотилія военныхъ судовъ. Въ три часа дня явился на площадь фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ со свитой и, принявъ рапорты отъ полковъ, присоединился къ сенату, въ полномъ составѣ ожидавшему прибытія императрицы на берегу Невы, близъ памятника.

Въ четыре часа подъѣхалъ императорскій катеръ и изъ него вышла на берегъ государыня, окруженная блестящей свитой. Встрѣченная сенатомъ и генералитетомъ, Екатерина прослѣдовала черезъ площадь въ зданіе сената и расположилась на его балконѣ. Въ тотъ же моментъ, по данному сигналу, упали занавѣсы, скрывавшіе памятникъ, полки склонили знамена, грянули хоры военной музыки, раздались залпы пушечной и ружейной пальбы, изъ тысячей грудей вырвался радостный кличъ, и — всѣ эти звуки слились въ исполинскій хвалебный гимнъ:

„Предъ дивнымъ русскимъ великаномъ"...

Въ это же время Бецкій поднесъ государынѣ выбитую по этому случаю медаль, изображавшую на одной сторонѣ памятникъ Петра, на другой—бюстъ Екатерины. Послѣ этого войска прошли церемоніальнымъ маршемъ вокругъ памятника и императрица возвратилась во дворецъ. Вечеромъ весь городъ и особенно Петровская площадь были великолѣпно иллюминованы. Въ тотъ же день былъ изданъ высочайшій манифестъ, въ которомъ приносилось благодареніе всевышнему Промыслу за умноженіе величія, могущества и благосостоянія имперіи въ двадцатилѣтнее царствованіе Екатерины, и даровалось облегченіе участи преступникамъ и несостоятельнымъ должникамъ, „въ память преславнаго монарха".

Екатерина была довольна памятникомъ и раздѣляла общее имъ восхищеніе. Говоря объ его открытіи въ письмѣ къ великому князю Павлу Петровичу, она пишетъ, что статуя Петра „est trés belle".

„Тогда, — пишетъ одинъ очевидецъ этого событія, — чувствовалъ сынъ отечества преисполненное совершенства свое благоденствіе, и чрезвычайныя чувствованія изумленія уступали кроткимъ чувствованіямъ радости. Съ благодарнымъ чувствомъ возводитъ онъ свои взоры на изваяніе и познаетъ въ чертахъ онаго щастливое изображеніе великаго преобразователя своего народа"...

Торжествовалъ вмѣстѣ съ „сынами отечества" и И. И. Бецкій, въ заслугу которому было поставлено благополучное окончаніе славнаго дѣла, хотя онъ умѣлъ только вредить ему. 22-го сентября того же года, на него возложена была лента вновь учрежденнаго ордена св. Владиміра, въ награду за труды по сооруженію памятника. Забытъ только былъ его дѣйствительный творецъ—Фальконетъ, отдыхавшій въ это время въ Италіи, измученный, больной, считавшій послѣдніе дни своей трудовой жизни...

Торжествовалъ и пресловутый графъ Карбури, онъ же Ласкари, увѣковѣчившій свое имя перевозкой „нерукотворной росской горы".

Въ 1781 году, онъ, награжденный деньгами, чинами, орденами, пріумножившій свое достояніе казнокрадствомъ и всякими неправдами, какъ гласятъ современные хроникеры, удалился въ свое отечество—Грецію, гдѣ купилъ себѣ большое имѣніе и занялся разведеніемъ сахарнаго тростника и индиго. Сказать мимоходомъ, это былъ пройдоха и авантюристъ, и едва-ли не самозванецъ. Говорятъ, въ Кефалоніи онъ былъ простой бакалейщикъ, и кто его произвелъ въ графы—темна вода во облацѣхъ. Въ Россію онъ явился въ качествѣ учителя и здѣсь нашелъ случай вкрасться въ довѣріе недалекаго Бецкаго, который вскорѣ, помощью своей протекціи, сдѣлалъ его



Голова Фальконетовой статуи Петра I.

полиціймейстеромъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ и произвелъ въ чинъ полковника, а въ 1770 году поручилъ даже исправлять должность директора этого корпуса. Однако жъ, распутное поведеніе Ласкари и его взяточничество возмутили офицеровъ корпуса, благодаря чему кефалонскій графъ былъ отставленъ отъ этой должности.

Въ Петербургѣ Ласкари успѣлъ три раза жениться и—уѣхалъ въ свое отечество вдовцомъ, такъ какъ, по словамъ однаго современника, всѣхъ трехъ женъ своихъ онъ отправилъ, одну за другою, на тотъ свѣтъ посредствомъ яда. Тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ еще можно прочитать на Александро-Невскомъ кладбищѣ необыкновенно-чувствительныя эпитафіи на надгробныхъ камняхъ, воздвигнутыхъ неутѣшнымъ Ласкари своимъ тремъ женамъ. С. Н. Шубинскій, въ своей книгѣ: „Разсказы о русской старинѣ", приводитъ текстъ этихъ эпи-

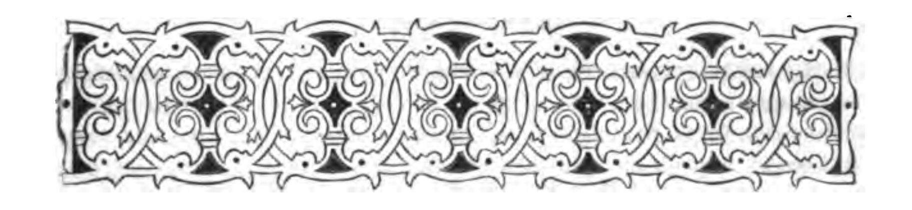
тафій, изъ коихъ послѣдняя, на гробницѣ третьей жены, особенно много говоритъ сердцу:

„На семъ мѣстѣ—гласитъ надпись—погребена Елена, де-Ласкари третья жена, урожденная Хрисоскулеева. Несчастный мужъ, я кладу въ сію могилу печальныя останки любезной жены; ею лишился благополучія своего, пріятельницы и всего того, что бремя жизни облегчаетъ. Прохожій! ты, который причину слезъ моихъ зришь, возстони о печальной моей судьбѣ“ и т. д., въ томъ же слезно-сентиментальномъ вкусѣ, въ какомъ любили изъясняться тогда всѣ, и въ томъ числѣ завѣдомые деспоты и душегубы...

Намъ остается, въ заключеніе предложеннаго очерка „Исторіи мѣднаго всадника“, добавить еще слѣдующія данныя: во-первыхъ, что надпись на скалѣ—„Petro primo Catharina secunda“ — сдѣлана по мысли Фальконета; во-вторыхъ, что, по окончаніи памятника, къ „нерукотворной“ скалѣ были притачаны передняя и задняя глыбы, вопреки проекта Фальконета, во время уже постановки статуи; и, въ-третьихъ, что вся стоимость сооруженія памятника обошлась въ 424.610 рубей...

Вл. Михневичъ.





ЗАПИСКИ КЛОДА [1].

II.

Конецъ двухъ царствованій. — Послѣдніе годы іюльской монархіи. — Убійство герцогини Праленъ.—Орфила и токсикологія. — Тайныя общества. — Происки бонапартистовъ. — Вѣчный заговорщикъ и будущій императоръ. — Бесѣда съ Тьеромъ.—Первый долгъ подчиненнаго.—Польза тюрьмы и арестовъ.—Полиція въ ночь на 2-е декабря. — Наканунѣ государственнаго переворота. — Деньги, „занятыя" въ банкѣ.—Доблестный маіоръ и солдаты 42-го полка. — Сенаторы второй имперіи.—Маршалъ Сент-Арно.—Маньянъ.— Гопуль. — Генералы-сенаторы.—Гражданскій элементъ въ сенатѣ.—Исторія съ письмами графини Евгеніи Монтихо.—Месть шпіонки.—Виновный, но страшно наказанный подпоручикъ.—Похожденія Луи-Наполеона въ Отейлѣ.—Покушеніе Орсини.—Покушеніе Березовскаго.

Концы царствованій схожи между собою. Въ высшихъ классахъ—хищенія, въ низшихъ—бѣдность; вездѣ преступленія, недовольство всеобщее. Клодъ не находитъ разницы между послѣдними годами орлеанской монархіи и имперіи. Кражи министровъ, убійство, совершенное герцогомъ Праленъ въ концѣ 1847 года; убійство родственникомъ императора журналиста Нуара и злодѣйства Тропмана въ 1870 г.—предвѣщали паденіе трона. Клодъ не сообщаетъ новыхъ подробностей объ убійствѣ герцогини Праленъ, дочери маршала Себастіани, ея мужемъ, обер-камергеромъ, пѣромъ Франціи. Газеты той эпохи: „Реформа", „Корсаръ", „Le National", не переставали громить правительство по поводу этого преступленія, припоминая убійства, произведенныя полиціею и солдатами въ Ліонѣ и въ Трансноненской улицѣ, въ Парижѣ. Преступленіе Пралена было дѣйствительно ужасно. Трупъ герцогини былъ покрытъ безчисленными ранами. Долгая и кровавая борьба происходила между нею и

---

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.", т. VIII, стр. 637.

убійцею, вытащившимъ ее изъ кровати, поражавшимъ ее кинжаломъ и прикладомъ пистолета въ голову, спину и грудь. Пальцы несчастной жертвы были всѣ изрѣзаны, спальня забрызгана кровью. Общественное мнѣніе было возмущено тѣмъ, что убійцу судилъ не обыкновенный судъ, а особо избранные товарищи герцога, перы Франціи, что̀ дало ему возможность избѣгнуть публичной казни. Въ первомъ же засѣданіи этого особаго суда, при началѣ допроса, подсудимый упалъ безъ чувствъ. Доктора объявили, что герцогъ Праленъ отравился. Въ тотъ же вечеръ онъ умеръ въ тюрьмѣ. Химикъ Орфила нашелъ въ его желудкѣ огромное количество мышьяка. Но ученый и политическій противникъ Орфила, Распайль, задалъ черезъ печать вопросъ: почему же въ этомъ случаѣ смерть послѣдовала такъ быстро за отравленіемъ, когда въ знаменитомъ процесѣ Лафаржъ смерть отъ того же яда была такая медленная и мучительная? Придворный токсикологъ, болѣе гастрономъ и меломанъ, чѣмъ ученый—не далъ на это никакого отвѣта. По словамъ Клода, онъ признавался ему, что въ процесѣ г-жи Лафаржъ она была осуждена скорѣе политикою, чѣмъ правосудіемъ, и Луи-Наполеонъ, приказавшій въ 1852 году освободить ее изъ тюрьмы, удовлетворилъ этимъ общественное мнѣніе. Орфила былъ, впрочемъ, недурной человѣкъ; онъ только былъ всегда къ услугамъ всякаго правительства; но въ частной жизни—это былъ веселый, остроумный и гостепріимный амфитріонъ. Уже въ старости и въ званіи сенатора имперіи онъ продолжалъ ухаживать за женщинами и радушно принималъ всякую недѣлю въ своемъ домѣ, въ Пасси, представителей ученаго, литературнаго и артистическаго міра. Особенно любилъ онъ музыку, и всѣ пѣвцы и композиторы: Аданъ, Клаписсонъ, Поншаръ, Левассеръ и др. были его постоянными гостями. Умирая, онъ оставилъ завѣщаніе, по которому жена его была обязана, до своей смерти, всякую суботу давать обѣдъ и вечеръ всѣмъ парижскимъ артистамъ, посѣщавшимъ его при жизни, и вдова такъ свято исполняла этотъ завѣтъ, что больная, при смерти, не закрывала своего салона для друзей покойнаго, и умерла въ одну изъ суботъ, подъ звуки бетховенской симфоніи, исполняемо̀й ея гостями и доносившейся въ ея спальню... И все-таки Распайль, узнавъ о смерти своего противника, подтвердилъ свое предложеніе: извлечь посредствомъ химическаго анализа изъ кресла, на которомъ обыкновенно сидѣлъ Орфила, такое же количество мышьяку, какое токсикологъ нашелъ въ трупѣ Лафаржъ. Кто былъ правъ изъ этихъ ученыхъ—наука не рѣшила.

Когда хоронили герцога Пралена, гробъ самоубійцы потребовалось окружить значительнымъ числомъ войскъ, чтобы удержать массы народа, сбиравшагося разбить гробъ, чтобы доказать, что тамъ нѣтъ трупа, что герцогъ и не думалъ отравлять себя и что ему дали средства бѣжать въ Англію, гдѣ будто бы и видѣли его потомъ, вмѣстѣ со своей любовницей, Делюзи, бывшей гувернанткой его дѣтей,

изъ-за которой онъ убилъ свою жену. Слухи эти, конечно, оказались вздорными.

Съ этого времени тайныя общества замѣтно усилились во Франціи. Общество „Правъ человѣка“ покрыло весь Парижъ своими членами. Въ главѣ его секцій были Жюль-Фавръ — будущій министръ республики, Шарль-Лагранжъ—будущій начальникъ тайной полиціи императора, и Клеманъ Тома, бывшій кирасирскій унтеръ-офицеръ, подстрекавшій солдатъ къ бунту,—будущая жертва комуны. Арманъ Марастъ, въ газетѣ „Le National“, Ледрю-Ролленъ, въ газетѣ „Реформа“, возбуждали народъ противъ правительства. Возстаніе подготовляли и Каваньякъ, и Ламартинъ, и Одилонъ Барро, и Тьеръ. Когда оно вспыхнуло и провозглашена была республика, новый префектъ полиціи, Косидьеръ, отставилъ Клода, и онъ получилъ опять мѣсто полицейскаго комисара только въ концѣ мая, благодаря протекціи Тьера. Въ возстаніе 31-го мая главные демагоги, сбиравшіеся разогнать Національное собраніе, служили потомъ, по словамъ Клода, въ тайной полиціи Лагранжа, а глава ихъ, свирѣпый эльзасецъ, Губертъ, былъ явнымъ бонапартистомъ. Эмиль Тома, директоръ національныхъ мастерскихъ, распущеніе которыхъ повело къ іюньскому возстанію, былъ потомъ управляющимъ личными имѣніями Луи-Наполеона. На трупахъ инсургентовъ, павшихъ на іюньскихъ барикадахъ, найдено было англійское золото; убійцей генерала Бреа былъ открытый бонапартистъ, Ларъ. Слѣды бонапартистскихъ интригъ видны во всѣхъ возстаніяхъ. Луи-Наполеонъ былъ всю свою жизнь заговорщикомъ по ремеслу, по призванію, изъ любви къ искуству. Съ 1831 г. онъ постоянно составлялъ заговоры—съ орлеанистами противъ легитимистовъ, съ республиканцами—противъ орлеанистовъ, съ орлеанистами и легитимистами—противъ республиканцевъ. Въ этой путаницѣ заговоровъ онъ былъ постояннымъ врагомъ всякой установившейся власти. Предложивъ свои услуги республикѣ, онъ началъ интриговать противъ Ламартина и разсылать циркуляры въ департаменты, чтобы его выбрали членомъ Учредительнаго собранія; съ національными мастерскими онъ возставалъ противъ арміи; черезъ преданныхъ ему генераловъ и префектовъ остановилъ отряды національной гвардіи, спѣшившіе въ Парижъ. Ему мало было сдѣлаться президентомъ республики и онъ захотѣлъ сдѣлаться безконтрольнымъ, самодержавнымъ властителемъ Франціи. Клодъ, въ сжатомъ очеркѣ, разсказываетъ о государственномъ переворотѣ 2-го декабря, но наканунѣ его приводитъ любопытную бесѣду съ Тьеромъ, съ которой и начинаетъ свои „Записки“.

Перваго декабря 1851 года Клодъ получилъ анонимное письмо, приглашавшее его отказаться отъ должности полицейскаго комисара, если онъ принимаетъ сторону Національнаго собранія и не хочетъ дѣйствовать въ пользу принца—„этого избранника націи, преслѣдуемаго злобою враждебныхъ ему партій“. Письмо ясно подтверждало слухи

о готовящемся переворотѣ, о заговорѣ президента противъ собранія. Клодъ отправился къ Тьеру, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло—въ короткихъ словахъ, такъ какъ Тьеръ „любилъ больше слушать, какъ онъ самъ говоритъ, нежели, какъ говорятъ другіе", и, показавъ письмо, спросилъ, что̀ онъ посовѣтуетъ въ этомъ случаѣ.

— Любезный другъ, отвѣчалъ тонкій политикъ: полицейскій комисаръ—не болѣе какъ солдатъ, исполняющій законъ. Онъ никогда не долженъ разсуждать, а только дѣйствовать по приказанію. Если вы получите приказъ арестовать меня—арестуйте. Предписаніе начальства, въ чемъ бы оно ни заключалось, должно быть выполнено. Вотъ, что я могу вамъ отвѣчать и совѣтовать. Вы были въ затрудненіи, какъ поступить въ отношеніи ко мнѣ и къ вашимъ покровителямъ: я вывожу вась изъ затрудненія—и если вы завтра явитесь ко мнѣ съ жандармами и возьмете меня—я тѣмъ не менѣе останусь вашимъ другомъ, такъ какъ одинъ долгъ службы заставитъ васъ быть моимъ тюремщикомъ. Какъ у солдата—у васъ не должно быть другихъ заботъ, кромѣ повиновенія своему начальству. Вы даже дурно сдѣлали, что показали мнѣ это письмо, присланное, конечно, изъ префектуры полиціи.

— Но вѣдь оно анонимное, замѣтилъ Клодъ, удивленный словами своего собесѣдника.

— И это одно только извиняетъ васъ. Если бъ оно было подписано—вы бы, пожалуй, сдѣлали глупость подать въ отставку, тогда какъ я долженъ быть вамъ благодарнымъ, если вы меня арестуете.

— Благодарнымъ? повторилъ комисаръ, не понимая доводовъ политика.

— Конечно! Въ игрѣ противъ принца—онъ взялъ верхъ, я проигралъ партію. Имперія уже сдѣлана. Я сказалъ это же и въ палатѣ, которая сама употребила всевозможныя средства, чтобы сдѣлаться непопулярною, утверждая нелѣпые законы. Она должна была или принять сторону претендента, или объявить себя за регентство—и не сдѣлала ни того, ни другого. Что же теперь остается намъ, консерваторамъ? Сдѣлавшись смѣшными — отправляться въ тюрьму. Арестуя меня, принцъ даже оказываетъ мнѣ услугу. Если онъ не сдѣлаетъ этого—мы, его враги, должны будемъ начать дѣйствовать противъ него, и къ чему это поведетъ, чѣмъ окончится? Арестъ меня, Кавеньяка—снимаетъ съ насъ отвѣтственность передъ нашей партіей, охраняя наши личности, спасаетъ насъ отъ колизіи, въ которой мы, вѣроятно, были бы побѣждены. Въ тюрьмѣ мы будемъ мучениками. Чего не достаетъ мнѣ, чтобы сравниться съ принцемъ? Одной тюрьмы. Его гамская темница привела къ трону; моя тюрьма—послужитъ мнѣ искупленіемъ. Въ 1849 году я, Шангарнье и Морни замышляли государственный переворотъ для того, чтобы спасти Францію отъ анархіи. Въ 1851 году Морни идетъ противъ меня и Шангарнье, и также сбирается спасти Францію отъ анархіи посредствомъ предательскаго

удара (par un coup de Jarnac)—въ пользу своего братца. И теперь я, по отношенію къ нимъ, дѣлаюсь инсургентомъ, анархистомъ. Стало быть, вашъ долгъ—повиноваться вашимъ начальникамъ и арестовать меня, если они прикажутъ. Я подожду того дня, когда самъ сдѣлаюсь начальникомъ и отплачу вашему Бонапарте. Но въ этотъ день я постараюсь самъ все обдѣлать и обойтись безъ вашей помощи. До свиданія.

Изо всѣхъ бесѣдъ Клода съ историческими лицами, приводимыхъ въ его „Запискахъ"—это едва ли не самая правдоподобная и вполнѣ отвѣчаетъ исторической характеристикѣ Тьера.

На другой день, какъ и всѣ полицейскіе комисары въ Парижѣ, Клодъ былъ приглашенъ въ полночь въ кабинетъ Мопа. Префектъ полиціи принялъ ихъ въ бальномъ костюмѣ, не имѣя времени перемѣнить его по возращеніи изъ Елисейскаго дворца, гдѣ принцъ президентъ давалъ блестящій вечеръ.

— Противъ президента республики, сказалъ Мопа, составленъ заговоръ, готовый разразиться. Мы знаемъ всѣхъ участниковъ. Судебная власть уже предувѣдомлена. Вотъ приказы арестовать генераловъ Кавеньяка, Ламорисьера, Шангарнье, Лефло, полковника Шарраса, Тьера и База.

Раздавъ эти приказы, Мопа отвелъ въ сторону Клода и спросилъ, обдумалъ ли онъ все.

— Я исполню свой долгъ, отвѣчалъ тотъ, кланяясь.

— Значитъ, вы ставите долгъ вашъ выше дружескихъ отношеній? спросилъ удивленный префектъ.

— У меня есть служебный постъ и есть начальникъ. Я остаюсь вѣренъ своему посту и повинуюсь своему начальнику.

— Вы хорошій человѣкъ и добрый гражданинъ, замѣтилъ Мопа и, обратясь къ комисарамъ, сказалъ:

— Всѣ аресты должны быть сдѣланы до восхода солнца.

И они были сдѣланы быстро и рѣшительно. Когда Парижъ проснулся второго декабря—государственный переворотъ уже совершился. Тѣ, кто могли помѣшать ему, сидѣли уже въ Мазасѣ. Взламывая замки квартиръ и захватывая въ постели министровъ, генераловъ и предводителей партій, Морни открылъ дорогу на престолъ своему братцу. Вотъ какъ описываетъ Клодъ сцену, предшествовавшую этимъ арестамъ.

Чтобы маскировать свой заговоръ, президентъ, въ вечеръ 1-го декабря, давалъ въ Елисейскомъ дворцѣ концертъ, на который были приглашены всѣ знаменитости Франціи ученаго, артистическаго и литературнаго міра, всѣ правительственныя власти. Феліціанъ Давидъ исполнялъ въ этотъ вечеръ свою ораторію „Пустыня". Для того, чтобы отвлечь всѣ подозрѣнія, зачинщикъ заговора, Морни, поѣхалъ въ театръ въ Комическую оперу, гдѣ одна дама наивно спросила его:

— Правда ли, герцогъ, что сбираются вымести палату?

— Не могу вамъ сказать, отвѣчалъ Морни,—но если пустятъ въ ходъ метлу, я постараюсь стать на сторону ея палки.

Около полуночи онъ поспѣшилъ въ Елисейскій дворецъ. Концертъ былъ уже конченъ и въ кабинетѣ Луи Наполеона, слабо освѣщенномъ одною лампою, собрались всѣ главные актеры этой трагикомедіи: самъ принцъ со своимъ побочнымъ братомъ Морни, Сент-Арно и Мопа. Сент-Арно отправилъ сначала генерала Маньяна съ приказаніями по казармамъ, потомъ полковникъ Бевиль повезъ прокламаціи принца въ національную типографію, гдѣ наборщики должны были набрать ихъ въ ту же ночь, подъ присмотромъ солдатъ. Тогда принцъ вынулъ четыре пакета и одинъ изъ нихъ съ 500 тысячъ франковъ передалъ Морни, который тотчасъ же отправился занять свой постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Другой пакетъ съ такою же суммою врученъ Сент-Арно съ добавкою въ 50.000—для полковника Эспинаса, который долженъ былъ въ ту же ночь занять палату батальономъ солдатъ, захвативъ квесторовъ собранія. Третій пакетъ вмѣстѣ съ деньгами заключалъ въ себѣ списокъ всѣхъ выдающихся народныхъ представителей, писателей, генераловъ, вождей партій, которыхъ слѣдовало арестовать. Четвертый, маленькій пакетъ, въ 40 тысячъ франковъ назначенъ былъ собственно для клевретовъ Елисейскаго дворца: адъютантовъ, чиновниковъ, шпіоновъ, подстрекателей, преторіянцевъ. Раздавъ эти суммы, „занятыя“ имъ изъ банка, принцъ отпустилъ своихъ сообщниковъ и остался ждать отъ нихъ извѣстій, готовый, въ случаѣ неудачи, бѣжать за-границу.

Изъ другихъ сценъ этой ночи Клодъ описываетъ только занятіе солдатами дворца собранія, потому что оно произошло при участіи полиціи, въ лицѣ комисара Бертоліо. Онъ отправленъ былъ съ отрядомъ городскихъ сержантовъ и жандармеріи на помощь полковнику Эспинасу, который съ батальономъ, въ составѣ 800 штыковъ 42-го линейнаго полка, окружилъ въ шесть часовъ утра собраніе, охраняемое другимъ батальономъ того же полка подъ командою маіора, заранѣе подкупленнаго. Мопа предписалъ безусловно избѣгать столкновенія между солдатами... „Если раздастся хоть одинъ выстрѣлъ, все погибло“, говорилъ онъ, но доблестное воинство, такъ же строго, какъ Клодъ, исполнявшее свой долгъ повиновенія начальству, и не думало защищать собранія, ввѣреннаго его охранѣ. Когда Эспинасъ съ солдатами и полиціей явился со стороны Университетской улицы, изъ дверей вышелъ маіоръ и, подойдя къ своему полковнику, спросилъ коротко и ясно:

— Готовы ли деньги?

Одинъ изъ полицейскихъ передалъ ему банковые билеты и прибавилъ: „Это еще не все. Принцъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ назначаетъ васъ батальоннымъ командиромъ и что на этомъ не остановится его благодарность“.

— Войдите! еще короче отвѣчалъ маіоръ.

Такимъ образомъ, безъ всякаго шума захватили квесторовъ собранія—генераловъ Лефло и Бàза. Клоду было поручено въ эту ночь съ полицейскими отрядами занять типографіи газетъ, враждебныхъ принцу, и захватить печатные станки, если бы редакціи вздумали сообщить что нибудь Парижу не въ духѣ восхваленія государственнаго переворота. Клодъ находилъ, что порученіе, данное ему, было менѣе отвратительно (moins répugnant), такъ какъ касалось только матерьяльнаго захвата. Какъ будто остановка орудія печатнаго слова не такъ же важна, какъ и арестъ того, кто внесъ въ народъ это слово, страшное всѣмъ похитителямъ власти, свободы и благоденствія гражданъ.

И Франція была спасена—оттого, что вѣчный заговорщикъ сдѣлался императоромъ, что лучшіе люди ея были посажены въ тюрьму и изгнаны, а его окружили проходимцы и авантюристы. 3-го же декабря учрежденъ былъ сенатъ, въ который должны были войти всѣ знаменитости Франціи (toutes les illustrations du pays). Каковы были эти знаменитости—лучше всего видно изъ записки одного изъ сенаторовъ, Л*, покровителя Клода. Записку эту старый циникъ подарилъ на память Клоду, говоря, что представлялъ ее императору и тотъ только разсмѣялся, прочитавъ ее. Теперь, конечно, смѣшно читать о подвигахъ этихъ героевъ имперіи, но вѣдь тогда выдавали ихъ за образецъ всевозможныхъ доблестей. Изъ 84-хъ сенаторовъ 70 было военныхъ и между ними десять маршаловъ и пять адмираловъ. Клодъ почти всѣхъ ихъ называетъ огульно ничтожностями и дурными людьми, но характеристика многихъ пособниковъ заговора 2-го декабря дѣйствительно очень любопытна и мы приведемъ изъ нея достовѣрные факты, подтвержденные историческими изслѣдованіями и собранные въ рѣдкомъ уже теперь памфлетѣ, изданномъ въ 1854 г. въ Лондонѣ, подъ названіемъ „Позорный столбъ“ (Le Pilori). Вотъ главные изъ сенаторовъ, пригвожденные къ этому столбу.

Маршалъ Сент-Арно, военный министръ и обер-шталмейстеръ, служилъ подъ своимъ настоящимъ именемъ Леруа въ тѣлохранителяхъ Людовика XVIII. Выгнанный изъ полка за кражу, онъ вскорѣ попалъ за долги и разныя продѣлки въ тюрьму Сент-Пелажи. Выкупленный оттуда сердобольною баронессою Пиле, онъ отправился съ нею въ Англію, но и оттуда долженъ былъ бѣжать, чтобы не попасться въ руки полиціи. Вернувшись въ Парижъ, онъ дебютировалъ на маленькомъ подгородномъ театрѣ подъ именемъ Флориваля и былъ освистанъ. Семейство выхлопотало ему снова чинъ подпоручика въ 51-мъ линейномъ полку. Полкъ былъ назначенъ въ Гваделупу. Подпоручику не хотѣлось туда отправляться и онъ дезертировалъ. Іюльская революція спасла его отъ наказанія. Выдавая себя за приверженца орлеанской династіи, онъ получилъ мѣсто въ другомъ полку; маршалъ Бюжо сдѣлалъ его тюремщикомъ въ замкѣ Блей, при герцогинѣ Беррійской, съ которой Леруа обходился возмутительно. Перейдя въ Африку, онъ отличился тамъ—такимъ хищеніемъ полко-

выхъ суммъ, что генерал-инспекторъ Рюльеръ хотѣлъ его разжаловать въ солдаты. Просьбы полковника Бедо смягчили инспектора, а назначенный вскорѣ губернаторомъ Алжиріи маршалъ Бюжо покровительствовалъ ему, и въ 1844 году Леруа Сент-Арно былъ уже полковникомъ, не отличившись никакими особенными воинскими подвигами. За то онъ отличался самою безпутною жизнью въ Африкѣ и въ Парижѣ, гдѣ, во время февральской революціи, предложилъ свои услуги Луи-Филиппу. Тотъ отправилъ его защищать префектуру полиціи, но полковникъ, въ виду громадныхъ массъ инсургентовъ, увеличивавшихся съ каждымъ часомъ, перешелъ на сторону народа и, признавъ республику, отправился снова въ Африку. Тамъ онъ отличился только тѣмъ, что, не понимая настоящаго положенія дѣлъ, написалъ герцогу Омальскому письмо, въ которомъ увѣрялъ въ своей неизмѣнной преданности орлеанскому дому и въ презрѣніи къ претенденту—Луи Бонапарте. Не зная, конечно, этого обстоятельства, обнаружившагося только впослѣдствіи, претендентъ, замышляя свой переворотъ и нуждаясь въ людяхъ, готовыхъ на все изъ-за денегъ, самъ предложилъ беззастѣнчивому генералу идти подъ судъ за его африканскія продѣлки, или сдѣлаться маршаломъ, министромъ, съ огромнымъ жалованіемъ. Для этого нужно было сдѣлать сущую бездѣлицу: нарушить присягу своей странѣ и ея законамъ, разогнать представителей народа, перехватать и засадить въ тюрьму своихъ начальниковъ и честныхъ людей, наконецъ, перестрѣлять въ Парижѣ нѣсколько тысячъ людей, возставшихъ на защиту законности и конституціи, да сослать какой нибудь десятокъ-другой тысячъ въ Кайенну. Выборъ не могъ быть затруднителенъ, и бывшій актеръ, шпіонъ, воръ и взяточникъ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ государственномъ переворотѣ, въ парижскихъ убійствахъ, и издалъ 3-го декабря 1851 года слѣдующую прокламацію: „Каждый, строющій баррикаду, или защищающій ее, или взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ". Въ приказѣ къ дивизіоннымъ командирамъ онъ выражается еще короче: „Каждый, кто сопротивляется, долженъ быть разстрѣлянъ". Всѣ историческія записки того времени говорятъ, что Сент-Арно получилъ самъ отъ Луи-Наполеона приказъ—въ случаѣ возстанія какого нибудь квартала въ Парижѣ—сжечь его. Этотъ ужасный приказъ сообщникъ императора сохранилъ у себя и, когда былъ недоволенъ своимъ повелителемъ, угрожалъ обнародовать документъ, существованіе котораго, впрочемъ, не доказано. Но всѣ остальные факты его позорной жизни исторически вѣрны. Неизвѣстно, сколько мильоновъ получилъ онъ отъ Луи-Наполеона, но передъ крымской войной, Сент-Арно, закладывавшій при Луи-Филиппѣ въ Мон-де-пьете двѣ женскія рубашки и старую шаль, имѣлъ въ Парижѣ два великолѣпныхъ дома, роскошно убранныхъ, получалъ по званію маршала, министра, обер-шталмейстера и сенатора триста тысячъ франковъ ежегоднаго содержанія, выдалъ дочь замужъ, въ приданое ко-

торой императоръ далъ также триста тысячъ; въ домѣ у него была устроена капелла и при немъ былъ постоянный духовникъ, такъ какъ маршалъ часто исповѣдовался и причащался. Но вотъ что̀ еще разсказываетъ Клодъ объ этомъ авантюристѣ — и въ этомъ случаѣ мы оставляемъ разсказъ на отвѣтственности начальника сыскной полиціи.

Однажды Луи-Наполеонъ замѣтилъ, что у него изъ кабинета исчезъ съ камина портфель съ нѣсколькими тысячами банковыхъ билетовъ. Императоръ призвалъ префекта тайной полиціи Пьетри, смѣнившаго въ это время Мопа, и разсказалъ объ этомъ случаѣ, прибавивъ, что кромѣ его самого въ кабинетъ входили только три человѣка.

— Кто же эти три лица? спросилъ Пьетри.

— Дядя Жеромъ, отвѣчалъ императоръ.

— Гм! гм! промычалъ полицейскій, значительно покачивая головою: а еще кто?

— Генералъ Корнемюзъ.

— Ага! остановимся, слѣдовательно, на генералѣ. Но кто же былъ третье лицо?

— Сент-Арно.

— Ого! такъ остановимся на маршалѣ. Дальше идти нѣзачѣмъ. Дайте очную ставку генералу и Сент-Арно—и вы узнаете всю правду.

Правду, однако, не узнали. На очной ставкѣ генералъ и маршалъ сначала переругались, потомъ выхватили шпаги и Сент-Арно нанесъ такую рану генералу, что тотъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Императоръ хотѣлъ отдать подъ судъ убійцу, но тотъ тайно уѣхалъ заграницу и оттуда написалъ Луи-Наполеону, вѣроятно напоминая ему о знаменитомъ приказѣ сжечь Парижъ. Поэтому Сент-Арно не преслѣдовали, но онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ крымскою арміею и отправился туда, снѣдаемый какой-то странною болѣзнью. Онъ умеръ послѣ сраженія при Альмѣ и Клодъ намекаетъ на то, что смерть его произошла отъ отравленія.

Второй участникъ преступленія 2-го декабря, маршалъ Маньянъ, сенаторъ, обер-егермейстеръ и начальникъ парижской арміи, сдѣлался сообщникомъ Луи-Наполеона уже на 65-мъ году. Онъ былъ сначала бонапартистомъ, потомъ роялистомъ, и въ 1830 году—революціонеромъ, затѣмъ орлеанистомъ; въ 1848 году—республиканцемъ, всегда гулякой и покровителемъ актрисъ. Онъ былъ извѣстенъ также вѣчными, неоплатными долгами и не стѣснялся ничѣмъ въ пріобрѣтеніи денегъ. Онъ бралъ взятки за избавленіе богатой молодежи отъ конскрипціи, что было доказано офиціально его расписками. Когда онъ былъ назначенъ начальникомъ парижской арміи, безчисленные кредиторы захватили его жалованье въ 60 тысячъ франковъ. Еще за двѣ недѣли до 2-го декабря онъ получилъ десять тысячъ отъ графа Шамбора, котораго увѣрилъ въ своей преданности легитимизму. Но, получивъ наканунѣ переворота триста тысячъ, организовалъ, 4-го декабря, на бульварахъ убійства и писалъ къ Мопа и Сент-Арно, что онъ отвѣ-

чаетъ за все и что „дѣло будетъ поведено быстро", а въ рапортѣ отъ 4-го декабря доноситъ, что всѣ препятствія побѣждены и всѣ бунтовщики перестрѣляны. Получая по четыремъ своимъ должностямъ 240.000 жалованья, онъ наконецъ уплатилъ свои долги.

Изъ другихъ генераловъ-сенаторовъ, упоминаемыхъ Клодомъ, Гопуль преслѣдовалъ бонапартистовъ во время реставраціи; въ эпоху іюльской монархіи роялисты послали его въ палату какъ легитимиста, но онъ тотчасъ же перешелъ на сторону правительства, былъ за это назначенъ генераломъ и перомъ Франціи. Въ революцію 1848 г. онъ сдѣлался республиканцемъ. Выбранный въ Національное собраніе, онъ тотчасъ же перешелъ на сторону претендента, который назначилъ его военнымъ министромъ, но Гопуль такъ разстроилъ все управленіе, что его вскорѣ же смѣнили и отправили въ Африку, гдѣ онъ также оказался совершенно безполезнымъ и бездарнымъ, и еще скорѣе былъ смѣненъ, и вернулся въ Парижъ, гдѣ его не рѣшились сдѣлать участникомъ заговора, боясь, чтобы онъ и тутъ что нибудь ненапуталъ, и назначили сенаторомъ уже по совершеніи переворота. Гопуль былъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ совершенною ничтожностью.

Генералъ Бараге д'Илье былъ, если это только можно, еще бестолковѣе Гопуля. Кастелланъ, все старавшійся казаться моложавымъ, былъ болѣе извѣстенъ своими супружескими несчастіями, нежели воинскими дарованіями; Реньо-де-Сен-Жан-д'Анжели оказался также совершенно неспособнымъ на мѣстѣ военнаго министра; Гюсонъ славился только своими комическими выходками въ палатѣ, гдѣ постоянно прерывалъ некстати всѣхъ ораторовъ. Лагиттъ вышелъ изъ палаты потому, что содержаніе президента артилерійскаго комитета было больше жалованья народнаго представителя; Ловестинъ былъ только по имени начальникомъ національной гвардіи, такъ какъ былъ разбитъ параличемъ; наконецъ, генералы Орнано, Шраммъ, Ашаръ, Баръ, Орденеръ, Сен-Симонъ, Превалъ, Пелле, герцогъ Падуанскій— были „настоящими муміями въ Люксембургскомъ дворцѣ и дряхлость лѣтъ лишила ихъ всякой энергіи". Таковы были военные представители второй имперіи, засѣдавшіе въ сенатѣ. Не лучше ихъ былъ и гражданскій элементъ. Д'Аргу, префектъ въ 1815 году, сжегшій трехцвѣтное знамя, легитимистъ во время реставраціи, министръ Луи-Филиппа, столкнувшій своими интригами честнаго Грандена съ мѣста директора банка, чтобы самому занять это мѣсто, закадычный другъ Гарнье-Паже во временномъ правленіи, всегда первый присоединялся ко всякому перевороту, чтобы воспользоваться имъ. Крузейль— креатура министровъ Карла X, поддерживавшій іюльскіе ордонансы, потомъ приверженецъ Луи-Филиппа и перъ, затѣмъ министръ Луи-Наполеона; Порталисъ, прогнанный Наполеономъ I за обманъ изъ государственнаго совѣта, выпросившій приданое своимъ дочкамъ у Карла X, потомъ интимный другъ Луи-Филиппа; Папе — бывшій въ опозиціи, пока ему не заплатили за переходъ на сторону прави-

тельства. Одифре, создавшій себѣ извѣстность брошюрами о финансахъ, которыхъ никто не читалъ. Готье—другъ Полиньяка и министръ Луи-Филиппа; Леверье, гораздо болѣе занимавшійся интригами, чѣмъ астрономіей; Сегюр-д'Огессо, великодушно предлагавшій Луи-Наполеону переѣхать въ Тюльери, какъ будто тотъ и безъ него не сдѣлалъ бы этого; Фурмонъ, о частной жизни котораго нельзя было говорить иначе, какъ алегорически; Маршанъ, сидѣвшій на скамьѣ подсудимыхъ, когда былъ нотаріусомъ; Ней, котораго тоже таскали по всѣмъ судамъ за долги. У герцоговъ Піаченскаго, Ваграмскаго и Виченскаго и Камбасереса—блистательныя имена, но не способности; Мюратъ знаменитъ больше всего тѣмъ, что вѣсилъ 250 килограмовъ; Фульду; Друэн-де-Люи и Тролону нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ умѣ, хотя нравственныя и гражданскія качества ихъ весьма сомнительны. И это—слава Франціи, защитники ея свободы, patres conscripti. „Списокъ ихъ—жестокое униженіе для Франціи и для того, кто подписалъ его", прибавляетъ сенаторъ, представившій характеристику своихъ собратій.

Черезъ годъ послѣ государственнаго переворота, Клоду удалось оказать большую услугу будущей императрицѣ. Къ нему явилась однажды взволнованная, немолодая дама, поминутно нюхавшая спиртъ. Это была графиня Монтихо. Она сообщила, что сейчасъ застрѣлился въ своемъ отелѣ молодой иностранецъ, племянникъ принцесы Б. Графиня знала, что онъ былъ въ перепискѣ съ ея дочерью, Евгеніею, и боялась, что если ея письма попадутъ въ руки принцесы, та, изъ ненависти къ графинѣ, можетъ передать ихъ лицу, отъ котораго зависитъ счастіе и блестящая судьба молодой дѣвушки. Клодъ отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ обязанности его ограничиваются только наложеніемъ печатей на бумаги покойнаго, храненіе которыхъ поручается ближайшему къ нему лицу, то есть теткѣ принца.

— Но она—злѣйшій врагъ моей дочери! вскричала графиня,—и воспользуется этими письмами, чтобы обезславить ее. Я знаю, что они хранятся въ особомъ картонѣ съ надписью: „Испанскія дѣла", на письменномъ столѣ, гдѣ много и другихъ картоновъ. Если бы какой нибудь изъ вашихъ агентовъ могъ, при опечатаніи, вынуть ихъ оттуда—онъ получилъ бы за эту услугу цѣлое состояніе.

Клодъ, конечно, отвергнулъ съ негодованіемъ такое предложеніе. Но у него былъ помощникъ, собственно говоря—шпіонъ, корсиканецъ, опредѣленный тайною полиціей съ тѣмъ, чтобы наблюдать за всѣми поступками своего начальника. Этотъ помощникъ отправился вмѣстѣ съ Клодомъ и докторомъ въ квартиру самоубійцы. Трупъ лежалъ съ простреленной грудью у письменнаго стола, на которомъ было письмо, отправленное покойникомъ къ Евгеніи Монтихо и возвращенное ею безъ отвѣта. Въ послѣднихъ строкахъ этого письма говорилось: „если не будете отвѣчать мнѣ и поступите со мною, какъ поступилъ съ вами герцогъ Д., я убью себя". Несчастный сдержалъ свое слово.

Пока Клодъ читалъ это письмо и распоряжался, чтобы приступить къ опечатанію бумагъ и вещей, помощникъ его стоялъ у стола, на одной сторонѣ котораго было нѣсколько картоновъ съ разными надписями; между ними были и „испанскія дѣла", но на нихъ Клодъ не обращалъ исключительнаго вниманія. Когда же явилась тетка покойника, графиня Монтихо должна была удалиться—и уходя, шепнула Клоду: „о, благодарю васъ!"

Смыслъ этой благодарности сдѣлался яснымъ только черезъ нѣсколько времени. Выдавъ дочку за такого выгоднаго жениха, какъ Луи-Наполеонъ, Монтихо явилась къ Клоду съ предложеніемъ крупной суммы въ акціяхъ какого-то банка—въ награду за то, что Клодъ приказалъ своему помощнику вытащить изъ „испанскихъ дѣлъ" письма, компрометировавшія ея дочь. Тогда только Клодъ понялъ, зачѣмъ корсиканецъ вертѣлся около стола и картоновъ. Доказать графинѣ, что утайка писемъ произошла безъ согласія Клода—было нельзя, такъ какъ помощникъ былъ на другой же день послѣ самоубійства переведенъ куда-то на югъ и потомъ совсѣмъ исчезъ изъ Франціи. Начальнику его оставалось только одно — отказаться отъ благодарности графини, что онъ и сдѣлалъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія, Клодъ спасъ еще одну знатную даму, ту самую, которая была ранена въ прудѣ фонтенеблоскаго парка и исторія которой очень интересна. Клодъ называетъ ее госпожей Иксъ (X). Полицейскіе агенты донесли ему, что въ отдаленномъ кварталѣ Монсо, въ огороженномъ пространствѣ, наполненномъ матерьялами для постройки дома, найдена ночью совершенно нагая женщина, безъ чувствъ, погруженная въ глубокій, неестественный сонъ. Голова ея была почти совершенно обрита. Очевидно, что кто нибудь принесъ ее въ это уединенное мѣсто, изъ мести. Сильное наркотическое средство повергло ее въ глубокій сонъ, во время котораго ее лишили лучшаго украшенія—роскошныхъ волосъ. Чтобы поступить съ нею такъ жестоко, надо было сильно ненавидѣть ее. Тутъ была, навѣрно, не одна любовная интрига. Клодъ зналъ, что г-жа X*—шпіонка Луи-Наполеона. Это навело его на мысль, что бѣдной женщинѣ мстили ея политическіе враги, то есть враги императора. Ее отвезли, все еще въ безпамятномъ положеніи, въ ея квартиру—и объ этомъ происшествіи не велѣно было говорить ни слова, такъ какъ она принадлежала къ тайной полиціи. По слѣдамъ, отпечатавшимся на глинистой почвѣ, гдѣ возводилась постройка и куда принесена была X*, Клодъ заключилъ, что ее несли двое: одинъ, ступавшій въ тяжелыхъ сапогахъ, другой—въ легкой обуви, оставившей едва замѣтные слѣды. При выходѣ изъ загородки, гдѣ былъ сложенъ строительный матерьялъ, нашли въ грязи мѣдную офицерскую пуговицу съ 47-мъ нумеромъ — стало быть, потерявшій пуговицу былъ офицеръ линейнаго полка этого нумера. Слѣды ногъ оканчивались у маленькой таверны, не пользовавшейся хорошей

репутаціей въ этомъ околодкѣ. Содержатель таверны отдавалъ внаймы нумера своего притона для свиданій и переговоровъ всѣмъ темнымъ личностямъ квартала и занимался покупкой и обмѣномъ краденыхъ вещей. Онъ сознался Клоду, что въ этотъ вечеръ къ нему явился неизвѣстный посѣтитель, повидимому иностранецъ, заказалъ самый лучшій обѣдъ въ лучшемъ нумерѣ, куда вскорѣ же явилась дама, принадлежащая, судя по костюму, къ высшему обществу. Они заперлись въ комнатѣ, гдѣ пробыли часа два; потомъ посѣтитель вышелъ разстроенный, сказавъ, что съ дамой сдѣлался глубокій обморокъ, и что онъ вынесетъ ее въ экипажъ, ждавшій ее недалеко отъ таверны. Онъ дѣйствительно вынесъ ее, обвернутую въ плащъ, и быстро удалился со своею ношею, щедро заплативъ хозяину таверны. Черезъ нѣсколько дней г-жа X*, совершенно оправившись отъ приключенія съ нею, сообщила полиціи о томъ, кто поступилъ съ нею такъ жестоко. Въ первый же годъ имперіи, она познакомилась, на балу въ Ранелагѣ, съ молодымъ подпоручикомъ, служившимъ сначала въ Африкѣ подъ начальствомъ Сент-Арно и пріѣхавшимъ на время въ Парижъ. Подпоручикъ громко жаловался на несправедливость своего начальства, не разъ обходившаго его повышеніемъ. X*, очень близко сошедшаяся съ нимъ, обѣщала выхлопотать ему покровительство своего пріятеля, Сент-Арно, но когда заикнулась ему о своемъ протеже, маршалъ остановилъ ее словами, что она напрасно привязалась къ врагу имперіи, бывшему орлеанисту, а теперь вошедшему въ сношенія съ итальянскими карбонарами и лондонскими соціалистами. Потомъ тайная полиція сообщила ей, что подпоручикъ въ перепискѣ съ своимъ бывшимъ товарищемъ по африканскому корпусу,. итальянцемъ Пьери, эмигрировавшимъ во Францію во время республики, но потомъ снова переселившимся въ Италію, гдѣ онъ сдѣлался членомъ тайнаго общества „Молодой Италіи“ и пріѣзжалъ въ Парижъ подъ вымышленнымъ именемъ, какъ агентъ Мадзини, для того, чтобы возстановить противъ Луи-Наполеона войска, недовольныя государственнымъ переворотомъ. Любовныя похожденія г-жи X* не мѣшали ей усердно служить правительству, дававшему ей огромное содержаніе, и не смотря на свое увлеченіе красивымъ подпоручикомъ, она задумала, черезъ него, сойтись съ Пьери и вывѣдать его планы, выдавъ себя за врага императора. Съ этой цѣлью, она стала увѣрять своего подпоручика, что Сент-Арно недоволенъ Луи-Наполеономъ, мало заплатившимъ ему за содѣйствіе государственному перевороту, и непрочь перейти на сторону недовольныхъ, — при извѣстныхъ условіяхъ. Для сообщенія этихъ условій она просила подпоручика познакомить ее съ Пьери, которому она передастъ подробно, на какихъ условіяхъ можно привлечь на свою сторону такое вліятельное лицо, какъ маршалъ. Влюбленный и довѣрчивый офицеръ передалъ все своему пріятелю-заговорщику, но тотъ, болѣе осторожный, собралъ о ней свѣдѣнія черезъ Мадзиніевскихъ агентовъ и, взбѣшенный наг-

лостью шпіонки, рѣшился наказать ее за попытку завлечь его въ западню.

— Она хочетъ видѣть меня. Я исполню ея желаніе. Сегодня ночью я уѣзжаю, черезъ Гавръ, въ Лондонъ, но вечеромъ отплачу ей за дерзкое намѣреніе обмануть меня.

И онъ устроилъ свиданіе въ уединенномъ кабачкѣ парка Монсо. Г-жа X* пріѣхала туда, ничего не подозрѣвая, но съ первой же рюмки выпитаго ею вина потеряла сознаніе и, узнавъ отъ Клода, какъ поступили съ ней, не понимала только, кто былъ сообщникомъ Пьери въ его гнусномъ поступкѣ и помогъ ему отнести ее въ паркъ Монсо. Она не хотѣла вѣрить, когда Клодъ подалъ ей пуговицу съ № 47-мъ и доказалъ, что это—ея возлюбленный подпоручикъ. Г-жа X* пришла въ ярость, убѣдившись въ этомъ.

— Подлецъ! шептала она въ бѣшенствѣ: онъ обязанъ мнѣ всѣмъ. Недѣлю тому назадъ, я спасла его честь, заплативъ за него карточный долгъ товарищамъ. Его выгнали бы изъ полка. И вотъ его благодарность!.. Я оставляю полиціи этого Пьери. Онъ только мстилъ за намѣреніе погубить его... Но этотъ мерзавецъ, которому я отдала свою любовь, котораго осыпала благодѣяніями!.. И за это онъ опозорилъ меня, бросилъ голую въ публичномъ мѣстѣ. Я отплачу ему жестоко... истерзаю, убью его!..

Она была ужасна, произнося эти слова. Клодъ совѣтовалъ ей остерегаться. Случай съ нею доказывалъ, что и у нея много враговъ и что она должна опасаться ихъ. Шпіонка, вся поглощенная жаждой мщенія, ничего не хотѣла слушать, и черезъ недѣлю Клодъ получилъ отъ нея приглашеніе на завтракъ, въ ея отейльской виллѣ. Въ запискѣ было сказано, что за десертомъ его ожидаетъ сюрпризъ, который, судя по участію, какое Клодъ принимаетъ въ ней, будетъ ему очень пріятенъ. Полицейскій комисаръ не сомнѣвался, что онъ будетъ свидѣтелемъ страшнаго мщенія, и нашелъ въ столовой блистательнаго подпоручика въ мундирѣ и бесѣдѣ съ маршаломъ Сентъ-Арно, одѣтымъ въ статскій костюмъ. Вскорѣ явилась хозяйка, въ амазонкѣ, съ хлыстомъ, вернувшаяся съ прогулки верхомъ. Сѣли за столъ. Разговоръ начался о верховой ѣздѣ. Г-жа X* была отличная наѣздница и знала всѣ тонкости этого искуства. Угощая подпоручика виномъ, она вела оживленную бесѣду съ маршаломъ, напоминая ему его прошедшее и эпоху, когда онъ былъ тюремщикомъ герцогини Беррійской, въ замкѣ Блей. Этотъ разговоръ, конечно, не могъ нравиться маршалу, но зато совершенно успокоилъ подпоручика, сидѣвшаго не въ своей тарелкѣ въ началѣ завтрака. Плотный, широкоплечій, съ густыми курчавыми волосами, но низкимъ лбомъ и маленькими, хитрыми глазами, онъ олицетворялъ собою чувственную, но мелкую и лукавую натуру. Обманутый видимымъ спокойствіемъ всѣхъ присутствовавшихъ за завтракомъ, онъ сталъ улыбаться хозяйкѣ, усердно истребляя изысканныя блюда и потягивая дорогое вино.

Вдругъ маршалъ, которому надоѣли, хотя и тонкія, насмѣшки хозяйки надъ его прошедшимъ, вздумалъ отплатить ей, заговоривъ о ея настоящемъ положеніи, которое не могло быть ей пріятно, и спросилъ:

— Ну что, узнали вы, наконецъ, кто были сообщники негодяя, съигравшаго съ вами такую скверную штуку?

— Какъ же, маршалъ! благодаря проницательности моего друга, г. Клода, спокойно отвѣчала хозяйка.

— А! я очень радъ. Стало быть, мы можемъ наказать мерзавцевъ! вскричалъ Сент-Арно.—Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, въ Англіи, какъ донесла полиція.

— Но зато другой здѣсь, такъ же спокойно продолжала хозяйка.

При этихъ словахъ, бокалъ съ шампанскимъ выпалъ изъ дрожавшихъ рукъ поблѣднѣвшаго какъ смерть подпоручика.

— Что съ вами? спросила холодно г-жа X*, вставъ со стула, чтобы стряхнуть вино, пролившееся на ея амазонку.

— Простите мою неловкость! бормоталъ офицеръ, призывая на помощь все присутствіе духа, чтобы спастись отъ угрожающаго ему обличенія: участіе, какое я принимаю во всемъ, что касается васъ, такъ взволновало меня...

Изумленная такою наглостью, г-жа X* продолжала говорить съ возрастающимъ увлеченіемъ, пожирая глазами несчастнаго офицера.

— Вы дѣйствительно приняли участіе и въ томъ, что̀ со мною сдѣлали негодяи. Пусть друзья мои узнаютъ, что человѣкъ, помогавшій раздѣть меня и тащить въ публичное мѣсто, пользовался всею моею довѣренностью, обязанъ былъ мнѣ всѣмъ—свободою, состояніемъ, даже честью, потому что я платила его долги и, по моей просьбѣ, его не выгоняли изъ полка.

— О! увѣряю васъ... я невиненъ, меня оклеветали передъ вами! бормоталъ потерявшійся офицеръ.

— Оклеветали? И вы еще смѣете прибавлять ложь къ подлости? вскричала хозяйка.

— Я... я не былъ въ тавернѣ съ Пьери! шепталъ дрожащій подпоручикъ.

— Не были? а эта пуговица съ нумеромъ 47-мъ, поднятая подлѣ того мѣста, куда вы меня притащили?... вскричала X* и бросила ему въ лицо пуговицу. Потомъ, схвативъ лежавшій по близости на стулѣ хлыстъ, она нанесла имъ такой ударъ по лицу подпоручика, что синебагровая полоса пересѣкла лобъ и щеку несчастнаго. Клодъ не успѣлъ помѣшать этому быстрому и неожиданному удару, но, желая положить конецъ тяжелой сценѣ, объявилъ, что арестуетъ офицера, и потребовалъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ. Подпоручика, отиравшаго капли крови, выступившія на его лицѣ, отвели въ тюрьму. Процесъ его былъ не долгъ. Обвиненный въ сообществѣ съ заговорщиками, лишенный званія, онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Ламбессу. Но несчастный

напрасно думалъ спастись тамъ отъ мщенія оскорбленной имъ женщины. Она не хотѣла довольствоваться тѣмъ, что разбила его карьеру. Къ тому же и изъ ссылки можно вернуться. Кто знаетъ, какая судьба ожидаетъ въ будущемъ тѣхъ, кто теперь побѣжденъ и наказанъ? Вѣдь взошелъ же на престолъ заговорщикъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ и сосланный въ Америку? Г-жа X* не желала ограничиться ссылкой. Наканунѣ отправленія въ Ламбессу, подпоручикъ получилъ письмо, полное страсти, отчаянія и раскаянія. X* писала, что при мысли о вѣчной разлукѣ съ тѣмъ, кого она такъ любила, она поняла, что не можетъ жить безъ него; вся ея ненависть исчезла; да это и не была ненависть, а скорѣе ревность, такъ какъ она думала, что ея возлюбленный поступилъ съ нею жестоко потому, что полюбилъ другую. Въ доказательство того, что все прошлое забыто— она говорила, что посредствомъ своихъ связей выхлопотала ему прощеніе, возвращеніе чина и хорошее мѣсто. Если онъ хочетъ принять все это и простить ее, она сама привезетъ ему въ тюрьму бумагу о его освобожденіи и они отправятся вмѣстѣ въ ея загородный домикъ, гдѣ снова будутъ счастливы, какъ прежде. Несчастный повѣрилъ и этому письму и раскаянью. Онъ отвѣчалъ, что ждетъ ее съ нетерпѣніемъ и забываетъ все прошлое—кромѣ их любви. Она пріѣхала—но поздно вечеромъ, и сказала, что не могла привезти съ собою бумагу, вслѣдствіе какихъ-то формальностей, что ее пришлютъ завтра утромъ, прямо изъ министерства, но что она выхлопотала позволеніе остаться съ нимъ до утра. Чтобы скрѣпить примиреніе, она послала за роскошнымъ ужиномъ, и въ то время, когда офицеръ за стаканомъ вина предавался радужнымъ надеждамъ, она хладнокровно объявила ему, что ссылка въ 25-ть лѣтъ—пустяки, что онъ могъ вернуться изъ нея и сдѣлать блистательную карьеру, а она хотѣла мстить до конца и потому отравила его. И онъ слушалъ это признаніе въ какомъ-то каталептическомъ состояніи, вдругъ охватившемъ его, пока не скатился къ ея ногамъ окоченѣвшимъ трупомъ. Тогда она отворила дверь тюрьмы и стала звать на помощь. Директору тюрьмы объявила она, что, не будучи въ состояніи перенести безчестія и ссылки, онъ признался ей, что отравилъ себя, при послѣднемъ свиданіи съ своею возлюбленною. Такъ и переданъ былъ этотъ случай въ Тюльери, гдѣ, конечно, не приказывали производить слѣдствія, и мрачная исторія эта такъ и кончилась смертью подпоручика.

Подобныя преступленія были не рѣдки во время второй имперіи. Они дѣлаются извѣстны только теперь, когда и сама имперія, и ея герои исчезли изъ исторіи. Понятно, что во время ихъ владычества нельзя было говорить въ печати о такихъ событіяхъ, и только намеки на нихъ, да неполныя, отрывочныя извѣстія встрѣчаются въ иностранныхъ газетахъ, не рѣшавшихся распространяться о предосудительныхъ поступкахъ высокопоставленныхъ лицъ. А каковы были

эти поступки, когда примѣръ имъ подавался съ трона—можно судить по запискамъ, современнымъ той эпохѣ. Приведемъ еще нѣсколько случаевъ придворно-скандальной хроники, о которыхъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ Гришелли, корсиканскій начальникъ личной охраны императора, но которые подробно передаетъ Клодъ со словъ все той же мстительной шпіонки, г-жи X*.

Въ первые годы имперіи, появилась при тюльерійскомъ дворѣ красавица-итальянка, герцогиня, жена одного изъ приближенныхъ лицъ къ Виктору-Эмануилу. Она возбудила всеобщее вниманіе, привлекла къ себѣ массу поклонниковъ, но вскорѣ сдѣлалось ясно, что ей хотѣлось завлечь только Луи-Наполеона. Этого, конечно, не трудно было достигнуть, но итальянка возбудила вскорѣ же ревность Евгеніи и, послѣ крупнаго объясненія съ нею, должна была удалиться отъ двора. Тогда она наняла маленькій домикъ г-жи X* въ Отейлѣ, гдѣ и продолжала принимать своего августѣйшаго обожателя. Между тѣмъ, тайная полиція получила изъ Италіи неблагопріятныя свѣдѣнія о герцогинѣ: она также принадлежала къ тайному обществу, главою котораго былъ Мадзини. Въ одинъ вечеръ, когда Луи-Наполеонъ сбирался отправиться въ отейльскую виллу, съ генераломъ Флери и Гришелли, сопровождавшими его въ такихъ экскурсіяхъ, о которыхъ, конечно, предупреждали герцогиню, шефъ личной полиціи императора вздумалъ отправиться часомъ раньше своего государя и, осматривая внимательно домикъ, нашелъ спрятавшагося въ комнатѣ служанки герцогини—неизвѣстнаго человѣка. Въ карманѣ у него былъ отравленный кинжалъ. Горничная увѣряла, что не знаетъ, какъ пробрался къ ней вовсе незнакомый человѣкъ. Гришелли, видя, что пойманный ничего не отвѣчаетъ на распросы, бросился на него неожиданно и съ ловкостью корсиканскаго бандита закололъ несчастнаго. Герцогиня въ ту же ночь была выслана съ жандармами на итальянскую границу. Взбѣшенная этимъ, итальянка отправилась въ Берлинъ, разсказывая вездѣ, что она и не думала подсылать убійцъ къ человѣку, который любилъ ее, что въ этой отейльской трагедіи скрывается непостижимая тайна, которая, вѣроятно, объяснилась бы, если бы Гришелли изъ излишняго усердія, или по какой нибудь другой причинѣ, не поторопился заколоть убійцу. Прусскіе шпіоны въ скоромъ времени распутали эту исторію и доказали, что наемный убійца подосланъ былъ заколоть не императора, а герцогиню, чтобы подслужиться императрицѣ, ревновавшей своего супруга къ итальянкѣ. Клодъ увѣряетъ, что г-жа X* созналась ему, что убійца былъ нанятъ ею—но это очень неправдоподобно. Какъ бы-то-нибыло, но невинность итальянской герцогини подтвердилась тѣмъ, что ей вскорѣ позволили возвратиться во Францію, и она снова явилась при дворѣ, но, озлобленная на Луи-Наполеона, выславшаго ее безъ всякаго разслѣдованія дѣла, она, изъ благодарности къ Пруссіи, разъяснившей эту исторію, сдѣлалась шпіонкой Висмарка.

Клодъ разсказываетъ еще одну странную исторію, случившуюся въ той же самой отейльской виллѣ г-жи X*. Вскорѣ послѣ герцогини, виллу наняла другая знаменитая красавица принцеса, къ которой Луи-Наполеонъ пріѣзжалъ переодѣтый лейб-егеремъ. Принцесу эту въ Парижѣ звали не иначе какъ „мадзинисткой" и она была любовницей Орсини. Но Луи-Наполеонъ, этотъ „тихій упрямецъ", какъ его называла королева Гортензія, ослѣпленный ея красотою, не хотѣлъ слушать никакихъ предостереженій и черезъ полгода началъ посѣщать принцесу въ той же самой виллѣ. Тогда Орсини задумалъ захватить его въ уединенной виллѣ, чтобы потомъ дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами. Для этой цѣли онъ далъ принцесѣ наркотическія капли, которыя она должна была влить въ вино, и собралъ близъ Отейля групу заговорщиковъ итальянцевъ. Но и личная полиція Луи-Наполеона не дремала. Она была разсѣяна по всей дорогѣ въ Парижъ, и Гришелли далъ знать хозяйкѣ виллы, г-жѣ X*, чтобы она зорко слѣдила за всѣмъ, что происходитъ въ ея домикѣ. Въ то время, когда августѣйшій посѣтитель ужиналъ съ красавицей, Гришелли въ другой комнатѣ сидѣлъ также за столомъ съ субреткою принцесы. Вдругъ за десертомъ императоръ почувствовалъ, что послѣ шампанскаго, вмѣсто возбужденія, онъ теряетъ силы и чувства. Ослабѣвшей рукою бросилъ онъ бокалъ въ дверь, за которой сидѣлъ Гришелли, и тотъ бросился тотчасъ же къ своему властелину, но, какъ и Луи-Наполеонъ, опустился безъ чувствъ на паркетъ. Въ ту же минуту на шумъ явилась г-жа X* и стала звать людей на помощь. Ея неожиданное появленіе доказало принцесѣ, что замыселъ не удался—и она поспѣшила спастись бѣгствомъ. Эта попытка захватить императора, опоеннаго сонными каплями, была въ то время разсказана въ иностранной печати, въ видѣ сказки, подъ названіемъ „Красавица въ сонномъ царствѣ, или новыя тайны Нельской башни". Послѣ неудачи этого заговора, Орсини рѣшился убить Луи-Наполеона съ помощью разрывныхъ бомбъ.

14-го (2-го) января 1858 года, императоръ съ императрицей ѣхали въ Большую оперу, гдѣ ихъ ожидало избранное парижское общество и герцогъ Саксен-Кобург-Готскій, пріѣхавшій съ визитомъ къ Луи-Наполеону. На дорогѣ отъ Тюльери къ театру тѣснились огромныя массы народа, между которыми множество полицейскихъ и въ главѣ ихъ корсиканецъ Алессандри, начальникъ личной охраны императора. Вся тайная и явная полиція была на ногахъ. Незадолго до этого времени, въ генуэзской газетѣ „Italia del popolo" появился манифестъ Мадзини—съ угрозами императору, и получились свѣдѣнія, что эмисары изъ Лондона отправились въ Парижъ съ какими-то адскими машинами. Фасадъ театра, гдѣ въ этотъ вечеръ Ристори играла „Марію Тюдоръ" и затѣмъ шелъ одинъ актъ „Нѣмой изъ Портичи", былъ великолѣпно илюминованъ. Въ половинѣ девятаго съ бульваровъ въ улицу Пеллетье повернули три придворныя кареты, окру-

женныя конвоемъ гвардейскихъ уланъ. Начальникъ отряда скакалъ по правую сторону кареты, гдѣ сидѣлъ Луи-Наполеонъ съ Евгеніей и генераломъ Роге, по лѣвую—гоф-фурьеръ. Въ первыхъ двухъ каретахъ помѣщались камергеры и фрейлины. Когда императорская карета приближалась къ особому подъѣзду, раздался страшный взрывъ, сопровождаемый громовымъ трескомъ; два другіе взрыва быстро послѣдовали за первымъ; газъ у театра потухъ; со звономъ лопающихся стеколъ въ окнахъ домовъ и каретъ слились крики толпы, стоны раненыхъ, ржаніе взбѣсившихся лошадей; градъ желѣзныхъ осколковъ посыпался на карету императора и уланскій конвой, лошади котораго топтали убитыхъ и раненыхъ; кровь лилась рѣкой. Карета была обита внутри желѣзомъ и потому попавшіе въ нее семьдесятъ шесть снарядовъ оставили на ней только вдавленные слѣды. Одинъ изъ снарядовъ пробилъ шляпу императора и легко ранилъ его въ лицо, другой оцарапалъ високъ Евгеніи; генералъ Роге былъ тяжело раненъ; Алессандри, также раненый, бросившись къ императрицѣ, запачкалъ кровью ея платье. Кучеръ, три лакея, два улана были ранены смертельно; число всѣхъ пострадавшихъ простиралось до 160-ти. Луи-Наполеонъ остался въ театрѣ, встрѣченный восторженными рукоплесканіями публики, и прежде чѣмъ представленіе окончилось, въ рукахъ полиціи были уже всѣ виновники покушенія. Еще за нѣсколько минутъ до взрыва, на углу улицы Пеллетье былъ схваченъ Пьери, за которымъ давно уже слѣдили. У него нашли пятиствольный револьверъ, кинжалъ, билеты англійскаго банка и маленькій жестяной цилиндръ со взрывчатымъ составомъ. Въ квартирѣ его захватили сообщника его Рудіо да-Сильву. Въ то же время, въ ресторанѣ противъ театра, гарсонъ замѣтилъ пистолетъ у одного посѣтителя, вошедшаго туда вслѣдъ за взрывомъ. Взятый тотчасъ же, онъ показалъ, что служитъ лакеемъ у англичанина Ольсопа. Это былъ Гомесъ, а подъ именемъ Ольсопа скрывался Орсини. Изъ участниковъ заговора не захвачены были только двое: настоящій Ольсопъ и Симонъ Бернаръ, французскій эмигрантъ въ Лондонѣ, котораго не выдали англійскіе суды по требованію Луи-Наполеона. Орсини былъ сначала однимъ изъ самыхъ близкихъ приверженцевъ Мадзини, но разошелся съ нимъ, завидуя его власти и недовольный тѣмъ, что въ проектахъ интернаціонали Мадзини не былъ партизаномъ крайнихъ мѣръ, какъ Карлъ Марксъ и Бакунинъ. Безъ вѣдома Мадзини, Орсини задумалъ неудавшуюся попытку овладѣть Луи-Наполеономъ въ Отейлѣ, а потомъ убить его съ помощью разрывныхъ бомбъ. Онъ признавался во время процеса, что „самое вѣрное средство произвести революцію въ Италіи—это поднять революцію во Франціи, для чего необходимо убить императора“. Орсини говорилъ также, что идея разрывныхъ бомбъ принадлежитъ не ему, что онъ видѣлъ точно такія же въ одномъ бельгійскомъ музеѣ, гдѣ ихъ приготовили для той же самой цѣли еще въ 1864 году, что въ Англіи ихъ заказалъ выдѣлать въ Бирмингамѣ

Томасъ Ольсонъ, одинъ изъ ревностныхъ чартистовъ, другъ Роберта Оуэна. Пьери, Гомесъ и Рудіо были только обыкновенными убійцами, слѣпыми орудіями заговорщика, и двое послѣднихъ не присуждены къ смерти даже французскимъ судомъ. Луи-Наполеонъ хотѣлъ простить и Пьери, но маршалъ Пелисье доказалъ ему, что онъ не имѣетъ на это право, такъ какъ при покушеніи погибло много невинныхъ жертвъ. Болѣе всего удивило публику во время процеса письмо Орсини къ Луи-Наполеону. Въ письмѣ убійца „умолялъ его величество вспомнить, что отецъ Орсини лилъ съ радостью кровь свою за Наполеона Великаго. Самъ же онъ, всходя на эшафотъ, высказываетъ только одно послѣднее желаніе: чтобы его величество освободилъ Италію, его отечество, чтó привлечетъ на него благословеніе двадцатипяти мильоновъ гражданъ и ихъ потомковъ".

Орсини и Пьери, съ босыми ногами, покрытые чернымъ покрываломъ отцеубійцъ, были привязаны къ столбу эшафота, пока имъ читали смертный приговоръ. Пьери казнили сперва: онъ старался выказать храбрость и пѣлъ дрожащимъ голосомъ „Пѣснь жирондистовъ". Орсини умеръ спокойный, молчаливый, вскричавъ только въ послѣднюю минуту: „Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Италія". Вмѣстѣ съ цареубійцами пало министерство Биньо и управленіе полиціей. Мѣсто префекта полиціи занялъ Буатель, бывшій уланскій капитанъ; министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Эспинасъ, произведенный изъ полковниковъ въ генералы еще 2-го декабря 1851 года за то, что храбро разстрѣливалъ на бульварахъ защитниковъ права и конституціи. Этотъ генералъ-министръ воскресилъ законъ о подозрительныхъ лицахъ и отправилъ въ ссылку, административнымъ порядкомъ, множество ни въ чемъ неповинныхъ людей. Но заговоръ Орсини Клодъ называетъ все-таки—прологомъ итальянской войны и освобожденія Италіи. Опасаясь повторенія подобныхъ покушеній, Луи-Наполеонъ поспѣшилъ заключить союзъ съ Викторомъ-Эмануиломъ и объявилъ войну Австріи.

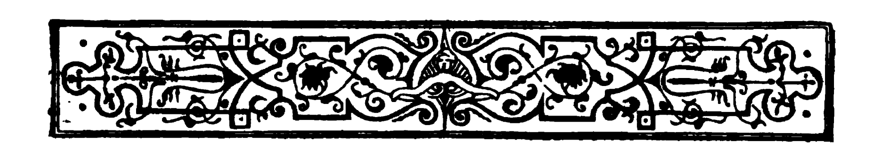
О другомъ покушеніи на цареубійство, происходившемъ 25-го мая (6-го іюня) 1860 года въ Парижѣ, Клодъ сообщаетъ немного новыхъ подробностей. Онъ говоритъ только, что двумъ его агентамъ Березовскій обязанъ тѣмъ, что его не растерзала толпа, бывшая свидѣтелемъ его покушенія. Вотъ какъ, по словамъ Клода, происходило дѣло. По окончаніи большого парада въ Лоншанѣ, Луи-Наполеонъ возвращался съ русскимъ императоромъ въ Парижъ въ открытой коляскѣ. Въ то время, когда, обогнувъ мѣсто скачекъ, она проѣзжала мимо грота, откуда вытекаетъ источникъ, раздались два выстрѣла. Лошадь одного изъ конюховъ, скакавшихъ подлѣ коляски, была ранена въ голову и обрызгала кровью обоихъ императоровъ. На секунду весь кортежъ и толпившаяся на дорогѣ масса публики оставались въ оцѣпенѣніи. Но Луи-Наполеонъ всталъ въ коляскѣ и, поклонившись толпѣ, сдѣлалъ успокоительный жестъ въ доказательство, что ни онъ,

ни гость его не ранены. Тогда раздались рукоплесканія и крики: „Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ царь!“ Другая часть публики бросилась къ мѣсту, откуда раздались выстрѣлы. Цареубійца, раненый въ большой и указательный пальцы двумя выстрѣлами изъ своего револьвера, не успѣлъ убѣжать. Его схватилъ агентъ Алессандри, но толпа вырвала отъ него убійцу, набросилась на него, сбила съ ногъ, разорвала на немъ платье, стала топтать его ногами. Тогда два агента Клода, одаренные геркулесовскою силою, оттолкнули насѣвшихъ на Березовскаго и сбиравшихся повѣсить его тутъ же, подняли убійцу съ окровавленнымъ лицомъ и оттащили его отъ мѣста преступленія, заслоняя отъ ударовъ, пока не подоспѣлъ на помощъ отрядъ городскихъ сержантовъ. Но и по всему Булонскому лѣсу необходимо было охранять его полиціей и солдатами отъ разсвирѣпѣвшей толпы, нѣсколько разъ порывавшейся растерзать его. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, смуглый, средняго роста, съ свѣтлыми глазами, крѣпкаго сложенія. Онъ эмигрировалъ изъ Польши послѣ возстанія 1863 года, былъ хорошимъ механикомъ на одномъ парижскомъ суднѣ. На судѣ онъ показалъ, что у него нѣтъ сообщниковъ, что онъ глубоко почитаетъ императора французовъ, и обязанъ вѣчной благодарностью за гостепріимство Франціи, но что онъ питаетъ вѣчную ненависть къ царю. Клодъ не вѣритъ, чтобы Березовскій рѣшился на преступленіе изъ любви къ отечеству, и видитъ въ немъ агента Бакунина, орудіе нигилистовъ. Французское правительство хотѣло, напротивъ, видѣть въ немъ только заблуждающагося фанатика, патріота, возставшаго безъ всякихъ сообщниковъ противъ того, кто, по его мнѣнію, былъ причиною несчастій его отечества. На судѣ смотрѣли на него какъ на мученика свободы и судьи были къ нему гораздо снисходительнѣе, чѣмъ свидѣтели покушенія. Онъ былъ приговоренъ только къ каторжной работѣ. Французская адвокатура дошла до того, что изъ группы ея представителей раздались крики: „Да здравствуетъ Польша!“—когда высокій посѣтитель осматривалъ зданіе суда. Безнаказанность заговорщиковъ, снисхожденіе къ цареубійцамъ, дерзость адвокатовъ, обнаружившаяся въ рѣчи Жюль-Фавра, защищавшаго Березовскаго,—все это прежде всего отразилось на печальной участи самого Луи-Наполеона, черезъ три года послѣ праздниковъ всемірной выставки потерявшаго престолъ и свободу. Та же рука, которую онъ такъ горячо и дружески пожималъ на блестящихъ торжествахъ, балахъ, спектакляхъ, парадахъ, приняла шпагу побѣжденнаго, опозореннаго императора-авантюриста, вмѣстѣ съ которымъ исчезла и его мишурная имперія, возникшая изъ заговора, клятвопреступленія, нарушенія присяги, основанная на беззаконіи, убійствахъ, насиліи, обманѣ и растлѣніи нравовъ. Все величіе Луи-Наполеона было одною ложью, а русская пословица говоритъ недаромъ, что „ложью можно пройти весь свѣтъ, но нельзя назадъ вер-

нуться". Онъ и не вернулся болѣе въ страну, захваченную имъ, ограбленную, опозоренную, преданную суровымъ врагамъ, довершившимъ ея раззореніе... Надъ этимъ тяжелымъ, рѣдкимъ примѣромъ исторіи долго еще будутъ задумываться наши потомки...

Вл. З—въ.





ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Ганзенъ. „Два года военныхъ дѣйствій“. Воспоминанія о походѣ русскихъ противъ турокъ 1828 г. и о польскомъ походѣ 1831 г. *).

Литература военныхъ дѣйствій 1828 и 1831 годовъ еще нуждается въ добавленіяхъ. Русскій офиціозный трудъ Лукьяновича пристрастенъ; къ тому же, автору не доставало необходимыхъ военныхъ знаній. „Исторія русско-турецкой войны 1828 гг.“ Валентини появилась еще въ 1830 году, слѣдовательно не могла основываться на изученіи источниковъ, и въ настоящее время не имѣетъ значенія. „Воспоминанія“ герцога Евгенія Вюртембергскаго заключаютъ много интереснаго, но носятъ почти исключительно личный характеръ и слѣды какого-то раздраженія, именно противъ Дибича. Трудъ Мольтке, появившійся въ 1877 году во второмъ изданіи, стоитъ несравненно выше. Прекрасно описаніе театра военныхъ дѣйствій, укрѣпленныхъ мѣстъ, состоянія турецкой арміи и народа, военныхъ операцій. Относительно положенія русской арміи въ то время, когда писалъ авторъ, еще ничего не было обнародовано съ русской стороны; поэтому оно было менѣе знакомо автору, и цифры, показанныя относительно русскихъ силъ, слишкомъ низки.

Для военныхъ дѣйствій въ Польшѣ въ 1831 году почти исключительно приходится ограничиваться исторіей Ф. Ф. Смитта—трудомъ, который, несмотря на большія достоинства, не можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ изложеніемъ. Смиттъ былъ русскимъ чиновникомъ. Онъ писалъ въ то время, когда главные вожди тог-

---

¹) Hansen. „Zwei Kriegsjahre“.

дальнихъ военныхъ дѣйствій еще были живы и занимали высокое положеніе. Какъ ниже будетъ указано, авторъ не вполнѣ ускользнулъ отъ вліянія этихъ обстоятельствъ. Труды Лелевеля, Спатцера и другихъ, которые прославляютъ польское возстаніе, не имѣютъ никакого историческаго значенія. Тѣмъ не менѣе для многихъ они составляютъ и теперь еще главный источникъ для знакомства съ исторіей возстанія.

Если бы русское правительство рѣшилось открыть для историковъ архивы въ Варшавѣ и Петербургѣ, общественное мнѣніе гораздо благосклоннѣе отнеслось бы къ мѣрамъ русскаго правительства и къ русскому войску и съ бо̀льшей строгостью къ большинству вождей повстанцевъ. Русское правительство далеко не было безпощаднымъ послѣ побѣды; оно дѣйствовало несравненно мягче даже противъ большинства руководителей возстанія, нежели какъ это дѣлаютъ обыкновенно республиканскія правительства въ такихъ же случаяхъ. То, что̀ Ганзенъ говоритъ о демократической партіи повстанцевъ и о мѣрахъ русскаго правительства до и послѣ кампаніи, совпадаетъ въ существенныхъ чертахъ съ мягкимъ и справедливымъ приговоромъ генерала Ф. Брандта въ его мемуарахъ.

Прибавленіе заключаетъ въ себѣ отрывки изъ дневниковъ и писемъ высшихъ офицеровъ русской арміи, касающихся обоихъ походовъ, и любопытныя свѣдѣнія относительно военной печати въ первые годы царствованія Александра II.

Драгоцѣнныя сообщенія Ганзена о двухъ очень любопытныхъ походахъ вполнѣ безпристрастны; онъ принималъ участіе въ обѣихъ кампаніяхъ въ совершенно подчиненномъ положеніи и уже въ преклонныхъ годахъ написалъ свои „Воспоминанія" по дневнику, который онъ велъ въ то время, по письмамъ многихъ участниковъ этихъ походовъ и по немногимъ, названнымъ уже сочиненіямъ. Онъ разсказываетъ живо и наглядно. Его описанія битвъ носятъ обыкновенно характеръ правдивости и трезвости. Сужденіе о личностяхъ, какъ полководцевъ и генераловъ, такъ и писателей, при всей своей мягкости, отличается остротой и глубиной; оно можетъ быть признано вполнѣ справедливымъ.

Ганзенъ вступилъ въ 1821 году рядовымъ въ Финляндскій егерскій полкъ; черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ другой полкъ, стоявшій внутри Россіи, принялъ участіе въ походѣ 1828 года и только послѣ окончанія похода былъ произведенъ въ офицеры по ходатайству Меньшикова, съ которымъ онъ встрѣтился еще раньше.

Меньшиковъ изображается при этомъ человѣкомъ добрымъ и любезнымъ. Описаніе осады и взятія Анапы, осады и штурма Варны— превосходны.

Походъ былъ предпринятъ съ недостаточными силами. Россія совершенно не вѣрила, чтобы турки рѣшились оказать ей сопротивленіе. Меттернихъ осуждалъ въ то время, въ обнародованныхъ те-

перь письмахъ, необдуманность, съ которой было начато это предпріятіе. Если бы армія Омера-Вріоне, посланная для освобожденія Варны, была дѣятельнѣе, то крѣпость не пала бы, или же по крайней мѣрѣ гарнизонъ имѣлъ бы возможность пробиться. Въ этомъ Ганзенъ согласенъ съ Мольтке. Множество примѣровъ показываетъ, какъ неудовлетворительны были организація и администрація русскаго войска. Изъ многихъ тысячъ плѣнныхъ, которыхъ отправили изъ Варны черезъ Добруджу въ Россію, почти половина погибла отъ холода и вслѣдствіе недостатка одежды и плохаго питанія. Ганзенъ послѣ войны былъ переведенъ въ гвардейскій егерскій полкъ, который былъ почти уничтоженъ во время рекогносцировки противъ Омера-Вріоне вслѣдствіе неразумія командира, полковника Залускаго. Залускій былъ полякъ, особенно рекомендованный великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ; онъ состоялъ флигель-адъютантомъ при императорѣ, который, обойдя старшихъ офицеровъ, поручилъ ему начальство надъ рекогносцировкой.

Еще интереснѣе сообщенія Ганзена о польскомъ возстаніи и походѣ 1831 года. Великій князь Константинъ Павловичъ, главнокомандующій всѣми войсками, расположенными въ Польшѣ и Литвѣ, не вѣрилъ, что готовится возстаніе, и не обратилъ вниманія на предостереженія; онъ думалъ, что пріобрѣлъ любовь польской націи и особенно польскаго войска, которому онъ довѣрялъ вполнѣ. Но при своей вспыльчивости и рѣзкости, онъ часто оскорблялъ окружающихъ и даже знатныхъ поляковъ. Отдѣльные случаи измѣны, которые повели къ разслѣдованію, онъ считалъ безвреднымъ юношескимъ сумасбродствомъ. Такимъ образомъ, онъ пренебрегъ всѣми мѣропріятіями, которыми можно было въ зародышѣ задушить подготовленное возстаніе, и былъ захваченъ имъ совершенно врасплохъ. Уже тогда существовалъ въ Польшѣ антагонизмъ между бѣлой, умѣренной, аристократической партіей, во главѣ которой стоялъ въ Парижѣ князь Чарторыскій, и красной, демократической и крайней. Бѣлые не желали отдѣленія отъ Россіи; они требовали только сохраненія и расширенія правъ, дарованныхъ въ 1815 году; они не желали и возстанія.

Красные желали независимой польской республики. Какъ во время послѣдующихъ возстаній, и здѣсь фанатическая, безразсудная партія одержала верхъ надъ умѣренной. 17-го (29-го) ноября 1830 года кучка молодыхъ людей, съ неспособнымъ Высоцкимъ во главѣ, овладѣла Варшавой. Великій князь растерялся и очистилъ Варшаву съ 4-мъ и 5-мъ гвардейскими полками и многочисленной артиллеріей. Онъ полагалъ быть въ безопасности только по ту сторону польской границы, при Бѣлостокѣ и Гродно. Здѣсь вскорѣ собралось русское войско для подавленія возстанія. Силъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, было бы вполнѣ достаточно, чтобы возстановить спокойствіе и раздавить возстаніе, которое теперь быстро охватило всю Польшу. Онъ распустилъ польскіе полки, и способный организоторъ, Хлопицкій,

вскорѣ стоялъ во главѣ 60.000 обученнаго польскаго войска. Даже сильныя крѣпости—Замостье и Модлинъ—попали въ руки поляковъ вслѣдствiе нерѣшительности растерявшихся русскихъ командировъ.

Послѣ Гроховской битвы (13-го февраля 1831 года) Дибичъ могъ въ ту же ночь взять штурмомъ Прагу, укрѣпленное предмѣстье Варшавы, и съ одного удара раздавить возстанiе. Онъ врядъ ли бы встрѣтилъ серьезное сопротивленiе. Но онъ побоялся кроваваго ночного сраженiя. Къ тому же, какъ говорятъ, великiй князь увѣрилъ его, что поляки сдадутся и безъ новой битвы. Гвардейскiй корпусъ былъ отданъ въ распоряженiе Дибича только подъ условiемъ; онъ долженъ былъ беречь это отборное войско отъ сильныхъ потерь. Но ошибка, сдѣланная послѣ Гроховской битвы, дала себя почувствовать. Варшава и Прага сдѣлались опорой для вылазокъ польскаго войска; владѣя ими, оно могло напасть на корпусъ Розена и оттѣснить его. Дибичъ не воспользовался и второй побѣдой, при Остроленкѣ (14-го iюня) или по нерѣшительности, или потому, что продовольствованiе его армiи было организовано слишкомъ неудовлетворительно. Толь и другiе генералы настоятельно совѣтовали энергично преслѣдовать разбитое войско. Вѣроятно, Дибичъ могъ достигнуть Варшавы еще раньше, чѣмъ это удалось остаткамъ польскаго войска подъ начальствомъ Скржинецкаго. Въ русскомъ войскѣ господствовало неудовольствiе, которое все-таки не шло такъ далеко, какъ это утверждаетъ герцогъ Виртембергскiй въ своихъ мемуарахъ: „Послѣ похода, бросившаго тѣнь на его славу, Дибичъ среди проклятiй войска сошелъ въ могилу“. Императоръ Николай началъ сомнѣться въ способностяхъ Дибича и послалъ графа Орлова осмотрѣть положенiе войска. Орловъ нашелъ войска послѣ побѣды при Остроленкѣ въ бодромъ настроенiи; они успѣли выказать свою храбрость и дисциплину; успокоенный и довольный, онъ вернулся въ Петербургъ. О Дибичѣ Ганзенъ говоритъ: „При неоспоримо высокомъ военномъ дарованiи Дибичу не доставало качествъ, которыя привлекаютъ и грѣютъ сердца солдатъ. Онъ слишкомъ рѣдко входилъ въ сношенiя съ войскомъ, не владѣлъ словомъ, языкомъ солдатъ, которымъ Суворовъ ободрялъ ихъ на геройскiе подвиги. При этомъ ему не доставало внѣшняго достоинства полководца; маленькая, приземистая фигура, короткая шея, безобразно большая голова, темно-багровое лицо, длинные рыжiе волосы и несоразмѣрность всего тѣлосложенiя не подходили къ высокому положенiю предводителя войска, а неряшество въ одеждѣ, доходившее до неопрятности, еще болѣе выдавало недостатки, невыгодныя стороны его внѣшняго вида; при этомъ голосъ его былъ грубъ и криклив ъ“. Къ тому времени, когда Дибичъ умеръ отъ холеры, Паскевичъ былъ уже призванъ въ Петербургъ,—случайно, или съ тѣмъ, чтобы смѣнить его—это неизвѣстно. Когда онъ принялъ главное начальство, самая трудная часть его задачи была уже рѣшена. Толь, начальникъ главнаго штаба, который самъ надѣялся замѣстить Дибича, побуждалъ

колеблющагося, крайне осторожнаго Паскевича къ энергичному наступленію. Онъ совѣтовалъ напасть на поляковъ при Болиновѣ и уничтожить ихъ въ третьей битвѣ. Но Паскевичъ продолжалъ колебаться. Толь съ самаго начала относился къ нему съ раздраженіемъ. Штурмовать Варшаву фельдмаршалъ рѣшился только тогда, когда предводитель поляковъ отрядилъ Раморино съ 20.000 человѣкъ въ экспедицію къ границамъ Галиціи: это было большой стратегической ошибкой, потому что значительно ослабило гарнизонъ Варшавы. Не отдѣли онъ этого отряда — штурмъ Варшавы врядъ ли бы удался. Паскевичу пришлось бы тогда рѣшиться на продолжительную осаду, послѣдствія которой были неисчислимы вслѣдствіе приближенія зимы. Кровавое взятіе шанца Воли и близъ-лежащихъ укрѣпленій 25-го и 26-го августа мастерски нарисованы Ганзеномъ. Паскевичъ былъ раненъ на второй день, и Толь принялъ самостоятельное руководство битвой.

Мы не можемъ указывать всѣ частности, которыя проливаютъ новый свѣтъ на операціи и битвы этихъ дней или измѣняютъ господствовавшія донынѣ сужденія о личностяхъ и событіяхъ. Но такъ какъ авторитетъ Смитта до сихъ поръ почти не подвергался сомнѣнію, то присоединимъ только слѣдующія замѣчанія. Когда вышла въ свѣтъ „Исторія возстанія“ Смитта, Паскевичъ стоялъ еще на вершинѣ своего могущества; великій князь Михаилъ и очень уважаемый генералъ Бергъ были тоже еще въ живыхъ; напротивъ, Толь уже умеръ. Ф. Ф. Смиттъ расточаетъ въ своей исторіи безусловныя похвалы способу веденія войны фельдмаршаломъ Паскевичемъ; въ его медленномъ, осторожномъ, осмотрительномъ движеніи на Варшаву, въ постоянномъ желаніи избѣжать всякаго столкновенія съ врагомъ до достиженія поставленной себѣ цѣли, онъ видитъ послѣдовательное проведеніе хорошо продуманнаго плана. Онъ не можетъ высказать достаточнаго удивленія силѣ характера Паскевича, его непоколебимой твердости, сравнительно съ необузданнымъ стремленіемъ впередъ графа Толя; послѣдняго онъ изображаетъ иногда въ такомъ свѣтѣ, какъ будто бы, не взвѣшивая достаточно обстоятельствъ, онъ постоянно побуждалъ къ безусловнову наступленію. Вся армія довѣряла тогда Толю, между тѣмъ какъ колебаніе Паскевича подвергалось строгому осужденію. Напротивъ, въ предисловіи къ „Голосамъ полководцевъ“, изданнымъ въ 1852 году, два года спустя послѣ смерти Паскевича, Смиттъ говоритъ: „Паскевичъ былъ нерѣшителенъ, мнителенъ, всюду чуялъ опасности. По отношенію къ окружающимъ онъ былъ подозрителенъ и не скрывалъ своего недовѣрія; при этомъ недостатокъ предпріимчивости и упорство къ разъ образовавшимся взглядамъ. Его пугало всякое рискованное, даже просто отважное предпріятіе“. Изъ подобныхъ же соображеній Смиттъ не ввелъ въ кругъ своей критики великаго князя Михаила. Ганзенъ ставитъ Дибича выше Паскевича и приводитъ лестное сужденіе Мольтке о Дибичѣ, какъ о полководцѣ, вполнѣ раздѣляя такое мнѣніе. **Иф...лъ.**



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Община и подать. Собраніе изслѣдованій В. Трирогова. Спб. 1882.



ОТЯ книга г. Трирогова составлена изъ статей преимущественно публицистическаго свойства, печатавшихся въ послѣдніе годы въ разныхъ журналахъ, но, при изслѣдованіи экономической стороны русскихъ и инородческихъ общинъ, авторъ иногда сообщаетъ не лишенныя интереса и характерности историческія свѣдѣнія, относящіяся къ жизни русскихъ крестьянъ, а также мордвы и татаръ, особенно за время подчиненія ихъ административному попечительству.

Хорошимъ образчикомъ того, какое сильное вліяніе на крестьянское хозяйство имѣютъ извѣстное административное и общественное положеніе крестьянъ, ихъ самостоятельность, служитъ разсказываемая г. Триноговымъ исторія введенія общественныхъ запашекъ у удѣльныхъ крестьянъ Симбирской губерніи. Обязательное установленіе общественныхъ запашекъ встрѣтило тамъ частію открытое, частію пассивное упорство какъ со стороны русскихъ крестьянъ, такъ и татаръ. Мѣстами доходило даже до явнаго сопротивленія, вслѣдствіе чего, для приведенія крестьянъ къ повиновенію, въ 1835 году было командировано особое лицо, а вслѣдъ за нимъ явилась военная команда, и зачинщики волненій подверглись строгимъ карамъ. Короче, упомянутыя запашки составляютъ характерную страницу изъ крайне любопытной исторіи такъ называемыхъ „крестьянскихъ бунтовъ“ въ Россіи, поражающихъ ничтожнымъ поводомъ къ „бунту“ и его суровому усмиренію. Причины сопротивленія выяснились впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 25 послѣ волненія. Оказалось, что крестьяне смотрѣли на общественную запашку, какъ на обременительную натуральную повинность. Не имѣя полной самостоятельности, они были увѣрены, что плоды ихъ трудовъ всегда могли быть обращены въ пользу постороннихъ лицъ и обществъ. Злоупотребленія волостныхъ начальствъ вели къ тому, что добытый путемъ общественной запашки хлѣбъ, ссыпанный въ запасные мага-

зины, уходилъ больше на сторону, а между тѣмъ для работъ по общественнымъ запашкамъ обыкновенно отнималось у крестьянъ самое дорогое время, необходимое для ихъ собственныхъ работъ. Для болѣе полной характеристики этого эпизода изъ исторіи попечительства надъ русскими крестьянами, достаточно прибавить, что впослѣдствіи, когда крестьяне сдѣлались самостоятельными, они сами стали вводить прежде столь ненавидимыя общественныя запашки, частію же послѣднія вводились по постановленіямъ земскихъ собраній въ описываемомъ авторомъ краѣ (Саратовская, Симбирская, Самарская губерніи). „Иногда самыя благодѣтельныя, повидимому, мѣры, говоритъ г. Трироговъ—могутъ вести къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ, если только онѣ вводятся безъ знанія народной жизни, экономическихъ ея условій". Иными словами—кабинетнымъ способомъ. А между тѣмъ, собственно изъ-за этого способа, изъ-за пріема, съ какимъ подходили къ дѣлу, создался лишній „бунтъ" и происходило лишнее его усмиреніе.

Укажемъ еще одинъ любопытный историческій фактъ, сообщаемый г. Трироговымъ въ статьѣ „Татарскія общины и четвертные владѣльцы", впервые являющейся въ отдѣльномъ изданіи. Дѣло идетъ о земельныхъ владѣніяхъ нѣкоторыхъ татаръ поволжскаго края. Владѣнія эти искони считались татарами полною собственностью, и такое свое право они основывали частію на крѣпостяхъ, частію на различныхъ выписяхъ изъ писцовыхъ книгъ и т. п. Для историка русской жизни конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія небезъинтересно знать, какъ эти вотчинныя права были утрачены, тѣмъ болѣе, что такая шаткость правъ послужила поводомъ ко множеству спорныхъ поземельныхъ дѣлъ со стороны татаръ. Во время генеральнаго межеванія, въ 1799 году, къ татарскимъ деревнямъ, по рѣшенію межеваго вѣдомства, намежевано было земли по 15 десятинъ на душу пятой ревизіи, безъ различія владѣльцевъ, какъ имѣющихъ крѣпостные документы, такъ и не имѣющихъ ихъ. Прибавка земли была довольно значительна, а потому общества татарскихъ деревень изъявляли согласіе и получали, вслѣдствіе этого, планъ и межевыя книги. Само собою разумѣется, что этимъ уничтожены всѣ имѣвшіяся въ рукахъ татаръ какія либо крѣпости или выписи изъ писцовыхъ книгъ, которыя затѣмъ потеряли всякое юридическое значеніе по отношенію къ личному праву владѣнія. Нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства между утратою правъ собственности на землю различными нашими полудикими инородцами: въ прошломъ столѣтіи татары, въ нынѣшнемъ—башкиры, которые также получали опредѣленный надѣлъ изъ своихъ же когда-то обширныхъ вотчинныхъ земель, выскользнувшихъ изъ ихъ неумѣлыхъ рукъ.

Путевыя замѣтки автора заключаютъ въ себѣ множество интересныхъ подробностей, изъ которыхъ кое-что относится и къ исторіи русскаго землевладѣнія. Вотъ, напримѣръ, такая интересная частность, какъ „община дворянъ Плѣшивцевыхъ", т. е. крестьянъ, бывшихъ когда-то дворянами, а потомъ малопо-малу обратившихся въ крестьянъ. Плѣшивцевы значатся теперь крестьянами общества однодворцевъ. Начало этой общины относится ко временамъ императрицы Анны Ивановны (подлинный любопытный документъ буквально воспроизведенъ авторомъ). Плѣшивцевы купили свою землю въ 1735 году за 6 руб. 50 коп. отъ нѣкоего князя Кудашева, за неграмотностью котораго „подлинную купчую крѣпость подписалъ сызранскій отставной солдатъ Михайловъ". Разумѣется, эти дворяне теперь уже рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ и передѣляютъ свою землю отъ ревизіи до ревизіи,—характерная

подробность изъ исторіи нашего дворянства, показывающая, что оно, вопреки стремленіямъ нѣкоторыхъ отечественныхъ западниковъ съ аристократическимъ оттѣнкомъ, всегда было въ тѣсной связи съ народомъ, само выходило изъ простаго народа, ему порою уподоблялось и въ его же среду нерѣдко возвращалось.

При наблюдательности автора и тщательности, съ какою онъ старается воспроизвести въ своей книжкѣ, большею частію подлинными словами, попадавшіеся ему остатки прошлаго въ области землевладѣнія, книжка г. Трирогова составляетъ полезное подспорье интересующимся прошедшей и настоящей жизнью нашего простаго народа.

Н. С. К.

Три еврейскіе путешественника XI-го и XII-го столѣтій (еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ). Переводъ и примѣчанія П. Марголина. С. П. В. 1882.

Это—описанія путешествій Эльдадъ Данитъ, Веніамина Тудельскаго и Петахія Регенсбургскаго, переведенныя на всѣ европейскіе языки. Г. Марголинъ впервые издаетъ и русскій переводъ, снабженный многочисленными примѣчаніями, обличающими въ переводчикѣ глубокое знаніе еврейскаго языка и литературы. Путешествія эти вызваны не только желаніемъ ознакомиться съ бытомъ единовѣрцевъ своихъ во всѣхъ частяхъ свѣта въ XII столѣтіи, но, какъ полагаетъ авторъ, и господствовавшею въ то время въ средѣ евреевъ увѣренностью въ самостоятельномъ существованіи гдѣ-то десяти израильскихъ колѣнъ и потомковъ Моисея. Увѣренность эта утѣшала, какъ сладкое сновидѣніе, вздыхавшихъ подъ строгимъ бичемъ евреевъ и возбуждала въ тоскующихъ сердцахъ ихъ страстное желаніе розыскать потомковъ десяти сыновей Израиля. При такомъ-то возбужденіи умовъ явился въ XI вѣкѣ между евреями пилигримъ, по имени Эльдадъ, который, назвавшись потомкомъ изъ колѣна Дана, принесъ, къ великой радости своихъ соплеменниковъ, извѣстія о мѣстѣ жительства существовавшихъ, будто бы, самостоятельно въ Азіи и Африкѣ десяти колѣнъ и о царствѣ Бене-Моше, окруженномъ столь извѣстною, по еврейскимъ преданіямъ, рѣкою Саббатіономъ. Какъ разсказъ Эльдада, такъ и свидѣтельство двухъ другихъ названныхъ еврейскихъ пилигримовъ, отправившихся на самостоятельные поиски мѣстопребыванія независимыхъ еврейскихъ царствъ, дошли до насъ далеко не въ полномъ видѣ. Всѣ три путешествія написаны на библейскомъ языкѣ и являются единственными въ своемъ родѣ памятниками средневѣковой еврейской письменности. Путешествіе же Петахіи, помимо общаго интереса, представляемаго изображеніемъ библейскихъ мѣстностей, быта и учрежденій азіатскихъ евреевъ въ XII вѣкѣ, возбуждаетъ вниманіе русскаго читателя въ томъ отношеніи, что этотъ путешественникъ былъ въ предѣлахъ нашего отечества, прослѣдовалъ чрезъ Польшу и Кіевъ, переправился чрезъ Днѣпръ, посѣтилъ занятыя тогда половцами степныя пространства нынѣшнихъ Екатеринославской губерніи и Области Войска Донскаго, черезъ Перекопскій перешеекъ перешелъ въ Крымъ, откуда по Черному морю перебрался на восточный берегъ его, побывалъ въ Грузіи, Арменіи, ходилъ по Араратскимъ горамъ... Переводъ сдѣланъ весьма добросовѣстно и толково. Жаль только, что при книгѣ нѣтъ карты, обѣщанной въ предисловіи. Чтеніе этихъ описаній было бы тѣмъ значительно облегчено.

Ѳ. В.

„Памятники русской старины Владимірской губерніи“ и „Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ“. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. Голышевка, близъ слободы Мстеры. Вязниковскаго уѣзда. 1882.

Мы уже имѣли случай не разъ говорить объ археологическихъ изданіяхъ И. А. Голышева,—этого замѣчательнаго крестьянина-самоучки, достигшаго и знаній и относительнаго благосостоянія путемъ долгаго и упорнаго труда, основавшаго на своей родинѣ, въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, деревенскую литографію, благодаря которой сотни людей мѣстнаго населенія получаютъ средства къ безбѣдному существованію. Въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ мы указали на значеніе недавно изданнаго г. Голышевымъ „Альбома русскихъ древностей Владимірской губерніи“. Въ настоящее время неутомимый археологъ-литографъ выпустилъ въ свѣтъ еще два изданія: „Памятники русской старины Владимірской губерніи“ и „Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ“. Оба изданія эти—въ которыя вошли снимки съ древнихъ образовъ, ихъ окладовъ и украшеній, съ старинныхъ пряничныхъ досокъ, лубочныхъ картинокъ духовнаго содержанія и рисунковъ, находящихся въ рѣдкихъ рукописныхъ синодикахъ,—помимо ихъ научнаго значенія, отличаются необыкновенно художественной работой, ставящей деревенскую литографію г. Голышева наравнѣ съ лучшими столичными литографіями. Въ особенности отчетливо воспроизведены золотомъ и серебромъ снимки съ окладовъ древнихъ иконъ. Мы можемъ сдѣлать почтенному издателю только одинъ упрекъ—за то, что онъ не снабдилъ свои альбомы никакимъ пояснительнымъ текстомъ и даже не указалъ, гдѣ находятся подлинники снимковъ, вошедшихъ въ его изданіе. Такой указатель имѣетъ существенное значеніе для занимающихся археологіей и безусловно необходимъ. Полезные труды г. Голышева заслуживаютъ полнаго поощренія, и наши Археологическія Общества, безъ сомнѣнія, обратятъ на нихъ вниманіе.

С. Ш.

Грузинскія крестьянскія грамоты. Составилъ Д. П. Пурцеладзе. Тифлисъ. 1882.

Г. Пурцеладзе продолжаетъ неутомимо собирать матеріалы для исторіи древней Грузіи. Въ прошломъ году онъ напечаталъ грузинскія церковныя и дворянскія грамоты. Теперь передъ нами сборникъ документовъ, касающихся крѣпостной зависимости, суда, судопроизводства, которые имѣютъ значеніе въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняютъ какъ внутреннее, такъ и внѣшнее положеніе древней Грузіи. Документы эти представляютъ весьма интересный культурно-историческій очеркъ грузинскаго народа въ XVI — XVII в.в.; сверхъ того, они даютъ полное представленіе о земельныхъ отношеніяхъ и способахъ перехода земли отъ одного лица къ другому и обрядностяхъ, какія при этомъ исполнялись. Грузія находилась въ то время въ полной зависимости отъ Турціи и Персіи, и небезъинтересно замѣтить, что въ Грузіи, въ періодъ владычества Персіи, не только гражданскіе споры разрѣшались по шаріату, но даже купчія крѣпости между христіанами совершались по тому же шаріату. Мы увѣрены, что всѣ кто интересуется исторіей Грузіи, будутъ благодарны г. Пурцеладзе за это добросовѣстное изданіе.

И. В.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Ч. 1-я. Спб. 1882.

Это—довольно полное изображеніе историческихъ судебъ западно-русской церкви. Историческимъ моментомъ, съ котораго начинается отдѣльная историческая жизнь южно-русской церкви, собственно, служитъ окончательное отдѣленіе южной митрополіи отъ сѣверной, слѣдовательно, половина XV-го вѣка. Но такъ какъ это событіе подготовлялось много лѣтъ и даже не одно столѣтіе, такъ какъ, затѣмъ, условія, вызвавшія его, дѣйствовали впродолженіе всего времени послѣ обособленія политической жизни южнорусскихъ земель отъ сѣверныхъ, то авторъ начинаетъ свой обзоръ судьбы южно-русской церкви именно съ этого времени, т. е. съ образованія Галицко-Владимірскаго княжества, какъ первой политической формы южно-русскаго государства, отдѣльнаго и независимаго отъ восточной Руси. Дальнѣйшими формами политической жизни, черезъ которыя проходила эта обособленность южно-русскаго народа, были литовско-польское владычество, начавшееся со времени попытокъ къ соединенію великаго княжества литовскаго съ Польшею и, послѣ люблинской уніи, польское владычество. Въ этихъ трехъ отдѣлахъ книги г. Чистовича и прослѣженъ послѣдовательный ходъ событій исторіи западно-русской церкви. Желающій ознакомиться съ этой исторіей найдетъ въ книгѣ г. Чистовича общедоступное и обстоятельное справочное пособіе.

Л. Н.

Надписи персидскихъ царей изъ рода Ахеменидовъ. Составилъ И. Радлинскій. Выпускъ I. Варшава. 1881 г.

Въ нашей ученой литературѣ нѣтъ ни руководствъ къ изученію ассирійскаго языка, ни переводовъ ассирійскихъ памятниковъ, которые имѣютъ такое важное значеніе для исторіи древняго Востока. Г. Радлинскій дѣлаетъ попытку пополнить этотъ пробѣлъ, предпринявъ изданіе нѣсколькихъ важнѣйшихъ памятниковъ въ ассирійской письменности. Въ составъ перваго выпуска вошли надписи царя Дарія. Историкъ найдетъ въ этомъ изданіи точный переводъ памятниковъ и обзоръ нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ, возбужденныхъ новѣйшими открытіями, научныхъ вопросовъ. Для филолога же предлагается подлинный ассирійскій текстъ и, сверхъ того, въ толковомъ указателѣ объяснено значеніе всѣхъ встрѣчающихся въ текстѣ словъ и грамматическихъ формъ. Словомъ, это—въ одно и то же время руководство къ изученію ассирійскаго языка, и матеріалъ перваго источника, возбуждающій историческую любознательность. Совмѣстное преслѣдованіе двухъ цѣлей въ отношеніи къ данному предмету заслуживаетъ полнаго одобренія. Тотъ, кто желалъ бы ознакомиться съ основами ассирійскаго языка, имѣетъ возможность по изданію г. Родлинскаго немедленно примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенныя свѣдѣнія. Это въ значительной степени поддерживаетъ интересъ къ дальнѣйшему изученію предмета. Разсчитывая на любознательность неподготовленныхъ людей, г. Радлинскій предусмотрѣлъ и трудность, связанную съ изученіемъ ассирійскаго языка совмѣстно съ письменными ассирійскими знаками. Онъ весьма умѣстно замѣнилъ клинописные знаки русскою транскрипціею. Все это, вмѣстѣ взятое, обязываетъ насъ привѣтствовать полезное предпріятіе автора и пожелать ему полнаго успѣха.

Ѳ. В.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Актъ, относящійся до начала мѣновой торговли въ городѣ Троицкѣ.

Мѣновая торговля въ г. Троицкѣ, какъ видно изъ приводимаго документа, началась при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1745 году. Торговля эта начиналась весьма туго и требовала для русскихъ торговцевъ неоднократныхъ публикацій, хотя киргизъ-кайсаки и являлись къ Троицку въ достаточномъ количествѣ. Вотъ самый актъ, извлеченный изъ мѣстныхъ архивовъ:

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ Исетской провинціальной канцеляріи окуневской управительской канцеляріи.

„Сего сентября отъ 5-го числа, имѣющій команду на Уйской линіи приміеръ-маіоръ Пекарскій промеморіей, сюда предъявленной минувшаго іюля 15-го, и по посланнымъ отсель указамъ для мѣны съ пріѣзжающими киргизъ-кайсаками при Троицкой крѣпости, здѣшней провинціи купцовъ явилось только три человѣка почти безъ всего, а киргизцевъ довольно, и просятъ мѣнять, и чтобъ Исетской провинціальной (канцеляріи) вѣдомства своего купцамъ публиковать о упоминаемой мѣнѣ, ежели кто пожелаетъ, тобъ немедленно пріѣзжали, чтобы за неимѣніемъ товаровъ киргизы не могли возвратно отъѣхать. Того ради въ Исетской провинціальной канцеляріи опредѣлено: въ Челябинскѣ, въ дистриктахъ, во всѣхъ острогахъ и слободахъ вторично публиковать, ежели кто для упоминаемой съ киргизцами мѣны изъ купцовъ съ товарами пожелаетъ ѣхать, то бы къ Троицку ѣхали немедленно, и проч. Сентября 7-го дня 1745 года. За воеводу капитанъ Костыркинъ“.

Такимъ образомъ, изъ настоящаго документа видно, что мѣновая торговля съ киргизами въ Троицкѣ началась черезъ годъ послѣ его основанія въ 1744 году. Вначалѣ это былъ городъ и крѣпость на правомъ берегу рѣки Уя, за которой впослѣдствіи устроился мѣновой дворъ для мѣны товаровъ и скота съ киргизами и другими азіатцами. Время мѣны и до сихъ поръ называется **сотовкой**.

До 1744 года, начиная съ 1743 г., управленіе Оренбургскимъ краемъ называлось, при статскомъ совѣтникѣ Кириловѣ, извѣстною, потомъ оренбургскою экспедиціею; при тайномъ же совѣтникѣ Татищевѣ—оренбургскою комиссію, но въ 1744 году Оренбургскій край переименованъ былъ въ Оренбургскую губернію, и генералъ Неплюевъ назначенъ первымъ губернаторомъ. Оренбургскому дистрикту подчинены были Уфимская и Исетская провинціи и всѣ крѣпости. Уфимская провинція заключала въ себѣ всю нынѣшнюю Уфимскую губ., Бугульминскій уѣздъ Самарской губ., часть Осинскаго и часть Красноуфимскаго уѣздовъ Пермской губ., а Оренбургскій дистриктъ—Оренбургскій, часть Орскаго уѣзда, уѣзды Бузулукскій, Бугурусланскій и Самарскій Самарской губерніи.

Сообщено М. В. Лоссіевскимъ.

Императрица Елизавета какъ щеголиха.

Расположенная отчасти къ эстетическимъ удовольствіямъ, отчасти къ хорошему, гастрономическому столу, императрица Елизавета любила также наряды и тратила на нихъ большія деньги, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій довольно любопытный документъ, представленный государынѣ только за нѣсколько дней до ея кончины.

„Всепресвѣтлѣйшая (и т. д.)! Бьетъ челомъ бывшаго церемоніймейстера Θедора Вехтѣева жена его, вдова, Катерина Бехтѣева, а о чемъ, тому слѣдують пункты:

„1) Въ бытность покойнаго мужа моего при французскомъ дворѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ, повелѣно ему рескриптомъ отъ 22-го іюля 1757 года купить въ Парижѣ, для собственнаго вашего императорскаго величества употребленія, разныхъ галантерейныхъ и другихъ вещей, по приложенному при томъ реэстру, и на покупку оныхъ тогда-жь переведено къ нему изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ двѣ тысячи рублевъ.

„2) Изъ оныхъ вещей нѣкоторыя помянутымъ мужемъ моимъ тогда-жь куплены и сюда ко двору отосланы, а достальныя за скорымъ его изъ Парижа отъѣздомъ, чрезъ корреспондентовъ его исправлены, а, по пріѣздѣ мужа моего въ Санктпетербургъ, тѣ вещи въ разныя числа взнесены имъ въ комнату вашего императорскаго величества.

„3) А какъ тѣхъ переведенныхъ денегъ, на покупку всѣхъ повелѣнныхъ вещей, недостаточно стало, то мужъ мой принужденъ на то, також де и на провозъ и на платежъ за тѣ вещи въ разныхъ мѣстахъ и здѣсь, въ Санктпетербургѣ, таможенныхъ пошлинъ, нѣсколько собственныхъ своихъ денегъ употребить, какъ все сіе доказывается слѣдующими здѣсь для усмотрѣнія, при особливомъ реэстрѣ, оригинальными квитанціями и другими документами. А сверхъ того и еще имъ, мужемъ моимъ, употреблено на покупку чулковъ для вашего императорскаго величества изъ собственныхъ же его денегъ пять сотъ сорокъ ливровъ, за что за все помянутому мужу моему платежа ни откуда не было. Того ради, припадая къ высокомонаршимъ стопамъ вашего и—скаго в—ства, всеподданѣйше прошу:

„Дабы высочайшимъ вашего и—скаго в—ства указомъ всемилостивѣйше повелѣно было сіе прошеніе въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ принять, и сколько по помянутымъ щотамъ и документамъ, сверхъ переведен-

ныхъ на покупку тѣхъ вещей двухъ тысячъ рублевъ передержано мужемъ моимъ собственныхъ его денегъ, оныя мнѣ возвратить, обще и съ упомянаемыми, употребленными особливо, на покупку чулковъ и цвѣтовъ, пятьюстами сорока ливрами; а что еще за тѣ вещи недоплачено въ здѣшнюю таможню пошлинъ, въ томъ съ нею разсчетъ имѣть оной государственной коллегіи.

„Всемилостивѣйшая Государыня! Прошу ваше им—ское вел—ство о семъ моемъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить. Декабря дня 1761 года. Къ поданію надлежитъ...“ и т. д. „Челобитную писалъ оной (государственной иностранныхъ дѣлъ) коллегіи канцеляристъ Павелъ Стражевъ“.

Итакъ, благодушная дочь суроваго императора тратила страшно большія, не только для тогдашняго, но и для настоящаго времени, суммы на покупку чулковъ. Зато вѣдь оня—сіи чулки, стоившіе 540 ливровъ,—вѣроятно, исчезли безвозвратно; а если они и сохранились въ дворцовыхъ кладовыхъ, то кто-же взглянетъ на нихъ съ тѣмъ чувствомъ признательности, съ какимъ русскій человѣкъ смотритъ на плохое одѣяніе Петра Великаго?

Щеголяя сама, императрица Елизавета любила видѣть и свой дворъ роскошно одѣтымъ. Генералитетъ облекался въ кавалерскія ленты заграничнаго издѣлія:

„1758 года, ноября 9-го дня (читаемъ въ принадлежащихъ намъ документахъ), выдано бывшему церемоніймейстеру Ѳедору Бехтѣеву, по счету его, издержанныхъ имъ, въ бытность его въ Парижѣ, на покупку тамъ для употребленія къ кавалерскимъ крестамъ голубыхъ и пунцовыхъ лентъ, сверхъ переведенныхъ къ нему на такую покупку трехсотъ рублевъ, еще, въ счетъ чрезвычайныхъ расходовъ, сорокъ шесть рублевъ шестьдесятъ три копѣйки“...

Сообщено Л. Н. Трефолевымъ.

Письмо князя Д. А. Голицына къ барону Гримму [1]).

La Haye, le 14 Octobre, 1782.

„La chose à la quelle je m'entend le moins, Monsieur, c'est à la vie de l'homme.

„J'etais le plus tranquille des hommes. Ma femme élevait nos enfants à Munster. Ils reussissaient à merveille. Je les voyais quand ils avaient besoin de mes secours. Je ne me melais d'aucune intrigue, d'aucune cabale. J'avais des amis. Je remplissai mes devoirs avec une exactitude qui me rendait content de moi même, que c'etait un charme. En un mot, j'etais heureux et très heureux, et vous le savez.

---

[1]) Тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ (род. въ 1734 г.), съ молодыхъ лѣтъ состоялъ при русскомъ посольствѣ во Франціи, а въ 1764 г. назначенъ посломъ въ Гагу. Онъ былъ женатъ на дочери прусскаго генерала, графинѣ Аделаидѣ-Амаліи фонъ-Шметтау, извѣстной въ то время своимъ образованіемъ и покровительствомъ наукамъ и искусствамъ. Она жила постоянно въ Мюнстерѣ, окруженная учеными, поэтами и художниками. Просьба Голицына, котораго императрица Екатерина II хотѣла перевести въ 1782 г. посломъ въ Туринъ, изложенная имъ въ письмѣ къ Гримму, была исполнена: онъ остался посломъ въ Гагѣ и сохранилъ это мѣсто до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1803 году.

„L'imperatrice de Russie, qui n'a jamais fait de malheureux, me dit un de ces jours: Allez vous en à Turin, ne restez plus en Hollande.

„Il faut quitter alors femme, enfans, amis, gouts, habitudes etc. et d'heureux que j'etais—me voila le plus malheureux des hommes. Quelle changement de decoration! Y entendez vous quelque chose?

„Si vous pouvez me l'expliquer, vous me rendrez je crois un grand service à l'humanité et particulierement à celui qui ne cessera d'etre de coeur et d'ame tout à vous pour la vie.

„Démitri prince de Gallizine".

„P. S. Si vous pouviez toucher un mot dans vos saintes prieres en ma faveur à la S-te Catherine, vous sauveriez une famille entierè du nauffrage et du malheur, et qui vous aurait une obligation qui ne saurait s'exprimer. Elle vous devrait plus que la vie, attendu que le chef de cette famille se desole et que la vie lui est insupportable maintenant".

Надпись на конвертѣ: A Monsieur, Monsieur le baron de Grimm, Ministre Plenipotentiaire de Saxe-Gotta, rue de la Chaussée d'Antin, près le Boulevard. A Paris.

Переводъ:

Гага, 14 октября 1782.

„Милостивый государь, жизнь человѣческая—вещь, которую я меньше всего понимаю.

„Я былъ самымъ спокойнымъ человѣкомъ. Моя жена воспитывала нашихъ дѣтей въ Мюнстерѣ. Они преуспѣвали на-диво. Я видался съ ними, когда имъ нужна была моя помощь. Я не вмѣшивался ни въ какую интригу, ни въ какой заговоръ. У меня были друзья. Я исполнялъ свои обязанности съ такой аккуратностью, что былъ всегда доволенъ самъ собой; все шло прекрасно. Однимъ словомъ, я былъ счастливъ, очень счастливъ, и вы это знаете.

„Русская императрица, которая никого никогда не сдѣлала несчастнымъ, сказала мнѣ на этихъ дняхъ: „Отправляйтесь въ Туринъ, не оставайтесь болѣе въ Голландіи".

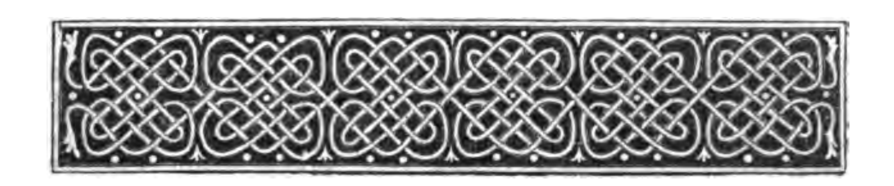
„Приходится покинуть жену, дѣтей, друзей, вкусы, привычки и пр. И вотъ изъ счастливца, какимъ я былъ, я становлюсь несчастнѣйшимъ изъ людей. Какая перемѣна декорацій! Понимаете ли вы въ этомъ что нибудь?

„Если-бъ вы могли объяснить мнѣ это, вы оказали бы, какъ мнѣ кажется, большую услугу всему человѣчеству, а въ особенности тому, кто останется на всю жизнь вамъ преданнымъ всѣмъ сердцемъ и всею душою.

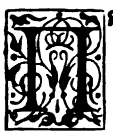
„Князь Дмитрій Голицынъ".

„P. S. Если-бъ вы могли въ вашихъ святыхъ молитвахъ къ св. Екатеринѣ замолвить за меня словечко, вы спасли бы отъ крушенія и несчастія цѣлое семейство, которое прониклось бы къ вамъ невыразимою словами благодарностью. Оно было бы вамъ обязано болѣе чѣмъ жизнью, такъ какъ глава этого семейства въ отчаяніи и жизнь ему невыносима въ настоящее время".

Сообщено Г. В. Есиповымъ.



СМѢСЬ.



Пятидесятилѣтіе Румянцевскаго музея. 28-го мая, въ румянцевской залѣ московскаго Румянцевскаго музея праздновался пятидесятилѣтній юбилей этого учрежденія. Засѣданіе было открыто рѣчью директора музея, причемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ В. А. Дашковъ, между прочимъ, сообщилъ, что высочайшее повелѣніе въ Бозѣ почивающаго государя Николая Павловича объ окончательномъ принятіи завѣщаннаго государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, на благое просвѣщеніе, богатаго книжнаго и рукописнаго собранія вмѣстѣ съ нумизматическими и другими отдѣлами въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало 28-го мая 1831 года, и что слѣдовательно юбилей долженъ былъ праздноваться музеемъ въ 1881 году, но ужасное событіе 1-го марта прошлаго года заставило въ то время отложить мысль о какомъ бы то ни было празднествѣ и перенести его на этотъ годъ. Въ своей рѣчи директоръ музеевъ перечислилъ слѣдующія юбилейныя изданія: 1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи „Румянцевскаго музея"; 2) „Историческое описаніе Румянцевскаго музеума", бывшаго библіотекаря музея К. Кестнера; 3) „Описаніе рукописей П. И. Севастьянова", А. Викторова; „Описаніе рукописей профессора И. Д. Бѣляева", А. Викторова; 4) „Описаніе собранія историко-юридическихъ актовъ профессора Бѣляева, Д. Лебедева; 5) собраніе фотографическихъ снимковъ съ наружныхъ и внутреннихъ помѣщеній московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, а также съ замѣчательнѣйшихъ хранящихся въ музеяхъ памятниковъ. По окончаніи рѣчи В. А. Дашковъ прочелъ поздравительную депешу, полученную имъ отъ его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича.

Затѣмъ, послѣ рѣчей и привѣтствій музея представителями различныхъ учебныхъ обществъ, академій и университетовъ, директоръ музея В. А. Дашковъ сообщилъ собранію слѣдующую телеграмму отъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова:

„Директору Румянцевскаго музея:

„Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ поздравить ваше высокопревосходительство, какъ представителя Румянцевскаго музея, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія его существованія, и пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія этому полезному учрежденію".

Послѣ засѣданія почетные посѣтители осматривали рѣдкости музеевъ, новую читальную залу и въ особенности портретную галлерею русскихъ великихъ дѣятелей, портреты которыхъ собирались директоромъ музея В. А. Дашковымъ втеченіе шестнадцати лѣтъ и затѣмъ подарены музею.

† **Московскій митрополитъ Макарій.** Въ ночь на 10-е іюня скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ русской церкви—митрополитъ московскій Макарій. Его жизнь и дѣятельность—замѣчательны. Вотъ вкратцѣ біографія усопшаго митрополита. Онъ родился 19-го сентября 1816 г., въ селѣ Сурковѣ, Харьковской губерніи. Онъ сынъ—сельскаго священника, Петра Булгакова, рано умершаго и оставившаго послѣ себя вдову и нѣсколько малолѣтокъ въ положительной бѣдности. Михаилъ былъ мальчикъ больной, изнуренный, имѣлъ видъ запуганнаго ребенка. Въ бурсѣ товарищи его, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не любили тихаго, безотвѣтнаго и невзрачнаго ребенка, державшагося вдали отъ ихъ игръ и шалостей. Михаилъ не отличался въ школѣ и быстротою способностей. Однажды, во время школьныхъ игръ, когда на мальчика Михаила по обыкновенію стали нападать школьники, онъ хотѣлъ уклониться отъ удара, на него направленнаго, и, оступившись, упалъ и расшибъ себѣ голову до крови. Этотъ случай явился чѣмъ-то роковымъ для Михаила. Въ жизни его произошла необъяснимая перемѣна. Какъ только мальчикъ оправился отъ болѣзни, рану залечили,—онъ точно переродился. Здоровье его окрѣпло. Считавшійся неспособнымъ, онъ вдругъ признанъ былъ лучшимъ ученикомъ. И съ тѣхъ поръ Михаилъ все выше и выше шелъ въ гору по успѣхамъ. Однажды епископъ курскій Иліодоръ присутствовалъ на экзаменахъ въ епархіальной семинаріи. Отвѣты Михаила Булгакова привели въ восторгъ преосвященнаго. Иліодоръ, тотчасъ же разузнавъ о семействѣ даровитаго ребенка, озаботился его обезпечить, а затѣмъ Михаилъ Булгаковъ посланъ былъ по окончаніи семинарскаго курса, въ качествѣ отличнаго ученика, въ кіевскую духовную академію, въ 1837 г., гдѣ на послѣднемъ курсѣ принялъ монашество. 12-го іюля 1842 года, онъ былъ переведенъ въ с.-петербургскую духовную академію. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ инспекторомъ академіи, и на слѣдующій годъ святѣйшій синодъ за усердную службу и особенныя занятія богословскими науками возвелъ его на степень экстраординарнаго профессора богословія. Его отличныя заслуги обратили на себя особое вниманіе государя императора, и въ декабрѣ 1850 г. онъ былъ произведенъ въ ректора петербургской духовной академіи. На слѣдующій мѣсяцъ онъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа винницкаго. Онъ оставался однако во главѣ академіи, пока съ 1857 г. не былъ возведенъ въ санъ епископа тамбовскаго. Въ 1859 г. онъ былъ переведенъ на харьковскую каѳедру; эта каѳедра въ 1862 г. была сдѣлана архіепископскою. Въ 1868 г. его сдѣлали архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ.

Преосвященный Макарій—авторъ многихъ ученыхъ замѣчательныхъ произведеній. Первымъ изъ нихъ была „Исторія кіевской академіи", изданная въ 1843 г. Въ 1846 г. вышла въ свѣтъ „Исторія христіанства въ Россіи до временъ св. Владиміра". Въ слѣдующемъ году—„Очерки исторіи русской церкви до татарскаго нашествія", и затѣмъ „Введеніе въ православное богословіе", пріобрѣтшее ему степень доктора. Въ 1852 г. было издано „Православное догматическое богословіе". Въ 1853 г. преосвященный Макарій былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго Общества, въ 1854 г. дѣйствительнымъ членомъ императорской академіи наукъ, въ слѣдующемъ году почетнымъ членомъ московскаго университета, а въ 1856 г. почетнымъ членомъ харьковскаго университета. Въ этомъ же году вышло въ свѣтъ его сочиненіе подъ названіемъ: „Исторія старообрядческой секты". Въ 1857 г. появился первый томъ „Исторіи русской церкви". Помимо своихъ обширныхъ ученыхъ произведеній, преосвященный Макарій написалъ нѣсколько учебниковъ, изъ которыхъ: „Руководство къ православному догматическому богословію" принято для обученія въ семинаріяхъ.

Всѣ произведенія высокопреосвященнѣйшаго Макарія очень распространены и сдѣлали его имя не только извѣстнымъ, но и популярнымъ въ Россіи. Слава о немъ, впрочемъ, пронеслась далеко за предѣлы русской имперіи, и нѣкоторыя изъ его произведеній переведены на иностранные языки. „Введеніе въ православное богословіе", переведенное однимъ русскимъ, издано на французскомъ языкѣ въ Парижѣ (Librairie de Ioel Cherbuliez) въ 1857 г. „Православное догматическое богословіе" также въ Парижѣ въ 1857—59 г. „Руководство къ православному догматическому богословію"—переведено на нѣмецкій языкъ и благосклонно принято германскими богословами.

† **Графъ В. А. Соллогубъ.** Въ Гомбургѣ скончался, 68-ми лѣтъ отъ роду, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ литераторовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ еще въ тридцатыхъ годахъ, графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ. Принадлежа къ родовитой литовской фамиліи, сынъ тайнаго совѣтника, графа А. И. Соллогуба, имѣвшаго въ супружествѣ С. И. Архарову, онъ получилъ блистательное воспитаніе и, по окончаніи курса въ дерптскомъ университетѣ, началъ дипломатическую карьеру при посольствѣ въ Вѣнѣ. Несмотря на связи въ высшемъ обществѣ, занимаясь статистикою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ не составилъ, однако, себѣ блестящей административной карьеры, хотя служилъ и на Кавказѣ, и по тюремному вѣдомству. Болѣе прочную память оставилъ онъ по себѣ въ литературѣ, гдѣ за нимъ останется извѣстность даровитаго беллетриста. Нѣкоторыя изъ его повѣстей и разсказовъ, особенно тѣ, гдѣ онъ изображалъ хорошо знакомый ему большой свѣтъ, въ свое время имѣли большой успѣхъ, какъ „Исторія двухъ калошъ", „Левъ", „Три жениха", „Сережа", „Большой свѣтъ". Въ 1842 году, собранныя въ одну книжку, подъ названіемъ „На сонъ грядущій", разсказы эти пріобрѣли обширный кругъ читателей, такъ же какъ и появившіеся впослѣдствіи: „Аптекарша", „Медвѣдь", „Княгиня", „Метель". Въ 1845 году появился его „Тарантасъ", самое законченное и наиболѣе зрѣлое изъ всѣхъ его произведеній, гдѣ много юмора и наблюдательности. Онъ писалъ и стихи — впрочемъ, довольно слабые — и піесы для театра, изъ которыхъ комедія „Бѣда отъ нѣжнаго сердца" дается и въ настоящее время, а другія, какъ „Чиновникъ", „Букеты или петербургское цвѣтобѣсіе", имѣли временный успѣхъ. Онъ пробовалъ свои силы и въ серьезныхъ статьяхъ, каковы біографіи Котляревскаго, Губера, и началъ печатать свои „Воспоминанія" въ „Русскомъ Мірѣ". Въ послѣднюю войну, находясь при главной квартирѣ государя императора, онъ велъ любопытный „Дневникъ", отрывки изъ котораго печатались въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", но который отдѣльною книгою въ свѣтъ не выходилъ. Соллогубъ написалъ и на французскомъ языкѣ нѣсколько пьесъ, статей и стихотвореній. Не отличаясь крупнымъ дарованіемъ, онъ писалъ по-русски хорошо и мѣтко обрисовывалъ некрупные типы общества, въ средѣ котораго ему приходилось вращаться.

† **В. Г. Перовъ.** 29-го мая, скончался отъ чахотки Василій Григорьевичъ Перовъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ живописцевъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что непозже нынѣшней осени будетъ напечатана подробная біографія этого замѣчательнаго нашего художника, гдѣ, кромѣ фактовъ его жизни и изложенія всего хода его постепеннаго развитія, будетъ сообщенъ публикѣ цѣлый рядъ писемъ Перова, рисующихъ своеобразную и характерную его личность.

Сватьба карликовъ.

(По поводу гравюры Филипса).

Изъ числа многихъ оригинальныхъ затѣй Петра Великаго, одной изъ самыхъ оригинальныхъ слѣдуетъ признать попытку развести въ Россіи породу карликовъ посредствомъ браковъ. Съ этой цѣлью, Петръ задумалъ женить своего любимаго карла Якима Волкова на карлицѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Оригинальная мысль эта была приведена въ исполненіе оригинальнымъ же образомъ. 19-го августа 1710 года состоялся слѣдующій царскій указъ:

„Карлъ мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ сего августа 25-го дня, а въ тотъ отпускъ, въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ тѣ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дню на нихъ, карлъ, платье: на мужеской полъ кафтаны и камзолы нарядные, цвѣтные, съ позументами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шпаги, и портупеи, и шляпы, и чулки, и башмаки нѣмецкіе добрые; на дѣвическъ полъ верхнее и исподнее нѣмецкое платье, и фантажи, и всякій приличный добрый уборъ, и въ томъ взять тѣхъ домовъ съ стряпчихъ сказки" и проч.

Согласно этому указу, было собрано въ Петербургѣ и Москвѣ около 80 карликовъ и карлицъ, однако же сборъ продолжался настолько медленно, что сватьба могла быть отпразднована не ранѣе 14-го ноября. Наканунѣ ея,

двое карликовъ, исполнявшіе обязанность шаферовъ, ѣздили приглашать гостей въ колясочкѣ о трехъ колесахъ, запряженной одной маленькой лошадью, убранной разноцвѣтными лентами и предшествуемой двумя верховыми придворными лакеями. На другой день, когда приглашенные гости собрались въ назначенный домъ, молодые отправились къ вѣнцу торжественнымъ шествіемъ. Впереди шелъ карликъ, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, къ концу котораго былъ привязанъ большой букетъ изъ лентъ. За нимъ шествовали женихъ и невѣста съ шаферами, въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ; потомъ царь, многія дамы, нѣкоторые иностранные министры и знатныя особы. Шествіе замыкалось 72-мя карликами и карлицами, попарно; карлики были одѣты въ свѣтло-голубые или розовые французскіе кафтаны, съ трехъ-угольными шляпами на головахъ и при шпагахъ, а карлицы въ бѣлыя платья съ розовыми лентами. Послѣ церемоніи бракосочетанія, всѣ отправились на Васильевскій островъ, въ домъ князя Меншикова, гдѣ молодыхъ ожидалъ роскошный обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ; надъ мѣстами жениха и невѣсты были сдѣланы шелковые балдахины, убранные, по тогдашнему обычаю, вѣнками. Маршалъ и восемь шаферовъ имѣли для отличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныя ленты. Кругомъ, по стѣнамъ залы, сидѣла царская фамилія и прочіе гости. Праздникъ кончился пляской, въ которой принимали участіе только карлы и карлицы. Петръ усердно подпаивалъ новобрачныхъ и затѣмъ самъ отвезъ ихъ домой и при себѣ велѣлъ уложить ихъ въ постель.

Курьезная свадьба эта была изображена на нѣсколькихъ современныхъ гравюрахъ. Лучшая изъ нихъ—голландская гравюра Филипса, копія съ которой, исполненная по нашему заказу граверомъ Панемакеромъ въ Парижѣ, прилагается къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника".

Затѣя Петра (повторенная имъ еще разъ въ 1713 году) не привела къ желаемымъ результатамъ. Правда, молодая карлица сдѣлалась беременной, но не могла разрѣшиться, и послѣ тяжкихъ страданій умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Вдовецъ карликъ, Якимъ Волковъ, послѣ смерти своей жены началъ пьянствовать и распутничать; всѣ строгія мѣры, принятыя для его исправленія, оказались напрасными. Онъ умеръ въ концѣ января 1724 года, и по приказанію Петра, былъ похороненъ торжественнымъ и опять-таки забавнымъ образомъ. Впереди погребальной процессіи шли, попарно, тридцать пѣвчихъ,—все маленькіе мальчики. За ними слѣдовалъ, въ полномъ облаченіи, крошечный попъ, котораго нарочно выбрали для этой церемоніи по причинѣ его малаго роста. Затѣмъ ѣхали маленькія, особаго устройства сани. Ихъ везли шесть крошечныхъ лошадокъ, покрытыхъ до самой земли черными попонами и ведомыхъ подъ-узцы маленькими пажами. На саняхъ стоялъ гробъ съ тѣломъ усопшаго, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными позументами и кистями. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. Позади гроба слѣдовалъ маленькій карла, въ качествѣ маршала, съ большимъ маршальскимъ жезломъ, обтянутымъ флеромъ, спускавшимся до земли. На этомъ карлѣ, какъ и на прочихъ товарищахъ его, была длинная черная мантія. За нимъ двигались, попарно, остальные карлики. Потомъ выступалъ другой маленькій маршалъ, во главѣ карлицъ. Изъ нихъ самую крошечную вели подъ руки двое наиболѣе рослыхъ карла. Лицо ея было совершенно закрыто флеромъ. За нею шествовали остальныя карлицы попарно, въ глубокомъ траурѣ. По обѣимъ сторонамъ процессіи шли съ зажженными факелами огромные гвардейскіе солдаты и придворные гайдуки. Императоръ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, провожалъ процессію пѣшкомъ отъ Зимняго дворца до Зеленаго (нынѣ Полицейскаго) моста. Тѣло Якима Волкова было предано землѣ на кладбищѣ Ямской слободы. По окончаніи погребенія всѣ карлики и карлицы были привезены во дворецъ и угощены здѣсь обѣдомъ.

„Едва-ли, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ одинъ иностранецъ очевидецъ, гдѣ нибудь въ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, можно увидѣть такую странную процессію"!..

С. Ш.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ХРОНИКИ

ТИВУРГА МОРЭ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1882



I.

Апрѣля 5-го 1793 г., на Темзѣ, противъ Гринвича, бросила якорь большая яхта подъ англійскимъ флагомъ, съ королевскими вымпелами на мачтахъ. Съ яхты была спущена тяжелая лѣстница, къ которой подплылъ катеръ съ двѣнадцатью гребцами. Носовая часть катера была устлана ковромъ съ королевскими гербами. Двѣ дамы и высокій мужчина, съ изящными манерами, помѣстились въ катерѣ, который поплылъ къ набережной.

Одна изъ этихъ дамъ, одѣтая въ синее бархатное дорожное платье съ золотыми шнурками и пуговицами и въ черную поярковую шляпу съ бѣлыми перьями, была Каролина-Амалія-Елизавета, дочь герцога Брауншвейгскаго, пріѣхавшая въ Англію въ званіи принцессы Уэльской, то есть наслѣдницы престола. Наканунѣ она прибыла въ Грэвезендъ, на кораблѣ „Юпитеръ", въ сопровожденіи одной изъ своихъ статсъ-дамъ, мистриссъ Гаркортъ, которая встрѣтила ее въ Ганноверѣ, и Джемса Гоуарда Гарриса, перваго лорда Мальмесбюри, чрезвычайнаго и полномочнаго посла, обвѣнчавшагося съ принцессою Брауншвейгскою за Георга, принца Уэльскаго.

Всѣ эти подробности мы заимствуемъ изъ записокъ самого лорда Мальмесбюри, сдѣлавшагося впослѣдствіи англійскимъ посломъ при директоріи французской республики.

Описывать наружность женщины тотчасъ послѣ длиннаго и утомительнаго путешествія, когда лицо ея блѣдно и утомлено, глаза опухли, значило бы грѣшить противъ исторической правды. Довольно сказать, что принцессѣ Брауншвейгской было уже около двадцати шести лѣтъ и она уже утратила легкость стана, свойственную первой молодости. Ростъ ея былъ ниже средняго, глаза голубые, зубы до-

вольно хорошіе, волосы бѣлокурые и отъ природы волнистые. Руки ея были красивы, но не выхолены; ноги такъ дурно обуты, что о формѣ ихъ нельзя было судить. Но что всего болѣе поражало въ ней—такъ это какая-то небрежность и распущенность всей ея фигуры. Она даже не дала себѣ труда причесаться передъ тѣмъ, какъ высáдиться, разсчитывая, вѣроятно, что на это будетъ время по пріѣздѣ въ Лондонъ. Строгій критикъ замѣтилъ бы, сверхъ того, что ноги ея были обуты въ довольно толстые чулки и что она потеряла одну изъ своихъ серегъ.

Нельзя было также не удивляться необыкновенной живости и болтливости принцессы. Она болтала все, что ей приходило въ голову, нисколько не стѣсняясь и ни мало не думая о впечатлѣніи, которое она производила на окружающихъ. Обращеніе ея съ сопровождавшимъ ее важнымъ дипломатомъ болѣе походило на поведеніе своенравнаго ребенка, чѣмъ на поведеніе принцессы зрѣлаго возраста, только что пріѣхавшей въ страну, гдѣ она была призвана царствовать. Но лордъ Мальмесбюри, уже пять мѣсяцевъ находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нею, казалось, привыкъ къ ея манерамъ. Все его вниманіе было сосредоточено на берегу, гдѣ онъ тщетно искалъ глазами какихъ нибудь признаковъ того, что принцессу ждутъ. На всемъ пространствѣ между набережной и величественнымъ фасадомъ гринвичскаго госпиталя не было видно ни каретъ, ни ливрей, ни гвардіи, ни какихъ бы то ни было приготовленій. Только какихъ нибудь двое-трое зѣвакъ замѣтили прибытіе яхты и глазѣли на катеръ, приближавшійся къ набережной. Лордъ Мальмесбюри былъ видимо озадаченъ.

— Произошло какое-то недоразумѣніе, сказалъ онъ.—Я не вижу свиты вашего высочества.

— Ну, такъ что же? безпечно сказала принцесса.—Пріѣдемъ и безъ барабановъ. Одной скукой меньше.

— Однако, вѣдь и экипажа нѣтъ! возразилъ Мальмесбюри.

— Значитъ, все потеряно! вскричала Каролина, расхохотавшись.

Между тѣмъ, катеръ причалилъ къ набережной. Посланникъ, сойдя на берегъ, подалъ руку принцессѣ и сталъ осматриваться вокругъ, не зная, чтó дѣлать. Онъ уже готовъ былъ предложить возвратиться на яхту, какъ вдругъ ему пришла счастливая мысль.

— Не пойти ли намъ къ начальнику дома инвалидовъ, сэру Паллизеру? предложилъ онъ.

— И отлично....

Каролина взяла лорда Мальмесбюри подъ руку и они отправились къ госпиталю. Придя къ рѣшеткѣ, они должны были вступить въ переговоры со старымъ сторожемъ и объяснить ему свое приключеніе. Наконецъ, все объяснилось. Вышелъ сэръ Гюгъ Паллизеръ и, удивленный, кланяясь до земли, провелъ принцессу въ залу, обитую утрехтскимъ бархатомъ. Тамъ ее приняли его сестры, двѣ старыя

дѣвы. Тотчасъ былъ поданъ чай и устроена закуска. Принцесса была въ восторгѣ. Она такъ увлекательно смѣялась, что даже лицо Мальмесбюри прояснилось, какъ вдругъ послышался шумъ подъѣзжающихъ экипажей. Прибылъ дворъ.

Принцесса была немало удивлена, услыхавъ, что въ числѣ дамъ, пріѣхавшихъ ее встрѣтить, находится леди Джерсей, бывшая открыто любовницей принца Уэльскаго; Каролина не могла не понять всей неумѣстности назначенія къ ней подобной статсъ-дамы. Удивленіе смѣнилось въ ней негодованіемъ, когда она увидѣла эту красавицу, подходившую къ ней, мѣряя ее съ головы до ногъ дерзкимъ взглядомъ. Сдѣлавъ этотъ обзоръ, леди Джерсей церемонно поклонилась и вскричала:

— Боже! какъ вы одѣты, принцесса! Да это настоящій егерскій мундиръ! И башмаки съ каблуками! Но вѣдь ихъ уже три года какъ перестали носить. Знаете ли вы, что принцъ Уэльскій очень требователенъ на этотъ счетъ?

Говоря это, хорошенькая графиня выставила изъ подъ платья маленькую ножку, обутую въ черный атласный башмачекъ съ перекрещивающимися ленточками, и посмотрѣла на нее изъ подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ съ видомъ самодовольства. Глаза Каролины машинально послѣдовали по тому же направленію. Она промолчала, но глубоко почувствовала уколъ.

Чтó бы она сказала, если бъ знала, что и свита ея запоздала собственно потому, что леди Джерсей замѣшкалась, обувая свои маленькія ножки?

— Къ счастью, я предусмотрительна, прибавила графиня;—я привезла вашему высочеству великолѣпный нарядъ отъ мадамъ Бонтанъ, бывшей камеръ-юнгферы французской королевы. Я увѣрена, что онъ васъ восхититъ.

Пока Каролина соображала, слѣдуетъ ли ей обидѣться, передъ нею разложили картоны и видъ нарядовъ заставилъ ее все забыть. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, у которыхъ все дѣлается по первому движенію и подъ впечатлѣніемъ минуты. Чувство досады мигомъ разсѣялось при видѣ газовъ и лентъ. Теперь она думала только о томъ, что ей нужно нравиться, и принялась разсматривать съ дѣтскимъ восторгомъ бѣлое атласное платье, украшенное кружевами, шелковые чулки, башмаки какъ у леди Джерсей, и крепoвый токъ съ бѣлыми перьями.

Каролина убѣжала въ смежную комнату и, немного погодя, возвратилась въ полномъ нарядѣ. Леди Джерсей помогла ей одѣться, и наивная принцесса не догадалась, какое коварство скрывалось въ ея услужливости.

Подали экипажи. Леди Джерсей изъявила неслыханное притязаніе сѣсть рядомъ съ принцессой, въ глубину кареты, увѣряя, что ей дѣлается дурно, когда она ѣдетъ на переднемъ сидѣньѣ; но лордъ Мальмесбюри рѣшительно воспротивился такому нарушенію всѣхъ

правилъ придворнаго этикета, и предложилъ леди Джерсей свой экипажъ, если она непремѣнно желаетъ сидѣть въ глубинѣ кареты. Послѣ этого она безъ возраженій сѣла на переднемъ мѣстѣ, но всю дорогу капризничала и жаловалась.

Экипажи, запряженные шестернями и конвоируемые отрядомъ драгунскаго полка принца Уэльскаго, помчались по Вестминстерской дорогѣ. Вскорѣ кортежъ переѣхалъ мостъ, углубился въ лабиринтъ темныхъ и узкихъ улицъ, проѣхалъ великолѣпный паркъ и остановился передъ довольно невзрачнымъ зданіемъ изъ красныхъ кирпичей. Это былъ Сентъ-Джемскій дворецъ. Встрѣчавшіеся прохожіе почти не обращали вниманія на этотъ поѣздъ. Только немногіе приподнимали шляпы. Криковъ „ура!“ нигдѣ не было слышно; принцъ Уэльскій былъ непопуляренъ.

По прибытіи во дворецъ, леди Джерсей скрылась, извинившись нездоровьемъ. Принцессу привели въ приготовленные для нея покои и лордъ Мальмесбюри готовъ былъ откланяться и удалиться, какъ вдругъ дверь настежъ распахнулась и слуга торжественно возвѣстилъ:

— Его королевское высочество, принцъ Уэльскій!

Это былъ высокій, бѣлокурый мужчина, уже съ брюшкомъ, хотя ему было всего тридцать три года. Его цезарскій профиль, съ покатымъ лбомъ, подъ оссіановскою прядью волосъ, достаточно извѣстенъ, будучи столько разъ воспроизведенъ и на полотнѣ, и въ мраморѣ, и на монетахъ. Георгъ IV былъ влюбленъ въ свое лицо и любилъ когда его воспроизводили. Но у него былъ свой тайный червь, наслѣдственный врагъ принцевъ его фамиліи—преждевременное, непреоборимое ожиреніе. Его высочество былъ неутѣшенъ, видя, какъ тѣло его заплываетъ жиромъ, и даже поссорился съ своимъ другомъ Бруммелемъ за то, что тотъ имѣлъ невѣжливость оставаться тонкимъ, да еще вдобавокъ смѣяться надъ толстяками.

Полный мужчина приближался къ принцессѣ, покачиваясь на стройныхъ ногахъ, обутыхъ въ шелковыя чулки, и глядя на нее въ упоръ совершенно круглыми и необыкновенно яркими глазами. Она тотчасъ замѣтила, что лицо его очень красно, какъ будто налито кровью. Да и она тоже была не авантажна въ своемъ огромномъ токѣ, подавлявшемъ ея маленькую фигурку; цвѣтъ ея кожи терялъ отъ ослѣпительной бѣлизны атласа, а талія была такъ перетянута, что, казалось, корсажъ ея готовъ былъ лопнуть. Лордъ Мальмесбюри уже выучилъ ее ея новымъ обязанностямъ и, когда онъ торжественно сказалъ:

— Имѣю честь передать вашему высочеству ея королевское высочество, принцессу Уэльскую,—то Каролина сдѣлала движеніе, чтобы опуститься на колѣни передъ своимъ будущимъ супругомъ и властелиномъ. Онъ поднялъ ее довольно любезно и поцѣловалъ въ лобъ, но потомъ тотчасъ отвернулся и сказалъ лорду Мальмесбюри:

— Гаррисъ, мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Онъ отвелъ его къ окну.

— Я чувствую себя несовсѣмъ хорошо... Нужно бы подкрѣпиться, пробормоталъ онъ, и спиртный занахъ, которымъ было пропитано его дыханіе, ясно показалъ, въ какомъ состояніи онъ находился.

— Не лучше ли вашему высочеству выпить стаканъ воды? не удержался, чтобы не замѣтить на это, дипломатъ.

— Мнѣ? воды?.. Однако, я пойду теперь къ королевѣ,—и принцъ Уэльскій торопливо направился къ двери, не бросивъ болѣе ни одного взгляда на свою жену.

Принцесса смотрѣла на эту сцену съ понятнымъ удивленіемъ.

— Какой онъ странный! сказала она, когда принцъ ушелъ.—Онъ всегда таковъ? Я нахожу, что онъ очень толстъ и совсѣмъ не такъ красивъ, какъ на портретахъ.

Лордъ Мальмесбюри не зналъ, какъ и объяснить быстрый уходъ принца. Онъ слишкомъ хорошо зналъ придворныя интриги, чтобы не усмотрѣть въ странномъ поведеніи принца руку леди Джерсей, которая, очевидно, предложила жениху позавтракать у нея, прежде чѣмъ сама она отправилась наряжать невѣсту. Но все это была для Мальмесбюри легче понять, чѣмъ объяснить принцессѣ, и онъ старался отвертѣться общими фразами, когда кстати явившійся пажъ вывелъ его изъ затрудненія, пригласивъ его немедленно къ королю. Милордъ поспѣшилъ откланяться.

Оставшись одна, Каролина задумалась и заплакала. Она все поняла.

Однако, черезъ часъ послѣ того, она уже почти утѣшилась, получивъ въ подарокъ отъ своего жениха великолѣпный брилліантовый браслетъ.

II.

Супруги, которые произвели другъ на друга, при первомъ знакомствѣ, такое неблагопріятное впечатлѣніе, воспитывались и жили до той поры среди совершенно различныхъ условій.

Принцъ Уэльскій, сынъ короля Георга III и королевы Шарлотты (принцессы мекленбургъ-стрелицкой), увидѣлъ себя, въ девятнадцать лѣтъ, обладателемъ 60.000 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, Карльтонскаго дворца и всѣхъ женскихъ сердецъ въ королевствѣ. Одаренный отъ природы блестящими внѣшними качествами, наслѣдникъ самаго прочнаго изъ европейскихъ престоловъ, онъ считался однимъ изъ самыхъ изящныхъ кавалеровъ Англіи, и ему хоромъ твердили вокругъ, что онъ первый джентльменъ своего времени. Окруженный всевозможными соблазнами, которымъ онъ совсѣмъ не былъ способенъ противустоять, онъ, очертя голову, вдался въ разливавшійся вокругъ него океанъ легко доступныхъ ему наслажденій.

Первою страстью его была знаменитая актриса Ковентгарденскаго театра, мистриссъ Робинзонъ. Онъ увидѣлъ ее въ первый разъ въ

роли Пердитье, въ „Зимней Сказкѣ“ Шекспира, и влюбился въ нее безъ памяти. Онъ тотчасъ же отправилъ къ ней графа Эссекса съ письмомъ, подъ которымъ стояла подпись: „Флоризель“, испрашивая свиданія въ садахъ Кью, при лунномъ свѣтѣ. Робинзонъ оказалась не жестокой и съ этого дня началась любовная связь, которая служила одно время забавой и скандаломъ Лондона. Когда страсть остыла, Робинзонъ уѣхала въ Парижъ, гдѣ ее отличила королева Марія-Антуанета, приславшая „красавицѣ-англичанкѣ“ кошелекъ собственнаго рукодѣлія. Послѣ различныхъ похожденій, мистриссъ Робинзонъ возвратилась въ Лондонъ, гдѣ она умерла въ 1801 г., редактируя „поэтическій отдѣлъ“ въ „Morning Post“.

Маріи Робинзонъ наслѣдовала въ сердцѣ принца другая актриса, мистриссъ Кручъ, а этой послѣдней—цѣлый рядъ другихъ женщинъ, такой же длинный, какъ у донъ-Жуана.

Принцъ Уэльскій одерживалъ побѣды большею частью быстро, но желанія его были неутолимы, а такъ какъ онъ былъ совершенно неспособенъ себя обуздывать и не выносилъ препятствій, то, для устраненія ихъ, когда они встрѣчались, онъ былъ способенъ на самыя пошлыя и ребяческія средства. Онъ катался по полу, рвалъ на себѣ волосы, плакалъ какъ ребенокъ. Случалось, что онъ пускалъ себѣ кровь, чтобы казаться блѣднымъ и удрученнымъ; а такъ какъ фельдшеръ могъ бы отказаться выпустить у него столько крови, сколько требовалось для желаемаго результата, то онъ призывалъ по очереди нѣсколькихъ фельдшеровъ, которые пускали ему кровь изъ разныхъ членовъ, не подозрѣвая, что она уже была пущена ранѣе.

Несомнѣнно, что во всемъ этомъ была значительная доля притворства, но отчасти также и настоящая душевная болѣзнь, патологическое разстройство человѣка, привыкшаго, чтобы всѣ его желанія исполнялись, и не допускавшаго даже мысли, что ему можетъ быть въ чемъ нибудь отказано.

Эта черта особенно ярко выказалась въ его романѣ съ мистриссъ Фицгербертъ.

Мэри-Анна Фицгербертъ овдовѣла на двадцать пятомъ году и, будучи добродѣтельной, составляла нѣкотораго рода рѣдкость въ тогдашней Англіи. Мужъ оставилъ ей большую пенсію и она жила въ уединеніи, въ Ричмондѣ. Судя по портретамъ и по отзывамъ современниковъ, это была женщина чрезвычайно симпатичная; черты лица ея дышатъ кротостью и нравственною чистотой, которыя придавали ей обаятельную силу, притягивавшую къ ней всѣхъ, кто ее зналъ. Принцъ Уэльскій не устоялъ передъ этимъ очарованіемъ. Онъ началъ подсылать къ ней своихъ агентовъ, которыхъ она съ презрѣніемъ гнала отъ себя. Отъ этого страсть его разгорѣлась еще сильнѣе и дошла до крайней степени. Однажды къ мистриссъ Фицгербертъ вбѣжали трое джентльменовъ, блѣдные и взволнованные. Это

были личные друзья принца Уэльскаго, лордъ Онсловъ, лордъ Соутгемптонъ и Бувери.

— Принцъ Уэльскій умираетъ! объявили они.—Онъ закололся кинжаломъ. Онъ желаетъ видѣть передъ смертью мистриссъ Фицгербертъ.....

Что тутъ было дѣлать? Врачъ принца, Кейсъ, клятвенно подтвердилъ, что это правда. Какъ было не исполнить послѣдней воли умирающаго? Но скандалъ, злословіе!... Бѣдная женщина рѣшилась посовѣтоваться съ герцогиней Девонширской, которая жила поблизости и славилась красотой, умомъ, добродѣтелью и богатствомъ. Она считалась царицей большого свѣта, и другъ ея Фоксъ прошелъ въ парламентъ, благодаря дѣятельной роли, которую она играла на выборахъ 1784 г. Въ описываемую эпоху, она была уже не молода и считалась законодательницей свѣтскихъ приличій. Герцогиня Девонширская рѣшила, что мистриссъ Фицгербертъ обязана навѣстить умирающаго, и вызвалась сопровождать ее въ Карльтонъ-Гоузъ.

Онѣ пріѣхали. Во дворцѣ царила мрачная тишина и всѣ лица были печальны. Обѣихъ дамъ ввели въ слабо освѣщенную спальну. Около постели стояли чаши съ водою, лежало окровавленное бѣлье, и посреди этой мрачной обстановки, подъ шелковыми занавѣсами, лежалъ молодой принцъ, блѣдный, изошедшій кровью, почти безжизненный. При этомъ зрѣлищѣ, мистриссъ Фицгербертъ ахнула и почти лишилась чувствъ. Умирающій взялъ ея руки и покрылъ ихъ слабыми поцѣлуями. Но вдругъ онъ приподнялся, проворно снялъ кольцо съ руки герцогини Девонширской и, надѣвъ его на палецъ мистриссъ Фицгербертъ, громко вскричалъ:

— Беру васъ всѣхъ въ свидѣтели! Вотъ Мэри-Анна Фицгербертъ, моя законная жена! Ничто не можетъ болѣе разлучить насъ, ни въ этой жизни, ни въ будущей.

Произошла суматоха, во время которой церцогиня Девонширская была увлечена изъ комнаты. Мэри-Анна осталась наединѣ съ раненымъ; обезсиленная, побѣжденная, она не могла болѣе сопротивляться...

Впослѣдствіи, когда мистриссъ Фицгербертъ спрашивали, подозрѣвала ли она обманъ, она постоянно увѣряла, что принцъ Уэльскій дѣйствительно ранилъ себя кинжаломъ. Она сто разъ, по ея словамъ, видѣла слѣдъ этой раны. Но какая женщина не повѣрила бы тому, что мужчина, изъ любви къ ней, закололся кинжаломъ, тѣмъ болѣе, когда это могло служить извиненіемъ ея слабости?

Придя въ себя, мистриссъ Фицгербертъ ужаснулась своему паденію. Пристыженная, испуганная, она поспѣшила бѣжать; но Ричмондъ былъ слишкомъ близко, и она бѣжала за Ламаншскій каналъ, въ Ахенъ, въ Голландію, наконецъ, въ Швейцарію, написавъ передъ тѣмъ лорду Соутгемптону письмо, полное упрековъ.

Ее всюду преслѣдовали эмиссары принца Уэльскаго, осаждая обѣщаніями, страстными мольбами его. Онъ поручалъ передать ей, что

признаніе её женою принца занесено въ протоколъ, что онъ считаетъ себя ея мужемъ и готовъ, если она этого пожелаетъ, скрѣпить бракъ церковнымъ обрядомъ. Мистриссъ Фицгербертъ противилась болѣе года, пока, наконецъ, духовникъ ея (она была католичка) не внушилъ ей, что она не вправѣ уклоняться отъ брака, который можетъ принести столько выгодъ ея религіи. Онъ далъ ей понять, что она можетъ способствовать освобожденію ирландскихъ католиковъ. Юридически, союзъ этотъ не могъ имѣть законной силы, такъ какъ англійскій законъ запрещалъ наслѣднику престола жениться на своей подданной и англичанину жениться на паписткѣ, но пока, спрошенный на этотъ счетъ, объявилъ, что, въ глазахъ Бога, бракъ этотъ будетъ законнымъ. Церковь требовала только, чтобы таинство было совершено при свидѣтеляхъ и со взаимнаго согласія брачущихся.

Мистриссъ Фицгербертъ была вторично побѣждена. Она возвратилась въ Лондонъ и бракъ былъ совершенъ протестантскимъ пасторомъ, въ присутствіи дяди и брата невѣсты.

Впослѣдствіи бракъ этотъ не былъ признанъ и самъ Фоксъ торжественно отрицалъ его въ палатѣ общинъ. Достовѣрно, однако, что сама королевская фамилія долго считала его законнымъ. Мистриссъ Фицгербертъ была принята у короля и королевы, и званіе ея, какъ принцессы Уэльской, всѣми молча признавалось. Чтобы обойти вопросъ объ этикетѣ, рѣшено было, чтобы въ тѣ дни, когда она обѣдала при дворѣ, всѣ садились за столъ какъ попало, безъ различія ранга. Велико должно было быть обаяніе этой женщины, чтобы восторжествовать надъ предразсудками самаго чопорнаго изъ европейскихъ дворовъ!

Принцъ Уэльскій помѣстилъ мистриссъ Фицгербертъ въ одномъ изъ роскошныхъ домовъ, окаймляющихъ Гайдъ-Паркъ, и построилъ для нея Брайтонскій павильонъ, сдѣлавшійся зерномъ новаро города. Тамъ гостиная Мэри-Анны Фицгербертъ сдѣлалась вскорѣ мѣстомъ свиданія всѣхъ англійскихъ знаменитостей, въ особенности партіи виговъ. Шериданъ, Фоксъ, Эрскинъ, Фицпатрикъ, Кэрранъ, Понсонби и др. составляли ея близкій кружокъ. Въ ту пору Георгъ IV былъ еще доступенъ либеральнымъ идеямъ; единственнымъ періодомъ порядочности въ его жизни было то время, когда онъ любилъ мистриссъ Фицгербертъ.

Но вліяніе этой женщины не долго могло бороться съ двумя своими страшными соперниками: пьянствомъ и страстью къ игрѣ. Громадныя суммы, которыя тратилъ принцъ Уэльскій на удовлетвореніе этихъ двухъ страстей, произвели значительный дефицитъ, и дѣло дошло до парламента. Пришлось сдѣлать унизительныя сознанія, принять еще болѣе унизительныя обязательства. Парламентъ согласился уплатить долги принца, но взявъ съ правительства формальное обязательство не обращаться къ нему болѣе съ подобными предложеніями. Вмѣсто благодарности, принцъ Уэльскій пришелъ въ негодо-

ваніе, возненавидѣлъ политику и болѣе прежняго отдался своимъ порокамъ. Развратъ вскорѣ наложилъ свою печать на самую его наружность. Онъ растолстѣлъ, обрюзгъ, лицо его сдѣлалось краснымъ, голосъ хриплымъ. Въ тридцать лѣтъ, онъ казался пятидесяти-лѣтнимъ старикомъ.

Между тѣмъ, у него снова накопилось пропасть долговъ и пришло время, когда ликвидація сдѣлалась неизбѣжной. Долгу наросло свыше 600.000 фунтовъ стерлинговъ и безчисленные кредиторы стали неумолимы. Обратиться опять къ парламенту нечего было и думать послѣ того, какъ онъ формально заявилъ, что не станетъ болѣе платить долговъ принца. По крайней мѣрѣ, нужно было придумать какой нибудь приличный предлогъ; но никакого предлога не находилось, кромѣ брака, который позволилъ бы испросить у парламента чрезвычайныхъ субсидій. Питтъ, будучи врагомъ кружка мистриссъ Фицгербертъ, предложилъ эту мѣру, и принцъ Уэльскій, подъ пьяную руку, далъ свое согласіе, о которомъ онъ тотчасъ же забылъ.

Стали искать въ Европѣ подходящую протестантскую принцессу. Королева предлагала свою племянницу, Луизу Прусскую, но выборъ этотъ не понравился королю. Въ то время принцъ Уэльскій былъ совершенно подчиненъ вліянію графини Джерсей, съ которою и пришлось вступить въ переговоры насчетъ выбора невѣсты. Она навела справки и остановилась на Каролинѣ Брауншвейгской, племянницѣ короля Георга III,—остановилась именно потому, что Каролина представляла наименѣе данныхъ для того, чтобы сдѣлаться опасной соперницей. Принцъ Уэльскій согласился, во-первыхъ, потому, что этотъ бракъ нравился леди Джерсей, и, во-вторыхъ, потому, что онъ не нравился его матери. Онъ объявилъ королю, что желаетъ жениться на своей кузинѣ, которую онъ ни разу не видалъ.

Переговоры продолжались не долго. Георгъ III написалъ своей матери, герцогинѣ Брауншвейгской, прося руки Каролины для принца Уэльскаго. Это неожиданное предложеніе повергло маленькій брауншвейгскій дворъ въ неописанную радость. Дѣло быстро сладилось, и лордъ Мальмесбюри отправился въ Брауншвейгъ, чтобы обвѣнчаться съ принцессой въ качествѣ представителя принца Уэльскаго и привезти ее въ Англію.

Что касается до мистриссъ Фицгербертъ, то она уже успѣла слишкомъ хорошо узнать характеръ принца, чтобы удивляться тому, что онъ, впродолженіе десяти лѣтъ называвшій ее своею женой, счелъ себя вправѣ вступить въ другой бракъ. Она давно поняла, что для него не существовало ни гражданскихъ, ни нравственныхъ законовъ, и безропотно покорившись судьбѣ, удалилась въ уединеніе.

Отецъ Каролины былъ тотъ самый герцогъ Брауншвейгскій, который, за два года передъ тѣмъ, подписалъ, отъ имени союзныхъ монарховъ, знаменитый манифестъ противъ республики, за который они такъ дорого поплатились. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь,

герцогъ жилъ въ уединеніи, въ своемъ герцогствѣ, озлобленный и раздраженный, какъ и всѣ побѣжденные. Онъ проводилъ время въ перепискѣ съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами. Мечтая снова сдѣлаться главнокомандующимъ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы достичь этой цѣли. Впрочемъ, онъ былъ только покорнымъ рабомъ воли умной и честолюбивой женщины, г-жи Герцфельдъ.

Жена его, Августа, сестра англійскаго короля, была очень болтливая и скупая женщина, думавшая только о картахъ. На воспитаніе принцессы Каролины не обращали большого вниманія и она не выросла, какъ другія германскія принцессы, въ надеждѣ сдѣлаться когда нибудь наслѣдницею одного изъ крупныхъ европейскихъ престоловъ. Родители ея удовольствовались тѣмъ, что не прикрѣпили ее ни къ какой религіи для того, чтобы она могла безъ всякихъ затрудненій выйти, если представится случай, замужъ за протестантскаго, католическаго, греческаго или хотя бы за магометанскаго принца.

— Я думала, что братъ мой, король, рѣшительный противникъ браковъ между близкими родственниками, сказала герцогиня лорду Мальмесбюри въ первомъ же разговорѣ съ нимъ;—поэтому я избѣгала внушать моей дочери подобныя идеи.

Она вообще не внушила своей дочери никакихъ идей, хотя съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя сдѣлалась невѣстой наслѣднаго принца, ей стали приписывать остроумныя или, вѣрнѣе, наивныя словца. Такъ, напримѣръ, на вопросъ: „гдѣ живутъ львы?“ она отвѣтила,— „въ сердцѣ герцоговъ Брауншвейгскихъ“. Когда кто-то хотѣлъ опредѣлить время и пространство, Каролина пояснила, что время,—„это лицо г-жи Л....., а пространство—ея ротъ“.

Одного только никто не разсказывалъ: это того, что шестнадцатилѣтняя принцесса чуть не позволила увезти себя одному гвардейскому юнкеру, котораго перевели за это въ армію, а принцессу заперли.

Англійскій посолъ былъ нѣсколько озадаченъ, увидѣвъ будущую англійскую королеву. Любопытно читать, чтò онъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ каждый день. „Принцесса—писалъ онъ—скорѣе хороша, чѣмъ дурна, но ей недостаетъ женственности. Когда меня представили ей, она сконфузилась и поклонилась мнѣ довольно неловко, но по всему замѣтно, что она въ восторгѣ отъ того, чтò ее ожидаетъ. Вчера вечеромъ герцогъ говорилъ мнѣ о ней: „она не глупа, но неразсудительна. Мы держали ее строго; иначе нельзя“. Онъ просилъ меня давать ей нужные совѣты и въ особенности посовѣтовать ей быть сдержаннѣе. То же самое подтвердила мнѣ и г-жа Герцфельдъ: „принцессу Каролину нужно держать какъ можно строже, сказала она. Она не глупа и не зла, но безтактна и нуждается въ руководителѣ“. Меня постоянно сажаютъ за ужиномъ возлѣ принцессы. Первое, что я ей посовѣтовалъ—это помалчивать въ первые шесть мѣсяцевъ по прибытіи въ Лондонъ“.

Вначалѣ, принцесса Каролина, казалось, готова была слѣдовать совѣтамъ своего ментора. Она чрезвычайно интересовалась всѣмъ, что онъ ей разсказывалъ о сентъ-джемскомъ дворѣ, и съ особеннымъ любопытствомъ распрашивала его о леди Джерсей, о которой она наслышалась, какъ объ интригантке; но лордъ Мальмесбюри говорилъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ очень осторожно и не упускалъ случая читать принцессѣ мораль и подготовлять ее къ ея будущему трудному положенію. Онъ такъ добросовѣстно исполнялъ свою задачу, что преслѣдовалъ принцессу своими нравоученіями даже въ маскарадѣ, который былъ данъ въ честь его въ Брауншвейгѣ.

— Не думайте, что я ревнива, говорила ему его воспитанница.— Я знаю, что принцъ Уэльскій—вѣтренникъ, и если онъ увлечется кѣмъ нибудь, то я сдѣлаю видъ, будто не замѣчаю этого.

Но самыя эти увѣренія были слѣдствіемъ природной болтливости Каролины, заставлявшей ее думать вслухъ и говорить все, что ей ни взбредетъ на умъ. Тщетно старался лордъ Мальмесбюри, впродолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ при брауншвейгскомъ дворѣ, исправить въ Каролинѣ этотъ недостатокъ, который былъ, въ его глазахъ, важнѣе всѣхъ остальныхъ.

Когда брачныя формальности подходили къ концу и приближалось время везти принцессу въ Лондонъ, случилось одно незначительное обстоятельство, которое чуть не повлекло важныхъ послѣдствій. Каролина непремѣнно желала взять съ собою подругу своего дѣтства, дѣвицу Розенвейтъ; но для этого потребовалось согласіе принца Уэльскаго, который напрямикъ отказалъ въ немъ. Быть можетъ, причиной этой неподатливости было то, что онъ уже раскаявался въ своемъ согласіи на этотъ бракъ, видя, что онъ не принесетъ ему тѣхъ выгодъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ него. Когда вопросъ объ его женитьбѣ поступилъ на разсмотрѣніе парламента, то послѣдній, хотя и согласился еще разъ уплатить его долги, но подъ условіемъ вычета этой суммы изъ увеличенной пенсіи, которая должна была идти на хозяйство наслѣдника престола. Такимъ образомъ, у принца только убавилось долговъ, но прибавилась жена, а доходы не увеличились. Это вовсе не входило въ его разсчеты.

Однажды, въ то время когда маленькій брауншвейгскій дворъ былъ опечаленъ грубымъ отказомъ принца и слухами о преніяхъ въ англійскомъ парламентѣ, бросавшихъ весьма неутѣшительный свѣтъ на причины, побудившія принца Уэльскаго къ браку, лордъ Мальмесбюри засталъ принцессу и мать ея въ сильномъ волненіи. Герцогиня получила анонимное письмо, авторъ котораго былъ, очевидно, хорошо знакомъ съ обстоятельствами, о которыхъ писалъ. Онъ сообщалъ подробныя свѣдѣнія о характерѣ принца Уэльскаго и леди Джерсей, прибавляя, что эта хитрая женщина не преминетъ впутать принцессу въ какую нибудь интригу, въ которой она потеряетъ свое счастье и честь. Герцогиня, разумѣется, не утерпѣла, чтобы не пока-

зать этого письма дочери и не разболтать о немъ всѣмъ. Лордъ Мальмесбюри удивился, что она могла придать значеніе анонимному письму, и въ особенности—что могла дать ему такую огласку. Однако, герцогиня только о немъ и говорила, и самъ герцогъ казался озабоченнымъ не менѣе своей жены.

Въ довершеніе, король Георгъ писалъ свой сестрѣ: „Я надѣюсь, что моя племянница не обнаружитъ слишкомъ большой пылкости характера и будетъ вести мирную, семейную жизнь“. Эти слова ясно показывали, что по ту сторону пролива кто-то такъ же исправно чернилъ принцессу, какъ по эту чернили принца Уэльскаго.

Всѣ эти придворныя сплетни вызвали родъ кризиса и побудили лорда Мальмесбюри сказать Каролинѣ, что ни одинъ человѣкъ не осмѣлится приплести имя принцессы Уэльской въ какой нибудь любовной интригѣ, не рискуя своею головой.

— Вы это серьезно говорите? спросила Каролина.

— Совершенно серьезно. Всякій мужчина, который дерзнулъ бы поднять свои взоры до васъ, заслужилъ бы смерть, какъ государственный преступникъ. Тому же подверглись бы и вы сами, если бы стали слушать его...

Каролина задумалась.

Сборы въ дорогу вскорѣ разсѣяли тучи. Каролина отправилась въ Голландію, откуда она должна была переправиться моремъ въ Англію. Путешествіе было сопряжено съ немалыми затрудненіями и опасностями. Оно продолжалось три мѣсяца, такъ какъ путешественникамъ не разъ приходилось останавливаться, измѣнять маршрутъ, пережидать въ укрѣпленныхъ городахъ, чтобы не попасть въ руки французской арміи, которая занимала тогда многіе пункты въ Нидерландахъ. Каролина видѣла, такимъ образомъ, всѣ бѣдствія войны и эмиграціи, и во время остановокъ на станціяхъ экипажъ ея не разъ окружали толпы голодныхъ французскихъ дворянъ, просившихъ на бѣдность.

Наконецъ, королевскій кортежъ добрался до англійскаго флота, переправился черезъ проливъ и прибылъ въ Лондонъ. Сближеніе, неизбѣжное при такомъ продолжительномъ путешествіи, открыло лорду Мальмесбюри нѣкоторыя хорошія качества въ его воспитанницѣ: доброту, обязательность, сердечную теплоту; но, съ другой стороны, обнаружило и многіе изъ ея недостатковъ. Нельзя не улыбнуться серезности, съ которою онъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, какъ онъ былъ вынужденъ намекнуть принцессѣ на необходимость частой перемѣны бѣлья и другихъ новыхъ для нея подробностей тщательнаго туалета.

Очевидно, всѣ эти обстоятельства были уже хорошо извѣстны леди Джерсей, которая воспользовалась неопытностью невѣсты, чтобы нарядить ее въ шутовской костюмъ. Хитрая графиня знала, что принцъ Уэльскій знатокъ въ женскихъ нарядахъ, и предвидѣла, какое впе-

чатлѣніе должна была произвести на него, при первомъ свиданіи, его невѣста въ видѣ расфранченной провинціалки. Эта женская хитрость имѣла важныя послѣдствія.

До бракосочетанія принцессѣ были отведены особые покои, особый столъ и штатъ. Когда прозвонили къ обѣду, она вышла въ свою столовую, съ красными отъ слезъ глазами, но съ выраженіемъ твердой рѣшимости на лицѣ.

На свое несчастье она рѣшилась вступить въ борьбу съ леди Джерсей, уничтожить ее своимъ презрѣніемъ, сбить ее съ ея позиціи. Лордъ Мальмесбюри, сидѣвшій возлѣ нея за столомъ, долженъ былъ сознаться, что она плохо слѣдуетъ его совѣтамъ. Она говорила безъ умолку, съ напускною веселостью; обращалась съ дамами, которыхъ видѣла въ первый разъ, съ неумѣстною фамильярностью; хвасталась передъ ними своимъ браслетомъ и дѣлала слишкомъ прозрачные и несовсѣмъ остроумные намеки на положеніе леди Джерсей. Графиня отмалчивалась, отъ злости блѣднѣя подъ румянами. Двадцать разъ она готова была сдѣлать сцену, сказать Каролинѣ при всѣхъ, что это она, леди Джерсей, сдѣлала ее принцессой Уэльской; однако ей удалось сдержать себя до конца обѣда и она вышла изъ за стола, не сдѣлавъ скандала. Каролина ликовала, полагая, что она одержала побѣду.

— Каково я отдѣлала эту интригантку? сказала она, по уходѣ графини, обводя вокругъ торжествующимъ взглядомъ. Но отвѣтомъ были только двухсмысленныя улыбки и опущенные глаза, предвѣщавшіе, что принцесса дорого поплатится за свой минутный успѣхъ.

Едва успѣла она вернуться въ свои покои, какъ вошедшій пажъ попросилъ ее, отъ имени принца, дать подаренный имъ браслетъ, сказавъ, что ювелиръ долженъ сдѣлать нѣкоторыя передѣлки въ вензелѣ. Каролина, ничего не подозрѣвая, отдала брослетъ. Черезъ часъ послѣ того, на пріемѣ у королевы, она увидѣла его на рукѣ леди Джерсей.

Насталъ день свадьбы. Въ восемь часовъ вечера, церковь Сентъ-Джемскаго дворца, роскошно разукрашенная цвѣтными драпировками, сіяла золотомъ, брилліантами и парадными мундирами.

Звукъ барабановъ и трубъ возвѣстилъ о прибытіи принцессы. Каролина Брауншвейгская, предшествуемая камергерами и другими придворными чинами, первая вошла въ церковь. Ее велъ герцогъ Кларенскій. На ней было бѣлое глазетовое платье съ длиннымъ шлейфомъ, покрытое венеціанскими кружевами, съ серебряными кистями; фреза и рукава изъ такихъ же кружевъ, съ вышитыми на нихъ тремя страусовыми перьями,—геральдическою эмблемой принца Уэльскаго. Сверхъ платья была накинута красная бархатная мантія, об-

шитая горностаемъ; фрейлины, въ бѣлыхъ платьяхъ, несли шлейфъ невѣсты, а за ними слѣдовали ея статсъ-дамы, въ томъ числѣ леди Джерсей.

Когда всѣ расположились по мѣстамъ, оберъ-церемоніймейстеръ, предшествуемый трубачами и барабанщиками, отправился за женихомъ. Принцъ Уэльскій, въ мундирѣ кавалера ордена Подвязки, вошелъ въ церковь между двумя шаферами, неженатыми герцогами, и въ сопровожденіи всего своего двора. Королева и принцессы королевскаго дома, каждая съ своей свитой, также заняли свои мѣста.

Для жениха и невѣсты были поставлены два кресла въ рядъ, одно—на правой, другое—на лѣвой сторонѣ клироса.

Изъ алтаря вышелъ архіепископъ кэнтерберійскій и, ставъ между двумя креслами, лицомъ къ публикѣ, открылъ молитвенникъ. Въ эту минуту брачащіеся должны были покинуть свои мѣста и встать рядомъ, противъ архіепископа. Каролина, окруженная своими фрейлинами, тотчасъ исполнила это. Очередь оставалась за женихомъ, но тутъ всѣ замѣтили, что принцъ Уэльскій, несмотря на всѣ усилія, не могъ послѣдовать примѣру своей невѣсты. Онъ раза три пытался подняться и всякій разъ тяжело падалъ въ кресло. Онъ былъ очевидно пьянъ, и высокая температура церкви, наполненной народомъ, довершила дѣйствіе винныхъ паровъ. У него хватило, однако, силы сказать въ-полгоса своимъ шаферамъ, герцогамъ Бедфорду и Рексборо:

— Если вы не поможете мнѣ подняться, то изъ этого чортъ знаетъ, что выйдетъ.

Шафера подхватили его подъ руки и поставили на ноги. Онъ сдѣлалъ нетвердою поступью нѣсколько шаговъ и всталъ возлѣ невѣсты. Начался обрядъ вѣнчанія. Архіепископъ возгласилъ, что, если кому нибудь извѣстно препятствіе къ этому браку, тотъ долженъ объявить объ этомъ. Каждый изъ тысячи слишкомъ человѣкъ присутствовавшихъ подумалъ въ эту минуту: „я знаю препятствіе и сосѣди мои тоже знаютъ: принцъ уже женатъ и жена его жива“...

Но всѣ промолчали. Аріепископъ обратился къ жениху:

— Георгъ, сказалъ онъ,—согласны ли вы, чтобъ эта женщина была вашей женой и жила съ вами по закону Божію, въ священномъ брачномъ состояніи? Обѣщаете ли вы любить и уважать ее, помогать ей, заботиться о ней, какъ въ здоровомъ состоніи, такъ и въ болѣзни? Обѣщаете ли забыть всѣхъ другихъ женщинъ и принадлежать ей одной во всю вашу жизнь?

Принцъ Уэльскій что-то пробурчалъ; это было принято за согласіе. Каролина отвѣтила утвердительно, послѣ чего архіепископъ соединилъ ихъ руки и медленно произнесъ обычный обѣтъ брачащихся, который они должны были повторять за нимъ. Нечленораздѣльные звуки, которыми принцъ Уэльскій сопровождалъ каждое слово архіепископа, были приняты за повтореніе этихъ словъ. Принцесса

произнесла формулу ясно и отчетливо. Священникъ подалъ имъ кольца, пригласивъ обмѣняться ими и повторить за нимъ: „Симъ кольцомъ обручаюсь съ тобой... Отдаю тебѣ тѣло мое и имущество мое"...

Несчастный принцъ бормоталъ, уже совсѣмъ ничего не понимая:

— Во имя Отца и Сына...

Тутъ новобрачные должны были опуститься на колѣни, и принцъ Уэльскій исполнилъ этотъ трудный маневръ довольно удачно. Архіепископъ началъ торжественно читать молитву и уже готовъ былъ возгласить „Исаія ликуй!"—какъ вдругъ новобрачный, уставъ стоять на колѣняхъ, съ трудомъ поднялся на ноги и, повернувшись къ архіепископу спиной, сталъ обозрѣвать залу отупѣлымъ взглядомъ. Шаферы, пораженные неожиданностью этой комической сцены, или удерживаемые уваженіемъ, не двигались съ мѣста; архіепископъ поднялъ глаза и, увидѣвъ передъ собой спину принца, оцѣпенѣлъ отъ ужаса и прервалъ молитву. Каролина, красная отъ стыда, опустила глаза на коверъ, чтобы не видѣть этой унизительной сцены. Съ минуту всѣ находились въ нерѣшительности.

Наконецъ, король всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ сыну, попытался объяснить ему шепотомъ неприличіе его поведенія; но это не помогло. Тогда король подалъ знакъ шаферамъ, чтобы они взяли принца за руки и поставили его на колѣни. Георгъ III самъ помогъ имъ, но операція эта оказалась несовсѣмъ легкой. Принцъ сопротивлялся, хихикая. Впрочемъ, онъ едва держался на ногахъ и съ нимъ скоро справились. Король возвратился на свое мѣсто и обрядъ продолжался, но всѣ нетерпѣливо желали, чтобы онъ поскорѣе кончился. Архіепископъ быстро дочиталъ молитвы и сократилъ церемонію, на сколько было возможно. Едва успѣвъ сѣсть въ свое кресло, принцъ Уэльскій захрапѣлъ и шафера принуждены были трясти его, чтобы разбудить, когда пришла пора выходить изъ церкви и онъ долженъ былъ стать во главѣ кортежа, рядомъ съ своей молодой женой.

Можно себѣ представить, сколько толковъ возбудилъ въ обществѣ этотъ скандальный эпизодъ. Причина неприличнаго поведенія принца Уэльскаго во время брачной церемоніи ни для кого не составляла тайны; наклонности его были всѣмъ хорошо извѣстны. Предметомъ разговоровъ служила только причина, побудившая его явиться въ подобномъ видѣ передъ публикою, и, не довольствуясь самымъ простымъ объясненіемъ—его страстью къ вину, рѣшили,—что онъ старался заглушить виномъ голосъ совѣсти, упрекавшій его за двоеженство.

Между тѣмъ, весь Лондонъ оглашался кокольнымъ звономъ. Дворцы и главныя зданія были иллюминованы и весь народъ высыпалъ на улицу, пользуясь теплымъ осеннимъ вечеромъ. Впрочемъ, никто не выражалъ ни малѣйшей радости по поводу праздновавшагося собы-

тія. Англійская нація, утомленная и разоренная войной, которую велъ Питтъ противъ Франціи, видѣла въ этихъ празднествахъ только безполезную трату денегъ.

По выходѣ изъ церкви, королевская фамилія приняла въ залахъ Сентъ-Джемскаго дворца поздравленія дворянства и дипломатическаго корпуса, послѣ чего весь дворъ отправился въ Бэкингемскій дворецъ, гдѣ его ожидалъ парадный ужинъ. Придворные экипажи, выѣзжая изъ Сентъ-Джемскаго дворца, должны были проѣхать сквозь огромную толпу тѣснившагося передъ нимъ народа. Толпа безмолвствовала. Нѣсколько голосовъ пытались возбудить народный энтузіамъ крикомъ: „ура!“ но въ отвѣтъ раздались протестующіе возгласы: „Хлѣба! дешеваго хлѣба!“ Двадцать тысячъ голосовъ поддержали этотъ крикъ, причемъ иные прибавляли: „Довольно войны!“ и даже: „Долой короля!“ Однако этотъ послѣдній крикъ не былъ поддержанъ.

Каролина, плохо понимавшая по-англійски, принимала эти крики за привѣтствія и кланялась народу изъ окна кареты. За ужиномъ новобрачные были посажены рядомъ, но принцъ Уэльскій ни разу не обратился къ своей женѣ. Онъ только пилъ, какъ будто въ этомъ еще была надобность.

Послѣ ужина, статсъ-дамы принцессы проводили ее во дворецъ принца, въ Карльтонъ-Гоузъ, гдѣ она должа была жить. Это было довольно красивое зданіе въ новѣйшемъ вкусѣ. Покои новобрачныхъ были отдѣланы со всевозможною роскошью. Спальна была обита голубымъ атласомъ съ золотомъ; потолокъ, расписанный живописцемъ Фузели и изображавшій сцену изъ „Потеряннаго Рая“, былъ достоенъ кисти Микель Анджело. По угламъ стояли высокіе канделябры съ амурами, поддерживавшими лампы подъ матовыми абажурами. Всѣ линіи колоссальнаго мраморнаго камина сходились къ удивительнымъ китайскимъ часамъ, которымъ каминъ служилъ какъ бы пьедесталомъ. Постель, въ которую уложили новобрачную, была роскошнымъ гнѣздомъ изъ шелка и кружевъ, за длинными складками полога, спускавшагося изъ-подъ балдахина со страусовыми перьями.

Каролина осталась одна въ этой пышной спальнѣ, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампъ. Часы Вестминстерскаго аббатства пробили часъ. Почти въ ту же минуту портьера, скрывавшая дверь, приподнялась, и кто-то впихнулъ въ комнату принца Уэльскаго. Онъ сдѣлалъ два шага, споткнулся и тяжело растянулся на коврѣ. По утру его нашли храпѣвшимъ на томъ же самомъ мѣстѣ.

Первый же годъ послѣ этой странной свадьбы оправдалъ то, чего отъ нея можно было ожидать.

Тщетно старалась принцесса Уэльская, подавляя чувство униженія, завоевать любовь своего мужа. Ей не помогало даже то, что, освоившись съ окружавшею ее роскошной обстановкой, она сдѣлалась вскорѣ одною изъ самыхъ изящныхъ женщинъ богатѣйшаго двора

въ мірѣ. Принцъ Уэльскій ни на минуту не переставалъ относиться къ ней съ жестокимъ пренебреженіемъ. Правда, оно не всегда проявлялось въ такой грубой формѣ, какъ въ началѣ,—первый джентельменъ Европы умѣлъ быть вѣжливымъ, когда былъ трезвъ; но самая эта вѣжливость была оскорбленіемъ для принцессы, знавшей, что̀ подъ нею скрывалось. Такъ, напримѣръ, по вечерамъ, уходя съ придворныхъ собраній, онъ неизмѣнно подавалъ руку своей женѣ, чтобы отвести ее въ ея покои; но, доведя ее до порога, онъ дѣлалъ низкій поклонъ и уходилъ. Весь дворъ зналъ, что онъ ночевалъ у леди Джерсей. Эта ироническая вѣжливость, о которую разбивались всѣ усилія несчастной женщины понравиться мужу, была для нея истинною пыткой, и она нерѣдко говорила, что для нея было бы легче переносить побои. Она ясно читала въ холодныхъ голубыхъ глазахъ своего мужа, что ему все неравится въ нéй: лицо, нарядъ, походка, станъ, манеры,—все, что она ни дѣлала, что ни говорила. Она чувствовала себя безсильной передъ этой глубокой антипатіей, но характеръ ея побуждалъ ее къ борьбѣ тамъ, гдѣ другая женщина почувствовала бы себя совершенно побѣжденной. Съ досады и стараясь разсѣяться, Каролина давала себѣ все болѣе и болѣе воли и говорила глупости или дерзости.

На свое несчастье, она нашла себѣ явнаго врага въ своей свекрови. Королева Шарлотта, черствая и чопорная пруссачка, имѣла самый узкій взглядъ на свои обязанности и во всемъ руководствовалась рутиной и строгимъ этикетомъ. Недовольная съ самаго начала выборомъ своего мужа, она встрѣтила невѣстку съ ледяною холодностью, которой вѣтренность Каролины не была способна смягчить.

Принцесса, какъ вообще молодыя женщины, проводила большую часть времени въ перепискѣ съ матерью и своей подругой Розенвейтъ. Письма эти она, съ свойственною ей неосторожностью, наполняла довольно живыми описаніями всего окружающаго, не щадя и королеву. Въ тѣ времена почтовыя сообщенія съ континентомъ далеко не были правильными, и поэтому пакетъ такихъ писемъ былъ однажды ввѣренъ англійскому пастору Рэндольфу, собиравшемуся ѣхать въ Германію. Но путешествіе это не состоялось и пасторъ счелъ своимъ долгомъ возвратить письма принцессѣ. Не подозрѣвая придворныхъ интригъ, онъ поручилъ передать ихъ принцессѣ первой встрѣченной имъ придворной дамѣ, а эта дама была леди Джерсей.

Графиня была не изъ тѣхъ, кто задумывается передъ нарушеніемъ тайны чужаго письма, и благодаря этому обстоятельству, страницы, на которыхъ осмѣивалась королева, дошли до послѣдней. Она ничего не сказала своей невѣсткѣ, но съ этого дня у Каролины прибавилось однимъ могущественнымъ врагомъ болѣе.

Что касается короля, то онъ всегда благоволилъ къ своей невѣсткѣ. Но вообще безцвѣтная личность Георга III уже была глу-

боко потрясена первыми приступами помѣшательства, впослѣдствіи окончательно затмившаго его разсудокъ. Зрѣніе его слабѣло вмѣстѣ съ разумомъ и, несмотря на то, что отличительной чертой его характера было непобѣдимое упрямство, его мнѣніе имѣло мало вѣса тамъ, гдѣ онъ не могъ повелѣвать. Чтò могли значить его совѣты и выговоры передъ непобѣдимымъ отвращеніемъ, которое выражалось въ тысячѣ мелкихъ обстоятельствахъ? Бездна между супругами расширялась съ каждымъ днемъ.

Однако, принцесса Уэльская была беременна. 7-го января 1796 г., спустя девять мѣсяцевъ безъ одного дня послѣ брака, она разрѣшилась дочерью, которая была названа Шарлоттой. Это была наслѣдница престола послѣ принца Уэльскаго. Казалось, такое важное событіе должно было бы сблизить супруговъ; но и оно не сдѣлало этого. Во время родовъ, принцъ Уэльскій, вынужденный этикетомъ находиться въ комнатѣ жены, вмѣстѣ со всею королевскою фамиліею и высшими сановниками двора, не обнаруживалъ ничего, кромѣ глубокой скуки. Онъ стоялъ у окна и разсѣянно барабанилъ пальцами по стеклу. Когда къ нему поднесли ребенка, онъ равнодушно взглянулъ на него.

— Хорошенькое дитя! сказалъ онъ, и вышелъ изъ комнаты.

Въ слѣдующіе дни онъ регулярно присылалъ освѣдомляться о здоровьи жены, но самъ не показывался у ней. Корпорація Сити хотѣла поднести ему адресъ и лордъ-мэръ явился въ Карльтонъ-Гоузъ, съ шерифами и альдерменами, но принцъ отказался принять ихъ.

Это не значило, впрочемъ, что онъ сомнѣвался въ принадлежности ему ребенка, но онъ былъ сильно раздосадованъ этимъ событіемъ, которымъ бракъ его съ Каролиной былъ нѣкоторымъ образомъ окончательно скрѣпленъ, и чувствовалъ потребность выразить какъ нибудь свое безотчетное, болѣзненное отвращеніе къ женѣ. Лишь только она оправилась отъ родовъ, какъ онъ покинулъ Карльтонъ-Гоузъ и уѣхалъ въ Виндзоръ на охоту.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, къ Каролинѣ явились лордъ и леди Чольмондели, съ порученіемъ отъ принца Уэльскаго предложить ей полюбовную разлуку, съ пенсіей въ 20.000 фунтовъ стерлинговъ. Каролина не могла быть удивлена этимъ предложеніемъ; все предвѣщало его впродолженіе цѣлаго года. Но, при своемъ порывистомъ характерѣ, она не могла принять его съ достоинствомъ. Съ пылающимъ лицомъ, съ сверкающимъ взоромъ, она отвѣтила, что согласна на новый планъ жизни, но не желаетъ полумѣръ и требуетъ отъ принца Уэльскаго письменнаго и ненарушимаго обязательства никогда болѣе не возвращаться къ прошлому, что бы ни случилось.

— Я хочу быть увѣрена, сказала она,—что я не буду еще разъ принесена въ жертву государственному дѣлу.

Она договорила свою мысль на ухо леди Чольмондели. Принцъ Уэльскій немедленно прислалъ ей слѣдующее письмо:

„Милостивая государыня. Лордъ Чольмондели передалъ мнѣ ваше желаніе, чтобы я письменно формулировалъ нашъ будущій образъ жизни. Я постараюсь объясниться со всею ясностью и деликатностью, какія возможны въ этихъ щекотливыхъ предметахъ. Мы не властны въ нашихъ склонностяхъ, и ни одинъ изъ насъ не обязанъ нести на себѣ тягости несходства характеровъ, противъ котораго наша воля совершенно безсильна. Но мы обязаны установить между нами мирный союзъ, которымъ и ограничатся наши взаимныя отношенія. Пускай же впередъ такъ и будетъ. Я охотно принимаю ваше условіе, которое передала мнѣ леди Чольмондели, и обязываюсь, даже въ случаѣ, если бы—отъ чего избави Богъ—я потерялъ мою дочь Шарлотту, не нарушать условій нашего договора и никогда не искать болѣе тѣсныхъ сношеній съ вами. Я надѣюсь, что послѣ этихъ тяжелыхъ объясненій, остатокъ нашей жизни пройдетъ въ полномъ мирѣ. Остаюсь, милостивая государыня, искренно вашъ

Георгъ".

На это письмо, присланное изъ Виндзора, принцесса Уэльская отвѣтила лишь спустя нѣсколько дней. Вотъ что она писала:

„Милостивый государь. Результатъ вашего разговора съ лордомъ Чольмондели не удивилъ и не оскорбилъ меня: онъ только подтвердилъ то, что вы, молча, давали понять мнѣ впродолженіе цѣлаго года. Жаловаться на предлагаемыя вами условія было бы низостью съ моей стороны, и мнѣ нечего было бы отвѣчать на ваше письмо, если бы оно не было изложено въ такихъ выраженіяхъ, которыя могутъ оставить сомнѣніе насчетъ того, вами или мною предложена эта сдѣлка. Какъ вамъ хорошо извѣстно, инниціатива ея принадлежитъ одному вамъ. При этомъ вы даете мнѣ понять, что ваше письмо будетъ послѣднимъ, вслѣдствіе чего я считаю своимъ долгомъ сообщить королю, моему государю и отцу, какъ ваше предложеніе, такъ и мой отвѣтъ на него. Прилагаю копію письма, которое я пишу ему, дабы вы не имѣли повода подозрѣвать какого нибудь двуличія съ моей стороны. У меня нѣтъ другого покровителя, кромѣ короля; если онъ одобритъ мое поведеніе, то я буду чувствовать себя менѣе несчастной. Примите выраженіе моей полной признательности за то, что вы даете мнѣ средство посвятить себя, въ моемъ уединеніи, благотворительности, которая составляетъ потребность моего сердца. Среди всѣхъ ниспосланныхъ мнѣ испытаній, мнѣ остается только служить примѣромъ терпѣнія и покорности, и я надѣюсь исполнить эту обязанность. Вѣрьте, что я не перестану молиться о вашемъ счастьи и навсегда останусь преданною вамъ

Каролиной".

Въ этомъ разрывѣ между супругами и въ особенности при чтеніи этихъ двухъ писемъ, изъ которыхъ одно было такое холодное и

жестокое, а другое, хотя нѣсколько напыщенное, но приличное и исполненное бо́льшаго достоинства, чѣмъ вообще поступки той, которая его подписала, если не писала,—общее мнѣніе могло быть только въ пользу послѣдней. Король, дворъ и публика единогласно приняли сторону принцессы. Она переѣхала изъ Карьтонъ-Го́уза въ виллу на южной сторонѣ Лондона.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, во время посѣщенія ею Виндзорскаго замка, гдѣ король встрѣтилъ ее съ особенною нѣжностью и видимыми знаками уваженія, она получила титулъ „рэнджерши", или инспекторши Гринвичскаго королевскаго парка, — титулъ, дававшій право жить въ Монтэгскомъ замкѣ, въ Блэкштѣ. Принцесса поселилась тамъ вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ, что́ служило какъ бы признаніемъ за нею нравственной побѣды. Нѣкоторое время она вполнѣ наслаждалась ею. Король часто посѣщалъ ее и, слѣдуя его примѣру, всѣ высшіе государственные сановники являлись къ ней на поклонъ. Каролина, стараясь встать на высотѣ своего положенія, составила свой кругъ изъ людей серьезныхъ и степенныхъ, въ противуположность обществу, собиравшемуся у принца въ Карльтонъ-Гоузѣ. Государственные люди, въ родѣ Уилліама Скотта и Джорджа Каннинга, были одно время ея обычными посѣтителями. Но легкомысленный характеръ этой женщины сдѣлалъ ее негодною для той роли, къ которой призывали ее обстоятельства, и она недолго выдержала ее. Когда она вздумала предложить Уилліаму Скотту поиграть съ ея придворными дамами въ горѣлки, когда начала отпускать, въ присутствіи Каннинга, свои легкомысленныя шуточки,—это такъ шокировало важныхъ государственныхъ мужей, что они стали удаляться отъ нея. Король часто хворалъ и ненависть королевы къ своей невѣсткѣ мало-по-малу оказала на него свое дѣйствіе. Когда маленькая принцесса Шарлотта была отнята отъ кормилицы, ее, по обыкновенію, отдали на попеченія гувернантки, леди Эльджинъ, и помѣстили въ особый дворецъ, съ особымъ штатомъ. Такимъ образомъ, между принцессой Уэльской и дворомъ стало одною связью меньше. Ея сношенія съ Виндзорскимъ замкомъ дѣлались все рѣже и рѣже и принимали все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ; кружокъ друзей ея съузился и сдѣлался болѣе соотвѣтственнымъ ея истиннымъ наклонностямъ. Года черезъ два послѣ ея переселенія въ Блэкштъ, она уже жила тамъ скорѣе какъ молодая, независимая дѣвушка, чѣмъ какъ будущая королева Англіи.

Принцесса Уэльская очень любила дѣтей, — черта, вообще свойственная женщинамъ, въ особенности тѣмъ, въ которыхъ материнскій инстинктъ не нашелъ себѣ удовлетворенія. Но, при своей склонности къ преувеличеніямъ и эксцентричности, Каролина сдѣлала изъ этого естественнаго чувства что-то въ родѣ маніи. Вѣчно окруженная кормилицами и младенцами, она любила сама пеленать ихъ, укачивать, забавлять, а для болѣе взрослыхъ—давать дѣтскіе празд-

ники. Это наполняло пустоту ея праздной жизни и составляло для нея поэзію. Каролина не замедлила перезнакомиться со всѣми красивыми дѣтьми въ Блэкштѣ, и если ей говорили о какомъ нибудь хорошенькомъ ребенкѣ, котораго она еще не знала, то она не успокоивалась до тѣхъ поръ, пока не видѣла его.

Однажды ей сказали, что сосѣдъ ея, сэръ Джонъ Дугласъ, жившій въ своемъ замкѣ, неподалеку отъ Монтэгъ-Гоуза,—отецъ прелестной маленькой дѣвочки. Каролина тотчасъ же возгорѣла желаніемъ видѣть этого ребенка. Случилось такъ, что это ей не скоро удалось, но она не переставала искать случая увидѣть малютку.

Разъ, зимою, возвращаясь пѣшкомъ съ прогулки, въ сопровожденіи одной изъ своихъ дамъ, и проходя мимо виллы Дугласъ, она полюбопытствовала посмотрѣть, нѣтъ-ли дѣвочки въ саду, и остановилась у рѣшетки. Дѣвочки въ саду не было, но мать ея, леди Дугласъ, смотрѣла въ эту минуту въ окно. Удивленная при видѣ дамы въ шубѣ, крытой лиловымъ атласомъ, и въ русскихъ сапожкахъ, смотрѣвшей во дворъ ея дома, леди Дугласъ тотчасъ же узнала принцессу Уэльскую и сдѣлала ей низкій поклонъ. Въ отвѣтъ на него принцесса фамильярно кивнула головою съ привѣтливой улыбкою. У леди Дугласъ находилась въ эту минуту въ гостяхъ одна пожилая дама, ея сосѣдка, леди Стюартъ, которая надоумила ее выйти къ воротамъ и предложить принцессѣ зайти отдохнуть. Леди Дугласъ воспѣшила исполнить этотъ совѣтъ. Принцесса не заставила себя упрашивать и вскорѣ три дамы фамильярно болтали у камина.

— Вы леди Дугласъ! сказала Каролина.—Я слышала, что у васъ есть прелестная маленькая дочка. Какъ бы мнѣ хотѣлось ее видѣть!

Дѣвочка была въ Лондонѣ, но леди Дугласъ обѣщала немедленно вызвать ее оттуда и привезти къ принцессѣ. Посидѣвъ около часа, принцесса распростилась и, сжимая руку леди Дугласъ, объявила, что она въ восторгѣ, что имѣла случай познакомиться съ нею.

Это знакомство вскорѣ перешло въ тѣсную дружбу. Лордъ Дугласъ и его жена сдѣлались частыми посѣтителями Монтэгъ-Гоуза, а черезъ нихъ и всѣ ихъ друзья сблизились съ принцессою. Однимъ изъ нихъ былъ Сидней Смитъ, герой Тулона и Сенъ-Жанъ-д'Акра, которому дано было рѣдкое счастье остановить у воротъ Азіи побѣдоносные орлы Наполеона I. Подобно своему противнику, онъ кончилъ жизнь въ тоскѣ изгнанія, но въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, онъ только что возвратился въ Англію, покрытый лаврами, убѣжавъ изъ Парижа, гдѣ онъ провелъ два года въ плѣну. Сидней Смитъ, которому было въ то время около 37 лѣтъ, былъ одаренъ рыцарскимъ характеромъ и обольстительною наружностью. Джонъ Дугласъ, связанный съ нимъ тѣсною дружбой, всегда держалъ для него на-готовѣ покои въ своемъ замкѣ, гдѣ Сидней Смитъ гащивалъ по цѣлымъ недѣлямъ. Король только что пожаловалъ его титуломъ и произвелъ его въ вице-адмиралы.

Въ Монтэгъ-Гоузѣ занимались музыкой, играли на домашней сценѣ французскія пьесы; иногда танцовали. Но принцесса не довольствовалась свободой этихъ собраній и находила ихъ все еще слишкомъ церемонными. Она любила неожиданно пріѣзжать къ леди Дугласъ, болтать съ нею вдвоемъ въ ея комнатѣ, или запросто оставаться у нея обѣдать. Дружба и фамильярность ея съ нею доходили до смѣшнаго. Вотъ что разсказывала объ этихъ отношеніяхъ сама леди Дугласъ:

„Случалось, что принцесса, оставивъ свою свиту внизу, вбѣгала по лѣстницѣ, врывалась неожиданно въ мою комнату и осыпала меня поцѣлуями, говоря: „Боже! какъ она мила! Я никого такъ не любила, какъ ее. Дайте я васъ одѣну, моя красавица!“ Она разсыпалась въ преувеличенныхъ комплиментахъ, которые женщины не имѣютъ обыкновенія говорить другъ другу. Я часто просила ее не льстить такъ моему самолюбію, увѣряя, что это лишнее; но она увѣряла, что я не знаю своихъ достоинствъ и не умѣю выставлять ихъ.

— „Повѣрьте же мнѣ, что вы прелестны! восклицала она.—Вы совсѣмъ не похожи на другихъ англичанокъ. Ваши руки, станъ, восхитительны! А глаза!—о, такихъ глазъ я еще не видывала! У другихъ женщинъ черные глаза имѣютъ жесткое выраженіе, а у васъ они—сама кротость“.

„И подобныя вещи говорились даже при постороннихъ. Однажды къ принцессѣ пріѣхалъ проститься герцогъ Кентскій [1]). Онъ уѣзжалъ въ Гибралтаръ. Въ комнатѣ находились мистриссъ Гаркортъ, я и другія дамы. Принцесса представила меня герцогу, говоря:

— „Посмотрите, что у нея за глаза! Ахъ, эта широкая шляпа! Она мѣшаетъ вамъ видѣть мою красавицу!“

„Герцогъ Кентскій, дѣлая видъ, что не слышитъ, продолжалъ разговаривать съ мистриссъ Гаркортъ, но принцесса настаивала:

— „Да снимите же вы эту шляпу! вскричала она и, видя, что я не дѣлаю этого, сама сняла съ меня шляпу“.

Каролина разсказывала леди Дугласъ всѣ свои интимныя тайны, стараясь и ее расположить къ такой же откровенности. Она не разъ говорила ей: „сознайтесь, что между вами и Сидней Смитомъ есть кое-что“. А когда леди Дугласъ принималась разувѣрять ее, то она прибавляла:

— Я шучу. Я слишкомъ хорошаго мнѣнія объ васъ обоихъ, чтобы думать это серьезно. Было бы слишкомъ низко злоупотреблять такимъ образомъ гостепріимствомъ и дружбой лорда Дугласа. Однако, все же меня удивляетъ, что, живя въ одномъ домѣ, вы не пришли къ этому...

Какъ видимъ, принцесса не стѣснялась въ своихъ разговорахъ. Приближенныя ея не придавали значенія ея легкомысленнымъ замѣ-

[1]) Третій сынъ Георга III и отецъ королевы Викторіи.

чаніямъ, но въ кружкѣ принца Уэльскаго они передавались съ преувеличеніями и давали почву клеветѣ. Каролина не помышляла о томъ, что друзья ея могутъ перейти въ лагерь ея враговъ, что слуги ея могутъ быть подкуплены, и неосторожная фамильярность ея обращенія съ окружающими можетъ дать противъ нея опасное оружіе. Выйдя замужъ въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе предоставляетъ свободу молодымъ дѣвушкамъ и отказываетъ въ ней молодымъ женщинамъ, поставленная въ самое щекотливое положеніе, въ какомъ только можетъ находиться женщина, она не только не остерегалась окружавшихъ ее опасностей, но какъ будто даже бросала вызовы злословію. Она до поздняго вечера гуляла въ паркѣ подъ руку съ Сидней Смитомъ; дѣлала слишкомъ раннія прогулки по морскому берегу съ другимъ офицеромъ, коммодоромъ Мэнби; каталась по лѣсу вдвоемъ съ молодымъ лордомъ Гудомъ, въ его кабріолетѣ; оставляла ночевать въ своей виллѣ живописца Лауренса, который писалъ ея портретъ и былъ въ свое время не только моднымъ живописцемъ, но и предметомъ вздоховъ всѣхъ великосвѣтскихъ дамъ. Являлась ли ей фантазія ѣхать на морскія купанья, она нанимала первый домъ, который ей предлагали, не разбирая сосѣдства. Словомъ, она вела себя, какъ совершенно независимая женщина, — нисколько не заботясь объ обязанностяхъ, налагаемыхъ высокимъ положеніемъ ея.

Между тѣмъ, ей было небезъизвѣстно, что принцъ Уэльскій явно желалъ формальнаго развода съ нею, что въ Карльтонъ-Гоузѣ поклялись погубить ее, и для принца Уэльскаго не было болѣе пріятной лести, какъ какой нибудь скандальный анекдотъ объ его женѣ. Подобные анекдоты были любимымъ сюжетомъ его остротъ и шутокъ на попойкахъ съ друзьями, и онъ обыкновенно заключалъ ихъ увѣреніемъ, что, „рано или поздно, дѣло дойдетъ до суда“.

— By Jove! восклицалъ онъ,—толстая нѣмка воображаетъ, что она будетъ когда нибудь англійскою королевой. Но пускай меня повѣсятъ, если это когда нибудь случится!

При видѣ неосторожности, съ которою Каролина раздувала эту ненависть, можно подумать, что она нарочно дразнила принца, стараясь казаться виновной, но не давая противъ себя никакихъ положительныхъ уликъ, на которыхъ можно было бы основать бракоразводный процессъ.

Дружба принцессы къ леди Дугласъ была слишкомъ пылкой и внезапной, чтобы быть прочной. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она начала охладѣвать. Многіе думали, что причиной охлажденія было соперничество въ любви къ Сиднею Смиту, но это далеко не доказано. Какъ бы то ни было, а между пріятельницами пробѣжала черная кошка, хотя вначалѣ это обнаруживалось только въ мелочахъ.

Однажды, за столомъ, принцесса отозвалась объ одной дамѣ, что она „страшно дурна“. Леди Дугласъ ничего не отвѣтила, зная, что

мужъ ея очень привязанъ къ этой дамѣ. Но принцесса непремѣнно желала узнать ея мнѣніе.

— Говоря по совѣсти, отвѣтила леди Дугласъ,—я не нахожу ее дурной.

— Полно, лгунья! вскричала Каролина, — говорите правду: вы находите ее ужасной.

Слово лгунъ (liar), неумѣстное даже въ шутку, имѣетъ на англійскомъ языкѣ особенно грубое значеніе и употребляется только въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ жесточайшей обиды. Каролина не разбирала этихъ тонкостей, но леди Дугласъ почувствовала себя глубоко оскорбленной и не могла скрыть этого чувства. Ея холодность вызвала холодность со стороны Каролины и съ этого дня пріятельницы начали расходиться. Вскорѣ случилось еще одно обстоятельство, усилившее взаимныя недоразумѣнія. Среди дѣтей, окружавшихъ принцессу Уэльскую, появилась скарлатина. Каролина поспѣшила предупредить леди Дугласъ, чтобы она не ѣздила къ ней, изъ опасенія передачи заразы ея дѣтямъ; но та перетолковала эту дружескую заботливость въ желаніе отдѣлаться отъ нея, и это еще болѣе усилило взаимное отчужденіе.

Вскорѣ послѣ того лордъ и леди Дугласъ уѣхали въ Лондонъ. Лордъ Дугласъ принадлежалъ ко двору герцога Сусcекскаго, шестаго сына короля, и въ этомъ качествѣ долженъ былъ везти свою жену въ Карльтонъ-Гоузъ, чтобы представить ее принцу Уэльскому. Принцъ, никогда не упускавшій случая отбить друзей у своей жены, принялъ леди Дугласъ особенно любезно и внимательно.

Молва объ этомъ пріемѣ дошла до Каролины со многими преувеличеніями, придавшими этому визиту въ Карльтонъ-Гоузѣ характеръ настоящей измѣны. Съ этой минуты прежняя дружба превратилась въ ненависть. Когда леди Дугласъ пріѣхала потомъ къ принцессѣ, та послала ей сказать, что она никогда болѣе не приметъ ее. Леди Дугласъ пыталась объясниться письменно, но письмо было возвращено нераспечатаннымъ. Каролина начала всѣмъ говорить, что она перестала принимать леди Дугласъ за явную связь ея съ Сидней Смитомъ. Такимъ образомъ, война была объявлена и сдѣлалась безпощадною. Бывшія подруги пустили въ ходъ другъ противъ друга самое низкое оружіе: сплетни и клеветы. Леди Дугласъ начала распускать слухъ, будто ребенокъ, воспитываемый въ Монтэгъ-Гоузѣ, незаконный сынъ принцессы Уэльской, и будто она сама созналась ей въ своей беременности. Съ своей стороны и Каролина не оставалась въ долгу. Она написала леди Дугласъ по почтѣ анонимное письмо, полное самыхъ грубыхъ оскорбленій, и, не довольствуясь этимъ, адресовала тѣмъ же путемъ къ лорду Дугласу пошлую каррикатуру, на которой онъ былъ изображенъ съ огромными оленьими рогами, а передъ нимъ въ углу Сидней Смитъ ласкалъ его жену. Рисунокъ былъ, очевидно, сдѣланъ са-

мой принцессою, и она такъ мало старалась скрыть это, что запечатала конвертъ, въ который онъ былъ вложенъ, своею печатью.

Лордъ Дугласъ, въ присутствіи своей жены, показалъ рисунокъ Сидней Смиту, который не обнаружилъ ни малѣйшаго смущенія, но казался глубоко возмущеннымъ. Онъ пожелалъ немедленно объясниться съ принцессою, и во исполненіе этого желанія лордъ Дугласъ написалъ ея дежурной статсъ-дамѣ, что онъ, его жена и Сидней Смитъ просятъ принцессу немедленно принять ихъ по важному дѣлу. Письмо осталось безъ отвѣта; но, дня черезъ два, Каролина написала Сиднею Смиту, въ домъ лорда Дугласа, что она больна и никого не принимаетъ. Эта записка была не только довершеніемъ обиды, но и безмолвнымъ признаніемъ фактовъ.

Поэтому леди Дугласъ отвѣтила за Сидней Смита слѣдующей запиской: „Милостивая государыня! Ваше анонимное письмо и вашъ рисунокъ получены по назначенію, въ чемъ считаю долгомъ удостовѣрить васъ. Ваша покорная слуга Шарлотта Дугласъ".

Принцесса, понявъ, что она зашла слишкомъ далеко, не возвратила этого письма и послала за герцогомъ Кентскимъ, чтобы просить его переговорить съ Сидней Смитомъ.

— Между нами произошла маленькая непріятность, сказала она,— но я приму его, если онъ обѣщаетъ избѣгать всякихъ непріятныхъ объясненій.

Узнавъ отъ Сидней Смита, въ чемъ состояла эта „маленькая непріятность", герцогъ Кентскій былъ изумленъ и возмущенъ. Онъ тотчасъ сообразилъ возможныя послѣдствія подобнаго скандала.

— Если это дѣло получитъ огласку, сказалъ онъ, — то оно можетъ имѣть роковое вліяніе на здоровье короля. Необходимо замять его, по крайней мѣрѣ, на время. Я полагаюсь на васъ, любезный Сидней. Съ моей стороны, я серьезно поговорю съ принцессой и постараюсь заставить ее понять опасность подобныхъ выходокъ.

Лордъ Дугласъ обязался хранить дѣло въ тайнѣ до поры до времени, чтобы не огорчать короля; но леди Дугласъ не давала никакого обязательства и эта грязная исторія не замедлила получить огласку. Принцъ Уэльскій вскорѣ узналъ всѣ ея подробности, и ничто не могло бы доставить ему большаго удовольствія, какъ то сплетеніе лжи и клеветы, которое изложила ему, по его просьбѣ, леди Дугласъ. Искусно перемѣшавъ вымыселъ съ истиной, она формально объявила, что Уилльямъ Остинъ, ребенокъ, воспитывающійся въ Монтэгъ-Гоузѣ, есть плодъ незаконной любви принцессы Уэльской. Въ первыхъ числахъ іюня 1802 г. принцесса пріѣхала къ ней, будто бы, въ сильномъ волненіи и предложила ей угадать, что съ нею случилось. Леди Дугласъ сдѣлала нѣсколько неудачныхъ предположеній, и принцесса открыла ей, наконецъ, что она беременна. Видя ея испугъ, она прибавила:

— Вы не ожидаете, что я сдѣлаю: я буду сама кормить ребенка. То-ли еще бываетъ! Прочтите „Записки кавалера де-Граммонъ“, такъ вы узнаете, какія штуки выкидывали дамы въ его время.

Въ октябрѣ, леди Дугласъ, возвратившись изъ отсутствія въ свой замокъ, была, по ея словамъ, изумлена полнотою принцессы, которая старалась скрывать ее подъ широкими платьями. Вскорѣ послѣ того, пріѣхавъ въ Монтэгъ-Гоузъ, леди Дугласъ застала ее укачивающею новорожденнаго ребенка. Принцесса показала его ей, сказавъ:

— Не правда-ли, какой хорошенькій?

Одна изъ ея дамъ, мистриссъ Фицжеральдъ, сообщила леди Дугласъ, что онѣ выдали ребенка за сына одной бѣдной женщины изъ Дептфорда, покинутой своимъ мужемъ. Ребенокъ былъ, будто бы, принесенъ въ замокъ чуть живымъ, и принцесса, сжалившись надъ жалкимъ маленькимъ созданіемъ, приняла его. Съ этого времени, залы Монтэгъ-Гоуза превратились въ дѣтскую. Всюду валялись пеленки, ложки, чашки, игрушки, и принцесса, ни передъ кѣмъ не стѣсняясь, сама нянчилась съ ребенкомъ. Что касается до отца, то принцесса никогда не называла его. Леди Дугласъ полагала одно время, что это былъ Сидней Смитъ, которому Каролина оказывала замѣтное вниманіе; но, насколько было извѣстно, онъ никогда не оставался вдвоемъ съ принцессой.

Таково въ главныхъ чертахъ показаніе леди Дугласъ, неправдоподобіе котораго бьетъ въ глаза. Трудно предположить, чтобы Каролина, безъ всякой необходимости, открыла ей такую важную тайну и, давъ ей такое страшное оружіе противъ себя, поссорилась съ нею изъ-за пустяковъ и систематически вооружила ее противъ себя. Но еще труднѣе предположить, чтобы такія важныя событія, какъ беременность и роды принцессы Уэльской, прошли совершенно незамѣченными въ домѣ, гдѣ за каждымъ движеніемъ ея слѣдили придворныя дамы, ежедневные посѣтители и множество слугъ. Къ этому нужно прибавить, что всѣ факты, приведенные въ разсказѣ леди Дугласъ, не были основаны ни на какихъ доказательствахъ, кромѣ ея личнаго утвержденія. Тѣмъ не менѣе, принцъ Уэльскій, заручившись письменнымъ показаніемъ этой свидѣтельницы, хотѣлъ немедленно начать бракоразводный процессъ. Того же мнѣнія были и нѣкоторые изъ министровъ, такъ какъ дѣло приняло государственное значеніе. Но король и Питтъ поняли, что въ такомъ важномъ вопросѣ нельзя полагаться на показаніе одной женщины, къ тому же, очевидно, внушенное личною местью. Рѣшено было произвести предварительное слѣдствіе, которое было возложено королевскимъ декретомъ на лордовъ Гренвилля, Эрскина, Спенсера и Элленборо. Слѣдствіе это было названо „щекотливымъ изслѣдованіемъ“.

Комиссія, засѣдавшая въ тайномъ совѣтѣ, въ Доднингъ-Стритѣ, выслушала множество свидѣтелей, въ томъ числѣ лорда и леди Дугласъ, и многихъ изъ обычныхъ посѣтителей Монтэгъ-Гоуза и изъ слугъ принцессы Уэльской. Каролина не была приглашена защищаться и ей даже не было предоставлено права указать свидѣтелей, показанія которыхъ могли бы служить къ оправданію ея. Вся эта таинственная процедура велась помимо ея и, будто бы, даже безъ ея вѣдома. Но эта таинственность, хотя и свидѣтельствовавшая о нѣкоторомъ деликатничаньи съ нею, была весьма рискованной для правосудія. Къ тому же король уполномочилъ герцога Кентскаго сообщить принцессѣ устно объ этомъ слѣдствіи.

Все обвиненіе основывалось на запискѣ леди Дугласъ, поэтому она и открыла рядъ свидѣтельскихъ показаній, повторивъ то, что уже извѣстно. Такъ какъ показанія давались передъ частными комиссарами короля, составившими изъ себя родъ семейнаго совѣта, то свидѣтелямъ было хорошо извѣстно, что показанія эти не имѣли легальнаго характера и не могли повлечь за собою никакой отвѣтственности для нихъ, хотя они и давались подъ присягой. Двое или трое изъ слугъ принцессы дали компрометировавшія ее показанія, но показанія эти противорѣчили одно другому. Всѣ три свидѣтеля были помѣщены къ принцессѣ принцемъ Уэльскимъ и, очевидно, служили его шпіонами. Они показали, что принцесса обращалась съ Сидней Смитомъ очень фамильарно, и онъ долго засиживался у нея по вечерамъ. Его видали, будто бы, въ Монтэгъ-Гоузѣ и рано утромъ, но никто не видѣлъ, какъ онъ входилъ. Изъ этого заключали, что онъ имѣлъ ключъ отъ одного изъ потайныхъ ходовъ. Другимъ частымъ посѣтителемъ Монтэгъ-Гоуза былъ капитанъ Мэнби, и одинъ изъ свидѣтелей видѣлъ, будто бы, однажды въ зеркало, какъ принцесса поцѣловала капитана, прощаясь съ нимъ. Живописецъ Лауренсъ, писавшій портретъ Каролины, раза три ночевалъ въ Монтэгъ-Гоузѣ и нерѣдко засиживался вдвоемъ съ принцессой по поздней ночи. Они запирались на ключъ и свидѣтель слышалъ за дверью шепотъ... Одна изъ служанокъ принцессы показала, что, въ 1802 г., она стала замѣчать, что принцесса полнѣетъ, а впослѣдствіи она вдругъ похудѣла. Докторъ Милльсъ говорилъ ей, что принцесса беременна и нуждается въ движеніи. Однако названный докторъ положительно опровергъ это показаніе, сказавъ, что онъ никогда не говорилъ ничего подобнаго. Этимъ и ограничивались показанія обвинительной стороны. Другіе свидѣтели формально опровергали эти сплетни кухни и лакейской. Двое изъ нихъ согласно показали, что оговорившая принцессу служанка совѣщалась передъ слѣдствіемъ съ леди Дугласъ. Камеръ-юнгферы принцессы никогда не замѣчали у нея ни малѣйшихъ признаковъ беременности. Ребенокъ, котораго принцесса воспитывала въ Монтэгъ-Гоузѣ, былъ принесенъ одною бѣдною женщиной, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что принцесса желала взять

на воспитаніе маленькое дитя. Пажъ принцессы уже велъ объ этомъ переговоры съ одной женщиной, которая родила близнецовъ, когда другая женщина, жена одного рабочаго, пришла въ замокъ съ прелестнымъ малюткой на рукахъ. Этого ребенка показали принцессѣ, и она уговорила мать отдать его ей. Всѣ эти факты были подтверждены и матерью ребенка.

Средній выводъ изъ этихъ противорѣчій дается показаніемъ мистриссъ Лайсль, сестры лорда Чольмондели и статсъ-дамы принцессы. Свидѣтельница сказала, что Каролина кокетничала и съ Сидней Смитомъ, и съ Мэнби, и съ лордомъ Гудомъ, и со многими другими; что она видимо находило болѣе удовольствія въ обществѣ мужчинъ, чѣмъ дамъ, и вообще была большою кокеткой; но свидѣница не имѣла никакого повода думать, чтобы кокетство принцессы переходило когда нибудь въ нѣчто болѣе серьезное.

Какъ бы то ни было, а подробности этого возмутительнаго слѣдствія, продолжавшагося болѣе двухъ мѣсяцевъ, показали, что Каролина Брауншвейгская вела себя слишкомъ легкомысленно и свободно. Комиссары, принадлежавшіе къ партіи виговъ, которой еще придерживался въ то время принцъ Уэльскій, и не скрывавшіе своего нерасположенія къ Каролинѣ, тѣмъ не менѣе, единогласно признали ее невинной, но заявивъ, что, какъ выяснилось изъ свидѣтельскихъ показаній, она вела себя вообще не соотвѣтственно достоинству будущей англійской королевы.

Комиссары изложили результатъ слѣдствія въ тайномъ донесеніи королю, который лишь черезъ нѣсколько недѣль сообщилъ его принцессѣ, съ приложеніемъ копіи съ свидѣтельскихъ показаній.

Англійская печать уже пользовалась въ ту пору большою свободой и газеты не замедлили извѣстить своихъ читателей объ обвиненіяхъ, взведенныхъ на принцессу Уэльскую. Впрочемъ, подробности слѣдствія оставались тайной. Публика распалась на два лагеря и общественное мнѣніе было возмущено.

Кабинетъ, производившій „щекотливое изслѣдованіе", принадлежалъ къ партіи виговъ, и торіи не замедлили смекнуть, какое оружіе давала имъ противъ ихъ враговъ сомнительная легальность всей этой процедуры. Вожди торіевъ, лорды Эльдонъ и Персиваль, тотчасъ же выступили въ качествѣ оффиціозныхъ защитниковъ принцессы. Они составили для нея протестъ, который она вручила королю. Описавъ въ этомъ протестѣ тяжелое положеніе, въ которомъ такъ долго держало ее это тайное слѣдствіе, она приводила факты въ опроверженіе взведенныхъ на нее обвиненій, указывая на то, что лица, на показаніяхъ которыхъ оно было основано, были приставлены къ ней ея явными врагами. Къ этому протесту были присоединены показанія Лауренса и Мэнби, которые утверждали подъ присягой, что относящіяся къ нимъ показанія свидѣтелей суть не что иное, какъ

гнусная ложь и клевета. Сидней Смитъ находился въ ту пору въ плаванiи и не могъ присоединиться къ протесту.

Заключенiемъ слѣдствiя было оффицiальное королевское посланiе къ обоимъ супругамъ, признававшее невинность Каролины. Въ посланiи было, однако, выражено „желанiе, чтобы на будущее время поведенiе принцессы Уэльской лучше оправдывало знаки отеческой любви и уваженiя, которыя король желаетъ оказывать каждому изъ членовъ своей семьи".

Въ резолюцiи суда вопросъ о преслѣдованiи леди Дугласъ за лжесвидѣтельство остался открытымъ и вначалѣ преслѣдованiе, дѣйствительно, казалось рѣшеннымъ. Но одинъ изъ комиссаровъ, лордъ Эрскинъ, страстно влюбился въ свидѣтельницу, и это обстоятельство, въ соединенiи съ заступничествомъ принца Уэльскаго, помѣшало дать дѣлу дальнѣйшiй ходъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ этого скандальнаго процесса, въ которомъ не были выслушаны ни принцесса, ни ея свидѣтели, оказались двусмысленный приговоръ, оправдывавшiй принцессу въ главномъ обвиненiи, но заключавшiй въ себѣ строгое порицанiе ея поведенiя, и безнаказанность клеветниковъ.

Общественное мнѣнiе шумно приняло сторону принцессы. Всѣ были глубоко возмущены этимъ неслыханнымъ скандаломъ и въ особенности тѣмъ, что протоколы допроса свидѣтелей, послужившiе къ оправданiю принцессы, остались необнародованными, между тѣмъ какъ самое обвиненiе получило полную огласку. Разумѣется, никто изъ свидѣтелей не давалъ себѣ труда скрывать подробностей снятыхъ допросовъ. Публика осталась при томъ заключенiи, что судьи, видя невозможность доказать виновность принцессы, несмотря на тонкое домашнее шпiонство, рѣшились набросить на дѣло покровъ тайны, разсчитывая, что на репутацiи принцессы все-таки останется тѣнь.

Воображенiе публики, разъигравшееся на эту тему, сдѣлало изъ Каролины мученицу. Ея благотворительность, ея ангельская доброта, послужили для враговъ ея орудiемъ противъ нея; она страдала за то, что призрѣвала дѣтей бѣдняковъ; у нея отняли ея дочь и удивлялись, что она почувствовала потребность перенести свою материнскую любовь на сиротъ. Такъ говорили въ народѣ. Гдѣ бы ни показалась принцесса, публика всюду встрѣчала ее неистовыми рукоплесканiями и восторженными кликами, тогда какъ принца Уэльскаго и министровъ преслѣдовали свистками. Слѣдуя этому теченiю, парламентская оппозицiя взяла дѣло принцессы въ свои руки и сдѣлала изъ него свое знамя. Король, тайно конспирировавшiй съ торiями, благопрiятствовалъ этому движенiю. Распространился слухъ, что лордъ Персиваль готовитъ къ изданiю всѣ документы, относящiеся къ процессу принцессы Уэльской, съ коментарiемъ, разбивающимъ въ конецъ все сплетенiе взведенныхъ на нее клеветъ. Публика

впродолженіе нѣсколькихъ недѣль ждала эту книгу съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, и эти грозныя разоблаченія висѣли надъ министерствомъ подобно дамоклову мечу. Но вскорѣ подвернулся католическій вопросъ, открывшій королю и торійской партіи болѣе широкое поле дѣятельности. Въ мартѣ 1807 г., министерство виговъ пало, и ожидаемая „книга" такъ и не явилась.

Однако, первымъ дѣломъ Эльдона и Персиваля, по вступленіи въ министерство, было изданіе деклараціи, за подписью всѣхъ министровъ, объявлявшей, „что всѣ обвиненія, взведенныя на принцессу Уэльскую и послужившія поводомъ къ щекотливому изслѣдованію, оказались лишенными всякаго основанія; и всѣ подробности показаній обвинительной стороны, бросающія неблагопріятный свѣтъ на поведеніе принцессы, опровергнуты самымъ несомнѣннымъ образомъ".

Въ виду этого, новый кабинетъ посовѣтовалъ королю возобновить свои прежнія отеческія отношенія къ своей невѣсткѣ, которыя были прерваны со времени изданія указа о слѣдствіи. Георгъ III немедленно посѣтилъ Каролину въ Монтэгъ-Гоузѣ и, не удовольствовавшись этимъ, пригласилъ ее переселиться въ Кенсингтонскій дворецъ и попрежнему являться на пріемахъ у королевы. Такимъ образомъ, принцесса была оффиціально оправдана даже въ тѣхъ легкомысленныхъ поступкахъ, которые были обнаружены слѣдствіемъ. Это было тяжкимъ ударомъ для Карльтонскаго дворца.

Каролина явилась на оффиціальномъ пріемѣ у королевы, которая приняла ее съ своею обычною холодностью. Принцъ Уэльскій постарался уѣхать въ этотъ день на охоту. Но вскорѣ послѣ того наступилъ день рожденія короля и вся королевская семья должна была собраться въ этотъ день въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ. Наслѣдникъ престола никоимъ образомъ не могъ отсутствовать на этомъ семейномъ праздникѣ. Десять лѣтъ прошло со времени разлуки супруговъ, которые въ первый разъ съ тѣхъ поръ встрѣтились лицомъ къ лицу.

Войдя въ гостиную, принцъ Уэльскій увидѣлъ свою жену стоящею возлѣ небольшого столика, на который она небрежно опиралась рукой. Онъ прямо направился къ ней. Всѣ присутствовавшіе разступились и всѣ разговоры мгновенно смолкли. Супруги съ минуту молча глядѣли другъ на друга, какъ будто любопытствуя узнать, какой слѣдъ оставили на каждомъ изъ нихъ эти десять лѣтъ. Въ обоихъ произошла значительная перемѣна,—но въ обратномъ смыслѣ. Принцъ Уэльскій, окончательно заплывшій жиромъ, съ краснымъ и обрюзглымъ лицомъ, съ замѣтной сѣдиной въ волосахъ, съ мѣшками подъ глазами, не сохранялъ и тѣни своей прежней красоты; тогда какъ жена его находилась въ полномъ блескѣ пышнаго разцвѣта, который у иныхъ женщинъ приходитъ только въ послѣдніе годы молодости. Подъ вліяніемъ англійскаго климата и изящныхъ привы-



ПОРТРЕТЪ Н. В. ГОГОЛЯ,

рисованный карандашемъ съ натуры извѣстнымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ Римѣ. Съ геліографическаго снимка, доставленнаго Н. П. Собко, гравировалъ на деревѣ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 іюня 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.



ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [1].

IV.

Украинскій націонализмъ или школа Гоголя въ украинской литературѣ.

Націонализмомъ въ русской литературѣ обыкновенно называютъ то направленіе ея, которое, опираясь на историческое и этнографическое изученіе народа, идеализируетъ прошлую или современную жизнь его, удовлятворяется и услаждается ею и свысока, пренебрежительно смотритъ на чуждыя вліянія, отражавшіяся на русской жизни. Это направленіе обязано своимъ происхожденіемъ многоразличнымъ причинамъ и источникамъ, и въ томъ числѣ чужеземнымъ вліяніямъ, отъ которыхъ оно открещивается. Сюда, прежде всего, принадлежитъ возбужденіе интереса къ устной народной словесности у западно-европейскихъ народовъ, которое перешло, затѣмъ, и въ Россію. „Такъ называемыя обыкновенно просвѣтительныя идеи XVII столѣтія,—говоритъ А. Гулакъ-Артемовскій,—помимо многихъ злоупотребленій ими въ другихъ случаяхъ, благодѣтельно повліявшія на славянъ, пробудивъ въ нихъ нѣкоторое сознаніе племеннаго единства и важности значенія памятниковъ внутренней духовной народной жизни, были едва ли не первымъ сознательнымъ моментомъ, обусловившимъ признаніе смысла за вопросомъ о важности значенія произведеній народнаго творчества, хотя нельзя отрицать, что сознаніе важности значенія чисто народныхъ произве-

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VI, стр. 299.

деній по временамъ изрѣдка проглядывало еще и прежде на Руси". Но болѣе сильное вліяніе на возбужденіе у славянъ народнаго сознанія имѣли нѣмцы. „Нельзя не отдать справедливости нѣмцу Гердеру, который,—по словамъ чешскаго научнаго словаря Ригера,—первый обратилъ вниманіе ученыхъ славянскихъ на важное значеніе, между прочимъ, народныхъ пѣсенъ. Своимъ лестнымъ отзывомъ о славянской поэзіи и указаніемъ на важное ея значеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ возбудилъ въ чехахъ неудержимый энтузіазмъ къ дѣлу собиранія этого рода этнографическаго матеріала. Отъ чеховъ эта sui generis манія перешла и на другіе славянскіе народы" [1]). Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка ученые чехи посѣтили Москву и, безъ сомнѣнія, содѣйствовали возбужденію среди русскихъ ученыхъ любви къ изученію старинныхъ письменныхъ памятниковъ и устной народной поэзіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на пробужденіе народнаго самознанія въ Россіи имѣлъ непосредственное вліяніе и примѣръ западно-европейскихъ народовъ. Говоря о развитіи у насъ любви къ отечественной исторіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, Н. Полевой полагаетъ одну изъ причинъ этой любви въ примѣрѣ нашихъ европейскихъ сосѣдей. „Теперь вездѣ,—говоритъ онъ,—исторія и матеріалы историческіе въ сильномъ ходу и дружно разработываются; исторія проникаетъ всюду; она зашла въ романъ, она овладѣла драмой, ее прилагаютъ ко всякой наукѣ и ко всѣмъ знаніямъ. Мы не могли быть чужды тому, что̀ сдѣлалось общимъ всей Европѣ" [2]). А профессоръ Шевыревъ въ своихъ первыхъ трудахъ прямо указываетъ на примѣръ нѣмцевъ, содѣйствовавшій развитію у насъ народнаго самосознанія. Онъ именно разумѣетъ здѣсь возрожденіе нѣмецкаго романтизма, въ отпоръ господству французскаго просвѣщенія. Вслѣдъ за нѣмцами и русскіе обратились къ своей исторіи, къ изученію прошедшаго, искали здѣсь самобытныхъ началъ народной жизни и объявили войну французскому псевдоклассицизму и французскому просвѣщенію. Въ противоположность французской революція и французскому безбожію, этими началами русской жизни оказались: самодержавіе и православіе, къ которымъ присоединено было третье начало—народность. Они получили наглядное выраженіе для себя въ министерствахъ — внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и въ вѣдомствѣ оберъ-прокурора св. синода. „Пламенное желаніе императора Александра I видѣть успѣхи вводимыхъ имъ, по всѣмъ частямъ управленія, преобразованій—говоритъ одинъ иностранный писатель о Россіи — побудило министра внутреннихъ дѣлъ представлять ему отчеты. Ему подражать стали министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. синода. Тріумвиратъ этихъ министровъ представляетъ, будто бы, то символическое единство, которое подъ трой-

[1]) „Очерки русской литературы". Соч. Н. Полеваго. Ч. 2-я. 1839 г., стр. 231—232.

[2]) Предисловіе къ его сборнику: „Народни украінскі пісні зъголосомъ". Выпускъ I. Кіевъ, 1868 г.

ною эгидою самодержавія, народности и православія должно современемъ упрочить славную будущность имперіи" [1]). Особенное значеніе имѣло министерство народнаго просвѣщенія. Въ 1831 году изданъ былъ высочайшій указъ, имѣвшій цѣлію реформировать общественное воспитаніе, установить его на твердыхъ національныхъ основахъ. Въ общемъ отчетѣ, представленномъ императору Николаю I по министерству народнаго просвѣщенія за 1837 годъ, слѣдующимъ образомъ формулируются главныя основанія упомянутаго высочайшаго указа касательно реформы общественнаго просвѣщенія: „при оживленіи всѣхъ умственныхъ силъ, охранить ихъ теченіе въ границахъ безопаснаго благоустройства, внушить юношеству, что на всѣхъ степеняхъ общественной жизни умственное совершенствованіе, безъ совершенствованія нравственнаго,—мечта, и мечта пагубная; изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго и необузданнаго пристрастія къ поверхностному и къ иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному, и полное убѣжденіе, что только принаровленіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу можетъ принесть истинные плоды всѣмъ и каждому, потомъ обнять вѣрнымъ взлядомъ огромное позорище, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи православія, самодержавія и народности: вотъ въ немногихъ чертахъ направленіе, данное вашимъ величествомъ министерству народнаго просвѣщенія!" Эту грандіозную программу общественнаго образованія нужно добавить еще тѣмъ, что министерство народнаго просвѣщенія учредило при университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій и для приготовленія къ нимъ отправило молодыхъ людей въ славянскія земли, что въ свою очередь много содѣйствовало историческому и этнографическому изученію Россіи въ связи ея съ другими славянскими племенами.

Правительственныя мѣропріятія и взгляды налагали свою казенную печать и на науку и литературу и сообщали имъ общій колоритъ и тонъ такъ называемаго руссофильства. Совершенно въ духѣ указаннаго нами общаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1837 годъ говоритъ М. А. Максимовичъ въ своей „Исторіи" древней русской словесности" о періодахъ ея развитія. Раздѣляя исторію русской словесности на 4 періода, г. Максимовичъ начинаетъ четвер-

[1]) L'Eglise schismatique Russe, d'après les relations récentes du pretendu Saint-Synode. 1846.

тый періодъ съ царствованія Николая I и характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „въ нынѣшнее царствованіе, при возрожденіи общаго стремленія къ самобытному, своеобразному и полному раскрытію русскаго духа, означилось просвѣщенное обращеніе къ своенародности и положительности. Раскрытіемъ и силою народности своей русскіе были весьма богаты и прежде, а стихія исторической положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности русской—въ самой поэзіи; но это до нашего времени не было еще сознано, ибо не было еще озарено достаточнымъ просвѣщеніемъ". Послѣ вѣка разрушительнаго, вѣка борьбы и волненія страстей,—говоритъ профессоръ Давыдовъ въ своихъ „Чтеніяхъ по словесности",—настало время мира и тишины, родилась потребность успокоительнаго равновѣсія враждующихъ началъ, возникло стремленіе къ произведенію новой жизни человѣчества. Глубокое уваженіе къ вѣрѣ созидаетъ храмы на развалинахъ жертвенниковъ дерзкаго и самонадѣяннаго разума. Въ области мышленія опытъ и умозрѣніе идутъ рука объ руку въ святилище истины... Сближеніе умозрительныхъ наукъ съ дѣйствительностію явилось въ искусствѣ и словесности. Уже сущность, мысль берутъ верхъ надъ формою, внѣшностью; теорія искусства въ соединеніи съ его исторіею образуютъ истинную критику; искусство перестаетъ подражать мертвой вещественной природѣ, начинаетъ созидать творенія по живымъ идеаламъ духа. Классицизмъ не почитается враждебнымъ романтизму; словесность отличаетъ красоты міровыя отъ народныхъ, согласуетъ изящную форму древней поэзіи съ глубокою идеею новой. Отсюда—господствующая мысль о словесности народной, созидаемой изъ отечественныхъ элементовъ". Харьковскій профессоръ Якимовъ посвятилъ свою плохую диссертацію „О словесности въ Россіи до Ломоносова" православію, сомодержавію и народности, — этимъ тремъ китамъ, на которыхъ долженъ былъ стоять русскій міръ. Впослѣдствіи, это патріотическое, руссофильское направленіе отъ самоуслажденія и самовосхваленія дошло до униженія всякаго значенія западно-европейской цивилизаціи, какъ односторонней, ложной и уже закончившей свое развитіе; но на этой стадіи своего развитія руссофильство уже переходитъ въ славянофильство.

Этотъ-то націонализмъ или руссофильство отразились отчасти и на украинской литературѣ 30-хъ годовъ и послѣдующаго времени, съ нѣкоторыми отличіями отъ сѣвернаго руссофильства. Украинскіе ученые и писатели этого времени избирали для себя мѣстное, удѣльное содержаніе, но разсматривали его какъ необходимую часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и часто писали даже на общемъ литературномъ языкѣ русскомъ. Называя русскаго царя роднымъ своимъ батькомъ, они ставили рядомъ съ нимъ свою родную мать—Украйну и идеализировали ея прошедшую исторію и современную жизнь.

Въ научной области украинскій націонализмъ выразился цѣлымъ рядомъ изданій помятниковъ письменной и устной народной словесности украинской, имѣвшихъ важное значеніе и для литературы. Еще въ 1777 году нѣкто Григорій Калиновскій издалъ въ С.-Петербургѣ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ" и проч., перепечатанное въ 1854 году во 2-й книгѣ „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи", Калачева. Въ 1819 году князь Н. А. Церетелевъ, бывшій воспитанникъ московскаго университета, издаетъ древнѣйшія украинскія думы, а въ 1828 году М. А. Максимовичъ издаетъ въ Москвѣ „Малороссійскія народныя пѣсни", изъ коихъ многія получены имъ частію отъ Ходаковскаго, частію отъ князя Церетелева. Это былъ самый вліятельный сборникъ по малорусской народной поэзіи, вызвавшій своимъ появленіемъ польскіе и украинскіе сборники малорусскихъ пѣсенъ, пословицъ и сказокъ, каковы, напримѣръ: „Сборникъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска" (Б. Залѣсскаго), 1833 г." Лукашевича, 1836 г.; Жеготы Паули 1839—1840 гг.; Срезневскаго, 1833—1838 гг.; А. Терещенка, 1848 г., Зенькевича, 1851 г.; Ед. Руликовскаго 1853 г.; Метлинскаго, 1854 г.; Н. Гатцука, 1857 г. и множество другихъ позднѣйшихъ. По изученію украинскихъ пословицъ, первымъ замѣчательнымъ изданіемъ были „Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С." (Смирницкимъ). Харьковъ. 1833 г., а народныя украинскія сказки первыя началъ издавать Осипъ Бодянскій въ своей небольшой книжкѣ „Украиньскы Казкы", 1835 года. Вмѣстѣ съ памятниками устной украинской словесности издавались и письменные памятники, и цѣлыя сочиненія по исторіи Малороссіи, между которыми видное мѣсто занимали „Исторія объ Уніи" и „Исторія Малороссіи" Бантышъ-Каменскихъ, „Лѣтопись" псевдо-Конисскаго и др.

Эта чисто научная дѣятельность скоро оказала сильное вліяніе на возбужденіе народной украинской литературы, и вотъ,—является съ первой четверти настоящаго вѣка цѣлый рядъ историческихъ романовъ и драматическихъ сочиненій изъ жизни Малороссіи, преимущественно на русскомъ языкѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній: „Казакъ-стихотворецъ", опера-водевиль князя Шаховскаго. С.-Петербургъ, 1822 г.; „Зиновій Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Малороссія", Ѳ. Н. Глинки. С.-Петербургъ, 1819 г.; „Бурсакъ", Нарѣжнаго. Москва, 1824 г.; „Наливайко", поэма, въ „Полярной Звѣздѣ" 1824 г.; „Иванъ Госницкій", историческій романъ съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ запорожскихъ", Т—а Ив., Москва, 1827 г.; разсказы и повѣсти Ореста М. Сомова (Порфирія Байскаго)—„Юродивый", „Гайдамакъ", „Русалка" (въ „Подснѣжникѣ" за 1829 г.), „Оборотень", „Ночлегъ гайдамаковъ", „Сватовство", „Кіевскія вѣдьмы" и др.; романы Голоты—„Иванъ Мазепа", „Хмельницкіе", „Наливайко", или времена бѣдствій Малороссіи, романъ XVI-го вѣка, 1833 г., „Заруцкій", гетманъ войска Запорожскаго

(1606—1616 г.); романы Александра Кузмича—„Козаки". С.-Петербургъ, 1843 г., и „Зиновій Богданъ Хмельницкій", С.-Петербуръ, 1846 г.; „Гетманъ Ст. Остряница, или эпоха смутъ и бѣдствій Малороссіи,—историческій романъ В. Кореневскаго". Харьковъ, 1846 г.; „Головатый", А. В. Ростиславича, въ „Современникѣ" за 1848 г. (кн. 10); разсказы и повѣсти К. Котляревскаго—„Баштаны" и „Гуляйпольцы", въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1851 и 1852 года, и др.

Но лучшимъ выразителемъ національнаго направленія украинской литературы въ обще-русскомъ духѣ является Н. В. Гоголь. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, именно въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ украинскаго быта, онъ представлетъ блестящее изображеніе дорогой ему Украины и является въ нѣкоторомъ родѣ мѣстнымъ писателемъ въ національномъ духѣ, но безъ племенныхъ увлеченій и крайностей. Онъ пишетъ на обще-литературномъ языкѣ русскомъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ свои произведенія достояніемъ всей русской литературы. Мѣстный сюжетъ имѣетъ и его поэма „Тарасъ Бульба", представляющая картину прежней жизни Малороссіи и казачества. Но въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ онъ все болѣе и болѣе становится на обще-русскую точку зрѣнія, такъ что, по его словамъ, онъ самъ не зналъ, какая у него душа,—хохлацкая или русская, и проникается благоговѣніемъ передъ величіемъ и могуществомъ единой и нераздѣльной Россіи. Недаромъ въ его поэмѣ „Мертвыя души" лирическія отступленія о величіи Россіи считались въ свое время лучшими мѣстами, какъ самыя поэтически-вдохновенныя и патріотическія.

Впрочемъ, признавая Н. В. Гоголя лучшимъ выразителемъ націонализма въ украинской литературѣ, мы не считаемъ его единственнымъ представителемъ этого направленія. При всей своей геніальности, Н. В. Гоголь не явился въ нашей литературѣ внезапно, какъ бы упавъ съ неба, но имѣлъ своихъ предшественниковъ, съ которыми имѣетъ болѣе или менѣе тѣсныя связи. Мы уже указывали рядъ повѣстей и романовъ изъ украинскаго быта, завершеніемъ которыхъ служатъ украинскія повѣсти Н. В. Гоголя. Между первыми, повѣсти О. Сомова (Порфирія Байскаго) казались нѣкоторымъ современникамъ его до того сходными съ украинскими повѣстями Гоголя, что Н. Полевой приписывалъ послѣднія, на первыхъ порахъ появленія ихъ, О. Сомову. Особенное же значеніе въ развитіи поэтическаго таланта Гоголя имѣлъ М. А. Максимовичъ какъ своимъ сборникомъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, такъ и личными своими отношеніями къ Гоголю. Съ другой стороны, такое великое свѣтило, какъ Гоголь, не могло пройти безслѣднымъ на горизонтѣ украинской литературы и не увлечь за собой спутниковъ и подражателей. Что касается послѣдователей Гоголя въ русской литературѣ, — то они указаны съ достаточною полнотою и обстоятельностью; но доселѣ почти вовсе не указана и не опредѣлена Гоголевская школа въ украинской литера-

туръ. А между тѣмъ и здѣсь Н. В. Гоголь имѣлъ не мало послѣдователей, рядъ которыхъ непрерывается и до настоящаго времени. Особенно онъ имѣлъ вліяніе на послѣдующую украинскую литературу своими повѣстями, разсказами и поэмами изъ современной или прошедшей жизни Малороссіи. Послѣдователями его въ этомъ отношеніи нужно признать Е. П. Гребенку, А. П. Стороженка, Г. П. Данилевскаго, Свидницкаго и въ послѣднее время П. Раевскаго. Всѣ они, болѣе или менѣе, пишутъ въ обще-русскомъ направленіи и на русскомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, безразлично на русскомъ и малорусскомъ языкахъ, всѣ смотрятъ на Украину, какъ только на часть цѣлой Россіи, и идеализируютъ ея прошедшее или настоящее, нерѣдко доводя идеализацію до крайностей преувеличенія и фантазированія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти писатели значительно и различаются между собою. Различіе между ними касается и языка, и самаго содержанія литературныхъ произведеній, и тона изложенія, и зависитъ отъ этнографическихъ разностей, отличающихъ одну часть Малороссіи отъ другой. Микола Гатцукъ въ предисловіи къ своему „Ужинку рідного поля“ различаетъ въ малорусскомъ нарѣчіи говоры—полтавскій, харьковскій или слободской и кіево-чигиринскій. Первые два принадлежатъ лѣвобережной, а послѣдній—правобережной Украинѣ. П. Житецкій въ своемъ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1876 г.) различаетъ въ нынѣшней Малороссіи говоры подлясскій, галицко-подольскій, волынскій и украинскій и казацкій, къ которымъ нужно присовокупить еще говоръ слободско-украинскій или харьковскій. Всѣ эти говоры развились путемъ историческимъ, въ связи съ жизнію народа, и въ извѣстной мѣрѣ служатъ ея отраженіемъ. Слѣдовательно, и въ самой жизни малорусскихъ областей существовало и существуетъ такое же различіе, какое и въ языкѣ. Это-то различіе въ языкѣ и содержаніи самой жизни отчасти отразилось и на перечисленныхъ нами украинскихъ писателяхъ въ національномъ направленіи. Самъ Н. В. Гоголь въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ и разсказахъ является живописцемъ преимущественно гетманщины, существовавшей на лѣвомъ берегу Днѣпра, и въ частности нынѣшней Полтавской и Черниговской губерніи, хотя касается также и Запорожья. Ему во всемъ слѣдовалъ Е. П. Гребенка. А. П. Стороженко, изображая въ бытовыхъ своихъ произведеніяхъ ту же гетманщину, въ историческихъ своихъ поэмахъ и разсказахъ преимущественно старается воспроизводить бытъ Запорожья. Г. Свидницкій, сынъ священника Подольской губерніи, изображаетъ преимущественно исключительныя явленія подольской жизни, объясняемыя близостію Подоліи къ бессарабской и австрійской границамъ и отличающіяся необычайностью. Продолжателемъ его дѣятельности въ настоящее время является Петръ Раевскій, родомъ изъ Черниговской губерніи. Сначала онъ писалъ сцены изъ малороссійской жизни средней полосы Украины; но въ послѣднее время онъ беретъ сюжеты для своихъ по-

вѣстей и разсказовъ изъ быта Волыни и Полѣсья и представляетъ ихъ въ фантастическомъ, необыкновенномъ видѣ. Наконецъ, Гр. Данилевскій, воспитанникъ харьковскаго университета (нынѣ редакторъ „Правительственнаго Вѣстника"), въ литературной своей дѣятельности является представителемъ Слободской Украины, сосѣдней съ Великороссіей, и отъ явленій харьковской и новороссійской жизни постепенно переходитъ къ изображенію общерусскихъ предметовъ и интересовъ. Послѣднія его произведенія включаютъ автора въ число чисто русскихъ писателей.

Такимъ образомъ, націонализмъ въ украинской литературѣ, съ Н. В. Гоголемъ во главѣ и съ его предшественниками и послѣдователями, обнимаетъ слѣдующихъ писателей: М. А. Максимовича, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребенку, А. П. Стороженка, Свидницкаго и П. Раевскаго.

I.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. [1])

Максимовичъ родился 3-го сентября 1804 г., въ украинской степи, неподалеку отъ Золотоноши, Полтавской губерніи. Въ 1812 г. онъ поступилъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію, а въ 1819 г. въ московскій университетъ по словесному отдѣленію, гдѣ восхищался обаятельнымъ словомъ Мерзлякова, котораго Максимовичъ называлъ „соловію стараго времени". Черезъ два года онъ перешелъ въ отдѣленіе физико-математическое. Звѣздою этого отдѣленія былъ тогда М. Г. Павловъ, даровитѣйшій ученикъ Шеллинга, только что воротившійся изъ-за-границы въ Москву на каѳедру сельскаго хозяйства. Его лекціи о природѣ, въ духѣ натуральной философіи, вѣяли новою жизнію и привлекали студентовъ. Онѣ произвели впечатлѣніе и на Максимовича и сообщили поэтическій колоритъ его научнымъ изысканіямъ въ области естествовѣдѣнія. Его „Размышленія о природѣ" (1827 г.) называютъ поэмою о природѣ, которая, однако же, заключала ученыя свѣдѣнія, глубоко оцѣненныя не въ одной Россіи, но и за-границей. „Это были цвѣты науки, поэзія естествознанія", говоритъ одинъ изъ современниковъ Максимовича. Въ 1823 году Михаилъ Александровичъ кончилъ курсъ кандидатомъ, но слушалъ лекціи по медицинскому и словесному

---

[1]) Источники: 1) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1872 г.; ст. С. И. Пономарева; 2) Некрологъ, въ „Вѣстникѣ Европы", за мартъ 1874 г.; 3) „М. А. Максимовичъ", Чаева, въ „Русскомъ Архивѣ", за 1874 г., т. II, стр. 1055 и сл.; 4) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича", т. I—III, Кіевъ, 1876—1880 г.; 5) „Исторія славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, т. I, 1879 г., стр. 899 и слѣд.

отдѣленіямъ. Въ 1827 году онъ издалъ сборникъ „Малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ“, съ предисловіемъ, словаремъ и объяснительными примѣчаніями. Въ 1829 году, послѣ защиты магистерской диссертаціи и напечатанія нѣсколькихъ сочиненій по естествознанію, онъ сдѣланъ былъ адъюнктомъ въ Московскомъ университетѣ, а въ 1833 году ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ботаники. Въ 1834 году ботаникъ Максимовичъ былъ назначенъ въ Кіевъ, въ новооткрываемый университетъ, на каѳедру русской словесности. Переходъ этотъ отъ ботаники къ словесности не покажется очень рѣзкимъ, если мы припомнимъ, что и на природу Максимовичъ смотрѣлъ глазами поэта-мыслителя, и что онъ слушалъ въ университетѣ лекціи по словесности и самъ занимался литературными трудами. Кромѣ сборника „Малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ“ 1827 г., онъ писалъ статьи объ исторической вѣрности поэмы Пушкина „Полтава“ (1829 г.); въ 1833 году напечатанъ разборъ Вельтманова перевода „Слова о полку Игоревѣ“; въ 1830—1834 гг. издалъ нѣсколько книгъ альманаха „Денница“, а въ 1834 году онъ издалъ второй болѣе обширный сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ, съ историко-филологическими примѣчаніями. Съ 1834 по 1841 годъ Максимовичъ былъ профессоромъ въ Кіевѣ, а до конца 1835 года и ректоромъ университета. Въ 1841 году онъ вышелъ въ отставку, по разстроенному здоровью, и только временно, съ 1843 по 1845 годъ, по найму преподавалъ въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ Максимовичъ жилъ большею частію въ деревнѣ, изрѣдка появляясь на зиму въ Москву и въ послѣднее время въ Кіевъ.

Со времени переселенія въ Кіевъ, Максимовичъ отъ естествознанія перешелъ совершенно къ трудамъ историко-филологическимъ и археологическимъ, которыхъ требовали съ одной стороны его новая спеціальность, съ другой—самый характеръ Кіева, съ его множествомъ наслоеній древне-русской жизни, и современное отношеніе кіевской земли къ полякамъ. Этому историко-филологическому и археологическому направленію М. А. Максимовичъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Но, перейдя отъ природы къ археологіи, и для послѣдней старый естествоиспытатель нашелъ въ душѣ своей живую воду: тысячелѣтняя старина являлась ему не голою, нѣмою развалиной, а вся разодѣтая въ благоуханную зелень широкоствольныхъ дубовъ, осокорей, черемухъ и березокъ; камни, ручьи—заговорили, завороженные чудною силою сердца и воображенія. Короткіе разсказы Максимовича о стародавнихъ людяхъ похожи на воспоминанія внука о маститомъ дѣдѣ, живо памятномъ еще ему и крѣпко-крѣпко любимомъ. Даже коротенькимъ извѣстіемъ о найденной пещерѣ, въ поэтическомъ мракѣ которой онъ бродилъ съ другомъ Иннокентіемъ, онъ вліялъ и вліяетъ на художника, „какъ тѣ молящіеся въ церквахъ простолюдины, которые, — по слову Гоголя, — даютъ крылья вашей молитвѣ, вашему размышленію“.

Независимо отъ поэтическаго колорита, историко-филологическія и археологическія изысканія М. А. Максимовича почти всѣ направлены къ уясненію современнаго ему положенія Малороссіи и потому имѣли, кромѣ научнаго значенія, интересъ общественный и политическій. Въ Кіевъ Михаилъ Александровичъ явился, приготовивъ сборникъ украинскихъ пѣсенъ 1834 года. „Если мы посмотримъ на эпиграфы этого сборника, на примѣчанія къ нему,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—то мы увидимъ, что руководящею идеей въ немъ была идея о близости малорусской народной поэзіи съ памятниками литературы удѣльнаго періода, особенно съ „Словомъ о полку Игоревѣ". Эта мысль побудила потомъ Максимовича перевести обломокъ поэзіи старо-кіевской Руси на языкъ теперешнихъ крестьянъ этой Руси. Эта же мысль является господствующею въ рѣшеніи капитальнаго вопроса о происхожденіи малорусскаго племени, гдѣ Максимовичъ защищалъ старобытность народа и языка. Всякому, кто знакомъ съ исторіей юго-западной Руси и съ ея положеніемъ, кажется, понятно будетъ, какое огромное практическое государственное значеніе имѣетъ мысль, что рѣчь, поэзія, чувства хлопа въ юго-западной Руси—прямые потомки рѣчи, поэзіи, чувствъ князей древне-кіевской земли. И дѣйствительно, тѣ работы и тѣ интересы, какимъ предавался этнографъ и археологъ Максимовичъ въ Кіевѣ и послѣ, имѣютъ столько же научное, сколько и политическое значеніе. Въ 1840—1841 гг. Максимовичъ издавалъ сборникъ „Кіевлянинъ", посвященный изслѣдованію мѣстной старины, о которомъ покойный Хомяковъ отзывался такимъ образомъ: „пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и жизнь лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ—городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями". Въ 1841 году пришла мысль Максимовичу съ Иннокентіемъ объ основаніи „Кіевскаго общества исторіи и древностей словено-русскихъ". Это общество не состоялось въ то время [1]); но взамѣнъ его учреждена была при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ археологическая комиссія для изслѣдованія древностей юго-западнаго края и археографическая комиссія, въ которой Максимовичъ являлся какъ начинатель и какъ дѣятельный сотрудникъ. А извѣстно, что труды этой комиссіи дали возможность прослѣдить непрерывность народной русской традиціи въ юго-западномъ краѣ подъ разными чуждыми наслоеніями. Интересъ къ народности повелъ Максимовича еще къ одному живому дѣлу, къ дѣлу народнаго образованія. Его „Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ", вышедшая въ 1833 году, есть

---

[1]) Оно учреждено въ послѣдніе годы жизни Максимовича при кіевскомъ университетѣ и, по смерти Максимовича, слилось съ „Кіевскимъ Обществомъ Нестора лѣтописца".

одинъ изъ первыхъ у насъ опытовъ популярной литературы, заглавіе котораго показываетъ начало идеи о народности въ педагогіи. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ первыя изданія „Букваря" Максимовича. Максимовичъ же является и однимъ изъ первыхъ у насъ переводчиковъ священнаго писанія на народный языкъ своими „Псалмами, переложенными на украинское нарѣчіе", въ „Украинцѣ" 1859 г., и потомъ въ львовскомъ журналѣ „Галичанинъ" за 1867 годъ.

Вообще, дѣятельность М. А. Максимовича почти исключительно посвящена одному краю: это—мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда, при всей спеціальности его работъ, онѣ далеко не имѣли благопріятныхъ условій. Одинъ изъ біографовъ его нашелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ Максимовичъ былъ для кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ.

При всемъ томъ, ученая дѣятельность Михаила Александровича, несмотря на мѣстный характеръ свой, имѣла тѣсную связь съ общими интересами русской литературы. Та „хмѣлинка поэзіи", которая всегда обрѣталась у него въ самомъ сухомъ его трудѣ, сообщала его ученымъ изысканіямъ литературный характеръ. Но самое важное значеніе въ историко-литературномъ отношеніи имѣли его сборники малороссійскихъ пѣсенъ, по ихъ идеѣ и по вліянію на ходъ и направленіе тогдашней русской литературы. Въ предисловіи къ сборнику пѣсенъ 1827 года Максимовичъ говоритъ слѣдующее: „наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась. Въ семъ отношеніи больше вниманія заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная". Въ этомъ и послѣдующихъ сборникахъ Максимовича ученая критика находитъ поддѣлки, на которыя, какъ видно, смотрѣли тогда очень снисходительно; но и въ такомъ видѣ малорусскія пѣсни Максимовича произвели благотворное вліяніе на тогдашнюю русскую литературу и сдѣлали его однимъ изъ видныхъ литературныхъ дѣятелей Жуковско-Пушкинской и Гоголевской эпохи. Однажды Пушкинъ, встрѣтивъ Максимовича у графа Уварова, сказалъ: „Мы давно знаемъ васъ, Максимовичъ, и считаемъ литераторомъ. Вы подарили насъ малороссійскими пѣснями". Самъ Михаилъ Александровичъ разсказывалъ,

что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ.—„А я обираю ваши пѣсни", сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву", вышедшую въ 1829 году. „Полтава"—одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной, по теперешнимъ понятіямъ, блѣдности изображенія,—одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ. Нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ Михаиломъ Александровичемъ, засвидѣтельствовано показаніемъ и Погодина, и письмомъ Гоголя, который говоритъ о сборникѣ Михаила Александровича 1834 года: „я похвастаюсь имъ предъ Пушкинымъ". И, можетъ быть, не безъ вліянія этихъ сборниковъ совершился переворотъ въ поэтической дѣятельности Жуковскаго и Пушкина въ національную сторону, о которомъ Н. В. Гоголь писалъ въ 1831 году г. Данилевскому слѣдующее: „Все лѣто я провелъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестныхъ вещей вышло изъ подъ пера этихъ мужей! У Пушкина повѣсть октавами писанная—кухарка (Домикъ въ Коломнѣ), въ которой вся Коломна и Петербургская природа живая. Кромѣ того, сказки, русскія народныя сказки, не то что̀ Русланъ и Людмила, но совершенно русскія. У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки—чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій, ничего германскаго и прежняго". Самъ Гоголь велъ знакомство и дружескую переписку съ Максимовичемъ и особенно интересовался его собраніемъ малорусскихъ пѣсенъ. Вотъ что онъ говоритъ о пѣсняхъ украинскихъ въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9-го ноября 1833 года: „Теперь я принялся за исторію нашей Украйны... Я порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собраиія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, обитыми книгами и книжною пылью, съ жадностію жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя—пѣсни! какъ я васъ люблю! Что̀ всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть!.. Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни; даже

не историческія, даже и... онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе... прошедшую жизнь и... прошедшихъ людей. Велите сдѣлать это (переписать пѣсни) скорѣе". Пламенное желаніе Гоголя было исполнено: въ библіотекѣ покойнаго Максимовича мы видѣли рукописное собраніе малорусскихъ пѣсенъ Ходаковскаго, на пробѣлахъ котораго Н. В. Гоголь собственноручно вписалъ нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ, большею частію „соромливыхъ". Правда, Гоголь не написалъ малороссійской исторіи; но онъ написалъ въ этотъ періодъ „Тараса Бульбу",—до сихъ поръ единственный, вполнѣ художественный русскій историческій романъ. Въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ „Женитьбу", „Ревизора" и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самосознанія.

II.

Николай Васильевичъ Гоголь.

Гоголь входитъ въ область украинской литературы собственно первоначальными повѣстями своими изъ украинскаго быта, къ которымъ относятся его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", „Миргородъ" и пожалуй, „Тарасъ Бульба". На эти-то произведенія мы и обратимъ свое вниманіе и коснемся ихъ въ связи съ тѣми біографическими данными, которыя могутъ служить къ уясненію происхожденія и характера этихъ произведеній Гоголя.

Въ свое время разсказы и повѣсти Гоголя изъ украинскаго быта произвели на русскую публику благопріятное, освѣжающее впечатлѣніе. „Вечера на хуторѣ" произвели впечатлѣніе прежде всего на вождя тогдашней литературы, Пушкина. Вотъ что писалъ онъ: „Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Диканьки". Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ; и все это слогомъ камердинера, профессора Тредьяковскаго" [1]. Вообще, русская читающая публика и критика встрѣ-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", за мартъ 1874 года, стр. 448.

тили сочиненія Гоголя съ восторгомъ. Менѣе сочувственно, а иногда и совсѣмъ враждебно, относились къ Гоголю малороссы. „Конечно,— говоритъ Іеремія Галка, — Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ; но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое то же самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше“ [1]). А г. Кулишъ въ придисловіи къ историческому роману своему „Чорная Рада“ и въ „Обзорѣ украинской литературы“ въ журналѣ „Основа“, произнесъ строгій судъ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта, хотя незадолго предъ тѣмъ издалъ извѣстныя „Записки о жизни Гоголя“ въ панегирическомъ тонѣ. Сущность этого приговора состоитъ въ томъ, что Гоголь не зналъ, будто бы, въ достаточной мѣрѣ своего народа и невѣрно изобразилъ его въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ, и что онъ подкупилъ сѣверно-русское общество въ свою пользу блескомъ зиждущей фантазіи, аффектаціею и, пожалуй, новостью предмета. Эти повѣсти писаны молодымъ поэтомъ подъ вліяніемъ тоски по родинѣ. „На меня находили припадки тоски,—говоритъ Гоголь, — мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому выйдетъ отъ этого какая польза“. Смѣшное онъ пересыпалъ трогательнымъ, а это довершало очарованіе, производимое на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя. „Украйна у Гоголя,—продолжаетъ г. Кулишъ,—явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эфирныхъ насѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, подъ которыми прыщетъ золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, лѣнивыми и беззаботными до того, что даже выдача дочери замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающагося, съ исторіею, въ которой происходятъ великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ съ воеводскими дочерями, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдьмѣ семинаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которыя обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только

---

[1]) „Молодикъ“, 1844 года, стр. 161.

являлось до тѣхъ поръ въ россійской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужныя грезы поэта о родинѣ". Въ украинскихъ повѣстяхъ изъ украинскаго быта у него постоянная аффектація или карикатура. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь сквозь театральность и искусственность только какъ бы случайно, какъ будто мимо вѣдома самого автора. Поэзія простонародной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню изучилъ онъ далеко не вполнѣ. Отъ этого любовники простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ будто поютъ, а иногда и просто-на-просто словами извѣстныхъ каждому пѣсенъ.

Разсматривая въ частности съ этнографической и исторической точки зрѣнія украинскія повѣсти Гоголя, г. Кулишъ коснулся, въ неоконченномъ очеркѣ своемъ, слѣдующихъ повѣстей: „Сорочинская ярмарка", „Ночь накануне Ивана-Купала", „Майская ночь или утопленница" и отчасти „Тараса Бульбы".

Въ „Сорочинской ярмаркѣ" Кулишу кажутся неприличными уже самыя фамиліи дѣйствующихъ лицъ, напримѣръ Голопупенко и т. д. Самый ходъ разсказа и его подробности несогласны съ украинской дѣйствительностью и даже прямо противоположны ей. Мужикъ Солопій съ женой своей Хиврей и дочкой Параской отправляются на Сорочинскую ярмарку. Дорогой привязался къ нимъ парубокъ Голопупенко, полюбилъ съ перваго взгляда Параску и пустилъ комомъ грязи въ ея ворчливую мачиху Хиврю. На ярмаркѣ, за спиной отца, Голопупенко такъ близко познакомился съ Параской, что позволилъ себѣ цѣловать и обнимать ее, и тутъ же попросилъ у Солопія руки его дочери. Солопій соглашается, забывъ даже сказать объ этомъ своей женѣ, — и всѣ трое отправляются въ шинокъ пить магарычъ. Голопупенко оказался лихимъ питухомъ и этимъ привелъ въ восторгъ своего нареченнаго тестя Солопія. Но подоспѣвшая Хивря на-отрѣзъ отказалась выдать свою падчерицу замужъ за сорванца и пьяницу Голопупенка. Тогда послѣдній прибѣгаетъ къ помощи цыгана, который пугаетъ Солопія съ его супругой и кумомъ чертовскою красной свиткой и морочитъ ихъ обвиненіемъ въ мнимомъ воровствѣ кобылы и рукава отъ чертовской красной свитки. Въ видѣ отрывочнаго разсказа, вводится здѣсь любовная сцена между старою Хиврею и поповичемъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ. Дѣло оканчивается согласіемъ Солопія на бракъ своей Парахи съ Голопупенкомъ, несмотря на противодѣйствіе Хиври. Идя предупредить Параску о приходѣ жениха, Солопій застаетъ ее танцующею съ зеркаломъ въ рукѣ и самъ пускается съ нею въ плясъ.

По отзыву г. Кулиша, несогласно съ вѣковыми обычаями малороссіянъ, чтобы молодой человѣкъ самъ сватался къ дивчинѣ, и притомъ на ярмаркѣ, предварительно обидѣвши мачиху своей невѣсты:

обыкновенно засылають сватовъ къ родителямъ невѣсты, съ извѣстными обрядами,—и согласіе дается отцомъ и матерью вмѣстѣ. Такое важное дѣло, какъ сговоры, никогда не запивается у мало-мальски порядочныхъ людей въ корчмѣ, равно какъ нельзя и представить, чтобы когда нибудь прибѣгали малороссы къ содѣйствію цыгана въ брачныхъ дѣлахъ. Любовная сцена между старой Хиврей и поповичемъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, неестественная по ихъ лѣтамъ и положенію, имѣетъ обстановку вовсе не украинскую: „хата съ подмостками подъ потолкомъ,—говоритъ Кулишъ,—на которыхъ Хивря спрятала поповича, не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями". Неправдоподобно также, что Параска танцуетъ съ зеркаломъ въ рукѣ подъ собственную пѣсенку, а старый Солопій, увлекшись ея примѣромъ, пускается въ-присядку.

„Ночь накануне Ивана Купала" имѣла въ виду представить бытовую картину изъ прежняго времени, лѣтъ за сто назадъ; но изображенія этого времени, по отзыву Кулиша, нѣтъ у Гоголя: повѣсть безразлично можетъ быть отнесена къ какому угодно времени. Въ ней всего захвачено понемножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Есть тутъ намеки хоть бы и на времена Наливайки. Но въ этой повѣсти нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какъ въ „Сорочинской ярмаркѣ", и замѣтно пробиваются мѣстныя краски. Но и здѣсь Гоголь не понимаетъ своего народа въ его поэтической повседневности и потому считаетъ необходимымъ набѣлить, нарумянить его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перефразированную пѣсню на великорусскомъ языкѣ. „Вечеръ накануне Ивана-Купала" мы относимъ,— говоритъ Кулишъ,—къ безполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей".

Въ повѣсти „Майская ночь или утопленница" Гоголь является (для Кулиша) попеременно то великимъ живописцемъ того, что онъ видѣлъ или могъ живо себя представить, то фальшивымъ разсказщикомъ о томъ, чего никакъ невозможно вообразить безъ предварительнаго изученія. Блистательны у него описанія природы украинской, хороши небольшія сцены, которыхъ свидѣтелемъ нетрудно быть въ Украйнѣ; но все, что относится къ чувствамъ, обыкновенно тайнымъ въ душѣ каждаго, къ чертамъ характера внутреннимъ, а также къ нравамъ и обычаямъ народнымъ,—все это такъ слабо, сбивчиво и даже вовсе невѣрно, какъ всегда бываетъ у писателей, болѣе воображающихъ дѣйствительность жизни, чѣмъ ее знающихъ... Сліяніе чудеснаго съ дѣйствительностію въ „Майской ночи" сдѣлано Гоголемъ по образцу Гофмановыхъ повѣстей, но безъ Гофмановскаго искусства.

Относительно повѣсти „Тарасъ Бульба" Кулишъ говоритъ, что въ ней Гоголь „обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ

украинской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ. Перечитывая теперь „Тараса Бульбу", мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись или преданіе бросаютъ ему искру свѣта, съ необыкновенной зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобъ распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ, Тарасъ Бульба только поражалъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины". Въ частности, Кулишъ указываетъ, что подъ Дубномъ не было никакого сраженія, какъ представляетъ его Гоголь, и неестественно, чтобы Тарасъ Бульба дрался на кулачкахъ со своими дѣтьми, и чтобы сынъ его Андрей, истый казакъ, влюбился въ польку.

Съ легкой руки Кулиша, старались умалить достоинство украинскихъ повѣстей и другихъ произведеній Гоголя и послѣдующіе писатели. Нѣкто генералъ Герсевановъ издалъ въ 1861 году, въ Одессѣ брошюру, подъ заглавіемъ—„Гоголь предъ судомъ обличительной литературы", посвященную русской женщинѣ, оклеветанной Гоголемъ. Вся книжка наполнена доказательствами, что Гоголь былъ лакей въ низкомъ смыслѣ этого слова, что онъ всѣхъ надувалъ, что онъ безпрестанно обвинялъ родную мать. „Чѣмъ же былъ Гоголь?" спросятъ многочисленные его обожатели.—„Онъ былъ нищій, лакей, ненавистникъ русской женщины, клеветникъ ея, клеветникъ Россіи!" Одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ писателей украинскихъ, коснувшись „Тараса Бульбы", безъ церемоніи называетъ Гоголя „нетямущимъ", т. е. почти что безтолковымъ...

Правда, самъ Гоголь не очень-то выгодно смотрѣлъ на свои украинскія повѣсти. Въ предисловіи къ изданію 1842 года онъ отзывался о нихъ такъ: „много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!.. Это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя". Въ предполагаемомъ же изданіи своихъ сочиненій 1851 года Гоголь хотѣлъ совершенно выпустить „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Но то была лишь у строгаго къ себѣ Гоголя сравнительная оцѣнка „Вечеровъ" съ болѣе поздними и совершеннѣйшими произведеніями его, которая не исключаетъ своего рода достоинствъ какъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки", такъ и въ другихъ его повѣстяхъ изъ украинскаго быта. За эти достоинства ручается уже приведенный нами отзывъ Пушкина объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя. Да и самъ Гоголь находилъ въ нихъ много несовершеннаго, но не все.

Главную причину недружелюбнаго отношенія Кулиша къ украинскимъ повѣстямъ Гоголя мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Кулишъ разсматриваетъ ихъ съ исторической и этнографической точки зрѣнія, тогда какъ самъ Гоголь былъ поэтъ-художникъ, который дѣйствительную жизнь своевольно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое. „Въ этомъ отношеніи,—гово-

ритъ М. А. Максимовичъ,—нашъ другой великій художникъ, Пушкинъ, по свойству своего генія, въ поэмѣ „Полтава" былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ" [1]). То же отчасти нужно сказать и объ его „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" и „Миргородѣ", но съ необходимымъ добавленіемъ, что и въ этихъ своихъ повѣстяхъ Гоголь не такъ мало знакомъ съ этнографіей своей родины и не такъ искажаетъ ее, какъ воображаетъ себѣ это г. Кулишъ. Г. Кулишъ обвиняетъ Гоголя въ томъ, что онъ не употреблялъ въ своихъ повѣстяхъ и будто бы не зналъ малорусскаго языка и не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній о современномъ бытѣ и старинѣ Малороссіи. Но тотъ же М. А. Максимовичъ, бывшій другомъ-пріятелемъ Гоголя, и самъ глубокій знатокъ украинскаго языка и быта, утверждаетъ, что Гоголь зналъ свое родное украинское нарѣчіе основательно и владѣлъ имъ въ совершенствѣ, и что онъ очень достаточно зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа и всю народную жизнь ея, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей малороссійскихъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, уже та самая „Сорочинская ярмарка", въ которой Кулишъ болѣе всего видитъ промаховъ противъ этнографической правды, показываетъ, что Гоголь дѣлалъ эти мнимые промахи не по незнанію малорусскаго народнаго быта, а почему-то другому. Въ ней онъ говоритъ устами Хиври и супруга ея Солопія Черевика, что такъ не справляются свадьбы, какъ она справляется по сказанію повѣсти и, слѣдовательно, зналъ тѣ обычаи и обряды, какими должна бы сопровождаться свадьба. Что Гоголь хорошо зналъ бытъ своего народа и его вѣрованія, это, между прочимъ, можно видѣть въ его разсказѣ изъ малороссійскаго быта—„Ночь передъ Рождествомъ", который передѣланъ былъ впослѣдствіи въ малороссійскую оперетту „Рідзвяна нічъ", и доселѣ не потерявшую своего значенія.

Въ основѣ разсказа „Ночь передъ Рождествомъ" лежитъ малорусская сказка о кузнецѣ и чортѣ, дополненная подробностями изъ другихъ малороссійскихъ преданій и повѣрій. Сказку эту въ болѣе полномъ видѣ мы находимъ между „малороссійскими простонародными балладами" Л. Боровиковскаго, гдѣ она носитъ названіе „Кузнецъ". Кузнецъ Яремка былъ мастеръ своего дѣла и порой любилъ пѣсенку спѣть, поплясать, поиграть на свирѣли, и пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Въ кузницѣ у него подлѣ горнила, на самой печкѣ, висѣлъ намалеванный на холстѣ чортъ, повѣшенный кверху ногами. Яремка вымачкалъ чорта грязью и дегтемъ, выжегъ у него очи и всячески издѣвался надъ чортомъ. Чортъ рѣшился отмстить кузнецу, нанялся къ нему въ работники въ видѣ цыгана и сталъ перековывать старыхъ и больныхъ людей въ молодыхъ и здоровыхъ. Народу и денегъ по-

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 517.

[2]) Тамъ же, стр. 517 и 529.

валила бездна. Но однажды работникъ цыганъ отлучился, а старый баринъ Яремкинъ приходитъ къ Яремкѣ съ приказомъ перековать его въ молодца. Яремка сталъ перековывать, вынулъ изъ огня обгорѣлыя кости барина и молоткомъ разбилъ ихъ въ дребезги. Яремка осужденъ, какъ убійца. Идетъ онъ изъ острога въ родимую хату проститься на вѣки и приглашаетъ священника съ молитвой. Но какъ только священникъ началъ кропить забытый чортовъ портретъ надъ дверями, является пропавшій работникъ-цыганъ и обѣщается выручить Яремку изъ бѣды, если онъ не будетъ кропить его портретъ святою водой. Сказано — сдѣлано. Послѣ этого Яремка снялъ чортовскій портретъ, отнесъ въ кузницу и бросилъ въ огонь. Холстъ сгорѣлъ, а проклятый метнулся въ трубу. И съ этой поры чортъ почернѣлъ еще хуже; его борода обгорѣла, и любимое мѣсто его осталось — кузнечныя трубы [1]). И у Гоголя, въ „Вечерѣ наканунѣ Рождества", главнымъ лицомъ разсказа является кузнецъ Вакула, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и хорошій маляръ. „Торжествомъ его (малярнаго) искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ св. Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злаго духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, поднималъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу. Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ, но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу и для этого рѣшился украсть мѣсяцъ". На этомъ необычайномъ обстоятельствѣ основана вся цѣпь событій, совершившихся въ ночь наканунѣ Рождества. Развязка ихъ тоже въ общихъ чертахъ напоминаетъ собою окончаніе малорусской сказки въ пересказѣ Л. Боровиковскаго. Когда Вакула кузнецъ, желая исполнить прихоть возлюбленной красавицы, Оксаны, думалъ прибѣгнуть къ помощи чорта и отдаться ему, чортъ вскочилъ кузнецу на шею, началъ отъ радости галопировать и думалъ про себя: „теперь-то попался кузнецъ! теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей!" Но Вакула, схвативъ чорта за хвостъ, сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался тихъ, какъ ягненокъ. „Постой же, — сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ!" Тутъ кузнецъ вскочилъ на него вер-

---

[1]) „Отечественныя Записки" 1840 г., книга II, смѣсь, стр. 50—51.

хомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія. „Помилуй, Вакула!" жалобно простоналъ чортъ: „все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!"—„А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сейчасъ же на себѣ! слышишь, неси какъ птица!"—„Куда?" произнесъ печально чортъ.—„Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!" И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ. Такимъ образомъ, и у Гоголя чортъ, желая отомстить кузнецу-маляру, самъ попадается въ бѣду и силой крестнаго знаменія вынуждается оказать кузнецу услугу. Разница только въ способѣ чертовской услуги; но эта разница, по всей вѣроятности, зависѣла отъ разницы самой редакціи сказки у Гоголя, которая однако же вѣрна стариннымъ русскимъ представленіямъ о чортѣ, попадающемся въ-просакъ, и напоминаетъ книжное сказаніе о томъ, какъ св. Іоаннъ Новгородскій въ одну ночь путешествовалъ на бѣсѣ въ Іерусалимъ, первоначально связавши бѣса въ рукомойникѣ крестнымъ знаменіемъ.

На этомъ общемъ фонѣ народной сказки Гоголь помѣстилъ въ своемъ „Вечерѣ наканунѣ Рождества" и другія частныя черты изъ малорусскихъ народныхъ повѣрій и разсказовъ. Летанье вѣдьмъ на метлѣ черезъ печную трубу и знакомство ихъ съ чертями—общепризнанный народною миѳологіею фактъ. Разсказъ о томъ, какъ чортъ снялъ съ неба мѣсяцъ, не покажется для насъ исключительнымъ и страннымъ, если мы припомнимъ, что,—по разсказу Белецкаго-Носенка, въ концѣ прошлаго вѣка казаки присудили гадячскую полковницу къ сожженію на кострѣ за то, что она, будто бы, снимала „зірки" съ неба [1]). Разсказъ Гоголя о томъ, какъ кузнецъ Вакула вынесъ въ мѣшкахъ изъ своей хаты чорта и трехъ человѣкъ, любовниковъ своей матери-вѣдьмы, напоминетъ собою малорусскій народный разсказъ „О гибели трехъ поповъ" [2]).

Еще вѣрнѣе народнымъ преданіямъ повѣсть Гоголя „Вій", о которой самъ авторъ ея говоритъ слѣдующее: „Вій есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ". Намъ остается только разсмотрѣть, какъ воспользовался Гоголь готовыми народными преданіями. Въ основѣ этой повѣсти Гоголя собственно лежатъ два народныя преданія: объ упырѣ и Віѣ. Въ малорусскихъ сказкахъ разсказывается объ упырѣ, какъ одинъ человѣкъ получилъ отъ царя приказаніе читать три ночи

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ", томъ II, стр. 557.

[2]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы". Кіевъ, 1876 г., стр. 155 и слѣд.

псалтырь надъ его умершей дочерью волшебницей, стоявшей въ церкви. Ему угрожала явная смерть, но отъ нея онъ спасается, благодаря совѣтамъ старичка (св. Николая), и даже женится на бывшей волшебницѣ [1]). И у Гоголя философъ Хома Брутъ такимъ же образомъ читаетъ три ночи псалтырь надъ убитой имъ вѣдьмой, дочерью сотника, испытываетъ разные ужасы и, наконецъ, на третью ночь погибаетъ отъ нечистой силы. Его отыскало въ церкви чудовище Вій, призванное для этого убитой вѣдьмой въ церковь. Въ народныхъ преданіяхъ этотъ Вій составляетъ предметъ особаго сказанья и представляется приземистымъ, коренастымъ существомъ, у котораго вѣки опущены до земли. Когда ихъ насильно поднимутъ, отъ глазъ Вія летятъ молніи и вихри [2]).

Даже въ такихъ фантастическихъ разсказахъ Гоголя, каковъ, напримѣръ, разсказъ „Страшная месть", мы увидимъ впослѣдствіи присутствіе народнаго малорусскаго элемента. Но какъ въ этомъ, такъ въ другихъ украинскихъ разсказахъ Гоголя, складъ народныхъ воззрѣній и быта рѣдко удерживалъ свою вѣковѣчную, обычную элементарность и простоту. Гоголь любилъ и въ столкновеніяхъ своихъ съ простонародьемъ, и въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ, вызывать и поставлять малоросса въ исключительное положеніе, нарушавшее обычное теченіе его жизни и заставлявшее его уклоняться отъ общепринятыхъ обрядовъ и обычаевъ. Въ этомъ отношеніи интересно воспоминаніе о Гоголѣ А. П. Стороженка, который разсказываетъ о томъ, какъ 18-лѣтній Гоголь, уже и тогда удивительно умѣвшій играть на струнахъ человѣческаго сердца, перелѣзши черезъ чужой плетень, нарочно разсердилъ и довелъ до бѣшенства молодицу-хозяйку, и какъ на обратномъ пути онъ эту же молодицу сдѣлалъ своими словами изъ злой фуріи кроткою овечкою, къ величайшему удивленію ея смиреннаго мужа [3]). Читая это воспоминаніе г. Стороженка, мы невольно припомнили Голопупенка въ „Сорочинской ярмаркѣ", который разозлилъ жену Солопія Черевика, Хиврю, бывшую грозою для своего смирнаго мужа, и въ заключеніе все-таки женился на ея падчерицѣ. Поэтому само собой напрашивается предположеніе,—не скрывается ли въ этой повѣсти какого либо дѣйствительнаго происшествія, подстроеннаго самимъ Гоголемъ въ видѣ эксперимента надъ человѣческими сердцами.

Итакъ, Н. В. Гоголь несомнѣнно хорошо зналъ этнографію своей родины и полагалъ ее въ основу своихъ украинскихъ повѣстей; но при этомъ онъ часто соединялъ и переплеталъ въ своихъ повѣстяхъ нѣсколько народныхъ преданій и повѣрій и иногда съ намѣреніемъ

---

[1]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы". Кіевъ, 1876 г., стр. 268—269; „Народныя южнорусскія сказки" Рудченко, выпускъ II, 1870 г., стр. 27 и сл.; „Воспоминаніе о Новомосковскѣ", Надхина, въ „Основѣ" за сентябрь 1862 г., стр. 28 и слѣд.

[2]) „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", Аѳанасьева, т. I, гл. IV.

[3]) „Отечественныя Записки", 1859 г., № 4.

выводилъ крестьянина изъ его обычнаго, неподвижнаго состоянія и изображалъ его въ такомъ видѣ. Въ послѣднихъ случаяхъ онъ какъ бы уклонялся отъ этнографической правды; но и самыя эти уклоненія не всегда были произвольны и часто опредѣлялись его многоразличными связями и отношеніями съ искусственной украинской литературой, предшествовавшей Гоголю и современной ему.

Изъ біографическихъ свѣдѣній о Гоголѣ мы знаемъ, что дѣдъ нашего поэта, Аѳанасій Гоголь, былъ въ свое время полковымъ писаремъ и женатъ на внучкѣ полковника Танскаго. Одно уже названіе писаря показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ кіевской духовной академіи, или, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, „и кто знаетъ,— говоритъ г. Кулишъ,—не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти „Вій". Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него рисовалъ онъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Отъ него Н. В. Гоголь могъ заимстовать и остатки старинныхъ преданій, заключающихся въ „Пропавшей грамотѣ", „Тарасѣ Бульбѣ" и т. п. [1]). Къ этому нужно прибавить, что въ семействѣ Гоголя должны были сохраняться и родовыя литературныя преданія. Одинъ изъ предковъ его по женской линіи Танскихъ несомнѣнно воспитывался въ кіевской академіи и въ свое время слылъ знаменитымъ стихотворцемъ, который притомъ же писалъ свои стихотворенія на украинскомъ языкѣ [2]). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этихъ-то семейныхъ литературныхъ преданій, Н. В. Гоголь любилъ въ своей молодости старинныя малорусскія произведенія. Въ его „Книгѣ всякой всячины или подручной энциклопедіи", 1826 года, между прочимъ, вписаны были слѣдующія статьи: „Вирша, говоренная гетману Потемкину запорожцами", „Выговоръ гетмана Скоропадскаго Василію Скалозубу", „Декретъ миргородской ратуши 1702 года" и др. Вслѣдствіе этого самая рѣчь Гоголя, когда онъ воспитывался въ нѣжинской гимназіи, отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми [3]).

Еще тѣснѣе были у Гоголя связи съ новѣйшей украинской литературой и ея важнѣйшими представителями—И. П. Котляревскимъ, П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ и особенно съ отцомъ своимъ, В. А. Гоголемъ. Большая часть эпиграфовъ къ его „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки" взята изъ сочиненій этихъ и другихъ современныхъ имъ украинскихъ писателей. Самый тонъ разсказовъ, карикатурно-юмористическій, совершенно въ духѣ этихъ писателей. Мѣстами есть

---

[1]) „Лицей князя Безбородко", С.-Петербургъ, 1859 г., II, стр. 29.

[2]) „Древняя и Новая Россія", ноябрь, 1878 г.: „О драматическихъ сочиненіяхъ Георгія Конисскаго".

[3]) „Лицей князя Безбородко", 1859 г., II, стр. 41: „Записки о жизни Гоголя", 1851, т. 1.

даже заимствованія и подражанія. Совершенно справедливо г. Кулишъ видитъ сходство Гоголевскаго Голопупенка въ „Сорочинской ярмаркѣ“ съ окарикатуреннымъ Энеемъ въ „Энеидѣ“ Котляревскаго. „Эхъ, хватъ! за это люблю!“ говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, нимало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ ее потомъ въ дребезги. „Что скажешь, Параска? какого жениха я тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!“ По мнѣнію г. Кулиша, это есть перефразированная рѣчь карикатурнаго Зевеса у Котляревскаго объ Энеѣ, кстати поставленная эпиграфомъ къ третьей главѣ „Сорочинской Ярмарки“:

„Чи бачишъ, вінъ який парнище?
На світі трохи е такихъ:
Сивуху такъ, якъ брагу, хлище!
Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ!“

„Видишь ли, какой онъ парень?
На свѣтѣ мало есть такихъ:
Сивуху пьетъ какъ брагу!
Я люблю такихъ ребятъ!“

Въ той же „Сорочинской ярмаркѣ“ супруги Черевики, Солопій и Хивря, напоминаютъ намъ басню Гулака-Артемовскаго о соименныхъ супругахъ, но являются въ иныхъ положеніяхъ, сходныхъ съ положеніями героевъ комедій отца Гоголя. Солопія, который хотѣлъ было продать на Сорочинской ярмаркѣ свою кобылу, морочатъ точно такъ же, какъ москаль обманываетъ мужика въ комедіи отца Гоголя „Собака-Вивця“, и очень можетъ быть, что самый эпиграфъ къ X-й главѣ „Сорочинской ярмарки“ заимствованъ изъ этой комедіи. Любовныя похожденія Хиври съ поповичемъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ напоминаютъ намъ похожденія Хомы Григоровича въ другой комедіи отца Гоголя—„Простакъ“. Этотъ Хома Григоровичъ является даже героемъ предисловія къ „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

Совмѣщая въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ всѣ элементы прежней и современной украинской литературы, Гоголь является достойнымъ завершителемъ новой украинской литературы перваго період ея развитія. Но онъ не ограничивался одними интересами собственно украинской литературы и очень рано сталъ увлекаться чисто художественными стремленіями. „Русская литература того времени,—говоритъ одинъ изъ воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ,—была проникнута духомъ Байрона: Чайльдъ-Гарольдовъ и Онѣгиныхъ можно было встрѣчать не только въ столицахъ, но даже у насъ въ гимназическомъ саду“. Младшій профессоръ нѣмецкой словесности Зингеръ (съ 1824 г.) открылъ намъ новый живописный родникъ истинной поэзіи. Любовь къ человѣчеству, составляющая поэтическій элементъ твореній Шиллера, по свойству своему прилипчивая, быстро приви-

лась и къ намъ и много способствовала развитію характера многихъ. До Зингера на нѣмецкихъ лекціяхъ обыкновенно отдыхали сномъ послѣобѣденнымъ. Онъ умѣлъ разогнать эту сонливость увлекательнымъ преподаваніемъ,—и не прошло года, какъ у новаго профессора были ученики, переводившіе „Донъ-Карлоса" и другія драмы Шиллера; а вслѣдъ затѣмъ и Гёте, и Кернеръ, и Виландъ, и Клопштокъ, и всѣ, какъ называли, классики германской литературы, не исключая даже своеобразнаго Жанъ-Поль-Рихтера, втеченіе четырехъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ Зингера... Кстати замѣтить, что развитію германизма между нѣжинцами много способствовалъ „Телеграфъ", коего изданіе въ Москвѣ началъ тогда Н. А. Полевой [1]). Гоголь не могъ остаться въ сторонѣ отъ этихъ художественныхъ стремленій въ литературѣ, и мы видимъ, что онъ участвуетъ въ представленіи лучшихъ тогдашнихъ комедій русскихъ—„Недоросль", „Урокъ дочкамъ", и издаетъ въ гимназіи рукописные журналы, со статьями, писанными высокимъ слогомъ [2]). По выходѣ изъ гимназіи, онъ еще болѣе подчиняется художественному направленію тогдашней русской литературы. Одинъ изъ украинскихъ разсказовъ Гоголя—„Страшная Месть" представляетъ, по нашему мнѣнію, попытку создать по народнымъ преданіямъ титаническій мрачный типъ злодѣя, въ духѣ байронизма. Мы имѣемъ основаніе думать, что типъ цыгана въ „Сорочинской ярмаркѣ" Гоголя, противорѣчащій народнымъ взглядамъ на цыганское племя, созданъ подъ вліяніемъ поэмы Пушкина „Цыгане" [3]). Нѣкоторые видятъ на Гоголѣ вліяніе даже столь второстепеннаго писателя, какъ Марлинскій [4]). Но въ послѣдствіи времени заправляющую роль въ художественномъ развитіи Гоголя имѣлъ нашъ незабвенный поэтъ—А. С. Пушкинъ. „Мы знаемъ изъ „Переписки съ друзьями", говоритъ Кулишъ,—что первыя главы „Мертвыхъ Душъ" читаны были уже Пушкину, а въ „Авторской Исповѣди" говорится даже, что сюжеты „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ" даны были Гоголю Пушкинымъ. Слѣдовательно, можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ „Тарасъ Бульба", „Ревизоръ" первая часть „Мертвыхъ Душъ", вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣча-

---

[1]) „Лицей князя Безбородко", 1859 г., I, стр. 107.

[2]) Тамъ же, II, стр. 67.

[3]) Мы основываемъ это мнѣніе на слѣдующихъ соображеніяхъ. Шереперя (С. Писаревскій) въ своей оперѣ „Купала на Ивана" выводитъ на сцену совершенно такого же цыгана Шмагайла и заставляетъ его участвовать въ крестьянской свадьбѣ; но Шеререря создалъ типъ цыгана подъ вліяніемъ поэмы Пушкина „Цыгане" и даже прямо ссылается на нее въ своей оперѣ. Поэтому можно думать, что та же поэма имѣла вліяніе на типъ цыгана у Гоголя.

[4]) „Лицей князя Безбородко", 1859 г., II, стр. 67.

тельными пьесами, и посмотрите, что̀ дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина!—пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти—сдѣлался другимъ" [1]).

Художественный элементъ въ творческой дѣятельности Гоголя не позволилъ ему остаться въ тѣсной сферѣ украинскихъ интересовъ и литературы и былъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ сліянію въ его произведеніяхъ украинскихъ интересовъ съ сѣверно-русскими и образованію цѣльнаго русскаго міровоззрѣнія. „Скажу вамъ одно слово насчетъ того, какая у меня душа, хохлацкая или русская,—писалъ Гоголь въ 1844 году къ А. О. С—ой,—потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа,—хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,—явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слiявшись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во время глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже несовсѣмъ заслуженными порицаніями, и въ нихъ виденъ покамѣстъ писатель, еще не утвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ, точно, есть кое-гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто и не замѣтитъ и не увидитъ" [2]).

Въ этомъ художественномъ сочетаніи интересовъ двухъ племенъ русскаго народа состоитъ величайшая заслуга Гоголя, которую признаютъ и сами украинскіе писатели. Въ эпилогѣ къ „Чорной Радѣ" Кулишъ говоритъ слѣдующее о Гоголѣ: „Обратясь къ совершенно великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Все-таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ „Мертвыхъ Душахъ", этой великой попыткѣ

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя", т. I, стр. 194.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 43.

произвесть нѣчто колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ „Мертвыя Души“? Сами москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь украинецъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (К. Аксаковъ). Но созданіе „Мертвыхъ Душъ“ или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ его „Исповѣди“ и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ великорусскимъ, поэтъ, воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія бардъ казацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному русскому народу, какой только можетъ желать отъ украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это — самое великое дѣло Гоголя по своимъ послѣдствіямъ и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо другомъ, оправдывается зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра. Со временъ Гоголя, взглядъ великоруссовъ на натуру украинца перемѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ также почувствовать. Назначеніе Гоголя было—внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки [1]).“

Не имѣя своею задачею подробно анализировать всѣ произведенія Н. В. Гоголя и оцѣнивать ихъ значеніе для русской литературы вообще, обратимся собственно къ украинскимъ писателямъ Гоголевской школы, также старавшимся поддержать любовную связь съ сѣверно-русскою національностью, хотя и не всегда сознательнымъ образомъ. Между ними есть даже такіе послѣдователи Гоголя, которые подражали собственно его манерѣ и внѣшнимъ пріемамъ, опуская изъ виду духъ и характеръ сочиненій Гоголя. Рядъ этихъ пред-

[1]) Предисловіе къ „Чорной Радѣ“ Кулиша.

ставителей Гоголевской школы въ украинской литературѣ открывается младшимъ товарищемъ Гоголя по нѣжинской гимназіи, Е. П. Гребенкой.

III.

Евгеній Павловичъ Гребенка [1]).

Е. П. Гребенка родился 21-го января 1812 года, въ отцовскомъ помѣстьѣ Убѣжищѣ, въ 16-ти верстахъ отъ г. Пирятина, Полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ годовъ, проведенныхъ среди патріархальнаго сельскаго быта, посреди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатымъ самородною поэзіей, отразились на многихъ произведеніяхъ Гребенки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ былинъ, не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впослѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться его дѣтское сердце. Семейныя воспоминанія указываютъ, какъ на первый источникъ, питавшій живое воображеніе ребенка, на разсказы няньки, которая ходила за Евгеніемъ. Въ сочиненіяхъ Гребенки есть нѣсколько страницъ, въ которыхъ, несмотря на вымышленную форму, ясны черты изъ его ранней поры. Въ 1825 году Гребенка былъ отвезенъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщенъ въ „Гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко“ (нынѣ институтъ). Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ наукъ съ правомъ на чинъ XIV класса и тотчасъ же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ резервы 8-го малороссійскаго казачьяго полка; но вскорѣ вышелъ въ отставку и около 1834 года переѣхалъ въ Петербургъ. 1-го февраля этого года онъ былъ опредѣленъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Въ ноябрѣ 1838 года, Евгеній Павловичъ оставилъ службу въ коммиссіи духовныхъ училищъ и былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскій полкъ. Вся служба Гребенки съ этихъ поръ ограничивается преподаваніемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Состоя на службѣ въ Дворянскомъ полку, онъ познакомился съ Т. Г. Шевченкомъ и былъ его руководителемъ въ ознакомленіи съ русской литературой. Въ 1841 году Гребенка былъ переведенъ изъ Дворянскаго полка въ учители словесности во второй кадетскій корпусъ. Въ послѣдніе годы

---

[1]) Источники: 1) „Лицей князя Безбородко“, 1859 г., II. стр. 63—76 и 183—187; 2) „Поэзія славянъ“, Гербеля, 1871 г., стр. 170—171; 3) „Памятная книжка Полтавской губерніи на 1866 годъ“; 4) Словарь Геннади, подъ фамиліей „Гребенка“; 5) „Литературныя воспоминанія, Панаева“.

жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ. Гребенка умеръ въ декабрѣ 1848 года.

Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушіе его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ, сходившіеся съ Гребенкой, вспоминаютъ о немъ съ особенною теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ веселостью, съ тѣмъ легкимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени.

Гребенка началъ заниматься литературой еще въ лицеѣ. Бо̀льшею частію первые опыты его были на малороссійскомъ нарѣчіи. Малорусскій переводъ „Полтавы" Пушкина, несовсѣмъ удачный, также относится ко времени его студентчества, равно какъ и „Малороссійскія приказки", выпущенныя имъ въ свѣтъ въ 1834 году, въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гребенка началъ еще усерднѣе заниматься литературой. Его „Приказки" имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малорусскій переводъ „Полтавы", съ посвященіемъ Пушкину. Посвященіе это познакомило его съ нашимъ славнымъ поэтомъ. Пушкинъ, съ извѣстною добротой своей, принялъ теплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ „Современникѣ" на 1837 годъ два стихотворенія Гребенки. Есть даже свѣдѣніе, что малороссійскія басни молодаго писателя такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ, именно „Волкъ и Оѓонь", онъ перевелъ, будто бы, на русскій языкъ. Мы приводимъ ее, какъ образецъ малорусскихъ стихотвореній Гребенки:

У лісі хтось расклавъ Огонь.
Було то въ осени вже пізно,
Великий холодъ бувъ, вітри шуміли різно,
И била ожеледь, и снігъ ишовъ либонь;
Такъ, мабуть, чоловікъ біля багаття грівся
Да идучи й покинувъ такъ ёго.
Ажъ ось, не знаю я того,
Якъ сірий Вовкъ тутъ опинився.
Обмерзъ, забовтався; мабуть, три дні не івъ;
Дріжить, якъ мокрий хіртъ, зубами знай цокоче.
Звірюка до Огню підскочивъ,
Підскочивъ, озирнувсь, мовъ тороплений сівъ,
Бо зъ-роду вперше вінъ Огонь узрівъ.
Сидить и самъ собі радіе,
Що смухъ ёго Огонь, мовъ літомъ сонце, гріе.
И ставъ вінъ обтавать, ажъ пара зъ шерсти йде.
Изъ леду бурульки, що знай кругомъ бряжчали,
Уже зовсімъ пообпадали.
Вінъ до Огню то рило підведе,
То лапу коло жару сушить,
То біля поломья кудлатый хвістъ обтрусить.

Уже Огонь не ставъ его лякать.
Звірюка думае: „Чого его боятьця?
Зо мною вінъ, якъ панібратъ!“
Ось нічка утекла, мовъ стало розсвітать,
Мовъ почало на світъ благословлятьця.
„Пора“—Вовкъ думае, „у лози удиратъ!“
Ну, щобъ собі ити? ни, треба попрощатьця:
Скаженний захотівъ Огонь поцілувать,
И тілько що простягъ свое въ багатте рило,
А поломъе его до-щенту обсмалило.
Мій батько такъ казавъ: „Съ панами добре жить
Водитьця зъ ними хай тобі Господь поможе,
Изъ ними можно істи й пить,
А цілувать іхъ—крий насъ Боже!“

Кто-то расклалъ въ лѣсу Огонь.
А дѣло было осенью, ужъ поздно,
Большой былъ холодъ, вездѣ шумѣли вѣтры,
И была изморозь и, помнится, шелъ снѣгъ.
Такъ, стало быть, мужикъ около Огня грѣлся
Да идучи и покинулъ такъ его.
И вотъ, не знаю ужъ того,
Какъ сѣрый Волкъ тутъ очутился.
Обмерзъ, шатается, какъ будто три дня не ѣдалъ;
Дрожитъ, какъ мокрая собака, зубами знай стучитъ.
Волкъ подскочилъ къ Огню,
Подскочилъ, оглянулся, сѣлъ какъ шальной,
Ибо отъ роду впервые увидѣлъ онъ Огонь;
Сидитъ и самъ радуется,
Что Огонь грѣетъ шерсть его, какъ солнце лѣтомъ.
И сталъ онъ оттаивать, такъ что паръ идетъ изъ шерсти
Ледяныя сосульки, что знай кругомъ звенѣли,
Уже совсѣмъ поотпадали:
Онъ то рыло присунетъ къ Огню,
То лапу сушитъ около жару,
То близъ пламени отряхнетъ мохнатый хвостъ.
Уже Огонь не сталъ его пугать.
Волкъ думаетъ: „Зачѣмъ его бояться!
Со мною онъ за-панибрата!“
Вотъ ночка прошла, какъ будто стало разсвѣтать,
Какъ будто стала брезжиться заря:
„Пора“,—Волкъ думаетъ, „въ кустарникъ удирать!“
Ну, чтó-бъ себѣ идти? нѣтъ, нужно проститься:
Сумасшедшій захотѣлъ Огонь поцѣловать,
И только протянулъ въ костеръ онъ рыло,
Какъ полымя его опалило совсѣмъ.
Мой батько такъ говорилъ: „Съ господами хорошо жить,
Водиться съ ними пускай Господь тебѣ поможетъ,
Съ ними можно ѣсть и пить,
А цѣловать ихъ—сохрани насъ Боже!“

Сомнительно, чтобы эта немудрая басня обратила на себя особенное вниманіе А. С. Пушкина.

Первыя стихотворенія Гребенки на малорусскомъ языкѣ имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный. Онъ перешелъ къ русскимъ стихотвореніямъ и воспроизводилъ въ нихъ мотивы Жуковскаго и Пушкина; но и русскими стихотвореніями своими ему трудно было обратить на себя вниманіе въ то время, когда еще дѣйствовалъ Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Гребенка понялъ это и рѣшился посвятить всю свою дѣятельность повѣствовательной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были „Разсказы Пирятинца", принятые публикою довольно радушно. Всѣ заимствованные изъ быта и преданій Малороссіи разсказы напоминаютъ и содержаніемъ своимъ, и манерой повѣствованія, „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" Гоголя. Несомнѣнно, что повѣсти геніальнаго товарища по школѣ заронили въ Гребенку мысль его „Разсказовъ Пирятинца"; несомнѣнно, что и слогъ, и языкъ, и образъ выраженія въ „Вечерахъ" сильно поразили своею новостью, свѣжестью и свободой молодаго Гребенку и положили свою печать на его манеру. Но при этомъ несправедливо было бы обвинять Гребенку въ исключительномъ подражаніи Гоголю. Если на „Разсказахъ Пирятинца" и на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ повѣстяхъ и разсказахъ Гребенки есть слѣды вліянія Гоголя, то на нихъ есть слѣды и другихъ вліяній — напримѣръ, Марлинскаго, Загоскина. Гребенка принадлежитъ извѣстному литературному періоду, который наложилъ на него свою печать, какъ на человѣка, не обладавшаго самостоятельнымъ талантомъ, прокладающимъ новые пути въ литературѣ. Онъ—изъ числа тѣхъ посредствующихъ дарованій, которыя являются въ извѣстную пору цѣлыми группами, какъ связующая нить между геніями, создающими эпоху, и публикой.

Со времени изданія „Разсказовъ Пирятинца" имя Гребенки начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разсказами, очерками и стихотвореніями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходились безъ какого нибудь произведенія Гребенки. Повѣсти его, явившіяся съ 1837 и особенно съ 1838 года, почти всѣ распадаются на два отдѣла: въ однихъ описываетъ онъ родныя мѣста, въ другихъ—Петербургъ. Изъ произведеній его за это время болѣе или менѣе заслуживаютъ вниманія: „Записки студента", „Вѣрное лекарство", альманахъ „Ластôвка", „Нѣжинскій полковникъ Золотаренко", историческій романъ „Чайковскій" и повѣсть „Иванъ Ивановичъ". Въ повѣсти „Записки студента" есть автобіографическія черты. Кромѣ описанія дѣтства, въ ней находится и еще много взятаго авторомъ изъ жизни. Такъ, опредѣленіе въ военную службу и скорое оставленіе ея напоминаетъ поступленіе Евгенія Павловича въ малороссійскіе казаки и его краткое служеніе въ полку. По словамъ людей, близкихъ къ автору, самая завязка повѣсти заимствована изъ его собственной жизни. Повѣсть эта едва-ли не болѣе всѣхъ другихъ

произведеній Гребенки имѣла успѣхъ въ публикѣ. Въ ней, точно, много страницъ теплыхъ и задушевныхъ, но въ цѣломъ она неудовлетворительна и не лишена нѣкоторой слезливости въ тонѣ. Кромѣ того, здѣсь замѣтна небрежность и краткость очерковъ, та эскизность, которая вообще характеризуетъ повѣсти Гребенки. Онъ описываетъ только внѣшность извѣстнаго типа, но не даетъ ключа къ пониманію и разумному освѣщенію этой внѣшности, — ключа, скрывающагося въ свойствахъ человѣческой природы вообще, и выражающейся въ извѣстной формѣ подъ вліяніемъ различныхъ статистическихъ и историческихъ обстоятельствъ. Въ „Вѣрномъ лекарствѣ" болѣе всего видно вліяніе Гоголя, именно его „Записокъ сумасшедшаго". Нельзя, однако жъ, не признать за этою повѣстью замѣчательныхъ достоинствъ: она исполнена истинно комическихъ чертъ; самое положеніе героя повѣсти богато юморомъ. Главная ошибка автора заключалась въ томъ, что онъ избралъ форму, въ которой, послѣ Гоголя, уже трудно было создать что нибудь самостоятельное. Въ „Вѣрномъ лекарствѣ" разсказывается отъ лица главнаго дѣйствующаго лица, въ формѣ дневника, а это лицо—сумасшедшій. Въ повѣсти „Нѣжинскій полковникъ" не разъ мелькаютъ воспоминанія о городѣ, гдѣ воспитывался Евгеній Павловичъ. Альманахъ „Ластôвка" наполненъ сочиненіями Шевченка, Основъяненка, Боровиковскаго, Писаревскаго, Кулиша и др. Самъ собиратель приложилъ къ нему предисловіе „такъ соби, до землякивъ", гдѣ изображены четыре времени года Малороссіи. Повѣсть „Иванъ Ивановичъ" принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ произведеній Гребенки, хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, автору повредилъ его легкій взглядъ: онъ скользнулъ только по поверхности факта, представлявшаго много глубокихъ и потрясающихъ сторонъ, которыми грѣхъ не воспользоваться художнику. Но замѣчательнѣйшее и лучшее изъ всѣхъ произведеній Гребенки есть его романъ „Чайковскій", о которомъ Бѣлинскій отозвался съ большой похвалой. Содержаніе его заимствовано преимущественно изъ семейныхъ преданій матери Гребенки и изъ украинской „Думы объ Олексіѣ Поповичѣ" въ собраніи Максимовича, 1834 года.

Дѣйствіе романа открывается въ г. Пирятинѣ, гдѣ проживалъ со своею дочкою лубенскій полковникъ Иванъ. Сынъ пирятинскаго священника Якова, Олексій Поповичъ, учился въ кіевской академіи и предназначался на отцовское мѣсто въ Пирятинъ; но онъ и не думалъ о посвященіи въ попы. Проживая дома, Олексій Поповичъ сошелся съ дочерью полковника Мариной, полюбилъ ее и не разъ видѣлся съ нею на рѣчномъ островѣ. Но нельзя было и думать, чтобы гордый и суровый полковникъ согласился на неравный, по его мнѣнію, бракъ своей дочери съ Олексіемъ Поповичемъ. Къ тому же между влюбленными сталъ лихой человѣкъ, который постарался разлучить влюбленныхъ между собою и чуть не погубилъ самого Олексія

Поповича. Дѣло въ томъ, что у стараго полковника въ числѣ домашней челяди были два казака совершенно противоположныхъ характеровъ: силачъ Гадюка, босой, нечесаный и ходившій безъ шапки, вѣрный полковнику какъ собака, и плюгавый и хитрый Герцикъ— темнаго происхожденія. Послѣдній привелъ полковника на островъ во время тайнаго свиданія Олексія Поповича съ Мариной, и Олексій Поповичъ едва избѣжалъ смерти и долженъ былъ бѣжать изъ Пирятина. Онъ направляется въ Сѣчь, гдѣ кошевымъ тогда былъ товарищъ его по кіевской академіи, Грицько Стрижка, называющійся теперь Зборовскимъ, и недалеко отъ самой Сѣчи останавливается для отдыха на хуторѣ Варки и Тетяны, куда беззаботные запорожцы собирались пображничать. Между сѣчевыми гостями Олексій Поповичъ засталъ здѣсь нѣкоего Никиту Прихвостня. Здѣсь Тетяна успѣла полюбить Олексія Поповича и призналась ему въ любви; но Олексій Поповичъ открылъ ей, что онъ имѣетъ уже невѣсту. Наконецъ, онъ является къ кошевому, дѣлается писаремъ и наединѣ, въ дружеской бесѣдѣ, разсказываетъ ему свою любовную исторію. Кошевой обѣщаетъ ему оказать свое содѣйствіе, при удобномъ случаѣ. Скоро послѣ этого запорожцы отправились на своихъ чайкахъ опустошать турецкіе берега, а съ ними отправился и Олексій Поповичъ. Во время ихъ похода поднялась буря на Черномъ морѣ и угрожала запорожцамъ гибелью; для утишенія бури, нужно было принесть въ жертву морю живаго человѣка,—и Олексій Поповичъ самъ вызвался быть этой жертвой. Буря тотчасъ же утихла; Олексій Поповичъ остался цѣлъ и невредимъ. Запорожцы тутъ же сложили про него пѣсню:

„На Чорному морі, на білому камни,
Ясненькій сокілъ жалобно квилить—проквиляе“, и проч.

Они благополучно воротились въ Сѣчь. Между тѣмъ, послѣ побѣга Олексія Поповича изъ Пирятина, старый полковникъ переселился съ Мариною въ Лубны. Бѣжала отъ отца и Марина розыскивать Олексія Поповича, переодѣлась у зимовика Касьяна въ казацкое платье и подъ именемъ Олексія Поповича прибыла въ Сѣчь Запорожскую, куда подъ страхомъ смертной казни запрещено было принимать женщинъ. Здѣсь она отыскала своего Олексія, но ихъ чуть не погубилъ тотъ же Герцикъ, который и прежде помѣшалъ ихъ счастію. На отца Марины, лубенскаго полковника, напали татары,—и онъ отправилъ Герцика въ Сѣчь просить помощи. Герцикъ узналъ здѣсь Марину, раскрылъ ея тайну, и запорожцы, возмущенные нарушеніемъ ихъ стародавнихъ обычаевъ, ведутъ Олексія на судъ къ кошевому и „товариству“ и уже заранѣе посылаютъ за палачомъ-татариномъ. Тетяна хочетъ выручить Олексія изъ-подъ топора, но онъ отвергаетъ ея услуги. Его спасаетъ отъ смерти кошевой Зборовскій. Онъ предложилъ „товариству“ назвать Олексія Чайковскимъ, въ память того, что своимъ самоотверженіемъ онъ спасъ казацкія чайки на морѣ отъ крушенія, и когда товариство согласилось на это,—освобождаетъ

Олексія Чайковскаго отъ казни, которую заслужилъ Олексій Поповичъ. Послѣ этого кошевой празднуетъ свадьбу Чайковскаго съ Мариной. Тетяна, узнавъ объ этой свадьбѣ, умираетъ. Новобрачные ѣдутъ на зимовикъ къ Касьяну, который вслѣдъ затѣмъ отправляется въ Лубны, чтобы примирить полковника съ дочерью и молодымъ зятемъ. Онъ благополучно отбивается дорогою отъ разъѣздовъ крымцевъ и пріѣзжаетъ въ Лубны; но не благополучно было въ г. Лубнахъ. Вѣроломный Герцикъ удаляетъ отъ полковника его вѣрнаго слугу Гадюку, запираетъ самого Касьяна въ подвалъ и предаетъ полковника въ руки татарамъ. Правда, его выручаетъ Гадюка, но полковникъ скоро умираетъ отъ ранъ. Герцикъ составляетъ отъ его имени ложное завѣщаніе въ свою пользу и будто бы отъ себя уже пересылаетъ Маринѣ мѣшокъ дукатовъ. Освободившись изъ подвала, Касьянъ ѣдетъ въ свой зимовикъ и передаетъ Маринѣ о томъ, что̀ видѣлъ и слышалъ. Скоро является на зимовикъ и Герцикъ съ гостинцами въ рукахъ для новобрачныхъ и съ новыми кознями въ душѣ. Но здѣсь, на соколиной охотѣ, его ужалила змѣя. Знахарка-цыганка, призванная къ нему на помощь, прикладываетъ къ ранѣ какой-то корень и еще болѣе усиливаетъ его мученія. Въ предсмертныхъ мукахъ Герцикъ приноситъ страшную исповѣдь, изъ которой открывается, что онъ—родомъ жидъ, ненавидѣлъ христіанъ, погубилъ полковника, хотѣлъ погубить и Олексія Поповича и овладѣть Мариной. Мнимая цыганка-знахарка узнаетъ изъ этой исповѣди, что Герцикъ—сынъ ея Йосель, и сознается, что она сама по ошибкѣ погубила его изъ мести христіанамъ, приложивъ яду къ его ранѣ, и что Тетяна—ея родная дочь. Романъ оканчивается описаніемъ пирушки у пирятинскаго сотника Чайковскаго, на которой были кошевой Зборовскій со своими запорожцами, Гадюка, Микита Прихвостень, Касьянъ зимовникъ и другіе. Родъ Чайковскихъ въ настоящее время пресѣкся: послѣдній изъ представителей его, офицеръ Созонтъ Чайковскій, умеръ на Кавказѣ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка.

„Старинный бытъ Украйны,—писалъ Бѣлинскій объ этомъ романѣ,—прекрасно отразился въ „Чайковскомъ"; самъ авторъ одушевляется, говоря о дѣлѣ, припоминая разсказы стариковъ и изъ нихъ возстановляя картины минувшей жизни этихъ странъ. Онъ самъ наконецъ возвышается до паѳоса очевидца, сочувствуя своему предмету, какъ бы раздѣляя казацкую удаль и принимая горячо къ сердцу страданія южной Руси отъ ея степныхъ сосѣдей—хищныхъ татаръ... Нѣкоторыя характеры, особенно полковника Ивана, казака Никиты Прихвостня и Касьяна, очень хорошо обрисованы авторомъ; въ другихъ лицахъ много исторической вѣрности; интрига очень занимательна, хотя мѣстами авторъ впадаетъ въ мелодраму, особенно при изображеніи женщинъ. Впрочемъ, женщины въ казачествѣ играли не важную роль. Есть сцены эффектныя, а главное—весь романъ рисуетъ бытъ и обычаи и образъ мыслей запорожцевъ... Нѣкоторые не

хотятъ признавать въ „Чайковскомъ“ всѣхъ его достоинствъ, потому что Гоголь написалъ „Тараса Бульбу“, гдѣ изображены тѣ же, и еще полнѣе, элементы казачества; но изъ того, что Гомеръ написалъ „Иліаду“, а Орфей—„Походъ Аргонавтовъ“, развѣ не читали греки съ удовольствіемъ другихъ поэтовъ, обработывавшихъ эпизоды изъ тѣхъ же событій и изображавшихъ тѣ же лица?“

Незадолго передъ смертью Е. П. Гребенка принялся за собраніе и изданіе всѣхъ своихъ беллетристическихъ произведеній. Первые четыре томика вышли въ 1847 году, еще четыре въ 1848 году. Смерть Гребенки прекратила это изданіе, въ которое вошло только 18 повѣстей изъ числа 50-ти, написанныхъ Гребенкой. Въ 1862 году книгопродавецъ И. Литовъ издалъ полное собраніе сочиненій Е. П. Гребенки, въ пяти томахъ; но это изданіе рѣшительно не имѣло успѣха. Въ томъ же 1862 году Н. Гатцукъ писалъ, что онъ предполагаетъ издать переведенный уже на малорусскій языкъ романъ Гребенки, подъ названіемъ „Чайковскій“ [1]). Въ переводѣ Ксенофонта Климковича этотъ романъ изданъ былъ въ Львовѣ, въ 1864 году.

Н. Петровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



[1]) „Основа“, іюль, 1862 года: „О правописаніяхъ, заявленныхъ украинскими писателями съ 1834 по 1861 годъ“.

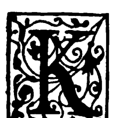


ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

VI.

Служба въ Каменецъ-Подольскѣ.

Матеріальное положеніе Аскоченскаго. — Мрачное настроеніе. — Негодованіе на цензора Елагина и на цензуру вообще. — Обвиненіе Аскоченскаго въ пасквилянтствѣ.—Чиновническіе факторы.—Взяточничество.—Безкорыстіе Аскоченскаго. — Отзывъ о Готовцевѣ. — Разрывъ съ нимъ. — Исторія столкновенія Аскоченскаго съ Готовцевымъ. — Характеристика губернатора В. Е. Анненкова и его жены. — Гоненіе на Аскоченскаго за его безкорыстіе и писательство.—„Шемякинъ судъ" надъ нимъ.—Стараніе выгородить Д. Г. Бибикова.— О юридическомъ образованіи въ Россіи и училищѣ правовѣдѣнія въ частности.—Полная характеристика Готовцева. — Критическій взглядъ на предательство Іудино. — Милость къ падшимъ.



КАКЪ предполагалъ Аскоченскій, такъ и вышло. Положеніе его въ Каменецъ-Подольскѣ еще болѣе ухудшилось противъ прежняго. Дневникъ за 1849 годъ открывается подъ 15-мъ мая слѣдующей замѣткою:

„Въ первый разъ начинается мой дневникъ такимъ жалкимъ сказаніемъ, какъ теперь. Стыдно, право, сказать, а грѣхъ потаить: я— предсѣдатель, важничавшій нынѣ въ церкви золотымъ шитьемъ, вплоть облегавшимъ воротникъ моего мундира, и бѣлыми брюками, удивительно какъ эффектно выдававшимися между этими—фи! черными, какъ сажа, штанами, я—стоявшій напереди всѣхъ—увы, не имѣлъ, гдѣ и на какія деньги пообѣдать... Презанимательная, я вамъ скажу, исторія! Въ такой мизерабельной крайности пустился я съ

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ XI, стр. 30.

визитами къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, но напрасно растягивалъ я урочное для визитовъ время: мои знакомые усердно пожимали мнѣ руку, даже обѣ руки, и весьма вѣжливо провожали меня до самаго порога, нисколько не догадываясь о существеннѣйшей цѣли моихъ визитовъ. И я, накрывая голову шляпой, скакалъ легко и очень граціозно по ступенькамъ высокихъ лѣстницъ и выходилъ на улицу, играя беззаботно моей камышевой тростью. Какъ на бѣду, на встрѣчу мнѣ шли все свѣтлыя лица съ такими масляно-красными губами, а одинъ разбойникъ прохожій, на зло мнѣ будто, ковырялъ во рту соломенкой. „Ахъ, мошенникъ, думалъ я, еще трунитъ надо мной. Да какъ онъ смѣетъ. Вѣдь я... того-съ... хоть и лыкомъ шитъ, а все же предсѣдатель—да-съ!“ И въ порывѣ весьма справедливаго гнѣва я чуть было не привязался къ ковырявшему въ зубахъ...

„Я поплелся домой съ рѣшительнымъ намѣреніемъ хорошенько подумать о суетѣ сего міра; но... какъ невѣрны всѣ наши, даже самыя душеспасительныя предположенія!

„Толкъ въ двери,—моего Николая нѣтъ дома и комнаты заперты. Спрашиваю, гдѣ онъ; мнѣ отвѣчаютъ, что пошелъ обѣдать. „Счастливецъ, подумалъ я, онъ обѣдаетъ, а я“... Чувство глубочайшаго смиренія сковало мои уста и высокія философскія размышленія заняли меня около полутора часа, проведенныхъ мною въ невольной прогулкѣ около моей собственной квартиры. Я былъ на самой маковкѣ христіанскаго совершенства, и ни разу не выбранилъ моего человѣка за такое несвоевременное обжорство, когда баринъ его постничаетъ рѣшительно. Тутъ, между прочимъ, я узналъ на опытѣ, что постъ есть источникъ первосортныхъ добродѣтелей. Наконецъ, человѣкъ мой воротился, и я опять-таки не сдѣлалъ ему никакого замѣчанія, раздѣлся, легъ на диванъ и закурилъ сигару, потчуя духовною пищею почтеннѣйшаго моего архея. Не правду ли я сказалъ, что презанимательная исторія?“

На другой день Аскоченскій записалъ:

„Сегодня секретарь мой сдѣлалъ мнѣ удивительный сюрпризъ. Я сидѣлъ въ раздумьѣ и чертилъ что-то по открытой книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Мнѣ было грустно, ожесточительно грустно. Вдругъ входитъ мой секретарь.

— Что вамъ угодно? спросилъ я, помнится, не такъ-то ласково.

— Я принесъ жалованье.

— Что такое? сказалъ я, вытаращивъ на него глаза.

— Жалованье принесъ.

— Откуда?

— Изъ казначейства.

— Кому?

— Вамъ-съ.

— Мнѣ? Жалованье? Какое?

— Положенное-съ.

— Ну-те, ну-те, это любопытно. Сколько-жъ его тамъ, этого жалованья?

— А вотъ извольте-съ получить 50 р. 43 к.

— За сколько-жъ это?

— За треть.

„Я расхохотался. Секретарь взялъ отъ меня записку въ полученіи и ушелъ. Я задумался, и только стыдъ удержалъ меня отъ слезъ. Что мнѣ дѣлать съ этимъ нищенскимъ подаяніемъ? Куда мнѣ его употребить? Неужто на себя? Боже меня сохрани! У меня есть сынъ; онъ скоро имянинникъ, надо послать ему подарокъ, а кромѣ того маменька отъ имени кормилицы написала мнѣ такое дерзкое письмо съ требованіемъ уплаты, что мнѣ поневолѣ слѣдуетъ отдать съ себя послѣднюю рубашку. Рѣшено: прощай мое предсѣдательское жалованье за треть! И я снова расхохотался"...

17-го мая, понедѣльникъ.

„Все до послѣдней копѣйки отправилъ я моему Костѣ и опять пошла у меня жизнь—колоть, да кочки. При всемъ томъ я веселъ, какъ будто получилъ неожиданную тысячу"...

Къ безденежью Аскоченскаго присоединилось и въ Каменецъ-Подольскѣ, какъ было въ Житомірѣ, озлобленіе противъ него.

„Эхъ,—пишетъ онъ подъ 25-мъ мая—когда бъ мое горемычное состояніе было сколько нибудь и чѣмъ нибудь обезпечено, взялъ бы шапку, махнулъ рукой, да прости прощай служба-матушка. Самъ не понимаю, или ужъ я въ самомъ дѣлѣ такъ нехорошъ, что не могу ужиться съ людьми, или ужь родъ-то человѣческій любитъ черезчуръ сплетни, да безурядную любовь; но тяжело, право, тяжело мнѣ. Не дружелюбно глядятъ на меня всѣ здѣшніе, и бѣжалъ бы я отъ нихъ въ глубь родимаго моего сѣвера. Авось хоть тамъ бы отвелъ я душу мою чистымъ, святымъ, русскимъ радушіемъ".

Въ это время Аскоченскій хлопоталъ о напечатаніи своей „Панорамы", о которой упоминалось раньше; но, кажется, неудачно, ибо подъ 7-мъ іюня читаемъ:

„Сегодня я получилъ изъ Кіева мою „Панораму". Боже мой! Неужто правительство можетъ сажать цензорами такихъ людей, какъ Елагинъ? Это—круглый дуракъ. Я представить себѣ не могъ никогда, чтобъ такіе ослы засѣдали въ томъ истинно священномъ мѣстѣ, которое, по характеру своему, должно быть указателемъ законовъ правды, чести и долга. Мой цензоръ не только не понимаетъ литературы, не только не смыслитъ толку въ словесныхъ произведеніяхъ, но даже не знаетъ первыхъ правилъ устава цензурнаго. Эта скотина осмѣлилась исправлять и переиначивать мое сочиненіе, и я хохоталъ отъ души, бѣсясь въ то же время самымъ чистосердечнымъ

образомъ надъ безсмысленными замѣтками моего рецензента. Постой же, голубчикъ! Ужъ или ты, или я, — но будемъ помнить другъ друга!"

Въ связи съ этой замѣткой нельзя не со поставить записанную подъ 13-мъ іюня:

„Боже мой! Да неужли-жъ и это жизнь? Неужто и это люди? Вотъ вопросы, которые теперь занимаютъ меня и на которые никакъ не могу найти отвѣта. Счастливъ тотъ, кто, не проникая въ глубь сцены, на которой суетится или плѣснѣетъ человѣчество, довольствуется одной декораціей и обстановкой и не знаетъ болѣзненнаго смѣха, отъ котораго ноетъ и болитъ понятливая душа. Други мои! Жестоко мститъ натура тому, кто самовластно дерзаетъ поднять ея Изидино покрывало... Я пасквилей не пишу, а поставь только имя, тотчасъ закричатъ: „га! пасквилянтъ, пасквилянтъ"! Да ужъ диво бы кто, а то сама православная наша цензура вопіетъ мнѣ то жъ самое въ уши. Впрочемъ, съ этою голубушкою я поквитаюсь по-русски. Сегодня я приготовилъ знатную закусочку за мою „Панораму". Пускай-ко раскуситъ"...

Аскоченскій, дѣйствительно, является обличителемъ, пасквилянтомъ въ глазахъ провинціальныхъ дѣльцовъ и разнаго рода дѣятелей-сѣятелей. Да иначе и быть не могло. Онъ видѣлъ вокругъ себя на каждомъ шагу продажность, плутовство, приказныя увертки, видѣлъ весь жалкій образъ поведенія, какимъ заявляли себя окружавшіе его дѣятели, и сознавалъ свое безсиліе въ борьбѣ противъ грубыхъ понятій, господствовавшихъ въ провинціальномъ обществѣ того времени. Только и оставалось, значитъ, что быть наблюдателемъ нравовъ; но сохранять хладнокровіе было не въ натурѣ Аскоченскаго. Отсюда, разумѣется, и эта потребность излить свое негодованіе хоть на страницахъ дневника.

Подъ 14-мъ іюня Аскоченскій пишетъ:

„Хотите ли вы, господа, знать, какъ можно потерять или вовсе не имѣть значенія на свѣтѣ?—Не имѣть достоинствъ, скажете. Пустое! Будьте умны, какъ Ньютонъ и Декартъ, добры, какъ Сократъ, безкорыстны, какъ Цинциннатъ, благонамѣренны, какъ Аристидъ,—все это ровно ничего не принесетъ вамъ, если вы не будете имѣть денегъ. Не правда ли, что это старая, истасканная аксіома? Вы, конечно, знаете ее; знаю и я, да какъ еще знаю!...

„Весь городъ теперь толкуетъ о слѣдствіи, наряженномъ надъ нѣкоторыми чиновниками, у которыхъ, знаете, рыльце въ пушку и которые стоятъ такъ высоко, что всякое пятнышко на сапогахъ ихъ видно. Я говорю о предсѣдателѣ здѣшней казенной палаты—Матюнинѣ, и совѣтникѣ той же палаты—Данильченковѣ. Уже схватили, говорятъ, факторовъ ихъ—да позвольте, вы, можетъ быть, не знаете, что такое чиновническій факторъ. Эти звѣри водятся лишь на Волыни да въ Подоліи; въ другихъ мѣстахъ они или очень рѣдки,

или вовсе не имѣются. Чиновническій факторъ бываетъ обыкновенно изъ жидовъ, обыкновенно пройдоха, обыкновенно въ высшей степени подлецъ и обыкновенно ничего у себя не имѣющій, что называется— ни кола, ни двора. Обязанности, принимаемыя имъ на себя, съ согласія умнаго чиновника, начиная отъ секретаря до предсѣдателя, состоятъ въ слѣдующемъ. Чиновникъ первоначально открываетъ ему, что тогда-то идетъ въ очередь къ слушанію такое-то дѣло, прикосновенные къ оному такіе-то и такіе-то, оборотъ оно можетъ принять такой и такой,—разумѣется, смотря по обстоятельствамъ. Съ этими предварительными свѣдѣніями факторъ отправляется искать краснаго звѣря. Если онъ тутъ, на-лицо, то онъ вступаетъ съ нимъ въ переговоры, рекомендуясь знакомымъ особѣ, отъ которой зависитъ рѣшеніе дѣла, если же тутъ въ городѣ нѣтъ ни одной изъ тяжущихся сторонъ, то факторъ, взвѣсивъ предварительно выгоды съ той и другой стороны, обращается къ одной какой либо изъ нихъ, а чаще къ обѣимъ, и черезъ своихъ же жидовъ и разныхъ новѣренныхъ даетъ знать сторонамъ, что дѣло начнется скоро, и что не худо, дескать, явиться самимъ для присмотра за ходомъ онаго. По явкѣ кого слѣдуетъ въ городъ, представляется господину тому же факторъ и начинается торговля, разумѣется, съ-вѣдома предсѣдателя, совѣтника или секретаря. Условившись въ цѣнѣ, факторъ беретъ половину и относитъ ее главному мошеннику, срывая въ это время съ него подачку и удѣливъ для себя изъ той половины малую толику, въ полной увѣренности, что его высокородіе, „господинъ презесъ" не станетъ допытываться изъ гонору у просителя, сколько дано имъ на его долю; а если и спроситъ, то бѣда не велика,—воронъ ворону глазъ не выклюетъ, и много-много, если его высокородіе дастъ въ рожу своему фактору. Какъ скоро завяжется и пойдетъ въ ходъ дѣло, факторъ обязанъ наблюдать, не явилась ли противная сторона и не хлопочетъ ли она около кого либо другаго изъ членовъ присутственнаго мѣста. Если при этомъ окажется, что выгоднѣе поворотить дѣло въ противную сторону, то факторъ подъ величайшимъ секретомъ условливается съ противной стороной и, открывая частичку дѣловаго секрета, принимаетъ отъ просителя бо́льшую прежней подачку, которую тоже относитъ къ патрону, заслуживая этимъ отъ его высокородія названіе молодца и рюмку водки изъ собственныхъ рукъ господина презеса. Тутъ обыкновенно начинаются взаимныя изліянія, съ одной стороны, готовности къ услугамъ и совершенной преданности и усердія, а съ другой—одобрительныхъ обѣщаній и наградъ. Всѣ извилины, по которымъ тянется и волочится начатое дѣло, становятся извѣстными покровительствуемой сторонѣ черезъ того же фактора, за что онъ всякій разъ получаетъ отъ просителя подачку, уже ни копѣйкой не дѣлясь съ своимъ чиновнымъ патрономъ. Это называется у факторовъ „служить" при такомъ-то. Рѣдко бываетъ, чтобы факторъ, прослужившій такимъ образомъ у

совѣтника или предсѣдателя, не наживалъ въ самое короткое время независимаго состоянія и не становился впослѣдствіи купцомъ. Царь православный! Знаешь ли ты все это? Проникаетъ ли твой орлиный взоръ въ эту помойную яму мерзостей и гадостей твоихъ вѣрноподданныхъ слугъ, которыхъ ты отличаешь крестами, чинами и почетными мѣстами?... Никто тебѣ не скажетъ этого, ибо сотрутъ того съ лица земли, кто осмѣлился бы обнаружить чиновныхъ подлецовъ, ибо представятъ тебѣ его, какъ человѣка дерзкаго, безпокойнаго, и ты самъ, обманутый подлецами, подпишешь приговоръ, осуждающій твоего вѣрнаго слугу на изгнаніе и нищету. Тяжки твои скорби поставленнаго выше всѣхъ; грустно безотвѣтенъ отчетъ твой предъ Всевышнимъ Судіею, ибо ты не Богъ, чтобы знать все, а долженъ знать, ибо Русь зоветъ тебя земнымъ богомъ.

„Я знаю все это, ибо видѣлъ и наблюдалъ. И ко мнѣ дерзнулъ явиться такой подлецъ факторъ съ предложеніемъ услугъ своихъ; но быстро исчезла за воротами моей квартиры мотавшаяся въ рукахъ его шапка и долго, я думаю, краснѣла русская оплеуха на жидовской его харѣ.

„Но что жъ! Не назовутъ меня за это умнымъ дѣльцы-подъячіе. Тысячу разъ приходилось мнѣ слышать, какъ отъявленнаго подлеца и взяточника называли умнымъ, какъ бы въ упрекъ и насмѣшку мнѣ, и долженъ, наконецъ, признаться, что я точно глупъ, вѣря въ награду честности. Два съ половиною года былъ я совѣтникомъ волынскаго—понимаете ли?—волынскаго губернскаго правленія и не нажилъ себѣ ровно ничего, кромѣ долговъ, тогда какъ товарищи мои сдѣлали себѣ въ это время состояніе и заслужили имя дѣловыхъ людей. Вотъ уже почти четыре мѣсяца, какъ я занимаю мѣсто предсѣдателя; но пусть прочитаютъ мой дневникъ, пусть заглянутъ въ мой кошелекъ,—тогда увидятъ, что я несравненно бѣднѣе послѣдняго магистратскаго столоначальника. Я удивительно награжденъ: 600 рублей ассигнаціями жалованья за бѣлые съ лампасами штаны, да дерзости отъ кредиторовъ, которыхъ я не могу не имѣть при такой значительной наградѣ за честность. Глупъ я, господа, не правда ли? Но пусть будетъ, что будетъ! Не замараю руки моей, помня, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ".

Чѣмъ дольше оставался Аскоченскій на службѣ, тѣмъ больше и ближе онъ имѣлъ возможность наблюдать плутовство своихъ сотоварищей.

„Чего-то я не начитался, не насмотрѣлся, не наслушался; какихъ подлостей и гадостей не приходится быть мнѣ безмолвнымъ свидѣтелемъ! Тоскливо озираю я суетящееся вокругъ меня отребье человѣчества, и жалѣю о гибнущихъ моихъ вѣрованіяхъ въ чистоту побужденій и дѣйствій человѣческихъ. Грустно!"

Это писалъ Аскоченскій 20-го сентября, а черезъ полгода читаемъ опять подъ 29-мъ марта 1850 г.:

„Истинно скажу, съ какой бы радостью бросилъ я теперь всѣ эти дрязги гражданской службы и снова пошелъ бы той дорогой, которую пробилъ я себѣ моимъ образованіемъ. Но Богъ вѣдаетъ, какъ трудно мнѣ вырваться изъ этого омута. Мнѣ даютъ совѣты ѣхать въ Кіевъ; да какъ я поѣду, други мои, когда не знаю, будетъ ли у меня на завтра насущный кусокъ хлѣба?"

Крайняя нужда, между прочимъ, заставила Аскоченскаго поселиться вмѣстѣ съ бывшимъ тогда въ Каменецъ-Подольскѣ прокуроромъ Готовцевымъ. Но ему и въ пріязни этого сослуживца пришлось жестоко разочароваться. Вотъ какъ отзывается о немъ Аскоченскій, проживъ съ нимъ восемь мѣсяцевъ:

„Умный, образованный, онъ въ высшей степени нестерпимъ по своему самолюбію и эгоизму. Презрѣніе ко всему, стараніе уронить всякаго, кто равенъ ему или кто осмѣлится подумать стать выше его, покровительство ничтожнымъ тварямъ, позволяющимъ истощать надъ собою досужее остроуміе, безпощадное злословіе, злая насмѣшка надъ всѣмъ священнымъ, гордое неряшество, страшное самохвальство, дикія эксцентрическія правила, — вотъ неполное очертаніе этого человѣка. Онъ честенъ, справедливъ, но я не повѣрю ему ни чести моей, ни друга моего, ни жены моей, — все продастъ, не вильнетъ только совѣстью своею за деньги. Страшная, отвращающая сердце душа этого человѣка, съ которымъ судьба привела меня раздѣлять кусокъ хлѣба и, къ великому моему горю, я при настоящихъ обстоятельствахъ не имѣю возможности отстать отъ этого моего компаньона,— увы! онъ меня кормитъ... Какъ тяжко и больно мнѣ это! Къ несчастью, я слишкомъ сблизился съ нимъ, слишкомъ много и широко открылъ ему мою любосообщительную душу. И вотъ онъ, пользуясь этимъ, тиранитъ ее съ варварскою жестокостью. Объ одномъ всякій разъ я молю его: чтобы онъ не касался святынь моихъ, моихъ убѣжденій и вѣрованій; нѣтъ, онъ и тутъ не оставляетъ меня въ покоѣ. И я все терплю, и долженъ терпѣть, ибо Готовцевъ меня кормитъ"...

Мало-по-малу отношенія между Аскоченскимъ и Готовцевымъ становятся натянутыми, пока не завершаются рѣшительнымъ разрывомъ. Характерная исторія этой ссоры, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ для Аскоченскаго потерю службы, разсказана въ дневникѣ подробно. Начинается она издалека. Прослѣдимъ ее по записямъ самого Аскоченскаго въ хронологическомъ порядкѣ.

„Надобно знать", пишетъ Аскоченскій 20-го августа (1850 года), „что съ давняго времени мой пріятель Готовцевъ началъ усердно ухаживать за Маrіе Данильченковой. Ну, началъ и началъ, — мнѣ вовсе нѣтъ никакого дѣла; но вотъ тутъ-то и подслужился мнѣ мой нетерпѣливый, язвящій характеръ. Умышленное пренебреженіе общимъ мнѣніемъ, дерзкое и назойливое обращеніе увлеченной дѣвушки съ своею матерью, безотчетное довѣріе къ безстыднѣйшему и безнравственнѣйшему изъ ловеласовъ, презрѣніе всего, чѣмъ слѣдовало

бы дорожить всякой порядочной дѣвицѣ,—все это не могло вызывать меня на мадригалы и комплименты. Но я молчалъ, изрѣдка позволяя себѣ пускать пѣтушка или заостренную эпиграмму въ глупую дѣвчонку. Между тѣмъ, толки и пересуды толпою разгуливали по городу, и многіе кивали головами и улыбались двусмысленно, видя, какъ молодецъ, ничто же срамляяся и, противъ всѣхъ губернскихъ обычаевъ, ходитъ подъ руку съ молодицею, поставляя себя выше всѣхъ предразсудковъ. Толстая и соразмѣрно глупая маменька часто дѣлала за это сцены своей одурѣвшей дочкѣ, безтолковый папенька поплевывалъ да почесывалъ вылинявшій свой хохолъ, будучи готовымъ всякій разъ играть роль безглазаго и глухаго евнуха при своей дочкѣ, когда ей вздумается по условію, заранѣе приготовленному съ своимъ... или нѣтъ, не такъ... съ идоломъ своего сердца. Все это я, говорю, видѣлъ и молчалъ. Наконецъ, вотъ въ этотъ четвергъ Marie окончательно свихнула съ ума, рѣшившись идти гулять въ садъ Витте ночью одна, въ сопровожденіи своего возлюбленнаго и бѣднаго Розенбаума. На другой же день расторопная маменька прочитала своей взбалмошной дочкѣ предику съ приличными въ такихъ случаяхъ слезами. Дочка отвѣчала ей дерзостями и сказала, что „плюетъ на всѣхъ и на все“. Утромъ же въ тотъ же день я получилъ извѣстіе объ этомъ ночномъ вояжѣ; не вѣря своимъ ушамъ, я искусно вывѣдалъ все, узнавъ отъ самого Розенбаума и Готовцева подтвержденіе этой невѣроятной глупости ихъ и невообразимаго безстыдства испорченной дѣвчонки. Такъ какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь, то по городу пошла гулять эта изумительная новость, и молодцы, попавшіе въ-просакъ, рѣшили обще съ родителями Marie выпутаться изъ этой бѣды, принявъ въ компаньонки своего вояжа мадамъ Китицыну. Сообразивъ свѣдѣнія, полученныя мною отъ Готовцева и Розенбаума съ позднѣйшими объясненіями, я совершенно убѣдился въ безстыдствѣ всей этой честной компаніи и сегодня послѣ обѣдни отправился къ Данильченковымъ полюбоваться домашнею драмою. Тамъ засталъ я дѣйствующихъ лицъ: Розенбаума, Marie и матушку ея. Занавѣсъ поднялся; началась драма.

„Прологомъ послужила болѣзнь моя. Я объяснилъ ее простудою.

— Не отъ гулянья ли въ саду? злобно подхватила Marie.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ я спокойно,— я не люблю гулять по ночамъ.

— А я такъ люблю.

— Это дѣлаетъ вамъ честь.

— По крайней мѣрѣ, сказала Marie со слезами,—такъ говорятъ сплетники.

— Не надобно подавать имъ повода говорить такъ.

— А зачѣмъ же вы повторяете?

— Хорошее можно повторять, не то забудется, а этакой исторіи въ Каменцѣ, я полагаю, не случалось.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Розенбаумъ,—тѣ дурно дѣлаютъ, кто сплетничаетъ, а тѣ еще хуже, которые передаютъ сплетню.

— А тѣ еще дурнѣе, которые, не зная хоть напримѣръ моихъ отношеній къ здѣшнему семейству, рискуютъ дѣлать подобныя замѣчанія. Вы недавно здѣсь знакомы, а я ужъ два года слишкомъ; а старый другъ лучше новыхъ двухъ круглымъ счетомъ.

„Розенбаумъ вспыхнулъ и покраснѣлъ.

— Неужто вы могли повѣрить такой сплетнѣ? сказала почти плача Marie.

— Я только о томъ и прошу, чтобы вы меня разувѣрили.

„И мадамъ Данильченкова принялась за эту работу; но она говорила такъ смѣшно, такъ глупо и такъ нелогично, что мнѣ стало стыдно за нее.

— Да пусть ихъ говорятъ, что̀ хотятъ, подхватила Marie,—я не обращаю никакого вниманія.

— Знаю, Марья Осиповна, вы даже подъ часъ плюете на всѣхъ.

„И еще что-то много было говорено. Я былъ жестоко и хладнокровно язвителенъ. Отказавшись отъ приглашенія къ обѣду, я сталъ откланиваться.

— Чѣмъ же вы теперь займетесь? съ злой улыбкой спросила меня Marie.

— Сличеніемъ того, что я теперь слышалъ, съ собранными мной свѣдѣніями и справками.

— А потомъ?

— А потомъ, если прикажете, я сообщу вамъ результатъ моихъ соображеній.

— Нѣтъ, оставьте при себѣ.

— Я ожидалъ отъ васъ этого приказанія,—вы угадали, что результатъ не будетъ для васъ благопріятенъ.

„Я вышелъ, оставивъ бранить и перецѣнивать меня и вкривь и вкось, и вдоль и поперегъ. То-то было имъ, голубчикамъ, работы.

„Между тѣмъ, Готовцевъ, пойманный съ поличнымъ, выходилъ изъ себя, сидя дома. Онъ бранилъ меня всячески, называя меня не иначе, какъ поповичемъ. Бѣдненькій, ничего не нашелъ другаго, чѣмъ бы меня допечь. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ же принялся писать „Мою родословную", которую, при сей вѣрной оказіи, и посвятилъ его милости. Не знаю, какое дѣйствіе произвело мое стихотвореніе на этого скота, но я показалъ ему, что не стыжусь моего происхожденія, ибо оно свято и благородно столько же, сколько и родовое дворянство.

21-го августа, понедѣльникъ.

„Данильченковы что-то кружатся около меня; то и дѣло присылаютъ узнать о моемъ здоровьѣ и съ предложеніемъ разныхъ услугъ,

отъ которыхъ я охотно и предусмотрительно отказываюсь. Что это доказываетъ? Не то ли, что они боятся обнаженной правды? Жаль Marie, увлеченной безстыднымъ и безнравственнымъ ловеласомъ.

23-го августа, среда.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Данильченковыхъ семейство раздѣлилось на партіи въ отношеніи меня: Marie чуть не кусается; старà еще сохраняетъ видъ нѣкоторой благорасположенности; старый по привычкѣ остается въ нейтралитетѣ и оправдываетъ самымъ дѣломъ то, что онъ изъ колпаковъ колпакъ. Готовцевъ желалъ бы зарѣзать меня, но это бы пустяки,—жаль, что по его дудкѣ пляшетъ и Розенбаумъ.

25-го августа, пятница.

„Готовцевъ ловко разсчитываетъ свое мщеніе; всѣми зависящими отъ него средствами онъ старается устранить отъ меня моихъ знакомыхъ, которые соглашаются плясать подъ его дудку. Въ этомъ отношеніи Каменецъ для меня хуже Житоміра,—и тамъ была пора, когда объявлено было на меня поголовное возстаніе, но, по крайней мѣрѣ, все-таки оставались у меня добрые пріятели, и имена Квиста, Ивкова никогда не останутся для меня забытыми. А здѣсь и ядущіе со мной хлѣбъ воздвигаютъ на мя свои запинанія. Отшатнулся отъ меня и гордый Розенбаумъ, и ничтожный Круглинскій, и подлый Китицынъ. Ясно, что я не въ большой потерѣ; но все же скучно".

Въ такомъ напряженномъ состояніи протянулась размолвка съ Готовцевымъ цѣлый мѣсяцъ. Серьезный оборотъ приняла она по слѣдующему поводу:

„За обѣдомъ, [illegible] октября, случилось со мной непріятное происшествіе. Сидѣвшій подлѣ меня предводитель Лѣсневичъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „dla czego pan prokuror taki milczący?" Полушутя, я отвѣтилъ на это: „zakochany". Не зная моихъ отношеній къ Готовцеву, Лѣсневичъ брякъ прямо ему тотъ же вопросъ. Надо замѣтить, что прокуроръ сидѣлъ какъ разъ сзади меня, на поворотѣ стола, образовавшаго въ этомъ мѣстѣ уголъ. „A czyż ja będę krzyczeć?" отвѣчалъ Готовцевъ.—„Pan mówi", продолжалъ Лѣсневичъ, указывая на меня, „że jesteś zakochany. Powiedz panu, że ja dlatego nie krzyczę iż jestem rozumniejszy od niego".

Лѣсневичъ, сконфуженный, уткнулъ носъ въ тарелку. Я слышалъ все это и замѣтилъ смятѣніе предводителя. Но чтобы яснѣе увидѣть, къ кому были отнесены прокуроромъ эти дерзкія слова, я обратился къ Лѣсневичу и сказалъ ему: „Pan nie wie o naszych stosunkach z panem prokurorem, już cztery miesiące, jak my nic nie mowimy".

Лѣсневичъ разсыпался въ извиненіяхъ, говоря, что онъ вовсе не хотѣлъ быть виной настоящей непріятности. Этого было для меня довольно. „Ну, такъ я же покажу ему, кто изъ насъ разумнѣйшій", сказалъ я, задрожавъ отъ гнѣва. „Iak to pan mogł krzyczeć?—спросилъ онъ простодушно.—„У меня, отвѣчалъ я, и на затылкѣ и на лбу по уху". Въ бѣшенствѣ я уже не могъ дотрогиваться до подаваемыхъ блюдъ и поминутно пилъ воду.

— Александра Семеновна! сказалъ я довольно громко, обратившись къ Данильченковой, сидѣвшей на той сторонѣ стола, сбоку противъ меня:—скажите, пожалуйста, кричалъ ли я за обѣдомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она, вытаращивъ изумленные глаза.

— Хорошо-съ, покорно васъ благодарю.

— Анна Павловна! кричалъ ли я за столомъ?

Скосырева, къ которой была обращена эта моя рѣчь, сослалась на Лѣсневича, какъ ближайшаго моего сосѣда, и когда Лѣсневичъ отвѣтилъ отрицательно, то она прибавила: „если ближайшій сосѣдъ ничего не слышалъ, то я и подавно".

— Ваше превосходительство! обратился я къ губернатору, сидѣвшему vis-à-vis со мной,—скажите, кричалъ ли я за столомъ?

— Да что это такое? спросилъ генералъ въ недоумѣніи.

— Изволите видѣть, я хочу произнести приговоръ, такъ для этого собираю всѣ нужныя къ дѣлу справки.

— Приговоръ? сказалъ онъ,—да пропуститъ ли прокуроръ?

— Не знаю, пропуститъ ли онъ, но я ему не пропущу. Такъ скажите жъ, ваше превосходительство, кричалъ ли я?

— Помилуйте, кто жъ это можетъ сказать?

— Покорнѣйше благодарю. Теперь все собрано, обдумаю приговоръ.

„И я сѣлъ, углубившись въ себя; руки мои дрожали, голова кружилась. Кончился обѣдъ; Готовцевъ вслѣдъ за дамами убрался въ гостиную. Я сѣлъ поджидать его въ залѣ, окруживъ себя на всякій случай поляками,—Билинскимъ, депутатомъ, помѣщикомъ Залынскимъ и докторомъ Бржезинскимъ. Я тутъ разсчитывалъ на ихъ болтливость. Глядь, мимо меня идетъ Готовцевъ. „Милостивый государь,—сказалъ я, коснувшись его руки,—что вы разумнѣйшій ode mnie—это еще требуетъ доказательствъ, а что вы скотъ и невѣжа — это аксіома, признанная всѣмъ Каменцомъ". Готовцевъ не выдержалъ до конца всей этой тирадки и, махнувъ рукой, быстро отошелъ отъ меня. Опѣшенные свидѣтели вытаращили другъ на друга глаза. Я всталъ и вышелъ въ гостиную. Мгновенно все зашевелилось. Пошли толки и объясненія. Не ожидая конца ихъ, я уѣхалъ домой, взявъ карету барона Корфа. Преглупая и прегадкая исторія! Чѣмъ-то она разыграется?

9-го октября, понедѣльникъ.

„А вотъ чѣмъ. Часовъ въ десять утра является ко мнѣ одинъ изъ пріятелей Готовцева, помѣщикъ Голынскій, проживающій въ городѣ чортъ знаетъ зачѣмъ. Всѣ эти господа поляки въ самыхъ короткихъ связяхъ съ почтеннѣйшимъ прокуроромъ, потому что они не видали въ немъ такого завзятаго русака, какъ я и другіе, подобные мнѣ, потому что для нихъ Готовцевъ—не москаль, а европейчикъ, ибо онъ на все смотритъ глазами западнаго вольнодумства, и только службою удерживаемъ бываетъ отъ тѣхъ безумныхъ выходовъ, которыя щедро и громко расточаютъ въ присутствіи его эти безумцы-полячишки, боясь, однако жъ, такихъ господъ, которымъ эти рѣчи не по нраву. Хорошо я помню, какъ однажды самъ Готовцевъ разсказывалъ мнѣ, что передъ началомъ венгерскаго возмущенія и въ самомъ разгарѣ его, когда пустоголовая шляхта, обольщенная успѣхами Бема и Дембинскаго, подняла высоко носъ, ближайшіе изъ пріятелей Готовцева обрекали многихъ изъ насъ висѣлицѣ и избавили его за то, что онъ rozumnie sądzi o takich rzeczach". Помню еще и отвѣтъ мой на это одному изъ полячишекъ: „искренно желаю вамъ такой забавы, но знайте, ни одинъ русскій не только не попроситъ, но даже не захочетъ пользоваться вашей пощадой. Я дубиной простой уложу двухъ молодцовъ и ваше чахлое „vivat" заглушу громкимъ „ура!" Но все это нейдетъ къ дѣлу моему.

„Ну-съ, такъ утромъ является ко мнѣ Голынскій. Замѣтьте, я никогда прежде сего не видалъ у себя этого человѣка: онъ пришелъ ко мнѣ въ сюртукѣ и въ сѣрыхъ полосатыхъ штанахъ—слѣдовательно, вовсе не для визита. Послѣ обычайныхъ привѣтствій, Голынскій заговорилъ о вчерашнемъ происшествіи. Я повторилъ снова, какъ оно было. Изо всего, что говорилъ при этомъ случаѣ Голынскій, я могу только припомнить не разъ повторенное имъ замѣчаніе: „jaki pan ostry!" Съ своей стороны, раскрывъ передъ этимъ господиномъ часть непріятностей, полученныхъ мною отъ Готовцева, я сказалъ Голынскому:

— Panie moy! Proszę zapomnieć że ja mam taki dewiz: ѣду, ѣду, не свищу, а наѣду—не спущу.

— Ale czem że to wszystko skończyć? спросилъ онъ.

— A mnie co do tego? Tam już skończył i teraz nie mam żadnej ani do kogo.

— A pan prokuror?

— Niech òn sobie myśli, jak chce!

„Въ такомъ неопредѣленномъ тонѣ наша бесѣда длилась около четверти часа; наскучивъ ею, я переходилъ къ трактаціи о погодѣ, объ Андреѣ Грабанкѣ и о другихъ предметахъ. Голынскій, наконецъ, поднявшись съ кресла и пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— No, niech že pan zaspokoi jiç prszez dwa dni.

— Co takiego? спросилъ я, вытаращивъ глаза.

— Niech, ja powiadam, pan pomyśli, jak by to poważnie skończyć!

— A ja już powiedziałem i teraz i pzzez dwa miesiące powiem panu, że juz wszystko skończyłem i w przyjaźni z panem Gotowcowym nie będę.

Голынскій вышелъ.

— Какого онъ тутъ чорта путалъ? и за какимъ дьяволомъ притащилась ко мнѣ эта польская рожа? такъ говорилъ я въ кабинетѣ брату Константину.—Мямлилъ, мямлилъ—и только.

— Да кто его присылалъ что-ль, или самъ онъ пришелъ по себѣ?

— Право, не знаю.

„Пока мы такимъ образомъ раздумывали съ братомъ, явился опять тотъ же Голынскій. Я встрѣтилъ его вопросительнымъ взглядомъ.

— No, panie prezesie! Oto ja przyszedłem od pana prokurorá i on mnie powiedział, żeby pan przysłał swego sekundanta.

— No, dobrze! Но скажите жъ отъ меня, monsieur Голынскій, прокурору, что я не мальчишка; у меня голова почти сѣдая; у меня сынъ есть, да притомъ мы сидимъ съ нимъ не на такихъ мѣстахъ, чтобы могли ребячиться, а потому знайте, что я стрѣляться съ нимъ не стану; а впрочемъ, насъ разберутъ. Прощайте.

„Голынскій поблѣднѣлъ.

— Aleź proszę pana prezesa, сказалъ онъ, цѣлуя меня по-польски въ плечо, — na mnie się nie gniewać, bo ja... coź ja?.. jestem tylko pośrednikiem między panami, ja tylko...

— Dziękuję panu, отвѣчалъ я,—ale proszę wiedzieć, że ja pana o to nie prosiłem.

— Tak jest, ale zawsze proszę na mnie cię nie gniewać.

„Повторяя эту просьбу, Голынскій вышелъ отъ меня. Въ ту жъ минуту я отправился къ губернатору. Его превосходительство былъ на ту пору въ залѣ и отдавалъ какой-то приказъ квартальному.

— Мое почтеніе, любезнѣйшій, сказалъ онъ мнѣ, подавая руку.

„Между тѣмъ квартальный вышелъ.

— Что скажете?

— Я пришелъ просить ваше превосходительство въ секунданты, сказалъ я шуточно.

„Владиміръ Егоровичъ захохоталъ.

— Мимо всякихъ шутокъ, ваше пр — во, сказалъ я серьезно, — доношу вамъ, что г. прокуроръ Готовцевъ сейчасъ присылалъ мнѣ вызовъ на дуэль, отъ которой, само собою разумѣется, я отказался. Теперь я явился просить ваше превосходительство немедленно донести объ этомъ г. генералъ-губернатору.

„Анненковъ слушалъ меня, выпучивъ глаза и насторожнвъ уши.

— Помилуйте, сказалъ онъ наконецъ,—что вы это говорите?

— Говорю то, что было.

— Да изъ-за чего же?

„Я повторилъ ему вчерашнее происшествіе.

— То-то я замѣтилъ, что вы стали безпокойны, сказалъ губернаторъ.—Помните, я еще спросилъ васъ, что съ вами? А вы отвѣчали мнѣ: „не могу жъ я, ваше превосходительство, сидѣть спокойно, когда меня кольнетъ подъ бока“. Тогда я этого не понялъ; мнѣ показалось, что вы не разсердились ли ужъ на меня.

— На васъ? за что?

— За то, что я сказалъ вамъ: а вы не пойдете танцовать?

— Такъ за что жъ тутъ сердиться?

— Да оно такъ; но вы какъ-то отрывисто отвѣтили мнѣ: „я устарѣлъ уже для плясокъ“.

— И, ваше превосходительство! Да въ васъ столько доброты, что вы не въ состояніи не только меня, но и кого нибудь другаго съ умысломъ обидѣть.

— Да какъ же я не слышалъ словъ Готовцева?

— И немудрено; вы сидѣли vis-à-vis меня, а Готовцевъ—у меня за спиной.

— Да не сказали ли вы чего другаго?

— Кромѣ слова „влюбленъ“ — ни полъ-іоты, и то шепотомъ, нагнувшись къ Лѣсневичу.

— Ну, такъ что же тутъ могло взбѣсить Готовцева?

— А вы замѣтили, кто сидѣлъ противъ него? Marie Данильченкова—предметъ его страсти и безстыднаго ловеласничества, да еще сестрица ея, madame Бѣленкова. Лѣсневичъ поступилъ точно неосторожно, намекнувъ Готовцеву отъ лица моего о его влюбленномъ положеніи: ибо послѣ 17-го августа, послѣ похожденій ихъ въ Виттовомъ саду, всякій намекъ объ этомъ—съ моей ли, или съ другой чьей стороны—не могъ быть пріятенъ Готовцеву.

— Такъ зачѣмъ же вы сдѣлали его?

— Затѣмъ, чтобы сказать что нибудь. Развѣ я думалъ, что Лѣсневичъ съ-бухты-барахты болтнетъ мое слово Готовцеву?

— Ахъ, какъ онъ неостороженъ!

— Правда, но винить тутъ много Лѣсневича не за что. Мало ли чего не говорится въ шутку? Порядочные люди никогда не забудутся до дерзости. Но такъ или иначе, ваше превосходительство, конечно, не преминете донести объ этомъ выше. Тамъ ужъ разберутъ, кто болѣе виноватъ.

— Да что жъ тутъ хорошаго?

— Разумѣется, ничего.

— Послушайте, нельзя ли кончить это миромъ? Худой миръ лучше доброй брани.

— Знаю, ваше превосходительство, но изъ этого ничего не будетъ. Дѣло наше зашло слишкомъ далеко, и хотя бы мы, согласно вашему желанію, и помирились, все-таки оно не останется въ тайнѣ;

припомните, ваше превосходительство, что оно въ рукахъ поляковъ, и что мы съ Готовцевымъ не частныя лица, умиреніе которыхъ можетъ быть безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

— И, полноте, какія тамъ послѣдствія? Помиритесь, да и только.

— Наврядъ ли. А зажмете ли вы ротъ полякамъ и секунданту Готовцева, которому я лично сдѣлалъ отказъ? А спрячете ли вы это дѣло отъ жандармскаго полковника, который непремѣнно обязанъ будетъ, по первому дошедшему до него слуху, донести объ этомъ по командѣ? А запретите ли вы послать тайный доносъ генералъ-губернатору? Наконецъ: я, ваше превосходительство, я ни за что не соглашусь оставить этого дѣла такъ просто. Что за примѣръ для нашихъ подчиненныхъ?

„Анненковъ растерялся.

— Такъ что жъ это? Вѣдь вотъ, значитъ, я долженъ обоихъ васъ арестовать.

— Меня? за что? Что я не принялъ вызова?

— Ну, такъ Готовцева.

— Да гдѣ жъ на это законъ? Вы обязаны имѣть за нами строгое наблюденіе, и такъ какъ ваше превосходительство не можете разбирать насъ, то, само собою разумѣется, должны донести высшему начальству.

— Позвольте, Викторъ Ипатьевичъ, дайте мнѣ срокъ, я поговорю съ Готовцевымъ.

— Извольте.

„Черезъ часъ присылаетъ за мной губернаторъ. Съ первыхъ же словъ его я увидѣлъ, что Готовцевъ сбилъ съ толку генерала.

„Владиміръ Егоровичъ уже принялъ его сторону и началъ мнѣ доказывать, что я слишкомъ погорячился, принимая на свой счетъ слова, сказанныя Готовцевымъ; что и слова-то эти не таковы, какъ я ихъ изложилъ, ибо Готовцевъ сказалъ лишь вотъ что: niech ten crźycke, kto rozumnieyszy ode mnie, — что Готовцевъ не присылалъ мнѣ вызова, а только требовалъ переговоровъ. Опровергнуть все это для меня не стоило ни малѣйшаго труда. Анненковъ опять сталъ втупикъ. Наконецъ, онъ приступилъ ко мнѣ съ просьбами кончить это миромъ и отправиться къ Готовцеву съ извиненіемъ. Я отказывался, говоря, что развѣ мертваго перетащатъ меня черезъ порогъ его квартиры, а живой я не пойду.

— Но, Викторъ Ипатьевичъ, знаете ли, что̀ вы себѣ этимъ готовите?

— Знаю,—непріятность.

— Да какую непріятность? Вѣдь вы потеряете службу.

— Только бы на этомъ и кончилось! У меня, Владиміръ Егоровичъ, другая на душѣ непріятность: я огорчу этимъ великаго благодѣтеля моего, Дмитрія Гавриловича. Вотъ это такъ непріятность!

— Но вѣдь вы пятаго класса...

— А что жъ такое? Потеряю службу,—къ вамъ же пойду дѣтей учить. Голова-то у меня хоть и сѣда, а все тутъ же, на плечахъ, и ей-Богу, не безъ толку.

— Ну, вотъ еще! Учитель... что жъ это?

— Ваше пр—во! оставимте это. Будь что будетъ! Я рѣшился, и еще разъ прошу васъ, не медлите донесеніемъ. Это нужно для васъ самихъ. Вѣрьте мнѣ, что я васъ люблю и почитаю, и крѣпко жалѣю, что именно въ ваше управленіе случилась такая непріятность; отдалите ее, сколько возможно, отъ себя; пишите къ генералъ-губернатору! Что вамъ до Готовцева и Аскоченскаго? не они, такъ другіе будутъ.

— Нѣтъ, я хочу обоихъ васъ сохранить для службы, сказалъ съ искреннимъ чувствомъ Владиміръ Егоровичъ.

— Но какъ же вы это сдѣлаете?

— Слушайте, Викторъ Ипатьевичъ, для меня, согласитесь для меня на мое предложеніе.

— Извольте, я слушаю.

— Завтра я призову васъ и Готовцева къ себѣ и скажу такъ: „господа! до моего свѣдѣнія дошло, что между вами произошли недоразумѣнія, а потому прошу васъ не доводить себя до дальнѣйшихъ непріятностей“. Тутъ я обращусь къ вамъ и скажу: „согласны ли вы кончить это дѣло миролюбиво?“ Вы отвѣтите: согласенъ,—поклонитесь и пойдете.

„Я не могъ не улыбнуться въ душѣ такому идиллически-простому образу примиренія, и сказалъ такъ:

— Но къ чему жъ это поведетъ?

— Да ужъ предоставьте мнѣ дѣйствовать! Я постараюсь все уладить

— Хорошо, но помните, ваше превосходительсто, что если вы въ вашей рѣчи употребите хоть одно слово въ какую либо сторону, то вы дадите тѣмъ поводъ говорить той сторонѣ въ защиту себя. Я даю вамъ слово молчать, но зато, если вы наклоните вашу рѣчь въ пользу Готовцева, я безмолвно поклонюсь и выйду.

— Будьте покойны, сказалъ губернаторъ, крѣпко пожимая мнѣ руку и провожая меня.

„Въ прихожей догнала меня несравненная Софья Савишна.

— Викторъ Ипатьевичъ! сказала она,—не зайдете ли на минуту ко мнѣ?

„Страхъ какъ непріятно мнѣ было приглашеніе этой глупой бабы: но, дѣлать нечего, надо было изъявить удовольствіе, и мы подъ руку вошли съ нею въ гостиную.

„Усадивъ меня рядомъ съ собою на роскошной софѣ, Софья Савишна спросила меня о вчерашнемъ происшествіи. Я повторилъ его кратко. Выслушавъ меня, глупая сплетница изволила воскликнуть:

— Помилуйте, Викторъ Ипатьевичъ, да тутъ нельзя обойтись безъ крови!

— И я такъ думаю; но дѣло въ томъ, что Владиміръ Егоровичъ не хочетъ быть моимъ секундантомъ.

— Ахъ, Боже мой! что вы говорите? Какъ же можно, чтобы губернаторъ былъ секундантомъ?

— А какъ же можно, чтобы совѣстный судья становился на барьеръ съ прокуроромъ?

— Ну, да все-таки, какъ же вы обойдетесь безъ крови?

„Въ эту самую минуту вошелъ губернаторъ.

— Какой тамъ крови? сказалъ онъ простодушно.

— Да, вотъ... мы тутъ, Владиміръ, говорили... отвѣчала Савишна, смѣшавшись.

— Эхъ, матушка, знала бы ты свои юбки да платья!

„Я всталъ и началъ откланиваться.

— Посидите, Викторъ Ипатьевичъ, говорила Савишна.

— Нѣтъ, ужъ извините, отвѣчалъ я.

— Да куда жъ вы такъ спѣшите?

— Я такъ полонъ сильныхъ ощущеній, что боюсь заразить ими и другихъ, сказалъ я, улыбаясь, и вышелъ.

По такому разговору моему съ Савишной [1]), я уже не могъ ожи-

---

[1]) Не разъ въ дневникѣ попадаются наброски характеристики В. Е. Анненкова и его жены. Рельефнѣе другихъ обрисовываютъ личности обоихъ слѣдующія замѣтки Аскоченскаго, записанныя подъ 24-мъ марта 1850 года:

„Владиміръ Егоровичъ Анненковъ—одинъ изъ тѣхъ людей, которые не хватаютъ съ неба звѣздъ; но что онъ добръ по натурѣ и благонамѣренный человѣкъ—это никто у него не отниметъ. Всегда ласковый, привѣтливый и внимательный, онъ невольно располагаетъ всякаго на откровенность и готовность по мѣрѣ силъ и возможности услужить ему. Желательно, чтобъ окружающіе его служащіе люди побольше имѣли самоотверженія, безпристрастія и добросовѣстности. Грѣхъ и стыдно тому да будетъ, кто захочетъ провести этого добраго человѣка, не имѣющаго никакой претензіи на юридическую опытность. Владиміръ Егоровичъ охотно слушаетъ всякій добрый совѣтъ: черта похвальная въ его характерѣ, но тѣмъ не менѣе и опасная. Не легко разобрать благонамѣренность и жадное ябедничество, всегда являющееся подъ маской справедливости.

„У Владиміра Егоровича супруга зовется Софьей Савишной. Это—не женщина, а чортъ знаетъ что такое. Въ лѣтахъ она уже достаточно пожилыхъ, но далеко еще не думаетъ разстаться съ претензіями на красоту и молодость. Кто-то замѣтилъ, что всякая женщина непремѣнно старается выставить себя всегда той стороной, которая у нея особенно хороша: у кого пригожія руки, та держитъ ихъ на виду, у кого ножка миніатюрная—ужъ непремѣнно мелькнетъ предъ глазами узенькій башмачекъ; такъ бываетъ и со всѣмъ прочимъ. У Софьи Савишны, по увѣренію знатоковъ, къ которымъ, однакожъ, я не имѣю чести принадлежать, хороши руки, волоса и нога, за то ужъ Софья Савишна всѣми зависящими отъ нея средствами старается показать этотъ товаръ лицомъ: она вертитъ и укладываетъ прямо передъ вашимъ носомъ пухлую руку, она заведетъ, непремѣнно заведетъ съ вами рѣчь о волосахъ своихъ, жалуясь, напримѣръ, на то, что они лѣзутъ у ней на бѣду; она подниметъ до самаго нельзя юбки, чтобы выставить ногу, одѣтую въ уродливый, ея собственнаго сочиненія, башмакъ. Отвратительно! Терпѣть я не могу и молодой кокетки, но старая производитъ во мнѣ тошноту. Да ужъ чортъ съ ней, пусть бы кокетничала съ людьми порядочными, а то всякая дрянь служитъ предметомъ ея гадкихъ выходокъ. Гадко, не хочу говорить объ этой барынѣ“.

дать ничего хорошаго для себя. Зная, какое вліяніе имѣетъ она на колпаковатаго мужа своего и сообразивъ связи ея съ Розенбаумомъ и Готовцевымъ, я ужъ напередъ увѣренъ былъ, что все дѣло направлено будетъ къ оправданію дуэлиста-прокурора. Такъ и случилось. Вечеромъ у Анненкова собрался консиліумъ подъ предсѣдательствомъ Савишны, гдѣ участвовали вышесказанные молодцы. Чѣмъ они порѣшили—покажетъ завтрашій день. Между тѣмъ, я уже переписалъ донесеніе Бибикову, изложивъ въ ономъ только событія этихъ двухъ дней. Итакъ, продолженіе обѣщано.

10-е октября, вторникъ.

„Въ 12 часовъ утра пришелъ я къ губернатору. На этотъ разъ его превосходительство не удостоило меня пожатія руки.—Вотъ оно! подумалъ я: теперь ужъ мы знаемъ, съ какой ноты пѣсенка начнется.

— Нуте-съ, почтеннѣйшій, сказалъ Анненковъ, не прося уже меня садиться,—дѣла этого нельзя кончить иначе какъ такъ: извольте пойти къ Готовцеву и извиниться передъ нимъ и передъ Голынскимъ, такъ какъ онъ слышалъ то, что вы сказали прокурору.

— Но позвольте узнать, ваше превосходительство, сказалъ я спокойно и тихо,—въ какихъ словахъ мнѣ принести извиненіе?

— Ну—въ какихъ, въ какихъ? Такъ и скажите: Дмитрій Валерьяновичъ, или какъ тамъ вы его зовете... monsieur Готовцевъ, извините, молъ, я не помню, что тогда, молъ говорилъ вамъ.

— Послушайте, ваше превосходительство, что жъ я такое: мальчишка, или сумасшедшій, или пьянъ тогда былъ? Что я не мальчишка—такъ вотъ вамъ доказательство—моя сѣдая голова; что я не сумасшедшій, такъ это видно изъ того, что не соглашаюсь на такого рода извиненіе; что я тогда не былъ пьянъ, такъ вы свидѣтель тому.

— Да вѣдь Готовцевъ совсѣмъ не то говорилъ, что вы ему навязываете?

— А что же?

— Онъ сказалъ только, пусть тотъ... какъ тамъ... кричитъ, что ли, кто умнѣе меня.

— Онъ лжетъ! сказалъ я твердо.

— Ну, вотъ! лжетъ! Вотъ вы и теперь обижаете Готовцева.

— Вотъ что! отвѣчалъ я.—Такъ поэтому ваше превосходительство прямо изволите становиться на его сторону?

— Ну, да хоть бы и такъ сказалъ онъ, — продолжалъ губернаторъ,—какъ вы говорите, что жъ тутъ такого? Это значитъ только, что и вы умны, а онъ умнѣй васъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, сказалъ я, невольно засмѣявшись.

— То-есть, позвольте,—это я не говорю, а это онъ говоритъ.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, кто жъ согласится съ подобнаго рода объясненіями?

— Однако жъ, поставьте себя на мѣстѣ Готовцева, продолжалъ губернаторъ, примѣтно сконфуженный и истолкованіемъ своимъ, и неловкимъ оборотомъ рѣчи,—что если бы я, напримѣръ, съ ума сошелъ и наговорилъ бы вамъ въ обществѣ дерзостей, что̀ бы вы со мной сдѣлали?

— Ваше превосходительство изволили сказать, что „если бы съ ума сошелъ“ — а для сумасшедшихъ есть желтый домъ. Притомъ сумасшедшій можетъ не только разругать, но и поколотить меня — и ужъ, конечно, я не позову его ни въ судъ, ни на дуэль.

„Анненковъ совершенно растерялся.

— Какъ себѣ вы тамъ хотите, сказалъ онъ наконецъ,—а Готовцеву нельзя было поступить иначе.

— То-есть, какъ это? спросилъ я. Такъ неужели вы находите, что онъ правильно вызвалъ меня на дуэль?

— Да, правильно.

— А, сказалъ я, поклонившись.—Ну, такъ извольте жъ теперь, ваше превосходительство, писать къ генералъ-губернатору, что угодно. Мнѣ только это и нужно было.

— Ну, да какъ же вы хотите?..

— Имѣю честь кланяться вашему превосходительству.

— По крайней мѣрѣ—сказалъ губернаторъ—вы хоть теперь не дѣлайте непріятностей Готовцеву.

— Что такое? сказалъ я, выпрямившись.

— Готовцевъ говоритъ, продолжалъ Анненковъ,—что онъ опасается теперь встрѣтиться съ вами,—пожалуй, чего добраго, вы дадите ему оплеуху.

— Ваше превосходительство,—сказалъ я, глубоко огорченный,—это ужъ обидно! Развѣ я подалъ поводъ къ такимъ замѣчаніямъ? И за кого же вы меня принимаете—за уличнаго буяна?

— Да вѣдь вотъ же вы поссорились.

— Да, поссорились,—но вѣдь есть же мѣра всему. Я терпѣлъ и молчалъ, когда онъ за глаза честилъ меня, давая мнѣ исключительно названіе поповича.

— Что жъ такое? Вамъ же больше чести, что вы, не родившись княземъ, занимаете такія мѣста.

— Покорнѣйше васъ благодарю: но все же я не понимаю, съ какой стати вы дѣлаете мнѣ такое замѣчаніе.

— Да Готовцевъ просилъ меня объ этомъ.

— Мнѣ кажется, что вамъ бы слѣдовало отвѣчать смѣхомъ на такую просьбу, а ужъ никакъ не дѣлать мнѣ такихъ оскорбительныхъ предложеній. Впрочемъ, извольте, я дамъ вамъ росписку въ томъ.

— На что же? Довольно и одного слова.

„Я пожалъ плечами, поклонился и вышелъ. Я и забылъ сказать, что сегодня рано утромъ Савишна прислала мнѣ назадъ „Мертвыя души“, данныя мной для прочтенія ей только въ субботу. Ясно, что она прислала мнѣ книгу, не читавши ее. По этой прелюдіи легко можно было догадаться о нынѣшнемъ финалѣ.

„Часа въ четыре пополудни явился ко мнѣ правитель канцеляріи Бечка. Перекинувшись нѣсколькими словами, мы прямо перешли къ дѣлу. Бечка ахнулъ, узнавъ, что ужъ я послалъ отъ себя донесеніе. Онъ пришелъ попытаться помирить насъ, собственно изъ-за того, чтобы не ввести въ бѣду губернатора, который, по его словамъ, плететъ Богъ знаетъ что.

„Отдавая ему приказаніе писать донесеніе, его превосходительство изволилъ замѣтить, чтобы Бечка не забылъ помѣстить тамъ, якобы Аскоченскій приглашалъ его, Владиміра Егоровича Анненкова, въ секунданты, что Готовцевъ говорилъ совсѣмъ не то, что вообразилось Аскоченскому, и что вызовъ имъ былъ сдѣланъ ужъ вслѣдствіе отказа Аскоченскаго извиниться передъ Готовцевымъ. Бечка просилъ меня сказать по крайней мѣрѣ, что я написалъ въ своемъ донесеніи.

„Сколько могъ себѣ припомнить, я сообщилъ ему содержаніе письма моего къ Дмитрію Гавриловичу. Когда я дошелъ до третьяго дня и заговорилъ объ Анненковѣ, Бечка, всегда хладнокровный и скрытный, вскочилъ съ канапе и, ударивъ обѣими руками себя въ голову, сказалъ громко: „вы зарѣзали Анненкова“! Послѣ этого онъ, какъ будто одумавшись, сѣлъ спокойно и началъ говорить мнѣ, что губернаторъ поручилъ уже ему писать донесеніе, но приказалъ напередъ представить ему черновое, что̀, какъ замѣчаетъ Бечка, никогда прежде не бывало, ибо его превосходительство всегда безъ всякихъ поправокъ и разсужденій подписывалъ подаваемыя ему дѣловыя бумаги. „Если, прибавилъ Бечка, онъ дѣлаетъ это для того, чтобы подвергнуть меня цензурѣ Готовцева, то я немедля нисколько откажусь писать донесеніе. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ“.

— Да, пусть дѣлаютъ, что хотятъ, и я убѣжденъ, что чѣмъ болѣе Анненковъ будетъ наклонять дѣло къ оправданію Готовцева, тѣмъ болѣе онъ повредитъ и Готовцеву, и себѣ. Странный человѣкъ! Для него же самого я упрашивалъ его держаться въ этомъ дѣлѣ нейтралитета; нѣтъ, самъ лѣзетъ въ петлю.

— И чѣмъ это кончится? продолжалъ въ раздумьи Бечка. Ужъ и такъ Владиміръ Егоровичъ надѣлалъ пропасть промаховъ...

— Которымъ, прибавилъ я,—много помогаетъ его несравненная половина.

— Ахъ, эта... вскрикнулъ Бечка, стиснулъ зубы и тихонько ударилъ кулакомъ по столу.—Между нами говоря, Викторъ Ипатьевичъ, Анненкову не долго быть здѣсь губернаторомъ. Въ одинъ мѣсяцъ

два вызова на дуэль,—это показываетъ крайнюю слабость правящаго губерніей.

„Бечка сидѣлъ, опустивъ голову.

— Но нѣтъ, сказалъ онъ потомъ рѣшительно,—я не допущу его до такой глупости! Прощайте, Викторъ Ипатьевичъ! Дай Богъ, чтобъ хоть для васъ-то кончилось это дѣло благополучно.

„Я разстался, поблагодаривъ умнаго дѣльца за участіе ко мнѣ. Что дѣлалось потомъ у губернатора—я не знаю...

11-го октября, среда.

„Итакъ, дѣло завязалось не на шутку. Я страшно рискую; и не потеря службы страшитъ меня, не преданіе суду, а недоброе мнѣніе незабвеннаго и великаго благодѣтеля моего, Дмитрія Гавриловича. Боже мой! Вотъ уже другой разъ я подвергаю его непріятности вырывать меня изъ враждебной толпы, которую бѣситъ только то, что я, безъ спроса ея, сталъ выше многихъ и многихъ цѣлою головою. И что я имъ сдѣлалъ — этимъ скрытнымъ моимъ недругамъ? Съ самаго пріѣзда моего въ Каменецъ-Подольскъ репутація моя уже была убита. Матюнинъ, безстыдный Матюнинъ, забывъ благодѣянія Бибикова, который поставилъ его на такомъ важномъ и покойномъ посту, успѣлъ очернить меня здѣсь предъ всѣми, выставивъ меня какимъ-то пройдохой, временщикомъ, жалкой креатурой Бибикова и набитымъ дуракомъ. И всѣ чуждались меня, до тѣхъ поръ, пока не присмотрѣлись ближе, всѣ, начиная отъ умнаго и благороднаго Пфелера до глупаго Крушинскаго. Мѣсяца черезъ полтора подгулявшій Пфелеръ выболтнулъ передо мной: „да помилуйте, говорилъ онъ съ привычной горячностью,—я не понимаю, чего вамъ не достаетъ, чтобы быть весьма порядочнымъ человѣкомъ. И что вы сдѣлали Матюнину, что онъ васъ такъ чернитъ? Честь Бибикову, что онъ выводитъ такихъ людей, какъ вы, на значительныя мѣста!“ Я слушалъ все это, молча, и горько было на душѣ моей. Потомъ кинулась всѣмъ въ глаза безчиновность моя. Много толковали объ этомъ бюрократы каменецкіе; многіе говорили contra меня, но только два или три человѣчка—и то наврядъ ли — pro меня. Самъ Сотниковъ, съ язвительнымъ, ему только одному свойственнымъ сожалѣніемъ, затрогивалъ меня за эту чувствительную струну; я самъ слышалъ, какъ однажды предсѣдатель Абаза доказывалъ директору Росковшенку, что я не могу получить чина даже титулярнаго совѣтника, а что, несмотря на мои ученыя права, начну мое производство съ коллежскаго регистратора. Я говорю, самъ слышалъ это, и молчалъ, потому что надо было молчать мнѣ, безчиновному, передъ статскимъ высокородіемъ. Но вотъ мнѣ дали титулярнаго, потомъ вслѣдъ же затѣмъ коллежскаго ассесора; всѣ замолкли, одно только губернское

правленіе хотѣло было мнѣ тутъ подгадить, но я отстоялъ мои права и уничтожилъ рѣшеніе неправеднаго суда. Кажись бы, можно ужъ оставить меня въ покоѣ. Нѣтъ, заговорили, что я потому извѣстенъ безкорыстіемъ, что не представлялось искусительныхъ къ тому случаевъ. Мои защитники представляли на видъ мою прежнюю совѣтническую службу, мое крайнее безденежье, какъ доказательство нестяжательности: все напрасно —недруги мои оставались при своемъ. Какъ бы въ упрекъ имъ, судьба послала мнѣ кратковременное управленіе гражданскою палатою. Ужъ тутъ ли не быть искусительнымъ случаямъ? Не одинъ разъ являлись ко мнѣ просители съ толстыми докладными записками; не одинъ разъ предлагали они мнѣ осязательныя услуги,—я вѣжливо отклонялъ все это отъ себя. Завязалось дѣло Голицына; четыре тысячи предлагали мнѣ за одну мою подпись; я отказался,—и все закричало, зашумѣло о моемъ безкорыстіи, о моей добросовѣстности. Черезъ недѣлю эти же самые крикуны назвали меня дуракомъ, говоря, что я потому не беру, что не умѣю дѣлъ вести, какъ должно, что я все это дѣлаю изъ одного хвастовства. И друзья мои! вѣдь всѣ эти толки я почти самъ слышалъ! Возводилъ я вечеромъ слезящія очи мои къ иконѣ Спасителя; взглядывалъ я на портретъ обожаемаго мной Дмитрія Гавриловича, — и снова шелъ, твердый и крѣпкій, на трудную борьбу съ судьбою и людьми. Никогда, нигдѣ и ни предъ кѣмъ не хвастался я протекціей Бибикова, ибо хорошо помню послѣднее ко мнѣ его слово — не ждать ни милости, ни пощады, если забуду мой долгъ и службу. Но недругамъ моимъ какая надобность была до того? Они насмѣшливо проповѣдывали и говорили мнѣ въ глаза, что я напрасно горжусь протекціей Бибикова, убѣждали меня, что это самая непрочная вещь, что мнѣ надобно искать для себя попрочнѣе мѣста, и подальше отъ моего благодѣтеля, потому что онъ, по извѣстному, дескать, капризу своему, можетъ сдѣлать меня несчастнымъ. Напрасно толковалъ я этимъ господамъ о моихъ отношеніяхъ къ Бибикову, напрасно раскрывалъ я передъ ними случаи изъ моей жизни, гдѣ обнаруживалось безпристрастное его правосудіе, напрасно доказывалъ имъ, что Бибиковъ поразитъ меня скорѣе и безпощаднѣе, если я не оправдаю его довѣренности, чѣмъ кого либо другаго,—они толковали свое: знаемъ, молъ, насъ не проведешь. И, скрѣпивъ сердце, я уходилъ отъ этихъ добрыхъ и внимательныхъ господъ. Но они не отставали отъ меня. —А что жъ ваше жалованіе? говорили они мнѣ съ дьявольски обиднымъ участіемъ.—Зачѣмъ вы не пишете къ Бибикову, вѣдь онъ протежируетъ? Безъ жалованья жить нельзя; вѣдь вы человѣкъ несостоятельный? Мы даже не понимаемъ, какъ и чѣмъ вы до сихъ поръ живете.—„Ваша правда, господа", отвѣчаю я обыкновенно такимъ господамъ, „но вѣдь въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; я увѣренъ, что стоитъ мнѣ намекнуть вамъ о моей нуждѣ—и вы не задумаетесь одолжить меня сотней рублей".—Помилуйте, съ большимъ удоволь-

ствіемъ, говорили одни, уходя проворно отъ меня.—Извините, отвѣчали другіе:—но если бъ вы знали, какъ я самъ, вашъ покорнѣйшій слуга, нуждаюсь; не повѣрите, то туда, то сюда, — вездѣ нужны деньги. Сегодня посылаю Николашѣ двѣсти рублей; черезъ мѣсяцъ везу Оленьку въ пансіонъ. Ужасъ, какіе расходы!—И вотъ добрые мои друзья бѣгаютъ меня, чтобы я не схватилъ ихъ за шиворотъ и не посягнулъ на ихъ кошелекъ. Да ужъ Богъ бы съ ними за такое опасеніе; хоть бы не сплетничали-то, а то...

— Вообразите, Петръ Пафиутьевичъ, говоритъ одинъ изъ такихъ моихъ друзей,—вчера Аскоченскій просилъ у меня денегъ взаймы. Не смѣшно ли?

— Ахъ, да помилуйте, онъ и ко мнѣ вчера присылалъ записку съ просьбой о десяти рубляхъ. Какая гадость—десять рублей! и представьте же, этакихъ людей сажаютъ на такія мѣста! Просто, срамъ! А что-жъ, Амфилохій Карповичъ, какъ вы вчера отбоярились у вице-губернатора?

— Проигрался, чортъ возьми! 25 рублей съ копѣйками какъ не бывало въ кошелькѣ!

„И расходятся знакомцы, дружно оклеветавъ Аскоченскаго, который и во снѣ не думалъ посягать на ихъ денежное благоденствіе, который согласится лучше имѣть дѣло съ жидами — лютѣйшими ростовщиками, чѣмъ съ этими благородными людьми. А между тѣмъ репутація ваша въ конецъ истерзана и все въ васъ возбуждаетъ или обидное сожалѣніе, или оскорбительную насмѣшку, отъ которой захолонетъ кровь на сердцѣ. А терпишь, ибо нельзя не терпѣть. Ты бѣденъ, заброшенъ, про тебя забыли и никому до тебя дѣла нѣтъ, потому что не сядешь ты за зеленый столикъ и, проигравшись въ пухъ, не раскроешь гордо бумажника твоего, туго набитаго ассигнаціями, изъ кучи которыхъ съ умышленною медленностью выбираетъ иной мелкую депозитку. И никто не нойдетъ къ тебѣ, потому что нѣтъ надобности, чтобы и ты куда нибудь ходилъ. Все это испыталъ я, все это испытываю я и теперь, и Богъ вѣсть, кончится ли когда либо такое тяжкое мое испытаніе! Но знаетъ про него „Богъ да я, еще подушка лишь моя". Ни дома, ни внѣ дома, не увидитъ никто меня ни задумчивымъ, ни убитымъ; никого не порадую я моимъ горемъ и бѣдой. Нѣтъ, друзья, знаю я ваше состраданіе!!...

„Но вы думаете, что тутъ и конецъ всѣмъ моимъ пыткамъ? Нѣтъ, погодите! Болтливая молва донесла и до Каменца вѣсть обо мнѣ, какъ о писателѣ. А вы не знаете, да и не дай вамъ Богъ знать, какой это титулъ въ губерніи. На васъ смотрятъ, какъ на насмѣшника, готоваго изъ-за остраго словца не пожалѣть ни матери, ни отца; вы отъявленный врагъ и нарушитель семейнаго спокойствія; вы злой критиканъ, который затѣмъ только и ходитъ по домамъ, чтобъ подмѣчать за другими и писать про нихъ то прозу, то стихи.

Богъ видитъ, какъ тяжело мнѣ казалось въ иную пору перо, поднимаемое съ самымъ невиннымъ и безукоризненнымъ намѣреніемъ написать простое письмо. Клянусь вамъ, что мнѣ приходилось слышать отъ умныхъ и уважаемыхъ мною людей предостерегательные совѣты не писать ничего подобнаго, чѣмъ я, по ихъ словамъ, вооружилъ противъ себя весь Житоміръ. Никто и слышать не хотѣлъ моихъ увѣреній, никто не принималъ на себя труда прочитать мной написанное, и настойчиво твердили одно: „да знаемъ васъ, батюшка. Вы всѣ, писатели, на одинъ ладъ!" А барыни,—что̀ мнѣ отъ барынь доставалось и достается! И смѣхъ, и горе! И ходишь ты далеко отъ всѣхъ, какъ зачумленный, и боятся развернуться при тебѣ, и сплетня, пущенная другимъ досужимъ языкомъ, обращается къ тебѣ, и клянутъ тебя люди, сами не зная за что...

„Вотъ она, моя жизнь, и здѣсь, и тамъ, и вездѣ!

„Все терплю я и буду терпѣть, и Богомъ свидѣтельствую, не паду подлымъ ползуномъ передъ недругами моими!

12-го октября, четвергъ.

„Та же исторія. Шумно разошлось происшествіе дуэльное по городу. Всѣ судятъ вкривь и вкось. У однихъ я одинъ виноватъ; другіе рады тому, что Готовцевъ провалился. Разумѣется, ни то, ни другое меня не радуетъ.

13-го октября, пятница.

„Всѣ какъ будто боятся и бѣгаютъ меня. Нетерпѣливое ожиданіе развязки затѣянной нами драмы возрасло у всѣхъ до послѣдняго градуса. Господа правовѣды подняли носы выше магистратской каланчи; за ними тянется и Крушинскій. Поневолѣ прихлопнешь этакихъ господъ заостренной эпиграммой:

Ванюшка! хамская ты рожа!
Тебѣ, мошенникъ, говорятъ,
Что-жъ ты?—„Не слышу-съ".—Отъ чего же?
„Да съ бариномъ у васъ не ладъ".

15-го октября, воскресенье.

„Видѣлъ я сегодня Готовцева. Бѣдненькій! Какъ онъ перемѣнился, похудѣлъ. Вѣрю, что не утѣшительно для него ожиданіе развязки. Какъ ни верти, а вызовъ-то сдѣлалъ и поплатиться за это долженъ. Не хотѣлъ бы я быть въ его кожѣ теперь. Замѣчательно, что и предметъ его обожанія, своенравная и безстыдная Marie, тоже поху-

дѣла. Немудрено: ее ожидаетъ скорая разлука съ своимъ возлюбленнымъ. Вотъ еще будетъ комедія! Я напередъ угадываю, какую роль приметъ на себя глупая маменька Marie. Почтеннѣйшій Осипъ Михайловичъ semper будетъ idem: родился колпакомъ, такъ и быть ему колпакомъ до смерти. Послѣ обѣдни я заходилъ къ жандармскому подполковнику Скворцову. При моемъ разсказѣ объ участіи, принимаемомъ Анненковымъ въ дѣлѣ нашемъ, Скворцовъ ахалъ отъ удивленія и откровенно сознался, что онъ и прежде зналъ его превосходительство за человѣка, который не хватаетъ звѣздъ съ неба, а теперь видитъ въ немъ круглаго дурака. Скворцовъ, впрочемъ, сказывалъ, что онъ еще не доносилъ о происшествіи; но я что-то плохо этому вѣрю. Не таковъ онъ самъ по себѣ, и не таковы его отношенія къ Готовцеву, чтобы онъ умолчалъ объ этомъ дѣлѣ и считалъ себя тутъ только хладнокровнымъ зрителемъ. Между тѣмъ онъ очень умно напалъ на мысль открыть подстрекателя дуэли и узнать — самъ ли Голынскій приходилъ утромъ къ Готовцеву, или по приглашенію его? Признаюсь, мнѣ очень бы хотѣлось спровадить этого молодца въ кіевскую крѣпость“.

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, до какого бѣшенаго озлобленія доведенъ былъ Аскоченскій, въ сущности, ничтожной и ребяческою ссорою, которую городская сплетня раздула до размѣровъ серьезнаго происшествія, поставившаго на ноги всю губернскую знать. Развязку не трудно было предвидѣть: недоброжелатели Аскоченскаго нашли въ этой исторіи удобный предлогъ къ тому, чтобы отдѣлаться отъ язвительнаго свидѣтеля ихъ плутней. Не хотѣлъ предугадать свою неудачу только самъ Аскоченскій, питавшій неизмѣнную увѣренность въ правдивый судъ своего покровителя, генералъ-губернатора Бибикова. Дѣйствительность показала иное. Но, въ ожиданіи вершительнаго приговора себѣ, Аскоченскій старается вникнуть въ условія, среди которыхъ формируются личности, подобныя Готовцеву. Понятно, его сужденія не могутъ считаться безпристрастными въ данномъ случаѣ, ибо они вызваны чисто личными побужденіями. Тѣмъ не менѣе они не лишены интереса, какъ все, что ни выходило изъ-подъ даровитаго пера Виктора Ипатьевича.

Вотъ что онъ писалъ о помянутомъ предметѣ подъ 18-мъ октября:

„Между великими усовершенствованіями всѣхъ частей государственнаго управленія, ознаменовавшими блистательное царствованіе Николая I-го, по сущей правдѣ можетъ быть поставлено упрощеніе нашего судопроизводства. Незабвенный Сперанскій распуталъ эту страшную путаницу, въ которую попадались, какъ мухи, несчастные просители, имѣвшіе дѣло въ мѣстахъ присутственныхъ; онъ далъ правильную систему безчисленнымъ законамъ, изложилъ ихъ въ возможной полнотѣ и ясности и отнялъ у старинныхъ законовѣдовъ-подъячихъ ту мощь и силу, передъ которою дрожалъ всякій, незна-

жомый съ нашими законами. Теперь послѣдній легко найдетъ и прочтетъ нужное ему въ сводѣ законовъ и не позволитъ вести себя за носъ, какъ барана за рога. Вѣчная и славная память незабвенному Сперанскому!.. Онъ съ бо̀льшимъ противъ всѣхъ правомъ могъ себѣ сказать: „exegi monumentum aere peraennius regalique situ piramidi altius!"

„Но этого мало было. Надо было образовать и людей, способныхъ къ новому порядку судопроизводства, людей, непричастныхъ къ прежнимъ формамъ подъячества, людей, которые съ перваго урока поняли, что̀ такое долгъ, присяга, честь и совѣсть, и дѣйствовали потомъ по указанію этихъ святыхъ руководителей. Для этой цѣли открыты, распространены и усовершены въ университетахъ каѳедры юриспруденціи; выписаны изъ-за-границы молодые профессоры, образованы вновь свои доморощенные, и дѣло, казалось бы, могло почесться конченнымъ. Но въ самой-то вещи оно и не начиналось. Университетское образованіе, по своему многообразію и разнородности предметовъ, по нестрогому разграниченію факультетовъ, вмѣсто ожидаемой пользы давало лишь обманчивый лоскъ молодымъ людямъ, и выпускные юристы столь же плохо знали юристику, сколько и словесность и математику. Принялись за старое разграниченіе факультетовъ—дѣло, повидимому, пошло немного лучше: но это лишь повидимому; студенты, изучивъ наизусть законы, совершенно не были знакомы съ практикою дѣлопроизводства, и статьи свода законовъ болтались въ головѣ ихъ, точно горохъ въ кожанномъ мѣшкѣ. Профессора, сами изучившіе лишь одну теорію юридическую, не умѣли передать своимъ слушателямъ надлежащихъ понятій о томъ, какъ составляются записки, журналы, рапорты, отношенія, сообщенія, и отъ того-то напрактиковавшіеся па службѣ дѣльцы, съ грѣхомъ пополамъ изучившіе русскую грамоту, посмѣивались въ-тихомолку надъ неловкостью законовѣдовъ и прозвали ихъ учеными дураками. Правительство чуяло это и рѣшилось образовать спеціальное училище правовѣдѣнія. Зять царскій взялся быть опекуномъ и воспріемникомъ школьника—и дѣло пошло пышно, блистательно. Въ это училище положено принимать дѣтей никакъ не ниже статскихъ совѣтниковъ, преподавать имъ все, обращая, впрочемъ, исключительное вниманіе на отечественные законы; лучшіе профессора призваны для образованія этого юношества; самъ зять царскій неусыпно наблюдалъ надъ усердіемъ преподавателей и успѣхами питомцевъ. Сдѣланъ былъ первый выпускъ; молодые люди, еще незнакомые съ бритвою, получили значительныя мѣста, стали судить и рядить. Оставшіеся въ училищѣ съ гордостью начали смотрѣть на себя и сулить себѣ блистательную будущность. Ихъ осыпали привиллегіями; для нихъ завели монополію; правовѣду стала открытою дорога всюду. Они ликовали. Болѣе, чѣмъ университетскіе юристы, ознакомленные съ дѣловою практикою, правовѣды несравненно смѣлѣе, и прытче, и ловче при-

нимались за работу и въ кипѣніи юношескихъ силъ неслись напропалую, не боясь себѣ шею сломить. Но ужъ видно такова судьба всѣхъ человѣческихъ начинаній: въ этихъ господахъ велеученыхъ мы увидѣли не русскихъ юристовъ, а какихъ-то иностранцевъ, многоразсуждающихъ о формахъ дѣлопроизводства и очень мало приносящихъ пользы самому дѣлу; въ занятіяхъ ихъ видимо выигрывали законы, или внѣшняя сторона законовъ, но сильно проигрывали тѣ, кои прибѣгали подъ защиту законовъ. Правовѣды явились школьниками на службѣ. Не развернувъ своихъ способностей долгимъ и настойчивымъ изученіемъ всего, что входило въ ихъ программу, схватывали налету бросаемое имъ толпами наставниковъ, большею частью иностранцевъ, не получивъ даже основательныхъ свѣдѣній въ русскомъ языкѣ, и по молодости своей плохо знакомые съ здравою логикой,—они начали дѣйствовать опрометчиво, писать бумаги, заставлявшія изъ-подъ руки хохотать ихъ секретарей, забрасывать законами, не параллелизируя ихъ съ дѣломъ, и путать уже по правиламъ науки. Высокая протекція царскаго зятя, важныя мѣста и должности, имъ поручаемыя, раннее, слишкомъ поспѣшное вліяніе на судьбу тысячъ, близкія отношенія съ первыми лицами въ губерніи, усилили въ нихъ высокое мнѣніе о себѣ. Они сдѣлались ребячески горды и педантически неприступны. Хвастаясь своимъ безкорыстіемъ, они считали себя вправѣ смотрѣть на каждаго просителя, какъ на ихъ покорнѣйшаго слугу, презирать своихъ сотрудниковъ, не получившихъ такого же, какъ они, образованія, считать подчиненныхъ своихъ—подножіемъ ногъ своихъ и дѣлать все, что только вымышляла ихъ закружившаяся, юношеская голова. Но больнѣй всего стало видѣть въ этихъ молодыхъ людяхъ рѣшительное отчужденіе отъ всего, что составляетъ душу русскаго человѣка. Религія для нихъ казалась только условіемъ къ общественному спокойствію; дѣдовскія повѣрья они стали рубить съ плеча; все святое обратилось въ посмѣяніе, и народъ православный увидѣлъ въ нихъ не своихъ родныхъ блюстителей закона, а какихъ-то выскочекъ.

„И жаль, и больно!

„Къ несчастію, я коротко узналъ одного изъ этихъ господъ и— вотъ вамъ портретъ его.

„На другой день пріѣзда моего въ Каменецъ, я увидѣлъ въ церкви какого-то молодаго человѣка въ уродливомъ мѣховомъ сюртукѣ на-распашку, въ камзолѣ сѣраго цвѣта, застегнутомъ тесемками и достававшемъ по сіе время; въ высокихъ зимнихъ калошахъ, загрязненныхъ до-нельзя. Нечесанная всклокоченная голова, истасканная и болѣзненная физіономія, густыя насупившіяся брови—вотъ что бросилось мнѣ въ глаза при первомъ моемъ на него взглядѣ. Этотъ господинъ полулежалъ на клиросѣ, опершись на него обѣими руками и съ хохотомъ болталъ что-то съ стоявшимъ близъ него Матюнинымъ. Я спросилъ Крушинскаго, какъ знакомаго мнѣ еще въ

студенчествѣ: кто это такой? — Товарищъ предсѣдателя уголовной палаты Готовцевъ,—отвѣтилъ онъ. По окончаніи обѣдни я подошелъ къ нему, отрекомендовался и передалъ ему поклонъ отъ Квиста. Готовцевъ вѣжливо откланялся, осмотрѣвъ меня, впрочемъ, съ головы до ногъ, чтó, признаться, тогда мнѣ крѣпко не понравилось. Впослѣдствіи я понялъ значеніе такого осмотра: онъ былъ предупрежденъ на мой счетъ Матюнинымъ. Прошло четыре слишкомъ мѣсяца,—мы познакомились ближе, бывали вмѣстѣ въ обществѣ, безъ церемоній заходили другъ къ другу. Мнѣ нравились въ немъ его образованность, его ѣдкое слово, за которымъ онъ въ карманъ не лѣзетъ, его пониманіе окружающихъ предметовъ; но сквозь свѣтскій лоскъ, я не могъ не видѣть человѣка, не видавшаго порядочнаго общества и страшнаго эгоиста, производившаго все изъ себя и обращавшаго все къ самому себѣ. Какъ бы то ни было, но мы сблизились. Готовцевъ предложилъ мнѣ нанять квартиру вмѣстѣ. Стѣсненный моими обстоятельствами и разсчитавъ, что въ общемъ хозяйствѣ сберегается моя копѣйка, я охотно согласился на его предложеніе: мы условились имѣть вмѣстѣ кухню, столъ и все нужное для хозяйства. Благополучно прошло нѣсколько недѣль, мы ладили, хоть и не безъ того, чтобы не было между нами стычекъ, поводъ къ которымъ подавалъ непремѣнно Готовцевъ своими эгоистическими выходками. Съ теченіемъ времени къ нашему хозяйству присталъ и Крушинскій, исправлявшій на ту пору должность прокурора, и захотѣлъ у насъ столоваться. Добросовѣстно и кропотливо велъ я домашніе счеты—и всѣ оставались довольны мною; но я уже видѣлъ, что Готовцевъ далеко начинаетъ простирать свои дерзкія выходки. Сдѣлавъ мои комнаты почти исключительной своей резиденціей, онъ отбилъ меня отъ кабинета моего и, по привычкѣ къ безпорядочной жизни, производилъ Содомъ и Гомору въ моихъ комнатахъ. Это не могло мнѣ нравиться; я просилъ его, сердился за такое нарушеніе моего спокойствія. Готовцевъ отвѣчалъ мнѣ обидными насмѣшками, но сердиться и ссориться изъ-за такихъ пустяковъ было бы глупо. Я молчалъ и терпѣлъ, хоть и съ ущербомъ моего личнаго спокойствія. Наконецъ, я замѣтилъ, что онъ старается нарядить меня въ шутовской халатъ; его гримасничанья, его постоянныя насмѣшки надъ образомъ моихъ мыслей, презрѣніе ко всему, во что привыкъ я вѣрить умомъ и сердцемъ моимъ, кощунство надъ священнѣйшими для меня предметами, наконецъ вѣчная пикировка другъ друга въ обществахъ,—все это не могло не наскучить мнѣ. Не дѣлая себя раздражительно смѣшнымъ, я принялъ съ Готовцевымъ болѣе серьезный тонъ, и тѣмъ немножко усколмнилъ его. Но это еще бы туда-сюда. Готовцевъ напалъ на мою служебную репутацію: кстати—некстати увѣривъ всѣхъ въ томъ, что я рѣшительно ничего не дѣлаю, онъ въ кругу своихъ болтливыхъ пріятелей полячишекъ сталъ издѣваться надо мной, твердя всѣмъ, что за меня всѣмъ правитъ мой

секретарь и что я въ моемъ служебномъ хозяйствѣ рѣшительно ничего не смыслю. Не разъ мнѣ самому приходилось слышать отъ него подобнаго рода отзывы. Скрѣпивъ сердце, я неоднократно просилъ его наединѣ быть поосторожнѣе и не доводить ни себя, ни меня до непріятностей: ибо я никакъ не могъ ручаться за горячій мой характеръ. Готовцевъ не слушалъ; названія поповичъ, Бибиковское творенье, кацапъ, стали повторяться имъ чаще и чаще. Какъ паяцъ вертѣлся онъ передо мною, задѣвая иногда меня за самыя чувствительныя струны; терпѣть уже не оставалось никакой возможности; я рѣшился безъ дальнихъ непріятностей разойтись съ нимъ полюбовно, и только ожидалъ окончанія срока моего найма. Къ несчастію, стычка у генерала, гдѣ Готовцевъ принялъ сторону подлѣйшей Савишны, назвалъ меня при всѣхъ невѣждою, покончила все между нами. Готовцевъ думалъ было и тутъ отдѣлаться шутками, но я рѣшительно отказалъ ему отъ моей квартиры. Мы разошлись. На бѣду волокитство его за Marie Данильченковой дошло до высочайшаго безстыдства. Какъ старый знакомый этого семейства, я предостерегалъ всѣхъ ихъ отъ человѣка, для котораго нѣтъ ничего святаго въ мірѣ, который для собственнаго удовольствія готовъ втоптать въ грязь чью бы то ни было репутацію. Мнѣ не вѣрили, а Готовцевъ между тѣмъ бѣсился и еще больше поносилъ меня; а послѣ 17-го августа сталъ притѣснять меня до того, что я, по его милости, лишился стола, кухни и всего нужнаго по хозяйству. Извѣстно ужъ, чѣмъ разрѣшилась наша вражда.

„Но все-жъ-таки изъ этого слабаго очерка не видно, что̀ такое Готовцевъ! Постараюсь опредѣлить точнѣе это истинно типическое лицо. Готовцевъ есть молодой человѣкъ, порядочно образованный, но мало видѣвшій свѣтъ и плохо понимающій людей. Онъ не глупъ, но въ высшей степени неразуменъ. Чуждый всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, онъ кощунъ по убѣжденію и отвратителенъ во всемъ, что касается этого предмета. Самое невзыскательное чувство приличія оскорбляется его поведеніемъ въ храмѣ Божіемъ, куда онъ является всегда растрепанный, дерзкій и ложится обыкновенно или на клиросъ, или прислоняется къ стѣнѣ, образуя уголъ въ 40°. Я всегда боялся его разсужденій о предметахъ священныхъ и при малѣйшемъ затрогиваніи уходилъ отъ него подальше, за что обыкновенно получалъ отъ него названіе семинариста. Какъ русскій, Готовцевъ ни къ чорту не годился. Если онъ и удерживается отъ безумныхъ выходокъ молодаго европейскаго вольномыслія, то это не по внутреннему убѣжденію, а потому, какъ онъ разъ мнѣ сказалъ, что за это хорошо ему платятъ. Нѣтъ вещи, нѣтъ воспоминанія въ нашей отечественной исторіи, которыхъ бы онъ не осмѣялъ, не окощунствовалъ. Это особенно привязываетъ къ нему всѣхъ мерзавцевъ-полячишекъ этого безпутнаго края, которымъ онъ свободно проповѣдуетъ свои антипатріотическія убѣжденія. Готовцевъ человѣкъ безсовѣстный: онъ

продастъ васъ съ величайшей охотою, если это можетъ доставить ему удовольствіе; онъ втопчетъ въ грязь репутацію вашу, жены вашей, дочери вашей, если это дастъ ему маленькое развлеченіе; онъ оговоритъ васъ передъ другими самымъ постыднымъ образомъ и, ставши съ вами лицомъ къ лицу, не морщась и не краснѣя, откажется отъ своихъ словъ; онъ по первому безотчетному впечатлѣнію осудитъ васъ со всѣхъ сторонъ, и послѣ къ вамъ же придетъ, а черезъ мѣсяцъ запоетъ о васъ другую пѣсню. И вся эта безсовѣстность и двоедушіе отъ его страшнаго, чернаго эгоизма. Я не могу указать никого изъ здѣшнихъ, кто бы, по его мнѣнію, не былъ или дуракъ, или подлецъ. Только правовѣды, да тѣ, которые ему курятъ ѳиміамъ лести, избавляются отъ безпощаднаго его приговора. Онъ, пожалуй, готовъ сдѣлать вамъ добро, но только тогда, когда это входитъ въ его эгоистическій разсчетъ. Въ этомъ смыслѣ онъ старательно хлопоталъ о Крушинскомъ, и всѣ говорятъ—и правду говорятъ—что черезъ него онъ теперь сталъ товарищемъ предсѣдателя. Юридически чистый и безкорыстный, онъ однако жъ сдѣлаетъ все, что вы ни захотите, имѣйте вы только хорошенькую жену или дочку, или ползайте и величайте его... Но Богъ съ нимъ! Мнѣ дурно становится, когда я много говорю объ этомъ человѣкѣ!..“

Затѣмъ въ „Дневникѣ“ слѣдуетъ упоминаніе о развязкѣ ссоры Аскоченскаго съ Готовцевымъ. Подъ 27-мъ ноября читаемъ:

„Много промелькнуло происшествій въ короткій срокъ моего молчанія въ „Дневникѣ“. Развязалось дѣло мое съ Готовцевымъ; я проигралъ, и клевета и ложь восторжествовали. Дмитрій Гавриловичъ, кругомъ обманутый, разгнѣвался на меня и предложилъ мнѣ, черезъ конфиденціальное письмо къ нашему колпакообразному губернатору, оставить службу въ трехъ подвѣдомственныхъ ему—Дмитрію Гавриловичу—губерніяхъ. „Это Шемякинъ судъ!“ говорили весьма многіе, изумленные такой вопіющей несправедливостью, и крѣпко винили Бибикова за такое рѣшеніе.—Нѣтъ, друзья мои, отвѣчалъ имъ я: Бибиковъ тутъ невиноватъ; онъ человѣкъ, и немудрено, если, обставленный клеветниками и лжецами, произнесъ на меня такой шемякинскій приговоръ. Погодите, можетъ быть, мы какъ нибудь и поправимся.—Я принялся за перо, а такъ какъ въ моемъ дѣлѣ всего важнѣе было выиграть время, то я сталъ просить генералъ-губернатора дать мнѣ отсрочку на подачу прошенія въ отставку. 20-го числа Анненковъ сквозь зубы изволилъ объявить мнѣ желаемое рѣшеніе отъ Бибикова; я остаюсь на должности до узаконеннаго времени, то-есть до генварской трети. Теперь, выигравъ время, я начну исподволь маневрировать и, Богъ дастъ, дамъ генеральное сраженіе, гдѣ разобью моихъ непріятелей, какъ Наполеонъ австрійцевъ при Маренго.

„А между тѣмъ меня произвели въ надворные совѣтники; бѣда только, что не знаю, чѣмъ заплатить за чинъ. Честь-то честь, да нечего ѣсть“...

Мы не исчерпали бы вполнѣ интересъ одиннадцатаго тома „Дневника“, если бы обошли молчаніемъ одну замѣтку, на первый взглядъ представляющуюся независимой отъ впечатлѣній, пережитыхъ Аскоченскимъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Рѣчь идетъ о критикѣ Іудина предательства. Замѣтка объ этомъ вызвана житейскими наблюденіями, подобно тому, какъ и приведенный выше этюдъ о юридическомъ образованіи обязанъ появленіемъ въ „Дневникѣ“ столкновенію его автора съ однимъ изъ питомцевъ спеціальнаго разсадника юридическихъ знаній въ Россіи. Подъ 22-мъ апрѣля 1850 года Аскоченскій пишетъ:

„Въ прошлый четвергъ, стоя на вечерни страстей Христовыхъ и вслушиваясь въ стихиры, пѣтыя въ разноголосицу, я сказалъ стоявшему подлѣ меня Абазѣ: „за что это бранятъ такъ бѣднаго Іуду?“

— Кого? сказалъ онъ, вытаращивъ на меня изумленные глаза.

— Іуду, отвѣчалъ я спокойно.

— Какъ за что? А Христа-то кто-жъ предалъ?

— Ну, что-жъ такое? Іуда.

— Такъ по вашему, что-жъ онъ такое?

— Порядочный человѣкъ, какъ вы, какъ я, какъ всѣ мы.

— Нѣтъ, ужъ покорнѣйше благодарю. Вотъ ученые!.. Вообразите, сказалъ онъ, обращаясь къ Розенбауму,—Аскоченскій-то защищаетъ Іуду. А? каковъ?

— Да-съ, отвѣчалъ Розенбаумъ своимъ холоднымъ размѣреннымъ тономъ:—точно, его бранить не за что. Вѣдь согласитесь, Аѳанасій Андреевичъ, что онъ исполнилъ то, что давно было рѣшено въ Божіемъ предопредѣленіи...

„Абаза не захотѣлъ дослушивать, махнулъ рукой и всталъ въ сторонѣ, повторяя про себя: вотъ-те и ученіе! вотъ вамъ и просвѣщеніе! Іуду не за что ругать,—г-мъ!

„Теперь мнѣ нечего дѣлать; до утрени далеко; спать не хочется; напишу-ка я кое-что объ этомъ предметѣ.

„Бѣднаго Іуду вотъ ужъ восемнадцать съ половиною вѣковъ всѣ ругаютъ и такъ, просто, и на-распѣвъ; а вѣдь никто не подумалъ разсмотрѣть его поступокъ этакъ, знаете, побезпристрастнѣй, юридически.

„Нѣтъ, кажется, надобности для справки излагать исторію такъ называемаго предательства Іуды,—кто ея не знаетъ; стало быть, приступимъ прямо къ трактаціи.

„Общее, вѣками утвердившееся мнѣніе, подкрѣпляемое, повидимому, свидѣтельствомъ священнаго писанія, есть то, что Іуда предалъ Іисуса Христа изъ видовъ корыстолюбія. У евангелиста прямо и съ намѣреніемъ говорится, что онъ корыстолюбецъ: ковчежецъ имѣяша, сказано, и вметаемое ношаше. Не будемъ винить евангелиста за такой взглядъ на вещи; глубоко огорченный мнимымъ предательствомъ, такъ страшно кончившимся, и чуждый мыслей, которыя унесъ съ собою несчастный Іуда въ позорную могилу, онъ не могъ смотрѣть иначе, не могъ оправдывать поступка своего товарища: но все-таки

нельзя не сказать, что выводить изъ этого обстоятельства корыстолюбіе Іуды—значитъ дѣлать saltus in concludendo. Точно, Іуда носилъ при себѣ „ковчежецъ", былъ, то-есть, кассиромъ, казначеемъ, домашнимъ артельщикомъ, но это былъ не секретъ; про это зналъ и Іисусъ Христосъ, и всѣ ученики; въ этомъ ковчежцѣ хранились деньги, которыми уплачивались за всѣхъ подати, какъ за самого Спасителя, такъ и за учениковъ, которыми искупались житейскія нужды всего этого семейства, отторгнутаго отъ ежедневныхъ своихъ занятій для проповѣдыванія Евангелія. Я даже нахожу въ назначеніи Іуды кассиромъ особенное довѣріе къ нему учителя и всѣхъ учениковъ его, особенную, извѣданную его честность, безкорыстіе и добросовѣстность. Согласитесь, что странно было бы называть воромъ того, кто хранитъ общественныя суммы съ-вѣдома самого общества; точно такъ же странно и неосновательно поставлять то обстоятельство, что Іуда былъ кассиромъ, въ укоръ ему и улику.

„Обращаюсь къ словамъ евангелиста: „вметаемое ношаше"; подъ вметаемое я разумѣю всякое доброхотное даяніе. А какъ вы думаете: много или мало могло быть этого вметаемаго? Мало, — если принять во вниманіе то, что, конечно, ни Спаситель, ни ученики его, не позволяли себѣ брать лишняго отъ доброхотныхъ даятелей; много, — если предположить усердіе и готовность даятелей. Спаситель между своими приверженцами имѣлъ не мало людей уважаемыхъ и богатыхъ,—стòитъ только припомнить Іосифа Аримаѳейскаго, Никодима и другихъ; Спаситель любилъ обращаться съ грѣшниками и мытарями—страшнѣйшими взяточниками, — а по заведенному порядку, грѣшники всегда богаче праведниковъ;—скажите-жъ теперь, пожалѣли бы они что нибудь для того, чтобы еще болѣе привязать къ себѣ великаго, чудодѣйственнаго ихъ Друга? Они разбивали драгоцѣнныя урны съ безцѣнными мастями, чтобъ помазать главу Іисусову; даже неслишкомъ достаточные люди изумляли самихъ учениковъ Христовыхъ богатствомъ своихъ жертвъ (припомните блудницу, омывшую ноги Іисусовы драгоцѣннымъ мνромъ, и тòлки при этомъ апостоловъ). Подумайте-жъ послѣ этого: если Іуда дѣйствительно изъ видовъ корыстолюбія предалъ Спасителя, то разсчетливо ли онъ поступалъ въ такомъ случаѣ? Не выгоднѣе ли ему было для удовлетворенія своей страсти тайкомъ собирать отъ доброхотныхъ даятелей? Не богаче ли бы онъ былъ, если бъ воровалъ изъ той кассы, которая была въ его собственномъ распоряженіи и которую, конечно, никто не контролировалъ? Согласитесь, что, предавая Іисуса Христа, онъ скорѣе терялъ, чѣмъ пріобрѣталъ. Посмотрите еще разъ исторію предательства Іуды и скажите: долго ли длились переговоры Іуды съ жидами?.. Обстоятельство, какъ хотите, не маловажное. Его не упустили бы изъ виду евангелисты, чтобы показать низость предателя и постыдную злобу враговъ Христа; а вмѣсто того, чтò вы видите? Іуда соглашается принять самую низкую цѣну, цѣну—

замѣтьте — **раба**, тогда какъ Спаситель былъ изъ царскаго колѣна Давидова, что, конечно, небезъизвѣстно было и архіереямъ іудейскимъ; тогда какъ, говорю, сами фарисеи и книжники называли его учителемъ, возводя его, такимъ образомъ, изъ толпы, и ставя наравнѣ съ собою, Іуда съ перваго слова беретъ 30 сребренниковъ (цѣнностью немного больше нашего полтинника)—плату ничтожную, за которую, даже при тогдашней дешевизнѣ мѣстъ городскихъ, едва можно было купить землю для погребенія странныхъ. Согласитесь, что если Іудою дѣйствительно руководило корыстолюбіе, то захотѣлъ ли бы онъ довольствоваться такими пустяками? Да запроси онъ тысячу, десять, тридцать тысячъ сребренниковъ, — іудеи съ радостью дали бы ему! Они рады были этому случаю, потому что доселѣ никакъ не удавалось имъ врасплохъ напасть на ненавистнаго имъ Христа, который въ послѣднее время, какъ видно изъ Евангелія, тщательно скрывался отъ ихъ преслѣдованія и являлся не иначе, какъ среди дня, и окруженный уважавшимъ его народомъ. Само собою открывается теперь, что настоящій корыстолюбецъ не упустилъ бы воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ.

„Кто знаетъ корыстолюбцевъ, тотъ не станетъ спорить, что пріобрѣтеніе золота для нихъ выше всего, что эта страсть убиваетъ въ нихъ всякую мысль, всякое благородное чувство. Есть и бывали примѣры, что не дрожала рука корыстолюбцевъ, продавая дѣтей своихъ. подписывая кровью обязательство (положимъ, воображаемое) на свою собственную душу. То ли мы видимъ въ Іудѣ? Онъ беретъ ничтожную плату; онъ съ ужасомъ видитъ потомъ, что неожиданно предалъ кровь неповинную, и бросаетъ сребренники къ ногамъ архіереевъ; онъ возненавидѣлъ самого себя и погибъ страшною смертью. Что жъ его привело къ тому? Раскаяніе, скажете? Но помилуйте, вѣдь онъ не боялся же мысли о предательствѣ, онъ свыкся съ нею, что жъ ему было отчаяваться, когда онъ видѣлъ, что съ Іисусомъ поступаютъ такъ, какъ онъ предлагалъ? И развѣ теперь только могъ онъ увидѣть, что предаетъ праведника? Развѣ прежде сего онъ не былъ убѣжденъ въ святости своего Божественнаго Учителя? По крайней мѣрѣ, укажите мнѣ хоть слѣдъ противнаго сему убѣжденія! Иначе, что могло бы удержать Іуду взвести извѣтъ на предаваемаго? Однако, онъ ничего такого не дѣлаетъ, винитъ лишь самого себя и погибаетъ отъ петли. Воля ваша, а злодѣи и корыстолюбцы къ этому неспособны! Еще не было примѣра, чтобъ какой нибудь изъ нихъ повѣсился оттого, что ему удалась подлая его афера. Отнимите у него золото,— онъ, пожалуй, повѣсится; а при своихъ сокровищахъ и особенно еще при осязательномъ умноженіи ихъ—онъ и съ естественной смертью будетъ бороться. Такъ ли я говорю?

„Теперь вопросъ: что жъ заставило Іуду поступить такъ ужасно съ своимъ благодѣтелемъ, съ своимъ Божественнымъ Учителемъ? Для того, чтобъ отвѣчать на это, я начну немного издалека.

„У іудеевъ было общее мнѣніе, сохранившееся даже и между нынѣшними жидами, что Мессія придетъ затѣмъ, чтобы освободить народъ израильскій изъ неволи, собрать его изъ разсѣянія, сдѣлать его первымъ народомъ въ мірѣ, покорить все подъ ноги его и назваться самому царемъ іудейскимъ. Мысль эта была и между учениками Спасителя. Апостолы Іаковъ и Іоаннъ просили Іисуса, чтобы онъ посадилъ одного изъ иихъ о-десную, а другаго о-шую себя, когда сядетъ на престолъ славы. Эту мысль насмѣшливо выразилъ въ крестной надписи Пилатъ. Этой мыслью руководились впослѣдствіи толпы, пристававшія къ архіереямъ, обольщавшимъ ихъ всемірнымъ владычествомъ; въ этой мысли древніе іудеи съ презрѣніемъ называли христіанъ рабами распятаго. Какъ бы это, однако жъ, ни было, но никто противъ того не станетъ спорить, что и Іуда былъ не чуждъ этого убѣжденія. Изъ послѣднихъ поступковъ его видно, что онъ былъ человѣкъ характера пылкаго, рѣшительнаго. Онъ видѣлъ своими глазами опыты чудодѣйственной силы своего Учителя; въ ликѣ прочихъ апостоловъ исповѣдалъ его Мессіею и Богомъ, ибо иначе онъ не былъ бы избранъ Спасителемъ; онъ не отставалъ отъ Христа ни на шагъ и слышалъ не разъ тайную Его бесѣду о царствіи, котораго онъ, какъ и всѣ прочіе апостолы, хорошенько не могъ уразумѣть самъ собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вооружается на Спасителя злоба и безвѣріе, чѣмъ далѣе, тѣмъ смареннѣе показываетъ себя Сынъ Божій, запрещая даже исцѣленнымъ говорить объ немъ и скрываясь, какъ обыкновенный человѣкъ, отъ преслѣдующихъ его враговъ. Онъ началъ уже скучать такою неопредѣленностью положенія своего Учителя: „чѣмъ это все кончится“, думалъ онъ,—и рѣшился, тайно отъ всѣхъ, подвинуть дѣло къ концу. Видя, что ужъ наступаетъ послѣдняя Пасха, а Учитель все еще не объявляетъ себя Мессіею, и будучи совершенно убѣжденъ, что Христу недостаетъ только сильныхъ побужденій, чтобы обнаружить во всей славѣ божественную силу свою, онъ приготовляетъ рѣшительный ударъ, вызывая всю злобу людскую на борьбу съ непобѣдимою властью Бога; онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что Учитель восторжествуетъ и явится тѣмъ, чѣмъ, по понятію его и всѣхъ вообще, онъ долженъ быть. Въ душѣ его образуется странный замыселъ предательства, и онъ таитъ его отъ всѣхъ.

„Я постараюсь доказать, что именно эта мысль руководила Іуду въ его предательствѣ. Замѣтьте, въ Іудѣ не вдругъ обнаружилась она; она росла и образовывалась въ немъ долго: Спаситель задолго передъ страданіемъ не разъ повторялъ въ кругу учениковъ своихъ: „единъ отъ васъ предастъ мя“. Нельзя представить себѣ, чтобы такое ласковое, тихое, незлобное предостереженіе не тронуло души человѣка, столь способнаго къ раскаянію, слѣдственно, такъ чувствительнаго, если онъ дѣйствительно таилъ въ себѣ злобный умыселъ на жизнь своего друга и благодѣтеля. Іуда, однако жъ, не смущается;

онъ упорно таитъ свой замыселъ отъ изумленныхъ учениковъ и думаетъ такъ: „пусть себѣ учитель говоритъ теперь, чтò хочетъ; увидитъ послѣдствія моихъ мыслей и похвалитъ меня". Между тѣмъ, неоднократныя напоминанія объ этомъ со стороны Спасителя страннымъ образомъ ускорили развязку. Раздражая пылкаго Іуду, эти напоминанія заставили его, наконецъ, опасаться, чтобы замыселъ его не обнаружился преждевременно и не кончился бы ничѣмъ. Озадаченный уже прямымъ указаніемъ Христа, подавшаго ему хлѣбъ, омоченный въ солило, и открыто назвавшаго его предателемъ, Іуда въ ту жъ минуту встаетъ изъ-за стола и выходитъ... Замѣтьте: въ виду всѣхъ; является къ архіереямъ и условливается съ ними: „Что ми хощете дати и азъ вамъ предамъ его?" говоритъ онъ. Если бы въ эту минуту спросили его архіереи: что его заставляетъ дѣлать это? Іуда навѣрное не нашелся бы, чтò сказать. Но іудеи страшно обрадовались этому случаю; они тотчасъ же дали ему стражу и Іуда является въ саду Гефсиманскомъ. Поцѣлуй показалъ воинамъ того, кто имъ былъ нуженъ. Къ слову сказать: поцѣлуй этотъ обезславленъ въ высшей степени; но все зависитъ отъ того, съ какой точки мы смотримъ на вещи. Конечно, для воиновъ онъ былъ знàкомъ условнымъ, но въ сущности для самого Іуды, дѣйствовавшаго въ настоящемъ случаѣ сообразно сказанной мысли, онъ, быть можетъ, не болѣе значилъ, какъ поцѣлуй, которымъ мы искренно иногда напутствуемъ любимаго друга нашего на славное поприще... Предубѣжденіе много значитъ!..

„Надобно замѣтить, что въ словахъ Спасителя, обращенныхъ къ Іудѣ насчетъ предательства, никогда не было упрека. Только на послѣдней вечери обнаружилось какъ будто нѣкоторое нетерпѣніе. Вслѣдъ за кускомъ хлѣба, поданнымъ Іудѣ, Господь говоритъ ему: „еже твориши, твори скоро!" Что могъ подумать Іуда? Или то, что учитель его не понялъ, или что тайный замыселъ ему извѣстенъ уже. Въ послѣднемъ случаѣ не могъ ли онъ принять этихъ словъ одобреніемъ своей мысли! Никто изъ прочихъ учениковъ не обнаружилъ безпокойства; самъ Спаситель съ пѣснею вышелъ на гору Елеонскую. Все, повидимому, шло какъ нельзя лучше.

„Между тѣмъ Іуда, показавъ воинамъ, кого имъ нужно, говоритъ: „ведите его сохранно"; въ подлинникѣ: „осторожно, не зѣвайте!"— чистая насмѣшка Іуды надъ стражей. Онъ какъ бы такъ говоритъ: „не будьте безпечны, не полагайте, чтобы я предалъ вамъ простаго человѣка: если онъ въ рукахъ у васъ, то не думайте, чтобы дѣло было кончено: это Богъ, это лицо всемощное, чудодѣйственное". Іуда хитрилъ, какъ хитрятъ политики, допускающіе зло для многихъ благъ.

„Но не таковъ и страшенъ былъ оборотъ этого дѣла. Спаситель началъ горькій путь страданій. „Тогда,—говоритъ евангелистъ,—видѣвъ Іуда, предавый его, яко осудиша его, раскаявся, возврати тридесять сребренниковъ архіереямъ и старцемъ, глаголя: „согрѣшихъ,

предавъ кровь неповинную". Они жъ рѣша: „что есть намъ? Ты узриши". И повергъ сребренники въ церкви, отъиде и шедъ удавися". И будто это похоже на сребролюбца, на злаго предателя? Нѣтъ, Іуда горько обманулся; иначе не поразило бы его страданіе преданнаго имъ учителя, иначе бы онъ не дошелъ до отчаянія. Онъ ничего не сказалъ въ свое утѣшеніе; онъ самъ обвинилъ себя; это значитъ—уваженіе въ немъ къ своему учителю было то же, и любовь была та же; онъ точно раскаялся, но не въ злодѣяніи, котораго у него и въ умѣ не было, а въ ужасной ошибкѣ своей. На время онъ согласился казаться измѣнникомъ, но потомъ, когда увидѣлъ послѣдствія этого, не могъ пережить скорби своей...

„Понятна ли вамъ теперь ужасная участь Іуды? Понятно ли вамъ мое неудовольствіе на эти крики и вопли проклятія, которыми безъ малаго двѣ тысячи лѣтъ преслѣдуютъ память безпримѣрнаго въ мірѣ несчастливца? И вотъ съ какой точки объясняю я себѣ всѣ тѣ угрозы, которыя изрекалъ въ послѣдніе дни жизни своей Божественный Искупитель на одного изъ любимѣйшихъ учениковъ своихъ: „Горе человѣку, — говорилъ Онъ, — имъ же сынъ человѣческій предастся! Унѣ было бы ему не родитися на свѣтъ!" Его полному любви и милосердія сердцу больно было видѣть грядущую участь ученика своего; прискорбно знать, чѣмъ завершитъ онъ неразумный свой замыселъ. Какъ часто, размышляя о подобныхъ вещахъ, я грустно жалуюсь на ближнихъ своихъ! Люди, люди! Зачѣмъ вы судите тѣхъ, кто ужъ не вашъ, кто ужъ въ рукѣ Божіей? Зачѣмъ вы бросаете камень, гордясь мнимой своей непорочностью? Пусть всякій въ христіанскомъ смиреніи осмотритъ кругомъ себя и скажетъ: не бывали ли въ жизни его минуты, когда онъ былъ хуже проклинаемаго имъ Іуды?

„Но, защищая гонимаго, я не беру его безусловно подъ свое покровительство. Іуда не виноватъ въ корыстолюбіи—это такъ; Іуда не виноватъ въ умышленномъ предательствѣ—и это такъ, но виноватъ онъ, во-первыхъ, въ своевольномъ вмѣшательствѣ въ неисповѣдимые пути промысла Божія; виноватъ въ страшномъ отчаяніи, погубившемъ и тѣло, и душу его. По мнѣнію св. отцевъ церкви, Іуда могъ бы спастись, если бы не предался отчаянію. Тотъ, кто простилъ трижды отрекшагося Петра, кто не осудилъ всѣми осужденную блудницу, кто проповѣдывалъ, и самъ былъ всесовершенная любовь, кто на крестѣ молился за своихъ (враговъ) распинателей,—тотъ нашелъ бы въ отеческомъ сердцѣ своемъ еще много любви, чтобы приласкать и забыть страшную ошибку своего избраннаго ученика. Іуда убоялся раскрывшейся предъ нимъ бездны, не съумѣлъ удержаться на краю оной—и погибъ, навѣки погибъ!..

„Не судите, да не судимы будете! Имъ же бо судомъ судите, судятъ и васъ", сказалъ Спаситель.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



„ЛИХОЛѢТЬЕ" [1]).

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

V.

„Только намъ пособитъ,
Только намъ поможетъ
Постъ и молитва,
Слезы-покаянье!
Слезы-покаянье
Душамъ на спасенье".
(„Стихъ о Егоріи Храбромъ").

Другой годъ пошелъ съ того времени, какъ молодая красавица, Наталья Іоновна, единственная дочь знатнаго боярина Ферапонтова, скрылась вмѣстѣ съ своимъ глубокимъ горемъ о погибшемъ любимомъ ею человѣкѣ въ стѣнахъ курскаго женскаго монастыря. Подъ вліяніемъ своего духовнаго учителя, игумена Манассіи, проникнутаго строгими книжными идеалами жизни и человѣка, юная боярышня возрасла въ уединеніи своего дѣвичьяго терема, вдали отъ мірской суеты, воспитанная чтеніемъ о духовныхъ подвигахъ инокинь-княженъ, въ родѣ Ефросиніи Полоцкой, устроившей монастырь и постригшейся въ немъ вмѣстѣ съ сестрами своими—Гориславой и Звениславой, и двумя племянницами. „Иноческій образъ" сталъ для нея высшей цѣлью жизни, и съ сладкимъ сердечнымъ

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.", т. IX, стр. 53.

замираніемъ она рано стала называть себя „Христовою невѣстою“, старательно избѣгая помысловъ о „женихѣ земномъ“, помысловъ, которые она считала грѣховными. Начитанная въ исторіи православной церкви, Наталья знала, что многія инокини, заслужившія соборной памяти, были московскія княгини, какъ напримѣръ: Ульяна, супруга Калиты; Александра, супруга Семена Ивановича; Евдокія, супруга Донскаго героя; Софья, супруга Василья Дмитріевича; Марія, супруга Темнаго; что изъ нихъ княгиня Евдокія Донская „постави на Москвѣ церковь каменну зѣло чудну“, Вознесенскій монастырь. Много, знала Наталья, инокинь было изъ великокняжескихъ родовъ: суздальскихъ, тверскихъ, рязанскихъ. Дочь своего вѣка, она и домашнюю „господарскую“ жизнь понимала только какъ воплощеніе монастырскаго устроя съ его благочестивыми взглядами на женщину, съ его отвращеніемъ къ соблазну и суетѣ мірской. Понятно, что древнее благочестіе создало теремъ съ его нравственными началами и замкнутостью женскою, которыя тѣсно граничили съ религіозными уставами русскихъ монастырей и ихъ отчужденіемъ отъ общества.

Такая чистая женская душа, такое глубокое религіозное женское сердце, такая высокая помыслами дѣвушка, какъ Наталья, полюбя, какъ ей казалось, противъ своей воли, стоялаго курскаго голову, Глѣба Верещагина, могла полюбить его только горячо, забывъ себя. Смерть любимаго человѣка была ударомъ грома, разразившимся надъ ея молодою головою. Только теперь, потерявъ его навсегда, она узнала, что его любитъ, почувствовала весь ужасъ своего положенія, всю безъисходность тоски по немъ. Отъ одного Бога; милостиваго и всевидящаго, ждала она теперь своего спасенія отъ охватившаго ее страха жить, когда жизнь постыла! Со смертью Глѣба, показалось ей, умерла и она. Въ новомъ, какъ бы черномъ погребальномъ цвѣтѣ, казалось теперь ей все, что она видѣла и понимала. Въ столь тяжкое время только игуменъ Манассія могъ врачевать ея больную женскую душу и снова обратить ее къ забытой молитвѣ, возстановить въ ея глубокой душѣ пошатнувшіеся на время идеалы вѣчной, загробной жизни. И она оправилась; христіанка въ ней осилила любящую женщину, оплакивающую гибель своего милаго. Только игуменъ да мамка, да ея сердце, знали грустную исторію ея женскаго чувства, которую вмѣстѣ съ собой она похоронила въ курскомъ женскомъ монастырѣ. Молитва и милостыня—теперь ея духовная пища, главное и неизмѣнное дѣло ея жизни, Божій долгъ, который она обязана, какъ христіанка, уплачивать каждый день.

И вотъ молодая красавица-черничка въ глубокомъ смиреніи предалась своей новой обязанности. Теперь она Христова невѣста. Раньше всѣхъ она у заутрени, не пропускаетъ ни обѣдни, ни вечерни, ни навечерницы, ни полунощницы, ни часовъ. „Церковное правило“ не мѣшало молодой черницѣ исполнять и келейное радѣніе: у себя въ кельѣ, длинными до безконечности осенними или зимними вечерами,

когда въ ставню ея окна мелкой дробью билъ дождь или морозный снѣгъ, она читала житія святыхъ и, кромѣ того, на каждый день поучительное слово изъ сборника, называвшагося „Златоустомъ“; писала масляными красками иконы, шила священническія ризы, эпитрахили, рясы старицамъ... Молодая черница, какъ „клирошанка“., то-есть какъ пѣвчая на клиросѣ, скоро сдѣлалась украшеніемъ святой обители и гордостью монастырскихъ „матерей“ и „сестеръ“. Престарѣлая мать игуменья, честная старица „Сандулея“, въ глубокомъ умиленіи взирала на строгій подвигъ юной сестры Нимфодоры и при всякомъ случаѣ справедливо ставила ее въ примѣръ всѣмъ сестрамъ обительскимъ. Разумная старица не только радовалась пріобрѣтенію такой „досужей“ на все, то-есть талантливой чернички, но полюбила ее какъ дочь родную. Такъ какъ ветхая брусяная келья игуменьи зимою и въ холода не держала болѣе тепла въ той степени, въ которой старыя кости изсохшей игуменьи нуждались съ каждымъ годомъ сильнѣе, то она охотно, по предложенію сестры Нимфодоры, перебралась къ ней, въ ея просторную, теплую, удобную келью. Здѣсь эти двѣ женщины, одна—на зарѣ своей жизни, другая—на ея закатѣ, связанныя тѣсными, нерасторжимыми узами общаго христіанскаго подвига, скоро сжились какъ бы въ одно духовное существо, одна другую взаимно восполняя. Мать игуменья зимою хворала постоянно, „неможилась“. Ноги у ней въ холода пухли и она ходить не могла,—была „ногами зѣло скорбна“, какъ она жаловалась обыкновенно; поэтому она, въ послѣдніе свои годы, всю зиму не вставала съ горячей изразцовой лежанки, на которой и молилась, и спала, и обѣдала. Обителью правила мать казначея, Ироида, извѣстная между своими болѣе подъ именемъ матери „Ироидищи“. Тѣмъ не менѣе, обительскіе строгіе порядки ни въ чемъ не нарушались и не ослаблялись: такъ боялись всѣ черницы, начиная съ матери казначеи и до послѣдней обительской послушницы, старой обезножившей матери игуменьи. Она не „избывала правительственной докуки“ и зорко слѣдила со своей горячей лежанки за всѣмъ, что дѣлалось въ стѣнахъ обители, до самыхъ мелочей. Она знала сейчасъ же, за что побранилась сестра Сусанна съ сестрой Маріей и въ какихъ именно словахъ заключалась эта брань; почему мать хлѣбодара Таисія пропустила полунощницу; какія подозрѣнія волнуютъ обительскихъ черницъ по поводу того, что молодая, краснолицая сестра Васса, купеческая внучка, пробыла у колодца, на Тускари, гораздо дольше, чѣмъ нужно для того, чтобы сойти съ крутой горы внизъ, набрать воды въ ведра и съ ними подняться обратно на крутую гору въ обитель черезъ заднюю калитку; справедливѣе и вѣрнѣе всѣхъ въ обители разумная игуменья могла разобрать основательность или неосновательность подозрѣній, падающихъ на молодую голову сестры Вассы, и если эти подозрѣнія подтверждались собранными, по поводу ихъ сейчасъ же свѣдѣніями,—гнѣвъ игуменьи и строгое наказаніе

слѣдовали за проступкомъ немедленно. Виновную или запирали на цѣлую ночь въ церкви, гдѣ она должна была передъ образомъ Божіей Матери на колѣняхъ вслухъ читать богомольное правило; или даже замыкали въ холодную каменную круглую башню, одну изъ четырехъ, возвышавшихся по четыремъ угламъ высокой каменной обительской стѣны. Получаемыми свѣдѣніями старая мать игуменья была много обязана усердію старицы Илларіи, въ мірѣ бывшей мамки боярышни Натальи и жившей при ней неразлучно. Такъ какъ келья сестры Нимфодоры состояла изъ четырехъ свѣтлицъ, то каждая изъ жившихъ вмѣстѣ черницъ, — мать игуменья, сестры Нимфодора и Илларія, занимали особую свѣтлицу, четвертая же, украшенная богатою образницею съ неугасаемою лампадаю и аналоемъ съ молитвенными и духовными книгами, дубовымъ столомъ и липовыми съ узорочьемъ лавками, служила имъ моленною и трапезною. „Приспѣшная", гдѣ готовила старица Илларія, отдѣлялась отъ общей кельи просторными, свѣтлыми сѣнями. Изъ сѣней дверь вела на широкое крыльцо, съ красиво обдѣланными въ видѣ кувшиновъ, продолговатыми, изъ толстыхъ липъ колоннами, съ искусно точенымъ дубовымъ балясникомъ и широкою дубовою лѣсенкой, на монастырскій дворъ, прямо противъ боковой двери собора. Само собой разумѣется, что старица Илларія, обнаруживавшая замѣчательную неутомимость въ преслѣдованіи молодыхъ черницъ, чѣмъ особенно заслужила расположеніе старой матери игуменьи, незамедлила сдѣлаться пугаломъ обители, и ея сообщества старательно избѣгали тѣ изъ молодыхъ черницъ, которыя имѣли какой нибудь поводъ бояться заключенія въ холодной наугольной башнѣ.

— Дѣвушка, дѣвушка! Всякъ бы тебя вѣдалъ, да не всякъ видѣлъ, не садись къ окошку, сядь къ сторонкѣ! заканчивала, бывало, поговоркой старица Илларія свое нашептыванье матери игуменьѣ про какую нибудь молодую провинившуюся черницу.—Вѣстимо: „злая жена хвалима—высится, охулима—бѣсится".

— Прельстившаяся блудница, Иродіада! качая неодобрительно сѣдой головой, замѣчала обыкновенно мать игуменья, обдумывая, какому бы наказанію подвергнуть провинившуюся черницу:—женское дѣло прельстивое, прельстивое — перепадчивое. Недаромъ писаніе гласитъ: „Егда велія дщерь часто изъ дому исходитъ, то велій срамъ и безчестье отцу и матери и всему роду принесетъ. Блаженни дщери, малоглаголющи, а много разумѣющи".

Днемъ, въ часы между церковною службой, обязательной для всѣхъ черницъ, сестра Нимфодора учила грамотѣ, цифири, Закону Божію тѣхъ изъ послушницъ, которыя поступили въ обитель неграмотными, почему и называлась „наставницей". Какъ ни старалась сестра Нимфодора, никакъ не могла свыкнуться съ тѣми условіями своей новой монастырской жизни, которыя казались ей несовмѣстными съ обѣтами иночества. Начиная съ самой игуменьи, матери „Сандулеи", ста-

рицы и послушницы невольно отталкивали ее отъ себя своимъ мірскимъ характеромъ, проявлявшимся на каждомъ шагу; присмотрясь къ нимъ ближе, строгая молодая подвижница убѣдилась, какъ розно съ нею смотрятъ онѣ на свои обязанности: отбывъ церковную службу, какъ докучную и привычную формальность, черницы, старыя и молодыя, торопились по кельямъ или въ городъ, гдѣ черная ряса не мѣшала имъ проявлять свои наклонности и вкусы и предаваться препровожденію времени, часто вовсе не безгрѣшному. Обительскія стѣны укрывали, повидимому, тѣхъ же мірянокъ; только эти мірянки черной рясой и ханжествомъ прикрывали свою лѣность, свою негодность быть хорошей семьянинкой, свое плотоугодничество. Такое общее лицемѣріе женщинъ, давшихъ торжественный обѣтъ „отвергнуться міра, и спасаться въ „Богѣ живомъ“, возмущало и волновало честную и глубокую душу сестры Нимфодоры. Ни въ комъ, даже въ матери игуменьѣ, не видѣла она примѣра подвижничества, достойнаго подражанія. Того ли искала она, что̀ нашла въ монастырѣ? Невѣжество, злословіе, чревоугодіе, завистъ, тунеядство и всѣ пороки мірскихъ женщинъ; и при этомъ нѣтъ ни любви, ни чувства долга, ни тяжелыхъ обязанностей мірскихъ матерей и женъ!.. Для сестры Нимфодоры было ясно, что не служеніе высшей правдѣ, не исканіе „Бога-жива“ собрали здѣсь, въ монастырское общежитіе, эту жадную и грубую, разнохарактерную женскую толпу. Чисто мірскія побужденія привели ее въ монастырь и, назвавшись служительницами Бога, черницы по прежнему оставались мірянками. По своей ограниченности, по своему невѣжеству, онѣ даже не могли возвыситься до пониманія всей святости и чистоты принятыхъ ими на себя передъ небомъ обязательствъ. Попасть подъ „монастырскую руку“, то есть пользоваться спокойною и обезпеченною жизнью въ монастырѣ,— вотъ изъ за чего прежде всего стремились русскіе люди въ монастыри, въ тѣ тяжелыя и опасныя времена. Немногіе изъ тогдашнихъ многочисленныхъ русскихъ монастырей были святыней православія, хранителями нравственной чистоты и скудныхъ книжныхъ свѣдѣній, ожидавшихъ еще для своего развитія и распространенія въ народѣ болѣе спокойнаго и отраднаго времени; только немногіе монастыри, въ родѣ Кіево-Печерской лавры, Троицы-Сергія, Соловецкой обители св. Зосимы и Савватія, имѣли въ то время это важное значеніе; изъ этихъ основъ православія, въ годины народныхъ бѣдствій, шли въ міръ идеи правды, добра, нравственная и матеріальная поддержка русскимъ борцамъ за русскую церковь и государство. Большинство тогдашнихъ русскихъ монастырей наполнялись людьми, бѣжавшими міра изъ чисто мірскихъ побужденій. Не только чернецы и черницы пользовались широкими льготами, даже подмонастырскія слободы, „служки“, вызывали въ „черномъ“ народѣ невольную зависть тѣми относительными преимуществами, которыми пользовались. Несмотря на отмѣну „Судебникомъ“ тархановъ, подмонастырскія села не от-

бывали государственнаго тягла, ставшаго уже несноснымъ для народной безправной и обездоленной массы. Монастырскія служни не знали яма, подводъ, тамги, мыта, вѣсчего, побережнаго; не строили намѣстничаго двора, не ходили въ княжеской облавѣ на медвѣдя; не оставались у нихъ по дворамъ царскіе псари и сокольники, кормовъ съ нихъ не брали, псовъ они не кормили; ѣздоки (гонцы) и служилые люди у нихъ не останавливались. Особливо по душѣ приходились народу монастырскія „несудимыя грамоты". Послѣ сказаннаго будетъ понятенъ читателю наплывъ „чернаго" народа въ подмонастырскія служни и въ самые монастыри. Хозяйственная игуменья, мать Сандулея, не смотря на свою „хворобу", сумѣла извлекать доходы съ своей „поратской" монастырской волости, хотя волость эта была отъ Курска не близко, на полдня ходьбы; село Виногробля, съ мѣльницею, лѣсными и рыбными привольями по рѣкѣ Виногроблѣ, обильно снабжали монастырскія кладовыя; а на готовое въ это время охотно шли въ монастыри мужчины и женщины; не по призванію, а по грубому мірскому разсчету надѣвалась черная ряса, и не сердце, утомленное страданіемъ, а лживый языкъ давалъ обѣтъ подвижничества и постничества. Въ описываемое время женскій курскій монастырь представлялъ своими высокими каменными стѣнами надежную крѣпость, примыкавшую къ „великому" городскому острогу. Соборная церковь Преч. Богородицы была „деревянна", крыта тесомъ, шатромъ, съ желѣзною главою, трапеза же и паперть также подъ тесомъ. Кельи безпорядочно толпились кругомъ собора, подъ соломенными и лубяными крышами; за монастырской стѣной, надъ самымъ обрывомъ высокаго берега, стоялъ дворъ бѣлаго попа „Елинарха" (Иринарха), священника обительскаго, престарѣлаго вдовца и духовника.

Старая мать игуменья изумляла сестру Нимфодору своею скупостью и безсердечіемъ. Она считала себѣ 70 лѣтъ, но свѣдущія старицы утверждали что ей за 80. Ни одна черница, даже самая бѣдная или дряхлая, не получала отъ нея никакой помощи. Всѣ „кормились и одѣвались" трудами рукъ своихъ. Если нерѣдко молодыя черницы заработывали свое дневное пропитаніе и прочее несовсѣмъ монашескимъ способомъ, согрѣшая за обительскою стѣною, суровой старухѣ до этого не было дѣла,—лишь бы „шито да крыто", да въ обительской бы жизни соблазну не было. Зато малѣйшую провинность въ обители, нерадѣніе къ службѣ церковной, ослушаніе—она карала съ неизмѣнною жестокостью, повидимому доставлявшею ей удовольствіе. Она любила заставлять иногда сестру Нимфодору отпирать свой большой крашеный сундукъ и перебирать свой скарбъ, причемъ молодая сестра не мало дивилась, конечно про себя, какъ дряхлая старуха помнитъ всякій свой лоскутъ, всякую свою денежку. „Свой глазокъ—смотрокъ, дочка", говаривала мать игуменья: „таиться не хочу: съ ящичкомъ у меня рука-то: что зажму — не оброню".

Старуху сестру Илларію мать игуменья незамедлила повернуть въ свою батрачку, какъ ни обижалась этимъ заслуженая няня бывшей боярышни.

Отошла всенощная. Наступила темная зимняя непогодная ночь. Сильный вѣтеръ съ Тускари гудѣлъ и свистѣлъ. Мать игуменья охала „отъ ногъ" на лежанкѣ. Сѣдая голова ея утонула въ мягкихъ, высоко взбитыхъ подушкахъ; больныя ноги въ теплыхъ чулкахъ были прикрыты заячьей шубкой. Бѣлый и жирный котъ, жмурясь, лѣниво мурлыкалъ въ углу на лавкѣ. Старая Илларія затворила ставни; сестра Нимфодора, зажегши сальную свѣчу, монастырскаго литья, въ жестяномъ поставцѣ, присѣла съ книгой къ столу и, перекрестясь и получивъ благословеніе матери игуменьи, стала вслухъ читать рукопись мниха Григорія — „Житіе Василія Новаго", гдѣ описывались „Хожденія Өеодоры по мытарствамъ".

Шумъ шаговъ на крыльцѣ и вслѣдъ за тѣмъ легкій стукъ въ запертыя изъ-внутри засовомъ двери, прервали чтеніе на интересномъ мѣстѣ. Сестра Нимфодора и мать игуменья, прислушиваясь къ этому стуку въ дверь, молча переглянулись, словно другъ друга спрашивая: что это значитъ? кому бы это въ ночную пору?

Старица Илларія, поклонясь въ поясъ матери игуменьѣ, съ глубокимъ смиреніемъ послушницы и постницы, молча ждала приказанія игуменьи.

— Отвори, старица! съ ѳханьемъ и нехотя, съ видимой досадой на позднее посѣщеніе, приказала мать игуменья и поправила около себя мягкія подушки.

Старица Илларія не замедлила ввести за собою женщину, еще молодую и красивую, въ мѣховой короткой шубкѣ, подпоясанной бѣлымъ кушакомъ, въ красныхъ черевикахъ или сафьяныхъ сапогахъ, съ домодѣльнымъ шерстянымъ платкомъ на головѣ и палкой въ рукѣ. По ея раскраснѣвшемуся съ холода лицу и по тяжко и часто подымавшейся и опускавшейся высокой груди замѣтно было, что она очень устала и пришла издалека. Она набожно перекрестилась и поклонилась иконамъ, а потомъ отдала поклонъ матери игуменьѣ и сестрѣ Нимфодорѣ.

— Маруся! не утерпѣвъ, вскрикнула Нимфодора съ радостью, что видитъ казачку, изрѣдка посѣщавшую женскій монастырь и невольно напоминавшую бывшей боярышнѣ ея собственное прошлое.—Что ты?

Вмѣсто отвѣта, Маруся присѣла на лавку, тяжело переводя духъ и торопливо развязывая кушакъ, чтобы снять съ себя шубку.

— Что запоздала? или дѣло какое спѣшное, молодица? съ безпокойствомъ спросила пришедшую мать Сандулея.

— Дѣло есть, спѣшное, матерь игуменья, проговорила, наконецъ, бравая казачка. Бѣжала съ хутора,—близко ли?—сама себя не помню.

— Что такое? сказывай! и мать Сандулея съ трудомъ и оханьемъ

приподняла голову съ подушекъ и сѣла, нетерпѣливо слѣдя за казачкой, снимавшей платокъ и шубку.

— Напиться дайте, тетенька, Христа-ради, душенька во мнѣ зашлась, бѣжамши! обратилась къ старицѣ Илларіи казачка, очутившаяся въ красномъ, своего тканья сарафанѣ, обшитомъ по подолу широкой синей каймой, и въ бѣлой миткалевой сорочкѣ съ широкими рукавами, собранными у кисти на расшитые желтыми нитками бѣлые же нарукавники. Въ этомъ нарядѣ, въ желтомъ шелковомъ „чехликѣ“ на черныхъ какъ смоль, подобранныхъ на голову, волосахъ, съ румянцемъ, игравшемъ на ея смуглыхъ полныхъ щекахъ, съ черными, большими глазами, ярко блестѣвшими отъ внутренняго волненія, съ черными бровями дугой и характернымъ, съ горбиной, носомъ, — степная казачка предстала передъ строгими постницами и молитвенницами во всей красѣ, во всемъ соблазнѣ своей вольной мірской жизни. Она жадно выпила кружку мятнаго квасу.

— Спаси тебя Христосъ, бабочка! пробормотала, какъ заученное, старица Илларія въ отвѣтъ на благодарный поклонъ освѣжившейся казачки, принимая отъ нея пустую кружку.

— Прибѣжала я, грѣшная женка, къ тебѣ, мать честная игуменья Сандулея, съ вѣстями! обстоятельно, плавно начала казачка, обращаясь къ игуменьѣ. — А вѣсти тѣ плохія: опасные люди, воровскіе, на Курской городъ похваляются: копьемъ-де Курской городъ возьмемъ, и пограбимъ; и тѣ воровскіе люди въ собраніи, во многолюдствѣ. И тебѣ бы о томъ, честная мати игуменья, было бы вѣдомо. Затѣмъ за самымъ и прибѣжала я сюда; и ты бы, мати игуменья, на этихъ на моихъ плохихъ рѣчахъ — не осудила бы меня, грѣшную женку; для того, что бѣжала я себя не жалѣючи, убоясь: не учинили бы они дурна и поруху святому монастырю, и вамъ, старицамъ и черницамъ; а бѣжала я сюда съ вѣстями съ благословенья пустынника игумена Манассіи.

Какъ громомъ поразили эти слова мать игуменью. Сидитъ, словно пришибли ея черныя вѣсти, вытаращила старые глаза на казачку и не знаетъ: вѣрить ли ей, или не вѣрить,—такъ страшна и нежданна была принесенная ею вѣсть. Старица Илларія ахнула и заплакала. Сестра Нимфодора тоже растерялась. Живо вспомнился ей ужасъ татарскаго полона, оборванные мурзы, хищный кошъ,—все, что она пережила, пока не спасъ ее великодушный сотникъ Глѣбъ, рискуя для нея своею жизнью.

— За твое усердіе къ Божьей обители и къ намъ сиротамъ спаси тебя Христосъ, сказала, наконецъ, мать игуменья, собравшись съ духомъ:—въ плохихъ вѣстяхъ не виновна ты. Откуда только у тебя тѣ плохія вѣсти? сказывай: что и какъ, по ряду.

— Вчера, на-ранѣ, пріѣхалъ ко мнѣ Василій Васильевичъ мой, что Косолапомъ прозванъ.

— Онъ же убитъ! воскликнула въ испугѣ игуменья, поспѣшно

осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. — Господи помилуй! Господи помилуй! въ ужасѣ подхватила старица Илларія.

— Ужъ мертвые по свѣту ходить стали? Господи помилуй! продолжала игуменья, снова крестясь. — Дивныя дѣла сказываешь ты: въ умѣ ли ты?

Красивая казачка грустно покачала черноволосой головой и сказала, заплакавъ:

— За мертваго и я почла Василья, мать игуменья. И лучше бы ему вправду мертвымъ быть, въ сырой могилѣ лежать, чѣмъ по свѣту живымъ ходить съ своей великой неправдой... Вѣдь обусурманился онъ: литвиномъ одѣтъ и вѣру ихнюю поганую принялъ. Самъ сказывалъ: я де въ польскую вѣру пошелъ. Вишь, тогда-то объ его смерти слухъ прошелъ, яко бы убитъ подъ Москвой. И то неправда: замѣсто убитаго, вишь, четверо сутокъ раненый провалялся. А тамъ ожилъ, поднялся, добрый человѣкъ изъ чернецовъ же въ свой монастырь его свелъ, вылечили. Вылечась, онъ на Литву пробрался, сказывалъ: житье польское не въ примѣръ лучше нашего, русскаго; а польская вѣра-де справедливѣе нашей, православной.

— Богохульникъ! вѣроотступникъ! внѣ себя отъ ужаса вскричала мать игуменья, опять крестясь: — да будетъ онъ проклятъ въ сей и будущей жизни, во вѣки вѣковъ!

— Спаси, помилуй и защити насъ, Пресвятая Владычица Богородице! не слушали бы тѣ рѣчи мои уши! Господи помилуй! расплакалась старица Илларія, закрывая лицо руками, словно боясь видѣть навожденіе нечистой силы.

— Великій грѣшникъ! съ глубокимъ вздохомъ замѣтила сестра Нимфодора, сострадательно глядя на плачущую казачку, о грѣховной связи которой съ Косолапомъ она слышала.

— Пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы смутить меня, честныя вы черницы, благочестивыя богомольницы, продолжала казачка, не будучи въ силахъ сдержать крупныя слезы, катившіяся по ея румянымъ щекамъ. — Таиться не стану, любила я его — вотъ какъ! разсказать того нельзя, какъ я его любила. Грѣхъ мой съ нимъ знаютъ Богъ и добрые люди. Прослыша, что убитъ онъ, рѣкою я разлилася, горемъ-кручиною покрылася, людей и себя забыла! А онъ наѣхалъ вдругъ — не милымъ полюбовникомъ, — злымъ литвиномъ! отворотилося отъ него мое сердце, словно не отецъ онъ моего Ѳомки! угостила его — захмѣлѣлъ; во хмѣлю учалъ сказывать: со-де мной литва пришла, безъ малу тысяча; а съ Литвы литовскіе полковники спѣшатъ, по уговору, вмѣстѣ-де Курской городъ возмемъ; подъ литовскую руку-де его приведемъ и по самую по Оку-рѣку Поле отъ Москвы отберемъ на короля... Съѣхалъ Василій — въ ту жъ минуту побѣгла я, грѣшная женка, съ малымъ сыномъ сюда, въ Курской городъ, вѣсти вамъ тѣ плохія подать, берегли бъ вы себя отъ воровскихъ людей. Дорогою забѣжала къ игумену пустыннику. Игуменъ пустынникъ благословилъ

меня съ тѣми вѣстями, дабы святые храмы Божіи и народъ православный отъ воровскихъ людей не погибли. А болѣе того сказывать мнѣ нечего, честныя черницы, богомольницы. Все, что знала—сказала. Глядите теперь, какъ сами знаете. Не мнѣ, женкѣ глупой, васъ учить, учительныхъ богомольницъ!

Наступила глубокая тишина. Только слышны были тихій плачъ казачки, оханье больной игуменьи, да вскрики одурѣвшей со страха старицы Илларіи, повторявшей: „пропали наши головушки".

— Сестра Илларія! надумавшись, сказала мать игуменья своимъ строгимъ начальственнымъ голосомъ: — проводи сію мірскую женку къ воеводѣ градскому, да повѣдаетъ ему, чтȏ знаетъ, въ обереженіе святыхъ Божіихъ храмовъ и народа православнаго. Къ матери же казначеѣ Ироидѣ зайди, вели моимъ, игуменьи, словомъ врата и калитки обительскія въ крѣпости имѣть, ниже кого впускати въ обительскія стѣны... не мѣшкай, сестра, по слабости же своей женской возьми съ собою обительскаго мужика вооруженнаго: не обидѣли бы васъ ночнымъ временемъ.

Старица Илларія, несмотря на всю свою трусость и нежеланіе оставлять въ такую темень теплую келью, одѣлась въ свой мѣховой шугай, обвязала голову большимъ платкомъ и незамедлила подойти подъ благословеніе матери игуменьи вмѣстѣ съ одѣвшеюся казачкою.

— Богъ съ вами, грядите благополучны! напутствовала ихъ, благословляя, мать игуменья.—Вернись, женка, къ намъ ночевать! поужинаешь, проголодавшись въ пути-дорогѣ.

Когда игуменья осталась одна съ сестрой Нимфодорой, то приказала ей зажечь въ моленной страстныя свѣчи, накурить стираксой и ладономъ, и читать акафистъ Богородицѣ. Никогда еще не читала молодая черница съ такимъ одушевленіемъ эти нѣжныя, исполненныя высокой религіозной поэзіи, доступной даже простымъ сердцамъ, хвалбеныя пѣснопѣнія матери Божіей, какъ теперь. Къ концу чтенія акафиста, вернулась старица Илларія съ казачкой и донесла матери игуменьѣ о точномъ исполненіи ея приказа. Казачка поужинала и заснула крѣпкимъ сномъ здоровья и усталости. Мать игуменья рѣшила, чтобы имъ, черницамъ, не вечерять нынче, страхованія ради, а ночь провести въ постѣ и молитвѣ, причемъ велѣла старицѣ Илларіи затопить печь, такъ какъ только на горячей лежанкѣ чувствовала себѣ облегченіе. Распорядившись, какъ могла и умѣла, мать игуменья Сандулея почувствовала такую слабость, такой ознобъ, такъ жаловалась на боль въ ногахъ и колотилась лихорадкой, что сестрѣ Нимфодорѣ и безъ ея приказанія въ голову не приходила мысль лечь въ постель. Да и до того ли ей было? Спать она не могла: живое безпокойствс о томъ, чтȏ ждетъ святую обитель, укрывшую ее, и что будетъ съ ней самой, какъ ни крѣпилась она,—всецѣло овладѣло ею.

А холодная мятель бьетъ въ ставни, красный огонь пожираетъ съ

трескомъ дрова, въ трубѣ гудитъ и свиститъ вѣтеръ; мать игуменья охаетъ, жалуясь, что-де поясницу разломило и ноги ноютъ — къ невзгодѣ; старица Илларія плачется: пропали-де мы теперь всѣ, сироты горемычныя, посѣкутъ насъ воровскіе люди...

Монастырскій колоколъ уныло зазвонилъ къ полунощницѣ.

Само собой разумѣется, что вѣрный боярскій стремянной, Ивашка Ера, вернулся изъ Москвы къ своей „толстомясой бабѣ", Аринѣ Фектисьевнѣ, не съ пустыми руками, а съ туго-набитыми всякимъ добромъ торбами, мѣшками и тяжелымъ гаманомъ, гдѣ среди веселаго серебра блестѣли и золотыя польскія монеты. Пользуясь хвастливостью тороватаго муженька, не сумѣвшаго на радости свиданія скрыть денежную казну, домовитая баба припрятала ее „про черный день", да такъ умно и скрытно, что Ера, при всей своей вороватости, не могъ возвратить себѣ свой гаманъ. Сколько ужъ онъ ни шарилъ послѣ въ избѣ, въ клѣти, на задворкѣ—не нашелъ своего кошеля, врученнаго имъ „бабѣ", какъ теперь ему казалось, столь неблагоразумно. Въ этомъ сожалѣніи о припрятанномъ бабой сокровищѣ, какъ о неизсякаемомъ источникѣ добыванія хмѣльнаго, конечно, поддерживалъ своего пріятеля мрачный кумъ, кузнецъ Маркела.

— Были денежки, не уберегъ, чортъ! мрачно усмѣхался и злорадно упрекалъ Еру кумъ Маркела. — Бабѣ отдалъ! убить тебя за это мало, чорта!—и разчертыкался.

— Ну, что жъ теперича, куманекъ! весело отбрехивался Ера, не желая обнаружить передъ закадычнымъ пріятелемъ своей горести и даже своего срама: баба-де своя его надула. — Умѣй взять, умѣй и отдать... Не чужой отдалъ — женѣ; говоритъ: цѣлѣй у меня будутъ... А ты что присталъ? Какъ хочу, такъ и ворочу. Баба моя меня не обижаетъ: кажный день я у нея пьянъ, вотъ што!

— Чортъ! идолище! подзадоривалъ Еру хмѣльной кумъ-кузнецъ.— Развѣ бабье то дѣло—мужа въ поводу водить? хозяинъ пьянъ—и гостя долженъ стаканомъ не обноситъ!.. по закону! чортъ!..

Полёживая у себя на лавкѣ отъ бездѣлья, хмѣльный Ера вздумалъ стращать свою „бабу": дай-де Миколкѣ—сынишку шестнадцать годковъ сравняется, возьметъ онъ его съ собой на рать, на коня посадитъ: только она его видѣла!"

— Слышь, Миколка! весело подмигнулъ онъ своему уже плечистому сынишкѣ, бойко оскалившему зубы и глянувшему на отца дѣтскими, но уже вороватыми глазенками.

— Слышу, тячка! пойдемъ на рать! радостно встрепенувшись отозвался мальчишка.

Арина, бросивъ донце съ куделью и взявшись дюжими руками въ бока, глянула на хмѣльнаго мужа съ строгою усмѣшкою, не обѣщавшею ему ничего хорошаго.

— Будетъ-те языкъ чесать, непутящій! схватилась она съ нимъ.— А ты, коли отцомъ называешься,—не смущай, смутитель!.. Песъ ты лающій! бродяга бездомовный! вотъ ты кто!..

— Дрофа!—Ера при этомъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ осушилъ десятый по счету съ утра ковшъ крѣпкой домашней браги.— Не все ворчать, надо и помолчать.

Арина съ сердцемъ плюнула и имѣла явное намѣреніе вцѣпиться въ „виски" раздражившаго ее мужа.

— Я, мамочка, на рать пойду! похвалился Миколка, съ разгорѣвшимися глазенками.

— Головой на рати будешь! обнадеживалъ его отецъ.—Не великъ звѣрь, да лапистъ!

— Я те по шеѣ налажу со двора, бездомовникъ! накинулась на мужа Арина.—Ворожея какая, на-поди! Кабы ты его, луженая твоя глотка, родилъ, не смущалъ бы, смутитель! Съѣзжу я тебя по горбу полѣномъ—слышь?

— Слышу, Арина Фектисьевна! не оглохъ, благодарить Бога, и на ласкѣ твоей благодарны...

— Нѣтъ тебѣ у меня ни куска, ни угла, большеротый!.. убирайся изъ дома!.. слышь?..

— Слышу, Арина Фектисьевна!.. не буду! ну-те совсѣмъ! Ей Богу не буду!.. сказалъ: не буду!..

Храбрый на рати, Ера трухнулъ передъ женой, вправду, взявшейся было за полѣно; „про всякъ случай" онъ поторопился кончить одиннадцатый ковшъ жениной браги.

— Вотъ-те не буду! расходилась Арина, которую въ такія минуты—зналъ Ера—останавливать было не безопасно.

Не по-пусту разсердилась Арина. Праздныя рѣчи пьянаго мужа пугали материнское сердце страшнымъ призракомъ кровавой брани, угрожающей въ близкомъ будущемъ ея подростку-сыну. Довольно она насмотрѣлась на всякія страсти, на раззоренье и убійства. Довольно она скорбѣла въ долгое отсутствіе мужа, заранѣе его оплакивая; а тутъ вотъ родной отецъ пугаетъ ее: сына-де на рать возьметъ. Хоша-бы матернее сердце пожалѣлъ.

Несмотря на свою божбу, хмѣльный Ера снова присталъ къ Аринѣ, съ обѣщаніемъ взять съ собой на рать Миколку, когда подростетъ. Похвальба веселаго стремяннаго окончилась, какъ и ожидалъ онъ, для него „не въ пользу". Здоровая баба задала ему „вытаску" и выгнала его изъ избы по шеѣ полѣномъ, какъ обѣщала.

Ера, конечно, не унывалъ бы отъ такихъ пустяковъ, будь при немъ его кожаный гаманъ. Пошелъ бы себѣ въ слободу, въ кружало; кабачикъ „на совѣсть", то-есть въ долгъ, ему не вѣритъ, говоритъ: де „совѣсть свою пропилъ ты, Ивашенька, какая тебѣ вѣра". Завернулъ бы къ куму Маркелѣ: водка у него безпереводная; такъ срамотно: на смѣхъ все его подымаетъ кузнецъ — „дурака-де бьютъ, а

умный не суйся". Смуздалъ бы у хозяйки, изъ чулана, баклажку съ брагой, да завалясь на сѣновалѣ, потягивалъ бы такъ-то; хозяйка опять его полѣномъ встрѣтитъ. На силушку ушелъ... Осерчала...

Задумался Ера, постоялъ у своей запертой изъ-внутри двери, почесался, крякнулъ, поправилъ шапку, посвисталъ, оглянулся. Заговаривалъ въ немъ гулящій человѣкъ, прежняя удаль наталкивала его на похожденія. Авось кривая вывезетъ? надумался онъ и тронулся лѣсомъ въ слободу.

„Никакъ снѣжокъ попархиваетъ!" подумалъ гуляка, слѣдя за спорымъ снѣгомъ, летѣвшимъ бѣлыми хлопьями и шапками. И сталъ прислушиваттся. Въ лѣсу послышались ему среди мертвой тишины какъ бы конскій топотъ, разговоръ и сабельный звякъ. Не успѣлъ онъ сообразить—что̀ ему дѣлать, не спрятаться ли въ кусты? какъ на него изъ лѣсу выѣхалъ конный литвинъ въ позолоченномъ мѣдномъ шишакѣ, завернутый въ длинный плащъ, весь бѣлый отъ снѣгу. За нимъ, поодиночкѣ, на хвостѣ другъ за другомъ, слѣдовали на коняхъ жолнеры, облѣпленные мокрымъ снѣгомъ, въ мѣдныхъ шапкахъ, звеня саблями.

— Нелегкая ихъ нанесла! съ досадой подумалъ Ера, понимая, что теперь не спрячешься.

— Куда намъ къ боярину Ферапонтову на усадьбу проѣхать? спросилъ Еру, остановясь черноусый литовскій начальникъ. Чистый русскій выговоръ его не мало удивилъ Еру.

— Вамъ на что же къ боярину, паны? не утерпѣвъ, спросилъ словоохотливый боярскій стремянной,—по дѣлу вы къ нему какому?

— Если ты будешь меня спрашивать, вмѣсто того, чтобы отвѣчать мнѣ, я не ручаюсь за твою спину, лайдакъ! разсердясь, замѣтилъ черноусый панъ, внушительно взмахнулъ нагайкой.—Далеко ли боярская усадьба?

— И далеко, и близко, панъ, какъ пойдешь,—иноказательно отвѣчалъ Ера, обдумывая въ то же время, „съ какой масти ему пойти, и не козырнуть ли? потому что дѣло будто что не ладно: зачѣмъ литва боярина его ищетъ?"

— Ты пьянъ, или дуракъ? нетерпѣливо воскликнулъ литовскій панъ.

— Пьяный дуракомъ не бываетъ, панъ, разсудительно замѣтилъ Ера, котораго воровской глазъ насчиталъ два десятка конныхъ. — Ну, а ежели по-божески сказать, безъ вранья,—боярская усадьба отселева неблизко, къ ночи попадете.

— Куда ѣхать?

— Ѣхать вамъ, паны, прямо сюды вотъ, прямехонько! указалъ Ера въ сторону, какъ разъ противоположную Тускари и боярской усадьбы,—лѣсомъ все...

— Ты здѣшній?

— Здѣшній, панъ, слободской житель.

— Дорогу знаешь?

— Сказалъ — вѣдь, что, панъ? шутникъ, право! словно бы обидѣлся Ера на такое сомнѣніе. — Тутошній человѣкъ, да дороги на свое жило не знать?..

— Веди насъ на боярскую усадьбу! строго приказалъ ему литовскій начальникъ.—На вотъ: будетъ на что выпить тебѣ, лайдакъ!

Онъ досталъ изъ своей кисы горсть серебряныхъ злотыхъ и бросилъ ихъ въ шапку, проворно подставленную восхищеннымъ Ерой.

— Съ моимъ удовольствіемъ доведу! ровно туда шелъ! весело заговорилъ онъ, пряча злоты въ карманъ и надѣвая шапку. — Идти, такъ идти, паночки.

Онъ бойко пошелъ рядомъ съ лошадью литовскаго пана, побожась самъ-себѣ, что словомъ единымъ не проболтается своей „бабѣ" про эти злоты и пропьетъ ихъ съ кумомъ Маркелой до послѣдняго.

— У васъ и дорогъ тутъ нѣтъ, москали! замѣтилъ ему панъ, видимо усталый и озябшій, видя, что проводникъ ведетъ ихъ цѣликомъ.

— Какія тебѣ въ лѣсахъ дороги? кто ихъ тутъ прокладалъ? сказалъ весело Ера.—Волчище сѣрый безъ дорогъ ходитъ; проѣдетъ когда, по своей нуждѣ, нашъ братъ, мужикъ слободской, за дровами на розвальняхъ, такъ слѣдомъ за нимъ почитай либо мятель мятетъ, либо снѣжокъ порошитъ, не хуже сегодняшняго. Вотъ тебѣ и дороги наши лѣсныя. Гдѣ продрался—древа, да кусты не мѣшаютъ— и дорога наша.... живемъ по простотѣ.

— Ты зачѣмъ же въ лѣсъ попалъ? спросилъ литовскій панъ.

— А капканы смотрѣть ходилъ: капканы волчьи поставлены у меня тутъ. Шубу волчью сшить похотѣлось. Много вѣдь звѣрья по лѣсу. Медвѣдь водится даже...

— Бояринъ вашъ дома? спросилъ панъ, видимо занятый своими, мыслями и сообразно ихъ теченію предлагавшій Ерѣ вопросы.

— Дома должно. Дѣло зимнее, человѣкъ старый, гдѣ ему быть, коли не дома на печи. Вѣтеръ все ему въ задъ.

— А бережно живетъ? крѣпокъ у него дѣтинецъ?

— Дѣтинецъ у него крѣпокъ, а береженье абнакавенное: не пьяны сторожа—на караулѣ стоятъ, а пьяны—подъ лавкой лежатъ. Хозяинъ остарѣлъ и караулъ ослабѣлъ, часть вѣдомая.

— А ты насъ въ дѣтинецъ боярскій проведешь скрытно, чтобы хозяевъ на лежкѣ взять? спросилъ панъ, внимательно вглядываясь въ Еру.

— Провести можно, отчего не провести: собаки даже господскія мнѣ знакомыя, отвѣтилъ Ера, смекая про себя: „де-охотнички то вы на лежачаго звѣря", и прибавилъ: — сослужить пану—сослужу; а ты бы панъ меня, холопа, не оставилъ за мою холопскую службу; подарилъ бы меня на бѣдности моей...

Литовскій панъ досталъ изъ своей кисы еще горсть злотыхъ, которая незамедлила очутиться въ глубокомъ воровскомъ карманѣ Ерилова нагольнаго полушубка.

— На милости твоей много доволенъ, панъ, заговорилъ Ера. — Деньги съ купца взявши—товаръ ему покажи. Только вотъ что, панъ; „сходиться — браниться, расходиться — мириться", законъ у меня. Зналъ бы ты: на душегубство не пойду! вдругъ обратился онъ къ пану, какъ бы надумавшись и посовѣтовавшись съ своею совѣстью.— Коли на такое дѣло, не пойду; не занимался еще этимъ, паночекъ...

— Мы не душегубы, мы храбрые воины! внушительно замѣтилъ проводнику литовскій начальникъ.—Идемъ къ боярину не со зломъ, съ добромъ.

— И шабашъ! весело усмѣхаясь и повидимому вполнѣ успокоенный словами начальнаго пана, сказалъ Ера.—Потому—мужикъ я глупый, деревенскій, ни въ какихъ дѣлахъ не бывалый; всякъ нашего брата сиволапа одурить можетъ. Ну, только совѣсть у меня своя, непродажная, малое дитё не обижу. Вѣстимо: совѣстливый и изъ-за сытаго стола голоднымъ встаетъ... эхъ-ма! Простота наша простецкая!...

— Не хочешь ли? спросилъ начальный панъ и передалъ проводнику свою походную скляницу, обшитую кожей, висѣвшую у него черезъ плечо на ремнѣ; панъ только что согрѣлся нѣсколькими глотками польской „старки".

— Какъ не хотѣть? замѣтилъ Ера, дивясь такому глупому вопросу пана и добросовѣстно приложился къ его походной бутылкѣ.— Дѣло зимнее, закончилъ онъ, не безъ сожалѣнія возвращая пану бутылку, значительно облегченную.—И напитокъ же, ей-Богу! Всякаго даже образумитъ!..

— Скоро ли лѣсъ кончится? спросилъ проводника польскій панъ, безпокойно замѣчая, что лѣсная глушь безконечно хмурится во всѣ стороны и что быстро надвигаются зимнія сумерки.

— А мы почитай къ самой слободѣ лѣсомъ подойдемъ! безпечно замѣтилъ Ера.—Придетъ нашъ оврагъ. Изъ оврага выберемся — съ версту всего слобода наша потускорская.

— Не сбился ли ты, лайдакъ? подозрительно взглянувъ на проводника, вскричалъ начальный панъ.

Ера усмѣхнулся съ видомъ напрасно оскорбленнаго человѣка и простодушно сказалъ:

— Не ты бы говорилъ, панъ, не я бы слушалъ. Сбился—вишь? Къ оврагу подошли, а онъ—сбился! Тутъ махонькій робенокъ не собьется, не токмо старый да бывалый. Что на меня дивишься, панъ? Человѣкъ я Божій, обшитъ кожей, и рожа у меня, должно, какъ у людей. Аль на ней што написано? Простъ Ивашенька! Простецкій человѣкъ, безъ хитрости живу. Что-жъ, паночекъ: бѣденъ да честенъ! Смерть какъ плохого не люблю!.. Потому—по Божьему закону лучше...

эхъ-ма!.. Лучше отъ добрыхъ хулу терпѣть, чѣмъ отъ злыхъ хвалу имѣть.

Ера добродѣтельно вздохнулъ. Онъ забавлялъ начальнаго пана, который его спросилъ:

— Что вздыхаешь, смердъ?

— Какъ же мнѣ теперича не вздыхать, панъ, когда жена поѣдомъ заѣла! пригорюнясь и какъ бы жалуясь, сказалъ онъ. — Во истину: какъ червь древо точитъ, такъ и мужа губитъ жена-злодѣица. Святый мужъ нѣкій сказываетъ: „встрѣтилъ я льва на пути, а разбойника на распутіи; обоихъ избавился, а злой жены не могу утечи". Заѣла, аспида!

Между тѣмъ усталая лошадь пана, спускаясь въ оврагъ осторожно и недовѣрчиво, вдругъ глубоко ушла всѣмъ передомъ въ снѣжный сугробъ, набившійся въ рытвину. Сдѣлавъ нѣсколько отчаянныхъ усилій выбиться, лошадь повалилась на бокъ. Только благодаря своей ловкости, начальный панъ успѣлъ соскочить съ сѣдла.

— Помоги, лайдакъ! крикнулъ онъ съ сердцемъ болтливому простаку-проводнику, такъ какъ жолнеры сзади тоже вязли въ снѣгу, но проводникъ не отзывался. Оглянувшись, довуца убѣдился, что его нѣтъ, пропалъ.

— Гдѣ проводникъ? нехъ его вшисци дзябли везьмо! съ живымъ безпокойствомъ вскричалъ панъ подъѣхавшимъ жолнерамъ.

— Не видѣли, пане! заговорили жолнеры и со страхомъ переглянулись, какъ бы спрашивая другъ друга: что это значитъ? Нѣсколько жолнеровъ слѣзли съ коней и, оставивъ поводья товарищамъ, побрели вытаскивать лошадь начальника, сами проваливаясь по животъ въ снѣгу.

— Шпегъ! Лайдакъ! вскричалъ усатый панъ, — завелъ насъ въ вертепъ дьявольскій!

Выбравшись кое-какъ на снѣжную опушку, отрядъ сбился въ кучу и не зналъ, куда ему идти. Что бѣжавшій проводникъ москаль умышленно завелъ ихъ въ самую глубь лѣса, казавшагося безконечнымъ съ наступленіемъ быстрыхъ сумерекъ — въ этомъ никто не сомнѣвался. Зловѣщій, угрожающій гулъ шумѣвшихъ во мракѣ столѣтнихъ дубовъ невольно держалъ въ суевѣрномъ страхѣ заблудившихся литвяковъ. Храбрые въ бою и трусливые во мракѣ, въ лѣсу, они сообщали другъ другу свои подозрѣнія: „ужъ не самъ ли лѣшій скинулся москалемъ, чтобы надъ ними насмѣяться и ихъ погубитъ?

— Матка Боска! прикрикнулъ на оробѣвшихъ жолнеровъ усатый довуца.—Называетесь воинами, а хуже бабъ; идти надо, куда нибудь прибьемся. Слышите, кура поднялась?..

Въ самомъ дѣлѣ, сильные порывы вѣтра со свистомъ врывались въ темный лѣсъ.

— Свенты Петръ и Павелъ! Змилуйтесь! робко шептали жолнеры, съ трудомъ тащась по глубокому снѣгу.

Вдругъ унылый, протяжный звонъ колокола донесся къ нимъ порывомъ вѣтра. Они закрестились и ободрились.

— Церковный колоколъ! замѣтилъ довуца, съ трудомъ взбираясь въ гору.—Не болтайте! не звените саблями! строго приказалъ онъ своимъ жолнерамъ. — Лѣсъ не поле: здѣсь засада побѣждаетъ, а не мужество. Языкъ да сабля только выдадутъ насъ врагу, которому не учиться стать коварству.

Отрядъ тронулся далѣе съ предосторожностями, о которыхъ только что напомнилъ довуца, и вышелъ на опушку. Здѣсь, на просторѣ, не задерживаемая лѣсомъ, кура усилилась. Сухой, морозный снѣгъ билъ въ лицо, стегалъ въ глаза. Кругомъ, въ дымкѣ кружившагося снѣга, темнѣлъ лѣсъ, казавшійся безконечнымъ.

Направляясь на долетавшій до нихъ звукъ колокола, жолнеры скоро очутились у невысокой старой часовни, срубленной изъ ровныхъ осинъ, съ остроконечною, тесовою крышей, увѣнчанной крестомъ...

VI.

„О, прекрасная пустыня!
Пріими мя въ свою густыню,
Яко мати свое чадо,
Научи мя на все благо;
Въ тихую свою, безмолвную,
Палату лѣсовольную,
Любимая моя мати,
Потщися мя воспріяти.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
И въ день, и въ нощь возлеѣбю тя.
Пустыня моя, пріими мя,
Отъ суетнаго, прелестнаго,
Вѣка маловременнаго,
Да во своя младыя лѣта
Отвращуся отъ сего свѣта“.

(„Похвала пустынѣ“, духов. стих. XVII в.).

Послѣ того какъ крымцы съ ногаями сожгли Коренскій монастырь, „монастырекъ, что на Корени“, какъ его называли куряне, игуменъ Манассія удалился на берега Тихой Рати, въ пустынное мѣсто, издавна слывшее „Святымъ Городищемъ“. Въ набѣгѣ хищниковъ онъ понялъ промыслъ Божій, указывавшій ему иной путь. Иночество онъ рѣшилъ промѣнять на отшельничество. Среди дремучаго лѣса, въ развалинахъ древняго монастыря, основаннаго еще игуменомъ, иконописцемъ Петромъ, впослѣдствіи святителемъ и митрополитомъ московскимъ, пріютился строгій подвижникъ. Монахи и

послушники коренскіе разбрелись по монастырямъ. Изъ нихъ одного старца, брата Луку, взялъ съ собой игуменъ въ сотоварищи своего пустынножительства. Онъ поселился въ плохо уцѣлѣвшихъ развалинахъ каменныхъ „невѣдомыхъ палатъ", какъ ихъ называлъ народъ. Онъ прикрылъ соломенной крышей каменный домъ, давно стоявшій раскрытымъ, сложилъ изъ кирпича, валявшагося кругомъ грудами, неуклюжую, но теплую печь; вставилъ самодѣльныя рамы, забилъ на-глухо лишнія окна, навѣсилъ дверь и зазимовалъ здѣсь.

Ветхая часовня пустынника Власія дозволяла рачительному монаху отправлять божественную службу. Столѣтній старецъ Власій уже съ годъ какъ отошелъ къ своему Небесному Отцу. Его нашли лежащимъ въ открытомъ гробу, служившемъ ему при жизни постелью, въ чистой „срачицѣ", съ сложенными на груди руками, держащими крестъ. Словно бы не самъ онъ легъ, а добрые люди положили его во гробъ. Игуменъ Манассія съ коренскою братіей соборне предали тѣло отшельника честному погребенію у алтарнаго окна часовни. Надъ его могилой поставили большой дубовый крестъ, записали его имя на вѣчное поминанье въ монастырскій синодикъ. Не задолго до своей кончины, чувствуя свою слабость, пустынножитель открылъ игумену тайну „косолапова" клада и указалъ мѣсто его. Согласно волѣ завѣщателя, пустынножитель объяснилъ игумену, что сокровища эти должны быть сбережены для крайней нужды государственной, да для выкупа полонянниковъ изъ неволи.

Трудно было выбрать мѣсто болѣе потайное и въ то же время болѣе прекрасное для цѣлей подвижничества. Высокая гора, ощетинившаяся вѣковымъ лѣсомъ, надвинулась къ рѣкѣ. Вѣковые дубы, не въ обхватъ tремъ человѣкамъ, и густой орѣшникъ отовсюду скрывали каменныя развалины и часовню. Хорошо чувствовалъ себя религіозный игуменъ среди темновѣтвистыхъ, курчавыхъ дубовъ-старцевъ, то спокойно задумчивыхъ, то шумно разговаривающихъ съ вѣтрами, или раздраженно ропчущихъ. Ароматъ ландышей и земляники мѣшался съ запахомъ грибовъ и дикаго меда. Торжественный покой лѣсной пустыни вызывалъ на исхудаломъ лицѣ Манассіи улыбку тихаго, какъ бы грустнаго счастья. Даже изъ-за рѣки, съ противоположнаго низменнаго берега, зеленѣвшаго болотами и лугами въ цвѣтахъ, полудикій охотникъ за „сарнами", или за дикими кабанами, „набѣжавшій" со степи узкоглазый ордынецъ, не подозрѣвали жилища и часовни пустынника, прятавшихся въ этомъ лѣсу.

При тускломъ свѣтѣ ночника толстаго фитиля въ черепкѣ съ жиромъ, отецъ Манассія читалъ печерскій патерикъ. Отъ него онъ отрывался только для того, чтобы съ замирающимъ сердцемъ прислушиваться къ вою мятели и шуму лѣса. Еще прислушивался онъ къ голосу изъ темнаго угла кельи, полному страха; этотъ голосъ его раздражалъ.

— Господи Іисусе, помилуй ны! снова раздался въ ушахъ игу-

мена хорошо знакомый и надоѣвшій ему вопль трусливаго брата Луки. На этотъ разъ братъ Лука предсталъ передъ своимъ патрономъ уже въ той самой волчьей, крытой нанкой шубѣ, которою прикрывался на постелѣ; на ногахъ были валенки; ваточный черный колпакъ смѣшно надвинулся на самые глаза; большая голова его и самъ онъ тряслись какъ въ лихорадкѣ.

— Господи! взмолился бѣдный братъ Лука, зажмуривъ глаза и падая на колѣни при звукѣ колокола, донесшагося вѣтромъ отъ часовни.—Страсти!

— Безмозглая, хотя и большая голова, подумалъ игуменъ, неодобрительно глянувъ на лицо брата-монаха, искаженное страхомъ.

— Нечистый! звонитъ! шептали побѣлѣвшія губы монаха,—вотъ! вотъ!.. Дьявольское навожденье.

— Христова вѣра учитъ въ Бога вѣрить, строго замѣтилъ ему игуменъ,—въ дьявола же нѣтъ. Нечистая сила въ насъ самихъ: это худые помыслы... буря звонитъ, а ты, брате, нечистаго памятуешь. Стыдись маловѣрія своего, брате мой о Христе! слышь, какъ буря по лѣсу воетъ?

— Отче нашъ! шепталъ братъ Лука, нѣсколько успокоенный разсужденіемъ игумена, въ богословскую ученость котораго слѣпо вѣрилъ,—иже на небеси и на земли, да святится имя твое... Я свое твержу, отче игумне, не доброе мѣсто сей пустырь древній. Монастырище то „на костяхъ ставлено“, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ княжіи вои предали злой смерти плѣнныхъ язычниковъ половцевъ. Сказываютъ, яко бы въ склепѣ, подъ монастыремъ, живой монахъ замурованъ, поднесь живъ, стонетъ.

— Знаю; ты можешь кончить свою малодушную рѣчь, скудоумный брате мой, Лука! нетерпѣливо сказалъ игуменъ, не желавшій вновь выслушивать вѣчную ссылку трусливаго монаха на монастырскую легенду брошенной давно обители.—Мѣсто это святое: старое монастырище Петра-митрополита. Сколько лѣтъ игуменствовалъ онъ здѣсь, божью службу правилъ; честной схимникъ, Власій преподобный, молитвилъ въ часовнѣ; намъ, грѣшному игумну, довелось часы править въ ней. Откуда у тебя страхованье, брате, ежели не отъ твоего скудоумія?

— Ты ученый богословъ, отче игумне, раздражительно заговорилъ старый монахъ.—Но по гордынѣ своея многое не вѣдаешь. По твоему, по ученому, мертвецы не встаютъ изъ могилъ и не ходятъ... А коли-бъ ты, игумне, узрѣлъ то самое, что я нынче, вечеромъ, другое бы заговорилъ! Господи помилуй!.. другое бы!.. Нешто могу тебѣ сказать свое страхованье? Не могу, потому на смѣхъ меня подымешь. Охъ, Господи помилуй ны во вѣки вѣковъ.

— Аминь! закончилъ игуменъ, снявъ съ носа очки и расположенный выслушать разсказъ стараго монаха о своемъ страхованіи. Щурившіеся страхомъ глазки брата Луки внимательно всматривались въ

благодушное лицо игумена и, какъ бы убѣдясь, что онъ не прочь его выслушать безъ обиднаго осмѣянія его страховъ, отвѣсилъ патрону обычный поясной поклонъ, положенный уставомъ.

— Ну, брате мой, поощрилъ его игуменъ, прислушиваясь къ ревѣвшей по лѣсу бурѣ и набожно перебирая чотки, шепча молитву „о плавающихъ, путешествующихъ, недугающихъ, плѣненныхъ".

— Смерклось, обошелъ я монастырище, по приказу твоему, игумне, ударилъ въ колоколъ, а старый колоколъ словно человѣкъ застоналъ! Господи помилуй! съ ногъ буря сшибаетъ, хмара надвинулась, въ глазахъ помутилось. Я бѣжать. На крестъ преподобнаго Власія наткнулся, глядь—бѣлѣетъ!.. Что такое? Покойникъ у своей могилы стоитъ: самъ преподобный отче Власій, да успокоится его душа праведняя въ обители райской!.. хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, игумне честной, самого покойнаго старца Власія видѣлъ, какъ тебя вотъ зрю! Господи помилуй! Всѣ молитвы, слышь, забылъ! страсти!

Братъ Лука закрестился и забормоталъ молитву отъ навожденія нечистой силы, косясь на окно. Игуменъ, перебирая чотки, откашлянулся.

— Того мало, продолжалъ, стихнувъ въ голосѣ, разсказщикъ, оглядясь.—Я огонь видѣлъ въ мурахъ.

— Гдѣ? невольно вырвалось у игумена,—въ мурахъ? статочное ли то дѣло?

— Въ кельяхъ святителя Петра-митрополита, прошепталъ старый монахъ.—Господи помилуй!

Прошла минута тяжелаго молчанія.

— То у тебя со страху огонь въ глазахъ свѣтился, брате мой скудоумный! замѣтилъ игуменъ, но уже не съ прежнею самоувѣренностью.—Съ какой поры совы нуждаются въ огнѣ? А только совы—самъ знаешь—гнѣздятся въ старомъ монастырищѣ....

Вмѣсто отвѣта, братъ Лука, съ ужасомъ въ лицѣ, молча, дрожащею рукою показалъ игумену на окно, откуда днемъ видѣнъ былъ фасадъ полуразрушеннаго каменнаго корпуса братскихъ и настоятельской келій. Въ такую бурную, темную зимнюю ночь ничего не могло быть видно. Казалось, непроницаемая глазу тьма бушевала и выла, раскачивая столѣтнія деревья. Но среди этой глухо шумѣвшей тьмы дрожало свѣтлое пятно, какъ бы отъ освѣщеннаго окна.

— Что? торжествуя спросилъ братъ Лука.

— Огонь! могъ только воскликнуть игуменъ. И, будто ослѣпленный этимъ таинственнымъ свѣтомъ развалинъ, закрылъ лицо руками. Но сознанье необходимости узнать въ чемъ дѣло, боязнь уронить свое достоинство въ глазахъ невѣжественнаго монаха, не замедлило придти на помощь растерявшемуся игумену. Онъ всталъ и сказалъ, снявъ съ гвоздя мѣховую свою шапку:

— Мертвымъ огня не нужно. Съ Божьею помощью я узнаю: кому изъ живыхъ понадобился пріютъ въ этихъ развалинахъ?

— Святые Флоръ и Лавръ! въ ужасѣ вскрикнулъ братъ Лука, хватая за руку смѣлаго игумена. — Куда, отче? прямо въ косматые когти? Не пущу! Сохрани тебя Боже!

— Называешься монахомъ православнымъ, а суевѣренъ хуже язычника! замѣтилъ ему строго игуменъ, подвязывая кушакомъ теплую рясу и вооружась посохомъ.—Язычникъ деревяннымъ своимъ болванамъ и каменнымъ бабамъ покланяется, а ты Богу истинному служишь, безумный брате мой, Лука, стыдись! образумься!

Смѣлость игумена привела стараго монаха въ отчаяніе, а упреки вызвали его досаду.

— Дерзновеніе твое, отче, да ляжетъ на тебя же! напутствовалъ онъ игумена, направившагося къ двери, и, какъ человѣкъ незаслуженно оскорбляемый, братъ Лука удалился въ свой уголъ, заткнувъ пальцами уши, сильно боясь услыхать отъ игумена еще что либо „неподобное", въ родѣ предложенія идти съ нимъ въ такую ночь разыскивать: живые или мертвецы грѣются у огня въ развалинахъ „монастырища?"

— Свершишася! прошепталъ онъ, услыхавъ скрыпъ затворившейся за игуменомъ сѣнной двери, перекрестился и торопливо забился на свою постель, натянувъ на себя съ головой волчью шубу, какъ бы надежную защиту отъ всякой опасности, но и подъ теплой шубой зубы его стучали и весь онъ лихорадочно колотился.

Между тѣмъ, довуца съ жолнерами, послѣ утомительнаго скитанья въ бурную, холодную ночь по глухимъ лѣсамъ и буеракамъ, очутились въ обширныхъ каменныхъ сѣняхъ развалившагося монастырскаго строенія. При свѣтѣ ярко вспыхнувшаго костра, натасканнаго изъ старыхъ обломковъ упавшей крыши, голодные жолнеры незамедлили перейти къ пріятному сравнительно состоянію военныхъ людей, разсчитывающихъ провести ночь не подъ открытымъ небомъ.

— Плохой ночлегъ, а все же лучше чѣмъ въ лѣсу! замѣтилъ довуца, окинувъ бѣглымъ взглядомъ державшійся еще надъ сѣнями древній каменный сводъ, оконницы безъ рамъ и притолки безъ дверей,—впрочемъ, солдатамъ немного надо.

— Хвала Богу! не померли въ лѣсу, нехъ ему пусто бенде! заговорили жолнеры, толпившіеся съ конями у входа и выбѣленные мятелью.

— Введите коней въ сѣни, товарищи, приказывалъ имъ довуца,— обогрѣемся у костра, переночуемъ, намъ не привыкать къ мягкимъ постелямъ.

Въ то время, какъ начальный панъ стряхивалъ снѣгъ съ своего длиннаго плаща, въ обширныя сѣни, одинъ за другимъ, вошли жолнеры съ конями въ поводу. Походные вьюки скрывались подъ толстымъ слоемъ снѣга. Привычные къ бивачной жизни, жолнеры разставили лошадей мордами къ стѣнамъ и разсѣдлали ихъ. Пошли толки, какъ ихъ обманулъ „шпегъ" проводникъ, какъ они

блудили, и что это за развалившіеся „муры?“ да какъ бы сѣна конямъ натаскать: должно, сѣно въ лѣсу недалече. А то коней заморили, бѣда—простоятъ ночь голодные, безъ корма. Нѣсколько жолнеровъ, съ арканами и вилами на плечѣ, отправились въ лѣсъ, „пошукать“ сѣна, да сейчасъ же вернулись въ испугѣ, съ извѣстіемъ, что у часовни встрѣтили черную фигуру русскаго монаха, который погрозилъ имъ палкой.

— То́ дурни! замѣтилъ полулежавшій на кирпичномъ полу у костра, закутавшійся въ толстый плащъ, начальный панъ.—Монахъ указалъ бы вамъ сѣно!

— Брунь Боже! возразилъ старшій пахолъ,—то мертвый монахъ; лицо якъ тая земля, подъ кржижемъ стоялъ, пане довуца! Далибукъ! то съ тего свята чловѣкъ!...

— Не пойдемъ за сѣномъ! рѣшилъ старшій пахолъ.—Брунь Боже!...

Но едва онъ выговорилъ эти слова, какъ въ дверяхъ, на которыя всѣ глядѣли, показалась фигура русскаго монаха съ посохомъ въ рукѣ. Мятель успѣла его выбѣлить, и, весь въ снѣгу, онъ казался привидѣніемъ.

— Кто ты, монахъ? спокойно спросилъ его подошедшій къ нему начальный панъ.

— Божіею милостью чернецъ, скромно съ поклономъ отвѣтилъ игуменъ Манассія.—Здѣсь пустынножительствую, молюсь за весь родъ человѣческій и о спасеніи своей души.

— Мы заблудились въ этихъ проклятыхъ лѣсахъ! продолжалъ панъ.—Голодны и мы, и кони наши, нѣтъ ли сѣна, благочестивый старикъ?

— Есть, укажу. Вамъ же, ратные люди, кромѣ хлѣба, которымъ питаюсь, да воды ключевой, что пью, ничего у меня нѣтъ.

— Спасибо за хлѣбъ и за воду, спасибо за сѣно, поблагодарилъ панъ.—Гей! приказалъ онъ опамятовшимся жолнерамъ, убѣдившимся, наконецъ, что передъ ними живой монахъ, а не мертвый. Живо, лайдаки, съ арканами и вилами за монахомъ, въ лѣсъ.

— Что вы литовскіе люди ратные—вижу! замѣтилъ, дорогою къ омету сѣна, игуменъ своимъ спутникамъ, не безъ основанія разсчитывая, что солдатъ, да еще голодный, податливѣе на откровенность и скорѣе проврется, чѣмъ начальникъ.—Зачѣмъ въ лѣсъ попали, хлопцы? куда слѣдуете?

— Не знаемъ: дѣло не наше, жолнеры мы, спроси довуцу,—отвѣтилъ старшій пахолъ.

Очутясь снова въ ревущемъ лѣсу, въ снѣжномъ, крутившемъ ихъ буранѣ, жолнеры невольно жались другъ къ другу, боясь отстать отъ монаха.

— Ой, дзядзька, жуцко: якъ бы мядзвѣдзь насъ не злопалъ: ницъ не видзу! твердилъ молодой литвинъ, то и дѣло хватаясь рукой за плечо старшаго пахола.

Въ ту же непогодную ночь на „Думныхъ Курганахъ“, въ своей „красной“ горницѣ, за бѣлолиповымъ столомъ, засидѣлся старый бояринъ Іона Агѣичъ Ферапонтовъ. И диви бы онъ засидѣлся за книгой духовной,—такъ нѣтъ: вмѣсто тяжелой библіи, или вмѣсто рукописной книги на толстой синей бумагѣ съ прописными буквами киноварью, въ черномъ кожанномъ переплетѣ съ мѣдными застежками,—на столѣ красовалась серебряная объемистая стопа, полная пѣнящагося домашняго меда. Къ этому вкусному напитку старый бояринъ возымѣлъ слабость, усиливавшуюся съ каждымъ годомъ.

Чтеніе душеполезныхъ книгъ и расположеніе посидѣть вечерокъ за пѣнящеюся стопою были послѣдствіемъ его одиночества. Тяжелые удары судьбы, перенесенные имъ, особенно въ послѣдніе годы, оставили въ гордой душѣ состарѣвшагося боярина горькое сознаніе своего безсилія. Лѣта брали свое. Два обстоятельства никакъ не могъ забыть бояринъ: постриженіе дочери Натальи и свое служеніе „подлому“ самозванцу. Уже третья по счету стопа пѣнилась этотъ вечеръ. Благообразное, не смотря на старость, здоровьемъ цвѣтущее лицо боярина алѣло и лоснилось; умные, то строгіе, то насмѣшливые сѣрые глаза, ушедшіе подъ сѣдыя брови, все еще говорили о его внутренней силѣ: ихъ не потушила старость. Совсѣмъ бѣлая голова, отливавшая серебромъ, по прежнему была тщательно раздѣлена посерединѣ проборомъ, а окладистая серебристая борода щеголевато расчесана пальмовымъ гребнемъ. Онъ по привычкѣ сидѣлъ на своемъ „бумажникѣ“, въ шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ, разстегнутомъ ради свободы.

Бояринъ поглядывалъ на только что прочитанную „грамотку“—узкій и длинный свитокъ,—лежавшую на столѣ. То было письмо царя Василія Ивановича, въ которомъ онъ, сообщая „своему боярину вѣрному“ послѣднія событія и обстоятельства государственныя, писалъ: „А боимся вѣрѣ христіанской перемѣну въ латинство и церквамъ божіимъ раззореніе, ежели литовскіе паны съ крулемъ Жигимонтомъ Московское государство осилятъ своею хитростью. А у насъ святѣйшій Гермогенъ, куръ-патріархъ, прямъ какъ самъ пастырь, душу свою христіанскую полагаетъ неизмѣнно, и ему всѣ православные послѣдуютъ, только неявственно стоятъ“.

— „Неявственно стоятъ!“ повторилъ, крякнувъ, бояринъ и иронически усмѣхнулся.—Подлинно: „неявственно!“ Шатостью-то этою нашею и силенъ ляхъ да казакъ. А то чѣмъ бы ему взять, не саблей ли? Дубинками бы мы его давно во-свояси проводили. Шаховской да ему подобные гады самозванца изъ Польши кличутъ; а мы, русійскіе люди, не кличемъ; намъ самозванецъ не рука, Литва намъ токмо вредъ; держимся бѣлаго русскаго царя...

Задумался бояринъ. Въ Сѣверщинѣ и по курской украйнѣ, съ самаго появленія перваго самозванца, „жила смута“. Слухи о появленіи изъ Польши въ Путивлѣ втораго самозванца только усилили

эту смуту. Воротясь изъ Москвы, Ферапонтовъ убѣдился, что законный порядокъ не поддерживается болѣе въ курской сторонѣ, такъ какъ въ ней не оставалось болѣе царской ратной силы. Народной массой овладѣвалъ мятежный духъ: по дорогамъ убивали, грабили, помѣщичьи усадьбы жгли, скирды хлѣба на гумнахъ растаскивали ночами. Все сходило безнаказанно, потому что власть воеводы, губнаго старосты или иного земскаго волостеля была только по названью. Ее нагло ниспровергала всякая набродная шайка, по своему расправлявшаяся съ волостелями. Поднятые заманчивымъ обѣщаніемъ „разсыльныхъ“ грамотъ Болотникова, „худшіе“ люди одолѣвали здѣсь „лучшихъ“. Безпокойный характеръ сброднаго населенія „преждепогибшей“ Украйны выражался въ эту тяжелую годину въ чертахъ самыхъ возмутительныхъ для человѣческаго достоинства и самыхъ опасныхъ для спокойствія государства. Вольный духъ какъ бы питался близостью степей съ ихъ гайдамачиной, и казачьяго Дона. Лѣса и лѣсистые овраги кишѣли „пристанями“ и шайками. Немало раздумывали бояринъ курской съ игуменомъ Манассіей, какъ бы возстановить по курской сторонѣ порядокъ. Рѣшили: вооружить „охоче-комонныя“ дружины „изъ добрыхъ“ обывателей. Ферапонтовъ выставлялъ тысячный полкъ своихъ севрюковъ. Эта ратная сила должна была замѣнить собою отсутствующую царскую рать. На ея содержаніе игуменъ предложилъ „разбойничью казну“—кладъ, зарытый въ лѣсу атаманомъ Косолапомъ, указанный игумену пустынникомъ Власіемъ передъ своею смертью.

Громкіе голоса и шумъ на крыльцѣ заставили боярина прислушаться. Онъ съ безпокойствомъ глядѣлъ на дверь и ждалъ.

— Пусти! Пусти! съ вѣстями! кричалъ сильный голосъ человѣка, ломившагося въ дверь, въ боярскую „красную“ горницу. Шумъ борьбы становился явственнѣе. По сиплому крику и дерзкой отвагѣ смѣльчака, бояринъ догадался, что это его стремянной—Ивашка Ера, конечно, хмѣльной.

— Пусти! Дворецкая крыса! я къ своему боярину честному! А ты—вàсь! вопилъ Ера, дѣйствительно хмѣльной, врываясь въ горницу съ старымъ Ферявемъ, вцѣпившимся въ него обѣими руками за шею съ похвальнымъ, но безсильнымъ желаніемъ не пустить хмѣльнаго холопа, дабы не прогнѣвить грознаго боярина. Вѣрный дворецкій напоминалъ собаку, схватившую зубами медвѣдя, но не помѣшавшую медвѣдю ломиться на охотника.

— Къ тебѣ, Іона Агѣичъ! разсуди! оралъ Ера сиплымъ съ перепоя голосомъ, сильнымъ движеніемъ руки освобождаясь отъ своей ноши—докучнаго дворецкаго.—Хмѣленъ, вишь, Ивашка, къ боярину ему нельзя! Что жъ, что хмѣленъ? Пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. А я съ вѣстями къ тебѣ, бояринъ! важныя вѣсти!... съ этого вотъ мѣста не сойти!... Велишь пьяницѣ Ивашкѣ, твоему боярскому стремянному, сказывать—скажу! Затѣмъ за самымъ шелъ!

Ера, несмотря на хмѣль, палъ на колѣни и бухнулъ боярину въ ноги, не жалѣя крѣпкаго лба и дубоваго пола.

— Литва въ лѣсу темномъ, бояринъ! отвѣтилъ смышленый пьяница на грозный взглядъ боярина, молча требовавшій у него отчета въ его дерзкомъ, насильственномъ приходѣ.—Два десятка пришло съ паномъ. Передовые, должно; встрѣли меня въ лѣсу, въ проводники взяли, денегъ дали: молъ, проведи насъ къ боярину Ферапонтову въ дѣтинецъ, на лежкѣ бъ его захватить. Завелъ я ихъ въ „волчій яръ". Засѣли въ снѣгу, убѣгъ я, а выслѣдилъ: попали они на „монастырище". Въ мурахъ ночуютъ.

Бояринъ только глянулъ на Ферезя-дворецкаго. Изумленіе смѣнило въ немъ негодованіе, съ какимъ онъ готовился встрѣтить непрошеннаго гостя, „подлаго" холопа. Грозный окрикъ не вылетѣлъ изъ старой груди боярина; боярская рука, властно поднявшаяся было на дерзкаго пьяницу, упала.

— Съ хмѣлю, должно, городишь, дурень? съ явнымъ недовѣріемъ къ Ерѣ сказалъ бояринъ.—Глянь на себя, непутящій: рожу-то тебѣ на сторону повело, глазища словно у домоваго...

— Что мнѣ на кабакъ глядѣть, честной бояринъ, развязно возразилъ, стоя на колѣняхъ, Ера.—И рожу мнѣ свою дѣть некуда... А вѣсти не облыжныя принесъ. Когда сбрехалъ тебѣ холопъ Ивашка по собачью, воленъ ты Ивашку батожьемъ отодрать; вотъ что! Въ твоемъ законѣ состою, бояринъ, самъ знаешь... Дѣться мнѣ отъ тебя некуда!

Ера опять ударилъ лбомъ о дубовый полъ. Бояринъ видимо не рѣшался вѣрить пьяному холопу. За лгуна да за гуляку зналъ онъ его. Въ стареньномъ порванномъ полушубкѣ, подпоясанномъ ремнемъ, въ высокихъ самодѣльныхъ, неуклюжихъ сапогахъ изъ конины, а потому рыжихъ, съ запухшими отъ пьянства глазами и избитою, въ синякахъ рожей, онъ въ эту минуту выглядывалъ настоящимъ негодяемъ. Ни малѣйшаго страха не замѣчалъ суровый бояринъ въ его безсовѣстныхъ, вороватыхъ глазахъ, посоловѣвшихъ съ хмѣля. Московское платье, шапка бобровая, сапоги бутылками, разъ попавъ подъ замокъ, въ чуланъ домовитой Ериной бабы Арины, вмѣстѣ съ „добромъ" и денежной казной,—не украшали болѣе вороватаго гуляку. Косился бояринъ на Еру, но и то помнилъ, что онъ не разъ, не два служилъ ему службы, какихъ не сослужатъ сотни трезвыхъ, что противъ хмѣльнаго Еры—другаго человѣка по всей курской Украйнѣ нѣтъ: вожу ли въ степи провести, татаръ ли открыть, исполнить ли какое опасное порученіе. „Стало, не шутку шутитъ?" раздумывалъ бояринъ, и спросилъ Еру, когда, какъ и что? И чтобы все сказалъ, что знаетъ, „не врамши".

— Скажу, что̀ знаю, бояринъ, не врамши, отвѣчалъ Ера, поднимаясь на ноги. А сперва на-перво не прикажи казнить, прикажи миловать: водки поднеси, бояринъ, уморился—смерть! Мало ли на своихъ двоихъ по лѣсу перъ, сугробы тебѣ по поясъ...

— Поднеси! съ видимою неохотою приказалъ бояринъ Ферезю.— Да не забывай, Ера, притчу „О высокоумномъ хмѣлю и худоумныхъ пьяницахъ!"

— Что жъ, честной бояринъ, высокоумный хмѣль—точно; ну, да и пьяницы не худоумны. Пьяница твой Ивашка грамотку тебѣ изъ Курскова принесъ вотъ, какъ-то тверезые твои принесутъ. Да то, должно, не тверезаго ума дѣло, извини на словѣ... А грамотку сейчасъ... забылъ было!... перебралъ, знать?...

Ера стащилъ съ правой ноги свой красный, неуклюжій сапогъ изъ конины и досталъ изъ сапога обернутую въ портянку, сложенную грамотку.

— Письмо къ тебѣ попало какъ? спросилъ бояринъ, замѣтно дрожавшими отъ волненія руками разламывая восковую печать на письмѣ.

— Случился я, бояринъ, на слободѣ... признаться, забѣжалъ путемъ-дорогой изъ лѣсу въ кабакъ, цѣловальника провѣдать: здоровъ ли? Кума-кузнеца засталъ, съ страннимъ человѣкомъ, съ юродивымъ Тишей разговариваетъ. Тиша-юродивый у печи грѣется, назябся; потому босой, безъ шапки, въ балахонишкѣ дырявомъ; словно ему Петровки; молитвой, должно, грѣется. Сунулъ мнѣ Тиша-юродивый грамотку: на, говоритъ, Ивашка, боярину снеси грамотку, важная! говоритъ. Литва у Курска! Я къ тебѣ и побѣгъ...

Дворецкой Ферязь возвратился съ склянищей и чаркой.

— Буди здравъ, бояринъ! весело возгласилъ Ера, приподнявъ полную пѣнникомъ чарку и, поклонившись, однимъ духомъ выпилъ.

Благообразное лицо боярина выражало суровую думу, когда онъ, надѣвъ тяжелыя въ серебряной оправѣ очки, безъ чего уже не могъ обойтись, придвинулъ къ себѣ свѣчу и сталъ читать письмо изъ Курска. На умѣ у него все дочь-черница была. Страхъ за участь любимой, единственной дочери мѣшалъ ему разбирать строки. Въ глазахъ у него рябило. Онъ хотѣлъ скрыть передъ подначальными людьми причину своего волненія—и не могъ.—Оплошали старые глаза! твердилъ онъ, усердно протирая ихъ платкомъ. Наконецъ онъ прочелъ:

— „Государю, именитому боярину, Іонѣ Агѣичу Ферапонтову, челомъ бьетъ курскій стрѣлецій голова Самсонъ со всѣмъ духовнаго чина людомъ, съ боярскими дѣтьми, со стрѣльцами, со курскими служилыми казаками, со посадомъ и со пригороды.

„Свѣтъ нашъ и защита твердая! Батюшка осударь и милостивецъ! припадаемъ къ стопамъ твоимъ и извѣщаемъ о приходѣ подъ Курской-городъ литовскаго войска не малаго, собранье ляцкихъ и черкаскихъ людей и лисовчиковъ. Курскъ со вчерашняго дня обложили. А пришли пѣши и на коняхъ, съ огненнымъ всякимъ боемъ, съ пушками и пищалями, и знамена у нихъ—всякой разной цвѣтъ. А пришли съ утра наранѣ и тотчасъ къ острогу приступили со

всѣхъ сторонъ. А съ ними всякія приступныя мудрости: лѣстницы щиты деревянны кожами поволочены, хворость и солома для поджогу; а на стрѣлахъ пускали въ острожекъ письма, прельщали нашихъ московскому дѣлу измѣнить и съ ними, измѣнниками, за одно стать; и божіею милостью и царевымъ счастьемъ служилые люди били по литовскимъ полкамъ и многихъ побили. Взяли у нихъ двѣ пищали желѣзныя съ жаграми и приступныя мудрости, и порохъ, и ядра. И къ вечеру литва отступила прочь, городъ обсадила. Но мы, сироты, страхъ емлемъ, да не раззорятъ насъ сія литва и черкасы. Бога для—спѣши, бояринъ честной, съ севрюками и рать земскую сбей къ Курскому городу, безъ мотчанья веди. О томъ же скорбитъ единокровная дщерь твоя, честна-черница Нимфодора. Не опозднись приходомъ къ намъ, во спасеніе насъ, горемычныхъ. На томъ кончаемъ твои, боярскіе, слузи и богомольцы".—Слѣдовали подписи и рукоприкладство неграмотныхъ начальниковъ.

Нѣсколько минутъ просидѣлъ бояринъ за столомъ, молчаливый и нахмуренный. Потомъ пробормоталъ про себя: „Курскъ выручать надо".

— Ну, Ферязь! мрачно обратился Ферапонтовъ къ дворецкому, раболѣпно торчавшему у дверей рядомъ съ Ерой. — Снимай тохтуй съ моего боярскаго сѣдла. Заутро походъ.

Низкій поклонъ слуги былъ отвѣтомъ.

— Како повелишь, осударь, тако будетъ!

Приказъ „снять тохтуй"—значилъ сборъ на рать. „Тохтуемъ" назывался кожанный чехолъ съ круглымъ верхомъ, или „кругомъ". Чехолъ этотъ надѣвался въ походѣ у людей богатыхъ на саадакъ, то-есть на лукъ съ колчаномъ стрѣлъ, и завязывался внизу колчана. Такимъ образомъ тохтуй сохранялъ саадакъ и стрѣлы отъ сырости и тренія между собой, такъ какъ богатые саадаки отягивались бархатомъ, атласомъ, парчею и украшались шитьемъ и каменьями.

— За службу спасибо тебѣ, хмѣлюшкѣ, хмѣлевой головкѣ! сказалъ бояринъ, кивнувъ Ерѣ головой.—Чѣмъ свѣтъ съ вѣстями скачи: волость подымай, шли бы къ Курскому городу слободы посемскія, потускарскія, порацкія, тимскія, обмяцкія, всѣ... всѣхъ выгоняй! съ боемъ—у кого что есть—на коняхъ бы текли.

— Вели, бояринъ, Ивашкѣ по душѣ сказывать!

— Сказывай.

— Пошли волость подымать иного кого. Дѣло не хитрое. Опричъ Ивашки выбьютъ ратныхъ изъ слободъ. Когда еще земская сила подойдетъ? не вотъ-то ее согналъ! А я бы тебѣ, бояринъ, тысячку молодцовъ, слышь, завтра къ ночи подъ Курскимъ городомъ поставилъ. Отвага-народъ. Главное—въ собраньи, станомъ теплымъ стоятъ, оружны...

Ферапонтовъ съ минуту оставался въ недоумѣніи: удивила его вѣсть о людномъ станѣ. Мысль Еры ему понравилась. Станишники

значительно усилили бы его рать и позволили бы ему перевѣдаться съ врагомъ въ полѣ. Онъ спросилъ Еру:

— Что-жъ это за станишники? и кто у нихъ набольшій? и далеко ли они?

— Станишники тѣ „кузмодемьяновцами" слывутъ, бояринъ, разоренные сельчане Амченскаго уѣзда. Въ „Мѣханѣ", въ дремучемъ лѣсу, за Обмятью рѣчкою живутъ: избы у нихъ срублены, землянки теплыя повыкопаны, бабы съ ребятишками при нихъ, семьями себѣ живутъ, хозяйствуютъ. А правитъ станомъ теплымъ попъ, духовнаго чина, Ярилой зовется, а кто его Винохватомъ величаетъ.

— Коли Винохватъ—стало тебѣ пріятель! замѣтилъ, не утерпѣвъ, Ферапонтовъ и усмѣхнулся себѣ въ серебристую бороду.

— Что-жъ, бояринъ, не потаюсь: попъ мнѣ пріятель.

— Ступай къ попу въ станъ, денегъ ему свезешь; наладишь его съ тысячью къ Курскому, чтобъ къ ночи подошелъ,—рѣшилъ бояринъ.—А ты, Ферязь, накажи севрюкамъ моимъ боярскимъ: завтра-де на конь! Съ Богомъ, идите! Спать пора, подыматься вѣдь до свѣту!...

Дворецкій и Ера, низко поклонясь боярину, вышли изъ горницы. Но бояринъ и не ложился: всю ноченьку зимнюю, непогодную, напролетъ прокороталъ у стола со своими думами.

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ДНЕВНИКЪ ЗАКЛЮЧЕННАГО [1].

XVII.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ часовые на валу очень деликатны съ заключенными, покрайней мѣрѣ—нашего коридора. Сегодня увидалъ знакомаго, разговорился, и вотъ что услышалъ, конечно урывками: „... Да что теперь? И умирать, право, не жаль! Вѣдь вонъ какъ насъ морятъ! На свои денежки все справилъ,—а обѣдать хошь и не садись. У насъ вонъ въ ротѣ 240 человѣкъ, а никто и не подступается къ мискѣ,—только хлѣбцемъ и живешь. Цѣлую-то недѣлю только и варятъ, что свеклу—посмотрѣть-то на нее не хорошо; а въ воскресенье дадутъ крохотный кусочекъ мяса,—на одинъ жевокъ... Водку даютъ два раза въ недѣлю, а служба-то не легкая теперь; прежде давали три, четыре раза, да видно не расчетъ,—начальству мало оставалось, вотъ оно и поубавило на половину... Горько жить-то! Да вотъ скоро пойдемъ на поляковъ, ну, и умирать-то—не жалѣючи умрешь!!.. Вонъ князь Константинъ отписалъ брату-царю, чтобы по уборкѣ хлѣба всѣмъ войскамъ идти маневромъ на поляковъ,—значитъ, пойдемъ по лѣсамъ да по дорогамъ—на поляковъ... У насъ и смотръ-то будетъ скоро; послѣ смотра и пойдемъ отсюда, а сюда придутъ уланы; ужъ больно-то они оборвались, да и убыли много у нихъ,—вѣдь съ поляками дрались,—такъ ихъ сюда, вмѣсто насъ, на поправку, на отдыхъ“...

---

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“ томъ IX, стр. 88.

Послѣ обѣда былъ въ банѣ. Со времени повстанія въ баню водятъ разъ въ двѣ недѣли, и водятъ не мимо ордонансъ-гауза или казармъ, а непремѣнно черезъ базаръ, гдѣ постоянно толпятся солдаты и солдатки-торговки, позволяющія себѣ насмѣшки и прочія грубыя выходки противъ „мятежниковъ".

Конечно, нагло-улыбающаяся въ лицо рожа, или острота какой нибудь развратной гарнизонной бабенки не можетъ оскорбить человѣка,—но все-же пріятнѣе было-бы не видѣть этого, не слышать ихъ грубаго воя.

Баня всегда доставляетъ мнѣ нѣсколько матеріаловъ для дневника; народъ, прислуживающій тамъ, не глупый: понимаетъ, гдѣ „начало всѣхъ золъ",—ну, и бесѣдуетъ со мною откровенно. „Смотритель бани", по-просту—старшій банщикъ Антоновъ, сегодня вполнѣ удовлетворилъ моей любознательности относительно одной интересной личности, которую я иногда вижу во время прогулокъ. Эта личность, уже убѣленная сѣдинами—начальникъ инвалидной команды, находящійся здѣсь подъ судомъ (за грабежъ, превышеніе власти и т. п. злоупотребленія по службѣ) съ 1859 года. Съ разрѣшенія (мѣстныхъ) властей, онъ безпрепятственно во всякое время ходитъ съ гауптвахты (на которой содержится) въ трактиръ, въ гости, даже выѣзжаетъ за крѣпость, однимъ словомъ—пользуется свободою, вполнѣ удовлетворяющею его требованіямъ... въ ожиданіи того времени, когда „благодѣтели" выручатъ его.

— Кажется, нигдѣ нѣтъ такого мошенничества, какъ здѣсь, въ крѣпости, говорилъ дальше Антоновъ:—нигдѣ такъ солдатъ не обиженъ, какъ здѣсь, а жаловаться не смѣй—бѣда будетъ!.. Хотя бы уже обкрадывали только, а то еще велятъ на свои деньги одѣваться,—а гдѣ онѣ, свои-то? Пятьдесятъ копѣекъ жалованья въ треть?.. Вонъ я пятнадцать почти лѣтъ служу, а стыдно сказать—почти безъ штанишекъ хожу... Теперь насъ, второй разрядъ, отдѣлили, а чуть ли не хуже стало. Вотъ теперь день-другой провозишься въ банѣ до тошноты—вѣдь нѣсколько сотъ арестантовъ-то перебываетъ!—а въ остальные дни посылаютъ на работу къ дьячкамъ, да къ попамъ; а они-то, попадись только къ нимъ въ руки, помучаютъ; цѣлый день—какъ лошадь ломовая...

— Да вѣдь не даромъ же работаешь, замѣтилъ я:—вѣрно тебѣ за это перепадаетъ 40—50 копѣекъ?

— Какъ бы не такъ; да онъ подавится—попъ-то—прежде, чѣмъ за такую работу заплатитъ десять копѣекъ!.. Даютъ за цѣлый день работы по 15-ти грошей [1]), вотъ и все. Да я бы ему далъ своихъ десять копѣекъ, лишь бы такъ не мучилъ...

Разговоръ зашелъ о здѣшнемъ монополистѣ, евреѣ Гвегенѣ, подъ „русскою фирмой" содержащемъ крѣпостной трактиръ и лавочку.

---

[1]) $7^1/_2$ копѣекъ.

— Гдѣ достать-то солдату копѣйку? говорилъ Петровъ, помощникъ Антонова.—А и достанешь, такъ неволёнъ на нее выпить водки, гдѣ дешевле, а долженъ тутъ; а тутъ-то водка по семи грошъ! Нигдѣ такъ дорого не продаютъ водки, какъ тутъ! Вонъ за Вислой—по четыре гроша... Да вотъ что я вамъ скажу: какъ только жалованье солдатамъ раздаютъ, то ихъ никуда не выпускаютъ за крѣпость,—хоть бы и съ билетомъ [1]) былъ; ну, всѣ денежки, жалованье-то, солдатикъ и спуститъ здѣсь, жиду Гвегену,—напьется его водки-неводки...

Изъ дальнѣйшей бесѣды оказывается, что Гвегеномъ недовольны и офицеры здѣшняго (Новогеоргіевскаго) полка,—дурно кормитъ, и они намѣрены хлопотать объ устройствѣ другаго трактира, содержателемъ котораго былъ бы русскій.

Отъ Гвегена перешли къ Радкевичу, о которомъ Антоновъ такъ отозвался: „Ну, этотъ не можетъ обойтись безъ крѣпкаго словца; отъ Радкевича—къ „забраннымъ", и я услышалъ преинтересную новость: здѣсь, въ крѣпости, распространенъ между солдатами слухъ, яко бы пани Драминская—„польская царица".

— Она-то—объяснялъ мнѣ Петровъ—не за мятежъ взята, а потому, что царица ихъ; она и въ шайкахъ не была, а только, значитъ, кресты и разные ордена своимъ посылала,—вотъ ее и забрали...

3-го іюля. Во всемъ, во всемъ злоупотребленіе и пользованіе настоящими событіями для набивки бездонныхъ кармановъ! Мерзкій монополистъ жидъ Гвегенъ, „ублаготворяя кого слѣдуетъ", немилосердно деретъ съ заключенныхъ, но главное—дурно кормитъ, не говорю уже однообразно: каждый день одно и то же, одно и то же,—даже опротивѣло, апетитъ теряется; между тѣмъ какъ прежде раза четыре въ недѣлю дѣлались перемѣны въ блюдахъ. На мои протесты, онъ рѣшился наконецъ немного поразнообразить второе блюдо: прислалъ вчера вмѣсто всегдашняго плохаго жаркого съ картошкою—мясо съ крутою гречневкой; но эта каша была хуже солдатской: крупа не перемыта, съ пескомъ, и ни капли—не то что масла, даже сала! Я позвалъ Канарева, далъ ему попробовать и велѣлъ показать ее Радкевичу, чтобы тотъ донесъ плацъ-маіору Износкову, что трактирщикъ начинаетъ насъ кормить хуже чѣмъ съ котла, хотя мы платимъ ему такія же деньги, какъ и обѣдающіе непосредственно въ трактирѣ.

Эта моя претензія осталась не только безъ вниманія, но и повела еще къ худшимъ результатамъ: сегодня приносятъ обѣдъ двумя часами позже обыкновеннаго, т. е. въ три часа—плацъ-маіоръ, молъ, приказалъ такъ,—это разъ, а другое: супъ—холодный, мутный, ка-

[1]) Безъ билета солдатъ за крѣпость не пускаютъ, а билетъ достать трудно.

кого-то страннаго вкуса; вмѣсто жаркого—какіе-то объѣдки, обгрызки, обрѣзки жилъ и сала; видно, что экономическіе виды еврея и увѣренность его въ безнаказанности—вѣдь рука руку моетъ—убѣдили его испробовать давать намъ остатки послѣ обѣдающихъ въ трактирѣ. Многіе изъ заключенныхъ, по словамъ Канарева, не ѣли этой дряни, и молчали; я же, выведенный изъ терпѣнія подобною плутнею, подобнымъ подлымъ пользованіемъ обстоятельствами, написалъ коменданту записку, которую и привожу здѣсь, какъ одинъ изъ моихъ протестовъ въ казематахъ:

„Ваше превосходительство!

„Съ тѣхъ поръ какъ еврей содержитъ трактиръ, пища день ото-дня болѣе и болѣе ухудшается; по своему качеству она болѣе похожа на пищу „съ котла", нежели „съ трактира". Не имѣю положительныхъ данныхъ, чтобы сказать, на чемъ основываетъ содержатель трактира злоупотребленія относительно насъ, но имѣю ихъ достаточно, чтобы сказать, что пища приготовляется намъ самаго дурнаго качества: 1) впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не даютъ никакой перемѣны въ блюдахъ, 2) песокъ и нечистота въ пищѣ, 3) подаютъ часто слитки съ супа, оставшагося послѣ обѣдающихъ въ трактирѣ. На всѣ мои справедливыя требованія, претензіи, мнѣ отвѣчали, что я могу „жаловаться коменданту, плацъ-маіору, но это ничего не поможетъ".—Я не только передавалъ мои справедливыя просьбы черезъ жандарма смотрителю казематъ, штабсъ-капитану Радкевичу, но для доказательства ихъ справедливости оставлялъ обѣдъ на-показъ; но какъ эти, такъ и другія мои законныя претензіи оставались безъ вниманія со стороны хозяина казематъ, г. Радкевича, вслѣдствіе чего я и рѣшился безпокоить ваше превосходительство просьбою: войти въ наше положеніе".

„Модлинскіе казематы, О—въ.
„1863 г. 3-го іюля.

Эту записку я написалъ подъ вліяніемъ негодованія; она, можетъ быть, покажется слишкомъ рѣзкой, но зачѣмъ ослаблять правду утонченными выраженіями....

Такъ какъ она должна прежде всего попасть въ руки Радкевича, то навѣрно застрянетъ въ карманѣ кого нибудь изъ этихъ „благотворныхъ" дѣятелей и не достигнетъ цѣли,—это положительно можно сказать. Вотъ подымутъ-то опять противъ меня бурю!...

Радкевичъ, какъ только отдалъ ему Канаревъ записку, сейчасъ пошелъ къ З—ну и пробылъ у него съ полъ-часа, вѣроятно, выслушивая его совѣты.

Это говорилъ самъ Канаревъ, заходившій ко мнѣ передъ прогулкой сообщить, что пани Драминскую перевели въ номеръ первый нашего коридора. Вѣроятно, боги умилостивились надъ бѣдною женщиною; вѣдь ей еще хуже, чѣмъ многимъ здѣсь: ее никуда не пускаютъ изъ номера. Воображаю, какъ она рада свѣту и воздуху.

4-го іюля.—Что это значитъ, что у дверей номера З—на жандармъ переминается съ ноги на ногу болѣе полъ-часа? Не плацъ-маіоръ ли, рѣдкій теперь гость здѣсь, у него?—Стучусь „въ преветъ"; выхожу—у плотно-притворенныхъ дверей стоитъ Канаревъ.

— Кто тамъ? тихо спрашиваю его.

— Плацъ-маіоръ Ивановъ съ дежурнымъ офицеромъ.

Въ преветѣ ожидали меня двѣ записки, отъ А* и У*, и обѣ—прощальныя: ихъ „переводятъ сегодня, вѣроятно, въ арсеналъ"...

Однако, что-то долго бесѣдуетъ Ивановъ съ З—номъ! Да и неудивительно,—вѣдь рѣзкое посланіе мое къ коменданту непосредственно относится къ нему, Иванову, какъ главному начальнику по хозяйственной части заключенныхъ.

Ясно, что Ивановъ зашелъ къ З—ну, чтобы посовѣтоваться и наслушаться комплиментовъ отъ этой низкой, продажной душенки.

Стою у окна и думаю: „долго, долго,—вѣрно З—нъ далъ просторъ своему вѣчно-лживому языку, а сердца тюремщиковъ радуются, что нашли себѣ адвоката между заключенными"... Наконецъ, дверь съ шумомъ отворяется,—входитъ Ивановъ въ сопровожденіи дежурнаго офицера. Я дѣлаю два шага на встрѣчу ему,—дверь снова притворяется, но такъ, что въ скважину ея видѣнъ стоящій въ коридорѣ Канаревъ.

— Я... до меня—началъ сбивчиво плацъ-маіоръ, стараясь казаться во всей своей масляной фигурѣ непринужденнымъ; но дѣйствіе моей записки ясно отпечатывалось на ней:—до меня вчера только дошла ваша претензія; я въ первый разъ слышу о ней. Говорятъ, что только вчера былъ дурной обѣдъ, а прежде всегда хорошъ.

— Не вчера только, а и третьяго дня я оставлялъ на показъ кашу съ пескомъ,—кашу, какую бы солдату съ котла не дали! Уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я почти каждый день черезъ служителей и жандармовъ высказываю мои претензіи трактирщику, Радкевичу, и даже Газѣеву; но всѣ мои протесты, всѣ просьбы остаются безъ вниманія! И такую дурную пищу даютъ почти съ самаго начала моего заключенія здѣсь!...

— Я же вамъ говорю, что я въ первый разъ слышу о дурной пищѣ.

— А я, повторяю, уже не въ первый разъ жалуюсь, даже писалъ записки; а теперь рѣшился безпокоить коменданта...

— Я вамъ говорю, что я въ первый разъ объ этомъ слышу; и генералъ вашего письма еще не видѣлъ... Прошу васъ доносить прямо мнѣ черезъ жандарма ваши претензіи; я ничего не слыхалъ!

— Это значитъ, что мои жалобы и записки не доходили до цѣли, какъ и вообще всѣ мои претензіи оставались безъ вниманія со стороны Радкевича...

— Радкевича мнѣ сейчасъ хвалили.

— Не знаю, кто вамъ хвалилъ! Развѣ только другъ его можетъ

похвалить его; но я вамъ искренно говорю, что здѣсь было ужасное обращеніе,—въ коридорѣ и по номерамъ поминутно слышалась татарская брань до тѣхъ поръ, пока я не высказалъ своей претензіи коменданту, черезъ плацъ-адъютанта Юнина... Я нѣсколько разъ жаловался, что часовые ходятъ за нуждой въ углу коридора и подъ окномъ у меня, но Радкевичъ на это не обращаетъ вниманія, какъ и на другія мои претензіи,—а между тѣмъ отъ этого заражается еще болѣе и безъ того зараженный воздухъ!... Часовые грубы съ заключенными... Меня даже ругали татарскимъ словцомъ!...

— Кто же это? Не Радкевичъ ли?

— Нѣтъ.

— Не жандармы ли?

— Нѣтъ; здѣсь жандармы — люди очень порядочные, и если бъ Радкевичъ походилъ на нихъ, то вѣроятно всѣ были бы довольны обращеніемъ въ казематахъ!... Но я это высказалъ не для претензіи, а только для того, чтобы дать вамъ маленькое понятіе о господствующемъ здѣсь обращеніи... Будьте увѣрены, что я больше жалѣлъ о грубости тѣхъ, кто меня такъ ругалъ: не они виноваты!...

Иванова немного передернуло.

— Всѣ претензіи прямо мнѣ доносите черезъ жандармовъ; моя обязанность—справедливую претензію удовлетворить, перебилъ онъ меня и, какъ-то торопливо раскланявшись, вышелъ.—Слышалъ, что̀ я сказалъ?! обратился онъ въ коридорѣ къ Канареву:—сейчасъ же мнѣ прямо доносить о пищѣ!... Мужикъ, помѣщикъ, офицеръ—недовольны пищею—сейчасъ же мнѣ донести!...

Дверь была полуотворена и я видѣлъ, при громкомъ приказаніи жандарму, что физіономія Иванова совершенно не принимала участія въ искусно выраженномъ голосомъ неудовольствіи. Понимаю этотъ крикъ на весь коридоръ: вѣдь его услышатъ шесть—восемь нумеровъ и, пожалуй, подумаютъ: вотъ какъ о насъ заботится русское начальство?! Посмотримъ, что дальше будетъ! Подождемъ обѣда!.. Врядъ ли, выдетъ толкъ. Вѣдь рука руку грѣетъ! Нужно же трактирщику сторицей вознаградить себя!! . . . .

Въ часъ (пополудни) заглянулъ ко мнѣ Алексѣйчукъ:

— Ваше благородіе, вамъ сейчасъ принесу обѣдъ... прежде другихъ.

„Ну—думаю—кажется, хорошіе результаты; по крайней мѣрѣ пообѣдаю во-время, когда апетитъ является, а не въ три часа, когда отъ голода и нетерпѣнія поѣшь чернаго хлѣба, а потому потеряешь апетитъ". — Жду часъ, жду другой; наконецъ, въ три часа приносятъ.

— Алексѣйчукъ, что-жъ ты говорилъ: „въ часъ"?

— Да не отпускали.

— Что это?—А! борщъ...

То-есть на языкѣ трактирщика борщъ, а въ сущности — одна

жидкость, приправленная мукою и молокомъ, безъ всякой гущи, развѣ только попадется кусочекъ листка—зелени отъ бурака, а самихъ бураковъ нѣтъ. Ну, хоть горячъ!.. Затѣмъ второе блюдо—та же самая исторія! Не угадалъ ли я, что весь этотъ крикъ на весь коридоръ—пустой звукъ, громкая фраза?

Конечно и записка моя застряла въ карманѣ у Иванова, не дошла къ коменданту; я это впередъ зналъ. Вѣдь старикъ комендантъ—честнѣе всѣхъ въ сложности, и вѣроятно порядочно распекъ бы кого слѣдуетъ... Нѣтъ, довольно хлопотать объ улучшеніи пищи этимъ путемъ! Просилъ, просилъ своего — ничего не помогаетъ! Напрасно горячо принимать это зло! Только тратишь здоровье! Лучше похладнокровнѣе буду продолжать борьбу съ этого рода горячими патріотами! Съ однимъ дѣло покончилъ блистательно... Что же касается обѣда, то черезъ день скромно, но упорно буду отсылать мясо съ жандармами въ трактиръ, для перемѣны на что-нибудь другое, какъ и слѣдуетъ по трактирнымъ правиламъ; одновременно буду посылать жандарма и къ Иванову; хоть бы каждый день пришлось посылать—тѣмъ лучше; не тѣмъ, такъ другимъ, а настою на своемъ!..

Когда Алексѣйчукъ пришелъ за посудою, я ему сказалъ: „если завтра тебѣ будутъ давать такое же мясо, какъ сегодня — не бери; скажи, что я требую перемѣны!..“

Пришло это завтра,—та же исторія...

— Алексѣйчукъ, что я тебѣ сказалъ!

— Я говорилъ въ трактирѣ: не возьму этой порціи, несите сами...

На этомъ словѣ ко мнѣ вошли Демьянъ и Канаревъ съ извиненіями отъ трактирщика, что „сегодня другаго ничего нѣтъ“, но съ завтрашняго дня будутъ давать мнѣ „отдѣльно и съ перемѣною втораго блюда“...

Отчего же только мнѣ, какъ исключенію? Неужели другіе такъ и останутся въ когтяхъ алчнаго Іуды?!—Это вѣрно, и никакіе мои протесты не помогутъ тутъ!

6-го іюля. Опять пришлось ждать обѣдъ опять до трехъ часовъ, но зато мнѣ, какъ исключенію, вмѣсто опротивѣвшаго мяса принесли телятину.

— А остальнымъ—что всегда даютъ, улыбнулся Алексѣйчукъ...

Прошелъ еще день, и опять исторія съ обѣдомъ. Принесли поздно, и вмѣсто супу—грязные, холодные слитки (съ остатковъ),—ну, просто помои, которыя я немедленно и отослалъ назадъ, съ приличнымъ обстоятельству предостереженіемъ трактирщику. На это мнѣ черезъ полчаса прислали дѣйствительно чистый супъ, самаго легкаго приготовленія: капля маслица, разбавленнаго квартою кипятка; отослалъ и его, опять съ жандармомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что трак-

тирщикъ обѣщалъ съ завтрашняго дня „давать мнѣ одновременно съ господами“, обѣдающими въ его трактирѣ, а слѣдовательно— и добросовѣстно. Посмотримъ!

Дѣйствительно, на слѣдующій день мнѣ дали обѣдъ „одновременно съ господами“, т. е. гарнизонными бурбонами, обѣдающими въ трактирѣ ровно въ часъ, и притомъ несравненно лучшаго достоинства, чѣмъ прочимъ заключеннымъ, берущимъ „съ трактира“: борщъ — какъ борщъ, жаркое — какъ жаркое, — хоть съ апетитомъ поѣлъ! Ну, слава... моимъ усиліямъ, а никакъ не г. Иванову.

Нѣтъ, жидъ побѣдилъ-таки золотомъ своимъ! Спустя день, прислалъ вонючую телятину — просто падаль! Отсылаю ее съ Алексѣйчукомъ назадъ, для перемѣны.

— Велѣли передать: перемѣны не будетъ, объявилъ онъ, вернувшись:—плацъ-маіоръ былъ на кухнѣ, видѣлъ телятину и сказалъ: хороша!..

Я написалъ коротенькую записку и просилъ жандарма (не Канарева, котораго что-то не видно, а другаго, не изъ порядочныхъ) отнести ее вмѣстѣ съ телятиною къ Иванову; тотъ сперва мялся, предлагалъ лучше перемѣнить ее, чѣмъ посылать плацъ-маіору; я настаивалъ на своемъ.

— Да вы бы за обѣдомъ всегда посылали жандарма, а не служителя; на кухнѣ-то думаютъ, что это для поляка, сказалъ онъ съ чуть замѣтною ироніею и отправился съ телятиной.

Спустя нѣкоторое время, входитъ ко мнѣ Демьянъ (который до сихъ поръ еще не убирается отсюда):

— Старшій-то смотритель трактира говоритъ, что всѣ ѣдятъ обѣдъ и не жалуются, а только вы недовольны.

— Они не жалуются изъ боязни, чтобы хуже не было...

На этомъ словѣ вернулся съ телятиною жандармъ:

— По ошибкѣ я понесъ ее не къ Иванову, а Износкову. „Записка не до меня, говоритъ, и скажи имъ, что я ѣлъ, и гости ѣли и сказали: хороша“...

Голоденъ. Посылаю Алексѣйчука за рѣдькой на 4 гроша и на грошъ конопляннаго масла. — Рѣдьку купилъ на базарѣ, а масла не принесъ: лавочникъ, молъ, не даетъ на грошъ,—говоритъ, мѣры у него на грошъ нѣтъ.

— Прежде же давалъ?

— И я ему говорю: прежде же давалъ? дай и теперь,—это ей Богу для меня.—Врешь, говоритъ, это не для тебя, а для офицера,— и не далъ...

Весь воровской міръ въ крѣпости вооружилъ я противъ себя! По всей справедливости—вѣроятно, меня называютъ неспокойнѣйшимъ и строптивѣйшимъ изъ всѣхъ заключенныхъ...

На слѣдующій день, часовъ въ 12, является тотъ же Алексѣйчукъ:

— Капитанъ [1]) приказалъ спросить васъ, будете ли вы сегодня брать обѣдъ съ трактира?

— Откуда-жъ мнѣ больше брать?.. Конечно, буду; пусть только добросовѣстно кормятъ, а не грабятъ, отвѣчалъ я, догадавшись, что вопросъ сдѣланъ мнѣ по внушенію Иванова, который въ это время сидѣлъ въ сосѣднемъ номерѣ (у З — на),—вѣроятно, пожаловалъ по поводу моей записки, но ко мнѣ не заглядывалъ. — Да, жидъ побѣдилъ. Слѣдствіемъ моихъ протестовъ было не улучшеніе, а ухудшеніе пищи...

Послѣ обѣда узналъ отъ Алексѣйчука, что Комарова „увели съ дежурства въ полицію". Бѣдный, съ горя больно запилъ, — видно, сильно полюбилъ Афросиньюшку, а она то ему не сочувствуетъ... Теперь долго не придется читать русскихъ газетъ, — надолго закроется для меня міръ дѣятельности. Впрочемъ, я уже отвыкъ отъ чтенія, уже не рвусь, какъ прежде, къ печатному слову, уже не тоскую, не скучаю, не видя его — постепенно привыкъ къ этому умственному голоду, какъ ко многому привыкаетъ человѣкъ въ моемъ положеніи.

По уходѣ Алексѣйчука, ко мнѣ является служитель того коридора и жалуется, что все его „обращеніе съ дѣтушками и старичками" (т. е. съ заключенными) остается безъ вознагражденія,—„даже гроша не получилъ" (вретъ, плутъ!), при этомъ скорчилъ просящую „на водку" гримасу. Я ему далъ 10 грошей (5 коп.) и посовѣтовалъ „не ябедничать", обходиться съ заключенными человѣчно, покупать имъ—у кого есть на рукахъ деньги—булки, хлѣбъ, „потому что все это необходимо для жизни..."

— Тогда и они съ тобою будутъ хороши: будутъ дарить тебя и любить, добавилъ я.

— Я ли объ нихъ не хлопочу! отвѣчалъ онъ (повидимому искренно). — Часто попросятъ у меня хлѣбца: дядюшка, молъ, дай хлѣбца, ѣсть хотимъ,—ну, я имъ и дамъ...

Теперь въ нашемъ коридорѣ сидятъ по большей части по одному, по двое; въ казематахъ осталось около 60 человѣкъ—атмосфера легче; остальныхъ перевели въ кавказскія казармы, откуда незамедлятъ многихъ отправить въ Россію, куда уже отправлено отсюда, въ разное время, до 800 человѣкъ.

Вечеромъ получилъ нѣсколько записокъ; въ одной—три товарища Межеевскаго просятъ меня переписываться съ ними (чего я не сдѣлаю) и затѣмъ сообщаютъ, между прочимъ, что „при переводѣ на

[1]) Штабсъ-капитана Радкевича здѣсь почти всѣ называютъ капитаномъ.

Кавказъ—Межеевскаго, какъ и прочихъ, осматривали". Главная цѣль этихъ повторительныхъ осмотровъ, какъ кажется, отыскать деньги, и если таковыя найдутся—конфисковать ихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ свою пользу, какъ то было сдѣлано съ деньгами Постриха, Левицкаго (товарища Дембицкаго) и многихъ другихъ.— Другая записка, отъ S., гласила, что „въ польскихъ отрядахъ—много русскихъ"; третья извѣщала о распоряженіи „Національнаго польскаго правительства", чтобы всѣ поляки, служащіе въ русскихъ войскахъ, пристали къ дѣлу свободы [1]).

Несмотря на такой интересъ извѣстій, я думаю на время прекратить переписку, во-первыхъ потому, что „кто-то другой" распоряжается нашими записками и вчера еще „забралъ" вмѣстѣ съ моею запискою и свѣчку; а во-вторыхъ, по словамъ Алексѣйчука, „плацъ-маіоръ ходилъ въ преветъ и смотрѣлъ на исписанныя разными знаками стѣны", что вполнѣ подтверждается стараніемъ, съ какимъ жандармы и служителя теперь стираютъ тамъ надписи; все это вмѣстѣ доказываетъ небезопасность корреспонденціи въ настоящее время. Да наконецъ—пора поуспокоиться, отдохнуть. Итакъ, прекращаю переписку до послѣднихъ недѣль моего увольненія, а тамъ возобновлю ее, чтобы имѣть лучшее понятіе о ходѣ дѣлъ на „томъ свѣтѣ"...

Посмотрѣлъ на стѣнной календарь (составленный мною въ день перевода въ этотъ номеръ)—уже много столбцовъ повымарано, 10 недѣль и 4 дня еще бѣлѣются, немало еще остается сидѣть здѣсь, а въ карманѣ всего 28 рублей... Нужно быть поэкономнѣе. Въ послѣднее время я тратилъ не болѣе какъ по пяти рублей въ мѣсяцъ; но и это много: вѣдь впереди—темь, темь!.. Ну, что жъ, вмѣсто полубѣлаго хлѣба къ чаю—начну брать черный (какъ онъ ни пахучъ, ни червивъ), и кромѣ табаку, чаю, сахару—ничего не буду покупать: до сихъ поръ я позволялъ себѣ иногда покупать на ужинъ—или на 2 коп. свинаго сала, или селедку въ 3 коп., которую и дѣлилъ на 2 дня, или луку на копѣйку, или рѣдьку,—теперь буду довольствоваться кускомъ чернаго хлѣба съ водой; мелкое бѣлье, какъ то: платки, носки (за мытье которыхъ здѣсь дерутъ по 7 грош. за штуку)—самъ буду мыть, благо есть довольно свободнаго времени; наконецъ, буду раньше ложиться спать, часовъ въ девять, въ десять,—казенныя свѣчи останутся въ экономіи [2]); такимъ образомъ лишній грошъ припрячу на неизвѣстное будущее.

---

[1]) Къ „справѣ вольносци".

[2]) Теперь отпускается мнѣ казенныхъ сальныхъ свѣчей по 6 фунтовъ въ мѣсяцъ, слѣдовательно на $1^1/_2$ фунта меньше, чѣмъ зимой.

XVIII.

Вотъ уже четвертый день, какъ, проходя мимо служительской, я вижу за проволочною рѣшеткою (за которою во время свиданій становятся посѣтители) молодую дѣвушку, лѣтъ девятнадцати, конечно—арестованную. Исключительное положеніе ея заинтересовало меня: кто она, и за что сидитъ при такой странной обстановкѣ? Нужно развѣдать, подумалъ я... и вотъ что̀ узналъ отъ новаго дежурнаго жандарма Жур..а: „Она служанка одного артиллерійскаго офицера. Она говоритъ, что когда была на огородѣ, то нашла какую-то бумагу; въ то время на огородѣ работало нѣсколько гражданскихъ арестантовъ, и одинъ изъ нихъ попросилъ у нея эту бумагу на папиросы; ну, она-то не умѣетъ читать, значитъ не знала что тамъ писано, и какая это бумага,—да и отдала ему; а арестантовъ всегда осматриваютъ съ работы, такъ у него и нашли эту бумагу. Оказалось, что это была плаката (прокламація),—стали допрашивать:—Гдѣ взялъ?—„Такая-то служанка дала".—Ну, ее плацъ-маіоръ и велѣлъ посадить сперва въ казематы, потомъ перевели въ полицію, а теперь снова привели сюда; да вѣрно мѣстъ-то нѣтъ, такъ и посадили за перегородку свидальняго покоя, гдѣ теперь служительская".

— Ну, а ка̀къ ее кормятъ? спросилъ я Жур..а.

— Да только хлѣбъ и воду даютъ; строго-на-строго плацъ-маіоръ и капитанъ приказали, чтобы ей ничего не давать, кромѣ хлѣба. Видно, хотятъ помучить, чтобъ по ихнему сказала, а она, бѣдная, все плачетъ, плачетъ, говоритъ: ничего не знаю,—читать-то не умѣю и не знала, какая это бумага, что нашла: хорошо ли тамъ написано, или не хорошо...

— Русская, или полька?

— Полька. Когда она сидѣла въ полиціи, ей приносили чай и обѣдъ, отъ ея господъ, но потомъ плацъ-маіоръ Износковъ запретилъ это... Она говоритъ, что сидѣть здѣсь лучше, потому—не такъ безпокойно, какъ въ полиціи; въ полиціи-то она сидѣла съ разными солдатами въ одной комнатѣ, тамъ вмѣстѣ и спали... Ну, это не хорошо; а еще хуже, что въ эту комнату дверь не запирается изъ другой, въ которой живутъ полицейскіе; ну, извѣстное дѣло, она молода, хороша,—такъ эти-то полицейскіе больно къ ней приставали, да и часто непристойныя слова говорили,—все же она дѣвушка!—не хорошо... Здѣсь-то она имѣетъ и тюфякъ; вотъ только голодаетъ...

— Да ты бы ей давалъ хоть тайкомъ поѣсть,—вѣдь много остается; нужно ее пожалѣть, вѣдь она женщина, да и можетъ — ни за что посажена... Я, пожалуй, готовъ черезъ тебя ей помочь, или дать работу какую нибудь, чулки что̀ ли вязать,—вотъ ей и не такъ скучно будетъ, и деньги заработаетъ, упрашивалъ я жандарма.

— Да кабы я одинъ былъ, а то вѣдь и другой жандармъ [1]) здѣсь, да трое служителей; донесутъ, такъ бѣда будетъ; а дверь-то (съ площадки) на замкѣ, — какъ ей дашь? Черезъ рѣшетку ничего не пролѣзетъ!—Нельзя никакъ помочь...

Не скоро вырвется она отсюда, хотя бы даже была доказана ея невинность; ибо относительно попавшихъ сюда по разнымъ недоразумѣніямъ—практикуется политика обѣщаній... А какая нравственная пытка для заключеннаго ждать обѣщаннаго увольненія,—томительно ждать и быть обманутымъ, потомъ опять ждать съ нетерпѣніемъ, и т. д., пока черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно освободятъ...

Часто теперь задумываюсь я о той счастливой минутѣ, когда надѣну свою „украинку" (барашковую шапку), сяду на извощика, свободно, всею грудью вздохну и поѣду... Куда?.. Хожу по каземату; подойду къ „стѣнному календарю" и задумаюсь о туманной моей будущности... Но ничего не думается о ней; какой-то мракъ застилаетъ тогда мои мысли. Стою только, вперивши глаза въ „календарь", стою, крѣпко задумавшись; но не мысль о будущемъ, а что-то неясное, неопредѣленное, имѣющее связь съ будущимъ—смутно проносится въ головѣ моей. Тогда и легко становится мнѣ, и что-то вдругъ стиснетъ грудь мою,—и отрадно, и тоскливо на душѣ!.. Долго стою такъ, пока шумъ въ коридорѣ, или отяжелѣвшія ноги (я очень ослабъ въ заключеніи) не пробудятъ меня отъ этого полузабытья.

Теперь я пишу дневникъ больше послѣ прогулки до обѣда; вечеромъ же сажусь на окно, и опять неясныя думы вытѣсняютъ одна другую... и передъ глазами день смѣнятъ сумерки, сумерки—ночь, — и тогда дѣлается легче.

Вообще здѣсь сумерки и ночь вливаютъ какой-то покой въ душу,— не оттого ли, что не видишь этихъ, исписанныхъ именами жертвъ, мрачныхъ стѣнъ, что не видишь этихъ солдатъ, такъ заботливо стрегущихъ свою неволю, и тѣмъ не рѣдко возбуждающихъ во мнѣ желчь, что не видишь этого несчастнаго міра?

9-го іюля. Бѣдную дѣвушку „водили въ комиссію", послѣ чего, благодаря жандарму Жур...у, ей давали тайкомъ „покушать остатки съ котла". На слѣдующій день „господамъ опять разрѣшили присылать ей обѣдъ и чай". Алексѣйчукъ, сообщившій мнѣ это, говоритъ, что жандармы „съ жалости тайно даютъ ей укрыться на ночь тулупъ свой".

11-го іюля. Плачъ бѣдной дѣвушки что-то громко разносится и непріятно дѣйствуетъ на меня. Какъ глубже чувствуешь страданія ближняго, когда несешь одну съ нимъ долю! Досадно, не у кого спросить о ней: дежурными—одинъ новый, другой дрянной жандармъ

---

[1]) Со времени наполненія казематъ плѣнными, здѣсь дежурятъ по два жандарма.

(оказавшійся „язычникомъ“ Базуновичъ); Алексѣйчукъ же только и сообщилъ, что „носить пищу ей отъ господъ опять запрещено, а позволили давать съ котла“. . . . .

12-го іюля. Мытье платка и наволочки такъ удалось, что я рѣшился мыть и полотенце; право, не хуже прачки вымылъ и притомъ сберегъ копѣйку. Сегодня и починка была: латалъ подметку на торжковскихъ спальныхъ сапогахъ, и всѣ пальцы попортилъ иголкой, — теперь болятъ. А какъ я ослабъ! Кажется, не болѣе часу провозился съ тѣмъ и другимъ, а усталъ такъ, какъ не уставалъ въ Десятомъ павильонѣ, лѣпя изъ хлѣба разныя штуки по цѣлымъ днямъ! Мои ручные мускулы мягки какъ пухъ; далѣе—кости да кожа! Болѣе двухъ минутъ не въ состояніи быстро сгибать рукъ, — чувствую большое утомленіе; когда я въ маленькомъ волненіи, и при этомъ что нибудь дѣлаю, то руки (а при наклоненіи — и ноги) начинаютъ дрожать. Малѣйшій сквозной вѣтеръ, или часовая работа, или маленькое волненіе—и сейчасъ головная несносная боль, чего прежде никогда не случалось.

Прекратилъ корреспонденціи, съ рѣшимостью на-долго не возобновлять ихъ, но вотъ уже третій день на стѣнѣ превета вижу надпись: „Czy jest Y?“ [1]). Надпись того самаго Y* (Леманскаго), который уже простился со мною, одновременно съ Межеевскимъ. Нечего дѣлать, написалъ ему и получилъ отвѣтъ; оказывается, что его „оставили тутъ по неизвѣстнымъ причинамъ“. Далѣе въ запискѣ значилось: „Уличники въ Варшавѣ обрываютъ кринолины у дамъ. Двадцать такихъ обрывателей привезено сюда (въ казематы)“...

На слѣдующій день (13-го іюля), стѣны въ преветѣ повычистили и двери въ предпреветѣ сняли,—не для того ли, чтобъ легче поймать тѣхъ, кто пишетъ тамъ, или дѣлаетъ знаки? Когда я послѣ обѣда хотѣлъ затворить за собою дверь превета, часовой воспротивился этому, говоря: „не приказано“; я прикрикнулъ: и безъ того, молъ, воздухъ въ казематахъ зараженъ! Это подѣйствовало на него, и я первый нарушилъ чистоту стѣнъ, сдѣлавъ знакъ, ибо нашелъ въ условленномъ мѣстѣ записку отъ того же Леманскаго.

14-го іюля — воскресенье. Подхвостокъ Радкевича, Демьянъ— такой набожный, вѣчно по праздникамъ ладономъ накуритъ въ служительской, а оттуда несетъ и въ казематы.

---

[1]) Y, какъ уже упомянуто, мой знакъ.

Когда бываютъ парады, или по послѣобѣдамъ въ праздничные дни, на плацу играетъ музыка, меня и З—на иногда выводятъ на прогулку, но прочихъ—никогда. Вотъ и сегодня вывели меня.

Музыка вызвала на воздухъ много народу—солдатъ, офицеровъ, барынь, нянекъ съ дѣтьми и служанокъ; послѣднія, т. е. няньки и служанки—больше польки, какъ и всегда во время прогулокъ заключенныхъ, разсѣлись на землѣ и на ближайшей къ конвою скамьѣ аллеи; иныя стараются обратить на себя вниманіе, у другихъ на лицѣ—подобіе сожалѣнія, но такъ какъ онѣ по большей части хорошенькія и молоденькія, то я никогда и не смотрю на нихъ.

Изъ ордананс-гауза ведутъ въ казематы партію поляковъ; впереди идетъ Радкевичъ. Поляки размахиваютъ руками и о чемъ-то оживленно бесѣдуютъ между собою съ добрымъ видомъ. Передъ входомъ въ казематы они остановились, и гуляющіе солдаты, галдя и смѣясь, мигомъ обступили ихъ.

— Вотъ тсе и крулевство польское! гаркнулъ одинъ..

Послѣдовалъ взрывъ хохота... Крѣпостныя дамы, важно гулявшія по ближайшей аллеѣ, также остановились посмотрѣть на „мятежниковъ“; торжество сіяло на ихъ тупыхъ, у многихъ заплывшихъ жиромъ физіономіяхъ. „Мятежники“ съ своей стороны полунасмѣшливо, презрительно посматривали на грубую толпу... Между тѣмъ, Радкевичъ, съ сознаніемъ всей важности своей обязанности тюремщика, раставлялъ ихъ по порядку, и по два, по три вводилъ въ казематы. Вотъ увелъ послѣднихъ; за ними пошелъ и я, не догулявъ. Непріятно было проходить толпу военной черни, хотя меня и не преслѣдовали тѣмъ, чѣмъ за минуту назадъ „мятежниковъ“. Четверо изъ этихъ несчастныхъ лежали, окруженные конвоемъ, на верхней площадкѣ—видно было, что крѣпко устали; лѣстница передъ рѣшетчатыми (казематными) дверями также была наполнена конвойными, караулившими трехъ-четырехъ „мятежниковъ“; на самой площадкѣ (казематa) двухъ раздѣвали и осматривали; это и было причиною, что остальные оставались на лѣстницѣ и верхней площадкѣ.

Сижу на окнѣ, размышляя о грубыхъ выходкахъ гарнизонныхъ надъ безоружными, лишенными свободы людьми, и слышу крикъ Радкевича:

— Поворачивай его! Кругомъ обыскивай! Что ты тамъ, такой-сякой!?—панъ, да проше пана...

Пауза.

— Ну же, такой-сякой, морду сейчасъ поколочу!..

Не удержался негодяй отъ площадной брани, несмотря на офиціальное внушеніе „крѣпиться!“ Пощадилъ бы хоть нравственное чувство Траминской, которая сидитъ тутъ же, рядомъ съ караульною площадкой... Какъ-то на-дняхъ, завидя меня, онъ шмыгнулъ къ ней въ кепи и громко спросилъ: „Ну что пани, весело?“ и разсыпался мелкимъ смѣшкомъ... Въ самой любезности его столько омерзительнаго!

На слѣдующій день (15-го іюля) я видѣлъ во время утренней прогулки нѣсколько молодыхъ польскихъ дамъ, шедшихъ въ ордананстъ-гаузъ, какъ видно, на свиданіе съ своими братьями, мужьями, отцами; нѣкоторыя еле двигались подъ тяжестью огромныхъ мѣшковъ и узловъ.

Спустя четверть часа, эти дамы подошли къ отдѣленію № 10,— значитъ, имъ дозволено видѣться съ мужьями и пр. и пр., которыхъ уже нарядили въ куртки гражданскихъ арестантовъ, наравнѣ съ мошенниками и разбойниками; минутъ двадцать ждали онѣ у дверей— значитъ, тюремщики не позаботились даже о мѣстѣ для свиданій; затѣмъ уставши стоять, онѣ, по указанію какого-то солдата, вѣроятно сторожа, не то надсмотрщика,—направились къ плацу, и тутъ разсѣлись на землѣ подъ деревомъ. Я уже уходилъ съ прогулки, а онѣ все еще сидѣли... Теперь я гуляю, благодаря моимъ добрымъ отношеніямъ къ жандармамъ, по ³/₄ часа,—если жарко, то по утрамъ первымъ, по вечерамъ—послѣднимъ, если же нѣтъ — то наоборотъ. Здѣсь, какъ и въ Десятомъ павильонѣ варшавской цитадели, продолжительность прогулки, а иногда и самая прогулка, много зависятъ отъ жандармовъ,—иного по два дня не водятъ, отговариваясь недостаточностью времени.

Когда я входилъ къ себѣ, часовой, осматрѣвшись, сказалъ, что одинъ изъ сидящихъ въ № 9-мъ (темномъ) просилъ его узнать мою фамилію.

— Они тоже офицеръ, добавилъ онъ.

— Я назвался.

Спустя нѣкоторое время, онъ опять тихонько заглянулъ ко мнѣ:

— Спрашиваютъ, гдѣ служили?

Сказалъ.

Онъ передалъ и опять заглянулъ:

— Они васъ коротко знаютъ; просили спросить, примете-ли вы отъ нихъ сигаръ?

За сигары я поблагодарилъ, но заинтересованный: не изъ моихъ-ли это старыхъ друзей?—написалъ ему маленькую записку, съ предложеніемъ переписываться со мною, и бросилъ ее самъ черезъ дверное оконце, стекло въ которомъ было выбито.

Черезъ полчаса часовой приноситъ мнѣ 7 хорошихъ сигаръ. Безъ сомнѣнія, я принялъ ихъ,—иначе, можетъ быть, доставилъ бы неудовольствіе тому, кто былъ мнѣ другомъ и товарищемъ на свободѣ. Вскорѣ затѣмъ получилъ и записку. Фамиліи своей этотъ господинъ не выставилъ, пишетъ только, что „жилъ въ большой дружбѣ“ съ докторомъ 6-го стрѣлковаго батальона, Суджинскимъ, отъ котораго и слышалъ обо мнѣ, что ихъ привезли сюда изъ Плоцка въ воскресенье (это тѣ самые, которыхъ я видѣлъ во время прогулки) и что всѣхъ ихъ въ номерѣ 15 человѣкъ, изъ коихъ 8 приговорены къ смерти, остальные—въ гражданскія арестантскія роты.

Въ слѣдующей запискѣ онъ былъ подробнѣе, обстоятельнѣе, и ни

одного моего вопроса—а ихъ было много—не оставилъ безъ отвѣта. Зовутъ его „Jan Lesicki—Dr. medycyny, sztads-lekarz Podlewskiego" (Янъ Лесицкій—докторъ медицины, штабъ-лекарь Подлевскаго). Вмѣстѣ съ нимъ еще трое изъ штаба Подлевскаго: отставной офицеръ (кавказецъ) Константинъ Сецинскій (или Сецицкій—не разберу), Янъ Соколовскій и Теофилъ Кучборскій. Всѣ они „арестованы вмѣстѣ, еще въ мартѣ, когда ѣхали въ каретѣ по разнымъ порученіямъ, въ томъ числѣ и за оружіемъ"... Лесицкому обѣщано, что его „только отошлютъ докторомъ въ русскія войска"... „Одновременно съ нами—гласила далѣе записка—прибылъ въ Модлинъ, по казенной надобности, и Суджинскій; теперь онъ уѣхалъ въ Варшаву хлопотать объ отставкѣ, — его хотятъ арестовать. Что же касается до **Ярослава Домбровскаго**, то онъ все еще въ Десятомъ павильонѣ — сидитъ больше вслѣдствіе нравственнаго убѣжденія властей, что онъ **одинъ изъ вожаковъ**".

19-го **іюля**. Еще остается два мѣсяца муки!

Опять что-то тревожитъ меня!.. Выйду ли я изъ казематовъ? Неужели же будутъ препятствія къ освожденію меня въ опредѣленный срокъ?.. Вѣрно, еще не разъ потревожусь до 20-го сентября!

Однако, пора отправляться за корреспонденціею.

Все принялъ благополучно.

Лесицкій (подъ условною литерою X) пишетъ:

„... Что за турки эти гарнизонные офицеры?! Являясь для записыванія въ книгу обѣдовъ, чая и проч., обращаются съ нами обыкновенно грубо и никогда не снимаютъ своихъ шапокъ... А сами сердятся, если мы на такой грубый визитъ, съ своей стороны, не встаемъ съ наръ и сидя диктуемъ, что̀ намъ нужно. Третьяго дня никто не всталъ, офицеръ разсердился и не записалъ намъ ни обѣда, ни чаю, и мы принуждены были поститься. Хорошъ и докторъ здѣшній (Крушинскій)! Соколовскій опасно болѣнъ, но тотъ не потрудился даже осмотрѣть его, — исподлобья, заикаясь, пробормоталъ что-то и на-угадъ прописалъ какую-то микстуру"... Далѣе Лесицкій высказываетъ надежду на скорое окончаніе дѣла, начатаго Польшею (такъ какъ „интервенція дѣйствуетъ рѣшительно") и затѣмъ—обращается ко мнѣ съ братскими предложеніями: не нужно ли денегъ, бѣлья и проч. Съ благодарностью отказался я отъ всего этого, — уже привыкъ къ скромной матеріальной жизни: на два оставшихся мѣсяца хватитъ своего, а тамъ, въ будущемъ—что̀ судьба пошлетъ.

Другая записка была отъ товарища (по номеру) Лесицкаго, Яна Помиховскаго — „dziekanai proboszcza z Lipnowskiego". Онъ проситъ рекомендательныхъ писемъ въ Тобольскъ, куда ссылаютъ его; но у меня тамъ никого нѣтъ, кромѣ развѣ двухъ такихъ же несчастныхъ изгнанниковъ изъ отечества, какимъ и онъ будетъ вскорѣ. Написалъ ему это, и назвалъ Сеписмана и Маевскаго, которые, кажется, также вывезены въ Тобольскъ, и вѣроятно уже ознакомились тамъ.

Третья записка извѣщала, что сегодня посадили сюда какую-то старуху. Справляюсь объ этомъ у жандарма, — говоритъ: „посадили старую служанку, — вѣрно, какое-нибудь лишнее слово произнесла вслухъ“...

За исключеніемъ трехъ женщинъ, здѣсь теперь 64 человѣка,— все богатая шляхта или ксендзы.

21-го іюля. Почувствовавъ сильное желаніе почитать, я попросилъ дежурнаго жандарма — хорошаго, но крайне скрытнаго хохла Гайдаева, достать у кого-нибудь изъ заключенныхъ книгъ, не говоря, что для меня. Онъ „переходилъ всѣ номера“, но нигдѣ не оказалось никакихъ книгъ, кромѣ молитвенниковъ.

— Да теперь уже давно имъ не позволяютъ читать, добавилъ онъ.

— А у дамы, что̀ въ № 1-мъ, былъ? спросилъ я.

— Тамъ не былъ.

— Сходи, пожалуйста.

Сходилъ и ни съ чѣмъ вернулся:

— Тоже, кромѣ большого молитвенника, ничего нѣтъ. Просилъ хоть его,—не дала, говоритъ, не дамъ, потому что панъ жандармъ возьмешь и не вернешь.

Гайдаевъ остался у меня „на трубку“, вѣрнѣе—носогрѣйку; последнее время онъ началъ поддаваться мнѣ—вѣроятно, слышалъ отъ своихъ товарищей-земляковъ обо мнѣ, какъ „не опасномъ“. Покуривая, онъ старался убѣдить меня, что „по закону жандармы во всякое время могутъ всякаго, кромѣ офицера, остановить на дорогѣ,— обшарить карманы, и если проѣзжій, или прохожій, окажется безъ паспорта,—немедленно арестовать его, а въ случаѣ сопротивленія— привязать его къ лошади и такъ доставить начальству. Кто больше доставитъ—тому награда въ 2 руб.“.

— Я такимъ манеромъ четырехъ важныхъ пановъ представилъ въ ордонансъ-гаузъ, подтвердилъ онъ „законъ“ фактомъ изъ личной дѣятельности.

На дальнѣйшіе мои распросы, относящіеся къ казематамъ, онъ отвѣчалъ уклончиво и все расхваливалъ—и пища-то казенная отличная, и „мятежниковъ-то“ безъ всякаго наказанія по десяткамъ, что день, выпускаютъ на волю,—вообще здѣсь царствуетъ чуть-ли не божественное милосердіе, и пр. и пр.

Я хорошо понимаю эти похвалы и причину ихъ; вообще, въ последнее время я замѣтилъ, что и любимый мой, честный служитель Алексѣйчукъ со мною очень остороженъ,—просто, убѣгаетъ изъ номера, боясь, чтобы я его о чемъ не спросилъ, а на-дняхъ прямо заявилъ мнѣ, что не будетъ „шпеговать ни туда, ни сюда“, и теперь почти не показывается ко мнѣ, а если что нужно—приходитъ новый

служитель Дмитрій (на котораго только и остается надежда). Точно также, хотя я уже давно не разговариваю съ часовыми, а всегда слышу передачу при смѣнѣ: „если офицеръ будетъ с чемъ спрашивать, то отвѣть: нельзя намъ разговаривать, ваше благородіе—и молчи".— Ясно, что тюремщики пронюхали о моихъ раскопкахъ въ навозной кучѣ ихъ дѣяній! Вслѣдствіе этого-то и вышло (еще 19-го іюля) распоряженіе, „чтобы были только двѣ смѣны дежурствъ жандармовъ въ казематахъ"—и выбрали такихъ голубчиковъ, отъ которыхъ ничего не добьешься; такъ, первая смѣна—молчаливый какъ рыба Екименко и старикъ, который если и отвѣчаетъ, то только на хозяйственные вопросы: каковъ хлѣбъ? какъ уродилась картошка?—Онъ женатъ и имѣетъ огородикъ; на другіе же вопросы только и слышишь въ отвѣтъ: „не могу знать", да „откуда намъ это знать", при этомъ— быстро выходитъ изъ моего номера. Другая смѣна—лукавый Базуновичъ, „язычникъ", съ постояннымъ отвѣтомъ: „да развѣ намъ это скажутъ? Не могу-съ знать", и Гайдаевъ, который, какъ уже упомянуто, только что началъ поддаваться мнѣ. На нихъ вполнѣ разсчитываетъ Бѣлановскій, прочіе-жъ жандармы, по выраженію его—„подлецы, службу забыли!"

Пишу это (въ 7 часовъ вечера), а дождь ливмя льетъ; уланы и казаки съ огромнымъ обозомъ тянутся въ Плоцкъ черезъ крѣпость...

Въ десятомъ часу Гайдаевъ тайкомъ далъ мнѣ почитать на ночь „Русскій Инвалидъ", затѣмъ, выйдя, тихо сказалъ ночному часовому: „Смотри—не кричи!.. Если кто будетъ въ двери стучать— спроси: что вамъ угодно? Если въ какомъ номерѣ будутъ пѣть, или свистать, или въ стѣну стучать—ничего имъ не говори, а прямо мнѣ донеси"... Отъ удивленія я даже разинулъ ротъ,—до моихъ протестовъ ничего подобнаго не было! Впрочемъ, я убѣжденъ, что это— „временная мѣра", вынужденная какими нибудь важными обстоятельствами, а не исключительно моими протестами.

Утромъ (24-го іюля) приходитъ Гайдаевъ за „Русскимъ Инвалидомъ" и говоритъ:

— Я тоже читалъ немного въ этой газетѣ; тамъ пишутъ, что Франція и Англія совѣтуютъ нашему царю опустошить Польшу.

— Значитъ, невнимательно читалъ; наоборотъ—они стоятъ за Польшу и, можетъ быть, войну объявятъ Россіи, если наше правительство не согласится на требованія Польши, возразилъ я, видя его заинтересованнымъ этимъ вопросомъ.

— Нѣтъ-съ! Тамъ написано, что они хотятъ, чтобы онъ усмирилъ Польшу...

— Умиротворилъ, а не усмирилъ.

— Нѣтъ-съ, усмирилъ, то-ись—все равно, чтобы опустошилъ Польшу.

„Вотъ оно, что̀ значитъ на языкѣ нашихъ воиновъ слово усмирить!" подумалъ я.

Уходя, Гайдаевъ сказалъ, что сегодня ждутъ сюда какого-то генерала изъ Варшавы. Вслѣдствіе этого, идетъ чистка вездѣ; Радкевичъ просовывалъ во всѣ номера свой носъ, разумѣется, кромѣ моего.

Прихожу съ прогулки—ни стакана, ни бутылки, въ которой держу воду,—взяли! Сейчасъ же потребовалъ назадъ.

— Да вѣдь приказано всѣ бутылки прибрать! отвѣчали въ одинъ голосъ новый дежурный жандармъ и служитель.

— Зачѣмъ? Пусть будетъ бутылка у меня,—вѣдь не изъ чего больше пить воду: на всѣ казематы только двѣ проржавленныя желѣзныя кружки, изъ которыхъ опасно пить... Они вѣрно хотятъ скрыть отъ генерала свои экономическіе разсчеты?

Мнѣ принесли назадъ бутылку,—знаютъ, что не отступлю отъ своего. Стаканъ же, какъ трактирный, такъ и не вернули.

Однако, что-то тихо въ коридорѣ,—не пришелъ ли уже его превосходительство? Нужно припрятать „Дневникъ"...

Облокотившись на окно, я всматривался въ даль, за рѣку, какъ вдругъ дверь быстро отворилась. Полуоборачиваюсь—и вижу, что у порога стоитъ его превосходительство, окруженный свитою здѣшнихъ властей, во главѣ съ генераломъ Урлико (по словамъ однихъ—исполняющимъ должность коменданта, за отъѣздомъ Гагмана заграницу, на воды; по словамъ другихъ—уже назначеннымъ на эту должность вмѣсто „удаленнаго" Гагмана). Превосходительный посѣтитель не удостоилъ войти ко мнѣ, а только спросилъ у окружающихъ: „тоже осталось два мѣсяца?"—Послышалось нѣсколько голосовъ вдругъ: „такъ точно-съ". Потомъ, отойдя отъ дверей, онъ справился о моей фамиліи, „гдѣ служилъ", „за что посаженъ?"—Отвѣта я уже не слышалъ, потому что двери сейчасъ же заперлись.

Потомъ служитель разсказывалъ, что этотъ генералъ, пріѣхавшій изъ Петербурга для осмотра крѣпости, въ нѣсколько минутъ обошелъ казематы: ни къ кому, молъ, не входилъ въ номеръ, а только заглянетъ изъ коридора и—дальше.

Я не замедлилъ воспользоваться его пріѣздомъ,—послалъ за обѣдомъ жандарма съ приличными наставленіями, и вотъ на столѣ у меня вкусная телятина съ огурцомъ—въ первый разъ огурецъ!

На слѣдующій день (25-го іюля), я наконецъ-то увидалъ Канарева,—онъ опять за наказаніе назначенъ сюда на два мѣсяца дежурить. Какъ онъ похудѣлъ, бѣдняжка, вслѣдствіе вѣроломства Афросиньюшки—бросила его!..

Побесѣдовавъ со мной немного, Канаревъ вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и я за корреспонденціями, изъ которыхъ узналъ, что Лесицкій съ четырьмя товарищами переведенъ въ свѣтлый номеръ (4-й), Соколовскій же оставленъ въ прежнемъ (темномъ).

Сегодня опять суматоха у насъ,—ждутъ снова какого-то генерала.

Что бы это значило, что начинаютъ показываться такъ часто въ крѣпости ихъ превосходительства?

Черезъ часъ все разъяснилось. Генералъ-лейтенантъ Семека „дѣлалъ смотръ здѣшнему гарнизону“, и прямо со смотра—къ намъ: ходилъ по всѣмъ номерамъ и спрашивалъ фамиліи и „за что?“

Когда онъ подходилъ къ моему номеру, я нарочно легъ на постель и притворился спящимъ и, такимъ образомъ, не удостоился его лицезрѣнія.

Вечеромъ Канаревъ говорилъ, что передъ приходомъ сюда Семеки служанку (все еще сидѣвшую за перегородкой служительской), освободивъ, выслали немедленно изъ крѣпости въ мѣстечко Новый Дворъ; говорилъ также, что здѣшній (Новогеоргіевскій) полкъ завтра или послѣзавтра выступаетъ въ крѣпость Замосцье; даже второй разрядъ (слабосильные) уходитъ отсюда по разнымъ военнымъ командамъ.

28-го іюля, вечеромъ, является Гайдаевъ и говоритъ:

— Я нашелъ сегодня въ булкѣ три записки: одна писана чернилами, двѣ—карандашемъ; а нашелъ все это въ превегѣ подъ „парашками“... и немедленно показалъ Радкевичу; онъ приказалъ припрятать ихъ, чтобы потомъ представить въ ордананс-гаузъ... А вѣдь не хорошо будетъ, когда разузнаютъ, кто писалъ! Въ особенности не хорошо, что одна записка писана чернилами, а чернила-то есть только у васъ, да въ № 7-мъ...

Изъ длиннѣйшаго его монолога я былъ убѣжденъ, что записка, писанная чернилами, мои извлеченія изъ „Русскаго Инвалида“, посланныя три дня тому назадъ Z, который, вѣроятно, вопреки моей просьбы, послалъ ихъ для прочтенія кому нибудь изъ своихъ друзей, и вотъ результатъ его неосторожности! Нужно предупредить опасность. Вѣдь тюремщики точатъ на меня зубы, а потому изъ пустяковъ выйдетъ не шуточное дѣло, точно такъ же, какъ вышло изъ панихиды 15-ти мѣсячное заключеніе,—вѣдь тутъ—произволъ!

— Послушай, сказалъ я Гайдаеву:—а вѣдь я потерялъ записку! Можетъ быть, ее кто нибудь изъ поляковъ нашелъ и послалъ прочесть своему товарищу; ты, пожалуйста, покажи мнѣ записки, — можетъ быть, одна и есть потерянная мною, а тамъ вѣдь была выписка изъ той газеты, что ты давалъ мнѣ читать на ночь!..

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Гайдаевъ, опасаясь, чтобы дѣйствительно одна изъ записокъ не заключала въ себѣ выписку изъ его газеты (а можетъ быть—и изъ человѣчныхъ побужденій, такъ какъ онъ ко мнѣ очень расположенъ), рѣшился показать мнѣ ихъ — такъ и есть! писанная чернилами—мои извлеченія изъ его „Русскаго Инвалида“.

— Уничтожь поскорѣе, посовѣтовалъ ему я, и пообѣщалъ „хорошій подарокъ“.

— Нужно обдѣлать дѣло, улыбнулся онъ и вышелъ. А черезъ часъ приноситъ мнѣ мои извлеченія:—возьмите. Я сказалъ Радкевичу, что одну потерялъ; онъ велѣлъ вездѣ искать ее, но я ему сказалъ, что не нашелъ нигдѣ.

— Ну, вотъ тебѣ за это, подалъ я ему ручку черняго дерева для перьевъ и карандашъ, вспомнивъ его желаніе учиться писать, и обѣщалъ еще подарить, передъ выходомъ отсюда, единственную почти вещь, остающуюся у меня, кромѣ бѣлья, — торжковскія туфли (тѣ самыя, у которыхъ надняхъ подметки починилъ).

Онъ просилъ „написать" ему пропись, что я и обѣщалъ.

Славный человѣкъ этотъ Гайдаевъ, а то бы было для меня дѣло, да и не легкое; самъ Гайдаевъ говоритъ: „Не дай Богъ, если бы вашу записку представить плацъ-маіору Износкову, — загрызли бы!" Вѣрю, очень вѣрю.

Немедленно же увѣдомлю всѣхъ объ осторожности съ моими записками, а съ Z прекращу корреспонденцію, или же буду писать, измѣняя почеркъ, карандашемъ о самыхъ невинныхъ предметахъ.

Въ 9 часовъ вечера пропись была готова. Принимая ее отъ меня, Гайдаевъ сказалъ:

— Я вамъ всегда буду давать газеты, только, пожалуйста, больше не пишите, а то опять найдутъ... Вѣдь я оттого-то и приходилъ къ вамъ, что боялся, чтобы вамъ чего нибудь не было, если записка была ваша.

Уходя, Гайдаевъ прибавилъ:

— Сегодня ночью тихо будетъ, потому что что-то будетъ.

29-го іюля. Эта загадочная фраза нѣсколько разъяснилась: въ 12 часовъ ночи была тревога, и всѣ гарнизонныя войска „ходили за Вислу".

Вонь по коридору отъ извести ужасная! Раннимъ утромъ выбѣлили преветъ, теперь бѣлятъ коридоръ и одинъ номеръ, затѣмъ будутъ бѣлить по порядку остальные номера, а заключенные будутъ высушивать ихъ своею грудью. И безъ того сыро, такъ сыро, что сорочки, соль, табакъ—за ночь точно смочены водою! И безъ того воняетъ — часовые по-прежнему справляютъ малую нужду въ углу коридора, служителя по-прежнему выливаютъ въ него грязную воду и тутъ же сушатъ швабры, а Радкевичъ распорядился „не запирать превета" (яко бы для скорѣйшей просушки его) и, по какимъ-то соображеніямъ, сегодня же „заложили" духовое окно въ немъ — единственную на всѣ казематы отдушину! Острая вонь отъ бѣленія, смѣшиваясь съ испареніями изъ превета, ѣстъ глаза, захватываетъ дыханіе,—ужасно!.. Нѣтъ, жестокіе люди, ни за что не позволю вамъ бѣлить своего нумера!

Спустя день (31-го іюля), входитъ ко мнѣ Канаревъ съ сіяющею улыбкою:

— Простили. Теперь буду дежурить въ очередь.

Я спросилъ его о Драминской, говоритъ: опять перэвели въ тотъ коридоръ, въ только что выбѣленный нумеръ,—варвары, не даютъ и дня для просушки: выбѣлятъ и „черезъ два часа переводятъ изъ невыбѣленнаго еще“, и т. д. передвигаютъ заключенныхъ изъ нумера въ нумеръ высушивать известь!

Во время утренней прогулки я видѣлъ Драминскую,—еще молодая, вся въ черномъ; ее вели въ ордонансъ-гаузъ на свиданіе съ отцомъ шесть конвойныхъ: одинъ впереди, другой сзади, прочіе по сторонамъ, слѣдовательно, ее считаютъ „важною преступницей“.

Вечеромъ Канаревъ принесъ мнѣ отъ Торопова послѣдній нумеръ „Русскаго Инвалида“. Приготовивъ изъ него корреспонденцію, иду въ преветъ; Лесицкій окликаетъ меня въ дверное оконце (въ которомъ онъ „ухитрился вчера вынуть стекло“) и проситъ бумаги, чернилъ для дальнѣйшей переписки; я предупредилъ его, что передача корреспонденцій теперь возможна только черезъ окно (какъ то дѣлается у меня съ S), ибо со вчерашняго дня стѣны и всѣ щели въ преветѣ осматриваются немедленно послѣ каждаго, конечно, съ цѣлью по свѣжимъ слѣдамъ поймать того, кто рѣшился бы переписываться черезъ него.

XIX.

Въ коридорѣ теперь такая пыль, грязь и вонь, главнымъ образомъ отъ извести, какъ бы идетъ капитальная перестройка. Утромъ (2-го августа) я объявилъ, что не намѣренъ своею грудью сушить стѣнъ и половъ, и мнѣ старшій служитель отвѣтилъ:

— Какъ угодно будетъ! И капитанъ такъ сказалъ.

— Ну, и прекрасно! Можете забѣлить только вотъ эту фигуру на стѣнѣ, указалъ я на изображеніе „капитана“ (Радкевича) съ свинячею мордою.

Демьянъ принялся старательно замазывать ее, а я, замѣтивъ двери въ № 9-мъ открытыми, тихонько прокрался туда, и одинъ изъ заключенныхъ, кажется S, поцѣлозалъ меня; переговорить же не успѣли, послышался голосъ Канарева.

Послѣ утренней прогулки новый служитель Дмитрій принесъ мнѣ „съ № 9“ (конечно, отъ S) двѣ коробки: одну—съ 50-ю хорошими папиросами, другую—съ конфектами.

Въ 5 часовъ вечера опять является Дмитрій.

— Ну, что скажешь?

— Да эта пани...

— Драминская?

— Она, она—видѣла васъ на прогулкѣ и просила меня попросить васъ написать ей свою фамилію.

Я написалъ на клочкѣ бумаги фамилію, гдѣ служилъ и съ котораго времени сижу.

— Вотъ, отдай ей и скажи, что и я желалъ бы получить отъ нея такую же записочку... Да вотъ еще, остановилъ я Дмитрія, который уже повернулся, чтобы уходить. — Передай, что меня очень интересуетъ знать, за что она сидитъ; можетъ быть, я въ состояніи буду успокоить ее, наконецъ—развлечь казематными извѣстіями!..

Прошелъ день, прошелъ другой, а отвѣта отъ Драминской не было, и я обратился за разъясненіемъ этого къ Дмитрію.

— Къ ней перевели вчера другую женщину, — такъ опасается, отвѣтилъ онъ;—но какъ можно будетъ—сейчасъ напишетъ.

Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что этой другой женщинѣ лѣтъ подъ сорокъ, и что Драминской разрѣшили-было гулять и „сейчасъ-же" запретили, теперь снова разрѣшили, но она „стыдится выходить"—не выноситъ пошлыхъ взглядовъ и улыбокъ. Въ такомъ случаѣ самое лучшее — гулять по утрамъ первою, въ 6—7 часовъ, когда народу мало, чтò я и посовѣтовалъ ей черезъ Дмитрія.

Этотъ Дмитрій — пріятель прежнихъ служителей, вслѣдствіе чего и ко мнѣ расположенъ, — такъ расположенъ, что сегодня утромъ предложилъ передавать даже записки въ № 9, куда онъ носитъ тайкомъ даже водку; я предупредилъ его объ осторожности, съ какою онъ долженъ вести подобныя дѣла, чтобы избѣжать участи, постигшей его предшественниковъ, т. е., чтобы не быть выгнаннымъ отсюда съ дурною рекомендаціею.

— Знаю, отвѣчалъ онъ, разсѣянно выслушавъ меня:—когда я поступалъ сюда, капитанъ (Радкевичъ) долго наставлялъ меня: „ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривать, ничего изъ номера въ номеръ не передавать, а если кто что дастъ передать — сейчасъ донести ему; ни водки, ничего никому не покупать, а если кто дастъ деньги— сейчасъ принести ему; ни отъ кого ничего въ подарокъ не принимать, даже папиросъ не принимать... А самъ — добавилъ Дмитрій— только ихнія сигарки и куритъ; а сколько гостинцевъ уноситъ домой— и въ карманы наложитъ, и въ узелки...

4-го августа. Однако, этотъ Дмитрій—плутишка! Какъ оказывается (изъ записки), S прислалъ мнѣ съ нимъ грушъ и апельсинъ, а я ничего этого не получилъ. За обѣдомъ я ласково замѣтилъ Дмитрію, что такъ дѣлать не годится, — нужно, молъ, дорожить нашимъ довѣріемъ и пр. и пр.; онъ вилялъ такъ и сякъ, наконецъ поклялся впередъ быть акуратнымъ въ исполненіи порученій.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ подалъ мнѣ лоскутокъ полотна, на которомъ карандашемъ было написано: „Domicela Draminska" и „Emilija Okuniewska".

— Кто-жъ именно поручилъ тебѣ передать мнѣ это?

— Обѣ...

По словамъ Дмитрія, отецъ привезъ Драминской полотна, и ей разрѣшили шить, разрѣшили также имѣть при себѣ немного денегъ, и „обѣщались скоро уволить"...

Поздно вечеромъ былъ у меня служитель того коридора, старикъ Павелъ. Что за подлый этотъ Базуновичъ! Самъ „тайно носилъ и водку и карандаши" для Драминской, а сегодня за то, что старикъ передалъ зеркало изъ № 5-го въ № 4-й—напалъ на него, напугалъ, снялъ съ него брюки, посадилъ въ темный казематъ, и только отпоръ со стороны Дмитрія и обѣщаніе № 4-го дать ему рубль прекратили это самоуправство.

5-го августа. Опять тоска давитъ, гложетъ меня съ самаго утра, а тутъ какъ нарочно завелся въ номерѣ сверчекъ, своимъ однообразнымъ чириканіемъ еще больше развивающій у меня сплинъ.

Чѣмъ ближе подходитъ заключеніе къ концу, тѣмъ болѣе и болѣе нетерпѣніе выйти на свободу увеличивается; скука, тоска, сплинъ—чаще и чаще посѣщаютъ меня; тихая печаль, или желчное раздраженіе, производятъ какое-то ослабленіе, онѣмѣніе. Часто въ такія минуты является у меня желаніе заболѣть сильно, впасть въ безпамятство... чтобы только не считать долгія минуты за минутами приближенія конца моимъ страданіямъ!

Единственное удовольствіе теперь для меня — уже не дневникъ, а переписка съ S,—за дневникъ уже не охотно берусь...

День убавился; въ $7^3/_4$ ч. въ номерѣ уже темно; не зажигая свѣчи, я обыкновенно хожу по номеру изъ угла въ уголъ и жду пробитія зари, послѣ которой ложусь въ постель, и до 11 часовъ ворочаюсь съ боку на бокъ, пока не засну. Сегодня же не спалось до часу—всевозможныя мысли перебродили въ головѣ; воспоминанія о счастливой жизни въ Петербургѣ съ любимою женщиной немного поволновали меня, но сейчасъ же смѣнились дѣйствительностью...

Всталъ поздно, съ головною болью, напился чаю и сижу у окна; часовой, не замѣчая меня, остановившись, смотритъ на верхъ и спрашиваетъ кого-то, вѣроятно офицерскаго денщика: „А что, часа два есть?"—Отвѣта не слышу. Часовой поглядываетъ на солнце, потомъ срываетъ стебелекъ травы, ставитъ его между пальцами вертикально, съ важностью знатока вытягиваетъ ладонь горизонтально, и смотря на нее, говоритъ: „Да, да, — часа уже два есть"; вытягиваетъ зубами соломенку и снова вставляетъ ее между пальцами, и смотря на ладонь, приговариваетъ голосомъ, не допускающимъ возраженія: „Да... да, да,—часа уже три есть".

Однако ладонные часы соврали: было только половина перваго, что̀ я ему и замѣтилъ.

Сегодня привели въ казематы 18 плѣнныхъ, изъ коихъ 10 тяжело

раненыхъ, или—по выраженію Дмитрія, — „съ изрубленными боками и головами“; ихъ стоны доносятся даже до моего номера, а между тѣмъ „только завтра“, и то не навѣрно, „докторъ будетъ свидѣтельствовать ихъ, для отправки кого слѣдуетъ въ госпиталь“. Легко сказать—завтра!

11-го августа я неожиданно получилъ вмѣстѣ съ корреспонденціею отъ S и записки отъ Лесицкаго, Помиховскаго, Тухолки, отставнаго поручика Калужскаго полка Бржескаго и отъ незнакомаго мнѣ еще ихъ товарища, Густава Токарскаго. Всѣ они предлагаютъ мнѣ „дружбу“ и услуги... S. между прочимъ жалуется на Радкевича, что тотъ положительно не обращаетъ вниманія на просьбы заключенныхъ, мало того—не позволяетъ имъ писать въ ордонансъ-гаузъ даже о самыхъ важныхъ „интересахъ“; такъ, онъ (S) просилъ у него позволенія написать плацъ-маіору или коменданту просьбу о переводѣ его въ свѣтлый номеръ, по причинѣ увеличивающейся со-дня-на-день грудной болѣзни (чахотки), но тотъ на-отрѣзъ отказалъ. — Я ему посовѣтовалъ рѣшить этотъ вопросъ посредствомъ жены... совсѣмъ забывъ, что теперь—по словамъ одного жандарма — свиданія (кому таковыя разрѣшены)—допускаются не болѣе раза въ мѣсяцъ.

Сегодня вымыли „свидальный покой“ и на служительской половинѣ оставили только три нары, — младшимъ служителямъ отвели мѣсно подъ казематною лѣстницею; говорятъ, свиданія будутъ происходить опять здѣсь...

Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ отъ Драминской лоскутокъ, Дмитрій каждый день пристаетъ ко мнѣ: „Да напишите ей хоть два слова: она просила, а мнѣ ужъ и стыдно ходить къ нимъ безъ записки, потому что все имъ обѣщаю, а вы не хотите писать“. Настойчивость его показалась мнѣ нѣсколько подозрительною, хотя до сихъ поръ онъ акуратно передавалъ мнѣ, и отъ меня, записки и исполнялъ всѣ мои порученія; однако и передъ Драминской было неловко, и я послалъ ей французскую книгу, только-что полученную отъ Лесицкаго, составилъ извлеченіе изъ разныхъ послѣднихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ „на томъ свѣтѣ“, переписалъ начисто, по возможности измѣняя почеркъ, и адресовалъ Р. Д., и вечеромъ вручилъ эту объемистую записку Дмитрію для передачи ей:

— Пусть прочтетъ, и немедленно назадъ вернетъ.

Жду день, жду другой—нѣтъ!

— Да отдалъ ли ты? чуть ли не въ десятый разъ спрашиваю Дмитрія.

— Отдалъ... Какъ не отдать!

Меня однако взяло сомнѣніе: не передалъ ли онъ ее вмѣсто Драминской Радкевичу? Позвалъ Алексѣйчука и спрашиваю, не слышалъ ли чего? — Нѣтъ, — говоритъ. Разсказываю ему всю исторію, только вмѣсто пани Драминской назвалъ одного пана.

— Прошу васъ, ваше благородіе, отвѣчалъ этотъ честный человѣкъ добродушно, съ умоляющимъ взглядомъ: — Бога ради, не пишите никакихъ записокъ: бѣда вамъ будетъ,—скажутъ, что вы всѣхъ поднимаете въ бунтъ, а вѣдь вамъ осталось мало сидѣть...

Выраженіе его „поднимаете въ бунтъ" заставило меня призадуматься: да ужъ не говорятъ ли чего нибудь подобнаго на мой счетъ? Нужно прекратить пересылку важныхъ корреспонденцій черезъ служителей... Алексѣйчукъ и успокоилъ меня, говоря, что „нѣтъ, ничего не слышалъ, чтобъ объ васъ такъ говорили, а это я отъ себя".

По уходѣ его, является Дмитрій и клянется, что отдалъ записку „пани". Но почему жъ она не возвращаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не увѣдомляетъ меня о полученіи ее? Вѣроятно, опасается, что понятно въ ея положеніи.

На слѣдующій день (12-го августа) я встрѣтился въ преветѣ съ Бжескимъ — физіономія пріятная, спокойная, обросшая большою рыжеватою бородой; онъ успѣлъ сказать мнѣ по-русски, что имъ, т. е. № 9-му, разрѣшено гулять, „и вчера уже водили, по четыре человѣка за разъ".

Интересно знать о впечатлѣніи, вынесенномъ ими изъ этой первой прогулки, въ особенности, если она сопровождалась, напримѣръ, такою выходкою сегодня солдатъ противъ меня: быстро хожу я по привычкѣ взадъ и впередъ; проходятъ четыре гарнизонныхъ и со смѣхомъ обращаются къ конвойному:

— Завертѣлся?

— Завертѣлся, отвѣчаетъ тотъ, тоже улыбаясь.

— Вотъ бы его на штыкъ поднять!..

„Вѣроятно, барометръ падаетъ", подумалъ я, не обращая на нихъ вниманія; но все же это непріятно подѣйствовало на меня, тѣмъ болѣе непріятно, что въ самыхъ казематахъ теперь со мною всѣ — и жандармы, и часовые, и служителя—очень любезны; такъ, часто доходитъ до меня шепотъ съ коридора: „смотри—тамъ въ № 8-мъ сидитъ офицеръ,—не груби; застучитъ—спроси: чего угодно, ваше благородіе?" и проч. Съ нѣкотораго времени нѣкоторые часовые у дверей отдаютъ мнѣ честь (дѣлая рукой подъ козырекъ), что нѣсколько оригинально; случаются и такіе, что стѣсняются запереть мою дверь на засовъ [1]) (и мнѣ же приходится просить ихъ не отступать отъ правилъ казематной службы). О жандармахъ уже нечего и говорить; до того доходитъ довѣріе нѣкоторыхъ изъ нихъ (попреимуществу хохловъ), что... напримѣръ, сегодня дежурный Ж., унтеръ-офицеръ, при-

---

[1]) Свѣтлые номера запираются снаружи на большіе засовы, а темные — на замки.

носитъ мнѣ записку, найденную имъ въ преветѣ, и проситъ прочитать. Смотрю — описаніе одной битвы русскихъ съ повстанцами, въ рядахъ которыхъ дрались и четыре еврея; подписи не было.

— Тутъ такіе пустяки, что не стоитъ ее и въ рукахъ держать, говорю ему, и посовѣтовалъ бросить, и онъ, выйдя въ коридоръ, разорвалъ ее.

О служителяхъ и подавно нечего говорить. Алексѣйчукъ, Дмитрій и старикъ хохолъ Павелъ (смѣнившій Өедора) — всѣ преданы мнѣ; даже подхвостокъ Радкевича, Демьянъ, и тотъ теперь къ услугамъ моимъ,—не далѣе какъ вчера, за 50 коп. согласился носить мнѣ ежедневно этотъ мѣсяцъ изъ трактира польскія и русскія газеты, на время отъ 9 часовъ вечера до ранняго утра; онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ къ завѣдывающему трактиромъ, слѣдовательно, „безпрепятственно“ можетъ „брать газеты на ночь“ (что и побудило меня къ этой сдѣлкѣ съ нимъ)...

17-го августа. Во время утренняго чая приходитъ ко мнѣ жандармъ, впервые еще дежурный здѣсь, и говоритъ:

— Сегодня 28 человѣкъ погнали въ Сибирь! Цѣлую ночь не спали мы,—большія хлопоты были.

— Изъ номеровъ 4-го, 9-го и 10-го взяли кого? спросилъ я.

— Съ четвертаго—никаго, съ девятаго—не много, а съ десятаго—всѣхъ.

Безпокойство овладѣло мною: вѣроятно и S взяли...

Я старался повидаться съ Дмитріемъ, отъ котораго могъ узнать о подробностяхъ ночныхъ „хлопотъ“, но его не видно. Грустно... Тоска давитъ грудь, видно и S „погнали“!..

Наконецъ, является Дмитрій:

— Съ № 9-го, который вамъ вчера апельсиновъ прислалъ велѣлъ сказать: „кланяйся въ № 8-й, офицеру О—ву, и скажи, что я уже ухожу“.—Я ему и вещи укладывалъ, и шелъ около него,—онъ мнѣ тихо и передалъ вамъ поклонъ...

По разсказу Дмитрія, въ двѣнадцатомъ часу ночи повели отсюда въ ордонансъ-гаузъ 29 человѣкъ, между которыми были и четыре съ № 9-го; тамъ имъ прочли конфирмацію: 17-ть ксендзовъ, что сидѣли въ № 10-мъ, и одного пана съ № 9-го—„на каторгу“, прочихъ—на поселеніе въ Сибирь; затѣмъ всѣхъ привели назадъ, и назначенныхъ на каторгу одѣли (въ свидальномъ покоѣ) въ арестантскія бѣлыя курточки и брюки, но „головъ не брили“; остальныхъ оставили „какъ тутъ сидѣли“, т. е. въ своемъ платьѣ, „и опять пустили по своимъ номерамъ“. Въ № 9-мъ цѣлую ночь никто не спалъ,—„веселились“, а при прощаніи, „одѣтый-то въ бѣлую куртку—заплакалъ“. Утромъ всѣхъ осужденныхъ вывели, вещи ихъ уложили на подводы, и не далѣе какъ четверть часа „они выступили изъ крѣпости“.

Бѣдный казематный другъ S! Хотя я лично и не зналъ его, но изъ корреспонденцій хорошо понялъ его, и привязался къ нему горячо, какъ еще ни къ кому изъ казематныхъ друзей!.. Онъ болѣнъ, чахоточный,—перенесетъ ли онъ тяжесть сибирской каторги...

Никогда еще не разгонялъ я тоску водкой, а теперь попросилъ Дмитрія купить мнѣ ея.

Дмитрій не досталъ водки, — говоритъ: „теперь помалу у еврея уже не продаютъ,—нужно штофъ брать".

— А какъ же солдаты? спросилъ я.

— У женатыхъ покупаютъ; новый комендантъ позволилъ женатымъ солдатамъ держать водку на продажу своимъ.

— Купи у нихъ.

Дмитрій отправился; я взглянулъ въ окно, не увижу ли печальнаго шествія въ Сибирь? Всматриваюсь—между густыми рядами штыковъ мелькаютъ бѣлыя куртки, сзади — казаки, за ними—нѣсколько подводъ съ вещами... И ты тамъ идешь въ Сибирь, изгнанникъ, товарищъ и другъ S?

Идя по коридору, я уже не поворачивалъ головы къ № 9-му. „Печаль тамъ", думалъ я, какъ вдругъ услышалъ голосъ изъ этого номера: „S. остался". — Понятное чувство овладѣло мною... Возвращаясь, я, несмотря на присутствіе часоваго, подошелъ къ дверному оконцу его и высказалъ радость радостной вѣсти: то-то, молъ, радость для меня!..

— Что жъ ты братъ переврalъ? говорю Дмитрію, когда онъ явился съ водкою. — S. тутъ!.. Ну, хорошо, что буду пить не для потушенія тоски, а для возбужденія болѣе пріятныхъ чувствъ!

— Я не знаю ихъ фамилій, а потому и не знаю, того ли увели, о комъ вы спрашивали, оправдывался Дмитрій; — знаю только, что того, который ходилъ въ желтомъ.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ принесъ мнѣ отъ S. записку: „...Въ 11 часовъ ночи позвали въ комиссію Бжескаго (отставнаго офицера), Осташевскаго (офицера изъ отдѣла Сигизмунда Подлевскаго), Вержбицкаго и Цеслинскаго, и прочли имъ конфирмацію: первому—въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, прочимъ—въ Сибирь на поселеніе, затѣмъ предложили подписаться. Бжескій не хотѣлъ, но потомъ и онъ подписался, однако съ замѣткою, что „показанія свидѣтелей — фальшивы, а потому и конфирмація несправедлива". Изъ № 10-го (гдѣ сидѣли ксендзы) всѣхъ, кромѣ одного — въ каторгу... Вернувшись въ казематы, многіе изъ нихъ весело пѣли патріотическія пѣсни; мы тоже провели эту ночь безъ сна...

P.S. Ты ошибся въ своемъ предположеніи, что и меня отправили въ Сибирь... но, вѣроятно, скоро отправятъ (чего не вынесетъ мое здоровье): вчера на свиданіи, жена дала понять мнѣ, что приговоръ всѣмъ намъ (штабнымъ Подлевскаго), кажется, измѣненъ съ разстрѣлянія на Сибирь".

Спустя нѣкоторое время S. прислалъ мнѣ еще записку: „...Всѣ обѣщаютъ — и Бѣлановскій, и Чистяковъ, и Радкевичъ, и друг.— что вотъ-вотъ переведутъ меня въ свѣтлый казематъ, и не переводятъ! Если бъ еще свободныхъ мѣстъ не было, а то вѣдь товарищи съ № 4-го давно уже хлопочутъ о переводѣ меня къ нимъ— нѣтъ!.. Теперь я избралъ орудіемъ Демьяна: обѣщалъ денегъ, если онъ будетъ хлопотать объ этомъ у Радкевича; онъ увѣряетъ, что Радкевичъ горячо хлопочетъ за меня въ ордонансъ-гаузѣ, но тамъ не соглашаются,—видно, Семека далъ обо мнѣ дурной отзывъ"... Далѣе S. расхваливаетъ Дмитрія; вчера онъ черезъ него послалъ женѣ записочку, и тотъ „въ знакъ акуратнаго исполненія порученія"—принесъ ему перчатку отъ нея.

Точно въ утѣшеніе мнѣ, сегодня пришли на дежурство Гайдаевъ и Канаревъ; слѣдовательно, есть надежда на газеты, будутъ и матеріалы для дневника.

— Отчего такъ долго не показывался сюда? спросилъ я Гайдаева, и вотъ что услышалъ въ отвѣтъ: заключеннымъ въ арсеналѣ ничего, кромѣ молока, не дозволяется покупать, между тѣмъ служителя и жандармы покупаютъ имъ почти все; „развелись тамъ и карты", изъ-за которыхъ однажды вышла между заключенными ссора, и вотъ Бѣлановскій послалъ Гайдаева по возможности „установить тамъ порядокъ", но тотъ „не смогъ" установить желаннаго порядка, „и получилъ приказъ" отправиться сюда...

Опять свиданіе. Вмѣсто Бѣлановскаго (главнозавѣдующаго свиданіями) присутствуетъ извѣстный герой Юнинъ. Я вынулъ стекло въ дверномъ оконцѣ, чтобы иногда разговаривать съ часовыми, и теперь до меня долетаетъ плачъ... Больно слышать плачъ въ этихъ стѣнахъ!.. Узналъ, что то плачутъ заключенный изъ арсенала и пріѣхавшая на свиданіе жена его.

Заключенныхъ въ арсеналѣ водятъ сюда на свиданіе не болѣе, какъ по пяти человѣкъ, и впускаютъ въ свидальный покой по трое.

Послѣ свиданій—наконецъ-то! получилъ записку отъ Драминской, и всего-то въ двѣ строчки—осторожна. Она посажена „za przypiscie medalika małemu chłopu", а Окуневская—„за шитье бѣлья и другихъ вещей для повстанцевъ".

— Драминская очень скучаетъ, а другая—больна, добавилъ отъ себя Дмитрій.

Дмитрій во всемъ меня слушаетъ, только забывчивость и суета его можетъ надѣлать и мнѣ, и ему непріятностей. Сегодня (19-го августа) онъ Богъ знаетъ гдѣ потерялъ записку ко мнѣ изъ № 4-го, и воображаетъ, что такая потеря—„пустяшное дѣло": вамъ они, молъ, напишутъ другую... И дѣйствительно написали, но какую! Вѣдь знакомство казематное не можетъ быть сравнено съ личнымъ знакомствомъ, и они не повѣрили въ потерю... судя потому, что не отвѣ-

тили на мои вопросы, отговариваясь незнаніемъ. Безъ сомнѣнія, такое недовѣріе за довѣріе и всегдашнюю откровенность заставило меня прекратить переписку съ ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ запретить Дмитрію ходить ко мнѣ и увѣдомить S, что ежели онъ желаетъ продолжать корреспонденцію, то не иначе, какъ только черезъ дверное оконце; затѣмъ я отослалъ Лесицкому французскую книгу—если такъ, то ничего не нужно!..

Хожу. Входитъ несмѣло Дмитрій и подаетъ другую книгу.

— Отъ кого?

— Съ № 4-го.

— Отнеси назадъ и, повторяю, не смѣй ходить ко мнѣ!

— Не сердитесь, ваше благородіе, ей-Богу не знаю, какъ потерялъ.

Я молчу; Дмитрій кладетъ на столъ книгу и быстро уходитъ; но это все равно—отошлю ее съ Алексѣйчукомъ.

Послѣ обѣда получилъ записку отъ S,—проситъ „простить Дмитрія этого добродушнаго, честнаго, прямаго человѣка, оказавшаго намъ столько услугъ!..“ и я все забылъ.

20-го августа. Теперь остается мнѣ дышать этимъ мертвымъ, воздухомъ только мѣсяцъ. (Впрочемъ, навѣрное этого нельзя сказать, а только съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ).

Я сильно ослабъ, до того ослабъ, что принужденъ былъ во время (утренней) прогулки сѣсть на скамеечку, находящуюся на аллеѣ въ районѣ нашей прогулки. Кажется, этого еще никто не дѣлалъ, потому что на меня посматривали прохожіе и конвойные, кто вопросительно, кто съ удивленіемъ, а одинъ старый отставной офицеръ даже показалъ рукою по моему направленію какому-то другому офицеру; но, однако, никто не препятствовалъ мнѣ просидѣть на ней съ четверть часа.

Сегодня уволили Говинскаго.

— Былъ у него Газѣевъ съ Радкевичемъ для разсчета, разсказывалъ Дмитрій,—потомъ жандармы осмотрѣли вещи и я ихъ отнесъ въ лавочку подъ присмотръ лавочника, а его (Гозинскаго) конвой отвелъ въ ордонансъ-гаузъ (за полученіемъ вида и другихъ бумагъ); съ ордонансъ-гауза послали съ однимъ только вѣстовымъ въ костелъ присягать на вѣрность и что уже не будетъ дѣйствовать противъ нашихъ; а оттуда вѣстовой проводилъ его за крѣпостныя ворота.

По словамъ того же Дмитрія, съ недавняго времени нѣкоторыхъ при увольненіи осматриваютъ, „раздѣвая до бѣлья“, и такихъ немедленно послѣ присяги выпроваживаютъ за крѣпость; прочимъ же дозволяется переночевать въ трактирѣ или остаться въ крѣпости на короткое время.

21-го августа. Уже этого числа не встрѣтится въ дневникѣ моего заключенія. Въ слѣдующее 21-е число—гдѣ я буду?—Темь,—не знаю.

Ведя меня на прогулку, конвойный унтеръ-офицеръ—теперь уже жандармъ не ходитъ со мной—стѣснялся идти впереди, но моя настойчивость принудила его къ этому. Я взялъ его за руку и сказалъ: „у тебя доброе сердце, но конвой не меня срамитъ, а тѣхъ, кто меня посадилъ". На глазахъ унтеръ-офицера были слезы; вѣрно, онъ знаетъ, за что я сижу, — и могъ бы служить образцомъ своимъ дикимъ начальникамъ...

Сегодня уже осенній видъ; листья деревьевъ кое-гдѣ пожелтѣли, повысохли, попадали на землю, гдѣ, гонимые вѣтромъ, кружатся, шуршатъ; травка тоже пожелтѣла, денекъ сѣренькій, какъ бы плакать собирается, на душѣ у меня какъ-то не хорошо. Вотъ уже вторая осень моего заключенія!.. Судьба, что ты пошлешь мнѣ въ будущемъ?

Вернувшись, осмотрѣлъ свой единственный „вицъ-казакинъ"— сильно поистерся, мѣстами порвался. Усѣлся за починку.

Вечеромъ Дмитрій принесъ мнѣ отъ Драминской записку; Радкевичъ объявилъ, что къ ней посадятъ ея сосѣдку по имѣнію, и это сильно „безпокоитъ" ее. Вмѣстѣ съ утѣшительнымъ отвѣтомъ послалъ ей только что полученныя отъ Лесицкаго двѣ книги, польскую и французскую.

Дмитрій разсказывалъ, что утромъ привезли изъ Полтуска какую-то паню (даму); потомъ „пригнали съ разныхъ мѣстъ" до 30-ти поляковъ, приговоренныхъ въ здѣшнюю гражданскую арестантскую роту „отъ одного до шести мѣсяцевъ"; потомъ „пригнали" въ арсеналъ 79 плѣнныхъ; между ними три русскихъ солдата (изъ коихъ одинъ Курской губерніи, землякъ Дмитрія) и офицеръ Низовскаго полка, „одѣтый по-ксендзски".

Получилъ записку и отъ S. Грустно было читать ее! Жена передала ему (черезъ отца Тухолки, пріѣзжавшаго сегодня на свиданіе съ сыномъ), „чтобы онъ приготовился къ отправкѣ въ Сибирь".

Утромъ (23-го августа) стою у дверного окошечка въ ожиданіи часоваго и слышу, какъ кто-то изъ № 9-го спрашиваетъ по-польски кого-то другаго, идущаго, вѣроятно, изъ превета въ свой нумеръ:

— Что слышно новаго?

— Сегодня выпускаютъ на волю паню Драминскую, былъ отвѣтъ.

И дѣйствительно, спустя минутъ двадцать, является ко мнѣ Дмитрій съ тою же радостною вѣстью. По словамъ его, отъ радости неожиданной свободы (вѣдь еще вчера опасалась чего-то), то смѣялась, то плакала, прощаясь съ своею товаркою (Окуневскою), и поручила ей проститься со мною. Щедро одарила она всѣхъ служителей и жандармовъ, а въ трактирѣ купила бутылку шампанскаго и предложила по стакану ему (Дмитрію) и „хозяину" (т. е. Демьяну).

Однако, какъ скоро въ казематахъ привязываешься къ совершенно почти незнакомой особѣ! По отъѣздѣ Драминской, мнѣ сдѣлалось грустно... Но зато Дмитрій, получившій отъ нея за разныя услуги нѣсколько рублей, былъ очень веселъ, и такъ какъ дежурные жандармы (Канаревъ и Гайдаевъ) люди хорошіе, притомъ же „выпивши", какъ и всѣ служителя, не исключая самого „хозяина", то почти два часа развлекалъ меня своею болтовнею,—развлекалъ, пока на смѣну ему не явился пьянехонькій Канаревъ. Этотъ тоже былъ необыкновенно разговорчивъ и откровененъ. Какъ видно, онъ сердится на Драминскую: обѣщала молъ и то, и другое, а дала только рубль. Сѣтовалъ и на „неблагодарность" нѣкоторыхъ пановъ.

— Да что, говорилъ онъ,—я вамъ скажу, какъ вы только уйдете отсюда, уже я не тотъ буду съ этими панами. Только для васъ я съ нѣкоторыми еще живу такъ, что сдѣлался послѣднимъ жандармомъ въ командѣ; вѣдь я могу подъ судъ пойти, а за что? Вотъ только выйдете—ужъ того не будетъ, нѣтъ...

Уходя, онъ обѣщалъ принести мнѣ „газетъ съ рамою" (т. е. свѣжихъ, не снятыхъ еще съ рамъ), и только что вышелъ, входитъ Дмитрій, съ запиской отъ Окуневской (извѣщала объ отъѣздѣ Драминской, о своей скукѣ, и просила „продолжать переписку").

На слѣдующій день (24-го августа), вечеромъ (въ 6½ часовъ), входитъ Дмитрій и таинственно говоритъ:

— Сейчасъ привезли отца пани Драминской; тамъ, въ свидальномъ покоѣ его осматриваютъ; а сама она, говорятъ, вчера еще совсѣмъ уѣхала,—бросила имѣніе и теперь уже въ Пруссіи.

— За что его арестовали?

— Радкевичъ спросилъ его: „За что пана взяли?"—„Не знаю самъ, говоритъ:—пріѣхалъ только съ мѣстечка домой, какъ меня подхватили и привезли сюда,—видно, придется платиться за свою дочку, а она уѣхала за-границу".

Вотъ судьба-то!? Вчера выпустили дочь, сегодня привезли отца!.. Вотъ и объяснилось ея безпокойство въ послѣдней запискѣ ко мнѣ. Еще денекъ подержали бы ее—и тогда, вѣроятно, дорого бы заплатила она за свою любовь къ отчизнѣ!

Драминскаго оставили за перегородкой свидальнаго покоя, вѣроятно на эту только ночь.

Я нарочно вышелъ въ преветъ, не увижу-ли его, и увидалъ старика лѣтъ за семьдесятъ (и дѣйствительно, по запискѣ отъ Окуневской, ему 75 лѣтъ). Бѣдный старикъ! Всѣ усилія употреблю, чтобы утѣшить его...

Утромъ (25-го августа) его перевели въ свѣтлый казематъ къ какимъ-то четыремъ панамъ; значитъ, его не считаютъ важнымъ преступникомъ и, вѣроятно, скоро выпустятъ.

О—въ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ВЪ КРАЮ БЫЛЫХЪ ЕРЕТИКОВЪ [1].

III.

Визитъ въ Либунь.

НА ДРУГОЙ день — большой праздникъ у чеховъ, Стефана. Оба, и деканъ, и велебный панъ, отслужили по обѣднѣ, съ неизмѣнной проповѣдью; мы же въ кухнѣ—болтали съ господыней. Въ 12 часовъ обѣдъ, но короткій, такъ какъ въ 2 часа мы собирались сдѣлать прогулку на саняхъ въ село Либунь, сосѣдній приходъ съ Ровенскомъ, верстахъ въ 6-ти—7-ми. Ѣхали мы всей компаніей: деканъ, велебный панъ, панъ профессоръ (Пичъ) и я.

Для меня поѣздка эта имѣла спеціальный интересъ. Не ѣзда въ саняхъ, не Либунь интересовали, а привлекалъ меня тамошній „фараржъ", почетный „кановникъ" Литомѣрицкой епархіи, Антонинъ Марекъ (Marek), литературный дѣятель едва что не съ конца прошлаго столѣтія, послѣдній живой свидѣтель—памятникъ славной эпохи Добровскаго и чешскаго возрожденія. Посѣтить Либунь — это значитъ сдѣлать экскурсію въ начальные годы нашего столѣтія. Марекъ родился 11-го сентября 1785 года, слѣдовательно ему шелъ 90-й годъ. Священникомъ онъ, и въ томъ самомъ Либуни, безъ малаго 70 лѣтъ. Кто изъ русскихъ, занимавшихся славянствомъ, не навѣщалъ этого послѣдняго, чудомъ задержаннаго на землѣ ученика патріарха славистики, аббата Добровскаго (1753 — 1829), унаслѣдовавшаго отъ своего великаго учителя самыя горячія симпатіи къ русскому языку, къ цѣлой Россіи — черта, которая отличала всѣхъ учениковъ этой школы? 90-лѣтній Марекъ — это звѣно, послѣднее

---

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн." т. IX, стр. 5.

живое звѣно, связывающее насъ, работниковъ на полѣ славяновѣдѣнія уже на склонѣ XIX столѣтія, съ нашимъ общимъ учителемъ еще конца прошлаго вѣка. Сѣдая эпоха Добровскаго, давно отошедшая въ вѣчность, въ исторію, первые годы воскресенія чешскаго народа— начало нынѣшняго столѣтія — не умерли еще въ старомъ священникѣ села Либуни...

Когда, такъ въ половинѣ 40-хъ годовъ, долго и систематически, то преслѣдуемые правительствомъ Меттерниха, то осмѣиваемые ожирѣлыми бюргерами разношерстнаго происхожденія, но по преимуществу тевтонской и семитической крови, чешскіе патріоты—„vlastencove" („die Wlastenceu"—насмѣшливое прозвище у нѣмцевъ) осилѣли, окрѣпли на столько, что въ Прагѣ открыли первый городской клубъ, на вечеринкахъ только танцовали чешскіе танцы, а на балахъ въ Софіевскомъ островѣ (знаменитый паркъ въ Прагѣ) уже и дамы— „милост-пани", „слечинки"—не робѣли говорить по-чешски,—политическая муза чешская славила торжественно либунскаго стараго священника, какъ воскресителя чешскаго народа.

„Аж вы, Троскы! выть го знáте,
Скало и ты, Либуни!
Онть вáм глáсà слово сватé,
Онть іест ваше вѝслунѝ.
Кдыж час' народ, а власт мрела,
В нјем пророцкá душа врела;
Кришéл, вѣштјец Слàвин,
Братры свѐ кнјез Антонин!" [1])

Такъ пѣлъ одинъ изъ дѣятелей втораго поколѣнія эпохи возрожденія, извѣстный каноникъ Вацлавъ Штульцъ (и понынѣ здравствующій) въ своихъ поэтическихъ „Незабудкахъ на путяхъ жизни"— „Pomnenky na cestách zivota" (Прага, въ 1845 году), полныхъ всеславянскаго энтузіазма, но съ католической окраской.

Чѣмъ же воскрешалъ своихъ братьевъ Либунскій глашатай слова Божія?

Словомъ и дѣломъ. Неутомимая дѣятельность Марка была изумительна. Нѣтъ почти области въ чешской литературѣ, въ которой нельзя было бы указать слѣдовъ ея. Вся его долгая дѣловая жизнь была выполненіемъ завѣта его втораго, школьнаго учителя, и старѣйшаго задушевнаго друга, Іосифа Юнгманна (автора знаменитаго историческаго чешскаго словаря): „народъ, владѣющій народной литературой,—писалъ Юнгманнъ въ 1818 году,—господинъ неоцѣнимаго

---

[1]) То есть: „И вы, Троски, и ты, Грубая-Скала, и ты, Либунь, вы его вѣдь знаете! Вѣдь онъ провозглашаетъ у васъ слово Божіе, вѣдь онъ ваше свѣтъ-солнце! Когда угасалъ народъ, а отчизна умирала — въ немъ кипѣла душа пророка. Онъ, вѣщій пѣвецъ славянства, онъ, священникъ Антонинъ, воскрешалъ своихъ братьевъ!" Для незнакомыхъ съ чешскимъ языкомъ замѣтимъ, что р со значкомъ на верху—это польское rz (рж), а г имѣетъ значеніе латинскаго h, какъ въ малорусскомъ.

сокровища; если сохранятся его священныя книги, онъ можетъ воскреснуть изъ пепла отчизны".

Близкія отношенія къ Юнгманну у Марка начинаются съ того времени, когда онъ былъ на ученической скамьѣ въ епископской семинаріи въ Литомѣрицахъ, а Юнгманнъ, учитель мѣстной гимназіи, открылъ частнымъ образомъ курсъ чешскаго языка среди семинаристовъ. Самымъ пламеннымъ прозелитомъ патріотическихъ стремленій Юнгманна былъ Марекъ. „Видя предъ собой уже взрослую молодежь, которая могла понимать и его стремленія, и его скорби, онъ,—говоритъ новѣйшій біографъ Юнгманна, и, конечно, со словъ Марка,—открывалъ имъ сердце свое съ неслыханною дотолѣ откровенностью и указывалъ имъ горячо ихъ обязанности къ родинѣ и народу. Эти часы, проведенные среди образованной чешской молодежи, были для Юнгманна какъ бы пріятельскими бесѣдами, гдѣ онъ безъ утайки дѣлился съ своими слушателями всѣмъ, что двигало его мыслью и сердцемъ, были, среди иноязычнаго населенія, чешскимъ обществомъ, которому онъ смѣлъ сообщить многое и такое, на что онъ не могъ бы отважиться на иномъ мѣстѣ и при иныхъ людяхъ".

На этихъ-то часахъ чешскаго языка и воспитался юный Марекъ, какъ будущій дѣятель въ народѣ. Его политическій кодексъ заключалъ двѣ заповѣди: будь чехомъ и будь славяниномъ. Но любовь къ славянству выливалась въ весьма конкретную форму: она отождествлялась съ преданностью Россіи, русскому народу, какъ представителю, и сегодня и завтра, цѣлаго славянства.

Ту же любовь къ русскому будилъ и Добровскій, общій учитель образованныхъ чеховъ еще перваго поколѣнія, въ томъ числѣ и Юнгманна. Изъ подъ крыла Добровскаго, уже старика, вышелъ, приснопамятный не малому числу русскихъ, Вячеславъ Ганка.

Нераздѣльно воспитывать въ себѣ эти два чувства — любовь къ своему и любовь къ русскому — таковъ былъ завѣтъ Юнгманна, черта, которая видна даже въ мелочахъ, и которая такъ рѣзко отличаетъ людей школы Добровскаго и Юнгманна отъ сторонниковъ школы послѣдующей — Палацкаго, устранившейся отъ русскаго. Этотъ панславизмъ, съ русской окраской, такъ проповѣдывалъ Юнгманнъ своимъ семинаристамъ въ 1810 г. (Марекъ уже окончилъ курсъ): „Если какой народъ и можетъ гордиться своею распространенностью на свѣтѣ и величіемъ своего языка, то на это наибольшія права имѣетъ славянинъ. Цѣлая четверть земнаго шара принадлежитъ славянамъ. Отъ Литомѣрицъ и до Китая мы можемъ идти посреди однихъ славянъ. Языкъ ихъ, родственный греческому и латинскому, можетъ разцвѣсть до высокой степени, и съ помощью Божіей разцвѣтетъ... Доселѣ славянинъ былъ слугою другихъ народовъ. Но вѣчно движущееся колесо исторіи принесетъ дорогую для славянъ перемѣну, и мы, если будемъ только настоящими славя-

нами, можемъ съ полнымъ правомъ радоваться нашему имени". Одной любви къ чешскому языку еще мало: „мало-по-малу учитесь и другимъ языкамъ славянскимъ, особенно русскому и польскому, безъ знанія которыхъ вамъ нельзя стать совершенными чехами; знаніе ихъ откроетъ для васъ свѣтъ въ родномъ языкѣ и введетъ васъ въ новый міръ, міръ славянскій... Да, придетъ время, пророчествуетъ ученый Шлецеръ, когда, если не славянскому вообще, то, по крайней мѣрѣ, русскому языку въ Европѣ будутъ учиться такъ же охотно, какъ учатся французскому".

Горячимъ патріотомъ, съ русской окраской, оставилъ 22-хъ лѣтній Марекъ литомѣрицкую семинарію и водворился, послѣ немногихъ переходовъ, въ Либуни. Это было въ 1808 году. Свою Либунь онъ оставилъ только за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти (умеръ въ началѣ 1877 г.). Изъ ученика ставъ другомъ Юнгманна, Марекъ, въ крошечной, глухой Либуни, въ скромномъ званіи „каплана", дѣлается глашатаемъ русскихъ стремленій литомѣрицкаго гимназическаго учителя. Какъ цѣнилъ самъ Юнгманъ своего юнаго адепта, ясно изъ словъ упомянутаго біографа: „самой большой отплатой Юнгманну за его усилія въ преподаваніи чешскаго языка въ Литомѣрицахъ слѣдуетъ считать пріобрѣтеніе дружбы Марка, человѣка выдающагося и сердцемъ, и духомъ".

Литературнаго чешскаго языка не было. Добровскій писалъ только по-нѣмецки. Сверсники его предпочитали также нѣмецкій, или латинскій языкъ. Ученики Добровскаго, молодые священники, пробуютъ свои силы въ поэзіи—но только въ баснѣ, посланіи, одѣ. Первый образчикъ поэтическаго языка и въ обширной поэмѣ далъ Юнгманнъ—въ переводѣ Мильтонова „Потеряннаго рая" (1805—1811). Этимъ переводомъ онъ далъ тонъ—въ какомъ направленіи вести выработку письменнаго языка. „Зачѣмъ столько незнакомыхъ словъ?" спрашиваетъ самъ себя Юнгманнъ. „И слова тутъ инославянскія!" (понимай—русскія).—„Пусть, дорогой патріотъ, отвѣчаетъ Юнгманнъ, высокая поэма не будетъ унижена будничнымъ языкомъ; будучи славяниномъ, ты охотнѣй привыкай къ лучшему славянскому языку и вмѣстѣ съ людьми, понимающими дѣло, стремись къ тому, чтобы и мы, чехи, выходили мало-по-малу на встрѣчу общеславянскому литературному языку".

Созданіе литературнаго языка для своихъ чеховъ чрезъ сближеніе его съ русскимъ, который станетъ общеславянскимъ, — въ эту точку устремлена была первая дѣятельность пламеннаго и талантливаго Марка. „Подвизайтесь въ балладахъ, пишите, собирайте матеріалъ",—съ этими словами обратился Юнгманнъ къ Марку въ своемъ первомъ письмѣ, когда тотъ оставилъ навсегда Литомѣрицы.

Поэтическія произведенія молодаго каплана доставляли истинное удовольствіе учителю: „Я болѣе и болѣе убѣждаюсь, пишетъ Юнгманнъ Марку, по прочтеніи его первенцевъ („Троски и др.), что

одинъ Марекъ будетъ слава чехамъ". Когда онъ получилъ отъ Марка элегію на смерть Дуриха (знаменитый историкъ и уроженецъ Турнова, откуда и самъ Марекъ), онъ остановилъ поэта—не отчаяваться: „когда старый хозяинъ умретъ, молодой долженъ позаботиться о домѣ; если у него нѣтъ опыта, не бѣда—научится. Наша обязанность—кто какъ можетъ работай, чтобы (буде то возможно) сохранить родной край потомкамъ нашимъ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ въ какомъ оставленъ онъ намъ отъ предковъ". Изъ этихъ поэтическихъ первенцевъ музы Марка самое замѣчательное—это „Посланіе къ Іосифу Юнгманну"; т. е. къ учителю. Оно, по своимъ мыслямъ,—исповѣданіе вѣры школы Юнгманна.

„Посланіе" помѣчено 1809-мъ годомъ. Этотъ годъ—годъ униженія и опозоренія гордой монархіи Габсбурговъ подъ ударами Наполеона. На югѣ изъ старыхъ наслѣдственныхъ земель габсбургскаго дома—земли словенцевъ, единственнаго славянскаго народа, никогда не жившаго самостоятельно политически, Наполеонъ создаетъ „Иллирійскую республику". Вдохновенный монахъ, народный поэтъ, Водникъ пишетъ знаменитый гимнъ Наполеону: „Иллирія, возстани! Какъ лежавшаго въ гробу Лазаря, Наполеонъ подымаетъ словенцевъ..." Какъ не ждать, что та же апоѳеоза имени Наполеона и Франціи теплилась и въ сердцахъ чешскихъ патріотовъ! Но нѣтъ, этого мы не видимъ. Въ сердцѣ чешскихъ патріотовъ, бесспорно, не безъ злорадства смотрѣвшихъ на „конецъ австрійскимъ порядкамъ", мѣсто Франціи было занято Россіей. Твердая вѣра въ Россію—цѣлитель недуговъ нашихъ,—такова основная тема „Посланія". „Насъ горсточка на передовомъ посту, пишетъ здѣсь Марекъ; можетъ быть, всѣ усилія наши поднять дремлющій и страдающій народъ, наша защита въ узкихъ Ѳермопилахъ, будутъ безуспѣшны; но есть Востокъ, Россія,—тамъ насъ не забудутъ".

„Павшіе на полѣ чести, пренебреженные своими, мы, вѣроятно, будемъ отплачены на Востокѣ", заканчиваетъ поэтъ свое „Посланіе".

„Это „Посланіе",—говоритъ извѣстный уже намъ біографъ Юнгманна,—самое смѣлое печатное стихотвореніе на чешскомъ языкѣ съ обновленія литературы; въ немъ звучитъ не только боль объ исчезнувшихъ болѣе счастливыхъ временахъ—здѣсь слышно и страшное проклятіе противъ жестокихъ угнетателей, и съ лицомъ, обращеннымъ на Востокъ, онъ вѣщаетъ угнетенному народу славнѣйшее время"...

Съ дѣтскою, сердечною радостью встрѣчали ученикъ и учитель побѣды русскихъ надъ французами. А ликованію ихъ не было конца, когда они увидѣли русскихъ во-очію, познакомились съ русскими войсками. (Чехія была квартирой русскихъ въ 1813 году). Когда русскіе проходили чрезъ Литомѣрицы, „я—пишетъ Юнгманнъ Марку по-русско-чешски—пильнѣ говорю съ ними", т. е. прилежно. Особенно онъ сошелся съ протопопомъ пензенскаго ополченія, Алексан-

дромъ Васильевымъ, случайную болѣзнь котораго онъ увѣковѣчилъ даже чешскою одою. Какъ радъ былъ Юнгманнъ, когда протопопъ написалъ ему на память русскую азбуку; раньше онъ зналъ только печатное русское письмо: копію онъ поспѣшилъ отправить своему Марку...

Въ 1815 году, Юнгманнъ переселяется въ Прагу; Марекъ оставляетъ свою музу и превращается въ дѣловаго писателя—непосредственнаго помощника Юнгманна.

Правительство стало милостивѣе къ чешскому языку: въ чешскихъ гимназіяхъ онъ сталъ предметомъ преподаванія (въ 1816 г.). Но ни учебной чешской грамматики, ни книги для чтенія не было, и Юнгманнъ, которому казалось, что уже наступаетъ оборотъ въ судьбѣ родная языка, принимается поспѣшно за „Словесность"—книгу литературныхъ образцовъ. Ревностное сотрудничество Марка было отвѣтомъ на приглашеніе. Онъ пишетъ образцы духовнаго краснорѣчія, посылаетъ вдохновенныя поэтическія стихотворенія, которыя, впрочемъ, не ушли отъ цензурной кастраціи, и въ 1820 г. имѣетъ истинное удовольствіе видѣть „Slovesnost" — первую родную книгу для родной школы.

За заботой о школѣ слѣдовала у Юнгманна другая забота—о попыткѣ къ чешской научной литературѣ, объ изданіи чешской энциклопедіи наукъ. И здѣсь первымъ совѣтникомъ и помощникомъ былъ Марекъ. По просьбѣ своего друга, онъ беретъ на себя философскую часть энциклопедіи, и въ 1818 году въ рукахъ Юнгманна была уже готовая рукопись „Логики" Марка. „Вашу нелегкую работу я получилъ, пищетъ онъ автору, и съ перваго же взгляда вижу, что вездѣ слѣды энергіи и остроты ума".

Но еще бóльшее, сердечнѣйшее участіе Марка было въ другомъ, грандіозномъ предпріятіи Югманна, задуманномъ послѣднимъ съ весьма раннихъ лѣтъ и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—это въ составленіи „Историческаго словаря чешскаго языка". Этотъ знаменитый словарь, истинная національная гордость чеховъ, вышелъ въ пяти громадныхъ томахъ въ 1839 году и былъ плодомъ почти 40-лѣтнихъ самыхъ напряженныхъ трудовъ Юнгманна, этого „тихаго генія", какъ называютъ его признательные соотечественники. Но смѣю думать, что едва ли этотъ грандіозный трудъ былъ бы благополучно доведенъ до конца, если бы въ немъ прилежно не участвовала и энергическая рука друга Марка. „Самъ Марекъ—говоритъ одинъ изъ спеціальныхъ историковъ роли чешскаго духовенства въ народномъ возрожденіи—втеченіе многихъ лѣтъ собиралъ столько матеріала изъ различныхъ книгъ и разговорной рѣчи, что изъ него одного могъ бы быть составленъ немалый словарь" [1]). Что авторъ

---

[1]) J. Jezek „Zásluhy duchovenstva o rec a literaturu ceskou, od roku 1780—1880 (Praha. 1880—83).

не преувеличиваетъ, видно изъ признанія самого Юнгманна. Посылая Марку первый печатный экземпляръ своего „Словаря“, Юнгманнъ пишетъ: „примите его на память и въ знакъ моей благодарности вамъ за великую помощь въ Словарѣ“ [1]).

Читатель видитъ, что жизнь Юнгманна—это жизнь Марка, и славу перваго съ полнымъ правомъ можетъ раздѣлить его младшій другъ, Антонинъ Марекъ, и читатель извинитъ за этотъ нѣсколько длинный экскурсъ въ начальные годы нынѣшняго столѣтія, въ начальные годы возрожденія чеховъ. Экскурсъ этотъ выяснилъ, какіе интересы влекли меня посѣтить изъ Ровенска сосѣднюю деревеньку Либунь, посѣтить, видѣть ея почти столѣтняго „фараржа“...

Но возвращаемся къ прерванному разсказу.

Старикъ деканъ, нашъ хозяинъ, пожелалъ и самъ сопутствовать намъ въ Либунь, и ровно въ два часа стояли у крыльца знакомыя уже намъ сани, съ знакомымъ „кочимъ“ (кучеромъ) Вацлавомъ.

Либунь лежитъ на главномъ шоссе изъ Турнова въ Ичинъ; поэтому, подъѣхавъ къ Троскамъ, которыя съ этой стороны были еще величественнѣе,—на вертикальной скалѣ упирались прямо въ небо, мы своротили влѣво. Снѣгъ густою массою устилалъ дорогу по прежнему. Праздничный день давалъ себя знать по множеству встрѣчавшихся пѣшеходовъ, туда и сюда, по массѣ попадавшихся саней, изящныхъ съ изящными дамами, и простыхъ, съ одной лошадью въ дышлѣ—популярнѣйшая форма ѣзды въ Чехіи. Старый деканъ былъ въ духѣ, веселъ: шутки съ обезьяно-подобнымъ „кочимъ“ Вацлавомъ не прерывались. Нашъ возница не могъ никакъ допустить и согласиться, чтобы сосѣдніе деканы, лица такого высокаго чина, могли называться—одинъ Грушка, другой Кочій, т. е. кучеръ. Извѣстно, что родовыя имена, или фамиліи, у чеховъ образуются оригинальнымъ способомъ: или отъ прошедшаго времени любаго глагола, въ муж. родѣ, или отъ имени сущ., въ ласкательной формѣ, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, особое предпочтеніе дается птицамъ и животнымъ. Отсюда масса фамилій: Будилъ, Брусилъ, Хитилъ, Поспѣшилъ, Навратилъ, Поправилъ, Поскочилъ, Недопилъ, Доспалъ, Драгокупилъ и т. д., или же: Славикъ, Скрыванекъ, Птачекъ, Ерабекъ, Когоутекъ, Шпачекъ, Беранекъ, Рыбичка и пр. Извѣстный лексикографъ Шпатный (въ Прагѣ) удостовѣрялъ меня, что всѣ птицы, какія только водятся въ Чехіи, имѣютъ своихъ представителей и въ именахъ людскихъ.

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія о литературной дѣятельности Марка почерпнуты нами изъ богатаго матеріалами юбилейнаго изданія Вацлава Зеленаго (уже покойника): „Život Josefa Jungmanna“ (Praha. 1873—1874). Можно безъ преувеличенія сказать, что біографія Юнгманна—это и біографія Марка. Письма Юнгманна къ Марку (начало) въ подлинномъ чтеніи, отрывками которыхъ мы пользовались изъ книги Зеленаго, напечатаны въ послѣднемъ (четвертомъ, номерѣ „Журнала чешскаго музея“ за 1881 годъ. Особенно новаго матеріала противъ напечатанныхъ отрывковъ эти письма не представляютъ.

Занятые умствованіями нашего Вацлава, мы мало видѣли, что̀ происходило вокругъ. Проѣхали нѣсколько селъ, принадлежавшихъ къ либуньской фарѣ, нѣсколько старыхъ усадебъ. Рѣзкій восточный вѣтеръ нарушалъ наше беззаботное, веселое расположеніе духа. Лошади шли среднею рысью, какъ обыкновенно ѣздятъ въ Чехіи, и черезъ часъ ѣзды мы были въ Либуни.

Либунь такое же село, какъ вообще села въ гористой Чехіи: смѣсь деревянныхъ, убогенькихъ, хатъ съ каменными, въ два этажа, домами, съ непремѣнной плаксивой статуей Яна Непомуцкаго, культъ котораго необыкновенно ловко подмѣнилъ почтеніе въ народѣ памяти другаго Яна—Гуса. Противъ церкви виднѣлся двухъ-этажный домъ. Это была „фара", куда мы и свернули.

Старикъ Марекъ былъ дома, здоровъ—принять насъ могъ. Нижній этажъ занималъ велебный панъ, помощникъ Марка, верхній—самъ старикъ. Мы подымались по лѣстницѣ. У послѣдней ступеньки насъ поджидалъ старикъ, худой, небольшого роста, съ густыми, желтовато-бѣлыми волосами, съ правильными и пріятными чертами лица, съ небольшими глазами, слегка согбенный. Я не могъ не догадаться, что этотъ крошечный старикъ въ пальто и былъ желанный ученикъ и другъ Добровскаго, Юнгманна, 90-лѣтній Марекъ. Довольно еще бодрый старикъ, Марекъ, „senior cleri", привѣтствовалъ насъ мягкимъ, тонкимъ голосомъ. Съ сердечнымъ благоговѣніемъ и удивленіемъ взглянулъ я на этого старика, на эту живую лѣтопись чешскаго народа за весь періодъ его возрожденія—воскрешенія.

Я представился, какъ ученикъ его ученика (О. М. Бодянскаго); старикъ съ ласковой улыбкой тотчасъ же заговорилъ со мною по-русски. Чрезъ залу онъ провелъ насъ въ свою комнату и на небольшомъ, бѣдномъ диванчикѣ усадилъ меня около себя. Въ комнатѣ было страшно натоплено—болѣе 16 гр., но старику, понятно, только было въ пору. Здѣсь уже было большое общество—дамы, его родственницы, всякаго возраста: племянница лѣтъ 70-ти, старѣйшая; юнѣйшая, лѣтъ 16-ти, круглолицая, румяная внучка, Эмма, дочь другой племянницы.

Минута, другая—молчаніе. Затѣмъ, старикъ обратился къ своей Эммѣ, къ которой онъ видимо благоволилъ, и потребовалъ отъ нея, чтобы она продекламировала русскую басню. Сконфуженная, она отнѣкивалась долго; но дѣлать было нечего—старикъ и слушать не хотѣлъ отказа. Робко, спотыкаясь, путая немного, Эмма начала декламацію „Кота и повара". Съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ старикъ слѣдилъ за русской передачей, торопливо подсказывалъ, поправлялъ, самъ декламировалъ. Декламація окончена, старикъ былъ очень доволенъ: „это все моя работа", пояснилъ старый руссофилъ [1]). За-

---

[1]) Въ своей статьѣ „Историки литературы славянъ" (Ж. М. Н. Пр. 1880, май, 170) объ этомъ посѣщеніи Марка я говорилъ по памяти. Теперь, справившись съ своими путевыми замѣтками, я вижу, что въ томъ разсказѣ есть довольно неточностей.

тѣмъ, съ этажерки Марекъ досталъ старый, ветхозавѣтный альбомъ, заношенный, потертый, съ массой подписей, съ начала столѣтія, и просилъ и меня расписаться. Нужно было учинить недостойное рукоприкладство.

Пока шла русская декламація, старшія дамы суетились и накрывали столъ. Цѣлыя груды „ваночекъ“ и всякаго печенья появились на скатерти, а затѣмъ неизбѣжное кофе. Кое-какъ мы ѣли, чтобы не оскорбить гостепріимства. Конечно, самъ Марекъ ни къ чему не прикасался: пилъ одну воду. Ветхій, уже разрушившійся организмъ его давалъ себя видѣть въ поминутномъ обильномъ выплевываніи слюны.

Я думалъ о только что оконченной русской декламаціи внучки Эммы, о радостномъ чувствѣ, чувствѣ удовольствія, съ которымъ слѣдилъ старикъ за своей внучкой. Это чувство переносило меня въ эпоху молодости Марка, когда онъ, подъ наитіемъ Добровскаго и Юнгманна, вносилъ русскую струю для созданія освѣженнаго литературнаго чешскаго языка, когда онъ своимъ удрученнымъ соотечественникамъ указывалъ на Востокъ, на Россію, и смѣло вѣщалъ имъ: симъ знаменемъ побѣдите; когда онъ съ дѣтскою радостью внималъ словамъ своего старшаго друга, Юнгманна, о его общеніи съ „настоящими“ русскими, въ войну 1813 года, о его пріятельствѣ съ полковымъ протопопомъ, познакомившимъ чешскихъ патріотовъ впервые съ русскою писанною азбукой... 1808-й и 1874-й годы—и какая неизмѣнность русскаго чувства!.. Явленіе, безспорно, разительное! По нему мы вправѣ судить о стойкости, непреклонности политическихъ взглядовъ Юнгманна и его школы. Недаромъ такъ ревниво слѣдила за нимъ всегда полиція, такъ опасались его, разгадывая его идеалы. Но „сіе знамя“ лѣтъ черезъ 20 было спущено, взвилось иное знамя—историческаго партикуляризма, теоріи „славянскихъ Аѳинъ“, какъ оно процвѣло въ школѣ Палацкаго. Уже при первомъ выступленіи Палацкаго († 1876) на политическую сцену, Юнгманнъ, старикъ, столкнулся съ этимъ партикуляристомъ, ловкимъ царедворцемъ, и понялъ, что его мысли померкнутъ въ общемъ сознаніи... Но у стараго знамени начала нынѣшняго столѣтія все непоколебимо стоялъ Марекъ до конца многолѣтнихъ дней своихъ, и съ знаменемъ этимъ сошелъ въ могилу въ 1877 году... [1]).

Старикъ, сидѣвшій около меня, поглощалъ все мое вниманіе. Онъ былъ очень словоохотливъ, думаю, не безъ вліянія русской декламаціи. Въ воспоминаніяхъ своихъ Марекъ перенесся прежде всего въ тѣ годы, когда его посѣтили наши первые путешественники въ сла-

---

[1]) Въ 1876 году Марекъ переѣхалъ въ Прагу—умереть, и первый визитъ его въ Прагѣ былъ къ русскому священнику только что открытой тогда нашей церкви въ Прагѣ, протоіерею Ал. Ал. Лебедеву. Подъ руку съ о. Лебедевымъ Марекъ шелъ за гробомъ Палацкаго. Вѣроятно, протоіерей Лебедевъ былъ вторымъ протоіереемъ, съ которымъ познакомился Марекъ, послѣ паузы въ 60 лѣтъ — съ знакомства съ полковымъ протоіереемъ въ 1813 году.

вянскія земли: Осипъ Максимовичъ Бодянскій и Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, т. е. конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ. Наиболѣе воспоминаній онъ сохранилъ о Срезневскомъ. Говоря о Срезневскомъ, о тѣхъ нѣсколькихъ дняхъ, которые провелъ Измаилъ Ивановичъ въ его обществѣ, онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, какъ быстро усвоивалъ нашъ славистъ чешскій языкъ. „Во время визитаціи деканата мы вдвоемъ посѣтили Турновъ. Здѣсь устроили намъ патріотическій обѣдъ, и мой русскій спутникъ замѣчательно хорошо произнесъ чешскій тостъ“ говорилъ онъ. Старика очень интересовало—вѣдаютъ ли про него въ Россіи, и онъ тщательно разспрашивалъ меня, упоминали ли гдѣ-нибудь о немъ его русскіе ученые гости. Я ему отвѣчалъ положительно, и онъ былъ видимо доволенъ.

Заведя рѣчь о Россіи, Марекъ выразилъ свою горячую надежду, что Россія, „великая представительница славянства, не выдастъ головой чеховъ ихъ старому врагу“, и тутъ сейчасъ же перешелъ къ воспоминаніямъ самаго отдаленнаго времени—къ началу нашего столѣтія. Это было одно изъ интереснѣйшихъ воспоминаній.

Наполеонова Европа двигалась на Россію, и много перечувствовали тогда чешскіе патріоты. Разсказъ Марка былъ кратокъ. „Это было лѣтомъ 1812 года, началъ старикъ. Я былъ здѣсь же, въ Либуни, но еще капланомъ. Ко мнѣ пріѣхалъ изъ Праги старикъ Добровскій. Однажды послѣ обѣда мы вышли за село гулять. Общее вниманіе было занято Наполеономъ и Россіей—чѣмъ все окончится. Естественно, и нашъ разговоръ былъ о Наполеонѣ, который тогда уже переходилъ Эльбу: кто выиграетъ—Наполеонъ или Россія? Я поддерживалъ мысль, что Россіи не выдержать этого нашествія; но старикъ Добровскій возражалъ мнѣ.—Я вѣрю, говорилъ Добровскій, въ крѣпость русскаго народа, и думаю, что Россія выйдетъ съ честью. И вѣра Добровскаго не обманула его“, заключилъ разсказъ Марекъ.

Понятно, съ какимъ вниманіемъ и удовольствіемъ я слушалъ это воспоминаніе о старикѣ Добровскомъ отъ старика Марека, уже по одному тому, что политическая сторона дѣятельности Добровскаго мало извѣстна или понимается односторонне (Замѣчательно, что до сихъ поръ въ чешской литературѣ нѣтъ достойной біографіи ни Добровскаго, ни его ученика, Шафарика). Въ самомъ дѣлѣ, патріархъ славяновѣдѣнія извѣстенъ съ одной своей научной стороны; какъ человѣкъ времени—онъ неизвѣстенъ. Но ясно, сколько новаго свѣта пролилось бы на великаго полувѣковаго дѣятеля чеховъ, захватившаго столько же отъ прошлаго, сколько и отъ нынѣшняго столѣтій, если бы съ тщаніемъ, достойнымъ памяти Добровскаго, были собраны хотя воспоминанія современниковъ о его личныхъ взглядахъ на вопросы жизни, о задушевныхъ чувствахъ его сердца, подобныя тѣмъ, какія мы только что выслушали изъ устъ его ученика, случайно сохранившагося на землѣ, какъ послѣдній отголосокъ того сѣдаго времени,—чешскаго возрожденія. Навѣрное, тогда бы потерялъ кредитъ

ходячій взглядъ на Добровскаго, какъ на человѣка, который давно сжился съ мыслью о гибели своего народа и который желалъ воздать послѣдній долгъ чести дорогому покойнику — достойнѣйше его погребсти.

Вѣра въ Россію не обманула Добровскаго. Черезъ годъ, въ 1813 году, онъ уже принималъ въ своемъ кабинетѣ въ Прагѣ одного изъ дѣятелей 12-го года—своего собрата (да извинятъ за сопоставленіе!) по наукѣ, извѣстнаго славянолюбца, адмирала Шишкова. Къ сожалѣнію, сухія, казенныя воспоминанія занесъ въ свой дневникъ государственный секретарь императора Александра о пребываніи въ Прагѣ, о бесѣдахъ съ Добровскимъ. Извѣстно только, что адмиралъ, въ качествѣ оффиціальнаго лица, изготовилъ было тогда, по порученію императора, текстъ благодарственнаго рескрипта столицѣ Чехіи за доброе обхожденіе съ русскими ранеными послѣ Кульмской битвы (умершіе изъ нихъ офицеры покоятся на протестантскомъ кладбищѣ въ Прагѣ, подъ Жижковой горой,—на позабытомъ нами и уже полуразвалившемся памятникѣ; надъ ними съ трудомъ разбираются фамиліи; помню гр. Войновича [1]), съ намеками на славянство Праги, съ довольно яркой окраской славянской, но всѣ эти славянскія мѣста были выпущены въ безцвѣтномъ оффиціальномъ рескриптѣ. Славянское исповѣданіе Добровскаго, его симпатіи къ Россіи, мы видѣли, поддерживались, и дѣятельно, школой Юнгманна; оно распространялось среди молодыхъ писателей,—вспомнимъ знаменитаго Коллара, Челаковскаго; но, какъ было уже упомянуто, въ 30-хъ годахъ оно смѣнилось направленіемъ узко-чешскимъ—въ исторической школѣ Палацкаго. Этому повороту умовъ способствовали и мы, наша политика, видѣвшая въ Австріи единый австрійскій народъ, проводимая Австріей и ея кормчимъ, Меттернихомъ, и, въ частности, жестко давшая почувствовать себя чехамъ въ изготовленіи нищенской, буквально, сумы поэту Челаковскому, гордости чеховъ и испытанному приверженцу русской идеи, за одно неосторожное слово, въ 1835 г. Политика Добровскаго и Юнгманна—окрѣпленія родной страны чрезъ изученіе славянства и Россіи—замѣнилась болѣе мелкой политикой строго историческихъ реминисценцій. Руководитель послѣдней, Палацкій, едва-едва разбиралъ русскую грамоту и русскую рѣчь. Свидѣтельствуюсь личнымъ опытомъ изъ воспоминаній о политическихъ собраніяхъ у достойнаго старика и руссофила, Ф. Браунера (этого, недавно умершаго—въ іюнѣ 1880 года,—осторожнаго вождя чеховъ), зимой 1874—75 гг. Вмѣстѣ съ этимъ забвеніемъ началъ Добровскаго и Юнгманна и литературная выработка чешскаго языка пошла по нѣмецкому пути; теперешній языкъ — славянское тѣло и нѣмецкій

[1]) Не много осталось въ живыхъ товарищей этихъ героевъ Кульма: ихъ помнитъ, не сомнѣваемся, высокочтимый графъ А. Г. Строгановъ, въ Одессѣ...

духъ [1]). Небольшая фаланга исповѣдниковъ русскихъ симпатій, всегда косо смотрѣвшая на школу Палацкаго, группировалась около В. В. Ганки, который, въ заботѣ о приближеніи чеховъ къ Россіи, передѣлалъ даже на чешскій ладъ русскій гимнъ:

„Боже, славяном
Царя храни!“

Со смерти Ганки (1861), русская струя снова ожила, благодаря дѣятельности поэта Эрбена († 1870), О. В. Ранка, А. О. Патеры и нѣкоторыхъ другихъ.

Остальное время старикъ Марекъ провелъ въ филологическихъ бесѣдахъ со мной, и это былъ знакъ школы Добровскаго-Юнгманна.

Заключительный разговоръ перешелъ опять на современную жизнь Россіи. Съ неудовольствіемъ онъ говорилъ о послѣднихъ безпорядкахъ въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, съ предостереженіемъ помянулъ о дружескихъ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи, „о неестественности“, по его словамъ, этой дружбы. Отзывчивость къ современности не угасла у знаменитаго старика съ годами...

Бесѣда наша тянулась уже болѣе двухъ часовъ. Давно наступилъ вечеръ. Пора было подумать и о пути обратно въ Ровенско, гдѣ насъ ждалъ деревенскій спектакль любителей. Старикъ, послѣ продолжительнаго разговора, видимо усталъ и сталъ зѣвать. Лошади съ Вацлавомъ стояли уже у крыльца. Тутъ вошелъ „велебный панъ“ Либуньскій, уже не первой молодости. Я съ нимъ могъ переброситься только нѣсколькими словами о южной Россіи, которую онъ зналъ довольно хорошо изъ писемъ своего пріятеля (Я. О. Н—ца).

Мы поднялись и стали прощаться. Старикъ Марекъ трижды, т. е. по-русски, поцѣловался со мной, и поцѣловался, а не потерся щеками—по-чешски. Несмотря на наши уговоры, старикъ съ непокрытой головой пошелъ провожать насъ. Онъ былъ неумолимъ и, подъ руку со мной спустился даже внизъ по лѣстницѣ: было совершенно темно. На дворѣ еще разъ перецѣловались, и мы сѣли. Старикъ просилъ еще навѣстить его, и послѣднія его слова были: „Передайте мое почтеніе всѣмъ русскимъ, которые еще сохранили память обо мнѣ...“

IV.

Еще въ Ровенскѣ и назадъ въ Прагу.

Домой мы возвращались въ темнотѣ, каждую минуту опасаясь попасть въ шоссейный ровъ—слѣдъ пути былъ едва замѣтенъ. Усили-

[1]) Въ еврейской лавкѣ стараго моего знакомаго антиквара въ Прагѣ, Шалека, было больше знанія кириллицы, чѣмъ у руководившихъ чеховъ.

вавшійся вѣтеръ заставлялъ насъ ежиться и молчать. Встрѣчные попадались рѣдко. Въ одномъ только мѣстѣ наткнулись на сани поперекъ пути, съ запоздалыми путницами по горло въ снѣгу. Опять темные абрисы Тросокъ, поворотъ на проселочное шоссе, въ началѣ 8-го—были уже въ импровизованномъ театрѣ въ залѣ ратуши нашего мѣстечка.

Представленіе уже шло. Небольшая зала ратуши была вся уставлена въ ширину скамьями, на которыхъ размѣстилась не менѣе густо женская половина публики. Мужчины, по обычаю, стояли вдоль и позади. Публика была по преимуществу деревенская. Женщины въ платочкахъ на головѣ, съ длинными перетянутыми таліями, словно осы; только на первой скамьѣ нѣсколько шляпокъ мѣстной буржуазіи. Предъ сценой помѣстился знакомый церковный оркестръ. Понятно, декану, хотя и мужчинѣ, по исключенію, удѣлили кусочекъ скамьи. Чрезъ нѣсколько минутъ появился и нашъ „велебный панъ“ изъ фары.

Сцена была крошечная: едва помѣщались актеры—студенты, пріѣхавшіе изъ Праги. Шла комедія изъ столичной, т. е. пражской, жизни — любимая „Фидлявачка“. Пьеска преглупая, основанная на невѣроятныхъ банально-комическихъ приключеніяхъ студента, оказавшагося на извѣстномъ годовомъ праздникѣ пражскихъ сапожниковъ (Фидлявачка приходится сейчасъ же послѣ Пасхи) безъ сапогъ, и между тѣмъ на этомъ загородномъ народномъ праздникѣ у него назначено свиданіе съ возлюбленной изъ „высшаго“ круга — съ дочерью „совѣтника“ въ отставкѣ. Не смотря на безсапожность, пьеса оканчивается вождслѣннымъ бракомъ. Играли такъ-сякъ; но скамьи ломились отъ сердечнаго хохота — смѣялся и малъ, и великъ. Цѣль была достигнута. Но какъ бы то ни было, изъ этой деревенской комедіи я вынесъ одно пріятное впечатлѣніе: импровизированный театръ въ Ровенскѣ свидѣтельствовалъ о потребности жителей такого ничтожнаго мѣстечка и окрестныхъ селъ въ эстетическомъ удовольствіи...

На слѣдующій день, воскресенье, мы должны были оставить гостепріимный ровенскій уголокъ. Въ 12 часовъ пообѣдали, а къ 2 час. кочій Вацлавъ уже ждалъ насъ, чтобы ѣхать въ Турновъ. Съ нами ѣхала и „пани господнии“. Любезный хозяинъ, деканъ Чермакъ, упрашивалъ погостить день-другой; охотно бы остался, но мой спутникъ, учитель Пичъ, завтра утромъ уже долженъ былъ быть въ гимназіи на урокахъ; рождественскія вакаціи у чеховъ — 4—5 дней, слѣдовательно, дѣлать было нечего. Еще разъ поблагодаривъ за хлѣбъ-соль и давъ слово завернуть въ Ровенско лѣтомъ, когда „здѣсь рай“, мы поспѣшили въ Турновъ: въ 3¼ отходилъ поѣздъ въ Младу-Болеславь. День былъ сильно морозный. Нашъ Вацлавъ, предоставленный самому себѣ, подгонялъ лѣниво. Но на станціи мы были во-время, какъ-разъ къ поѣзду изъ Либерца (Reichenberg). Въ пять были уже въ Болеслави за чаемъ, въ кружкѣ профессоровъ русскаго направленія, старыхъ знакомыхъ: Броуска, Криштофа.

Въ Болеслави я рѣшилъ пробыть еще дня два, чтобы познакомиться съ памятниками ея старины: съ рукописными собраніями въ ратушѣ и съ памятниками вещественными отъ времени процвѣтанія здѣсь извѣстной намъ „Братской Общины".

Въ 8 часовъ утра мой Пичъ отправился въ свою гимназію, а я въ ратушу. Любезный и ученый пуркмистръ (голова), д-ръ Карлъ Матушъ (старый посолъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ), предоставилъ архивъ въ мое полное распоряженіе, и я помѣстился въ залѣ присутствія. Служитель принесъ мнѣ на столъ цѣлый ворохъ пергаменныхъ документовъ.

Древнѣйшія грамоты латинскія. Ихъ было не много. Первая по времени отъ 1324 года—купчая запись нѣкоего пана Sbeszko de Michelsberk съ наслѣдниками, и весьма порушенная. Но съ эпохи гуситскихъ войнъ тѣ же юридическія грамоты, но уже чешскія; старѣйшая отъ 1443 года Индриха зъ Михалицъ, пана Млады-Болеслави (вѣроятно, та же фамилія, что въ грамотѣ 1324 г.—de Michelsberk). Это — льготная грамота и цѣликомъ переноситъ насъ въ смутное время той эпохи. „Я, Индрихъ зъ Михаловицъ, признаю этой грамотой публично предъ всѣми..., что, видя и замѣтивъ вѣрность и расположеніе къ себѣ горожанъ и цѣлаго общества Млады-Болеслави, города моего, а также видя ихъ великія потери, которыя причинены имъ забороиъ и иными военными случайностями втеченіе этихъ лѣтъ, и желая ихъ охотно за все то вознаградить и видѣть оправившимися въ ихъ недостаткахъ и потеряхъ, чтобы тѣмъ лучше они могли обновить городъ и выполнить мои платежи, по добромъ размышленіи, здравомъ совѣщаніи и совѣтѣ моихъ друзей и добрыхъ людей, учинилъ имъ эту особенную милость: по мочи этой грамоты дѣлаю ихъ мочными, и записалъ, и записываю, и предоставляю кашту (т. е. сольницу для продажи соли), чтобы тѣ мои горожане нынѣ и въ будущемъ имѣли и держали сами соляной торгъ для своего поправленія и улучшенія, по уплатѣ моего налога и безъ нарушенія права моего и моихъ будущихъ, такъ чтобы они то вели на пользу себѣ и всему обществу и продавали безъ всякой помѣхи моей или моихъ чиновниковъ и моихъ будущихъ. Въ подтвержденіе сего далъ я привѣсить къ этой грамотѣ свою собственную печать. А для меня и по моей просьбѣ благородный панъ Янъ зъ Смиржицъ съ сидѣньемъ на Лудницѣ, храбрый рыцарь панъ Матешко зъ Загорья и славный паношъ Йиржикъ зъ Мнихова, тогда гауптманъ на Болеслави, привѣсили также печати свои къ этой грамотѣ—для свидѣтельства". Упоминаемыя четыре высковыя печати привѣшены на пергаменныхъ ленточкахъ; изъ нихъ двѣ сохранились хорошо.

Съ каждымъ полустолѣтіемъ число грамотъ значительно увеличивается—и все уже чешскія. Главное содержаніе—разныя жалованья, подтвержденіе старыхъ льготъ жителямъ отъ владѣтельныхъ пановъ Болеслави, напр. Яна зъ Цимбурка и Товачова и жены его, Манда-

лены зъ Михаловицъ (1469 г.), Краиржовъ, пановъ, въ высшей степени милостиво обходившихся съ своими „подданными“ людьми. Эта послѣдняя черта подчеркнута въ грамотѣ 1469 года. Въ ней мы читаемъ: „... вспомнивъ и вспоминая благодѣянія предковъ нашихъ, какъ милостиво поступали они со своею бѣднотой (chudynu) — съ обществомъ города Младой-Болеславн и съ предмѣстьемъ... грамотами, правами, порядками украсительными изъ своей особенной милости одарили, и утвердили правами всѣми, какъ свидѣтельствуютъ грамоты ихъ отъ стара-давна... мы... всѣ тѣ права, порядки и жалованія подтверждаемъ...“ Въ подтвержденіе солидарности владѣтельныхъ пановъ Младой-Болеслави и ея горожанъ, въ XV вѣкѣ и позже, замѣтимъ, что паны Краиржи уже въ концѣ XV-го столѣтія исповѣдываютъ ученіе только-что предъ тѣмъ зародившейся „Братрской Общины“, а въ слѣдующемъ столѣтіи Млада-Болеславь — главное „сидѣнье“ преслѣдуемыхъ церковью и центральною властью „братьевъ“, такъ что городъ у католиковъ получилъ прозваніе „Братрскаго Іерусалима“.

Отъ XVI-го столѣтія много въ ратушѣ нотаріальныхъ книгъ и особенно интересныхъ для внутренней жизни города финансовыхъ счетовъ. Не менѣе интересно собраніе, вообще рѣдкихъ, распоряженій революціонной директоріи 30-ти, правившей Чехіей, послѣ низложенія Габсбурговъ, въ 1618 и 1619 годахъ — до избранія пфальцграфа Фридриха, и антимандатовъ фанатика-князя Лихтенштейна, управшаго Чехіей послѣ Бѣлогорской битвы.

Просмотръ, конечно, не всѣхъ грамотъ и документовъ я успѣлъ окончить къ обѣду, къ часу. На-послѣ я отложилъ знакомство съ иного рода рукописной стариной — съ знаменитымъ Канціоналомъ „Братрской Общины“, о которомъ вскользь было упомянуто мною раньше.

Пріятель Пичъ зашелъ ко мнѣ (гимназія помѣщается въ ратушѣ), и мы пошли въ старую гостинницу, гдѣ обѣдъ послѣ Ровенска былъ ужъ очень плохъ: взболтанная теплая вода съ мукой—супъ, да жареная селедка.

День былъ ясный, солнечный, теплый. Снѣгъ началъ таять, и я воспользовался послѣобѣденнымъ временемъ, чтобы хоть мелькомъ осмотрѣть уцѣлѣвшіе матеріальные памятники отъ „братрской“ старины, изъ времени процвѣтанія „Общины“ въ XVI и началѣ XVII столѣтій. Пріятель Пичъ повелъ на такъ называемую Новую площадь. Довольно значительное пространство этого „намѣстй“ окаймлено съ трехъ сторонъ небольшими, узкими и высокими домами старой постройки. Видъ ихъ сейчасъ же переносилъ въ XVI—XVII столѣтія и позволялъ предполагать, что здѣсь былъ центръ „Братрскаго Іерусалима“. Дѣйствительно, эти площадь и прилегающія къ ней улицы были средоточіемъ жизни „Общины“. По правую сторону, тотчасъ же при входѣ, двухъэтажный покрившійся домъ, съ небольшими,

некрасивыми окнами, съ старыми дубовыми дверьми подъ аркой, съ какой-то надписью надъ ними. Подойдя ближе, прочли: „Dant Musae honores. 1651“. Здѣсь, въ этомъ домѣ, помѣщалась нѣкогда братская типографія, теперь трактиръ. Надпись позднѣйшая, такъ какъ послѣ Вестфальскаго мира едва ли „братья“ въ своемъ „Іерусалимѣ“ могли свободно и безопасно жить. Далѣе, въ другомъ углу площади, по той же сторонѣ, желѣзная рѣшетка; это—старое кладбище „братьевъ“, съ массой надгробныхъ памятниковъ и надписями, отъ XVI-го вѣка; но все это было завалено снѣгомъ, и надписей не прочесть. Но кто желалъ бы видѣть образъ братскаго кладбища, его устройства, его особенностей, тотъ найдетъ его и сегодня въ поселеніяхъ гернгутеровъ (моравскихъ братьевъ). Въ 1869 году я былъ въ Лужицахъ, въ Будышинѣ (Bautzen). Къ сѣверу по Спревѣ (Шпре), въ нѣсколькихъ верстахъ, лежитъ поселеніе Klein-Welke (Малое-Великое), нѣкогда сербо-лужицкое село, а теперь колонія гернгутеровъ. Ее я посѣтилъ. Меня особенно остановило кладбище этихъ нѣмецкихъ исповѣдниковъ и продолжателей славянской „Братской Общины“. Въ кладбищѣ — простота и символы людскаго равенства. Всѣ могилы въ рядъ, какъ шеренга солдатъ. Надъ каждой могилой плита одного вида, величины, съ одной и той же надписью: имя, фамилія, годъ и мѣсто рожденія и „heimgegangen“ (отошелъ, но не умеръ) тогда-то. Какъ христіанинъ первыхъ вѣковъ, братръ-гернгутеръ оставляетъ землю съ спокойнымъ чувствомъ упованія лучшей жизни, безъ нашей скорби по земномъ. Отсюда на могильныхъ надписяхъ — отошелъ, и никакого увы... Покойники расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и послѣ послѣдняго покойника сейчасъ же роютъ свѣжую могилу: одна готовая могила должна быть всегда— она ждетъ очереднаго. И эта отверстая яма не внушаетъ щемящаго чувства никому изъ „братьевъ“...

Былое кладбище „братьевъ“ занимаетъ значительное пространство, и къ одной сторонѣ его, позади, примыкалъ „братскій шпиталь“, низкое строеніе о 2-хъ этажахъ. Больница эта была построена во второй половинѣ XVI-го вѣка одной изъ покровительницъ „Братской Общины“, богатой вдовой Катериной Милиткой, „мѣщанкой“ младоболеславской, ранѣе 1572 года. „Милитка, говоритъ извѣстный дѣятель „Общины“ и чешскій писатель конца XVI-го столѣтія, Сикстъ зъ Оттерсторфу, въ предисловіи къ упоминавшемуся не разъ братскому Канціоналу 1572 года, что̀ хранится въ ратушѣ въ Младой-Болеслави,—еще за жизнь свою, по волѣ Божьей, здѣсь, на этомъ свѣтѣ, старалась быть полезной бѣднымъ людямъ и не перестаетъ быть таковой, приказавши на свои собственныя средства построить въ этомъ городѣ шпиталь, чтобы убогіе и нуждающіеся люди могли найти въ немъ пріютъ“. Теперь—здѣсь казарма.

На лѣвой сторонѣ той же площади идетъ узенькая, кривая улица—Почтовая. Дома старенькіе, небольшіе. Эта улица ведетъ къ полу-

развалившемуся одноэтажному домишкѣ, — здѣсь было жилище извѣстнаго честолюбиваго и сварливаго епископа „Братрской Общины" второй половины XVI-го вѣка, Яна Августы, своими происками на слитіе съ лютеранами едва не погубившаго „братьевъ". Отъ этого историческаго домика осталась только половина. Наискось отъ дома Августы виднѣется старый каменный заборъ, съ узкими воротами, а за нимъ безобразная крыша какого-то широкаго зданія-сарая. Это былъ также памятникъ Общины—церковь братьевъ, „братрскій зборъ", какъ они называли. Вошли во дворъ. Предъ узенькою дверью въ „церковь" часовой, а надъ ней надпись—„военное депо". Ясно, что внутренній осмотръ невозможенъ.

Мы были предъ главнымъ фасадомъ былой братской церкви, XVI-го столѣтія. Онъ представлялъ собой широкій прямоугольникъ, кверху немного съуженный, съ высокой крышей, какъ въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Стѣны каменныя, уже осѣвшія и съ трещинами. На-право и на-лѣво отъ дверей, но повыше, два небольшихъ оконца. Чрезъ нихъ можно было разглядѣть рядъ колоннъ и хоры. Третье небольшое оконце—надъ входомъ, но уже въ стѣнѣ подъ крышей. Мы обогнули уголъ съ подпорою: длинная стѣна уже съ частыми окнами, но также высоко. Противъ фасада—полукруглая стѣна, вдавшаяся во-внутрь: здѣсь былъ, вѣроятно, алтарь. Алтарь смотрѣлъ на востокъ, по-православному. Еще сохранившійся крестъ на крышѣ у алтарнаго полукруга говорилъ ясно о братрской старинѣ. Слѣдовъ колокольни—никакихъ; видно, „братрскій зборъ" обходился безъ колоколовъ, какъ въ еврейской синагогѣ. Да и самая архитектура „збора" именно напоминала синагогу. Надо полагать, что въ тяжелую для „Общины" эпоху XVI-го столѣтія, полную преслѣдованій и со стороны католиковъ, и со стороны „фальшивыхъ гуситовъ", по ихъ названію, т.-е., утраквистовъ (подобоевъ), братскіе „зборы" никогда не выходили на улицу, устраивались въ оградѣ, какъ въ укрѣпленіи. Кажется, то же опасеніе видно и въ узкой, единственной входной двери (боковыхъ—слѣда нѣтъ), и въ высоко положенныхъ окнахъ. Если такія мѣры предосторожности имѣли мѣсто въ Младой-Болеславе, въ „Братрскомъ Іерусалимѣ", то тѣмъ умѣстнѣе онѣ были въ позиціяхъ менѣе крѣпкихъ. Болеславскій „зборъ" такъ и напомнилъ мнѣ наши старовѣрческія молельни. Печать преслѣдованія видна и здѣсь, и тамъ...

Вотъ то немногое, что я могъ видѣть изъ монументальной старины „Общины" въ Болеслави.

Возвратившись съ осмотра города, остававшееся время и утро слѣдующаго дня я провелъ опять въ ратушѣ, не за грамотами, а за знаменитымъ памятникомъ книжнаго и живописнаго искусства изъ эпохи „братьевъ". Я разумѣю художественный **Канціоналъ**, исполненный въ Общинѣ въ 1572 году, о которомъ не разъ упоминалось нами выше.

Два человѣка съ трудомъ внесли громадную рукопись Канціонала. Пергаменная, въ листъ, 551 листъ или 1102 страницы, по 35 строкъ, въ современномъ переплетѣ изъ свиной кожи, съ мѣднымъ окладомъ, съ изображеніями. Въ длину 3½ четверти, въ ширину 2½.

Канціоналъ — сборникъ службъ; „officia“—нѣчто въ родѣ нашего Служебника (Требника). Въ нашемъ Канціоналѣ службы начинаются съ Рождества, идутъ черезъ весь годъ, затѣмъ на отдѣльные случаи и въ честь святыхъ и праздниковъ, съ листа 389-го а: Вита, Іоанна Крестителя, Елисаветы, Маркеты, посланія 12-ти апостоловъ, Маріи Магдалины, Якова, Анны, Преображенія, Лаврентія, Благовѣщенія, Освященія храма, Варѳоломея, Усѣкновенія, Рождества Богородицы, Воздвиженія и пр. Послѣднія officia: officium объ исповѣдникахъ (536 а) и о дѣвственницахъ вообще (541 а). Эти службы святымъ и на общехристіанскіе праздники показываютъ, что церковный обрядъ „Братской Общины“ держался ритуала ея противника — католической церкви. Служба св. Войтѣху (католическому патрону Чехіи), есть; но нѣтъ памяти Гуса.

Для образца состава церковныхъ пѣсенъ братскаго Канціонала приведу одну, въ переводѣ.

Листъ 139 б. „Антифоны. За отпущеніе грѣховъ, за предлежащую власть, за миръ и за всякія иныя вещи, нужныя для души и тѣла—вмѣсто приношенія (offertorzi), или когда тебѣ будетъ угодно въ девятникъ (т.-е. воскресенье—septnagesima), либо въ посту. „Смилуйся надъ нами, нашъ благій Господи, въ тебя мы, грѣшные, имѣемъ упованіе. Благоволи быть нашимъ защитникомъ и дай намъ побѣду въ часы скорби нашей и въ опасности. Не дай насъ непріятелямъ нашимъ въ оскорбленіе, да имя Твое не дано будетъ въ поруганіе. Не попускай же разсѣяться крошечному стаду, которое держится Твоего святаго закона. Молимся, да не отыми отъ насъ своего милосердія“ [1]).

Въ приведенной пѣсни любопытно прошеніе за „предлежащую власть“—vrchnost. Извѣстно, что духовный родоначальникъ „Братской Общины“, неученый философъ изъ свободныхъ крестьянъ, но чтитель и служитель Гуса, Петръ Хельчицкій, именно отвергалъ существованіе власти въ обществѣ, и этотъ пунктъ былъ яблокомъ вѣчнаго раздора въ нѣдрахъ „Общины“: „можетъ ли христіанинъ, по доброй совѣсти, признавать власть?“ Къ концу XVI-го столѣтія этотъ вопросъ получилъ утвердительное разрѣшеніе въ ученіи „братьевъ“; братья признали данную организацію общества и такимъ только образомъ стали терпимы. Понятно послѣ этого, что въ Канціоналѣ 1572 года мы находимъ прошеніе за „vrchnost“ [2]).

---

[1]) Антифоны — попеременное пѣніе священника и предстоящихъ, съ Амвросія Медіоланскаго. Въ лютеранской церкви — въ различной интонаціи голоса пастора и въ отвѣтахъ хора.

[2]) Споръ о принципѣ власти въ нашей книгѣ: „Братья-Подобои“, стр. 8—58.

Но болеславскій Канціоналъ представляетъ интересъ не только своимъ содержаніемъ; его цѣна не только историческая. Много важнѣе онъ, какъ памятникъ, свидѣтельство развитія художественной дѣятельности въ средѣ братьевъ—живописи.

Прежде всего познакомимся съ временемъ, мѣстомъ приготовленія рукописи и съ личностью автора. Эти обстоятельства выясняются изъ обычнаго послѣсловія: „Окончена эта книга хваленій Божіихъ въ четвергъ по перенесеніи св. Вячеслава, лѣта отъ Рождества Сына Божія 1572, Яномъ Канторомъ, старымъ мѣщаниномъ въ Новомъ Мѣстѣ Пражскомъ“ (л. 551 а). Справедливо выраженіе — „окончена книга“, потому что громадный Канціоналъ не писанъ только, но и разрисованъ: писецъ былъ въ то же время и художникъ, выражаясь технически—иллюминаторъ. Разрисовка требовала большого труда, и если разрисовка отличается внутренними достоинствами и многообразна, то, понятно, заказъ подобной рукописи былъ подъ силу весьма и весьма богатаго человѣка. Извѣстно, что наше Остромирово Евангеліе было заказано посадникомъ, т.-е. намѣстникомъ княжимъ, такъ сказать генералъ-губернаторомъ.

Итакъ, болеславскій Канціоналъ не только рукопись, но и художественное произведеніе. Онъ имѣетъ 35 иллюминацій, большинство въ листъ. Главнѣйшія изъ нихъ обдѣланы золотомъ. Краски отличаются необыкновенною свѣжестью. Живопись изящна въ изображеніи звѣрей, птицъ и растеній. Лица человѣческія сдѣланы вообще удачно: только художникъ не легко справлялся съ изображеніемъ конечностей человѣческаго тѣла—пальцы длинные, вытянутые. Наконецъ, цѣлыя строки сдѣланы золотомъ. Словомъ, вездѣ слѣды роскоши, большихъ денежныхъ затратъ со стороны заказщика.

Кто же былъ этимъ богатымъ братскимъ заказщикомъ? Отвѣтъ даетъ „Предисловіе“ къ Канціоналу, за подписью извѣстнаго писателя Сикста зъ Оттерсторфу.

Восхваливъ щедрость, благотворительность, Сикстъ объясняетъ, что „во время владычества благородныхъ пановъ—пана Кундрата, пана Карла и пана Адама, родныхъ и нераздѣльныхъ братьевъ Краиржовъ зъ Крайку и на Младой-Болеславі, въ числѣ такихъ набожныхъ и къ людямъ бѣднымъ щедрыхъ и охотныхъ людей находится почтенная вдова, пани Катержина, прозвищемъ Милитка, мѣщанка того мѣста Младой-Болеслави на Йизерой, которая еще за жизнь свою старалась дѣлиться на этомъ свѣтѣ съ бѣдными людьми своимъ имѣніемъ, и на томъ еще не перестаетъ, приказавъ на свои собственныя утраты построить въ этомъ городѣ больницу... А нынѣ приказала въ церкви большой, гдѣ вѣрнымъ служатъ словомъ Божіимъ и пречистыми тайнами, по заповѣди Христа Господа Спасителя нашего (вѣроятно, та самая церковь, о которой мы говорили раньше) сдѣлать своды и украсить хорами. А сверхъ всего этого заказала книгу эту хваленій Божіихъ на свой собственный

счетъ изготовить и написать. По сему, ея столь щедрое и благое добродѣяніе не должно прійти въ забвеніе: Господь Богъ, который ея столь святое начинаніе благоволилъ вложить въ сердце ей и способъ и долголѣтіе жизни ея имѣетъ въ своихъ святыхъ рукахъ, долженъ быть прошенъ отъ всѣхъ насъ, отъ всѣхъ обывателей этого города, да руководитъ и бережетъ ее, какъ благотворительницу этого города, во всѣхъ дѣлахъ здѣсь, въ этой смертной жизни, а по временной смерти да пріиметъ въ число своихъ святыхъ избранниковъ, гдѣ бы съ ангелами божіими, чистыми духами и всѣми святыми могла зрѣть окомъ въ око Господа Бога Спасителя своего и радоваться во вѣки вѣковъ".

Къ сожалѣнію, неизвѣстно, во что обошлось щедрой благотворительницѣ Младой-Болеславы во второй половинѣ XVI-го вѣка, въ эпоху наибольшаго роста Общины, это благотвореніе — братрскій Канціоналъ Яна, кантора въ Прагѣ, заказанный, несомнѣнно, для той же братрской церкви (теперь сарай-депо), въ которой она сдѣлала своды и хоры,—но, навѣрное, не мало. И тщательность письма, и богатство иллюминацій говорятъ за это.

Познакомимся же съ этими иллюминаціями, въ которыхъ Янъ канторъ (въ личности его убѣдимся ниже) излилъ и свое религіозное воодушевленіе, и вложилъ свое художественное искусство. Онѣ познакомятъ насъ съ состояніемъ живописи въ „Общинѣ" и введутъ насъ въ нѣкоторыя бытовыя подробности жизни братьевъ. Мы будемъ слѣдить въ порядкѣ рукописи.

На первой же страницѣ нотнаго текста изображены оркестръ и хоръ ангеловъ, исполняющихъ церковную музыку и пѣніе. Понятно, почему этотъ рисунокъ открываетъ Канціоналъ. Съ нимъ мы знакомы уже раньше (II глава). На листѣ 2 б. гербъ: два рыцаря съ копьями; межъ нихъ бѣлый и красный щиты и корона, надъ которой два крыла; нижняя половина ихъ красная, верхняя бѣлая. Чей гербъ? Понятно—тѣхъ пановъ, покровителей Общины, во владѣніяхъ которыхъ спокойно зажили братья: „erb panuow Kragirzuow z Kragku a na Mladem Boleslawi nad Gizerau". Съ ними мы познакомились изъ предисловія.

Послѣ этого идутъ собственно иллюминаціи текста.

Л. 26 а—три рисунка: 1) Крещеніе Іоанна, 2) Усѣкновеніе главы св. Екатерины (патроны заказщицы Милитки), при чемъ евреи въ современныхъ испанскихъ платьяхъ, и 3) Старуха въ черной мѣховой длинной шубѣ, накинутой на плечи, на колѣняхъ предъ Распятіемъ. На головѣ у ней бѣлая повязка. Руки сложены молитвенно, т.-е., пальцы прямо, какъ у насъ, у православныхъ. Вдали видны церковь, нѣсколько домиковъ, вѣроятно, болеславскихъ. Если во второмъ рисункѣ — великомученица Екатерина, то можно ли недоумѣвать въ личности черной старухи? Конечно, портретъ самой заказщицы, Катерживы Милитки. Дѣйствительно, у головы старухи надпись: „Katerzina Militka".

Л. 35 б—гербъ болеславскій—бѣлый левъ.

Л. 36 а—изящный образъ поклоненія пастырей: три пастыря смотрятъ изъ-за листьевъ на колыбель младенца Христа. Тутъ же и ангелъ, оповѣщающій пастырей. Далѣе, мы видимъ побіеніе камнями Стефана (66 б), бѣгство въ Египетъ и поклоненіе трехъ царей (78 а), обращеніе Саула (84 а), срѣтеніе въ храмѣ (90 б), три Маріи у гроба и явленіе Христа Маріи (206 а), Воскресеніе и Іоны изъ чрева китова (214), Вознесеніе и вознесеніе Иліи (278), нисхожденіе огненныхъ языковъ, Моисей получаетъ скрижали (295), снятіе со креста, Авраамъ и три странника, Христосъ и жидовинъ съ книгою въ храмѣ (319); но на листѣ 334-мъ встрѣчаемся съ рисункомъ, весьма любопытнымъ по своимъ бытовымъ чертамъ. Сначала—Тайная вечеря, затѣмъ изображено причащеніе у братьевъ—подъ обоими видами. На этой картинѣ причащенія мы нѣсколько остановимся.

Олтарь въ видѣ стола. Онъ покрытъ бѣлымъ платомъ. Посерединѣ его кружка, дискосъ, платъ и вода съ живыми цвѣтами — лиліями, по обѣимъ сторонамъ которой по свѣщницѣ. У лѣваго края престола, на зеленомъ пюпитрѣ раскрытая книга. Предъ престоломъ на колѣняхъ пятеро мужчинъ и шесть женщинъ. Мужчины въ черныхъ, коричневыхъ, сѣрыхъ епанчахъ, испанскаго покроя; женщины въ красныхъ, черныхъ, сѣрыхъ накидкахъ, весьма длинныхъ; головы окутаны бѣлымъ платкомъ. Направо и налѣво отъ алтаря по скамьѣ сидятъ съ молитвенниками въ рукахъ и читаютъ. Въ аркахъ видны еще нѣсколько человѣкъ. Такова внутренность братрской церкви въ торжественную минуту пріобщенія подъ обоими видами, изъ-за каковаго христіанскаго установленія было пролито столько чешской, по истинѣ благородной, крови. А вотъ и самое причащеніе.

Колѣнопреклоненныхъ мужчинъ пріобщаетъ одинъ священникъ, женщинъ—другой. Первый въ бѣломъ облаченіи, поверхъ котораго зеленая фелонь, съ прорѣзами въ рукавахъ; второй только въ бѣломъ. Около обоихъ священнослужителей по мальчику со свѣчей, а у престола налѣво—третій мальчикъ. Священникъ мужской половины подаетъ гостію — четвертому въ ряду мужчинѣ (слѣва); другой священникъ, пріобщающій женщинъ—съ чашей въ рукахъ. Отмѣтимъ, что оба священника безбородые, съ короткими волосами. Такимъ образомъ, наружный видъ ихъ, платье—не отличаютъ ихъ отъ католическихъ. Женщины пріобщаются отъ чаши—въ этомъ моментѣ художникъ представилъ главный пунктъ догматическаго разногласія ученія „Общины“ и папской церкви. Въ раздѣльности же пріобщенія подъ обоими видами братья, очевидно, держались буквально евангелическаго повѣствованія.

Идемъ далѣе въ обозрѣніи рисунковъ. Вотъ виньетка, представляющая лисицу, пѣтуха и курицу (358); агнецъ съ крестомъ — извѣстное католическое изображеніе Христа (389), Крещеніе Іисуса Христа, при чемъ два чешскіе пана въ сторонѣ (395), Христосъ даетъ

ключъ ап. Петру (402), а поодаль видѣнъ другой апостолъ (Павелъ?). На л. 412 встрѣчаемъ новый интересный рисунокъ: портретъ мужчины среднихъ лѣтъ, съ небольшой бородой, усами, съ короткими волосами; онъ въ черной одеждѣ, поверхъ ея черная шуба; онъ на колѣняхъ передъ Распятіемъ; вдали видѣнъ городъ. Этотъ мужчина—самъ изготовитель Канціонала, какъ явствуетъ изъ записи надъ молящимся: „Delicta juventutis meae et ignorantias meas ne memineris Domine. Ian Kantor. Anno aetatis 46". Самъ Янъ себя изобразилъ или иллюминаторъ былъ другой? Въ виду надписи, вѣроятнѣе всего, самъ Янъ. Если въ 1572 году Яну было 46 лѣтъ, слѣдовательно родился въ 1526 году.

Пробѣжавъ Преображеніе (440), изображеніе св. Лаврентія (447), Благовѣщеніе (454), причемъ у ногъ Маріи собачка — болонка — и цвѣты, остановимся на рисункѣ стр. 463 а. Это—и доселѣ популярнѣйшій народный праздникъ въ Чехіи—храмовой день церкви, такъ назыв. „посвицени", конечно, въ каждомъ селѣ въ свой день. На „посвицени" за недѣли идутъ приготовленія и въ самомъ селѣ, и въ окрестностяхъ; каждый хозяинъ встрѣчаетъ годовыхъ гостей — родственниковъ, знакомыхъ; угощеніе—море разливанное, и въ чехѣ, съ виду уже похожемъ на нѣмца, даетъ себя знать славянская натура—въ широкомъ гостепріимствѣ. Сколько отрадныхъ воспоминаній сохранилось во мнѣ отъ чешскихъ „посвицени", и особенно въ селѣ Гудлицахъ (родина знаменитаго Юнгманна): здѣсь у „седлака" (крестьянина) Фр. Патеры, брата извѣстнаго пражскаго слависта, я видѣлъ портреты почти всѣхъ русскихъ славистовъ младшаго поколѣнія... Но возвратимся къ Канціоналу 1572 года, къ чешскому „посвицени" ровно за триста лѣтъ до моего посѣщенія Гудлицъ въ 1872 году.

На главномъ планѣ представленъ готическій храмъ, съ высокой башней-колокольней. Онъ окруженъ стѣной. На пути нѣсколько богомольцевъ: поближе двое мужчинъ, далѣе — мужчина и женщина, съ котомками на плечахъ, а впереди ихъ бѣжитъ собаченка. Всѣ видимо спѣшатъ. Налѣво виднѣется рѣчка съ перекинутымъ мостомъ, за нею синеватыя горы и двухъ-этажный домъ съ висящимъ клокомъ сѣна—ясный знакъ, что это „госпóда"—гостинница, кабакъ. Дѣйствительно, предъ домомъ столъ, и за нимъ, на открытомъ воздухѣ, сидятъ трое мужчинъ и пьютъ, конечно, пиво: молодая женщина изъ „госпóды" несетъ имъ жбанъ—съ пивомъ, разумѣется. Что предъ нами, дѣйствительно, рядъ сценокъ изъ праздника „посвищени", при двухъ главныхъ моментахъ—богомольцы стекаются отовсюду и издалека (котомки, песъ) и проводы самаго праздника,—это ясно изъ того, что рисунокъ помѣщенъ именно на страницѣ, на которой начинается служба „на посвященіе храма".

Остаются еще три композиціи братрскаго художника, изъ которыхъ двѣ тоже изъ быта, но уже т о г о свѣта.

При службѣ архистратигу небесныхъ воинствъ, Михаилу, такая

картина: дьяволы съ высунутыми языками торопливо бѣгутъ и смѣются, а за ними вслѣдъ мчатся ангелы съ мечами (488). Черти показываютъ языкъ ангеламъ — черта, не лишенная оригинальности, своеобразной мысли. Слѣдующая картина не менѣе интересна — картина ада, но не Дантовскаго, безъ ужасающихъ сценъ изъ пылкаго воображенія южнаго художника. Адъ помѣщается въ какой-то лощинѣ, разщелинѣ промежъ горъ, въ родѣ тѣхъ, которыми такъ обильна сѣверо-восточная Чехія; грѣшники нагіе, проткнутые на острыхъ сухихъ вѣтвяхъ (лѣсомъ всегда была богата Чехія, отсюда родная, лѣсная картина и въ аду), а изъ-за скалъ наверху глядятъ въ эту лощину ада трое мужчинъ (501). Вотъ и всѣ ужасы...

Послѣдняя иллюминація—апостолы на пути (513). Тутъ же, понятно, и служба имъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ болеславскій Канціоналъ 1572 года этотъ величественный, монументальный памятникъ роднаго слова и искусства чешскихъ „еретиковъ" и въ то же время памятникъ гуманной и просвѣтительной дѣятельности богатой сестры „Братрской Общины", простой „мѣщанки" младо-болеславской, Катержины Милитки, щедрой благотворительницы, по словамъ предисловія, роднаго города — этого „Братрскаго Іерусалима" могущественныхъ нѣкогда еретиковъ.

Мое пребываніе въ Младой-Болеслави было у конца. Я познакомился съ слѣдами его „еретическаго" былаго. Но прежде, чѣмъ оставить это центральное гнѣздо края бывшихъ „еретиковъ" (пожалуй, и теперешнихъ — политически: гнѣздо руссофильства), еще нѣсколько бѣглыхъ воспоминаній изъ еретической исторіи этихъ роскошныхъ мѣстъ.

Вестфальскій миръ закончилъ знаменитую войну, открытую братьями изъ своего „Іерусалима". „Братрская Община", а съ нею и независимость стараго чешскаго королевства, пали. На мѣстѣ дѣятельности братьевъ выбросили свой боевой штандартъ побѣдители-іезуиты, началась такъ называемая анти-реформація — поголовное изгнаніе или насильственное обращеніе „еретиковъ" въ лоно папства. Не смотря на все самоотверженіе чешскихъ патріотовъ и ходатайство предъ протестантскими и французскимъ дворами, особенно геніальнаго реформатора европейской педагогіи, братскаго епископа Яна Амоса Коменскаго, Вестфальскій миръ оставилъ мученическій народъ чешскій безъ всякаго вниманія: „въ горлѣ антихристовѣ оставилъ его на вѣчныя времена", сказалъ тогда Коменскій. Но вѣками взращенное сѣмя не такъ было легко известь и іезуитамъ, несмотря на полную политическую побѣду. Прошло много десятковъ лѣтъ, когда всѣ сельскія церкви сѣверо-восточной Чехіи были укрѣплены наконецъ за католиками. Цѣлое XVIII столѣтіе занято преслѣдованіемъ одиночныхъ братьевъ, нелегальныхъ чеховъ, укрывавшихся въ горахъ, въ лѣсахъ Болеславскаго края. Принимая формально католичество

или за деньги запасшись отъ приходскихъ священниковъ росписной въ бытіи у исповѣди и св. таинъ, они въ своемъ негодованіи на господствующую церковь переходили въ еврейство: образовалась такъ назыв. ересь субботниковъ, къ сожалѣнію, еще мало извѣстная. И истребленіе старой литературы братской, рукописей и книгъ,—въ этой области особенно приснопамятна дѣятельность іезуита Антонія Коньяша, уже въ царствованіе Маріи Терезіи—не помогало дѣлу: еретики оставались. Когда, наконецъ, Іосифъ II объявилъ указъ о свободѣ исповѣданія (1780 г.), тогда сразу обнаружилось, какая еще масса еретиковъ укрывалась въ землѣ и особенно въ Болеславскомъ краю: они объявили себя послѣдователями „гельветическаго исповѣданія", т. е. кальвинистами, и съ этимъ оффиціальнымъ титуломъ они извѣстны и теперь.

Вотъ маленькій историческій документъ, случайно найденный нами во время пребыванія въ Ровенскѣ, на „фарѣ". Онъ ясно скажетъ, сколько времени должны были еще трудиться іезуиты послѣ Вестфальскаго мира (1648 г.), прежде чѣмъ могли побѣду свою надъ братскимъ населеніемъ въ Болеславскомъ краю и вообще на сѣверовостокѣ Чехіи считать окончательной. Въ хранящейся „фарѣ" ровенской церковной лѣтописи „Inventaria ecclesiae parochialis Teinensis" (теперь съ конца XVII стол.) мы читаемъ на первой страницѣ: „Series parochorum sibi tractu temporis succendentium in beneficio Teynensi super oppido Rovensko: primus orthodoxus parochus post pulsionem haereticorum fuit praesentatus admodum reverendus dominus Adamus Augustus Linka ex Hradischt qui hoc beneficium 7 annis administavit, videlicet ab anno 1683 usque ad annum 1690; tandem ob tricas cum capitanes Skallensi Stantzl habitas ratione sylvae ecclesiae discessit". Изъ этого драгоцѣннаго, оффиціальнаго и современнаго, свидѣтельства явствуетъ, что первымъ въ ряду приходскимъ католическимъ священникомъ въ ровенской церкви „послѣ изгнанія еретиковъ" былъ нѣкто Линка изъ Мнихова Градишта, и лишь съ 1683 года, т. е. спустя 35 лѣтъ послѣ Вестфальскаго мира. Трудно сомнѣваться, чтобы маленькое Ровенско одно составляло исключеніе. Конечно, и многія другія поселенія очистились отъ „еретиковъ"—оффиціально—только къ концу XVII столѣтія.

Прибавимъ еще одно воспоминаніе. Какъ долго и упорно держался—конечно, скрыто—старый свободный духъ въ потомкахъ братскихъ еретиковъ именно въ краю „Братскаго Іерусалима"—Младо-Болеславскомъ, еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія, видно изъ того, что именно здѣсь человѣколюбивый крестьянскій „патентъ" императора Іосифа II 1774 года вызвалъ страшное кровавое возстаніе сельскаго населенія противъ помѣщиковъ и священниковъ. Легко повѣрилъ сельскій людъ, что настоящая золотая грамота утаена чиновниками, и пошли ходить серпъ и коса. Снова вспомнилась старая пѣсня гуситовъ: „бейте, убивайте, никого не щадите"... Возстаніе

было усмирено... Когда я, лѣтомъ 1875 года, вторично посѣтилъ Младу-Болеславь и ѣхалъ въ загородное село Космоносы, при поворотѣ изъ города возница обратилъ мое вниманіе на ближайшій холмикъ направо и пояснилъ: „здѣсь когда-то давно десятками висѣли трупы сельчанъ". Это было ровно сто лѣтъ назадъ.

Поблагодаривъ пуркмистра д-ра Матуша за радушный пріемъ, простившись во вторникъ послѣ обѣда съ моими добрыми пріятелями-профессорами—Пичемъ, Брускомъ, Криштофомъ и патеромъ-піаристомъ Градиломъ (читаетъ физику), я сѣлъ въ знакомый омнибусъ, и знакомая дорога доставила меня чрезъ нѣсколько часовъ въ Прагу, гдѣ вечеръ я провелъ за чаемъ у моего незабвеннаго друга, А. А. Котляревскаго.

А. Кочубинскій.

Одесса. 15-го декабря 1881 г.





НА КАПРЕРѢ У ГАРИБАЛЬДИ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I.

Въ 1867 году я была въ Римѣ и мнѣ удалось оказать небольшія услуги раненымъ гарибальдійцамъ, привезеннымъ туда послѣ битвы подъ Ментаной. Гарибальди, узнавъ, что я была сестрой милосердія у его раненыхъ, пожелалъ меня видѣть у себя на островѣ Капрерѣ. Въ то время я не могла воспользоваться этимъ лестнымъ для меня приглашеніемъ и отложила удовольствіе видѣть итальянскаго народнаго героя до болѣе благопріятнаго случая.

Въ 1872 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, мнѣ случилось побывать снова въ Италіи. Въ Римѣ я познакомилась съ младшимъ сыномъ Гарибальди, Ричіотти, который въ то время собирался ѣхать къ отцу на Капреру. Конечно я не могла имѣть лучшаго проводника и мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ. По дорогѣ въ Ливорно Ричіотти заболѣлъ и я должна была продолжать путь одна.

Взявъ мѣсто на пароходѣ „Piemonte",—томъ самомъ, на которомъ въ 1860 г. Гарибальди, съ своей знаменитой тысячей, явился къ Неаполю, я поѣхала на Капреру. Послѣ 18-ти-часоваго плаванія, мы благополучно достигли въ третьемъ часу ночи острова Маддалены, у котораго пароходъ останавливается. Весь островъ еще спалъ. Берегъ Маддалены далеко не живописенъ, но при томъ настроеніи, которое было у меня, онъ показался мнѣ красивымъ. Мои спутники гарибальдійцы сказали мнѣ, что Гарибальди встаетъ очень рано и что мы можемъ безотлагательно ѣхать къ нему. Въ половинѣ четвертаго

мы сѣли въ лодку и поплыли къ Капрерѣ. Кругомъ насъ царила какая-то торжественная тишина. Весь этотъ маленькій сардинскій архипелагъ, состоящій изъ семи острововъ, казался намъ художественной декораціей. Издали доносились крики дикихъ ословъ и чиликанье безчисленныхъ птицъ. Лодка плыла не колыхаясь. Вскорѣ мы увидѣли посреди Капреры бѣлую точку, которая, по мѣрѣ приближенія, увеличивалась и, наконецъ, оказалась домомъ весьма оригинальной архитектуры. Съ лѣвой стороны у него былъ всего одинъ этажъ, а съ правой возвышался куполъ, изъ-за котораго виднѣлись крылья мельницы. У Капреры нѣтъ пристани, а потому, какъ намъ сказали, когда море бурно, то до берега приходится идти порядочное разстояніе по водѣ пѣшкомъ. Къ счастью, намъ не было надобности прибѣгать къ этому непріятному способу и мы высадились у самаго берега. Дорога къ дому Гарибальди была покрыта колючей растительностью, усики которой до того переплелись между собой, что напоминали сѣтку. Кромѣ этой травы попадались алоэ и кусты мирты. Путь былъ не легокъ, мы постоянно спотыкались объ острые куски сѣраго гранита. До площадки, гдѣ находился домъ, мы шли около часа. У самаго дома намъ пострѣчался человѣкъ, довольно пожилой, съ загорѣлымъ лицомъ, одѣтый въ толстую парусину, оказавшійся впослѣдствіи сподвижникомъ и другомъ Гарибальди, Бассо. Я тотчасъ же назвала ему себя и спросила, когда можно видѣть Гарибальди и не потревожимъ ли мы его въ такой ранній часъ?

— Онъ давно уже всталъ, отвѣтилъ привѣтливо Бассо,—и разбираетъ письма и газеты, которыя пріѣхали вмѣстѣ съ вами.

Тогда я попросила его доложить Гарибальди о моемъ пріѣздѣ и попросить позволенія его видѣть.

Мои слова какъ будто удивили Бассо, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что къ Гарибальди можно входить прямо, безъ всякаго доклада. Съ этими словами онъ пошелъ впередъ, пригласивъ насъ слѣдовать за нимъ.

II.

Чтобы достигнуть пріемной комнаты Гарибальди, мы должны были проходить переднюю, гдѣ не смотря на ранній часъ, уже готовили кушанье. Чисткой овощей и мытьемъ посуды занимались работники. На треножникѣ, подъ которымъ горѣли вѣтки какого-то дерева, стоялъ котелъ, куда кухарка опускала какую-то зелень.

— Рано у васъ готовятъ завтракъ, сказала я Бассо.

— Это не завтракъ, а обѣдъ. Гарибальди встаетъ очень рано, иногда съ восходомъ солнца, и любитъ обѣдать также рано. Въ 10 часовъ мы уже сидимъ за столомъ.

Изъ кухни мы вошли въ крошечный коридорчикъ, гдѣ стояла ванна, за тѣмъ въ сѣни, а изъ нихъ, наконецъ, въ пріемную. Это

была длинная комната, въ два окна, съ каминомъ, гдѣ еще тлѣли угольки, на которыхъ стоялъ маленькій закоптѣлый кофейникъ. Гарибальди сидѣлъ за большимъ длиннымъ столомъ, окруженнымъ простыми камышевыми, на половину изломанными, стульями. Увидя меня, онъ тотчасъ же всталъ и, опираясь на свою палку, пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Я поспѣшила ему отрекомендоваться. Его добродушное лицо, необыкновенно симпатичный голосъ и простота обращенія моментально уничтожили ту неловкость, которая является при первомъ знакомствѣ вообще, а съ людьми подобными ему въ особенности. Когда мы сѣли, Гарибальди предложилъ мнѣ кофе и всталъ было снова, чтобы идти за кофейникомъ, но я остановила его.

— Напрасно не хотите, сказалъ онъ съ улыбкой,—кофе вѣроятно еще не простылъ. Когда приходитъ почта, а она приходитъ только два раза въ недѣлю, я всегда пью кофе здѣсь и въ это время читаю газеты и письма.

Спутники мои, поздоровавшись, тотчасъ же ушли и мы остались вдвоемъ. Гарибальди попросилъ у меня дозволенія прочитать письма, которыя я ему привезла. Одно письмо было отъ Ричіотти, другое отъ его друга Кастелаццо, извѣстнаго своими литературными трудами подъ псевдонимомъ Ривальта. Въ 1867 году, во время волненій въ Римѣ, онъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и затѣмъ приговоренъ къ смертной казни. У него былъ найденъ планъ, на которомъ отмѣчены дворцы, подлежавшіе взрыву.

Кастелаццо избѣжалъ гильотины только благодаря ловко устроенному бѣгству.

Прочитавъ письма и вложивъ ихъ снова въ конверты, Гарибальди сказалъ:

— Да, много моимъ бѣднымъ гарибальдійцамъ пришлось пострадать въ Римѣ. Благодарю за ваше участіе и заботы о нихъ. Questa maledetta razza dei preti non poteva far altro (Эта проклятая расса поповъ не могла поступать иначе). Она влила ядъ и въ будущее поколѣніе. Наши дѣти со дня рожденія находятся въ ихъ рукахъ. Попъ сначала развращаетъ мать, которая, будучи въ его власти, развращаетъ, сама того не замѣчая, своего ребенка. Потомъ онъ поступаетъ въ школу, тамъ вліяніе попа увеличивается. По выходѣ изъ школы онъ встрѣчается съ женщиной, которая вмѣстѣ съ своей любовью передаетъ ему вліяніе того же попа. Ecco come vanno le cose in questo povero mondo! (Вотъ какъ идутъ дѣла на этомъ бѣдномъ свѣтѣ).

Гарибальди слушалъ съ большимъ вниманіемъ, когда я разсказывала ему, что̀ испытывали гарибальдійцы, будучи въ римскихъ госпиталяхъ, ка̀къ папскіе доктора дѣлали имъ ампутаціи отравленными инструментами. Я передала также о моемъ свиданіи съ Кастелаццо въ тюрьмѣ и о томъ, какъ его пытали, чтобы узнать имена сообщниковъ.

— Povera Italia! (Бѣдная Италія), воскликнулъ Гарибальди.— Страна, которая даетъ пріютъ шпіонамъ и попамъ—жалкая страна. Государство, если оно хочетъ быть сильнымъ, должно черпать силы въ народѣ. А народъ вездѣ хорошъ. Наши теперешніе правители наполовину черные и боятся проклятія папы и ада. Я недавно видѣлъ близко Францію. Что изъ нея сдѣлалъ Наполеонъ! Эта могучая страна развращена монархіей, которая впродолженіе восемнадцати лѣтъ лгала; только послѣ Седана, когда повязка обмана спала, она увидѣла, что̀ сдѣлалъ съ ней Наполеонъ. Не знаю, насколько прочна третья республика! Во Франціи много талантливыхъ людей, но мало патріотовъ.

За разговорами время незамѣтно подошло къ обѣду, и если бы не застучали тарелками, мы проговорили бы долѣе.

— Уже десять часовъ, сказалъ Гарибальди, вставая;—пока приготовляютъ, пойдемте, я вамъ покажу мое хозяйство и домъ.

III.

Изъ пріемной мы вышли снова въ сѣни; налѣво, въ отворенную дверь, виднѣлись острова и море. Направо была дверь въ спальню Гарибальди; она же служила ему и кабинетомъ. Это совсѣмъ маленькая комнатка въ одно окно, выходящее въ садъ. Отъ входа налѣво стояла желѣзная кровать, очень узенькая, съ однимъ довольно жесткимъ тюфякомъ, покрытая старымъ пончіо,—родъ одѣяла съ вырѣзаннымъ по серединѣ кругомъ, отороченнымъ простой бѣлой тесьмой, куда продѣвается голова. Одѣяло это Гарибальди постоянно носилъ вмѣсто плаща. Надъ двумя очень жиденькими подушками, съ наволочками изъ грубаго полотна, висѣли портреты его матери, дѣтей и нѣскольких друзей. У столика, на которомъ лежали книги, газеты и карты, висѣлъ медальонъ, въ которомъ подъ выпуклымъ стекломъ находились волосы его покойной жены Аниты и нѣсколько засушенныхъ цвѣтковъ. Изъ мебели здѣсь стояли всего три простыхъ жесткихъ стула и старое совсѣмъ разорванное кресло у небольшого рабочаго стола. Столъ помѣщался у окна. Направо отъ стола стоялъ комодъ и швейная машина, налѣво этажерка съ книгами и жестяной сундучекъ.

Когда я совершенно случайно взглянула на сундукъ, Гарибальди сказалъ мнѣ смѣясь:

— Въ немъ нѣтъ ни гроша денегъ, а лежитъ исторія моей жизни, которую я храню отъ Ричіотти и таракановъ. Весь этотъ матеріалъ, надъ которымъ я такъ много работалъ, долженъ быть изданъ послѣ моей смерти. Поэтому-то я и запираю его отъ Ричіотти, который очень бы хотѣлъ издать его теперь.

Изъ спальни мы перешли въ комнату Ричіотти, гдѣ я увидѣла много книгъ, склянокъ, стеклянныхъ воронокъ, наполовину разбитыхъ;

по угламъ стояли ружья, на стѣнахъ висѣли кинжалы, ножи, револьверы и кистени. Изъ книгъ въ дорогихъ переплетахъ я замѣтила слѣдующія: „Declaustre dizionario Mitologico", „Elements of Geologie", „The bruce and Wallace", „Commedia di Dante Allighieri" и „Shakespeare". Надъ кроватью висѣли большіе портреты Гарибальди и Анжело Брунетти.

— Это наша лучшая комната, сказалъ Гарибальди,—которую я и прошу васъ занять. Извините, что постель не изъ мягкихъ, но у насъ здѣсь вообще мало удобствъ. На подмогу ей я прикажу поставить вамъ мое знаменитое кресло, на которомъ мнѣ послѣ Аспромонте дѣлали операцію. Какъ сейчасъ гляжу на вашего Пирогова, продолжалъ Гарибальди,—много помогъ онъ мнѣ своими просвѣщенными совѣтами. До него долго не могли опредѣлить, гдѣ именно находится пуля, и если бы не онъ, то кто знаетъ, сколько бы времени меня промучили. Сначала рѣшили отнять ногу. Но онъ возсталъ противъ этого, и я, какъ видите, хотя не шибко, а все же хожу.

Изъ комнаты Ричіотти мы прошли въ комнату гражданской жены Гарибальди, signor'ы Франчески, и его маленькой дочки Клеліи.

Онъ любезно отрекомендовалъ меня своей женѣ и прибавилъ, удаляясь:

— Можетъ быть, вы желаете поправиться съ дороги, то будьте какъ у себя дома. Мы всѣ вамъ очень рады.

Жена Гарибальди совсѣмъ простая женщина. Она была раньше кормилицей меньшаго сына дочери Гарибальди, Терезиты-Канціо. Не молодая, съ очень некрасивыми чертами лица блондинка, она, тѣмъ не менѣе, располагала въ свою пользу. Клелія была очень миленькая дѣвочка, живой портретъ Гарибальди.

Въ комнатѣ Франчески была та же бѣдная обстановка. Двѣ кровати, сундуки, три стула и столъ. По стѣнамъ было набито множество гвоздей, на которыхъ висѣло, вѣроятно, все достояніе матери и дочери, начиная съ башмаковъ и кончая бѣльемъ. Когда signora Франческа, съ обычной итальянской словоохотливостью, передавала мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, Клелія стояла потупя головку. Она была, насколько я могла замѣтить, вообще очень задумчива. Одѣтая въ поношенное ситцевое платьице и толстые башмаки на голую ножку, она по цѣлымъ днямъ бродила по берегу моря, отыскивая раковинки, и когда впослѣдствіи при прогулкѣ мнѣ случалось встрѣтить ее, то она, какъ будто мимоходомъ, говорила: „Buon giorno signora"— и тотчасъ же пряталась за кусты.

Вмѣстѣ съ женой Гарибальди мы обошли кругомъ дома, и заглянули въ самую большую комнату—въ три окна, которая всегда была заперта. Гарибальди, какъ передавала мнѣ signora Франческа, не любилъ этой комнаты; въ ней находились разные проекты памятниковъ ему и картины, на которыхъ были изображены важнѣйшіе

эпизоды изъ его боевой жизни,—все это были подарки авторовъ, отъ которыхъ Гарибальди отказаться не могъ, но показывать ихъ не любилъ. Затѣмъ, жена Гарибальди довела меня до столовой и удалилась. Во все время моего пребыванія на Капрерѣ ни она, ни дочь ея никогда не обѣдали вмѣстѣ съ нами.

IV.

Въ столовой, кромѣ меня и трехъ моихъ спутниковъ, никого не было, а потому я могла на свободѣ разсмотрѣть подробнѣе эту комнату, нежели въ присутствіи Гарибальди. Я была поражена простотой, скажу болѣе—бѣдностью обстановки. Изъ мебели здѣсь находились только старый, выкрашенный черной краской столъ, дюжина стульевъ, шкафъ съ разбитымъ стекломъ и два простые стола. Надъ каминомъ висѣла фотографія съ парохода „Piemonte". На каминѣ стояла небольшая статуэтка Данте и часы въ футлярѣ. Надъ шкафомъ были прибиты два знамя: на одномъ вышито золотомъ „Viva l'independenza", на другомъ „Viva popolo". Въ шкафу стояла самая разнообразная посуда, начиная съ севрской чашки и оканчивая глиняной кружкой. Подъ однимъ изъ столовъ стоялъ ящикъ изъ подъ стеариновыхъ свѣчей, въ которомъ находилась мука собственнаго помола. На обѣденномъ столѣ вмѣсто скатерти лежала совсѣмъ новая клеенка.

Вошелъ Гарибальди и привѣтливо пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ собой. Замѣтивъ новую клеенку на столѣ, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Чья это выдумка? Для насъ, жителей одинокого острова, клеенка—роскошь. Мы обыкновенно обѣдаемъ на газетахъ. Это очень удобно: онѣ мнѣ ничего не стоятъ и, кромѣ того, пообѣдавъ, ихъ выбрасываютъ вонъ.

Такой массы газетъ, какую получалъ Гарибальди, я никогда нигдѣ не видала. Ему ихъ присылали со всѣхъ концовъ свѣта, кромѣ Россіи, конечно.

Вмѣстѣ съ нами обѣдали его друзья—Бассо и Барберини и нѣсколько рабочихъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прислуживали у стола, т. е. носили въ кухню грязныя тарелки и приносили кушанье.

Подали супъ съ рисомъ и зеленымъ горошкомъ. Обязанность хозяйки исполнялъ Барберини, очень подвижной и остроумный человѣкъ. Не успѣлъ онъ намъ раздать тарелки съ супомъ, какъ черезъ отворенныя окна начали влетать куры и, нисколько не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, садились на столъ и выклевывали изъ нашихъ тарелокъ рисъ и горохъ. Гарибальди засмѣялся и сказалъ:

— Извините эту смѣлость! Это я ихъ такъ пріучилъ. Въ моей отшельнической жизни онѣ доставляютъ мнѣ большое развлеченіе.

Не знаю, какъ бывало прежде, но на этотъ разъ Барберини пригласилъ куръ на полъ, набросавши имъ крошекъ. Немного спустя, черезъ тѣ же окна пожаловали двѣ охотничьи собаки, Argo и Sienna. Онѣ тотчасъ же заняли мѣста по обѣ стороны Гарибальди, который далъ имъ по куску сыра.

Послѣ супа намъ подали рыбу, макароны и фрукты.

— Пейте побольше вина, сказалъ намъ гостепріимный хозяинъ,— возлагать большихъ надеждъ на нашъ обѣдъ я вамъ не совѣтую. Мы живемъ продуктами Капреры. У насъ, правда, есть рыба въ морѣ, птицы и звѣри въ лѣсу, но мы безъ нужды не ловимъ и не бьемъ ихъ, да кромѣ того у насъ некому и готовить хорошенько. Но я лично, вслѣдствіе частыхъ походовъ, привыкъ къ грубой пищѣ.

Вскорѣ разговоръ перешелъ отъ обыденной жизни на политическую почву.

— Когда я былъ въ Вогезахъ (во время прусско-французской войны 1870 г.), началъ Гарибальди,—мы ѣли хуже чѣмъ теперь. Тамъ намъ грозило нападеніе пруссаковъ. И каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что они придавали особенное значеніе моимъ силамъ. Не зная, вѣроятно, моей системы вести войну, они горсть моихъ волонтеровъ считали за какую-то твердыню. А я, какъ обыкновенно дѣлаю въ этихъ случаяхъ, размѣщу ихъ кучками по разнымъ направленіямъ, а остатокъ выстрою въ одну линію, при этомъ всегда подгоняю дѣло къ ночи; ну, непріятель и думаетъ, что у меня не вѣсть сколько войска. А если бы только заглянулъ, что̀ позади насъ... то нашелъ бы одно пространство. Но я изъ моей многолѣтней практики могу вывести слѣдующее заключеніе: что хорошими солдатами могутъ быть только фанатики. Напримѣръ, при Ментанѣ было мало зуавовъ, а какъ они дрались — настоящіе львы. Жаль только, что дѣло-то защищали подлое.

Когда онъ кончилъ, я спросила его, извѣстно ли ему, что въ его отрядѣ подъ Ментаной находился нашъ русскій Артуръ Бенни, который, несмотря на незначительность раны, всетаки не избѣжалъ смерти.

— Русскій въ моемъ отрядѣ рѣдкость! Насколько мнѣ извѣстно,— хотя я, конечно, могу ошибаться,—русскіе не охотно вмѣшиваются въ чужія дѣла, особенно такія, какъ мои.

Въ концѣ обѣда, къ окну подошли двѣ боевыя лошади Гарибальди—Marsala и Mentana. Положа голову на подоконники, они тоже ждали подачки.

— Теперь недостаетъ только моей козы, сказалъ Гарибальди и, взявъ по куску хлѣба и опираясь на палку, пошелъ къ окну.

Когда Гарибальди сидѣлъ, то казался совсѣмъ бодрымъ и сильнымъ. Ходилъ же онъ или на костыляхъ, или съ палкой, и то очень тихо. Цвѣтъ лица его былъ свѣжъ, какъ у молодаго человѣка. Голубовато-сѣроватые глаза смотрѣли всегда прямо въ упоръ и были

полны доброты, точно такъ же какъ и улыбка, сообщавшая его лицу выраженіе какой-то чистоты. Изъ-подъ красиво очерченныхъ губъ виднѣлся рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Носъ и лобъ были правильны. Пальцы очень красивой формы, но, къ сожалѣнію, сведены ревматическими болями. Изъ-подъ красной кашемировой шапочки, вышитой разноцвѣтными шелками, виднѣлись пряди золотистыхъ волосъ съ порядочной сѣдиной. Его борода, коротко подстриженная, была наполовину сѣдая. Одѣтъ онъ былъ въ полинялую желтоватую ситцевую рубашку съ черными мушками, запрятанную въ сѣрыя брюки съ большой черной заплатой на лѣвомъ колѣнѣ. На шеѣ онъ постоянно носилъ черную шелковую косынку. Ростъ Гарибальди средній и въ молодости онъ былъ вѣроятно очень строенъ. Когда послѣ обѣда я подала ему двѣ рубашки, одну красную шелковую изъ канауса, другую изъ кумача, которыя я привезла для него изъ Россіи, онъ посмотрѣлъ на нихъ и потомъ, протягивая ко мнѣ руку, сказалъ:

— Вы хотите сдѣлать меня королемъ Капреры?

Послѣ обѣда мы вышли въ садикъ, который находится подъ окномъ его спальни.

— Этотъ садикъ, сказалъ Гарибальди,—микроскопическая частица моей родины, Ниццы. Оттуда я навозилъ въ него землю, а также и растенія, которыя посадили мои дѣтки. Они росли вмѣстѣ. Этотъ кипарисъ посадилъ мой Ричіотти, мой сумасбродный Ричіотти. Онъ славный малый, хорошій солдатъ, но любитъ пожить. Молодъ! E bene, ci campa cosi (Что дѣлать, живется и такъ), прибавилъ Гарибальди вздыхая.

Изъ сада мы пошли къ акаціямъ. Гарибальди особенно любилъ это мѣстечко. Здѣсь похоронены двое его дѣтей. Это то самое мѣсто, гдѣ онъ хотѣлъ быть похороненнымъ и гдѣ его теперь, до окончанія споровъ—„сжечь или перенести тѣло въ Римъ"—и положили. Мѣстечко это, дѣйствительно, весьма поэтично. Кромѣ акацій здѣсь ростутъ кипарисы и плакучія ивы. Дѣтскія могилки обнесены желѣзными рѣшетками. Надъ одной стоитъ бѣлая мраморная колонна съ урной, на другой мраморный полумѣсяцъ. Между могилъ лавочка, на которую Гарибальди каждый день приходилъ сидѣть. Немного дальше находится пчельникъ, которымъ Гарибальди занимался съ особенной любовью. Пчелы знали его. Когда онъ подошелъ къ ульямъ, онѣ садились къ нему на шею, на руки, и не жалили его. Съ пчельника онъ вернулся на лавочку, что̀ находилась между могилъ, а я съ Барберини пошла къ морю.

V.

Эта часть воздѣланной Капреры отдѣлялась отъ не воздѣланной каменной стѣной вышиною въ полтора аршина. Стѣна служила за-

щитой оливковымъ, лимоннымъ и грушевымъ деревьямъ отъ набѣговъ дикихъ ословъ, козъ и кабановъ.

Надобно отдать справедливость жителямъ Капреры, что они, несмотря на свою малочисленность, сдѣлали изъ Капреры, этого совершенно дикаго острова, земной рай. Въ 1855 году, когда туда переселился Гарибальди, Капрера была ничто иное, какъ гранитная глыба. Теперь на ней, кромѣ виноградниковъ, каштановыхъ и оливковыхъ деревьевъ, ростутъ превосходныя овощи. На Капрерѣ дѣлаютъ свое вино, оливковое масло, сыры; здѣсь своя рыбная ловля и прекрасная охота. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдуетъ Барберини. Въ его распоряженіи находится двадцать человѣкъ рабочихъ, изъ которыхъ только пятеро живутъ на Капрерѣ, а остальные на Маддаленѣ. Всѣ они были участниками въ доходахъ Гарибальди, вслѣдствіе чего хозяйство у нихъ велось образцовымъ порядкомъ, конечно при умѣньѣ Барберини руководить работами. Этотъ почтенный человѣкъ былъ неизмѣннымъ спутникомъ Гарибальди во всѣхъ его походахъ. Кромѣ большихъ хозяйственныхъ свѣдѣній, онъ превосходный механикъ. Онъ устроилъ на Капрерѣ образцовую мельницу, которую приводитъ въ движеніе одинъ баранъ; когда баранъ устаетъ, его смѣняетъ самъ Барберини. Имъ также устроена водоподъемная машина и особенной системы ящики для пчелъ, изъ которыхъ соты вынимаются цѣлыми, не причиняя ни малѣйшаго вреда пчеламъ.

Дорогой мы говорили съ Барберини исключительно о Гарибальди.

— Этому человѣку, сказалъ между прочимъ Барберини,—нѣтъ подобнаго во всемъ мірѣ. Его поистинѣ можно считать Христомъ нашего столѣтія. Работая неустанно, онъ раздѣляетъ свой заработокъ между нуждающимися семьями гарибальдійцевъ, потерявшими своихъ близкихъ на войнахъ за объединеніе Италіи. Впрочемъ, онъ вообще любитъ народъ, къ какой бы онъ націи ни принадлежалъ. Откуда бы ни доносился до него голосъ народа, ищущаго независимости, Гарибальди тотчасъ бросалъ все, и шелъ за его освобожденіе. За идею онъ былъ всегда готовъ умереть. Его прошлое лучше всего можетъ подтвердить мои слова.

Когда мы подошли къ морю, Барберини сказалъ:

— Вотъ съ этого мѣста, 3-го октября 1867 года, я проводилъ его на славные подвиги. Мы вышли изъ дому, когда совсѣмъ стемнѣло. По небу блуждали густыя облака, между которыми нѣтъ-нѣтъ да и появлялась луна.—„Барберини", говорилъ мнѣ Гарибальди, „какъ бы я хотѣлъ въ эту минуту сдѣлаться Іисусомъ Навиномъ, чтобы задержать за облаками луну!"—Когда я усаживалъ его въ маленькій челночекъ, продолжалъ Барберини,—я вамъ потомъ покажу его, онъ также моего издѣлія,—я очень за него боялся. Больной, со сведенными ревматизмомъ пальцами, онъ еле держалъ единственное весло. Но сила воли у этого человѣка страшная. Если онъ когда нибудь боялся, то боялся за идею, но за себя никогда. Когда онъ

оставилъ Капреру, гарибальдійцы подвигались уже къ папскимъ провинціямъ. Едва я успѣлъ оттолкнуть его отъ берега и самъ вскочить въ другую лодку, подулъ рѣзкій сирокко и началъ съ силой качать вѣтки кустарника. Густыя, черныя облака покрыли верхушку Телаіоне (самая высокая гора на Капрерѣ, съ которой превосходный видъ на Сардинію, Корсику, Монтекристо, Капрайю, Горгону и Эльбу), и благодаря этому, мы успѣли скрыться изъ глазъ военной эскадры, бдительно сторожившей Капреру. Когда Гарибальди со своей орѣховой скорлупой скрылся изъ виду, я сталъ направляться обратно къ Капрерѣ. Съ кораблей было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Хотя ночью выстрѣлы не достигаютъ своей цѣли, всетаки они не были особенно пріятны. Но когда на судахъ увидѣли, что я не стараюсь ускользнуть, то вѣроятно подумали, что я рыбакъ и закидываю сѣти, и тотчасъ же прекратили пальбу. Два часа спустя, я вернулся домой, а Гарибальди, доплывъ до открытаго моря, пересѣлъ на неаполитанскій пароходъ и поѣхалъ далѣе.

Осмотрѣвъ лодку, на которой я не рѣшилась бы переплыть маленькое озеро, мы пошли къ дому другой дорогой, хотя въ строгомъ смыслѣ настоящихъ дорогъ на Капрерѣ нѣтъ, а есть только тропинки. Что особенно поражало меня—это запахъ дикихъ лилій, фіалокъ и еще какихъ-то необыкновенно пахучихъ травъ.

VI.

Когда мы пришли домой, солнце уже закатилось. Гарибальди ложился спать и мы, не безпокоя его, прошли въ столовую, гдѣ насъ ожидалъ ужинъ. На столѣ стояло нѣсколько бутылей домашняго вина, не крѣпкаго, но густаго и очень ароматичнаго, сыръ и разные фрукты. Я обратила особенное вниманіе на хлѣбъ, имѣвшій форму морской звѣзды. Вкусомъ онъ напоминалъ нашу просфору. За ужиномъ мы много говорили о послѣдней экспедиціи Гарибальди въ 1867 г. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, Кокапьеллеръ, бывшій съ Гарибальди подъ Monte Rotondo и Ментаной, страшно нападалъ на короля Виктора-Эмануила и увѣрялъ, что онъ боялся проклятія папы и чорта. „Questo povero gualante homo aveva troppo paura del diavolo!“ (Этотъ бѣдный джентельменъ очень боялся дьявола).

Послѣ ужина мы снова отправились бродить по Капрерѣ и дошли до деревяннаго барака, въ которомъ Гарибальди жилъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми тотчасъ по пріѣздѣ изъ Америки. Амбаръ съ двумя маленькими окнами; въ немъ устроена печь и плита.

— Въ этомъ баракѣ, сказалъ Барберини,—Гарибальди жилъ, пока англичане не прислали намъ желѣзнаго домика. Въ желѣзномъ домикѣ онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока мы не выстроили большой каменный, сперва въ одинъ только этажъ, куда тотчасъ же и перебра-

лись. Въ то время кругомъ все было тихо и Гарибальди съ спокойной совѣстью могъ возить въ тачкѣ землю и разводить сады. Впрочемъ, онъ и отъ камней не отказывался и немало перевозилъ и перетаскалъ ихъ.

Кромѣ этихъ строеній, на Капрерѣ находятся еще нѣсколько бараковъ. Одинъ изъ нихъ служилъ когда-то лабораторіей для Ричіотти, въ остальные складывается сѣно, солома, земледѣльческія орудія и проч.

Когда я была на Капрерѣ, въ желѣзномъ домикѣ, сдѣланномъ изъ толстыхъ желѣзныхъ прутьевъ, толщиною въ вершокъ въ діаметрѣ, помѣщался Бассо. Это былъ его кабинетъ, въ которомъ онъ занимался и велъ громадную корреспонденцію Гарибальди.

Лѣтомъ въ домикѣ было страшно жарко, но выносливый Бассо какъ будто не замѣчалъ этого. Вся мебель въ домикѣ была также желѣзная и очень изящная.

Недалеко отъ дома Гарибальди находилась мельница, съ пристроенной къ ней комнатой Барберини. Насколько у Бассо было много конвертовъ и бумаги, настолько у Барберини инструментовъ. Изъ мебели у него находился большой столъ, верстакъ, станокъ, два табурета и кровать, устроенная на двухъ ящикахъ. Постелью ему служилъ мѣшокъ, набитый листьями кукурузы. Тутъ же около мельницы находятся конюшня, курятники и помѣщеніе для козы.

Когда я проходила въ отведенную мнѣ комнату мимо спальни Гарибальди, то видѣла черезъ ставни, что у него еще горѣлъ огонь. Вѣроятно, онъ писалъ. Войдя къ себѣ, я нашла на столѣ, подлѣ моей кровати, прекрасный букетъ, свѣчу, спички и нѣсколько газетъ, отмѣченныхъ синимъ карандашемъ.

Утомленная ходьбой по камнямъ и массою новыхъ впечатлѣній, я заснула крѣпко, и если бы меня не разбудили къ обѣду, то я проспала бы до самаго вечера.

VII.

Мой долгій сонъ измѣнилъ часъ обѣда. Когда я вошла въ комнату Гарибальди, было уже одиннадцать часовъ. Онъ сидѣлъ за рабочимъ столомъ и что-то писалъ. Увидя меня, онъ снялъ очки и поднявъ на меня свои кроткіе глаза, съ добродушнѣйшей улыбкой сказалъ:

— Такъ сладко спятъ послѣ походовъ.

Когда я стала извиняться въ нарушеніи его привычки, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Въ этомъ я и самъ виноватъ отчасти. Я не велѣлъ будить васъ и даже строго запретилъ ходить мимо вашей комнаты. Я не могу вамъ дать удобствъ, но оградить вашъ сонъ могу.

Пока я съ нимъ разговаривала, въ комнату вошла его дочка и принесла нѣсколько яицъ.

— Tieni, papa, questi uovi sano di oggi. (Возьми папа, это сегодняшнія яица).

— Мы съ ней большіе охотники до куръ, сказалъ Гарибальди и, нѣжно прижимая ея головку къ своей щекѣ, прибавилъ: „poverina" (бѣдняжечка).

Каждое слово, каждый жестъ его были полны доброты и благородства.

Въ этотъ день за обѣдомъ онъ много говорилъ объ Италіи. Ея положеніе, несмотря на то, что Римъ былъ уже столицей Италіи, все еще тревожило Гарибальди. Народъ, для котораго онъ работалъ всю жизнь, не сдѣлался счастливѣе.

— Духъ попа, сказалъ Гарибальди, обращаясь къ моимъ спутникамъ,—еще всецѣло царитъ въ Италіи. Его надобно выбить скорѣй, только, конечно, не штыками. Но у насъ холопская политика, вотъ что ужасно!

Когда мои спутники сказали ему, что ихъ родина живетъ вѣрой въ него, онъ, поблагодаривши ихъ, отвѣтилъ:

— Страна никогда не должна полагаться на одного человѣка. Если мнѣ удалось кое-что сдѣлать, то изъ этого не слѣдуетъ, что я могу создать новую Италію. Я смертный, и не сегодня завтра могу также и я отправиться къ дьяволу — подъ этимъ я понимаю пулю, которая можетъ прекратить мою жизнь — posso anch'io andare al diavolo — intendo se una palla mi portasse via. Надо работать сообща. Стòитъ только начать, а тамъ къ одной сотнѣ присоединится тысяча, къ тысячѣ пять, десять, сто тысячъ и т. д. Нація ничего не должна бояться. Вы на это мнѣ, конечно, отвѣтите, что намъ мѣшало и мѣшаетъ правительство привести наши планы въ исполненіе. Но оставимъ эти распри, надо думать объ Италіи, а не о своемъ *я*. Если кто можетъ считать себя обиженнымъ, то это, конечно, я. Но я объ этомъ никогда не думалъ. Что такое я сравнительно съ націей? Не знаю, поняли ли вы меня. Я не ораторъ, но все, что говорю, идетъ отъ сердца.

Когда обѣдъ былъ конченъ, Гарибальди сказалъ:

— Теперь бы слѣдовало выпить кофе, но не знаю, хватитъ ли у насъ на всѣхъ чашекъ.

Окинувъ столъ глазами, онъ замѣтилъ, что вмѣсто клеенки на немъ снова были положены газеты.

— Вотъ что значитъ привычка,—вчера положили клеенку, а сегодня опять за старое. Но вамъ вѣдь все равно, неправда ли? сказалъ Гарибальди, обращаясь къ намъ.

Затѣмъ, онъ всталъ, пошелъ въ свою комнату и вернулся оттуда съ двумя ящиками сигаръ.

— Это контрабанда, которую я получаю изъ Ниццы.

Мы перешли пить кофе въ садикъ. Съ тѣхъ поръ минуло десять лѣтъ, и я какъ сейчасъ смотрю на Гарибальди. Сколько въ немъ было юмору, сколько образности въ передачѣ событій. Пробывъ съ нимъ болѣе недѣли, я ни разу не чувствовала утомленія отъ его разговора. Въ это время его особенно тревожило положеніе престарѣлыхъ гарибальдійцевъ и малолѣтнихъ дѣтей, оставшихся безъ отцовъ.

— Все хотятъ мнѣ воздвигать какіе-то памятники, сказалъ мнѣ разъ Гарибальди,—собираютъ массу денегъ. Зачѣмъ это? Не лучше ли устроить моихъ престарѣлыхъ и раненыхъ гарибальдійцевъ; на нихъ наше правительство никогда не смотрѣло, какъ на своихъ солдатъ. Кто знаетъ, можетъ быть, нужда заставитъ ихъ протянуть руку попу и просить у него милостыню. А это развѣ не ужасно!

Будучи строго послѣдовательнымъ, Гарибальди не могъ безъ скорби представить себѣ подобное положеніе.

Трудно вообразить болѣе умѣреннаго въ потребностяхъ человѣка, какъ Гарибальди. Его любовь къ людямъ доходила до самозабвенія. Ему никогда не была знакома роскошь, напротивъ, въ домѣ его чувствовался недостатокъ въ необходимомъ. Я ни разу не видала, чтобы кто нибудь прислуживалъ Гарибальди. Вставалъ онъ, какъ я уже сказала выше, очень рано, шелъ пить козье молоко, причемъ козу доили всегда при немъ. Затѣмъ онъ гулялъ, вернувшись пилъ кофе, который часто самъ подогрѣвалъ, потомъ до самаго обѣда писалъ. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ, затѣмъ снова шелъ гулять, или сидѣлъ въ садикѣ и читалъ газеты, или шелъ на пчельникъ, или чистилъ свой садикъ. Съ нимъ вмѣстѣ почти всегда гуляла маленькая Клелія. На ночь онъ снова пилъ козье молоко. Когда солнце закатывалось, онъ тотчасъ же закрывалъ въ своей комнатѣ окно, надѣвалъ свое пончіо, какъ бы ни было жарко, и выходилъ въ садикъ посмотрѣть на закатъ. Умирая, онъ также любовался закатомъ, и когда защебетала пролетавшая птичка, сказалъ: „E quanto allegro!" (какъ весело).

VIII.

День моего отъѣзда подкрался незамѣтно. Мнѣ жаль было уѣзжать съ Капреры; я знала, что не увижу болѣе Гарибальди. Какъ онъ ни уговаривалъ меня остаться до сентября, я не могла принять столь любезнаго и лестнаго для меня приглашенія; мнѣ надо было скорѣе ѣхать домой. Въ день отъѣзда я встала рано и пошла купаться. Море было такъ спокойно, что на днѣ его можно было разсмотрѣть каждую песчинку. Купаясь, я достала со дна нѣсколько пригоршней маленькихъ каменьевъ, между которыми оказалось наполовину кораловыхъ вѣточекъ. Уложивъ свои вещи, я пошла въ комнату Гарибальди. Въ этотъ день онъ показался мнѣ особенно бодрымъ.

— Вы все-таки рѣшили сегодня уѣхать, сказалъ Гарибальди, увидя меня одѣтой по дорожному.

— Да, рѣшила, отвѣтила я съ грустью,—иначе надо будетъ ждать опять нѣсколько дней парохода и потомъ уѣзжать будетъ еще труднѣе. Когда я вернусь въ Россію, прибавила я, то попробую описать вашу здѣшнюю жизнь. Вы не будете противъ этого?

— Если моя жизнь сколько нибудь интересна для вашихъ соотечественниковъ, то я буду очень радъ. Я даже попрошу васъ сообщить вашимъ землякамъ мое письмо.

И онъ тотчасъ же принялся писать письмо, съ котораго я и прилагаю здѣсь буквальный переводъ:

„Госпожа Якоби.

„Скажу о Россіи только то, что ея настоящій монархъ ознаменовалъ свое царствованіе освобожденіемъ крестьянъ, которое надѣемся видѣть оконченнымъ. Такой ореолъ славы, конечно, предпочитается всевозможнымъ побѣдамъ.

„Я, вмѣстѣ съ вами, посылаю теплый и задушевный привѣтъ вашему храброму народу, которому нѣсколько разъ случится принимать участіе въ будущихъ мировыхъ задачахъ.

„Всегда вашъ Д. Гарибальди“ [1]).

Напившись кофе, я и мои спутники стали поочереди прощаться съ Гарибальди. Каждому изъ насъ хотѣлось сказать ему какъ можно больше и, несмотря на огромное желаніе, мы почти ничего не сказали. Онъ крѣпко жалъ намъ всѣмъ руки и желалъ побольше энергіи. Затѣмъ онъ вышелъ въ садикъ и принесъ мнѣ оттуда два лимона вмѣстѣ съ вѣткой. Подавая ихъ мнѣ, онъ сказалъ:

— Дорòгой вамъ захочется пить, тогда сдѣлайте себѣ лимонадъ.

Моимъ спутникамъ онъ далъ по нѣскольку сигаръ. Самъ Гарибальди никогда не могъ выкурить цѣлой сигары и постоянно разрѣзалъ ее пополамъ. Сигары онъ курилъ дешевыя, съ соломенкой внутри.

Жена Гарибальди, Клелія, Бассо и Барберини принесли мнѣ по маленькому букетику. Наше разставаніе было дружеское. Когда мы вышли на площадку передъ домомъ, Гарибальди, одѣтый въ подаренную мною красную ситцевую рубашку, вышелъ вслѣдъ за нами и, опираясь на палочку, пошелъ въ тѣнь. Жаръ былъ палящій. Деревья и трава совсѣмъ опустились и пожелтѣли. Мнѣ было такъ тяжело, что я еле удерживала слезы.

---

[1]) „Signora Jacoby.

„Nulla dirò del governo presente della Russia — soltanto che il sovrano presente della stessa—fù glorificato dalla emancipazione dei servi che speriamo veder cumpleta. Tale aureola di gloria e preferibile certamente ad ogni conquista.

„Jo con voi, invio un simpatico ed affetuoso saluto al vostro bravo popolo che tanta parte deve prendere ai venturi destini del mondo.

„Sempre Vostro G. Garibaldi“.

— Curaggio, mia cara, e fate del tutto per esser felice! (Не падайте духомъ, моя милая, и старайтесь быть счастливой), сказалъ мнѣ на прощаніе Гарибальди.

Видя, что я не могу болѣе удерживать слезъ, онъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко меня обнялъ и, желая повидимому покончить съ моимъ тяжелымъ настроеніемъ, прибавилъ:

— Вы меня извините, если я не пойду провожать васъ до лодки, мнѣ слишкомъ трудно спускаться.

И онъ остался на пригоркѣ, а мы начали спускаться внизъ.

— Buon viaggo! ci vediamo certo! (Добрый путь! мы навѣрно увидимся), услышала я его голосъ. Я оглянулась. Онъ бросилъ мнѣ внизъ свою шапочку и тотчасъ же скрылся.

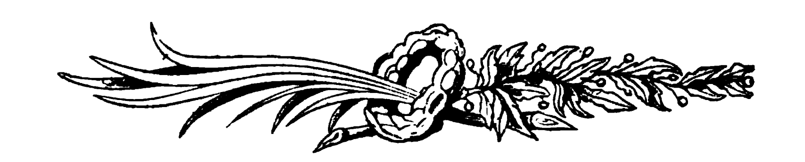
Бассо, Барберини, Клелія и жена Гарибальди проводили насъ до парохода, и пока мы не скрылись изъ виду, они махали намъ платками.

Неумолимая смерть отняла этого лучшаго изъ людей, но воспоминаніе о немъ будетъ жить со мной до тѣхъ поръ, пока живу я.

Что будетъ теперь съ Капрерой, когда не стало Гарибальди? Кто рискнетъ жить на ней! Сыновья Гарибальди? Конечно нѣтъ. Менотти инженеръ, занимающійся постоянно постройкой дорогъ. Ричіотти—человѣкъ настолько подвижной и любящій пожить, что никогда не могъ пробыть на Капрерѣ болѣе мѣсяца. Дочь его Терезита-Канціо, мать многочисленнаго семейства, должна жить въ Италіи, гдѣ воспитываются ея дѣти. Жена Гарибальди? Едва ли. Этотъ островъ жилъ только присутствіемъ на немъ Гарибальди. Съ его смертью, вѣроятно, исчезнетъ все, что стоило ему стольких трудовъ, и конечно, при способности итальянцевъ скоро все забывать, Капрера придетъ въ свой первобытный дикій видъ, и на этомъ гранитномъ утесѣ будетъ стоять только какой нибудь памятникъ величайшему патріоту Италіи и одному изъ совершеннѣйшихъ людей нашего вѣка.

А. Якоби.





ПАМЯТИ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

Новое, неожиданное горе постигло Россію. Не стало Михаила Дмитріевича Скобелева. Глубоко искренна всенародная скорбь объ этой безвременной утратѣ. Всѣ грамотные русскіе люди знаютъ уже, съ какою задушевностью воздань былъ въ Москвѣ послѣдній долгъ памяти геніальнаго русскаго человѣка. Это торжественное чествованіе показало, что имя „бѣлаго генерала“ искренно чтилось въ народѣ и что заслуги его долго не будутъ забыты признательной родиной. Намъ нѣтъ надобности распространяться объ этихъ заслугахъ. Онѣ пользуются широкой извѣстностью вездѣ, куда только донеслось имя Скобелева. Было бы преждевременно, да и невозможно теперь писать характеристику личности русскаго героя. Свѣтлый образъ ея вполнѣ будетъ очерченъ только тогда, когда лица, близко знавшія Скобелева, служившія съ нимъ, раскроютъ намъ всѣ подробности его кратковременной, но плодотворной, поучительной жизни и дѣятельности. Пока же возможно только намѣтить выдающіяся стороны государственныхъ заслугъ Скобелева, обезпечивающихъ за нимъ почетное мѣсто въ памяти исторіи.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился въ Петербургѣ 17-го сентября 1843 года; онъ внукъ извѣстнаго безрукаго генерала И. Н. Скобелева, за отличіе въ Отечественную войну награжденнаго Георгіемъ 3-й степени и назначеннаго шефомъ Рязанскаго полка. Отецъ Скобелева за послѣднюю войну тоже получилъ Георгія 3-й степени. Такимъ образомъ, этотъ родъ въ трехъ колѣнахъ давалъ Россіи храбрыхъ воиновъ и внезапно прервался въ лучшемъ и блестящемъ своемъ представителѣ: Михаилъ Дмитріевичъ скончался бездѣтнымъ.

По разсказамъ самого Скобелева, отецъ его былъ человѣкъ довольно суровый и старыхъ порядковъ. Воспитывать сына онъ хотѣлъ

тоже сурово. Онъ нанялъ сыну гувернера-нѣмца, который оказался человѣкомъ жестокимъ и билъ мальчика прутомъ за дурно выученный урокъ и за всякій пустякъ. Скобелевъ, обладая съ дѣтства независимою натурой, вспыльчивостью, необыкновенною подвижностью, которую можно было назвать буйствомъ, сердился и негодовалъ. Между гувернеромъ и ученикомъ установилась вражда. Гувернеръ ухаживалъ за кѣмъ-то и, отправляясь къ ней, надѣвалъ фракъ, цилиндръ и новыя перчатки. Скобелевъ мазалъ ручку двери, которую долженъ былъ отворить гувернеръ, ваксой. 12-ти лѣтъ Скобелевъ былъ влюбленъ въ дѣвочку такихъ же лѣтъ и въ деревнѣ катался съ ней верхомъ. Однажды въ присутствіи ея гувернеръ ударилъ его по лицу. Скобелевъ вспылилъ, плюнулъ ему въ лицо и ударилъ по щекѣ. Этотъ случай рѣшилъ дальнѣйшую судьбу мальчика. Отецъ видѣлъ, что нѣмцу съ его жестокостью не справиться со Скобелевымъ, и онъ отдалъ сына Дезидерію Жирарде, державшему пансіонъ въ Парижѣ. На этотъ разъ онъ попалъ въ прекрасныя руки. Жирарде, образованнѣйшій, благородный и честный человѣкъ, имѣлъ громадное вліяніе на нравственное воспитаніе Скобелева. Жирарде пріѣхалъ съ нимъ потомъ въ Россію и болѣе не разлучался. Впослѣдствіи, воспитатель пріѣзжалъ къ своему воспитаннику на войну. Это была самая искренняя привязанность Скобелева; онъ съ нимъ часто совѣтовался и обезпечилъ его.

Родители М. Д. Скобелева желали, чтобъ онъ закончилъ свое образованіе въ Россіи. Онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, но возникшіе въ 1861 году въ университетѣ безпорядки, повлекшіе за собой его временное закрытіе, заградили Скобелеву путь университетскаго образованія. Выйдя изъ университета, онъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и въ 1863 г. былъ произведенъ въ корнеты. Польское возстаніе только-что разгоралось, но этого уже было достаточно, чтобы заставить Скобелева хлопотать о переводѣ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ. Первое дѣло, въ которомъ онъ участвовалъ, было подъ Мѣховымъ. И тутъ, и вообще втеченіе всей кампаніи, молодой корнетъ Скобелевъ доказалъ, что его не даромъ тянуло къ военному дѣлу: на самыхъ первыхъ порахъ своей боевой дѣятельности онъ выказалъ замѣчательную личную храбрость и военныя способности, которыя высоко цѣнили въ то время его товарищи и начальники. Когда съ окончаніемъ мятежа „дѣла“ не стало, Скобелевъ вернулся въ Петербургъ и поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, курсъ которой онъ окончилъ блистательно. Рѣдко кто вступалъ въ академію съ такою блестящею военною подготовкою. Военная исторія, особенно русская, Суворовскіе походы, Наполеоновскія войны, все, что появлялось въ печати о войнѣ американской, было прочитано и усвоено молодымъ офицеромъ. Уже тогда обнаруживались въ немъ признаки военнаго генія и задатки будущихъ побѣдъ. „Не формы“, говорилъ онъ еще тогда, „а духъ

войска, не книжный разсчетъ, а геній, не поспѣшное мирное обученіе, а война,—вотъ что формируетъ и армію, и вождей!" Такимъ онъ и показалъ себя потомъ на дѣлѣ. Онъ остался вѣренъ этому взгляду до конца, стараясь всегда развить въ солдатѣ отвагу, преданность дѣлу, находчивость, самоотверженіе. Онъ понималъ, что́ для этого нужно, и былъ „солдатскимъ" генераломъ. Онъ умѣлъ говорить и дѣйствовать понятно солдату, умѣлъ позаботиться о солдатѣ болѣе, чѣмъ о себѣ, и того же требовалъ и добивался отъ своихъ подчиненныхъ. Кто не знаетъ, какъ въ траншеяхъ подъ Плевной онъ спалъ въ небольшой ямкѣ на соломѣ подъ открытымъ небомъ и въ то же время хлопоталъ, чтобъ у солдатъ были и землянки, и шалаши? Упомянемъ кстати, что, по отзыву начальника штаба 4-го корпуса, генерала Духонина, Скобелевъ не получалъ жалованья, а оно поступало прямо въ завѣдываніе начальника штаба, который обязанъ былъ употреблять его въ помощь нуждающимся нижнимъ чинамъ и офицерамъ 4-го корпуса, конечно, съ-вѣдома Скобелева. Все это производилось въ тайнѣ, безъ огласки. Независимо отъ этого, значительныя суммы тратились Скобелевымъ по просьбамъ, обращаемымъ къ нему отъ отставныхъ солдатъ, отъ раненыхъ воиновъ всякаго званія со всѣхъ концовъ Россіи. По словамъ г. Духонина, Скобелевъ многимъ отставнымъ рядовымъ предоставлялъ селиться на его земляхъ.

Какъ военный геній, Михаилъ Дмитріевичъ никогда не шелъ избитыми путями, никогда не прибѣгалъ къ рутиннымъ пріемамъ, и отъ того-то онъ достигалъ успѣха тамъ, гдѣ, по обыкновеннымъ соображеніямъ, казалось, что успѣхъ невозможенъ. Такъ не разъ случалось съ нимъ за Дунаемъ, подъ Плевной, за Балканами. Въ ахалъ-текинскую экспедицію 1880—81 годовъ Скобелевъ впервые выступилъ самостоятельнымъ командиромъ и тутъ показалъ себя настоящимъ полководцемъ, умѣющимъ понять во всемъ объемѣ особенности войны, характеръ противника, его образъ дѣйствій, и воспользоваться этимъ. Военный геній Скобелева изумлялъ и иностранцевъ. Лейтенантъ Гринъ, военный уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, въ своей книгѣ „Очерки военной жизни въ Россіи" замѣчаетъ, между прочимъ, что „его (Скобелева) военный геній такъ изумителенъ, что я твердо вѣрю, что если онъ проживетъ еще 30 лѣтъ, онъ будетъ главнокомандующимъ въ будущей войнѣ изъ-за восточнаго вопроса и въ исторіи займетъ тогда мѣсто среди пяти величайшихъ полководцевъ нашего столѣтія, рядомъ съ Наполеономъ, Веллингтономъ, Грантомъ и Мольтке". И немудрено. Достаточно подтвердить эту увѣренность американскаго автора слѣдующей характеристикою Скобелева, сдѣланною его бывшимъ профессоромъ академіи генеральнаго штаба, генераломъ Леером.

„Природа", говоритъ г. Лееръ, „щедро наградила его своими дарами: она одарила его многими рѣдкими качествами и способностями, изъ

которыхъ каждая, въ отдѣльности, могла бы уже выдвинуть человѣка изъ толпы. Умъ чисто военнаго человѣка — способность разсчитывать въ такой сферѣ дѣятельности, которая не подлежитъ разсчету; умъ государственнаго человѣка — способность обнимать вопросъ со всѣхъ сторонъ и рѣшать его въ пользу общихъ интересовъ. Что это такъ, доказываетъ ахалъ-текинская операція, опредѣлившая Скобелева какъ полководца. Характеръ настойчивый и энергичный въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли; способность внутренно уравновѣсить себя въ наиболѣе критическія минуты; способность увлекать за собою массы на самыя трудныя предпріятія—вотъ тотъ рядъ способностей, которыми обладалъ Скобелевъ. Благодаря имъ, онъ представляетъ собою великую силу и является богачемъ. Но этотъ „богачъ" не подчиняется почти неизбѣжно вредной сторонѣ всякаго богатства, выражающейся въ самодовольствѣ и въ отсутствіи дѣятельности. Напротивъ, Скобелевъ неустанно работалъ надъ собою, надъ самоусовершенствованіемъ. Несмотря на столь щедрые дары природы и на академическій дипломъ, онъ съ жадностью изучалъ военную науку, хорошо понимая, что только она одна можетъ дать таланту содержаніе, мѣру и разумное направленіе, безъ чего талантъ, сплошь и рядомъ, можетъ принести только вредъ. Это изученіе военной науки Скобелевъ продолжаетъ не только по выходѣ изъ академіи, но и послѣ боевыхъ успѣхомъ въ Азіи. Мало того: уже признанный талантъ, уже славный на всю Россію и Европу вождь, послѣ Ловчи и Плевны, Скобелевъ остается вѣренъ этому изученію. Съ поля сраженія онъ прислалъ ко мнѣ своего ординарца, поручика Эйхгольца, съ просьбою дать списокъ военныхъ новѣйшихъ сочиненій, которыя и были доставлены ему на Балканы..."

Лучшимъ доказательствомъ трудолюбія Скобелева и его дѣловитости можетъ служить его громадная переписка съ разными лицами. Если собрать всю эту переписку, то она составитъ, какъ у Наполеона I, нѣсколько печатныхъ томовъ, въ высшей степени интересныхъ. И не одно военное дѣло занимало геніальный умъ Скобелева. Политическія событія, переживаемыя Россіей, не могли не возбуждать интереса въ его творческой и дѣятельной натурѣ. Надо сказать, что, судя по тому немногому, что̀ появилось пока въ печати, Скобелевъ въ политической сферѣ успѣлъ проявить замѣчательную прозорливость. Въ ряду животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ русское общество, восточный вопросъ, въ самомъ обширномъ его значеніи, служилъ главнѣйшей темою въ его разнообразныхъ запискахъ. Въ іюльской книжкѣ „Русской Старины" напечатана одна изъ такихъ записокъ, обличающая въ покойномъ дальновиднаго политика. Записка эта написана М. Д. Скобелевымъ въ исходѣ декабря достопамятнаго 1878 года, во время стоянія русской арміи въ Адріанополѣ, въ ожиданіи окончательнаго мира съ Оттоманскою Портой. Основная мысль, высказанная Скобелевымъ въ моментъ общаго шатанія и недовольства та, что продолжительная стоянка нашихъ войскъ впереди

Адріанополя дала положительные результаты. Это сидѣнье уничтожило суть уступокъ Россіи въ Берлинѣ: „военное занятіе линій Балканъ турками и прочное утвержденіе въ восточной Румеліи, подъ эгидою власти султана, западнаго, европейскаго, т. е. англійскаго вліянія, которое помощью капитала и увлекательной прелести богатыхъ промышленныхъ операцій задушило бы въ зародышѣ неуспѣвшее еще окрѣпнуть болгарское самосознаніе". „Что такъ возможно дѣйствовать", говоритъ Скобелевъ, „не разъ указываетъ намъ исторія. Такъ поступили французы въ Эльзасѣ, пруссаки въ Познани, и даже это временно удавалось Австріи въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Продолжительность окупаціи Адріанополя нашею арміею, способною дѣйствовать во всякую минуту, въ корнѣ нарушаетъ возможность исполненія вышеизложеннаго: военное занятіе линіи Балканъ исполнимо лишь, если Румелія можетъ быть разсматриваема какъ прочный операціонный базисъ. Между тѣмъ, грозное стояніе наше здѣсь настолько даетъ развитіе народному самосознанію въ южной Болгаріи, что задача лишить ее своей національности, даже какою бы то ни было дорогою денежною цѣною, съ каждымъ днемъ затрудняется все болѣе и болѣе". Отсюда видно, что и на любимое имъ военное дѣло Скобелевъ смотрѣлъ, какъ на опору народному самосознанію. Тогда какъ наши дипломаты конфузились въ виду народныхъ демонстрацій въ южной Болгаріи, посылали туда запрещеніе за запрещеніемъ, полагая, что народъ дѣлаетъ только безпорядокъ, Скобелевъ говоритъ въ своей запискѣ: „Турецкое безсиліе, въ особенности же патріотическія демонстраціи, вызванныя въ южной Болгаріи присутствіемъ здѣсь дѣйствующей арміи и возможныя лишь пока она здѣсь, нанесли престижу консервативной партіи въ Англіи значительный ударъ". Понятно, какъ должно было возбуждать дальновиднаго наблюдателя шатанье нашей дипломатіи. Въ „Руси" г. Аксакова недавно напечатано письмо Скобелева по поводу передовой статьи о берлинскомъ трактатѣ, появившейся въ прошломъ году (№ 53 „Руси" 1881 года). „Эта статья", говоритъ Скобелевъ,—„возобновила въ моемъ представленіи недавнее столь горькое, чтобъ не сказать позорное, прошлое! Стояніе въ виду Константинополя,— яко бы съ цѣлью надруганія надъ родными знаменами, преступный индифферентизмъ къ русской чести и интересамъ, дипломатически вынужденное отступленіе къ Адріанополю при громкихъ ликованіяхъ не только враговъ, но—что тяжелѣе—и всего нерусскаго въ русскихъ мундирахъ и вицъ-мундирахъ,—плачъ оставленныхъ на жертву православныхъ братьевъ, ввѣрившихъ намъ свою судьбу, глумленіе британскаго флота, наконецъ, окончательные результаты берлинскаго самобичеванія!.. Тогда уже слишкомъ многимъ изъ насъ было очевидно, что Россіи обязательно заболѣть тяжелымъ недугомъ—свойства нравственнаго и заразительно растлѣвающаго... Опасеніе высказывалось тогда открыто; патріотическое чутье, увы, не обмануло насъ.

Да, еще далеко не миновала опасность, чтобы произвольно не додѣланное подъ Царьградомъ не разразилось завтра громомъ на Вислѣ и Бобрѣ! Въ одно, однако, вѣрую и исповѣдую, что позорящая нынѣ Россію крамола есть, въ весьма значительной степени, результатъ почти безвыходнаго разочарованія, которое навязано было Россіи мирнымъ договоромъ, не заслуженнымъ ни ею, ни ея знаменами. Въ исторіи есть одинъ примѣръ подобнаго же гибельнаго нравственнаго паденья, вызваннаго причинами схожими. Это — могущественная тогда Испанія послѣ сраженія при Лепанто. У нея также отшибло память сердца, и люди, ошеломленные свидѣтели отрицательнаго для родины міроваго событія, не въ силахъ были передать потомкамъ идею святости и незыблемости государственнаго идеала. Поколѣніе, сражавшееся при Лепанто, оставило исторіи лишь одно имя. Авторъ Донъ-Кихота, безрукій Сервантесъ, геніальная сатира котораго потрясла въ основаніи католическую, монархическую и рыцарскую Испанію, уготовилъ вѣковое паденіе этой страны. Сервантесъ—тотъ же нигилизмъ!.. Caveant consules!..“ Это писано Скобелевымъ 19-го ноября 1881 года. Здѣсь легко узнать одну изъ излюбленныхъ мыслей „бѣлаго генерала“, высказанную имъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Петербургѣ незадолго до кончины, ту мысль, что высшее благо Россіи и залогъ ея будущаго заключается въ народномъ инстинктѣ, полномъ вѣры и самопожертвованія. Средне-азіатскій вопросъ также не создавалъ загадки для прозорливаго героя Геокъ-Тепе. „Московскія Вѣдомости“ (отъ 29-го іюня) напечатали въ извлеченіи слѣдующую важную выдержку изъ записки „бѣлаго генерала“ объ ахалъ-текинской экспедиціи. „Лично для меня“, пишетъ Скобелевъ,—„весь средне-азіатскій вопросъ вполнѣ осязателенъ и ясенъ; если помощію его мы не рѣшимъ въ непродолжительномъ сравнительно времени серьезно взять въ руки восточный вопросъ, то азіатская овчинка не будетъ стоить выдѣлки. Смѣю думать, что рано или поздно русскимъ государственнымъ людямъ придется сознаться, что Россія должна обладать Босфоромъ, что отъ этого зависитъ не только ея величіе, но ея безопасность въ смыслѣ оборонительномъ и соотвѣтственно тому развитіе ея мануфактурныхъ центровъ и торговли. Никто, полагаю, не будетъ оспаривать, что пока польскій и западно-русскій вопросы будутъ тяготѣть надъ нами, всякое правильное развитіе въ лучшемъ, народно-историческомъ значеніи этого слова будетъ крайне затруднено. Въ настоящее время, не смотря на потраченныя кровавыя усилія, всѣ наши границы остались открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную армію, а польскій вопросъ, особенно теперь, въ виду неминуемыхъ усложненій, порожденныхъ австро-германскимъ союзомъ, держитъ насъ въ осадномъ положеніи. Только владѣя Босфоромъ, Россія сможетъ сознательно и безповоротно произнести преждевременный пока возгласъ разбитаго Костюшка: „Finis Poloniae“.

По приведеннымъ выдержкамъ можно судить, насколько поучительно все, что выходило изъ-подъ пера знаменитаго генерала. Могучей личности Скобелева не довелось развернуться въ политической сферѣ во всей своей творческой силѣ. Его многообѣщавшая жизнь прервана безпощадною смертью на половинѣ пути. Даже нѣмецкіе публицисты, весьма враждебно относившіеся къ покойному за его нелюбовь къ нѣмцамъ, должны сознаться, что въ лицѣ Скобелева изъ русской жизни исчезъ факторъ, будущей дѣятельности котораго еще нельзя было предвидѣть, но который, при грядущихъ осложненіяхъ, игралъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, такъ или иначе весьма важную роль. Тоже высказывается во французской и англійской печати. Какова была бы эта роль, это, конечно, зависитъ отъ хода политическихъ событій въ Россіи, но, разумѣется, эта роль была бы высоко патріотическою, и Скобелевъ явился бы тутъ, какъ и всегда, душою принятаго на себя дѣла и тѣмъ болѣе успѣшнымъ его исполнителемъ, что никто изъ нынѣшнихъ государственныхъ людей не пользовался такой популярностью въ народѣ и такимъ авторитетомъ въ арміи, какими могъ гордиться покойный герой Геокъ-Тепе. И потому-то внезапная смерть его такъ потрясла всѣхъ истинно русскихъ людей.

Но какъ ни велика эта утрата Россіи, утрата, выяснить настоящую цѣну которой надо предоставить правдивой исторіи, намъ все же не слѣдуетъ отчаяваться. И дѣйствительно, такая утрата, глубоко напечатлѣваясь въ памяти сердца, должна вызывать на размышленія людей мыслящихъ и искренно желающихъ добра своей родинѣ. Видно—скажутъ иные—не судьба у насъ общественнымъ дѣятелямъ. Къ несчастью, это приходится слышать почти каждый разъ, когда разстаешься съ тѣмъ или другимъ изъ немногихъ у насъ замѣчательныхъ дѣятелей. Но почему же не судьба и почему наши лучшіе люди похищаются смертью именно въ то время, когда только что успѣла очертиться привлекательность ихъ дѣятельности, когда на нихъ обращены общія надежды, когда они встрѣчаютъ въ обществѣ и довѣріе къ себѣ, и готовность содѣйствія? Въ отвѣтъ на эти мысли приведемъ слѣдующую интересную выдержку изъ рѣчи, произнесенной по случаю кончины Скобелева протоіереемъ Лебедевымъ въ русской церкви въ Карлсбадѣ. Въ этой рѣчи отчасти дается ключъ къ разрѣшенію таинственной загадки.

„Если мы повнимательнѣе и поглубже всмотримся въ самихъ себя, сказалъ духовный пастырь, то найдемъ немало причинъ, подтачивающихъ нашу жизнь въ самомъ ея корнѣ. Таковы, во-первыхъ, недостатки нашего воспитанія, когда мы учимъ дѣтей всему, но не научаемъ ихъ главному—сознанію нравственныхъ обязанностей, уваженію къ законности, къ нравственному самообузданію и сдержанности; затѣмъ—извращенность нравственныхъ понятій, когда добродѣтели подвергаются осмѣянію, а пороки, часто весьма гнусные, если

не восхваляются, какъ доблести, по крайней мѣрѣ, прикрываются и оправдываются мягкими названіями шалости, баловства, увлеченія; далѣе, неразвитость должнаго патріотическаго чувства, когда въ обществѣ нѣтъ сознанія, что исключительное дарованіе принадлежитъ сколько лично обладателю, столько же и обществу, что его нужно воспитывать и беречь сколько для себя, столько же и для славы отечества; потомъ—рабское подчиненіе общественному мнѣнію или, точнѣе, господствующимъ предразсудкамъ, когда даровитые люди изъ-за этого рабства входятъ въ противорѣчіе съ собою и насилуютъ себя и свою жизнь; наконецъ, бо̀льшею частью—нравственное одиночество даровитыхъ людей и борьба ихъ съ проявленіями непониманія, зависти, гордости и озлобленія окружающей среды. Всѣ эти и подобныя имъ причины, разрушительно дѣйствуя на жизнь общества, болѣе или менѣе посредственно или непосредственно въ своей совокупности или раздѣльности, проявляютъ свои разрушительныя дѣйствія особенно замѣтно въ жизни лучшихъ людей".

Исторія, конечно, скажетъ, насколько та или другая изъ этихъ причинъ возъимѣла вліяніе на ускореніе смерти Скобелева. Пока же намъ слѣдуетъ памятовать для себя подобные уроки въ томъ отношеніи, что—какъ сказалъ проповѣдникъ—„если мы будемъ продолжать оставаться равнодушными къ ясности и чистотѣ нашихъ нравственныхъ понятій, къ болѣе нормальному строю нашей общественной жизни, къ строгому исполненію лежащихъ на насъ обязанностей, то придемъ еще къ горшему концу".

Θ. Булгаковъ.





ПЕРВЫЕ ДЕБЮТЫ БИСМАРКА [1].

НАДНЯХЪ вышелъ второй томъ оффиціальныхъ дипломатическихъ документовъ, къ обнародованію которыхъ приступилъ извѣстный историкъ Зибель, директоръ прусскаго тайнаго государственнаго архива. Во второмъ томѣ, обнимающемъ время съ 1854 по 1856 годъ, появились впервые документы, имѣющіе всемірное значеніе, а потому онъ оказывается гораздо интереснѣе перваго тома. Но еще бо̀льшій интересъ пріобрѣтаетъ нынѣ вышедшій томъ потому, что въ немъ обнародованы донесенія Бисмарка (нынѣшняго германскаго канцлера) къ тогдашнему прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, барону Мантейфелю, въ которомъ будущій князь развиваетъ свои взгляды на положеніе политическихъ дѣлъ, оправдавшіеся впослѣдствіи и составившіе ему репутацію зоркаго, опытнаго дипломата. Въ то время Бисмаркъ состоялъ въ качествѣ представителя Пруссіи въ совѣтѣ германскаго союза и проживалъ въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, мѣстопребываніи этого совѣта. Наиболѣе заслуживающіе вниманія дипломатическіе документы Бисмарка относятся къ Крымской войнѣ 1853—1856 года, во время которой Пруссія сохраняла нейтралитетъ. Сверхъ переписки съ Мантейфелемъ, въ этомъ томѣ обнародованы также любопытныя письма Бисмарка къ генералъ-лейтенанту Герлаху, генералъ-адъютанту короля Фридриха-Вильгельма IV-го, который приказывалъ ему дѣлать себѣ доклады о важнѣйшихъ политическихъ переговорахъ, происходившихъ въ то время. Въ описываемую эпоху германскій союзный совѣтъ во Франкфуртѣ доживалъ свои послѣдніе годы. Это

[1]) Preussen im Bundesrathe, v. Poschinger. Leipzig, 1882. (Пруссія въ совѣтѣ германскаго союза, Пошингера. Лейпцигъ, 1882 г.).

была „говорильня" безъ значенія. По выраженію Бисмарка въ одномъ изъ его донесеній, собраніе это уподоблялось „песчаной дорогѣ, на которой посланники (члены совѣта) безполезно растрачивали свои силы".

Когда, 21-го іюня 1853 г., русскія войска вступили въ дунайскія княжества (Молдавію и Валахію), чтобы побудить Турцію исполнить требованія петербургскаго кабинета, сильное безпокойство овладѣло государственными людьми Австріи. Во главѣ ея министерства иностранныхъ дѣлъ находился графъ Буль-фонъ-Шауэнштейнъ, бывшій въ родствѣ съ тогдашнимъ русскимъ посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ, барономъ Мейендорфомъ. Говорили, что это родство было одною изъ причинъ неуспѣшныхъ воздѣйствій русской дипломатіи на австрійское правительство. Баронъ Мейендорфъ былъ замѣненъ еще впродолженіе Крымской войны княземъ Александромъ Михайловичемъ Горчаковымъ, но такая замѣна не могла уже совершить поворотъ въ политикѣ Австріи, направленной противъ Россіи.

Вѣнскій кабинетъ не желалъ оставаться простымъ зрителемъ предстоявшихъ событій на Дунаѣ, но крайнее разстройство финансовъ, а также опасеніе возстаній вновь въ Венгріи и Италіи, осуждали его на бездѣятельность. Графъ Буль попытался часть военнаго риска перенести на Пруссію и на нѣмецкія государства, входившія въ составъ германскаго союза. Вслѣдствіе этого, въ октябрѣ 1853 года, императоръ Францъ-Іосифъ предложилъ королю Фридриху-Вильгельму IV, чтобы Австрія и Пруссія объявили себя нейтральными въ войнѣ Россіи съ Турціею и понудили бы германскій союзъ, общимъ представленіемъ, присоединиться къ ихъ нейтралитету. Когда, послѣ продолжительныхъ, утомительныхъ переговоровъ, Австрія и Пруссія заключили между собою договоръ о взаимномъ обезпеченіи своихъ негерманскихъ владѣній и договоръ этотъ оффиціальнымъ порядкомъ дошелъ до Бисмарка, то онъ брюзгливо отнесся къ этому акту и на поляхъ черноваго отпуска одного донесенія, отъ 15-го (27) апрѣля 1854 г., выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „Западныя державы (т. е. Англія и Франція) съ одной стороны: 1) взяли назадъ ноту, на которую согласилась Россія; 2) послали свои флоты въ Черное море; 3) объявили Россіи войну; 4) измѣнили цѣль войны. Союзомъ своимъ, 8-го (20) апрѣля 1854 г., Пруссія обязуется болѣе, чѣмъ майскимъ трактатомъ 1851 г. (на случай новаго революціоннаго движенія во Франціи и Италіи). Договоръ 8-го (20) апрѣля обманулъ надежды германскихъ государствъ и дискредитовалъ Пруссію въ ихъ глазахъ; они видятъ, что господиномъ у нихъ Австрія! Устья Дуная мало интересуютъ Германію; въ десять тысячъ разъ болѣе важнѣе для нея Адріатическое море, господство Англіи надъ Іоническими островами. Западныя державы не въ состояніи произвести возстанія въ Польшѣ. Прусскіе и австрійскіе поселяне не возстанутъ, а русскихъ (въ Галиціи) Россія легко вооружитъ противъ дворянства; теперь у нихъ нѣтъ и ножа. Какъ могла Пруссія дойти до исполненія даромъ полицейскихъ обя-

занностей въ Австріи? Франція не пойдетъ на безпричинный внезапный разрывъ, но принудитъ насъ къ тому своимъ безстыдствомъ и найдетъ легко къ тому предлогъ, если сочтетъ время для того удобнымъ. Лудовикъ-Наполеонъ не въ состояніи, по своему желанію, возбуждать или удерживать революцію въ Германіи или Италіи".

Прусское правительство застигнуто было врасплохъ, узнавъ, что Австрія препроводила къ Россіи, 22-го мая (3 іюня) 1854 года, требованіе о выводѣ войскъ изъ дунайскихъ княжествъ, заключила съ Турціею конвенцію о занятіи ихъ своею арміею, и что 15-го (27) іюня послѣдняя уже вступила въ предѣлы Валахіи. Когда Россія отвѣчала уступчивымъ образомъ на требованія Австріи, то Бисмаркъ препроводилъ въ прусское министерство иностранныхъ дѣлъ необыкновенно пространное донесеніе съ своими соображеніями относительно положенія политическихъ дѣлъ. Онъ доказывалъ, что политика Австріи уже болѣе не воздержная и миролюбивая, а, напротивъ того, честолюбивая и воинственная. Виды на завоеванія благопріятны, и въ Вѣнѣ убѣждены, что Пруссія и Германія въ своихъ собственныхъ интересахъ вынуждены будутъ прикрыть въ случаѣ опасности Австрію, какъ ни непріятенъ будетъ для нихъ подобный образъ дѣйствія. Только устраненіе послѣдней несбыточной надежды, можетъ быть, удержитъ вѣнскій кабинетъ отъ умышленнаго желанія искать войны съ Россіею. Особенной надежды на второстепенныя германскія государства нельзя питать; они настроены противъ Франціи, за исключеніемъ, быть можетъ, одного Гессенъ-Дармштадта. Причина тому заключается отчасти въ личномъ расположеніи, отчасти въ стремленіи къ революціи, и зависитъ также отъ того, что нынѣшняя власть во Франціи покоится на одномъ человѣкѣ; несмотря на то, продолжительный гнетъ Пруссіи и Австріи на остальныя государства Германіи можетъ возбудить въ нихъ желанія, лучше самостоятельно идти „вмѣстѣ съ Франціею", чѣмъ оставаться подъ опекою означенныхъ двухъ державъ. Въ концѣ концовъ дѣло тѣмъ и завершится, если эти государства не найдутъ, по меньшей мѣрѣ, у Пруссіи опоры и могущественнаго представительства для германскихъ интересовъ, за исключеніемъ называемыхъ ими Австріею. „Хотя я (Бисмаркъ) не питаю безусловнаго довѣрія къ продолжительному расположенію къ Пруссіи германскихъ государствъ, однако опасаюсь, что ихъ чувства къ намъ могутъ быть всетаки названы „безусловнымъ довѣріемъ", сравнительно съ чувствами, питаемыми въ глубинѣ сердца къ Пруссіи графомъ Булемъ, Бухомъ и другими эпигонами Шварценберговской политики въ союзѣ съ ультрамонтанами. Нынѣ практикуемая въ Австріи система централистическаго онѣмечиванія требуетъ для своихъ цѣлей тѣсной органической связи съ сильною гегемоніею въ Германіи. Сила Пруссіи въ Германіи несовмѣстима съ цѣлями этой системы, но эта несовмѣстимость ослабѣваетъ съ увеличеніемъ разницы въ физической силѣ Пруссіи и Австріи. Поэтому, независимо отъ всѣхъ остальныхъ мотивовъ, пред-

ставляемыхъ восточнымъ вопросомъ, мы можемъ только тогда согласиться на увеличеніе Австріи, когда мы сами выростемъ, по меньшей мѣрѣ, въ томъ же размѣрѣ. Если Австрія дойдетъ до войны съ Россіею, то она не въ состояніи будетъ съ успѣхомъ противиться тѣмъ планамъ, которые могутъ имѣть западныя державы относительно возстановленія Польши. Донынѣ эти планы никогда честнымъ образомъ не отвергались въ Лондонѣ и въ Парижѣ и должны выступить на первый планъ, какъ единственное средство къ дѣйствительному сокращенію могущества Россіи. Интересы Австріи не такъ сильно нарушаются возстановленіемъ Польши, какъ интересы Пруссіи и Россіи, а потому, послѣ разрыва съ Россіею, Австрія не будетъ въ необходимости расходиться въ этомъ дѣлѣ съ западными державами. Я полагаю даже, что очень возможно—Австрія выберетъ въ такомъ случаѣ дунайскія княжества, если ей придется выбирать между ними и Галиціею. Княжества доступнѣе для нѣмецкаго языка и управленія, чѣмъ польскія провинціи. Княжества, по географическому положенію и въ торговомъ отношеніи, удобнѣе подходятъ къ Австріи, чѣмъ Галиція, лежащая за Карпатами и какъ бы „примазанная къ этой имперіи“. Сверхъ того, возстановленіе Польши представляетъ и другаго рода выгоды для австрійской системы: 1) Пруссія будетъ ослаблена и задержана въ своемъ развитіи; 2) прекратится опасность панславизма, при существованіи двухъ сильныхъ славянскихъ государствъ разной религіи и разной народности; 3) въ Европѣ будетъ однимъ важнымъ католическимъ государствомъ болѣе; 4) Польша, возстановленная при помощи Австріи, будетъ вѣрнымъ союзникомъ ея; 5) возстановленіе Польши доставитъ, вѣроятно, Австріи единственную прочную гарантію противъ отомщенія со стороны Франціи, лишь только итальянскій вопросъ возбудитъ споръ между Австріею и Франціею, или если Австрія инымъ образомъ очутится въ затруднительномъ положеніи. Въ самомъ дурномъ случаѣ, вѣнскій кабинетъ постарается помочь себѣ предложеніемъ о новомъ раздѣлѣ Польши, не возвращая, однако, дунайскихъ княжествъ“.

Въ эту эпоху король бельгійцевъ Леопольдъ выразился въ неблагопріятномъ смыслѣ о той политикѣ Пруссіи, какой держится Бисмаркъ при германскомъ союзѣ. По мнѣнію короля, Пруссія должна была бы тѣсно сплотиться съ Австріею, даже съ пожертвованіемъ своего самолюбія, и ей не слѣдовало бы держаться въ этомъ отношеніи особой политики. Баронъ Мантейфель сообщилъ Бисмарку критическія замѣчанія короля Леопольда и онъ прислалъ на нихъ свои возраженія, въ письмѣ отъ 11-го (23-го) августа 1854 года. Изъ письма Бисмарка видно, что взгляды короля Леопольда и графа Эбердина (тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ Англіи) на политику Пруссіи одобрялись королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV-мъ, но Бисмаркъ, несмотря на то, остался при своемъ собственномъ взглядѣ на эту политику и опровергъ замѣчанія короля бельгійцевъ. Бисмаркъ

не сомнѣвается въ томъ, что единство въ политикѣ Пруссіи и Австріи составляетъ существенное условіе безопасности для Бельгіи. Бисмаркъ увѣренъ, что мысль о войнѣ между Пруссіею и Франціею слишкомъ далека отъ короля прусскаго и его правительства, тѣмъ болѣе, что и политика Франціи не представляетъ ни одного признака, который указывалъ бы, что война съ Пруссіею принадлежитъ къ числу желаемыхъ и искомыхъ событій для императора Наполеона. Бисмаркъ не знаетъ, твердое ли убѣжденіе выразилъ король Леопольдъ, сказавши прусскому посланнику, что Англія дастъ свое согласіе на пріобрѣтеніе Франціею рейнскихъ провинцій; но онъ убѣжденъ, что Франція, овладѣвъ ими, займетъ и Бельгію, или вскорѣ затѣмъ вступитъ въ ея предѣлы. Со времени занятія дунайскихъ княжествъ, требованія Австріи растутъ, и въ Вѣнѣ уже говорятъ объ уступкѣ Россіею Бессарабіи. Но Россія согласится на такую уступку только послѣ продолжительной, несчастной войны. По мнѣнію Бисмарка, присоединеніе Пруссіи къ политикѣ Австріи только настолько можетъ быть полезно для первой, насколько оно удержитъ Австрію отъ нападенія на Россію.

Особенно интереснымъ въ изданіи Пошингера оказывается собственноручное донесеніе Бисмарка къ Мантейфелю, отъ 14-го (26-го) апрѣля 1856 года, по заключеніи Парижскаго мира съ Россіею, въ которомъ онъ разсматриваетъ политическое положеніе Пруссіи и вообще положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ. По ясности изложенія, по дальновидности соображеній, это донесеніе, прочитанное королю Фридриху-Вильгельму, должно быть отнесено къ наиболѣе мастерскимъ произведеніямъ Бисмарка. Въ немъ онъ излагаетъ стремленія всѣхъ державъ къ союзу съ Франціею; виды на италіянскую войну; вѣроятность сближенія Франціи съ Россіею; основанія такого союза; положеніе Англіи и Австріи при войнѣ на востокѣ и западѣ Европы; виды на успѣхъ такой войны; настроеніе второстепенныхъ государствъ Германіи и невозможность разсчитывать на нихъ; опасность австро-прусскаго союза; необходимость вслѣдствіе того въ непродолжительномъ времени борьбы между Пруссіею и Австріею за существованіе; ненадежность союза съ Англіею; зависть и недоброжелательство Австріи къ Пруссіи; виды и вѣроятное злоупотребленіе новымъ договоромъ между Пруссіею и Австріею объ обезпеченіи послѣдней ея италіянскихъ владѣній; соображенія на случай союза между Россіею и Англіею. По этому содержанію записки Бисмарка, видно, до какой степени умѣлъ онъ обнять всѣ событія, которыя стали совершаться въ Европѣ послѣ подписанія мира въ Парижѣ, положившаго конецъ Крымской войнѣ.

Всѣ державы, какъ великія, такъ и малыя, писалъ Бисмаркъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго развитія политическихъ событій, стараются заручиться дружбою Франціи, и императору Наполеону, какъ ни слабы, повидимому, основы его династіи во Франціи, есть выборъ

изъ союзовъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе. Повидимому, „странныя усилія Орлова (представителя Россіи на парижскомъ конгрессѣ, тогда графа, а затѣмъ князя) еще не стряхнули яблока съ дерева, но когда оно поспѣетъ, оно упадетъ само собою, и русскіе успѣютъ во-время подставить подъ него свои шапки". „Точно также „acte de soumission (покорность) графа Буля, въ видѣ желанія Австріи имѣть честь быть первою державою рейнскаго союза, если только Пруссія будетъ вслѣдствіе того второю или третьею, повидимому, принята императоромъ Наполеономъ только съ сдержанною учтивостью"... Нельзя допускать, что императоръ Наполеонъ будетъ искать войны только для войны и что его подмываетъ къ тому честолюбіе завоевателя. Надобно полагать, что Наполеонъ предпочитаетъ миръ, пока онъ совмѣстимъ съ настроеніемъ его арміи и, слѣдовательно, съ его собственною безопасностью. На случай же если ему встрѣтится надобность въ войнѣ, я полагаю, онъ держитъ открытымъ тотъ или другой вопросъ, который во всякое время можетъ дать въ извѣстной мѣрѣ основательный поводъ къ разрыву. Болѣе другихъ подходящимъ для того оказывается итальянскій вопросъ. Неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ Италіи, честолюбіе Піемонта, бонапартистскія и мюратовскія воспоминанія, корсиканское землячество, дадутъ старшему сыну католической церкви множество поводовъ для заведенія рѣчи объ этомъ вопросѣ. Ненависть въ Италіи къ ея государямъ и къ австрійцамъ прокладываетъ путь императору Наполеону, между тѣмъ какъ въ Германіи ему нечего ожидать помощи отъ нашей разбойнической и трусливой демократіи, а наши государи (германскіе) тогда окажутъ ему содѣйствіе, когда онъ безъ него сдѣлается самымъ могущественнымъ государемъ.

Можетъ ли Пруссія (излагаетъ далѣе Бисмаркъ), въ случаѣ нужды, въ союзѣ съ Австріею, выступить противъ Востока или Запада, когда къ послѣднему присоединится Піемонтъ, вѣроятно—бельгійская армія и часть германскаго союза? Если бы все такъ случилось, какъ должно собственно быть, то я въ томъ не сомнѣвался бы, но императоръ Францъ-Іосифъ не въ такой степени господинъ въ своей странѣ и повелитель своихъ подданныхъ, какъ нашъ всемилостивѣйшій государь. Австріею нельзя пренебрегать въ наступательной войнѣ. Она въ состояніи выставить за предѣлы свои болѣе 200.000 человѣкъ хорошаго войска и еще оставить ихъ у себя дома въ такомъ достаточномъ числѣ, чтобы не спускать глазъ со своихъ италіянцевъ, мадьяръ и славянъ. Но въ оборонительномъ отношеніи, при нападеніи съ востока и съ запада, я считаю нынѣшнюю Австрію слабымъ государствомъ, и очень легко можетъ случиться, что при первомъ счастливомъ ударѣ противника, нанесенномъ внутри этой имперіи, все искуственное сооруженіе централистическаго, бюрократическаго строя, Баха и Буля, развалится, подобно карточному домику. Но, сверхъ этой опасности, оказывается еще болѣе значительная, а именно, что

душою прусско-австрійскаго союза, даже при наибольшихъ общихъ бѣдствіяхъ, будетъ совершенно противное тому, что составляетъ прочность союза. Взаимное политическое недовѣріе, военная и политическая зависть, подозрѣніе одного, что другой будетъ стараться сепаратными договорами препятствовать при успѣхѣ увеличенію владѣній своего союзника, а при неудачѣ обезпечить себѣ свою безопасность,— все это нынѣ еще сильнѣе будетъ парализировать успѣхъ союза между Австріею и Пруссіею, чѣмъ при какомъ либо дурно удавшемся союзѣ прошлаго времени. Втеченіе тысячелѣтія германскій дуализмъ въ каждомъ столѣтіи устраивалъ свои взаимныя отношенія исключительно основательною внутреннею войною; такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи только это средство, и никакое другое, „заведетъ часы развитія Германіи надлежащимъ образомъ". Этимъ я выражаю только то свое убѣжденіе, что мы въ непродолжительномъ времени вынуждены будемъ воевать съ Австріею за свое существованіе и что не въ нашей власти избѣжать этой войны, такъ какъ ходъ дѣлъ въ Германіи не имѣетъ другаго пути. Если это соображеніе справедливо, то для Пруссіи невозможно такое самоотреченіе, чтобы, пожертвовавъ собственнымъ существованіемъ, начать, по моему убѣжденію, безнадежную войну съ единственною цѣлію, поддержать нераздѣльность Австріи. Если мы останемся побѣдителями противъ русско-французскаго союза, то за кого, собственно, мы жертвовали всѣмъ? За сохраненіе перевѣса Австріи въ германскомъ союзѣ, за жалкую конституцію союза, не можемъ же мы ставить въ игру наши послѣднія силы, наше существованіе? Заключеніе въ настоящее время трактата для обезпеченія Австріи ея итальянскихъ владѣній имѣло бы послѣдствіемъ преждевременный вызовъ Франціи и охлажденіе Россіи къ Пруссіи. Такое послѣдствіе было бы въ интересахъ Австріи, которая распорядилась бы о своевременномъ разглашеніи подобнаго договора въ Парижѣ и Петербургѣ. „Всѣ свои трактаты съ Пруссіею Австрія муссировала исключительно въ свою пользу. Если бы разсчеты графа Буля на перемѣну престола въ Россіи и на совершенно неожиданную для вѣнскаго кабинета уступчивость императора Александра II не оправдались, то Пруссію еще не то ожидало бы отъ благодарности Австріи, и мы научились бы чему нибудь другому отъ нашего апрѣльскаго (1854 года) трактата, сверхъ тайнаго сопротивленія габсбургской монархіи приглашенію Пруссіи къ участію въ парижскомъ конгрессѣ. Въ случаѣ осуществленія русско-французскаго союза съ воинственными цѣлями, Пруссія, по моему убѣжденію, не можетъ быть въ числѣ его противниковъ, потому что мы, вѣроятно, будемъ побѣждены pour les beaux yeux de l'Autriche".

Обнародованные документы прусскаго тайнаго архива сообщаютъ еще много интересныхъ данныхъ, которыя и въ настоящее время могутъ служить соображеніями для политическихъ комбинацій. Египетскій вопросъ выставилъ нынѣ вновь на первый планъ соперничество

великихъ державъ Европы, а донесенія Бисмарка 1854—1856 годовъ затрогиваютъ подробно подобную тему. Говорятъ, что князь Бисмаркъ намѣренъ продолжать обнародованіе документовъ своей первоначальной государственной дѣятельности, до принятія имъ, въ сентябрѣ 1862 года, президентства въ прусскомъ министерствѣ. Подобное намѣреніе понятно при нынѣшней его борьбѣ съ народными представителями Германіи. Обнародованные документы доказываютъ существованіе у Бисмарка дара прозорливости государственнаго человѣка. Такимъ онъ желаетъ считаться въ глазахъ Германіи и нынѣ, но только въ сферѣ финансовъ и экономической науки, чтобы не сомнѣвались въ безошибочности предпринимаемыхъ имъ реформъ для благоденствія нѣмецкаго народа.

Пав. Усовъ.





ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Эмиль Кнорръ. „Польскія возстанія съ 1830 года въ ихъ связи съ общеевропейскими стремленіями къ разрушенію существующаго порядка“ [1]).

Къ ЧИСЛУ архивныхъ источниковъ, которыми авторъ впервые воспользовался для своего труда, принадлежатъ бумаги канцеляріи генералъ-полиціймейстера Варшавы, касающіяся возстанія 1863—64 гг., отчетъ о дѣятельности генералъ-полиціймейстера въ царствѣ польскомъ въ 1864 году, бумаги полицейскихъ президентствъ въ Берлинѣ и Познани и военнаго архива прусскаго главнаго генеральнаго штаба. Приложеніе заключаетъ въ себѣ большое число не извѣстныхъ до сихъ поръ прокламацій и приказовъ центральнаго революціоннаго правительства, центральнаго комитета и различныхъ диктаторовъ. Очень любопытна записка оберъ-президента Флотвелля объ управленіи великимъ герцогствомъ Познанью отъ декабря 1830 г. до весны 1841 г. Эта записка, написанная по окончаніи въ высшей степени успѣшнаго управленія великимъ герцогствомъ втеченіе одиннадцати лѣтъ, изображаетъ положеніе провинціи и указываетъ на средства къ ея германизаціи. Если-бы преемники Флотвелля продолжали дѣйствовать въ его духѣ, то революціонныя движенія 1846—48 и—64 гг., вѣроятно, миновали бы Познань. Не въ крестьянствѣ и не въ высшей и богатой знати заключаются элементы, враждебные германизаціи, а въ католическомъ духовенствѣ

---

[1]) Emil Knorr. „Die polnischen Aufsteiende seit 1830“.

и неимущей знати, въ особенности въ женщинахъ этого класса. Въ Познани обнаружился тотъ же контрастъ среди польской знати, какъ и въ Варшавѣ въ 1830 и—63 гг.

По словамъ Флотвелля, цѣль его управленія заключается въ томъ, чтобы ускорить и укрѣпить тѣсное соединеніе провинціи Познани съ прусскимъ государствомъ. Для этого онъ старался постепенно устранять тѣ своеобразныя направленія, привычки, склонности среди польскаго населенія провинціи, которыя противодѣйствовали такому сближенію, и въ то же время все болѣе и болѣе распространять въ ней элементы нѣмецкой жизни въ ея духовныхъ и матеріальныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, онъ надѣялся въ концѣ концовъ достичь полнаго сліянія обѣихъ національностей путемъ рѣшительнаго преобладанія нѣмецкой культуры. Выгодное пріобрѣтеніе имѣній, шедшихъ съ аукціона, для государства и эксплуатація ихъ посредствомъ нѣмецкихъ арендаторовъ и крестьянъ прекратились послѣ выхода въ отставку Флотвелля.

Приведемъ замѣчаніе о возстаніи въ Галиціи въ 1846 году, такъ какъ оно рѣшительно противорѣчитъ упреку, который часто дѣлался австрійскому правительству: „Много спорили о томъ, кто затѣялъ отвратительную рѣзню въ округахъ городовъ Тарнова, Ясло и Сандеца, жертвами которой пали многочисленныя знатныя семейства. Во всякомъ случаѣ, это не было дѣломъ австрійскаго правительства, на которое впослѣдствіи демократія съ особенной любовью стремилась взвалить всю отвѣтственность. Если бы князь Меттернихъ или австрійское правительство захотѣло призвать вѣрныхъ крестьянъ на помощь противъ революціонной знати, рѣзня не ограничилась бы нѣсколькими округами Галиціи; напротивъ, она повторилась бы въ остальныхъ провинціяхъ, зараженныхъ тѣмъ же самымъ ядомъ".

Особенно богаты сообщенія относительно возстаній въ 1848 и 1863—64 годахъ. Въ обоихъ возстаніяхъ проявляются грубость и насиліе маленькой партіи, которая путемъ террора съумѣла увлечь умѣренныхъ и массу сельскаго населенія. Довольно неудачныя попытки въ духѣ примиренія со стороны генерала фонъ-Виллизена изображаются подробно и согласно съ документами. Умный и благомыслящій человѣкъ уже въ 1830—31 гг. обнаружилъ свою симпатію къ полякамъ. Они дружелюбно встрѣтили его, какъ королевскаго комиссара, и съумѣли совершенно ослѣпить нѣсколько тщеславнаго человѣка.

Но особенно подробны и поучительны сообщенія, касающіяся возстанія въ Польшѣ въ 1863 году. Благомыслящія попытки императора Александра не удались, Велепольскій отстранился. Умѣренная аристократическая партія бѣлыхъ, во главѣ которой стоялъ въ Парижѣ графъ Чарторыскій, была обойдена красными. Послѣдніе путемъ кроваваго террора овладѣли господствующимъ положеніемъ и первое время удерживали его за собой. Русское правительство, какъ и въ

1830 году, дѣйствовало нерѣшительно и первоначально безъ должной энергіи. Въ противномъ случаѣ, возстаніе врядъ ли бы получило такіе размѣры, такъ какъ его вожди не отличались ни умомъ, ни отвагой. Авторъ старается доказать тѣсную связь польской революціи съ общеевропейской революціонной партіей, основанной, будто бы, Мадзини. Затѣмъ онъ даетъ точное, основанное на документахъ изображеніе организаціи и администраціи области, охваченной революціей, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Какъ значительны были финансовыя средства возстанія, на это указываютъ доходы его правительства, которые достигали 168.040.000 гульденовъ. Изъ нихъ 100 милліоновъ были собраны путемъ разграбленія императорскихъ кассъ, насильственнаго сбора податей и штрафовъ. На полицію и шпіоновъ въ Россіи, Австріи и Польшѣ были израсходованы три милліона, на иноземную печать одинъ милліонъ гульденовъ. Даже на организацію флота (!) были брошены $1^1/_2$ милліона.

Насколько активная революціонная партія отказалась отъ своей тайной дѣятельности послѣ подавленія послѣдняго возстанія, это видно изъ манифеста отъ 31-го января 1865 года. Послѣднія слова его гласятъ: „Смерть шпіонамъ и измѣнникамъ, смерть всѣмъ друзьямъ русскихъ, которые за должности, ордена и за угнетеніе польскаго народа лижутъ имъ руки! Народъ! національное правительство извѣщаетъ тебя, что всѣ, кто извлекаетъ пользу изъ теперешняго преобладанія русскихъ и съ ихъ помощью собираетъ проценты и долги,— всѣ будутъ судимы, какъ измѣнники отечеству. Подумай, народъ, что, если ты возстанешь, Богъ будетъ съ тобой и съ Богомъ побѣда". Впрочемъ силы дѣятельной партіи не соотвѣтствовали этому самоувѣренному языку.

Иф...къ.

„П. П. Нѣгошъ. Послѣдній владыка черногорскій". В. Медаковича. Новый Садъ. 1882.

Г. Медаковичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ уже немногихъ лицъ стараго сербскаго поколѣнія, которыя, прослуживъ весь свой вѣкъ сербскому народу въ Черногоріи и княжествѣ, никогда не колебались въ своей вѣрѣ въ Россію, никогда и ни въ какихъ случаяхъ не поддавались обольщеніямъ сѣверо-западныхъ сосѣдей сербскаго племени. Православіе и Россія—вотъ то, что поддерживало бодрый духъ у этихъ людей стараго поколѣнія, что дало имъ силу сохранить въ себѣ частицу того идеала, который хранится въ здоровой массѣ сербскаго народа.—Не таково новое поколѣніе сербской интеллигенціи, складывающееся въ шляхту, весьма похожую на польскую...

Г. Медаковичъ былъ долгое время адъютантомъ и приближеннымъ черногорскаго владыки Петра II Нѣгоша, знаменитаго сербскаго поэта. Теперь онъ живетъ въ Бѣлградѣ. Будучи спутникомъ Петра II

въ его путешествіяхъ и постоянно находясь при владыкѣ втеченіе многихъ лѣтъ, г. Медаковичъ имѣлъ возможность много наблюдать и много видѣть въ Черногоріи и узнать именно то, что другимъ было или недоступно, или мало доступно. Онъ уже давно издалъ двѣ весьма интересныя книги для занимающагося изученіемъ славянъ: „Исторію Черногоріи до 1830 года" (въ Землинѣ, 1850 г.) и „Жизнь и обычаи черногорцевъ" (въ Новомъ Садѣ, 1860 г.). Кромѣ того, онъ составилъ описаніе сербскаго возстанія 1806—1810 гг. по извѣстнымъ запискамъ Дубровина (Устапак србски од 1806—1810 г. Новый Садъ. 1866 г.).

Новая книга г. Медаковича о владыкѣ Петрѣ II, послѣднемъ князѣ-митрополитѣ Черногоріи—(слѣдующій за нимъ князь Данило, какъ извѣстно, былъ уже свѣтскій владѣтель) служитъ нѣкоторымъ продолженіемъ его „Исторіи Черногоріи" до 1830 года.

Вся книга проникнута одной руководящей мыслью: православное юго-славянство всякій разъ, какъ только искало опоры на Западѣ, какъ только поддавалось интригѣ Венеціи, Австріи или Венгріи, тяжело платило за свое уклоненіе съ праваго пути и не получало никакихъ выгодъ,—оно было обманываемо. Г. Медаковичъ въ первой вступительной главѣ своего сочиненія прекрасно поясняетъ свою мысль. Онъ рядомъ историческихъ указаній, заимствованныхъ изъ „Исторіи Черногоріи", характеризуетъ значеніе князей-митрополитовъ этого геройскаго народа, сберегшаго свободу и честь сербскаго племени, съумѣвшихъ соединять вмѣстѣ и качества доблестныхъ военачальниковъ, и обязанности блюстителей православія, которое они сохранили въ народѣ, несмотря на постоянныя усилія Венеціи съ одной стороны, и Турціи съ другой—уничтожить это гнѣздо вольныхъ народовъ.

По мнѣнію г. Медаковича, Черногорія обязана своимъ сохраненіемъ Россіи, и онъ рядомъ примѣровъ указываетъ всю вражду къ ней со стороны Австріи и всѣ заботы о Черногоріи со стороны Россіи. Петръ Великій отыскалъ Черногорію и положилъ начало связи между Россіей и Черногоріей. Характеризуя религіозную твердость черногорцевъ, г. Медаковичъ приводитъ нѣсколько интересныхъ разсказовъ, заимствованныхъ изъ жизни.

Затѣмъ, во второй главѣ, г. Медаковичъ приступаетъ къ изложенію біографическаго очерка и характеристикѣ дѣятельности и личности Петра II. Живой разсказъ г. Медаковича получаетъ особую цѣну, когда онъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ о какомъ нибудь характерномъ случаѣ. И въ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія, авторъ отмѣчаетъ главнѣйшіе случаи сношеній Черногоріи съ Россіей и сообщаетъ много интереснаго и характернаго. Остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ, сообщаемыхъ г. Медаковичемъ. Какъ извѣстно, владыка Петръ II Нѣгошъ былъ хиротонисанъ въ митрополиты въ 1833 г. въ Петербургѣ. Ему въ это время шелъ лишь 22-й годъ. Во время его пребыванія въ Петербургѣ, къ нему однажды является какой-то молодой чело-

вѣкъ и передаетъ большое письмо, запечатанное и адресованное на имя владыки. Затѣмъ пришедшій поклонился и быстро ушелъ. Въ запечатанномъ конвертѣ оказалось 10.000 руб.—безъ всякой записки! Очевидно, неизвѣстный хотѣлъ помочь Черногоріи и притомъ такъ, чтобы пощадить чувства гордаго черногорца во владыкѣ Петрѣ II. Типографія въ Цетиньѣ пріобрѣтена тоже въ 1833 г. на русскія деньги и къ ней былъ представленъ печатникъ русскій. Интересно бы знать, кто онъ былъ, какъ назывался и откуда? Къ сожалѣнію, авторъ книги не даетъ на это отвѣта. Въ 1852 году шрифтъ этой типографіи былъ перелитъ въ пули въ одинъ критическій моментъ.

Вольнолюбивые черногорцы, хотя сами выбрали себѣ владыку Петра II, не были ему вполнѣ послушны, но, по свидѣтельству г. Медаковича, когда владыка, вернувшись изъ Петербурга, привезъ съ собою грамоту отъ государя Николая Павловича къ черногорцамъ, въ которой русскій царь совѣтовалъ народу слушаться своего владыку, дѣла перемѣнились. „Черногорцамъ достаточно было знать, что ихъ господарь былъ въ Россіи и что его одарилъ царь русскій, и они уже вслѣдствіе этого довѣряли ему и слушались, полагая, что такова воля царя русскаго", присоединяетъ авторъ этой книги.

Не могу удержаться, чтобы не привести еще нѣсколько характерныхъ разсказовъ изъ книги г. Медаковича. Въ 1831 году, во время первыхъ попытокъ управиться съ черногорцами со стороны молодаго владыки, пріѣхалъ въ Черногорію изъ Россіи нѣкто Ивановичъ, родомъ изъ Подгорицы, ѣздившій въ Россію получать большое состояніе—въ 400.000 руб., завѣщанныхъ ему однимъ его родственникомъ. Для простыхъ духомъ черногорцевъ довольно было того, что Ивановичъ пріѣхалъ изъ Россіи, чтобы смотрѣть на него съ особеннымъ уваженіемъ. Чтобы увеличить силу и значеніе своихъ приказаній, Петръ II вмѣстѣ съ Ивановичемъ составили грамоту отъ имени русскаго царя къ владыкѣ черногорскому и къ народу, въ которой говорится, что „царь посылаетъ своего вѣрнаго человѣка, Ивановича, въ чинѣ генерала, поручая черногорцамъ вѣрить ему во всемъ, что̀ онъ имъ скажетъ, слушать его, а также и молодаго ихъ господаря, которые вмѣстѣ будутъ дѣйствовать въ пользу Черногоріи и т. д." Къ этой грамотѣ приложили и „большую царскую печать", снявъ ее съ грамоты Петра Великаго.

Но не только Петръ II пользовался подобнымъ образомъ значеніемъ Россіи и русскаго государя въ Черногоріи: къ подобному же способу дѣйствій прибѣгалъ и Петръ I Святой, предшественникъ и дядя Петра II. Въ 1792 году, султанъ Селимъ послалъ въ Черногорію какого-то польскаго графа Вуича склонить владыку признать себя вассаломъ Оттоманской Порты. За это признаніе обѣщано было Черной Горѣ дать Зету—мѣстность, составляющую предметъ давнишнихъ желаній черногорцевъ. Владыка Петръ I отклонилъ „такое—такъ сказать—блестящее предложеніе". Но этимъ дѣло не окончи-

лось: онъ убѣдилъ польскаго графа, служившаго Турціи, ничего не говорить черногорцамъ о такомъ предложеніи со стороны султана, потому что, если они узнаютъ объ этомъ, то убьютъ турецкаго посла. И этимъ не окончился этотъ инцидентъ турецкой политики. Петръ I въ это время сильно заботился о прекращеніи кровной вражды между черногорцами. Кровная месть была обязательнымъ обычаемъ въ ту пору въ этой странѣ и въ сущности она иногда и теперь проявляется въ Черногоріи. Какъ разъ во время пріѣзда графа Вуича въ Цетинье, нѣсколько родовъ черногорскихъ сильно враждовали между собою изъ-за кровной мести, и кровь черногорская лилась въ междуусобной борьбѣ. Владыка воспользовался пріѣздомъ новаго лица въ Черногорію и убѣдилъ графа Вуича выдать себя посланникомъ царя русскаго, пріѣхавшимъ для того, чтобы умиротворить враждующихъ и прекратить безплодную борьбу. Черногорцы смирились и послѣ этого „русскій посланникъ", графъ Вуичъ, спокойно уѣхалъ изъ Черногоріи, въ которую былъ присланъ, чтобы сдѣлать изъ нея турецкую провинцію.

Г. Медаковичъ сообщаетъ нѣсколько фактовъ, освѣщающихъ нѣкоторыя событія изъ жизни Черногоріи въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ обыкновенно. Такъ, весьма распространено мнѣніе, что Бока Которская, занятая черногорцами и адмираломъ Сенявинымъ въ 1807 году, была отдана Австріи, исключительно согласно желанію Александра I. По постановленію Вѣнскаго конгресса Бока Которская дѣйствительно должна была отойти къ Австріи, хотя ее занимали черногорцы. Въ цетинскомъ архивѣ хранится копія одного письма Александра Павловича къ черногорскому владыкѣ, въ которомъ приказывается черногорцамъ отдать Боку Австріи, причемъ русскій императоръ заявляетъ, что австрійскій императоръ обѣщалъ сохранить всѣ привиллегіи жителей этой мѣстности. Письмо это датировано изъ Парижа. Г. Медаковичъ, который интересовался фактомъ и нигдѣ не могъ отыскать оригинала этого письма дѣлаетъ догадку, что это письмо—просто **фальсификатъ**, составленный съ цѣлью подорвать авторитетъ Россіи въ Черногоріи. Дѣло въ томъ, что черногорцы, обыкновенно послушные приказаніямъ, идущимъ отъ русскаго царя, на этотъ разъ поступили иначе: австрійскій генералъ Милутиновичъ лишь силою добился исполненія этого рѣшенія европейскаго конгресса. При томъ ему помогли католическіе жители Боки, заклепавъ орудія, которыми защищались черногорцы, запершіеся въ Которской крѣпости. Владыка Петръ I съ отрядомъ черногорцевъ долженъ былъ бѣжать изъ крѣпости въ Черную Гору. Авторъ разбираемой книги приводитъ и слѣдующее соображеніе: „Безграничное своеволіе черногорцевъ и неправильное отношеніе къ приморцамъ (жителямъ приморскимъ, по берегамъ Адріатики) съ одной стороны, а съ другой старая вражда латинянъ, а особенно сербовъ латинской вѣры, сдѣлали то, что воскресло это старое наше зло,—**несогласіе и взаимная ненависть**. Владыка по-

слалъ Пламенца въ Парижъ къ русскому царю Александру I съ просьбою принять соединенную Боку и Черногорію подъ свое покровительство; но сербы латинской вѣры послали своихъ людей въ Вѣну къ цесарю, прося его принять Боку въ свое владычество, ибо иначе—говорили они—она пропадетъ подъ черногорскимъ управленіемъ. Цесарь охотно на это согласился и еще охотнѣе позаботился удовлетворить этому ихъ желанію. Сербы латинской вѣры дѣлали все возможное, чтобы вытѣснить черногорское управленіе изъ Боки Которской, доказывая, что она не даетъ ручательства за миръ и порядокъ въ этой части приморья. Между этими сербами латинской вѣры были и сербы сербской вѣры, которые очень много содѣйствовали тому, чтобы на конгрессѣ Бока Которская была отдана Цесаріи, а также и тому, чтобы были заклепаны пушки въ крѣпости Котора, когда генералъ Милутиновичъ пришелъ съ войскомъ подъ Которъ" [1]).

Этотъ разсказъ о причинахъ и обстоятельствахъ передачи Боки австрійцамъ видоизмѣняетъ обыкновенное мнѣніе о томъ, что Россія на этотъ разъ выдала черногорцевъ, и отнимаетъ орудіе у тепешнихъ политиковъ, которые теперь часто повторяютъ въ своихъ изданіяхъ на разные лады, что Черногорія, благодаря Россіи, потеряла Которъ и берегъ Адріатики еще въ 1815 году.

Излагая просто и живо свои воспоминанія, а иногда и описывая свое личное участіе въ черногорскихъ дѣлахъ того времени, г. Медаковичъ чрезвычайно ясно изображаетъ вольнолюбивыхъ черногорцевъ, гордыхъ своею независимостью и потому не прощающихъ ничьихъ обидъ. Когда однажды черногорскій скотъ, пасшійся на земляхъ спорныхъ между черногорцами и австрійскими подданными былъ угнанъ австрійцами, черногорцы не смогли простить обиды, хотя Петръ II сначала уладилъ дѣло, такъ что скотъ былъ возвращенъ (австрійцы, однако, удержали нѣкоторое количество скота въ отплату за потери). Несмотря на всѣ старанія владыки Петра II, черногорцы улучили удобное время, произвели нападеніе на нѣкоторыя мѣстности Приморья, разграбили и, такимъ образомъ, отомстили за обиду. Понятно, что австрійское правительство не могло спокойно смотрѣть на подобныя дѣянія сосѣдей, но оно было сильно занято: фактъ случился въ февралѣ 1848 года. Оно боялось, что Черногорія, воспользовавшись смутами въ Австріи, овладѣетъ Приморьемъ, и потому само заговаривало о мирѣ. Петръ II спустился съ своихъ горъ и въ Добротѣ, гдѣ произвели разгромъ мстительные черногорцы, заключенъ былъ договоръ между владыкою и австрійскими властями. Ко-

[1]) Передаю этотъ отрывокъ въ близкомъ переводѣ и для характеристики самаго изложенія книги. Сербы латинской вѣры — католики, сербской вѣры — православные. Австрія извѣстна у сербовъ подъ именемъ Цесаріи, а австрійскій императоръ—цесаря, въ то время когда русскій императоръ зовется царь.

гда владыка, прежде чѣмъ подписалъ договоръ, приказалъ его громко прочесть предъ своею свитою въ присутствіи австрійскихъ властей, одинъ черногорецъ Лазарь Пророковичъ (портретъ этого энергичнаго черногорскаго воеводы приложенъ при книгѣ г. Медаковича), громко протестовалъ противъ разныхъ стѣсненій, предполагавшихся въ этомъ договорѣ, относительно взаимныхъ сношеній черногорцевъ и приморцевъ. И этотъ протестъ черногорца, который наводилъ страхъ на австрійскихъ чиновниковъ, сдѣлалъ то, что всѣ стѣснительныя условія для Черногоріи были вычеркнуты изъ договора, и австрійскія власти оставили все попрежнему, — но за то съ тѣхъ поръ остерегались вызывать черногорскую месть или неудовольствіе. Когда въ 1848 году жители Боки и Дубровника хотѣли завязать болѣе тѣсныя связи съ возставшей Венеціей, нужна была лишь угроза со стороны черногорскаго владыки, которому не нравились эти новые происки католическихъ сербовъ,—и всѣ планы, чтобы въ Дубровникѣ воскресить старое венеціанское господство,—рухнули.

Интересенъ еще фактъ, сообщаемый авторомъ этой книги, что черногорскій владыка въ 1848 году думалъ воспользоваться замѣшательствомъ въ Австріи и велъ переписку съ сербскимъ княземъ Александромъ Карагеоргіевичемъ о томъ, что бы можно было сдѣлать относительно сербскихъ земель въ Турціи. Владыкѣ совѣтовали присоединить къ Черногоріи Герцоговину или подумать о Приморьѣ. Но владыка черногорскій не хотѣлъ начинать дѣла безъ Сербіи. Переписка его съ княземъ сербскимъ не привела ни къ какимъ результатамъ, по словамъ г. Медаковича, ибо тогда въ Сербіи царили австрійскія вѣянія, и князь Александръ въ своихъ письмахъ „старался владыку и черногорцевъ отвратить отъ Россіи". Слѣдуетъ замѣтить, что Петръ II ясно понималъ значеніе албанцевъ для сербовъ и мечталъ сблизиться съ ними и воспользоваться ихъ смѣлостью и мужествомъ для расширенія предѣловъ своего княжества.

Какъ извѣстно, Петръ II принадлежитъ къ числу лучшихъ поэтовъ въ сербской литературѣ. Его „Горскій вѣнецъ"—высоко-поэтическое произведеніе въ народномъ духѣ, на которомъ воспитывалось поколѣніе сербовъ. Г. Медаковичъ, которому владыка читалъ свои произведенія въ рукописи, разъясняетъ нѣсколько интересныхъ недоразумѣній, возникшихъ въ недавнее время относительно одного произведенія хорватскаго поэта, Ивана Мажуранича. Извѣстно, что хорваты очень высоко цѣнятъ поэму Мажуранича: „Смерть Смаилъ-аги Ченгича [1]". Между тѣмъ однимъ изъ сербскихъ литераторовъ былъ поднятъ вопросъ, принадлежитъ ли перу Мажуранича эта поэма, при чемъ она приписывалась Петру II Нѣгошу. Г. Медаковичъ, которому владыка-поэтъ не разъ читалъ свои произведенія, прямо заявляетъ,

[1]) Это произведеніе имѣется въ русской литературѣ въ двухъ или трехъ переводахъ. См. „Славянскіе поэты", сборникъ Гербеля.

что эта поэма и не можетъ быть плодомъ пера Петра II: владыка-поэтъ никогда ничего подобнаго не читалъ. Кромѣ того, Смаилъ-ага былъ убитъ по стараніямъ Петра II—нѣкимъ черногорцемъ Новицей (ему и въ поэмѣ приписывается это убійство), котораго послѣ владыка богато вознаградилъ за геройство и смѣлость при исполненіи предпріятія. Нужно немного перенестись мыслью въ обстановку Черной Горы и въ ея положеніе, чтобы убійство, подобное этому, не казалось нисколько не оправдываемымъ: дикая борьба съ дикимъ непріятелемъ вызывала и дикія предпріятія и убійства. Г. Медаковичъ подробно описываетъ этотъ фактъ, подавшій сюжетъ хорватскому поэту для одного изъ лучшихъ произведеній хорватской литературы (стр. 93—95). Эта книга г. Медаковича вноситъ много новаго матеріала въ исторію времени Петра II Нѣгоша, митрополита и князя Черногоріи, знаменитаго сербскаго пѣвца. Для историка, изучающаго отношенія Черногоріи къ Россіи въ послѣднія десятилѣтія, она дастъ нѣсколько интересныхъ указаній и наведетъ на нѣкоторыя соображенія. Авторъ поклонникъ Петра II и потому самъ онъ очарованъ его личностью, но онъ не скрываетъ личныя черты характера Петра II, несовсѣмъ приносящія его герою честь. Для полной характеристики этого замѣчательнаго владыки слѣдуетъ лишь сопоставить книгу г. Медаковича съ „Письмами изъ Неаполя" Любомира Ненадовича, сопровождавшаго владыку во время его посѣщенія Италіи въ 1851 году, вышедшія теперь вторымъ изданіемъ, какъ 2-й выпускъ собранія сочиненій Ненадовича, а также третій выпускъ, въ которомъ напечатаны его же письма изъ Цетинья въ 1878 году, весьма интересныя для общей характеристики черногорцевъ.

Г. Медаковичъ обѣщаетъ выпустить еще книгу, въ которой опишетъ событія княженія Даніила, предшественника нынѣшняго князя Черногоріи, Николая I.

П. Кулаковскій.

HISTORISCHES TASCHENBUCH. SECHSTE FOLGE. ERSTER JAHRGANG. LEIPZIG. 1882.

Въ Лейпцигѣ впродолженіе уже пятидесяти лѣтъ выходитъ въ свѣтъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ „Historisches Taschenbuch". Этотъ историческій журналъ былъ основанъ знаменитымъ нѣмецкимъ историкомъ Раумеромъ, а нынѣ редакторомъ его состоитъ Вильгельмъ Мауербрекеръ, а издатель — извѣстная лейпцигская книгопродавческая фирма Брокгаузъ. Въ изданіи этомъ, — на что, впрочемъ, указываетъ и самое его названіе, — не помѣщаются обширныя изслѣдованія, но печатаются относительно небольшія статьи, посвященныя исторической обработкѣ какого либо событія, лич-

ности, или эпохи. Статьи эти касаются исторіи всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ, а потому въ означенномъ изданіи встрѣчаются статьи, касающіяся исторіи Россіи, преимущественно же исторіи XVIII столѣтія. Такъ, въ послѣдней книжкѣ упомянутаго изданія, между прочимъ, помѣщена статья извѣстнаго марбургскаго профессора Эрнста Германа подъ заглавіемъ: „Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth“ (Русскій дворъ при императрицѣ Елизаветѣ). Статья эта, по нашему мнѣнію, имѣетъ довольно странную задачу, получающую особое значеніе въ настоящее время. Нѣмецкій профессоръ начинаетъ ее заявленіемъ, что каждый мыслящій наблюдатель неизбѣжно долженъ обратить вниманіе на причины той заразы, которая препятствуетъ правильному развитію европейской цивилизаціи въ Россіи и которая въ послѣдніе годы обнаруживается все рѣзче и рѣзче, производя въ нашемъ государственномъ организмѣ болѣзненныя явленія, имѣющія свой корень въ русскомъ нигилизмѣ. Онъ полагаетъ, что развитію нигилизма содѣйствовали не самовластіе, не дурное управленіе, но что произвела ихъ наша сонливость по части просвѣщенія, и г. Германъ пытается объяснить это, съ нѣмецкой точки зрѣнія, тѣмъ, что послѣ Петра Великаго никто изъ коренныхъ русскихъ не продолжалъ съ усердіемъ начатаго Петромъ дѣла. Короче сказать, онъ проводитъ, въ сущности, ту мысль, что если бы Россіей заправляли нѣмцы, то все обстояло бы благополучно. Странное дѣло: въ то время, когда мы, русскіе, жалуемся на преобладаніе у насъ нѣмцевъ, почтенный профессоръ находитъ, что усиленіе такого преобладанія послужило бы намъ на пользу. Посмотримъ, однако, на доводы, приводимые г. Германомъ въ подтвержденіе этой мысли.

По мнѣнію его, такіе случайные выскочки изъ природныхъ русскихъ, какимъ былъ князь Меньшиковъ, а равно и такіе родовитые временщики, какими при Петрѣ II были князья Долгорукіе, отличались непримиримою ненавистью къ иностранцамъ, преимущественно же къ нѣмцамъ, не столько въ силу нерасположенія ихъ къ иноплеменникамъ, сколько вслѣдствіе того, что эти послѣдніе, по своему образованію, могли заградить имъ дорогу къ власти. Допустимъ, впрочемъ, что это вполнѣ вѣрно, но замѣтимъ, что господство Меньшикова и Долгорукихъ было такъ непродолжительно, что оно не могло оставить послѣ себя такихъ вліятельныхъ слѣдовъ, которые, такъ или иначе, были бы замѣтны послѣ ихъ личнаго исчезновенія. Наиболѣе видными и полезными для Россіи дѣятелями изъ иноземцевъ г. Германъ выставляетъ, совершенно основательно, Остермана и Миниха. Что же касается Бирона, то г. Германъ въ заслугу этому могущественному временщику ставитъ то, что онъ съумѣлъ подавить олигархическія стремленія русской знати. Виновниками же провозглашенія герцога курляндскаго регентомъ Россійской имперіи онъ выставилъ коренныхъ русскихъ: Алексѣя Бестужева-Рюмина, князя Черкасскаго, князя Трубецкаго, князя Куракина и Ушакова. Думается,

однако, намъ, что все это едва ли можетъ быть въ какой либо связи съ нынѣшнимъ нашимъ нигилизмомъ. Но кромѣ того, г. Германъ полагаетъ, будто бы главнымъ образомъ почву для русскаго нигилизма подготовило двадцатилѣтнее царствованіе Елизаветы, т. е. та пора, когда иностранцы были удалены отъ прямаго участія въ государственныхъ дѣлахъ Россіи, а государыню окружали русскіе люди. Здѣсь соображеніямъ г. Германа можно опять противопоставить то замѣчаніе, какое было сдѣлано выше, а именно, что царствованіе Елизаветы не оставило никакихъ существенныхъ началъ для развитія политической жизни Россіи, — такихъ началъ, которыя могли бы отразиться въ настоящее время въ видѣ нигилизма. Мы думаемъ насчетъ этого нѣсколько иначе, такъ какъ царствованіе Елизаветы отличалось весьма замѣтнымъ вліяніемъ православнаго духовенства, а такое вліяніе едва ли могло быть зародышемъ нигилизма. Тридцатишестилѣтнее царствованіе Екатерины II нельзя никакъ назвать временемъ развитія русско-народныхъ началъ, такъ какъ при ней образцы государственнаго нашего устройства, основы нашего образованія и вся обстановка общественной и домашней жизни заимствованы изъ-чужа, такъ, что тѣ русско-нигилистическіе зачатки, которые могли бы взойти на почвѣ, подготовленной при Елизаветѣ, должны были бы заглохнуть.

О послѣдующихъ временахъ говорить излишне, если допустить, согласно основной мысли марбургскаго профессора, что, пожалуй, и императоръ Николай, поставившій краеугольнымъ камнемъ нашей политической жизни: „православіе, самодержавіе и народность" подготовилъ тѣмъ самымъ развитіе русскаго нигилизма. Вообще, намъ кажется, что желаніе г. Германа доказать историческимъ путемъ то положеніе, будто бы ослабленіе участія иностранцевъ въ нашихъ государственныхъ дѣлахъ повело русскихъ къ нигилизму — крайне несостоятельно. На этотъ вопросъ надобно взглянуть иначе, изучивъ нашу жизнь гораздо глубже и разностороннѣе, нежели могъ сдѣлать это нѣмецкій профессоръ, хотя и заслуживающій полнаго уваженія за его ученые труды по части русской исторіи.

При составленіи той статьи, о которой у насъ идетъ теперь рѣчь, г. Германъ пользовался весьма важными источниками, а именно: донесеніями бывшихъ въ Петербургѣ саксонскихъ посланниковъ: Петцольда, Герсдорфа, Функе и Прассе. Если донесенія перваго изъ упомянутыхъ лицъ у насъ теперь болѣе или менѣе извѣстны по русскимъ изданіямъ, то донесенія остальныхъ или, въ данномъ случаѣ, сдѣланныя изъ нихъ г. Германомъ позаимствованія, представляются болѣе или менѣе любопытной новинкой, но они въ изложеніи г. Германа сливаются большею частію въ общей связи событій и въ общей характеристикѣ лицъ, такъ что трудно выдѣлить ихъ особнякомъ. Статья г. Германа заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что въ ней отчетливо обрисовываются интриги, происходившія при дворѣ Елиза-

веты, и сверхъ того подробно указываются тѣ отношенія, въ какихъ находился графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и къ ея матери, принцессѣ Елизаветѣ Ангальтъ-Цербтской.

Къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ вступленіе на престолъ Елизаветы, г. Германъ не прибавляетъ ничего новаго, замѣчая только, что послѣ этого императрица дала всѣмъ представителямъ иностранныхъ державъ одну общую аудіенцію, и лишь Шетарди былъ принятъ особо, что и заставило многихъ догадываться о тѣхъ услугахъ, какія втайнѣ оказалъ маркизъ царицѣ. Говоря о приговорѣ надъ сторонниками принцессы Анны Леопольдовны, г. Германъ обращаетъ особенное вниманіе на первенствовавшихъ представителей тогдашней нѣмецкой партіи—Остермана и Миниха, и приписываетъ ихъ гибель чувству той зависти, какую питали къ первому изъ нихъ князь Никита Трубецкой и графъ Алексѣй Бестужевъ. Эти два лица умѣли, по словамъ г. Германа, побороть, при помощи Лестока, врожденное Елизаветѣ милосердіе, и она, съ своей стороны, не приняла во вниманіе заслугъ, оказанныхъ Россіи этими знаменитыми иноземцами.

Далѣе г. Германъ говоритъ, что въ первое время по воцареніи Елизаветы произошло въ отправленіи государственныхъ дѣлъ такое замѣшательство, что, по приводимой имъ нѣмецкой поговоркѣ, нельзя было узнать, кто завѣдуетъ кухнею и кто—погребомъ. Вице-канцлеръ Бестужевъ говорилъ Герсдорфу: „легкость переворотовъ поставила Россію въ бѣдственное положеніе; нельзя ручаться, что правительство просуществуетъ 24 часа, и если не примутся за дѣла какъ слѣдуетъ, то все пойдетъ вверхъ дномъ". При неспособности канцлера князя Черкаскаго, уклонившагося притомъ отъ всякихъ обсужденій по общимъ государственнымъ дѣламъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой задумалъ прибрать всю власть къ своимъ рукамъ. По разсказу Германа, значеніе Трубецкаго усилилось въ особенности во время коронаціи императрицы. Онъ былъ назначенъ на это время оберъ-маршаломъ и, при устройствѣ празднествъ и увеселеній во вкусѣ Елизаветы Петровны, имѣлъ множество случаевъ заслужить ея благорасположеніе. Кромѣ того, онъ разными мелкими услугами и одолженіями, какъ оберъ-маршалъ, расположилъ къ себѣ дамъ, окружавшихъ императрицу, и среди нихъ особенно вліятельныхъ на нее: графиню Чернышеву и Мавру Егоровну Шувалову. Между тѣмъ, какъ передаетъ г. Германъ, Трубецкой оставлялъ въ сторонѣ множество полезныхъ предначертаній и начинаній только потому, что они исходили отъ иностранцевъ. Господствуя въ сенатѣ, Трубецкой хотѣлъ удержать за этимъ учрежденіемъ всѣ отрасли государственнаго управленія, чтобы самому остаться во главѣ ихъ, и потому отклонялъ государыню отъ учрежденія министерствъ, которыя могли бы завѣдывать ими самостоятельно. Кромѣ того, онъ старался при-

влечь на свою сторону духовенство и офицеровъ. Между тѣмъ, сама государыня имѣла слишкомъ смутныя понятія о государственныхъ дѣлахъ, да и не желала заниматься ими. При такихъ условіяхъ, всѣ вдавались въ интриги и враждовали другъ съ другомъ. Всѣ думали только о томъ, какъ бы подластиться къ государынѣ и пріобрѣсти ея благосклонность, преимущественно черезъ любимца ея, Алексѣя Разумовскаго.

Что касается внѣшней политики, то въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій Елизаветы, по замѣчанію г. Германа, шелъ въ-разрѣзъ предначертаніямъ Петра Великаго, такъ какъ императрица сообразовалась не столько съ выгодами государства, сколько съ своими личными чувствами и увлеченіями, а между тѣмъ министры ея хлопотали о томъ, чтобъ поступить на жалованье той или другой иностранной державы. При Елизаветѣ дипломатическими дѣлами первоначально завѣдывалъ Лестокъ, а потомъ Бестужевъ и, наконецъ, пріобрѣтавшій все бóльшую и бóльшую силу Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. Лестокъ, съ своей стороны, занимался сперва примиреніемъ Россіи со Швеціею, а потомъ устройствомъ престолонаслѣдія.

18-го ноября 1742 года, пріѣхавшій въ Москву изъ Киля, столицы герцогства голштинскаго, племянникъ Елизаветы Петровны, Петръ-Ульрихъ, герцогъ Голштинскій, принялъ въ дворцовой церкви православіе. О назначеніи его наслѣдникомъ русскаго престола не зналъ предварительно никто ни изъ сенаторовъ, ни изъ вельможъ, и они были очень раздражены тѣмъ, что такое назначеніе совершилось вовсе безъ ихъ вѣдома. Хотя они по поводу этого не высказывали никакого неудовольствія, но такое чувство можно было прочесть на ихъ лицахъ. Довѣренными людьми императрицы въ настоящемъ случаѣ были только Лестокъ, голштинскій оберъ-гофмаршалъ Брюммеръ и архіепископъ новгородскій Амвросій Юшкевичъ, который, какъ замѣчаетъ г. Германъ, при всѣхъ происходившихъ въ его время переворотахъ былъ настоящимъ флюгеромъ. Даже съ генералъ-прокуроромъ княземъ Трубецкимъ Елизавета заговорила о наслѣдникѣ только за два дня до его объявленія, и то лишь потому, что нужно было приготовить соотвѣтствующій манифестъ. При этомъ государыня угрожала Трубецкому своимъ гнѣвомъ, въ случаѣ если онъ какъ нибудь промолвится о данномъ ему порученіи.

Что касается брака наслѣдника престола, то и насчетъ этого дѣло велось въ глубочайшей тайнѣ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Герсдорфомъ, отъ 1-го февраля 1744 года, оберъ-гофмаршалъ Брюммеръ склонилъ императрицу въ пользу принцессы ангальтской, дочери прусскаго фельдмаршала и штетинскаго губернатора и урожденной принцессы голштинской, старшей сестры наслѣдника шведскаго престола. Такъ какъ вслѣдствіе близкаго родства между женихомъ и невѣстою, т.-е. между двоюродными братомъ и сестрою, бракъ ихъ не согласовался съ уставомъ православной церкви, то синодъ

далъ на совершеніе его, какъ брака, выходившаго изъ общихъ правилъ, особое разрѣшеніе.

Между тѣмъ при дворѣ императрицы интриги шли своимъ чередомъ. Ихъ вели противъ вице-канцлера Бестужева французскій посолъ, маркизъ де-ла-Шетарди, Лестокъ, Брюммеръ, принцесса ангальтъ-цербстская и прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ. Но Бестужевъ, перехватывавшій шифрованную переписку Шетарди, успѣлъ обнаружить и разстроить ихъ козни. Послѣ того Лестокъ въ союзѣ съ генералъ-прокуроромъ, княземъ Трубецкимъ и Ушаковымъ принялся дѣйствовать противъ вице-канцлера, и для погибели его они сочинили заговоръ Ботты противъ императрицы, съ цѣлью возвести снова на русскій престолъ браувшвейгскую фамилію. Однако, замыслы враговъ Бестужева не только не удались, но, напротивъ, онъ еще болѣе возвысился, такъ какъ, при празднованіи въ Москвѣ Абовскаго мира, онъ, 15-го іюля 1744 года, сдѣланъ былъ канцлеромъ на мѣсто умершаго, въ ноябрѣ 1742 года, князя Черкасскаго. Теперь Бестужевъ, въ свою очередь, направилъ интриги противъ своихъ враговъ и повелъ дѣло такъ, что нерасположенная къ нему принцесса Елизавета ангальтъ-цербстская была удалена изъ Петербурга, а оберъ-гофмаршалъ Брюммеръ былъ поставленъ въ такое стѣсненное положеніе, что порою не зналъ, гдѣ бы достать ему сотню рублей. Затѣмъ, желая уничтожить вліяніе при дворѣ императрицы партій голштинской и цербстской, Бестужевъ задумалъ было разстроить бракъ наслѣдника съ Екатериной и высватать великому князю польско-саксонскую принцессу. Когда же предположенный бракъ совершился и ему удалось выжить поскорѣе изъ Россіи мать-принцессу, то онъ подчинилъ своему надзору молодую чету и ея дворъ и удалилъ въ Голштинію Брюммера и камергера Беркгольца, подъ вліяніемъ которыхъ находился великій князь. Бестужевъ встрѣчалъ для себя сильную поддержку въ Разумовскихъ, а на дочери одного изъ нихъ, въ 1747 году, женился его сынъ. Слѣдствіемъ этого было то, что канцлеръ сдѣлался однимъ изъ постоянныхъ гостей императрицы, что̀ давало ему возможность бесѣдовать съ нею частнымъ образомъ, не обременяя ее оффиціальными докладами, до которыхъ она была такая неохотница. Пользуясь этимъ, а также и продолжительнымъ пребываніемъ за-границею вице-канцлера Воронцова, Бестужевъ успѣлъ захватить въ свои руки всѣ иностранныя дѣла. Воронцовъ же, по возвращеніи изъ-за-границы, потерялъ въ отношеніи ихъ свое прежнее значеніе и, казалось, что онъ былъ не болѣе, какъ только послушнымъ ученикомъ Бестужева.

Послѣ того какъ канцлеръ отдалилъ отъ великокняжескаго двора всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, какъ онъ видѣлъ, могли имѣть вліяніе на Петра и Екатерину, онъ счелъ за нужное сблизиться непосредственно съ наслѣдникомъ и его супругою, ясно сознавая ту пользу, какую могло принести ему впослѣдствіи это сближеніе, особенно въ

виду тѣхъ недуговъ, которыми все сильнѣе и все чаще начала страдать старѣвшая императрица.

Для поясненія этого сближенія, а также въ виду встрѣчающейся односторонности въ сочиненіяхъ покойныхъ Соловьева и Пекарскаго, г. Германъ воспользовался происходившею въ 1754 и 1755 годахъ, неизвѣстною въ нашихъ печатныхъ источникахъ перепискою между Функе и Брюлемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перепискою канцлера Бестужева съ великою княгинею и ея матерью. На основаніи этой переписки, г. Германъ сообщаетъ:

1) Что канцлеръ, еще въ началѣ 1754 года, убѣдившись въ неумѣніи наслѣдника управлять герцогствомъ Голштинскимъ, положилъ устроить такъ, чтобы всѣ заботы по этой части перешли къ великой княгинѣ.

2) Что канцлеръ считалъ такой оборотъ дѣла первымъ шагомъ къ тому, чтобъ подготовить Екатерину быть впослѣдствіи самодержавной русской государыней.

3) Что онъ, предвидя могущія быть случайности въ отношеніи голштинскихъ дѣлъ, рѣшился преодолѣть упорство Петра Ѳедоровича, т. е. достигнуть желаемаго королемъ датскимъ соглашенія съ герцогомъ голштинскимъ относительно разграниченія ихъ обоюдныхъ владѣній.

4) Что камергеръ Сергѣй Салтыковъ, заставившій такъ много говорить о себѣ въ 1754 году, былъ обязанъ канцлеру своимъ положеніемъ при великокняжескомъ дворѣ.

Обращаясь, въ частности, къ перепискѣ Функе съ Брюлемъ, г. Германъ указываетъ на то, что изъ депеши Функе къ Брюлю изъ Москвы, отъ 25-го апрѣля 1754 года, видно, что бывшіе прежде непріязненныя отношенія между канцлеромъ и Екатериною совершенно прекратились еще за полтора года до означеннаго въ депешѣ числа; что Екатерина, при всемъ своемъ твердомъ и рѣшительномъ характерѣ, видя то значеніе, какимъ пользовался канцлеръ у императрицы, постаралась сойтись съ нимъ и послѣ того не дѣлала ничего, не посовѣтовавшись съ нимъ предварительно. Съ своей стороны, Бестужевъ далъ ей возможность вести съ ея матерью переписку, прекратившуюся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и вслѣдствіе всего этого утвердилась самая прочная и самая искренняя дружба между великою княгинею и канцлеромъ, причемъ дѣло устроилось такъ, что корреспонденція между матерью и дочерью, съ разрѣшенія графа Брюля, пересылалась черезъ саксонское посольство, бывшее въ Россіи.

Останавливаясь нѣкоторое время на политическихъ дѣлахъ, которыя, по справедливому замѣчанію г. Германа, могли имѣть впослѣдствіи чрезвычайно важное политическое значеніе для Россіи, и которыя Бестужевъ называлъ вторымъ изданіемъ отношеній Ганновера къ Англія, г. Германъ указываетъ на участіе въ нихъ канцлера и приводитъ относящееся къ нимъ письмо Екатерины къ ея матери, отъ

7-го (18-го) марта 1755 года. Въ этомъ письмѣ Екатерина сообщаетъ, что великій князь всѣ голштинскія дѣла передалъ въ ея руки и что она будетъ стараться устроить ихъ сколь возможно лучше при помощи своихъ друзей. „Когда я говорю о моихъ друзьяхъ,—продолжаетъ Екатерина — то само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ занимаетъ первое мѣсто великій канцлеръ. Онъ можетъ разсчитывать на мою благодарность до самой моей смерти. Дружба его—не то, что дружба другихъ людей; онъ доказываетъ ее не на словахъ, а на дѣлѣ. Я не сомнѣваюсь, дорогая матушка, что вы его любите, но могу увѣрить васъ, что если бы ваше высочество могли знать въ подробностяхъ наши отношенія, вы уважали и почитали бы его, какъ отца". Въ этомъ же письмѣ она увѣдомляетъ мать о посылкѣ къ ней, съ извѣщеніемъ о рожденіи внука, камергера Сергѣя Салтыкова, который, по словамъ Екатерины, можетъ сообщить ея родительницѣ всѣ подробности. Похвальные отзывы Екатерины о Бестужевѣ будутъ вполнѣ понятны, если сообразить, что канцлеръ, послѣ рожденія ею сына, сталъ еще усерднѣе думать не только о томъ, чтобы поставить ее въ независимое положеніе, но и о томъ, чтобы предоставить ей верховную власть, отдаливъ отъ престола ея супруга. Изъ дипломатической переписки, разсмотрѣнной г. Германомъ, оказывается, что несогласія между Петромъ и Екатериною начались спустя лишь полтора года послѣ ихъ брака и что взаимныя ихъ отношенія и образъ ихъ жизни предвѣщали, что согласія между ними никогда существовать не можетъ.

Говоря о современномъ царствованію Елизаветы нравственномъ состояніи Россіи, г. Германъ справедливо указываетъ на развращенность тогдашняго высшаго русскаго общества, нравственные недостатки котораго усвоивалъ себѣ и весь личный служебный составъ. При этомъ наиболѣе вредный примѣръ подавала сама Елизавета. Понятно, что если высшіе сановники и служившіе государству люди забывали о своихъ обязанностяхъ, то нравственное развитіе народа не могло получить хорошаго направленія. Недостатки внутренней управы не только не были устранены при Елизаветѣ, но все болѣе и болѣе въѣдались въ государственный организмъ. Пороки высшаго круга распространились на низшія сословія. Мѣры, которыя предпринимались, повидимому, для блага народа, не имѣли никакого существеннаго значенія и могли удовлетворять только пустыхъ говоруновъ, а преимущества и богатства, доставшившіяся на долю сильныхъ людей, ложились на народъ тяжелымъ бременемъ.

До какой степени среди служащихъ лицъ была развита испорченность, можно заключить изъ депеши польско-саксонскаго посла Функе, отъ 23-го октября 1752 года. Великій канцлеръ въ своихъ откровенныхъ разговорахъ съ Функе горько и много разъ жаловался на свои громадные расходы въ Петербургѣ и на тѣ особыя затраты, которыя онъ долженъ будетъ сдѣлать при предстоящей ему поѣздкѣ въ

Москву. Бестужевъ говорилъ, что онъ и вице-канцлеръ принуждены будутъ обратится къ императрицѣ съ просьбою объ оказаніи имъ чрезвычайной милости. Онъ говорилъ Функе, что при получаемыхъ имъ, канцлеромъ, 7.000 рубляхъ ежегоднаго содержанія, съ добавкою около 8.000, которыя поступаютъ къ нему съ пожалованныхъ имѣній, ему, какъ первому министру, нечѣмъ жить. Еще труднѣе было ему выпутаться изъ большихъ долговъ, а при поѣздкѣ въ Москву, справиться съ своими мелкими кредиторами. Бестужевъ объяснялъ своему старому другу Функе, что онъ, великій канцлеръ, въ сущности банкротъ, что все, что у него было, заложено; и если бы ему пришлось занять теперь 100 червонцевъ, то онъ не зналъ, какъ это ему сдѣлать. Бестужевъ говорилъ, что онъ не хочетъ грабить подданныхъ ея величества, какъ это дѣлаютъ его сотоварищи по службѣ. Отъ этого Боже его упаси! Если же бы онъ захотѣлъ употребить недозволенныя средства, то онъ давно могъ бы быть богатымъ человѣкомъ. О такомъ способѣ обогащенія ему, по его словамъ, ежедневно твердятъ представители иностранныхъ державъ, а именно — Пруссіи и Франціи. Между тѣмъ, онъ постоянно соблюдаетъ одно и то же правило—поддерживать естественныхъ друзей Россіи, и такое правило онъ будетъ соблюдать всегда. Подавленный же теперь нуждою, онъ долженъ просить Функе—сообщить графу Брюлю, а также австрійскому послу Претлаку и англійскому посланнику Гюи Диккенсу, что вынужденъ, какъ убогій попрошайка, прибѣгать къ сбору подаяній отъ тѣхъ дворовъ, интересы которыхъ онъ защищалъ не изъ какихъ либо личныхъ выгодъ, но для выгодъ императрицы и своего отечества. Полагаясь на скромность Функе, Бестужевъ откровенно сообщилъ ему, что онъ, канцлеръ, позаимствовалъ тайкомъ изъ почтовыхъ суммъ 2.000 рублей, назначенныхъ на особые расходы, и что если бы онъ въ состояніи былъ пополнить эту сумму, то благодарилъ бы Бога и могъ бы спокойно спать, безъ угрызенія совѣсти. Тогда онъ былъ бы покорнымъ, и вѣрнымъ, и преданнымъ слугою короля польскаго, которому, впрочемъ, онъ и безъ того много обязанъ. Хотя онъ получилъ достаточно милостей и отъ римско-императорскаго двора, но тѣмъ не менѣе онъ льститъ себя надеждою, что при посредствѣ Функе ему будетъ и отъ этого двора оказано новое пособіе подъ рукою. Онъ не знаетъ, что̀ онъ можетъ получить отъ щедротъ короля англійскаго, но знаетъ онъ одно, что лишь такое пособіе можетъ спасти его.

Въ то же время онъ просилъ и императрицу объ оказаніи ему денежнаго вспомоществованія.

Вдобавокъ къ этому, г. Германъ разсказываетъ и о поступкахъ ближайшаго къ Бестужеву лица—его секретаря, Волкова, заправлявшаго всѣми дѣлами канцлера, а также пользовавшагося особымъ расположеніемъ императрицы.

Въ одинъ-день Волковъ вдругъ исчезъ. Говорили, что онъ сдѣ-

лался нездоровъ и вслѣдствіе этого, по совѣту врача, долженъ оставаться безвыходно дома. Когда же канцлеръ навелъ справки, то оказалось, что секретарь его въ этотъ день рано утромъ сѣлъ въ сани и уѣхалъ, но куда—объ этомъ не знали ни его жена, ни его домашніе. Послѣ оказалось, что Волковъ, ведшій роскошную жизнь, надѣлалъ множество долговъ и захотѣлъ спастись бѣгствомъ отъ преслѣдованія своихъ кредиторовъ. Въ особенности разстроила его дѣла неудачная карточная игра, отъ которой въ ту пору раззорялись въ конецъ многіе, преимущественно же молодые люди, и которой предавался Волковъ на-пролетъ цѣлыя ночи. Онъ, какъ оказалось, направился въ Пруссію и надѣялся, открывъ тамъ извѣстныя ему самыя важныя государственныя тайны, пріобрѣсти защиту и покровительство прусскаго короля.

Хотя Волковъ и былъ пойманъ на дорогѣ двумя сержантами, но такой поступокъ сошелъ ему счастливо. Онъ не былъ посаженъ даже въ крѣпость, но находился нѣкоторое время подъ арестомъ на дворцовой гаубтвахтѣ, и затѣмъ императрица, безъ всякаго наказанія, отправила его снова къ канцлеру на службу. Мало того, императрица даже хотѣла заплатить долги Волкова, но забыла объ этомъ, и тогда составилась подписка въ пользу Волкова. По предложенію канцлера, Гюи Диккенсъ далъ 600, а англійскій резидентъ баронъ Вольфъ 400 рублей. Съ своей стороны и Функе помогъ Волкову, какъ человѣку ему весьма пригодному.

Далѣе г. Германъ довольно подробно разсказываетъ о переселеніи австрійскихъ сербовъ въ предѣлы Россіи и при этомъ указываетъ на запутанность этого дѣла, въ которомъ, будто бы, проявлялись признаки русскаго панславизма.

Положеніе Россіи въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы г. Германъ выставляетъ въ весьма непригляднокъ свѣтѣ, съ чѣмъ, впрочемъ, согласны и извѣстія такихъ замѣчательныхъ современныхъ той порѣ русскихъ людей, какими были историкъ князь Щербатовъ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ, отзывавшійся въ запискѣ, представленной имъ впослѣдствіи Екатеринѣ II, очень неблагопріятно объ елизаветинскомъ времени. Съ своей стороны, г. Германъ приводитъ слѣдующее извлеченіе изъ депеши Функе къ графу Брюлю, отъ 4-го ноября 1754 года: „Съ прискорбіемъ долженъ я сообщить вамъ, что среди заказныхъ забавъ и увеселеній, въ которыхъ должны участвовать всѣ и въ которыхъ находятъ для себя удовольствіе только молодые любимцы и царедворцы, никто не дошелъ до того, чтобы могъ думать о чемъ нибудь иномъ. Въ собраніяхъ сената и коллегій днемъ всѣ спятъ, а затѣмъ, по указу, танцуютъ съ вечера и до утра. Семейство Шуваловыхъ господствуетъ одно исключительно; оно всѣмъ завѣдуетъ, управляетъ и развлекаетъ императрицу, подобно тому, какъ нѣкогда Долгорукіе развлекали молодаго императора Петра II; оно

окружило себя такимъ лагеремъ, черезъ который нѣтъ къ государынѣ доступа никому другому".

Все это совершенно справедливо, но все-таки статья г. Германа, не лишенная, какъ мы видѣли, нѣкоторыхъ любопытныхъ частностей, не доказываетъ нисколько, что почва для современнаго намъ русскаго „нигилизма" была подготовлена еще въ царствованіе Елизаветы. Въ виду этого, мы полагаемъ, что почтенный марбургскій профессоръ, разработывая архивныя свѣдѣнія о Россіи, безъ всякихъ натяжекъ, принесъ бы гораздо болѣе пользы нашей исторіи, нежели составлять статьи, направляемыя къ какимъ либо слишкомъ шаткимъ и, можно даже сказать, къ ложнымъ выводамъ.

Въ той же книжкѣ журнала „Taschenbuch", о которой мы теперь говорили, помѣщены: историческо-дипломатическое изслѣдованіе берлинскаго профессора Гарри Бреслау, подъ заглавіемъ „Письма изъ шкатулки королевы Маріи Стюартъ"; „Лордъ Болинброкъ"; статья лейпцигскаго профессора Казлея фонъ-Норденъ; статья государственнаго архиваріуса въ Мюнстерѣ, Людвига Келлера, озаглавленная: „Къ вопросу о католической реформаціи въ восточной Германіи 1530—1534", „Инквизиціонный процессъ въ 1568 году", заимствованный изъ венеціанскихъ актовъ бонскимъ профессоромъ Бенратомъ; „Тяжба Пака", дополненіе къ исторіи герцога саксонскаго Георга, статья умершаго въ Лейпцигѣ Вильгельма Шомбурга; „Аугсбургскій религіозный миръ въ 1555 году",—профессора бонскаго университета Морица Риттера; „Объективность историка"—разсужденіе тоже бонскаго профессора Мауербрехера и, вдобавокъ ко всему этому, статья г. Германа, о которой, какъ о статьѣ, касающейся Россіи, мы нашли нужнымъ представить особый отчетъ. Затѣмъ всѣ упомянутыя выше статьи не могутъ имѣть для „Историческаго Вѣстника", какъ русскаго изданія, никакого особеннаго значенія и оказываются сухими, между прочимъ даже и статья о письмахъ Маріи Стюартъ, заключающая въ себѣ главнымъ образомъ сличеніе изданій этихъ писемъ на языкахъ англійскомъ, шотландскомъ, которые, какъ извѣстно, не слишкомъ много разнятся одинъ отъ другаго.

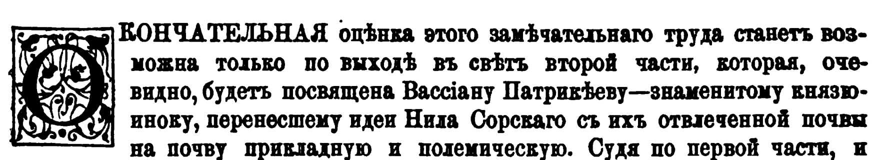
Е. К—чъ.





КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ. А. С. Архангельскаго. Часть первая: преподобный Нилъ Сорскій. Спб. 1882 г. (Памятники древней письменности XVI в.).



ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ оцѣнка этого замѣчательнаго труда станетъ возможна только по выходѣ въ свѣтъ второй части, которая, очевидно, будетъ посвящена Вассіану Патрикѣеву—знаменитому князю-иноку, перенесшему идеи Нила Сорскаго съ ихъ отвлеченной почвы на почву прикладную и полемическую. Судя по первой части, и вторая будетъ опираться на тщательное изученіе рукописей, а въ цѣломъ трудъ г. Архангельскаго долженъ будетъ внести немало новаго въ исторію нашего литературно-религіознаго движенія въ XV в.

Жизнь Нила Сорскаго, какъ и столь многихъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ дѣятелей, и послѣ тщательнаго изслѣдованія нашего автора, остается, по недостатку данныхъ, въ какомъ-то полусвѣтѣ. Авторъ опровергаетъ голословное мнѣніе о принадлежности Нила Сорскаго къ боярскому роду, опираясь на его собственныя слова: „о себѣ же не смѣю говорити, что, понеже невѣжда и поселянинъ есмь", и замѣчая при этомъ, что названіе „поселянинъ" въ современныхъ рукописяхъ XV-го и XVI-го вв. употребляется обыкновенно въ смыслѣ крестьянинъ. Такимъ образомъ, однимъ яркимъ свѣтиломъ болѣе оказывается въ темныхъ рядахъ нашего простаго народа.

Съ происхожденіемъ Нила отчасти, быть можетъ, связано, его ратованіе противъ права монастырей владѣть населенными имѣніями. „Народъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, относился враждебно къ монастырскимъ имуществамъ часто по самой экономической постановкѣ дѣла. Вновь возникавшимъ монастырямъ князья нерѣдко жертвовали земли, которыя до этого времени находились въ рукахъ крестьянъ. Нерѣдко происходило,—цитуетъ онъ далѣе проф. Павлова,—что крестьяне прогоняли отъ себя монаховъ, которые поселялись на сосѣднихъ пустопорожнихъ земляхъ..... прогоняли именно изъ страха, чтобы

пришельцы впослѣдствіи не завладѣли ихъ землями и селами". Оно было такъ, несмотря на то, что едва ли можно признать совершенно вѣрною другую цитату о томъ, будто ко времени Нила Сорскаго „монастыри совершенно забываютъ о соединенныхъ съ ихъ землевладѣльческими правами—религіозно-общественныхъ цѣляхъ, совершенно забываютъ, что церковныхъ богатство—нищихъ богатство" (стр. 38—40). А открытіе монастырскихъ житницъ для бѣднаго люда въ годину голода знаменитымъ противникомъ Нила — Іосифомъ Волоцкимъ? Хотя мы не можемъ согласиться съ принципомъ Іосифа, но все же должны признать, что онъ нашелъ осязательный доводъ въ защиту своего принципа. Тѣмъ не менѣе, даже и такое доброе употребленіе монастырскихъ „стяжаній" не было въ силахъ примирить народъ съ монастырской „стяжательностью".

Спасибо нашему автору, что онъ первый напечаталъ въ полномъ видѣ замѣтку Нила Сорскаго „о мнисѣхъ, кружающихъ стяжаній ради". Она такъ невелика, что я считаю возможнымъ выписать ее здѣсь цѣликомъ. „Первѣе превожделѣнное и зѣло опасное (строгое) монашествующихъ житіе, — пишетъ Нилъ,—нынѣ же мерзкое бысть, яко же зриши. Зане отягчаются убо вся грады и веси отъ лжемонаховъ и обтекающихъ всуе, и яко же прилучися, многимъ безстудіемъ и нерадивствомъ. Смущаются же вси домувладыки и не сладцѣ имутъ во истину и, къ самому воззрѣнію видяще тѣхъ прошаковъ безстудно у дверей своихъ пребывающихъ, отнюду же и право по добродѣтели жительствующихъ,—судъ, поруганіе и прелесть, мнѣ мнится. И что нынѣ Іеремія новый, явилъ бы ся убо рыдати полезнѣ и по достоянію могій наша времена! Срамляю бо ся лишше, что писали, обаче доброе творяще не стужайте си, и Господь щедротъ и всякія утѣхи—съ вами. Аминь". (Ст. 72—73).

Другая сторона воззрѣній Нила Сорскаго—его человѣколюбивыя отношенія къ еретикамъ—извѣстна намъ не по его собственнымъ сочиненіямъ, а по сочиненіямъ его учениковъ—такъ называемыхъ „Заволжскихъ старцевъ", обличительное посланіе которыхъ къ Іосифу Волоцкому написано, можетъ быть, Вассіаномъ Патрикѣевымъ. Авторъ, конечно, разсмотритъ это во второй части своего труда. Пока онъ успѣлъ указать на то, что наши инквизиторствовавшіе церковные дѣятели — Геннадій Новгородскій и Іосифъ Волоцкій, сначала искали себѣ опоры въ Нилѣ Сорскомъ, но послѣ собора 1490 г. перестали къ нему обращаться. Дѣло въ томъ, что соборъ этотъ, на которомъ они присутствовали, не рѣшился послѣдовать примѣру „шпанскаго короля", столь соблазнительному для Геннадія. Нашъ авторъ эту сравнительную человѣчность собора 1490 г., именно и объясняетъ вліяніемъ Нила Сорскаго, вслѣдствіе чего, по его мнѣнію, Геннадій съ Іосифомъ и отчаялись съ этихъ поръ въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ огнемъ найти себѣ союзника въ Нилѣ Сорскомъ. Значеніе тутъ имѣетъ и то обстоятельство, что одинъ изъ тѣхъ отцовъ церкви, которымъ по преимуществу слѣдовалъ Нилъ Сорскій, древній соименникъ его, Нилъ Синайскій, проводилъ идеи любви и всепрощенія въ посланіи своемъ къ пресвитеру Хариклію, написанномъ по поводу современнаго преслѣдованія еретиковъ. „На посланіе это, по замѣчанію нашего автора, ссылается, между прочимъ, и Вассіанъ Патрикѣевъ въ своемъ „Собраніи на Іосифа, игумна волоцкаго", и идеи, выраженныя въ немъ, принадлежали всему литературному движенію, во главѣ котораго стоялъ Нилъ Сорскій". (Стр. 158).

Сущность этого движенія—поборание по духу, а не по буквѣ. „Направле-

ніемъ своихъ идей, говоритъ нашъ авторъ, Нилъ Сорскій стоялъ совершенно изолированно въ отношеніи къ преобладавшему церковно-обрядовому направленію религіозной жизни". (Стр. 296). Трудно согласиться со словомъ: изолированно. Нилъ Сорскій имѣлъ многочисленныхъ учениковъ, онъ оставилъ по себѣ цѣлую школу. Онъ долженъ былъ несомнѣнно имѣть и предшественниковъ. Самъ авторъ въ концѣ говоритъ, что идеи Нила Сорскаго были „далеко не новы и небезъизвѣстны въ древней Руси, но собраны и выдвинуты имъ на видъ". (Стр. 283). Автору слѣдовало бы фактически развить эту мысль, между тѣмъ рисуемая имъ общая картина религіозно-нравственнаго состоянія древней Руси такова, что Нилъ возникаетъ среди ея точно какимъ-то чудомъ, точно въ самомъ дѣлѣ изолированно. Картина эта, если угодно, вѣрна, т.-е. въ ней нѣтъ ничего выдуманнаго, но въ ней зато многаго не достаетъ — она довольно одностороння (какъ крайне одностороненъ и трудъ проф. Голубинскаго, на котораго такъ довѣрчиво ссылается авторъ). Къ числу недостатковъ древней Руси авторъ относитъ и то, что древне-русскій приходскій священникъ былъ „плоть отъ плоти и кость отъ костей" простонародья (стр. 192), а равнымъ образомъ и то, что, „владѣя грамотной хитростью, книжный человѣкъ древней Руси чаще всего продолжалъ оставаться на той же степени общаго умственнаго развитія, на которой стояли и „темные люди", изъ которыхъ онъ выходилъ, по-прежнему продолжалъ оставаться „человѣкомъ сельскимъ, человѣкомъ массы..." (Стр. 220). Но вѣдь въ этомъ, казалось бы, была и своя хорошая сторона, сторона, которой совершенно не достаетъ намъ со временъ Ломоносова, который, при своемъ крестьянскомъ происхожденіи, совсѣмъ уже не походилъ на своей академической высотѣ на „простеца" Посошкова. Между тѣмъ, въ древней Руси даже Нилъ Сорскій, на всей высотѣ своего богословскаго просвѣщенія, оставался „человѣкомъ сельскимъ, человѣкомъ массы", и этимъ-то, можетъ быть, въ значительной степени и объясняется его человѣчность. Дѣло въ томъ, что, при недостаткѣ въ древней Руси христіанской образованности въ массахъ, онѣ, однако же, чуть ли не самаго дня своего крещенія при Владимірѣ многое поняли въ христіанствѣ чутьемъ и, разъ понявъ, удержали въ сердцѣ. Нашъ авторъ, конечно, хорошо знаетъ и въ нашей древней литературѣ тѣ черты духовнаго, а не обрядоваго только христіанства, которыя какъ бы предвозвѣщали Нила Сорскаго и дали ему возможность оставить по себѣ цѣлую школу, отзвуки которой сказываются даже въ позднѣйшемъ расколѣ, не смотря на его, повидимому, чисто буквенное направленіе.

Въ своей послѣдней главѣ (объ общемъ состояніи умственно-религіозной жизни въ древней Руси) г. Архангельскій собралъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о нашей обрядовой косности, предразсудочности и невѣжествѣ въ самой книжности. Можно было бы, конечно, еще и еще надбавить всего такого, но кое-что, приведенное у автора, кажется, могло бы быть истолковано и не совсѣмъ такъ, какъ оно представляется г. Архангельскому. На стр. 332-й приводятся у него изъ одного посланія къ какому-то князю слѣдующія слова: „повѣждь, сыну, чего ради закону Божію не повинуешися и супротивная твориши? Проклятую бритву накладаеши на браду твою". Но уже одна приводимая авторомъ въ примѣчаніи замѣтка проф. Павлова, что „тонъ этого посланія напоминаетъ извѣстнаго Вассіана Рыло, автора посланія Ивану III на Угру", должна бы, кажется, заставить г. Архангельскаго позадуматься. Извѣстно, что Вассіанъ въ своемъ знаменитомъ посланіи обнаруживаетъ именно ши-

роту религіозно-нравственнаго воззрѣнія, а никакъ не наклонность къ буквѣ. Лучше, по его мнѣнію, нарушить клятву, данную предками, чѣмъ, соблюдая ее, оставлять свой народъ подъ игомъ, и такимъ образомъ уподобляться Ироду, который, чтобы сдержать слово, сдѣлался убійцей пророка. Человѣку, способному на такую широту взгляда, можно бы и простить невѣжественное возведеніе брадобритія на степень религіознаго преступленія (подобно тому, какъ тупость и косное „мракобѣсіе“ могли бы быть прощены расколу, хотя бы изъ-за тѣхъ проблесковъ глубокаго духовнаго пониманія христіанства, которые встрѣчаются порою у протопопа Аввакума). Но весьма вѣроятно, что нападки на брадобритіе въ данномъ случаѣ объясняются не одними обрядовыми соображеніями. Когда в. к. Василій Ивановичъ сбрилъ себѣ бороду, то соблазнъ возбудило не столько нарушеніе имъ обычая, сколько его желаніе показаться болѣе молодымъ Еленѣ Глинской, ради брака съ которою Василій Ивановичъ развелся съ своей первой женой, чему, какъ извѣстно, потворствовалъ митрополитъ Даніилъ. Это не мѣшало послѣднему, не смотря на всю его книжность, нападать на тѣхъ, кто вздумалъ слѣдовать примѣру великаго князя (причемъ Даніилъ оказался столько же непослѣдовательнымъ, какъ и по отношенію къ разводу, который былъ имъ допущенъ для великаго князя и вовсе не допускался для всѣхъ остальныхъ); но и тутъ въ брадобритіи, по всей вѣроятности, осуждалось не одно нарушеніе обычая—оно, какъ это ясно изъ сочиненій Даніила и нѣкоторыхъ другихъ писателей, навлекало на слѣдовавшихъ новой модѣ подозрѣніе въ желаніи усвоить себѣ женоподобность, а это прямо связывалось съ порокомъ, перешедшимъ къ намъ отъ восточныхъ людей и вызывавшимъ особенное негодованіе нашихъ проповѣдниковъ. Только позже — особенно въ связи съ расколомъ — преслѣдованіе бороды и стояніе за нее получило характеръ чисто обрядовый (т.-е. обрядность, возведенной на степень догмата).

Къ числу фактовъ, свидѣтельствующихъ объ оскудѣніи **духа** въ нашей церковной жизни, нашъ авторъ относитъ на ряду съ „догматомъ“ аллилуіи и другими „догматами русскаго изобрѣтенія“, также и „выработанный Іосифомъ Волоцкимъ догматъ о прехищреніи и коварствѣ Божіемъ“. (Стр. 238). Но вѣдь Іосифъ собственно только исказилъ тутъ — конечно, **исказилъ** — мысль Златоуста; а затѣмъ тутъ сказалась вовсе не **буква**, а **духъ**, хотя и лживаго свойства. Точно также не **буква**, а **духъ**, хотя и еще болѣе лживаго свойства, сказывается во мнѣніи того же Іосифа, что „градстіи законы (указы и постановленія византійскихъ императоровъ) подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ“. Правда, нашъ авторъ приводитъ это мнѣніе какъ проявленіе особой слабой стороны нашей древнѣй образованности—неумѣнія критически относиться къ писанію. Вслѣдствіе такого же неумѣнія Іосифъ, по замѣчанію нашего автора, „сборники Никона Черногорца—простаго греческаго монаха XI в.—смѣло называлъ боговдохновенными писаніями“. (Стр. 242—43). На этого-то Никона, надо замѣтить, и ссылался Іосифъ, когда утверждалъ „боговдохновенность“ градскихъ законовъ. Въ ссылкѣ этой, сколько я понимаю, также искажена мысль Никона, какъ мысль Златоуста въ словахъ Іосифа о „прехищреніи и коварствѣ Божьемъ“. Но все же существуетъ извѣстная связь между обоими взглядами Іосифа и нѣкоторыми идеями византійской религіозной—конечно, очень высокой—культуры. Во мнѣніи о боговдохновенности градскихъ законовъ, столь, повидимому, невѣжественно нечестивомъ при чисто языческомъ происхожденіи и характерѣ ви-

зантійскаго государственнаго законодательства, сказывается такое же смѣшеніе Божьяго съ кесаревымъ, какое можно найти и у высоко-образованнаго въ своей религіозности Максима Грека. Стоитъ только вспомнить, что въ одномъ изъ своихъ посланій къ Николаю Нѣмчину онъ думаетъ усилить авторитетъ вселенскихъ соборовъ тѣмъ, что на нихъ присутствовали сами великіе самодержцы. А знаменитое посланіе цареградскаго патріарха по поводу того, что при Василіи Дмитріевичѣ перестали у насъ поминать императора (приведенное, хотя и недостаточно освѣщенное В. И. Ламанскимъ), съ его категорическимъ вопросомъ: „развѣ можно признавать церковь, и не признавать царя"? (т. е. греческаго, единаго царя на весь міръ, какъ бы воплощающаго въ себѣ духовное единство церкви). Право, духъ этихъ словъ сродни тому духу, который сказался во мнѣніи Іосифа Волоцкаго о боговдохновенности византійскаго свѣтскаго законодательства. Только мы тутъ, какъ и во всѣхъ нашихъ заимствованіяхъ, хватили черезъ край (хватаемъ и по сію пору, и еще кичимся этимъ). Недаромъ покойный митрополитъ Макарій замѣтилъ, что греки—это нѣмцы древней Руси. Да, нашимъ молчалинскимъ отношеніямъ къ западно-европейской культурѣ предшествовали такія же отношенія къ византійской, т. е. греко-римской, при извѣстной только дозѣ христіанства, сильно отравленной языческою закваскою двухъ великихъ народностей древняго міра.

Іосифъ является у насъ **представителемъ византинизма** во всемъ его государственно-церковномъ, т. е. языческо-христіанскомъ значеніи — представителемъ самымъ крайнимъ, хотя и далеко не столь мало критическимъ, какъ оно представляется г. Архангельскому. Геннадій, столько же поработавъ византинизму, отчасти поработалъ уже и Западу, такъ сильно увлекшись инквизиціоннымъ примѣромъ „шпанскаго" короля, съ которымъ его познакомилъ посолъ цесарскій (священной римской имперіи — западнаго противня имперіи византійской). Напротивъ того, противникъ обоихъ — Нилъ Сорскій проникся духомъ тѣхъ писаній отцовъ восточной церкви, въ которыхъ сохранился отъ всякой посторонней примѣси чистый духъ первоначальнаго христіанства. Этому чистому его духу обязана древняя Русь многими свѣтлыми своими явленіями, съ которыми въ тѣсной преемственной связи и находится дѣятельность Нила Сорскаго, въ сущности вовсе **не изолированная**. Впрочемъ, г. Архангельскій еще можетъ коснуться этой стороны нашей древней жизни во 2-й части своего труда, гдѣ ему предстоитъ подробно разсмотрѣть человѣколюбивое противодѣйствіе партіи Нила Сорскаго, партіи христіанско-русской—„презлому осифлянству", т.-е. партіи византійско-римской.

Ор. Миллеръ.

„Цезари". Сочиненіе графа Франсуа Шампаньи, переводъ Д. Кирѣева. 2 тома. Спб. 1882 г. Изд. Вольфа.

Извѣстное въ ученой французской литературѣ сочиненіе графа Франсуа Шампаньи: „Histoire des Césars" не въ первый разъ является на русскомъ языкѣ. Оно было уже переведено въ началѣ 40-хъ годовъ, но, во-1-хъ, не въ полномъ объемѣ, а во-2-хъ, переведенное по цензурнымъ условіямъ того времени, могло явиться въ печати не иначе, какъ съ значительными сокращеніями и измѣненіями. Только новый, вышедшій въ нынѣшнемъ году, пере-

водъ даетъ возможность русской читающей публикѣ познакомиться настоящимъ образомъ съ сочиненіемъ Шампаньи. А познакомиться съ нимъ весьма интересно, такъ какъ оно касается одного изъ самыхъ интересныхъ періодовъ во всемірной исторіи.

Въ эпохи переходныя, когда старое рушится, а новое еще только ищетъ опредѣленныхъ формъ, характеръ того и другаго выражается рѣзче, проявляется съ большей полнотой, чѣмъ это бываетъ въ обыкновенные періоды, при обыкновенномъ, спокойномъ теченіи жизни. Независимо отъ интереса, который возбуждаетъ сочиненіе Шампаньи своимъ содержаніемъ, оно представляетъ глубокій интересъ и по своему характеру. Авторъ, поставивъ себѣ задачею нарисовать картину умирающей римской республики и превращенія ея въ монархію, не ограничился внѣшними фактами, относящимися къ этой эпохѣ. Не одна только государственная сторона жизни Рима при первыхъ императорахъ, не одни представители юліанской династіи останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Внутреннее устройство государства и общественная жизнь римскаго народа въ послѣднее время республики, религіозный, соціальный и экономическій бытъ Рима въ эту эпоху, положеніе и значеніе различныхъ сословій въ римскомъ обществѣ, наконецъ, умственная, научная и художественная жизнь римлянъ того времени—вотъ что составляетъ содержаніе втораго тома. Такой характеръ труда Шампаньи, важное мѣсто, которое онъ отводитъ въ немъ чисто внутреннимъ вопросамъ римской жизни, придаетъ сочиненію его особенный интересъ. Давно прошло то время, когда годы вступленія на престолъ и смерти государей, войны и завоеванія, сраженія и результаты ихъ—составляли въ исторіи все. Для насъ исторія народа есть столько же исторія его государственнаго роста и внѣшнихъ событій его жизни, сколько — и это едва ли не болѣе—исторія его культуры, его умственнаго, нравственнаго, соціальнаго и экономическаго прогресса. Мы не будемъ останавливаться на первомъ томѣ сочиненія Шампаньи, такъ какъ собственно политическая исторія того времени извѣстна каждому. Кто изъ насъ не знакомъ съ дѣтства съ умнымъ и тонкимъ политикомъ Августомъ, методически послѣдовательнымъ, холоднымъ злодѣемъ Тиберіемъ, невозможно-сумасброднымъ и злодѣемъ вслѣдствіе своего сумасбродства Калигулой, тупоумнымъ и злодѣемъ вслѣдствіе своего тупоумія Клавдіемъ, наконецъ, съ универсальнымъ, всесвѣтнымъ артистомъ — пѣвцомъ, танцоромъ, музыкантомъ, актеромъ, поэтомъ и рецитаторомъ—Нерономъ?

Зато тѣмъ большій интересъ представляетъ второй томъ сочиненія, заключающій въ себѣ сравнительно меньше разработанную и потому менѣе извѣстную общественную жизнь Рима. Чтобы дать читателю возможность составить самостоятельное сужденіе о характерѣ и достоинствѣ труда Шампаньи, мы остановимся нѣсколько на содержаніи 2-го тома и коснемся, на основаніи его, общаго характера римской жизни, какъ изображаетъ ее Шампаньи—положенія высшихъ классовъ съ одной стороны и положенія рабовъ съ другой...

Что составляетъ наиболѣе рельефную, рѣзко бросающуюся въ глаза черту различія между жизнью человѣка древняго и новаго міра? Вопросъ этотъ могутъ назвать слишкомъ общимъ, но положительно можно отвѣтить, что ни въ чемъ это различіе не проявляется такъ осязательно, какъ въ общемъ взглядѣ на жизнь, въ томъ, къ чему стремился древній римлянинъ и къ чему стремится гражданинъ новой Европы. Наслажденіе, большею частію утонченно-чувственное — лозунгъ древняго міра, и въ частности древняго римлянина. Строгій долгъ и нравственное совершенствованіе—основа христіанскаго воззрѣнія.

Взглянемъ на жизнь римлянина, располагавшаго больше или меньше обезпеченными средствами.

Утро. Римлянинъ пробуждается, и начинаетъ свой туалетъ. Онъ намазываетъ благовонными мастями и убираетъ свою голову, надѣваетъ тогу и выходитъ къ кліентамъ, которые его уже ждутъ. Въ нѣсколько минутъ онъ покапчиваетъ съ ними дѣла и отправляется на форумъ. Это—арена его общественной дѣятельности, мѣсто, гдѣ онъ являлся попреимуществу гражданиномъ. Но вотъ наступилъ полдень; занятія на форумѣ кончились; римскіе граждане расходятся, улицы Рима пустѣютъ; шумная жизнь всемірной столицы какъ будто замираетъ. Черезъ нѣсколько часовъ Римъ пробуждается снова. Марсово поле оживляется массою публики, молодежь занимается играми — борьбою, бѣганьемъ взапуски, метаніемъ дротика. Старые люди бесѣдуютъ, женщины гуляютъ подъ портиками. Но вотъ новое превращеніе: прозвонилъ колоколъ, отворяются термы. Кому неизвѣстно, какую роль играли онѣ въ общественной жизни повелителей свѣта. Баня для древняго римлянина представляла занятіе, леченіе, наслажденіе. Какъ роскошно устроены были бани римскихъ богачей — объ этомъ мы въ наше время едва ли можемъ составить себѣ понятіе: не менѣе поражали своимъ великолѣпіемъ бани общественныя. Циклопическія термы, построенныя римскими императорами для голоднаго и оборваннаго пролетаріата того времени, представляли столько же чудо роскоши, сколько и чудо изящества. Это были зданія, украшенныя мастерскими произведеніями живописи, ваянія, мозаичнаго искусства. Агриппа пріобрѣлъ для своихъ бань за 1.200.000 сестерцій двѣ картины греческаго художника. Гимназіи, библіотеки, гульбища, рощи составляли обыкновенную принадлежность термъ, и эти увеселительныя зданія, воздвигавшіяся иногда въ нѣсколько мѣсяцевъ, стояли вѣка подъ своими несокрушимыми сводами, опиравшимися на толстыя стѣны, не уступавшія прочностію стѣнамъ средневѣковыхъ укрѣпленныхъ замковъ. Холодныя купанья въ обширныхъ писцинахъ, удобныхъ для плаванья, теплыя купанья въ мраморныхъ ваннахъ, паровыя бани, наконецъ, всевозможные ароматы и мази для натиранія тѣла, для приданія ему силы и гибкости — все это составляло необходимую принадлежность термъ римскихъ вельможъ. Не подумайте, что баня составляла для нихъ просто мѣсто омовенія. Нѣтъ. Это было мѣсто ихъ собраній, въ которомъ они проводили значительную часть своего времени, гдѣ совершали разнаго рода дѣла и отдыхали отъ дѣлъ. Здѣсь шелъ веселый разговоръ, раздавался веселый смѣхъ, здѣсь пѣли, танцовали, боролись, ораторы произносили здѣсь свои рѣчи, поэты декламировали стихи. Въ банѣ римскій богачъ готовился къ тому, что составляло величайшее наслажденіе и поэзію его жизни—къ ужину. Здѣсь онъ выбиралъ себѣ гостей, товарищей пиршества, которые потомъ бесѣдовали и пировали съ нимъ всю ночь, возлежа на золотыхъ и пурпурныхъ ложахъ вокругъ стола изъ драгоцѣннаго дерева. Тутъ же вокругъ стола раздавалось пѣніе, происходили танцы, показывали свое искусство фокусники, читали философскіе трактаты философы. Распорядитель пира назначалъ заздравныя чаши и увѣнчивалъ гостей цвѣтами...

Естественное дѣло, что римлянинъ, который такъ дорожилъ наслажденіями, или, лучше, жилъ главнымъ образомъ для наслажденій, долженъ былъ устроивать со всевозможнымъ великолѣпіемъ общественныя увеселительныя зданія. И дѣйствительно, это было такъ. Помпея былъ городъ незначительный и необширный; и между тѣмъ театральныя залы Помпеи представляли три монументальныя зданія изъ мрамора, бронзы и лавы Везувія. Скамьи, ложи, сцены и

декораціи были мраморныя. Въ амфитеатрѣ помѣщалось отъ 18.000 до 20.000 зрителей. Амфитеатръ въ Нимѣ помѣщалъ 17.000 зрителей; въ веронскомъ помѣщалось 22.000, въ Колизеѣ 80.000 человѣкъ. Въ трехъ театрахъ Рима насчитывалось отъ 27.000 до 30.000 мѣстъ въ каждомъ. Благодаря совершенству театральной акустики, всѣ эти массы народа могли не только видѣть, но и слышать актера. Широкія лѣстницы, обширныя галлереи, искусно проложенные ходы проводили всѣ эти тысячи народа къ мѣстамъ, а широкіе выходы легко пропускали стремившіяся вонъ народныя толпы. Въ этихъ зданіяхъ, предназначенныхъ для сценическихъ удовольствій, все устроивалось прочно: употребляли мраморъ, камень, кирпичъ, цементированные такимъ образомъ, что не безсильное надъ ними время, а только рука человѣческая могла ихъ разрушить. Цирки, навмахіи и другія созданія римскаго искусства были не менѣе великолѣпны. Прудъ, вырытый Августомъ у береговъ Тибра, простирался въ длину на 800 футовъ при ширинѣ въ 200; до 30 кораблей и судовъ сражались на этомъ пространствѣ. Большой циркъ былъ такой же длины, но вдвое шире. При Августѣ въ немъ было 150.000 мѣстъ для зрителей и 260.000 по возобновленіи его Нерономъ. Каналъ десятифутовой глубины простирался вдоль цирка и могъ наполнять его водою; бронзовые дельфины, алтари, статуи, обелиски, привезенные изъ Египта, возвышались посрединѣ и означали путь для колесницъ.

Чѣмъ же обусловливалось это баснословное великолѣпіе общественныхъ римскихъ сооруженій, которыми древній міръ далеко превосходитъ нашу цивилизацію? Разгадка заключается съ одной стороны въ эпикуреизмѣ, въ чувственномъ воззрѣніи древняго человѣка на жизнь, цѣлью которой для него было исключительно наслажденіе, а съ другой—въ рабствѣ, составлявшемъ базисъ политическаго устройства Рима. Мы видимъ въ новомъ христіанскомъ мірѣ великолѣпные храмы, великолѣпныя зданія, воздвигнутыя для цѣлей науки, и не менѣе великолѣпныя для пользы страждущаго человѣчества. Новый міръ, въ силу духовнаго характера своей цивилизаціи, выдвинулъ на первый планъ храмы, академіи, богадѣльни, больницы... Онъ отвелъ у себя скромное мѣсто удовольствіямъ, а слѣдовательно, и тѣмъ зданіямъ, которыя должны удовлетворять этой цѣли. Древній человѣкъ, который понималъ въ жизни одну только ея сторону — сторону наслажденія, обратилъ почти исключительно свой трудъ на постройку увеселительныхъ зданій, а приложивъ свои силы и средства къ одному только предмету, онъ естественно долженъ былъ въ осуществленіи своей цѣли достичь высшей степени совершенства, чѣмъ та, на которой стоимъ мы. Вотъ почему наши театры и другія зданія, назначенныя для увеселеній, кажутся чѣмъ-то очень миніатюрнымъ, игрушкой, сравнительно съ тѣмъ, что представлялъ по этой части древній Римъ. Другая причина великолѣпія и грандіозности римскихъ сооруженій, предназначенныхъ для разнаго рода зрѣлищъ и увеселеній, заключается въ рабствѣ на которомъ мы теперь остановимся. Мы видѣли, какъ веселился римскій аристократъ, надменный патрицій, у котораго золото текло рѣкою; посмотримъ теперь на другую сторону медали, на положеніе другой половины римскаго общества, къ которой принадлежали рабы.

Рабъ въ томъ смыслѣ, какой придавали этому слову римляне, почти, можно сказать, не былъ человѣкомъ. Купленный за 150 или 200 р. на наши деньги на форумѣ, онъ былъ болѣе чѣмъ собственностью,—онъ былъ вещью своего господина, принадлежавшимъ ему домашнимъ животнымъ — на-равнѣ съ цѣнною собакой или кошкой. Если онъ не принадлежалъ къ классу высшихъ, привилегированныхъ, такъ сказать, рабовъ, составлявшихъ ближайшую свиту

своего господина, его жизнь была несчастнѣе всего, что только можно себѣ представить. Тюрьма и бичъ были для него самыми обыкновенными наказаніями за малѣйшую неисправность. Его господинъ презираетъ его до того, что считаетъ унизительнымъ для себя говорить съ нимъ, а объясняется съ нимъ помощію знаковъ, а если требуемое объясненіе сложно, то онъ передавалъ ему приказанія письменно. Если рабъ, осужденный на подобную жизнь, не выносилъ, наконецъ, своихъ страданій и бѣжалъ отъ господина, то поимка бѣглеца становилась предметомъ государственной заботы. Хорошо организованная римская полиція поднималась въ такомъ случаѣ вся на ноги, возвращала бѣглеца къ законному владѣльцу, и буква F, которую выжигали раскаленнымъ желѣзомъ на лбу раба, составляла его неизгладимое клеймо на всю остальную жизнь... За открытое сопротивленіе волѣ господина римскаго раба ожидалъ страшный конецъ. Распятіе на крестѣ или отдача на съѣденіе муренамъ были обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ наказаніемъ.

Богатый римскій патрицій и его рабъ представляютъ собою два полюса римскаго общества. На одной сторонѣ неограниченный деспотъ и тиранъ, на другой—существо человѣческой природы, лишенное даже тѣни, даже подобія человѣческихъ правъ!

Эти немногія черты римскихъ нравовъ и римскаго общества, представленныя нами на основаніи сочиненія Шампаньи, могутъ познакомить отчасти читателя съ содержаніемъ книги. Появленіе труда Шампаньи на русскомъ языкѣ въ новомъ переводѣ составляетъ весьма пріятное явленіе, и читатель, интересующійся древнимъ міромъ, конечно не отнесется равнодушно къ сочиненію, касающемуся одной изъ самыхъ интересныхъ его эпохъ.

Димитрій Лебедевъ.

Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Т. I. Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. Казань. 1882.

Съ каждымъ новымъ изданіемъ бумагъ фамильныхъ архивовъ становится все болѣе очевидной необходимость привести въ извѣстность матеріалъ частныхъ хранилищъ рукописей. Многое, чего нѣтъ въ нашихъ публичныхъ оффиціальныхъ архивахъ, сбережено частными лицами. Въ особенности это надо сказать относительно документовъ, касающихся мѣстной исторіи Россіи и вопросовъ историко-юридическихъ. Примѣромъ можетъ служить вышеприведенное изданіе, приготовленное профессоромъ казанскаго университета Загоскинымъ. Доставленныя въ его распоряженіе бумаги княземъ Баюшевымъ документально возстановляютъ исторію Симбирскаго края въ эпоху его первоначальнаго заселенія. Край этотъ имѣлъ въ XVII в. весьма важное стратегическое значеніе и обращалъ на себя дѣятельное вниманіе московскаго государства, будучи оплотомъ противъ вторженія ногайцевъ и другихъ кочевниковъ, обитавшихъ по низовьямъ рр. Волги и Дона и постоянно избиравшихъ долину рѣки Суры пунктомъ для своихъ набѣговъ на московскія земли, а, во вторыхъ, и какъ край, густо населенный инородческими племенами, далеко не всегда готовыми безпрекословно покоряться власти московскаго правительства. Собраніе актовъ князя Баюшева знакомитъ насъ съ ходомъ развитія въ этомъ краѣ русской государственной жизни и съ характеромъ постепеннаго водворенія здѣсь русскаго служилаго элемента, а также заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ и для

исторіи администраціи этого края. Сверхъ того, — и это едва ли не наиболѣе интересная сторона изданія—по напечатаннымъ актамъ читатель имѣетъ возможность прослѣдить ходъ внутренней жизни нѣсколькихъ родовъ городовыхъ служилыхъ людей и даже составить себѣ довольно вѣрную характеристику многихъ представителей этихъ родовъ (Патрикѣевыхъ, Воронцовыхъ, Неклюдовыхъ, кн. Баюшевыхъ, Кологривовыхъ и Малаховыхъ, а также отчасти Метлиныхъ, Пушечниковыхъ, Своитиновыхъ и нѣкоторыхъ другихъ). Служилые люди, фигурирующіе въ этихъ актахъ, — замѣчаетъ г. Загоскинъ — не представители служилой московской аристократіи, они и не служилые люди средней руки, облеченные низшими придворными чинами, или записанные по московскому списку. Это даже не городовые служилые люди центральныхъ областей московскаго государства, пользующіеся еще сравнительнымъ благосостояніемъ. Нѣтъ — это піонеры распространенія московской гражданственности въ одной изъ самыхъ безпокойныхъ окраинъ государства, сплошь населенной инородческими племенами, съ трудомъ поддающимися русскому вліянію, постоянно угрожаемой набѣгами южныхъ кочевниковъ. Далеко не блестящимъ образомъ обставлена жизнь ихъ въ матеріальномъ отношеніи: скудныя помѣстныя дачи часто не находили достаточнаго количества рабочихъ рукъ для ихъ воздѣлыванія. Отсюда постоянная борьба изъ-за рабочихъ силъ: крестьяне сманиваются помѣщиками, нерѣдко даже тайно сводятся однимъ отъ другаго, а это въ свою очередь влечетъ за собою безконечныя челобитья, сыски и полюбовныя сдѣлки. Постоянное стремленіе улучшить свое матеріальное благосостояніе является первенствующимъ моментомъ въ жизни этихъ служилыхъ людей; это стремленіе носитъ характеръ борьбы ихъ за существованіе, которая яркими красками обрисовывается въ разсматриваемыхъ актахъ. Умираетъ служилый человѣкъ того или другаго рода, не оставивъ послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Между родственниками и даже свойственниками его возникаетъ горячая борьба изъ-за владѣнія помѣстною дачею его. Московскіе приказы засыпаются челобитьями, въ которыхъ тяжущіеся не стѣсняются никакими средствами для достиженія своей цѣли: скрываютъ другъ друга, выдаютъ другъ друга умершими, представляютъ въ превратномъ видѣ степени родства своихъ конкуррентовъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ухищреніе увѣнчивалось успѣхомъ и воспользовавшійся имъ получалъ отказную грамоту на помѣстье; но потомъ неправда его обнаруживалась, изъ Москвы получался воеводою указъ о разслѣдованіи дѣла,—и вновь возгорается борьба и безконечная волокита. Матеріальная несостоятельность многихъ изъ служилыхъ людей доходила до крайней степени. Вотъ, напр., двое братьевъ Неклюдовыхъ, не бьющихъ челомъ о помѣстьѣ дяди своего „за скудостью своею“ и потому, что имъ не на чѣмъ было добраться до Москвы. Видимъ и обѣднѣвшаго сына боярскаго, Третьяка Аристова, котораго нужда заставляетъ жить въ пустомъ бобыльскомъ дворѣ одного изъ собратьевъ своихъ. Съ другой стороны передъ нами открывается мрачная личность Селуяна Воронцова, отбывающаго всякія службы, сидящаго вмѣстѣ съ своимъ сыномъ болѣе семи лѣтъ въ Казани въ тюрьмѣ „за воровство свое“ и подлогомъ промѣнивающаго помѣстныя земли своихъ родственниковъ. Тутъ, словомъ, мы знакомимся съ цѣлыми поколѣніями членовъ извѣстнаго рода, узнаёмъ ихъ семейныя, общественныя и экономическія отношенія.

Что касается различія актовъ изъ архива кн. Баюшева, оно подведено г. Загоскинымъ подъ четыре рубрики. Во-первыхъ, челобитныя: о пожалованіи

помѣстія и денежнаго жалованья, о справѣ и росписке помѣстій, отставкѣ отъ службъ, освобожденіи отъ финансовыхъ сборовъ и о дозволеніи приписать къ церкви земли, на неправильныя завладѣнія помѣстьями, нарушенія правъ владѣнія и различныя насильственныя дѣйствія, о сыскѣ и возвращеніи бѣглыхъ людей, о запискѣ въ книги крѣпостей на крестьянъ, челобитныя явочныя и извѣты, и челобитныя, касающіяся различныхъ процессуальныхъ отношеній. Во-вторыхъ, царскія грамоты и указы, а равно и различные акты, издававшіеся правительственными должностными лицами. Третій отдѣлъ архива составляютъ книги, дѣла и выписки изъ нихъ и, наконецъ, четвертый состоитъ изъ актовъ частнаго юридическаго быта, какъ то: мировыхъ, сдѣлочныхъ и отступныхъ записей, поступныхъ и данныхъ, раздѣльныхъ, мѣновыхъ, купчихъ отписей и крѣпостей, заемныхъ, наемныхъ, оброчныхъ и порядныхъ отписей, отпускныхъ и выводныхъ въ замужество отписей и записей, сговорныхъ, рядныхъ и поручныхъ. Г. Загоскинъ постарался сдѣлать все возможное, чтобъ изданіе вышло удобнымъ для пользованія и справокъ. Имъ составлены указатели лицъ, географическій и предметовъ, и родословныя росписи шести главныхъ родовъ, фигурирующихъ въ актахъ. Этимъ изданіемъ, можно смѣло сказать, положено прочное основаніе изученію и разработкѣ исторіи Симбирскаго края, и, позволительно надѣяться, всѣ, кто обладаетъ письменными памятниками, касающимися исторіи этого края, не преминутъ оказать свое содѣйствіе г. Загоскину къ тому, чтобъ такое полезное изданіе „Матеріаловъ“ не остановилось на приведенномъ нами первомъ томѣ.

Ѳ. В.





ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Оффиціальное буфонство.

Въ МАРТОВСКОЙ книжкѣ „Кіевской Старины" помѣщено слѣдующее извѣстіе:

„Шевченко, передъ своимъ арестомъ въ 1846 году, состоялъ въ качествѣ рисовальщика при кіевской временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, получая въ годъ 150 р. жалованья. Послѣ его ареста, состоялось такое постановленіе комиссіи:

„1847 г., марта 1-го дня. Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ комиссіи Шевченко безъ всякаго согласія комиссіи отлучился изъ Кіева и по комиссіи не занимается—опредѣлили: исключить его изъ числа сотрудниковъ комиссіи съ прекращеніемъ производившагося ему жалованья по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ".

Опредѣленіе это подписали: „предсѣдатель К. Писаревъ, члены: В. Чеховскій, М. Ставровскій и А. Селинъ. Скрѣпилъ дѣлопроизводитель Н. Иванишевъ".

Болѣе къ этому извѣстію „Кіевская Старина" ничего не прибавляетъ, а между тѣмъ небезъинтересно бы, кажется, узнать: кому именно пришло въ голову сочинить такое опредѣленіе, приравнявшее политическій арестъ Шевченко неявкѣ на службу по неизвѣстной причинѣ, и чѣмъ это вызывалось?

Мнѣ кажется, какъ будто я могу въ этомъ кое что пояснить.

Исторія, по которой были арестованы въ Кіевѣ нѣсколько лицъ, и въ числѣ ихъ покойный Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, была у всѣхъ на устахъ въ 1849 году, когда я мальчикомъ пріѣхалъ изъ Орла въ Кіевъ и поселился у дяди моего, профессора Алферьева. Въ домѣ дяди, понынѣ здравствующаго, я встрѣчался почти со всѣми молодыми профессорами тогдашняго университетскаго кружка и, не смотря на мою едва начавшуюся юность, пользовался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ благорасположеніемъ и даже довѣріемъ. Въ числѣ ихъ были даровитый молодой ученый Пилянкевичъ, Якубовскій и Иванъ Мартьяновичъ Вигура, котораго въ Кіевѣ называли „Хвигура". Теперь ни одного изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но тогда они были еще молоды и не раздѣляли довольно общаго безусловнаго поклоненія Бибиковскому „циническому деспотизму". Ни одинъ изъ нихъ не былъ сепаратистомъ, ни агитаторомъ, но

молодому чувству ихъ претило то, что въ характерѣ Дмитрія Гавриловича было циничнаго и глумливаго, а онъ это любилъ, и въ кіевскомъ обществѣ это очень многимъ нравилось. Бибиковскія насмѣшки и издѣвательства надъ людьми, обузданіе которыхъ не представляло никакого затрудненія для твердой власти, передавались изъ устъ въ уста, и рѣдко кто чувствовалъ, что это вовсе не нужно и не возвеличиваетъ характера государственнаго человѣка, облеченнаго такими обширными полномочіями, какими пользовался Бибиковъ. Напротивъ, находились люди, которые изъ всѣхъ силъ старались подражать Бибикову и вторить сколько достанетъ остроумія. Это разводило много своего рода острослововъ или бомотистовъ, между коими пользовались извѣстностію по духовенству и купечеству Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій, а въ университетскомъ кружкѣ профессоръ Николай Дмитріевичъ Иванишевъ. Остроты Аскоченскаго, какъ вся его неуклюжая, семинарская природа, были грубы и „неистовы",—всѣ онѣ отличались рѣзкостію и дерзостію, за которую этотъ Кіевскій Ювеналъ расплачивался несчастіями всей своей жизни, полной траги-комическихъ скачковъ отъ наглости къ пресмыкательству. Но профессоръ Иванишевъ держалъ себя приличнѣе, острилъ помягче и потоньше, и притомъ онъ умѣлъ буфонничать. А какъ къ буфонству имѣлъ склонность и самъ Бибиковъ, то Иванишевскія выходки смѣшили и тѣшили этого государственнаго человѣка. Выходки самого Бибикова въ буфонскомъ родѣ бывали таковы, что многія изъ нихъ даже нельзя изложить въ печати: таковъ, напр., случай съ графиней М—й, имѣвшей привычку вмѣшивать въ разговоръ польскія слова. Иванишевскія остроты бывали также не очень высокой пробы. Бибиковъ, по доносу исправника П—іонко, былъ недоволенъ на одного польскаго графа, который казался исправнику подозрительнымъ, потому что любилъ толковать о политикѣ. Бибиковъ захотѣлъ взять графа „на глаза" въ Кіевъ, но для ареста его никакихъ винъ противъ графа не оказывалось. Тогда его пригласили въ Кіевъ, дабы „доставить ему удовольствіе читать всѣ газеты, какія получались въ домѣ генералъ-губернатора". Графъ жилъ въ Кіевѣ не подъ арестомъ, а только „читалъ газеты". Положеніе его было пресмѣшное, и это всѣхъ тѣшило.

Когда Шевченко былъ арестованъ по обвиненію въ политической неблагонадежности, то его, разумѣется, слѣдовало бы показать исключеннымъ изъ службы по распоряженію начальства. Это было бы правильно, и Дм. Г. Бибиковъ, конечно, не имѣлъ никакого повода скрывать этого, а тѣмъ менѣе кого-то бояться. Но профессоръ Иванишевъ захотѣлъ сбуфонничать въ бибиковскомъ родѣ и, какъ разсказывали, устроилъ слѣдующую потѣху. Будучи дѣлопроизводителемъ комиссіи, состоявшей при генералъ-губернаторѣ, Иванишевъ доложилъ Бибикову, что „Шевченко сталъ ужасно манкировать занятіями, и не только не является на службу, но, по слухамъ, дошелъ до такой дерзости, что будто даже уѣхалъ безъ спроса изъ города"

Бибиковъ разсмѣялся и спросилъ:

— „Неужто онъ смѣлъ уѣхать никому не сказавшись?!

— Да, ваше высокопревосходительство,—не сказался, отвѣчалъ серьезно Иванишевъ.

Тогда и Бибиковъ перешелъ къ тону серьезному.

— „Что же съ нимъ за это слѣдуетъ сдѣлать по закону?" спросилъ онъ Иванишева.

А тотъ, продолжая комедію, отвѣчалъ:

— По закону его за „неявку къ должности и за самовольную отлучку слѣдуетъ исключить изъ службы“.

— „Ну, такъ и поступить по закону“, отвѣчалъ серьезно Бибиковъ.

Иванишевъ въ этомъ родѣ и составилъ оглашенное нынѣ „Кіевскою Стариною“ опредѣленіе, которое подписали всѣ члены комиссіи, и между ними Ставровскій, бездарно излагавшій студентамъ исторію, и Александръ Ивановичъ Селинъ, разсказывавшій съ каѳедры анекдоты и стяжавшій себѣ славу либерала, кажется, болѣе по его свойству съ покойнымъ А. И. Герценомъ.

Такова, какъ мнѣ помнится по разсказамъ, исторія смѣхотворнаго опредѣленія комиссіи объ исключеніи Шевченко со службы. Недостойное серьезныхъ людей опредѣленіе это было сдѣлано солидными учеными Кіевскаго стараго, „благонадежнаго“ университета не для чего иного, какъ ради генералъ-губернаторской потѣхи...

Сообщено Н. С. Лѣсковымъ.

Просьба о пожалованіи „описныхъ“ вотчинъ.

При императрицѣ Елизаветѣ, какъ и въ послѣдующія царствованія, было не мало любимцевъ и временщиковъ. Падалъ одинъ,—возвышался другой. У падшаго, въ большинствѣ случаевъ, отбирались не только чины и ордена, но и недвижимыя имѣнія въ пользу государственной казны. Конфискованныя имѣнія, или (по выраженію дѣльцовъ Елизаветинскаго времени) „описныя вотчины“, къ сожалѣнію, не долго сохранялись правительствомъ „въ казнѣ“. Государственная власть щедро раздавала „подлыхъ людей“ другимъ рабовладѣльцамъ. Происходило нѣчто подобное современному казнокрадству въ пресловутой Уфимской губерніи, съ тою, впрочемъ, разницей, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе прежней формѣ казнокрадства: по крайней мѣрѣ, оно творилось открыто, не исподтишка. Развѣ, спрашивается, не лучше, не честнѣе нынѣшнихъ собственниковъ башкирскихъ земель князь Яковъ Барятинской, жившій тому назадъ 130 лѣтъ? А просилъ князь императрицу Елизавету тако:

„Ея императорское величество, всемилостивѣйшая государыня, ежели соизволитъ, изъ высочайшей своей милости, князя Якова Барятинскаго, съ женою и дѣтьми, крайней его ради нищеты, на пропитаніе и на окупленіе долговъ пожаловать, то имѣются описныя вотчины:

„Подьячаго Никифора Барыбина въ Козловскомъ уѣздѣ, въ селѣхъ Знаменскомъ... Дмитровскомъ, съ деревнями.

„Князя Ивана Путятина въ Суздальскомъ и въ Юрьевскомъ-Польскомъ уѣздахъ, въ селѣ Острѣцовѣ, съ деревнями, да въ селѣ Ребининѣ и въ полуселѣ Ивачевѣ.

„Александра Кайсарова:—въ Оболенскомъ и въ Юрьевско-Польскомъ уѣздахъ, въ селѣ Покровскомъ (Тиньково тожъ), съ деревнями, да въ полуселѣ Ивачевѣ. Всего мужескаго полу 954 души.

„Да бывшаго графа Михаила Головкина земля, съ хуторами, въ Хотьмыжскомъ уѣздѣ, въ селѣхъ Спасскомъ, Антоновкѣ, съ деревнями, Тополи и др.; да въ Малороссіи—въ Лубенскомъ полку, въ селѣ Хорунжевкѣ, въ селѣ Слободкѣ-Гамалѣевской, да въ слободкѣ Антоновкѣ. А во оныхъ мѣстахъ русскихъ (sic!) людей 13 душъ. Да въ помянутыхъ же селѣхъ черкасъ и посполитыхъ людей нѣсколько имѣется поселившихся дворовъ, которые, по своей вольности, временно живутъ, а временно-жъ и переходятъ въ другія мѣста“.

Въ этомъ документѣ любопытно свѣдѣніе, что при императрицѣ Елизаветѣ даже подьячіе владѣли крѣпостными людьми. Къ сожалѣнію, неизвѣстны „вины" подъячаго Барыбина и дворянина Кайсарова, вызвавшія конфискацію ихъ недвижимыхъ имуществъ. Но „вины" бывшаго графа Головкина достаточно извѣстны русской исторіи, и къ ней нашъ документъ прибавляетъ только одну, впрочемъ, тоже не безъизвѣстную черту нравовъ русскаго дворянства, именно—страстную охоту его обращать въ рабство людей вольныхъ, „черкасъ" (т. е. малороссовъ), и „посполитыхъ людей", т. е. подданныхъ польскаго королевства. Имѣло-ли успѣхъ челобитье князя Барятинскаго, намъ неизвѣстно. Ни о какихъ заслугахъ своихъ онъ не упомянулъ, а просилъ только о закрѣпощеніи ему почти тысячи людей „ради нищеты на пропитаніе и окупленіе долговъ"...

Сообщено Л. Н. Трефолевымъ.

Дополнительныя свѣдѣнія о Кандевскомъ бунтѣ.

Въ дополненіе къ статьѣ моей „Бунтъ въ Кандевкѣ" (см. „Истор. Вѣстн.", томъ VI, стр. 542), считаю небезъинтереснымъ сообщить найденное мною при разборѣ моихъ бумагъ донесеніе по этому дѣлу священника Чембарскаго уѣзда, с. Покровскаго, отца Глѣбова.

Это донесеніе можетъ служить дополнительной иллюстраціей къ кандевскому крестьянскому возмущенію. Въ безъискусственной формѣ священникъ Глѣбовъ описываетъ то, что было съ нимъ самимъ; тутъ нѣтъ преувеличенія, потому что все „описанное имъ" вполнѣ подтвердилось позднѣйшимъ слѣдствіемъ.

Вотъ это донесеніе:

„Господину исправнику
Андрею Ивановичу Андрееву,
Чембарскаго уѣзда, села Покровскаго, священника Ефимія Глѣбова
рапортъ.

„Вашему высокоблагородію честь имѣю донести, что сего апрѣля 5 дня (1861 г.) я былъ между жизнью и смертью, а болѣе близокъ къ смерти по слѣдующему случаю: послѣ литургіи, часа въ два пополудни, къ моему дому приступила толпа разъяренной черни, человѣкъ сотъ пять или болѣе, всѣ г. Веригина крестьяне села Покровскаго и деревень: Петровскаго, Ивановки и Екатериновки, кричатъ, бранятся, рвутъ, сквернословятъ, требуютъ волю, волю рѣшительную, совершенную независимость отъ помѣщика, а не отъ кого,—„подай, сейчасъ подай". Мои увѣщанія и убѣжденія оказались безсильными, никуда не годились;—„погодите, подождите, что у людей будетъ, то и у насъ будетъ". „Нѣтъ, подай, сейчасъ подай, нынѣ же подай, а то къ Святой отошлется бумага, и мы опять на 20 лѣтъ останемся барскими". Что ни говори, въ отвѣтъ слышишь одно: „врешь", со всѣми бранными выраженіями и скверными ругательствами; „убьемъ, зарѣжемъ, задушимъ! Міръ—великъ человѣкъ! ты съ барина подарки взялъ, въ людяхъ пришла воля, а у насъ нѣтъ, врешь! Вотъ въ селѣ Высокомъ пришла воля и они теперь вольны?"

„Тутъ былъ одинъ старикъ высокинскій, главный начальникъ бунта, имя его я не знаю, но по всему видно, что онъ усерднѣйшій сотрудникъ сатаны;

подходятъ ближе, приступаютъ плотнѣе; разбиваютъ двери, растворяютъ, кричатъ, бранятъ, сквернословятъ, входятъ въ комнату въ шапкахъ, требуютъ настоятельно; „подай, сейчасъ подай, по клочку разорвемъ, міръ—великъ человѣкъ“. Иной кричитъ: „бей его, бей его“! другой: „тащи его, сюда тащи“! иной: „куй его, вяжи его, души его, а манифестъ твой намъ не надо, подай волю, сейчасъ подай! Она у тебя, врешь!“ съ ругательствами. Защиты мнѣ не было ни отъ кого; за меня никто слова не сказалъ; наконецъ, кто-то сказалъ: „Ну, когда у него нѣтъ, взять съ него росписку; нѣтъ, такъ нѣтъ, а какъ послѣ окажется, отъ нашихъ рукъ не уйдетъ и тогда“; сѣлъ, написалъ и отдалъ имъ въ руки при всѣхъ ихъ, за подписомъ всего причта, что въ Покровской церкви указа объ овольненіи крестьянъ отъ помѣщика нынѣ же рѣшительно никакого нѣтъ, кромѣ одного высочайшаго манифеста, даннаго въ 19 день февраля 1861 года, который манифестъ и обнародованъ всему Покровскому приходу прочтеніемъ въ церкви послѣ божественной литургіи и отправлено Господу Богу молебствіе благодарственное съ колѣнопреклоненіемъ 15-го числа минувшаго марта; росписка эта теперь у нихъ. Получивши отъ меня таковую росписку, бунтовщики отправились въ вотчинную контору, избили тамъ бурмистра и конторщика, а управляющаго дома не было; „по клочку разорвали бы его, счастіе его добро“,—такъ сами говорятъ. Были у него въ домѣ въ шапкахъ же; комоды, ящики, сундуки, все перерыли, волю искали и въ настоящее время вездѣ разставлены караулы; ожидаютъ его, управляющаго, пріѣзда—конечно, хотятъ исполнить свое намѣреніе; изъ конторы опять пришли ко мнѣ, привели съ собой бурмистра и конторщика, избитыхъ жестоко; злость ихъ примѣтно еще болѣе усилилась: подошли къ моему дому, обступивши вокругъ; выходу изъ дому не даютъ никуда и ничего не говорятъ, ожидаютъ старика, начальника бунта; подходитъ старикъ и говоритъ: „погодите, ребята, схожу въ шинокъ, выпью винца и тогда попа задушимъ“. Сходилъ, выпилъ, приходитъ и вотъ пьяный, разъяренный, точно сумасшедшій, а за нимъ и всѣ какъ безумные, вызываютъ меня на улицу, кричатъ: „выдь сюда, выдь сюда добромъ, выдь!“ Съ ругательствомъ старикъ впереди стоитъ; я было вышелъ, посмотрѣлъ на нихъ; „нѣтъ, выдь сюда, подальше, подальше выдь, а то вытащимъ“.

„Дьячекъ мой что-то сказалъ старику, а старикъ въ отвѣтъ ударилъ его кулакомъ по лицу и у него потекла кровь; видя такую бѣду, я воротился назадъ въ комнату и обратился съ молитвою къ Божіей Матери и, въ ожиданіи смерти, читалъ акафистъ Покрову Божіей Матери. Домашніе мои всѣ молились и плакали. Не видя моего выхода на улицу, бунтовщики растворяютъ двери, входятъ въ комнату всѣ въ шапкахъ, съ бранью, съ крикомъ.

„Старикъ пьяный, злой, вырвалъ у меня книгу, бросилъ на полъ, говоря: „Ты, пожалуй, всю ночь будешь молиться, нечего глядѣть на тебя“; рванулъ меня за рукавъ, перевернулъ и сильно тащилъ на улицу; ему двое помогали, одинъ ивановскій, Иванъ Маркинъ, а другой, говорятъ, кантонистъ екатериновскій; двери растворены и одинъ с. Покровскаго, Иванъ Живовъ, стоялъ на порогѣ и громко кричалъ: „тащи, тащи его сюда, міръ—великъ человѣкъ; подай, сейчасъ подай, по клочку разорвемъ; нечего глядѣть, поскорѣй, поскорѣй“. При помощи Царицы Небесной, я сильно противился имъ; словъ никакихъ не говорилъ, языкъ онѣмѣлъ,—испугался, помертвѣлъ. Жена и дѣти плакали, кричали; при всѣхъ усиліяхъ, они не вытащили меня, оставили пока и строго пригрозили: „Вотъ мы завтра съѣздимъ въ Высокое, возьмемъ съ собою конторщика и бурмистра, привеземъ оттуда бумагу—волю, и тогда ужъ не

прогнѣвайся: попа задушимъ, намъ солдаты не солдаты, пушка не пушка, мы на то пошли"—и отправились отъ меня въ 8-мъ часу вечера. Съ господскаго двора скотъ рогатый разобрали. 6-го числа, только что отслужилъ обѣдню, иду изъ церкви домой, опять собираются къ моему дому тѣ же и верхомъ, и пѣшкомъ, и съ ними еще аржуковскіе г. Жемчужникова крестьяне и старикъ высокинскій тутъ же; изъ Высокаго воротились, прочитали тамъ манифестъ два раза; одинъ брали изъ церкви, другой изъ конторы; вытребовали у меня тотъ же манифестъ, прочитали два раза; въ первый разъ читалъ конторщикъ Иванъ Бакаровъ, второй дворовый человѣкъ Иванъ Ульяновъ съ толкованіями; вотъ еще бѣда: въ Высокомъ къ высочайшему манифесту подвязанъ указъ, а у насъ нѣтъ; тамъ 5 листовъ, а у насъ четыре. „Бей попа, не то вретъ, утаилъ!" послышались ругательства. Спрашиваю конторщика, какъ же тамъ 5 листовъ? отвѣчаетъ: „тамъ указъ подвязанъ къ манифесту, и вышло 5 листовъ". Вынесъ указъ. „Да развѣ такъ-то по лоскутику даютъ? врешь, не то!" Но конторщикъ и бурмистръ растолковали имъ: „Такъ, это такъ, развѣ въ людяхъ-то такая то воля? что это за воля! Тутъ должна быть золотая печать, георгіевскій крестъ, царское знамя; врешь, не то, листы выдраны, сговорились, не то, подавай намъ указъ 20 марта; ни дня, ни минуты барину работать не будемъ, податей съ насъ царь не будетъ требовать 20 лѣтъ, земля вся намъ, лѣса, луга, господскія строенія — все наше, а барину нѣтъ ничего. Господъ, поповъ, бей, души!"

„Крикъ, шумъ, буйство всеобщее и безумію ихъ конца нѣтъ; требуютъ еще таблицу: „Подай таблицу!" Какую же именно, никто не объяснитъ, а требуютъ настоятельно. „Но у насъ, въ церкви, никакой таблицы нѣтъ". Конторщикъ приносилъ имъ изъ конторы таблицу и читалъ.

„У меня теперь жена и дѣти отъ испуга больны, да и самъ я чувствую отъ такого бунта сильное круженіе головы и лихорадку. Къ тому же и нынѣ все толкуютъ: „Попа выгнать по шеѣ—по лоскутку выноситъ! Затаилъ, выгнать его, выгнать! Поповъ много—еще дадутъ".

„При семъ не излишнимъ считаю объяснить вамъ, что я боюсь ѣздить по деревнямъ съ христіанскими требами, особенно ночью — убьютъ. Во время бунта, діаконъ и дьячекъ находились у меня въ домѣ и слышали и видѣли все вышеизложенное; дать знать о семъ земской полиціи въ то же время было невозможно: вездѣ были разставлены караулы. Такъ, я 6-го числа послалъ записку въ с. Высокое къ священнику извѣстить о своемъ положеніи; посланнаго церковнаго старосту Кузьму Андреева поймали въ с. Высокомъ петровскіе крестьяне, разспросили: „куда, зачѣмъ"; нашли грамотнаго, отдали ему записку и велѣли распечатать и читать; „нѣтъ, говоритъ, это къ нашему попу, пойдемъ туда"; пришли и заставили читать при всѣхъ; причемъ находились крестьяне петровскіе Михаилъ Еремин и Андрей Юдинъ и покровскій Василій Свадьбинъ.

„О чемъ донося вашему высокоблагородію, прошу васъ сдѣлать надлежащее со стороны вашей распоряженіе. Священникъ Евфимій Глѣбовъ къ сему рапорту руку приложилъ".

Сообщено С. Н. Худековымъ.



СМѢСЬ.

Дневникъ Дмитрія Ростовскаго. Г. Кулжинскій пишетъ въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости" изъ Чернигова, что въ библіотекѣ Елецкаго монастыря онъ отъискалъ собственноручный дневникъ бывшаго настоятеля и архимандрита этой обители, впослѣдствіи святителя и всея Россіи чудотворца Дмитрія Ростовскаго. Въ этомъ дневникѣ изображена внутренняя жизнь монастыря. Тамъ же есть рукописи на латинскомъ языкѣ, по всей вѣроятности, того же автора, а равно книга латинскаго шрифта древняго уніатскаго періода.

† **В. А. Прохоровъ.** 28-го іюня, въ 3½ часа пополудни, на дачѣ въ Старомъ Петергофѣ, скончался, отъ паралича сердца и легкихъ, Василій Александровичъ Прохоровъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ русскихъ археологовъ и этнографовъ, высоко цѣнимый всѣми, занимающимися у насъ изученіемъ отечественныхъ памятниковъ. В. А. Прохоровъ родился въ 1819 году, въ Орловской губерніи. Въ 1838 году, онъ окончилъ курсъ въ одесскомъ ришельевскомъ лицеѣ, и потомъ тотчасъ же переселился въ Петербургъ, котораго уже болѣе не покидалъ. Сначала онъ имѣлъ намѣреніе посвятить себя живописи, и для этого поступилъ въ академію художествъ ученикомъ къ профессору Маркову, но, дойдя до натурнаго класса и не чувствуя въ себѣ достаточно силъ для того, чтобъ сдѣлаться вполнѣ художникомъ, оставилъ академію, и въ 1844 году поступилъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но главное его занятіе было постоянно — изученіе древне-русскаго и византійскаго искусства. Скоро онъ основательно познакомился со всѣми русскими и иностранными сочиненіями, трактовавшими о любимомъ его предметѣ, и въ то же время началъ собирать всевозможные предметы древне-русскаго производства, имѣвшіе художественно-національный характеръ. Для этого онъ предпринималъ неоднократно путешествія по Россіи и побывалъ во всѣхъ главныхъ центрахъ, гдѣ сохранились архитектурные и живописные памятники древне-русскаго искусства, а также и тѣ центры, гдѣ до сихъ поръ еще не уничтожились окончательно, подъ вліяніемъ иностранныхъ модъ, русскій національный костюмъ и разнообразные предметы народной русской орнаментистики, утвари, костюма, вообще быта. Его коллекція сдѣлалась въ немного лѣтъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи, особенно благодаря обширнымъ его знакомствамъ и связямъ въ средѣ русскаго старообрядства, какъ извѣстно, вѣрнаго и надежнаго хранителя старинныхъ русскихъ преданій, а вмѣстѣ и бытовыхъ, и художественныхъ памятниковъ древней Руси. Въ немного лѣтъ, В. А. Прохоровъ пріобрѣлъ, и по всей справедливости, репутацію одного изъ лучшихъ и тончайшихъ нашихъ знатоковъ древней русской иконописи, архитектуры и всяческихъ древне-русскихъ художественно-бытовыхъ памятниковъ, такъ что, въ 1860 году, когда, по новому уставу академіи художествъ, открытъ былъ обязательный курсъ исторіи для учениковъ ака-

деміи, В. А. Прохоровъ, приглашенный читать лекціи исторіи, получилъ въ то же время порученіе устроить образовывавшійся тогда, при академіи, „древне-христіанскій и русскій музей". Этотъ музей, какъ извѣстно, образовался по мысли князя Г. Г. Гагарина, тогдашняго вице-президента академіи, на подобіе „древне-христіанскаго музея", созданнаго знаменитымъ Пиперомъ при берлинскомъ университетѣ. Главными составными частями вошли туда: цѣлая масса прописей, въ натуральную величину и въ краскахъ съ огромныхъ фресокъ и съ безчисленныхъ рисунковъ въ рукописяхъ аѳонскихъ монастырей, прописи, только-что привезенныя въ 1866 году Севастьяновымъ съ Аѳона и подаренныя имъ академіи. Затѣмъ, въ этотъ музей вошли многіе древне-русскіе архитектурныя и скульптурныя произведенія, вывезенныя покойнымъ профессоромъ А. М. Горностаевымъ, напримѣръ, „халдейская пещь", „корсунское паникадило", собраніе деревянныхъ раскрашенныхъ статуй, изображающихъ св. Николая и другихъ святыхъ, со временъ Петра Великаго свезенныхъ со всей Россіи и хранившихся въ ризницѣ новгородскаго Софійскаго собора и т. д., и т. д. В. А. Прохоровъ лекціи исторіи преподавалъ въ академіи художествъ всего одинъ только годъ, и исключительно занялся своимъ любезнымъ, своимъ дорогимъ „древне-христіанскимъ и русскимъ музеемъ". Онъ завѣдывалъ имъ цѣлые 22 года, и помогъ ему достигнуть значительной степени развитія, интереса и совершенства. Въ 60-хъ годахъ В. А. Прохоровъ участвовалъ въ устройствѣ и другого еще народнаго музея въ Петербургѣ—этнографическаго музея Географическаго общества. Между тѣмъ, В. А. Прохоровъ ревностно продолжалъ свои изученія по части русской иконографіи, костюма и т. д. и съ 1862 года началъ свое періодическое изданіе: „Христіанскія древности", издававшіяся съ высочайшаго соизволенія, на что и получалъ, по докладу покойному государю императору князя Г. Г. Гагарина, небольшое денежное пособіе отъ правительства. Изданіе это шло съ перерывами, несмотря на то, что В. А. Прохоровъ завелъ небольшую хромолитографію, собственно для этого изданія. Онъ издалъ „Сборникъ русской архитектуры" сначала по рисункамъ рукописей, начиная съ XI-го вѣка („Святославовъ Сборникъ" и т. д.), и продолжая потомъ древними нашими уцѣлѣвшими архитектурными памятниками; потомъ онъ издалъ „Сборникъ русскихъ костюмовъ", тоже по рисункамъ рукописей и другихъ памятниковъ, начиная съ древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ съ XI-го вѣка. Точно также онъ издалъ, отдѣльной монографіей, архитектуру и живопись церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ, на подробное изученіе которой онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ эти изданія составляютъ рядъ изученій, имѣющихъ крупное значеніе для нашей археологической, исторической и этнографической науки.

„Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной. С.-Петербургъ, 1881 года" были послѣднимъ трудомъ В. А. Трудъ этотъ остался неоконченнымъ, но превосходнѣйшихъ матеріаловъ заготовлено много, и, надо надѣяться, изданіе будетъ доведено до конца, т. е. до исхода XVII-го вѣка, сыномъ покойнаго, въ послѣднее время участвовавшимъ въ трудахъ отца, и помогавшимъ ему всего болѣе во время послѣдней продолжительной его болѣзни.

Замѣтки и поправки.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (томъ VIII), въ отдѣлѣ „Критика и Библіографія", на стр. 683, въ числѣ воспитанниковъ Дворянскаго полка, ознаменовавшихъ себя на государственной службѣ полезною дѣятельностію, названъ генералъ Бруннеръ. Если рѣчь идетъ о бывшемъ начальникѣ казанскаго военнаго округа генералъ отъ инфантеріи Андреѣ Осиповичѣ Бруннерѣ, то онъ былъ воспитанникъ не Дворянскаго полка, а московскаго корпуса, откуда выпущенъ въ 1833 году, если не ошибаюсь, лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ. Его товарищами по выпуску въ гвардію были: Померанцевъ, Ѳедотовъ (извѣстный художникъ) и Своевъ (нынѣ генералъ отъ инфантеріи). Имена трехъ первыхъ— Бруннера, Померанцева и Ѳедотова внесены въ московскомъ корпусѣ на свѣтломраморную доску.

А. Корсаковъ.

чекъ, кожа ея сдѣлалась болѣе нѣжной и цвѣтъ лица болѣе бѣлымъ, чѣмъ прежде; полнота, портившая молодую дѣвушку, шла къ женщинѣ зрѣлыхъ лѣтъ. Вдобавокъ, нарядъ принцессы отличался самымъ утонченнымъ вкусомъ и лицо ея сіяло такимъ торжествомъ, что принцъ Уэльскій не могъ подавить чувства злобы. Онъ отвѣсилъ женѣ притворно-почтительный поклонъ и, поднявъ голову, сказалъ въ-полголоса, съ ядовитою усмѣшкой:

— Первая ставка ваша!... Увидимъ, чья будетъ послѣдняя.

Каролина поблѣднѣла, не переставая улыбаться, и сдѣлала слабый жестъ рукой, какъ будто желая сказать: мнѣ все равно!

Съ этимъ супруги разстались, чтобы болѣе не встрѣчаться.

II.

Образъ жизни принцессы Уэльской въ Кенсингтонскомъ дворцѣ почти ничѣмъ не отличался отъ ея образа жизни въ Монтэгъ-Гоузѣ. Вокругъ нея по-прежнему былъ тѣсный кружокъ друзей, и дружественныя связи ея, какъ и всегда, были болѣе пылкими, чѣмъ прочными. Полученный ею жестокій урокъ не только не научилъ ее осторожности, но, казалось, еще усилилъ ея наклонность ничѣмъ не стѣсняться. Показалъ-ли онъ безполезность принциповъ нравственности, или они и не были никогда усвоены ей, но только она теряла ихъ все болѣе и болѣе незамѣтно для самой себя. Она сознавала, что честь ея сдѣлалась предметомъ толковъ въ парламентѣ, клубахъ и тавернахъ; репутація ея стала знаменемъ, переходившимъ изъ рукъ одной партіи въ руки другой, и будь она добродѣтельна до аскетизма,—все равно, клеветы ея враговъ не пощадили бы ее. Съ другой стороны, она знала, что, какъ бы ни была велика ея распущенность, ея сторонники всегда будутъ дѣлать видъ, что не вѣрятъ ей. Ее обвинили въ преступленіяхъ, которыхъ она не совершала, и оправдали въ проступкахъ, которые были очевидны. Значитъ, что̀ бы она ни дѣлала, но для однихъ—она всегда останется святою, а для другихъ — погибшею женщиной. Если прибавить къ этой увѣренности праздность, одиночество, сожалѣнія о погибшей молодости, жажду сильныхъ ощущеній и порывы пылкой натуры, при отсутствіи всякихъ возвышенныхъ идеаловъ, то нельзя не признать, что такія ненормальныя условія могли бы затемнить и болѣе сильный умъ.

Страсть принцессы къ приключеніямъ возрастала съ каждымъ днемъ. Она любила сидѣть въ сумерки, закутавшись въ бурнусъ, въ той части Кенсингтонскаго парка, которая была открыта для публики, и вступать въ разговоры съ гуляющими. Если ей удавалось навести рѣчь на принцессу Уэльскую, узнать, что̀ о ней говорятъ, что̀ думаютъ объ обвиненіяхъ, которыя взвели на нее ея враги,—то она

была на верху счастія. Каролина знала, что она популярна, благодаря презрѣнію, которое внушалъ ея мужъ и гонитель, и упивалась этой популярностью. Страсть къ приключеніямъ заводила ее на маскарады. Она уходила тайкомъ изъ дворца, въ сопровожденіи одной изъ своихъ дамъ; нанимала фіакръ и, переодѣвшись гдѣ нибудь въ гостинницѣ, отправлялась наслаждаться новыми ощущеніями среди незнакомой, многолюдной толпы. Иногда она выходила совсѣмъ одна, пѣшкомъ, и входила въ дома жителей ближняго квартала, подъ предлогомъ желанія нанять квартиру. Она вступала въ разговоры съ обывателями, знакомилась съ ихъ домашней обстановкой, съ ихъ семейными дѣлами, и если ее узнавали, то это только дополняло ея удовольствіе. Возвратившись домой, она тѣшила своихъ гостей разсказами объ этихъ экскурсіяхъ. Собиравшееся у нея общество никакъ нельзя было назвать отборнымъ. Ни одинъ домъ не былъ такъ доступенъ, какъ домъ принцессы Уэльской. Случалось, что она не знала даже именъ своихъ гостей. Англійскій обычай, требующій, чтобы дамы уходили въ концѣ обѣда, оставляя мужчинъ за виномъ, никогда не соблюдался въ ея домѣ. Она любила засиживаться за столомъ до поздней ночи, болтая и хохоча со своими гостями, а когда они начинали дремать,—она съ насмѣшками отсылала ихъ спать.

Лучшимъ удовольствіемъ ея было проводить свободные вечера въ семьѣ музыканта Саппіо, — итальянца, у котораго она брала уроки пѣнія и игры на арфѣ. Свобода и южная веселость, царствовавшія въ этомъ артистическомъ кружкѣ, были для нея истиннымъ наслажденіемъ. Въ этой нѣмецкой гризеткѣ, перенесенной въ холодную сферу самаго чопорнаго изъ европейскихъ дворовъ, было что-то цыганское, что дѣлало для нея невыносимымъ англійскій формализмъ. Безпечность была господствующей чертой этого характера. Даже смерть отца, убитаго близъ Іены во время сраженія, при загадочныхъ обстоятельствахъ, не произвела на нее большого впечатлѣнія, точно также, какъ и прибытіе въ Англію ея матери, герцогини Брауншвейгской, потерявшей корону и бѣжавшей изъ своей страны. Пріемъ, сдѣланный ей въ Англіи, далеко не отличался радушіемъ. Несмотря на то, что она была родная сестра короля, ей предоставили поселиться въ наемномъ меблированномъ домѣ, гдѣ она должна была существовать на деньги, вырученныя отъ продажи ея драгоцѣнностей. Не только обязанности дочери, но и политическій разсчетъ предписывали Каролинѣ предложить матери гостепріимство, чтобы прикрыться ея именемъ; но принцесса слишкомъ дорожила своею свободой, чтобы добровольно подчиниться такому стѣсненію. Общество стариковъ, окружавшихъ ея мать, нагоняла на нее зѣвоту, а Каролина, по ея собственнымъ словамъ, могла примириться со всѣмъ, кромѣ скуки.

Для характеристики Каролины Брауншвейгской не мѣшаетъ привести отзывъ одной изъ самыхъ близкихъ къ ней придворныхъ дамъ:

„Я не знавала женщины болѣе странной, чѣмъ принцесса Уэльская, писала леди Кэмпбель. Иногда она кажется полной чувства и ума, и даже обнаруживаетъ рѣдкую возвышенность идей; а въ другой разъ она нисходитъ въ своемъ образѣ мыслей и выраженіяхъ до невѣроятной грубости. Сегодня—это мишура, завтра—золото и бриллiантъ, а въ иной разъ просто-на-просто грязь, или даже нѣчто худшее". Каролина мотала деньги и вѣчно нуждалась въ нихъ. Ея двадцатитысячная пенсія всегда была затрачена впередъ и ей пришлось ходатайствовать у мужа о прибавкѣ еще двухъ тысячъ. Принцъ Уэльскій согласился на эту прибавку, но предупредилъ, что онъ не приметъ больше никакихъ просьбъ отъ жены.

По обычаю всѣхъ женщинъ, разошедшихся съ мужьями, Каролина находила величайшее удовольствіе въ сплетняхъ и пересудахъ о томъ, что дѣлалось въ Карльтонскомъ дворцѣ. Цѣлый полкъ фаворитовъ и шпіоновъ существовалъ доносами и сплетнями супруговъ другъ на друга. Каролина не удовлетворилась своимъ оправданіемъ и не примирилась съ тѣмъ, что подробности „щекотливаго изслѣдованія" остались оффиціальной тайной. Она жаждала мести, шума, скандала. Ей хотѣлось новаго слѣдствія, публичнаго, въ которомъ она могла бы смѣло выступить противъ своихъ гонителей и восторжествовать надъ ними при рукоплесканіяхъ толпы. Одно только удерживало ее: это формальная воля короля, который рѣшительно воспротивился огласкѣ. Георгъ III, набожный въ вѣкъ вольнодумства и воздержанный среди всеобщей распущенности, внушалъ своей семьѣ уваженіе, смѣшанное со страхомъ, хотя подданные, прозвавшіе его *фермеромъ Джорджемъ*, не раздѣляли этого чувства. Но физическое и умственное разслабленіе короля усиливалось съ каждымъ годомъ и скрывать его становилось трудно. Почти слѣпой и совершенно глухой, онъ, вдобавокъ, въ пятый разъ впалъ въ помѣшательство.

Однажды, въ Виндзорѣ, слуги, явившіеся раздѣвать короля, не нашли его въ спальнѣ. Поднялась тревога; стали искать по всѣмъ комнатамъ и нашли короля въ парадной залѣ, на престолѣ, въ раззолоченномъ мундирѣ и въ орденахъ. Онъ воображалъ, что присутствуетъ на какой-то церемоніи.

— Ваше величество, ужъ десять часовъ, объявилъ камеръ-лакей.

— Господинъ посолъ, величественно отвѣтилъ король,—я съ удовольствіемъ принимаю выраженіе дружбы отъ вашего августѣйшаго монарха...

— Ваше величество изволите ошибаться. Я не посолъ, а вашъ нижайшій слуга.

Георгъ III сдѣлалъ пируэтъ и расхохотался.

— Зовите дамъ! Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ Бонни (Бонапартъ) завербовалъ въ свою армію мошенниковъ итальянцевъ, воевать иначе нельзя, какъ подъ музыку. Вѣдь они всѣ музыканты. Я протанцую

джигу съ другомъ Коллингвудомъ. Только смотрите, не проговоритесь королевѣ, прибавилъ онъ таинственно.

— Осмѣливаюсь напомнить, что врачи предписали вашему величеству ложиться спать не позже десяти часовъ.

— Врачи! Уиллисъ! что̀ онъ понимаетъ?.. Къ оружію! всѣ къ оружію! пора покончить съ дерзкимъ народомъ! Вотъ они, мои воины! Нѣтъ! со мною не сдѣлаютъ того, что сдѣлали съ Людовикомъ XVI! Нѣтъ! нѣтъ!..

И король храбро проскакалъ по залѣ верхомъ на своей трости, крича: „Солдаты! Я доволенъ вами! Насъ ждутъ новыя побѣды!“ Потомъ онъ вдругъ повернулся къ воображаемымъ дамамъ и сталъ любезно извиняться передъ ними въ томъ, что чай былъ не горячъ и имѣлъ странный вкусъ.

Слуги схватили его. Онъ бился въ ихъ рукахъ и плакалъ, какъ дитя. Вмѣсто царственной мантіи, его облачили въ горячечную рубашку и принялись, по варварскому обычаю того времени, лечить хлыстомъ. Придворный врачъ Уиллисъ считалъ своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ примѣнять къ королю этотъ способъ леченья съ особеннымъ усердіемъ.

Принцъ Уэльскій сдѣлался регентомъ и первымъ дѣломъ его было дезертировать изъ лагеря виговъ къ торіямъ, которымъ, разумѣется, пришлось пожертвовать для этого принцессой Уэльской. Естественнымъ результатомъ этого сталъ переходъ на ея сторону виговъ, успѣвшихъ убѣдиться собственнымъ опытомъ, какимъ сильнымъ оружіемъ могла она служить въ рукахъ оппозиціи.

Однимъ изъ вопросовъ, постоянно грозившихъ снова возжечь войну между супругами, было положеніе, созданное ихъ враждой для ихъ дочери, принцессы Шарлотты. Пока она была ребенкомъ и пока не омрачился умъ короля, отношенія къ ней родителей регулировались самимъ королемъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ право навѣщать дочь и получать отъ нея визиты по одному разу въ недѣлю. Но, едва сдѣлавшись регентомъ, принцъ Уэльскій изъявилъ намѣреніе ограничить сношенія принцессы Шарлотты съ ея матерью, подъ тѣмъ предлогомъ, что для 14-ти-лѣтней дѣвушки вліяніе подобной женщины могло быть опаснымъ. Строго обвинять его за эту мѣру было бы несправедливо, такъ какъ его предубѣжденіе противъ жены было совершенно искреннимъ. Но и враги его съ неменьшею искренностью объяснили себѣ его рѣшеніе—не сознаніемъ отеческаго долга, а ненавистью къ женѣ.

Ребенокъ, поставленный между родителями, которые ненавидятъ другъ друга, инстинктивно привязывается къ той сторонѣ, гдѣ онъ видитъ болѣе нѣжности и ласки. Принцъ Уэльскій всегда былъ холоденъ къ своей дочери и лишь изрѣдка отрывался для нея отъ своихъ удовольствій, тогда какъ Каролина, пылкая во всѣхъ своихъ привязанностяхъ и увѣрявшая себя и другихъ, что вся ея любовь

сосредоточена на отнятомъ у нея ребенкѣ, осыпàла дочь ласками и восхищалась каждымъ ея словомъ. Само собою разумѣется, что дѣвочка незамедлила сдѣлать выборъ между отцомъ и матерью и всей душой привязалась къ послѣдней. Окружающіе тщетно старались скрывать это пристрастіе; отецъ скоро угадалъ его. Понятно, что его рѣшеніе, слишкомъ походившее на месть, не могло не показаться жестокимъ деспотизмомъ.

Негодованію Каролины не было границъ, когда она узнала объ этихъ новыхъ стѣсненіяхъ. Она разразилась горькими жалобами на мужа и незамедлила вступить съ дочерью въ тайную переписку. Пятнадцатилѣтней принцессѣ естественно нравились эти романическія сношенія, но Каролина не удовольствовалась этимъ: ей нужно было, чтобы вся публика знала о страданіяхъ ея материнскаго сердца. Однажды, встрѣтивъ на улицѣ экипажъ своей дочери, она послѣдовала за нимъ, догнала его въ Гайдъ-Паркѣ и, когда оба экипажа поровнялись и остановились, мать съ дочерью, при всей публикѣ, выскочили изъ экипажа и бросились другъ другу въ объятія. Черезъ часъ, весь Лондонъ говорилъ объ этомъ эпизодѣ и на слѣдующій день во всѣхъ газетахъ описывалась эта трогательная сцена.

Кончилось тѣмъ, что молоденькая принцесса открыто возмутилась противъ своего отца и написала ему почтительное, но твердое письмо, въ которомъ требовала себѣ свободы и права видѣться съ матерью во всякое время. Регентъ пришелъ въ ярость; понадобилось вмѣшательство королевы, лорда-канцлера, и въ Виндзорѣ произошла шумная семейная сцена. Принцъ грубо выругалъ дочь и объявилъ ей, что она не получитъ свободы, пока не выйдетъ замужъ. Шарлотта промолчала, но не смутилась и тотчасъ обо всемъ написала матери.

— Какова твердость! каковъ характеръ! въ восторгѣ восклицала принцесса Уэльская, показывая всѣмъ письмо дочери.

Дѣло становилось серьезнымъ. Въ виду участія публики, возбужденнаго этимъ семейнымъ споромъ, оппозиція рѣшилась перенести вопросъ на парламентскую почву. Дѣло шло о наслѣдницѣ престола, и англійская нація была вправѣ считать себя настолько же заинтересованной въ воспитаніи принцессы, какъ и ея отецъ. Самые вліятельные и дѣятельные изъ вожаковъ либеральной партіи, Брумъ и Уайтбрэдъ, сдѣлавшіеся совѣтниками королевы послѣ измѣны торіевъ, рѣшились воспользоваться, для политической агитаціи, раздорами въ королевской семьѣ, волновавшими всѣ классы общества.

Въ виду того, что регентъ заперъ свою дочь въ Крэнборнъ-Лоджѣ, уединенной виллѣ, въ глубинѣ Виндзорскаго парка, рѣшено было, чтобы принцесса Уэльская протестовала противъ этого заключенія въ формѣ письма къ регенту, съ изложеніемъ всѣхъ своихъ материнскихъ жалобъ. Письмо было сочинено Брумомъ; Каролинѣ оставалось только переписать его и приложить свою подпись къ этому образцовому произведенію, дышавшему твердостью, разсудительностью

и кротостью. Каролина требовала въ немъ публичнаго суда, разоблаченія всѣхъ подробностей „щекотливаго изслѣдованія“ и полнаго возстановленія своей чести. О принцессѣ Шарлоттѣ въ письмѣ говорилось: „Чѣмъ объяснить въ глазахъ страны подобную систему заключенія, удаляющую будущую монархиню Англіи отъ всѣхъ общественныхъ сношеній, лишающую ее всякой возможности пріобрѣсть знаніе свѣта, столь необходимое въ ея будущемъ высокомъ положеніи? Что, если она будетъ внезапно призвана судьбой къ занятію престола, и вступитъ на него съ меньшею опытностью и знаніемъ жизни, чѣмъ всякая другая дѣвушка ея лѣтъ?“ Письмо это было адресовано сначала на имя регента, но осталось безъ отвѣта. Тогда копія съ него была отправлена къ лорду-канцлеру, съ просьбй прочесть ее принцу. Лордъ Ливерпуль извѣстилъ, что просьба принцессы исполнена, но его высочество не далъ никакого отвѣта.

Совѣтники принцессы были въ восторгѣ. Мирные пути были испробованы и теперь оставалось только предъявить регенту прошеніе его жены въ формѣ парламентскаго запроса.

Мѣра эта была уже рѣшена, какъ вдругъ письмо принцессы появилось цѣликомъ въ газетѣ „Morning Chronich“. Никто не зналъ виновника этой нескромности. Письмо произвело на публику громадное впечатлѣніе и всѣ газеты перепечатали его на первой страницѣ, въ сопровожденіи грустныхъ коментаріевъ.

Принцъ Уэльскій, заподозривъ, что письмо было сообщено въ газеты самою Каролиной, велѣлъ лорду-канцлеру написать ей, что свиданія ея съ дочерью отсрочиваются на неопредѣленное время, „вслѣдствіе оглашенія въ печати ея письма“. Каролина, приведенная этой инсинуаціей въ справедливое негодованіе, поручила леди Гоуардъ отвѣтить канцлеру, что предположеніе регента, будто она сама послала въ газеты письмо, „такъ же ложно, какъ и всѣ другія клеветы, взводимыя на нее негодяями“, и что совѣтники регента „должны бы стыдиться, что они внушили ему, на основаніи простаго предположенія, такую мѣру, которая оскорбляетъ въ одно и то-же время законы природы и законы страны“.

Однако, оглашеніе письма уже успѣло глубоко взволновать общественное мнѣніе. Важный документъ этотъ, разоблачая тайну королевской семьи, прямо переносилъ дѣло на судъ націи. Въ странѣ, привыкшей считать честь своего царствующаго дома тѣсно связанною съ честью англійскаго народа, вопросъ этотъ дѣлался нѣкоторымъ образомъ личнымъ вопросомъ каждаго. Притомъ же невинная дѣвушка, судьба которой рѣшалась въ этомъ грустномъ спорѣ, была будущая королева Англіи.

Съ другой стороны, вызовъ былъ сдѣланъ слишкомъ прямо, чтобы регентъ и министерство могли оставить его безъ отвѣта. Собралось экстренное засѣданіе тайнаго совѣта, съ участіемъ коронныхъ юристовъ, и черезъ пять дней послѣ обнародованія газетами письма прин-

цессы, „щекотливое изслѣдованіе“ возобновилось,—на этотъ разъ передъ всѣми членами министерства. Всѣ документы слѣдствія 1806 г. были вынуты изъ архивовъ; всѣ свидѣтели, которыхъ еще можно было найти, были снова вызваны. Вся Англія ждала съ напряженнымъ любопытствомъ исхода этого новаго тайнаго процесса. Но каково же было общее изумленіе, когда узнали, что единственнымъ результатомъ новаго слѣдствія былъ простой докладъ регенту, постановлявшій, что „въ виду документовъ, оставленныхъ слѣдствіемъ 1806 г., сношенія принцессы Шарлотты съ ея матерью должны быть подчинены строгимъ правиламъ“. Подъ этимъ докладомъ стояли имена всѣхъ министровъ и двухъ архіепископовъ. Едва получивъ копію съ этой резолюціи, Каролина препроводила ее къ президентамъ обѣихъ палатъ, съ приложеніемъ протеста, въ которомъ она требовала гласнаго суда и права защищаться. Президентъ палаты лордовъ, которымъ былъ не кто другой, какъ самъ лордъ-канцлеръ, отказался прочесть письмо принцессы этому собранію; но спикеръ палаты общинъ прочелъ его, и палата, признавъ дѣло неотложнымъ, назначила обсужденіе его черезъ три дня.

Оффиціозныя газеты прикусили язычекъ, между тѣмъ какъ вся независимая печать съ негодованіемъ напала на министерство, возмущаясь тѣмъ, что женѣ наслѣдника престола отказываютъ въ правахъ, въ которыхъ не можетъ быть отказано, въ свободной странѣ, послѣднему изъ граждакъ. Отвѣчать палатѣ отъ имени министерства долженъ былъ министръ-президентъ, Кэстльригъ, положеніе котораго было крайне затруднительно, такъ какъ въ 1807 г. онъ былъ членомъ торійскаго кабинета, громко провозгласившаго невинность Каролины, а теперь находился въ лагерѣ ея враговъ. Онъ выпутался, однако, довольно ловко, свадивъ вину на бестактность друзей принцессы, пытавшихся подкрѣпить ея протестъ ни на чемъ не основанными предположеніями, въ родѣ того, будто цѣлью „щекотливаго изслѣдованія“ было „перемѣщеніе наслѣдственнаго права на корону“. Министръ прибавилъ, что дѣло шло о спеціальномъ фактѣ, въ которомъ комиссія оправдала принцессу и слѣдующее министерство подтвердило это оправданіе. Провозгласивъ еще разъ ея невинность, Кэстльригъ успѣлъ склонить палату перейти къ очереднымъ дѣламъ.

На этотъ разъ торжество Каролины было полное. Министерство признало себя побѣжденнымъ, и печать хоромъ осудила ея гонителей. Чтобы усилить впечатлѣніе этой побѣды, друзья принцессы послѣдовательно обнародовали ея переписку съ принцемъ Уэльскимъ и съ Георгомъ III, со времени разлуки ея съ мужемъ. Публика была глубоко тронута; сожалѣнія газетъ о грустной судьбѣ принцессы доходили до лиризма. „Никогда еще, говорили онѣ, твердость женщины не подвергалась такому тяжелому испытанію. Принцессу судили четыре комиссіи, три министерства и палата общинъ,—и во всѣхъ этихъ инстанціяхъ она оправдана!....“

Но дѣло этимъ не кончилось. Регентъ велѣлъ обнародовать въ двухъ оффиціозныхъ органахъ всѣ тайные протоколы „щекотливаго изслѣдованія". Вся грязь свидѣтельскихъ показаній противъ принцессы, хранившаяся въ тайнѣ архивовъ впродолженіе семи лѣтъ, всплыла наружу въ глазахъ всей публики, всего читающаго міра. Дѣйствіе этихъ разоблаченій было поразительно, но совершенно обратно тому, котораго ожидали. Популярность Каролины стала непоколебима, и въ запоздавшей гласности увидѣли только новую гнусность враговъ принцессы, подсказывавшихъ нѣкоторымъ образомъ отвѣты свидѣтелямъ самою формою вопросовъ. Словомъ, разоблаченія, вмѣсто того, чтобы повредить принцессѣ, только подкрѣпили общее участіе къ ней и увѣренность въ ея невинности. Со всѣхъ концовъ королевства начали приходить къ Каролинѣ адресы, въ которыхъ ее поощряли настаивать на своихъ правахъ матери и оскорбленной супруги, увѣряя, что за нее стоитъ весь народъ. Къ ней явилась депутація отъ Сити, предшествуемая знаменами корпораціи и въ сопровожденіи громадной толпы народа, чтобы выразить уваженіе и преданность обожавшаго ее населенія. Англійскіе масоны исключили лорда Дугласа изъ своей среды. Уличныя демонстраціи становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе шумными и угрожающими.

Въ палатѣ общинъ, Уайтбрэдъ спросилъ министерство, возбуждено ли противъ леди Дугласъ судебное преслѣдованіе за лжесвидѣтельство. Кэстльригъ промолчалъ, но ораторъ настаивалъ, ссылаясь на то, что невинность принцессы доказана.

— Легальная невинность!—замѣтилъ министръ довольно громко.

Этотъ перерывъ вызвалъ краснорѣчивое возраженіе, въ которомъ ораторъ привелъ образчики всего хода „щекотливаго изслѣдованія", свидѣтельствовавшіе, что отвѣты какъ бы подсказывались свидѣтелямъ.

Завязались жаркія пренія, впрочемъ, кончившіяся ничѣмъ. По совѣту Каннинга, положено было предать забвенію этотъ грустный вопросъ и не усиливать волненія умовъ продолженіемъ преній.

Нравственная побѣда осталась безспорно за принцессой Уэльской, но результатомъ всего этого было то, что принцесса окончательно попала въ руки оппозиціи. Каролина сдѣлалась орудіемъ партіи и не смѣла болѣе сдѣлать шага, не посовѣтовавшись со своими новыми менторами—Брумомъ и Уайтбрэдомъ. Малѣйшій поступокъ ея получалъ значеніе государственнаго дѣла. Она не могла ни поѣхать въ театръ, ни явиться на какомъ-нибудь праздникѣ, не спросивъ разрѣшенія своихъ совѣтниковъ. Даже одѣваться она не могла, какъ ей заблагоразсудится. Уайтбрэдъ замѣтилъ ей однажды, что она слишкомъ обнажаетъ свои плечи. Эти новые узы, надѣтыя ею на себя для удовлетворенія своей мести, были ей нестерпимы и жизнь ея проходила въ постоянныхъ волненіяхъ и непріятностяхъ. Оваціи, которыя дѣлались ей публикою, приходилось покупать тайными униженіями.

По временамъ, въ порывѣ шальной веселости, она какъ будто нарочно старалась посѣять въ умахъ своихъ друзей сомнѣніе въ тѣхъ фактахъ, на которыхъ была построена вся ея популярность. Такъ, напримѣръ, она говорила о своихъ врагахъ:

— Не глупы ли они? Выдумываютъ вздоръ, а не видятъ правды, которая могла бы отлично послужить имъ!

Одной изъ своихъ придворныхъ дамъ она объявила по секрету, что ея пріемышъ, Ульямъ Остинъ, хотя и не сынъ ея, но и не то, за что его выдаютъ.

— Это—тайна, прибавила она,—которая откроется только послѣ моей смерти.

Однажды, за столомъ, принцесса сказала при двадцати человѣкахъ:

— Они увѣряютъ, что это мой сынъ. Пусть они докажутъ это,— и онъ будетъ вашимъ королемъ!

Насталъ 1814 годъ. Девятнадцать лѣтъ, прошедшія со времени брака Каролины Брауншвейгской съ принцемъ Уэльскимъ, ознаменовались цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ историческихъ событій. Америка упрочила свою независимость. Французская республика впала въ цезаризмъ. Война почти не переставала свирѣпствовать на сушѣ и на морѣ въ обоихъ полушаріяхъ. Человѣческія бойни на поляхъ сраженій грозили обезлюдить европейскій материкъ. Что касается Англіи, то ей эта безпощадная борьба стоила больше золота, чѣмъ крови; производительность ея не прерывалась; бремя войны не давило ее такъ тяжело, какъ другіе народы.

На регентѣ и на его женѣ европейскія катастрофы отзывались слабѣе, чѣмъ на комъ бы то ни было. Какое было дѣло эпикурейцу Карльтонскаго дворца до этихъ непрерывныхъ боенъ? Онъ читалъ бюллетени о нихъ съ равнодушіемъ туриста, который смотритъ съ берега на бушующее море. Съ своей стороны и Каролина была слишкомъ занята своей личной жизью, чтобы интересоваться міровыми событіями.

Между тѣмъ, побѣда измѣнила французскимъ знаменамъ; Бонапартъ палъ и союзныя войска вступили въ Парижъ. Радость всей Европы, включая и Англію, доходила до безумія. Русскій императоръ, прусскій король и Блюхеръ сдѣлались кумирами британскихъ патріотовъ, которые впослѣдствіи сосредоточили свое обожаніе на Веллингтонѣ.

Оба монарха приняли приглашеніе посѣтить Лондонъ. Каролина, тѣмъ болѣе любившая оффиціальныя празднества, чѣмъ усерднѣе супругъ ея старался устранять ее отъ нихъ, напередъ радовалась случаю явиться передъ любопытными взорами представителей союзныхъ главныхъ штабовъ во всемъ блескѣ своего недавняго торжества. Но надеждамъ ея не суждено было сбыться. Она получила письмо отъ королевы

Шарлотты, которая запрещала ей, именемъ регента, показываться при дворѣ во время пребыванія въ Лондонѣ иностранныхъ государей. Первымъ движеніемъ Каролины было пренебречь этимъ запрещеніемъ. Но Уайтбрэдъ настоялъ на томъ, чтобы она осталась вѣрна своей роли жертвы и продиктовалъ ей письмо къ королевѣ, съ изъявленіемъ покорности. Узнавъ объ этомъ, Брумъ остался очень недоволенъ. По его мнѣнію, Каролинѣ не слѣдовало упускать этого единственнаго случая заявить свои права передъ Европой; но сдѣланнаго уже нельзя было поправить.

Государи пріѣхали. Привыкнувъ на континентѣ къ картинамъ раззоренія и народной нищеты, послѣдствіямъ долгой войны, они были несказанно поражены зрѣлищемъ зажиточности и довольства, которое они повсюду встрѣчали на своемъ пути въ Англіи. Веселыя деревни, тучныя пастбища, сытый скотъ, дѣятельныя фабрики, лоснящіяся лошади, безчисленные экипажи,—словомъ, какъ будто совсѣмъ другой міръ, чѣмъ въ Европѣ. Весь Лондонъ пришелъ въ движеніе. Массы народа день и ночь толпились на улицахъ, жаждая взглянуть на героевъ великой борьбы. Энтузіазмъ доходилъ до опьянѣнія. При дворѣ и въ лондонской Сити праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, и изо всей королевской фамиліи одна принцесса Уэльская не участвовала въ этихъ празднествахъ. Регентъ, поощренный первымъ успѣхомъ, пошелъ далѣе, чтобы уничтожить свою жену всевозможными униженіями. Онъ помѣшалъ герцогу Вюртембергскому, родному племяннику Каролины Брауншвейгской, сдѣлать ей визитъ. Онъ велѣлъ присылать къ нему на просмотръ всѣ пригласительные билеты на общественные балы, чтобы собственноручно исключить изъ нихъ билетъ на имя принцессы Уэльской. Русскій императоръ уже садился въ экипажъ, чтобы сдѣлать ей визитъ, когда подоспѣвшій Кэстльригъ упросилъ его, отъ имени регента, отказаться отъ этого намѣренія. Точто также удалось регенту отклонить отъ этого и прусскаго короля, со стороны котораго подобная уступчивость была совершенно неизвинительна, такъ какъ герцогъ Брауншвейгскій умеръ на службѣ Пруссіи. Согласно обычаю, принцесса Уэльская послала одного изъ своихъ придворныхъ привѣтствовать отъ ея имени иностранныхъ монарховъ, на что они должны были бы отвѣтить такою же любезностью; но изъ угожденія регенту, они не сдѣлали и этого.

Всѣ эти мелочи, раздуваемыя духомъ партій, принимали значеніе настоящихъ событій. Брумъ и Уайтбрэдъ коментировали малѣйшій фактъ, разсчитывали каждый шагъ принцессы. Они послали ее на парадный спектакль въ оперѣ, гдѣ появленіе ея послужило поводомъ къ шумной манифестаціи.

Регентъ сидѣлъ въ боковой королевской ложѣ, между русскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ. Позади ихъ помѣщались второстепенные принцы. Друзья принцессы устроили такъ, чтобы она вошла въ свою ложу—находившуюся прямо противъ королевской—въ

то время, когда оркестръ игралъ „God save the king". Обычай требуетъ, чтобы всѣ присутствующіе стояли во время исполненія этого гимна, и Каролина, наравнѣ со всѣми, исполнила это правило этикета. Когда, по окончаніи гимна, она сѣла на переднее мѣсто своей ложи, весь партеръ разразился неистовыми рукоплесканіями.

Одна изъ сопровождавшихъ принцессу дамъ посовѣтовала ей встать и поклониться, но Каролина, сообразивъ, что это было бы уже слишкомъ, отвѣтила своей спутницѣ извѣстной англійской поговоркой.

— Милая моя, жена Понча—ничто, когда самъ Пончъ на-лицо.

Регентъ принялъ (или сдѣлалъ видъ, что принялъ) рукоплесканія на свой счетъ и поклонился публикѣ. Придворные подумали, что поклонъ относился къ принцессѣ, и порицали ее за то, что она не отвѣтила на него. Такимъ образомъ, даже лучшіе изъ ея поступковъ истолковывались во вредъ ей.

По окончаніи оперы, публика, хотя и рукоплескала царственнымъ гостямъ, но эти рукоплесканія были ничто въ сравненіи съ той оваціей, которая была сдѣлана принцессѣ Уэльской, лишь только опустѣла королевская ложа. Весь театръ слился въ неумолкаемое „ура!" Каролина поднялась съ мѣста, раскланялась на всѣ стороны и скрылась. Но публика не ограничилась этой оваціей. На улицѣ экипажъ принцессы былъ окруженъ толпой народа, которая кричала „ура"! еще громче, чѣмъ въ театрѣ. Самые пламенные изъ ея поклонниковъ, отворивъ дверцу кареты, просили чести пожать принцессѣ руку и хотѣли выпрячь лошадей, чтобы самимъ запречься вмѣсто нихъ. Людямъ иногда очень хочется походить на скотовъ. Иные даже просто на-просто предлагали пойти и разнести Карльтонскій дворецъ. Чтобы сдержать ихъ, понадобилось все вліяніе Каролины.

— Будьте благоразумны, друзья мои, пропустите меня и идите спать, говорила она.

Такая кротость и покорность судьбѣ исторгли слезы у ея простодушныхъ поклонниковъ.

— Храни васъ Господь! кричали ей.—Мы заставимъ регента любить васъ, пока намъ не удастся отъ него избавиться!

Однако эти шумные тріумфы только въ половину утѣшали принцессу въ униженіяхъ, которыя ей приходилось испытывать отъ двора. Она всюду была исключена, а если ей случалось быть приглашенной на какой-нибудь изъ общественныхъ баловъ, то царственные гости не являлись туда, чтобы не встрѣтиться съ нею. Словомъ, каждый день приносилъ ей новыя оскорбленія. И все же она не могла отказаться отъ надежды видѣть у себя высокихъ гостей. Часто, обнадеженная какимъ-нибудь ложнымъ слухомъ, она одѣвалась въ простой нарядъ, дѣлала всѣ приготовленія къ пріему и ждала... Но часы проходили, принося новое горькое разочарованіе. Эти ежедневныя волненя были истинною пыткою для Каролины. Еще болѣе угнетало ее сознаніе, что она сдѣлалась игрушкой въ рукахъ партій.

— Что это за жизнь? жаловалась она своимъ дамамъ.—Не о моемъ счастьи, не о моей чести идетъ дѣло, а объ успѣхахъ Брума, и его партіи. И это вѣчно такъ будетъ, если я не уѣду изъ этой гнусной страны!

Мысль покинуть Англію уже не разъ являлась ея уму и, наконецъ, совершенно овладѣла имъ вслѣдствіе одного случая, показавшаго ей въ яркомъ свѣтѣ ея ложное положеніе.

Посѣщеніе иностранныхъ монарховъ принудило регента призвать свою дочь въ Лондонъ, и молодая принцесса естественно не могла оставаться равнодушной зрительницей униженій, которымъ подвергалась ея мать. Она выразила свой протестъ слѣдующимъ образомъ: однажды, часу въ восьмомъ вечера, воспользовавшись минутой, когда ее оставили одну, она вышла тайкомъ изъ дворца, въ которомъ жила, и, не будучи узнанной, наняла фіакръ и велѣла везти себя въ Кенсингтонскій дворецъ. Каролины не было дома; она уѣхала на нѣсколько дней въ Блэкштъ. Принцесса Шарлотта объявила, что она будетъ дожидаться своей матери, и что она твердо рѣшилась не покидать ее болѣе. За Каролиной тотчасъ же былъ посланъ курьеръ, и въ то же время послали извѣстить о случившемся Уайтбрэда и Брума. Было уже поздно, когда принцесса Уэльская и ея совѣтники съѣхались въ Кенсингтонскій дворецъ. Но тщетно представляли они молодой дѣвушкѣ, что отецъ ея, какъ регентъ, имѣетъ неограниченную власть надъ нею: она ничего не хотѣла слушать. Пришлось призвать на помощь архіепископа, лорда-канцлера, герцога Суссекскаго. Но сколько они ни увѣряли принцессу, что попытка ея безполезна, что, волей-неволей, ей придется возвратиться,—она осталась непоколебима. Такъ прошла вся ночь и уже занялся день.

— Такъ и вы тоже покидаете меня? И вы тоже присоединяетесь къ моимъ врагамъ! упрекала принцесса Шарлотта Брума.

Молодой членъ парламента подвелъ ее къ окну.

— Видите ли вы эти парки, эти поля? вскричалъ онъ. — Мнѣ стоитъ только кликнуть кличъ, чтобы они покрылись народомъ. Двѣсти тысячъ человѣкъ сбѣгутся сюда, чтобы положить за васъ жизнь. Но развѣ мы можемъ побѣдить? Да если бы и могли, развѣ вы согласитесь взять на свою совѣсть такіе ужасы, какіе влечетъ за собою междоусобная война? Подумайте хорошенько!

Этотъ доводъ такъ подѣйствовалъ на принцессу, что она, рыдая, согласилась возвратиться въ свой дворецъ.

Послѣ этой продѣлки, надъ молодою дѣвушкой былъ учрежденъ такой строгій надзоръ, что она рѣшительно стала смотрѣть на своего отца, какъ на жестокаго деспота.

Вскорѣ послѣ того она была сосватана за принца Оранскаго, наслѣдника нидерландскаго престола. Бракъ былъ уже совершенно улаженъ дипломатическимъ путемъ и женихъ послалъ невѣстѣ подарки; но Шарлотта, узнавъ объ этой сдѣлкѣ, наотрѣзъ отказала въ своемъ

согласіи, и бракъ не состоялся, къ великой досадѣ регента и министерства.

Всѣ эти треволненія, наконецъ, такъ надоѣли Каролинѣ, что она окончательно рѣшилась распроститься съ ненавистною Англіей. Препятствій къ этому не встрѣтилось: враги ея были очень рады избавиться отъ нея. Въ іюлѣ 1814 г., въ парламентъ былъ внесенъ билль объ опредѣленіи принцессѣ Уэльской ежегодной пенсіи въ 35.000 фунт. стерлинговъ. Парламентъ единогласно утвердилъ его. Такимъ образомъ, Каролина пріобрѣла значительную прибавку дохода, а регентъ былъ облегченъ отъ большой пенсіи, которую онъ выдавалъ съ тѣхъ поръ женѣ. Въ проигрышѣ остались одни плательщики налоговъ. Принцесса отпустила большую часть своего штата, распродала свое движимое имущество и сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія для продолжительнаго отсутствія. Рѣшеніе ея всѣми одобрялось, какъ самый простой исходъ изъ невыносимаго положенія. Недовольны имъ были только Брумъ и Уайтбрэдъ, терявшіе въ ней полезное для нихъ орудіе.

— Если вы останетесь, то я ручаюсь за успѣхъ вашего дѣла; если же уѣдете, то я ни за что не ручаюсь, пророчески говорилъ ей Брумъ.

Но рѣшеніе принцессы было непреложно. Въ началѣ августа она уѣхала въ сопровожденіи многочисленнаго штата, взявъ съ собою и своего пріемыша, которому было тогда лѣтъ двѣнадцать. Каролина отправилась путешествовать подъ именемъ графини Корнуэльской, но все же какъ царственная особа. На фрегатѣ, который везъ ее, былъ поднятъ королевскій флагъ, и въ Луврѣ форты салютовали ему установленнымъ порядкомъ. Если бы знала Каролина, что̀ говорилъ о ней въ ту минуту ея мужъ! Сидя за столомъ въ веселой компаніи, онъ радостно поднялъ бокалъ, вскричавъ:

— Счастливый путь принцессѣ Уэльской! И да не ступитъ къ намъ болѣе никогда ея нога!

Послѣ отъѣзда Каролины, въ Англію лишь изрѣдка и черезъ долгіе промежутки времени доходили слухи о ней. Извѣстно было только, что она путешествовала по Германіи и по Италіи; отъ времени до времени въ какой нибудь газетѣ появлялось извѣстіе о посѣщеніи принцессой той или другой мѣстности и, такимъ образомъ, узнали, что она посѣтила Тунисъ, Іоническіе острова, Іерусалимъ. Члены ея свиты, одинъ за другимъ, возвращались въ Англію: сначала статсъ-дамы, потомъ камергеры, затѣмъ шталмейстеръ, наконецъ и медикъ. Но эти дезертированія оставались незамѣченными. Проходили мѣсяцы, годы, а принцесса не возвращалась, и англичане уже начали забывать, что у регента ихъ есть жена, которая странствуетъ по свѣту.

Каролина начала свое путешествіе съ Брауншвейга. Ей хотѣлось побывать на родинѣ и она провела нѣсколько дней съ своимъ братомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ, убитымъ вскорѣ послѣ того при Ватерлоо. Изъ Германіи принцесса отправилась въ Швейцарію, гдѣ она встрѣтилась съ бывшей императрицей Маріей-Луизой, которая, подобно ей, искала разсѣянія въ своемъ вынужденномъ вдовствѣ. Обѣ принцессы обмѣнялись въ Бернѣ цѣлымъ рядомъ обѣдовъ и баловъ. Тутъ Каролина начала обнаруживать явное стремленіе сбросить съ себя всѣ стѣсненія этикета и дать полную волю своимъ фантазіямъ. Сопровождавшія ее строгія англичанки приходили все въ большій и большій ужасъ отъ рискованныхъ шаговъ, которые она дѣлала на этомъ скользкомъ пути. То она являлась на балъ въ туалетѣ, слишкомъ классическомъ для ея сана; то вальсировала восемь часовъ подъ рядъ съ молодымъ историкомъ Сисмонди, бывшимъ въ большой модѣ у знатныхъ иностранокъ, путешествовавшихъ по Швейцаріи. Смѣлость ея разговоровъ и развязность манеръ не приличествовали не только ея сану, но и лѣтамъ, такъ какъ ей шелъ уже сорокъ пятый годъ. Ея придворныя дамы начинали жалѣть, что онѣ послѣдовали за нею, хотя до скандала дѣло не доходило. Но въ Миланѣ, куда маленькій дворъ переѣхалъ изъ Швейцаріи, произошло одно событіе, которому суждено было имѣть важныя послѣдствія. Принцесса отказала одному изъ своихъ лакеевъ и на его мѣсто наняла итальянца. Это былъ мужчина лѣтъ двадцати семи, по имени Бартоломео Бергами, служившій передъ тѣмъ въ курьерахъ у одного итальянскаго генерала. Высокій ростъ, красивое лицо, широкія плечи, стройный станъ и вообще физическія совершенства всегда были въ глазахъ англійской аристократіи рѣшающими условіями при выборѣ слугъ. Въ Лондонѣ, прежде чѣмъ нанять лакея, его осматриваютъ какъ лошадь въ таттерсалѣ, и люди, промышляющіе лакейскимъ ремесломъ, отлично знаютъ цѣну своимъ физическимъ достоинствамъ.

Въ этомъ отношеніи Бартоломео Бергами былъ безспорно самымъ подходящимъ человѣкомъ для своей должности. Это было великолѣпное животное, ростомъ въ шесть футовъ, съ античными формами, матовымъ цвѣтомъ лица, бархатными глазами, черными вьющимися волосами надъ низкимъ лбомъ и серебряными серьгами въ ушахъ. Онъ былъ похожъ на гладіатора-аллоброга, сохранившагося среди нашей выродившейся расы.

При первомъ же взглядѣ на него, принцесса Уэльская велѣла своему мэтръ-д'отелю взять его, и Бергами въ тотъ же день вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Классическая красота новаго лакея всѣхъ поражала, хотя она и потеряла подъ ливреей свой первобытный характеръ. Однако, дамы принцессы должны были вскорѣ сознаться, что она оказываетъ ему болѣе вниманія, чѣмъ сколько приличествовало бы даже художницѣ по профессіи. Она засматривалась на него, безпрестанно подзывала

его, говорила съ нимъ необыкновенно мягко и ласково и ни отъ кого не хотѣла болѣе принимать услугъ, кромѣ него.

Съ переѣздомъ въ Неаполь, странное расположеніе принцессы къ своему слугѣ сдѣлалось еще болѣе подозрительнымъ. До того времени въ домахъ, гдѣ она останавливалась, у нея всегда были отдѣльные и удаленные отъ службъ покои, и пріемышъ ея, Уильямъ Остинъ, обыкновенно спалъ въ одной съ нею комнатѣ. Такія же распоряженія были сдѣланы и въ Неаполѣ. Но, къ общему удивленію, принцесса на другой же день по пріѣздѣ велѣла измѣнить ихъ. Находя, что Уильямъ Остинъ сталъ слишкомъ большимъ мальчикомъ, чтобы спать въ одной съ нею комнатѣ, Каролина помѣстила его отдѣльно, а такъ какъ она боялась оставаться одна въ этой уединенной виллѣ, то одинъ изъ ея слугъ долженъ былъ помѣститься въ смежной съ ея спальной комнатѣ, чтобы слышать ея зовъ. Честь эта выпала не одному изъ ея старыхъ слугъ, — людей испытанной вѣрности, а итальянцу Бергами. Въ тотъ же вечеръ Каролина отправилась въ оперу, но рано возвратилась оттуда. Раздѣваясь, она удивила камеръ-юнгферу своимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ. Кончивъ свой ночной туалетъ, она отпустила служанку, строго наказавъ, чтобы къ ней не пускали Остина.

Съ этого дня всѣ замѣтили, что Бартоломео Бергами началъ зазнаваться и сдѣлался непомѣрно нагль съ остальною прислугой.

Страстная, можно сказать—фатальная привязанность Каролины къ Бергами скоро заставила ее забыть всякую осторожность. Она не могла пробыть безъ него ни одного часа и рискнула даже взять его съ собою на костюмированный балъ, который далъ въ честь ея Мюратъ. Но Бергами, одѣтый туркомъ, былъ узнанъ, оскорбленъ и вынужденъ уѣхать. Принцесса послѣдовала за нимъ. Разъ онъ былъ раненъ лошадью въ ногу, и Каролина безпрестанно навѣщала его, ухаживала за нимъ, сидѣла въ его комнатѣ. Она употребляла всѣ средства, чтобы поддержать свою красоту, и приходила въ отчаяніе, когда замѣчала на своемъ лицѣ слѣды времени. Въ одномъ изъ писемъ къ своему повѣренному въ Лондонѣ, принцесса, говоря объ испрошенной ею прибавкѣ пенсіи въ 6.000 фунтовъ стерлинговъ, прибавляетъ въ свое оправданіе, выражаясь въ третьемъ лицѣ: „При дворѣ принцессы находится одинъ очень сумасбродный джентльменъ, который предъявляетъ неслыханныя притязанія и ничѣмъ не удовлетворяется“ [1]).

Лица, составлявшія свиту принцессы, возмущенныя фактами, которые были уже слишкомъ очевидны, начали одно за другимъ покидать ее подъ различными предлогами, и вскорѣ у принцессы не осталось ни одной придворной дамы. Бергами, продолжавшій исполнять до той поры должность лакея, началъ пренебрегать своими обязанностями и вскорѣ послѣ того былъ возведенъ въ званіе шталмей-

---

[1]) Въ рукописяхъ Британскаго Музея.

стера. Милость къ нему принцессы на этомъ не остановилась. Она взяла къ себѣ на воспитаніе его маленькую дочь, которую слуги прозвали Пикаронкой. Впослѣдствіи ихъ заставили величать ее „принцессой". Братъ Бергами былъ принятъ въ штатъ принцессы, въ качествѣ курьера, а мать и сестра его были приставлены къ дѣвочкѣ. Впослѣдствіи, когда у принцессы не осталось ни одной статсъ-дамы, она вздумала взять къ себѣ въ этомъ качествѣ вторую сестру Бергами, Анджелу, которую нарядили въ титулъ графини д'Ольди. Родство ея съ Бергами въ началѣ скрывалось, вслѣдствіе чего одна изъ сестеръ фаворита обѣдала за однимъ столомъ съ принцессой, а мать его и другая сестра обѣдали съ прислугой. Въ Венеціи Каролина прицѣпила къ своему двору англичанина Борреля, но и этотъ случайный камергеръ не долго выдержалъ. Фамильярность принцессы съ Бергами не оставляла болѣе никакихъ сомнѣній на счетъ ихъ взаимныхъ отношеній, и Боррель счелъ за лучшее удалиться. Послѣднимъ покинулъ принцессу д-ръ Голлэндъ, который, какъ физіологъ, могъ мириться съ самыми крайними фактами въ этомъ отношеніи. Отдѣлавшись отъ всей своей англійской свиты, Каролина, казалось, вздохнула свободнѣе и сбросила съ себя послѣднія стѣсненія. Она по цѣлымъ днямъ играла въ карты съ Бергами. По вечерамъ онъ пѣлъ ей романсы или тѣшилъ ее итальянскими фарсами. Окруженная людьми, которые не понимали по-англійски и, какъ казалось, не могли имѣть никакихъ сношеній съ далекой Англіей при тогдашнихъ трудностяхъ сообщеній, принцесса была совершенно спокойна и не помышляла объ опасностяхъ. Бергами обѣдалъ за ея столомъ и спалъ въ смежной съ нею комнатѣ всюду, гдѣ бы она ни находилась. Она при всѣхъ слугахъ называла его „amico" и „cuor mio".

Капитанъ одного французскаго парохода, на которомъ принцесса собиралась сдѣлать морской переѣздъ, предупредилъ ее, что онъ не допуститъ, чтобы Бергами обѣдалъ за капитанскимъ столомъ послѣ того, какъ онъ, капитанъ, видѣлъ его стоящимъ съ салфеткой позади его собственнаго стула во время одного изъ предшествовавшихъ переѣздовъ принцессы на томъ же пароходѣ. Каролина пыталась расположить капитана къ уступчивости и сослалась на примѣръ одного изъ его собратовъ, болѣе снисходительнаго; но непреклонный морякъ возразилъ, что собратъ его не имѣлъ случая видѣть бабочку въ состояніи куколки, и кончилось тѣмъ, что принцесса должна была обѣдать за особымъ столомъ съ своимъ фаворитомъ и его сестрой. Чтобы утѣшить Бергами за этотъ щелчекъ, нанесенный его самолюбію, Каролина выхлопотала для него крестъ Мальтійскаго ордена, и бывшаго слугу начали величать „кавалеромъ". Но вскорѣ и этотъ титулъ былъ признанъ недостаточнымъ: Бергами сдѣлался „барономъ". Каролина заставляла писать съ себя портреты во всѣхъ видахъ и позахъ для своего друга. На одномъ изъ нихъ она была изображена одалиской, Бергами—султаномъ, а Пикаронка—невольницей.

Востокъ былъ тогда въ модѣ и принцесса рѣшилась предпринять путешествіе въ Константинополь, Малую Азію и Іерусалимъ. Въ священномъ городѣ она купила для „барона“ за большія деньги крестъ Гроба Господня и, разохотившись, сама учредила новый рыцарскій орденъ св. Каролины, который раздала всѣмъ своимъ слугамъ. Командоромъ этого ордена она сдѣлала Бергами, выдавъ ему патентъ на это званіе. Справедливость требуетъ прибавить, что примѣромъ ей послужилъ въ этомъ случаѣ Наполеонъ I, котораго она посѣтила на островѣ Эльбѣ, гдѣ онъ искалъ разсѣянія отъ скуки въ подобныхъ же занятіяхъ. По возвращеніи въ Италію, принцесса купила для Бергами виллу Барону, гдѣ она провела съ нимъ зиму 1816 года. Вся семья Бергами уже обѣдала за однимъ столомъ съ принцессой и „баронъ“ велъ себя въ ея присутствіи съ крайней безцеремонностью. Онъ сидѣлъ и не снималъ шляпы, даже когда Каролина принимала посѣтителей. Привязанность ея къ нему доходила до чего-то болѣзненнаго. Если онъ отлучался на нѣсколько часовъ, то она волновалась отъ нетерпѣнія, не отходила отъ окна и выбѣгала къ нему на встрѣчу.

Какъ ни велико было въ ту пору разстояніе отъ Англіи до Италіи, однако, слухи о такой невѣроятной неосторожности не могли не дойти до Лондона. Впрочемъ, эти смутные слухи не оказывали большого дѣйствія на англійскій народъ, который продолжалъ оставаться предубѣжденнымъ въ пользу принцессы Уэльской и объяснялъ слухи эти систематической клеветой, преслѣдующей ее и въ чужихъ краихъ. Воспоминаніе объ ея прошлыхъ несчастьяхъ, непопулярность регента и традиціонная преданность англичанъ наслѣдницѣ престола еще поддерживали Каролину въ общественномъ мнѣніи.

Но въ 1817 г., принцесса Шарлотта, вышедшая замужъ за принца Саксенъ-Кобургскаго, умерла, разрѣшившись отъ бремени мертвымъ ребенкомъ. Эта потеря лишила принцессу Уэльскую ея главной опоры въ борьбѣ съ мужемъ. Похоронивъ дочь, регентъ началъ внимательнѣе прислушиваться къ вѣстямъ изъ Италіи, въ надеждѣ найти достаточный поводъ къ разводу, который позволилъ бы ему вступить во вторичный бракъ. Онъ принялся старательно собирать свѣдѣнія о Каролинѣ. Тайные шпіоны его выслѣживали ее уже съ 1815 года и результатомъ ихъ доносовъ было то, что послѣ смерти принцессы Шарлотты регентъ послалъ въ Италію тайную комиссію изъ трехъ преданныхъ ему людей, съ порученіемъ собрать всѣ свѣдѣнія о поведеніи его жены. Комиссія, щедро снабженная деньгами и рекомендательными письмами къ англійскимъ посольствамъ, основалась въ Миланѣ, откуда она распространила свою дѣятельность на всѣ тѣ мѣста, гдѣ живала принцесса, собирая справки и допрашивая свидѣтелей. Такимъ образомъ, ей удалось собрать длинный рядъ пода-

вляющихъ обвиненій. Нечего и прибавлять, что средства, которыми онѣ добывались, невсегда были похвальными.

Въ январѣ 1820 г., Георгъ III скончался и регентъ былъ провозглашенъ королемъ, подъ именемъ Георга IV. Около того же времени умеръ и герцогъ Кентскій, который одинъ изъ всѣхъ членовъ королевской семьи оставался неизмѣннымъ защитникомъ Каролины.

Со вступленіемъ на престолъ Георга IV, участіе къ судьбѣ его жены пробудилось, и всѣ спрашивали себя, гдѣ она и что она предприметъ, сдѣлавшись королевой. Газеты, давно уже не печатавшія о ней никакихъ извѣстій, сообщили, что она находится въ Марселѣ, подъ именемъ графини д'Ольди, и намѣревается возвратиться оттуда въ Италію. Георгъ IV, съ своей стороны, отозвался на эти вопросы, но только въ болѣе грубой формѣ. Въ указѣ, который онъ издалъ въ качествѣ главы англиканской церкви, для установленія формулы молитвъ за царствующій домъ, имя его жены было выпущено. Это было нѣмымъ, но яснымъ отказомъ въ признаніи ее королевой: до того времени она упоминалась въ молитвахъ, какъ принцесса Уэльская.

Подобнаго факта оппозиція не могла оставить безъ вниманія. Въ февралѣ, одинъ изъ членовъ палаты общинъ спросилъ министерство, какое содержаніе будетъ назначено королевѣ, такъ какъ пенсія, назначенная ей въ качествѣ принцессы Уэльской, прекращалась съ перемѣной этого титула, а въ бюджетѣ двора объ этомъ ничего не упоминалось.

Кэстльригъ поспѣшилъ успокоить вопрошавшаго увѣреніемъ, что высокая особа, о которой идетъ рѣчь, не останется безъ средствъ. Другой членъ палаты прямо спросилъ, почему имя королевы не упоминается въ молитвахъ, тогда какъ имя принцессы Уэльской упоминалось. Отрицается ли ея право на королевскій санъ? Но это невозможно безъ постановленія парламента. Если противъ нея существуютъ какія нибудь обвиненія, то они должны быть заявлены парламенту. До оратора, какъ и до всѣхъ, дошли неблагопріятные для нея слухи,—слухи такого рода, что если бы они подтвердились, то присутствіе ея на престолѣ было бы позоромъ для націи; но основываться на однихъ слухахъ нельзя. Если существуютъ улики, то пускай ихъ предъявятъ. Брумъ, въ свою очередь, защищалъ королеву „противъ преслѣдующихъ ее клеветъ и коварныхъ инсинуацій". Первый министръ оправдывался въ приписанныхъ ему инсинуаціяхъ и объявилъ, въ заключеніе, что всѣ члены королевской фамиліи будутъ обезпечены надлежащимъ образомъ. Повидимому, министерство искренно думало, что весь вопросъ сводится на финансовое обезпеченіе и что Каролина не станетъ предъявлять своихъ королевскихъ правъ и останется мирно жить за-границей, пока ей будутъ выдавать ея пенсію. Но это значило не знать характеровъ Каролины и Георга IV и не предусматривать прямыхъ послѣдствій фактовъ.

Съ одной стороны, исключеніе имени королевы изъ молитвъ за царствующій домъ дало оппозиціи оружіе, которымъ она искусно воспользовалась во время выборовъ 1820 года, возбудивъ въ странѣ сильную агитацію въ пользу Каролины; съ другой — сама королева не преминула замѣтить быстрый упадокъ своего кредита при иностранныхъ дворахъ. До того времени, что̀ бы она ни дѣлала и кѣмъ бы себя ни окружала, въ ней всѣ видѣли наслѣдницу англійскаго престола; но съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея отказался раздѣлить съ нею этотъ престолъ, она стала въ глазахъ всѣхъ не болѣе какъ авантюристской. Австрійскій императоръ оставилъ безъ отвѣта письмо. въ которомъ она жаловалась ему на окружавшее ее шпіонство. Въ Пезаро, губернаторъ отнялъ у нея почетную стражу, которую она постоянно имѣла въ качествѣ принцессы Уэльской. Англійскіе дипломатическіе агенты отказывали ей въ паспортахъ, которыхъ она требовала въ качествѣ королевы.

Къ этимъ дѣйствительнымъ униженіямъ присоединилась еще какая-то манія видѣть повсюду гоненія, шпіоновъ и даже опасаться за свою жизнь. Каролинѣ стало казаться, что всѣ противъ нея въ заговорѣ, всѣ систематически притѣсняютъ и оскорбляютъ ее. Даже если ее заставляли на станціи дожидаться лошадей, то она и въ этомъ видѣла умышленную обиду. Она стала бояться отравы и ѣла только блюда, приготовленныя ея собственнымъ, преданнымъ ей, поваромъ.

Въ такомъ-то состояніи духа она получила извѣстія изъ Англіи, увѣдомлявшія ее, что друзья ея остаются вѣрны ей; что ея права, какъ супруги и королевы, публично отстаиваются; что не партія только, а цѣлый народъ рукоплещетъ ея имени въ своихъ собраніяхъ.

Этого было слишкомъ достаточно, чтобы отуманить голову Каролины и заставить ее закрыть глаза на дѣйствительность. Безъ сомнѣнія, она уже давно привыкла оправдывать свое поведеніе поведеніемъ своего мужа; она давно пришла къ убѣжденію, что для партій не существуетъ истины, а существуютъ только системы, и что нѣтъ такого факта, котораго нельзя было бы отрицать.

Могла ли она колебаться? Съ одной стороны — корона, почетъ, слава возможной побѣды; съ другой — безвѣстность, униженіе и позоръ. Каролина не забыла своего прошлаго торжества и жаждала новой борьбы, новыхъ ощущеній. По всей вѣроятности, ей уже опротивѣли ея грязныя любовныя похожденія, которымъ она отдала шесть лѣтъ своей жизни. Словомъ, — рѣшеніе ея было принято и вскорѣ распространился слухъ, что она возвращается въ Англію.

Въ концѣ апрѣля, англійскія газеты заговорили, что королева вѣроятно возвратится, а, спустя мѣсяцъ, уже стало извѣстно, что она возвращается, что она прислала нарочнаго съ письмомъ къ герцогу Іоркскому (наслѣднику престола), съ протестомъ противъ формулы молитвъ за царствующій домъ; что она потребовала отъ лорда-

канцлера, чтобы для нея былъ приготовленъ одинъ изъ королевскихъ дворцовъ и предписала лорду адмиралтейства выслать за нею въ Калэ яхту. Всѣ эти документы носили подпись: „Каролина, королева англійская“.

Такое мужество, такая смѣлая рѣшимость идти на встрѣчу обвиненіямъ и общественному суду, не могли не расположить публику въ пользу Каролины. Всѣ съ жадностью читали извѣстія объ ея проѣздѣ черезъ Францію. Альдерменъ Вудъ и леди Гамильтонъ выѣхали къ ней на встрѣчу, встрѣтили ее въ Монбарѣ и возвращались въ ея свитѣ. Она проѣхала уже Мелэнъ, миновала Парижъ, прибыла въ Абдевиль. Вотъ, она уже въ Сентъ-Омерѣ...

И на всѣхъ устахъ былъ одинъ вопросъ:

— А Бергами?

Бергами сопровождалъ королеву. Теперь это былъ уже „графъ Бергами“—графъ Священной имперіи. Газеты изображали его какъ аристократа во всѣхъ отношеніяхъ. „Графъ Бергами, говорили онѣ съ удивительной серьезностью, мужчина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ военною осанкой. Онъ полонъ почтительнаго вниманія къ ея величеству. Манеры его обличаютъ въ немъ вполнѣ аристократа. Какъ слышно, онъ пользуется безграничнымъ довѣріемъ королевы, которое онъ снискалъ своею преданностью и усердіемъ въ управленіи ея финансовыми дѣлами“. Къ этому прибавляли не менѣе серьозно, что Бергами заслужилъ свои ордена „въ рядахъ французской арміи, во время похода въ Россію, гдѣ онъ отличился храбростью“.

Каролина пріѣхала въ Сентъ-Омеръ въ сопровожденіи лорда Гуда, леди Гамильтонъ, Уильяма Остина, Бергами и Пикаронки. Комендантъ Сентъ-Омера тотчасъ явился привѣтствовать ее и предложилъ почетную стражу, но королева отказалась, объявивъ, что она не приметъ отъ одного изъ французскихъ городовъ того, въ чемъ ей отказали всѣ другіе. Въ Сентъ-Омерѣ, Каролина была встрѣчена Брумомъ, вмѣстѣ съ которымъ пріѣхалъ и лордъ Гэтчисонъ, привезшій мирныя предложенія отъ короля.

Въ виду необычайнаго волненія, возбужденнаго во всѣхъ классахъ англійскаго общества предстоявшимъ прибытіемъ королевы, министерство посовѣтовало королю попытаться уладить дѣло мирнымъ путемъ и не доводить до скандала. Георгъ IV избралъ посредникомъ лорда Гэтчисона, бывшаго друга принцессы Уэльской. Онъ передалъ Каролинѣ, что король предлагаетъ ей 50.000 стерлинговъ ежегодной пенсіи съ тѣмъ, чтобы она отказалась отъ титула и прерогативъ королевы, никогда болѣе не возвращалась въ Англію и именовалась впредь Каролиной Брауншвейгской. Въ случаѣ несогласія, король грозилъ, тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Англію, возбудить противъ нея уголовный процессъ, по обвиненію въ прелюбодѣяніи, что̀, съ ея стороны, какъ королевы, равнялось государственной измѣнѣ.

Врумъ, ясно понимавшій опасность, склонялся къ принятію предложеній; но Каролина, уже глубоко оскорбленная его намекомъ на необходимость разлуки съ Бергами, и увидѣвшая въ предложеніяхъ короля признакъ слабости и боязни, отказалась даже разсуждать о нихъ и тотчасъ же уѣхала въ Калэ.

Она не нашла тамъ королевской яхты, которую ожидала найти, и должна была сѣсть на отходившій въ Дувръ почтовый корабль „Принцъ-Леопольдъ". Бергами, посадивъ ее на корабль, уѣхалъ съ дочерью обратно въ Италію. Газеты виговъ возвѣстили, что, передавъ королеву въ вѣрныя руки и не желая служить для нея стѣсненіемъ, онъ подалъ въ отставку.

1-го іюня 1820 г., „Принцъ-Леопольдъ" показался въ виду Дувра, куда уже за два дня передъ тѣмъ сошлись массы народа, чтобы видѣть прибытіе королевы. Военныя власти находились въ большомъ затрудненіи, не зная, какъ ее встрѣтить: салютовать ли, или не салютовать? Какъ было разрѣшить такую важную задачу? Наконецъ, плацъ-комендантъ, увлеченный всеобщимъ энтузіазмомъ, рѣшился сдѣлать королевскій салютъ.

Каролина высадилась. Безчисленныя толпы народа покрывали берегъ, окрестныя высоты и всѣ улицы, ведущія къ порту. При появленіи королевы раздалось нескончаемое „ура!" слившееся съ грохотомъ пушечныхъ салютовъ. Всѣ головы были обнажены и десятки тысячъ рукъ махали шляпами и платками. Никто не спрашивалъ себя, виновна королева или невинна; всѣ видѣли только ея смѣлость и рѣшимость, которыя возбуждали всеобщій восторгъ. Весь путь отъ Дувра до Лондона былъ для Каролины настоящимъ тріумфомъ. Народъ выпрягалъ лошадей и везъ на себѣ ея экипажъ. Всюду ее встрѣчали депутаціи съ музыкой и знаменами; муниципалитеты подносили ей адресы, женщины — букеты. Вся дорога была покрыта народомъ въ праздничныхъ одеждахъ; кавалькады изъ мужчинъ и дамъ провожали экипажи королевы, и всюду раздавался крикъ: „Да здравствуетъ наша милостивая монархиня!" Публика съ участіемъ замѣчала, что Каролина похудѣла, что щеки ея впали и поблѣднѣли, въ волосахъ проглядывала сѣдина. Слѣды времени приписывались несчастью.

6-го іюня, весь Лондонъ высыпалъ на улицу, чтобы встрѣтить королеву. Народный восторгъ доходилъ до изступленія. Между тѣмъ, лордъ-канцлеръ, какъ и адмиралтейство, не отозвался на требованіе Каролины и не приготовилъ для нея дворца. Ей пришлось остановиться у альдермена Вуда, гостепріимно предложившаго ей свой домъ. Путь къ этому дому не лежалъ мимо Карльтонъ-Гоуза, но друзья королевы сдѣлали крюкъ, чтобы дать случай ея мужу видѣть ея тріумфальный въѣздъ. Дворцовый караулъ, застигнутый врасплохъ, отдалъ ей честь, но какъ-то нерѣшительно и неловко. Толпа, оцѣнивъ пикантность этого эпизода, еще громче заголосила: „ура!" Каролина съ трудомъ добралась до дома альдермена. Прибывъ туда, на-

конецъ, она вышла на балконъ, поблагодарила народъ и сказала, что она нуждается въ отдыхѣ. Толпа тотчасъ разошлась. Вечеромъ бо̀льшая часть клубовъ и многіе частные дома были иллюминованы, а нѣкоторые изъ черезчуръ пылкихъ поклонниковъ королевы даже побили стекла въ домѣ перваго министра. Между тѣмъ, въ Сити уже подписывался, подъ руководствомъ лорда мэра, адресъ къ Каролинѣ, поздравлявшій ее съ тѣмъ, что она „счастливо избѣжала гнуснаго заговора противъ ея чести и жизни". Въ то же самое время составлялось королевское посланіе къ обѣимъ палатамъ, съ приложеніемъ протоколовъ слѣдствія миланской комиссіи, вложенныхъ въ Зеленый пакетъ, запечатанный государственною печатью. Посланіемъ требовалось назначеніе парламентскаго слѣдствія по обвиненіямъ, тяготѣвшимъ надъ Каролиной Брауншвейгской. Палата общинъ тотчасъ рѣшила не открывать Зеленаго пакета, чтобы не усиливать народнаго возбужденія, и безъ того уже принимавшаго опасный характеръ, а пригласить обѣ стороны къ полюбовному соглашенію. Мнѣніе это, предложенное Вильдберфорсомъ, было одобрено единогласно. Королева объявила, что она согласна на всякую сдѣлку, „сообразную съ ея честью"; но рѣшеніе короля было неизмѣнно. Онъ поклялся покончить съ Каролиной и добиться развода.

Тщетно представляли ему, что англійскій народъ взглянетъ на обвиненія сквозь призму своихъ симпатій; тщетно доказывали вѣроятность парламентскаго пораженія и даже опасность революціи: онъ и слушать не хотѣлъ. Министры его ясно сознавали опасность. Они понимали, что общественное мнѣніе не станетъ разбирать основательности обвиненій противъ Каролины; каковы бы ни были ея вины, ихъ признаютъ вызванными и во̀-сто кратъ превзойденными неслыханнымъ гоненіемъ. Притомъ же самая крайность фактовъ дѣлала ихъ невѣроятными, и явись хотя бы десять тысячъ свидѣтелей,— имъ все-таки не повѣрили бы.

Противъ всѣхъ этихъ разсужденій могъ быть выставленъ только одинъ доводъ, но зато самый дѣйствительный: воля короля. Онъ предоставилъ на выборъ министерству, или возбудить процессъ, или подать въ отставку, — и оно предпочло первое. Въ то же время, король не шелъ въ своихъ предложеніяхъ далѣе того, что̀ онъ предлагалъ въ Сентъ-Омерѣ, а Каролина, разъ отвергнувъ эти условія, не могла принять ихъ. Палата общинъ, проникнутая сознаніемъ опасности, рѣшилась, наконецъ, послать къ королевѣ адресъ, чтобы просить ее отказаться отъ включенія ея имени въ молитвы. Депутація отъ парламента, предводимая Вильберфорсомъ, отправилась къ Каролинѣ съ этимъ адресомъ. Толпа, стоявшая передъ ея домомъ, встрѣтила депутатовъ свистками и оскорбленіями. Каролина приняла ихъ, но отвѣтила, что въ положеніи, въ которое ее поставили, она не можетъ ни отказаться отъ своего священнаго права, ни взять назадъ свою апелляцію къ общественному суду. Послѣднее относи-

лось къ прошенію, которое она послала палатѣ лордовъ, съ протестомъ противъ тайныхъ комиссій и съ требованіемъ гласнаго суда. Парламенту ничего болѣе не оставалось, какъ открыть Зеленый пакетъ.

Между тѣмъ, Каролина посѣщала школы и благотворительныя учрежденія и принимала адресы отъ большихъ городовъ. На чудовищныхъ митингахъ рукоплескали ея имени и провозглашали ее самой чистой и многострадальной изъ женщинъ; враждебныя ей газеты публично сжигались. Въ народѣ со слезами говорили о судьбѣ несчастной королевы, лишенной дворца, переносящей всевозможныя униженія отъ раболѣпнаго двора, оклеветанной продажной печатью, но сильной своею невинностью и готовой встрѣтить лицомъ къ лицу всѣ государственныя власти, вступившія въ заговоръ противъ нея.

4-го іюля, въ палатѣ лордовъ былъ прочитанъ докладъ миланской комиссіи. Каролина обвинялась въ преступной связи съ иностранцемъ, занимавшимъ при ней должность лакея, и въ цѣломъ рядѣ дѣяній самаго преступнаго свойства. Обвиненіе было основано на показаніяхъ множества лицъ всѣхъ классовъ и въ различныхъ частяхъ Европы.

Но ослѣпленіе партій было такъ велико, что даже публичное оглашеніе этихъ позорныхъ фактовъ, вмѣсто того, чтобы повредить Каролинѣ, вызвало въ публикѣ только глубокую ненависть и презрѣніе къ ея врагамъ. „Только-то! всего одинъ любовникъ!“ восклицали многіе. „Однако, фантазія враговъ королевы истощается! Въ прежнія времена, они приписывали ей съ пол-дюжины любовниковъ и тайную беременность... Хороши и министры! увѣряютъ, что она жила заграницей въ любовной связи съ лакеемъ,—и предлагаютъ ей 50.000 фунтовъ стерлинговъ пенсіи для мирнаго продолженія этого похвальнаго образа жизни! Очень были бы польщены иностранные дворы, къ которымъ являлась бы эта счастливая чета!..“

Но главной причиной раздраженія націи противъ короля было то, что онъ, вмѣсто того, чтобы старательно скрывать отъ всей Европы язвы, позорившія королевскую семью, съ честью которой англійскій народъ привыкъ связывать свою собственную честь, раскрылъ ихъ передъ всей Европой. Этого Англія не простила Георгу IV даже черезъ пол-вѣка, и невинность Каролины Брауншвейгской остается для большинства англичанъ догматомъ патріотической вѣры.

Народное волненіе возрастало по мѣрѣ того, какъ приближался день публичныхъ преній. Всѣ знали, что королева будетъ присутствовать на засѣданіяхъ палаты лордовъ, и что съ континента вызваны многочисленные свидѣтели, но имена ихъ оставались неизвѣстными. Вопреки всѣмъ правиламъ, министерство отказалось показать списокъ ихъ даже самой подсудимой, опасаясь, что приверженцы королевы прибѣгнутъ къ насилію противъ этихъ людей. Дѣйствительно, толпа побила многихъ итальянцевъ, высадившихся въ Луврѣ, по одному

подозрѣнію, что это свидѣтели противъ королевы. Органы виговъ передавали самые невѣроятные слухи объ этихъ людяхъ, будто бы не имѣющихъ никакой профессіи и отличавшихся полнѣйшею безнравственностью. Многое въ этихъ слухахъ было преувеличено, а частью и совсѣмъ ложно, но публика была расположена вѣрить имъ. Къ тому же свидѣтели были итальянцы и паписты; имъ заплатили за то, чтобы они пріѣхали, такъ какъ это были люди бѣдные; понятно, что при такихъ условіяхъ всѣ считали ихъ подкупленными...

Настало 17-е августа, день открытія парламентскаго процесса. Вся площадь передъ Вестминстерскимъ дворцомъ, въ которомъ засѣдаютъ палаты, была запружена народомъ. Военные посты были усилены; конные патрули непрерывно объѣзжали улицы. Народъ былъ спокоенъ, но въ этомъ спокойствіи было что-то угрожающее.

Зала засѣданій была переполнена; палата лордовъ собралась въ полномъ составѣ. Для королевы было приготовлено кресло по правую руку престола, и тутъ же помѣщались члены делегаціи отъ палаты общинъ. Не успѣла еще кончиться перекличка, какъ съ улицы донеслось громогласное „ура!“ возвѣстившее о прибытіи королевы. Каролина вошла въ сопровожденіи леди Гамильтонъ и нѣсколькихъ преданныхъ друзей. На ней было черное платье, покрытое дорогими кружевами, а на головѣ—бѣлый вуаль, ниспадавшій длинными складками, на половину скрывая лицо и маскируя тучный станъ. Этотъ нарядъ придавалъ королевѣ траурный и величественный видъ. При входѣ ея, всѣ пэры поднялись съ мѣстъ. Она поклонилась имъ и заняла свое мѣсто, пригласивъ ихъ жестомъ сдѣлать то же.

Представитель министерства прочелъ билль о преданіи суду королевы Каролины-Амаліи-Елизаветы за преступную связь съ итальянцемъ Бартоломео Бергами; о лишеніи ее всѣхъ правъ и прерогативъ, связанныхъ съ королевскимъ титуломъ, и о расторженіи брачныхъ узъ, связывавшихъ съ нею короля Георга IV.

Каролина невозмутимо выслушала чтеніе билля. Послѣ этого слово было дано ея защитникамъ, Бруму и Денмэну, которые, въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, возражали противъ обсужденія билля, стараясь доказать, что королеву предаютъ суду не за указанныя въ немъ вины, а за то, что она отказалась принять сдѣланныя ей предложенія и остаться на континентѣ. Если бы поведеніе королевы позорило націю, то министерство, конечно, не предложило бы ей 50.000 фунтовъ пенсіи на продолженіе ея, будто бы, позорнаго образа жизни. Мало того, ей обѣщали даже, что обѣ палаты вотируютъ къ ней адресъ, если она приметъ эти предложенія. Но въ условія входило отреченіе ея величества отъ своего права на поминаніе въ молитвахъ ея имени, отъ чего она не могла отказаться, такъ какъ фактъ этотъ, самъ по себѣ, могъ бы дать поводъ къ оскорбительнымъ заключеніямъ на ея счетъ.

Палата не приняла во вниманіе этихъ возраженій и постановила перейти къ обсужденію билля. Генеральный атторней началъ чтеніе обвинительнаго акта, которое заняло три засѣданія. Каждый день прибытіе королевы въ Вестминстерскій дворецъ привѣтствовалось шумными оваціями уличной толпы. Подобныя же встрѣчи дѣлались и тѣмъ изъ пэровъ, которые подали голосъ противъ разсмотрѣнія билля, тогда какъ члены большинства встрѣчались свистками и иногда даже комками грязи.

Начался допросъ свидѣтелей. Мы уже сказали, что большинство изъ нихъ были паписты и люди низшаго класса, что возбуждало противъ нихъ двойное предубѣжденіе: религіозное и аристократическое. Вдобавокъ, они говорили по-итальянски и публика слушала ихъ показанія отъ переводчиковъ, изъ вторыхъ устъ, чѣмъ значительно ослаблялось впечатлѣніе непосредственности, которое производили показанія свидѣтелей со стороны защиты, преимущественно англичанъ.

Первымъ изъ допрошенныхъ свидѣтелей былъ Теодоръ Маджіокки, бывшій лакей принцессы Уэльской. При видѣ его, она была такъ изумлена, что у нея вырвалось невольное восклицаніе:

— Теодоръ! О нѣтъ!.. нѣтъ!..

И съ этими словами она покинула залу и больше не показывалась впродолженіе всего засѣданія. Когда волненіе, возбужденное этимъ эпизодомъ, улеглось, Маджіокки началъ свое показаніе. Онъ изложилъ длинную исторію сумасбродствъ Каролины, у которой онъ прослужилъ три года, и подкрѣпилъ свои показанія самыми мельчайшими, самыми подавляющими подробностями. Онъ не только видѣлъ, какъ и всѣ слуги принцессы, возраставшее вліяніе на нее Бергами, но имѣлъ случай подмѣтить многія характеристическія обстоятельства ихъ связи, которыя онъ и описалъ передъ всею публикой. Впечатлѣніе, произведенное его показаніемъ, было ужасно для чести Каролины; друзья ея были уничтожены, и это впечатлѣніе распространилось на всю страну, по мѣрѣ того, какъ газеты разносили его по провинціямъ. Но въ столицѣ оно произвело на массы совсѣмъ обратное дѣйствіе и еще болѣе ожесточило ихъ противъ правительства. Въ бѣдныхъ кварталахъ всѣ лица были мрачны; во всѣхъ глазахъ свѣтился зловѣщій огонь.

— Кончено! говорили другъ другу люди, встрѣчаясь.—Злодѣи торжествуютъ! Они поклялись погубить ее.

По свидѣтельству всѣхъ современниковъ, вечеромъ этого дня, 21-го августа, довольно было бы одной искры, чтобы возжечь пожаръ и вызвать въ Лондонѣ кровопролитный мятежъ. Въ гостиныхъ съ жаромъ коментировали восклицаніе королевы при видѣ Маджіокки, которое всѣ объясняли себѣ изумленіемъ и страхомъ.

Однако, на слѣдующій день, дѣла приняли другой оборотъ. Начался перекрестный допросъ, и Брумъ принудилъ Маджіокки сознаться,

что онъ былъ прогнанъ изъ дома принцессы, служилъ потомъ у одного вѣнскаго аристократа, былъ вызванъ въ Миланъ слѣдственною комиссіею и затѣмъ привезенъ въ Лондонъ, гдѣ правительство покрывало всѣ его расходы. Всѣ эти объясненія, безъ труда исторгнутыя у наивнаго итальянца, не оставляли, по мнѣнію публики, никакого сомнѣнія въ томъ, что свидѣтели подкуплены. Это впечатлѣніе еще болѣе укоренилось, когда бѣдняга, утомленный безконечными допросами, вдругъ перемѣнилъ тактику и началъ на все отвѣчать:

— Non me ricordo. (Не помню).

Эта фраза облетѣла вечеромъ весь Лондонъ и дала тему для множества насмѣшекъ и остротъ. Допрошено было тридцать свидѣтелей, и показанія нѣкоторыхъ изъ нихъ были такъ обстоятельны и скабрезны, что ихъ невозможно даже передать въ приличной формѣ. Но газеты, служившія органами партіи королевы, были неистощимы въ изобрѣтеніи оправданій. Храбро воспроизводя самыя щекотливыя изъ свидѣтельскихъ показаній, онѣ приводили противъ нихъ доводы, смѣлость которыхъ доходитъ до комизма. Такъ, напримѣръ, по поводу описанной однимъ изъ свидѣтелей сцены въ почтовой каретѣ, газета „Times“ пресерьезно утверждала, что приводимый свидѣтелемъ фактъ невозможенъ, „будучи противенъ законамъ тяготѣнія“.

— Обвиненіе взяло на себя слишкомъ много, вскричалъ Брумъ въ своей защитительной рѣчи. — Если бы оно ограничилось одними смутными подозрѣніями, то, быть можетъ, нашлись бы люди, которые повѣрили бы клеветѣ. Но предположить, что принцесса Уэльская дошла до такой степени безумія, чтобы выставлять напоказъ свою унизительную страсть передъ какимъ нибудь Маджіокки, передъ поварами, лакеями, садовниками, — это уже значитъ перескочить за цѣль. Самое безобразіе приводимыхъ фактовъ доказываетъ ихъ лживость. Посмотримъ, что покажетъ допросъ свидѣтелей защиты, — людей вполнѣ достойныхъ довѣрія.

Блестящая рѣчь Брума, который привелъ въ ней, съ одной стороны, письма Георга III къ Каролинѣ, исполненныя отеческой пріязни; съ другой — жесткія письма ея мужа, произвела на всѣхъ успокоительное дѣйствіе. Англія вздохнула свободнѣе, какъ послѣ тяжелаго кошмара. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если бы палата немедленно перешла къ подачѣ голосовъ, то приговоръ былъ бы въ пользу королевы. Для всѣхъ стало ясно, что противъ нея существовалъ заговоръ, и всѣ желали пораженія ея враговъ. Едва ли Брумъ не сдѣлалъ важной ошибки, не отказавшись отъ допроса свидѣтелей со стороны защиты. Показанія ихъ не дали въ результатѣ никакихъ положительныхъ фактовъ въ пользу королевы и сводились въ сущности только на похвальные отзывы о ней, и на то, что свидѣтели „никогда не замѣчали ничего предосудительнаго въ ея сношеніяхъ съ ея бывшимъ лакеемъ Бергами, возведеннымъ впослѣдствіи въ званіе камергера“. Прибавимъ, что изъ всѣхъ бывшихъ статсъ-дамъ Ка-

ролины только одна леди Линдсей согласилась свидѣтельствовать въ ея пользу, да и та сдѣлала это съ крайнею сдержанностью, отвѣчая на всѣ вопросы: „не помню“ или „не думаю“. Одинъ изъ такихъ свидѣтелей даже формально показалъ, что одинъ англійскій капитанъ выражалъ при немъ свое сожалѣніе о томъ, что принцесса Уэльская сажаетъ Бергами за свой столъ. Словомъ, въ общихъ чертахъ, показанія свидѣтелей со стороны защиты скорѣе подтверждали, чѣмъ опровергали обвиненія. Съ другой стороны, друзья королевы не задумались, какъ и миланская комиссія, вызвать изъ Италіи нѣсколькихъ свидѣтелей такого же сомнительнаго сорта, какъ и Маджіокки съ компаніей.

Но, хотя всѣ эти оттѣнки и не ускользнули отъ вниманія палаты лордовъ и лондонскихъ клубовъ, однако, народъ продолжалъ видѣть въ этой драмѣ только благопріятную для королевы сторону и объяснять себѣ малое число свидѣтелей въ пользу королевы политическимъ вліяніемъ короля въ Европѣ и вмѣшательствомъ его дипломатическихъ агентовъ.

Въ этомъ процессѣ было замѣшано столько политическихъ интересовъ, что о правосудіи никто и не помышлялъ. Каждый имѣлъ въ виду только побѣду своей партіи. Люди, рѣшившіеся подать голосъ за оправданіе, видѣли вину яснѣе, чѣмъ кто бы то ни было; а тѣ, кто рѣшился подать голосъ за обвиненіе, понимали, что это не легко сойдетъ у нихъ съ рукъ. Въ виду всеобщаго раздраженія народныхъ массъ, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что билль, принятый палатой лордовъ, будетъ отвергнутъ палатой общинъ. Процессъ продолжался уже одиннадцать недѣль и публикѣ до-нельзя наскучили эти безконечные допросы и передопросы; трудно было отличить правду отъ лжи; всѣ факты вертѣлись въ какомъ-то хаосѣ. При окончательной подачѣ голосовъ въ палатѣ лордовъ, въ пользу билля высказалось большинство всего 9-ти голосовъ. Кризисъ принялъ, впродолженіе преній, такой угрожающій характеръ, что многіе изъ торіевъ, которые готовы были подать голоса за билль, сочли за лучшее воздержаться. Сомнительный успѣхъ билля въ палатѣ лордовъ гарантировалъ друзьямъ Каролины полную неудачу его въ палатѣ общинъ. Брумъ уже заблаговременно заставилъ королеву подписать торжественный протестъ, который онъ намѣревался внести тотчасъ послѣ окончательной подачи голосовъ пэрами. Онъ уже поднялся съ своего мѣста, чтобы вручить президенту этотъ протестъ, какъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, лордъ-канцлеръ объявилъ отъ имени министерства, что оно отказывается отъ билля.

Взрывъ рукоплесканій на скамьяхъ оппозиціи привѣтствовалъ этотъ неожиданный эпилогъ. Нѣкоторые изъ торіевъ съ негодованіемъ возстали противъ раболѣпія министерства, возбудившаго такой скандалъ, чтобы кончить позорнымъ отступленіемъ. Другіе выразили глубокое сожалѣніе, что подсудимая, послѣ уличенія ея въ такихъ

важныхъ преступленіяхъ, остается королевой Англіи. Но бо̀льшая часть осталась довольна тѣмъ, что буря пронеслась надъ ихъ головами не разразившись. Радостные крики толпы, стоявшей передъ Вестминстерскимъ дворцомъ, моментально разнесли важную новость по всему городу. Въ театрахъ она была объявлена со сцены и привѣтствуема національнымъ гимномъ. Улицы освѣтились иллюминаціей. По нимъ двигались толпы народа, разбивая окна въ домахъ торіевъ и съ криками требуя, чтобы они иллюминовали свои дома. Эти радостныя и шумныя уличныя сцены повторялись нѣсколько вечеровъ къ ряду.

Парламентская побѣда королевы не могла, однако, считаться нравственною побѣдой, и если у нея оставалась хотя малѣйшая иллюзія на этотъ счетъ, то она должна была разсѣяться при видѣ пустоты, образовавшейся постепенно вокругъ нея. Послѣ вотированія билля, женщины стали посѣщать ее все рѣже и рѣже, и вскорѣ вокругъ нея остались одни мужчины. Адреса и депутаціи все еще продолжали прибывать, но исчезновеніе дамъ въ домѣ королевы слишкомъ ясно говорило ей, что хотя она и вышла побѣдительницей изъ борьбы, но честь ея осталась на полѣ битвы.

Она вновь потребовала, чтобы ей былъ отведенъ дворецъ, и такъ какъ требованіе и на этотъ разъ осталось безъ отвѣта, то приверженцы ея объявили объ открытіи подписки на построеніе для королевы новаго дворца. Однако, публика отозвалась на это воззваніе довольно холодно. Народъ, всегда готовый кричать противъ враговъ Каролины, не обнаружилъ большого желанія жертвовать для нея своими деньгами. Чтобы подогрѣть его энтузіазмъ, друзья королевы рѣшились устроить большую демонстрацію. Она оффиціально увѣдомила лорда-мэра о своемъ намѣреніи отслужить торжественное молебствіе въ соборѣ св. Павла по случаю своей побѣды надъ врагами, и назначила для этого день.

Утромъ, въ назначенный день, всѣ улицы, ведущія отъ Гаммерсмита, гдѣ жила королева, къ лондонской Сити, были запружены народомъ. Кортежъ ея состоялъ всего изъ двухъ экипажей; въ первомъ — парадной каретѣ, запряженной шестерней—сидѣла она сама съ леди Гамильтонъ, а во второй слѣдовалъ ея единственный камергеръ, Кеппель-Кравенъ, одиночество котораго должно было свидѣтельствовать объ его вѣрности несчастью королевы. Брумъ и Денмэнъ отсутствовали и толпа громко обвиняла ихъ въ измѣнѣ. За чертой, отдѣляющей Сити отъ новаго Лондона, Каролина была встрѣчена лордомъ мэромъ и депутаціями съ музыкой и знаменами. Длинный рядъ всадниковъ выстроился позади и впереди ея кареты, за которою слѣдовалъ лордъ-мэръ, и такимъ образомъ процессія приняла вполнѣ тріумфальный видъ. Всѣ окна, балконы и крыши были унизаны народомъ, и мѣста для публики, выстроенныя передъ соборомъ, ломились подъ массой зрителей. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ радостныхъ

кликовъ. Толпа бѣсновалась отъ восторга и всѣ лица были красны отъ избытка вѣрноподданническихъ чувствъ.

Каролина, одѣтая въ бѣлую атласную шубу, съ опущеннымъ на лицо вуалемъ, сіявшая торжествомъ и здоровьемъ, раскланивалась на обѣ стороны. По прибытіи къ собору, лордъ-мэръ подалъ королевѣ руку и провелъ ее къ клиросу, гдѣ она опустилась на колѣни и, закрывъ руками лицо, простояла такимъ образомъ нѣсколько минутъ, будто погруженная въ набожныя размышленія. Лондонскій епископъ и деканъ отсутствовали, но соборные каноники почти всѣ были на лицо. Обѣдня была отслужена дежурнымъ священникомъ, и во время литаніи, когда читается молитва за царствующій домъ, изъ которой имя королевы было исключено, волненіе присутствовавшихъ выразилось слезами.

На другой день, всѣ газеты были наполнены описаніями этой церемоніи, которую органы виговъ изображали, какъ тріумфальное шествіе, тогда какъ торіи видѣли въ ней не болѣе, какъ смѣшную пародію. Однако, эта демонстрація была послѣдней вспышкой участія къ королевѣ. Общественное мнѣніе устало заниматься ею и восторги начали замѣтно остывать. Успокоенные умы трезвѣе взглянули на дѣло, а трезвый взглядъ не могъ быть благопріятенъ ни для Георга IV, ни для его жены. Притомъ же денежныя затрудненія заставили Каролину принять предложенную ей пенсію, что̀ еще болѣе уронило ее въ общемъ мнѣніи. Мало-по-малу умы успокоились и тучи, скоплявшіяся на горизонтѣ вслѣдствіе раздоровъ въ королевской семьѣ, казалось, совсѣмъ разсѣялись.

Вскорѣ, однако, случились обстоятельства, снова раздувшія этотъ раздоръ. Коронація Георга IV, которая нѣсколько разъ откладывалась, была, наконецъ, окончательно назначена на 19-е іюля. Все показывало, что король намѣренъ короноваться одинъ и не расположенъ дѣлиться помазаніемъ съ своей законной супругой. Узнавъ о приготовленіяхъ къ коронаціи, Каролина немедленно обратилась къ королю съ прошеніемъ о возстановленіи ея права быть коронованною вмѣстѣ съ нимъ. Для обсужденія этого вопроса собрался чрезвычайный совѣтъ, въ которомъ защитники королевы привели цѣлый рядъ историческихъ примѣровъ въ доказательство ея неотъемлемаго права быть коронованною. Однако, въ результатѣ совѣтъ не призналъ этого права и поставилъ его въ зависимость отъ воли короля. Получивъ извѣстіе объ этомъ рѣшеніи, Каролина поклялась заставить уважать ея требованіе. Историческіе доводы ея совѣтниковъ, разумѣется, казались ей неотразимыми и она сочла себя обязанной передъ будущими англійскими королевами отстоять свое право. Она увѣрила себя, что, поступая такимъ образомъ, она борется за священное дѣло.

Не проходило дня, чтобы она не придумывала какой нибудь новой формы протеста. Она написала оберъ-камергеру, требуя для себя почетнаго мѣста на церемоніи; написала архіепископу кэнтерберійскому,

прося короновать ее на другой день послѣ коронаціи короля, потребовала отъ гофъ-маршала, чтобы онъ принялъ ее съ королевскими почестями у воротъ Вестминстерскаго аббатства; но отовсюду получила отказъ на основаніи формальныхъ предписаній короля. Наконецъ, она обратилась къ самому Георгу IV, обнародовавъ напыщенное письмо къ нему, въ которомъ она грозила ему отвѣтственностью передъ потомствомъ за нарушеніе вѣковыхъ обычаевъ страны. Въ то же время она возвѣстила о своемъ рѣшеніи присутствовать на церемоніи коронаціи, и все заставляло предвидѣть, что она сдѣлаетъ это съ цѣлью нарушить церемонію какою нибудь новою демонстраціею.

Несмотря на эти зловѣщія предзнаменованія, при дворѣ и въ столицѣ шли дѣятельныя приготовленія къ предстоявшему торжеству. Полтораста поваровъ дѣлали приготовленія къ колоссальному обѣду. Цѣлая армія обойщиковъ украшала бархатомъ и золотомъ готическія стѣны древняго аббатства. Всѣ чины двора, въ томъ числѣ и самъ король, разучивали свои роли.

Георгъ IV, несмотря на свои пятьдесятъ девять лѣтъ, по-прежнему оставался влюбленнымъ въ свою наружность. Онъ заказалъ для себя нѣсколько роскошныхъ костюмовъ и по нѣскольку разъ въ день примѣривалъ ихъ передъ цѣлой системой зеркалъ, заучивая всѣ позы, которыя ему предстояло принимать во время коронаціи, и стараясь соединить въ нихъ грацію съ величіемъ. Послѣ долгихъ трудовъ получился, наконецъ, удовлетворительный результатъ, и Георгъ IV сталъ ждать торжественнаго дня съ спокойной совѣстью короля, которому подданные платятъ за представительство достаточно дорого и который можетъ сказать себѣ: „на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, мой добрый народъ признаетъ, что я не даромъ беру деньги“.

Но такова извращенность человѣческой природы, что добрый народъ, вмѣсто признательности, обнаруживалъ явное намѣреніе освистать готовившееся зрѣлище. Наканунѣ коронаціи, вечеромъ, настроеніе его сдѣлалось до такой степени подозрительнымъ, что приближенные сочли за лучшее перевезти короля, подъ покровомъ темноты, изъ Карльтонъ-Гоуза въ Вестминстерскій дворецъ, очистивъ предварительно улицы эскадронами конной гвардіи. Георгъ IV переночевалъ въ квартирѣ президента палаты общинъ.

Церемонія коронованія совершилась со всею пышностью и торжественностью, завѣщанными средними вѣками. Съ трехъ часовъ утра, трибуны наполнились массами любопытныхъ, которые терпѣливо прождали въ нихъ шесть часовъ,—быть можетъ, въ тайной надеждѣ увидѣть нѣчто такое, чего не было въ программѣ. Однако все прошло благополучно и церемонія кончилась безъ всякихъ помѣхъ.

Это не значитъ, впрочемъ, что Каролина отказалась отъ своего намѣренія; но принятыя мѣры предосторожности не допустили ее проникнуть въ аббатство.

Въ пять часовъ утра, она выѣхала изъ дома въ парадной каретѣ, запряженной шестерней, въ сопровожденіи леди Гамильтонъ и леди и лорда Гудъ. Благодаря своему парадному экипажу, ей удалось проникнуть за первыя сторожевыя цѣпи, и караулы даже отдавали ей честь. Выйдя изъ экипажа у главныхъ воротъ Вестминстерскаго дворца, она направилась ко входу, подъ руку съ лордомъ Гудомъ. Дежурный офицеръ спросилъ входный билетъ.

— У меня нѣтъ его; но я—королева. Развѣ вы меня не впустите?

Офицеръ извинился: ему предписано было никого не впускать безъ именнаго билета.

Каролина ушла, чтобы попытаться пройти въ боковую дверь. Толпа, стоявшая за рѣшеткой двора и наполнявшая устроенныя на немъ мѣста для публики, съ любопытствомъ слѣдила за ея движеніями. Вначалѣ толпа отнеслась къ ней сочувственно и даже слышались рукоплесканія. Но по мѣрѣ того, какъ королева настаивала, горячилась, вступала въ личные споры съ часовыми,—безтактность этой попытки всѣмъ бросилась въ глаза. Послышались восклицанія: „Shame!“ (Стыдно!) и въ то время, когда королева проходила мимо трибунъ, направляясь ко входу въ палату лордовъ, изъ толпы раздались свистки.

Здѣсь, какъ и въ другихъ дверяхъ, ее отказались пропустить, и Каролина, съ свойственнымъ ей упрямствомъ, сѣла въ карету и велѣла везти себя къ воротамъ аббатства. Подъѣхавъ къ нимъ, лордъ Гудъ сказалъ дежурному офицеру, указывая на свою спутницу:

— Ваша королева. Надѣюсь, она можетъ пройти въ церковь безъ билета.

— Намъ не разрѣшено никого впускать безъ пэрскаго билета.

— Но королеву!.. эти формальности не могутъ относиться къ ея величеству, сказалъ Гудъ.

— Вѣдь я—ваша королева! Развѣ вы не признаете меня? вмѣшалась Каролина, волнуясь, но стараясь улыбаться.

— Мнѣ данъ формальный приказъ и я долженъ ему повиноваться, отвѣтилъ офицеръ.

Королева горько засмѣялась.

— У меня есть билетъ, сказалъ лордъ Гудъ.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ пропущу, милордъ.

Лордъ Гудъ показалъ свой билетъ.

— Это только для одного лица, сказалъ офицеръ.

— Угодно вашему величеству войти одной? спросилъ лордъ Гудъ Каролину.

Она колебалась, но видимо склонна была согласиться. Въ эту минуту подошелъ одинъ изъ придворныхъ, и лордъ Гудъ спросилъ его, приготовлено ли въ церкви особое мѣсто для королевы. Отвѣтъ былъ отрицательный. Тогда лордъ Гудъ снова обратился къ Каролинѣ:

— Угодно вашему величеству войти безъ своихъ дамъ?

— Конечно, нѣтъ, отвѣтила королева.

— Стало быть, намъ остается только уѣхать.

И они пошли обратно къ своимъ экипажамъ. Часовые, мимо которыхъ они проходили, смѣялись и вслухъ обмѣнивались ироническими замѣчаніями. Лордъ Гудъ съ негодованіемъ обернулся и замѣтилъ имъ:

— Королева думала, что она имѣетъ дѣло, по крайней мѣрѣ, съ порядочными людьми. Ваше поведеніе низко!..

Среди грустнаго молчанія свидѣтелей этой позорной сцены, Каролина сѣла въ карету и выѣхала за ограду аббатства. На улицѣ всего нѣсколько голосовъ крикнули: „ура!" но и тѣ тотчасъ смолкли. Массы народа, стоявшія на улицахъ, провожали ея карету нерѣшительными или насмѣшливыми вглядами.

На другой день, при дворѣ, въ городѣ и въ цѣлой Англіи только и толковъ было, что о неудачной попыткѣ королевы заставить короновать себя. Торійскія газеты осыпали ее насмѣшками, а органы виговъ притихли, не находя, что̀ сказать въ оправданіе этой безрасудной попытки.

Вдругъ по городу разнеслась неожиданная вѣсть: королева заболѣла и слегла.

„Гастрическое разстройство", говорилось въ медицинскихъ бюллетеняхъ; другими словами—неопредѣленное болѣзненное состояніе, которому наука еще не подъискала настоящаго имени. — „Разбитое сердце!" кричали хоромъ органы виговъ.

Болѣзнь королевы дала имъ въ руки новое оружіе. „Оскорбленія и гоненія, говорили они, сломили энергію королевы. Здоровье ея рушилось; силы не выдержали долгой борьбы. Гнусность, совершенная надъ нею 19-го іюля, доконала ее. Враги ея могутъ торжествовать: Каролина умираетъ! они зарѣзали ее! Бываютъ нравственныя раны, столь же вѣрныя, какъ и кинжалъ убійцы"...

Событія, казалось, оправдывали эти слова. Дней черезъ девять, положеніе королевы стало безнадежнымъ. Она еще сохраняла свои умственныя способности и успѣла продиктовать свое духовное завѣщаніе, въ которомъ она говорила, что умираетъ жертвой жестокости своего мужа, но прощаетъ его, и наказывала сжечь ея дневникъ, который она имѣла обыкновеніе вести. Вслѣдъ затѣмъ Каролина впала въ безсознательное состояніе, кончившееся, вечеромъ 7-го августа, смертью. Король находился въ это время въ Ирландіи, гдѣ въ честь его давались праздники по случаю коронаціи.

Извѣстіе о смерти королевы было встрѣчено всей страной съ глубокою грустью. Передъ открытой могилой всѣмъ вспоминались только несчастья этой погибшей жизни. Магазины на половину закрылись;

виги надѣли двухнедѣльный придворный трауръ и газеты ихъ выходили съ черной каймой. Всякій имѣлъ разсказать какой нибудь фактъ, свидѣтельствовавшій о добротѣ Каролины. Умирая, она вспомнила всѣхъ своихъ друзей и простила своимъ гонителямъ; смерть избавила ее отъ мукъ тяжелой и бурной жизни. Словомъ, общественная чувствительность, источникомъ которой служитъ поклоненіе величію—какъ будто страданія простыхъ смертныхъ легче страданій сильныхъ міра—дала себѣ полную волю, и Каролина сдѣлалась въ глазахъ всѣхъ не только жертвой, но и мученицей.

Королева завѣщала все свое имущество, почти исключительно движимое, своему пріемному сыну Уильяму Остину, выразивъ желаніе, чтобы парламентъ уплатилъ 15.000 фунт. стерлинговъ за домъ, который она купила себѣ въ Лондонѣ незадолго до смерти. Каждому изъ наиболѣе вѣрныхъ друзей своихъ она завѣщала что нибудь на память. Въ припискѣ къ завѣщанію выразилась свойственная ей склонность къ таинственному и необыкновенному: въ этой припискѣ требовалось, чтобы оставленная ею запечатанная шкатулка была вручена нѣкоему Обикини, итальянскому купцу въ Кальмэнъ-Стритѣ. Подозрѣвали—и, вѣроятно, не безъ основанія,—что въ этой шкатулкѣ заключалось то, что Каролина завѣщала Бергами.

Въ другой припискѣ она выражала желаніе, чтобы тѣло ея было перевезено черезъ три дня въ Брауншвейгъ и тамъ похоронено, и чтобы на могилѣ ея сдѣлали надпись: „Caroline the injured queen of England“ („Каролина, оскорбленная королева англійская“).

Министерство выказало большое усердіе въ исполненіи послѣдней воли королевы, въ особенности въ отношеніи похоронъ. Оно тотчасъ сдѣлало распоряженіе, чтобы тѣло было перевезено въ указанный срокъ въ Гарвичскій портъ, и виги не преминули заговорить въ своихъ органахъ, что правительство спѣшитъ избавиться отъ этого стѣснительнаго трупа и король торопится возвратиться въ Ирландію, къ ожидающимъ его тамъ удовольствіямъ.

Леди Гамильтонъ и леди Гудъ съ трудомъ добились отсрочки, подъ предлогомъ, что траура нельзя такъ скоро приготовить.

Едва успѣли уладить это затрудненіе, какъ явилось другое. Корпорація Сити выразила желаніе, чтобы траурный кортежъ торжественно прослѣдовалъ по ея территоріи, направляясь отъ Гаммерсмита въ Гарвичъ. Собственно, это и былъ прямой путь, но министерство, заподозривъ намѣреніе произвести демонстрацію, распорядилось, чтобы траурный кортежъ слѣдовалъ другимъ путемъ. Шесть дней прошло въ переговорахъ объ этомъ предметѣ. Наконецъ, 14-го августа явились королевскіе коммисары для выноса тѣла. Рано утромъ, передъ домомъ, гдѣ жила королева, выстроился эскадронъ конной гвардіи и вслѣдъ затѣмъ прибыла траурная колесница съ королевскими гербами, въ сопровожденіи длиннаго ряда траурныхъ каретъ и множества пажей и слугъ.

По прибытіи оберъ-церемоніймейстера, произошла тяжелая сцена. Исполнители завѣщанія отказывались выдать тѣло подъ предлогомъ, что, вопреки ихъ желанію, были призваны войска, тогда какъ королева, говорили они, не имѣла при жизни другой стражи, кромѣ своего народа. Несмотря на этотъ протестъ, послѣ спора надъ самымъ гробомъ, процессія организовалась. Впереди ея шли чины королевскаго двора; царственный санъ покойницы былъ оффиціально признанъ послѣ ея смерти; на гробъ ея были положены царственныя регаліи, и позади гроба, на бархатной подушкѣ, несли корону. Далѣе слѣдовали ея вѣрные друзья и Уильямъ Остинъ. Небо было покрыто тучами и дождь лилъ какъ изъ ведра.

Прежде чѣмъ процессія двинулась въ путь, оберъ-церемоніймейстеръ прочелъ маршрутъ, предписанный правительствомъ и который до той минуты сохранялся въ тайнѣ. На всемъ протяженіи пути кортежъ долженъ былъ сопровождаться войсками.

Между тѣмъ, въ Гайдъ-Паркѣ собралась толпа конныхъ и пѣшихъ людей, въ траурныхъ шарфахъ, которые выстроились въ процессію, чтобы идти въ Гаммерсмитъ и принять участіе въ траурномъ кортежѣ. По приближеніи къ Уксбриджской заставѣ, гдѣ бралась пошлина, толпа народа, слѣдовавшая за этой процессіей, закричала, чтобы ее пропустили безплатно, какъ это принято въ Англіи для траурныхъ процессій. Однако, сборщикъ пошлины не послушался и не поднималъ заставы. Тогда толпа ринулась на балки и, въ мигъ своротивъ ихъ, запрудила всю дорогу въ Гаммерсмитъ. На другихъ улицахъ, ведущихъ къ Сити, также собрались огромныя толпы народа съ цѣлью сопровождать траурную процессію или, по крайней мѣрѣ, видѣть ее.

Относительно маршрута, которому долженъ былъ слѣдовать траурный кортежъ, приходили самыя противорѣчивыя извѣстія. То говорили, что траурная колесница направляется на Пикадильи, то сообщали, что она взяла дорогу на Бэйсватеръ, и при каждомъ извѣстіи, живыя волны неслись подъ проливнымъ дождемъ въ указанномъ направленіи. Корпораціи, депутаціи отъ различныхъ цеховъ, съ своими знаменами, бродили на-удачу по Гайдъ-Парку, не зная, куда направиться. Усталость и неизвѣстность раздували общее раздраженіе противъ правительства, пробужденное смертью королевы.

Наконецъ, было получено достовѣрное извѣстіе, что кортежъ идетъ черезъ Найтсбриджъ къ Пикадильи. Министерскій маршрутъ былъ измѣненъ. Толпа съ неотразимымъ напоромъ, передъ которымъ отступаетъ всякая регулярная сила, заставила везти гробъ королевы въ Сити. Дѣло произошло такимъ образомъ: на одномъ изъ поворотовъ министерскаго маршрута процессія наткнулась на баррикаду, наскоро возведенную изъ телѣгъ и плитъ мостовой. Гвардейцы, изумленные этимъ непредвидѣннымъ препятствіемъ, хотѣли было разнести баррикаду, но угрожающій видъ толпы показалъ, что она не дозволитъ этого сдѣлать. Правда, она была безоружна, но одинъ кирасирскій

эскадронъ—не важная сила для рѣшительныхъ людей, а на баррикадѣ стояли богатыри, размахивавшіе кулаками съ добрый молотъ. Офицеръ, командовавшій эскадрономъ, послалъ за инструкціями къ начальству и, послѣ трехъ часовъ ожиданія, было получено разрѣшеніе слѣдовать на Пикадильи.

Долгое ожиданіе не обошлось безъ дикихъ сценъ. На многихъ пунктахъ полиціи атаковала толпу палками, на что народъ отвѣтилъ избіеніемъ нѣсколькихъ констэблей. Въ то же время въ толпѣ начали ходить по рукамъ печатныя копіи министерскаго маршрута и публика узнала какъ о планѣ кабинета обойти Сити, такъ и объ его унизительной неудачѣ. Эти извѣстія еще болѣе подстрекнули воинственное настроеніе массъ, которыя снова стремились къ Гайдъ-Парку, спѣша опередить погребальную колесницу. Прибывшая на этотъ пунктъ кавалерія была встрѣчена свистками и комками грязи. Тогда войска атаковали толпу въ-карьеръ и разогнали ее саблями плашмя.

Траурный кортежъ прибылъ въ Гайдъ-Паркъ. Корнеръ—фэшенебльный проулокъ, служащій преддверіемъ Пикадильи и граничащій къ сѣверу — съ Гайдъ-Паркомъ, а къ югу — съ Зеленымъ Паркомъ. Если бы правительство искренно согласилось на желанія населенія, то кортежъ долженъ былъ бы прослѣдовать чрезъ Пикадильи, спуститься на Страндъ и прибыть, такимъ образомъ, въ Сити. Но уступчивость министерства была притворствомъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать путь въ Пикадильи, процессія вдругъ повернула влѣво и вошла въ Гайдъ-Паркъ, чтобы пройти этой дорогой къ Тиборнской заставѣ и возвратиться къ первоначальному министерскому маршруту. Но толпа, внѣ себя отъ этой измѣны, хлынула къ противоположному выходу изъ парка, чтобы запереть Кумберлэндскія ворота. Кавалеріи было предписано во что бы то ни стало поддержать свободу выхода. Два эскадрона атаковали толпу, преграждавшую дорогу въ самомъ паркѣ, а третій понесся во весь карьеръ къ Кумберлэндскимъ воротамъ и разогналъ карабинами и пистолетами уже образовавшееся тамъ возлѣ рѣшетки сборище. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ паркъ представлялъ страшную сцену кровопролитія и ужаса. По всѣмъ аллеямъ бѣжали обезумѣвшія отъ страха женщины, валялись растоптанныя дѣти, раздавались раздирающіе вопли, крики ярости и выстрѣлы. Сорокъ человѣкъ поплатились жизнью и множество другихъ были ранены или ушиблены. Однако, перевѣсъ остался за министерствомъ, и кортежъ продолжалъ свой путь къ Ислингтону.

Дождь лилъ по-прежнему, но, тѣмъ не менѣе, стеченіе народа на улицахъ было такъ велико, какъ будто никто и не помышлялъ еще разгонять его оружіемъ. Лондонская толпа болѣе всякой другой имѣетъ видъ муравейника.

Во второмъ часу, голова процессіи, вступивъ въ Поддингтонскую улицу, увидѣла, что выходъ изъ нея запертъ. Баррикадисты, которымъ не удалось своевременно запереть выхода изъ Гайдъ-Парка, будучи разсѣяны кавалеріей, быстро снова собрались и, опередивъ

кортежъ по дорогѣ въ Ислингтонъ, проворно загородили Тотенгэмскій проходъ цѣлой массой телѣгъ, балокъ и плитъ изъ мостовой.

Оберъ-церемоніймейстеръ попытался провести процессію боковою улицею, но и та оказалась загороженною. Громадныя баррикады словно выростали изъ-подъ земли. Чтобы снести ихъ, нужна была артиллерія, а правительство не догадалось прислать ее. Нечего было дѣлать; пришлось взять единственную дорогу, которая оставалась свободной и вела въ Сити. Министерство еще разъ было поражено. Сколько ни колесили правительственные комисары, но препятствія, которыя они встрѣчали, непреклонно указывали имъ тотъ путь, который былъ предначертанъ народною волей.

Лордъ-мэръ вышелъ на встрѣчу къ процессіи и лично повелъ ее черезъ Сити. Густыя массы народа, покрывавшія всѣ улицы на пути кортежа, мирно наслаждались своей побѣдой. Англійскій народъ настоялъ на своемъ съ свойственнымъ ему молчаливымъ упрямствомъ. Дождь пересталъ; баррикады стали излишни и процессія длинной лентой тянулась по улицамъ. Всѣ головы были обнажены, но на возбужденныхъ лицахъ изображалось скорѣе торжество, чѣмъ горесть. Наскоро сдѣланныя знамена прославляли народную побѣду. На одномъ было написано: „*Сила общественнаго мнѣнія!*“ на другомъ—„*Справедливость торжествуетъ!*“ и т. п. Въ пять часовъ лордъ-мэръ довелъ процессію до восточной границы Сити, откуда она уже спокойно продолжала путь въ Гарвичскій портъ.

Тѣло королевы, перевезенное въ Брауншвейгъ, было погребено въ фамильномъ склепѣ, между останками ея отца и брата, и на гробницѣ ея до сихъ поръ сохранилась завѣщанная ею надпись.

Такъ кончила свою карьеру, пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, эта странная женщина! Ея кровавыя похороны соотвѣтствовали бурному характеру всей ея жизни. Сложность интересовъ, которые были связаны съ судьбой Каролины, сбивчивость сужденій о ней современниковъ, ея почти внезапная смерть, шумныя похороны, справедливая непопулярность ея мужа,—пріобрѣли ей ореолъ мученицы, который окружаетъ ея память въ глазахъ англичанъ. Имя королевы Каролины сдѣлалось символомъ незаслуженнаго несчастья, покорности и мужества. До сихъ поръ англійскія бабушки произносятъ его съ уваженіемъ, и несчастья королевы Каролины стали легендой, которая разсказывается у каждаго домашняго очага.

Бергами сдѣлался родоначальникомъ графской и землевладѣльческой фамиліи въ Италіи, а Уильямъ Остинъ умеръ, въ 1834 г., въ домѣ умалишенныхъ.

Конецъ.

ВЗЯТІЕ НОТЕБУРГА.

Картина профессора Коцебу. Гравюра Хельма въ Штутгартѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 августа 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.



„МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ" ВЪ 1789 ГОДУ И НАЧАЛО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.



Ъ НАЧАЛѢ 1778 г., московскій университетъ, считая у себя трехъ кураторовъ, на самомъ дѣлѣ былъ безначаленъ: его основатель и главный кураторъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, былъ слишкомъ высоко поставленъ, чтобъ заниматься хозяйствомъ и мелочами жизни молодаго университета; къ тому же онъ жилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ бывалъ только наѣздами; обыкновенно дѣлами университета завѣдывали его товарищи по кураторству; но въ это время одинъ изъ нихъ, Ададуровъ, жилъ въ Петербургѣ, а Мелиссино уѣхалъ за-границу въ долгосрочный отпускъ. Въ виду этого, въ іюнѣ былъ назначенъ 4-й кураторъ, уже и въ то время извѣстный писатель, державшій въ портфелѣ величайшую, какъ думали современники, россійскую поэму,—Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Трудно было сдѣлать выборъ болѣе удачный: Херасковъ въ это время былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ (род. 1733 г.), а между тѣмъ, за служебными почестями не гонялся: три года назадъ онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и жилъ кабинетной жизнью. Къ университету онъ былъ ближе, чѣмъ кто бы то ни было: съ основанія по 1763 г. онъ состоялъ его ассессоромъ, а съ 1763 по 1770—директоромъ; интересы литературы и науки стояли для него на первомъ планѣ, а мягкій, гуманный его характеръ, полное отсутствіе барскихъ и начальническихъ замашекъ, его обширная эрудиція и развитый вкусъ дѣлали его положительно незамѣнимымъ на этомъ мѣстѣ.

Въ первый же годъ своего кураторства, Херасковъ обратилъ вниманіе на дѣла университетской типографіи, существовавшей уже съ 1756 года; ей завѣдывали чиновники, и дѣла ея шли довольно плохо: она едва давала 2.000 рублей въ годъ доходу; выходившія съ того же 1756 года въ ней „Московскія Вѣдомости", вторая въ Россіи газета, расходились только въ 600 экземплярахъ. Въ концѣ года Херасковъ ѣздилъ въ Петербургъ, сошелся тамъ съ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ, уже успѣвшимъ себѣ пріобрѣсти обширную и почетную извѣстность своими журналами и изданіями, и предложилъ ему взять типографію, „Вѣдомости" и состоявшую при университетѣ книжную лавку на аренду. Осмотрѣвъ все на мѣстѣ, Новиковъ рѣшился принять предложеніе и заключилъ съ университетомъ контрактъ на 10 лѣтъ (съ 1-го мая 1779 года по 1-е мая 1789 года), съ платою за аренду типографіи, лавки и „Вѣдомостей" по 4.500 рублей въ годъ [1]).

Переѣхавъ въ апрѣлѣ 1779 года въ Москву, Новиковъ чрезвычайно энергично и толково принялся за дѣло: типографію устроилъ онъ такъ хорошо, что черезъ нѣсколько лѣтъ она, по увѣренію профессора Шварца, „не уступала лучшимъ этого рода заведеніямъ въ Европѣ"; впродолженіе трехъ первыхъ лѣтъ аренды Новикова она выпустила болѣе книгъ, нежели въ предъидущіе 24 года. Кромѣ книгъ для чтенія, какъ легкаго, такъ и серьезнаго, Новиковъ отпечаталъ въ ней массу учебниковъ; для распространенія своихъ и чужихъ изданій, онъ способствовалъ открытію (снабжая предпринимателей книгами въ кредитъ и рекомендаціями) въ Москвѣ и другихъ городахъ множества книжныхъ лавокъ: благодаря ему, книготорговые центры завелись въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не только до Новикова не было, но и до сихъ поръ нѣтъ. Онъ, очевидно, руководствовался не стремленіемъ къ наживѣ, а любовью къ просвѣщенію: болѣе чѣмъ на 3.000 рублей онъ подарилъ книгъ семинаріямъ и другимъ училищамъ; для безплатнаго чтенія открылъ вольную библіотеку. Содержаніе „Московскихъ Вѣдомостей" улучшилось настолько, что число ихъ подписчиковъ стало быстро возрастать: отдѣлъ иностранной политики и вообще заграничныхъ извѣстій, до тѣхъ поръ жалкій и ничтожный, достигъ изумительной для того времени полноты, благодаря тому, что Новиковъ выписалъ для редакціи нѣсколько періодическихъ изданій, преимущественно нѣмецкихъ. При газетѣ безденежно или съ значительнымъ пониженіемъ платы разсылалась масса приложеній: съ 1780 до 1781 „Экономическій магазинъ", редактируемый извѣстнымъ агрономомъ Болотовымъ; въ 1783 и 1784 годахъ подъ названіемъ: „Прибавленія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ" выдавался особый журналъ изъ серьезныхъ статей, оригинальныхъ и переводныхъ, между которыми особенно выдвигались

[1]) Лонгиновъ. „Новиковъ и московскіе мартинисты". М. 1867, стр. 121.

интересомъ статьи по педагогіи и этнографіи [1]); до самаго 1789 года при „Вѣдомостяхъ" разсылалось „Дѣтское чтеніе", первый дѣтскій журналъ на Руси. Въ 1783 году вышелъ извѣстный указъ о вольныхъ типографіяхъ, и издательская дѣятельность Новикова расширилась еще больше. Но уже въ слѣдующемъ, 84-мъ году, начались между нимъ и правительствомъ неудовольствія: въ вышеуказанныхъ „Прибавленіяхъ" Новиковъ помѣстилъ „Исторію ордена іезуитовъ", а іезуитамъ въ то время покровительствовала императрица; хотя въ „Исторіи" для братій не было ничего особенно обиднаго, все же ихъ притязанія руководить политикой не одобрялись; по ихъ наговору императрица велѣла прекратить печатаніе „Исторіи", а отпечатанные листы отобрать. Въ концѣ 1785 года всѣ изданія Новикова были на время опечатаны, а въ 1786 году московскому митрополиту Платону поручено испытать Новикова въ православіи, каковое испытаніе, какъ извѣстно, не повело къ желаемымъ для враговъ Новикова послѣдствіямъ. Въ томъ же 1786 году Екатерина пишетъ противъ мартинистовъ, главнымъ представителемъ которыхъ считаетъ Новикова, рядъ комедій. Въ 1788 году императрица рѣшила не отдавать болѣе Новикову ни типографіи, ни „Московскихъ Вѣдомостей": „c'est un fanatique", сказала она, при докладѣ объ этомъ дѣлѣ, Храповицкому. По окончаніи срока аренды, дѣла Новикова идутъ все хуже и хуже: не имѣя возможности вернуть огромныя затраты, онъ и основанная имъ „типографическая компанія" потерпѣли убытки. Назначенный въ 1790 году московскимъ главнокомандующимъ князь Прозоровскій оказался такимъ злымъ врагомъ мартинистовъ, что нѣкоторые изъ нихъ покинули Москву, и императрица, по его докладу, чуть не подписала указа объ арестѣ Новикова. „Нѣтъ, надобно найти причину", сказала она послѣ долгаго колебанія. Въ 1792 году причина была найдена, и Новиковъ очутился въ Шлиссельбургской крѣпости.

Итакъ 1789 годъ — годъ для „Московскихъ Вѣдомостей" буквально переходный. Въ № 5-мъ, отъ 17-го января, явилось въ нихъ слѣдующее объявленіе (отъ императорскаго московскаго университета), едва ли пріятное для большинства подписчиковъ:

„Какъ срокъ содержанія г. Новиковымъ университетской типографіи кончится мая съ 1-го числа сего 1789 года, а съ того 1-го мая отдана оная впредь на 4 года и 8 мѣсяцевъ въ содержаніе коллежскому ассессору Свѣтушкину; то почтенная публика черезъ сіе увѣдомляется, что „Московскія Вѣдомости" на весь нынѣшній 1789 годъ издаваемы будутъ на такомъ же основаніи, на какомъ въ прошлыхъ и нынѣшнемъ годахъ продолжаемы были, несмотря на перемѣну содержателей, которые каждый съ своей стороны, а имянно съ января по 1-е мая г. Новиковъ, а съ мая по январь

[1]) Незеленовъ: „Николай Ивановичъ Новиковъ". Спб. 1875, стр. 325 и слѣд.

г. Свѣтушкинъ, постараются употребить всевозможныя средства къ тому, чтобы помянутыя „Вѣдомости" исправностью своею совершенно удовлетворяли любопытству читателей. А особливо со стороны г. Свѣтушкина объявляется, что онъ тѣ „Вѣдомости" съ 1-го мая продолжать будетъ съ таковою же или еще большею (sic) ревностію и раченіемъ, клонящимися къ доставленію всевозможнаго удовольствія почтеннымъ читателямъ, и стараться будетъ, чтобы во оныя помѣщаемы были, во-первыхъ, указы ея императорскаго величества, издаваемые во всенародное извѣстіе, а потомъ безъ наималѣйшаго замедленія всѣ получаемыя съ чужестранными достовѣрными и лучшими „Вѣдомостями" европейскія и всего свѣта политическія новости и другія заслуживающія любопытство читателей, съ тѣмъ притомъ, естьли таковыя извѣстія въ листъ „Вѣдомостей" вмѣститься не могутъ, то будетъ въ такихъ случаяхъ, не отлагая до другаго номера, сообщать особыми прибавленіями, не полагая за оныя никакой излишней платы, дабы почтенные читатели имѣли удовольствіе получать таковыя извѣстія сколько возможно ранѣе. Особливо же всѣ произшествія, касающіяся до отечества нашего, будутъ занимать первое мѣсто въ сихъ „Вѣдомостяхъ", а равно помѣщены будутъ анекдоты, свѣдѣнія о ученыхъ дѣлахъ и разныхъ изобрѣтеніяхъ въ наукахъ и художествахъ, открываемыхъ какъ внутри, такъ и внѣ имперіи Россійской, о новыхъ книгахъ [1]) и о прочемъ; словомъ, ничего упущено не будетъ къ приведенію въ совершенство оныхъ, такъ чтобы они не только сравнялись по содержанію своему съ издаваемыми до-нынѣ, но и замѣнили бы самые лучшіе иностранные листы сего рода".

Въ № 34-мъ, отъ 28-го апрѣля, Новиковъ прощается съ публикой, благодаритъ ее за поддержку, которую она ему оказывала впродолженіе его 10-ти-лѣтней дѣятельности, и съ слѣдующаго нумера редакторомъ-издателемъ становится коллежскій ассессоръ Свѣтушкинъ.

Г. коллежскій ассессоръ имѣлъ, какъ видно, серьезное намѣреніе улучшить газету, по крайней мѣрѣ въ томъ, въ чемъ онъ понималъ толкъ—въ бумагѣ и шрифтѣ; первые 3—4 мѣсяца часть собственно газетную онъ печаталъ на плотной, гладкой и бѣлой бумагѣ, которая не давала расплываться краскѣ, а для объявленій, кромѣ того, нашелъ новый петитъ, довольно разборчивый; объявленія въ газетѣ Новикова были едва понятны. (Потомъ, число ли подписчиковъ уменьшилось, можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія прибавленій, или издатель рѣшилъ, что довольно баловать публику,—на сцену явилась та же сине-сѣрая промокаемая бумага; но петитъ остался свѣжій; къ концу года въ виду подписки поправилась снова и бумага).

Что же касается содержанія „Вѣдомостей" и распредѣленія матеріала, Свѣтушкинъ былъ настолько догадливъ, что оставилъ дѣло

[1]) Этотъ отдѣлъ введенъ впервые Новиковымъ.

in statu quo [1]); иностранные источники, повидимому и сотрудники, а, слѣдовательно, и направленіе, насколько оно было мыслимо въ то время, остались тѣ же. Итакъ, о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1789 года, несмотря на перемѣну издателя, мы можемъ говорить какъ о единомъ цѣломъ.

„Вѣдомости“ тогда выходили два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, въ форматѣ большого in-4⁰, отъ 6-ти до 8-ми листиковъ въ нумерѣ; приблизительно около половины шло на объявленія, печатавшіяся какъ и газета собственно—въ два столбца.

Газета начиналась съ правительственныхъ сообщеній, буде таковыя были: указовъ, реляцій съ театра войны, свѣдѣній о придворныхъ торжествахъ, важныхъ наградахъ, оффиціальныхъ извѣстій изъ провинціи: объ открытіи училищъ и актахъ въ нихъ, вѣдомостей о числѣ родившихся и умершихъ по консисторскимъ книгамъ, сообщеній о пришедшихъ въ Кронштадтъ иностранныхъ и русскихъ судахъ. Тутъ же на первой страницѣ помѣщались и стихотворенія на смерть высокихъ особъ. Затѣмъ слѣдовали, располагаемыя по степени своей важности, иностранныя политическія новости или въ видѣ краткихъ сообщеній, или въ видѣ цѣлыхъ писемъ; затѣмъ (не всегда) извѣстія о новыхъ „россійскихъ“ книгахъ, объявленія отъ петровскаго театра, вексельные курсы, справочныя цѣны съѣстнымъ припасамъ, списки отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ, иногда казенныя объявленія.

То, что мы теперь называемъ частными объявленіями, тогда озаглавливалось: „Разныя извѣстія“. Ихъ иногда пытались разбить по рубрикамъ: продажа, наемъ, объявленія, но это плохо удавалось, въ особенности Новикову.

Трудно сказать, которая изъ половинъ интереснѣе; относительно объявленій смѣло можно сказать, что всякій самый знающій историческій романистъ найдетъ въ нихъ, чему поучиться; всякій историкъ культуры—найдетъ любопытный матеріалъ.

Бытъ эпохи возникаетъ передъ нами въ рядѣ мелкихъ, несвязныхъ, но богатыхъ деталями и живыхъ картинкахъ.

Рѣзко выдѣляется правящій классъ, только что успѣвшее заполучить всѣ права свои и обособиться дворянство: на него работаютъ крестьяне и дворовые, для него привозятъ рѣдкостные товары купцы, къ нему ютятся въ качествѣ управляющихъ, ходатаевъ и проч. отставные приказные и офицеры; для него пріѣзжаютъ въ Москву иностранные промышленники разныхъ видовъ; пріѣзжаютъ купцы и купчихи съ разнообразными предметами роскоши изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Флоренціи, останавливаются на частныхъ кварти-

[1]) Можетъ быть, слѣдуетъ замѣтить, что новый издатель расширилъ оффиціальный отдѣлъ—производствъ и наградъ, но и это можно объяснить тѣмъ, что съ весны открылись военныя дѣйствія, а, слѣдовательно, и наградъ стало больше.

рахъ, и черезъ „Вѣдомости“ заявляютъ о себѣ; пріѣзжаютъ фокусники, акробаты, цѣлыя труппы актеровъ, нанимаютъ залъ для представленій, публикуютъ о цѣнахъ за входъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявляютъ, что господа, желающіе пригласить ихъ на домъ, могутъ о томъ дать имъ знать заблаговременно. Не ѣхать же Орлову или Шереметеву въ театръ самому!—пусть лучше театръ къ нему пріѣдетъ.

Курьезно съ нашей точки зрѣнія читать, напримѣръ, такое объявленіе: привезъ такой-то промышленникъ двухъ-головаго ребенка и будетъ его показывать тамъ-то: „за входъ господа будутъ платить по своей щедрости, а прочіе по 25 коп.“

Домашняя обстановка этихъ „господъ“ возсоздáется объявленіями до мельчайшихъ подробностей. Вотъ, напримѣръ, описаніе барскаго небольшого, но благоустроеннаго дома въ числѣ объявленій о продажѣ (стр. 342):

„Въ 7-й части 3 кв., подъ № 242, въ Мертвомъ переулкѣ, въ приходѣ Успенія на Могильцахъ домъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку прапорщика князь Дмитрія Александровича Волконскаго на каменномъ фундаментѣ, вокругъ общекатуренной и раскрашенной съ лѣпною работою, какъ то надъ окнами и подъ оными въ филянкахъ лѣпныя изъ фруктовъ гирлянды, персонки, алагрени и пилястры, въ коемъ 11 комнатъ, двенатцатая въ антресоляхъ, въ спальнѣ рѣзная нишъ съ бусами золотыми, полъ обитъ тонкимъ зеленымъ сукномъ, трюмо живописное, коксуль бѣлой мраморной, стѣны обиты зеленымъ шелковымъ штофомъ съ рѣзными изъ бусъ бордюрами, кои вызолочены; диванная комната, въ коей трюмо до полу зеркала; въ потолкѣ лѣпной разетъ, на полу англинской разноцвѣтной каферъ, стѣны обиты малиновымъ шелковымъ штофомъ, въ диванѣ 11 тюфяковъ малиновыхъ штофныхъ, бордюры монгольфье съ бусами вызолоченыя, гардины малиновыя тафтяныя, прочія жъ комнаты расписаны арабесно разнаго цвѣта съ атласными разнаго цвѣта полными мобелями, съ люстрами и съ жирандолями аглинскаго стекла, съ прочими зеркальными трюмами и съ краснымъ деревомъ мобелями; къ оному дому конюшня на 10 стойлъ, каретной сарай на 6 каретъ, погребъ съ закрамами, въ которой ссыпается четвертей 200 хлѣба, кухня съ приспѣшною и очагъ, изба съ сѣньми, баня съ предбанникомъ, колодезь каменной со сводами, выходъ съ желѣзными дверьми, шатеръ столярной на столбахъ, подъ коимъ желѣзныя вѣсы для пріему всякаго хлѣба. Желающіе купить оной домъ за весьма сходную цѣну могутъ о ней спросить у домоправителя его сіятельства, Лукьяна Малыгина, въ ономъ же домѣ“.

Жили, конечно, широко, не стѣсняясь мѣстомъ: на многихъ нынѣ густо заселенныхъ улицахъ продавались или отдавались въ наемъ барскіе дома, гдѣ между прочими угодьями были иногда по 2 и болѣе пруда съ рыбою.

Любопытная подробность изъ той же категоріи публикацій: между другими надворными строеніями часто встрѣчается флигель для дѣтей.

Не слѣдуетъ думать, что въ виду высокаго курса русскихъ денегъ и даровыхъ работниковъ обстановка барскаго жилья стоила по нынѣшнимъ цѣнамъ дешево; любили хорошія вещи, а за хорошее платили изумительныя цѣны. Напр., у Троицы въ Зубовѣ (стр. 280): „продается китайская шолковая бѣлая тканая кровать съ разновидными шитыми наилучшей работы и тѣни нарядными изображеніями, цѣна оной безъ торгу 400 рублей.".

Справочныя цѣны на съѣстные припасы, разумѣется, заставятъ глубоко вздохнуть всякаго столичнаго жителя. Во сто безъ малаго лѣтъ они увеличились не въ $1^1/_2$—2 раза, какъ въ Германіи или Франціи, а въ 10—15 и болѣе разъ. Вотъ, напр., цѣны на возахъ постныхъ снѣдей, отъ 28-го февраля (стр. 170):

ржи четверть	3 р.	— к.	—	3 р.	20 к.
пшеницы	6 „	— „	—	6 „	50 „
овса	2 „	— „	—	2 „	20 „
гороху	4 „	— „	—	5 „	50 „
крупъ грешневыхъ	4 „	— „	—	4 „	20 „
„ просяныхъ	4 „	50 „	—	6 „	— „
семя конопляннаго	2 „	— „	—	2 „	10 „
муки ржаной пудъ	— „	38 „	—	— „	42 „
осетрины коренной	2 „	30 „			
„ малосольной	2 „	60 „			
семги	3 „	40 „			
вязиги	5 „	50 „			
икры паюсной	4 „	80 „			
икры засольной	3 „	50 „			
осетрины свѣжей	4 „	— „			
бѣлуги	2 „	80 „			
стерлядей свѣжихъ	3 „	50 „			

Цѣны въ продажѣ изъ лавокъ на 5—10% выше.

На стр. 204 отъ управы благочинія опубликована: „Такса по какимъ цѣнамъ въ вѣсъ печеные хлѣбы решетные, мельничные, пеклеванные, калачи крупичатые и простые, крупичатыя сайки, крендели, булки и французскіе хлѣбы сего 1789 года, марта съ 1-го числа, впредь до будущей розцѣнки продавать":

Возьмемъ среднюю цифру. На 5 коп. давалось:

решетнаго хлѣба изъ ржаной муки	5 ф.	$48^3/_4$ золотн.
мельничнаго хлѣба изъ мельничной муки	5 „	$27^1/_2$ „
ситнаго хлѣба	2 „	$35^1/_2$ „

пеклеваннаго хлѣба . . .	2	„	28	золотн.
крупичатыхъ калачей . .	1	„	$20^1/_4$	„
саекъ крупичатыхъ . . .	1	„	$26^1/_2$	„
кренделей крупичатыхъ .	1	„	$5^1/_4$	„
французскихъ хлѣбовъ . .	1	„	$26^1/_2$	„

пудъ черного хлѣба стоилъ $36^1/_4$ коп.; пудъ пеклеваннаго 87 коп. и т. д.

Соотвѣтствовали этому цѣны на дома и на землю. На стр. 151: „За Москвою рѣкою, противъ Данилова монастыря, продается каменный домъ со всякимъ деревяннымъ строеніемъ; земли подъ онымъ домомъ по плану одна десятина 927 кв. саженъ. Цѣна 2.000 рублей.

Плохимъ утѣшеніемъ можетъ для насъ служить то обстоятельство, что нѣкоторые заграничные товары были тогда очень дороги; напр., итальянская колбаса публикуется по 1 р. фунтъ, сельтерская вода кувшинъ 50 и 60 коп.

Во всякомъ номерѣ масса публикацій о продажѣ имѣній, большею частью съ крестьянами; средняя цѣна за наличную душу 70—80 рублей. Цѣна дворовымъ, имѣющимъ извѣстную спеціальность, гораздо выше.

Къ выбраннымъ уже другими объявленіямъ о безчеловѣчной продажѣ людей среди скотовъ и неодушевленныхъ предметовъ и о продажѣ мужчинъ для рекрутчины „Вѣдомости“ 1789 г. могутъ прибавить немало однороднаго матеріала. Напр.:

„Въ 8-й части, 2-го кв., подъ № 132 продаются 2 дома на одномъ дворѣ, въ которыхъ жилыхъ покоевъ въ каждомъ по 8-ми; подъ однимъ домомъ погребъ изъ бѣлаго камня, на дворѣ каменная кладовая о 2-хъ этажахъ со сводами, 2 избы, кухня, баня, погребъ, конюшня о 3-хъ стойлахъ, 2 сарая, еще флигель съ антресолями, плодовитой садъ, ранжерея и теплица. О цѣнѣ спросить въ ономъ же домѣ у самихъ хозяевъ. Тутъ же продается дворовая дѣвка 18-ти лѣтъ и четвероместная новая на рессорахъ карета за умѣренную цѣну (стр. 152)“.

„Переяславля-Рязанскаго уѣзда, Рясской округи, сельцо Глинки (продается), въ коемъ по ревизіи 360 душъ; да того жъ уѣзда и округи, деревня Лебедино, по 4-й ревизіи 40 душъ, ткачъ 35-ти лѣтъ съ женою и дочерью, умѣющій очень хорошо ткать сукны и полотны, да вятской буланый жеребецъ 6-ти лѣтъ. О цѣнѣ всего спросить въ 7-й части, 2-го кв., подъ № 79 (стр. 162)“.

„Въ домѣ, въ 3-й части, 4-го кв., подъ № 50, имѣются продажныя лучшихъ итальянскихъ живописцовъ картины; также продается псарь съ женою, знающій во псовой охотѣ, которому отъ роду 30 лѣтъ. Желающіе купить о цѣнѣ какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ спросить могутъ въ ономъ же домѣ (стр. 277)“.

„Продается въ 5-й части, 1 кв., подъ № 84, подлѣ Бѣлаго-города, въ приходѣ Трехъ святителей на Кулижкахъ [1]), дворовый человѣкъ, псарь съ женою и дѣтьми, сыномъ 7 и дочерью 9 лѣтъ, которой годенъ въ рекруты; цѣна 600 руб. (стр. 370)“.

Въ каждомъ номерѣ встрѣчается нѣсколько объявленій о бѣглыхъ крѣпостныхъ людяхъ: бѣгутъ прикащики и старосты съ собраннымъ оброкомъ, бѣгутъ дворовые разныхъ видовъ—„перукмахеры“, псари, музыканты, стащивъ при этомъ, что можно, изъ господскаго добра или только захвативъ свое носильное платье; бѣгутъ по одиночкѣ, бѣгутъ парами; крестьяне бѣгутъ часто цѣлыми семьями, захвативъ и малолѣтнихъ дѣтей. Особенно усиливаются побѣги весною, а въ суровые зимніе мѣсяцы число ихъ замѣтно уменьшается. Нѣкоторыя объявленія, особенно по поводу побѣговъ съ воровствомъ, очень подробно и обстоятельно описываютъ наружность преступниковъ [2]), другія ограничиваются формальными паспортными примѣтами. Изрѣдка назначается за поимку или указаніе награда: за 2-хъ бѣглыхъ Нарышкины назначаютъ награду 25 рублей, еще за одного, убѣжавшаго съ покраденнымъ, 50 рублей, а полковникъ Степановъ за поваренка всего-на-все обѣщаетъ 5 рублей награжденія. Любопытны заключительныя слова многихъ объявленій, имѣвшія въ это время, вѣроятно, значеніе переживанія: „А ежели назовется выходцемъ (часто прибавлено польскимъ или изъ-за-границы), въ томъ ему не вѣрить“.

Благодаря Новикову и указу о вольныхъ типографіяхъ, въ 1789 г. въ Москвѣ было множество книжныхъ лавокъ и почти каждая изъ нихъ представляла вмѣстѣ съ тѣмъ и издательскую фирму; конечно, университетская лавка, соединенная въ одно съ фирмой Кольчугина и Переплетчикова, превосходила всѣ другія. Это былъ въ литературномъ отношеніи урожайный годъ; тогда впервые появилось нѣсколько знаменитыхъ въ томъ или другомъ отношеніи произведеній; вышло 1-е изданіе доселѣ популярной книжки: „Гуакъ или непреоборимая вѣрность, рыцарская повѣсть“ [3]); вышло 2-е изданіе еще болѣе популярной „Исторіи о храбромъ рыцарѣ Францилѣ Венціанѣ“ [4]); вышла назначенная для иной публики книга „Кадмъ и Гармонія, сочиненіе одного знаменитаго россійскаго писателя“, какъ сказано въ объявленіи (Хераскова); появилось нѣсколько новыхъ англійскихъ романовъ, которые вошли въ моду особенно послѣ Ричардсоновой „Памелы“, нѣсколько новыхъ переводовъ тоже моднаго Виланда; вышелъ какой-то прозаическій переводъ Одиссеи съ грече-

---

[1]) Отсюда выраженіе: „у чорта на куличкахъ“?

[2]) При этомъ иногда встрѣчаются и особыя примѣты: разорванное ухо, разсѣченная губа,—можетъ быть, послѣдствія барскаго гнѣва.

[3]) О ней см. у Губерти: „Матеріалы для русской библіографіи“ (Чтенія въ О. И. и Д. 1880, IV) стр. 352 и слѣд.

[4]) Ibid., стр. 348.

скаго, вышла въ Петербургѣ даровитая сатира на дворянъ, гоняющихся за модой: „Кривоносъ домосѣдъ, страдалецъ модной“ [1]); въ томъ же году выходилъ знаменитый сатирическій журналъ „Почта Духовъ“, о которомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось слѣдующее любопытное объявленіе, составленное, повидимому, кѣмъ нибудь изъ знаменитыхъ издателей (Крыловъ и Радищевъ), хотя и сильно перевранное типографіей:

„Въ книжныхъ лавкахъ близъ Кузнецкаго Мосту у книгопродавца Зандмарка и на Покровкѣ у книгопродавца Миллера принимается подписка на выходящее вновь съ генваря мѣсяца сего 1789 года ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ: „Почта духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами“. Издатель онаго въ объявленіи своемъ увѣдомляетъ, что онъ служитъ секретаремъ у сего недавно пріѣхавшаго сюда арабскаго волшебника, имѣющаго [2]) великое отвращеніе къ бѣшенымъ домамъ и расположившагося нѣсколько времени прожить здѣсь инкогнито, почему и намѣренъ выдавать переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ господина, и увѣряетъ, что изданіе сіе очень будетъ любопытно для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху; что сочинители сихъ писемъ всѣ духи очень знающіе, и что самъ Маликульмулькъ человѣкъ пресамолюбивой, который всегда говоритъ хорошо только о себѣ, отзывается иногда объ нихъ не худо, и сказываетъ, будто многіе изъ нихъ очень добрые духи, но только иные не любятъ крючкотворцовъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства, и оттого-де они никакъ не могутъ ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ видимыми, а ходятъ въ немъ невидимыми, и бываютъ иногда такъ дерзки, что посѣщаютъ въ самые критическіе часы комнаты щеголихъ, присутствуютъ въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемѣровъ и выкрадываютъ иногда очень нахально и противъ всѣхъ правъ общежитія изъ записныхъ книжекъ любовныя письма, тайныя записки, стихи и пр. и пр., чѣмъ-де многія дѣлаютъ безпокойство въ любовныхъ интригахъ и плутовствахъ, а потому нѣтъ почти ни одной новопріѣзжей на тотъ свѣтъ тѣни, которая бы не подавала на нихъ челобитной Плутону, или бы черезъ него не пересылала ихъ къ Нептуну, не могущимъ однако жъ со всею своею властію унять сихъ шалуновъ. Итакъ, г. Маликульмулькъ бранитъ только сей ихъ поступокъ; однако жъ признается, что онъ симъ похищеніемъ и входить безъ доклада обязанъ многими весьма любопытными письмами, которыя отъ нихъ получаетъ, и дѣлаетъ благосклонность прочитывать безъ остатка (?). Вотъ что объ-

---

[1]) См. Губерти. 335.

[2]) Объясненіе см. въ № 1 „Почты Духовъ“.

являетъ секретарь ученаго, премудраго и богатаго Маликульмулька и прибавляетъ къ тому, что какъ онъ не имѣетъ достаточнаго числа денегъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо-де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то проситъ почтенную публику, чтобы желаніе (sic, очевидно: желающіе) читать и получать ежемѣсячно издаваемое имъ собраніе сихъ писемъ, благоволили въ вышеобъявленныхъ мѣстахъ подписываться, заплатя напередъ деньги за каждый экземпляръ на цѣлой годъ на александрійской бумагѣ по 9, на любской по 8, на простой по 7 рублей съ пересылкою..." (Стр. 233).

Какая масса серьезныхъ, преимущественно историческихъ книгъ расходилась тогда, можно видѣть изъ той части каталога Кольчугина и Переплетчикова, которая напечатана въ № 15-мъ „Вѣдомостей".

Кстати по поводу новыхъ книгъ замѣтимъ, что въ то время существовалъ достойный и въ наше время подражанія обычай: „къ свѣдѣнію упражняющимся въ переводахъ" очень часто появляются объявленія, что такая-то книжка уже переводится: изберите-де себѣ другой предметъ для упражненія.

Кромѣ русскихъ книжныхъ лавокъ, были въ Москвѣ и иностранныя: на Ильинкѣ помѣщался французскій магазинъ, владѣлецъ котораго, François Courtener (предокъ извѣстнаго Куртнера, составителя популярнѣйшаго французскаго учебника?), почти въ каждомъ номерѣ „Вѣдомостей" дѣлалъ объявленія о новыхъ книгахъ; у него же была и небольшая библіотека для чтенія изъ нѣмецкихъ книгъ. Нѣмецкими книгами торговалъ, между прочимъ, „Chrétien Rüdiger, libraire de l'université de Moscou; третья французская лавка, Бибера, помѣщалась противъ Пѣвчей, въ домѣ Никиты Павлова. Объявленій отъ учителей, ищущихъ мѣста или уроковъ, или отъ господъ, ищущихъ преподавателя, сравнительно не много. Вотъ нѣсколько въ видѣ образца: „Желающіе вступить для обученія дѣтей мадамъ и учитель, знающіе разнымъ языкамъ, и хорошаго поведенія управитель могутъ явиться въ домѣ Арбенина на Каланчѣ, къ его превосходительству Маркѣ Ѳедоровичу Полторацкому" (стр. 164).

Въ одномъ № 81-мъ опубликованы 3 предложенія услугъ:

„Желающіе обучать дѣтей христіанскому закону, читать, писать, начальнымъ правиламъ французскаго языка, ариѳметикѣ и рисовать, могутъ сыскать учителя на Козьемъ болотѣ, въ приходѣ Ермолая, у просвирни".

„Желающіе принять къ себѣ въ домъ учителя для обученія дѣтей по-нѣмецки, читать, писать, ариѳметикѣ, рисовать, живописи, исторіи, миѳологіи, геральдикѣ и морали, могутъ спросить въ домѣ его сіятельства графа Воронцова, у сѣдельника Галицкаго, близъ Кузнецкаго мосту".

„Императорскимъ московскимъ университетомъ аттестованный учитель, обучающій французскому и нѣмецкому языкамъ по прави-

ламъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, фортификаціи и алгебрѣ, съ употребленіемъ оной въ физикѣ, механикѣ и артиллеріи, желаетъ для обученія оныхъ языковъ и наукъ вступить въ домъ" (слѣдуетъ адресъ).

Любопытно предложеніе услугъ, имѣющее въ виду нѣчто въ родѣ такъ называемой семейной школы:

„Живущіе здѣсь въ городѣ господа или и почтенные купцы, желающіе принять въ домъ за сходныя кондиціи, собственно для своихъ дѣтей или для заведенія, съ согласіемъ своихъ пріятелей, небольшаго пансіона аттестованнаго учителя постоянныхъ лѣтъ (sic), знающаго французской, нѣмецкой и россійской языки по правиламъ и переводъ книгъ (sic), исторію, географію математическую и политическую, ариѳметику, геометрію съ доказательствами и другія науки, тожъ играть на фортепіано по нотамъ, могутъ его сыскать въ нѣмецкой слободѣ, при католицкой киркѣ, у патера" (стр. 837).

Чтобы покончить съ частными объявленіями, приведемъ одинъ изъ многихъ образчиковъ неумѣлости, многословія, вслѣдствіе невыработки формулъ для объявленій.

„....желающіе сей концертъ слышать, могутъ заблаговременно билеты получать въ (имя рекъ) лавкѣ, платя по рублю за каждый билетъ".

Переходимъ къ газетѣ собственно, начиная съ оффиціальной части.

Въ 1789 году, въ силу извѣстнаго указа Екатерины, продолжали открываться народныя училища.

Въ Ригѣ открыто русское народное училище, на содержаніе котораго мѣстные купцы пожертвовали 1.000 рублей.

27-го февраля открыто главное народное училище въ Ревелѣ, 4-го марта—въ Харьковѣ, 16-го марта—въ Могилевѣ, августа 1-го—въ Уфимскѣ (дѣтей при открытіи поступило 113), октября 3-го—въ Иркутскѣ (поступило 160 юношей) и т. д. Малыя народныя училища открыты въ такихъ незначительныхъ городахъ, какъ Острогожскъ, Бирючъ и т. п. Иные маленькіе города и даже слободы сами заявляютъ желаніе объ открытіи училищъ и предлагаютъ пособія. Въ Курской губерніи было въ этомъ году 7 народныхъ училищъ и 1 французскій пансіонъ. Въ № 16-мъ сообщается, что въ новгородское главное училище камергеръ Зиновьевъ представилъ 12 крестьянскихъ мальчиковъ для обученія и содержанія на его счетъ. О курсѣ и отчасти о методахъ преподаванія въ главныхъ училищахъ можетъ дать понятіе отчетъ, опубликованный приказомъ общественнаго призрѣнія объ орловскомъ училищѣ:

„Въ четвертомъ классѣ, открытомъ 1787 года, августа 2-го, вся физика и геометрія пройдены; въ механикѣ до сложныхъ машинъ; въ архетектурѣ до домоводственнаго строенія, въ естественной исторіи во второй ея части до 5-го класса; съ учениками же, вступив-

шими въ сей классъ 1788 года, іюля 1-го, въ геометріи пройдено до планиметріи, въ общей географіи до описанія городовъ Азіятской Турціи, всемірной исторіи окончена 1-я часть, въ россійской исторіи до половины четвертаго періода, россійская грамматика окончена, а теперь упражняются въ сочиненіи въ общежитіи употребляемыхъ писемъ, въ россійской географіи до описанія городовъ въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, и математическая географія пройдена, въ латинскомъ окончены спряженія и упражняются въ переводахъ съ россійскаго на латинскій, въ рисованія пройдены 2 части.

„Въ третьемъ классѣ: въ ариѳметикѣ до пропорцій, въ общей географіи прошли общее описаніе Европы, также Шведскаго и Датскаго государствъ, въ россійской географіи до произведенія сего государства, во всемірной исторіи въ первой части до половины исторіи греческаго народа, въ россійской грамматикѣ до конца втораго спряженія, въ пространномъ катихизисѣ прошли первую часть и двѣ главы второй, въ латинскомъ окончены склоненія, въ рисованіи пройдена первая часть.

„Во второмъ классѣ: изъ ариѳметики первой части до раздробленія, изъ пространнаго катехизиса до восьмаго члена сvмвола вѣры, изъ книги о должностяхъ человѣка и гражданина до пятой главы третіей части, руководство къ чистописанію, изъ священной исторіи— исторія церкви ветхаго завѣта и таблицы о познаніи буквъ, о складахъ и чтеніи окончены, въ латинскомъ научились читать и писать, въ рисованіи прошли первую часть.

„Въ первомъ классѣ: въ священной исторіи до исторіи новаго завѣта, въ таблицѣ о познаніи буквъ до произношеніи буквъ, сокращенный катехизисъ пройденъ, правила для учащихся прочитаны, изъ ариѳметики до вычитанія простыхъ чиселъ. Въ нѣмецкомъ съ 1788 года сентября, 20-го дня, ученики четвертаго и третьяго класса научились читать и писать, низшихъ же классовъ научились отчасти читать“ (sic).

Учебный годъ заключался публичнымъ, въ полномъ значеніи этого слова (публика не только присутствовала на немъ, но и задавала экзаменующимся вопросы), экзаменомъ и актомъ, на которомъ ученики произносили рѣчи передъ портретомъ государыни. Газетный отчетъ заключался часто формулой: „по окончаніи экзаменовъ дворяне выбыли въ службу, а купцы къ ихъ промысламъ“.

Поучителенъ такой отчетъ о публичномъ экзаменѣ въ пажескомъ корпусѣ,—заведеніи, гдѣ въ настоящее время курсъ очень не высокъ. 28-го марта 1789, пажей публично экзаменовали въ наукахъ и языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Одинъ пажъ говорилъ рѣчь по-русски, а другой по-латыни.

Изъ объявленій отъ Петровскаго театра видно, что спектакли давались 3 раза въ недѣлю: по середамъ, пятницамъ и воскресеньямъ, считались отъ ноября до ноября; въ 178⁸/₉ году было ихъ всѣхъ 75.

Въ одинъ день давалась трагедія и балетъ, или комедія и балетъ, въ другой опера и балетъ; названіе балета не публиковалось. Начиная съ весны спектакль чередовался съ „воксаломъ“, гдѣ публика увеселялась акробатами, заѣзжими пѣвцами и пр. Въ лѣтніе мѣсяцы былъ только „воксалъ“.

Зимой и ранней весною за-границу отъѣзжаютъ только иностранцы; 25-го апрѣля публиковался отставной поручикъ Николай Карамзинъ. Въ маѣ отъѣзжаютъ нѣкоторыя барскія семьи, обыкновенно въ сопровожденіи многихъ крѣпостныхъ людей.

Переходимъ къ иностраннымъ извѣстіямъ. Они носятъ главнымъ образомъ политическій характеръ; изрѣдка встрѣчаются анекдоты изъ общественной жизни, извѣстія о погодѣ, объ урожаяхъ и описанія вновь открытыхъ земель. На первомъ мѣстѣ стоятъ страны сосѣднія, особенно Швеція и Турція; редакція чувствовала повидимому сильное пристрастіе къ Англіи, рѣзко стояла на сторонѣ Питта, хотя съ уваженіемъ и интересомъ (но не симпатіей) говоритъ и о членахъ оппозиціи. Франція вначалѣ занимала не видное мѣсто; но чѣмъ болѣе разгоралась революція, тѣмъ замѣтнѣе становился интересъ къ тому, что дѣлалось въ Парижѣ. Во 2-й половинѣ года не только нѣкоторые №№ чуть не сплошь заняты французскими дѣлами, но и въ извѣстіяхъ изъ Англіи, Германіи, Италіи—послѣдствія революціи на первомъ планѣ.

Первое извѣстіе изъ Франціи въ этомъ году, отъ 15-го декабря, (напечатано 10-го января) говоритъ о закрытіи собранія Нотаблей („знаменитыхъ мужей“, какъ ихъ называютъ „Вѣдомости“) и упоминаетъ о слухахъ по поводу предстоящаго собранія чиновъ: „здѣсь увѣрены, что король созоветъ ихъ по иной (чѣмъ 1614 г.) формѣ и позволитъ гражданамъ имѣть столько же депутатовъ, сколько дворянство и духовенство вмѣстѣ имѣть будутъ. Также не сомнѣваются и въ томъ, что во всеобщемъ собраніи чиновъ голоса числиться будутъ не по состояніямъ, какъ то было въ 1614 г., но по числу людей“.

Несмотря на объективный тонъ, очевидно, извѣстіе идетъ изъ либеральной партіи, а не отъ партіи аристократической или парламента, который, какъ извѣстно, настаивалъ на формѣ 1614 г. и тѣмъ сразу потерялъ свою популярность.

Но съ демагогической, крайней партіей источникъ „Вѣдомостей“, очевидно, не имѣетъ ничего общаго: въ томъ же номерѣ упоминается о меморіалѣ въ пользу формы 1614 г., поданномъ принцами крови (безъ подписи герцога Орлеанскаго); замѣчанія, которыя на него дѣлаютъ „политики кофейныхъ домовъ“, характеризуются эпитетомъ: „непристойныя“. Отъ 22-го декабря говорится объ адресѣ 30 перовъ, въ которомъ они изъявляютъ желаніе нести „всѣ налоги и публичные поборы въ соразмѣрности имѣнія своего“. „Тѣмъ самымъ, замѣчаетъ газета, отдалены многія затрудненія по поводу наступающаго собранія всеобщихъ государственныхъ чиновъ“.

Распоряженія Неккера относительно снабженія столицы называются „благоразумными“.

Отъ января 2-го сообщается о рѣшеніи короля „въ пользу гражданства“ и приводится содержаніе составленной въ этомъ смыслѣ записки Неккера, которая называется „мастерскимъ произведеніемъ“. Г. Неккеръ, по словамъ газеты, рѣшилъ вопросъ „съ свойственною ему основательностью: онъ имѣетъ за себя бо̀льшую часть націи и бо̀льшую часть Европы“.

Слѣдующіе номера заняты изображеніемъ послѣдствій королевскаго рѣшенія: въ Парижѣ по этому поводу была иллюминація; то же черезъ нѣсколько дней повторилось во многихъ провинціальныхъ городахъ. Противъ этого рѣшенія протестуетъ часть дворянства; другая протестуетъ противъ протеста. Протесты дворянъ вызываютъ негодованіе народа, которое иногда выражается массовымъ нарушеніемъ законовъ объ охотѣ (стр. 147). Въ Реннѣ между „гражданствомъ“ и дворянствомъ произошло кровавое столкновеніе, въ которое должна была вмѣшаться мѣстная власть. При извѣстіи объ этомъ взволновались въ пользу буржуазіи сосѣдніе города. Въ Нантѣ прямо организовалось возстаніе: собрали 6.000 ливровъ на расходы, выбрали отрядъ изъ 300 человѣкъ и каждому назначили 3 фр. въ день. Только заявленіе жителей Ренна, что они получили удовлетвореніе, заставило инсургентовъ возвратиться домой.

Такъ замѣтно сочувствующій Неккеру корреспондентъ „Вѣдомостей“, понятно, ничего не говоритъ (да, вѣроятно, и не можетъ ничего сказать) о его нѣсколько двусмысленномъ поведеніи во время этихъ безпорядковъ [1]).

Рѣчь короля, съ которой начинается объявленіе о созваніи чиновъ, характеризуется очень сильнымъ эпитетомъ: наипрекраснѣйшая.

Герцогу Орлеанскому, будущему Egalité, корреспондентъ тоже симпатизируетъ: инструкціи, которыя далъ герцогъ своимъ представителямъ для выборовъ (депутаты должны добиться личной свободы, свободы печати, тайны писемъ, налоговъ только съ согласія націи, періодическаго собранія чиновъ, отчета министровъ и пр.), по словамъ „Вѣдомостей“, „являютъ весьма патріотическіе и совсѣмъ безкорыстные со стороны сего принца виды“.

Отъ 9-го марта приводится рядъ извѣстій, доказывающихъ, что по провинціямъ революція началась еще до революціи. Всего характернѣй для показанія неразумія и слабости правительства извѣстіе изъ Ліона: „Жители ліонскіе производятъ совѣтованія свои (объ избраніи депутатовъ) въ каѳедральной церквѣ и избрали себѣ ораторомъ ткача Шалона... Магистратъ ліонскій, получа о семъ свѣдѣніе и опасаясь, чтобы ткачъ не вошелъ у народа въ довѣренность, при которой можетъ онъ быть избранъ повѣреннымъ въ общее чиновъ

---

[1]) См. Гейссеръ: „Ист. Франц. революціи“, пер. Трачевскаго. 1870, стр. 62.

государственныхъ собраніе, приказалъ ему объявить, чтобы онъ впредь въ народныя собранія не являлся (sic): но за тѣмъ повелѣніемъ слѣдовало такое волненіе, что для прекращенія онаго надобно было ткачу дать волю говорить опять то, что̀ ему угодно". Подобныя алармныя извѣстія не разрушали, однако же, оптимизма корреспондента. „Внутреннія наши дѣла, пишетъ онъ отъ 23-го марта, приняли теперь весьма хорошій оборотъ, и предполагаемыя доселѣ небольшія (?) затрудненія препобѣждаются мало-по-малу. Здѣсь ласкаютъ себя по справедливости надеждою, что принадлежащіе къ существенному благоденствію государства предмѣты пройдутъ на сеймѣ безъ всякаго препятствія. Сюда причисляются въ особенности слѣдующіе предмѣты: 1) утвержденіе государственныхъ долговъ; 2) равное распредѣленіе налоговъ; 3) личная свобода и безопасность каждаго гражданина".

О томъ, что къ Парижу передъ выборами стягивались войска, „Вѣдомости" упоминаютъ только мимоходомъ; мимоходомъ же говорится и о бунтѣ изъ-за дороговизны хлѣба; возстаніе въ предмѣстіи св. Антонія (солдатъ убито 5—6 человѣкъ, рабочихъ убито и ранено до 100) излагается въ особомъ письмѣ довольно обстоятельно, но безъ всякихъ комментарій. Тутъ же говорится о формѣ, присвоенной депутатамъ: дворянство будетъ въ шелковомъ черномъ платьѣ, а гражданство въ черномъ же суконномъ.

Наканунѣ открытія собранія, отъ 4-го мая, читаемъ слѣдующее:

„Въ субботу представлены были королю прибывшіе въ Версалію на сеймъ депутаты 3-хъ чиновъ. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты уже были въ предписанное имъ платье, другіе же не имѣли онаго. Вчера еще отправилось отсюда (изъ Парижа) въ Версалію невѣроятное множество людей, для смотрѣнія открытія сейма. Сегодня поутру уѣзжаютъ и достальные. За карету съ 2-мя лошадьми платятъ на день отъ 5-ти до 8-ми, а за одну верьховую лошадь по 2 луидора...

„Извѣстный пасквильными своими сочиненіями графъ Мирабо намѣренъ издавать журналъ нашего сейма, по 3 листа въ недѣлю".

Отъ 5-го мая излагается въ 7-ми пунктахъ суть главнѣйшихъ „cahiers" вѣрно, но нѣсколько односторонне.

Описаніе открытія чиновъ слишкомъ оффиціально; опущено все характерное: оваціи Орлеанскому, молчаніе королевѣ. Либеральная проповѣдь епископа нансійскаго названа прекрасной. Рѣчь короля приведена дословно; безцвѣтная рѣчь хранителя печати только упомянута; рѣчь Неккера, полная полусознательной лжи, похваляется корреспондентомъ „Вѣдомостей" выше мѣры. Тутъ же онъ сообщаетъ, что Мирабо издалъ два номера своего журнала; „въ первомъ критикуетъ непристойнѣйшимъ образомъ проповѣдь, во второмъ ругаетъ г. Неккера. Оба сіи номера приняты отъ публики съ заслуживаемымъ ими презрѣніемъ". Однако же, изъ извѣстія отъ 11-го мая видно, что корреспондентъ запрещенію журнала Мирабо не сочувствовалъ.

Чрезвычайно любопытное извѣстіе приводятъ „Вѣдомости“ въ № 45, извѣстіе, наглядно доказывающее сантиментально-оптимистическое отношеніе французской интеллигенціи къ событіямъ дня: „Дамы въ Парижѣ носятъ теперь, по случаю сейма, по утрамъ сутану (длинное монашеское одѣяніе) à la clergé, въ полдни являются въ публику съ бѣлыми цвѣтами à la noble, по вечерамъ въ коротенькихъ юпкахъ à la Tierce“.

Фатальнаго значенія вопроса о формѣ засѣданія корреспондентъ, повидимому, не понимаетъ. Приводя письмо короля отъ 28-го мая [1]), газета говоритъ: „Духовенство и гражданство оказываютъ себя готовыми ко исполненію желанія королевскаго (а между тѣмъ, никто, да и самъ король не зналъ, чего онъ хотѣлъ), но дворянство намѣревается противиться соединенію чиновъ“.

10-го іюня, 3-е сословіе, выведенное изъ терпѣнія, послало двухъ другимъ une dernière sommation. „Вѣдомости“ относятся къ этому рѣшительному шагу весьма сочувственно; замѣтно съ радостью онѣ сообщаютъ отъ 19-го іюня, что 3-е сословіе „составило, наконецъ, національное собраніе“ и съ злорадствомъ приводятъ упрекъ короля дворянству.

Но вотъ придворная камарилья беретъ явно верхъ надъ Людовикомъ XVI; велѣвъ запереть залъ 20-го іюня, онъ явно высказалъ свое несочувствіе энергіи депутатовъ. „Вѣдомости“ присмирѣли, и о засѣданіи въ мячной залѣ, и о королевскомъ засѣданіи 23-го іюня говорятъ сдержанно и объективно. За то любопытны извѣстія объ уличныхъ событіяхъ и настроеніи народа и войска. Описываются скандалы, которые толпа устраивала архіепископу парижскому и другимъ непримиримымъ, движенія скопищъ къ Версалю, говорится о прокламаціяхъ („плакатахъ“), требовавшихъ ареста Полиньяка. Въ извѣстіи отъ 26-го іюня читаемъ: „Гвардіямъ велѣно было находиться въ готовности по первому повелѣнію. Между тѣмъ всѣ солдаты обнаружили уже нехотѣніе свое употреблять насиліе противу своихъ соотечественниковъ и **хорошо еще, что сего отъ нихъ не было требовано**“.

Окончательная побѣда 3-го сословія снова возрождаетъ оптимизмъ корреспондента. Отъ 6-го іюля „Вѣдомости“ сообщаютъ: „Кажется, что теперь не сомнѣваются уже болѣе о счастливомъ успѣхѣ собранія всеобщихъ чиновъ, которое подастъ королевству нашему новую конституцію“.

Но уже отъ 10-го іюля сообщается о приготовленіяхъ правительства къ государственному перевороту: перемѣщаются войска, отвинчиваются штыки. Въ городѣ снова страшный безпорядокъ: отдѣльныя части войскъ ссорятся другъ съ другомъ; несмотря на постоянные патрули, толпы народа судятъ ненавистныхъ лицъ своимъ су-

---

[1]) См. у Гейссера, стр. 104.

домъ. Здѣсь же описывается курьезный случай, изображающій, по словамъ корреспондента, „нравы нынѣшняго вѣка".

„Нѣкоторые неизвѣстные люди сдѣлали предложеніе (толпѣ черни) сжечь домъ г. Депремениля, наиболѣе противившагося соединенію трехъ чиновъ. Таковое безразсудное предложеніе легко произведено бъ было въ дѣйство, все уже къ тому было готово, и чернь находилась въ движеніи, какъ нѣкто, выступивъ изъ средины народа, сталъ на стулъ и говорилъ слѣдующее: „Государи мои! Что хотите вы сдѣлать? Сжечь домъ г. Депремениля? Но одумали ли вы хорошенько, что вы учините глупость, а вмѣстѣ и большую несправедливость? Домъ его не принадлежитъ ему, а подрядчику,. который его строилъ; за мебели не заплочено обойщику еще и по сіе время; дѣти его также не принадлежатъ ему одному, а у нихъ есть свои отцы; жена его принадлежитъ публикѣ, ибо нѣтъ ни одной женщины, которая бъ большую отъ всѣхъ привязанность къ себѣ привлекла, какъ она". Домъ Депремениля остался цѣлъ.

Можно сказать: se non é vero, é ben trovato.

11-го іюля, какъ извѣстно, былъ смѣненъ Неккеръ и составлено новое консервативное министерство. 12-го — въ Парижѣ произошло возстаніе, 13-го составилась національная гвардія, 14-го была взята Бастилія; Людовикъ XVI-й услыхалъ въ первый разъ страшное слово: „революція" [1]) и призналъ себя побѣжденнымъ. Неккеръ былъ возвращенъ, а король долженъ былъ совершить путешествіе въ Парижъ поклониться новому самодержцу—народу.

Эти важныя событія описываются „Вѣдомостями" въ двухъ письмахъ изъ Парижа: отъ 13-го и отъ 17-го іюля; первое оканчивается знаменательнымъ восклицаніемъ: „Боже! помилуй насъ и возврати намъ спокойствіе!", а второе, болѣе богатое фактами, занимаетъ почти $^3/_4$ газеты.

Оффиціозная печать Европы, очевидно, потеряла голову: авторъ письма въ началѣ называетъ дѣятелей 13-го и 14-го іюля „гражданство или, лучше, бунтовщики (можетъ быть, вставка редакціи?), а черезъ 30 строкъ восхваляетъ національную гвардію и увѣряетъ, что никогда въ Парижѣ не было спокойнѣе, какъ послѣ ея учрежденія. Событія изображаются имъ съ точки зрѣнія инсургентовъ: мэръ Флессель и комендантъ Бастиліи обвиняются въ положительныхъ подлостяхъ, которыхъ они никогда не совершали [2]); восхваляется безкорыстіе народа, охранившаго домъ австрійскаго посланника. Да и какъ было не потерять головы, когда въ одномъ и томъ же письмѣ приходилось сообщать двѣ рѣчи короля собранію: одну гордую, надменную, заявленіе воли деспота; другую просительную, жалкую, мольбу побѣжденнаго!

---

[1]) „C'est une révolte", сказалъ онъ графу Ліанкуру, услыхавъ его разсказъ о событіяхъ 14-го іюля. „Non, sire, c'est une révolution".

[2]) Ср. Тьера: „Исторія французской революціи", т. I, 1874, стр. 144 и 145.

Оффиціозность свою заявляетъ письмо такой наивной хитростью: при описаніи въѣзда короля, авторъ ничего не говоритъ о настроеніи духа народа, а при описаніи выѣзда подробно распространяется объ оваціяхъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ опять длинное письмо, сообщающее о безпорядкахъ въ другихъ городахъ. Въ томъ же номерѣ сообщается изъ Лондона, что графъ Артуа перевелъ въ англійскій банкъ 100.000 ф. стерлинговъ: близится эмиграція.

Оправившись отъ страха, „Вѣдомости", отъ 24-го іюля, рѣзко высказываются противъ неистовствъ черни и безцензурной печати.

Извѣстіе изъ Лондона, отъ 4-го августа, свидѣтельствуетъ объ огромномъ вліяніи, которое оказывала на Францію Англія въ первой стадіи развитія революціи: изъ англійскихъ газетъ переводятъ извѣстія и мнѣнія о ходѣ дѣлъ французскихъ и въ заключеніе уличныхъ рѣчей проповѣдники Пале-Рояля читаютъ, вмѣсто молитвы, bill of rights (биллъ о правахъ), во французскомъ переводѣ.

О знаменитомъ засѣданіи собранія 4-го августа, гдѣ дворянство, духовенство, провинціи и города пожертвовали своими привиллегіями, корреспондентъ говоритъ съ большой симпатіей. Въ этомъ случаѣ, по его словамъ, „обнаружилась любовь французской націи къ отечеству, особливо же дворянства".

Несмотря на то, что съ середины августа до октября въ Парижѣ событій никакихъ не происходитъ, интересъ къ Франціи возросъ настолько, что почти въ каждомъ номерѣ, кромѣ извѣстій, помѣщается еще письмо или, какъ тогда выражались, „перечень письма". Совершившіеся факты авторъ или авторы этихъ писемъ открыто называютъ „революціей". Интересны только извѣстія о безпорядкахъ въ деревняхъ; виновникамъ ихъ обыкновенно придается эпитетъ разбойниковъ; съ ними часто вступаетъ въ бой національная гвардія; въ Шалонѣ ихъ убито будто бы до 1.000 человѣкъ, а много подстрекателей повѣшено. Приведено нѣсколько случаевъ, гдѣ подстрекатели пускали въ ходъ подложныя королевскія грамоты и распускали слухи, будто король разрѣшилъ на извѣстный срокъ грабить замки, аббатства и дома съ громоотводами. Какое поучительное сходство съ нашими крестьянскими „бунтами" и недавнимъ избіеніемъ евреевъ на югѣ!

Въ письмѣ отъ 31-го августа разсказывается, что парижскіе лакеи, отпущенные господами, собравшись въ количествѣ до 40.000 человѣкъ (!) [1]), предъявили ратушѣ требованіе, чтобы всѣ иностранные лакеи были отпущены: и свои-де съ голоду умираютъ. Имъ отвѣтили запрещеніемъ скоповъ.

Съ 11-го сентября появляются извѣстія о первыхъ добровольныхъ приношеніяхъ національному собранію. Одно изъ первыхъ пожертво-

[1]) А всѣхъ слугъ въ Парижѣ считалось до 150.000 человѣкъ!

ваній сдѣлано Лафайетомъ: онъ отказался отъ назначеннаго ему жалованья 12.000 франковъ.

Изъ Лондона извѣщаютъ, что въ Англіи, особенно на южномъ берегу, появилось въ обращеніи много французскихъ талеровъ. Приливу эмигрантовъ съ деньгами лондонцы радуются, и при этомъ корреспондентъ замѣчаетъ, что прежде было обратное явленіе: по реестру парижскаго генералъ-полицмейстера, въ 1777 г. въ Парижѣ считалось до 3.000 путешествующихъ англичанъ.

Въ этотъ періодъ затишья, отношенія между королемъ и народомъ только обострялись: король не вполнѣ утвердилъ популярнѣйшіе законы 4-го августа; народъ продолжалъ голодать и глухо волновался. 1-го октября извѣстный пиръ лейбъ-гвардіи, яко бы грозившій контръ-революціей, переполнилъ чашу. 5-го октября, огромная толпа парижанъ двинулась на Версаль; въ ночь на 6-е почти приступомъ народъ взялъ дворецъ; по его требованію, король и собраніе должны были переѣхать въ Парижъ. Судьба старой монархіи была рѣшена: по выраженію Гейссера, Парижъ открыто и безвозвратно взошелъ на ея тронъ.

Какъ теперь поведетъ себя оффиціозная печать въ странахъ, гдѣ царствуетъ самодержавіе? Что могутъ „Вѣдомости" сообщить публикѣ объ этомъ событіи, смыслъ котораго ясенъ и для самыхъ близорукихъ?

Прежде всего очевиденъ страхъ и уклончивость. Отъ 5-го октября „Вѣдомости" кратко и сдержанно извѣщаютъ объ офицерскомъ обѣдѣ, будто о невинной выходкѣ; но корреспонденція оканчивается восклицаніемъ: „Боже, избави насъ отъ новыхъ бунтовъ и смятеній"!

Въ слѣдующемъ номерѣ, 89-мъ (отъ 7-го ноября), котораго развитые читатели, конечно, ждали съ большимъ нетерпѣніемъ именно ради извѣстій о Франціи, изъ Парижа нѣтъ ни строчки: вѣроятно, ждали, какъ выскажется высшее начальство, что̀ скажетъ оффиціальная петербургская печать.

Въ № 90-мъ, отъ 10-го ноября (стало быть, принявъ въ разсчетъ разницу стиля, черезъ $1^1/_2$ мѣсяца послѣ событій), появляется подробное описаніе того, что произошло въ Парижѣ 5-го и 6-го. Судя по тѣмъ цитатамъ, которыя приведены въ статьѣ профессора Брикнера [1]), оно буквально совпадаетъ съ тѣмъ, что сообщили своей публикѣ объ этомъ „С.-Петербургскія Вѣдомости", тогда какъ въ описаніи событій предшествующихъ, напримѣръ, 14-го іюля, московская газета слѣдовала другимъ, болѣе либеральнымъ источникамъ Въ этомъ описаніи все движеніе приписывается бабьей рати, надъ которою корреспондентъ [2]) и изощряетъ свое остроуміе. Лафайетъ представляется подвергшимся насилію, а его спасительная для королевскаго семейства роль—ума́лена. Солдаты не защищали короля, „увидя между во-

---

[1]) „Древняя и Новая Россія", 1876, I, 81.

[2]) Точнѣе: оффиціальный референтъ.

оруженными женщинами много красавицъ"; даже лейбъ-гвардейцы обвиняются въ трусости. Разсказъ о битвѣ во дворцѣ — рядъ неточностей и искаженій фактовъ: будто только въ ½ втораго ночи разнесся слухъ о приближеніи національной гвардіи (на самомъ дѣлѣ она съ полуночи занимала всѣ внѣшніе караулы во дворцѣ (см. Тьеръ, I, 194); будто, едва успѣвъ придти, національные гвардейцы „открываютъ пальбу противъ королевскихъ тѣлохранителей". Ни слова не говорится о чувствительной сценѣ на балконѣ, гдѣ Лафайетъ цѣловалъ руку королевы: вѣроятно, съ точки зрѣнія автора, это унижало королевское достоинство; утвердительно говорится о головахъ двухъ лейбъ-гвардейцевъ и сердцѣ третьяго, несенныхъ на пикахъ (о сердцѣ ни Тьеръ, ни другіе ничего не знаютъ; головы были отняты у негодяевъ: Тьеръ, 197).

Съ подчеркиваніемъ разсказывается, что члены городской ратуши, „которые въ прежнія времена иначе съ государемъ своимъ говорить не могли, какъ стоя на колѣнахъ", теперь сидѣли передъ королемъ, а король и его семья стояли.

Инсургенты называются огульно: мятежники, разбойники, изверги рода человѣческаго. Вся статья испещрена точками.

Въ извѣстіи отъ 16-го октября „Московскія Вѣдомости" расходятся съ „Петербургскими" во взглядѣ на участіе въ возстаніи герцога Орлеанскаго: первыя силятся оправдать его.

Съ этого времени извѣстія становятся очень краткими и безцвѣтными. Поразительно своимъ лаконизмомъ извѣстіе отъ 9-го ноября: „Чины беарнскіе собрались было въ городѣ По, но собраніе сіе разошлось, какъ скоро увѣдомилось, что народъ хочетъ повѣсить одного члена онаго".

При всей безцвѣтности извѣстій, можно замѣтить продолжающуюся симпатію къ Неккеру, рѣчи котораго приводятся почти in extenso, и сдержанную антипатію къ графу Мирабо: злорадно приводятся случаи, гдѣ ему дѣлаютъ дерзости; Демуленъ, меморіалъ котораго, по словамъ газеты, раздражилъ всѣхъ, называется „крайнимъ другомъ Мирабо".

Изъ извѣстія отъ 6-го ноября приведемъ двѣ не безъинтересныя картинки нравовъ эпохи:

„Изъ Бреста пишутъ, что баронъ Менонъ, флота нашего маіоръ, идучи мимо барабанщика народнаго войска, примѣтилъ, что сей, куря табакъ, пустилъ ему нарочно дымъ прямо въ лицо, и потому далъ оному насмѣшнику нѣсколько оплеухъ и палочныхъ ударовъ. Гражданство тамошнее вступилось тотчасъ за своего барабанщика, а коммендатъ гавани, г. Гекторъ, желая предупредить большое волненіе, уволилъ помянутаго маіора въ домовой отпускъ: однако онъ не поѣхалъ, но удалился на одинъ изъ стоящихъ на рейдѣ военныхъ кораблей. Чернь, узнавъ о семъ, пустилась было вслѣдъ за маіоромъ къ помянутому кораблю на мелкихъ судахъ, дабы принудить его

просить у барабанщика прощенія и принять отъ него взаимно одну оплеуху; ибо такъ приговорено было гражданствомъ; но прочіе офицеры военныхъ кораблей, взявъ г. Менона подъ свое покровительство, не только его не выдали, но и, явясь къ комменданту гавани, г. Гектору, всѣ вообще отреклись отъ своихъ должностей. Сіе побудило г. Гектора обратиться къ мѣщанству, которое, принявъ отъ него доказательство о несправедливости барабанщика, признало наконецъ г. Менона невиннымъ, и тѣмъ возстановило спокойствіе.

„При нынѣшнихъ обстоятельствахъ нашихъ достойно также примѣчанія слѣдующее произшествіе: кучеръ герцога и маршала де-Ноаля, будучи въ Сентъ-Жерменѣ-анъ-Лай въ трактирѣ, и услышавъ предосудительные чести господина своего разговоры, защищалъ его сколько могъ. Отъ сего произошла сперьва ссора, а потомъ и драка между онымъ кучеромъ и нѣсколькими человѣками изъ рядовыхъ гражданскаго войска. Кучеръ оборонялся сперва отъ нихъ кулаками, а потомъ, выхватя у одного рядоваго саблю, переранилъ многихъ и ушелъ напослѣдокъ въ домъ своего господина. Чернь, пришедъ по сему случаю въ волненіе, приступаетъ къ дому герцога Ноаля, беретъ кучера насильственно, выводитъ на площадь, и поднимаетъ его на висѣлицу. Кучеръ уже виситъ; но имѣя еще память, вынимаетъ изъ кармана своего ножъ, перерѣзываетъ надѣтую ему на шею веревку, и упавъ внизъ, поражаетъ ножемъ своимъ во-перьвыхъ того, кѣмъ былъ повѣшенъ, и который старался схватить его и поднять на висѣлицу вторично. Чернь тѣснится, и хотя многіе получаютъ раны, однако жъ многолюдство лишаетъ его наконецъ жизни побоями".

Въ послѣднемъ (103-мъ) номерѣ за этотъ годъ, отъ ноября 30-го, въ протоколѣ засѣданія національнаго собранія сообщается москвичамъ о предложеніи доктора Гильотена „постановить для всѣхъ преступниковъ одинаковую смертную казнь и токмо допустить одно отсѣченіе головы, которое производимо должно быть не черезъ палача, но посредствомъ машины, въ движеніе приведенной".

Къ подобному извѣстію „С.-Петербургскія Вѣдомости" присоединяютъ патетическое, хотя и краткое разсужденіе объ угрозахъ революціи [1]); „Московскія" — оставляютъ его безъ комментарій, во всей его пророческой неприкосновенности.

А. Кирпичниковъ.

---

[1]) Приведено проф. Брикнеромъ. I. с. 81.



ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

VII.

По возвращеніи въ Кіевъ.

Отзывъ Аскоченскаго объ управленіи Д. Г. Бибикова юго-западнымъ генералъ-губернаторствомъ.—Отзывъ о Писаревѣ.—Финалъ отношеній Аскоченскаго къ Бибикову.—Смиреніе Аскоченскаго.—Взглядъ его на современное просвѣщеніе.—„Ригористическое ожесточеніе“ противъ русскихъ университетовъ.—Нравственное вліяніе ихъ.—Православіе, самодержавіе и народность.—Сословное неравенство въ русскомъ обществѣ. — Приговоръ исторіи надъ дѣятельностью Аскоченскаго.



ВЪ АВГУСТѢ 1852 года, Аскоченскій покинулъ Каменецъ-Подольскъ. Гдѣ и какъ онъ жилъ до 1854 г., мы не знаемъ, а въ „Дневникѣ“ эти два года совсѣмъ пропущены. Послѣдующія же замѣтки начинаются съ марта 1854 г., но большинство ихъ относится къ воспоминаніямъ о прошломъ, ибо настоящее не представляло ничего утѣшительнаго въ личномъ положеніи Аскоченскаго и вообще отличалось пустотою и безсодержательностью. Въ тяжкомъ, безотрадномъ уединеніи Аскоченскій приводитъ на память теперь свои отношеніи къ разнымъ лицамъ, однихъ клеймя желчнымъ стихомъ, о другихъ же говоря съ уваженіемъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ тогда о Бибиковѣ, который, какъ мы видѣли, въ значительной степени былъ виновникомъ многихъ печальныхъ испытаній, пережитыхъ Аскоченскимъ:

„Ой, долго, долго будутъ жалѣть всѣ благомыслящіе люди о Бибиковѣ. Повторяютъ, что я сказалъ когда-то: „Государь могъ найти и

---

[1] Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ IX, стр. 259.

сдѣлать сотни министровъ, но другаго Бибикова для этого края не отыщетъ". „Мнѣ всегда возражаютъ, что онъ держалъ при себѣ Писарева, и ставятъ это въ незагладимый упрекъ Дмитрію Гавриловичу. Удивительно, какъ близоруко такое сужденіе. Я очень хорошо знаю вдоль и поперегъ Писарева: онъ былъ взяточникъ, по своему понимавшій честь и совѣсть, но въ умѣ ему никто отказать не можетъ, и всѣ мудрые и по своимъ результатамъ благодѣтельныя распоряженія Бибикова по всѣмъ тремъ западнымъ губерніямъ сдѣланы при посредствѣ этого проклинаемаго взяточника. Дмитрій Гавриловичъ поступилъ въ такомъ случаѣ, какъ глубокій политикъ: онъ допускалъ малое, частное зло для общаго и большаго блага. Онъ хорошо зналъ про взяточничество Писарева и сносилъ это, потому что нуженъ былъ ему умъ и дѣятельность этого человѣка.

„Кончились задуманныя распоряженія, осуществились превосходные планы,—Бибиковъ отстранилъ тогда отъ себя Писарева, но отстранилъ благородно, предоставилъ даже награду ему за труды, вмѣстѣ подъятые; Бибиковъ предоставилъ судьбѣ наказать взяточника, и онъ наказанъ, жестоко наказанъ. Повторяю, ставить въ упрекъ Бибикову поведеніе Писарева есть вопіющая несправедливость и обличаетъ узкій, недальновидный взглядъ на вещи. Я священнымъ долгомъ поставляю всегда стоять за честь и имя этого великаго слуги царю и отечеству. Въ лести и похвальствѣ, надѣюсь, никто не упрекнетъ меня, ибо кто больше меня потерялъ отъ того же самаго Бибикова,—но, мимо моихъ личныхъ интересовъ, я всегда буду любить его, ибо понимаю, кого люблю и уважаю".

При всей склонности своей къ пристрастному третированію окружавшихъ его, Аскоченскій по отношенію къ Бибикову остается неизмѣннымъ даже тогда, когда обнаружилось, что послѣдній вполнѣ равнодушенъ къ участи бывшаго своего protégé. „На Благовѣщеніе"—отмѣчаетъ Аскоченскій—„получилъ я отъ Козлова изъ Петербурга письмо, но не благовѣстіе, а зловѣстіе принесло оно съ собою. Кажется, вся моя надежда на Бибикова исчезла невозвратно. Однако-жъ, какъ жестоко поступилъ онъ со мною! Богъ съ нимъ! Знаю только, что онъ сдѣлалъ меня несчастнымъ; нѣтъ возможности перечислить все, что перенесъ и переношу я, по милости этого крутаго и немилостиваго человѣка. Чтобы не тревожить горячихъ ранъ растерзаннаго моего сердца, я не стану говорить ни о Бибиковѣ, ни о письмѣ Козлова. Гибнуть, такъ гибнуть!"...

А между тѣмъ личная жизнь Аскоченскаго становилась съ каждымъ днемъ все плачевнѣе. Безъ всякаго заработка, съ разбитыми надеждами, разочарованный авторъ „Дневника" не видѣлъ конца своему „злополучію". Дѣло дошло до того, что онъ не только смирился въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, но и принужденъ былъ иногда испытывать униженіе передъ недавними своими врагами. Такъ, подъ 1-мъ августа читаемъ:

„...Я нынче положилъ камешекъ, который до сихъ поръ служилъ мнѣ претыканіемъ. Приказавъ замолчать бѣдственному для меня самолюбію, я ѣздилъ — угадайте, къ кому? — къ Розенбауму, къ человѣку, который сталъ нѣкогда врагомъ моимъ и ядый со мною хлѣбъ воздвиже на мя запинаніе, который за то потерпѣлъ и самъ много отъ ядовитаго пера моего и который подъ конецъ горемычнаго моего существованія былъ однимъ изъ членовъ беззаконнаго совѣта, сложившаго на меня извѣтъ и повергшаго меня въ бездну несчастій. Да, я самъ теперь протянулъ ему руку примиренія, чего не сдѣлалъ бы, конечно, если бъ не мои несчастія... Розенбаумъ принялъ меня радушно и черезъ пять минутъ мы уже забыли нашу вражду и говорили между собой про былое, пріятное въ нашемъ знакомствѣ. Этимъ первымъ параграфомъ на этотъ разъ я и удовольствовался, предоставивъ дальнѣйшіе мои планы и надежды времени..."

Но не въ одномъ „смиреніи" сказалась теперь въ Аскоченскомъ перемѣна, вызванная утомленіемъ въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами. Въ это время ясно уже опредѣляется то направленіе его, которое впослѣдствіи открыто выражалось въ „Домашней Бесѣдѣ". Нагляднымъ доказательствомъ такой перемѣны въ душевномъ настроеніи Аскоченскаго служатъ замѣтки его о современномъ просвѣщеніи вообще и объ университетскомъ образованіи въ Россіи въ частности. Замѣтки эти любопытны какъ фактъ, свидѣтельствующій, до какихъ абсурдовъ можетъ дойти умъ живой и свѣтлый, когда онъ задается предвзятыми и односторонними воззрѣніями, когда независимыя стремленія прежнихъ лѣтъ глохнутъ подъ гнетущимъ желаніемъ личности проникнуться непремѣнно какъ можно полнѣе заданнымъ направленіемъ.

„Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ цивилизаціи и прогресса, когда молодое, а за нимъ и старое поколѣніе спѣшитъ подъ знаменемъ мнимаго просвѣщенія къ разрушенію всего, что освящено давностію, и чѣмъ держится благосостояніе обществъ, невольно останавливаешься безпокойною мыслью надъ вопросомъ: что такое современное просвѣщеніе? Не та ли это печать антихриста, которая предсказана въ Апокалипсисѣ и которая не ляжетъ численнымъ изображеніемъ индустріи на челѣ только малыхъ избранныхъ?..

„Нѣтъ такой несправедливости, нѣтъ такой лжи и клятвопреступленія, которыхъ бы не оправдало это такъ называемое просвѣщеніе. Дикарь ужаснулся бы тѣхъ жестокостей, къ которымъ прибѣгаетъ индустрія для достиженія своихъ сатанинскихъ цѣлей. Въ имя этого лжеименнаго просвѣщенія явилась филантропія, преслѣдующая какую-то идею и считающая жизнь особей совершенно ничѣмъ; отъ имени этого просвѣщенія ставятъ памятники истребителямъ человѣчества, отъявленнымъ безбожникамъ и низкимъ космополитамъ; отъ имени этого просвѣщенія обожили умъ, отринувъ спасительную вѣру, всегда спасавшую нашихъ добродушныхъ предковъ.

„И мы — русскіе — жалкіе подражатели истлѣвающаго запада,—и мы къ нашему юному, свѣжему тѣлу привили эту язву лжепросвѣщенія, воздвигли огромныя зданія, гдѣ не унціями, а цѣлыми пудами раздаютъ отраву отрицанія и безвѣрія, да еще гордимся тѣмъ, что и мы, дескать, не отстали отъ Европы, и у насъ есть университеты, гдѣ всякій голубой воротникъ разсказываетъ вамъ, что̀ „каждая звѣзда на небѣ значитъ".

„Давно уже мнѣ хочется глубже вникнуть въ вопросъ: нужны ли нашей матушкѣ-Россіи эти университеты, — тѣмъ болѣе хочется, что частенько приходится толковать объ этомъ съ любителями современнаго прогресса, которые всегда обвиняютъ меня въ пристрастіи и въ неправильномъ одностороннемъ увлеченіи. А между тѣмъ, я говорю только вотъ что. Прошу прислушать.

„Что такое университетъ? По этимологическому производству этого слова, оно значитъ „всеучилище", то есть такое заведеніе, въ которомъ преподаются всѣ науки безъ исключенія, обширный пантеонъ человѣческаго знанія. Таковы и были первоначально университеты на западѣ Европы; въ нихъ сосредоточивались всѣ факультеты, и за отсутствіемъ другихъ спеціальныхъ училищъ для образованія юношества, изъ университетовъ выходили и богословы, и законовѣды, и математики, и литераторы и все, что вамъ угодно. Въ такомъ составѣ и съ такой же обширностью переведены эти „всеучилища" и на Русь къ намъ. Я сказалъ: переведены, потому что сами собою они перейти не могли, бывъ, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ не по духу русскаго народа. Мы выписали нѣмцевъ учить насъ заморской премудрости; но съ самаго же начала такого принужденнаго пересажденія иностранныхъ университетовъ на русскую почву оказалось нужнымъ отдѣлить и даже вовсе уничтожить одинъ факультетъ и самый главный — именно богословскій; для этой науки слишкомъ узки были головы выписанныхъ изъ-за моря нѣмцевъ, и блюстители православія на святой Руси достойно и праведно не позволили бы заморскимъ умникамъ браться не за свое. При томъ же у насъ, далеко еще до введенія университетовъ, существовали духовныя академіи, въ которыхъ, несмотря на схоластичность преподаванія наукъ философскихъ и богословскихъ, истины православія сохранялись во всей первобытной своей чистотѣ и неприкосновенности, и лучшими уроками по богословію не могли похвалиться самые прославленные университеты въ Европѣ. Вотъ ужъ это одно могло показать упорнымъ нововводителямъ неестественность заведенія училищъ, съ перваго раза становившихся въ оппозицію съ главнымъ началомъ нашей народности. Но какая надобность! Мы шли, какъ слѣпые, за образованными нашими руководителями, которымъ Русь давала чистый кусокъ хлѣба, деньги и почести; мы обрадовались сами и съ юношеской гордостью повторяли передъ коварно улыбавшейся Европою: „вотъ оно какъ! И у насъ есть университеты!" Учредители этихъ все-училищъ видѣли

однакожь, чтò отставка богословскаго университета оставила цѣлое зданіе университета безъ краеугольнаго камня. Что тутъ дѣлать? Да чтò! Поставить во главѣ программы преподаванія Законъ Божій,—и дѣло съ концемъ! Хорошо, поставили. Но ужь одно то, что главному за-границей факультету у нась въ русскихъ университетахъ дано было, какъ бы изъ милости, лишь укромное мѣстечко и, предоставивъ широту и глубину преподаванія другимъ наукамъ, наукѣ религіи опредѣлили самый тѣсный кругъ,—одно ужь это, говорю, уронило ее въ глазахъ юношества, пріучаемаго смотрѣть на все глазами своихъ наставниковъ, большею частью лютеранъ, кальвинистовъ, социніанъ и другой сволочи. Капля яда, пущенная еще въ ту пору, разлилась быстро въ мутной водѣ университетскаго образованія; чѣмъ дальше, тѣмъ ниже становилось дѣло религіознаго усовершенствованія молодыхъ умовъ. Науки, взрощенныя непокорнымъ умомъ, который все желалъ бы подчинить своему деспотическому критеріуму, пошли противоположно тихому, но свѣтлому голосу Евангельской истины, обращающейся прежде къ сердцу и уже оттуда приносящей чистый свѣтильникъ вѣры для успокоенія и разрѣшенія тревожныхъ вопросовъ ума.

„Нѣмцы-профессоры, а потомъ и питомцы ихъ, русскіе наставники, не могли или не хотѣли этого понять и полною рукою продолжали сыпать гибельныя сѣмена сомнѣнія и отрицанія, во вредъ уже и безъ того униженному богословію. Плодомъ этого было презрѣніе къ урокамъ богословскимъ; оттого-то доселѣ ничто не возбуждаетъ такой скуки въ молодыхъ умахъ воспитанниковъ университета, какъ истины, преподаваемыя служителемъ алтаря въ пустѣющихъ аудиторіяхъ. Съ голоса своихъ наставниковъ и они повторяютъ, что все это ужасъ какъ отстало, пòшло и лишено всякаго прогресса, что какъ идея дохристіанской религіи оказалась истощившеюся, точно также и идея христіанства требуетъ перемѣны и должна уступить мѣсто другой—идеи разума. Я не только слышалъ, но даже читалъ это въ печатной книгѣ!.. Многоученое начальство не только не противоборствуетъ, но даже содѣйствуетъ уничтоженію науки богословской: на объясненіе, напримѣръ, Софокловой Антигоны оно полагаетъ въ программѣ десять часовъ въ недѣлю, а на преподаваніе закона Божія какіе нибудь три часа.

„Современники царя Бориса съ шумомъ поднялись противъ намѣренія его завести на Руси университеты. Что ни толкуйте, а чуть ли они не лучше своихъ потомковъ понимали эти заморскія выдумки, устроенныя лишь для того, чтобы калѣчить здоровые умы русскаго народа. Посмотрите хоть въ наше славящееся просвѣщеніемъ время, куда годятся воспитанники университетовъ, когда они пустятся въ толкованіе предметовъ религіозныхъ? Запасъ добрыхъ свѣдѣній, вынесенный ими изъ гимназій, подвергается безтолковому критическому анализу и повѣряемый узенькимъ одностороннимъ умишкомъ, расходуется на вольныя и богопротивныя мысли и часто совсѣмъ исчезаетъ въ мелочности понятій научныхъ, схватываемыхъ ими по верхуш-

камъ. И некому остановить этой молодежи, прямо стремящейся въ бездну моральной погибели. Обращаетъ ли просвѣщенное начальство строгое вниманіе на то, чтобы студенты ходили въ церковь? Смотритъ ли оно за тѣмъ, какъ голубые воротники держатъ себя въ храмѣ Божіемъ? Наконецъ, считаетъ ли само начальство священнѣйшей своей обязанностью присутствовать при воскресномъ богослуженіи? Никогда! Другое дѣло—театръ, публичныя гулянья, тамъ непремѣнно надзоръ, и попечительное начальство, не видя голубыхъ воротниковъ, сильно встревожится такой явной безнравственностью своего юношества. Инспекторы и субъ-инспекторы побѣгутъ, какъ на пожаръ и строго начнутъ разслѣдовать, гдѣ это ученое юношество проводитъ позднее свое время. О tempora, o mores! О pecora, o boves!..

„Университеты сосредоточивали и до сихъ поръ сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ остальные факультеты. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ—философскій недавно уничтоженъ, какъ ненужный и предоставленъ исключительно духовнымъ академіямъ. Университетамъ оставлена логика и психологія, да и то преподаваніе этихъ частей философіи поручено лицамъ духовнымъ, такъ называемымъ законоучителямъ [1]). Это исключеніе философіи изъ преподавательной программы ясно показало, что университетскія головы не крѣпки, и что не слѣдуетъ оставлять имъ привилегированную науку свободнаго мышленія. Правительство, наконецъ, поняло, что философія въ рукахъ такихъ мыслителей, какъ преподаватели и воспитанники университетовъ, острый ножъ, данный для забавы мальчишкѣ. Вотъ оно и взяло у нихъ этотъ ножъ, приговаривая: это, дескать, орудіе острое, а орудіемъ острымъ можно порѣзаться, слѣдовательно, надо его у васъ взять (это послѣдній урокъ университетамъ изъ логики); вы же ребята горячіе, голова у васъ и безъ того набита высокопарными нѣмецкими идеями, перевернувшими вверхъ дномъ ваши прежнія русскія понятія, слѣдовательно, вамъ философія не нужна (это послѣдній правильный психологическій урокъ имъ). Надо признаться, что внушеніе этихъ практическихъ уроковъ дѣйствительно могло бы принести пользу, если бы преподаватели постарались вбить ихъ въ головы своихъ слушателей. Но, къ сожалѣнію, оборванныя части науки философской не оказываютъ университетамъ никакой услуги. Логика и психологія сползли въ рядъ самыхъ сухихъ, безжизненныхъ и, по признанію самого совѣта университетскаго, ненужныхъ и излишнихъ наукъ. Предоставленные такимъ образомъ законамъ собственнаго мышленія, молодые люди закружились напропалую, и девять десятыхъ врутъ такую дичь, что въ разговорѣ съ ними и самъ потеряешь логическую мысль правильнаго сужденія. А все отчего это? Отчего образумившееся правительство отняло у университетовъ философію? Отчего оно вырвало ее изъ рукъ фрач-

---

[1]) Рѣчь идетъ о современныхъ Аскоченскому университетахъ, т. е. до введенія устава 1863 г. Ѳ. Б.

ныхъ преподавателей и отдало рясамъ? Оттого, что замѣтило, что фрачные преподаватели, скроенные по-нѣмецки, вели науку не рядомъ съ ученіемъ православія и не ее повѣряли откровеніемъ, а откровеніе дерзнули повѣрять своей жалкой мудростью; оттого, наконецъ, что увидѣли, что эта наука сдѣлалась въ университетѣ мудрованіемъ по стихіямъ міра сего, а не по Христѣ. Вотъ и вызвало оно другихъ дѣятелей, но опасеніе его было такъ велико, что и тутъ не рѣшилось оно дать полнаго хода философской наукѣ. Вмѣсто большаго воза сѣмянъ, правительство дало новымъ сѣятелямъ только два рѣшета пшеницы, да и то пополамъ съ половою. „Предписываю вамъ", сказало оно новымъ преподавателямъ, „засѣять все это поле даннымъ вамъ сѣменемъ".—„Да помилуйте", отвѣчаютъ преподаватели, „если разсѣять на такомъ пространствѣ, то отъ колоса до колоса не слыхать будетъ человѣческаго голоса".—„Тѣмъ лучше", отвѣчаетъ правительство: „между пространствомъ отъ колоса до колоса мы будемъ сѣять сѣмена другаго рода".

„Соревнуя такому дивному распоряженію, преподаватели разныхъ наукъ пустились сѣять напропалую, кому что попадетъ подъ руку: кто просо, кто кукурузу, кто полынь, кто клеверъ, кто лебеду, кто дыни и арбузы,—все это безъ толку, безъ системы, безъ правилъ, и бѣдные ростки сѣятелей логики и психологіи глохнутъ и исчезаютъ подъ этой громадной растительностью всякой всячины. Видите ли теперь, — вотъ еще плодъ того устраненія главнѣйшей основы всякаго образованія, которое показалъ я выше, говоря о факультетѣ богословія: зданіе философіи, построенное не на камнѣ чистой истинной вѣры, а на пескѣ всерастлѣвающаго анализа, должно было пасть, и упало. Подѣломъ! не заводи училищъ, не сообразясь хорошенько съ требованіями нашей благородной святой народности. Вся бѣда оттого, что мы захотѣли быть просвѣщенными по-европейски, а не по-русски. Но мнѣ замѣтятъ: развѣ за-границей въ университетахъ, гдѣ существуютъ рядомъ факультеты богословскій и философскій, философія благотворнѣй и лучше? Да кто жъ это и говоритъ? Тамъ еще хуже. Тамъ бѣдное богословіе въ совершенной зависимости отъ философіи, и жидъ-выкрестъ, какой нибудь Страусъ, ломаетъ направо и налѣво истины догматическія; тамъ некому и наблюсти за этимъ, ибо духовенство, обязанное хранить чистоту вѣры, само нечисто и связано по рукамъ и ногамъ. Когда-то въ давнія времена положенная, хоть и праведно, но только не за то проклинаемыми, іезуитами основа, нынѣ совсѣмъ подточена; самое зданіе, насквозь проѣденное червями, стало такъ легко, что держится покамѣсть и на такомъ подточенномъ основаніи, зато жъ сколько разъ оно и летало по воздуху въ вихрѣ революцій, нечестія и безбожія! Не дай Богъ дожить до этого! пусть лучше разсыплются въ прахъ эти зданія и подавятъ собою всю премудрость, мятежно возстающую на разумъ Божій и на святыя преданія нашихъ праотцевъ!"

Затѣмъ, Аскоченскій подробно разбираетъ курсъ и систему преподаванія на факультетахъ: юридическомъ, математическомъ, словесномъ и медицинскомъ, и приходитъ къ слѣдующему выводу:

„При чемъ же теперь должны остаться университеты? Факультета богословскаго въ немъ нѣтъ, философскій — оборванъ и почти тоже не существуетъ; юридическій и математическій не приносятъ никакой пользы; словесный — безхарактеренъ и безцѣленъ; медицинскій, по характеру своему, болѣе принадлежитъ другому спеціальному заведенію. Чтожъ такое должно еще поддержать ненужное существованіе университетовъ? Рѣшите теперь сами.

„Слова нѣтъ, что есть исключенія во всѣхъ факультетахъ, но чтожъ говорить объ исключеніяхъ? Кто судитъ о цѣломъ по одной какой-либо его части? Я, напримѣръ, весь покрытъ язвами, а пальцы на ногахъ здоровы: слѣдуетъ-ли изъ этого, что я весь здоровъ? И потому, если для этихъ исключеній заводить такія огромныя зданія, бросать въ воду милліоны, то получаемый отсюда процентъ слишкомъ малъ и незначителенъ, и игра не стòитъ свѣчъ.

„Доселѣ я говорилъ о значеніи университетскаго образованія только въ умственномъ отношеніи; посмотримъ теперь на нравственную его сторону. На этотъ разъ прошу припомнить, что я говорю о воспитанникахъ русскихъ, а характеръ русскаго слагается изъ трехъ существенныхъ элементовъ: православія, приверженности къ престолу и народности, разумѣя это слово въ смыслѣ соблюденія всего того, чтò завѣщала намъ святая древность, чѣмъ мы разнимся и не походимъ ни на нѣмца, ни на француза, чтó, т.-е., составляетъ нашу физіономію. Что же даютъ намъ университеты? Какъ въ этомъ отношеніи воспитываютъ они юношество? Увы! И жалко, и грустно подумать!..

„Насчетъ воздѣлыванія перваго элемента нашего отличительнаго характера я уже сказалъ, толкуя о факультетѣ богословскомъ, никогда, впрочемъ, не существовавшемъ въ нашихъ университетахъ и нахожу, что прибавлять къ тому нечего. Скажу только развѣ вотъ что: сохрани Богъ, еслибъ только на университетскомъ образованіи держалось наше православіе! Погибла бы тогда главная и существенная опора силы и могущества Россіи! Бѣдный преподаватель закона Божія! Слово твое есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ! Какъ онъ уготовитъ пути Господни, когда противъ него идетъ цѣлая фаланга другихъ наставниковъ съ вѣсомъ и авторитетомъ, если каждый изъ нихъ съ точки зрѣнія своей науки какъ бы долгомъ своимъ считаетъ подрывать и подкапывать все то, что священникъ говоритъ отъ слова Божія? На одну его аксіому являются сотни научныхъ проблеммъ, излагаемыхъ съ софистическою увлекательностью и возбуждающихъ тревожную дѣятельность молодыхъ умовъ, уже настроенныхъ, къ сомнѣнію и отрицанію. Проповѣдникъ слова Божія внушаетъ питомцамъ простую вѣру, отвергающую незаконное испытаніе судебъ Божіихъ,

а противъ него говорятъ разумники, наигрывающіе каждый въ свою дудку, дѣлающіе анализъ всему существующему „отъ кедра до иссопа". Молодой умъ, еще не оборвавшійся надъ разрѣшеніемъ самыхъ простыхъ задачъ, еще ложно увѣренный въ своихъ силахъ, требуетъ исключительнаго знанія, а тутъ ему подносятъ безъиспытательную вѣру. Прочь ее! И вотъ на поприще свѣта является говорунъ, которому простаки вѣрятъ для того, что онъ, дескать, человѣкъ образованный и ученый. Оттого-то такъ часто встрѣчаются въ свѣтѣ индифферентисты, для которыхъ все равно—что̀ православіе, что лютеранизмъ, что даже исламизмъ и жидовство.

„Не подумайте, чтобы я въ ригористическомъ ожесточеніи назвалъ университеты притономъ революціоннаго вольнодумства, музеемъ правилъ, противнымъ великому началу нашей народности, однозначительной съ приверженностью къ престолу, царю и отечеству. Нѣтъ, это было бы ужъ слишкомъ. Но не обинуясь скажу, что индифферентизмъ по отношенію къ религіи отражается нѣкоторымъ образомъ и по отношенію къ другому началу жизни русской. Это, впрочемъ, естественно: кто не воздаетъ Божія Богови, тотъ не можетъ воздавать и кесарева кесареви. Въ венгерскую кампанію вышла за-границей картинка, на которой была изображена китайская стѣна. По одну сторону этой стѣны яркій свѣтъ и надпись: Европа; по другую—глубокая тьма и какія-то лѣнивыя тѣни съ надписью: Россія. Въ самой стѣнѣ видно нѣсколько отверстій, сквозь которыя пробиваются лучи свѣта съ противоположной стороны, и надъ каждымъ отверстіемъ надписанъ какой-либо изъ нашихъ университетовъ. Какъ вамъ кажется эта картинка, сочиненная врагами Россіи? Вишь, какъ они похваливаютъ наши университеты. Чѣмъ они такъ угодили лжепросвѣщенной и революціонной Европѣ? Ужъ не богобоязненностью ли, не приверженностью ли къ престолу и отечеству, не привязанностью ли къ кореннымъ обычаямъ и преданіямъ нашихъ предковъ? Ой, врядъ ли! Такого учрежденія просвѣщенная Европа крѣпко не любитъ! Слышите ли, что̀ толкуетъ дѣдушка Крыловъ:

„Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ!"

„Что такое революція? Отверженіе издавна существующаго порядка, уничтоженіе вѣковыхъ законовъ страны во имя какого-то прогресса, устраненіе дѣдовскихъ преданій и обычаевъ и введеніе новыхъ началъ, зародившихся и даже не созрѣвшихъ въ головахъ, наполненныхъ несбыточными, утопическими идеями, въ родѣ Платоновой республики, или бредней Жанъ-Жака Руссо. Благодареніе Богу, наша Русь-матушка чужда этому злодѣйскому прогрессу, отъ котораго вся Европа съ ума сходитъ. Мы крѣпко держимся святой вѣры, умѣемъ молиться, любить царя и отечество и не чуждаемся прадѣдовскихъ разумныхъ обычаевъ. Но между тѣмъ нельзя не сказать, что въ нѣдрахъ Россіи уже зародилась язва, привитая издавна европейскимъ просвѣщеніемъ. Другія заведенія наши, по новости и молодости своей,

еще не успѣли всосать эту тлетворную язву, а въ университетахъ она уже произвела неисцѣлимую, застарѣлую болѣзнь; она обратилась тамъ въ антоновъ огонь, охватившій цѣлый организмъ. Что мудренаго, если великія и до сихъ поръ еще крѣпкія основы нашего благоденствія со временемъ поколеблются, когда въ такомъ же видѣ будетъ продолжаться воспитаніе нашего юношества? Чѣмъ, напримѣръ, руководствуются господа университетскіе профессора въ своихъ толкахъ объ основахъ народнаго благосостоянія? Книгами иностранцевъ, живущихъ въ вихрѣ нововведеній, революцій и гибельнаго прогресса. Прошу въ этой мутной, нечистой водѣ почерпнуть хоть одну живительную каплю для Руси, во всемъ непохожей на западныя государства, состоящія подъ деспотизмомъ политиковъ, журналистовъ, парламентскихъ говоруновъ, теоре́тиковъ и другой сволочи! Карамзинъ сказалъ въ своей „Исторіи": „сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; самыя опасности и безпокойства, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный". Простимъ нашему историку такое республиканское убѣжденіе; онъ, или правильнѣе, юность его принадлежала XVIII-му вѣку, девизомъ котораго были сумасбродныя слова: liberté et égalité! Во второй половинѣ своей замѣтки Карамзинъ какъ бы хочетъ оговориться, утверждая, что республиканскія идеи плѣняютъ только юный, малоопытный умъ. Я совершенно соглашаюсь съ нимъ въ этомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не увлечься юному уму обольстительной утопіей какого нибудь Овэна и подобныхъ ему? Какъ не поддаться обману, когда вамъ говорятъ не прямо, а только сводятъ параллель между законодательствомъ, между мѣстными обычаями и постановленіями, когда вамъ указываютъ на заграничную свободу мышленія, изъ-подъ руки толкуя о правахъ и равенствѣ человѣчества, когда, въ ущербъ отечественному, восхваляютъ дѣйствія той или другой страны въ дѣлѣ цивилизаціи и, не смѣя прямо и открыто осуждать то, что кажется имъ дурнымъ у насъ, тѣмъ самымъ возбуждаютъ безпокойную дѣятельность юныхъ умовъ и готовятъ въ нихъ на первый разъ только недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей? Отъ коренныхъ иностранцевъ, или даже и нашихъ русскихъ профессоровъ, воспитанныхъ по иностранному, иного и ожидать нельзя. И вотъ, при нашемъ благоразумно строгомъ и осмотрительномъ образѣ правленія, эти умники-говоруны, когда пойдетъ въ ходъ задѣвающій сердце русское вопросъ, или упорно отмалчиваются, опасаясь за лишнее словцо подпасть подъ сюркупъ, или дерзаютъ говорить такія вещи, за которыя Сибирь есть самое легкое наказаніе. Хорошо еще, что „страха ради" скоро можно остановить мятежную предику такого говоруна, а то просто бѣда бы! И кто жъ вы думаете, по большей части, эти говоруны? Какой нибудь недопеченный студентъ, печальный регистраторъ, или заносчивый гимназистъ! Гадко и стыдно говорить-то съ ними!

„Клевета!.. закричатъ на меня со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ, отвѣчаю я громко и твердо; нѣтъ, господа, не клевета! Пусть каждый изъ поумнѣвшихъ и остепенившихся потомъ на государственной службѣ воспитанниковъ университета скажетъ, какъ передъ Богомъ: такъ ли онъ разсуждалъ въ голубомъ воротникѣ о правительствѣ и распоряженіяхъ его, какъ разсуждаетъ теперь, присмотрѣвшись ко всему ближе? Развѣ даромъ императоръ Николай Павловичъ не жалуетъ этихъ университетовъ? Развѣ даромъ онъ, въ порывѣ справедливаго негодованія, ограничилъ было недавно пріемъ студентовъ въ эти притоны бездѣлья и вольнодумства? Вѣрно далась ему „въ тяжкое" вѣковѣчная ошибка Петра, насильно навязавшаго намъ европейское просвѣщеніе. Великій человѣкъ, не давъ намъ дочитать азбуки, вдругъ посадилъ насъ за философскія книги, смысла которыхъ мы и понять не могли, и въ угоду непреклонному властелину земли русской, затвердили ихъ отъ доски до доски, какъ школьники. И замѣчательно, что молодые люди чистой дворянской крови гораздо менѣе усвояютъ себѣ либеральныя идеи; зато дѣти разночинцевъ являются самыми усердными поклонниками ихъ и такъ и лѣзутъ въ преобразователи Россіи. Совершенно какъ за-границей! Вѣдь и тамъ аристократы проклинаютъ революцію, и тамъ они готовы были бы поддерживать власть и силу правительства, да что жъ прикажете дѣлать съ сапожниками-мѣщанами и всякаго рода промышленниками и уличными бродягами, изъ которыхъ многіе тоже получили высшее образованіе... въ университетахъ. Оно, впрочемъ, и естественно. Коренному дворянину и аристократу тянуться незачѣмъ, не для чего желать ему революціонной реформы; но сыну мѣщанина или сапожника—другое дѣло. Его поровняли съ дворяниномъ шпагою, его тоже называютъ милостивымъ государемъ, а не Ванюшкою или Степкою, онъ тоже хватилъ университетской премудрости, а между тѣмъ кровь-то говоритъ, что она съ примѣсью грязи, — подавай сюда идею равенства. Но благоустроенное государство не допускаетъ этого; ну, такъ постановленія его дурны, а постановленія и законы исходятъ отъ кого? Отъ высшей правительственной власти, представителемъ которой служитъ... нечего говорить, кто... Ну, такъ и эта высшая правительственная власть распоряжается незаконно; значитъ, нуженъ новый порядокъ вещей, значитъ, и пр. и пр. Правительство, наконецъ, кажется, начинаетъ понимать, откуда ожидается скорѣе всего зло—отъ университетскаго образованія. Въ настоящее время оно ограничило пріемъ студентовъ только дворянскимъ сословіемъ, дѣтьми священнослужителей и купцами первой гильдіи. Давно бы такъ слѣдовало. Пусть сынъ мѣщанина сидитъ за прилавкомъ — онъ будетъ полезнѣе для общества; пусть сынъ сапожника учится сапоги шить—это будетъ лучше чѣмъ браться не за свое дѣло, ибо sutor ne ultra crepidam; пусть дьячковскій сынъ помогаетъ своему батюшкѣ пѣть и читать на клиросѣ, и это полезная и необходимая вещь. Пусть жидовскій сынъ не,

профанируетъ мундира и шпаги, какъ принадлежности дворянина, а продаетъ сѣрнички и мыло, или плутуетъ и обманываетъ, какъ его папенька. Благосостояніе общества отъ этого не поколеблется ни мало, по крайней мѣрѣ, въ милліонъ разъ меньше того, если вся эта сволочь примется разсуждать и резонировать о правилахъ и законахъ государственнаго благоустройства. Дворянинъ,—священное лицо,—купцы первостатейные, существенную опору своего благоденствія непремѣнно находятъ въ правительствѣ, защищающемъ ихъ справедливыя и высокія права. Стало быть, эти сословія не пойдутъ противъ него; имъ искать нечего лучше того, чѣмъ они владѣютъ, а вотъ эти шмели, эта-то дрянь — имъ непремѣнно хочется поравняться съ избраннѣйшими классами общества, отсюда и недовольство, и зависть, и, наконецъ, ожесточеніе противъ правительства, связывающаго имъ безпокойныя руки".

Такой взглядъ на высшее образованіе въ Россіи и на дѣло нашего общественнаго развитія впослѣдствіи нашелъ свое полное выраженіе на страницахъ „Домашней Бесѣды". Мы видимъ ясно, какъ вымучиваетъ изъ себя авторъ сужденія, не только противъ университетовъ, но и противъ всякихъ улучшеній и усовершенствованій въ жизни. Опасаясь какихъ бы то ни было нововведеній, Аскоченскій самъ не замѣчаетъ своихъ противорѣчій и сбивчивости, не говоря уже о неопредѣленности его желаній. Въ отдѣльныхъ указаніяхъ на неправильную постановку университетскаго преподаванія, въ частныхъ данныхъ, показывающихъ безцѣльность высшаго образованія въ условіяхъ русской дѣйствительности того времени, видѣнъ наблюдательный и живой умъ, но въ общемъ основная мысль оказывается ложной, пристрастной и односторонней. Опровергать ее не мѣсто здѣсь, да въ томъ и нужды нѣтъ. Теперь открытое выраженіе подобныхъ мыслей, какъ то сдѣлано въ приведенныхъ замѣткахъ, смутило бы даже тѣхъ немногихъ гасителей, которые склонны придерживаться исподтишка столь мрачнаго взгляда на русское просвѣщеніе.

Этимъ заключаемъ наши извлеченія изъ дневника Аскоченскаго, въ полномъ убѣжденіи, что приведенные нами факты изъ его жизни и не разъ заявленные имъ взгляды и сужденія, совершенно противорѣчащія позднѣйшей его дѣятельности, представляютъ личность его иной въ сравненіи съ тѣмъ, какъ она обрисовывалась въ „Домашней Бесѣдѣ". Съ какой бы строгостью ни относились мы къ этой послѣдней дѣятельности Аскоченскаго, пережитыя имъ испытанія, неудачи и несчастія въ значительной степени должны смягчить приговоръ исторіи надъ нимъ. „Каково быть"—писалъ Аскоченскій въ 1854 году, оправдывая свою боязнь суевѣрныхъ предзнаменованій—каково быть „подъ вліяніемъ какой-то несчастной звѣзды! Пуганая ворона и куста боится"...



„ЛИХОЛѢТЬЕ“ [1].

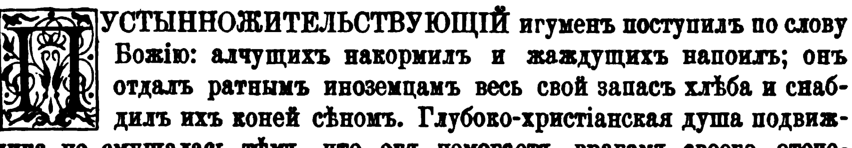
(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

VII.

„Молодецъ пошелъ путь-дорогою,
А горе подъ руку подъ правую;
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттоль молодецъ въ монастырь пошелъ
постригатися;
А горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется.
А сему житью конецъ мы вѣдаемъ:
Избавь, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ! Аминь“.
(„Повѣсть о горѣ-злосчастіи“).



ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ игуменъ поступилъ по слову Божію: алчущихъ накормилъ и жаждущихъ напоилъ; онъ отдалъ ратнымъ иноземцамъ весь свой запасъ хлѣба и снабдилъ ихъ коней сѣномъ. Глубоко-христіанская душа подвижника не смущалась тѣмъ, что онъ помогаетъ врагамъ своего отечества. Онъ видѣлъ въ нихъ въ эту минуту только страждущихъ братьевъ своихъ о Христѣ.

Въ мрачное время русской исторіи, въ тяжелыя годины, пережитыя русскимъ народомъ, Провидѣніе, никогда его не покидавшее,

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, т. IX, стр. 295.

послало ему своихъ избранниковъ, людей высокаго нравственнаго идеала, подвижниковъ монашества. Полное самоотреченіе, смиреніе и непоколебимая твердость духа, какъ послѣдствія убѣжденія, исходящаго изъ любви къ человѣку, располагали къ отшельникамъ народъ и связывали его съ ними духовною, нерасторжимою связью. Почти вслѣдъ за крещеніемъ Руси, еще въ полутьмѣ исторической, окруженные яркимъ свѣтомъ встаютъ величавые образы кіевопечерскихъ затворниковъ св. Антонія и Ѳеодосія. Позднѣе, на сѣверѣ, св. Сергій Радонежскій является просвѣтителемъ народныхъ массъ, мудрымъ наставникомъ и строгимъ судьею князей и бояръ въ ихъ распряхъ, и духовнымъ вождемъ православной церкви. Благочестивый великій князь Дмитрій, герой Донской, святители митрополиты Алексій и Кипріанъ поучались у св. Сергія, жаждали его вѣщаго слова такъ же, какъ и темный смердъ. Убогій брусяной монастырь въ дремучихъ Радонежскихъ лѣсахъ оказался могущественнымъ духовнымъ, обобщавшимъ центромъ московскаго государства, изнемогавшаго отъ татарскаго ига, отъ княжескихъ междуусобій, безправія и гибельныхъ татарскихъ раззореній. Не одной церкви служила Радонежская обитель св. Троицы, но и обществу, и государству. Какъ простымъ смиреннымъ рыбарямъ суждено было подвизаться апостолами, разнести по свѣту первыя сѣмена Христова ученія, такъ Радонежская пустынь лѣсная, кіевопечерскія пещеры вліяли на смягченіе дикихъ нравовъ, окрѣпляли русскую церковь и государство. Достаточно было полустолѣтія, чтобы ученики преподобнаго и богоноснаго святителя Сергія: Андроникъ, Ѳеодоръ, Савва, Григорій, Афонасій и другіе основали до семидесяти монастырей въ областяхъ—Московской, Новгородской и Вологодской. Потомство духовныхъ чадъ св. Сергія стало неисчислимымъ. Сбылось чудное видѣніе радонежскаго игумена: множество прекрасныхъ птицъ, слетѣвшихся на монастырь и на келью св. Сергія, во время его вечерней молитвы, при необычайномъ небесномъ свѣтѣ,— это видѣніе, на которое обратилъ его вниманіе голосъ, воззвавшій къ нему: „Сергій!" предзнаменовало множество послѣдователей его высокаго духовнаго подвига. Исполнился голосъ свыше, сказавшій ему при этомъ: „Сергій, Господь пріялъ твою молитву о чадахъ твоихъ. Такъ умножится стадо учениковъ твоихъ; и послѣ тебя не оскудѣютъ послѣдующіе стопамъ твоимъ!" Народное благочестіе находило скромныя пустыни, какъ ни укрывались онѣ въ глухихъ чащахъ, въ подземныхъ пещерахъ. Спасаясь сами, отшельники спасали и людскія души, врачевали ихъ, назидали. И великость ихъ подвига выходила тѣмъ плодотворнѣе, что въ своемъ глубоко сознанномъ смиреніи сами они не придавали ему значенія подвига. Сами они, поучая и врачуя души, скорбѣли неложно о своей немощи, считая себя грѣшными, недостойными служителями и рабами Божіими. Игуменъ Манассія олицетворялъ собой характеръ этихъ строгихъ подвижниковъ.

Снѣжная кура стихла, мало-по-малу, къ полуночи. Уже ущерб-

ленный мѣсяцъ сквозилъ тусклымъ свѣтомъ въ снѣжной пыли, изрѣдка подымавшейся налетавшимъ студёнымъ вѣтромъ. Печальный колоколъ у часовни не звонилъ больше, такъ какъ буря не раскачивала уже веревку, и не пугалъ суевѣрнаго брата Луку. Онъ похрапывалъ, согрѣвшись подъ своей волчьей шубой. Игуменъ поправилъ толстый фитиль и подложилъ въ черепокъ жиру, намѣреваясь продолжать чтеніе печерскаго патерика. Только что онъ протеръ и надѣлъ очки, въ сѣняхъ послышался скрипъ снѣга подъ тяжелыми шагами; отворилась дверь и въ келью вошелъ начальный панъ. Его появленіе удивило игумена.

— Прости, что нарушаю твое благочестивое занятіе, игуменъ, обратился къ нему панъ, сбрасывая на лавку плащъ и оставаясь въ кунтушѣ съ двойными висячими рукавами. Чистый русскій выговоръ заставилъ монаха внимательно на него поглядѣть.

— Садись къ столу, иноземецъ, гость нежданный, о Христѣ мой братъ, ласково обратился къ нему пустынникъ,—извини на нашемъ невѣжествѣ, кромѣ хлѣба и рыбы ничего не могу предложить тебѣ.

— Спасибо, чернецъ; не до ѣды мнѣ! Пришелъ къ тебѣ ради немалаго дѣла. Что на меня дивишься?

— Дивно мнѣ то; литовскій панъ, а чистая рѣчь русская...

— Дивная жизнь моя, чернецъ, и окаянная! печально замѣтилъ панъ, вздохнувъ и присаживаясь къ столу,—я русскій!

— Русскій? въ испугѣ воскликнулъ игуменъ: — что жъ значитъ твой литовскій видъ, твои литовскіе жолнеры? Ужель измѣнникъ ты родинѣ твоей?

— Измѣнникъ! мрачно прошепталъ панъ. — Я хуже измѣнника: нѣтъ мнѣ подходящаго названія!..

— Уже ли ты впалъ въ латинство? Уже ли на родной народъ войной братоубійственной идешь?

— Я окатоличился, еще мрачнѣе подтвердилъ панъ,—ополячился, пришелъ войной на родной народъ, на свою землю русскую... великій я грѣшникъ, чернецъ.

— Господи! въ непритворномъ ужасѣ воскликнулъ игуменъ, крестясь.—Прости тебя, Боже, братъ мой!

— Судьба привела меня опять въ эти лѣса... знакомые, продолжалъ панъ, какъ бы думая вслухъ,—часовня старца Власія—подвижника, знакомое мѣсто... Увидѣлъ, словно полякомъ не былъ... защемило ретивое, запросило себѣ своего, родного, русскаго,.. Откроюсь тебѣ, чернецъ: я Васькой Косолапомъ здѣсь прозывался!..

— Станишный атаманъ, что̀ на Москву ходилъ съ вольницей украинской! Не вѣрю своимъ ушамъ и глазамъ, вскричалъ игуменъ.— Онъ же подъ Москвой убитъ!

— Кабы убитъ! возразилъ панъ со вздохомъ сожалѣнія.—Ожилъ, словно эхидна, дабы ядовитое свое жало въ материнюю утробу впустить... Не призналъ ты меня, игуменъ, а я тебя сейчасъ же при-

зналъ. Вспомнилъ твое проклятіе, какъ ты съ иноками коренскими соборне ночью въ лѣсной мой станъ приходилъ съ чудотворною иконой, отговаривалъ меня отъ безбожнаго моего замысла: на Москву, на законнаго царя идти? Не послушалъ тебя—проклялъ ты меня...

— То не я тебя проклялъ, Василій, а грѣшными устами недостойнаго служителя алтаря прокляла тебя, твое беззаконіе и твои мятежныя скопища православная церковь, скромно замѣтилъ игуменъ.—

— Твое церковное проклятіе, игуменъ, тяготѣетъ надо мною съ той самой ночи! сказалъ Косолапъ съ страданіемъ въ лицѣ и голосѣ.— Съ той самой ночи я не знаю удачи и, прибавилъ онъ, взволнованный, чуть слышно:—не знаю радости...

— Оскудѣлъ ты вѣрою, братъ мой Василій, укоризненно замѣтилъ ему игуменъ. — Палъ ты духомъ. Скажи же себѣ: „Душе моя, душе моя возстань, конецъ-бо приближается!" Пора, покайся, смирись, да не погибнешь не прощеннымъ грѣшникомъ! О тебѣ, братъ мой Василій, можно сказать словами пророка Іереміи: „Голова больна, сердце утомлено, отъ головы до пятъ нѣтъ ничего здороваго". Есть ли мѣра наказанія по грѣхамъ нашимъ? Токмо въ милосердіи Божіемъ, безконечномъ, упованіе грѣшныхъ. Къ нему припади съ сокрушеніемъ, Василій.

— Готовъ! съ мрачною рѣшимостью согласился Косолапъ. — Поступлю по указанію твоему, чернецъ. Сними съ меня проклятіе! Оно меня жжетъ. Съ той ночи я стремлюсь къ своей гибели. Дьявольская сила бросаетъ меня, помимо моей воли, и вотъ... видишь... я вѣроотступникъ, врагъ отечества... Отливаются мнѣ людскія слезы, вопіетъ во мнѣ человѣчья кровь! Жарче, чѣмъ въ гееннѣ огненной, неугасимой, жгутъ меня раскаяніе да мука душевная! Что мнѣ адъ, я уже въ аду, прежде чѣмъ меня ввергнетъ туда сатана. Постыла мнѣ жизнь! Богъ отъ меня отступился... не зналъ я его прежде, познать пришлось теперь!..

Онъ смолкъ и прислушивался къ чему-то съ лицомъ, искаженнымъ внутреннею борьбой.

— На дворѣ тихо, прошепталъ онъ съ горькой усмѣшкой. — А показалось... нечистая совѣсть, ты ль это плачешь? Аль вы, убоенцы мои, мнѣ грозите?.. Не спроста попалъ я на мѣсто сіе святое, въ монастырище древнее... Тутъ мнѣ остаться!.. душа изныла... Сказавъ это, онъ въ изнеможеніи опустилъ голову.

— Богъ грѣшниковъ прощаетъ, замѣтилъ въ утѣшеніе ему игуменъ. — Покайся, Василій, пока не поздно: отступись латинства и Литвы, заслужи добрыми дѣлами прощенье въ своихъ злыхъ дѣлахъ; вонми гласу своей проснувшейся совѣсти. Совѣсть—Богъ! При послѣднемъ своемъ часѣ прощенъ Господомъ раскаявшійся на крестѣ разбойникъ. А тебѣ можно еще поработать твоему Господу, Василій. Господь сказалъ: „я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянью".

— Наружно олатинился и ополячился я, чернецъ! глубоко вздохнувъ началъ Косолапъ.—Вѣрь, я тотъ же русскій. Совѣсть мучитъ меня денно и нощно. Нѣтъ врага страшнѣе угрызеній собственной совѣсти: отъ самого себя куда уйдешь? лучше бы мнѣ въ темной могилѣ лежать, чѣмъ среди людей скитаться!

— Господи помилуй! набожно прошепталъ игуменъ, крестясь и перебирая пальцами чотки. — И крадете, и убиваете, и клянетесь лживо, и жрете Ваалу!

— Разрѣши же мою душу грѣшную, честной игуменъ, властью тебѣ данною! настойчиво сказалъ Косолапъ:—да прозрю, слѣпотствующій, и увижу свѣтъ Христовъ истинный! и онъ палъ передъ игуменомъ на колѣни, смиренно склонивъ голову и скрестивъ на груди руки.

Игуменъ всталъ съ медленнымъ достоинствомъ іерея, сознающаго святость дѣйствія, къ которому приступалъ, и положивъ обѣ руки на голову кающагося, поднялъ глаза горе. Затѣмъ торжественно произнесъ молитву о болящемъ, читаемую при совершеніи таинства елеосвященія:

„Отче, святый врачу душъ и тѣлесъ! Исцѣли раба твоего Василія отъ обдержанія его душевныя и тѣлесныя немощи и животвори его благодатію Христа твоего“. Потомъ повторилъ слова Іисуса: „Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово мое и вѣрующій въ пославшаго меня имѣетъ жизнь вѣчную; и на судъ не приходитъ, но пришелъ отъ смерти въ жизнь“.

Троекратно облобызавъ неподвижно стоявшаго на колѣняхъ „покаянника“, игуменъ сказалъ: „Встань, рабъ Божій Василій! Снимаю съ главы твоей церковное проклятіе, за нечестіе твое наложенное. Сопричислись православію и доброму стаду христовыхъ овновъ. Миръ тебѣ, чадо, и любовь!“

Косолапъ поклонился игумену въ ноги и зарыдалъ, не поднимаясь съ пола. Душевная тяжесть, давившая его, прорвалась наружу. Игуменъ словно любовался „покаянникомъ“, понимая смыслъ его слезъ, радуясь за нихъ. Слезы кающагося грѣшника—безцѣнный жемчугъ.

— Плачь, братъ мой о Христѣ Василій, говорилъ игуменъ:—сокрушеніе сердечное отверзаетъ райскія врата.

И самъ прослезился, разстроганный. Онъ помогъ Косолапу подняться, и снова братски облобызалъ его.

Мужественное, смуглое, рябое лицо Косолапа, смоченное слезами, выражало теперь то душевное примиреніе, ту сладкую, тихую грусть, чего такъ долго лишенъ былъ онъ и что знаменуетъ возвращенье человѣка къ своимъ лучшимъ чувствамъ, возстановленіе надежды, озареніе темныхъ тайниковъ души свѣтомъ любви всеживящей.

— Покаялся я, сказалъ онъ, какъ бы отвѣчая самъ себѣ на угнетавшую его мысль.—Но достоинъ ли прощенья? Земля-мать меня не приметъ.

— Молись! Трудись! участливо началъ игуменъ.—Былъ великій грѣшникъ: отцеубійца и кровосмѣситель, хотя по своему невѣдѣнію умертвилъ отца и обрачился съ матерью. Отчаянный, юноша три года скитался по монастырямъ и храмамъ. Всюду съ ужасомъ отвергали невольнаго грѣшника; говорили, что для его грѣховъ нѣтъ ни эпитимьи, ни молитвы; даже въ непроходимомъ лѣсу звѣрь дубравный—медвѣдь,—устрашенный побѣжалъ прочь отъ сего грѣшника. Проклятіе на немъ тяготѣло. Наконецъ, святой отшельникъ указалъ ему эпитимью. По его слову, юноша сотворилъ деревянную храмину, насыпалъ надъ нею высокую могилу и въ ней отшельникъ заключилъ кающагося, поставя ему налой съ просфорой, красоулей воды, возженной восковой свѣчей и книгой великаго канона Андрея Критскаго. „Читай сей канонъ; за каждымъ стихомъ—„помилуй мя Боже" и земной поклонъ", велѣлъ онъ ему. — „Читай и молись, пока я приду". Отшельникъ затворилъ желѣзную дверь, заперъ замкомъ, засыпалъ землей пещеру и бросилъ ключъ въ Дунай. Черезъ десять лѣтъ отшельника поставили игуменомъ въ монастырѣ. Три десятка лѣтъ прошло, опочилъ столѣтній старецъ. Монахи рыбу поймали и въ рыбѣ той обрѣли ключъ. И повѣдалъ братіи отецъ экономъ о грѣшникѣ, заключенномъ въ пещерѣ святымъ мужемъ. Братія сняла дверь, ибо ключъ заржавѣлъ. „Ключъ того ради обрѣтенъ, чтобы напомнить намъ о концѣ подвига", сказалъ отецъ экономъ. Изъ пещеры исходилъ отрадный свѣтъ и благоуханіе. Кающійся, у налоя, кончалъ канонъ съ земными поклонами; просфора съ водою непочаты. Кончилъ онъ канонъ—восковая свѣча погасла. Онъ возвелъ очи горѣ и былъ юнъ лицомъ. Узрѣвъ свѣтъ и людей, сказалъ: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко". Вошелъ въ храмъ, выстоялъ литургію, причастился и умеръ.

Косолапъ выслушалъ легенду съ глубокимъ вниманіемъ и тихо плакалъ.

— Полно зложелать! говорилъ онъ.—Избылъ гордыни дьявольской. Заутро выпровожу изъ лѣсу жолнеровъ, велю имъ подъ Курскъ къ своимъ идти; а довуцѣ пану Лисовскому напишу: совѣсть-де меня обличаетъ, отъ нихъ и ихъ дѣла польскаго навсегда отступаюсь, и чтобъ впредь меня своимъ не считали. А доведется,—встрѣтимся врагами. Пусть теперь насъ Господь разсудитъ; а я опять русскій. Сыщи Богъ праваго изъ насъ и виноватаго. Правду всю имъ напишу.

— Аминь! утвердилъ игуменъ, благословляя рѣшимость раскаявшагося грѣшника.—Съ Богомъ!

— Кладъ положилъ я въ этомъ лѣсу, продолжалъ Косолапъ,—сказывалъ о немъ старцу Власію. Цѣлъ ли?

— Цѣлъ; приказывалъ мнѣ передъ своею смертью старецъ Власій кладъ тотъ, замѣтилъ игуменъ... Казна великая, разбоемъ собранная; пусть же на пользу и строеніе государстваруссійскаго пойдетъ.

Между тѣмъ курскіе посадскіе жители „сѣли въ осаду", то-есть, собрались въ „острогъ", какъ только повѣстилъ ихъ голова Самсонъ Елизаровъ о приходѣ Литвы въ уѣздъ. Впрочемъ, больше старики неимущіе перебрались въ „городъ", „ради кормовъ". Здоровое и имущее населеніе, обыкновенно, предпочитало „похоронку" въ „скрытныхъ мѣстахъ" „сидѣнію въ осадѣ"; почему и выбралось изъ своихъ тяглыхъ дворовъ въ ближайшіе лѣсные деревушки, забравъ свои семьи и животы, съ необходимымъ запасомъ продовольствія. Дворы на посадѣ бросили на милость Божію, на произволъ судьбы. Тогдашній курскій „посадъ" представлялъ жалкое зрѣлище. Онъ раздѣлилъ жребій украйныхъ посадовъ,—былъ въ конецъ раззоренъ шайками и чужихъ и своихъ „воровъ", такъ какъ очутился на пути движенія степной вольницы на Москву и въ кругѣ дѣйствій царскаго и „воровскаго" войскъ. Остовы печей съ черными трубами мрачно торчали на пожарищахъ. Дома и „тяглые дворы" безъ оконъ и дверей, брошенные жителями, наводили уныніе. Всего нѣсколько десятковъ семей насчитывалось въ курскомъ посадѣ. Посадскіе люди того времени и вообще-то тяготились своимъ положеніемъ. Они „государевы служилые тяглые люди", какъ жившіе на „черной", т. е. податной „государевой искони-вѣчной земли", „не смѣли сходить съ города", подобно крестьянамъ, закрѣпощеннымъ къ помѣщичьимъ землямъ. Въ городахъ все было „государево". Тяглымъ горожаниномъ назывался и тотъ, кто хотя не занималъ тяглаго двора, но „торговалъ большими промыслами и въ лавкѣ сидѣлъ", за что платилъ государю подать. Несмотря на свое закрѣпощеніе городу, „посадскіе", т. е. тяглые, „черные" горожане большею частью не сносили своихъ тяглъ, сбѣгали и запись на себя давали помѣщикамъ. Казенные поборы, лихоимство волостей, воеводъ, старостъ, цѣловальниковъ, сотскихъ,—своихъ же „излюбленныхъ выборныхъ"—увеличивали число сбѣгавшихъ „съ города" тяглыхъ горожанъ. Въ то же время увеличивались: и число пустыхъ тяглыхъ дворовъ, и тягость остальныхъ горожанъ, обязанныхъ платить тягло не по числу наличныхъ плательщиковъ, а по числу тяглыхъдворовъ. „Бѣлую", свободную отъ податей государеву землю, занимали „лучшіе и середніе, и молодшіе люди", то-есть: духовные, дворянство, стрѣльцы, пушкари, пищальники, казенные кузнецы, плотники и такъ далѣе. Эти жили не на посадѣ, а „въ городѣ", то-есть, „Острогѣ". И духовные, если „промышляли", были браты въ „посадъ" и въ тягло окладывались. Такимъ образомъ, потускарская вотчина боярина Ферапонтова, съ каждымъ годомъ, населялась „сбѣжавшими съ посадовъ" тяглыми горожанами, дававшими на себя могущественному помѣщику крѣпостную запись.

Закопошился курской городъ чуть-свѣтъ. Только развѣло, сторожевой стрѣлецъ, съ высокой каменной башни, что выдавалась надъ мѣловымъ обрывомъ, надъ рѣчкою Курою, при ея впаденіи въ Тускарь, а потому называлась „мѣловой башней", закричалъ: „Литва

идетъ!“ Голова Елизаровъ съ казачьимъ эсауломъ полѣзъ на „каланчу“, деревянную башню, надстроенную надъ „проѣзжими воротами“ въ каменной стѣнѣ, съ Ливенской дороги.

— Невѣдомо какіе конные ратные люди подходятъ во многолюдствѣ, замѣтилъ невесело голова.

— Идутъ боевымъ строемъ, на трубахъ играютъ.

— Польскія хоругви: малиновый значокъ на переди! увѣренно пояснилъ зоркій эсаулъ.—Копья не казацкіе... казацкая пика длинная, а это коротія копья, польскіе... и порядокъ польскій, играютъ трубы.

— Откуда же? недоумѣвалъ и соображалъ голова Елизаровъ. — стало отъ Десны? изъ Комарницкой волости идутъ?

— Не изъ Путивля же! согласился съ головой эсаулъ Бошнякъ.— Шли бы отъ Путивля, не миновать имъ никакъ сторожевой линіи... на Трилушной сторожѣ ужъ ихъ замѣтили бъ, знать бы намъ дали съ Трилушной.

— Прибѣгала ночью хуторянка, сказывала: полковники де польскіе намѣреніе имѣютъ Курской городъ взять, замѣтилъ, вздохнувъ голова:—Ну, какъ еще Господь попуститъ, по нашимъ грѣхамъ; а стоять намъ за Москву.

Голова, а за нимъ есаулъ, сняли шапки и перекрестились набожно, глядя на тусклое, печальное зимнее небо.

Польскій регименть, то-есть, полкъ, подошелъ къ курскому „острогу“ на выстрѣлъ пищали и остановился, развернувшись длиннымъ, ротнымъ строеніемъ. Впереди развѣвался малиновый значекъ, и трубачи играли на блестѣвшихъ мѣдныхъ трубахъ, веселый маршъ. Тѣсные ряды „панцырныхъ гусаръ“, шпора къ шпорѣ, съ выровненными не длинными копьями, на одномастныхъ, красиво подобранныхъ лошадяхъ, какъ бы оживлялись въ ту минуту, когда слабый лучъ зимняго солнца, сквозя въ снѣговыхъ тучахъ и пробивая ихъ, скользилъ и перебѣгалъ по мѣднымъ нагрудникамъ и гусарскимъ мѣднымъ шапкамъ, съ крылатыми орлами на верху. Вдоль строя медленно проѣзжалъ ротмистръ въ свѣтлыхъ доспѣхахъ. За густою колонною выстроившихся гусарскихъ ротъ темнѣлись, блестя остріями пикъ, сотни лисовчиковъ; правѣе гусаръ подходилъ и выравнивался съ ними въ боевую линію пятигорскій регименть „тлустаго“ пана Неборскаго, гарцовавшаго на своемъ лихомъ скакунѣ и бросавшагося въ глаза своимъ алымъ бархатнымъ кунтушемъ на лисьемъ мѣху и собольей магеркой съ алой выпушкой. Хриплый басъ стараго, хмѣльнаго довуцы покрывалъ громкую команду ротмистровъ. За кавалеріей виднѣлись пушки и жолнерная пѣхота, съ мушкетами у ноги.

— Ишь, вѣдь, сколько ихъ! раздумчиво замѣтилъ голова Елизаровъ.—Сила!

— Гляди, голова, никакъ переговорщикъ ѣдетъ, самъ никакъ, полковникъ.

И точно: музыка на трубахъ смолкла. Отъ кавалеріи отдѣлился тотъ самый начальникъ, котораго ясный стальной панцырь блестѣлъ издали словно серебрянный. Его сопровождалъ конный трубачъ, который рѣзкими, отрывочными сигналами своей трубы, согласно военному польскому обычаю, извѣщалъ курскихъ защитниковъ о приближеніи къ нимъ „переговорщика“.

Съ воинскимъ достоинствомъ, которое такъ умѣли проявлять гордые польскіе паны, шагомъ подъѣхалъ панцырный полковникъ къ глубокому „острожному рву“, противъ деревянной каланчи и только что „убраннаго живого“, то-есть, разводнаго моста, ведшаго въ крѣпко затворенныя ворота. Курскій голова съ эсауломъ и стрѣльцами дивились невиданному вооруженію полковника и его вороного коня. Крутые частые ребра стального испанскаго панцыря какъ разъ приходились по широкореберному стану мощнаго воина. Остроносые стальные башмаки съ огромными острыми шпорами, мѣдные наколѣнники, наручни и лошадиный намордникъ изъ мѣдныхъ бляхъ, насаженныхъ на сѣтку изъ толстой проволоки, — все это вмѣстѣ съ проволочными сѣтками, закрывавшими крутую шею и крестецъ тяжелаго коня, свидѣтельствовало, что храбрый панъ снарядился къ бою, не забывъ ничего, что тогдашнее европейское вооруженіе придумало какъ для защиты отъ удара, такъ и для сокрушенія враговъ. Это дорогое испанское вооруженіе изъ мягкой стали, не блистая затѣйливостью девизовъ, роскошью украшеній, могло быть страшно для плохо вооруженной русской рати, внушало курскимъ защитникамъ безотчетное безпокойство. Изъ подъ открытаго забрала мѣднаго шлема съ крылатымъ грифомъ на гребнѣ, глядѣло молодое красивое лицо съ свѣтлымъ, вьющимся усомъ и смѣлыми синими глазами. При малѣйшемъ движеніи этой закованной воинственной фигуры, величаво покачивались, за широкими плечами, большія, позлащенныя крылья, висѣвшія на петляхъ, прикрѣпленныхъ къ спинкѣ панцыря. Глядя на него сбоку, особенно когда онъ ѣхалъ, эти сверкающія подъ зимнимъ солнцемъ крылья, этотъ блестящій панцырь и блестящія конскія сѣтки сообщали всаднику и коню, въ глазахъ суевѣрныхъ курянъ, видъ сказочнаго дракона, поѣдающаго людей.

— Вотъ такъ птица-Юстрица! смѣясь и внимательно разглядывая закованнаго пана, замѣтилъ эсаулъ Бошнякъ.

— Этакой, братцы, босую ногу отдавить! острили стрѣльцы.

— Пожалуй, и въ лаптяхъ ему не подвертывайся! добавляли другіе.

— Тебѣ кого здѣсь надо, панъ? крикнулъ „переговорщику“ со стѣны голова Елизаровъ, нетерпѣливо махнувъ своимъ, чтобы замолчали, не орали.

— Мнѣ надо говорить съ курскимъ головой! громко отвѣчалъ молодой панъ; въ русской его рѣчи слышался польскій выговоръ.

— Я самый и есть курскій стрѣлецкій голова, Самсонъ мнѣ имя,

Елизаровъ прозвище! я вѣрный слуга московскаго государя Василія Ивановича, здраву бы ему быть! закричалъ съ каланчи голова, нарочно ударяя на послѣднія слова.—Ты же, панъ, кто будешь?

— Я вольный польскій панъ Пржемиславъ Дворжицкій, законный сынъ пана Яна Дворжицкаго, каштеляна Подлясскаго! громко провозгласилъ прибывшій.—Я региментарь панцырныхъ гусаръ, ми— передовой отрядъ великаго войска вельможнаго гетмана, старосты Усвятскаго, пана Яна, князя Сапѣги. Велемочный гетманъ службы русскаго царя Дмитрія Ивановича приказалъ мнѣ, регментарю, потребовать у тебя, голова, сдачи города Курска на имя твоего законнаго государя, Дмитрія. Отворяй же намъ, царскому войску, городскія ворота и встрѣчай насъ съ честью, какъ подобаетъ встрѣчать царское войско царскимъ подданнымъ и слугамъ!

— У насъ русскій царь Василій Ивановичъ, иного русскаго царя не вѣдаемъ! твердо отвѣтилъ Дворжицкому голова Елизаровъ.—Воровскому царьку, самозванцу, не служимъ! Отойди, панъ, отъ Курскаго города: стрѣлять велю въ гостей непрошеныхъ!... слышь, убирайся себѣ по-добру-по-здорову, панъ!..

— Слушайте, стрѣльцы! вскричалъ Дворжицкій нетерпѣливо, — къ вамъ мое слово, не къ начальникамъ вашимъ! Отворите городъ и сдайте его намъ, слугамъ вашего законнаго государя, Ивана царя сына Дмитрія! Онъ насъ послалъ къ вамъ. Самъ идетъ съ войскомъ отобрать свою дѣдину и отчину, московское государство, и наказать своихъ измѣнниковъ бояръ. Иначе градъ вашъ приступомъ возьмемъ и съ вами поступимъ, какъ съ ослушниками царской воли! Слышали?

— Слышали! раздались несмѣлые голоса со стѣны въ разныхъ мѣстахъ.—Слышали!..

— Отойди отъ острога, кичливый панъ! Велю стрѣлять по тебѣ и по твоимъ! закричалъ голова Елизаровъ, замѣтивъ, какое сильное впечатлѣніе на стрѣльцовъ произвела рѣчь пана, и зная общее колебаніе умовъ по курской сторонѣ, вслѣдствіе сочувствія дѣлу того, кто выдавалъ себя законнымъ русскимъ государемъ Дмитріемъ.— Служимъ царю своему Василію Ивановичу! А вашему самозванному вору, и вамъ, его пособникамъ, польскимъ панамъ, не служимъ и вашего темнаго державства не хотимъ!.. Ей, пушкари! къ пушкамъ становись! по мѣстамъ! что уши-то развѣсили? Нѣшто не видите, что пришли супостаты православной русской вѣры, родительской? польскаго круля, латинскаго, войско—да русскимъ бѣлымъ царемъ прислано? статочное ли то дѣло? Кто на Москвѣ царь—тотъ нашъ царь, братцы! по мѣстамъ! наводчики, цѣлься въ конницу! запальщики, зажигай фитили!.. проваливай себѣ, панъ! не то влѣплю тебѣ ядрышко; должно, не усидишь на конѣ, даромъ что ты въ нѣмецкій доспѣхъ обрядился!

— Проваливай, не солоно хлебавши, панъ! дружно подхватили на стѣнахъ стрѣльцы въ то время, какъ пушкари съ горѣвшими фи-

тилями ждали только команды, чтобы послать въ конницу чугунныя ядра.—Стоять намъ, братцы, за русское дѣло, за московское! слушать намъ своего царскаго голову!.. Литва намъ не сестра!..

Панъ Дворжицкій, осыпаемый насмѣшками городскихъ защитниковъ, молча повернулъ своего тяжелаго коня и, сопровождаемый трубачомъ, поскакалъ къ конному строю.

Едва онъ сообщилъ ожидавшимъ его панамъ о дерзкомъ отказѣ защитниковъ сдать польскому отряду городъ, по гусарскимъ ротамъ поднялся громкій крикъ негодованія и угрозъ; послышалась команда ротмистровъ, трубные рѣзкіе сигналы. Гусарскія роты быстро перестроились и на рысяхъ приняли влѣво, также, какъ Пятигорцы Неборскаго — приняли вправо. Межъ нихъ, съ барабаннымъ боемъ, задвигалась къ городу жолнерная пѣхота, неся готовыя лѣстницы, вязанныя туры и огромные щиты: деревянныя рамы, обшитыя толстыми кожами. Съ громкимъ крикомъ: „старая Литва!" пѣхота бросилась на приступъ.

— Знаменіе пресвятой Богородицы! за Москву! раздавалось съ городскихъ стѣнъ, усыпанныхъ защитниками, приложившимися, т. е. готовыми къ стрѣльбѣ изъ тяжелыхъ мушкетовъ, и ждавшими „навальнаго приступа" и приказа хладнокровно распоряжавшагося головы. Ждали непріятеля и кади съ кипящей смолой.

— Пли! крикнулъ, наконецъ, голова, когда приступавшіе, подбѣжавъ къ острожному рву, стали забрасывать его большими связками хвороста, а задніе ряды застрочили въ защитниковъ изъ ружей. Со стѣнъ грянулъ залпъ пушечный и мушкетный. Защитники и приступавшіе скрылись въ облакахъ пороховаго дыма. Крики и стоны мѣшались съ залпами.

А въ то же время отважный ротмистръ Лисовскій приберегая свои конныя сотни, отвелъ ихъ къ женскому монастырю. Его бѣлыя каменныя стѣны съ наугольными башнями, надъ крутымъ обрывомъ въ садахъ, и высокія тесовыя крыши келій за стѣнами, соблазняли хищническій глазъ ротмистра и его грабительскіе инстинкты. „Поживиться бы чѣмъ, пошарить въ монастырѣ?" задумалъ онъ. Человѣку съ характеромъ Лисовскаго задумать—значило почти то же, что сдѣлать.

Утопая въ сугробахъ, наметенныхъ вьюгой кругомъ монастырскихъ стѣнъ, Лисовскій не безъ усилій добрался до калитки монастырскихъ воротъ. Она оказалась запертой. Подымать тревогу въ тихой обители, ломиться силой, не было въ разсчетѣ предусмотрительнаго воина. Чтобъ „поживиться"—вѣрнѣе, лучше всего, накрыть въ расплохъ; это онъ зналъ по опыту. Услужливый пахолъ принялся было могучимъ плечомъ выламывать дверцу, — но она не поддавалась. На дворѣ залилась собака, гремя цѣпью, захлебываясь своимъ злобнымъ лаемъ. Пользуясь высокимъ сугробомъ, Лисовскій велѣлъ широкоплечему пахолу стать на него, упершись руками въ стѣну, самъ же ловко вскочилъ ему на плечи и, взявшись руками за верхніе кирпичи стѣны, влѣзъ

на нее. За нимъ такимъ же способомъ взлѣзли еще два человѣка. Соскочить со стѣны на дворъ такимъ молодцамъ—было дѣло плевое. Огромная „овчарка“ съ красными глазами, свѣтившимися въ лохматой шерсти, со сбившимся какъ войлокъ хвостомъ, натянувъ, какъ только могла, цѣпь свою, порывалась хватить Лисовскаго зубами за ногу. Онъ хладнокровно отогналъ ее плетью и направился въ низенькую дверку привратницы, помѣщавшейся въ наугольной башнѣ. Одурѣвъ со страха при видѣ усатаго казака съ саблей и плетью, привратница, старица Капитолина, не возражая, сунула ему большой ключъ висѣвшій у нея на поясѣ. Лисовскій проворно отперъ калитку въ воротахъ и впустилъ еще съ десятокъ своихъ, приказавъ остальнымъ никого не впускать и не выпускать. Затѣмъ, онъ направился прямо къ игуменовой кельѣ, то есть къ кельѣ сестры Нимфодоры, бросавшейся въ глаза своею обширностью и нарядностью.

Въ моленной, передъ образницей, по праздничному освѣщенной тремя лампадками и множествомъ зажженыхъ свѣчъ, у аналоя, сестра Нимфодора громко, съ чувствомъ читала акафистъ пресвятой Богородицѣ: „О всепѣтая мати, рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее слово, нынѣшнее пріемши приношеніе, отъ всякія избави напасти всѣхъ, и будущія изми муки, тебѣ вопіющихъ. Аллилуія“.

Чтица, видимо растроганная высокою душевною поэзіею, вложенною глубокимъ религіознымъ чувствомъ въ молитвенныя хвалы Богородицѣ, опустилась на колѣни и положила земной поклонъ. За нею слышались всхипыванья колѣнопреклоненныхъ сестеръ Илларіи и Улиты. Изъ своей горницы, сидя на горячей лежанкѣ, скорбная ногами игуменья „Сандулея“, охая „отъ поясницы“, благоговѣйно слушала акафистъ и часто крестилась. Для нея собственно и читала акафистъ сестра Нимфодора, только что вернувшаяся съ сестрами изъ церви, отъ продолжительной службы и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ объ избавленіи града и обители отъ обдержанія иноплеменнаго, о спасеніи Руси православной. Чтица продолжала:

„Воспѣваемъ тя, вопіюще: радуйся, колеснице солнца умнаго...“

Вдругъ звякъ сабли и звонъ шпоръ, раздавшіеся въ игуменьиной горницѣ, заставили сестру Нимфодору умолкнуть и боязливо оглянуться. На старицахъ Илларіи и Улитѣ лица не было. Какъ стояли онѣ на колѣняхъ, такъ и замерли, прислушиваясь къ голосамъ и къ отчаянному крику матери игуменьи.

— Поляки! прошептала, сама себя не помня, Нимфодора, задрожавъ вся при видѣ Лисовскаго, развязно заглянувшаго въ моленную, и припала лицомъ на развернутый акафистъ, на недочитанную страницу.

— Не бойся, бабушка, мы тебя не тронемъ, на кой ты намъ чортъ! посмѣиваясь, замѣтилъ Лисовскій игуменьѣ, выразившей отчаяннымъ вскрикомъ свой ужасъ, что видитъ у себя въ кельѣ вооруженныхъ поляковъ, и затѣмъ словно впавшей въ оцѣпенѣніе.

— Ты, должно, игуменья, деньжонокъ, небойсь, припасла. На кой тебѣ чортъ деньги? Не сегодня-завтра помрешь. Давай-ка ихъ, старуха! мы тебя помянемъ. Слышишь? Оглохла, чтоли?

Мать игуменья раскрыла было ротъ, но сказать ничего не могла: такъ съ открытымъ ртомъ и осталась. Всѣ способности ее оставили.

Лисовскій грубо расхохотался и, обязательно обшаривъ постель игуменьи, вытащилъ изъ подъ подушки ключъ, навязанный на платокъ.

— Ключъ отъ замкà, а замокъ на сундукѣ, кажется, на этомъ вотъ самомъ? замѣтилъ онъ, отмыкая большую „укладку" игуменьи и принимаясь усердно рыться въ ея добрѣ.

— Тряпокъ намъ не надо; но полотенца, бѣлье—отчего же? можно! говорилъ Лисовскій, проворно выкидывая изъ сундука все то, чтò признавалъ для себя годнымъ, и чтò такъ же проворно подбирали его казаки въ запасный мѣшокъ.

— Вотъ и казна старушечья! съ удовольствіемъ сказалъ Лисовскій, доставъ съ самаго испода тяжелый ситцевый кисетъ съ серебромъ и запрятавъ его въ свой глубокій карманъ.—Ну, съ старухой покончили; за молодыхъ теперь можно браться.

Онъ поднялся съ пола и пошелъ въ моленную, гдѣ бѣдныя сестры оставались въ томъ же самомъ положеніи: Нимфодора, склонившись головой на акафистъ, Улита и Илларія на колѣняхъ.

— Благочестивое препровожденіе времени! весело замѣтилъ Лисовскій.—Мнѣ жаль прервать его... Но вы, почтенныя монахини, на одну только минуту оторвитесь отъ Бога, которому посвятили всю жизнь; одну только минуту прошу у васъ для себя: право, скромное требованіе со стороны человѣка, могущаго потребовать гораздо бòльшаго.

Сестра Нимфодора медленно подняла голову и молча взглянула на дерзкаго ротмистра. Она ослѣпила его глубокимъ, чистымъ взглядомъ своихъ синихъ, грустныхъ глазъ. Блѣдность, вызванная сильнымъ испугомъ, еще болѣе выдавала замѣчательную красоту молодой черницы. Строгое выраженіе этого прекраснаго молодаго женскаго лица произвело впечатлѣніе даже на Лисовскаго. Циническое замѣчаніе, которымъ онъ хотѣлъ выразить свое удивленіе при видѣ такой красавицы, обрекшей себя на погребеніе заживо въ этой душной кельѣ съ дряхлыми старухами,—замерло противъ его воли на его дерзкихъ устахъ.

Онъ слегка поклонился ей и, какъ могъ мягче, сказалъ:

— Всякому свое, прекрасная монахиня. Вамъ—Богъ, мнѣ—деньги. Оставляя васъ при вашемъ Богѣ, попрошу отдать мнѣ деньги. По истинѣ, Богъ и деньги понятія не совмѣстимыя. Изъ монашескихъ орденовъ лишь нищенствующіе достойны, по-моему, уваженія. От-

давая мнѣ свои деньги, монахини, конечно, только возвышаютъ свой подвигъ, избавляясь отъ злата, источника человѣческаго горя и грѣха.

Сестра Нимфодора не дослушала краснорѣчиваго разбойника и, вся вспыхнувъ отъ негодованія, поднялась и тихо пошла къ себѣ въ горницу. Лисовскій, при всемъ своемъ безстыдствѣ, почувствовалъ себя несовсѣмъ ловко подъ ея строгимъ взглядомъ, въ которомъ прочелъ молчаливый, горькій, но упрекъ себѣ.

— Тутъ все, что имѣю! сказала прекрасная черница, возвратясь и подавая Лисовскому кису серебра и золота.—Что-жъ до моихъ бѣдныхъ сестеръ, продолжала она, видя, что разбойникъ пытливо посматриваетъ на застывшихъ на колѣняхъ монахинь, — то вѣрь мнѣ, незнакомецъ, онѣ вполнѣ удовлетворяютъ твоему строгому взгляду на обязанности монашествующихъ. Кромѣ Бога, у нихъ ничего нѣтъ.

— Недурно сказано, замѣтилъ Лисовскій. — Въ такомъ случаѣ эти почтенныя сестры,—столь живо напоминающія мнѣ сонъ Фараона, объясненный Іосифомъ: о тощихъ коровахъ, пожравшихъ тучныхъ,— могутъ себѣ спокойно оставаться на колѣняхъ, въ этой самой позѣ, до самаго страшнаго суда...

Лисовскій съ удовольствіемъ спряталъ кису Нимфодоры въ свой глубокій карманъ и взглянулъ на нее подъ вліяніемъ новой, блеснувшей вдругъ ему мысли.

— Такой красоткѣ неприлично оставаться въ этомъ склепѣ, заживо погребенной съ старыми муміями, сказалъ онъ ей рѣшительнымъ тономъ, не допускавшимъ возраженій. — Я возьму тебя съ собой, прекрасная монахиня и, повѣрь, ты не раскаешься, промѣняя свой затворъ на вольную жизнь...

— Ты меня возьмешь отсюда только мертвую, злой человѣкъ! внѣ себя отъ ужаса и негодованія воскликнула сестра Нимфодора, отступивъ къ образницѣ, какъ бы подъ покровительство святыхъ угодниковъ, которыхъ строгіе лики безучастно, съ спокойствіемъ небожителей, давно отрѣшившихся отъ всего земного, взирали на возмутильную сцену насилія, внесеннаго порочнымъ и жестокосерднымъ человѣкомъ въ стѣны мирной Божьей обители. — Матерь Божія, спаси меня! укрой отъ злодѣя!

Она трепетала, какъ подстрѣленная голубка, упавъ на колѣни, сжавъ крѣпко руки, и въ нѣмомъ отчаяніи ея широко раскрытые синіе глаза не отрывались отъ отцовскаго благословенія, отъ иконы Коренской Божіей матери. Но напрасно было расчитывать на великодушіе злодѣевъ. По знаку Лисовскаго, казаки бросились къ несчастной черницѣ и уже безчувственную понесли ее изъ кельи.

Сестра Илларія, старая мама боярышни, могла только упасть ницъ и заголосить. Но сухопарая сестра Улита выказала вдругъ неожиданно горячее и смѣлое участіе къ судьбѣ своей „благодѣтельницы“. Какъ только ее, безчувственную, понесли изъ моленной, она съ крикомъ: „сестричка милая! Нимфушка!“ вскочила на ноги

и бросилась на нее, схватила ея ноги и повисла на нихъ, обливая ихъ горючими слезами, жалобно причитая: „сердешная! не дамъ тебя! съ тобой пропаду! не жилица я безъ тебя, сестричка моя милая! Не дамъ своего ангела!"

Ударъ рукояткой сабли въ голову положилъ сестру Улиту замертво.

Когда сестра Илларія убѣдилась, что страшные разбойники ушли, и опамятовалась, первымъ ея дѣломъ было взбрызнуть Улиту, распростертую на полу, у лежанки матери игуменьи. Улита очнулась, раскрыла глаза, зачмокала высохшими губами, но лежала пластомъ, безъ движенья. Мать Сандулея, все еще съ разинутымъ ртомъ, выпученными глазами и страшно трясшеюся сѣдою головою безъ платка безсмысленно глядѣла на Улиту. Когда Илларія потащила, кряхтя, Улиту на постель, мать Сандулея вздохнула, губы ея снова сдвинулись, простоволосая голова безсильно упала на подушки...

VIII.

„Не плачь, моя меньшая братія,
Дамъ я вамъ гору золотую,
Дамъ я вамъ рѣку медияную,
Оставлю вамъ сады-винограды,
Оставлю вамъ яблони кудрявы,
Дамъ я вамъ манну небесну;
Умѣйте горою владѣти,
Промежду собой раздѣляти:
Будете вы сыты да пьяны,
Будете обуты и одѣты,
Будете тепломъ вы обогрѣты
И отъ темной ночи пріукрыты".
(„Стихъ о вознесеніи Христовомъ").

Едва занялась заря, нехотя и словно насильственно мерцая на тускломъ зимнемъ небѣ, боярскій стремянной Ивашка Ера, верхомъ на своемъ неуклюжемъ, но добромъ конѣ, рысью подвигался къ темной полосѣ лѣсовъ, синѣвшихъ на горизонтѣ. „Темный" лѣсъ въ то время начинался съ рѣчки Моркасти и, расходясь по рѣкамъ Сновѣ и Туеvари, подходилъ къ самой Коренской пустыни. Только рысій глазъ такого опытнаго вожака, какъ Ера, способенъ былъ распознавать чуть примѣтные признаки саннаго слѣда, за ночь заметеннаго снѣжною вьюгой. Не даромъ Ера былъ курянинъ, да еще вожакъ, природой и обстоятельствами поставленный въ необходимость враждовать съ человѣкомъ и звѣремъ; курянинъ воспитывался какъ „ловецъ" и какъ „казакъ". Неустанно на зоркой стражѣ, среди опасностей засадной и часто какъ бы „невидимой" войны со всѣми ея

случайностями, курянинъ учился воинской „хитрости“ у бритоголоваго степняка, прокрадывавшагося къ его хутору въ лѣсномъ оврагѣ протоpенными имъ „сакмами“ и „космами“. Печаленъ и тяжелъ кровавый путь исторіи, по которому шелъ и крѣпъ курянинъ. Набѣги хищныхъ степняковъ азіатскаго происхожденія, кочевавшихъ межъ степныхъ рѣкъ, сначала половцевъ, потомъ крымцевъ, распря Іоанна III-го съ Литвою, располагали населеніе къ „станичничеству“. Ивашка Ера былъ сыномъ своихъ дикихъ мѣстъ и своего времени.

Съ беззаботностью, отличавшею веселаго гуляку даже въ трудныя минуты жизни, Ера свернулъ съ чуть примѣтной дорожки и въѣхалъ цѣликомъ въ обширное замерзшее болото. Его со всѣхъ сторонъ охватили желтѣвшіеся тростники, густые, высокіе, перепутанные краснѣвшеюся лозою. Тростники желтѣлись и краснѣлись, а лозовые кусты, казалось, тянулись безъ конца; ихъ пустынный, дикій характеръ могъ устрашить всякаго, только не Еру. Путкіе заячьи слѣды на бѣломъ снѣгу часто перекрещивались и перебивались широкими, глубокими слѣдами тяжелаго, матераго волка. Старая, сѣдая, ушастая сова съ огромною круглою головою, съ глупо вытаращенными зелеными глазами, испуганная въ своей глухой чащѣ наѣхавшимъ непрошеннымъ и не жданнымъ конникомъ, отчаянно металась, шумя тростникомъ и обмерзлыми вѣтвями, невольно пугая суевѣрнаго севрюка. Онъ долго „продирался“ сквозь болотную гущу и глушь, держась напрямикъ къ темнѣвшемуся лѣсу. Когда его измученный и изцарапанный сучьями конь сталъ подыматься въ гору, обросшую старми дубами, выбѣленными ночною вьюгой, Ера вздохнулъ и пробормоталъ:

— Ну, благодарить Бога! выдрался!

Еще съ уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ и неосыпавшимся бурымъ листомъ, облѣпленные снѣгомъ, угрюмо провожали Еру силачи дубы, эти Ильи-Муромцы тогдашнихъ „темныхъ“ курскихъ лѣсовъ. Лѣниво, тяжело, какъ и Илья-Муромецъ, подымались курскіе лѣса. Сотни лѣтъ своего рода „сиднемъ-сидѣнья“ въ сильной черноземной почвѣ давали старымъ дубовымъ лѣсамъ силу и крѣпость великую, не подъстать прочимъ лѣснымъ богатырямъ. „Дремучій“ лѣсъ смѣнился, наконецъ, лѣснымъ оврагомъ, темнѣвшимся во всѣ стороны. Бѣлыми привидѣніями обступали Еру орѣховые кусты, обдавая его снѣгомъ. Зимній вѣтеръ глухо шумѣлъ и гудѣлъ, и слышалась какая-то тоскливая печаль въ его живомъ ропотѣ.

Долго-ли, коротко-ли ѣхалъ путемъ-дорогою Ера, но только, наконецъ, наѣхалъ онъ на караульщика съ дубиной.

— Попъ вашъ, Винохватъ, въ стану-ли? — спросилъ онъ бородатаго караульнаго мужика въ треухѣ, пожимавшагося въ старенькомъ полушубкѣ съ видомъ озябшаго человѣка и покалачивавшаго лапоть о лапоть въ теплыхъ онучахъ.

— Въ стану,—отвѣчалъ мужикъ, недружелюбно косясь на Еру, и правая его рукавица передала дубину лѣвой рукавицѣ.

— Ты караульный, што-ль?

— На каравулѣ-жъ.

— Веди меня въ теплый станъ, борода.

— Отъ боярина, штоль-ль?

— Стало што отъ боярина,—отвѣчалъ Ера и продолжалъ путь съ спокойствіемъ и разсудительностью человѣка, дорожащаго временемъ. Мужикъ нехотя шелъ сзади.

— Нѣшто съ дѣломъ какимъ къ попу?—спросилъ онъ.

— Стало, съ дѣломъ. Безъ дѣла по вашимъ проклятымъ вертепамъ кто ѣздитъ? Ободрался самъ и коня ободралъ, вишь, будь они неладны, ваши трущобы лѣсныя... Одно слово—вертены! только лѣшему разгуливать!.. и сами вы тѣ же самые лѣшіи.

— А то какъ-же? замѣтилъ караульный мужикъ и съ явнымъ удовольствіемъ оглянулся на хмурившіеся кругомъ лѣсные овраги.—По нашему по безвременью намъ, сиротамъ, крестьянской голытьбѣ, только въ сырыхъ лѣсахъ да вертепахъ и хорониться страха ради властительска. А станъ нашъ теплый, слышь, въ скрытномъ мѣстушкѣ, и татаръ не нанюхаетъ; на что воровать, собака! хвалился самоувѣренно караульный.—Лѣтомъ это какъ набѣжали, рыскаютъ кругомъ да около; съ тѣмъ и ушли.

— Чужую похоронку, вѣстимо, не скоро найдешь, другъ, разсудительно замѣтилъ Ера.

— Одно, какъ за пазушкой у своего Бога живемъ! хвалился мужикъ.—Хлѣбушка сѣемъ міромъ, черную работку міромъ же работаемъ—и кормимся, одѣты, обуты живемъ...

— Темной ночкой да дугой! яко волкъ сѣрый, лѣсовой звѣрь...

— Что-жъ теперь? не отъ насъ это, вѣдаешь: изъ слободы выбили изъ насиженной, съ поля прогнали; значитъ, бросай соху, берись за дубину! словно бы оправдываясь, замѣтилъ караульный мужикъ.—Дѣло вѣдомое... не мы одни... довольно такихъ-то... раззоренныхъ... Попъ у насъ орудуетъ...

— А сѣнца коню разживусь у попа вашего? спросилъ Ера.—Уморилъ коня вотъ какъ!

— Вота!—мужикъ хвастливо усмѣхнулся.—У насъ, по лѣсу, ометы накошены; хозяевами себѣ живемъ... попъ нашъ—угостительный старикъ: гостя гостить любитъ, не то што... не пустымъ мѣстомъ... на это хорошъ. Сыты съ конемъ будете.

— Попъ мнѣ пріятель, въ свою очередь похвалился Ера.—Старикъ простецкій... Чтó это тамъ?..

Голубые столбы дыма, подымавшіеся въ разныхъ мѣстахъ надъ орѣховыми кустами, по скату оврага, совсѣмъ успокоили проголодавшагося Еру, основательно сообразившаго, что онъ къ попову обѣду поспѣетъ.

Скатъ оврага сталъ такъ крутъ, что лихой Ера принужденъ былъ спѣшиться и вести коня въ-поводу.

— Вотъ и попова землянка, замѣтилъ Ерѣ мужикъ, указывая рукою на высокій снѣжный сугробъ, изъ котораго вырывался дымъ, застилая собою ближніе кусты.

Передъ входомъ въ землянку стояли рóзвальни, обложенныя снѣгомъ сверхъ сѣна. Мужичья лошадь въ хомутѣ, раскопавъ мордой снѣгъ, жевала, зажмуря глаза, сѣно.

Скользя по крутизнѣ, утопая въ снѣгахъ, набитыхъ въ оврагъ мятелью, Ера очутился, наконецъ, въ лощинѣ, въ „тепломъ стану“, т.-е. среди множества землянокъ, выкопанныхъ въ бокахъ крутаго, глубокаго оврага. Дремучій лѣсъ темнѣлся вверху, на противоположномъ боку оврага, надежно скрывая станъ и далеко во всѣ стороны расползаясь по скатамъ.

Передъ Ерой въ снѣжномъ сугробѣ, образовавшемся надъ поповой землянкой, привѣтливо глядѣли два маленькія оконца, чернѣлась растворенная въ сѣнцы дверь. Странное, необычное зрѣлище представляла собою лѣсная зимовка. Лощина на днѣ глубокаго, извивавшагося въ крутыхъ бокахъ оврага, служила длинною улицею, куда съ обѣихъ сторонъ оврага смотрѣли маленькія оконца и двери землянокъ, въ иныхъ мѣстахъ одна надъ другой. Землянки, съ своими рубленными передними стѣнками, тянулись вправо и влѣво, и исчезали за извилинами и выступами оврага. На длинныхъ жердяхъ вымерзало развѣшанное мокрое бѣлье. Кучки мужиковъ безпечно болтали, бабы ругались между собой; все тоже, что на любой деревенской улицѣ. На опушкахъ, укутанные въ снѣгу ометы сѣна, одонки ржи и овса, гладко подрѣзанные до половины, снизу, косой, чтобъ мышь не внѣдрялась въ хлѣбъ. На только-что расчищенномъ большомъ току звонко, въ ладъ, словно играя цѣпами, молотило полсотни молодыхъ ребятъ, „на двѣ веревки“. Подъ ободряющій покрикъ „заправилы“, ребята „проходили веревки“, то-есть, рядомъ уложенные ржаные снопы, по двѣ копны „на веревкѣ“.—„Ну! робятки! подговаривай! ну! налягъ, робятки! Еще разокъ—ну!“ весело покрикивалъ передній молодецъ, подаваясь впередъ бочкомъ по веревкѣ. И дружно, чотко, въ ладъ звенѣли цѣпа. Коровы лѣниво и неуклюже возвращались, одна за другой, снизу, съ водопоя, сопровождаемыя собачьимъ лаемъ,—всѣ эти признаки большого села, котораго здѣсь нѣтъ, странно дѣйствовали на Еру. Не видѣлъ онъ только здѣсь кабака, столь милаго его сердцу и всегда веселящаго его вороватые глаза.

Не успѣлъ Ера подѣлиться своими впечатлѣніями съ провожатымъ, какъ нѣсколько большихъ, одичалаго вида, собакъ съ злобнымъ брехомъ окружили его, хватая зубами за ноги и вырывая у него изъ рукъ плеть, которою онъ вынужденъ былъ отмахиваться.

— Прочь! прочь, клятыя! кричалъ провожатый съ трудомъ отгоняя собакъ дубиной.

Печальный звукъ маленькаго колокола вблизи, привелъ Еру въ окончательное недоумѣніе. Онъ оглянулся. Диво:—церкви нѣтъ, а звонятъ. Провожатый набожно снялъ треухъ и замѣтилъ:

— Часы — стало кончились. Народъ расходится... Ера увидѣлъ толпу, больше стариковъ и бабъ, темнѣвшуюся на снѣгу передъ большою холодною, т.-е. безъ печи, землянкою. На ближнемъ высокомъ дубѣ висѣлъ маленькій колоколъ.

— Какъ же, пояснилъ Ерѣ провожатый, — нашъ попъ всякія требы исполняетъ: креститъ, хоронитъ, вѣнчаетъ... На это у насъ хорошо. Только вотъ, обѣденъ не служитъ: престола освященнаго нѣтъ.

Между тѣмъ, какъ толпа богомольцевъ расходилась, изъ большой землянки, замѣнявшей часовню, вышелъ попъ Вонифатъ, котораго тучную, огромную фигуру въ нанкой крытомъ овчинномъ тулупѣ и остроконечной скуфейкѣ Ера сразу призналъ. На немъ былъ старенькій, заношенный эпитрахиль, а въ рукахъ требникъ съ деревяннымъ крестомъ. На ногахъ валенки. За попомъ, еще повыше и пошире его въ плечахъ, шелъ дюжій служка, съ виду чернецъ, въ истасканномъ балахонѣ, подпоясанномъ ремнемъ, въ колпакѣ и лаптяхъ по теплымъ онучамъ. Онъ несъ богослужебныя книги, изорванныя и закапанныя воскомъ, въ старыхъ кожанныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками, кадило и ящикъ со свѣчами и ладаномъ.

— Братъ Зосима! съ удовольствіемъ воскликнулъ Ера, увидя своего стараго пріятеля по стакану, богатыря коренскаго служку.

Боярскій стремянной, почтительно снявъ шапку, подошелъ къ благословенію тучнаго отца Вонифатія, задыхавшагося на ходу и остановившагося, чтобы духъ перевести.

— Во имя Отца, Сына и Святаго Духа! прошепталъ онъ хрипло, жирною, грязною рукою благословляя Еру, при чемъ тотъ сейчасъ же убѣдился, что „батька уже выпимши“, по сивушному душку, садившему изъ его обширнаго рта.

Попъ Вонифатъ долженъ былъ „отдышаться“, чтобы продолжать путь, т.-е. сдѣлать всего нѣсколько шаговъ къ своей землянкѣ.

— Ко мнѣ Иваша? спросилъ его тучный попъ, котораго мощная грудь и обширное чрево высоко и часто подымались и опускались, а маленькіе, заплывшіе жиромъ глазки, ушедшіе въ подушки малиновыхъ, угреватыхъ щекъ, разрумяненныхъ хмѣлемъ и морозомъ, вопросительно остановились на боярскомъ стремянномъ.

Ера отвѣсивъ поклонъ, не безъ важности сказалъ:

— Честной бояринъ Іона Агѣичъ тебѣ, отцу Винохвату, поклонъ свой боярскій шлетъ и милость свою, боярскую, сказываетъ.

— На томъ много благодарны боярину, хрипло и все еще задыхаясь, отвѣтилъ попъ. — Мы за него молитвенники, грѣшные рабы

Божіи!—и попъ набожно осѣнилъ себя крестомъ, а его хитрые глазки упорно и пытливо глядѣли на боярскаго посланца, съ основательною увѣренностью, что не затѣмъ его прислалъ бояринъ, чтобы свой боярскій поклонъ передать. Попъ ждалъ, что еще скажетъ посланецъ. Послѣдній все это смекнулъ, и стихнувъ въ голосѣ добавилъ:

— Дѣло есть къ тебѣ спѣшное, отецъ Вонифатъ.

Попъ медленно переваливаясь, направился въ свое жилье.

Разнуздавъ и привязавъ своего коня къ поповымъ розвальнямъ, съ сѣномъ, Ера поспѣшилъ за попомъ, кряхтѣвшимъ и задыхавшимся пуще при спускѣ, по крутымъ землянымъ ступенькамъ, въ глубокую землянку.

Ея стѣны изъ дубоваго, наскоро притесаннаго топоромъ пластника, поддерживались частыми толстыми дубовыми столбами, врытыми въ землю. На нихъ лежали толстые переметы, забранные накатникомъ, служившимъ потолкомъ. Въ уродливо сложенной изъ самородныхъ камней „варильной" печи, смазанной глиной, пылалъ веселый огонь. Жарко было въ землянкѣ до духоты.

— Тепло себѣ живете, батюшка, весело замѣтилъ Ера, — грѣшнымъ дѣломъ хоть бы и попариться можно...

— По недугамъ своимъ, Иваша, человѣческимъ, по недугамъ голубчикъ, натапливаемъ. Такъ-то!

Поставя крестъ и положа требникъ на широкую тесину, вдолбленную, въ углу, концами въ стѣны, тучный попъ грузно опустился на затрещавшую подъ нимъ лавку и сталъ усердно отдуваться, упершись руками въ колѣни; лавка эта, съ подставленною въ углу скамейкой, служила попу постелью: волчьи шкуры, мѣхомъ вверхъ да въ головахъ тяжинная, бабьяго издѣлія перинка. На сбитомъ изъ осиновыхъ досокъ столѣ съ ножками, врытыми въ полъ, красовался липовый жбанъ почтенной вмѣстительности, до краевъ пѣнившійся молодой брагой. Отдуваясь, попъ жадно облизывался, поглядывая на жестяную кружку. Отдохнувъ, онъ привсталъ и съ помощью брата Зосимы „разоблачился", то-есть, снялъ съ себя тяжелый тулупъ, крытый нанкой, вмѣстѣ съ старенькимъ эпитрахилемъ и бархатной, когда-то фіолетовой, скуфьей. Эпитрахиль и скуфью онъ передалъ своему огромному причетнику, осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ.

— Садись, Иваша, гость будешь, прохрипѣлъ попъ, отирая тряпкой, замѣнявшей ему платокъ, крупный потъ, пробившій его малиновое, угреватое лицо, и выразительнымъ движеніемъ заплывшихъ глазъ указалъ брату Зосимѣ на то, что и гостю нужно налить кружку.

Когда это было исполнено и Зосима удалился, попъ съ наслажденіемъ, залпомъ опорожнилъ свою кружку, крякнулъ и затѣмъ оборотясь къ Ерѣ спросилъ

— Сказывай свое дѣло, Иваша, за чѣмъ пріѣхалъ?

— Литовскіе паны съ ратной силой къ Курскому городу подсту-

пили намедни, батька. Подмоги намъ дай. За тѣмъ за самымъ прислалъ меня къ тебѣ бояринъ Іона Агѣичъ.

Малиновая рожа попа выражала вниманіе, смѣшанное съ недоумѣніемъ.

— Чудны твои дѣла Господи! прохрипѣлъ попъ, раздумчиво наполняя свою кружку брагой. Литва намъ супостатъ, потому вѣры нашей не понимаетъ; кабы вѣру нашу, грецкаго закона, езвиты папэжскіе понимали, кабы бѣлый нашъ царь на Литвѣ хозяйствовалъ— мирно-бъ жили мы съ Литвой. А то зависть все сосѣдская; искушенье; ну, Литва Литвой: помянемъ-ка царя Давида и всю кротость его! Съ этими словами, набожно перекрестясь, онъ осушилъ кружку,

Ера послѣдовалъ его примѣру и опять повторилъ свою просьбу:

— Подмоги намъ дай, батька: къ Курскому городу станишниковъ своихъ, козьмодемьяновцевъ, веди, не мѣшкотно, хоша бы всю тысячу...

— Можно, человѣче, отвѣчалъ попъ. Всю тысящу выведу къ Курскому граду. Оружно встанемъ, токмо мзда намъ за сіе какая сиротамъ будетъ?

Вмѣсто отвѣта, Ера молча досталъ изъ-за пазухи туго набитый серебряными рублями кожаный мѣшечекъ и подалъ его хмѣльному, но разсчетливому попу.

— Ничего: тяжеленекъ! одобрительно замѣтилъ попъ, взвѣшивая мѣшечекъ съ деньгами на своей широкой грязной ладони. Затѣмъ развязалъ мѣшечекъ и удостовѣрившись, что въ немъ точно серебряные рубли, опустилъ его въ карманъ нанковаго подрясника.

— Столько же дастъ тебѣ бояринъ, коли поможешь ему, попъ, Литву отъ Курска отогнать, добавилъ Ера.

— Ладно! прохрипѣлъ попъ, пріятельски ударивъ Еру по плечу, отчего тотъ невольно покачнулся.—Идти когда?

— Хоть сейчасъ! городъ опасенъ. Опять же дочь нашего боярина, черничка, въ женскомъ монастырѣ... какъ бы не обидѣли... Вѣстимо, отцово сердце... къ ночи тебѣ попъ съ тысячью безпремѣнно у Курскова быть бы, потому бояринъ конно съ утра пошелъ...

— Къ ночи, такъ къ ночи. Всю тысящу приведу, какъ сказано. А то и на другую ста три накину. Не бѣда.

— Уважь, батька! сказалъ обрадованный Ера,—выведи всю свою силу. Литвы не мало тоже.

— Выведу, Иваша, бояринъ, знаю—насъ сиротъ не обидитъ: по заслугамъ воздастъ. А мы, кузьмодемьяновцы, отъ боярина Іоны не прочь.

— За дочь черничку больше безпокоится бояринъ, замѣтилъ Ера.—Дворецкой сказывалъ, всю ночку де за столомъ просидѣлъ, не ложился...

— Отеческое сердце, дѣло вѣдомое, отвѣчалъ попъ и вдругъ

всхлипнулъ и отчаянно замоталъ большой, облѣзлой головой съ жидкой косицей на затылкѣ. На его широкоскулой, багровой, прыщеватой рожѣ, въ крупномъ поту, выразилось непритворное страданіе.

— Птенчики мои, благолѣпные! дѣтушки малые! прохрипѣлъ онъ плача и оттого уморительно гримасничая.—Страстотерпцы ангельскіе! Домостроительная и благовѣрная супружница! Лишенъ васъ! Охъ, нудно мнѣ горемышному попу! влачу жизнь безрадостну! О—охъ—охъ!...

Веселому Ерѣ и жалокъ и смѣшонъ казался тучный попъ въ своемъ отчаяньи; такъ оно къ нему не шло.

— Горе тому, у кого нѣтъ ничего въ дому, замѣтилъ въ видѣ утѣшенія Ера и вздохнулъ сочувственно, хотя самъ никакого горя не чувствовалъ и за кружкой браги не имѣлъ никогда охоты вздыхать не только по чужому горю, но и по своему.

Попъ, какъ бы устыдившись того, что высказалъ свою скорбь при постороннемъ человѣкѣ, поторопился наполнить кружку гостя и выпить свою прежде налитую. Стукнувъ пустою кружкою по столу, онъ съ усиліемъ поднялся съ лавки и отдуваясь, прохрипѣлъ, обращаясь къ гостю.

— На охоту сбираючись, собакъ кормятъ, Иваша, слыхалъ я отъ дошлыхъ, отъ умныхъ людей.

Ера понялъ намёкъ попа на то, что ему теперь надо распорядиться сборами на рать. Удостовѣрясь, что липовый жбанъ осушенъ вполнѣ добросовѣстно, онъ тоже всталъ изъ-за стола, не безъ сожалѣнія, впрочемъ, разставаясь съ милою ему и тоже, конечно, пустою кружкою.

— Зобъ полонъ, а глаза голодны, усмѣхнулся Ера, намекая полу на необходимость, отрывающую ихъ, добрыхъ питуховъ, отъ крѣпкой браги и бесѣды, ею услаждаемой; необходимость, не будь которой, они усидѣли бы не одинъ жбанъ бражки.—Дѣла испытаемъ, а отъ дѣла лытаемъ. Прощай, батька! Бѣжать надо!... такъ ты живой рукой.

— Какъ скоро, такъ сейчасъ! также шутливо отвѣчалъ попъ, натаскивая на себя тяжелый, крытый нанкою, тулупъ...

IX.

„Длъго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала:
Мгла поля покрыла; щекотъ славій успе;
Говоръ галичь убуди; русичи великая поля
Чрьвлеными щиты прегородиша, ищущи себѣ
Чти, а князю славы".
(„Слово о плъку Игоревѣ").

Теперь возвратимся въ „святое монастырище", въ келью пустынножительствовавшаго игумена Манассіи. Бесѣдуя „по душѣ", съ

раскаявшимся Косолапомъ, игуменъ высказывалъ свои предположенія и виды на его „разбойничій“ кладъ, который порѣшили вырыть въ скоромъ времени. Прежняя отвага и неукротимый духъ проснулись въ Косолапѣ. Онъ поклялся на святомъ евангеліи и на животворящемъ крестѣ положить свой животъ въ борьбѣ за православную Русь и, съ помощью Божіею, искупить свое великое беззаконіе остальными днями своей жизни. Онъ самъ потребовалъ, чтобы игуменъ привелъ его къ присягѣ, что строгій монахъ исполнилъ съ торжественностью, отличавшею его церковныя дѣйствія. Косолапа ободрили и укрѣпили назиданія игумена.

— Развѣло! безпокойно замѣтилъ обращенный грѣшникъ, глянувъ въ окно.—Мнѣ пора къ жолнерамъ...

Получивъ благословеніе игумена и на колѣняхъ помолясь передъ иконой Коренской Божіей матери, собственноручной копіи отца Манассіи, онъ вышелъ изъ его кельи на дворъ. Жолнеры съ конями стояли совсѣмъ готовые къ походу. Со всѣхъ сторонъ на нихъ изъ лѣсу надвигалась густая лава конныхъ боярскихъ севрюковъ съ пиками, остріями впередъ. Старый бояринъ только саблей взмахнулъ—жолнеры были обезоружены и очутились безъ лошадей. Никто изъ нихъ не вздумалъ защищаться, понимая, что они попались какъ звѣрь въ капканъ. Три здоровенные севрюка, проворно спѣшась, бросились на Косолапа съ саблями. Косолапъ не шевельнулся, только скрестилъ на груди руки и далъ себя обезоружить и связать волосянымъ арканомъ.—О, матка Боска! о свѣнты кржижъ! шептали недоумѣлые жолнеры крестясь.

Не безъ труда слѣзъ съ сѣдла старый бояринъ и вошелъ въ игуменову келью, куда за нимъ ввели связаннаго плѣнника.

— Во имя Отца, Сына и Святаго Духа! набожно проговорилъ бояринъ помолясь на икону.

— Аминь! добавилъ игуменъ, благословляя боярина.

— Прииди съ миромъ, благовѣрный бояринъ, въ убогую сію пустынь.

Бояринъ сѣлъ на лавку и, внимательно оглянувъ плѣннаго литовскаго начальника, спросилъ его съ тою суровостью и гордостью, которыя неизмѣнно вносилъ въ свои отношенія къ врагамъ русскаго народа.

— Кто ты и зачѣмъ воюешь нашу курскую сторону?

Плѣнникъ молчалъ и печально понурился, словно бы не слышалъ вопроса. Живое страданіе выражало его смуглое лицо.

— Съ сего часа не врагъ онъ нашъ, но нашъ вѣрный витязь! вмѣшался игуменъ.—Зришь передъ собою, бояринъ, великаго грѣшника, заблудшагося, но вновь ставшаго на путь истинный милостью Бога живаго и предстательствомъ Матери Божіей, заступницы Коренской. Предахся еси православію нашего греческаго закона.

Старый бояринъ съ изумленіемъ оглядѣлъ плѣнника.

— Косолапомъ Васькой прозывался, продолжалъ игуменъ, атаманомъ разбойничьимъ слылъ, на Москву ополчался, въ Литву сбѣжалъ, латыни прельстился; нынѣ же, сею нощью, восхотѣлъ покаяться: отвергнулъ себя, многогрѣшнаго, сопричислился церкви православной сыномъ и ратникомъ добрымъ за народъ и государство руссійское нарекся. Разрѣшилъ его душу грѣшную, азъ, недостойный іерей— властью духовною, мнѣ данною; къ святой присягѣ его привелъ. И тому Христову дѣлу, немалому, ангели небесные, херувимы и серафимы возрадуются; а тебѣ бы, честной, благовѣрный бояринъ, принять нашего брата о Христѣ Василія честно и содержать въ любви и единеніи, по славу Господню, во вѣки неоглаголанному и нерушимому!

— Васька Косолапъ! прошепталъ бояринъ, всматриваясь въ человѣка, прославившагося своею разбойничьею отвагою, отымавшаго мошны у богатыхъ для того, чтобы дать бѣднымъ, наводившаго ужасъ на царя и боярскую Москву.

Долго и пристально всматривался старый Ферапонтовъ въ молодцеватаго, видимо сокрушеннаго духомъ, плѣнника, вдумываясь въ смыслъ важной новости, высказанный игуменомъ. Бояринъ хорошо понималъ, какого полезнаго борца за себя пріобрѣтаетъ русское дѣло въ лицѣ Косолапа. Но твердо-ли его обращеніе на путь истинный? Разъ измѣнивши своему отечеству и своей родительской вѣрѣ,—не измѣнитъ ли онъ имъ и въ другой разъ? Опытенъ, стало быть недовѣрчивъ, былъ старый бояринъ и колебался: что ему тутъ дѣлать?

— Василій! обратился онъ, наконецъ, къ мрачному Косолапу,— вправду ли ты вернулся къ намъ, своимъ землякамъ и единовѣрцамъ, и совѣсти своей больше не измѣнишь? не лукавишь ли ты? не глаголятъ ли уста твои добро, когда въ сердцѣ своемъ, ожесточенномъ, зло замышляешь? не лживо отвѣтствуй.

— Совѣсть вопіющая привела меня къ вамъ, моимъ землякамъ и единовѣрцамъ, тихо сказалъ Косолапъ,—и совѣсти своей не измѣню больше. Будетъ! сбривши бороду, остригшись, да литовское платье надѣвъ, литовскимъ паномъ назвавшись—оставался я русскимъ. Не въ мочь мнѣ больше ломать себя, душу свою грѣшную неволить! къ вамъ самъ пришелъ, земляки, одновѣры! примите, Христа ради!.. окаянный я!.. Косолапъ упалъ боярину въ ноги и зарыдалъ.

Движимый христіанскимъ состраданіемъ, бояринъ поднялъ раскаявшагося разбойника и измѣнника, со словами: „Да будетъ во славу Господню, по наученію игуменову! Пришелъ ты къ намъ, Василій, будь же нашимъ братомъ о Христѣ и землякомъ.

Бояринъ обнялъ Косолапа, поцѣловалъ его трижды и собственноручно его развязалъ. Затѣмъ сказалъ:

— Радуйся, не смущайся нынѣ... Благодарю Бога моего, что нанесъ меня на такой случай. Дивны дѣла Божіи!

Косолапъ низко ему поклонился и поцѣловалъ почтительно его

руку. Строгое исхудалое лицо игумена улыбалось, а въ его большихъ, выразительныхъ черныхъ глазахъ свѣтилась радость.

— Такому бравому молодцу безъ сабли да безъ пистоля зазорно! продолжалъ бояринъ, вручая Косолапу его саблю и пистолетъ.— Вооружись симъ оружіемъ, на страхъ врагамъ русскаго государства.

— Аминь! подвердилъ игуменъ, благословляя Косолапа.—Богъ, укрѣпившій десную Давида и даровавшій ему побѣду надъ филистимлянами, да сопутствуетъ тебѣ, чадо Василіе, за Русь!

Косолапъ вооружился и положилъ передъ иконой земной поклонъ; Ферапонтовъ приказалъ восьми коннымъ севрюкамъ отвести литовскихъ плѣнныхъ, которыхъ оказалось 20 человѣкъ, въ дѣтинецъ и затѣмъ, принявъ отъ игумена благословеніе, велѣлъ подвести себѣ коня.

— А ты, Василій—вопросительно обратился онъ къ Косолапу, со мной пойдешь на рать?

— Пойду! рѣшительно сказалъ Косолапъ, подсаживая старика въ сѣдло.

„Навальный приступъ“ къ городу Курску былъ отчаянный. Литовцы лѣзли на валы и по лѣстницамъ на стѣны; пытались поджечь соломой рубленый острогъ; били тараномъ окованныя ворота; схватывались съ стрѣльцами за руки; сѣклись жестоко саблями. Тѣмъ не менѣе приступъ не удался: отбитые всюду, литовцы должны были отступить, унося съ собой множество своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Голова Елизаровъ и его стрѣльцы знали, что неудачный приступъ только раззадоритъ гордыхъ польскихъ довуцъ, но не остановитъ ихъ попытокъ взять городъ. По буйнымъ крикамъ и пьяной гульбѣ въ слободахъ за Тускарью, занятыхъ вражьею ратью, можно было понять ея настроеніе, далекое отъ унынія. Не унывали и курскіе „сидѣльцы“, нетерпѣливо поглядывавшіе съ острожныхъ стѣнъ: не подходитъ ли къ нимъ подмога отъ „Думныхъ кургановъ?“ не темнѣетъ ли вдали, по снѣжному полю, движущаяся земская сила? Смеркалось, а подмоги отъ „Думныхъ кургановъ“ не видно; по снѣжному, безконечному полю не темнѣетъ движущаяся земская сила.

Бояринъ Ферапонтовъ съ своими севрюками сталъ у Курска, когда уже стемнѣло. По совѣту Косолапа, скоро успѣвшаго понравиться боярину и заслужить его довѣріе искренностью своего расканья, Іона Агѣичъ рѣшилъ расположиться въ Ямской слободѣ, гдѣ уже нашелъ попа Вонифатія, благодушествовавшаго за кружкой браги съ ямскимъ попомъ Семеномъ. Впрочемъ, бражничанье не мѣшало воинствующему попу распорядиться, какъ требовали военныя обстоятельства. Его полуторатысячная вооруженная мужичья толпа, набившаяся въ ямскія избы, ждала только тревоги: глухихъ звуковъ самодѣльнаго барабана—телячей кожи, натянутой съ обоихъ концовъ согнутаго сухого лубочнаго короба. Обязанность „довбиша“ исполнялъ богатырь-при-

четникъ, Зосима, который прославилъ себя, въ глазахъ „теплаго стана", собственноручнымъ сооруженіемъ этого огромнаго, неуклюжаго боевого инструмента, глухо выввшаго подъ ударами палки. По Тускари, со стороны Курска и кругомъ Ямской, попъ разставилъ караульныхъ. Въ „усторожливости" попа боярину пришлось убѣдиться на самомъ себѣ: его встрѣтила при входѣ въ Ямскую въ боевомъ строѣ большая пѣшая рать, по ночи показавшаяся ему еще многочисленнѣе. Свиданіе стараго боярина съ тучнымъ воинствующимъ попомъ закончилось, разумѣется, „угощеніемъ", въ которомъ бояринъ явился угостительнымъ хозяиномъ. Его обозъ, съ полсотни саней, доставилъ сѣно-пырей, бочки пива, меда, харчей: хлѣбныхъ и мясныхъ. Ни въ чемъ не было недостатка ни людямъ, ни лошадямъ. Многолѣтній ратный опытъ давно убѣдилъ стараго боярина, что воевать можно только съ сытыми людьми, на сытыхъ коняхъ. Ямской попъ Семенъ подробно объяснилъ ночное расположеніе Литвы въ слободахъ Стрѣлецкой и Пушкарской. Пока „выкармливались" кони и „подкрѣплялись" севрюки съ кузьмодемьянцами, бояринъ разсуждалъ, за вкусными медами, съ попомъ Вонифатіемъ и Косолапомъ о томъ, какъ бы имъ литву „раздавить"? Хозяинъ избы, ямской попъ Семейко, засѣдалъ тутъ же; его не обходила „круговая братина". У двери стоялъ Ера, уже нуждавшійся въ притолокѣ, къ которой прислонился широкимъ плечомъ, и ехидно усмѣхавшійся, что̀ означало, что онъ „дернулъ".

— Ночка-матка, все гладко! измыслилъ вслухъ вороватый стремянной.—Набѣжать ночью на литву, по закону ночью набѣжать, коннымъ... потому литва ночью пьянствуетъ, опять же насъ не ждутъ...

— Знай кошка свое лукошко! замѣтилъ старый бояринъ, покосясь на своего смѣлаго стремянного съ неудовольствіемъ за то, что не въ свое дѣло мѣшается.

Поворчалъ старый бояринъ, а рѣшилъ по совѣту Еры: Косолапу „набѣжать" съ двумя сотнями боярскихъ конныхъ севрюковъ на Литву въ слободахъ, въ „глуху-полночь". Колебался было бояринъ, самъ думалъ севрюковъ весть; но послушался Косолапа съ попомъ: рѣшилъ остаться, поберечь свои старыя силы про завтрашій день.

„Тлустый" панъ Алоизій Непомукъ Неборскій предавался въ эту ночь своему обычному удовольствію—пьянству въ сообществѣ ротмистра Лисовскаго и „коллегъ". Среди нихъ уже недосчитывались красиваго хорунжаго, Ромуальда Голынскаго. „Тлустый" панъ былъ „южъ уконтентованный"—по-просту, распьянешенекъ. Вдругъ испуганные крики: „москали!" рѣзкій звукъ трубы, подававшій сигналъ тревоги, и пистолетные выстрѣлы заставили усатаго пана региментаря оторваться отъ золоченаго бокала и подняться на ноги.

— Коня! Коня! заревѣлъ пьяный Неборскій и, какъ былъ въ малиновой шелковой сорочкѣ и гусарскихъ чакчирахъ, съ саблей

въ рукѣ, выскочилъ на улицу, вопя: „Бей хлоповъ! Смерть москалямъ! Вяжи сучьихъ сыновъ!“

Выстрѣлы по улицѣ приближались и учащались. На рысяхъ шла боярская конница густой лавой, по казачьи, передній рядъ пики на перевѣсъ. Впереди уже въ русскомъ полушубкѣ и мѣховой шапкѣ скакалъ Косолапъ. Его сабля успѣла уложить не одного подвернувшагося ему поляка. Толпа жолнеровъ, попытавшаяся было остановить севрюковъ, была смята, порублена или поколота, неожиданный „набѣгъ“ смѣльчаковъ не могъ встрѣтить дружнаго отпора разсѣянныхъ по дворамъ жолнеровъ. Выстрѣлы изъ дворовъ почти не вредили конницѣ, грозной толпой, на хвостѣ рядъ за рядомъ, очищавшей улицу. Лихіе наѣздники ловко „заарканивали“ растерявшихся лисовчиковъ и пятигорцевъ, выхватывали ихъ, забирая въ полонъ.

Отчаянный рубака, панъ Неборскій, съ крикомъ:—„ко мнѣ, пятигорцы! бей лайдаковъ!“ не помня себя и забывъ, что онъ одинъ, бросился съ своей страшной саблей на встрѣчу быстро надвигавшейся грозовою тучею курской конницѣ. Косолапъ налетѣлъ на него хищной птицей. Страшная сабля Неборскаго, выбитая могучимъ ударомъ Косолаповой сабли изъ его руки, описала кругъ и упала въ снѣгъ. Толстопузый панъ региментарь, изрыгая брань, качнулся; Косолапова сабля повторила свой ударъ, на этотъ разъ глубоко разрубивъ голову Неборскаго.

— За убиты естемъ! прохрипѣлъ старый вояка и повалился подъ копыта курскихъ лошадей, растоптавшихъ его подковами. Только разъ дикимъ, раздирающимъ душу голосомъ вскрикнулъ, подъ кованными копытами топтавшей его конницы, злополучный региментарь, и смолкъ на вѣки. Когда конница пронеслась, выбѣжавшіе изъ избы „коллеги“, пахолики и „товарищи“, подняли обезображенный трупъ безславно погибшаго довуцы. Конскія подковы лишили его человѣческаго вида.

— Убитъ! растерянно шептались паны, но горевать на улицѣ было некогда. Они понесли убитаго въ избу.

Набѣгъ Косолапа съ севрюками на слободы, занятыя литовскимъ войскомъ, вполнѣ удался. Севрюки привели въ Ямскую плѣнныхъ и коней, конечно засѣдланныхъ. Когда бояринъ узналъ о смерти Неборскаго, то благоговѣйно перекрестился и возблагодарилъ Бога, отозвавшаго къ себѣ на судъ одного изъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ русскаго государства.

— Ну, Василій, исполать тебѣ! обратился бояринъ къ Косолапу, обнялъ его и поцѣловалъ.—Не лживо раскаянье твое: русскимъ назвался и по-русски перевѣдался съ врагомъ. Нашъ ты—во-истину!..

— Гляженное лучше сказаннаго, замѣтилъ скромно Косолапъ, которому похвала боярина видимо была тяжела и который больше мрачно помалчивалъ, погруженный въ свои размышленія. И бояринъ выглядѣлъ мрачно, вздыхалъ, задумывался, шепталъ самъ съ собой

какъ бы отвѣчая себѣ на безпокоившіе его вопросы. Отъ ямскаго попа Семейки онъ узналъ, что разбойникъ Лисовскій ограбилъ курскихъ монахинь, а черницу Нимфодору, боярскую дочь, увелъ къ себѣ.

Было отчего задуматься и горевать бѣдному отцу. Опять всю долгую зимнюю ночь онъ не сомкнулъ старыхъ глазъ; опять, не раздѣваясь, просидѣлъ у стола до бѣла утра и твердо рѣшился костьми лечь, или освободить дочь милую, единственную. Косолапъ поклялся въ томъ же бѣдному, страдающему боярину.

Извѣщенный о приходѣ сильной подмоги, курскій голова Елизаровъ со стрѣльцами вздохнули свободнѣе. Чуть ободнялось, они съ острожныхъ стѣнъ уяснили себѣ положеніе литовской рати и ея намѣренія. Польскія конныя хоругви развернулись въ боевую линію, лицомъ къ ливенской дорогѣ, хвостами къ Курску. Жолнерная пѣхота „съ приступною хитростью“ обсыпала острожные рвы, держась ихъ на разстояніи пищальнаго выстрѣла. Противъ польской конницы стояла боярская, правѣе которой темной толпой изрядилась къ бою пѣшая дружина попа Ярилы. Тучный воинствующій іерей не мало дивилъ поляковъ. Сверхъ тулупа на немъ виднѣлся старенькій эпитрахиль; на большой головѣ скуфья; въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой тяжелый желѣзный перначъ. Возлѣ него богатырь Зосима билъ палкой въ свой самодѣльный лубочный огромный, неуклюжій барабанъ, висѣвшій у него на веревкѣ черезъ плечо. Поляки, вопреки обычаю, не рѣшились поднять на смѣхъ тучнаго попа и его сермяжныхъ ратниковъ, вооруженныхъ не только дубьемъ, но и польскимъ оружіемъ и даже щеголявшихъ въ мѣдныхъ шапкахъ и нагрудникахъ. Это наслѣдіе панцырной хоругви Голынскаго невольно напоминало польскому хвастливому войску печальную судьбу храбраго пана Ромуальда и его хоругви, погибшихъ въ лѣсу подъ дубинами этихъ самыхъ сермяжниковъ. Подобныя воспоминанія не могли быть особенно пріятны кичливымъ панамъ въ виду многочисленности сермяжной толпы.

Затрубили сигналы. Послышалась громкая команда, блеснули копья, опущенныя остріями впередъ. Пустынное снѣжное поле огласилось взрывомъ криковъ: „на москаля! Іезусъ-Марія!“ Загудѣла земля подъ скокомъ множества лошадей. Польскія хоругви одна за другой ударили на боярскую конницу и на пѣшихъ кузьмодемьяновцевъ. Копейщики и севрюки сшиблись, смѣшались. Крики „Іезусъ-Марія!“ сливались съ криками: „Микола, не выдай!“ По взбуровленному копытами снѣгу валялись убитые и раненые.

Сермяжная рать кузьмодемьяновцевъ оказала полякамъ стойкое сопротивленіе. Ободряемые крестомъ попа Вонифатія и его храбростью, мужики дрались съ остервенѣніемъ полудикихъ, обиженныхъ людей, которымъ терять нечего. Отважный Лисовскій съ своими ворвался было въ густые мужичьи ряды, рубя направо и налѣво, давя конемъ

галдѣвшую толпу, но едва изъ нея выскочилъ, оставивъ въ ней не мало лисовчиковъ. Въ то же время изъ-за женскаго монастыря въ затылокъ польскимъ хоругвямъ налетѣлъ Косолапъ съ отборной сотней севрюковъ, той самой, что ходила съ бояриномъ въ Москву. Хитрый въ военномъ дѣлѣ, бывшій разбойничій атаманъ оставался „въ засадѣ", разсчитывая ударить въ тылъ только тогда, когда непріятель введетъ въ бой всѣ свои части и разстроится. Разсчетъ Косолапа оказался вѣрнымъ. Лихая свѣжая курская сотня, налетѣвъ въ тылъ разстроенныхъ боемъ хоругвей, опрокинула ихъ и погнала подъ гору. Пятигорцы и лисовчики разсѣялись по снѣжнымъ полямъ, по лѣснымъ оврагамъ.

Жолнерная пѣхота, видя пораженіе польской конницы, поспѣшила отступить отъ Курска. Громкія насмѣшки и радостные крики проводили уходящаго врага, и со стѣнъ острога, и съ поля, оставшагося за ополченіемъ попа Ярилы. Его сермяжники радостно крестились, цѣловались другъ съ другомъ, поздравляли одинъ другого, словно въ свѣтлый праздникъ. Воинствующій попъ тутъ же, „на костяхъ", отслужилъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ.

Между тѣмъ, старый бояринъ Ферапонтовъ, увлекшись преслѣдованіемъ опрокинутыхъ пятигорцевъ и лисовчиковъ, несся за улепетывавшими во всѣ лопатки польскими наѣздниками. Онъ не обращалъ вниманія на попадавшіеся кусты, на рытвины, и перескакивалъ ихъ съ отвагой рѣзвой молодости. Вдругъ конь его налетѣлъ на вѣтвистый дубнякъ и упалъ. Старикъ угодилъ въ снѣгъ головою; спасибо, что еще не ушибся. Конь его, поднявшись, заржалъ и побѣжалъ назадъ. Какова же была досада Іоны Агѣича, когда, вставъ на ноги, онъ убѣдился, что не можетъ наступить на лѣвую ногу. Вѣрный стремянной Ивашка Ера подъѣхалъ очень кстати.

— Что мнѣ съ тобой теперича дѣлать, Іона Агѣичъ? ужъ и не знаю! сказалъ Ера поддерживая тучнаго боярина, не могшаго стоять.

— На свою бы лошадь посадилъ тебя: не усидишь должно—свалишься...

— Свалюсь, подтвердилъ бояринъ.—Куда мнѣ на сѣдло: нога словно отнялась, помялъ...

Дрожавшая старая рука боярина насилу смогла вложить боевую саблю въ ножны. Ера уныло поглядывалъ кругомъ, по темнѣвшимся кустамъ.

— Вотъ что, Іона Агѣичъ, сказалъ онъ, вдругъ озаренный счастливой мыслью.—Схороню я тебя покуда въ брошенномъ овинѣ. Авось не замерзнешь. А то, боюсь, лисовчики не наѣхали бы на насъ. Пропали мы съ тобой тогда.

— Ладно! согласился бояринъ, понимавшій, что въ его положеніи лучшаго не придумаешь.—Лисовчикамъ бы только не попасться.

— Объ этомъ же объ самомъ и я болю. Ну, съ Богомъ! торопиться надо... Не наѣхали бы, клятые... Держись за меня, бояринъ.

Но старикъ, не спавшій двѣ ночи, истрадавшійся по дочери душою, изморившійся въ непосильныхъ для своихъ лѣтъ боевыхъ трудахъ этого дня, почувствовалъ такую слабость, такую усталость, что ноги его не слушались. Онъ безнадежно вздохнулъ и не трогался съ мѣста. Ера тоскливо на него взглянулъ.

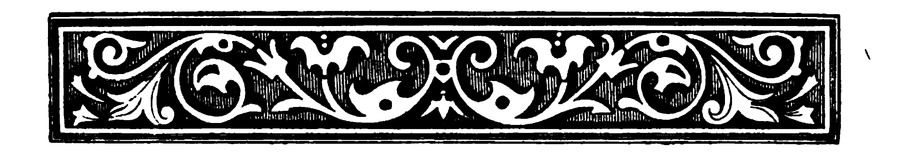
— Возьму я тебя на-закорки, бояринъ, рѣшительно сказалъ онъ.— Берись руками за мою шею, вотъ такъ!

Ера нагнулся впередъ, поддерживая рукою старика, припавшаго къ нему на спину, и понесъ его „на-закоркахъ", ведя лошадь въ поводу.

— Спасибо тебѣ, слуга вѣрный; пропасть бы мнѣ безъ тебя! прошепталъ Ферапонтовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [1].

IV.

Алексѣй Петровичъ Стороженко [2])

А. П. Стороженко родился въ 1805 году, воспитывался въ одномъ изъ столичныхъ военно-учебныхъ заведеній и около 1823 года поступилъ въ военную службу. Въ 1825 году онъ стоялъ со своимъ полкомъ въ Немировѣ, Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи, и слушалъ здѣсь разсказы о Немировѣ отъ слѣпаго 98-ми-лѣтняго священника, который на девятомъ году своего возраста былъ поводатаремъ у своего прадѣда, также слѣпаго столѣтняго дидугана, самовидца немировской рѣзни и казацкаго бунта въ замкѣ князя Четвертинскаго, и распѣвавшаго „Исаіе ликуй", когда вѣнчали Павлюгу (Кобзу) съ княгинею Четвертинскою. Лично зналъ также Стороженко запорожца Коржа и слушалъ его разсказы, которые, по указанію Алексѣя Петровича, записаны и изданы были архіепископомъ Гавріиломъ въ 1842 году. Въ 1829 году, въ турецкую кампанію, Алексѣй Петровичъ раненъ былъ подъ Журжею и получилъ орденъ св. Георгія, а въ 1831 году участвовалъ въ польской кампаніи. Затѣмъ, онъ состоялъ при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, а далѣе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій и съ 1863 года при М. Н. Муравьевѣ въ западномъ краѣ.

---

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн." т. IX, стр. 225—258.

[2]) Некрологъ его въ „Газетѣ Гатцука", 1875 г., № 48. Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія заключаются также въ „Воспоминаніи о Гоголѣ", въ 4-мъ № „Отечественныхъ Записокъ" за 1859 годъ, и въ предисловіи къ поэмѣ „Марко Проклятый". Одесса, 1879. См. прибавл. ко II-му тому „Исторіи славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, 1880 г.

Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ своей усадьбѣ Тишинѣ, близъ Бреста, и состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, страдая аневризмомъ отъ контузіи въ битвѣ подъ Журжею. Физическая сила его была громадная. „Не такъ давно, — писалъ онъ незадолго до своей смерти,—еще я сгибалъ двугривенные и носилъ на гору десять пудовъ". Умеръ 7-го ноября 1874 года, 68-ми лѣтъ отъ роду.

„Съ свѣтлымъ умомъ и чистымъ, теплымъ сердцемъ, — говоритъ его біографъ,—Алексѣй Петровичъ былъ талантливый музыкантъ на віолончели, скульпторъ и рисовальщикъ. За работы по скульптурѣ получилъ онъ отъ академіи художествъ медаль, а за проектъ памятника Нестору лѣтописцу—званіе художника. Притомъ, какъ большой любитель природы, онъ усердно занимался садоводствомъ при своей усадьбѣ, возлѣ г. Бреста".

Изъ литературныхъ его трудовъ намъ извѣстны слѣдующіе:

1) „Братья-близнецы", романъ изъ быта Малороссіи въ XVIII в., напечатанный въ „Библіотекѣ для чтенія", Дружинина, за 1857 годъ и переведенный на нѣмецкій языкъ.

2) „Разсказъ изъ крестьянскаго быта Малороссіи". С.-Петербургъ. 1858 г. (Изъ „Сѣверной Пчелы" за 1857 и 1858 годы).

3) „Сотникъ Петро Серпъ". Быль XVII столѣтія. С.-Петербургъ. 1858.

4) Рецензія на малороссійскій литературный сборникъ Мордовцева, въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1859 г. (№ 9, т. 126).

5) Воспоминаніе о Гоголѣ, въ 4-мъ № „Отечественныхъ Записокъ" за 1859 г.

6) Переводъ на русскій языкъ повѣстей Квитки: „Свѣтлый праздникъ мертвецовъ" и „Солдатскій портретъ". С.-Петербургъ. 1860.

7) Переводъ на русскій языкъ повѣсти Квитки „Козырь-дівка". С.-Петербургъ. 1861.

8) „Стехинъ Рогъ", въ журналѣ „Основа", за январь 1861 г.

9) „Закоханый чортъ", тамъ же, за февраль 1861 г.

10) „Матусине благословення", тамъ же, за сентябрь 1861 г.

11) „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ", тамъ же.

12) „Вуси", тамъ же, за октябрь 1861 года.

13) „Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ", тамъ же.

14) „Не впусти рака зъ рота", тамъ же.

15) „Межигорскій дідъ (оповіданне бабусі)", тамъ же, за ноябрь—декабрь 1861 года.

16) „Скарбъ", тамъ же.

17) „Жонатый чортъ", тамъ же.

18) „Сужена", тамъ же, за февраль 1862 г.

19) „Голка", тамъ же.

20) „Кіндратъ Бубненко-Швидкій", тамъ же, за апрѣль 1862 г.

21) „Два брати", тамъ же, за іюль 1862 г.

22) „Прокіпъ Ивановичъ", тамъ же, за іюнь 1862 г.

23) „Дурень", тамъ же.

24) „Гаркуша" (драматичні картини), тамъ же, за августъ и декабрь 1862 г.

25) „Дорошъ", тамъ же, за іюнь и сентябрь 1862 г,

26) „Украінскі оповідання", С.-Петербургъ, 1863 г., въ двухъ томахъ, представляющія собраціе прежнихъ его повѣстей въ „Основѣ" за 1861 и 1862 годы.

27) „Изъ портфеля чиновника“, въ 1 № „Отечественныхъ Записокъ“ за 1863 годъ.

28) „Тетушкина Молитва“, во 2 № „Отечественныхъ Записокъ“ за 1864 г.

29) „Видѣніе въ Несвижскомъ Замкѣ“, въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“, за декабрь 1864 г.

30) „Иголка“, переводъ на русскій языкъ разсказа, означеннаго выше подъ № 19, тамъ же.

31) „Встрѣча вновь назначеннаго довудцы“ (комедія въ одномъ дѣйствіи), тамъ же, за ноябрь 1865 года, и особымъ оттискомъ [1]).

32) „Эпизодъ изъ поѣздокъ по сѣверо-западному краю Россіи“, тамъ же, за 1865 годъ, кн. IV.

33) „Марко проклятый“. Поэма на малороссійскомъ языкѣ изъ преданій повѣрій запорожской старины. Одесса. 1879 г.

34) „Былое не минувшее“,—доселѣ не изданное сочиненіе.

Изъ этихъ сочиненій и переводовъ А. П. Стороженка пятнадцать писаны на русскомъ языкѣ и двадцать на украинскомъ нарѣчіи. Притомъ же послѣднія почти всѣ писаны въ краткій періодъ существованія украинскаго журнала „Основа“. Если же принять во вниманіе объемъ написаннаго на обоихъ языкахъ, то русскихъ сочиненій окажется несравненно болѣе, чѣмъ украинскихъ. Главнѣйшая разница между тѣми и другими состоитъ исключительно въ языкѣ. „Стороженко прекрасно владѣлъ малороссійскимъ языкомъ, и въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ едва ли не первое мѣсто въ ряду нашихъ малороссійскихъ писателей. Онъ усвоилъ себѣ ту образность, пластичность языка, которая придаетъ такой оригинальный колоритъ рѣчи малоросса и дѣлаетъ ее собственно малороссійскою рѣчью, а не русскою, въ которой русскія слова замѣнены только малороссійскими“ [2]). Что же касается содержанія произведеній А. П. Стороженка, то, за исключеніемъ двухъ его повѣстей изъ русскаго быта—„Изъ портфеля чиновника“ и „Тетушкина молитва“, всѣ остальныя относятся къ исторіи и этнографіи Малороссіи и отличаются частію идеализаціей Украины, частію ультра-русскимъ направленіемъ, въ духѣ покойнаго „Вѣстника Юго-Западной Россіи“, въ которомъ онъ принималъ въ послѣднее время дѣятельное участіе.

Мнѣніе о внутреннихъ достоинствахъ произведеній А. П. Стороженка еще не установилось прочно. Въ былое время его считали однимъ изъ лучшихъ знатоковъ запорожскаго быта и первокласснымъ писателемъ украинскимъ. П. П. Гулакъ-Артемовскій, прочитавши рукописную поэму его „Марко проклятый“, своею рукою написалъ; „зъ роду лучшаго не читавъ, и до смерти вже не прочитаю“. Журналъ „Основа“, помѣщая на своихъ страницахъ его разсказы изъ народныхъ устъ, считалъ ихъ образцовыми въ своемъ родѣ и особенно интересовался его разсказами изъ стариннаго запорожскаго

[1]) Въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“ подъ этой комедіей нѣтъ фамиліи Стороженка, но она значится подъ особымъ оттискомъ комедіи.

[2]) „Современникъ“, 1863 г., № 8: „Русская литература“, стр. 129.

быта. „Разсказы запорожца Коржа,—писалъ здѣсь Кулишъ,—были записаны архіепископомъ Гавріиломъ, по указанію А. П. Стороженка, тому назадъ около 20-ти лѣтъ (слѣдов., около 1840 г.). Такъ какъ А. П. Стороженко зналъ запорожца Коржа лично и, сверхъ того, бесѣдовалъ съ другими подобными ему „січовиками", то мы не теряемъ надежды, что онъ исполнитъ нашу неотступную просьбу написать для „Основы" устное повѣствованіе всѣхъ ихъ по памяти и по книгѣ архіепископа Гавріила, на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ совершенствомъ" [1]). А. П. Стороженко отчасти исполнилъ эту неотступную просьбу „Основы", но не удовлетворилъ всѣхъ ея читателей и даже почитателей, такъ какъ избралъ дѣятельность особаго рода, которая не показывала въ немъ особеннаго политическаго и общественнаго пониманія [2]). Позднѣйшіе же собиратели памятниковъ устной народной украинской словесности, какъ, напр., И. Рудченко, не видятъ въ его разсказахъ изъ народныхъ устъ этнографической точности [3]). Это и неудивительно. Алексѣй Петровичъ жилъ и воспитывалъ свой литературный талантъ при иныхъ условіяхъ и литературныхъ взглядахъ, когда и серьезные ученые, какъ напримѣръ Максимовичъ, Срезневскій и Бодянскій, строго не различали чисто народныхъ пѣсенъ отъ сочиненныхъ и даже сами позволяли себѣ дополнять и подкрашивать малороссійскія народныя пѣсни и сказки. Но у А. П. Стороженка это подкрашиваніе доходило до крайности, такъ что извѣстное народное произведеніе давало ему иногда только поводъ къ свободной дѣятельности фантазіи. „Наша чудная украинская природа,—говоритъ Стороженко въ своей повѣсти „Закоханий чортъ",—согрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ. Какъ сѣмя зрѣетъ на нивѣ и складывается въ копны и стоги, такъ и оно, это сѣмя, запавши въ сердце и душу, зрѣетъ словеснымъ колосомъ и слагается въ народные разсказы и легенды". Но эти слова нужно отнести не только къ народнымъ украинскимъ произведеніямъ, но и къ украинскимъ разсказамъ самого Стороженка, который рисуетъ въ нихъ Малороссію какою-то сказочною страною, гдѣ люди живутъ во всей своей властной волѣ, не зная ни горя, ни труда, живутъ себѣ, кушаютъ арбузы, пьютъ наливки, собираютъ карбованцы, поютъ пѣсенки, да кохаются съ чернобровыми красотками. Счастливые обитатели Малороссіи не испытываютъ ни глада, ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ. „Чудная природа, согрѣтая полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ... тихій вѣтерокъ щекочетъ... лѣса обнимаютъ прохладою... горлица нашеп-

---

[1]) „Основа", за январь 1862 г.: библіографія, стр. 45.

[2]) „Обзоръ исторіи Славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, 2 изд., т. I, 1879.

[3]) Предисловіе къ первому выпуску, 1869 г., стр. VII.

тываетъ сердцу что-то такое, что заставляетъ сердце млѣть и трепетать“ и проч. [1]). Сама редакція „Основы“ замѣтила игривость фантазіи у Стороженка въ его украинскихъ разсказахъ и въ примѣчаніи къ повѣсти „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ“, говоритъ слѣдующее: „Народъ нашъ—великій и богатый поэтъ. Въ своихъ пѣсняхъ и разсказахъ онъ даетъ нашимъ писателямъ вѣчно свѣжія и здоровыя зерна для дальнѣйшаго творчества. Лучшіе наши писатели подходили ближе всего къ его взгляду, къ тону рѣчи, придавая своимъ произведеніямъ все величіе народной поэтической красоты и граціи. На этотъ небольшой разсказъ г. Стороженка обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, народное сказанье, народная пословица часто служили только темою для дальнѣйшаго творчества Стороженка, который при этомъ пользовался народными преданіями и повѣрьями въ видѣ орнамента, съ особымъ указаніемъ на нихъ въ примѣчаніяхъ, какъ напр., въ упомянутой уже повѣсти „Закоханий чортъ“. Въ этомъ отношеніи произведенія А. П. Стороженка представляютъ нѣкоторую параллель съ повѣстями Гоголя изъ украинскаго быта и, можетъ быть, имѣли въ виду восполнить то, чего не доставало Гоголю,—по мнѣнію нѣкоторыхъ украинофиловъ,—т.-е. малорусскаго языка. Игривость фантазіи у Стороженка такая же, какъ и у Гоголя въ его украинскихъ повѣстяхъ, и такое же смѣшеніе чудеснаго съ дѣйствительнымъ. Мы увидимъ впослѣдствіи даже частнѣйшіе пункты соприкосновенія между украинскими повѣстями Гоголя и произведеніями Стороженка. Но, при нѣкоторыхъ сходныхъ чертахъ въ произведеніяхъ обоихъ этихъ писателей, въ творческой ихъ дѣятельности есть и значительная разница. Отъ болѣе или менѣе фантастическихъ украинскихъ повѣстей Гоголь перешелъ впослѣдствіи къ созданію реальныхъ типовъ, живьемъ выхваченныхъ изъ русской дѣйствительности. Но А. П. Стороженко не имѣлъ того дара читать людскія сердца, какой онъ подмѣтилъ въ 18-лѣтнемъ Гоголѣ, — и образы дѣйствительныхъ предметовъ нерѣдко испаряются въ его произведеніяхъ въ заоблачную, безцѣльную игру фантазіи. Читая его произведенія, иногда недоумѣваешь, какая реальная подкладка его разсказа, что̀ онъ хотѣлъ сказать и съ какою цѣлью написалъ его. Таковы, напримѣръ, первыя его украинскія повѣсти: „Стехинъ Рогъ“, „Закоханий чортъ“, „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ“ и др.

По содержанію своему, произведенія А. П. Стороженка изъ украинскаго быта распадаются на два отдѣла: этнографическія и историческія. Въ тѣхъ и другихъ одинаково замѣчается избытокъ фантазіи автора; но тогда какъ первыя легко могутъ быть провѣрены современными этнографическими матеріалами,—его историческія повѣсти

---

[1]) „Современникъ, 1863 г., № 8-й: „Русская литература“, стр. 123.

изъ стариннаго запорожскаго быта, съ уничтоженіемъ въ настоящее время и слѣдовъ этого быта, возбуждаютъ чувство нѣкотораго неудовольствія на автора за то, что онъ, имѣвши случай бесѣдовать съ послѣдними представителями запорожскаго быта, не воспроизвелъ въ подлинномъ видѣ ихъ сказаній, но передалъ въ формѣ искусственныхъ повѣстей, въ которыхъ трудно отличить дѣйствительное отъ вымышленнаго.

Къ повѣстямъ этнографическаго свойства у А. П. Стороженка относятся: „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ", „Скарбъ", „Жонатий чортъ", „Сужена", „Два брати", „Дурень" и др. Къ нимъ же можно отнести разсказы: „Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ" и „Вуси". Разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей.

Въ первой изъ нихъ разсказывается, какъ чортъ, будучи не въ силахъ поссорить счастливыхъ супруговъ Якова и Катерину, обратился за помощью къ ехидной, хитрой и лукавой бабѣ и обѣщалъ ей за услугу красные чоботы съ серебряными подковками. Баба нашептала Якову, что его Катерина влюбилась въ Семена Прудкаго и намѣрена зарѣзать мужа, когда будетъ искать у него въ головѣ, а Катеринѣ сказала, что вдова Бистриха приворожила къ себѣ ея Якова, и посовѣтовала, для уничтоженія чаръ Бистрихи, отрѣзать у соннаго мужа клокъ волосъ. Супруги послушались злой бабы. Однажды Яковъ притворился спящимъ, подстерегъ Катерину съ острымъ ножомъ надъ своей головой и этимъ же самымъ ножомъ зарѣзалъ ее за мнимое покушеніе на убійство. Чортъ такъ пораженъ былъ успѣхомъ злой бабы, что боялся самъ близко подойти къ ней, и передалъ ей обѣщанные чоботы на маховыхъ вилахъ. Въ цѣльномъ видѣ такого разсказа мы не встрѣчали ни въ одномъ чисто народномъ произведеніи, но знаемъ нѣсколько пословицъ о злобѣ женской, которыя, по всей вѣроятности, и послужили темою для разсказа Стороженка. Такова, напр., пословица: „гдѣ чортъ не сможетъ, тамъ бабу пошлетъ". Маховыя вилы, которыми чортъ передаетъ злой бабѣ чоботы, напоминаютъ одну южнорусскую сказку въ собраніи И. Рудченка; но здѣсь баба борется съ чортомъ черезъ плетень вилами и побѣждаетъ его [1]).

Разсказъ подъ заглавіемъ „Скарбъ" изображаетъ немыслимаго въ дѣйствительномъ мірѣ лѣнтяя, которому однако удивительно везетъ счастье. Лѣнтяй этотъ, Павлусь, былъ единственный сынъ у своихъ родителей, любимецъ и баловень своей матери. Старуха-мать умерла, простудившись въ то время, когда пошла отыскивать меду для своего сына; умеръ и старикъ-отецъ. Павлусь остался на попеченіи наймички и ея мужа и только и зналъ, что ѣлъ да пилъ. Лежа подъ яблоней, онъ лѣнился даже толкнуть яблоню ногою, чтобы посыпались ему въ ротъ яблоки. „Розбудить ёго наймичка вечеряти, нагодуе, здийме

[1]) Выпускъ I, 1869 г., стр. 52—54: „Чортъ и баба".

свитину, чоботи, покладе на перину, а вінъ тільки вже самъ засне". Однажды парубки позвали его „на зелену неділю" искать „скарба", т. е. клада, но Павлусь не пошелъ,—и порубки, возвращаясь съ поисковъ, въ насмѣшку бросили ему въ окно дохлаго „хорта" (собаку), который оказался кладомъ и разсыпался въ хатѣ деньгами. Павлусь разбогатѣлъ, женился и имѣлъ дѣтей. „Завидуете щастю мого Павлуся,—заключаетъ Стороженко свой разсказъ,—а ніхто бъ не схотівъ бути Павлусемъ". И этотъ разсказъ не принадлежитъ въ цѣльномъ видѣ народной фантазіи и представляетъ собою какъ бы мозаическое изображеніе, сдѣланное изъ разныхъ кусочковъ. Существуетъ въ народѣ насмѣшливая присказка о матушкиномъ сынкѣ-лѣнтяѣ, который проситъ свою маму накормить его, уложить въ постель, закрыть и перекрестить, а заснуть обѣщается самъ. По другому разсказу, слышанному, впрочемъ, на сѣверѣ Россіи, Лѣнь да Тварь лежали подъ яблоней, какъ и Павлусь въ повѣсти Стороженка. Лѣнь говоритъ: „кабы это яблочко да упало ко мнѣ въ ротъ!" На это Тварь замѣчаетъ: „Какъ тебѣ, Лѣнь, хочется говорить-то!" Подобныя присказки и прибаутки сшиты въ одно цѣлое въ разсматриваемой повѣсти.

Ближе къ народнымъ сказаніямъ стоятъ разсказы А. П. Стороженка: „Жонатий чортъ" и „Два брати". Первый изъ нихъ есть не что иное, какъ вольный пересказъ общераспространенной сказки, изданной у Рудченка подъ заглавіемъ „Зла Химка и чортъ" [1]). Мужикъ и чортъ, оба пострадавшіе отъ злой жены, дѣлаютъ между собою, на извѣстный срокъ, условіе, по которому чортъ будетъ входить въ утробы женщинъ, а мужикъ, за хорошее вознагражденіе, будетъ яко бы выгонять оттуда чорта. Такъ они и дѣлали. По окончаніи срока условія, чортъ забрался въ утробу княжны и не хотѣлъ выходить оттуда, а между тѣмъ князь, подъ угрозою смертной казни, требовалъ отъ мужика, чтобы онъ вылечилъ его дочь. Тогда мужикъ вспомнилъ о злой женѣ и напугалъ ею чорта: „Тікай, чорте, жінка йде!" Чортъ испугался и убѣжалъ.

Разсказъ Стороженка „Два брати" есть осложненная нѣкоторыми подробностями варьяція народнаго разсказа о „двухъ доляхъ" [2]).

Лучшими въ этнографически-бытовомъ отношеніи мы считаемъ разсказы А. П. Стороженка: „Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ" и „Вуси". Оба они дышутъ житейскою правдою, хотя нѣсколько и утрированы. Первый изъ этихъ разсказовъ рисуетъ лѣнивую Палажку, которую пріучили къ работѣ въ домѣ ея свекра голодомъ. Передъ обѣдомъ свекоръ обыкновенно спрашивалъ своихъ домочадцевъ, кто̀ что дѣлалъ, и давалъ ѣсть соразмѣрно съ работою. Сначала Палажка ничего не дѣлала и оставалась голодною; на другой день она

---

[1]) Выпускъ I, стр. 57 и сл.

[2]) „Отеч. Записки" 1840 г., кн. II, смѣсь. Ср. „Малорусскія народныя преданія и разсказы", 1876 г., стр. 182 и слѣд.

воды принесла, на третій кашу замѣшивала и мало-по-малу втянулась въ работу, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала получать и полный обѣдъ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ отецъ навѣдать ее и, къ величайшему удивленію своему, засталъ ее за работою. Зная обычай своего свекра, Палажка дала и отцу своему мять „шкуратокъ" (кусокъ засохшей кожи), чтобы дать ему право на обѣдъ у свекра. Другая повѣсть—„Вуси" (усы) переноситъ насъ въ другой, чиновничій міръ и въ комическомъ видѣ сопоставляетъ наивную простоту и патріархальность нравовъ малороссійскаго уѣзднаго дворянства съ чопорною кичливостію губернскаго предводителя дворянства, лоскированнаго на московскій ладъ. Разсказъ ведется отъ лица дворянина, выбраннаго въ засѣдатели. По требованію губернскаго предводителя дворянства, онъ отправляется со своими товарищами въ Полтаву явиться къ нему лично. Здѣсь визитную книгу предводителя они приняли, по своей наивности, за обыкновенный деревенскій альбомъ и написали въ немъ разные стишки и глупости. Гнѣвно принялъ ихъ предводитель за эту невинную выходку, нашелъ не формальными ихъ длинные усы и велѣлъ ихъ сбрить. Разсказчикъ сбрилъ свои усы, но послѣ этого и самъ не узналъ себя, и домашніе встрѣтили его съ испугомъ и слезами. Дѣло, впрочемъ, кончилось благополучно: одинъ изъ мѣстныхъ уѣздныхъ юристовъ отыскалъ въ законахъ статью, разрѣшающую отставнымъ военнымъ носить усы и на гражданской службѣ.—Эта повѣсть Стороженка была въ свое время едва ли не самою популярною изо всѣхъ его повѣстей.

Вообще же, всѣ разсказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней карикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницею, что темы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаній.

Комическій элементъ въ значительной мѣрѣ замѣтенъ и въ историческихъ повѣстяхъ, поэмахъ и драмахъ Стороженка, но онъ не является здѣсь преобладающимъ: рядомъ съ нимъ выступаютъ и серьезные мотивы. Впрочемъ, и въ этихъ произведеніяхъ много вымысла и мало правдоподобія. Болѣе фантастичны и менѣе правдоподобны историческія произведенія Стороженка изъ XVII вѣка, какъ болѣе отдаленнаго отъ него; тогда какъ разсказы изъ позднѣйшаго быта Запорожья, съ представителями котораго онъ былъ лично знакомъ, можетъ быть, имѣютъ дѣйствительное историческое основаніе. Къ историческимъ произведеніямъ перваго разряда относятся: поэма „Марко проклятый", „Матусине благословення", „Сотникъ Петро Серпъ", „Стехинъ рогъ", „Закоханий чортъ"; къ историческимъ произведеніямъ втораго разряда—„Оповидання Грицька Клюшника", „Братья

близнецы", „Гаркуша", „Межигорскій дідъ", „Кіндратъ-Бубненко-Швидкий" и „Голка".

Выше всего цѣнилъ А. П. Стороженко свою поэму „Марко проклятый". „Это—отверженный скиталецъ,—говоритъ Стороженко,—котораго за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малороссіянъ существуетъ поговорка: „товчецця якъ Марко по пеклу". Стало быть, въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда о похожденіяхъ Марка. И вотъ, болѣе тридцати лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и успѣлъ многое собрать. По народнымъ преданіямъ, похожденія Марка относятся до далекихъ временъ Запорожской Сѣчи и имѣютъ связь съ войною 1648 года, бывшею послѣдствіемъ возстанія Хмельницкаго... Поэма моя выношена подъ сердцемъ. Народныя преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ".—На это мы прежде всего замѣтимъ, что если существуетъ въ народѣ поговорка о Маркѣ въ пеклѣ, то отсюда не слѣдуетъ заключать, чтобы въ изустномъ преданіи народа существовала и легенда о похожденіяхъ Марка. Малорусская пословица—„товчецця якъ Марко по пеклу",—по словамъ г. Крыжановскаго, есть буквальный переводъ польской пословицы „Wykręcisię jak Marek w pieklie". Она, по сознанію многихъ папистовъ, принесена была въ Польшу съ Флорентинскаго собора и составлена для осмѣянія Марка Ефесскаго, съ такою твердостью возстававшаго противъ ухищреній католиковъ" [1]). Если же такъ, то едва ли не напрасны были тридцати-лѣтиіе поиски А. П. Стороженка за народными сказаніями о похожденіяхъ Марка проклятато. До сихъ поръ мы ничего не имѣемъ изъ устъ народа ни о какомъ Маркѣ, кромѣ Марка богатаго, который, однако же, не имѣетъ никакого отношенія къ герою поэмы Стороженка. Типъ Марка проклятаго созданъ у него подъ вліяніемъ сказаній о вѣчномъ жидѣ и, можетъ быть, на основаніи нѣкоторыхъ безъименныхъ легендарныхъ разсказовъ о величайшемъ грѣшникѣ [2]). Есть даже въ поэмѣ нѣкоторыя черты, роднящія ее съ произведеніями Гоголя. Поэма „Марко проклятый" имѣетъ въ виду изобразить ту эпоху въ жизни малорусскаго народа, какую изобразилъ Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ", и такими же крупными, размашистыми штрихами. Личная судьба самого Марка проклятаго напоминаетъ судьбу героя Гоголевской повѣсти „Страшная месть". Въ послѣдней разсказывается, что при Стефанѣ Баторіи жили два казака, Иванъ и Петръ, и жили дружно, какъ братъ съ братомъ; наконецъ, Петръ, изъ зависти, рѣшился погубить своего названнаго брата Ивана и столкнулъ его съ малюткой-сыномъ въ глубокій провалъ между Карпатскими горами. На судѣ Божьемъ Иванъ про-

---

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей. 1860 г., т. I, стр. 300.

[2]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы", Кіевъ, 1876 г., стр. 130—132, „О кровосмѣсителѣ и разбойникѣ".

силъ Господа сдѣлать такъ, чтобы все потомство измѣнника Петра не имѣло на землѣ счастія, чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и чтобы отъ каждаго его злодѣйства дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ. „И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку,—говорилъ Иванъ,—подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ этой горы въ самый глубокій провалъ". Послѣдній изъ потомковъ вѣроломнаго Петра и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ повѣсти Гоголя „Страшная месть". Это былъ колдунъ, который зарѣзалъ свою жену, убилъ своего зятя и внука, хотѣлъ обольстить свою родную дочь и убилъ святаго старца-схимника, признавшаго его неслыханнымъ грѣшникомъ, которому нѣтъ помилованія. Гонимый внутреннимъ страхомъ, колдунъ вскочилъ на коня и направился-было черезъ Каневъ и Черкасы въ Крымъ, но, противъ собственной воли, заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону, къ Карпатскимъ горамъ. Чудесный всадникъ ухватилъ колдуна рукою, поднялъ на воздухъ и бросилъ его въ пропасть. Въ то же время поднялись изъ земли мертвецы, вскочили въ пропасть, подхватили колдуна и вонзили въ него свои зубы. Нѣкоторые мотивы этой повѣсти, имѣющей основаніе въ народныхъ легендахъ о великомъ грѣшникѣ, примѣняются у А. П. Стороженка къ „Марку проклятому", отецъ котораго жилъ и дѣйствовалъ тоже при Стефанѣ Баторіи. Будучи вскормленъ кровью вмѣсто матерняго молока, Марко сдѣлался неукротимымъ, кровожаднымъ человѣкомъ. Въ гнѣвѣ онъ чуть не убилъ отца своего, сожегъ вмѣстѣ съ хатою свою бывшую невѣсту и ея мужа, влюбился въ родную сестру и задавилъ прижитаго отъ нея своего сына, и наконецъ убилъ свою сестру и мать. Тѣнь отца поднялась съ того свѣта и проклала Марка: „Проклинаю и я тебе, сыну, зъ того свиту; не прийме тебе не земля, не пекло; будешъ ты, оглашенный, якъ той Каинъ, блукаты по свиту до страшного суду, ажъ поки добрымы дилами, та щирымъ покаяннемъ не спасешъ своеи душі и загубленнихъ тобою душъ!.. Носыся-жъ по свиту зъ тяжкою твоею совистью и симы головамы, що суботы Божой будемо до тебе приходыть"! Съ послѣднимъ словомъ онъ кинулъ Марку отсѣченныя головы и пропалъ. И пошелъ Марко бродить по бѣлу-свѣту съ этими головами, совѣтовался съ монахами и попами, и одинъ только пустынникъ, въ Карпатскихъ горахъ, обнадежилъ его милостію Божіею, если онъ будетъ исполнять святой законъ Господа и его волю не изъ корысти и благъ будущей жизни, а на утѣху и великую радость своей душѣ и сердцу. Былъ Марко и въ „пеклѣ", т. е. въ аду, куда путь шелъ черезъ дупло, на высокой горѣ, въ Галицкой землѣ. Тамъ онъ толкся по пеклу цѣлую ночь и поразгонялъ всѣхъ чертей; но загубленныя имъ души сказали ему: „Тикай, Марку, звадци! На симъ

свити ты насъ не вырятуешъ, а тильки на тимъ!“ Съ тѣхъ поръ Марко, этотъ вѣчный украинскій жидъ, ходитъ со своею страшною сумою по бѣлому свѣту и творитъ добрыя дѣла, для спасенія себя и загубленныхъ имъ душъ. Въ войну Хмельницкаго съ поляками Марко являлся въ самыя критическія минуты и выручалъ казаковъ изъ бѣды, помогалъ раненымъ и погребалъ убитыхъ. Выбравшись изъ фантастическаго міра на историческую почву казацкихъ войнъ съ поляками, Стороженко обставляетъ своего героя эпизодами о Кривоносѣ, Вовхурянцахъ, Павлюгѣ и Немировской рѣзнѣ, полученными совершенно изъ другихъ источниковъ. По словамъ Стороженка, эпизоды эти основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которые и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи народа. Разсказъ о Немировѣ переданъ Стороженкѣ 98-лѣтнимъ немировскимъ священникомъ, который на девятомъ году своего возраста былъ поводатыремъ у своего прадѣда, тоже сто-лѣтняго старика, бывшаго свидѣтелемъ Немировской рѣзни и ея послѣдствій. „Съ этой стороны, нѣкоторыя особенности, касающіяся быта Запорожья, дѣйствительно очень важны: это, въ своемъ родѣ, похоже на вновь открытый островъ среди океана“. Въ нихъ отражается, по изустнымъ народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ, древній, почти первоначальный видъ Запорожья, его характеръ и міросозерцаніе.

Къ одному изъ эпизодовъ войны между казаками и поляками при Богданѣ Хмельницкомъ примыкаетъ своимъ содержаніемъ разсказъ Стороженка—„Матусине благословення“, который онъ собирался передать Н. В. Гоголю. На дворѣ у казака Тараса Самсоновича Коротая, между Ромнами и Прилуками, росъ вѣковой дубъ, называемый „Матусине благословення“, подъ которымъ семейство обыкновенно обѣдало въ лѣтнюю пору. По поводу этого дуба хозяинъ разсказалъ автору слѣдующее. Пращуръ Коротая жилъ во времена Богдана Хмельницкаго, отличался громадною силою и участвовалъ въ дѣйствіяхъ вовгурянцевъ на Волыни противъ князя Яремы Вишневецкаго. Въ одну изъ развѣдокъ Самсонъ Коротай увидѣлъ у криницы (колодца) заплаканную дівчину, у которой польскіе жолнеры убили отца и брата, ранили матерь и сожгли домъ ея, вмѣстѣ съ селомъ. Коротай приходитъ съ дивчиной къ ея умирающей матери, соглашается жениться на Марусѣ,—и мать благословляетъ ихъ дубовымъ жолудемъ, кромѣ котораго ничего другаго у ней не нашлось, и умираетъ. Коротай отправляетъ свою невѣсту на одинъ хуторъ, а самъ продолжаетъ воевать съ поляками. Между тѣмъ, этотъ хуторъ былъ сожженъ, и жители его перешли на другую сторону Днѣпра. Коротай отыскалъ тамъ свою Марусю и женился на ней, а жолудь посадилъ на дворѣ, и изъ него выросъ громадный дубъ.

Къ XVII-му же вѣку, приблизительно ко временамъ Богдана Хмельницкаго, относятся два фантастическіе разсказа: „Стехинъ Рогъ“ (мысъ) и „Закоханий (влюбленный) чортъ“, хотя они по своему со-

держанію безразлично могутъ быть отнесены къ какому угодно вѣку. Дѣйствіе перваго разсказа происходитъ на берегу Днѣпра, въ Полтавской губерніи, еще при польскомъ владычествѣ. У бѣднаго рыбака съ женою была дочь красавица, Стеха, до того скромная и стыдливая, что купалась одна ночью съ мыса. Однажды подмѣтилъ ее здѣсь водяной царь Синько-водяний, плѣнился красавицею и, чтобы овладѣть ею, устроилъ такъ, чтобы она сама загубила свою душу. Скоро послѣ этого пришли въ село жолнеры, и молодой ротмистръ ихъ влюбился въ Стеху, которая, въ свою очередь, полюбила его; ротмистръ обѣщалъ на ней жениться. Скоро ротмистръ отправился на войну въ туречину и утопленъ былъ водяникомъ въ волнахъ Дуная. Стеха съ горя бросилась въ Днѣпръ и, такимъ образомъ, загубила свою душу. Водяникъ ласково принялъ ее и предпочиталъ ее всѣмъ остальнымъ русалкамъ. Одна изъ нихъ изъ зависти превратила Стеху въ плотичку, которую поймалъ отецъ Стехинъ и принесъ домой. Здѣсь родители узнали въ плотичкѣ свою дочь и умолили за нее Бога. Водяникъ, узнавъ о пропажѣ Стехи, разъярился и поднялъ страшную бурю, вслѣдствіе которой оторвалась скала отъ берега и упала въ Днѣпръ, но не могъ получить обратно Стехи и выбросилъ ея тѣло на рогъ или мысъ. Здѣсь оно и погребено было, а мысъ сталъ называться „Стехинъ Рогъ". Заключающіяся въ этой повѣсти сказанія о водяникѣ были бы весьма драгоцѣнны для насъ, если бы были достовѣрны. Къ сожалѣнію, мы не можемъ ручаться за ихъ чисто народное происхожденіе. Въ ней замѣтно только слабое отраженіе народныхъ вѣрованій о русалкахъ.

Еще менѣе народнаго элемента мы находимъ въ другой фантастической повѣсти Стороженка—„Закоханий чортъ", хотя зерно этой повѣсти, по словамъ автора, получено отъ бывшаго січовика, 90-лѣтняго дѣда, пережившаго разореніе Сѣчи, который, въ свою очередь, слышалъ этотъ разсказъ отъ своего дѣда. Дѣдъ его Кирило былъ запорожецъ-характерникъ и знался съ вѣдьмами и чертями. Потерявши коня въ боевой схваткѣ съ татарами, онъ пошелъ въ слободы искать другаго коня и дорогою остановился переночевать въ лѣсу. Здѣсь подмѣтилъ онъ сцену любовнаго свиданія чорта съ вѣдьмою, которая, однако же, соглашалась отдаться чорту на десять лѣтъ не иначе, какъ подъ условіемъ исполнить одно ея желаніе. Чортъ согласился. Въ свидѣтели договора приглашенъ былъ дѣдъ Кирило. Вѣдьма пожелала спасенія. При посредничествѣ Кирила чортъ согласился и на это и даже самъ отвезъ Кирила во святыя горы къ пустыннику. Пустынникъ затворилъ вѣдьму въ пещеру, а Кирилѣ далъ противъ дьявола крестъ, при помощи котораго Кирило ѣздилъ на чортѣ пять лѣтъ, какъ на добромъ конѣ. Въ заключеніе, черти разрываютъ „Закоханого чорта" въ клочки, а вѣдьма Одарка избавляется отъ дьявола и выходитъ замужъ за Кирила. Кромѣ общаго представленія о вѣдьмахъ и обманутомъ кривомъ чортѣ, мы не на-

ходимъ народныхъ элементовъ и мотивовъ въ этомъ разсказѣ, который мѣстами скорѣе напоминаетъ намъ нѣкоторые эпизоды изъ украинской повѣсти Гоголя „Ночь наканунѣ Рождества", гдѣ чортъ также ухаживаетъ за вѣдьмою.

Чѣмъ болѣе удаляется Стороженко въ своихъ историческихъ повѣстяхъ отъ XVII-го вѣка и приближается къ своему времени, тѣмъ болѣе его произведенія получаютъ правдоподобіе и реальный характеръ. Первая, по старшинству содержанія, повѣсть Стороженка въ этомъ родѣ есть „Дорошъ" изъ „Оповідань Грицька Клюшника". Герой разсказа „Дорошъ", по разореніи Сѣчи въ 1709 году, удалился съ другими запорожцами въ Алешки, гдѣ и осадились они въ 1712 году. Но въ 1733 году часть запорожцевъ возвратилась въ Россію и осадила Новый Кошъ на рѣкѣ „Підпольній". Дорошъ былъ войсковымъ эсауломъ запорожскимъ въ Алешкахъ, вернулся съ другими запорожцами въ Россію въ 1733 году, размѣрялъ окопы и дѣлалъ раскаты для Новаго Коша. На старости лѣтъ онъ ушелъ въ степь, сѣлъ зимовикомъ и завелъ пасѣку, проводя пустынническую жизнь. Въ то время татары еще дѣлали набѣги на южную Русь, а гайдамаки преслѣдовали татаръ. Дорошъ не боялся ни тѣхъ, ни другихъ, и однажды спасъ жизнь татарину Чортенку отъ своеволія гайдамаковъ. Какъ бы для того, чтобы больше оттѣнить простую и патріархальную жизнь Дороша, авторъ выводитъ на сцену хвастливаго шляхтича Бужинскаго, который забрался ночью въ таинственный лѣсъ и едва былъ вытащенъ изъ болота.

„Межигорскій дідъ — оповіданне бабуси" передаетъ незначительныя черты изъ жизни запорожцевъ XVII-го вѣка со словъ бывшаго запорожца, Межигорскаго дѣда, и упоминаетъ о нѣкоторыхъ запорожскихъ „думахъ". При незначительности содержанія, этотъ разсказъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что удачно схватываетъ и характеризуетъ болтливость безпамятной старухи-разсказщицы, постоянно сбивающейся въ сторону отъ разсказа.

Драматическія картины „Гаркуша" и историческій романъ „Братья близнецы" относятся къ одному и тому же времени и даже оба говорятъ объ одномъ и томъ же героѣ Гаркушѣ, съ тою только разницею, что въ первомъ произведеніи Гаркуша является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а во второмъ онъ играетъ роль второстепенную.

Драматическія картины „Гаркуша" идеализируютъ этого разбойника, который надѣленъ у автора красотою, удальствомъ и храбростью, умомъ и образованіемъ, великодушіемъ и добрымъ сердцемъ. Онъ похищаетъ у стараго сотника Бутуза молодую жену его Марусю, которая, въ свою очередь, полюбила его, не зная, что онъ разбойникъ; онъ убиваетъ подчиненнаго ему старшину разбойниковъ Помело за грубое обращеніе съ дивчатами, беретъ въ плѣнъ самого сотника Бутуза и издѣвается надъ нимъ. Погулявши съ сотничихой, Гаркуша возвра-

щаетъ ее домой. Здѣсь, по подаркамъ отъ Гаркуши, она узнаетъ, что ея коханокъ есть знаменитый въ то время разбойникъ Гаркуша; но тѣмъ не менѣе она бросаетъ навсегда своего стараго мужа, идетъ за Гаркушею и уговариваетъ его идти на войну противъ турокъ. По словамъ запорожцевъ, Гаркуша дѣйствительно участвовалъ въ турецкой войнѣ 1768 года и умеръ въ Молдавіи отъ чумы.

Въ видѣ эпизода, этотъ же самый разсказъ о Гаркушѣ вводится и въ историческій романъ Стороженка „Братья близнецы"; но здѣсь Гаркуша играетъ служебную роль. Главными героями романа являются братья близнецы, Иванъ и Семенъ Бульбашки, сыновья мелкихъ украинскихъ помѣщиковъ. Они учились сначала у мѣстнаго дьякона, а потомъ у переяславскаго бурсака Галушки, который преподавалъ имъ грамматику, ариѳметику, географію и исторію. Во время дѣтства братьевъ, однажды весь околодокъ встревоженъ былъ вѣстью о приближеніи разбойника Гаркуши съ шайкою. Окрестные помѣщики, разные Капельки, Малинки, Покрышки, Драбины и т. п., держатъ военный совѣтъ и собираютъ ополченіе противъ разбойника, подъ командою Драбины. Несмотря на всѣ предосторожности, Гаркуша легко и свободно проникъ въ домъ Бульбашекъ и уже совсѣмъ было хотѣлъ ограбить ихъ; но его поразила здѣсь храбрость и безстрашіе маленькаго Семеика, который угрожалъ Гаркушѣ саблею, безстрашно стоялъ передъ его дуломъ и отвергнулъ предложеніе Гаркуши побрататься съ нимъ. Уважая въ мальчикѣ эти качества, Гаркуша не только отмѣнилъ свое намѣреніе ограбить Бульбашекъ, но и побратался съ матерью Семенка. Въ качествѣ названнаго ея брата, онъ попировалъ у Бульбашекъ и къ утру улетѣлъ съ своей шайкой, не оставивъ и слѣда. Поздно узналъ Драбина объ этомъ набѣгѣ. Явившись со своимъ ополченіемъ къ Бульбашкамъ, онъ падаетъ отъ внутренняго волненія, передаетъ храброму Семенку саблю Богдана Хмельницкаго и скоро умираетъ. Скоро о Гаркушѣ и слухъ замолкъ. Молодые Бульбашки подростали и готовились въ казаки. Но въ Будищахъ на ту пору квартировалъ армейскій батальонъ, командиръ котораго, маіоръ Красноскуловъ, познакомился съ Бульбашками и убѣдилъ ихъ отдать своихъ сыновей не въ казаки, а въ армію, и именно къ нему въ батальонъ. Иванъ и Семенъ поступили подъ команду Красноскулова и начали военную службу на глазахъ родителей. Между тѣмъ, дѣйствія русскихъ войскъ противъ Барскихъ конфедератовъ и сожженіе Балты подали Турціи поводъ объявить Россіи войну. Вслѣдствіе этого русскія войска стали придвигаться къ предѣламъ Турціи. Туда же направленъ былъ и батальонъ Красноскулова, въ которомъ служили молодые Бульбашки. Дорогой они посѣщаютъ Субботово и Кириловскій монастырь, настоятель котораго, архимандритъ Мельхиседекъ, даритъ имъ по саблѣ. Наконецъ, они являются въ дѣйствующую армію, участвуютъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, получаютъ раны и подвергаются большой опасности, отъ которой спасаютъ ихъ

слуги ихъ Захарко и Гаркуша. Последній извещаетъ свою названную сестру о здоровьи ея детей. После Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, братья берутъ отставку и возвращаются домой въ майорскихъ чинахъ, но уже не застаютъ въ живыхъ своего отца. Иванъ женится на дочери Пампушки—Гале, а Семенъ на подруге Гали, Любиньке, жившей у своей тетки, скряги Ховайлихи. Долго они жили счастливо и мирно, но по смерти своей матери разделились и скоро поссорились изъ-за неправильнаго хода въ карточной игре. Оба они стали постепенно сохнуть и примирились только передъ смертью, въ той самой комнате, въ которой родились 50 летъ назадъ.

И въ этомъ романе есть несколько подробностей, заимствованныхъ изъ устныхъ преданій и разсказовъ. Такъ, напримеръ, о Гаркуше разсказывалъ автору въ Екатеринославе запорожецъ Каржъ, столетній старецъ, знавшій Гаркушу еще до побега его изъ Коша. Разсказъ о геройскихъ подвигахъ на войне Захарки, слуги Бульбашекъ, взятъ, по словамъ автора, съ истиннаго происшествія. Но, вместе съ темъ, это первое по времени произведеніе Стороженка во многихъ местахъ носитъ на себе явные следы подражанія Гоголю. Старики Бульбашки живутъ такою же патріархальною жизнію, какъ Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна въ „Старосветскихъ помещикахъ" Гоголя. Воспитатель молодыхъ Бульбашекъ, бурсакъ Галушка, описывается такими же чертами, какими бурсакъ въ повести Гоголя „Вій". Соседи Бульбашекъ—Дудки, Передеріи, Кныши, Малинки и проч., напоминаютъ намъ типы мелкопоместныхъ дворянъ въ поэме Гоголя „Мертвыя души". Скряга Ховайлиха есть не что иное, какъ Гоголевскій Плюшкинъ въ юбке. Наконецъ, ссора братьевъ Бульбашковъ и смерть ихъ довольно точно воспроизводятъ повесть Гоголя о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Можетъ быть, колебаніе Стороженка между разными источниками, т. е. устными преданіями съ одной стороны и оригиналами Гоголя съ другой, были причиною того, что разсматриваемый романъ не иметъ выдержанности и единства плана и отличается эпизодичностію и отступленіями отъ главнаго предмета.

Разсказъ А. П. Стороженка, подъ заглавіемъ „Конрітъ Бубненко-Швидкий", названъ по имени главнаго лица, столетняго запорожца, котораго авторъ зналъ лично въ двадцатыхъ годахъ нынешняго столетія. Съ виду онъ казался шутникомъ и проказникомъ и даже юродивымъ старикомъ, но въ душе любилъ правду и чистоту душевную и своими смешными выходками преследовалъ только нехорошихъ людей. После Уманщины, поляки вырезали его семью кроме дочери, которую одинъ панъ взялъ себе въ наложницы. Самъ онъ, приговоренный къ смертной казни, убежалъ отъ ляховъ изъ каменной башни. Кондратъ Бубненко-Швидкій умеръ въ 1827 году, въ день Пасхи, и могила его окружена была народною любовію.

Разсказъ подъ заглавіемъ „Прокіпъ Ивановичъ" изъ „Оповидань

Грицька Клюшника", говоритъ уже объ участи запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи Текеліемъ въ 1775 году. Послѣ этого, одни изъ запорожцевъ пошли въ Черноморію, другіе — во владѣнія султана турецкаго, третьи—на Украйну. Между послѣдними были Прокіпъ Ивановичъ и Грицько Клюшникъ. Они встрѣтились съ однимъ добрымъ паномъ, поселились на его земляхъ, женились и обзавелись хозяйствомъ, но все-таки отличались дикимъ характеромъ січовиковъ и неподкупною правдивостію. Что же касается січовиковъ, отправившихся въ Черноморію, то ихъ отчасти касается извѣстная уже намъ повѣсть Стороженка „Закоханий чортъ". Разсказщикъ ея, старый дѣдъ, не желая быть, послѣ разоренія Сѣчи, панскимъ, отправился съ семействомъ въ Черноморію, но въ степяхъ лишился сына, дочери и жены, и изъ Черноморіи снова вернулся на родину и скитался здѣсь втеченіе тридцати лѣтъ.

Этимъ и исчерпывается содержаніе историческихъ повѣстей Стороженка изъ запорожскаго быта. Есть еще одна историческая повѣсть— „Голка", но она касается уже другой среды и говоритъ объ извѣстномъ панѣ Каневскомъ (графѣ Потоцкомъ), прославившемся своими выходками и самодурствомъ. Повѣсть разсказываетъ о томъ, какъ Потоцкій убилъ одного чужаго жида вмѣсто птицы и заплатилъ за него цѣлымъ возомъ своихъ жидовъ, какъ убилъ Бондарівну за то, что она не захотѣла отдаться ему, и особенно останавливается на исторіи съ иголкой. Дѣло въ томъ, что Потоцкій во время своихъ разъѣздовъ имѣлъ при себѣ иголку съ ниткой, чтобы, въ случаѣ нужды, починить свою одежду, и требовалъ, чтобы и другіе слѣдовали его примѣру. Однажды онъ велѣлъ отдуть нагайками шляхтича Кондратовича за то, что онъ не имѣлъ при себѣ иголки съ ниткой, но и Кондратовичъ отплатилъ ему тѣмъ же самымъ. Узнавъ, что Потоцкій ходитъ по субботамъ въ каплицу одинъ, въ рубищѣ нищаго, молиться Богу, Кондратовичъ подстерегъ его здѣсь и страшно избилъ его за то, что этотъ мнимый нищій не имѣетъ при себѣ иголки съ ниткой. Потоцкій никому не сказалъ объ этомъ, но черезъ нѣсколько времени велѣлъ отыскать Кондратовича и щедро наградилъ его за науку землею и деньгами. Всѣ эти разсказы о Потоцкомъ или панѣ Каневскомъ (по резиденціи его, г. Каневу) увѣковѣчены народной памятью въ историческихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, которыя и доселѣ въ томъ же видѣ ходятъ въ устахъ народа. Мы слышали ихъ въ Волынской губерніи, около Почаева, гдѣ онъ возстановилъ и украсилъ Почаевскій монастырь и нерѣдко проживалъ здѣсь въ минуты капризныхъ порывовъ къ спасенію своей мятежной души.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Стороженка въ „Вѣстникѣ Западной Россіи", въ ультра-русскомъ направленіи. Она вызвана была послѣднею польскою смутою и отличается чисто полицейскими возрѣніями на нее.

Для примѣра, мы остановимся на его комедіи „Встрѣча вновь назначеннаго довудцы". Здѣсь авторъ изображаетъ въ карикатурномъ видѣ хвастливый задоръ повстанцевъ, лицемѣрный патріотизмъ польскихъ паннъ и панночекъ, которымъ они прикрывали свои мелкіе, своекорыстные интересы, волокитство пановъ и податливость женскаго пола, самозванство лакеевъ, ловившихъ рыбу въ мутной водѣ, изувѣрство ксендзовъ, дѣйствовавшихъ отравою, траги-комическое положеніе повстанцевъ передъ организованными правительственными войсками и печальный исходъ повстанія. Болѣе благоразумный изъ дѣйствующихъ лицъ, панъ Цибульскій, заканчиваетъ комедію слѣдующей тирадой, выражающей мысли автора: „Творецъ милосердный! до какого безобразія довели насъ нелѣпыя, несбыточныя затѣи?.. Какъ безсмысленно, по-дѣтски, нашимъ апатичнымъ бездѣйствіемъ мы предали себя въ руки этой красной сволочи?.. какъ глупо поставили себя между двухъ огней, между кровожаднымъ революціоннымъ жондомъ и законнымъ правительствомъ, которому рано или поздно прійдется дать отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ?.. Оглянитесь же, безмозглые, чтó происходитъ вокругъ васъ: самые скверные люди въ краѣ забрали въ руки власть, самопроизвольно назначаютъ налоги, воруютъ общественныя деньги и грозятъ вамъ висѣлицей!.. Лакей случайно получаетъ диктаторскую власть, расхищаетъ кассы народнаго жонда и вѣшаетъ нашего брата—помѣщика!.. Ксендзы, проповѣдники смиренія и кротости, съ кинжалами, напоенными ядомъ, предводительствуютъ шайками и какъ бандиты отравляютъ пищу!.. И все это совершается во имя свободы и какой-то идеальной „ойчизны!"...

V.

Антоній Свидницкій.

Сынъ священника Подольской губерніи, бывшій воспитанникъ каменецъ-подольской духовной семинаріи и потомъ, кажется, чиновникъ, А. Свидницкій умеръ лѣтомъ 1871 года [1]).

Немногое написано Свидницкимъ—всего около 17-ти разсказовъ и очерковъ [2]), да и это не многое невсегда отличается хорошими

[1]) Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ статьяхъ автора „Великдень у Подолянъ", въ „Основѣ", за октябрь, ноябрь и декабрь 1861 года, и въ статьѣ „Злой духъ", въ № 33 „Кіевлянина" за 1872 годъ.

[2]) Намъ извѣстны слѣдующія произведенія Свидницкаго: 1) „Великдень у Подолянъ", въ „Основѣ" за 1861 годъ; 2) „Прошлый бытъ православнаго духовенства", въ „Кіевлянинѣ", за 1869 г., №№ 92—93; 3) „На похоронахъ", тамъ же, № 103; 4) „Неразгаданный преступникъ", тамъ же, № 109; 5) „Пачковозы (подольская быль)",

литературными достоинствами. Несмотря на то, Свидницкій важенъ для насъ уже потому, что это единственный писатель въ украинской литературѣ, который рѣшился въ беллетристической формѣ указать культурныя особенности Подоліи. А эти особенности заслуживають полнаго нашего вниманія. Особенности эти и историческія и этнографическія. Прошедши сквозь горнило польско-еврейской гражданственности или цивилизаціи, Подолія сохранила на себѣ осадокъ чужеземныхъ племенъ и ихъ вліяній: къ русскому корню присосались здѣсь цѣлыя гнѣзда польскихъ магнатовъ и мелкой шляхты, вокругъ которыхъ кишмя кишѣли евреи. Все это пестрое населеніе Подоліи, всѣ эти племена и языки, эксплуатировавшіе одинъ другого, а больше всего русскаго крестьянина, получали своеобразную окраску, благодаря близости бессарабско-турецкой и австрійской границъ. „Бессарабія, пестрый край, населенный молдаванами, русскими, евреями, греками, армянами, русняками, хохлами и цыганами, край, прилегающій къ Турціи, Молдавіи и Австріи, служилъ издавна пріютомъ бродягамъ всякаго рода [1]), и широкой ареной для тайныхъ пограничныхъ сношеній, для побѣговъ и укрывательства бродягъ. То же отчасти можно сказать и о Подольской губерніи, которая, находясь въ сосѣдствѣ съ Бессарабіей и на границѣ съ Австріей, служила приманкою для бродягъ всякаго рода и искателей приключеній. Здѣсь находили пріютъ военные дезертиры, бѣглые ссыльные, арестанты, ушедшіе изъ тюрьмы, крестьяне, бѣжавшіе отъ пана, дѣти, бѣжавшіе отъ родителей, мужья отъ женъ, жены отъ мужей,— словомъ, всѣ, кто почему либо не могъ оставаться на мѣстѣ жительства" [2]). Среди такого населенія удобно практиковались всевозможныя уголовныя тяжкія преступленія. Вотъ эту-то страну, кипящую разнообразнымъ населеніемъ и всякаго рода уголовными преступленіями, и пытался изобразить въ своихъ немногочисленныхъ этюдахъ Свидницкій. Въ однихъ изъ своихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, „Великдень у Подолянъ", „Злой духъ", „На похоронахъ", „Прошлый бытъ православнаго духовенства", Свидницкій изображаетъ съ этнографическою вѣрностію бытъ кореннаго русскаго народа и его духовенства, изъ среды котораго вышелъ самъ авторъ.

тамъ же, № 120; 6) „Конокрады", тамъ же, № 121; 7) „Попался въ просакъ", тамъ же, №№ 128 и 129; 8) „Шинкарь", тамъ же, № 131; 9) „Жебракы (очеркъ изъ быта подольскихъ компрачикосовъ)", тамъ же, №№ 133 и 134; 10) „Хочь зъ мосту та въ воду", тамъ же, № 141; 11) „Желѣзный сундукъ (подольская быль)", тамъ же, 1870 г., №№ 11—13; 12) „За годъ до холеры", тамъ же, №№ 26—29; 13) „Гаврусь и Катруся", тамъ же, №№ 54—56; 14) „Легенда про Семена Палія", тамъ же, № 57; 15) „Орендарь", тамъ же, №№ 72—74; 16) „Туда и обратно", тамъ же, №№ 140 и 141, и 17) „Злой духъ (народныя южнорусскія повѣрья)", тамъ же, 1872 года, № 33.

[1]) „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ", Н. Варадинова, т. VIII, 1863 г., стр. 591 и слѣд.

[2]) „Жебракы", А. Свидницкаго, въ №№ 133 и 134 „Кіевлянина" за 1869 годъ.

Въ другихъ разсказахъ, напримѣръ „Орендарь", „Гаврусь и Катруся", рисуются историческія и современныя отношенія русскаго народа и его духовенства къ польской шляхтѣ. Особенно же много удѣляетъ авторъ вниманія еврейскому элементу, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ проникалъ во всѣ сферы жизнедѣятельности Подоліи и парализовалъ ее своимъ тлетворнымъ вліяніемъ. Еврейскому элементу посвящены авторомъ разсказы: „Попался въ просакъ", „Шинкарь", „За годъ до холеры" и другіе. Но есть у нашего автора разсказы и о такихъ сторонахъ подольской жизни, которыя обусловливались не особенностями того или другого племени, входившаго въ составъ подольскаго населенія, а топографическими особенностями края, лежащаго на государственной границѣ, которыя давали пріютъ всякаго рода вольницѣ и предоставляли полный просторъ разнузданности страстей. Благодаря близости границъ въ Подоліи съ особенною силою развиты были конокрадство, контрабанда, поддѣлка и сбытъ фальшивыхъ денегъ и преимущественно разбои. Въ этихъ преступленіяхъ участвовали представители всѣхъ племенъ, населявшихъ Подолію. Изображенію такихъ преступленій посвящены разсказы нашего автора: „Неразгаданный преступникъ", „Пачковозы", „Конокрады", „Жебраки" и „Желѣзный сундукъ".

Мы оставимъ въ сторонѣ чисто этнографическіе этюды автора, такъ какъ они скорѣе относятся къ ученой литературѣ, чѣмъ къ беллетристикѣ, и обратимъ вниманіе только на его разсказы объ исключительныхъ явленіяхъ въ подольской жизни, которые собственно и могутъ быть поставлены, по содержанію, въ параллель съ соотвѣтствующими произведеніями Н. В. Гоголя, А. П. Стороженка, гр. Данилевскаго и другихъ.

Старѣйшимъ по содержанію нужно признать разсказъ Свидницкаго „Орендарь", касающійся еще временъ польскаго владычества въ Подоліи. Въ селѣ Т—кѣ, за нѣсколько лѣтъ до возсоединенія уніатовъ, умеръ старикъ-священникъ, въ вѣдѣніи котораго были такъ называемые церковные крестьяне, т. е. поселившіеся издавна на церковной землѣ и работавшіе панщину въ пользу священника. До назначенія новаго священника, мѣстный орендарь Мошко воспользовался посѣвами покойнаго, соблазнивъ крестьянъ водкою и убѣдивъ ихъ, что посѣвы покойнаго не принадлежатъ теперь никому и даже составляютъ ихъ собственность. Когда же на мѣсто покойнаго священника назначенъ былъ новый, уніатъ Марчинскій, который страстно любилъ охоту, сдѣлалъ многихъ церковныхъ крестьянъ псарями и доѣзжачими и окружилъ себя голодною польскою шляхтою, то мужики возненавидѣли своего священника-помѣщика и уже по собственному побужденію стали всячески вредить ему, красть его добро и пропивать у Мошки. Мошка захотѣлъ воспользоваться также и посѣвами Марчинскаго и подговорилъ мужика Остапа Гуляя съ его сыномъ Ондріемъ-псаремъ красть постепенно у Марчинскаго ячмень

или овесъ съ поля, давъ имъ своихъ коней и повозку. Но окружавшіе Марчинскаго паничи подстерегли Гуляя и обрѣзали у лошадей хвосты. Послѣ этого Остапъ Гуляй передалъ своему сыну Ондрію ножъ складанецъ и не велѣлъ уже ему больше возвращаться домой, а самъ отправился съ безхвостыми лошадьми въ село. На другой день пропалъ безъ вѣсти Марчинскій.

Нельзя не замѣтить, что названіе разсказа не выражаетъ вполнѣ его содержанія. На первомъ планѣ представляется намъ не орендарь, дѣйствующій изъ-за угла, а ксендзъ Марчинскій, который забылъ свои прямыя обязанности, якшался съ польскою шляхтою, велъ себя чисто по-шляхетски и до того раздражилъ крестьянъ, что, наконецъ, по всѣмъ признакамъ, погибъ отъ ихъ руки. Слѣдовательно, разсказъ этотъ скорѣе рисуетъ прежнія отношенія польской шляхты и ополяченнаго уніатскаго духовенства къ крестьянамъ, чѣмъ отношенія жидовъ-шинкарей къ тѣмъ и другимъ.

По присоединеніи этого края къ Россіи, унія исчезла и шляхетско-польскій элементъ ослабѣлъ. Въ это время произошла большая перемѣна въ обычаяхъ, взглядахъ, во всемъ... Гдѣ прежде дѣйствовали поклономъ, выигрывали молчаніемъ,—говоритъ Свидницкій о православномъ духовенствѣ,—тамъ начали прибѣгать къ силѣ и угрозамъ; гдѣ были только базиліанскія школы, явились духовныя училища и семинарія въ Каменцѣ. Вліяніе поляковъ, однако, не было парализовано, хотя ограничилось только дѣйствіемъ на женскій полъ, отчего въ семейномъ быту нашего духовенства произошелъ разладъ: дочери приняли польскій языкъ, сыновья стали говорить по-русски, тогда какъ родители могли объясняться только на мѣстномъ нарѣчіи, съ примѣсью церковныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій. Эти отношенія рисуетъ разсказъ Свидницкаго „Гаврусь и Катруся". Это были попъ и попадья, тянувшіе своими симпатіями въ разныя стороны, которыхъ семейное счастіе разрушено было наглымъ вторженіемъ въ ихъ семейную жизнь одного шляхтича. Когда родилась Катруся, отецъ ея, священникъ,—пригласилъ въ кумовья благочиннаго, который однако, имѣя шестилѣтняго сына, предусмотрительно отказался отъ кумовства, чтобы не отнять возможности брака между ихъ дѣтьми. На крестинахъ, подъ веселую руку, онъ шутя засваталъ новорожденную за своего сына Гавруся. Но, выросши, Гаврусь не забылъ шутки и женился на Катрусѣ, которая между тѣмъ привязалась къ польской рѣчи и къ польскимъ обычаямъ. Молодые супруги жили, повидимому, счастливо. А между тѣмъ Катруся, усыпляя своего мужа ласками, вошла въ непозволительныя связи съ мѣстнымъ экономомъ-ляхомъ. Гаврусь узнаетъ объ этомъ отъ старой своей няни, застаетъ любовниковъ въ расплохъ и хочетъ убить ихъ на мѣстѣ, но удерживается увѣщаніями старушки—няни и собственною совѣстію. „Господи и Владыко и живота моего",—думалъ онъ рѣшаясь на убійство, хоть бы полюбила, да что нибудь стоющее. Не жаль упасты,

та зъ добраго коня. Но промѣнять честь и совѣсть на поцѣлуй урода... не понимаю! Одно слово: ляхъ!" Гаврусь не убилъ ихъ, но отпоролъ эконома **постронками** (веревками отъ колоколовъ), а Катрусю наказалъ полнымъ презрѣніемъ. Она оставила мужа и долго скиталась по своимъ роднымъ, которые, наконецъ, успѣли сколько нибудь помирить ее съ мужемъ; но Гаврусь все-таки не возвратилъ ей свой любви. Что же касается эконома-ляха, то онъ принялъ участіе въ первомъ польскомъ повстаніи и сосланъ былъ въ Сибирь.

Паны-ляхи являются дѣйствующими лицами и въ другихъ разсказахъ Свидницкаго, но выставляются имъ въ небезвыгодномъ для нихъ свѣтѣ, и притомъ въ качествѣ второстепенныхъ лицъ, какъ жертвы еврейской эксплоатаціи, напримѣръ, въ разсказѣ „За годъ до холеры". Исключеніе представляетъ развѣ только разсказъ „Неразгаданный преступникъ", главнымъ героемъ котораго является шляхтичъ. Самая же значительная доля разсказовъ Свидницкаго вращается около жидовъ и ихъ эксплоататорской дѣятельности по разнымъ отраслямъ народнаго хозяйства. Таковы его разсказы—„Конокрады", „Попался въ просакъ", „Шинкарь", „За годъ до холеры", отчасти „Желѣзный сундукъ" и „Орендарь". Вотъ содержаніе разсказа „Попался въ просакъ". Чиновникъ Антонъ Ивановичъ, съ университетскимъ образованіемъ, командированъ былъ изъ Кіева по одному еврейскому секретному дѣлу въ уѣздный городъ, кажется, Бердичевъ. Жена Антона Ивановича обрадовалась этой командировкѣ своего мужа и убѣждала его не пренебрегать взятками; но Антонъ Ивановичъ не хотѣлъ продавать своей совѣсти. Прибывъ по назначенію, онъ узналъ, что задача его должна была состоять въ накрытіи еврейской контрабанды, хранившейся въ синагогѣ, и, вмѣстѣ съ исправникомъ, немедленно опечаталъ синагогу. Евреи всполошились было, но скоро получили отъ содержателя кіевской почтовой станціи еврея эстафету съ описаніемъ характера и домашнихъ обстоятельствъ чиновника и стали дѣйствовать сообразно съ полученными свѣдѣніями. Сначала они запугали Антона Ивановича судьбою другихъ чиновниковъ, пріѣзжавшихъ съ подобнымъ порученіемъ, изъ коихъ одинъ, по проискамъ всемогущихъ евреевъ, смѣненъ за мнимое вымогательство взятки, а другой,—за драчливость. Затѣмъ, къ Антону Ивановичу явились мнимые хозяева опечатанной контрабанды и предложили ему десять тысячъ, если онъ дастъ имъ на часъ казенную печать. Антонъ Ивановичъ соблазнился деньгами и выдалъ печать; евреи взяли изъ синагоги свою контрабанду, но печать возвратили не иначе, какъ получивъ назадъ отъ чиновника свои деньги. Такимъ образомъ, Антонъ Ивановичъ и покривилъ совѣстію, и потерялъ взятку. Вскорѣ онъ перешелъ на службу въ сѣверныя губерніи, чтобы не имѣть никакихъ столкновеній съ жидами.

Жиды являются одними изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и въ разсказѣ „Конокрады". Конокрадство — это спеціальное ремесло ев-

реевъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, облегчаемое близостью границъ съ Турціей и Австріей, куда конокрады немедленно сбываютъ краденыхъ лошадей, особенно хорошихъ. Конокрадство имѣетъ свою организацію, во главѣ которой состоятъ злодійскіе атаманы, лица, пользующіяся извѣстнымъ почетомъ въ краѣ. Съ ними не могли справиться пристава и особые „чиновники отъ конокрадства" и даже сами часто страдали отъ конокрадовъ. Въ послѣдствіи времени „чиновники отъ конокрадства" были упразднены, и пострадавшіе стали обращаться непосредственно къ атаманамъ и входить съ ними въ извѣстныя сдѣлки, чтобы возвратить или, по крайней мѣрѣ, не потерять лошадей.

Впрочемъ, въ конокрадствѣ участвуютъ нерѣдко и христіане, и только главная и заправляющая роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ евреямъ. Изъ среды мѣстнаго кореннаго населенія являлись агенты злодійскихъ атамановъ, пособники ихъ и пристанодержатели. Такого же универсальнаго характера, съ участіемъ представителей всѣхъ племенъ подольскаго населенія, были — пограничная контрабанда, поддѣлка и сбытъ фальшивыхъ денегъ и разбои. Объ этихъ преступленіяхъ говоритъ Свидницкій въ своихъ разсказахъ—„Пачковозы". „Желѣзный сундукъ" и „Неразгаданный преступникъ".

Въ контрабандѣ участвуютъ какъ евреи, такъ и христіане, а результатами ея косвеннымъ образомъ пользуются всѣ слои мѣстнаго общества. Но главными героями разсказа „Пачковозы" (контрабандисты) у Свидницкаго выводятся мѣстные русскіе уроженцы, отецъ съ сыномъ, проживавшіе въ одномъ селеніи, раздѣленномъ рѣкою Збручъ на двѣ половины—русскую и австрійскую. Въ разсказѣ передается нѣсколько характеристическихъ случаевъ изъ жизни и дѣятельности этихъ контрабандистовъ.

Особый видъ контрабанды составляютъ поддѣлка и сбытъ фальшивыхъ денегъ. Этого преступленія касается разсказъ Свидницкаго, подъ заглавіемъ „Желѣзный сундукъ", главными героями котораго являются цыгане и евреи. Послѣ одной изъ большихъ заднѣпровскихъ ярмарокъ, изъ Кіева выѣхали, въ еврейской балагулѣ, по направленію къ юго-западу, два грека съ желѣзнымъ сундукомъ и дорогою останавливались, для отдыха и корма лошадей, подъ открытымъ небомъ. Еврей-балагульщикъ догадывался о богатствѣ своихъ пасссажировъ и однажды, въ Подольской губерніи, устроилъ дѣло такъ, что они должны были остановиться на время шабаша въ одинокой еврейской корчмѣ, недалеко отъ уѣзднаго города. Отъ нечего дѣлать, греки выпили и закусили и ночью стали считать деньги, хранившіяся у нихъ въ желѣзномъ сундукѣ. Это видѣли, сквозь двери, остановившіеся въ сосѣдней комнатѣ евреи и рѣшили воспользоваться чужимъ богатствомъ. Они подали заявленіе въ полицію ближайшаго города о похищеніи будто бы у нихъ греками желѣзнаго сундука съ деньгами. Грековъ арестовали и стали допрашивать. Они сознались

въ мнимомъ похищеніи сундука, но прибавили, что украли сундукъ для доставленія въ полицію, такъ какъ, по ихъ наблюденіямъ сквозь дверную щель, деньги должны быть фальшивыя. Такими онѣ и оказались по освидѣтельствованіи полиціей. Послѣ этого греки были отпущены, а евреи арестованы. Получивъ свободу, греки продолжали свой путь и вели между собою такой разговоръ:

— „Что остается при насъ, раздѣлимъ поровну, и впредь баста якшаться съ жидами.

— Развѣ ты не думаешь побывать въ Хотинѣ? бросишь жену и дѣтей?

— Ха, ха, ха! Приду ночью, заберу всѣхъ ихъ, а шатро и лохмотье оставлю для отвода глазъ... Затѣмъ въ степь. Если будетъ тѣсно въ Бессарабіи, перейду за Днѣстръ, за Днѣпръ... Э! были бы деньги!

— Я куплю землю.

— Я заведу стадо лошадей.

„Такъ разговаривали между собой мнимые греки,—говоритъ Свидницкій,—а на самомъ дѣлѣ бессарабскіе цыгане, занимавшіеся вмѣстѣ съ однимъ евреемъ, вышедшимъ въ откупщики, поддѣлкою монеты въ Хотинѣ и ѣздившіе въ Харьковъ, въ Полтаву, въ Кролевецъ, въ Москву и далѣе для размѣна ея. Случай съ желѣзнымъ сундукомъ образумилъ ихъ и сдѣлалъ одного землевладѣльцемъ въ Новороссійскомъ краѣ, а другаго кочующимъ торговцемъ лошадей. Первый осѣлъ подъ видомъ грека, а другой и умеръ цыганомъ. Евреи же, польстившіеся на сундукъ, переведены были изъ мѣстной тюрьмы въ Каменецкую крѣпость, потомъ въ Кіевскую, а наконецъ сосланы въ Сибирь, несмотря на всѣ происки своихъ единоплеменниковъ. Съ этихъ поръ въ нашемъ краѣ довольно долго не начиналось ни одного дѣла о распространеніи фальшивыхъ денегъ“.

Контрабанда, поддѣлка и сбытъ фальшивыхъ денегъ и другіе подобные опасные промыслы требуютъ не одной осторожности, но и смѣлости, готовности ко всякимъ случайностямъ и даже къ вооруженной самозащитѣ. Поэтому контрабандисты и фальшивые монетчики часто бываютъ хорошо вооружены и защищаются отъ правительственныхъ агентовъ и чиновниковъ открытою силою. Въ этомъ отношеніи контрабандисты и фальшивые монетчики сходятся съ разбойниками и представляютъ для нихъ чуть ли не главный контингентъ. Поэтому тамъ, гдѣ развиты контрабанда, поддѣлка и сбытъ фальшивой монеты, обыкновенно являются и разбои. Особенно славились и славятся ими Подольская и сосѣднія съ ней губерніи. Начиная съ воспѣтаго народомъ Кармелюка, въ нынѣшнемъ вѣкѣ является здѣсь цѣлый рядъ разбойниковъ и разбойничьихъ шаекъ, продолжающійся до послѣдняго времени. Таковы—Домбровскій въ Подольской и Волынской губерніяхъ, Вусатый въ Херсонской и Екатеринославской,

Тараненко въ Кіевской, Олимъ въ Крыму [1]). Въ 1872 и 1873 годахъ свирѣпствовала въ Бессарабіи и въ Подольской губерніи разбойническая шайка, заглядывая и въ Херсонскую губернію и въ Румынію. Шайка эта состояла большею частію изъ евреевъ, являвшихся на разбои постоянно въ черныхъ маскахъ, и имѣла сношенія съ шайкой, организованной для грабежей въ Австріи. Въ 1874 и 1875 годахъ появилась въ сѣверной Бессарабіи и смежныхъ уѣздахъ Подольской губерніи шайка Никифора Лозинскаго, состоявшая изъ 7 или 8 человѣкъ, которая, кромѣ того, имѣла случайныхъ сотрудниковъ въ мѣстахъ совершенія преступленій, своихъ агентовъ и свои притоны у корчмарей-евреевъ, охотно принимавшихъ для сбыта награбленное. Никифоръ Лозинскій былъ убитъ своими товарищами, которые затѣмъ были переловлены и въ 1878 году присуждены къ каторжнымъ работамъ; но въ томъ же 1878 году вновь обнаружены были еще двѣ шайки [2]). Въ 1881 году пойманъ былъ въ Херсонской губерніи 90-ти-лѣтній старикъ Василій Чумакъ, болѣе 30 лѣтъ занимавшійся грабежемъ и разбоемъ и нѣсколько разъ убѣгавшій изъ острога и съ каторжной работы [3]).

Одинъ изъ подольскихъ разбойниковъ послѣдняго времени, шляхтичъ Рахальскій, и послужилъ сюжетомъ для разсказа г. Свидницкаго, подъ заглавіемъ „Неразгаданный преступникъ". Рахальскій явился въ Подоліи за нѣсколько лѣтъ предъ восточною войною и получилъ прозваніе новаго Кармелюка. „Этотъ новый Кармелюкъ какъ будто леталъ: такъ быстро переносился онъ изъ одной мѣстности въ другую, потомъ снова возвращался, чтобы ограбить еще кого и явиться затѣмъ еще гдѣ либо въ отдаленіи, куда, казалось, нельзя добраться и въ нѣсколько недѣль, а онъ какъ бы съ неба упадалъ. Появленіе его произвело сильный переполохъ между жителями и полиціей. Скоро однако сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ грабитъ только помѣщиковъ. Объясняли это тѣмъ обстоятельствомъ, что Рахальскій, будучи прежде экономомъ у одного пана, получилъ отъ него пощечину и рѣшился мстить за нее всѣмъ помѣщикамъ. Сначала онъ самъ являлся на домъ къ помѣщикамъ и бралъ съ нихъ контрибуцію, но скоро перемѣнилъ тактику и сталъ требовать денегъ письменно; лично же являлся только для наказанія за неисполненіе требованія. Разсказываютъ, что одинъ помѣщикъ, получивъ требованіе Рахальскаго положить деньги въ извѣстномъ мѣстѣ, донесъ объ этомъ полиціи, которая и устроила засаду близь условленнаго мѣста. За поклажей никто не являлся. Но въ то время, когда исправникъ находился въ корчмѣ, близь засады, въ эту же корчму заѣхалъ проѣзжающій помѣщикъ и остановился здѣсь для починки колеса. Онъ познакомился съ исправ-

[1]) Послѣдніе трое упоминаются въ разсказѣ Свидницкаго—„Неразгаданный преступникъ".

[2]) „Кіевлянинъ", 1878 г., № 113.

[3]) Тамъ же, 1881 г., № 109.

никомъ, предложилъ ему играть въ карты и въ заключеніе проигралъ исправнику 1000 рублей. Не поймавъ никого на условленномъ Рахальскимъ мѣстѣ, исправникъ возвратился домой и здѣсь узналъ отъ своей жены, что она выдала шкатулку съ деньгами неизвѣстному человѣку по запискѣ самого будто бы исправника, для расплаты съ Рахальскимъ. Обобравъ такимъ образомъ исправника днемъ, Рахальскій ночью наказалъ доносившаго помѣщика. Другой помѣщикъ, получивъ требованіе Рахальскаго, хотѣлъ защититься отъ него крестьянами и собралъ ихъ нѣсколько сотъ. Онъ еще болѣе почувствовалъ себя безопаснымъ, когда въ село вступила воинская команда, подъ начальствомъ капитана. Помѣщикъ познакомился съ капитаномъ и сталъ разсказывать ему разные анекдоты о похожденіяхъ Рахальскаго. Выслушавъ это, капитанъ объявилъ, что онъ и есть ожидаемый имъ Рахальскій, и потребовалъ отъ помѣщика назначенной суммы. Рахальскаго поддерживали крестьяне, потому что онъ выдавалъ себя за ихъ сторонника. Дѣйствительно, извѣстно нѣсколько случаевъ, когда онъ оказывалъ помощь крестьянамъ и защищалъ обиженныхъ; но у него проявлялись временами шляхетскія наклонности и отношенія къ мужикамъ. Такъ, одному „вартовому" онъ велѣлъ обрѣзать уши за неуважительный отзывъ о себѣ, другаго крестьянина отпоролъ за обманъ. Евреевъ и купцовъ онъ не трогалъ. Передъ послѣднимъ польскимъ повстаніемъ Рахальскій исчезъ безслѣдно. Говорили, будто бы онъ назначенъ былъ польскими панами собирать складчину на предстоявшее повстаніе; но и во время повстанія имя его нигдѣ не встрѣчалось.

Въ заключеніе намъ остается сказать еще объ одномъ очеркѣ Свидницкаго „Жебракы", въ свое время получившемъ большую извѣстность. Разсказъ этотъ явился вскорѣ послѣ того, какъ въ русской литературѣ одновременно почти появились два перевода романа Виктора Гюго „L'homme, qui rit". Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого романа, и у насъ въ Россіи стали отыскивать своихъ „компрачикосовъ", или уродователей дѣтей, и своихъ Гвинпленовъ—изуродованныхъ. Искали ихъ въ Курской губерніи, около Коренной пустыни, искали и въ другихъ мѣстахъ; но болѣе всего удовлетворилъ тогдашнему запросу публики на уродователей и уродуемыхъ г. Свидницкій своимъ очеркомъ „Жебракы", такъ какъ дѣйствительно Подольская губернія представляла лучшія условія для этого рода промышленности. „Вспомнимъ то не очень далекое время,—говоритъ Свидницкій,—когда нищіе Подольской губерніи или, по мѣстному выраженію, жебракы группировались въ два цеха—Сатановскій отъ мѣстечка Сатанова, гдѣ-то возлѣ границы, и Поташнянскій отъ села Поташной, Гайсинскаго уѣзда. Тогда нищіе были не то, что они теперь. Правда, и теперь они не отличаются нравственностью и не всѣ неспособны къ труду, и теперь между выпрашивающими хоть копѣечку на пропитаніе есть владѣльцы двухъ-этажныхъ домовъ; все же теперешніе нищіе не

то. Прежде это были преимущественно бродяги всѣхъ родовъ... Разбои, воровство, святотатство, кощунство, самый гнусный развратъ, самое постыдное глумленіе въ лѣсахъ и ярахъ надъ собраннымъ въ жилыхъ мѣстахъ подаяніемъ были обыкновенными ихъ занятіями. Двигаясь толпами, они останавливались таборомъ, какъ цыгане, и когда одни молили въ селахъ о подаяніи, оставшіеся въ таборѣ неистовствовали. Не довольствуясь своими, они насиловали попадавшихся женщинъ замужнихъ, дѣвицъ и даже дѣтей. Дороги вблизи такихъ таборовъ заростали бурьяномъ; кромѣ самихъ нищихъ, никто не смѣлъ ни пройти, ни проѣхать по нимъ". Въ это-то недавнее время случилось происшествіе, составляющее содержаніе разсказа.

Жило въ одномъ селѣ два богатыхъ шляхтича. У одного изъ нихъ былъ единственный сынъ, у другаго—единственная дочь. По давнему обычаю, родители заранѣе уговорились соединить дѣтей узами брака. Дѣти выросли и поженились, но долго были неплодны, обращались къ ворожкамъ, ходили на видпусты на богомолье. Наконецъ, „Богъ послалъ имъ дочку, и не было конца радости. А такъ какъ это случилось послѣ поклоненія чудотворной иконѣ Божіей Матери въ —скомъ монастырѣ, то счастливые родители на радостяхъ дали обѣтъ ежегодно ходить туда на „видпусть" до совершеннолѣтія дитяти. И аккуратно исполняли они данный обѣтъ". На пятомъ году возраста ребенка родители взяли и его съ собой на богомолье. „На этотъ разъ отправилась съ ними и ихъ тетушка, вышедшая замужъ за одного эконома и потому изо всей силы корчившая барыню. Она уже имѣла въ виду даже имѣніе, которое разсчитывала купить на ожидаемое послѣ племянниковъ наслѣдство. Понятно, что рожденіе у нихъ дочери было для нея страшнымъ ударомъ. Тѣмъ не менѣе она ласкалась къ нимъ, ласкала дитя, возила ему гостинцы и теперь цѣлую дорогу не спускала съ рукъ". Помолившись, исповѣдавшись и причастившись въ монастырѣ, родители пошли раздавать милостыню нищимъ, поручивъ своего ребенка надзору наймита, такъ какъ тетка почему-то отказалась наблюдать за ребенкомъ. Но, воротившись къ повозкѣ, они, къ своему ужасу, не нашли здѣсь своей дочки. Послѣ тщетныхъ поисковъ въ монастырѣ, мать пошла отыскивать своего ребенка въ одну сторону, наймитъ—въ другую, а отецъ поѣхалъ домой нанять людей для поисковъ. Во время своихъ скитаній, мать, застигнутая грозою, ночевала на деревѣ и, среди раскатовъ грома, слышала какъ будто дѣтскій визгъ и крикъ: „Ножка!.. мама!.. болитъ!.. ай-ай-ай!.. ножка! ножка! но..." И замеръ дѣтскій крикъ. На другой день она видѣла недалеко въ лѣсу нищенскій таборъ и со страхомъ убѣжала отъ него. „Три года прошло съ тѣхъ поръ, но о дитяти не было ни малѣйшаго слуху. И по ярмаркамъ выклыкалы, и по видпустамъ, но все напрасно. Тѣмъ не менѣе поиски не прекращались". Наконецъ, мать пошла на одпусть съ новымъ обѣтомъ, пѣшкомъ и босая. Помолившись Богу, она вышла изъ церкви и стала раздавать нищимъ

милостыню. „Такъ дошла она до уродливой безрукой старухи, запряженной въ маленькую повозочку: и моей калѣкѣ, Христа ради! взмолилась нищая. Шляхтянка положила шажокъ въ повозочку. Въ этой повозочкѣ сидѣла дѣвочка. Руки ея были страшно выкручены, ноги высматривали изъ-за плечей, шея свернута; но личико у несчастной калѣки было очень привлекательно. Вся толпа невольно становилась передъ нею.

— Бѣдное, несчастное дитятко! сказала шляхтянка и дала копѣйку.

Калѣка посмотрѣла на подающую и говоритъ: „Дайте, мама, больше; отъ этого не обѣднѣете“.

Шляхтянка вздрогнула, услышавши этотъ голосъ. Можетъ быть, ее поразило слово мама, которымъ никто не называлъ ее уже три года?

— Цыть,—бо задушу, якъ гадыну! вскрикнула старуха.

Толпа между тѣмъ росла все болѣе, шляхтянка все внимательнѣе всматривалась въ лицо калѣки.

— Чи не ты моя Галочка? спросила она наконецъ.

— Я, мамо, отвѣтило дитя.

Мать взвизгнула и упала безъ чувствъ. Мгновенно воскресла въ ея памяти ночь на липѣ, въ грозу, и слышанный тогда дѣтскій крикъ. Какъ молнія явилась мысль: то я твой голосъ слышала! то тогда у тебя въ самомъ дѣлѣ ножка болѣла!—явилась какъ молнія, и поразила, какъ громъ. Засуетилась толпа, заревѣла и бросилась на нищихъ. По указанію дитяти, нашли всѣхъ: кто ноги ломалъ, кто руки крутилъ, кто шею свернулъ, кто помогалъ, кто одобрялъ, — и кого растерзали, кого убили, кого повѣсили. Остервенѣніе, убійства прекратились только тогда, когда игуменъ съ монахами въ полномъ облаченіи вмѣшался въ толпу. Во время суматохи несчастная мать, нашедшая свое дитя, нѣсколько разъ приходила въ чувство и тотчасъ же снова падала въ обморокъ. Когда же она въ послѣдній разъ очнулась, то была уже сумасшедшею. „Моя бабушка, мамина тетя, меня отдала нищимъ“—сказала дѣвочка на вопросъ игумена о томъ, кто ее похитилъ. Эта бабушка, эта мамина тетя, наблюдавшая за всѣмъ издали, видя, что озлобленный народъ кинулся искать ее, сама ретировалась на тотъ свѣтъ, поспѣшивъ повѣситься. Но прошло около мѣсяца прежде, нежели сумасшедшую мать и изуродованную дочку отдали мужу и отцу. Дитя не знало, откуда оно родомъ, а мать плясала и твердила только одно слово: „нашла“. Надо было ждать, пока молва сама призоветъ отца. Такъ и случилось. Шляхтичъ пріѣхалъ и забралъ обѣихъ, и много много лѣтъ страдалъ, смотря на помѣшанную жену и на искалѣченную дочь. Наконецъ, жена, танцуя на льду, попала въ прорубь и утонула, а дочка пріютилась въ какой-то женскій монастырь, въ пользу котораго отецъ ея, умирая, отдалъ все свое имѣніе, какъ приданое дочери своей.

Нѣтъ сомнѣнія, что, подъ вліяніемъ романа Виктора Гюго, мно-

гое въ этомъ разсказѣ присочинено и разсчитано на драматическій эффектъ; но есть въ немъ и истинно бытовыя черты. Что въ прежнее время существовали организованныя нищенскія корпораціи, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, Минской губерніи, до послѣдняго времени существовалъ нищенскій цехъ, съ выборнымъ изъ среды себя особымъ начальникомъ, съ особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ, обнимавшій довольно далекое пространство. Нищенскій цехмистръ избирался на неопредѣленное время и большею частію изъ слѣпыхъ нищихъ. На его обязанности лежало собираніе цеха для обсужденія случающихся дѣлъ и для наказанія виновныхъ за проступки. Собранія бывали экстренныя и ежегодныя, созывавшіяся въ опредѣленное время, или на понедѣльникъ великаго поста, или на первый день Троицы. Въ этотъ день они перемѣняли свою цеховую свѣчу въ церкви и вносили по 15 коп. серебромъ въ цеховую кассу, которая расходовалась большею частію на церковныя потребности [1]). Но эти нищенскіе цехи, пріуроченные въ Минской губерніи въ позднѣйшее время къ церкви, могли имѣть въ прежнее время дикій и необузданный характеръ, соприкасаясь съ бродячими буйными элементами мѣстнаго населенія и воспринимая ихъ въ себя. Это подтверждаетъ и народная молва въ Подоліи и Волыни, приписывающая нищимъ, въ числѣ другихъ преступленій, похищеніе дѣтей и искалѣченіе ихъ, съ цѣлію сильнѣе дѣйствовать на милосердіе подающихъ милостыню. Существуетъ нѣсколько такихъ разсказовъ о похищеніи и искалѣченіи нищими дѣтей, которые обыкновенно пріурочиваются къ Почаевской лаврѣ, Волынской епархіи. Поэтому-то „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости", перепечатывая въ 1870 году разсказъ г. Свидницкаго „Жебраки", подтвердили его достовѣрность слѣдующими словами: „На Волыни донынѣ можно въ большіе праздники встрѣчать калѣкъ, неестественно изуродованныхъ. Природа не такъ жестока къ человѣку, какъ насильственная рука злодѣевъ. Мы слышали, что еще въ 1868 году произошло похищеніе дѣтей въ одинъ праздникъ среди большаго стеченія народа. Можетъ быть, злодѣйство искалѣченія совершается и нынѣ" [2]).

---

[1]) „Минскія Епарх. Вѣдомости", 1880 г., № 16: „Этнографическій очеркъ мѣстечка Семежава".

[2]) „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости", 1870 года, № 3, стр. 99.

VI.

Петръ Раевскій.

Сынъ священника Черниговской губерніи, современный писатель. Онъ началъ свое литературное поприще съ 1869 года и до настоящаго времени написалъ „Эпизоды изъ жизни малороссовъ“ (въ сценахъ) 1872 года, „Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта“, вышедшія въ 1878 году третьимъ изданіемъ, и болѣе 40 повѣстей и разсказовъ [1]). Съ 1877 года онъ пишетъ среднимъ числомъ по 8-ми повѣстей и разсказовъ въ годъ. Содержаніе его произведеній самое разнообразное; но среди этого разнообразія можно различать двѣ главныя группы его произведеній. До 1877 года Раевскій почти исключительно пишетъ сцены, эпизоды, повѣсти и разсказы изъ быта крестьянъ Черниговской губерніи и жизни Кіева. Съ такимъ же содержаніемъ являются изрѣдка повѣсти и разсказы и въ послѣдующіе годы. Но съ 1877 года большинство повѣстей и разсказовъ Раевскаго почерпаетъ свое содержаніе изъ быта и преданій Полѣсья, преимущественно волынскаго. Эта разница въ содержаніи отразилась на характерѣ произведеній Раевскаго обоихъ періодовъ его литературной дѣятельности. Правда, въ повѣстяхъ и разсказахъ того и другого періода замѣтна у автора болѣе или менѣе сильная игра фантазіи, нагромождающая рядъ необычайныхъ событій одно на другое и представляющая рядъ запутаннѣйшихъ узловъ; но игривость фантазіи и элементъ необычайнаго имѣютъ свои степени развитія и

---

[1]) Кромѣ „Эпизодовъ“ и „Сценъ“, намъ извѣстны слѣдующіе разсказы и повѣсти г. Раевскаго, помѣщавшіеся въ „Кіевлянинѣ“: 1) „Кладъ“ (бориспольская легенда), 1870 г.; 2) „Лекарка“, и 3) „Котелокъ червонцевъ“ (быль села Г.), 1872 г.; 4) „Воръ-благодѣтель“ (полѣсская легенда); 5) „Чорная Хата“ (полѣсская быль); 6) „На островѣ“ (сцены изъ настоящаго разлитія Днѣпра); 7) „Страшний отецъ“ (полѣсская быль); 8) „Роковая свадьба“ (быль); 9) „Отозвались кошкѣ мышкины слезки“, 1877 г.; 10) „Волчья яма“ (полѣсская быль); 11) „Подаренный гробъ“; 12) „Семья погонца“ (съ натуры); 13) „Полѣсскій Каинъ“ (народное преданье); 14) „О томъ, какъ Гаврило Порохня вѣдьму убилъ“; 15) „Что иногда значитъ попадья на селѣ“, 1878 г.; 16) „Старый лѣсникъ“ (быль); 17) „Утерянный бумажникъ“; 18) „Баба Хима“; 19) „На нивѣ“ (быль); 20) „Въ папоротникѣ“ (быль); 21) „Пожаръ“ (быль); 22) „Степныя картинки“ (изъ быта рабочихъ на табачныхъ плантаціяхъ); 23) „Наканунѣ свадьбы“ (полѣсская быль); 24) „Поединокъ на Днѣпрѣ“ (быль); 25 „Коробейникъ“ (быль); 26) „Ночь въ могилѣ“, 1879 г.; 27) „На своемъ хлѣбѣ“ (съ натуры); 28) „Странница“ (съ натуры); 29) „Что надѣлали полѣсскіе волки“ (изъ жизни Полѣсья); 30) „Въ разливѣ Днѣпра“ (съ натуры); 31) „Заклятый кладъ“ (полѣсская быль); 32) „Проводы и встрѣча“ (изъ не особенно давняго прошлаго); 33) „Дочь вѣдьмы“; 34) „Конкуррентъ“ (съ натуры); 35) „Докучный свидѣтель“; 36) „На кочкѣ“ (разсказъ охотника); 37) „Обгорѣлый пень“ (разсказъ изъ крестьянской жизни); 38) „Въ голодный годъ“ (быль); 39) „Что надѣлало гаданье“, 1880 г.; 40) „Что случилось въ Кіевѣ на новый годъ“; 41) „Бѣлая женщина“ (разсказъ); 42) „Пустка“ (быль); 43) „Мачиха“ (разсказъ), 1881 года.

состоянія, — и въ этомъ отношеніи черниговскіе и кіевскіе сцены, эпизоды, повѣсти и разсказы гораздо трезвѣе и реальнѣе его полѣсскихъ повѣстей и разсказовъ.

Причину этой разности можно видѣть отчасти въ самой разности содержанія украинской и полѣсской жизни. Если Малороссія слыветъ страною воинственнаго и чудесъ, то особенно этимъ отличается Полѣсье. Въ одной изъ своихъ повѣстей, именно „Полѣсскій Каинъ", авторъ замѣчаетъ, что полѣсская сторона особенно богата страшными разсказами о лѣсныхъ русалкахъ, вѣдьмахъ, лѣшихъ, разбойникахъ и т. п. Въ глухомъ Полѣсьи человѣкъ, окруженный таинственностію вѣковыхъ дубовъ, въ борьбѣ съ звѣрями и въ страхѣ отъ укрывающихся тамъ разбойниковъ, болѣе чувствуетъ свою зависимость отъ сторонних силъ, поражается ихъ явленіями и создаетъ иногда чудовищные образы фантазіи, какихъ не встрѣчается у жителей равнинъ. Въ этомъ отношеніи между нынѣшнимъ Полѣсьемъ и собственно Украйной существуетъ такая же разница, какая между древними полянами и древлянами...

Къ этому присоединилось еще различіе литературныхъ вліяній, которымъ подчинялся Раевскій. Въ своихъ украинскихъ „Эпизодахъ" и „Сценахъ" онъ является въ значительной мѣрѣ реалистомъ, послѣдователемъ того направленія въ нашей литературѣ, которое начато Гоголемъ. Мы здѣсь именно разумѣемъ „Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта", напоминающіе литературную дѣятельность русскаго писателя Глѣба Успенскаго. Очевидное подражаніе Гоголю замѣчается и въ разсказахъ Раевскаго изъ украинскаго быта, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Герой разсказа „Въ голодный годъ", скряга помѣщикъ Хмара, который, выжидая повышенія цѣнъ на хлѣбъ, допустилъ мышамъ и крысамъ съѣсть его скирды хлѣба и, наконецъ, самъ былъ заѣденъ ими, прямо называется у Раевскаго „старымъ Плюшкинымъ" и созданъ по образцу этого Гоголевскаго прототипа. Въ другомъ разсказѣ Раевскаго „Что случилось въ Кіевѣ на новый годъ" почти буквально повторяются нѣкоторыя сцены изъ „Ревизора" Гоголя, и самый герой этого разсказа, кіевскій мужикъ Корольковъ, принявшій на себя роль гвардейскаго офицера для обмана богатаго старика, немножко смахиваетъ на Хлестакова. Въ полѣсскихъ же своихъ разсказахъ и повѣстяхъ Раевскій ближе всего походитъ на тѣхъ неумѣлыхъ подражателей и послѣдователей Гоголя, которые больше всего разсчитываютъ на внѣшнюю эфектность и запутанность интриги, а не на внутреннее содержаніе и бытовую правду.

Особенною популярностью пользуются въ нѣкоторыхъ слояхъ мѣстнаго общества „Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта", вышедшіе уже третьимъ изданіемъ [1]). Въ нихъ преимуще-

[1]) Первое изданіе этой книжки слѣдующее: „Сцены изъ малорусскаго народнаго быта". Кіевъ. 1871 г. Сходное по содержанію второе изданіе было въ 1875 году „Эпизоды изъ жизни малороссовъ" (въ сценахъ).

ственно изображаются смѣшныя столкновенія простаго украинскаго народа съ изысканною городскою жизнію, съ міромъ чиновниковъ и солдатъ. Да и эти сцены и разсказы далеко не всѣ отличаются самобытностію и оригинальностію. Одни изъ нихъ встрѣчаются у предшествовавшихъ украинскихъ писателей, другіе взяты изъ анекдотической русской литературы, возникшей подъ западно-европейскимъ вліяніемъ. У Кухаренка есть комическій разсказъ о превращеніи солдата въ монаха и въ лошадь. Подобный разсказъ, имѣющій, впрочемъ, основаніе и въ народной южно-русской литературѣ, мы находимъ и у Раевскаго. Черезъ городскую площадь крестьянинъ ведетъ бычка на веревочкѣ; бычокъ упрямится и неохотно подается впередъ. Крестьянинъ, не осматриваясь, помахиваетъ впереди себя кнутомъ и покрикиваетъ: „Да гей-же, бодай тебе москаль вхопывъ". Въ это время изъ-за забора показываются два солдата, тихонько подкрадываются къ бычку, одинъ изъ солдатъ перерѣзываетъ веревку, передаетъ бычка другому, а самъ, держась за отрѣзанный конецъ и упираясь, слѣдуетъ за крестьяниномъ. Оборотившись, наконецъ, мужикъ бросаетъ веревку и бычка и возвращается домой. Онъ приходитъ къ убѣжденію, что „страшенна война буде", потому что изъ его „бычка москаль зробывсь". Общую анекдотическую основу имѣетъ разсказъ Раевскаго „Дивный сонъ", въ которомъ выводятся на сцену рабочіе великороссъ и малороссъ, шедшіе вмѣстѣ въ городъ. Въ дорогѣ малороссъ захотѣлъ ѣсть и попросилъ у своего товарища. Великороссъ предложилъ такое условіе: „Вотъ скоро придемъ на ночлегъ, ляжемъ спать, и по-утру вставши, разскажемъ другъ дружкѣ свои сны; кому изъ насъ лучшій сонъ приснится, тотъ и позавтракаетъ изъ этого узелочка". Приходятъ на ночлегъ, легли спать. Поутру великороссъ разсказываетъ, что ему снилось, будто бы онъ ходилъ по пріятному цвѣтистому полю и взятъ былъ двумя ангелами Господними прямо ко Всевышнему.

Малороссъ. Мыни снывся дывнійшій!

Великороссъ. Говори, увидимъ.

Малороссъ. Снылось мыни, що сыжу я въ раю коло Бога; колы се й тебе приносять янголы, а Богъ глянувъ та й каже: „Не треба мыни кацапивъ, ось у мене есть Грыцько!"

Великороссъ. Твой завтракъ, Богъ съ тобой!

Лучшими изъ сценъ и разсказовъ Раевскаго считаются: „Любопытный", „Мертвое тѣло", „У колокола", „Въ мировомъ судѣ" и др. Для образчика, передадимъ содержаніе разсказа „Мертвое тѣло". Черезъ село Вырвихвистку проѣзжалъ становой и, увидѣвши недалеко отъ управы издохшую курицу, потребовалъ къ себѣ старшину Гаврила Очкурню, сдѣлалъ ему внушеніе за то, что дозволилъ валяться мертвому тѣлу тамъ, гдѣ ему лежать никакъ не подобаетъ, и оштрафовалъ его десятью рублями. Послѣ того старшина сталъ осмотрительнѣе и, замѣтивши на левадѣ Максима Булава издохшую

свинью, послалъ становому рапортъ съ донесеніемъ, что недавно онъ „наткнувся на смердячее, неизвистно кому принадлежащее мертвое тѣло зъ вырбовкою на шыйі". Черезъ три дня выѣхали на слѣдствіе въ Вырвихвистку становой, лекарь съ фельдшеромъ и слѣдователь. „Якъ затупотыть на мене ликарь,—разсказывалъ послѣ Очкурня,—якъ крыкне: чы ты сумашедшій, чы що? Якый це тоби дурень наторычывъ, що це мертвое тѣло, колы се здохла свыня!"—Эге, кажу, такъ да не такъ: вы може й на здохлу курку сказалы-бъ: здохла курка, такъ якъ и я казавъ, та й заплатылы-бъ десять карбованцивъ штрафу. На око, то воно тошно, що це здохла свыня, ну, а якъ пійде вже на діло, то це есть мертвое тѣло".

Не смотря, однако, на популярность книжки Раевскаго, нѣкоторые щирые украинцы не очень довольны ею, потому что видятъ въ ней шутливое передразниваніе простаго украинскаго народа, каррикатуру на него. Г. Раевскій какъ будто самъ чувствовалъ свою вину противъ украинскаго народа и старался загладить ее въ своихъ разсказахъ и повѣстяхъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ, большая часть которыхъ проникнута трагизмомъ. Но здѣсь Раевскій нерѣдко впадаетъ въ другую противоположную крайность: ужъ слишкомъ много у него искусственнаго трагизма и ужаса! Это одинаково можно сказать какъ объ украинскихъ его повѣстяхъ и разсказахъ на русскомъ языкѣ, такъ и о полѣсскихъ, съ тою только разницею, что въ первыхъ болѣе этнографическаго элемента и бытовой правды, а въ послѣднихъ—болѣе произвола фантазіи и искусственности.

Къ украинскимъ повѣстямъ и разсказамъ Раевскаго съ этнографическимъ характеромъ относятся: „Лекарка", „Котелокъ червонцевъ", „Обгорѣлый пень", „На островѣ", „Въ разливъ Днѣпра", „О томъ, какъ Гаврило Порохня вѣдьму убилъ", „Дочь вѣдьмы", „Баба Хима", „Коробейникъ", „Чтò надѣлало гаданье" и др. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсказы „На островѣ" и въ „Разливъ Днѣпра" представляютъ ежегодно почти повторяющіяся при разливѣ Днѣпра сцены, зависящія отъ безпечности жителей и оканчивающіяся иногда весьма трагически. Разсказъ „О томъ, какъ Гаврило Порохня вѣдьму убилъ", представляетъ въ индивидуальныхъ чертахъ украинскія вѣрованія въ вѣдьмъ, выдаивающихъ молоко у чужихъ коровъ, старается уяснить реальныя причины этого вѣрованія и показать пагубныя его послѣдствія. Разсказъ „Баба Хима" есть воспроизведеніе мотивовъ малорусскихъ сказокъ и пословицъ, весьма близкое къ разсказу Олексы Стороженка: „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ".

Иногда, оставляя почву вѣковыхъ народныхъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, Раевскій рисуетъ исключительное положеніе малорусскаго крестьянина, въ какое ставятъ его различные эксплоататоры, особенно евреи. Въ этихъ случаяхъ повѣсти и разсказы Раевскаго являются просто отголоскомъ и нагляднымъ воспроизведеніемъ газетныхъ

извѣстій о разныхъ видахъ эксплоатированія евреями крестьянскаго труда и нравственности. Таковы, между прочимъ, его разсказы: „Семья погонца“ и „Степныя картинки“ (изъ быта рабочихъ на табачныхъ плантаціяхъ). Первый изъ этихъ разсказовъ явился въ концѣ послѣдней русско-турецкой войны и иллюстрируетъ извѣстное всѣмъ обращеніе евреевъ-подрядчиковъ съ малорусскими погонцами, нанятыми для русской арміи. Въ „Семьѣ погонца“ разсказывается, какъ въ шинкѣ у Мойшѣ еврей Айзикъ вербовалъ крестьянъ въ погонцы на выгодныхъ условіяхъ, какъ согласился на эти условія крестьянинъ Павло Головань, оставивъ дома жену Марину съ дѣтьми, какъ Марина бѣдствовала безъ него, какъ умеръ у нея ребенокъ съ голоду и холоду и какъ она выпросила у Мойши денегъ подъ залогъ своего огорода, на мѣсяцъ, съ условіемъ, въ случаѣ неустойки, навсегда уступить жиду огородъ, и какъ она нанималась въ поденщицы за 12 копѣекъ въ день. Наконецъ, возвратились въ село погонщики безъ денегъ и воловъ, исхудалые, изорванные и голодные, но между ними не было Павла Голованя. Въ Букарестѣ жидовская контора Айзика потребовала отъ погонцевъ росписокъ въ полученіи платы, но, когда даны были росписки, не выдала имъ ни копѣйки. Павло Головань тутъ же умеръ отъ потрясенія и горя. Узнавъ о судьбѣ мужа, Марина подожгла шинокъ Мойши, сама созналась въ этомъ и предана была въ руки правосудія.—Другой изъ разсказовъ Раевскаго въ томъ же духѣ „Степныя картинки“ представляетъ нѣсколько сценъ изъ быта рабочихъ на табачныхъ плантаціяхъ, содержимыхъ евреями, именно — спаиваніе рабочихъ водкой, общіе ночлеги для обоихъ половъ, устройство евреемъ лотерей для рабочихъ и проч. Этотъ незначительный разсказъ получаетъ, однако, особенное значеніе въ виду возбужденнаго въ Кишиневской губерніи въ 1879 году вопроса объ эксплоатаціи евреями рабочихъ на своихъ табачныхъ плантаціяхъ и поблажкѣ половой распущенности рабочихъ. Разсказъ явился тотчасъ по возбужденіи вопроса и служитъ нѣкоторой иллюстраціей къ нему.

Кромѣ крестьянскаго быта, въ украинскихъ повѣстяхъ и разсказахъ Раевскаго изображается иногда бытъ и другихъ слоевъ общества и въ частности купечества и духовенства. Жизни кіевскаго купечества касается разсказъ „Странница“. Изъ быта малорусскаго духовенства получили свое содержаніе разсказы: „Подаренный гробъ“, „Что̀ значитъ иногда попадья на селѣ“ и отчасти „На своемъ хлѣбѣ“ и „Въ разливъ Днѣпра“.

Первый изъ этихъ разсказовъ „Странница“ рисуетъ набожную кіевскую купчиху Харіессу Ипполитовну Толстухину, одну изъ типическихъ личностей комедіи Островскаго, попадающихся иногда въ Кіевѣ между представителями мѣстнаго великорусскаго купечества. Харіесса Ипполитовна принимаетъ къ себѣ одну странницу-пройдоху и совершенно подчиняется ея вліянію. По внушенію странницы, Тол-

стухина разсчитываетъ свою вѣрную служанку Лукерьюшку и отправляется на богомолье въ Межигоры. Въ ея отсутствіе странница обокрала ее на 25 тысячъ и уѣхала изъ Кіева. Впослѣдствіи, она ѣхала на одномъ изъ пассажирскихъ пароходовъ, совершающихъ свои рейсы между Одессою и Константинополемъ. На другой день послѣ покражи, „Харіесса Ипполитовна навязала въ большой платокъ булокъ, взяла три рубля денегъ и, сѣвъ на извощика, помчалась на Куреневку къ полуидіоту мальчику Федькѣ, получившему немалую извѣстность своею прозорливостью. Выслушавъ ее, Федька похлопалъ глазами, намололъ какого-то вздора, изъ котораго Харіесса Ипполитовна ровно ничего не поняла, и, получивъ булки вмѣстѣ съ тремя рублями, отказался отъ дальнѣйшихъ отвѣтовъ". Послѣдняя сцена съ Федькой придаетъ особенное вѣроятіе разсказу Раевскаго. Федька, дѣйствительно, жилъ на кіевскомъ предмѣстьи Куреневкѣ и принималъ визиты не только мѣщанокъ и купчихъ, но и представителей болѣе интеллегентныхъ классовъ общества.

Довольно вѣрны дѣйствительности и повѣсти и разсказы Раевскаго изъ быта малорусскаго духовенства, хотя дѣйствительность эта нѣсколько и утрирована.

Отчасти касается быта духовенства и повѣсть „На своемъ хлѣбѣ"; но здѣсь безпардонный, болтливый отецъ Геронтій и сынъ его исключенный семинаристъ, отпѣтый бурсакъ Александръ, служатъ только для освѣщенія главнаго лица повѣсти, молодой дѣвушки Марьи Павловны Дѣльновой, назначенной въ сельскія учительницы въ село Голодрабовку. Для новооткрывающейся школы волостной старшина и писарь отвели полуразвалившуюся хату, безъ отопленія, и назначили сторожемъ старика. Марья Павловна помѣстилась въ школѣ и три дня провела въ нетопленой хатѣ, безъ горячей пищи. Самъ старикъ сторожъ хотѣлъ оставить школу, чтобъ не пропасть съ холоду. Къ довершенію непріятностей, Марьѣ Павловнѣ дѣлаетъ визитъ пьяный волостной писарь, имѣя на нее нечистые виды. Дѣльнова обращается за совѣтомъ и помощью къ мѣстному священнику о. Геронтію; но этотъ наговорилъ ей съ три короба пустыхъ фразъ и не оказалъ существенной помощи. За то сынъ о. Геронтія, исключенный бурсакъ Александръ, по-бурлацки увлекся молодой учительницей, задумалъ жениться на ней, проводилъ до школы и обѣщалъ защищать ее отъ волостнаго писаря собственными кулаками. Дѣйствительно, когда пьяный волостной писарь въ другой разъ явился къ Марьѣ Павловнѣ со штофомъ водки и сталъ преслѣдовать ее своими грязными предложеніями, бурсакъ подстерегъ его и началъ подчивать кулаками. При началѣ драки, перепуганная Марья Павловна выбѣжала изъ школы, безъ чувствъ упала на улицѣ, принесена была назадъ парубками и заболѣла горячкой. Черезъ недѣлю мать старушка пріѣхала за ней на жидовской балагулѣ и повезла домой. „Заплаканными глазами глядитъ она на разгорѣвшееся лицо

дочери и тихо шепчетъ, качая головой: „Маня, Маня! Не послушалась ты меня! Вотъ тебѣ и жизнь на своемъ хлѣбѣ!“

Типъ сельской учительницы еще слишкомъ новъ для того, чтобы судить по немъ о правдивости или неправдоподобіи повѣсти г. Раевскаго; но и въ настоящее время есть уже нѣкоторыя положительныя данныя о незавидномъ положеніи молодой учительницы и беззащитности ея передъ сельскими властями самодурами. Вскорѣ послѣ напечатанія этой повѣсти въ газетахъ перепечатывалась корреспонденція о томъ, какъ одинъ волостной старшина представилъ въ дирекцію народныхъ училищъ приговоръ общества объ удаленіи народной учительницы отъ должности за развратное поведеніе. Къ счастію, дирекція поручила инспектору сдѣлать на мѣстѣ дознаніе, въ результатѣ котораго оказалось, что общество и не думало составлять такого приговора, и самъ волостной старшина, прикладывая къ нему свою печать, не зналъ о его содержаніи. Конечно, честь и репутація учительницы были возстановлены, но она сама не захотѣла продолжать службы на прежнемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ доселѣ пересмотрѣнныхъ повѣстяхъ и разсказахъ Раевскаго изъ украинскаго быта есть какая либо реальная основа или подкладка, придающая этимъ повѣстямъ и разсказамъ живой интересъ. Можно только указать въ нихъ недостатокъ нравственной сентенціи и даже прямое противорѣчіе обыденнымъ нравственнымъ правиламъ. Разсказъ „Ночь въ могилѣ“ заканчивается, напримѣръ, такимъ нравоученіемъ, вытекающимъ изъ его содержанія: „Вотъ и неправда, что говорятъ, будто горилка дѣлаетъ одно только злое; глядите, какое она доброе дѣло сдѣлала, забравшись въ голову Игната!“ Но и съ этимъ недостаткомъ мы еще можемъ мириться изъ-за правдоподобія и живости нѣкоторыхъ подробностей.

Другое дѣло—полѣсскіе разсказы и повѣсти Раевскаго. Въ нихъ гораздо меньше бытовой правды, которая заслоняется фантастическими вымыслами самаго автора, и часто нѣтъ никакой нравственной сентенціи. Видно, что авторъ не изучилъ надлежащимъ образомъ своего предмета, пишетъ о немъ по преувеличеннымъ слухамъ и толкамъ, сообщая имъ еще болѣе фантастическій колоритъ. При этомъ Раевскій пользуется, повидимому, готовыми сюжетами и мотивами предшествовавшихъ ему украинскихъ писателей. А спѣшная работа на живую нитку заставляетъ его не разъ повторять свои же собственные сюжеты, сцены и картины. Многіе его разсказы весьма похожи одинъ на другой. Его описанія жидовъ-шинкарей, ксендзовъ и внѣшней природы въ разныхъ разсказахъ почти тождественны. Такъ напримѣръ, въ повѣсти „Отозвались кошкѣ мышкины слезки“ ксендзъ Урбанъ рисуется въ такихъ чертахъ: „это былъ мужчина лѣтъ 30-ти, довольно полный, съ краснымъ гладко выбритымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и чуть ли не тройнымъ подбородкомъ. Сѣрые глаза его смотрѣли лукаво и вмѣстѣ подобострастно, а толстыя рыжія брови тор-

чали какъ щетина ежа". Совершеннымъ двойникомъ ему является ксендзъ Войцѣхъ въ другой повѣсти Раевскаго—„Волчья яма". „Ксендзъ Войцѣхъ—мужчина лѣтъ 45-ти, громаднаго роста, съ пухлыми бѣлыми руками, расплывшимся лоснящимся лицомъ, тройнымъ подбородкомъ, круглыми глазами и сросшимися щетинистыми бровями".

Героями полѣсскихъ повѣстей и разсказовъ Раевскаго являются попеременно полѣсскіе крестьяне, жиды-шинкари, паны-ляхи, ксендзы и больше всего разбойники. Но ихъ и можно отличить одного отъ другаго развѣ только по кличкѣ, какую даетъ имъ авторъ; на самомъ же дѣлѣ характеры дѣйствующихъ лицъ весьма сходны между собою. Не говоримъ уже о разбойникахъ и самодурахъ-панахъ стараго времени, дѣйствительно имѣвшихъ разбойническую жилку, сами крестьяне полѣшуки и даже пугливые жидки выводятся у Раевскаго на сцену съ демоническимъ характеромъ и титаническими силами и совершаютъ дѣла неимовѣрныя, или поставляются въ необычайныя условія.

Къ полѣсскимъ повѣстямъ изъ крестьянскаго быта можно отнести: „На нивѣ", „Въ папоротникѣ", „Наканунѣ свадьбы", „Полѣсскій Каинъ", „Докучливый свидѣтель" и „Пустка". Разсказъ „На нивѣ" напоминаетъ собою „Жебраковъ" Свидницкаго и представляетъ изъ себя воспроизведеніе ходячихъ на Волыни народныхъ разсказовъ о кражѣ нищими дѣтей. Г. Раевскій разсказываетъ, что молодая жница Катерина заснула на нивѣ съ двухлѣтней дочкой, которая, проснувшись, ушла отъ спящей матери на большую дорогу и похищена была двумя нищими. Катерина, послѣ долгихъ поисковъ, отправилась на богомолье въ Почаевъ, за 300 верстъ. Раздавая милостыню нищимъ, она нашла между ними и своего изнеможеннаго ребенка. Разсказъ „Въ папоротникѣ" въ основѣ своей имѣетъ народное повѣрье о цвѣткѣ папортника, доставляющемъ владѣльцу его несмѣтныя богатства, и о трудности достать этотъ цвѣтокъ, тщательно оберегаемый чертями; но къ этому повѣрью г. Раевскій примѣшалъ романическій элементъ. По его разсказу, бѣднякъ Павло Печериця полюбилъ дочь богача Данилы Спотыкача Наталку; но отецъ не хочетъ выдавать Наталку за бѣдняка. Тогда Печериця, чтобы разбогатѣть, рѣшается подстеречь цвѣтъ папортника и отправляется за нимъ ночью на Ивана Купала. Цвѣта папортника онъ не досталъ, но за то подслушалъ въ лѣсу разговоръ разбойниковъ, собиравшихся ограбить сосѣдняго пана Блотницкаго, предупредилъ послѣдняго и получилъ отъ него щедрое вознагражденіе. Теперь онъ уже вышелъ изъ бѣдняковъ и женился на свой Наталкѣ.

Въ этихъ двухъ разсказахъ еще есть доля этнографическаго элемента; но въ разсказахъ „Наканунѣ свадьбы", „Полѣсскій Каинъ", „Докучливый свидѣтель" и „Пустка" мы почти не находимъ его. Узломъ разсказа „Наканунѣ свадьбы" служитъ соперничество деревенскихъ красавицъ Насти и Маруси, любившихъ Василя Заволоку.

Василь посватался къ Марусѣ, но наканунѣ свадьбы Настя вызвала Марусю въ лѣсъ за травою для постели и здѣсь столкнула ее въ глубокую, черную яму. По содержанію, сходенъ съ этимъ разсказомъ и другой разсказъ Раевскаго—„Полѣсскій Каинъ"; но здѣсь соперничаютъ женихи, а не невѣсты. Весьма сходна съ „Полѣсскимъ Каиномъ" и позднѣйшая повѣсть Раевскаго „Докучливый свидѣтель", по разсказу которой парубокъ Левко убиваетъ своего пріятеля Михайла изъ ревности къ дѣвчинѣ Наталкѣ Чепурной и преслѣдуется проклятіями случайнаго свидѣтеля этого убійства, Игната юродиваго. Героемъ повѣсти „Пустка" является крестьянинъ, парубокъ Терешко Мошла. Задумавъ жениться на дівчинѣ Оксанѣ, онъ купилъ пустую хату покойнаго старика Клима Пугача, нашелъ здѣсь въ печкѣ множество золотыхъ монетъ, спрятанныхъ Пугачемъ, и предложилъ ихъ пану Ксенджицкому въ обмѣнъ на ассигнаціи. Но Ксенджицкій, забравъ золото, не только не далъ Терешкѣ ассигнацій, но и отпоролъ его батогами до полусмерти. Терешко заболѣлъ и пролежалъ въ постели цѣлыхъ полгода, а между тѣмъ въ это время его Оксана вышла замужъ за другаго. Выздоровѣвши, Терешко поклялся отмстить пану Ксенджицкому за разбитое имъ свое счастіе. Онъ похитилъ у Ксенджицкаго его малютку сына, выростилъ его на Полѣсьи, сдѣлалъ разбойникомъ и черезъ 25 лѣтъ напалъ съ цѣлою шайкою на Ксенджицкаго. Послѣдній предупрежденъ былъ жидомъ о нападеніи и не только отразилъ его, но и взялъ въ плѣнъ двухъ разбойниковъ, стараго и молодаго. На вопросъ Ксенджицкаго, кто они такіе,—старшій отвѣчалъ: „Слушай, панъ Ксенджицкій, я—Терешко Мошла, а этотъ умирающій раненый разбойникъ—твой сынъ Генрихъ Ксенджицкій. Я укралъ его у тебя, задушивъ мамку и поджегши флигель... Я сдѣлалъ его разбойникомъ и теперь отдаю его тебѣ". Ксенджицкій страшно вскрикнулъ и грянулся навзничъ на каменный полъ.

Съ такими же сильными страстями и могучими характерами выводятся у Раевскаго на сцену и евреи. Преобладающая страсть еврейскаго племени, какъ извѣстно, сребролюбіе. На эту тему написана г. Раевскимъ повѣсть „Заклятый кладъ". Авторъ хотѣлъ сдѣлать героемъ повѣсти крестьянскаго мальчика Ивася, а между тѣмъ этотъ мальчикъ остался въ тѣни, отбрасываемой гешефтмахерами евреями Лейбой и Шмулемъ, которые и являются собственно гигантами повѣсти.

Послѣ корыстолюбія, другою отличительною чертою еврейскаго племени считается религіозный фанатизмъ его и изувѣрство. Ходитъ множество разсказовъ о тѣхъ насиліяхъ, какія употребляютъ евреи противъ своихъ соплеменниковъ, принимающихъ христіанство. Даже родители поднимаютъ иногда руку на своихъ дѣтей, чтобы не допустить ихъ до христіанства. На эту тему написана г. Раевскимъ повѣсть „Страшный отецъ". Въ ней разсказывается, что дочь шинкаря Гершка, Брейта, отказала богатому жениху, уроду Мойше Фрайден-

талю, и любилась съ парубкомъ Левкомъ Тютюненкомъ. Она соглашалась даже оставить вѣру своихъ отцовъ, чтобы выйти за Левка замужъ. Ихъ подстерегаетъ и подслушиваетъ вѣрная слуга Гершки, крестьянка Параска, и доноситъ на Брейту отцу. Мойше заперъ Брейту въ подвалъ и уморилъ ее здѣсь голодною смертью, затѣмъ сожегъ Левка съ отцомъ въ клунѣ и наконецъ самъ поджегъ свою корчму и сгорѣлъ въ ней.

Это все, такъ сказать, спеціальныя добродѣтели жидовскаго племени, лишь доведенныя авторомъ до сильнѣйшаго напряженія. Но г. Раевскій иногда приписываетъ евреямъ и такія черты, которыя прямо противоположны ихъ племенному характеру. Это именно смѣлость, неустрашимость, которыя меньше всего идутъ къ заячьей трусливости евреевъ. Такими чертами отваги снабженъ герой повѣсти г. Раевскаго „Отозвались кошкѣ мышкины слезки", еврейчикъ Іосель. Эта повѣсть весьма сходна съ другой извѣстной уже намъ повѣстью того же Раевскаго „Пустка", и обѣ онѣ нисколько не пострадали бы, если бы помѣнялись своими заглавіями и героями.

Важную роль въ полѣсскихъ повѣстяхъ г. Раевскаго играютъ мѣстные помѣщики — польскіе магнаты и ксендзы. Паны отличаются, по представленію автора, необузданностію дикихъ страстей, мотовствомъ и самодурствомъ. Къ разряду этихъ повѣстей относятся: „Черная хата", „Волчья яма", „Старый лѣсникъ", „Что надѣлали полѣсскіе волки" и другіе.

Изъ этихъ повѣстей г. Раевскаго остановимся на одной изъ самыхъ затѣйливыхъ и пикантныхъ, именно на повѣсти о томъ, „Что надѣлали полѣсскіе волки". Безцѣльная и безполезная по своему содержанію и направленію, эта повѣсть вся состоитъ изъ ряда необыкновенныхъ приключеній съ польскими магнатами на Полѣсьи, панами Дворницкими. Содержаніе повѣсти слѣдующее. Просперъ Дворницкій и жена его Анеля ѣдутъ съ малюткой дочерью Агатой, зимнею дорогою, черезъ большой лѣсъ. Поднимается вьюга. На проѣзжихъ нападаютъ голодные волки, отъ которыхъ Просперъ Дворницкій летитъ во всю прыть на своихъ быстрыхъ коняхъ. Во время бѣшеной ѣзды, одна пристяжная лошадь падаетъ мертвою, а перепуганная Анеля выронила изъ рукъ свою дочь Агату. Ея спохватились тогда уже, когда Дворницкіе очутились въ корчмѣ Мошки. Они полагали, что потерянная Агата съѣдена волками. А между тѣмъ волки, удовлетворивъ свой апетитъ пристяжной лошадью, удалились съ театра дѣйствія и уступили его одному бездѣтному мужику, который, возвращаясь изъ лѣсу домой съ дровами, нашелъ потерянную Агату и выростилъ ее, какъ родную дочь. О всемъ этомъ не знала Анеля, всемогущая владѣтельница всѣхъ этихъ лѣсовъ и имѣній, и въ мукахъ отчаянія и даже безумія совершенно отдалась на попеченіе настоятеля сосѣдняго кармелитанскаго монастыря, о. Фульгенція. Это былъ замѣчательный человѣкъ, врачевавшій и тѣлесные и душевные

недуги своихъ паціентовъ. Онъ вылечилъ Анелю отъ физической болѣзни и уже началъ врачевать ея нравственные недуги, постепенно убѣждая ее отдать свое имущество за погубленную душу Агаты на его кармелитанскій монастырь. Дѣло о. Фульгенція шло какъ по маслу. Но, къ крайнему его огорченію, Дворницкіе случайно нашли свою Агату и воспитавшаго ее мужика; слѣдовательно, разсчетамъ о. Фульгенція приходилось рухнуть. Тогда о. Фульгенцій прибѣгнулъ къ послѣднему средству и, воспользовавшись привычною прогулкою Агаты въ лѣсу, схватилъ ее и заперъ въ монастырское подземелье на голодную смерть. Здѣсь открылъ ее одинъ дурачокъ, ходившій къ подземелью кормить крысъ; отъ него Дворницкій и узналъ о мѣстѣ заключенія своей Агаты. Она въ другой разъ на своемъ короткомъ вѣку спасена была отъ смерти. О. Фульгенцій послѣ этого скрылся изъ монастыря, а Дворницкій велѣлъ поджечь и самый монастырь.

Въ послѣдне время г. Раевскій какъ будто думаетъ оставить и Волынское полѣсье и перебраться въ самую Польшу. По крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводитъ насъ одинъ изъ послѣднихъ его разсказовъ, подъ заглавіемъ „Проводы и встрѣча (изъ не особенно давняго прошлаго)“. Сюжетъ его взятъ изъ послѣдняго польскаго повстанія. Обыватели городка Стжижова организуютъ банду повстанцевъ въ 200 человѣкъ и вооружаютъ ихъ самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Отрядомъ командуетъ предводитель Пшипшицкій, принявшій званіе пулковника. Организаторы отряда—бургомистръ Цюцюрницкій, повѣтовый судья Цехоцинскій, паны Лапчинскій, Бушинскій и Пшецинскій; панны Цюцюрницкая и Лапчинская провожаютъ отрядъ, хвастаются будущими успѣхами его надъ москалями и въ заключеніе пьянствуютъ у пана Лапчинскаго. Черезъ нѣсколько времени изъ этого отряда является въ Стжижовъ нѣкто Зброжекъ, выдаетъ себя за курьера, посланнаго отрядомъ въ Варшаву, сообщаетъ слухи о мнимыхъ побѣдахъ отряда надъ москалями и захватѣ ихъ въ плѣнъ и, вытребовавъ именемъ жонда значительную сумму денегъ, удаляется. Обрадованные извѣстіемъ о мнимой побѣдѣ повстанцевъ надъ москалями, жители Стжижова вздумали устроить торжественную встрѣчу побѣдителямъ, прибрали и вычистили городъ и приготовили вѣнки для побѣдителей. Но вмѣсто побѣдителей поляковъ Стжижовцы увидѣли по дорогѣ отрядъ русскихъ солдатъ со множествомъ плѣнныхъ повстанцевъ изъ Стжижова, побросали на площади вѣнки и разбѣжались по домамъ. Солдаты спокойно остановились на городской площадкѣ и затянули удалую русскую пѣсню. Впрочемъ, и сюжетъ этого разсказа, обозначая новый путь дѣятельности г. Раевскаго, самъ по себѣ не представляетъ для насъ ничего новаго. Это есть не что иное, какъ варьяція на туже тэму, на какую написана комедія А. П. Стороженки: „Встрѣча вновь назначеннаго довудцы“. Позже Стороженки писалъ на эту же тэму и

нѣмецкій писатель Францозъ, извѣстный по переводамъ изъ него и въ русской литературѣ.

Въ сочиненіяхъ разсмотрѣнныхъ нами писателей пересмотрѣны всѣ главнѣйшіе пункты Малороссіи и въ нихъ указаны болѣе крупныя, выдающіяся черты. Но эти писатели обозрѣвали Малороссію только какъ часть единой, нераздѣльной Россіи; „потому что, какъ писалъ г. Данилевскій, въ наше время болѣе, чѣмъ когда либо, интересуются знать, какъ живется русскому человѣку всюду, въ костромскихъ и орловскихъ лѣсахъ, на взморьяхъ и въ оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскій духъ и Русью пахнетъ". Притомъ, они обращали преимущественное вниманіе на крупныя, грандіозныя и, если угодно, исключительныя явленія изъ мѣстной жизни, часто не задаваясь мыслію о томъ, составляютъ ли эти явленія существенныя, постоянныя черты малорусскаго племени, или же только случайныя и временныя. Поэтому большинство писателей такъ называемаго нами національнаго направленія въ украинской литературѣ представляется намъ какими-то верхоглядами, которые соблазнялись казистою внѣшностію мѣстныхъ явленій и изъ-за нихъ не видѣли ничего болѣе. Тѣмъ не менѣе и это національное направленіе принесло въ свое время незамѣнимую пользу. Выходя изъ него и руководясь его указаніями, какъ бы спасительными маяками, другіе украинскіе ученые и писатели отправились на дальнѣйшіе поиски за существенными, отличительными особенностями малорусскаго племени, предприняли цѣлый рядъ болѣе тщательныхъ и строго научныхъ этнографическихъ и историческихъ изысканій и пришли къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ относительно племенныхъ особенностей малорусскаго племени и его исторіи и относительно мѣста и значенія этого племени среди другихъ славянскихъ племенъ. То были украинофилы, которыхъ вѣрнѣе слѣдовало бы назвать украинскими славянофилами.

Н. Петровъ.





ДНЕВНИКЪ ЗАКЛЮЧЕННАГО [1].

XX.

До сихъ поръ я рѣдко думалъ о предѣлахъ за казематами, и только могъ сказать: моя будущность—какъ боръ дремучій! Теперь братское предложеніе S. можетъ немного опредѣлить эту ночь — будущность мою, и я засѣлъ за отвѣтъ (видѣться же съ нимъ лично находилъ неудобнымъ).

Спустя день, S. перевели въ свѣтлый номеръ того коридора—наконецъ-то дождался свѣта и воздуха!

Передъ обѣдомъ Дмитрій принесъ мнѣ отъ него записку съ незапечатаннымъ рекомендательнымъ письмомъ къ одному важному дѣятелю въ Варшаву. Кажется, что корресподенція моя съ S. будетъ имѣть немалое вліяніе на мою будущность... На его довѣріе я отвѣтилъ еще бо́льшимъ довѣріемъ, — потеряй только Дмитрій эту записку, и будущность мая—опять страданія!..

До меня доносится въ амбразурное окно барабанный бой: „перенеси Богъ, Богъ“ — переправа черезъ мостъ; утромъ доносилась солдатская пѣсня, гдѣ часто повторялось слово „Богъ“.

— Въ походъ? спрашиваю Дмитрія.

— Одни въ походъ, другіе съ похода, отвѣчалъ онъ, и затѣмъ сообщилъ, что бѣдный старикъ Драминскій „слегъ въ постель“,— хочетъ идти въ госпиталь; онъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и хотя ему очень нужно переговорить очемъ-то съ нимъ, т. е. съ Дмитріемъ, (вѣроятно, молъ, дочь что нибудь говорила), но, опасаясь товарищей, „все откладываетъ на-послѣ“.

Далѣе Дмитрій разсказывалъ, что сегодня привезли сюда одну даму, и прямо—въ темный номеръ; она сказалась больной,—её увели въ госпиталь; но, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней она вернется, ибо въ „госпиталѣ не больно ей поздоровится“.

---

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ IX, стр. 323.

Спустя три дня (29-го августа), заболѣлъ довольно сильно Радкевичъ—„обожрался“ (по объясненію Дмитрія), и на его мѣсто назначены „прежніе“: подпоручикъ Тороповъ съ прапорщикомъ Калужанинымъ. Вслѣдствіе этой перемѣны, въ казематахъ воцарилась мертвая тишина: ни крика, ни бѣготни, ни суетни, какія проявлялись въ мрачное царствованіе Радкевича; Демьянъ совершенно стушевался.

Впрочемъ, теперь идетъ свиданіе, и я видѣлъ (въ открытую дверь съ коридора) двухъ дамъ въ глубокомъ траурѣ; одна изъ нихъ пріѣзжала—по выраженію Дмитрія—„къ какому-то графу, не то—князю, кажется; Четвертинскому; комендантъ разрѣшилъ ей сѣсть рядомъ съ нимъ, а по сторонамъ ихъ сѣли плацъ-маіоръ Износковъ и Тороповъ“—небывалое исключеніе!—„Съ нею сдѣлалось дурно“, и плацъ-маіоръ былъ такъ любезенъ, что „подалъ ей воды“.

— Что, молода она? спросилъ я Дмитрія.

— Ухъ! скажу вамъ,—одно платье чего стоитъ!

Вообще онъ на мой вопросъ о возрастѣ той или другой пріѣзжей дамы имѣетъ обыкновеніе отвѣчать оцѣнкой костюма; видно, что деньги для него—главное, и вѣроятно, за деньги на вѣдьмѣ бы женился.

Частыя теперь свиданія объясняются (прочитаннымъ мною въ газетахъ) объявленіемъ варшавскаго оберъ-полицiймейстера, по которому: видѣться съ заключенными здѣсь можно еженедѣльно, если только билетъ на свиданіе брать въ главномъ штабѣ войскъ въ царствѣ Польскомъ, и два раза въ мѣсяцъ (1-го (13-го) и 15-го (27-го) чиселъ), если билетъ выдаютъ начальники военныхъ отдѣловъ.

30-го августа. Осень, осень! Дождливый, сѣренькій денекъ,—дожди четвертый день мѣшаютъ пріятной прогулкѣ. Ночью проснулся отъ холода; нужно будетъ на ночь запирать окно,—придется опять дышать отравой.

Получилъ черезъ Дмитрія двѣ записки: отъ какого-то Мараковскаго и отъ Окуневской; первый пишетъ, что былъ сосѣдомъ (по номеру) Драминской и изъ моей корреспонденціи съ нею знаетъ меня,—проситъ переписываться, проситъ и книгъ; вторая... вторая оказывается преизрядной болтушкой: всѣмъ сосѣдямъ разболтала обо мнѣ, вопреки моей просьбѣ быть осторожной, не говорить обо мнѣ никому и никому не посылать моихъ записокъ,—разболтала, и вотъ Дмитрій приноситъ еще три записки, отъ людей совершенно незнакомыхъ мнѣ, которые, однако жъ, обращаются ко мнѣ съ такими просьбами, какихъ ни одинъ заключенный исполнить не можетъ! Такая популярность начинаетъ меня безпокоить, и я рѣшился прекратить переписку съ Окуневской, а новой ни съ кѣмъ не начинать. Къ тому жъ и Дмитрій что-то сталъ перемѣшивать записки; такъ, вчера подалъ Помиковскому вмѣсто моей—какую-то чужую, утромъ—тоже.

Пришлось опять учить его уму-разуму, — вѣдь этакъ и самъ попадется, и насъ всадитъ въ ловушку.

Сегодня онъ что-то часто забѣгаетъ ко мнѣ, пользуясь дежурствомъ хорошихъ жандармовъ (Канарева и Дмитріева), а главное — подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, такъ какъ и сегодня было свиданіе, и онъ получилъ „немало“ отъ посѣтителей... Вотъ опять... А! — записки отъ Лесицкаго и S. Пишутъ, что приговоры имъ подписаны: штабъ Подлевскаго вмѣсто ожидаемыхъ арестантскихъ ротъ — на жительство въ Россію, ксендзъ Помиховскій на 5 лѣтъ въ Сибирь; „впрочемъ, добавляетъ S, вѣрнаго ничего еще не извѣстно“; далѣе онъ извѣщаетъ, что Межеевскій опять здѣсь: „его посадили изъ арсенала въ вонючій, темный номеръ, что обокъ превета, на хлѣбъ и воду на нѣсколько дней за то, что громко молился. Онъ до сихъ поръ еще не имѣетъ выроку (приговора)“...

При запискѣ S. было два письма: одно племянницѣ его, другое — начальнику плоцкаго воеводства.

Не успѣлъ я пробѣжать ихъ, какъ опять Дмитрій съ запиской, и улыбается.

— Отъ кого?

— Не знаю, — посмотрите.

Развертываю — отъ графа Яна де-Тылли (Jana de-Tylli), читаю — ахъ, Дмитрій, Дмитрій, — опять перепуталъ! Дѣло вотъ въ чемъ. Вчера онъ говорилъ мнѣ о Четвертинскомъ; полагая, что это тотъ самый, что сидѣлъ со мною въ Варшавской цитадели, я просилъ Дмитрія спросить его, „какъ бы отъ себя“, не сидѣлъ ли онъ въ 1862 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ 10-мъ павильонѣ, въ № 27-мъ. Этотъ же враль пошелъ и наговорилъ графу де-Тылли что-то совершенно другое, и между прочимъ, что какъ будто бы я знаю его. „Знаете меня, или нѣтъ — заканчиваетъ свое посланіе ко мнѣ тотъ, — во всякомъ случаѣ, прошу васъ не отказать мнѣ въ перепискѣ“. Въ отвѣтѣ своемъ де-Тылли (онъ сидитъ въ № 1-мъ въ нашемъ коридорѣ) я объяснилъ недоразумѣніе, вслѣдствіе ошибки Дмитрія, принявшаго его за Четвертинскаго, и условился насчетъ корреспонденціи. Вечеромъ опять получаю записку отъ него: проситъ книгъ и „извѣстій“; послалъ и то, и другое (послѣднее изъ „Русскаго Инвалида“, который еще утромъ далъ мнѣ добрякъ Тороповъ).

— Графъ такъ обрадовался получкѣ отъ васъ, сказалъ Дмитрій, вернувшись, — что сейчасъ же сунулъ мнѣ въ руки рубль.

Дмитрію всѣ платятъ за услуги, поступилъ сюда „въ одной сорочкѣ, а теперь нашилъ себѣ и бѣлья, и другихъ вещей, и денежки водятся“.

Передъ сномъ я успѣлъ еще позондировать жандарма, по поводу перевода сюда Межеевскаго, и вотъ что услышалъ: „...Я (т. е. разсказчикъ) былъ тогда дежурнымъ. Собралось ихъ человѣкъ 30, стали на колѣни и молятся тихо; приходитъ дежурный офицеръ, накри-

чалъ; а Межеевскій-то большого роста, вотъ онъ его и арестовалъ... Ну, да капитанъ меня подробно расспрашивалъ объ этомъ; я всю истину сказалъ, и Межеевскаго завтра снова переведутъ на „Кавказъ" (т. е. въ кавказскія казармы)".

1-го сентября. Алексѣйчукъ — имянинникъ; далъ ему денегъ, угостилъ водкой и самъ пилъ за здоровье этого славнаго, честнаго человѣка, между тѣмъ какъ вчера чинилъ казакинъ.

Жандармъ, не предполагая, вѣроятно, свиданія послѣ обѣда, выпустилъ меня гулять; между тѣмъ, группа пріѣзжихъ на свиданіе, съ Бѣлановскимъ впереди и Тороповымъ назади, подходила къ казематамъ; черезъ четверть часа меня попросили назадъ: свиданіе молъ будетъ. Спускаюсь съ лѣстницы—на средней площадкѣ стоитъ нѣсколько дамъ, ожидающихъ своей очереди; далѣе, передъ самою рѣшеткой — почтенная старушка со слезами на глазахъ умоляетъ Бѣлановскаго: „Proszę pana... pożegnac się" (Позвольте... проститься).— „Niewolno, niewolno!" (Нельзя, нельзя!)—звѣремъ, раскраснѣвшись, отвѣчаетъ тотъ, и почти силою вывели бѣдную мать, которая только объ одномъ умоляла — посмотрѣть, проститься съ сыномъ, котораго Богъ знаетъ куда упрячутъ... Воображаю себѣ картины, сцены при свиданіяхъ! Хотя я не былъ свидѣтелемъ ихъ, но убѣжденъ, что ихъ можетъ выдержать развѣ окаменѣлое сердце.

На слѣдующій день былъ Тороповъ. Имъ всѣ заключенные очень довольны, — добрый, вѣжливый, честный, по нумерамъ безъ дѣла не шляется и тѣмъ не надоѣдаетъ, не безпокоитъ ихъ.

— Хорошо ли васъ кормятъ? спросилъ онъ меня.

— Теперь—да: каждый день перемѣна; но все же при васъ было лучше.

Я предложилъ ему „рюмочку"; тихонько выпилъ:

— Гвегенская?

— Да; вчера купилъ штофъ—35 копѣекъ. Я замѣтилъ, что употребленіе иногда въ маломъ количествѣ водки дѣйствуетъ цѣлительно на меня: возбуждаетъ аппетитъ и укрѣпляетъ тѣло мое, ослабѣвшее отъ долгаго заключенія, а поэтому рѣшилъ каждый день выпивать по рюмкѣ.

Тороповъ протянулъ руку къ хлѣбу на столѣ.

— Не будете ѣсть, остановилъ его я: — въ немъ не только уже испеченныя мушки и таракашки, но и живые червяки,—посмотрите...

И я показалъ ему червяка.

— Зачѣмъ же вы ѣдите его?

— Съ сегодняшняго дня буду опять покупать полубѣлый, изъ лавочки.

Тороповъ обѣщалъ газетъ и вышелъ; является Дмитрій.

— Ну, что Драминскій? спрашиваю его.

— Бѣлановскій раза три былъ у него, все обѣщаетъ, что скоро уволятъ.

По словамъ Дмитрія, Бѣлановскій послѣднее время что-то часто заглядываетъ въ казематный коридоръ; сегодня тоже былъ и распорядился, „чтобы всѣхъ, кто давно сидитъ въ темныхъ нумерахъ, выводить на прогулку по два раза въ день“, — наконецъ-то исполнилъ свой долгъ!

Вечеромъ и де-Тылли прислалъ мнѣ записку. У него два новыхъ товарища: выписавшіеся изъ лазарета Янъ Круликевичъ и Ипполитъ Смолинскій, послѣдній помѣшанъ („który cierpi pomieszanie zmysłów“). Далѣе онъ пишетъ, что изъ арсенала, гдѣ теперь сидитъ до 500 человѣкъ, привели сюда пятерыхъ, „и будутъ ихъ судить за то, что 8-го сентября (нов. ст.) всѣ пѣли патріотическія пѣсни“.

Изъ прочихъ, полученныхъ мною сегодня корреспонденцій видно, что тутъ сидятъ нѣсколько англичанъ, шведовъ, швейцарцевъ, сидятъ и русскіе солдаты (русскіе и поляки).

6-го сентября я распрощался съ честнымъ Алексѣйчукомъ, который вмѣстѣ съ Павломъ уходитъ отсюда въ варшавскую команду, распрощался какъ съ человѣкомъ, достойнымъ уваженія, и, сколько могъ, далъ на дорогу; подъ этою толстою солдатскою шинелью билось благородное сердце; его загрубѣлаго пальца ноги не стоятъ всѣ Радкевичи въ суммѣ.

Мерзкій жидъ Гвегенъ снова забушевалъ и далъ мнѣ дрянь, — вотъ что значитъ Алексѣйчукъ ушелъ (а онъ съ нимъ успѣшно боролся за мой обѣдъ). Принужденъ былъ звать къ себѣ Бѣлановскаго (такъ какъ всѣ жандармы говорятъ, что онъ въ этомъ случаѣ добросовѣстнѣе прочихъ поступитъ). Но вмѣсто него явился хрычъ Калужанинъ, и „ничего не могъ сдѣлать“. Подожду, посмотрю, что завтра будетъ? Дурно,—такъ ужъ не ограничусь угрозой, а пошлю серьезно жалобу коменданту.

По увѣренію Дмитрія, причина дурнаго обѣда та, что уже два дня, какъ офицеры гарнизоннаго (Новогеоргіевскаго) полка не обѣдаютъ въ трактирѣ — обѣдаютъ молъ у своего полковаго командира Пахомова; такимъ образомъ, Гвегену остались заключенные, да нѣсколько офицеровъ Низовскаго полка, ну, онъ и принялся за старое, т. е. рѣшился опять кормить дрянью, на томъ основаніи, что „вѣдь имъ-то больше негдѣ ѣсть“.

Сегодня—баня, и въ послѣдній разъ при мнѣ; приходитъ Калужанинъ:

— Эхъ, какой паръ! Пойдемте попариться; и я съ вами вмѣстѣ выпарюсь, проговорилъ онъ любезно съ какою-то нерѣшительностью, предполагая, вѣроятно, что я по-прежнему откажусь отъ крѣпостной милости, т. е. идти только съ нимъ однимъ, безъ конвоя...

Я пошелъ, съ нами и Дмитрій, и какъ онъ усердствовалъ надъ моимъ исхудалымъ тѣломъ!..—между тѣмъ какъ Калужанинъ, парясь на полкѣ, разсказывалъ, какъ сегодня пріѣзжалъ Левоцкій къ плацъ-маіору Иванову за деньгами, которыхъ ему „при выпускѣ не отдали"... Но я сейчасъ же догадался о настоящей цѣли пріѣзда Левоцкаго, который сидѣлъ вмѣстѣ съ Дембицкимъ и уже пять мѣсяцевъ, какъ уволенъ; отнятыя насиліемъ деньги служили только предлогомъ... явиться за мною; но онъ ошибся во времени; я тогда писалъ, что выйду изъ каземата 19-го сентября, не означивъ, какого стиля, а поляки считаютъ числа по новому стилю,—ну вотъ и пріѣхалъ сегодня, чтобы дождаться завтрашняго дня, 7-го (19-го). Во всякомъ случаѣ я бы не поѣхалъ съ нимъ...

Калужанинъ намекнулъ, что Ивановъ не возвратилъ Левоцкому денегъ, и съ горькою улыбкою прибавилъ:

— А мнѣ что нужно? Вотъ онъ купилъ мнѣ бутылку пива — и довольно. Мнѣ что нужно? Горсть земли!..

На слѣдующій день З—нъ далъ почувствовать себя „всѣмъ намъ": его посѣтилъ Ивановъ, и слѣдствіемъ этого посѣщенія было удаленіе служителя Дмитрія—„отсюда прямо на гауптвахту", говоритъ жандармъ. Жаль бѣднаго! Онъ никогда не рѣшался даже косо посмотрѣть на заключеннаго, и у З—на, кажется, ни разу не бывалъ, слѣдовательно и не могъ подать повода ему къ жалобѣ! Но З—нъ, держа руку Демьяна, оффиціальнаго здѣшняго шпіона, по наущенію его, безсовѣстнѣйшимъ образомъ налгалъ на Дмитрія, яко бы тотъ „грубъ и пьянымъ часто бываетъ".

Обѣдъ принесъ Алексѣйчукъ, говоритъ: „опять послали сюда, пока вмѣсто Дмитрія не назначатъ другаго", и болѣе на мои вопросы—ни слова. Результатомъ моего послѣдняго неудовольствія на трактирщика было улучшеніе пищи до небывалой еще степени. Хорошо, что дѣло обошлось безъ ссоръ.

Вечеромъ я слышалъ звяканье цѣпей. „Изъ Плонска въ кандалахъ привезли", объяснилъ мнѣ это явленіе часовой...

Нѣтъ корреспонденцій, нѣтъ занятій, и мое нетерпѣніе выйти отсюда поскорѣй съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе увеличивается; эти нѣсколько дней кажутся мнѣ мѣсяцами, и вмѣстѣ съ тѣмъ чаще закрадывается сомнѣніе: выпустятъ ли меня въ мой „срокъ"? А если...

XXI.

12-го сентября, вечеромъ, идя изъ превета, получилъ, черезъ дверное оконце, отъ Кучборскаго (№ 4) письмо съ его миніатюромъ (тоже работы Сецинскаго) для передачи сестрѣ въ Варшаву. Другаго

пакета не успѣлъ взять, хотя ночной часовой и ни слова не сказалъ, замѣтивъ меня у дверей чужаго номера. Далъ ему за это немного денегъ. Черезъ три минуты онъ передалъ мнѣ въ окно записочку отъ Кучборскаго: „Въ окно не видно было, ты-ли, или часовой принялъ мой пакетъ?—Сильно безпокоюсь, — увѣдомь, пожалуйста, сейчасъ-же".

— Послушай, сказалъ я часовому, — ты, какъ видно, человѣкъ добрый, не глупый... Видишь-ли, въ № 4-мъ сидятъ мои родственники, а такъ какъ я на-дняхъ буду освобожденъ, то желалъ-бы проститься съ ними,—пусти на минутку...

Часовой трусилъ, не рѣшался; но мои доводы въ возможности устроить все это безопаснымъ образомъ и, кромѣ того, обѣщаніе подарка и денегъ за услугу,—поколебали его, и онъ долго переговаривался о томъ съ другимъ (дневнымъ) часовымъ;—долго они были въ нерѣшительности, наконецъ, спустя часъ, когда жандармъ задремалъ,—одинъ сталъ накараулѣ у коридорныхъ дверей (выходящихъ на караульную площадку), а другой выпустилъ меня, отворилъ № 4-й, и я увидѣлся со всѣми... Какъ было бы пріятно мнѣ хотя съ десять минутъ посидѣть у нихъ! Но безпокойство часоваго не позволило пробыть болѣе двухъ минутъ, и я простился, получивъ отъ Сецинскаго письмо къ сестрѣ, съ портретиками его и Лесицкаго. Такимъ образомъ, не смотря на то, что сегодня оба жандарма наихудшіе, удались два визита.

14-е сентября—роковой день для моихъ казематныхъ друзей и для многихъ моихъ казематныхъ товарищей! Какъ тяжело вписывать эти слова?! Въ 4 часа по полудни, во время происходившаго здѣсь свиданія, я получилъ записку отъ S. Завтра его, вмѣстѣ съ № 4-мъ и еще 110 другими плѣнными, „погонятъ" въ Россію, въ Сибирь, кого на жительство, кого въ арестантскія роты, кого въ рудники, на каторгу!

Въ казематахъ — суматоха; жандармы и часовые необыкновенно бдительны; я готовлю прощальныя записки, — входитъ Алексѣйчукъ:

— Прощайте. Слава Богу, завтра ухожу въ варшавскую команду.

Наконецъ-то выбрался изъ этихъ ужасныхъ гробовъ, гдѣ человѣкъ умираетъ медленною и мучительною смертью!..

Въ 9 часовъ вечера получилъ черезъ преветъ записку съ № 4-го... А лучше бы мнѣ не получать ея!!.. Итакъ, Сецинскій и Соколовскій—на 10 лѣтъ въ каторжную работу, Лесицкій и Кучборскій—на поселеніе въ Сибирь, на неопредѣленный срокъ; Помиховскій—остается здѣсь.

Настало утро 15-го сентября; было 9 часовъ; я подошелъ къ амбразурѣ и увидалъ (по дорогѣ въ Варшаву) транспортъ; кое-гдѣ мелькали арестантскія куртки, — это мои казематные друзья идутъ на каторгу... Богъ знаетъ, на долго ли?..

Послѣ прогулки заглянулъ въ оконце № 4-го—Помиховскій одинъ остался въ немъ,—а остальные... идутъ, все идутъ, гонимые правомъ сильнаго, въ снѣжныя пустыни, и тамъ будутъ поставлены на ряду съ убійцами, злодѣями, — врагами человѣчества!.. Какъ больно мнѣ думать объ этомъ!...

Въ 6 часовъ вечера получилъ отъ Молицкаго при запискѣ три письма: два къ его родственникамъ, третье—Соколовскаго къ женѣ. Бѣдный другъ,—онъ и въ этомъ послѣднемъ письмѣ никакъ не разсчитывалъ быть сосланнымъ въ каторжную работу. Вотъ что пишетъ Малицкій (товарищъ его по номеру): „Братъ Янъ Соколовскій вчера, въ 4-мъ часу пополудни, еще навѣрное о судьбѣ своей не зналъ; въ 5 часовъ пополудни позвали его выслушать приговоръ; мы какъ бы предчувствовали, что больше не увидимся, и простились съ нимъ, хотя „хозяинъ" (Демьянъ) и увѣрялъ, что онъ еще вернется. Нѣтъ, не вернулся, — напрасны были ожиданія! Слышали только, что въ $10^1/_2$ часовъ вечера его одѣли по-арестантски. Извѣстную тебѣ сумочку для корреспонденцій онъ оставилъ у себя на память".

Спустя три часа, я получилъ записку и отъ Помиховскаго; вотъ она: „По выслушаніи приговора, мои товарищи: Лесицкій, Сецинскій и Кучборскій вернулись въ номеръ, но имъ не позволили не только что говорить, даже обняться со мной,—такъ взоромъ только и простились и ихъ немедленно выпроводили съ вещами въ № 9".

Ужасно ослабъ я морально, и вслѣдъ затѣмъ—физически; легъ,—можетъ быть, сонъ подкрѣпитъ мои силы...

Проснулся (16-го сентября) рано, до зари, — никогда еще этого не бывало со мною впродолженіе всего долгаго заключенія! Осенній дождикъ бьетъ въ окно,—пасмурно; пасмурно и на душѣ... Выйду ли я отсюда въ пятницу?! Сколько выстрадалъ я въ послѣдніе дни отъ сомнѣнія въ этомъ!..

Въ 6 часовъ вечера, согласно обѣщанію, де-Тылли посѣтилъ меня.

— Я, говорилъ онъ,—предупредилъ хорошаго старика-жандарма, что вечеромъ на минутку зайду въ одинъ номеръ, и онъ мнѣ отвѣтилъ: „такъ, чтобы я не видѣлъ".

Часовой, вѣроятно слыша говоръ у меня, тихо отворилъ дверь въ номеръ, но темнота не позволила ему разсмотрѣть, кто это у меня сидитъ.

— Это жандармъ у васъ? спросилъ онъ.

— Да, отвѣтилъ я, и велѣлъ ему припереть двери.

Де-Тылли взятъ по доносу, яко бы онъ былъ главнымъ начальникомъ жандармовъ въ своемъ отдѣлѣ и повѣсилъ одного „шпега" (шпіона); но дѣло его, кажется, приняло хорошій оборотъ, по крайней мѣрѣ, мать его на свиданіи сказала, что на-дняхъ онъ будетъ свободенъ,—сомнѣваюсь!

Де-Тылли оставилъ мнѣ, для передачи роднымъ, нѣсколько писемъ. Прощаясь съ нимъ, я поручилъ ему проститься за меня и съ

его товарищемъ (M. S.), и объявилъ, что осторожность требуетъ прекратить мою корреспонденцію за два дня до выхода отсюда; и дѣйствительно, по уходѣ его, я принялся за прощальныя записки къ Помиховскому, Молицкому и Тухолкѣ, — завтра ихъ отдамъ, и это будетъ послѣднею моею корреспонденціею здѣсь; нужно поуспокоиться немного, да и приготовиться къ отъѣзду.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, я бесѣдовалъ со старикомъ жандармомъ; онъ говоритъ, что при увольненіи сегодня одного еврея его не осматривали; это меня нѣсколько успокоиваетъ.

На свои прощальныя записки получилъ отвѣты въ 10 часовъ утра. Помиховскій между прочимъ пишетъ, что „Демьянъ обѣщалъ передать“ мнѣ отъ него винограду—я поспѣшилъ просить его быть осторожнымъ съ этимъ офиціальнымъ казематнымъ шпіономъ, и ничего мнѣ не присылать. Молицкій и Тухолка просятъ меня принять „на память“, первый—изображеніе Богородицы (сдѣланное имъ изъ хлѣба еще въ плоцкомъ заключеніи) и кошелекъ, второй — кожаный мѣшочекъ (вѣроятно, служившій ему для пороха и пуль) и вмѣстѣ съ тѣмъ очень деликатно спрашиваетъ, съ какою суммою денегъ я выѣзжаю? „Съ одиннадцатью рублями, чего очень и очень достаточно для выѣзда отсюда въ Варшаву, гдѣ надѣюсь сейчасъ же получить занятіе“, отъѣчалъ я, поблагодаривъ за подарки, и положилъ этотъ отвѣтъ въ условленномъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ деревянною ложкой и вилкой—единственныя вещи, которыя я могъ оставить имъ взаимно на память.

Къ обѣду я потребовалъ казенную ложку, и былъ удивленъ, когда служитель мнѣ подалъ не деревянную (какими всѣ заключенные ѣдятъ), а желѣзную ложку грубѣйшей работы; по его словамъ, такихъ ложекъ здѣсь три; вѣроятно, онѣ были заказаны кузнецу по числу трехъ офицеровъ.

Послѣ обѣда получилъ двѣ записки въ одномъ пакетѣ, отъ Тухолки и Молицкаго; одна записка была запечатана; распечатываю ее — безъ подписи, и 8 рублей, читаю — сколько братской теплоты! Желаніе доказать дружбу помощью мнѣ, — такъ было искренно, что жестоко было бы отсылать деньги назадъ, и я ихъ принялъ какъ бы въ долгъ... Читаю другую (незапечатанную) записку — общая, отъ Молицкаго и Тухолки. Первый пишетъ: „Скажи твоимъ соотечественникамъ, что мы всегда можемъ между собою поладить, и жить въ любви, но наши раны никогда не закроются для.... русскаго правительства“; второй умоляетъ меня не распечатывать „другой записки“, пока не выѣду изъ крѣпости. Я отвѣчалъ, что уже распечаталъ, потому что началъ съ нея, и что въ знакъ нашей дружбы—не возвращаю ему теперь денегъ, но возвращу ихъ при первомъ моемъ съ нимъ свиданіи. — Дорого цѣню эти чувства, эту дружбу моихъ друзей, товарищей по заключенію!..

Итакъ, конецъ корреспонденціи! Скоро ли напишу: „конецъ дневнику заключенія!“ — Уже завтра и послѣ завтра — дни покоя, дни размышленія... о моей новой эпохѣ жизни,—объ эпохѣ заказематной!..

Въ 9 часовъ вечера вспомнилъ, что сегодня мое рожденіе—итакъ, мнѣ сегодня 25 лѣтъ! Ну, купилъ бутылку пива, и выпилъ съ очень хорошимъ жандармомъ! Вѣдь одинъ не въ состояніи былъ бы выпить и полъ стакана,—скука.

Спать ложусь совершенно успокоеннымъ.

На слѣдующій день (18-го сентября) привели сюда 18 польскихъ уланъ. Служитель слышалъ, какъ казаки, доставившіе ихъ, при входѣ въ казематы хвастали: „мы бы всѣхъ ихъ искрошили дорогой, да офицеръ не позволилъ“.

19-го сентября — послѣдній день въ моемъ дневникѣ! Безпокойствіе мое о неблагополучномъ выходѣ изъ этого мрачнаго подземелья уменьшилось...

Въ 9 часовъ утра приходитъ прапорщикъ Калужанинъ, съ четверткою чистой бумаги въ рукахъ, и изъявляетъ требованіе канцеляріи ордонансъ-гауза: написать, гдѣ я намѣренъ жить? И я написалъ такъ: „Нѣкоторое время въ Варшавѣ, а потомъ въ С.-Петербургѣ“.

— Нужно бы поподробнѣе, нерѣшительно замѣтилъ добрый хрычъ.

— Достаточно... А если тамъ пожелаютъ знать причину, почему я на нѣкоторое время останусь въ Варшавѣ, такъ вы, пожалуйста, поясните на словахъ: братъ его тамъ — при гвардейскомъ корпусѣ.

Тихая грусть не оставляла меня до самаго обѣда — о чемъ? Не опредѣлю, и легкое безпокойствіе о томъ, выйду ли отсюда благополучно...

Сейчасъ приходили ко мнѣ прощаться два хорошихъ жандарма; ихъ смѣнили Канаревъ и Базуновичъ; теперь я не безпокоюсь о судьбѣ дневника, если бъ меня даже и осматривали: Канаревъ не будетъ потѣть надъ обыскомъ.

Прогуливался послѣ обѣда не охотно; подымалась желчь, видя снующія тамъ и сямъ крѣпостныя физіономіи, въ особенности крѣпостныхъ дамъ. Какъ противно смотрѣть на этихъ безсмысленныхъ самокъ!

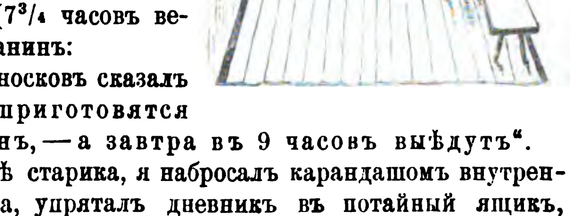
Въ 7 часовъ вечера опять приходитъ Калужанинъ, говоритъ, что завтра, въ 6 часовъ утра, „сдѣлаютъ“ мнѣ разсчетъ (въ экономіи отъ казеннаго содержанія за послѣднія 4 мѣсяца осталось всего 5 р. 55 к.) и вручатъ бумаги, гдѣ мѣстожительство „тамъ означили Петербургъ“ (но это пустяки: я не выѣду изъ Варшавы!)

Подарилъ ему свою носогрѣйку (трубочку) и оставшіяся въ экономіи сальныя свѣчи,—очень доволенъ! Подарилъ и Канареву коечто,—тоже очень доволенъ.

Затѣмъ, въ нѣсколько минутъ убралъ свои вещи въ узелокъ,— вѣроятно, жидъ оцѣнилъ бы ихъ въ 4 рубля...

Благоразуміе требуетъ этотъ листокъ упрятать къ его товарищамъ. Въ Варшавѣ допишу процессъ выхода изъ каземата... Но неувѣренность: выйду ли я завтра отсюда?—кажется не покинетъ меня до тѣхъ поръ, пока не выѣду изъ крѣпости...

Неужели я послѣднюю ночь ночую въ этомъ мрачномъ подземельи? И вѣрится, и мнится!..



До свиданія дневникъ — до Варшавы! Вѣрится мнѣ, что уже не раскрою тебя въ этихъ стѣнахъ..!

А бѣдные мои товарищи, друзья?! Еще будутъ мучаться, — и въ ту минуту, когда я доканчиваю этотъ листокъ и полонъ надеждою на завтрашній и слѣдующіе затѣмъ дни, — они испытываютъ безнадежность и тѣ муки, которыя я вписывалъ въ свой дневникъ...

Играютъ повѣстку ($7^3/_4$ часовъ вечера),—входитъ Калужанинъ:

— Плацъ-маіоръ Износковъ сказалъ мнѣ сейчасъ: „Пусть приготовятся офицеры — вы и З—нъ, — а завтра въ 9 часовъ выѣдутъ“.

Немедленно по уходѣ старика, я набросалъ карандашомъ внутренній видъ моего каземата, упряталъ дневникъ въ потайный ящикъ, тщательно замазалъ и закрасилъ его по швамъ, и—спать.

XXII.

Легъ я вчера въ 9 часовъ; но долго не спалось мнѣ; наконецъ тяжелымъ сномъ заснулъ. Сегодня (20-го сентября) всталъ въ 5 часовъ утра—туманъ надъ Вислою, слабая боль въ головѣ, сомнѣніе въ душѣ. На скорую руку окончательно приготовился къ отъѣзду, даже надѣлъ кепи: вотъ-вотъ сейчасъ придутъ ко мнѣ, и я—свободенъ! Канарева просилъ скорѣе нанять лошадей и сходить за Калужанинымъ, чтобы тотъ отдалъ мнѣ хранившіяся въ цейхгаузѣ мои бритвы и просилъ бы плацъ-маіора Износкова поторопиться моимъ увольненіемъ, потому что срокъ мой кончается въ два часа ночи.

Выходя, Канаревъ сказалъ:

— Вчера поздно вечеромъ приходитъ въ коридоръ Радкевичъ, и говоритъ: „какъ завтра выпроводите двухъ офицеровъ, то я самъ буду въ баню водить“.

— А мнѣ говорили, что онъ сильно болѣнъ!

Канаревъ только улыбнулся.

Очевидно, друзья принудили Радкевича заболѣть передъ моимъ выходомъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, которое онъ производилъ на меня, и вотъ, передъ самымъ выходомъ, онъ какъ тать прокрался въ казематный коридоръ, дабы заявить передъ жандармомъ свои права на казематнаго палача по моемъ выходѣ...

Входитъ Калужанинъ:

— Собрались?

— Собрался.

— Да... знаете,—вчера я говорилъ Износкову о вашихъ бритвахъ, но онъ отвѣтилъ: „Боже сохрани васъ давать ему бритвы! Сюда, въ ордонансъ-гаузъ, принесите, и здѣсь ему отдадутъ“.

„Вѣроятно, это—осторожность, вслѣдствіе глупой комедіи З—на въ банѣ“, подумалъ я.

7 час. утра.—Еще не освобожденъ!

„Вѣроятно, этимъ замедленіемъ тюремщики хотятъ отмстить мнѣ за такъ называемое на ихъ языкѣ мое „безпокойное заключеніе“, подумалъ я.—Хожу по номеру; недовѣріе и безпокойство овладѣваютъ мною.

8 час. утра. Опять приходитъ Калужанинъ, но не одинъ, а съ новымъ дежурнымъ жандармомъ, унтеръ-офицеромъ Родіоновымъ,—приноситъ рубль, который оставался мнѣ долженъ поручикъ Тороповъ, и сейчасъ же вышелъ, говоря, что въ ордонансъ-гаузѣ ждутъ плацъ-маіора Износкова, и вѣроятно черезъ полчаса я выѣду отсюда. При этомъ глаза старика избѣгали моего взгляда: видно, что ему неловко было въ моемъ присутствіи,—по отчего это? „Этотъ глупый простякъ никогда еще не стѣснялся меня такъ, какъ сегодня“, подумалъ я.

Апетита нѣтъ совсѣмъ, но пить хочется и болитъ голова. Неужели это адское подземелье до того притупило мои чувства, что я даже не въ состояніи ощущать радости при мысли о скоромъ освобожденіи? Нетерпѣніе, однако жъ, съ каждою минутою увеличивается.

„Вывезу ли я изъ этихъ страшныхъ стѣнъ мой „Дневникъ?“— Вотъ что занимаетъ меня, вотъ что еще болѣе увеличиваетъ мое нетерпѣніе!.. „Зачѣмъ бы это приходилъ жандармъ вмѣстѣ съ Калужанинымъ? Вѣдь почти никогда ко мнѣ не входили жандармы при офицерѣ!“ подумалъ я.—„Да, Калужанинъ и жандармъ какъ-то подозрительно держали себя“.—Безпокойствіе увеличивается... „Отчего такъ несмѣло говоритъ со мною служитель? Этого прежде не бывало! Вѣдь я черезъ полчаса—свободенъ!—Отчего жъ они такъ загадочно держатъ себя, и это въ послѣдній день моей пытки!?“ Такъ я размышлялъ, безпокойно прохаживаясь взадъ и впередъ по каземату.

9 час. утра. Лежу на пустой нарѣ, положивъ голову на свой узелокъ; слышу шаги нѣсколькихъ человѣкъ по коридору; съ шу-

момъ отодвинутъ засовъ и двери отворены, входятъ два плацъ-адъютанта и—къ моему удивленію—вкатилась фигура Радкевича; нѣсколько же лицъ осталось за непритворенными дверьми.

— Вы господинъ О—въ? спросилъ меня плацъ-адъютантъ Сильверстовъ—точно впервые видитъ меня.

— Такъ, отвѣтилъ я.

— Сегодня ночью по телеграфу дано распоряженіе господина намѣстника царства—васъ задержатъ, сказалъ онъ.

— Меня?.. Позвольте узнать причину.

— Ей-Богу мы не знаемъ, проговорили разомъ оба плацъ-адъютанта.

— Я васъ прошу во имя правъ человѣка—объявить мнѣ немедленно о причинѣ задержки!

Бѣшенство, подозрѣніе, ненависть къ моимъ мучителямъ тѣснили мнѣ грудь, голосъ дрожалъ.

— Сегодня вашъ срокъ заключенія кончается и мы объявляемъ вамъ волю намѣстника, хотя приказаніе о задержаніи васъ на неопредѣленное время пришло три дня тому назадъ; но причина задержки намъ неизвѣстна, сказалъ Сильверстовъ.

— Во имя закона—объясните мнѣ причину задержки!! вскричалъ я снова голосомъ, въ которомъ отразился весь испытываемый мною въ эту минуту внутренній адъ. Радкевичъ поблѣднѣлъ какъ полотно и бочкомъ ускользнулъ за двери, плацъ-адъютанты растерялись,—я замѣтилъ влагу слезъ на глазахъ Сильверстова.

— Подождите день, другой,—пріѣдетъ генералъ и вамъ объявятъ причину, сказалъ онъ смущеннымъ голосомъ.

Я улыбнулся: чувство презрѣнія замѣнило во мнѣ бѣшенство:

— Однако, мало для васъ торжества, господа, мало... Слишкомъ жестоко вчера объявили мнѣ, чтобы я былъ готовъ къ отъѣзду, для того только, чтобы сегодня объявить формально о задержкѣ... между тѣмъ какъ вамъ уже три дня извѣстно о томъ распоряженіи.

— Развѣ вамъ кто говорилъ приготовиться къ отъѣзду? спросилъ Сильверстовъ.

— Самъ г. Износковъ—чрезъ Калужанина, отвѣтилъ я.

Сильверстовъ подозвалъ Калужанина и спросилъ его:

— Кто же вамъ приказывалъ передавать господину О—ву о приготовленіи къ отъѣзду?..

Я не хотѣлъ быть свидѣтелемъ новой комедіи, и потому, обратившись ко всѣмъ, сказалъ:

— Теперь это безполезно; вы только исполнители чужихъ распоряженій... Мнѣ остается покориться обстоятельствамъ и силѣ. При этомъ я поклонился, и отошелъ къ окну. Тюремщики удалились. Совершенно безсознательно два раза прошелся я по каземату; потомъ овладѣвшая мною слабость заставила меня лечь въ постель. Въ самомъ мрачномъ, безнадежномъ видѣ представлялась мнѣ моя будущ-

ность!.. Слышу нѣсколько голосовъ въ сосѣднемъ номерѣ,—значитъ З—нъ увольняется! Страшная тоска защемила сердце!

Дверь отворяется,—входитъ Калужанинъ; теперь онъ опротивилъ мнѣ: зачѣмъ ему было такъ надоѣдать увѣреніями о моей свободѣ?..

— Пожалуйста, не сердитесь на то, что̀ я вамъ скажу, началъ онъ.

— Ну, что? спросилъ я.

— Приказано отобрать отъ васъ ножичекъ.

— Съ удовольствіемъ,—хоть все забирайте...

Я вынулъ изъ кивернаго ящика завернутый въ бумажку перочинный ножъ и отдалъ.

— Вотъ, уже и его укуталъ, да напрасно.

— Что жъ? вѣрно вамъ такъ на роду написано, сказалъ старикъ, выходя изъ номера.

Ужасныя, невыносимыя нравственныя муки испытываю я! Смерть была бы теперь для меня счастіемъ. Но я никогда не наложу на себя рукъ. Призову всю силу своей воли и буду бороться до конца.

Чтобы развлечь себя, я одѣлся и вышелъ въ преветъ. Радкевичъ опять на караульной площадкѣ... Завидя меня, онъ умолкъ и опустилъ глаза.

— Вы пойдете въ баню? спросилъ онъ, когда я проходилъ мимо его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я рѣзко, не смотря на него.

Вернулся и хожу по каземату, размышляя, какая могла быть причина моей задержки? Можетъ быть, открыто что нибудь новое въ слѣдственномъ дѣлѣ? Или можетъ быть это подкопъ подъ меня тюремщиковъ, или новая подлость со стороны З—на и Г—скаго?.. Вѣроятно, увезутъ меня опять въ десятый павильонъ!.. Въ сосѣдствѣ (въ бывшемъ номерѣ З—на) кто-то сидитъ изъ вновь-приведенныхъ,—пукаетъ ко мнѣ въ стѣну, но это уже не занимаетъ меня...

XXIII.

21-го сентября. Ясно, что интрига вышла изъ этихъ мрачныхъ стѣнъ. Служитель Андрей, кажется, одинъ принимаетъ участіе во мнѣ; онъ всячески старается узнать о причинѣ задержки меня. Жандармскій же унтеръ-офицеръ Родіоновъ увѣряетъ, что „никому въ крѣпости неизвѣстно“ о ней; но можно ли имъ вѣрить!

— Не написать ли къ Бѣлановскому? спросилъ я его.

— Напишите: если онъ знаетъ—непремѣнно объявитъ вамъ... О! Онъ такъ честенъ, что милліоновъ не возьметъ!.. Къ нашему начальнику и намѣстникъ собственноручно писалъ, такъ онъ ростетъ теперь; безъ него и комендантъ ничего не сдѣлаетъ: всѣ рѣшенія по суду идутъ сперва на разсмотрѣніе къ нашему начальнику, и ни одна бумага не подписывается комендантомъ, не будучи подписана Бѣлановскимъ.

Написалъ—прошу придти ко мнѣ и разъяснить причину задержки.

— Передалъ-съ, сказалъ, вернувшись, Родіоновъ.

Я угостилъ его папиросой.

— Отлично сдѣлали, что написали нашему капитану—продолжалъ онъ:—безъ нихъ ни одно дѣло о полякахъ не выйдетъ; они все сидятъ тамъ надъ казематами, гдѣ пріѣзжающіе на свиданія ждутъ своей очереди, и снимаютъ допросы, и никого туда не впускаютъ.

Хорошо поешь о Бѣлановскомъ, подумалъ я,—посмотримъ на дѣлѣ.

7 час. вечера. Я лежу въ постели, входитъ Бѣлановскій, за нимъ тихо пробирается Радкевичъ и Родіоновъ со свѣчей; я махнулъ рукой, чтобы вынесли свѣчку, и Радкевичъ, зная мое къ нему расположеніе, ускользнулъ; Бѣлановскій обернулся назадъ, сдѣлалъ жестъ жандарму и тотъ также удалился; въ полумракѣ сѣлъ Бѣлановскій на мою кровать, я—лежалъ, а за полуотворенною дверью виднѣлись фигуры Радкевича и жандармовъ.

— Я васъ побезпокоилъ, желая узнать причину задержки, началъ я.

— Положительно не знаю, потому что въ телеграммѣ сказано только: задержать такого-то; хотѣлъ спросить коменданта, но его не было, онъ только сегодня, часа два тому назадъ, вернулся изъ экспедиціи. Потерпите...

— Потерпите!?. Капитанъ!.. Вы говорите: потерпите!..

Досада душила меня—„потерпите!“ Я рѣшился имѣть дѣло съ Бѣлановскимъ, какъ съ „лучшимъ человѣкомъ во всей крѣпости“, и слышу бездушное „потерпите!“

— Слушайте, продолжалъ я, съ трудомъ переводя дыханіе отъ душившихъ меня слезъ:—я уже столько вытерпѣлъ въ этомъ подземельи, что мой разсказъ былъ бы вамъ непонятенъ...

— Я самъ отецъ семейства, имѣю сына... Понимаю ваше положеніе, сказалъ тихо Бѣлановскій, и въ его голосѣ слышалось участіе.

— Послушайте... я знаю, что никакое политическое дѣло... послѣ столь продолжительнаго заключенія... не можетъ быть причиною задержки меня въ этомъ гробу... Нѣтъ, это дѣло людей, которыхъ я открыто презиралъ за ихъ подлости... Это—интрига, прикрытая политикою!.. Вы видите... какъ... душатъ... меня слезы!.. Мнѣ... не стыдно ихъ. Это слезы горькаго сознанія по опыту... Теперь я на дѣлѣ, на самомъ себѣ испытываю, до какой степени могутъ быть презрѣны права человѣка!.. Послѣдній изъ сидящихъ здѣсь знаетъ за что онъ сидитъ, а я?.. Меня оставляютъ въ этой ямѣ смерти, и не говорятъ:— за что?..

Слезы готовы были политься ручьемъ и я, едва сдерживая рыданія замолчалъ. Старикъ повидимому былъ тронутъ.

— Можетъ быть, вы увлечены кѣмъ нибудь, сказалъ послѣ небольшого молчанія Бѣлановскій, — и теперь, при арестѣ его, нашли

необходимымъ васъ задержать... Вы во всемъ сознаетесь и будете свободны.

Въ этомъ уже слышался жандармъ.

— Такъ объявите же мнѣ, за что именно я задержанъ?

— Одно, что могу сдѣлать для васъ: напишите мнѣ докладную записку, въ которой просите объяснить причину задэржки васъ, а я съ депешею немедленно отправлю ее къ начальнику III-го округа жандармовъ.

— Хорошо. Благодарю васъ за совѣтъ; я вполнѣ надѣялся на васъ и вотъ почему обратился къ вамъ, а не къ кому другому.

— Благодарю васъ за довѣріе; будьте увѣрены, я сдѣлаю для васъ все, что только отъ меня зависитъ,—и Бѣлановскій, протянувъ мнѣ руку, всталъ. — Я у васъ еще буду, прибавилъ онъ,—и пожалуйста, если понадоблюсь, прямо посылайте за мною,—я всегда на верху занимаюсь.

Черезъ часъ докладная записка на имя его была готова и отослана по назначенію.

Опротивѣло мнѣ все: не отвѣчаю на зовъ: „панъ"—незнакомыхъ мнѣ №№ 6-го и 7-го, и только нѣсколько словъ отвѣтилъ на записки, полныя участія отъ Молицкаго и Тухолки, которымъ во всемъ довѣряю. Аппетитъ исчезъ, даже стакана чаю допить не могу...

Написалъ письмо къ Урлико — его расхваливаютъ за справедливость,—но не посылаю—жду, можетъ быть, онъ придетъ.

Жандармы Радіоновъ и Вихровъ продолжаютъ увѣрять меня о большомъ значеніи Бѣлановскаго въ крѣпости, а главное—о его честности и „непоколебимости къ долгу". Ну, посмотримъ!..

Служитель Андрей предложилъ мнѣ свои услуги съ участіемъ: его товарищъ служитъ поваромъ у Урлико, и онъ просилъ его подслушать изъ разговоровъ, какая причина задержки меня. Вотъ какимъ путемъ приходиться узнавать то, что должно бы быть сообщено оффиціально и немедленно при задержкѣ меня!

Въ 7 часовъ вечера явился добрый Андрей съ докладомъ:

— Поваръ мнѣ сказывалъ, что вчера у генерала были плацъ-маіоры, Износковъ и Ивановъ,—говорили, что вы дурно обращались съ жандармами и съ нами; но когда вошелъ Бѣлановскій, они, одинъ за другимъ, ушли...

Я—дурно обращался?! — тогда какъ ни кто въ казематахъ не пользовался такимъ довѣріемъ и любовію всѣхъ порядочныхъ жандармовъ и служителей! Во всякомъ случаѣ это—не причина.

Андрей пошелъ „еще разузнать".

Съ 20-го сентября, я лежу въ постели, хотя физически здоровъ; во все это время часовые не отходятъ отъ моей двери и поминутно дуютъ въ бумагу, замѣняющую разбитое стеклышко въ оконцѣ ея.

— Оставь, что тебѣ нужно? говорю часовому; а онъ еще съ боль-

шею настойчивостью и усердіемъ дуетъ, стараясь заглянуть, разсмотрѣть, что я дѣлаю. И досадно, и смѣшно.

XXIV.

23-го сентября.—Проснулся бодрымъ и написалъ Бѣлановскому письмо, гдѣ выражалъ увѣренность, что интрига вышла изъ стѣнъ крѣпости, даже изъ стѣнъ казематныхъ, называя дѣятелей крѣпости подлыми людьми, и просилъ нарядить слѣдствіе, чтобы я могъ явиться обличителемъ темныхъ дѣлъ тюремщиковъ. Кромѣ того, написалъ рапортъ и Урлико, требуя немедленно объявить мнѣ причину задержки. Все это послалъ въ общемъ конвертѣ къ Бѣлановскому.

— Капитанъ приказали вамъ сказать, что они сами у васъ будутъ, доложилъ, вернувшись, жандармъ.

Черезъ часъ приходитъ Бѣлановскій.

— Ваше письмо и рапортъ я отдалъ лично генералу. Вы не думайте, что причиною задержки васъ — безпокойное ваше заключеніе, и что плацъ-маіоръ такъ озлобленъ противъ васъ, чтобъ захотѣлъ вашей задержки... Я бы вамъ объявилъ причину, но генералъ сказалъ, что самъ будетъ у васъ и лично вамъ объявитъ ее. Все, что я могъ сдѣлать — сдѣлалъ: сказалъ коменданту, что необходимо же объявить вамъ причину,—каждый хочетъ знать, за что онъ сидитъ?

Хотя Бѣлановскій былъ любезенъ, но я замѣтилъ, что мое письмо и рапортъ непріятно подѣйствовали на него.

— Однако, капитанъ, отвѣчалъ я, — прошу васъ не уничтожать мои рапорты; я крѣпко убѣжденъ, что нѣтъ другой причины, какъ интрига.

— Я ихъ и не буду уничтожать, и если захотите, дамъ имъ законный ходъ.

Поджидаю коменданта.

Какой безпорядокъ въ моемъ казематѣ!

Соръ, со дня приготовленія къ отъѣзду, не выметенъ, сѣнникъ— голый, узелокъ и разбросанныя вещи по разнымъ мѣстамъ. Я самъ— давно не мылся, растрепанъ. Посмотрѣлся въ зеркало, и не узналъ себя: морщины изрѣзали лобъ, глаза и щеки впали, я выглядывалъ точно послѣ сильной болѣзни; да и дѣйствительно, я болѣнъ нравственно,—а сколько предстоитъ впереди мучительныхъ, мрачныхъ дней!

Двери отворяются и входитъ, но не Урлико, къ которому я писалъ, а Гагманнъ. „Какъ же мнѣ говорили, что онъ за границей? Ну, плохо! этотъ нѣмецъ непремѣнно былъ орудіемъ всей интриги противъ меня“ подумалъ я. Съ нимъ вошелъ и Бѣлановскій; прочая свита намѣревалась также войти, но онъ повелительнымъ жестомъ

остановилъ ее и подошелъ ближе ко мнѣ; Бѣлановскій же остался у стѣны съ боку, двери заперли. Гагманнъ началъ:

— Изъ отношенія московскаго генералъ-губернатора къ военному министру, а этого послѣдняго къ намѣстнику царства Польскаго, графу Бергу,—васъ приказано задержать на неопредѣленный срокъ по политическому дѣлу штабсъ-капитана Шацкаго, находящагося подъ судомъ въ городѣ Москвѣ.

У Гагманна эта рѣчь тянулась медленно сквозь зубы,—при этомъ, его лицо, усѣянное болячками, подергивалось судоргами, выражавшими внутреннюю злобу ко мнѣ. Онъ повидимому ждалъ моего отвѣта, и не долго дожидался его:

— Ха, ха, ха! — видите, какъ я спокойно принялъ эту вѣсть, — значитъ, она меня не пугаетъ; потому что по дѣлу господина Шацкаго у меня быть ничего не можетъ.

— Тѣмъ лучше.

— Но я увѣренъ, что здѣсь не дѣло Шацкаго, а что нибудь иное, напримѣръ—интрига...

— Какая тамъ интрига можетъ быть въ казематѣ?!

— Я въ этомъ убѣжденъ. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, генералъ, облегчить мое положеніе.

— Чѣмъ же его облегчить? любезнѣй...

Я не далъ ему договорить этого любезнаго словца и впился въ него глазами съ выраженіемъ въ лицѣ: „нѣмецъ, будь остороженъ, — я не люблю подобныхъ фамильярностей“. Онъ заикнулся и конецъ слова „любезнѣйшій“ проглотилъ.

— Облегчите мое положеніе переводомъ меня на гауптвахту, сказалъ я.

— Этого я не могу сдѣлать, отвѣчалъ онъ уже мягкимъ голосомъ.

— Такъ дайте мнѣ книгъ, товарища.

— Объ этомъ я подумаю.

— Это можно, проговорилъ Бѣлановскій, который во все время разговора пристально вглядывался въ меня и со вниманіемъ вслушивался.

— И позвольте мнѣ, продолжалъ я, — написать въ коммисію по дѣлу Шацкаго письмо съ просьбою объяснить мнѣ: какое именно соотношеніе имѣетъ дѣло Шацкаго ко мнѣ?

Нѣмецъ покосился на Бѣлановскаго, и, вѣроятно, замѣтивъ жестъ послѣдняго,—отвѣтилъ:

— Этого никакъ нельзя. А бумаги объ немъ будутъ? обратился онъ къ Бѣлановскому.

— Будутъ, отвѣтилъ тотъ.

Изъ этой сцены я дѣйствительно замѣтилъ вліяніе Бѣлановскаго на нѣмца и безсиліе послѣдняго.

Уходя, Гагманнъ сказалъ мнѣ:

— Укротите свой пылъ юношества!.. Умѣрьте его, а то погибнете.

— Такъ вы называете мои справедливые протесты противъ нарушителей моихъ правъ—пыломъ юношества?! возвысилъ я голосъ;—во всякомъ случаѣ, когда я буду освобожденъ, то заявлю протестъ противъ задержки меня...

— Только законнымъ порядкомъ, подхватилъ нѣмецъ,—а то погибнете.

Вечеромъ послалъ за бутылкой пива и попотчивалъ Родіонова, который принесъ немаловажную услугу мнѣ совѣтомъ обращаться во всемъ къ Бѣлановскому.

— У меня тоже радость, сказалъ онъ, выпивъ стаканъ,—капитанъ простилъ меня сейчасъ.

— Вѣрно догадался, что ты рекомендовалъ мнѣ его?..

Родіоновъ, со всевозможными добрыми пожеланіями для меня, удалился, а я извѣстилъ запискою Тухолку и Молицкаго о всемъ, приключившемся сегодня.

XXV.

24-го сентября. Идя утромъ въ преветъ, повстрѣчался въ коридорѣ съ крѣпостнымъ ксендзомъ; его небритая физіономія придавала ему еще больше омерзѣнія. Зачѣмъ бы онъ появился въ коридорѣ? Дурной знакъ: вѣрно кого-нибудь изъ польскихъ патріотовъ напутствуетъ на тотъ свѣтъ..

Такъ и есть. По словамъ служителя Андрея, онъ приходилъ въ № 3 объявить поляку Михайловскому о приготовленіи къ смерти. Прежде еще ксендза были у него Износковъ и Радкевичъ и „записывали вещи“. Какое варварство!—за день объявлять о смерти и давать это чувствовать мелочными, пошлыми формальностями.

Въ часъ приходитъ Бѣлановскій ко мнѣ.

— Ну, вотъ: былъ я у коменданта и напомнилъ ему объ обѣщаніи его дать вамъ товарища, и я вамъ нашелъ хорошаго человѣка,—останетесь довольны.

Я просилъ его поторопить московскій судъ присылкою запросныхъ пунктовъ мнѣ по телеграфу; онъ обѣщалъ, и уходя сказалъ:

— Готовьтесь же въ четвертый номеръ,—это въ томъ коридорѣ.

Я началъ готовиться. Является Радкевичъ, и какъ лакей увивается около меня,—даже за столъ схватился, чтобы нести его туда.

Наконецъ я не одинъ: я имѣю товарища—Станислава Гронбчевскаго (Grąbczewskiego).

Когда я вошелъ къ нему,—онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу, и узнавъ мою фамилію—бросился мнѣ на шею, началъ цѣловать, и сказалъ:

— Я васъ знаю: здѣсь въ сосѣдствѣ сидѣлъ Соколовскій, а теперь сидятъ Молицкій и Тухолка и о васъ мнѣ писали... Я сперва думалъ, что въ товарищи мнѣ дадутъ З—на, а потому увѣдомилъ своихъ сосѣдей, чтобы они были осторожны и не пукали бы ко мнѣ въ стѣну, но теперь... И Гронбчевскій, постучавъ къ сосѣдямъ, сообщилъ имъ о моемъ переходѣ къ нему. Необыкновенное участіе и любовь ко мнѣ проглядывали на этомъ истерзанномъ отъ горя и страданій казематныхъ, уже не молодомъ лицѣ. Онъ раскрылъ мнѣ всю свою политическую дѣятельность и причину ареста. Одинъ солдатъ, которому Гронбчевскій, по профессіи „каретный фабрикантъ"— позволялъ безвозмездно работать въ своей мастерской, попросилъ у него денегъ на водку, — тотъ отказалъ, и онъ донесъ, что видѣлъ въ означенной мастерской нѣсколько патронныхъ гильзъ; послали офицера съ солдатами разобрать дѣло; оказалось, что гильзы принадлежали работникамъ Гронбчевскаго, и офицеръ, „не имѣя повода не хотѣлъ арестовать" его, но „озлобленные солдаты потребовали этого", и вотъ онъ до сихъ поръ томится въ заключеніи совершенно безвинно. Прежде онъ сидѣлъ въ Пултускѣ, гдѣ „на гнилой, вонючей и вшивой соломѣ спалъ". Оттуда его везли сюда совершенно пьяные солдаты: нѣсколько шло вокругъ воза, а двое сидѣли съ нимъ, одинъ—сбоку, другой — напротивъ, и оба безцеремонно уперли свои пьяныя головы — первый на плечи ему, второй — на колѣни, при чемъ часто ругали его „старою собакой", „мятежникомъ" и пр., и пр., съ прибавкою крѣпкаго словца.

Вынимая платокъ изъ кармана, Гронбчевскій сказалъ:

— Этотъ платокъ не разъ я выжималъ отъ слезъ, сидя тутъ одинъ и испытывая грубость, въ особенности старшаго служителя Демьяна.

Гронбчевскій просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ прогулки, и только съ прошлой недѣли его стали выводить на нее, и то не каждый день, и то на нѣсколько минутъ только.

— Со мною будете гулять по два раза въ день, утѣшилъ его я.

До меня, съ нимъ сидѣлъ нѣсколько дней сотскій изъ деревни Венгжынова, что подъ Вышегродомъ, Плоцкой губерніи и уѣзда,— нѣкто Исидоръ Вавженчукъ.

— Сидѣлъ я — разсказывалъ Гронбчевскій, — вдругъ вводятъ ко мнѣ оборваннаго, съ длинными колтунами мужика, который въ нерѣшительности остановился у дверей, а Радкевичъ при этомъ проговорилъ: „вотъ вамъ отличный товарищъ",—засмѣялся и ушелъ. Я попросилъ несчастнаго сѣсть рядомъ со мною и обошелся съ нимъ братски. Вообразите себѣ рубаху на немъ, которая не смѣнялась восемь недѣль! По ней ползали насѣкомыя, колтуны были покрыты также ими. Радкевичъ воображалъ, что унижаетъ меня, давъ оборваннаго и вшиваго мужика въ товарищи, но ошибся: я ходилъ съ нимъ въ баню, самъ вымылъ ему колтуны и далъ ему чистую рубаху...

25-го сентября. Опять казнь!.. По корреспонденціи графа де-Тылли, Михайловскій — поручикъ польскихъ войскъ, родомъ изъ Ломжи (z Łomży); два нѣмца-шпіона донесли, что онъ „организовалъ малый отрядъ",—и за это его сегодня въ 8 часовъ утра разстрѣляли. Михайловскій назвался Квицинскимъ, и до послѣдней минуты не сознавался въ своей настоящей фамиліи. Накануне казни, ксендзъ объявилъ ему въ 11 часовъ утра: „приготовьтесь къ смерти", затѣмъ еще два раза посѣтилъ страдальца; эту ночь у него безотлучно сидѣлъ солдатъ.

По словамъ Гронбчевскаго, здѣсь сидитъ съ января нѣкто Ипполитъ Смолинскій, который, будучи призванъ передъ лицо мудрыхъ судей, сказалъ: „Я хотѣлъ биться съ москалями на Рейнѣ, но не удалось! За что же держите вы меня здѣсь?" Смолинскій помѣшанъ, и судьи, убѣдившись въ этомъ, не считаютъ нужнымъ болѣе тревожить его, но и не увольняютъ несчастнаго изъ этого ада.

Что это все замолкло обо мнѣ? Написалъ Бѣлановскому рапортъ— требую, на законномъ основаніи, перевести меня отсюда въ Москву, гдѣ производится дѣло Шацкаго.

На слѣдующій день (27-го сентября) Радкевичъ принесъ мнѣ назадъ рапортъ, на томъ основаніи, что нужно его послать на имя коменданта.

Переписалъ.

Я очень ослабъ: трехъ минутъ не могу простоять на ногахъ.

Спустя день, послалъ за докторомъ; приходитъ, — осмотрѣлъ и говоритъ:

— Упадокъ силъ, вслѣдствіе неестественныхъ условій жизни... Ничего я тутъ не подѣлаю... Пожалуй, пейте по рюмкѣ краснаго вина, я напишу въ ордонансъ-гаузъ, чтобы вамъ это позволили.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Мой товарищъ — типъ поляка, въ которомъ страданія и горькій опытъ выработали особенное обращеніе съ своими врагами, когда онъ находится въ ихъ когтяхъ.

27-го сентября. Входитъ Радкевичъ, держа въ рукахъ какую-то записку.

— Вотъ — поднялъ онъ на меня глаза — позволено въ день по рюмкѣ вина; но Износковъ приказалъ, чтобы бутылка находилась у жандармовъ.

— Вамъ глупости еще! сказалъ я:—жандармы еще воды нальютъ.

— Ну, если вамъ угодно, я буду ее у себя держать.

Я послалъ Демьяна за виномъ. Радкевичъ въ ожиданіи его сѣлъ на нару и обратился къ стоявшему и смотрѣвшему съ умиленіемъ на него моему товарищу:

— Ну, что панъ Гронбчевскій?

— Болѣнъ, господинъ маіоръ (Гронбчевскій всегда по два ранга приблялъ всѣмъ говорившимъ съ нимъ начальникамъ казематовъ).

— Болѣнъ? Ну, что жъ—пройдетъ!.. Вотъ я люблю тебя, хоть ты и докторъ, проговорилъ, заикаясь и поглядывая искоса на меня, этотъ катъ.

— Панъ маіоръ, я болѣнъ—нельзя ли въ госпиталь, еще тономъ ниже произнесъ товарищъ.

— Ну, что тамъ — какой госпиталь! Докторъ, да еще въ госпиталь захотѣлъ!

— Когда-то все это кончится?—Вотъ я невиненъ, а сижу.

— Вотъ если бъ всѣхъ волковъ-мятежниковъ перевѣшали бы, тогда бы и ты былъ свободенъ...

Меня удивила такая безцеремонность Радкевича: прежде онъ не смѣлъ войти ко мнѣ въ номеръ, а теперь осмѣлился сѣсть и такъ разговаривать съ товарищемъ моимъ! Демьянъ принесъ вино; я выпилъ стаканчикъ, остальное Радкевичъ взялъ съ собою, процѣдивъ сквозь зубы:

— Если вамъ угодно будетъ завтра пить, то только скажите жандарму,—а бутылку я спрячу въ цейхгаузъ.

XXVI.

4-го октября. Вотъ опять въ окно каземата заглянула осень!— Мрачно, тяжело на душѣ...

Мое положеніе научило меня быть осторожнымъ и скрытнымъ, и потому неудивительно, что на довѣріе ко мнѣ моего товарища я отвѣчалъ недовѣрчивостью; но судьба распорядилась иначе: она открыла ему важную мою тайну—„Дневникъ". Вотъ какъ это было: опасаясь строгаго осмотра при отправкѣ меня отсюда (теперь при пріемѣ, отправкѣ и увольненіи всѣхъ осматриваютъ), я рѣшился перепаковать „Дневникъ", вынуть изъ потайнаго ящика нѣкоторые документы и спрятать ихъ за галуны сюртука; эту работу замѣтилъ Гронбчевскій и улыбнулся, одобряя мою осторожность; однако я былъ (внутренно) очень недоволенъ, что мнѣ не удалось скрыть тайну даже отъ честнаго человѣка,—такъ я былъ остороженъ!

Въ 3 часа пополудни приходитъ старшій служитель и, обращаясь къ Гронбчевскому говоритъ:

— Скорѣй одѣвайтесь,—пожалуйте.

Товарищъ по обыкновенію на-скоро накинулъ на себя сюртукъ, пригладилъ рукой волосы и вышелъ вслѣдъ за Демьяномъ.—„Вѣрно на свиданіе", подумалъ я. Черезъ четверть часа товарищъ возвратился, но немного смущенный и удивленный.

— Гдѣ вы были? спросилъ я.

— На свиданіе позвали меня, да ошибка: это не ко мнѣ, отвѣчалъ онъ такъ, что я сейчасъ догадался, что онъ неловко шутитъ.

— Неправда,—я вижу по глазамъ вашимъ...

— Я пану послѣ скажу.

— Отчего жъ не теперь?

Товарищъ указалъ глазами на дверь:

— Вѣрно подслушиваютъ, и шепотомъ прибавилъ:—меня сегодня или завтра освободятъ, капитанъ сказалъ.

Все это было сказано съ такою миною, что мнѣ не вѣрилось, а мысль, что увольненіе это совершается въ тотъ же самый день, когда открыта моя тайна—„Дневникъ", грызла меня; безъ сомнѣнія, я не высказывалъ ее товарищу, но онъ подмѣтилъ мое безпокойство и недовѣріе, и сказалъ:

— Я клянусь вамъ, что Радкевичъ меня только за этимъ звалъ, но онъ взялъ съ меня честное слово не говорить объ этомъ вамъ вотъ почему я сразу не сказалъ, зачѣмъ былъ позванъ.

Я просилъ его подробнѣе разсказать пріятную для него „исторію".

— Радкевичъ повелъ меня въ тотъ коридоръ, въ пустой номеръ,—заперъ его и сказалъ: „Ну, я имѣю тебѣ важный секретъ сообщить, но только присягни, что не скажешь его офицеру: онъ меня обругалъ и копаетъ яму".—Я побожился, что не скажу, и онъ произнесъ: „Я узналъ отъ одного человѣка, что тебя сегодня уволятъ; онъ велѣлъ порадовать тебя; но вотъ что,—ты мнѣ продай [1]) свой тюфякъ, оставь его мнѣ на память".—Я обѣщалъ, онъ поцѣловалъ меня, и выходя изъ номера снова взялъ обѣщаніе не говорить вамъ объ этомъ.

Все-таки мое безпокойство не улеглось, но я старался подавить его въ себѣ; на всякій случай передалъ нѣкоторыя словесныя порученія въ Варшаву; такъ, просилъ его съѣздить къ Зиглеръ, Лонцской и др., и объявить, что я задержанъ, но буду стараться лично доставить имъ портреты и письма отъ Сецинскаго, Соколовскаго и пр.; передалъ и одну невинную записку, къ брату моему. Записку эту Гронбчевскій немедленно зашилъ въ голенища своихъ большихъ сапогъ, адресы Зиглеръ и проч. записалъ и бумажку спряталъ въ переплетъ молитвенника; затѣмъ, видя, что я еще не успокоился (внутренно), объясняя стеченіе сегодняшнихъ обстоятельствъ по своему,—со слезами на глазахъ успокоивалъ меня и убѣждалъ, что „ничего того быть не можетъ", что̀ меня безпокоитъ; мнѣ и стыдно было, а недовѣріе, подозрѣніе, выработанныя страданіями, кололи терзали меня...

Дверь отворяется; входитъ дежурный офицеръ съ записною книгою въ рукахъ, за нимъ, по обыкновенію, жандармъ, съ чернильницей и Демьянъ; послѣдній, держа въ рукахъ нѣсколько свѣчныхъ

---

[1]) Продай—на языкѣ Радкевича значитъ подари.

огарковъ, остановился у дверей. Физіономія офицера съ надѣтымъ молодецки, на бокъ, кепи—нахальная, отталкивающая: такъ и проглядываетъ широкая натура прежнихъ армейскихъ богатырей. Я лежалъ на кровати, прикрытый военнымъ пальто.

— Извольте встать! покосился онъ на меня, записывая „жыченья“ Гронбчевскаго.

— Извините! отвѣчалъ я,—если я лежу, то имѣю причины на то.

Воцарилось молчаніе и офицеръ, кончивъ записывать, вышелъ. Онъ вообразилъ, что я тоже вписываюсь на покупки въ книгу, и вышелъ, не спросивъ меня: не желаю ли чего записать, думая этимъ наказать меня за мой дерзкій отвѣтъ.

Прошелъ день, вотъ и другой на исходѣ,—а товарищъ еще не уволенъ, только измучился бѣднякъ безпокойными ожиданіями свободы. Я убѣдилъ его, не только Радкевичу (который, гдѣ только можно, вездѣ грабитъ, обираетъ, выпрашиваетъ „продать на память“, т. е. подарить), но и мерзавцу Демьяну ничего не давать при увольненіи; онъ согласился, но все опасался, чтобы въ случаѣ новаго ареста они не заѣли бы его за это.

— А если я снова буду арестованъ? вѣдь они тогда замучаютъ меня!...

Входитъ Демьянъ, на этотъ разъ безъ дѣла, но показываетъ видъ, что ищетъ что-то.

— Пане-хозяинъ! обращается къ нему мой товарищъ:—я имѣю съ паномъ-маіоромъ поговорить о интересѣ; нельзя ли ему это передать?

— Это не мое дѣло: я никакихъ „антересовъ“ не знаю; мое дѣло—донести, отвѣтилъ тотъ грубовато и вышелъ.

Еще никогда такъ безпокойно не спалъ, какъ въ эту ночь (съ 5-го на 6-е октября)! До того былъ разстроенъ, что въ полуснѣ вскочилъ съ кровати: мнѣ показалось, какъ будто бы товарищъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „nie męcz się!“ („не мучься!“) и я началъ кричать на него, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ спать, и тѣмъ, конечно, разбудилъ его.

Бѣдный, онъ тоже измучился ожиданіями обѣщаннаго Радкевичемъ увольненія, и заснулъ очень поздно, повторяя: „Лучше бы лишній мѣсяцъ продержали, а не объявляли бы раньше времени о увольненіи...“

5 часовъ пополудни. Является Радкевичъ и говоритъ товарищу:

— Это ошибка: дѣйствительно вчера увольняли какого-то Гронбчевскаго, а мнѣ казалось, что васъ хотятъ уволить.

Со дня задержанія я все еще лежу въ кровати; ослабъ и измучился отъ разныхъ предположеній... а сегодня прибавилась еще загадка: на стѣнѣ превета видѣлъ надпись „Szacki" (Шацкій—фамилія того, по дѣлу котораго меня задержали).—„Да ужъ не переведенъ ли онъ изъ Москвы сюда!" безпокойно думалъ я. „Если такъ—во что бы то ни стало войду въ сношеніе съ нимъ,—нужно разъяснить дѣло!"—По моей просьбѣ, Гронбчевскій немедленно написалъ записку Сендзиміру, успѣвшему почти со всѣми войти въ переписку; въ ней онъ просилъ его разъяснить: кто такой этотъ Шацкій, и тотъ не замедлилъ отвѣтомъ: „Этотъ Шацкій—родственникъ тому, который судится по политическимъ дѣламъ въ Москвѣ; онъ артиллерійскій юнкеръ,—сидитъ здѣсь уже давно".

Я немного успокоился. Входитъ Радкевичъ.

— Право—обратился онъ ко мнѣ—лучше бы вы пошли въ госпиталь; тамъ вамъ удобнѣе будетъ, и скорѣе поправитесь...

Но я боюсь этого госпиталя,—знакомъ съ нимъ по корреспонденціямъ! „А не пойти ли для наблюденій?" мелькнуло въ головѣ у меня. Подумаемъ. Радкевичу очень хочется, чтобы я исчезъ изъ казематовъ хоть подъ землю.

Съ тѣхъ поръ, какъ я переведенъ къ Гронбчевскому, въ этомъ коридорѣ воцарилась тишина: уже не раздается брань „псовъ" и звукъ толчковъ въ шею...

Спустя часъ, сосѣдъ тихо запукалъ къ намъ; оказывается, что то былъ Молицкій: его сегодня, въ 7 часовъ вечера, опять перевели въ № 15-й и разсчитали, вѣрнѣе сказать—обсчитали, а завтра „погонятъ на поселеніе, кажется, въ Самарскую губернію", вмѣстѣ съ другими 100 чел., отправляемыми въ Сибирь и другія мѣста Россіи.

XXVII.

7-го октября, написалъ Бѣлановскому письмо, въ которомъ просилъ поторопиться рѣшеніемъ дѣла касательно меня. Прошло два дня—хоть бы слово въ отвѣтъ! и это послѣ словъ его: „пожалуйста, если понадоблюсь — сейчасъ посылайте за мной". Рѣшилъ идти въ госпиталь: ослабъ ужасно — пройдусь по номеру разъ и въ изнеможеніи, какъ въ обморокѣ, падаю на постель! Кромѣ этого, перемежающаяся боль въ головѣ: ломъ и тиски. Послалъ за Радкевичемъ,—приходитъ.

— Мое здоровье, говорю ему, требуетъ серьезнаго леченія; распорядитесь объ отправкѣ меня въ госпиталь; здѣсь же не выздоровѣешь: воздухъ гнилой, поминутно сквозной вѣтеръ при входѣ и выходѣ служителей, жандармовъ и проч. въ номеръ.

— Да, да, отвѣтилъ онъ,—я донесу объ этомъ...

На слѣдующій день (10-го октября) явился докторъ—не тотъ, что

прежде былъ, а другой, изъ фельдшеровъ, — рожа глупая и пьяная, и только помычалъ себѣ что-то подъ носъ, тѣмъ все и кончилось. Видно, безъ Бѣлановскаго и въ госпиталь не попадешь! Написалъ ему.

11-го октября. Отвѣта нѣтъ... Обширная записка отъ де-Тылли нѣсколько развлекла меня. Привезли 50 человѣкъ; между ними пани Радицкая, вліятельнѣйшая (въ политическомъ отношеніи) личность въ Плоцкой губерніи; у нея „стоялъ штабъ Подлевскаго, довѣрявшаго ей самыя важныя тайны. Она высидѣла нѣсколько мѣсяцевъ въ Пшаснышѣ (Przasnysz) и теперь сильно заболѣла. Ужасное положеніе для бѣдной женщины! Ея сынъ, восемнадцати лѣтъ, сосланъ въ Сибирь, и ее ждетъ та же участь!

Пишу и слышу, какъ поляки, сидящіе vis-à-vis, жалуются Радкевичу на „червивый, затхлый хлѣбъ". „А бору лучше?! зычно отвѣчаетъ тотъ:—ѣшь, что даютъ! Я бы вамъ и того не давалъ"...

12-го октября. Что жъ это? Три дни прошусь въ госпиталь, какъ совершенно больной, а меня не хотятъ отправить! Радкевичъ говоритъ, что „плацъ-маіоръ доложитъ коменданту", и какъ лакей вертится около меня.

— Но вѣдь другихъ же безъ доклада отправляютъ? возражаю я.

Право, все это загадочно... Нечего дѣлать: силою не вырвешься отсюда.

12 часовъ утра. Приходитъ Бѣлановскій, держа въ рукахъ бумагу.

— Вотъ, прочтите, подалъ онъ ее мнѣ.

Это былъ отвѣтъ изъ штаба намѣстника на мой рапортъ о переводѣ меня въ Москву: намѣстникъ отнесся къ военному министру, и нужно ждать отъ него разрѣшенія. Когда же кончится моя пытка въ этихъ стѣнахъ? Однако, я съ благодарностью пожалъ руку Бѣлановскому: вѣдь безъ него и ходу бы моему рапорту не было!..

Насчетъ госпиталя Бѣлановскій отозвался такъ:

— Я вамъ не совѣтую идти въ госпиталь; можетъ быть, васъ прикажутъ продержать мѣсяцъ, другой въ казематѣ, тогда время пребыванія вашего въ госпиталѣ не будетъ вамъ считаться за арестъ.

— Теперь въ госпиталѣ много народа: воздухъ нехорошъ, да и мѣстъ нѣтъ, прибавилъ Радкевичъ.

А давно ли самъ предлагалъ мнѣ идти въ госпиталь?

— Можетъ быть, черезъ три-четыре дня вамъ и выйдетъ разрѣшеніе ѣхать въ Москву, сказазалъ выходя Бѣлановскій.

Прошло три дня. Я совершенно разболѣлся: горло болитъ, голова болитъ, насморкъ и еще большій упадокъ силъ,—не могу подняться съ постели. Въ 9 часовъ утра входитъ Бѣлановскій въ сопровожденіи Радкевича и говоритъ:

— Ваше желаніе исполнилось: завтра утромъ поѣдете въ Москву...

— Дождался!

— Вы старайтесь теперь не болѣть, перемогитесь; а если вамъ хуже будетъ, тогда идите въ госпиталь Варшавской цитадели.

— Если уже того... въ крайности, то вы заболѣйте въ Варшавѣ, посовѣтовалъ съ своей стороны и Радкевичъ.

Вѣсть эта не произвела на меня почти никакого впечатлѣнія: только на одну минуту проскользнуло въ душѣ что-то похожее на радость, и замерло; впрочемъ, увѣренность, что завтра покину эти мрачныя стѣны, влила нѣкоторое спокойствіе въ мою душу...

---

6 часовъ вечера. Завтра ѣхать; на дворѣ осень—холодно, а я лежу въ постели больной! Добрый товарищъ, охая, укладываетъ мои ничтожныя вещи въ желтый киверный ящикъ, сохранившійся у меня отъ выпуска изъ корпуса въ офицеры, но дорогъ онъ мнѣ теперь! Тамъ лежитъ мой другъ, мой дневникъ. Когда-то онъ свободно взглянетъ на свѣтъ Божій?!

Радкевичъ пришелъ и заискивающимъ голосомъ говоритъ:

— Завтра съ вами идетъ огромный транспортъ; тамъ есть и въ Сибирь, и на поселеніе, и въ солдаты,—выйдутъ отсюда въ 7 часовъ утра...

Я даже не повернулся лицомъ къ нему—такъ онъ мнѣ противенъ!

По уходѣ его, я написалъ нѣсколько прощальныхъ словъ Тухолкѣ и де-Тылли и поручилъ товарищу проститься за меня съ прочими моими казематными знакомыми.

Все уложено въ нѣсколько минутъ. Добрый товарищъ сунулъ мнѣ въ вещи ящикъ папиросъ, чтобы, куря ихъ дорогой, я вспоминалъ о немъ... У него часто навертываются слезы, когда заговоритъ о завтрашней со мной разлукѣ; просьба—написать ему изъ Москвы—не сходила у него съ устъ. Добрый товарищъ, и мнѣ жаль было бросать его на произволъ казематныхъ тюремщиковъ...

О—въ.

От редакціи. Здѣсь кончается переданная въ наше распоряженіе рукопись „Дневника заключеннаго“. Насколько намъ извѣстно, страданія автора не кончились модлинскими казематами. Привлеченный къ слѣдствію по политическому дѣлу Шацкаго (о которомъ говорится въ „Дневникѣ“), онъ былъ отправленъ въ Москву и, несмотря на отсутствіе уликъ, долгое время содержался здѣсь, затѣмъ былъ отправленъ въ Петербургъ, а отсюда снова въ Варшаву, гдѣ, наконецъ, ему и было объявлено, что онъ „совершенно свободенъ“.



ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Императоръ Павелъ Петровичъ принадлежитъ къ числу историческихъ личностей, нуждающихся въ словѣ правды и безпристрастномъ судѣ. Какимъ онъ представляется намъ, какъ императоръ? Онъ представляется человѣкомъ съ деспотическими наклонностями, отразившимися въ жизни Россіи печальнымъ образомъ. Всѣ историческія указанія, встрѣчающіяся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, рисуютъ его личность въ самомъ несимпатичномъ свѣтѣ: изъ этихъ печатныхъ матеріаловъ мы узнаемъ факты, приближающіе Павла Петровича къ тѣмъ земнымъ владыкамъ, при воспоминаніи о которыхъ сжимается сердце отъ невольнаго трепета. Едва постижимыя, какія-то болѣзненныя выходки этого государя, въ родѣ отправленія цѣлаго полка, прямо съ парада, въ Сибирь, заставляютъ историка глубоко задуматься и искать причины ихъ въ тайникахъ души Павла Петровича, котораго смѣло можно назвать человѣкомъ самыхъ необдуманныхъ порывовъ, человѣкомъ минутнаго впечатлѣнія, подъ вліяніемъ котораго почти въ одно и то же время могла послѣдовать и величайшая милость, и страшная немилость. Сегодня онъ производитъ одного изъ прапорщиковъ въ генералы; завтра ссылаетъ того же генерала въ Сибирь по какому нибудь самому ничтожному поводу, по доносу совершенно безсмысленному, какъ, напримѣръ, извѣстенъ до послѣдней степени печальный случай съ пасторомъ Зейдеромъ и писателемъ Коцебу. Первый изъ нихъ по самому ничтожному обстоятельству, а именно по совершенно несправедливому обвиненію въ имѣніи запрещенныхъ книгъ, каковое обвиненіе было высказано въ доносѣ цензора Туманскаго, почти безъ суда и слѣдствія,— мы говоримъ: „почти“, ибо слѣдственная комиссія не дала произнести

ему ни одного слова въ свое оправданіе,—былъ приговоренъ къ наказанію 20 ударами кнута и ссылкѣ въ каторжную работу въ Нерчинскъ, конечно, съ предварительнымъ лишеніемъ духовнаго сана. Несчастный Зейдеръ былъ возвращенъ изъ Сибири уже при императорѣ Александрѣ Благословенномъ, который повелѣлъ считать, что пасторъ Зейдеръ пострадалъ невинно, почему и освобождается отъ всякаго упрека за понесенное имъ обвиненіе. Кромѣ того, Зейдеръ былъ вознагражденъ императоромъ и матеріально.

Поводовъ къ аресту писателя Коцебу не было рѣшительно никакихъ, кромѣ лично извѣстнаго Павлу литературнаго имени Коцебу, а потому злополучный драматургъ безъ всякаго суда, или слѣдствія, хотя бы ради соблюденія формальности, былъ отвезенъ прямо въ Тобольскъ, а разлученное съ нимъ семейство предоставлено на произволъ судьбы.

Подобные факты, безъ сомнѣнія, ясно говорятъ о деспотическихъ склонностяхъ императора Павла; но въ то же время, какъ мы увидимъ, на днѣ души его лежала, тлѣла искра добра, пониманія человѣческихъ страданій, что подтверждается многими фактами изъ его жизни, когда онъ сторицей вознаграждалъ невинно пострадавшихъ, если случайныя обстоятельства открывали ихъ невинность. Лучшимъ доказательствомъ того, что душѣ императора Павла были доступны добрые порывы, было доступно глубокое сознаніе своихъ ошибокъ,—служитъ извѣстный случай съ писателемъ Капнистомъ, который за свою комедію „Ябеда“ былъ, по обычаю, очень скоро приговоренъ императоромъ къ ссылкѣ въ Сибирь, а книгу его повелѣно было немедленно конфисковать. Высочайшее повелѣніе состоялось утромъ 27-го октября (1798 г.). Въ тотъ же день гнѣвъ императора остылъ, онъ задумался и усумнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя, однако, никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить „Ябеду“ въ его присутствіи на Эрмитажномъ театрѣ. Государь показался въ театрѣ только съ великимъ княземъ Александромъ. Больше никого въ театрѣ не было. Послѣ перваго же акта императоръ, безпрестанно апплодировавшій пьесѣ, послалъ перваго попавшагося ему фельдъегеря, чтобы тотчасъ же возвратить Капниста; пожаловалъ возвращенному писателю чинъ статскаго совѣтника, минуя низшіе чины въ порядкѣ чинопроизводства (Капнистъ былъ въ то время только коллежскимъ ассесоромъ), щедро наградилъ его и до самой кончины удостоивалъ своихъ милостей.

Мы привели всѣ выше упомянутые факты для того, чтобы объяснить причины, по которымъ объ императорѣ Павлѣ до сей поры держится неясное, не вполнѣ, такъ сказать, сформировавшееся мнѣніе не только въ обществѣ, но и среди людей, спеціально отдавшихся историческимъ изслѣдованіямъ. Добро со зломъ, благородныя, подчасъ рыцарскія движенія души этого государя, до такой степени

перемѣшаны, переплетены между собой, что дѣйствительно и могло выработаться лишь туманное, неясное представленіе объ его личности. Только разсмотрѣніе условій, среди которыхъ развилась духовная природа императора Павла, когда онъ былъ цесаревичемъ, короче сказать, исторія его жизни отъ первыхъ дней рожденія до юношескаго возраста могутъ бросить свѣтъ на загадочныя его дѣйствія какъ императора и объяснить замѣчательное противорѣчіе проявленій его духовной природы втеченіе кратковременнаго царствованія. Только при этомъ условіи сдѣлаются до извѣстной степени понятными и безграничныя милости, и болѣе, чѣмъ суровыя, наказанія, которыя, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не рѣдко падали на одну и ту же голову.

Историческая литература, имѣющая непосредственное отношеніе къ жизни императора Павла, составляетъ еще достояніе архивовъ, слѣдовательно, послѣднее слово объ этомъ государѣ принадлежитъ будущему времени; но и въ настоящее время, на основаніи имѣющихся матеріаловъ, а особенно на основаніи только что появившейся въ свѣтъ книги г. Кобеко „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", представляется возможнымъ дать если и не полную характеристику личности этого государя, то, во всякомъ случаѣ, довольно вѣрный очеркъ и объяснить, опираясь на богатство матеріаловъ, собранныхъ г. Кобеко о воспитаніи и жизни цесаревича до самаго вступленія на престолъ, тѣ противорѣчивыя явленія его духовной природы, которыя съ такой силой выразились въ немъ, какъ въ императорѣ.

Замѣтимъ, кстати, что г. Кобеко пользовался не только отечественными, но и иностранными источниками. Мы постараемся прослѣдить его трудъ по возможности обстоятельно и подробно.

На первой же страницѣ книги встрѣчаемъ очень оригинальный взглядъ людей стараго времени на физическое воспитаніе дѣтей. Императрица Екатерина говоритъ въ своихъ запискахъ: „Новорожденный цесаревичъ помѣщенъ былъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, спеленутый фланелью, въ колыбели, обитой лисьимъ чернобурымъ мѣхомъ; накрывали его стеганымъ на ватѣ одѣяломъ, сверхъ котораго настилали розоваго цвѣта бархатное одѣяло, подбитое мѣхомъ. Потъ выступалъ у него на личикѣ и на всемъ тѣлѣ, прибавляетъ Екатерина. Отъ этого произошло то, что когда онъ выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра".

Подобное пониманіе пользы тепла для новорожденнаго составляло общее явленіе на Руси, какъ, отчасти, оно составляетъ и теперь.

Императрица Екатерина пережила тѣ же самыя тяжелыя чувства, которыя, впослѣдствіи, по ея милости, переживала императрица Марія Ѳедоровна, когда была великой княгинией, т. е. Екатерина, съ перваго дня рожденія своего сына, была лишена возможности ходить за нимъ и даже часто видѣть его. Только въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны она получила позволеніе видѣть цесаре-

вича разъ въ недѣлю. Казалось бы, что, испытавъ на дѣлѣ тяжелое чувство разлуки съ сыномъ, Екатерина должна была бы иначе отнестись къ Марьѣ Θеодоровнѣ, но, какъ мы замѣтили, она точно также лишала ее счастія видѣть дѣтей, притомъ условіи, что для супруги Павла Петровича подобное лишеніе было несравненно чувствительнѣе, чѣмъ для Екатерины, которая, какъ увидимъ впослѣдствіи, не отличалась горячимъ материнскимъ чувствомъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ цесаревичу. Хотя она нѣсколько разъ въ своихъ запискахъ намекаетъ на свое горе при разлукѣ съ сыномъ и на свою невозможность быть полезной ему, но, повторяемъ, едва ли эта разлука была особенно чувствительна ея сердцу, ибо, впослѣдствіи, когда началось воспитаніе цесаревича, Екатерина очень рѣдко посѣщала его въ отдѣльномъ помѣщеніи. „Во время своихъ довольно частыхъ отлучекъ, говоритъ г. Кобеко, она, въ перепискѣ съ Панинымъ, ограничивалась лишь обычными освѣдомленіями о здоровьѣ сына, никогда не требуя извѣстій о ходѣ его учебныхъ занятій".

Сначала мѣсто воспитателя цесаревича императрица Екатерина предложила Даламберу, который, увѣдомляя объ этомъ Вольтера, между прочимъ, говоритъ: „Savez vous qu'on m'a proposé, à moi, qui n'ai pas l'honneur d'être jésuite, l'éducation du Grand Duc de Russie. Mais je suis trop sujet aux hémorrhoides et elles sont trop dangereuses en ce pays là".

Авторъ цитируемой нами книги замѣчаетъ, „что трудно сказать, могъ ли бы Даламберъ быть пригоденъ къ дѣлу воспитанія наслѣдника русскаго престола". Можно смѣло сказать, что не могъ быть пригоденъ, что̀, по всей вѣроятности, понимала и Екатерина, но ей хотѣлось не пропустить случая лишній разъ вступить въ сношеніе съ знаменитостью того времени и сдѣлать извѣстнымъ въ Европѣ фактъ приглашенія Даламбера, за что обыкновенно тѣ же французы прославляли ее на всѣ лады, какъ умную и либеральную императрицу. И въ этомъ разъ газеты разнесли по всему свѣту объ этомъ просвѣщенномъ дѣйствіи Екатерины, которая, при всемъ своемъ умѣ, была въ высшей степени тщеславна. Екатерина кончила тѣмъ, что оставила цесаревича на рукахъ Панина, опредѣленнаго оберъ-гофмейстеромъ двора цесаревича еще Елисаветой Петровной.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ иностранныхъ писателей, что Панинъ былъ умный человѣкъ, но едва ли его нравственныя свойства при томъ условіи, что онъ всю жизнь провелъ въ мірѣ придворныхъ интригъ, удовлетворяли строгимъ требованіямъ званія воспитателя, для котораго мало одного ума и неподкупности, приписываемыхъ ему иностранными дипломатами. Положительно извѣстно, что Панинъ былъ хитрый придворный человѣкъ, очень ловкій въ различныхъ придворныхъ изворотахъ; затѣмъ, извѣстно также, что для него, въ полномъ смыслѣ слова, сибарита,—хорошенькія женщины и

хорошій столъ составляли вопросъ жизни. Такія личности, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ мягки сердцемъ, что и отразилось въ отношеніяхъ его къ цесаревичу, который питалъ къ нему самое доброе чувство. Понятно, что лѣность являлась естественнымъ свойствомъ, вытекавшимъ изъ всѣхъ упомянутыхъ качествъ Панина.

Полагаемъ, что всѣхъ означенныхъ данныхъ очень недостаточно для права носить званіе воспитателя.

Въ числѣ учителей цесаревича обращаетъ на себя особенное вниманіе извѣстный Порошинъ, имѣвшій большое нравственное вліяніе на своего питомца, что подтверждается фактами. Въ числѣ лицъ, окружавшихъ цесаревича, встрѣчаются и въ родѣ князя Барятинскаго, на котораго великій князь неоднократно жаловался Порошину, говоря, что Барятинскій ему „завсегда досаждаетъ, твердя, что надобно ложиться позже, вставать позже, не пропускать ни одной комедіи и убираться въ 5 буколь"; или въ родѣ камергера графа А. С. Строгонова, позволявшаго себѣ неприличныя выходки противъ религіи за обѣдомъ у цесаревича.

Но само собой разумѣется, что изъ всѣхъ наставниковъ Павла выдавался митрополитъ Платонъ, вліяніе котораго, по словамъ г. Кобеко, на царственнаго ученика было благотворно. Платонъ былъ членомъ небольшого его общества, и часто обѣдалъ у него; вслѣдствіе этого, отношенія великаго князя къ своему законоучителю и духовнику были не только въ извѣстныхъ случаяхъ духовныя, а въ другихъ оффиціальныя, но постоянно и внѣ духовно-служебныхъ обязанностей имѣли характеръ задушевный. Павелъ Петровичъ былъ съ дѣтства очень религіозенъ и, благодаря Платону, таковымъ остался на всю жизнь.

Платонъ также подтверждаетъ, „что императрица самолично никогда не входила въ дѣло обученія, а графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами и къ гуляніямъ былъ склоненъ". Воздавая Павлу должную похвалу за его любовь къ религіи и за то, что былъ къ набожности расположенъ, Платонъ говоритъ далѣе: „но при этомъ великій князь былъ и особо склоненъ и къ военной наукѣ и часто переходилъ съ одного предмета на другой, не имѣя терпѣливаго къ одной вещи вниманія и наружностію всякою въ глаза бросающеюся болѣе прельщался, нежели углублялся во внутренность".

Очень важно это указаніе умнаго и наблюдательнаго Платона; важно и слѣдующее указаніе не менѣе умнаго Порошина, который, признавая въ Павлѣ наиболѣе „человѣколюбивѣйшее сердце" говорить, что въ чувствахъ его нѣтъ ни малѣйшей устойчивости, основательности; что царевичъ необыкновенно быстро мѣняетъ любовь на нелюбовь. „Словомъ сказать, прибавляетъ Порошинъ, го раздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели

навсегда соблюсти посредственную, нетокмо великую и горячую отъ него дружбу и милость".

Эти черты характера Павелъ сохранилъ на всю жизнь. Порошинъ, безспорно, подмѣтилъ ихъ вѣрно. Нетвердость и измѣнчивость привязанности цесаревича Порошинъ испыталъ на себѣ и до того изучилъ свойства своего воспитанника, что однажды, въ неудовольствіи на него, сказалъ ему слѣдующія замѣчательныя слова (прибавимъ, съ своей стороны, чисто пророческія): „Avec les meilleures intentions du monde vous vous ferez haïr Monseigneur".

Другой наставникъ Павла, Эпинусъ, говаривалъ про него: „Голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка,—машинка завернется и тутъ конецъ уму и разсудку". Вотъ черты природы Павла, выяснившіяся для нѣкоторыхъ изъ его воспитателей. Мѣсто болѣзни было открыто, оставалось только подѣйствовать на больное мѣсто педагогическими мѣрами, которыя въ силахъ если не совершенно уничтожить анормальныя явленія въ ребенкѣ, ибо природа выше воспитанія, то, во всякомъ случаѣ, могутъ значительно сгладить ихъ, но, конечно, опять-таки при извѣстныхъ, благопріятныхъ для этого условіяхъ, которыхъ придворная среда не представляетъ. Мы не говоримъ уже о Панинѣ, относившемся къ своей обязанности совершенно пассивно, но даже и люди, подобные Порошину, не въ силахъ были бы бороться съ вліяніемъ придворной среды и враждебныхъ Павлу обстоятельствъ, которыя должны были портить всякую молодую натуру. Условія, при которыхъ возрастаетъ подобная личность, нерѣдко непобѣдимы для самаго сильнаго ума и для самой сильной воли; особенно, если принять въ соображеніе, какъ въ жизни Павла, что сама мать не только не интересуется ходомъ всесторонняго развитія своего сына, но даже питаетъ къ нему непріязненное чувство. Она не знала, что при цесаревичѣ ведутся иногда разговоры, убивающіе нравственные задатки въ ребенкѣ; она не знала, что ея сынъ читалъ все, что попадалось подъ руку, безъ малѣйшаго надзора со стороны воспитателей. Затѣмъ, стоитъ просмотрѣть репертуаръ пьесъ, которыя игрались предъ цесаревичемъ на придворномъ театрѣ, чтобы убѣдиться, какъ мало Екатерина прилагала вниманія къ дѣлу воспитанія своего сына. Пьесы эти въ родѣ слѣдующихъ: „La coquette punie", „La coquette fixée", „L'été des coquettes", „La fête de l'amour", „Le jeu de l'amour" и проч. тому подобныя.

Графъ Орловъ, съ разрѣшенія императрицы, водилъ цесаревича по комнатамъ фрейлинъ, возвратившись откуда, Павелъ „вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канапе повалился, говоря Порошину, что „онъ видѣлъ свою любезную и что она часъ отъ часу болѣе плѣняетъ".

Отъ нѣжныхъ мыслей, 11-лѣтній Павелъ Петровичъ перешелъ (употребимъ модный того времени терминъ) къ „аханію". Предметомъ его увлеченія была фрейлина Чоглокова.

Мы не приводимъ всѣхъ фактовъ, разсѣянныхъ г. Кобеко въ его трудѣ, которые должны были губительно вліять на нравственную природу 11-лѣтняго мальчика, но скажемъ только, что сама Екатерина потворствовала пробуждавшимся чувствамъ сына. Вотъ данныя, на основаніи которыхъ мы имѣемъ полное право заключить, что природа Павла Петровича была богато надѣлена добрыми, высоконравственными чувствами, если подобное воспитаніе не въ силахъ было растлить его и онъ оставался нравственнымъ юношей и высоко-примѣрнымъ мужемъ, каковымъ, по всей вѣроятности, и остался бы до конца, если судить по горячей любви, которую онъ питалъ къ своей супругѣ и вообще семейной жизни. Не можетъ пройти безслѣдно для дѣтской природы отсутствіе согрѣвающей любви матери, никѣмъ и никогда не замѣнимой. Отсутствіе материнской нѣжности, любви, конечно, имѣло огромное вліяніе и на Павла Петровича, который, какъ и всѣ дѣти, не могъ избѣжать общаго закона: на чувство получать въ отвѣтъ чувство; но этого отвѣтнаго чувства не было. Онъ встрѣчалъ со стороны матери ледяную холодность, не слыхалъ ни привѣта, ни ласки, ни шутки, слѣдовательно, неизбѣжно вытекавшее отсюда болѣзненное раздраженіе, тоска и скука должны были дѣлать свое дѣло: развивать порывы ожесточенія, злобы, тѣмъ болѣе сильные, что ему приходилось молчать, таить свои думы и чувства, такъ какъ мать наводила на него страхъ. Такимъ образомъ, Екатерина помогала развитію въ душѣ цесаревича тѣхъ началъ, которыя, впослѣдствіи, принесли такой печальный плодъ, почему на ней и лежитъ отвѣтственность за судьбу своего сына предъ Россіею и исторіею.

Отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу, говоритъ г. Кобеко, были постоянно холодны. Еще десятилѣтнимъ отрокомъ Павелъ самъ признавался, „что быть ему у государыни скучно и принужденно и что принужденіе такое ему несносно". „Императрица", доносилъ французскій посланникъ Сабатье де-Кабръ, 20-го апрѣля 1770 г., „которая жертвуетъ для приличія всѣмъ остальнымъ, не соблюдаетъ никакого въ отношеніи къ сыну. Для него у нея всегда видъ и тонъ государыни и она часто прибавляетъ къ этому сухость и обидное невниманіе, которыя возмущаютъ молодаго великаго князя. Она никогда не относилась къ нему какъ мать; предъ нею онъ всегда почтительный и покорный подданный. Замѣтно, что эта манера, неприличная и жестокая, происходитъ исключительно отъ ея сердца, а не отъ того, чтобы она желала дать ему строгое воспитаніе. Она оказываетъ сыну только тѣ внѣшніе знаки вниманія, которые вынуждаются необходимостью. Поэтому великій князь стоитъ предъ нею, какъ предъ судьею; вездѣ въ прочихъ мѣстахъ онъ имѣетъ видъ совершенно развязный и нимало не стѣсненный. Онъ выражается любезно и свободно и старается нравиться всѣмъ приближеннымъ вниманіемъ, вѣжливостью и обязательностью разговора".

„Причину нерасположенія Екатерины къ сыну едва ли не слѣдуетъ искать“, прибавляетъ Сабатье де-Кабръ, „въ обстоятельствахъ ея не вполнѣ счастливаго супружества. Выданная замужъ за великаго князя Петра Ѳедоровича по политическимъ соображеніямъ, она не могла любить его и эта нелюбовь перешла на его сына“.

Не надобно быть большимъ психологомъ, чтобы сказать утвердительно до какой степени подобная печальная обстановка, среди которой приходилось развиваться духовнымъ силамъ Павла Петровича, должна была содѣйствовать развитію въ немъ самыхъ анормальныхъ въ психологическомъ смыслѣ явленій. Сколько злобы, раздраженія вбирала въ себя душа цесаревича, видѣвшаго кругомъ только чиновниковъ придворныхъ, наемниковъ, безъ малѣйшаго проблеска чувства со стороны матери, а Павелъ искалъ привязанности, сердечной теплоты и способенъ былъ крѣпко привязываться къ людямъ, доказательствомъ чего можетъ служить его любовь къ Панину и Порошину. Присоединимъ ко всему вышесказанному еще и то, что Павелъ не могъ не смотрѣть на поведеніе своей матери (по отношенію къ фаворитамъ) такъ же, какъ и всѣ прочіе. Какое невыразимо тяжелое, невыразимо оскорбительное сознаніе для всякаго сколько нибудь благородно чувствующаго сына, особенно при томъ условіи, что цесаревичу приходилось, какъ увидимъ ниже, переносить тяжкія оскорбленія отъ фаворитовъ.

Изъ данныхъ, находящихся въ цитируемомъ нами трудѣ, можно вывести вѣрное заключеніе, что на отношенія Екатерины къ ея сыну непосредственно вліялъ графъ Орловъ, ибо какъ только императрица расходилась съ нимъ, что бывало нерѣдко, то ея отношенія къ цесаревичу дѣлались несравненно мягче, теплѣе, и наоборотъ, какъ только Орловъ становился въ прежнія отношенія къ Екатеринѣ, то послѣдняя еще болѣе увеличивала свое нерасположеніе къ великому князю. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ сказывалась и забота о судьбѣ Бобринскаго, сына Орлова, ибо имѣется указаніе, что когда Павелъ Петровичъ опасно заболѣлъ горячкой, то подумывали, какъ выражается г. Кобеко, объявить, въ случаѣ несчастія, наслѣдникомъ престола Бобринскаго. До какихъ нелѣпостей можетъ довести любовь даже и умную женщину.

Екатерина много заботилась о воспитаніи Бобринскаго, который стоилъ дорого Россіи; но, къ ея горю, изъ него вышелъ безпутный мотыга, задавшій порядочнаго трезвона за-границей, куда онъ былъ отправленъ для усовершенствованія въ наукахъ и успокоившійся только послѣ многихъ лѣтъ веселой жизни, т. е. когда женился и мирно зажилъ въ Ригѣ.

Мы имѣемъ немало свидѣтельствъ иностранцевъ въ родѣ того, что у Павла Петровича была душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны. Не было причины ино-

странным дипломатамъ писать неправду; никакая политика не могла требовать подобной лжи.

Только одна Екатерина не знала и не хотѣла знать этихъ свойствъ своего сына. Съ теченіемъ времени явилась новая причина къ усиленію ея нелюбви къ Павлу Петровичу, а именно мысль, внушенная ей Орловымъ и лицами близкими ему, что рано или поздно въ пользу Павла можетъ быть составленъ заговоръ. Нѣкоторые случаи какъ бы подтверждали основательность упомянутаго предположенія враговъ Павла: такъ, въ 1768 г. адъютантъ Опочининъ, выдавая себя за сына Елизаветы Петровны, составилъ заговоръ въ пользу Павла. Ссыльный полякъ Беньовскій, произведшій въ 1771 году бунтъ въ Камчаткѣ, наименовалъ собранныхъ имъ сообщниковъ „Собранною компаніею для имени его императорскаго высочества Павла Петровича".

Вся политическая интрига между Екатериной и цесаревичемъ держалась двумя лицами — Панинымъ и Орловымъ. Къ чести перваго необходимо сказать, что онъ до самаго своего увольненія крѣпко стоялъ за интересы Павла Петровича, вслѣдствіе чего и находился въ постоянной борьбѣ съ Орловымъ. Въ этомъ случаѣ Панинъ дѣйствительно сослужилъ большую службу цесаревичу, которой послѣдній никогда не забывалъ и горько сокрушался объ его смерти.

Замѣчательно, что вся жизнь Павла Петровича складывалась такимъ образомъ, что натура его должна была болѣе и болѣе ожесточаться, болѣе и болѣе накопляться затаенная злоба въ ней. Такъ, бракъ его съ великою княжною Натальей Алексѣевной оказался очень неудачнымъ: она управляла имъ деспотически, не давая даже себѣ труда выказывать хотя малѣйшую къ нему привязанность. Въ выборѣ членовъ своего общества, своихъ удовольствій и даже въ самомъ образѣ мыслей, цесаревичъ вполнѣ подчинялся ей. Она не дозволяла ему пользоваться его умомъ; онъ былъ живъ и подвиженъ, а сдѣлался тяжелъ и апатиченъ. Съ своей стороны, она была управляема графомъ Разумовскимъ. Екатерина замѣтила это поведеніе невѣстки, дѣлала ей наставленія, но безуспѣшно.

Второй бракъ его на Маріи Ѳедоровнѣ представляетъ совершенную противоположность первому. Въ концѣ 1776 г. супруга цесаревича такъ писала подругѣ своего дѣтства, графинѣ Шуазель-Гуфье: „Великій князь, очаровательнѣйшій изъ мужей, кланяется вамъ. Я очень рада, что вы его не знаете, вы не могли бы не полюбить его и я стала бы его ревновать. Дорогой мой мужъ—ангелъ; я люблю его до безумія".

Подобная женщина, какъ Марія Ѳедоровна, необыкновенно богатая чувствомъ, нѣжная, съ умомъ свѣтлымъ, могла передавать въ своихъ вышеупомянутыхъ словахъ только безусловную истину. Такая женщина могла полюбить лишь достойнаго любви человѣка. Можно смѣло утверждать, что она была единственной поддержкой

мужа въ его тяжеломъ жизненномъ пути и что онъ съ любовью подчинялся ея вліянію.

Англійскій посланникъ Гаррисъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, „что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна жили въ полнѣйшемъ согласіи. Великій князь измѣнился къ лучшему и пошелъ гораздо далѣе, чѣмъ отъ него ожидали. Великая княгиня поступаетъ съ большимъ благоразуміемъ и осторожностью и всѣми любима“.

Но, во всякомъ случаѣ, положеніе при дворѣ Маріи Ѳедоровны, возложившей на себя брачныя узы съ самыми чистыми намѣреніями, было трудное, ибо ея чистота души, невинность и непорочность представляли рѣзкій контрастъ нравамъ общества, въ которое она вступила.

Добрыя отношенія Екатерины къ сыну, установившіяся послѣ паденія Орлова, продолжались до новаго фаворита—Потемкина. „Подобно тому, говоритъ г. Кобеко, какъ въ дни юности Павла Петровича Орловъ старался отдалять отъ него Екатерину, такъ и въ описываемое нами время Потемкинъ держалъ ее въ постоянномъ страхѣ отъ великаго князя. Чрезъ многочисленныхъ друзей и приверженцевъ, имъ пріобрѣтенныхъ, онъ старался убѣдить ее въ томъ, что одинъ только онъ можетъ во время открыть умыселъ съ этой стороны и оградить ее отъ него“ (донесеніе Гарриса отъ 24-го мая, 1779 года).

Само собой понятно, что нерасположеніе къ сыну должно было отразиться на невѣсткѣ; каковое нерасположеніе съ теченіемъ времени не только не уменьшалось, но постоянно увеличивалось. Екатерина съ каждымъ годомъ относилась къ Марьѣ Ѳедоровнѣ съ бо́льшимъ и бо́льшимъ злорадствомъ, если можно такъ выразиться; другого слова, болѣе вѣрнаго, мы не находимъ.

Екатерина, по своимъ политическимъ видамъ, а именно изъ желанія сблизиться съ Австріею, пришла къ мысли предложить сыну и невѣсткѣ заграничное путешествіе, въ томъ разсчетѣ, чтобы посредникомъ этого сближенія явился Павелъ Петровичъ.

Цесаревичъ и Марія Ѳедоровна приняли мысль о заграничномъ путешествіи съ большимъ сочувствіемъ и, конечно, прежде всего разсчитывали хотя немного отдохнуть отъ окружавшихъ ихъ дрязгъ и непріятностей. Затѣмъ, цесаревичъ совершенно оставался безъ занятій, будучи парализованъ даже въ прямыхъ возложенныхъ на него обязанностяхъ, какъ, напримѣръ, по должности генералъ-адмирала. Павелъ Петровичъ присутствовалъ только при чтеніи императрицей почты. Цесаревичъ былъ настолько далекъ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, что когда однажды, 12-го мая 1783 года, императрица заговорила съ нимъ о занятіи Крыма и дѣлахъ польскихъ, то Павелъ Петровичъ, записавъ этотъ разговоръ, отмѣтилъ: „довѣренность мнѣ многоцѣнна первая и удивительная“.

Много пережили Павелъ Петровичъ и его супруга тяжкихъ не-

пріятностей предъ отъѣздомъ за границу, о которыхъ долго было бы говорить; замѣтимъ только, что, по словамъ одного иностраннаго дипломата, великая княгиня, прощаясь съ дѣтьми, предъ самымъ отъѣздомъ упала въ обморокъ и была отнесена въ карету въ безпамятствѣ. Она хотѣла что-то сказать императрицѣ, но голосъ ея оборвался и вообще ея видъ и манеры болѣе напоминали положеніе особы, осужденной на изгнаніе, чѣмъ готовящейся къ пріятному и поучительному путешествію. Великій князь находился въ такомъ же состояніи. Сѣвъ въ карету, онъ опустилъ шторы и велѣлъ кучеру ѣхать „какъ можно скорѣе". Графъ Панинъ, когда цесаревичъ садился въ карету, успѣлъ что-то шепнуть ему на ухо, на что не получилъ отвѣта. Гаррисъ прибавляетъ, „что Панинъ наполнилъ ихъ умы опасеніями и они уѣхали подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ ужаса".

Вопреки ожиданіямъ императрицы, цесаревичъ въ свою заграничную поѣздку сошелся не съ Вѣной, а Берлиномъ; скажемъ болѣе, онъ совершенно увлекся Фридрихомъ II и его арміею, увлекся до такой степени, что, впослѣдствіи, будучи императоромъ, употреблялъ всѣ усилія ввести прусскіе военные порядки, прусскую дисциплину и въ свою армію, что онъ проявилъ до крайности.

Прусскія каски, мундиры, вооруженіе, составляли предметъ его мечтаній. Самъ онъ подражалъ Фридриху Великому въ одеждѣ, походкѣ и посадкѣ на лошади. Не коснулись только его безбожіе и бездушная философія Фридриха. Въ этомъ случаѣ Павелъ Петровичъ былъ неизмѣнно твердъ, ибо видѣлъ въ религіи великую поддержку для своей души. Требованія по отношенію къ религіи людей по преимуществу мозговыхъ или сердечныхъ совершенно различны.

Въ книгѣ г. Кобеко мы находимъ указанія на то, что многія высокопоставленныя лица, съ которыми графу Сѣверному (подъ этимъ именемъ путешествовалъ цесаревичъ) приходилось сталкиваться заграницей, даютъ самые лестные отзывы объ его умѣ и сердцѣ, какъ равнымъ образомъ и о Маріи Ѳедоровнѣ. Между прочимъ, было замѣчено, что графъ Сѣверный отличается сильно развитымъ въ немъ чувствомъ законности, любовью къ точности и порядку. Такое свойство души Павла Петровича подмѣчено очень вѣрно; будучи императоромъ, онъ понималъ „законность" крайнимъ образомъ или, что вѣрнѣе, по своему, но нельзя отвергнуть, что у него, какъ у всякаго больного душей, эта господствующая идея пробивалась во всѣхъ дѣйствіяхъ очень ясно.

Наступилъ и второй періодъ жизни Павла Петровича, какъ цесаревича: съ осени 1783 года онъ и его супруга переѣхали въ Гатчину и стали именовать себя гатчинскими помѣщиками. Съ переѣздомъ въ Гатчину цесаревичъ очень рѣдко являлся въ Петербургъ, гдѣ встрѣчалъ, по возвращеніи изъ-за-границы, еще большую, чѣмъ прежде, холодность со стороны Екатерины и тяжкія оскорбленія со

стороны ея фаворитовъ. Гаррисъ, англійскій дипломатъ, между прочимъ, упоминаетъ, „что императрица обращается съ великимъ княземъ съ полнымъ равнодушіемъ, можно сказать—съ пренебреженіемъ. Съ великимъ княземъ и съ великою княгинею Потемкинъ и его партія обращаются какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія". Или такой случай: однажды на обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ цесаревичъ съ семействомъ, зашелъ общій оживленный разговоръ, въ которомъ цесаревичъ не принималъ никакого участія. Императрица, желая пріобщить его къ бесѣдѣ, спросила его, съ чьимъ мнѣніемъ онъ согласенъ по вопросу, составлявшему предметъ разговора?

— Съ мнѣніемъ Платона Александровича Зубова, отвѣчалъ цесаревичъ.

— Развѣ я сказалъ какую нибудь глупость? нагло отозвался фаворитъ.

Подобная дерзость человѣка, извѣстнаго лишь тѣмъ, что онъ исправлялъ должность фаворита, лучше всего доказываетъ, сколько должна была наболѣть душа несчастнаго Павла Петровича, какъ сильно должно было страдать его самолюбіе, особенно еще при томъ условіи, если онъ, по слабости ли характера, или по обстоятельствамъ, которымъ волей неволей приходилось подчиняться, долженъ былъ сносить оскорбленіе безнаказанно. Если бы цесаревичъ имѣлъ возможность изливать свое негодованіе и омерзѣніе къ подобнымъ личностямъ въ то время, когда ему были наносимы оскорбленія, то очень возможно, что въ будущемъ онъ не проявилъ бы тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыя такъ тяжело отразились на Россіи. Таковъ психическій законъ, всегда и вездѣ повторяющійся.

Съ переѣздомъ цесаревича въ Гатчину, отношенія его съ Екатериной приняли такой характеръ, что двѣ партіи видимо раздѣлились подъ названіемъ большаго и малаго двора, т. е. въ Петербургѣ и Гатчинѣ. Являвшіеся въ Гатчино никакъ не могли разсчитывать на благосклонный пріемъ при большомъ дворѣ. Затѣмъ, всякій шагъ цесаревича въ Гатчинѣ былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, конечно, чрезъ шпіоновъ, о существованіи которыхъ Павелъ Петровичъ могъ предугадывать, но не всегда могъ знать ихъ по именамъ. Нерѣдко случалось такъ, что цесаревичъ очень сухо относился къ кому бы то ни было, если встрѣчался съ нимъ при дворѣ матери, чтобы своимъ вниманіемъ къ этому лицу не повредить ему въ глазахъ императрицы; но потомъ, если это лицо являлось къ нему, то онъ давалъ волю своему проявленію чувства и расположенія къ явившемуся, причемъ прямо объяснялъ причину холодности, выказанную имъ во время встрѣчи въ присутствіи императрицы, какъ это и было съ извѣстнымъ Румянцевымъ.

Самый пустой случай могъ обрушить гнѣвъ императрицы на гатчинскихъ помѣщиковъ: такъ, узнавъ что Мамоновъ (кратковременный

фаворитъ) былъ приглашенъ Маріей Θеодоровной побывать у нея, Екатерина выразила величайшее неудовольствіе и немедленно дала знать Маріи Θеодоровнѣ, чтобы впредь этого не было.

Высоконравственная великая княгиня, конечно, была совершенно невинна въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, подобнымъ Мамонову. Въ этомъ смыслѣ на нее не можетъ пасть малѣйшая тѣнь. По самому обыкновенному случаю она исполнила лишь простой долгъ вѣжливости относительно Мамонова, что императрицѣ было очень хорошо извѣстно.

Павелъ Петровичъ весь отдался той дѣятельности, которую представляло ему Гатчино. Онъ старался облегчить крестьянину бремя его повинностей, помогалъ ссудами тѣмъ, у которыхъ хозяйство, не по ихъ винѣ, приходило въ разстройство и старался разверстаніемъ и прирѣзкою достаточнаго количества земли, облегчить труженику безбѣдное существованіе. Лучшимъ устройствомъ полиціи, пожарной и медицинской частей въ Гатчинѣ, онъ обезпечилъ безопасность личности, собственности и здоровья. Наконецъ, извѣстно, что занятіями съ своей небольшой военной командой онъ отдавался съ увлеченіемъ.

Всѣми своими украшеніями Гатчино обязано Павлу Петровичу.

„1793 годъ, пишетъ г. Кобеко, былъ, кажется, годомъ рѣшительнаго перелома въ характерѣ цесаревича. Уединяясь болѣе и болѣе въ Павловскѣ и Гатчинѣ, удаляясь отъ лицъ, сохранившихъ къ нему любовь, прибавимъ къ этому, лишенный дѣтей, которые жили въ Петербургѣ, запуганный шпіонствомъ, боявшійся всяческихъ козней“, онъ становился мрачнымъ, подозрительнымъ и раздражительнымъ, чему, конечно, способствовало, что съ конца 1793 года шла рѣчь о лишеніи престолонаслѣдія Павла Петровича, возбудившаго всеобщую ненависть, и о возведеніи на престолъ, по кончинѣ Екатерины, старшаго внука ея, Александра Павловича. Такъ пишетъ Лагарпъ, который далѣе прибавляетъ: „злые совѣтники овладѣли умомъ Павла Петровича и наполнили душу его подозрѣніями. Онъ имѣлъ несчастіе довѣриться французскимъ эмигрантамъ, которые представляли врагами его всѣхъ тѣхъ, чей здравый смыслъ цѣнилъ по достоинству ихъ сумасбродныя притязанія“.

Всѣхъ обстоятельствъ, враждебно вліяющихъ на ту или другую природу человѣческую, безъ сомнѣнія, не перечислишь, какъ нельзя перечислить всѣхъ тайныхъ изгибовъ и видоизмѣненій души человѣческой; но къ числу очень важныхъ причинъ, повліявшихъ на Павла Петровича и образовавшихъ въ немъ крайній взглядъ на движеніе политическихъ идей, на государственное устройство, должно отнести французскую революцію, со всѣми ея страшными послѣдствіями. Ужасная смерть Людовика XVI и Маріи Антуанѣты, которые такъ еще недавно, торжественно и весело принимали въ Парижѣ Павла Петровича, оставила, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Кобеко,

неизгладимое впечатлѣніе. Въ числѣ французскихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ въ Россію, находился въ Петербургѣ и графъ Эстергази. Человѣкъ очень ловкій, онъ умѣлъ отлично устроиться въ Петербургѣ и такъ проповѣдывалъ деспотизмъ и необходимость управлять желѣзомъ, что Павелъ Петровичъ принялъ его систему и началъ вести себя соотвѣтственно. („Письма Ростопчина", въ „Архивѣ князя Воронцова").

Великій князь сталъ видѣть повсюду отпрыски революціи. Онъ вездѣ думалъ встрѣтить якобинцевъ и однажды приказалъ посадить подъ арестъ четырехъ офицеровъ своего баталіона за то, что у нихъ были нѣсколько коротки косички,—причина, признанная достаточною, чтобы заподозрить въ нихъ революціонное направленіе.

Одна только Марія Ѳедоровна служила поддержкой и утѣшеніемъ цесаревичу. Лица, къ которымъ онъ относился съ довѣріемъ, какъ въ большинствѣ случаевъ и встрѣчается, обманывали его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Одинъ Кутайсовъ, крещеный турченокъ, оставался ему неизмѣнно вѣренъ.

Статскій совѣтникъ баронъ Борхъ, поступившій къ Павлу Петровичу управляющимъ гатчинскими волостями, вкрался въ его расположеніе и сдѣлался главнымъ распорядителемъ строительныхъ работъ. Чрезъ два года онъ растратилъ до 300.000 рублей, чѣмъ еще болѣе разстроилъ дѣла цесаревича, такъ какъ Павелъ Петровичъ въ то время уже имѣлъ долговъ до 600.000 руб., каковой долгъ былъ сдѣланъ, главнымъ образомъ, потому, что содержаніе, получавшееся цесаревичемъ, было очень ограниченное и до такой степени не отвѣчало расходамъ,—кстати замѣтимъ, самымъ обыкновеннымъ и необходимымъ,—что великій князь долженъ былъ прибѣгать къ займамъ у частныхъ лицъ и разъ какъ-то, дѣлая у себя свадьбу князя Долгорукаго, занялъ 4.000 руб. у графа Пушкина; а въ другой разъ, когда Бенкендорфъ, любимица Маріи Ѳедоровны, разрѣшилась отъ бремени, то Павелъ Петровичъ, не имѣя наличныхъ денегъ, пожаловалъ ей въ подарокъ вексель въ 10.000 руб., которые обѣщалъ уплатить въ три мѣсяца. Въ книгѣ г. Кобеко имѣются факты, доказывающіе, насколько Екатерина въ этомъ отношеніи была несправедлива къ своему сыну: она дарила и прощала своимъ фаворитамъ огромныя суммы и высказывала сильное неудовольствіе цесаревичу за самый необходимый и неизбѣжный расходъ. Когда оказалось, что изъ полученыхъ банкиромъ Сутерландомъ двухъ съ половиной милліоновъ казенныхъ суммъ имъ была раздана значительная часть въ ссуду разнымъ лицамъ, какъ-то: князю Потемкину, князю Вяземскому, графу Безбородкѣ и другимъ, а равнымъ образомъ и великому князю, то императрица повелѣла не считать долгомъ взятые княземъ Потемкинымъ 800.000 рублей, такъ какъ онъ многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги. Но, когда очередь дошла до цесаревича, то она перемѣнила

тонъ и стала жаловаться Державину, докладывавшему по дѣлу Сутерланда, „что сынъ ея мотаетъ, строитъ безпрестанно зданія, въ которыхъ нужды нѣтъ; не знаю, что съ нимъ дѣлать". Державинъ, потупя глаза, не говоритъ ни слова. Екатерина, видя то, спросила: „что ты молчишь?" Державинъ тихо отвѣтилъ, что наслѣдника съ императрицей судить не можетъ. При этихъ словахъ Екатерина вспыхнула, закраснѣлась и закричала: „поди вонъ". (Записки Державина).

Всѣ подобныя дѣйствія Екатерины должны были разбивать душу Павла Петровича и дѣйствительно разбивали, чѣмъ и объясняется та слабость духа, которая довела его до того, что онъ сдѣлался суевѣренъ. Психически вѣрно, что люди, подпадающіе постояннымъ непріятностямъ, преслѣдованіямъ, несчастіямъ, по преимуществу, падаютъ духомъ и дѣлаются суевѣрными. Только этимъ и можно объяснить нарожденіе тяжелыхъ примѣтъ, вѣру въ сновидѣнія и призраки.

Извѣстенъ случай изъ жизни цесаревича, переданный имъ самимъ,— встрѣча его, во время одной прогулки въ Петербургѣ, съ какимъ-то призракомъ, предсказавшимъ ему скорую смерть въ такихъ словахъ: „Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не долго останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти: для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія".

5-го ноября 1796 года, цесаревичъ обѣдалъ на гатчинской мельницѣ. Предъ обѣдомъ онъ передалъ своимъ гостямъ — Плещееву, Кушелеву, графу Віельгорскому и Бибикову, что въ эту ночь чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбужаемъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтивъ, что великая княгиня не почивала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи и узналъ къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ была разбужена".

Въ этотъ же день графъ Зубовъ привезъ извѣстіе великому князю, что утромъ того же дня была поражена апоплексическимъ ударомъ императрица Екатерина.

Только больная душа можетъ поддаваться подобнымъ явленіямъ, только напуганная душа и больное воображеніе могутъ создавать подобные призраки. Между первыми признаками больной психической природы и полной потерей разума, безъ сомнѣнія, лежитъ еще множество ступеней.

Мы старались, пользуясь матеріалами г. Кобеко, показать тѣ духовныя начала, которыя были присущи природѣ Павла Петровича; старались показать, какое вліяніе имѣла на нихъ среда, охватившая

его жизнь. Не знаемъ, убѣдился ли читатель, но мы сохраняемъ твердое убѣжденіе, что природа цесаревича обладала всѣми данными, чтобы принести благо Россіи, но обстоятельства и люди раздражили, озлобили эту природу, убивъ въ ней теплое чувство къ человѣчеству, довѣріе ко всѣмъ его окружавшимъ. За него, предъ судомъ потомства, дастъ отвѣтъ Екатерина и то боярство, которое всегда жило и живетъ интригами, которое всегда любило прежде всего самого себя и никогда не любило родной земли. Оно погубило Грознаго, погубило и цесаревича Павла Петровича. Судъ исторіи, нелицепріятный и вѣрный, надъ драмой, разыгравшейся въ жизни Павла Петровича, надъ нимъ и лицами, принимавшими въ ней участіе, принадлежитъ будущему, и тогда, по всей вѣроятности, откроется еще больше данныхъ, которыя представятъ интересную личность цесаревича въ совершенно вѣрномъ свѣтѣ и докажутъ, что онъ въ послѣдніе годы царствованія своей матери не безъ причины скучалъ жизнію; докажутъ, каковъ въ своемъ существѣ придворный міръ, устоять въ борьбѣ съ которымъ можетъ только необыкновенно сильная и богатая натура, не составлявшая принадлежности цесаревича Павла Петровича, во всякомъ случаѣ болѣе достойнаго сожалѣнія, чѣмъ осужденія.

И. Бѣловъ.





ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II [1].

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году вышла въ Базелѣ книга Виктора Лаферте, содержащая въ себѣ, по словамъ автора, многія данныя о жизни и послѣднихъ дняхъ царя-мученика, сообщенныя ему лицами разныхъ общественныхъ положеній и которыя были свидѣтелями переданнаго ими автору. Послѣдній, по его увѣренію, изложилъ ихъ въ своемъ трудѣ съ добросовѣстною точностію, избѣгая всякаго духа партій. Получилъ ли авторъ сообщаемыя имъ любопытныя свѣдѣнія отъ одного лица, близко стоявшаго къ почившему императору, какъ надобно полагать, или дѣйствительно въ доставленіи ему матеріаловъ принимали участіе разныя лица, въ сущности—безразлично, если только эти данныя достовѣрны. Съ катастрофы 1-го марта 1881 года прошло еще такъ мало времени; она еще такъ памятна у всѣхъ, что для исторической критики этого событія и для анализа дѣйствій лицъ, окружавшихъ императора Александра Николаевича, и тѣхъ, коимъ ввѣрена была охрана его особы, или которыя болѣе другихъ должны были помышлять о томъ,—можетъ быть еще не наступила пора. Книга Виктора Лаферте составлена съ полнымъ сочувствіемъ къ почившему императору и въ этомъ отношеніи является пріятнымъ исключеніемъ въ заграничной печати, въ которой даже мученическая смерть законодателя-преобразователя не уничтожила закоренѣлой безусловной ненависти и партійнаго недоброжелательства къ Россіи, къ всему русскому, къ русскимъ государямъ. Весьма вѣроятно, что трудъ г. Лаферте предназначался отчасти для парализированія та-

[1]) Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort; par Victor Laferté. 1882.

кого отношенія западно-европейской литературы къ Россіи и къ ея покойному императору, но трудно полагать, чтобы онъ хотя немного достигъ подобной цѣли. Если же лицо или лица, доставившія автору матеріалы для его книги, руководились себялюбивыми цѣлями, эгоистическими разсчетами, то современемъ историческая критика обнаружитъ ихъ во всей наготѣ, когда явится возможность или наступитъ время появленія и другихъ разоблаченій.

Въ книгѣ описываются подробно послѣдніе два дня жизни императора Александра Николаевича, именно 28-е февраля и 1-е марта, подробности ему мученической кончины, передаются свѣдѣнія о его семейной, домашней жизни и, наконецъ, сообщаются характеристическія черты ближайшихъ къ нему лицъ и нѣкоторыхъ бывшихъ министровъ.

Въ субботу, 28-го февраля, пишетъ г. Лаферте, императоръ Александръ Николаевичъ, имѣвшій обыкновеніе вставать въ половинѣ девятаго часа утра, проснулся ранѣе обыкновеннаго и всталъ въ восемь часовъ. По окончаніи своего туалета, императоръ, вопреки обыкновенію, не совершилъ своей ежедневной утренней прогулки по обширнымъ заламъ Зимняго дворца, но въ исходѣ девятаго часа отправился въ малую церковь, гдѣ пріобщился въ тотъ день св. тайнъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами августѣйшей фамиліи. Всѣ присутствовавшіе въ церкви были поражены выраженіемъ блаженства, напечатлѣвшагося на лицѣ императора, когда онъ удостоился св. причащенія. Послѣ обѣдни былъ поданъ завтракъ, на которомъ присутствовали также г-жа Бартеньева, генералъ-адъютанты князь Суворовъ, Слѣпцовъ и Рылѣевъ. По окончаніи завтрака, императоръ удалился въ свой кабинетъ, куда вскорѣ прибылъ лейбъ-медикъ Боткинъ. Его величество похвалился своему врачу, что онъ простоялъ два часа сряду въ церкви и не чувствуетъ никакого утомленія отъ того. Послѣ выхода г. Боткина, явился къ императору съ докладомъ управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь Гирсъ. Около этого времени императоръ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Лорисъ-Меликова, извѣщеніе объ арестованіи Желябова, участника неудавшагося покушенія на лозово-севастопольской желѣзной дорогѣ, близъ Александровска. Послѣ покушенія въ Зимнемъ дворцѣ, 5-го февраля 1880 года, императоръ назначилъ графа Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ верховной распорядительной комиссіи, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначилъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. По словамъ г. Лаферте, этого выбора никто не совѣтовалъ императору; онъ явился результатомъ убѣжденія императора, что графъ Лорисъ-Меликовъ стоялъ на высотѣ событій и былъ способенъ умиротворить Россію, успокоивъ съ тѣмъ вмѣстѣ умы. По обыкновенію, въ субботу, въ полдень, графъ Лорисъ-Меликовъ прибылъ для доклада въ Зимній дворецъ, и вотъ что происходило на этомъ свиданіи. Желябовъ былъ арестованъ и допрошенъ. Всѣ отвѣты

государственнаго преступника были сообщены графомъ Лорисъ-Меликовымъ письменно императору. Желябовъ отказался отвѣчать на всѣ вопросные пункты, предъявленные ему прокуромъ, но объявилъ, что, несмотря на его арестованіе, покушеніе на жизнь его императорскаго величества будетъ неминуемо приведено въ исполненіе.

Подъ вліяніемъ такого извѣстія, графъ Лорисъ-Меликовъ выразилъ мнѣніе, что императору не слѣдовало бы быть на разводѣ, назначенномъ на слѣдующій день, 1-го марта, но если его величеству угодно будетъ отправиться на разводъ, то слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ. Но подобный совѣтъ, говоритъ г. Лаферте, былъ скорѣе средствомъ поощренія, чѣмъ устрашенія для императора Александра Николаевича. По его природѣ, отвага побуждала его идти на встрѣчу опасности; по вѣрѣ своей онъ былъ убѣжденъ, что жизнь его находится въ рукахъ Провидѣнія; несмотря на то, по благоразумію, лишь только какая либо опасность раскрывалась передъ нимъ до очевидности, онъ старался избѣжать ея употребленіемъ необходимыхъ для того предосторожностей. Доказательствомъ такой вѣры въ Бога авторъ приводитъ слѣдующій примѣръ: императору Александру Николаевичу не нравился конвой изъ шести казаковъ, сопровождавшихъ его экипажъ. Очень часто онъ не выѣзжалъ только изъ-за этой непріятности для него. Онъ согласился на такой конвой только уступая просьбѣ близкихъ къ нему. „Только для удовлетворенія этой просьбы (говорилъ иногда почившій императоръ), я переношу казаковъ". Показавъ рукою на небо, императоръ присовокуплялъ: „Вотъ единственное покровительство, которое бдитъ надо мною, охраняетъ меня! Когда оно не захочетъ болѣе охранять меня, они (казаки) не въ силахъ будутъ исполнить этой обязанности!" До какой степени сбылись эти слова! Катастрофа 1-го марта служитъ тому доказательствомъ.

Совѣтъ быть благоразумнымъ, высказанный графомъ Лорисъ-Меликовымъ, далъ императору мысль, что опасность не неминуема, тѣмъ болѣе, что императора убѣдили, что всѣ предосторожности, возможныя для рукъ человѣческихъ, были приняты для охраны его особы на улицахъ, по которымъ онъ долженъ былъ проѣхать на другой день по дорогѣ на разводъ. Впечатлѣніе, ощущенное вслѣдствіе означеннаго совѣта, отразилось на чертахъ императора: лицо его было совершенно покойно, такъ что близкіе къ нему и не подозрѣвали значенія и важности разговора, бывшаго между государемъ и его министромъ. Обыкновенно въ тѣ дни, когда императоръ принималъ доклады графа Лорисъ-Меликова, послѣдній былъ приглашаемъ къ высочайшему обѣду, но въ этотъ день обычнаго приглашенія не послѣдовало, потому что министръ чувствовалъ себя до того нездоровымъ, что едва держался на ногахъ. Императоръ не совершилъ въ этотъ день своей обычной ежедневной прогулки въ Лѣтнемъ саду, но поѣхалъ въ каретѣ сдѣлать визиты двумъ великимъ княгинямъ, ме-

жду тѣмъ какъ лицо, близкое къ императору, отправилось къ графу Лорису-Меликову узнать о его здоровьѣ и получить свѣдѣнія о состояніи спокойствія въ столицѣ, также относительно личной охраны особы его величества. Это лицо уѣхало отъ министра внутреннихъ дѣлъ вполнѣ успокоеннымъ, такъ что, при свиданіи съ императоромъ, взаимное ихъ спокойствіе ввело ихъ обоихъ въ заблужденіе, между тѣмъ какъ въ этотъ моментъ преступное покушеніе, совершенное на другой день, могло бы быть, вѣроятно, предупреждено взаимнымъ весьма естественнымъ объясненіемъ. Отъ чего иногда зависитъ судьба человѣка.

За вечернимъ чаемъ императоръ, на вопросъ о томъ: будетъ ли онъ завтра на разводѣ?—отвѣчалъ: „Почему же нѣтъ?" Три воскресенья къ ряду императоръ не ѣздилъ на разводы.

Весь вечеръ императоръ провелъ въ веселомъ настроеніи духа, и въ его разговорѣ не было замѣтно, чтобы его умъ занятъ былъ какимъ либо предчувствіемъ. Въ такомъ пріятномъ расположеніи императоръ легъ въ постель и спалъ очень хорошо. На другой день, онъ всталъ въ обыкновенное время, совершилъ свою обычную прогулку по заламъ дворца, присутствовалъ въ церкви при обѣднѣ и затѣмъ завтракалъ съ лицами своей свиты, бывшими при богослуженіи. Лица эти заявили потомъ, что императоръ былъ здоровъ и высказывалъ полное спокойствіе. Послѣ завтрака императоръ удалился въ свой кабинетъ, куда долженъ былъ прибыть графъ Лорисъ-Меликовъ, приглашенный его величествомъ на случай, если состояніе здоровья ему то позволитъ; въ противномъ случаѣ императоръ намѣревался посѣтить министра внутреннихъ дѣлъ послѣ развода. Послѣ ухода графа Лорисъ-Меликова, императоръ отправился на разводъ, приказавъ ѣхать туда (въ Михайловскій манежъ) не по Невскому проспекту, но по набережной Екатерининскаго канала. Этотъ путь считался надежнѣе другихъ. Съ одной стороны онъ ограждался каналомъ, съ другой стороны обширнымъ садомъ, обнесеннымъ каменнымъ заборомъ и правительственными зданіями. Путь этотъ казался безопаснѣе и потому, что онъ отличался безлюдіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что покушеніе не имѣло бы успѣха, если бы этотъ путь охранялся городовыми, какъ бы слѣдовало. Объ обратномъ пути изъ Михайловскаго манежа не было рѣчи при отъѣздѣ изъ дворца, потому что возвращеніе во дворецъ совершалось всегда по другому пути. Въ городѣ распространился слухъ, что подъ Малою Садовою сдѣланъ подкопъ; изслѣдованія полиціи не подтвердили этого слуха, но, несмотря на то, было рѣшено, что императоръ не будетъ ѣздить по этой улицѣ. Изъ Зимняго дворца императоръ выѣхалъ на разводъ въ часъ безъ пяти минутъ.

Въ этотъ день императоръ былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. Этотъ баталіонъ былъ въ караулѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ, 17-го апрѣля 1818 года, въ день рожденія импера-

тора Александра Николаевича. Въ день бунта, 14-го декабря 1825 года, императоръ Николай Павловичъ гвардейскимъ саперамъ поручилъ охрану своего сына, наслѣдника престола. Наконецъ, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ первымъ промаршировалъ передъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ на первомъ его смотру по восшествіи на престолъ, равно какъ этотъ же баталіонъ участвовалъ въ послѣднемъ разводѣ при жизни императора, за нѣсколько минутъ до покушенія, жертвою котораго онъ сдѣлался. Такого рода совпаденія, замѣчательныя, если они дѣйствительно происходили, приводитъ г. Лаферте въ своей книгѣ.

Сообщая извѣстныя подробности злодѣйскаго покушенія на набережной Екатерининскаго канала, авторъ обвиняетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, лицъ, составлявшихъ конвой почившаго государя. Такъ, г. Лаферте утверждаетъ, что когда, послѣ перваго взрыва, императоръ вышелъ изъ кареты, казаки конвоя не должны были оставаться стоя при своихъ лошадяхъ, а идти слѣдомъ за государемъ, по примѣру казака, сидѣвшаго на козлахъ съ кучеромъ, охранять его въ толпѣ и удерживать послѣднюю въ возможно большемъ отдаленіи. Точно также, по мнѣнію г. Лаферте, жандармскій капитанъ Кохъ, ѣхавшій въ саняхъ за полиціймейстеромъ, полковникомъ Дворжицкимъ, долженъ былъ бы передать Рысакова другимъ офицерамъ и солдатамъ, а не оставаться около него, и идти за государемъ, потому что онъ замѣтилъ бы тогда подозрительнаго человѣка, стоявшаго въ дерзкой позѣ, въ шляпѣ, на тротуарѣ набережной, облокотившись спиною о его рѣшетку, тѣмъ болѣе, что на особой обязанности капитана Коха было слѣдить за подозрительными личностями. Императоръ прошелъ по тротуару подлѣ этого человѣка, который оказался также злоумышленникомъ, бросившимъ второй разрывной снарядъ, низвергшій императора.

По словамъ г. Лаферте, императоръ, по выходѣ изъ кареты, оступился лѣвою ногою, что служитъ доказательствомъ, что государь былъ физически потрясенъ первымъ взрывомъ; слѣды крови, найденные въ каретѣ послѣ катастрофы, безъ сомнѣнія, произошли отъ легкихъ пораненій, полученныхъ уже тогда императоромъ. Увлеченный порывомъ своей доброты, своего сочувствія къ каждому бѣдствію, государь непремѣнно желалъ видѣть двухъ раненыхъ первымъ взрывомъ, а потому, вѣроятно, никто не въ состояніи былъ удержать его отъ его намѣренія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ суматохѣ, произведенной первымъ взрывомъ, иные потеряли присутствіе духа, другіе, видя государя невредимымъ, обрадовались до того, что несообразили о возможности иоваго подобнаго покушенія.

Авторъ пишетъ, что императоръ Александръ Николаевичъ поощрялъ артистовъ, помогалъ денежными выдачами военнымъ раненнымъ, вообще нуждающимся, содѣйствовалъ благотворительнымъ учрежденіямъ, щедро награждалъ за оказанныя заслуги, неоднократно

выводилъ изъ затруднительнаго положенія товарищей своего дѣтства, но относительно своихъ личныхъ расходовъ былъ крайне бережливъ. Онъ только сохранилъ и поддерживалъ роскошь при высочайшемъ дворѣ, установленную его отцомъ, императоромъ Николаемъ, но ничѣмъ не увеличивалъ ее. Императоръ Александръ Николаевичъ былъ того убѣжденія, что великая имперія должна имѣть представительство соотвѣтственно ея положенію въ средѣ европейскихъ и азіатскихъ державъ. Лично для себя, почившій императоръ ограничивался только строго необходимымъ, не зналъ роскоши и даже излишняго комфорта. Что касается до пищи, то императоръ былъ крайне воздерженъ. Онъ кушалъ очень мало, причемъ пилъ содовую воду и небольшую рюмку токайскаго вина, предписаннаго ему врачемъ, и иногда стаканъ пива. По своему личному вкусу, императоръ предпочиталъ обыкновенные питательные вещества, но всегда съ удовольствіемъ и охотою оказывалъ самое широкое гостепріимство въ своемъ дворцѣ. Когда императоръ Александръ II вступилъ на престолъ, онъ не только не получилъ никакого капитала въ наслѣдство, но на министерствѣ двора, сверхъ того, числился долгъ въ одинъ милліонъ рублей. Такое скудное состояніе министерскаго казначейства существовало постоянно и при другихъ предшественникахъ императора Александра II, между тѣмъ какъ послѣ его кончины въ казначействѣ министерства двора оказался значительный капиталъ, образованный сбереженіями изъ суммы, ежегодно назначаемой по бюджету на это вѣдомство. Покойный императоръ не сдѣлалъ ни одного распоряженія относительно этого капитала, потому что, руководствуясь во всѣхъ своихъ самыхъ мелочныхъ дѣйствіяхъ строгою рыцарскою совѣстливостью, онъ, по своему внутреннему убѣжденію, не считалъ себя имѣющимъ нравственно на то право.

Императоръ Александръ Николаевичъ питалъ чувство глубокаго благоговѣнія къ своимъ родителямъ, которое не изсякло въ немъ и послѣ ихъ кончины. Когда онъ ребенкомъ былъ провозглашенъ наслѣдникомъ престола, то онъ разразился слезами при одной мысли, что ему придется царствовать, когда отца его не будетъ болѣе въ живыхъ. Впослѣдствіи, передъ каждою поѣздкою, передъ каждымъ великимъ событіемъ своего царствованія, императоръ Александръ II отправлялся преклониться у гробницы своего родителя. Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ прочитывать страницу изъ св. евангелія императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Вечеромъ въ день кончины императора Николая I, императоръ Александръ Николаевичъ вошелъ со св. евангеліемъ въ комнату своей родительницы и прочиталъ ей страницу, чтобы такимъ образомъ замѣнить своего отца въ этомъ обыкновеніи. Чувство признательности, памяти сердца, было до того развито у императора Александра Николаевича, что оно выражалось при малѣйшей бездѣлицѣ. Онъ выражалъ свою признательность за оказанную услугу такимъ образомъ, что смущалъ

и приводилъ въ замѣшательство. Когда императоръ Александръ II вступилъ на престолъ, то всегда обращалъ вниманіе на всякую просьбу о милости, если такая просьба ссылалась на императора Николая I,—до того память о его родителѣ не покидала его.

Императоръ Александръ Николаевичъ отличался самою строгою пунктуальною точностію. Онъ не любилъ, чтобы его ждали, особенно когда дѣло касалось министровъ; такое ожиданіе причиняло ему искреннюю досаду. Однажды министръ, статсъ-секретарь великаго княжества финляндскаго, баронъ Шернваль-Валленъ, приглашенный къ императору, явился получасомъ ранѣе назначеннаго срока. При видѣ его, императоръ извинился, что принужденъ заставить его ждать, замѣтивъ впрочемъ, что онъ въ томъ не виноватъ. Министръ видѣлъ, какъ это было досадно императору. Послѣ бракосочетанія великой княгини Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ, императоръ Александръ Николаевичъ провелъ нѣсколько дней въ Англіи; несмотря на усталость, причиненную оффиціальными пріемами, парадами, обѣдами, визитами и проч. императоръ счелъ своимъ долгомъ и съ удовольствіемъ посѣтилъ вдову Наполеона III въ ея уединеніи въ Чизельгерстѣ. Императоръ не забылъ, что эта вдова оказала ему въ Парижѣ императорское гостепріимство, когда судьбою она была поставлена на высоту величія. Для императора Александра II великое несчастіе было поводомъ къ большей его благосклонности; въ перемѣнахъ человѣческой жизни, паденіе или оборотъ фортуны не считались имъ униженіемъ или уничиженіемъ. Чѣмъ ближе разсматривать характеристическія черты покойнаго государя, тѣмъ больше рождается удивленіе, при выясненіи множества дѣяній, гдѣ признательность его за оказанную услугу, гдѣ его уваженіе къ незаслуженному несчастію внушали ему трогательное вниманіе. Напримѣръ, за заслуги генералъ-адъютанта Ростовцева, онъ ежегодно, въ день его кончины, посѣщалъ его вдову.

Авторъ сообщаетъ, что, рѣшившись совершить крестьянскую реформу, императоръ Александръ Николаевичъ сказалъ лицамъ, которыя могутъ это своими свидѣтельствами подтвердить, слѣдующія слова: „Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ меня постоянно занимаетъ; надобно, чтобы я довелъ его до надлежащаго конца. Я болѣе и болѣе рѣшаюсь привести его въ исполненіи, но у меня нѣтъ никого, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ вопросѣ, рѣшеніе котораго не можетъ быть откладываемо". Когда Ростовцевъ скончался, императору необходимо было выбрать на его мѣсто другое лицо. Вотъ какъ почившій государь самъ разсказывалъ о томъ, по словамъ г. Лаферте: „Когда Ростовцевъ умеръ, признаюсь, я былъ въ большомъ затрудненіи, кѣмъ его замѣнить. Единственный человѣкъ, который мнѣ казался способнымъ содѣйствовать въ моихъ намѣреніяхъ, былъ графъ Панинъ, министръ юстиціи. Когда я высказалъ мои намѣренія въ этомъ отношеніи, многія лица не одобрили моего выбора; несмотря на то, я на-

стоялъ въ своей рѣшимости и пригласилъ къ себѣ графа Панина. Когда я выразилъ ему свое намѣреніе сдѣлать его предсѣдателемъ комиссіи, на мѣсто Ростовцева, онъ мнѣ отвѣтилъ: „Я долженъ вамъ сознаться, ваше величество, что я вовсе не раздѣляю вашихъ мыслей по вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ; но если вы затрудняетесь выборомъ лица, я приму этотъ постъ; если же я его приму, то я вамъ обѣщаю довести дѣло до хорошаго результата и вполнѣ пріобщить себя къ этому дѣлу". „Я былъ очень доволенъ, присовокупилъ императоръ, пріобрѣтеніемъ графа Панина, получивъ его согласіе, и я долженъ признать, что графъ сдержалъ свое слово, поддерживая это дѣло до его конца. Услугу эту, оказанную имъ мнѣ, я никогда не забуду!"

Совершенно несправедливо утверждается нѣкоторыми, что послѣдняя война Турціи объявлена была императоромъ Александромъ Николаевичемъ съ единственною цѣлію добиться отмѣны парижскаго трактата 1856 года. Когда послѣ неудачныхъ конференцій въ Константинополѣ, графъ Шуваловъ телеграфировалъ 15-го (27) марта императору изъ Лондона, что турки не соглашаются ни на какія уступки, благодаря поощреніямъ, получаемымъ ими отъ англійскаго правительства, императоръ, прочитавъ эту телеграмму, сказалъ: „Если война начнется въ слѣдствіе того, то вся отвѣтственность за нее должна пасть на это правительство". Получивъ отъ главнокомандующаго извѣщеніе, что войска готовы выступить въ походъ, лишь только дано будетъ повелѣніе о томъ, императоръ Александръ Николаевичъ отвѣтилъ: „Да окажетъ Господь намъ свою помощь и благословитъ наше оружіе! Никто не понимаетъ... что происходитъ во мнѣ въ ожиданіи начала войны, которой я такъ желалъ быть въ состояніи избѣгнуть!" Вскорѣ послѣ того императоръ писалъ: „Моя храбрая армія заслужила, чтобы я провелъ съ нею въ Кишеневѣ день моего рожденія, прежде чѣмъ она начнетъ кампанію за святое дѣло, которое мы одни намѣрены защищать". Такова, по словамъ французскаго автора, была задушевная мысль государя, который въ своей частной перепискѣ не могъ предвидѣть, что эта мысль будетъ когда либо обнаружена. Сострадательная душа императора страдала при мысли о пожертвованіи столькими человѣческими жизнями, чему служатъ доказательствомъ приведенныя выше слова. Никогда приманка завоеванія не была цѣлію подобной войны; утверждающіе противное заблуждаются. Если бы это было иначе, императоръ Александръ II не написалъ бы слѣдующихъ словъ 13-го (25-го октября: „Одинъ только лейбъ-егерскій полкъ потерялъ вчера семерыхъ офицеровъ убитыми и шестнадцать ранеными. Какъ эти потери обливаютъ мое сердце кровью! Я съ трудомъ удерживаю мои слезы!" Пламенное желаніе императора Александра II окончить войну до перехода черезъ Балканы доказывается вполнѣ многими отрывками изъ писемъ, писанныхъ имъ изъ главной квартиры въ Порадимѣ. Такъ, 25-го ноября (7 декабря) 1877 года, онъ писалъ:

„Сердце мое обливается кровію при ежедневныхъ потеряхъ, причиняемыхъ этою проклятою войною! Хорошо было бы намъ окончить ее какъ можно скорѣе, подписать почетный и выгодный миръ для нашего любезнаго отечества!“ По случаю смерти герцога Сергія Максиміліановича Лейхтенбергскаго, убитаго на рекогносцировкѣ 12-го октября 1877 года, императоръ Александръ Николаевичъ сказалъ: „Безъ сомнѣнія, самая лучшая смерть для человѣка — смерть героя на полѣ битвы или пожертвованіе жизнію за свою отчизну!„

При заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, интересы Россіи были слабо охранены и поддержаны, а потому императоръ Александръ II, несмотря на твердое желаніе воспользоваться плодами побѣды русскихъ войскъ, нашелся вынужденнымъ уступить турецкій флотъ, которымъ онъ могъ завладѣть, какъ пишетъ г. Лаферте, на основаніи законовъ войны. Въ этомъ случаѣ, дѣйствія дипломатіи взяли перевѣсъ надъ желаніями государя-побѣдителя. Его человѣколюбіе и его отвращеніе къ пролитію крови были извѣстны, а потому ему выставили возможность въ будущемъ новыхъ военныхъ замѣшательствъ, и, благодаря такой зловѣщей перспективѣ, побудили его согласиться на уступки, но онъ подчинился имъ вопреки своему желанію. Что касается до берлинскаго конгресса, то можемъ сказать откровенно (говоритъ г. Лаферте), что императоръ ясно видѣлъ, что русскіе уполномоченные не были на высотѣ важнаго порученія, выпавшаго на ихъ долю; послѣдствія его были пагубны для Россіи. По окончаніи каждаго совѣщанія этого европейскаго конгресса, русскіе уполномоченные совѣтовали императору Александру Николаевичу уступить силѣ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давая понять возможность продолженія войны. Такого рода совѣты, передаваемые изъ Берлина, были согласны съ тѣми, которые императоръ слышалъ въ своемъ дворцѣ отъ высшихъ сановниковъ, съ которыми онъ совѣтовался. Впрочемъ, въ средѣ, непосредственно окружавшей императора, находились лица безъ оффиціальнаго положенія, которыя были противоположнаго мнѣнія, потому что, въ своемъ пламенномъ патріотизмѣ, они предвидѣли наступленіе, можетъ быть, дня, когда такая уступчивость желаніямъ конгресса будетъ названа противопатріотическимъ дѣяніямъ. Эти лица совѣтовали императору твердо не уступать, не обращая вниманія на угрозы Англіи, которая, по ихъ мнѣнію, старалась напугать Россію съ извѣстною цѣлію и что, если бы даже эти угрозы были приведены въ исполненіе, то онѣ не могли бы быть пагубными для Россіи. Хотя императоръ раздѣлялъ подобное мнѣніе о сопротивленіи, въ виду жертвъ, принесенныхъ Россіею, причемъ для наблюдательнаго глаза видна была нравственная борьба, переживаемая имъ при каждой подобной уступкѣ, однако императоръ нашелся вынужденнымъ дѣйствовать въ противность своего личнаго убѣжденія, потому что онъ оказывался однимъ его представителемъ и въ числѣ своихъ совѣтниковъ не имѣлъ ни одного человѣка, на

котораго онъ могъ бы опереться оффиціально въ глазахъ русскаго народа.

Сверхъ того, изъ отчетовъ о ходѣ конференціи, императоръ ясно догадывался, вслѣдствіе нѣкоторыхъ умолчаній и даже мертвеннаго безучастія, выраженнаго княземъ Бисмаркомъ на конгрессѣ, что интересы Россіи принесены были на немъ въ жертву. Поэтому императоръ Александръ Николаевичъ сказалъ: „Я вижу хорошо, что это отомщеніе за поддержку, оказанную мною Франціи въ мое пребываніе въ Берлинѣ въ 1872 году". Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы Россія имѣла болѣе сильную поддержку въ средѣ берлинскаго конгресса, императоръ былъ бы не столь уступчивъ. Если же онъ согласился на уступки, то потому, что понялъ, что въ Берлинѣ онъ не будетъ дѣятельно поддержанъ дипломатіею.

Сообщенное французскимъ писателемъ о покойномъ императорѣ, вѣроятно, вызоветъ современемъ дополненія и разъясненія, которыя послужатъ матеріаломъ для жизнеописанія монарха, составившаго своимъ царствованіемъ эпоху въ болѣе чѣмъ тысячелѣтнемъ существованіи Россіи. Для жизнеописанія же, соотвѣтственнаго значенію реформъ, дарованныхъ Россіи Александромъ II и событіямъ, наполнившимъ собою его царствованіе, еще не наступило время.

П. У—въ.





НОВЫЙ РЕЦЕПТЪ СОЦІАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ [1].

Существуетъ ли соціальный вопросъ на Западѣ, и если существуетъ, то насколько настоятельна необходимость опредѣлить его значеніе, форму и распространеніе? — Только что изданная книга Лавеле „Современный соціализмъ" даетъ отвѣтъ на это, представляя если и не вполнѣ детальную, то все же достаточно ясную картину современнаго движенія умовъ, направленнаго на разрѣшеніе самаго жгучаго жизненнаго вопроса, который когда либо волновалъ общественное мнѣніе западно-европейскихъ государствъ. Полъ-столѣтія тому назадъ, вопросъ о существованіи соціальной задачи, разрѣшеніе которой досталось въ удѣлъ современному „правящему классу", еще только возникалъ, его очертанія были едва замѣтны, и потому неудивительно, что въ то время лишь исключительно прозорливыя личности могли предвидѣть ту важность, которую пріобрѣлъ „соціальный вопросъ" въ настоящую минуту. Прудонъ говорилъ, что соціализмъ во Франціи зародился только въ 30-мъ году, а формулировалъ свои требованія въ 48-мъ. Не прошло и 35-ти лѣтъ съ того времени, а соціализмъ уже сдѣлалъ громадные шаги и распространился какъ въ глубину, такъ и въ ширину, почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Понятно, что бросить ретроспективный взглядъ на путь, пройденный соціализмомъ, представляется далеко не лишнимъ. Послѣ реформаціи и великой французской революціи не было еще момента въ исторіи, который имѣлъ бы такое серьезное значеніе, какъ нынѣшнее „рабочее" движеніе.

---

[1]) „Современный соціализмъ", соч. Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. А. Антоновича. Спб. 1882.

Если реформація бросила перчатку „авторитету" въ области вѣрованій, а первая французская революція провозгласила доктрину „равенства и братства", то нынѣшнее соціальное движеніе на Западѣ стремится поставить уже свободнаго—въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ—гражданина на почву экономической независимости, сдѣлать его полнымъ хозяиномъ производства. Движеніе это имѣетъ въ виду перенести центръ тяжести современнаго экономическаго строя въ низшіе слои общества, такъ какъ безъ этого перемѣщенія устойчивости общества грозитъ очень серьезная опасность.

Авторъ сочиненія „Современный соціализмъ" видитъ всю подавляющую громадность задачи, сознаетъ, что соціальный вопросъ принялъ уже настолько общій характеръ, что „налагаетъ на государственныхъ людей, публицистовъ и, въ особенности, на экономистовъ обязанность изучить его". Посмотрите на Германію: какихъ нибудь двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лассаль сказалъ: „Въ то время, какъ французскій и англійскій рабочій мечтаютъ о реформахъ, нѣмецкому рабочему надо еще доказать, что онъ несчастенъ". А теперь? Мало того, что эти мечты о соціальной реформѣ увлекаютъ почти поголовно всѣхъ рабочихъ въ Германіи, сама буржуазія поддается имъ и готова сказать: „И въ самомъ дѣлѣ, такъ, можетъ быть, лучше; отчего бы не попробовать". „Соціализмъ тамъ проникъ въ высшіе классы, онъ засѣдаетъ въ академіяхъ, проскользнулъ на кафедры университетовъ", и сами люди науки подали рабочимъ ассоціаціямъ примѣръ, нападая на „мамонизмъ" и громко крича о злоупотребленіяхъ „капитализма".

„Здоровый сонъ" Германіи нарушенъ, рабочій началъ сознавать себя несчастнымъ и „правящіе классы" не могутъ болѣе игнорировать требованій науки и справедливости. Катедеръ-соціалисты уже не ограничиваются однимъ вопросомъ о производствѣ богатствъ; они пытаются выдвинуть на первое мѣсто вопросы распредѣленія и потребленія. „Съ того времени, говорятъ они, какъ, благодаря удивительнымъ открытіямъ науки въ приложеніи къ промышленности, послѣдняя доставила правящимъ классамъ возможность удовлетворить всѣмъ своимъ капризамъ, наступила очередь подумать о томъ, чтобы трудъ примѣнялся съ бо́льшею экономіею, не растрачиваясь на удовлетвореніе ложныхъ и даже порочныхъ потребностей". Соціальный вопросъ, по мнѣнію этихъ людей, есть въ дѣйствительности вопросъ о распредѣленіи.

„Буржуазные" экономисты, стоявшіе исключительно на точкѣ зрѣнія представителей „національнаго богатства", защищали на всѣ лады промышленную свободу и въ ней одной видѣли якорь спасенія; антагонизмъ между работодателемъ и наемникомъ вовсе не казался имъ грознымъ, а тѣмъ болѣе достойнымъ государственнаго вмѣшательства. Защищая излюбленную доктрину „laissez faire" въ области народнаго хозяйства, они пуще всего боялись, какъ бы государственное

вмѣшательство не наложило руку на способъ капиталистическаго накопленія; съ ихъ точки зрѣнія, государственное вмѣшательство можетъ нарушить ту гармонію, которая будто бы всегда возникаетъ на почвѣ „полюбовныхъ" соглашеній между владѣльцемъ рабочихъ рукъ (лишенныхъ орудій производства) и обладателемъ денежнаго капитала: покупая на рабочемъ рынкѣ „рабочую силу" за стоимость ея содержанія, капиталистъ пускалъ ее въ ходъ и заваливалъ иностранные рынки массою своихъ фабрикатовъ. Государство должно было сидѣть сложа руки и только по временамъ приходить на помощь хозяевамъ громадныхъ „рабочихъ армій", когда эти послѣднія отказывались понимать свои интересы и бросали камни подъ колеса роскошной промышленной колесницы. Но практика послѣднихъ 40 лѣтъ успѣла уже значительно подорвать авторитетъ „буржуазно-экономической" доктрины невмѣшательства: даже въ Англіи,—странѣ свободной по преимуществу,—роль государства, какъ регулятора взаимныхъ отношеній „рабочихъ рукъ" и ихъ нанимателей, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расширяется. Государство не могло не видѣть, какъ частный интересъ во многихъ случаяхъ становился въ-разрѣзъ съ общественнымъ; оно не могло не замѣтить, что притѣсненнымъ и угнетеннымъ является именно тотъ классъ, который не только создаетъ современное „національное богатство", но и выноситъ на своихъ плечахъ почти всю тяжесть косвенныхъ налоговъ и военной повинности. Придти на помощь рабочему классу—вотъ какова нынѣ государственная задача первѣйшей важности, и государство обязано это сдѣлать не только въ интересахъ „филантропіи", но, главнѣйшимъ образомъ, въ собственныхъ своихъ интересахъ: когда рабочій рынокъ вытѣсняетъ „рабочія руки" или доводитъ ихъ до отчаянія, государство принуждено открывать двери тюрьмы или объявлять военное положеніе.

Размѣры существующей опасности ростутъ съ каждымъ шагомъ промышленной техники; роковая необходимость заставляетъ государственныхъ людей отказаться отъ своего нейтральнаго положенія, такъ какъ „гармонія интересовъ" оказывается жалкою фикціею, — она не избавляетъ, по крайней мѣрѣ, государства отъ громадныхъ расходовъ на содержаніе нищихъ-преступниковъ... „Пусть никто не ошибается на этотъ счетъ, говоритъ пасторъ Тодтъ [1]); соціализмъ не есть, какъ вообще думаютъ, временная болѣзнь, которая пройдетъ такъ же, какъ и пришла. Онъ будетъ рости и расширяться. Въ разныя эпохи были соціалистическія вспышки, когда народныя страданія становились слишкомъ тяжелы, какъ во времена жакерій во Франціи и Англіи, или въ XVI столѣтіи во время возстанія крестьянъ въ Германіи. Въ настоящее время, положеніе низшихъ классовъ значительно улучшилось (?), а между тѣмъ теперь-то и обнаружилась эта болѣзнь...

---

[1]) „Соврем. соціализмъ", стр. 153.

Распространенію и поддержкѣ соціализма содѣйствуютъ, во-первыхъ, свобода и политическія права, а во-вторыхъ—распространеніе извѣстныхъ знаній по естественнымъ наукамъ и политической экономіи, и въ-третьихъ, наконецъ, непрерывныя и столь быстрыя сообщенія, установившіяся между людьми и поддерживаемыя желѣзными дорогами, почтою и особенно прессою".

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о силѣ этого умственнаго движенія, „противъ котораго германская имперія, среди своихъ тріумфовъ, считаетъ нужнымъ принять исключительныя мѣры, надо—говорить Лавеле — изучить его во всѣхъ оттѣнкахъ. Оттѣнки эти многочисленны: есть соціалисты демократы, соціалисты интернаціоналы, соціалисты христіане и христіанскіе соціалисты, затѣмъ соціалисты католики, государственные соціалисты, соціалисты консерваторы и „аграрные", и много другихъ" (стр. 158).

„Германія, — говоритъ Людовикъ Бамбергеръ, одинъ изъ вождей либеральной партіи въ германскомъ парламентѣ,—сдѣлалась типическою страною борьбы между классами. Безъ сомнѣнія, и въ другихъ странахъ, какъ во Франціи, въ Англіи и Италіи, соціализмъ тоже существуетъ: но тамъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, интересамъ которыхъ онъ угрожаетъ, соединяются для борьбы съ нимъ. Только въ Германіи можно видѣть многочисленныя группы людей богатыхъ, благородныхъ, ученыхъ и набожныхъ, объявляющихъ войну буржуазіи. Сельскіе дворяне нападаютъ на капиталъ, конечно, съ цѣлью улучшенія своихъ хозяйствъ; профессора объявляютъ, что дорога, ведущая къ обогащенію, проходитъ рядомъ съ смирительнымъ домомъ и, наконецъ, епископы вступаютъ въ заговоръ съ демагогами".

Объясненіе этого явленія очень просто: ухаживаютъ за соціалистами, потому что они располагаютъ уже 700.000 голосовъ. „Слѣдуетъ ли удивляться, замѣчаетъ Лавеле, что ультрамонтаны и феодалы стараются имѣть въ нихъ поддержку противъ либераловъ, ихъ настоящихъ противниковъ?" Католическое и протестантское духовенство, въ политической борьбѣ, пользуются идеями Маркса и Лассаля, связывая ихъ „при помощи нѣсколькихъ цитатъ съ ученіями св. отцовъ". Когда они хотятъ привлечь на свою сторону народъ, хлѣбопашцевъ и мастеровыхъ,—„они говорятъ имъ объ ихъ бѣдственномъ положеніи и обѣщаютъ облегчить его болѣе справедливымъ распредѣленіемъ благъ этого міра". Очевидно — интересы рабочаго класса эксплоатируются здѣсь, подобно тарану, для борьбы съ противниками: истинная цѣль — тріумфъ церкви, все остальное — только средство. Въ свою очередь—„сельскіе собственники и мелкое деревенское дворянство, вовсе не участвуя въ обогащеніи большихъ городовъ, видятъ съ ненавистью и завистью, какъ вліяніе и деньги переходятъ въ руки большихъ фабрикантовъ, банкировъ и акціонеровъ, основателей акціонерныхъ обществъ и всѣхъ биржевыхъ спекуляторовъ, которые въ „промышленной" Германіи занимаютъ теперь первое мѣсто. Деревен-

ская партія съ удовольствіемъ слушала нападки на злоупотребленія капитала и, такимъ образомъ, пропитывалась реакціоннымъ и феодальнымъ соціализмомъ. По ихъ мнѣнію, Марксъ еще недостаточно сильно громилъ индустріализмъ. Само собою разумѣется, что аграрная партія нисколько не мечтала объ аграрномъ законѣ, а желала только примѣненія его къ биржевымъ капиталамъ и евреямъ, которые преимущественно ворочали ими (стр. 177).

Подобная ожесточенная борьба за политическое преобладаніе происходитъ открыто, на глазахъ рабочаго класса: всѣ говорятъ и пишутъ объ интересахъ этого сословія, всѣ выдаютъ себя за „народныхъ радѣтелей". Само собою—эти опекуны думаютъ только о своемъ личномъ интересѣ; но говоръ и шумъ, наконецъ, доходитъ до ушей рабочаго сословія; чувствуя себя центромъ всеобщаго вниманія, рабочее сословіе начинаетъ сознавать свою политическую силу и отдѣлять свои интересы... Какъ ни недостаточно его политическое образованіе, но оно постоянно идетъ впередъ: рабочая пресса и распространеніе здравыхъ экономическихъ понятій оказываютъ на него несомнѣнное вліяніе.

Нельзя не отдать справедливости Лавеле—онъ является въ своей книгѣ противникомъ „государственнаго невмѣшательства", онъ не вѣритъ въ „гармонію" буржуазныхъ доктринёровъ; онъ отказывается признавать въ рабочемъ одну только „рабочую силу" и желалъ бы видѣть этого самаго рабочаго обладателемъ нѣкотораго достатка. Но, замѣчая современную экономическую неурядицу, Лавеле едва-ли можетъ служить надежнымъ проводникомъ въ томъ запутанномъ лабиринтѣ, изъ котораго пока тщетно ищетъ выхода рабочій классъ. „Въ виду тѣхъ золъ [1]), говоритъ онъ, которыя волнуютъ современное общество и угрожаютъ ему, представляется три системы: первая проповѣдуетъ возвращеніе къ прошлому и возстановленіе стараго режима; вторая есть соціализмъ, который добивается радикальнаго измѣненія соціальнаго порядка, и, наконецъ, третья система — ортодоксальная экономія, утверждающая, что все придетъ въ порядокъ посредствомъ свободы и по дѣйствію естественныхъ законовъ". Къ какой же изъ этихъ трехъ системъ примыкаютъ воззрѣнія автора? Онъ отвергаетъ всѣ. Но, быть можетъ, онъ предлагаетъ еще 4-ю систему, болѣе соотвѣтствующую современному историческому моменту? Трудно сказать; но если онъ и держится особой системы, даже очертанія ея почти не могутъ быть усмотрѣны изъ настоящаго сочиненія: все дѣло ограничивается пропагандою „демократизаціи собственности", да возведеніемъ городскихъ рабочихъ на степень обладателей мелкихъ участковъ земли. Авторъ, какъ увидимъ ниже, почему-то надѣется, что **каждый** рабочій—путемъ сбереженій и болѣе правильнаго распоряженія своимъ заработкомъ — дождется, наконецъ, того счастливаго дня, когда въ

---

[1]) „Соврем. соціализмъ", стр. 8.

его карманѣ будетъ лежать какая-нибудь акція или облигація, когда онъ будетъ самъ воздѣлывать собственный огородъ, никому не платя ренты. Какимъ путемъ это можетъ быть достигнуто для всей массы рабочихъ (или хотя бы большинства ея)—объ этомъ не спрашивайте. Государственное вмѣшательство, повидимому, остается только платоническимъ. Правда, авторъ, въ видѣ общаго совѣта, говоритъ: „Антагонизмъ классовъ... является нынѣ съ характеромъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ когда-нибудь: онъ, повидимому, угрожаетъ опасностію будущности цивилизаціи (!); не слѣдуетъ отрицать зла, а напротивъ—нужно лучше изучить его во всѣхъ его видахъ и стараться излечить его постепенными и раціональными реформами" [1]). Но каковы должны быть эти „раціональныя" реформы — мы этого не узнаемъ.

Далѣе, говоря съ сочувствіемъ объ экономистахъ „реалистахъ", Лавеле указываетъ, что „они опираются на факты [2]), чтобы преслѣдовать утопію шагъ за шагомъ, тщательно различая возможныя реформы отъ невозможныхъ, права человѣчества отъ требованій алчности и жадности". Стремленія „реалистовъ" экономистовъ заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, полнаго одобренія: вѣдь только о „возможной" реформѣ и можетъ быть рѣчь; но въ чемъ же заключается реформа, какъ она можетъ осуществиться и точно ли она въ состояніи предупредить ту опасность, которая будто бы грозитъ всей нашей цивилизаціи, „въ виду новыхъ формъ и современнаго весьма быстраго развитія соціализма" на Западѣ? Надо думать, что страшная опасность можетъ быть предотвращена реформами достаточно „радикальными", чтобы перенесеніе центра тяжести современнаго экономическаго строя совершилось въ дѣйствительности, а не на бумагѣ только.

Если Лавеле говоритъ, — и совершенно справедливо,—что „въ исторіи между главными причинами великихъ переворотовъ мы всегда найдемъ экономическія причины" (мысль, которую Наполеонъ выразилъ въ грубой формѣ, говоря: „брюхо дѣлаетъ революціи"), то мы вправѣ спросить: какія же экономическія причины, по мнѣнію автора, лежатъ въ основаніи современнаго движенія? Когда Лавеле ратуетъ противъ нелѣпаго „оптимизма" гг. буржуазныхъ экономистовъ, старающихся возвести въ „законъ природы" настоящій способъ эксплоатаціи народнаго труда — онъ, безъ всякаго сомнѣнія, вполнѣ правъ; но смѣшивать въ одну кучу, какъ это дѣлаетъ авторъ, доктрины этихъ господъ съ научно обоснованными выводами классической политической экономіи (Ад. Смита и Рикардо), вовсе не значитъ уяснять дѣло. Классическую политическую экономію (созданную трудами Смита, Рикардо и ихъ учениковъ) не приходится

[1]) „Соврем. соціализмъ", стр. 9.
[2]) Ibid., стр. 36.

обвинять за грѣхи „гармонистовъ“, защитниковъ существующаго порядка quand même. Правда, ничего нѣтъ легче, какъ вычеркнуть однимъ почеркомъ пера имена Смита, Рикардо, Мальтуса изъ исторіи экономической науки, но гораздо труднѣе доказать несостоятельность ихъ ученій. Если мы на мѣстѣ классической политической экономіи ставимъ tabulam rasam, то намъ слѣдовало бы указать и средство, какъ пополнить пробѣлъ. Внѣ научно доказанныхъ истинъ нѣтъ и раціональныхъ реформъ.

Посмотримъ же, насколько Лавеле правъ, иронизируя надъ „экономическими тонкостями“ и утверждая, что „абстракціи“ нисколько не подвигаютъ впередъ рѣшенія соціальной задачи [1]).

Говоря о значеніи Родбертуса Ягетцова, „этого Рикардо соціализма въ Германіи“, Лавеле смѣло провозглашаетъ, что „капитальная ошибка Родбертуса, заимствованная у него другими нѣмецкими соціалистами, состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ трудъ единственнымъ источникомъ цѣнности“ (стр. 54, „Совр. соц.“). Сбивъ съ этой позиціи „нѣмецкій соціализмъ“, онъ докажетъ всю его безпочвенность и эфемерность. Какъ же Лавеле успѣваетъ въ этомъ? Ученіе, которое разсматриваетъ „цѣнность всякаго товара, какъ заключенный въ немъ трудъ“, строго проведено въ сочиненіи К. Маркса—„Капиталъ“. Вотъ что говоритъ Лавеле по поводу этого произведенія: „Когда читаешь сочиненіе Маркса и чувствуешь себя охваченнымъ зубцами его стальной логики, то находишься какъ будто въ кошмарѣ, потому что, признавъ посылки, которыя заимствованы у авторитетовъ наименѣе оспариваемыхъ, не знаешь, какъ избѣжать слѣдствій (обширность же эрудиціи Маркса Лавеле ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія)... А между тѣмъ, когда углубишься въ дѣло и осмотришься, то замѣчаешь, что былъ опутанъ искусною сѣтью ошибокъ и тонкостей (!), перемѣшанныхъ съ нѣсколькими истинами. Во всякомъ случаѣ не легко справиться съ ними; если признать столь распространенную теорію цѣнности Смита-Рикардо... то можно считать себя потеряннымъ“.

Допустимъ на минуту, что Марксъ ошибся и ввелъ въ заблужденіе своихъ послѣдователей. Что же такое „цѣнность“—по мнѣнію Лавеле?

„Въ дѣйствительности, говоритъ онъ, цѣнность происходитъ отъ пользы. Мы цѣнимъ предметъ за выгоды, которыя онъ намъ доставляетъ. Человѣкъ ни на что негодный ничего не стòитъ. Цѣнность есть синонимъ храбрости, потому что было время, когда люди цѣнились за ихъ смѣлость. Къ полезности надо прибавить еще, какъ условіе цѣнности, рѣдкость. Рожь очень полезна,

---

[1]) Конечно, если кому-нибудь удастся доказать, что ученія Смита и Рикардо лишены фактической основы, то политическая экономія должна сложить оружіе.

но она не имѣетъ большой цѣнности, потому что мы имѣемъ ее въ изобиліи. Впрочемъ, если взглянуть поближе, то увидимъ, что рѣдкость есть только форма полезности (?). Чѣмъ рѣдкостнѣе вещь, если она мнѣ нужна, тѣмъ болѣе обладаніе ею будетъ мнѣ полезно (?). Если, напротивъ, я получаю ее безъ труда, потому что ее вездѣ можно найти, то польза владѣнія ею будетъ весьма мала; она будетъ равняться безпокойству, которое бы я долженъ былъ причинить себѣ, чтобы пріобрѣсти подобную". Не правда ли, способъ доказательства вполнѣ научный? Если бы политическая экономія довольствовалась такимъ „методомъ"—очень ужъ упрощеннымъ—то она не сдѣлала бы ни шагу впередъ. „Экономическія тонкости" не позволили бы Лавеле смѣшать „цѣнность" мѣновую съ потребительною и запутаться въ своихъ же собственныхъ словахъ. Отвергая опредѣленіе Маркса, что „цѣнность = труду", Лавеле признаетъ, однако, неопровержимымъ указанный Марксомъ процессъ образованія „сверхстоимости" или „прибавочной стоимости"; хотя, казалось бы, отрицая марксовское опредѣленіе „цѣнности", онъ имѣлъ полное право не согласиться съ нимъ и по этому вопросу.

„Морисъ Блокъ, говоритъ Лавеле, пробовалъ опровергнуть главное основаніе системы Маркса, который утверждаетъ, что рабочій, работая только часть дня, производитъ достаточно для своего существованія, тогда какъ другая часть забирается его хозяиномъ, который накопляетъ плоды труда безъ вознагражденія за него. Фактъ, указываемый Марксомъ, однако же неопровержимъ" (стр. 59). Прудонъ утверждалъ, какъ и Марксъ, и гораздо ранѣе его, что нищета низшихъ классовъ происходитъ отъ того, что рабочій своей рабочей платой не можетъ выкупить свой продуктъ. Замѣчаніе вѣрное; но иначе и быть не можетъ, если только рабочій не будетъ, какъ мелкій хлѣбопашецъ, эксплоатировать свое собственное имущество и быть въ то же время владѣльцемъ земли, машинъ, продовольствія и матеріаловъ, необходимыхъ для производства". Капиталистическій способъ производства, въ настоящее время, сконцентрировалъ въ рукахъ немногихъ громадные акціонерные капиталы. Возрастаніе прибылей, при всякомъ расширеніи сбыта, даетъ крупному капиталу возможность примѣнять къ производству фабрикатовъ всѣ усовершенствованія новѣйшей техники: владѣя цѣлыми рабочими арміями и пуская въ ходъ наиболѣе сложныя машины, капитализмъ нынѣ полновластно царитъ на полѣ производства; вытѣсняя менѣе сильныхъ предпринимателей и низводя мелкаго буржуа на степень пролетарія, онъ является самымъ энергическимъ нивелизаторомъ. Среднее сословіе выдѣляетъ изъ себя немногочисленный кружокъ „биржевыхъ королей", а само растворяется въ общей массѣ „наемныхъ рабочихъ". Спрашивается—какимъ образомъ мелкій хлѣбопашецъ (а тѣмъ болѣе наемный рабочій) можетъ отстоять, при этихъ условіяхъ, свою независимость?

Какимъ образомъ отдѣльный фабричный рабочій можетъ овладѣть своимъ продуктомъ или сдѣлаться самостоятельнымъ производителемъ, когда онъ составляетъ нынѣ не болѣе, какъ принадлежность машины? Вникая во всѣ подробности структуры настоящаго экономическаго порядка, политическая экономія выясняетъ тотъ фактъ, что производитель „національнаго богатства" осужденъ самымъ процессомъ капиталистическаго производства и накопленія играть роль простого орудія: онъ раздавленъ тѣмъ же громаднымъ молотомъ, который ежедневно разбиваетъ въ дребезги мелкіе капиталы и низводитъ мелкаго предпринимателя до уровня „наемнаго пролетарія". Можетъ ли быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что всякій успѣхъ въ техникѣ производства неминуемо долженъ еще сильнѣе приковывать рабочаго къ машинѣ?

Признаніе вышеуказаннаго „факта" обязываетъ Лавеле согласиться и съ послѣдствіями, которыя изъ этого признанія вытекаютъ. Всякій шагъ по пути научно-техническаго прогресса, дѣлая трудъ все производительнѣе и производительнѣе, въ то же время сокращаетъ число рукъ, потребныхъ для производства даннаго количества фабрикатовъ. Конкуренція заставляетъ фабрикантовъ всѣхъ странъ примѣнять къ производству новыя техническія усовершенствованія (подъ страхомъ изгнанія съ рынка) и, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе ограничивать запросъ на „рабочія руки"; вытѣсняемыя съ поля производства, эти руки увеличиваютъ расходы на „безопасность" и на содержаніе толпы нищихъ и „преступниковъ", заключенныхъ въ государственныхъ тюрьмахъ. Рабочій классъ, работая гораздо болѣе, долженъ, подъ вліяніемъ промышленнаго прогресса, сокращать свое потребленіе, понижать рабочую плату усиленнымъ предложеніемъ рукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно колебать фундаментъ, на которомъ зиждется современное капиталистическое производство, — такъ какъ, не говоря уже о недовольствѣ оставшихся безъ работы, самое потребленіе рабочаго класса должно съуживаться и ограничивать запросъ на предметы первой необходимости. Всякій промышленный кризисъ, сокращая контингентъ занятыхъ работою рукъ, такъ-сказать, увеличивается въ своей стремительности и возрастаетъ въ размѣрахъ. Періодичность повторенія кризисовъ должна находить себѣ объясненіе, по крайней мѣрѣ, отчасти — въ томъ фактѣ, что потребности низшихъ классовъ и ихъ покупательная способность вовсе не пропорціональны промышленному прогрессу. Отсюда — „безконечная расширяемость потребностей, какъ говоритъ Бастіа, безусловно необходима для того, чтобы безконечный прогрессъ науки и механики не оставилъ безъ занятій рабочихъ". Ягетцовъ совершенно вѣрно указалъ, что нищета и коммерческіе кризисы—эти два важныя препятствія на пути правильнаго прогресса благосостояния и цивилизаціи — имѣютъ одну только слѣдующую причину: пока обмѣнъ и распредѣленіе продуктовъ подчиняются законамъ, вытекающимъ изъ

исторіи, а не изъ разума, рабочая плата трудящагося класса будетъ относительно меньшею частью національнаго продукта, по мѣрѣ того, какъ производительность національнаго труда будетъ увеличиваться [1]).

„Накопленіе богатства въ одномъ изъ полюсовъ общества идетъ тѣмъ же шагомъ, какъ накопленіе на другомъ полюсѣ нищеты, порабощенія и нравственнаго упадка того класса, который своимъ производствомъ создаетъ капиталъ“ (Марксъ). Какъ бы ни относились къ этому факту, но значеніе его отрицать стало уже невозможнымъ. Не даромъ же Бисмаркъ, съ трибуны германскаго парламента, сказалъ похвальное слово въ пользу Родбертуса-Ягетцова, этого „Рикардо соціализма“. Лавеле не беретъ на себя непосильной задачи отрицать только-что указанные факты, но онъ оказывается „плохо вооруженнымъ“, когда рѣчь заходитъ о тѣхъ средствахъ, которыя должны быть приняты для устраненія роковой опасности.

„Исторія соціальныхъ организацій разныхъ временъ, говоритъ онъ [2]), доказываетъ, что вычетъ части рабочаго времени въ пользу того, кто располагаетъ необходимыми предметами для производства, всегда былъ въ томъ или другомъ видѣ. Фактъ, констатированный Марксомъ, совершенно вѣренъ; но не экономическими тонкостями (sic) на счетъ добавочной цѣнности можно поколебать (?) тотъ раздѣлъ продуктовъ, который вытекаетъ изъ гражданскихъ законовъ и изъ всей соціальной организаціи [3]).

Мы подошли теперь къ самому важному вопросу — чѣмъ же уравновѣсить унаслѣдованный нами отъ прошлыхъ вѣковъ недостатокъ соціальной организаціи?

„Если вы хотите, какъ того желаетъ Прудонъ (говоритъ Лавеле), чтобы производитель могъ выкупить свой продуктъ, или чтобы сохранилъ его весь, то сдѣлайте его капиталистомъ“.

Вотъ вамъ и разрѣшеніе соціальной задачи! Лавеле выставляетъ земледѣльцевъ Франціи и Швейцаріи, какъ образецъ независимыхъ производителей, живущихъ подъ своею смоковницею и получающихъ „всѣ плоды своихъ трудовъ, приложенныхъ къ землѣ, которая никому ничего не должна“.

Какимъ же образомъ это достигается,—очень просто: „поощряйте это движеніе, распространяя образованіе и привычку къ бережли-

---

1) „Соврем. соціализмъ“, стр. 51.

2) Ibid, стр. 69.

3) Задача научнаго труда состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы оказывать непосредственное вліяніе на практическую сферу: прежде, чѣмъ совершится переворотъ въ самой жизни, долженъ совершиться переворотъ въ „сферѣ мысли“; анализъ экономическихъ явленій прежде всего даетъ руководящую нить въ вопросахъ соціальныхъ,—чѣмъ онъ подробнѣе („тоньше“), тѣмъ онъ болѣе плодотворенъ. Если „раздѣлъ продуктовъ“ долженъ принять новую форму, то практическое его измѣненіе станетъ возможнымъ лишь послѣ научнаго анализа нынѣшней его формы.

вости, и настанетъ время (т. е. опять „laissez faire", только въ другой формѣ!), когда всѣ будутъ имѣть часть поземельной или движимой собственности, и тогда всѣ будутъ избавлены отъ уплаты подати капиталу, потому что капиталъ будетъ принадлежать всѣмъ. Рента, прибавляетъ въ утѣшеніе Лавеле, есть дѣло естественное, а процентъ необходимое!"

Въ чемъ же тогда должна состоять роль государства, — неужели только въ распространеніи образованія среди полуголоднаго населенія? Поощрять привычку къ бережливости? Это средство Лавеле не въ шутку считаетъ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ. Такъ, онъ указываетъ намъ на примѣръ профессора Лорана, который „возъимѣлъ мысль ввести въ первоначальныя школы сбереженія... для дѣтей. Онъ ходилъ изъ школы въ школу, объясняя учителямъ и ученикамъ экономическія выгоды и особенно моральныя благодѣянія сбереженій".

„Можетъ быть, это есть зародышъ преобразованія соціальнаго положенія!" восклицаетъ Лавеле. „Какъ только рабочій станетъ обладать капиталомъ, тотчасъ же обратится къ идеямъ порядка; онъ сдѣлается врагомъ всякихъ переворотовъ, которые лишили бы его того, что̀ онъ сэкономилъ съ такимъ трудомъ. Но какимъ образомъ достигнуть этого результата?—Пріучая его съ дѣтства къ сбереженію, которое обратится у него въ привычку. Впослѣдствіи, когда привычка къ расточительности уже вкоренилась, лучшіе совѣты останутся безплодными... Напрасно давать рабочимъ авансы отъ государства, какъ требуетъ Лассаль, или какъ то дѣлалъ германскій императоръ, по совѣту Бисмарка; они бы скоро исчезли, потому что рабочіе неспособны сдѣлать изъ нихъ хорошее употребленіе... Разсматривая положеніе рабочихъ классовъ, мы, къ величайшему прискорбію, видимъ, что весьма часто дѣло состоитъ не столько въ недостаточности рабочей платы, сколько въ дурномъ ея употребленіи. Высокое вознагражденіе труда бо̀льшею частію ведетъ только къ увеличенію расходовъ на кабакъ и, такимъ образомъ, служитъ разореніемъ рабочаго. Напрасно вы будете проповѣдывать экономію людямъ, уже установившимся. Она пріобрѣтается въ силу привычки, которую слѣдуетъ развивать съ малолѣтства".

Вотъ къ какимъ микроскопическимъ размѣрамъ сведена „реформа", которая должна избавить западно-европейское общество и цивилизацію отъ угрожающей опасности. Если можно питать надежду на спасеніе отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ въ виду такой „дѣтской" реформы, то размѣры опасности, о которой говорилъ Лавеле въ введеніи къ своему сочиненію, значительно имъ преувеличены. Немножко больше выдержки, привычка къ бережливости, пріобрѣтаемая съ малолѣтства — и въ рукахъ рабочаго сословія будетъ поземельная собственность и... нѣсколько „акцій" и „облигацій"!

П. О.



ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРІЯ ПАРИЖСКОЙ КОМУНЫ 1871 ГОДА.

I.

Усиленіе анархическихъ тенденцій.—Переходъ отъ утопій къ ихъ осуществленію на дѣлѣ.—Всеобщая дезорганизація.—Международная рознь во взглядахъ на преступленіе.—Нигилизмъ въ Россіи.—Комунизмъ во Франціи.—Причины революціи 18-го марта.—Бордоское собраніе.—Центральный комитетъ.—Артиллерія національной гвардіи.—Раздраженіе парижанъ.—Неумѣлыя правительственныя мѣры.—Годовщина второй республики.—Экспедиція на Монмартръ.—Бѣгство Тьера въ Версаль.—Оставленіе парижскихъ фортовъ.—Мон-Валерьенъ Убійство генераловъ Леконта и Клемана Тома.—Попытки къ примиренію.—Прокламаціи парижскаго и версальскаго правительства.—Манифестація 22-го марта. — Муниципальные выборы. — Что такое комуна. — Очеркъ исторіи комуны. — Римскія муниципіи. — Вторженіе варваровъ и христіанство. — Феодализмъ.—Свободныя общины.—Муниципіи въ Италіи.—Оттонъ I.—Миланская комуна.—Ломбардская лига.—Комуны во Фландріи и Франціи.—Управленіе Парижемъ.—Германскіе вольные города.—Ганзейскій союзъ.—Испанскіе фуэросы.—Англійскія привилегіи.—Палата общинъ.—Превращеніе комунъ въ муниципіи.—Комитетъ охраны общественнаго спокойствія.—Представители парижской комуны.—Совѣтъ и секціи.—Комуна 10-го августа.—Наблюдательный комитетъ.—Комитетъ народнаго благосостоянія.—Паденіе комуны.—Газета Собріе.—Почему за второй республикой должна была послѣдовать вторая имперія.—Организація и цѣли комуны 1871 года.

Семидесятые годы XIX столѣтія невольно останавливають на себѣ вниманіе историка и мыслителя. Никогда недовольство современнымъ строемъ общества не высказывалось съ такою дикою силою, съ такою неукротимою энергіею, какъ въ послѣднее время. Враги общественнаго порядка, политическаго устройства, семейныхъ отношеній, нравственныхъ и религіозныхъ принциповъ, никогда не являлись въ такомъ значительномъ числѣ, не дѣйствовали такъ рѣшительно и единодушно, какъ въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ второй французской имперіи, за объединеніемъ Германіи и Италіи. Ненависть отщепенцевъ общества къ его

государственнымъ и гражданскимъ основамъ не ограничивалась рѣзкою критикою, огульнымъ порицаніемъ всѣхъ учрежденій. Отъ утопическихъ фантазій Томаса Моруса, Кампанеллы, отъ попытокъ сенсимонистскихъ общинъ и фурьеристскихъ фаланстерій, отъ Икаріи Кабе—ненавистники современной цивилизаціи перешли прямо къ разрушенію всѣхъ благъ этой цивилизаціи, къ уничтоженію ея передовыхъ дѣятелей на тронѣ и въ управленіи, къ нивелированію всего, что выдается на поприщѣ знанія, искуства, творческой фантазіи. Отъ организаціи труда перешагнули ко всеобщей дезорганизаціи, къ анархіи Прудона, отъ демократическаго уровня—къ преобладанію рабочаго класса, отъ всемірнаго равенства и братства—къ господству пролетаріата, отъ комунизма—къ нигилизму и теротизму. Переходъ этотъ совершился очень быстро—die Todten reiten schnell—и современный анархистъ вполнѣ олицетворяетъ собою опредѣленіе человѣка, сдѣланное Гоббесомъ: „homo homini lupus“.

И такими „волками человѣчества“ полны теперь всѣ общества, всѣ государства. Смѣло проповѣдуютъ они свое разрушительное ученіе въ Германіи, во Франціи, Англіи, Швейцаріи, за океаномъ. Нѣтъ почти ни одного вѣнценосца въ Европѣ, который не подвергался бы опасности сдѣлаться жертвою цареубійцъ. Правительства всѣхъ странъ, конечно, преслѣдуютъ этихъ людей, но, не солидарныя между собою въ международныхъ сношеніяхъ, не могутъ дѣйствовать единодушно, тогда какъ анархисты всѣхъ націй сплочены между собою единствомъ своихъ цѣлей. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что даже послѣ такого потрясающаго, мірового событія, какъ убійство русскаго императора, дипломаты и кабинеты не могутъ согласиться между собою даже въ томъ принципѣ, что убійство монарха подлежитъ такой же карѣ законовъ, какъ и всякое убійство.... Развѣ не должна придать силы теростамъ мысль, что Гартманъ, покушавшійся взорвать императора со всей его свитой, разгуливаетъ свободно по Англіи и Америкѣ и даже печатаетъ въ газетахъ подробности о своемъ покушеніи.

Но если Россія, въ послѣднее время, была потрясена страшными злодѣяніями цареубійцъ, она можетъ смѣло сказать, что людямъ этимъ нисколько не сочувствуютъ ни многомиліонная масса народа, ни интелигентные классы общества. Дѣло преступленія—у насъ дѣло ничтожной горсти лицъ, озлобленныхъ тѣмъ, что ихъ попытки произвести анархію въ обществѣ, поднять народъ для уничтоженія семьи, религіи и государства, не нашли отзыва въ народѣ, который очень далекъ отъ комунизма и нигилизма. А между тѣмъ, въ другихъ странахъ эти ученія пустили глубокіе корни именно въ народной массѣ, легко поднимающейся на призывъ анархіи. Таково было, въ 1871 году, грозное возстаніе парижской комуны, пролившее рѣки крови и до сихъ поръ еще волнующее не однѣ темныя массы французскаго народа. Возникновеніе, усиленіе и паденіе этого страннаго правительства до сихъ поръ еще мало изслѣдованы. Не говоря уже о другихъ

странахъ, въ самой Франціи нѣтъ безпристрастной исторіи комуны. Страсти, возбужденныя ею и волновавшія такъ долго всю націю, еще не улеглись и въ настоящее время, когда прошло уже слишкомъ десять лѣтъ со времени упорной борьбы и когда почти всѣ ея дѣятели уже сошли со сцены. Правда, враги комуны и ея приверженцы поспѣшили представить описанія этихъ кровавыхъ событій, но въ разсказахъ реакціонеровъ и панегиристовъ нельзя искать истины, да и причины многихъ событій долгое время были неизвѣстны и неясны и только теперь начинаютъ понемногу обнаруживаться. А между тѣмъ, изслѣдованіе даже мелкихъ фактовъ, относящихся къ этой двухмѣсячной борьбѣ, весьма важно и любопытно не только для историка, но и для каждаго мыслителя, и мы рѣшились поэтому возобновить въ памяти лицъ, слѣдившихъ за перипетіями борьбы по отрывочнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, сколько можно правдивую ея исторію, по разсказамъ очевидцевъ и нѣкоторымъ, хотя далеко неполнымъ, документамъ, появившимся въ послѣднее время. Это тѣмъ болѣе важно, что въ комуну 1871 года анархическіе принципы впервые были примѣнены къ системѣ управленія, осуществлены на дѣлѣ въ широкихъ размѣрахъ.

Уже и теперь видно, что въ усиленіи возстанія противъ тогдашняго правительства Франціи виновато само это правительство, допустившее своими неумѣлыми мѣрами разростись народному волненію. Нетрудно представить себѣ настроеніе парижанъ послѣ ужасовъ пятимѣсячной осады столицы пруссаками и постыдной капитуляціи 28-го января, которую даже не смѣли назвать ея настоящимъ именемъ. Революцію 4-го сентября, низвергнувшую наполеоновскую имперію, которая покрыла позоромъ и кровью всю Францію, произвелъ Парижъ. Несмотря на всѣ ужасы голода и осады, на недостатокъ средствъ къ защитѣ, на бездарность наполеоновскихъ генераловъ, напрасно избившихъ въ безтолковыхъ вылазкахъ цвѣтъ парижской молодежи, несмотря на знаменитый „планъ“ бездарнаго Трошю, Парижъ все-таки своимъ упорнымъ, продолжительнымъ сопротивленіемъ далъ возможность устроить оборонительную войну въ провинціи. Между тѣмъ, Національное собраніе, избранное въ Бордо изъ приверженцевъ мира во что бы то ни стало, не хотѣло ни знать, ни цѣнить услугъ, оказанныхъ Парижемъ республикѣ. И въ то время, когда парижское правительство и его генералы сюрпризомъ сдавали столицу пруссакамъ, упорно отказываясь дать подъ стѣнами ея послѣднее сраженіе, котораго громко требовалъ народъ, въ Бордо изъ 43-хъ лицъ, которыхъ Парижъ долженъ былъ избрать членами собранія, избранъ былъ только одинъ членъ правительства національной обороны—Жюль Фавръ.

Департаментскіе выборы въ провинціи поразили Парижъ, желавшій продолженія войны и утвержденія республики, въ то время какъ провинціи выборами депутатовъ доказали, что онѣ хотятъ мира и склоняются къ монархіи. Раздраженіе парижанъ усилили еще болѣе пер-

вые декреты собранія, оскорбительный пріемъ, сдѣланный Гарибальди, оставленіе генерала Винуа губернаторомъ Парижа, назначеніе Орелль-де-Паладина начальникомъ національной гвардіи и слухи о всеобщемъ обезоруженіи этой гвардіи, считавшейся лучшею гарантіею сохраненія республики. И эти новоизбранные члены, не скрывавшіе своихъ монархическихъ наклонностей, приказывали положить оружіе лицамъ, пять мѣсяцевъ отстаивавшимъ честь и свободу Парижа. Противодѣйствуя этимъ попыткамъ распущенія и обезоруженія, батальоны гвардіи сплотились въ еще болѣе тѣсной организаціи и избрали такъ называемый „центральный комитетъ". Это было не новое учрежденіе, но только преобразованное изъ „комитета бдительности" (Comité de Vigilance), сформированнаго тотчасъ послѣ 4-го сентября. Послѣ несчастнаго сраженія при Шампиньи, созвано было большое собраніе національной гвардіи, на которое каждая рота отправила делегата; тогда же предложено было составить комитетъ, съ цѣлью побудить правительство къ отчаянной и энергической защитѣ. Въ концѣ декабря 1870 года, центральный комитетъ издалъ первую прокламацію, требовавшую преданія суду членовъ правительства національной обороны. Прокламація была подписана 12-ю именами и комитетъ принялъ названіе „республиканской федераціи" или „центральнаго комитета національной гвардіи". 28-го января онъ окончательно организовался, отдавалъ приказанія батальонамъ, производилъ назначенія, издавалъ дневные приказы, назначалъ сходки въ каждомъ округѣ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣнялъ муниципальное управленіе. 3-го марта центральный комитетъ обнародовалъ свой уставъ, въ которомъ объявлялъ, что республика—единственная возможная система правленія, что національная гвардія имѣетъ несомнѣнное право назначать и смѣнять своихъ начальниковъ, что комитетъ созываетъ общія собранія делегатовъ всѣхъ батальоновъ, составляетъ военный совѣтъ. 215 батальоновъ гвардіи дали согласіе на устройство этого комитета и положили вносить на его расходы по 5 франковъ съ каждаго лица ежемѣсячно. Комитетъ бралъ на себя обязанность защищать жителей города и избавить его отъ враговъ. Это было, такимъ образомъ, новое правительство, открыто заявлявшее себя враждебнымъ правительству національной обороны, не имѣвшему силы не только принять энергическія мѣры, но даже протестовать противъ захвата его власти. Въ началѣ марта число членовъ центральнаго комитета простиралось до 45; но, чувствуя свою слабость въ присутствіи арміи, онъ старался склонить ее на свою сторону, въ прокламаціи, гдѣ протестовалъ противъ вступленія въ Парижъ регулярныхъ войскъ. Комитетъ хотѣлъ даже противиться вступленію пруссаковъ въ столицу, но, вслѣдствіе благоразумныхъ совѣтовъ, ограничился устройствомъ оборонительнаго кордона въ границахъ, условленныхъ конвенціей. Наканунѣ вступленія пруссаковъ разнесся слухъ, что пушки, принадлежавшія національной гвардіи, были забыты въ Нёльи и Ваграмской алеѣ, кото-

рыя долженъ былъ занять непріятель. Батальоны національной гвардіи, наскоро собравшись, отправились за этими пушками и перевезли ихъ на Вогезскую площадь, въ Бельвиль, Шомонъ, Шаронъ, Вильету, наконецъ, въ Монмартръ. Поставленныя на возвышеніи и направленныя на Парижъ, эти пушки пугали правительство и буржуазію, хотя въ то же время и непріятельскія пушки угрожали городу съ его собственныхъ фортовъ. Затѣмъ Національное собраніе издало несвоевременный декретъ объ уплатѣ долговыхъ обязательствъ, а генералъ Винуа запретилъ множество республиканскихъ газетъ. Все это еще болѣе усилило народное раздраженіе.

Въ годовщину основанія второй республики, 24 февраля, произошли демонстраціи у подножія іюльской колонны, убранной вѣнками изъ иммортелей и красными знаменами, а вечеромъ иллюминованной разноцвѣтными шкаликами. Моряки и солдаты братались съ народомъ, кричали: „республика или смерть!“ Въ толпѣ замѣтили полицейскаго агента, корсиканца, служившаго бонапартистскому правительству и записывавшаго имена участвовавшихъ въ демонстраціи; его схватили и бросили въ воду. Но все еще могло уладиться, если бы послѣдовали совѣту меровъ и провозгласили открыто и ясно учрежденіе республики. Вмѣсто того, правительство прибѣгло къ угрозамъ и, объявивъ, что оно приметъ энергическія мѣры, рѣшило въ ночь на 18 марта захватить силою артилерію національной гвардіи. По донесенію шпіоновъ и полицейскихъ сыщиковъ, переодѣтыхъ національными гвардейцами, посланныхъ для развѣдыванія, генералъ Леконтъ, въ 6 часовъ утра, съ полкомъ линейныхъ войскъ, батальономъ Венсенскихъ стрѣлковъ и 200-ми жандармами взобрался на высоты Монмартра, напалъ на немногочисленный отрядъ, охранявшій артилерію, разсѣялъ его послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ и захватилъ съ десятокъ пушекъ. Но выстрѣлы произвели переполохъ въ округѣ и національные гвардейцы стали массами прибѣгать къ Монмартру. Леконтъ приказалъ войску стрѣлять въ гвардейцевъ; но войско не исполнило его приказаніе и побраталось съ ними. Генералъ былъ захваченъ въ плѣнъ и обезоруженъ. Подобныя же сцены повторились и въ ближайшихъ окрестностяхъ. Только жандармы продолжали стрѣлять. Винуа, ждавшій окончанія экспедиціи на бульварѣ Клиши, поспѣшилъ отступить, хотя у него уже заранѣе были заготовлены бюлетени о побѣдѣ. Ихъ пришлось замѣнить воззваніями, въ которыхъ правительство великодушно оставляло гвардіи ея артилерію, которую не имѣло силы отобрать. Но въ то же время заявлялась увѣренность, что оружіе это будетъ употреблено на защиту правительства отъ инсургентовъ, и національная гвардія приглашалась присоединиться къ регулярнымъ войскамъ для защиты министровъ и Національнаго собранія. Изъ трехсотъ тысячъ гвардіи не болѣе трехсотъ человѣкъ отвѣчало на этотъ призывъ. Ясно было, что революція овладѣла Парижемъ. Стычка на Монмартрѣ была единственнымъ кровавымъ эпизодомъ этого дня. Въ Бельвилѣ,

Менильмонтанѣ и другихъ мѣстахъ солдаты, при встрѣчѣ съ народомъ, оборачивали ружья прикладомъ вверхъ и, въ полдень 18-го марта, національной гвардіи принадлежала вся власть въ городѣ. Вечеромъ въ этотъ же день глава исполнительной власти—Тьеръ, генералъ Винуа, всѣ министры и члены Національнаго собранія, находившіеся въ Парижѣ, бѣжали въ Версаль, предписавъ слѣдовать за ними всѣмъ войскамъ, оставшимся имъ вѣрными.

И это было настоящее бѣгство — такъ безпорядочно и поспѣшно совершилось переселеніе правительства въ городъ, гдѣ еще были свѣжи слѣды пруссаковъ, владѣвшихъ имъ столько времени. Картину этого переселенія наглядно и безпристрастно рисуетъ журналистъ, Леонсъ Дюпонъ, въ своихъ „Версальскихъ воспоминаніяхъ во время комуны", помѣщенныхъ въ семи книжкахъ журнала „Revue de France" за прошлый годъ. Въ разсказѣ Дюпона много любопытныхъ и характерныхъ подробностей объ этой эпохѣ, и мы воспользовались ими, для вѣрной передачи событій въ Версалѣ, паралельно съ тѣми, которыя совершались въ Парижѣ.

Садясь вечеромъ въ карету, Тьеръ, въ оправданіе своего отъѣзда въ Версаль, сказалъ окружающимъ его лицамъ громкую, но безсмысленную фразу: „нашъ долгъ заставляетъ насъ удалиться. Дѣло идетъ о Франціи, а не объ насъ". Всякій пойметъ, что долгъ, напротивъ, заставлялъ остаться и что дѣло шло только о личной безопасности членовъ правительства. Тьеръ, уѣзжая, не успѣлъ даже предупредить объ этомъ свою жену и тещу и просилъ только передать имъ, чтобы онѣ присоединились къ нему какъ можно скорѣе и не забыли привезти съ собой его камердинера Шарля, „безъ котораго онъ не можетъ жить". Начальникъ кабинета перваго министра Пикара только случайно узналъ объ отъѣздѣ своего министра. Дорога въ Версаль мгновенно покрылась экипажами чиновниковъ и бѣглецовъ всякаго рода, спѣшившихъ покинуть столицу. Изъ литераторовъ первыми прибыли въ Версаль Александръ Дюма, Теофиль Готье, Эмиль Ожье, Арсенъ Гуссе, Викторьенъ Сарду и Людовикъ Галеви. Можно представить себѣ, какая сумятица и безтолочь происходили въ Версалѣ, переполненномъ бѣглецами. Торопясь окружить себя сколько можно бо̀льшимъ числомъ войскъ, оставшихся вѣрными правительству, Тьеръ отдалъ приказаніе, чтобы гарнизоны всѣхъ фортовъ лѣваго берега оставили свои укрѣпленія и стянулись къ Версалю. Онъ не подумалъ даже занять сильнымъ отрядомъ ни однихъ изъ воротъ Парижа. Форты, правда, большею частью разрушенные прусскою артилеріею во время осады, не могли принести пользы тѣмъ, кто овладѣлъ бы ими, но между фортами былъ и Мон-Валерьенъ, занятіе котораго было чрезвычайно важно для обѣихъ сторонъ. И между тѣмъ онъ былъ также оставленъ гарнизономъ. По счастію, центральный комитетъ не вздумалъ также послать туда нѣсколько батальоновъ и занимался только захватомъ мерій и административныхъ постовъ. Но генералъ Винуа, понимая важность обладанія этимъ

пунктомъ, отправился въ ту-же ночь къ Тьеру—требовать отмѣны его распоряженія объ очищеніи форта. Генерала едва впустили къ Тьеру; онъ долженъ былъ долго парламентировать съ г-жею Тьеръ, потомъ вмѣстѣ съ нею уговаривать упрямаго старика, не хотѣвшаго сознаться, что онъ сдѣлалъ большую ошибку. Только угроза Винуа подать въ отставку заставила Тьера сказать: „ну, такъ дѣлайте, какъ знаете". Винуа въ тотъ же день занялъ фортъ цѣлымъ полкомъ, и когда, 20-го марта, инсургенты явились, наконецъ, чтобы въ свою очередь занять его—имъ отвѣчали, что будутъ стрѣлять въ нихъ картечью— и они принуждены были удалиться.

За нападеніе на Монмартръ и смерть нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, товарищи ихъ отомстили въ ту-же ночь разстрѣляніемъ генераловъ Леконта и Клемана Тома. Первый былъ начальникомъ несчастной экспедиціи, второй захваченъ въ то время, когда онъ, переодѣвшись въ статское платье, бродилъ около Монмартра, чтобы вывѣдать намѣренія инсургентовъ. Этою жестокою и, во всякомъ случаѣ, безполезною казнью они хотѣли произвести окончательный и невозвратный разрывъ между ними и правительствомъ. Прошедшее этихъ генераловъ не представляло, впрочемъ, никакихъ выдающихся заслугъ. Леконту было 53 года и, въ послѣднее время, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Шантильи и Шатору. Клеманъ Тома былъ квартермистромъ при Луи-Филиппѣ, но недовольный правительствомъ, сдѣлался отвѣтственнымъ редакторомъ газеты „National", обязаннымъ отсиживать въ тюрьмѣ за настоящихъ редакторовъ, по судебнымъ приговорамъ. За это въ февральскую революцію его сдѣлали генераломъ, и во время іюльскаго возстанія онъ подавлялъ его самымъ энергичнымъ образомъ. Неизвѣстно, что̀ онъ дѣлалъ во все царствованіе Луи-Наполеона; но когда, въ ноябрѣ 1870 года, командующій національною гвардіей генералъ Тамизье вышелъ въ отставку, видя, что правительство народной обороны не исполняетъ обѣщаній, данныхъ имъ гвардіи, Тома былъ выбранъ на мѣсто Тамизье. Новый начальникъ гвардіи все время воевалъ съ нею, а не съ пруссаками, препятствовалъ ея всеобщему вооруженію, устранялъ офицеровъ, враждебныхъ Трошю, распускалъ батальоны рабочихъ, обвиняя ихъ въ трусости, и представилъ военному министру Лефло планъ, ка̀къ „разъ навсегда покончить съ цвѣтомъ парижской сволочи". Генералъ Леконтъ былъ отведенъ сначала въ Шаторужъ, гдѣ онъ подписалъ декларацію, которою обязывался не обнажать своей шпаги противъ Парижа, потомъ приказъ его войскамъ возвратиться въ свои казармы. Оттуда его отвели въ улицу Розье, гдѣ импровизованный судъ снялъ съ него поверхностный допросъ. Туда же привели и Клемана Тома и, послѣ короткаго допроса, оба генерала были приговорены къ казни толпою, составленную изъ ихъ же солдатъ, изъ національныхъ гвардейцевъ, гарибальдійцевъ и мобилей. Напрасно одинъ гарибальдійскій офицеръ настаивалъ, чтобъ несчастныхъ судили настоящимъ военнымъ судомъ. Разъ-

яренная толпа требовала ихъ смерти. Генераловъ притащили въ садъ дома № 6, связали имъ руки и застрѣлили ихъ. Черезъ полчаса, въ тотъ же день, привели двухъ морскихъ офицеровъ, захваченныхъ народомъ, но послѣ допроса отпустили, причемъ центральный комитетъ протестовалъ противъ казни генераловъ, и доказывалъ, что онъ былъ не въ состояніи помѣшать убійству. Шесть другихъ офицеровъ, захваченныхъ въ то же утро, были также отпущены инсургентами. Меры и муниципальные совѣты Парижа, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами Національнаго собранія, предлагали еще средства къ примиренію: назначеніе Доріана парижскимъ меромъ, Эдмонда Адана—префектомъ полиціи, и генерала Бильо—командующимъ парижской арміей, также производство муниципальныхъ выборовъ и потвержденіе привилегій національной гвардіи. Но пока въ Версалѣ раздумывали и обсуждали эти мѣры, всѣ министерства, главный штабъ, ратуша, національная типографія, были заняты инсургентами. Въ нѣсколько часовъ 32 барикады были воздвигнуты въ улицахъ, ближайшихъ къ Монмартру, Шомону и Клиши; городскія заставы были заняты національной гвардіей. Генералъ Шанзи, пріѣхавшій по желѣзной дорогѣ, былъ схваченъ и отправленъ въ тюрьму, подвергаясь оскорбленіямъ толпы.

При отсутствіи всѣхъ властей, центральный комитетъ долженъ былъ, по естественному ходу дѣлъ, взять власть въ свои руки, тѣмъ болѣе, что положеніе дѣлъ было отчаянное: съ одной стороны пруссаки, владѣвшіе еще многими парижскими фортами, могли всякую минуту вмѣшаться въ междоусобную войну, съ другой стороны—правительство, оставивъ городъ во власти инсургентовъ, готовилось подавить ихъ вооруженной силой; оно сдѣлало воззваніе волонтерамъ провинцій, призывая ихъ въ Версаль, но департаменты не отвѣчали на этотъ призывъ. Впрочемъ, версальская армія быстро формировалась солдатами, находившимися въ плѣну въ Германіи и возвращавшимися всякій день небольшими отрядами, вслѣдствіе заключенія мира. Инсурекція съ своей стороны, занявъ форты Иссли, Ванвъ, Монружъ и Бисетръ, сдѣлала въ особенности драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ Венсенскомъ фортѣ, гдѣ хранились военные запасы, амуниція и 400 пушекъ. Правительственный версальскій журналъ напечаталъ обширную прокламацію, въ которой, назначая адмирала Сессе начальникомъ національной гвардіи, угрожалъ въ особенности тѣмъ, что если правительство, заключивъ миръ съ пруссаками, будетъ низвергнуто, то Парижъ будетъ неминуемо занятъ непріятелемъ. Въ то же время парижскій офиціальный журналъ съ своей стороны также обнародовалъ прокламацію, въ которой предписывалъ назначеніе и выборы парижскихъ меровъ и муниципальныхъ совѣтниковъ. Въ присутствіи этой новой власти Парижъ не зналъ, на что̀ рѣшиться; депутаты и меры города не смѣли взять власть въ свои руки и часть гражданъ вздумала протестовать противъ никому неизвѣстныхъ членовъ центральнаго комитета, захватившихъ всѣ административныя учрежденія.

22-го марта изъ улицы Мира на Вандомскую площадь вышла толпа въ тысячу человѣкъ, большею частью не вооруженныхъ, и съ криками: „долой центральный комитетъ!“ хотѣла прорваться черезъ линію караульныхъ постовъ и овладѣть главной квартирой національной гвардіи. Ихъ пригласили разойтись, но когда они продолжали оскорблять гвардейцевъ и хотѣли обезоружить ихъ, тѣ дали залпъ и толпа обратилась въ бѣгство, отстрѣливаясь изъ револьверовъ. Жертвами схватки были два убитыхъ національныхъ гвардейца и девять тяжело раненыхъ, въ числѣ которыхъ одинъ членъ центральнаго комитета. Между нападавшими былъ раненъ Ганри де-Пэнъ, редакторъ „Paris-journal“, бонапартистъ, постоянно осмѣивавшій республику.

26-го марта, произошли нѣсколько разъ откладываемые выборы меровъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, и центральный комитетъ передалъ имъ свою власть. Въ Парижѣ раздались громкіе крики: „да здравствуетъ комуна!“ „Парижскіе пролетаріи—говорилъ манифестъ центральнаго комитета, — видя измѣну господствующихъ сословій, поняли, что пробилъ часъ, когда они сами должны спасти страну, взявъ въ свои руки управленіе общественными дѣлами. Они поняли, что имъ принадлежитъ безусловное право сдѣлаться хозяевами своей собственной судьбы“. Но рабочее сословіе не могло, конечно, вступить въ владѣніе уже готовымъ государственнымъ механизмомъ, ведущимъ свое начало отъ временъ монархіи, когда она служила обществу могучимъ оружіемъ въ его борьбѣ съ феодализмомъ. Сословіе это образовало изъ среды своей комуну. Что же такое была эта комуна, которую такъ ненавидѣло правительство и такъ боялась буржуазія? Комуна—територіальный участокъ, управляемый меромъ и муниципальнымъ совѣтомъ и занимаемый гражданами, завѣдующими своими собственными дѣлами. Учредительное собраніе 1789 года такъ опредѣлило ее: „граждане, разсматриваемые со стороны мѣстныхъ отношеній, происходящихъ отъ соединенія ихъ въ городахъ или сельскихъ участкахъ, составляютъ комуны“. Но правà и привилегіи комунъ, въ разныя историческія эпохи и въ разныхъ странахъ, такъ различны, что ихъ нельзя подвести подъ одинъ уровень. Русскимъ словомъ—община—назвать ее нельзя, потому что наше слово заключаетъ въ себѣ понятіе и общиннаго владѣнія или пользованія, чего не допускали комуны западной Европы. Ламене называетъ комуну государствомъ въ миніатюрѣ, Ботенъ видитъ въ ней основу соціальной организаціи, Лабуле—школу свободы. Это—асосіація нѣсколькихъ семей, живущихъ на опредѣленной мѣстности, заботящихся о своихъ правахъ и своихъ интересахъ. Образованіе и развитіе комунъ, ихъ борьба съ враждебными элементами, представляютъ любопытную страницу въ исторіи народовъ, хотя исторія до послѣдняго времени занималась болѣе политическою, чѣмъ экономическою стороною событій. Мы можемъ представить только самый краткій очеркъ исторіи ко-

мунъ, чтобы видѣть, чѣмъ различалась парижская комуна 1871 года отъ ея предшественницъ.

Происхожденіе комуны восходитъ къ первымъ вѣкамъ основанія человѣческихъ обществъ, хотя первобытныя общества, какъ еврейскія колѣна въ Палестинѣ или греческія въ Аттикѣ, были скорѣе маленькія государства, чѣмъ общины. Въ Греціи и ея колоніяхъ городъ всегда смѣшивался съ государствомъ. Только въ Римѣ развилось муниципальное или комунальное управленіе, и то не въ самомъ городѣ, а въ покоренныхъ имъ областяхъ. Тридцать латинскихъ городовъ, покорившихся Риму въ началѣ V вѣка до Р. Х., послѣ долгой борьбы, сохранили свои мѣстныя права и прежніе законы (jus Latii). Здѣсь явилось въ первый разъ различіе между государственными и гражданскими правами. На послѣднія Римъ мало обращалъ вниманія. Что ему было за-дѣло, что какія нибудь Веіи продолжали сами собирать и распредѣлять свои доходы и издавать законы, относящіеся къ мѣстному управленію. Отнявъ у нихъ право суда, право войны и мира и заключенія союзовъ между собою и съ другими народами, Римъ лишилъ силы своихъ бывшихъ враговъ, а въ борьбѣ съ новыми врагами прежніе могли принести ему существенную пользу; поэтому не слѣдовало лишать ихъ гражданскихъ правъ, не мѣшавшихъ развитію государства. Въ этомъ отношеніи Римъ долгое время слѣдовалъ мудрой политикѣ. Народамъ, оказывавшимъ ему упорное сопротивленіе, онъ давалъ званіе союзниковъ (civitates foederatae) и ставилъ ихъ совершенно въ тѣ же отношенія, въ какихъ находились въ средніе вѣка васалы къ своимъ сюзеренамъ. Такими привилегіями пользовались провинціи Малой Азіи, города Бельгійской Галліи и др. Гораздо въ худшемъ положеніи находились города, присоединенные къ Риму подъ названіемъ Vectigales и колоніи Галліи Нарбонской, по границамъ Мёзіи, Иллиріи, Панноніи. Впослѣдствіи, императоры охотно давали городамъ муниципальныя права, хотя права эти простирались далеко не на всѣхъ жителей города или данной мѣстности. Такъ, не говоря уже о рабахъ, которыхъ законъ признавалъ вполнѣ безправными, обширный классъ населенія—tributarii, оставался крѣпкимъ землѣ, и хотя обработывалъ землю для себя, но могъ быть проданъ вмѣстѣ съ нею. Муниципіи управлялись лицами по выбору — декуріонами, пользовавшимися во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ полною независимостью по отношенію къ центральной власти; они имѣли право рѣшать даже нѣкоторыя судебныя дѣла. Въ такихъ городахъ не было собственно никакой полиціи, а присмотръ за рынками, путями сообщенія, зданіями и общественною безопасностью, принадлежалъ эдиламъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ званіе декуріоновъ было наслѣдственное. Городъ самъ назначалъ налоги и распредѣлялъ ихъ, самъ отдавалъ себѣ въ нихъ отчетъ; Римъ требовалъ только уплаты дани, поддержанія путей сообщенія и пополненія магазиновъ военныхъ запасовъ. Эта незначительная связь между центромъ управленія и управ-

ляемыми и была причиною того, что, во время паденія Рима, цѣлыя провинціи такъ легко отторгались отъ метрополіи. Послѣдній ударъ муниципіямъ нанесло вторженіе варваровъ и христіанство. Константинъ далъ духовенству преимущество передъ свѣтскою властью; оно судило нѣкоторые проступки и пользовалось юрисдикціей въ гражданскихъ дѣлахъ; постепенно оно проникало и въ мѣстное управленіе. Епископъ сдѣлался администраторомъ; онъ наблюдалъ за общественными работами и распологалъ доходами города, вмѣшивался въ назначеніе муниципальныхъ агентовъ. Наконецъ, изданъ былъ декретъ, которымъ всѣ акты гражданской жизни должны были представляться на утвержденіе церкви. Вездѣ начали возвышаться храмы, но общественныя зданія пришли въ упадокъ; населялись абатства, но города пустѣли; имущества стали завѣщать церквамъ. Религіозный фанатизмъ усилился, но патріотизмъ погасъ; иначе и не могло быть: церковь— духовное общество; судьба государства и перемѣны правленія мало трогаютъ ее. Какой энергіи можно требовать отъ лицъ, живущихъ не отъ міра сего, возлагающихъ всѣ свои надежды на награды и блаженства въ лучшемъ мірѣ? Въ то время, когда варвары осаждали города, гражданамъ проповѣдовали только покорность волѣ провидѣнія. Немудрено, что города быстро падали подъ напоромъ внѣшней, грубой силы.

Эпоха переселенія народовъ и вторженія германскихъ племенъ въ римскій міръ представляетъ картину всеобщаго распаденія. Особенно тяжело было вторженіе въ Галлію варваровъ-франковъ, уничтожившихъ всѣ слѣды цивилизаціи болѣе просвѣщенныхъ варваровъ-готовъ. Франки были язычники, готы исповѣдовали ученіе Арія, но церковь не колебалась между еретиками и язычниками и приняла сторону послѣднихъ.

Франки сначала мало заботились о пріобрѣтеніи земель, гораздо болѣе интересовались движимымъ имуществомъ покоренныхъ ими племенъ и оставляли имъ большею частью ихъ старинныя права; но имущества, конечно, были всѣ ограблены, и немногіе изъ городовъ сохранили слѣды своихъ прежнихъ учрежденій. Побѣдители ввели почти вездѣ свои законы, составленные скорѣе для лагерей кочевыхъ армій, чѣмъ для городовъ. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ—графы и герцоги, пользовавшіеся почти полной независимостью по отношенію къ своимъ сюзеренамъ, ввели повсюду въ своихъ владѣніяхъ феодальную и ленную систему. Эти мелкіе тираны захватили вскорѣ въ свои руки все, что могли: они присвоили себѣ земли частныхъ лицъ, а жителей обратили въ крѣпостное состояніе; даже городскихъ жителей феодальные владѣльцы имѣли право продавать своимъ сосѣдямъ. Это ужасное положеніе не могло, однако, быть продолжительно: человѣческое достоинство, попранное, униженное, оскорбленное, должно было, наконецъ, воспрянуть и сбросить съ себя невыносимое иго. Въ странѣ, полной воспоминаніями великаго прошлаго, хотя и болѣе другихъ

опустошенной варварами, — возникли первые зачатки свободныхъ общинъ. Въ лагунахъ Адріатики нашли убѣжище племена, бѣжавшія отъ гунновъ и лонгобардовъ. Тамъ возникли многочисленные города, подъ верховной властью Венеціи; ближайшіе къ ней города—Миланъ, Пиза, Генуа, послѣдовали ея примѣру и устроились на демократическихъ началахъ. Города средней Италіи—Амальфи, Гаэта, Неаполь, еще въ VII вѣкѣ сбросили съ себя власть Восточной Римской Имперіи. Верхней Италіи возвратилъ ея муниципальное устройство императоръ Оттонъ I, заслужившій скорѣе названіе великаго, чѣмъ франкскій монархъ Карлъ, не оставившій послѣ себя никакихъ прочныхъ учрежденій. Оттонъ не давалъ городамъ письменныхъ хартій, но оставилъ ихъ организоваться, какъ они сами хотятъ. Уже въ X вѣкѣ, подъ покровомъ саксонскаго дома, сѣверная Италія покрылась муниципіями, до того сильными, что онѣ могли въ слѣдующихъ вѣкахъ сопротивляться самимъ императорамъ, сдѣлавшимся ихъ врагами. Муниципіи процвѣтали, несмотря на различіе управлявшихъ ими сословій; такъ, въ Болоньѣ преобладало вліяніе юристовъ и дворянъ; въ промышленной и торговой Флоренціи аристократическая буржуазія одинаково отвергала участіе въ управленіи дворянства и народа. Въ Генуѣ, напротивъ, въ правители избиралось только высшее дворянство. Всѣ эти муниципіи устраивались по образцу миланской, гдѣ власть принадлежала двумъ консуламъ, избираемымъ каждый годъ. Одинъ изъ нихъ былъ верховнымъ судьей, другой—начальникомъ милиціи. Исполнительная власть принадлежала совѣту, безъ котораго консулы не могли постановлять своихъ рѣшеній. Избирательный сенатъ выработывалъ законопроекты для представленія ихъ народному собранію, состоявшему изъ всѣхъ граждан и собиравшемуся по звону колокола на главную площадь, для того чтобы отвергнуть или принять предлагаемые законы. Муниципіямъ принадлежало право войны и мира; онѣ пользовались полною свободой во все продолженіе X и XI вѣка. Если благосостояніе ихъ было непродолжительно—виною этому распри папъ съ германскою имперіей и соперничество городовъ между собой. Между Павіей и Миланомъ, Генуей и Пизой, Пизой и Флоренціей начались истребительныя войны; одни города принимали сторону императоровъ, другіе—папъ. Ломбардская лига, составившаяся изъ пятнадцати городовъ, послѣ девятилѣтней борьбы сломила силы германскаго императора въ XII столѣтіи, но разошлась послѣ побѣды и потеряла отъ этого всѣ плоды своихъ усилій. Въ XIV столѣтіи Италія потеряла уже всю свою воинскую доблесть: въ ней не было болѣе ни гражданъ, ни воиновъ. Подесты для своей защиты нанимали кондотьеровъ. Германскіе императоры снова пріобрѣли въ Италіи полную власть, которой не могло противиться ослабѣвшее папство. Муниципіи превратились въ герцогства. Миланомъ деспотически правили Висконти, Вероною и Виченцою—Ласкала; Феррарою и Моденою—д'Эсте; Мантуей и Реджіею—Гонзаги; Флоренціей—Медичи.

По образцу миланской муниципіи устроились и города Фландріи, процвѣтавшіе уже въ XII вѣкѣ; только въ нихъ трудъ организовался въ корпораціи, имѣвшія каждая свой уставъ. Ткачи, суконщики, красильщики, мясники, пивовары и др. всѣ имѣли свои хартіи, своихъ избранныхъ начальниковъ, свои знамена, свою полицію; въ то же время они всѣ были солидарны между собой; у каждаго города Фландріи была своя писанная конституція. Антагонизмъ сословій возбудилъ вскорѣ и тамъ междоусобія: цехи враждовали одни съ другими. Въ концѣ XIII вѣка во Фландріи уже не было крѣпостныхъ; существовала полная свобода обученія; старшины и бургомистры заключали союзы съ иностранными властителями; богатство страны возбудило зависть Франціи, которая вмѣшалась въ дѣла сосѣдей и стала грабить ее, въ чемъ ей усердно помогали графы фландаскіе. Начались безпрерывныя войны и страданія. Разбивъ французовъ при Куртрэ, городà Фландріи начали воевать между собою. Вражда между Гентомъ и Брюгге достигла огромныхъ размѣровъ. Разореніе страны довершили французскіе кондотьеры. Только во время владычества герцоговъ Бургундскихъ комуны вошли въ прежнюю силу. Въ Гентѣ тринадцать выборныхъ лицъ завѣдовали административною частью; тринадцать другихъ—судебною. Граждане раздѣлялись на три корпораціи: мѣщане, живущіе своими доходами, глава которыхъ былъ и городскимъ головою; сословіе ткачей со своимъ старшиною и пятьдесятъ два промышленныхъ цеха, каждый съ особымъ старшиною. Всякій старшина имѣлъ право созывать общее собраніе; для этого ему стоило только развернуть свое знамя на рынкѣ и сдѣлать воззваніе къ народу. Эти привилегіи были отняты Филиппомъ Добрымъ. Двадцать тысячъ гентскихъ жителей, послѣднихъ защитниковъ свободы комуны, погибли при Гаврѣ. Въ самой Франціи, послѣ борьбы съ феодалами, комуны тотчасъ же подпали всей тягости королевской власти. Еще болѣе непримиримымъ врагомъ комунъ было духовенство. Въ средніе вѣка церковь захватила въ свои руки всѣ власти: гражданскую, политическую, судебную и пр. У епископа былъ свой дворъ, свое войско, свои крѣпости, свои камергеры. Духовенство налагало непомѣрные налоги, взимало подати со всего. Сомнѣваться въ его власти было преступленіемъ, возставать противъ нея—святотатствомъ. Чтобы противиться его притязаніямъ, комуны должны были составить изъ себя родъ постоянной, народной милиціи. Комуны Тулузы и Руана имѣли даже право судить и казнить преступниковъ. Вездѣ господствовало выборное начало, назначавшее мера, старшинъ, присяжныхъ, синдиковъ, консуловъ и др. Не достигнувъ развитія и процвѣтанія итальянскихъ и фламандскихъ комунъ, французскія комуны не испытали ни тяжелыхъ потрясеній, ни безпощадныхъ преслѣдованій.

Древнѣйшая муниципальная организація Парижа состояла изъ сословія торговцевъ, глава которыхъ носилъ званіе „купеческаго старшины“. Это было очень важное лицо въ городскомъ управленіи. При

Филиппѣ-Августѣ городъ собиралъ въ свою пользу доходы съ навигаціи по Сенѣ. Король охотно призывалъ въ свой совѣтъ гражданъ города и, уѣзжая въ крестовый походъ, довѣрилъ имъ храненіе своего личнаго имущества. Знаменитый парижскій старшина Этьенъ Марсель задумалъ, въ половинѣ XIV вѣка, совершить реорганизацію не только одного города, но и всего общества. Собранные имъ генеральные штаты декретировали политическое равенство всѣхъ гражданъ, уничтоженіе всѣхъ привилегій, всесословную подать, всеобщую воинскую повинность и коренную реформу судовъ и администраціи. Это была полная революція, къ сожалѣнію, преждевременная, и потому неудавшаяся. И Марсель погибъ, не осуществивъ своихъ намѣреній. Абсолютная монархія подавила вскорѣ даже зачатки этихъ плодотворныхъ началъ.

Въ Германіи вольные города возникли вмѣстѣ съ развитіемъ торговли. Конфедерація этихъ городовъ постоянно враждовала съ феодализмомъ и достигла вскорѣ громадныхъ размѣровъ въ Ганзейскомъ союзѣ. Это былъ союзъ не только оборонительный, но и наступательный между городами, соединенными ихъ торговыми интересами. Къ Ганзѣ принадлежали, кромѣ Кельна, Гамбурга, Любека, Ахена, и польскій Гданскъ, и Рига меченосцевъ, и норвежскій Бергенъ, и русскій Новгородъ. Тридцатилѣтняя война уничтожила благосостояніе ганзейскихъ городовъ. Въ Испаніи первыя городскія конституціи—фуэросы относятся къ XI вѣку. Въ нихъ преобладали уваженіе къ человѣческому достоинству и личная независимость. Между властителями и гражданами существовало полное согласіе до тѣхъ поръ, пока мавры угрожали странѣ. Единодержавіе Карла V положило конецъ всѣмъ привилегіямъ и хартіямъ. Вильгельмъ-Завоеватель, высадившись въ Англіи, предоставилъ своимъ спутникамъ раздѣлъ завоеванной ими територіи и, чтобы сохранить за собою такія древнія муниципіи, какъ Іоркъ и Лондонъ, оставилъ имъ всѣ ихъ привилегіи. Наслѣдники его, опираясь также на города и мѣстечки, давали имъ хартіи и сохраняли ихъ прежнее устройство. Парламентъ, состоявшій прежде изъ перовъ и прелатовъ, долженъ былъ уже въ половинѣ XIII вѣка допустить въ свою среду двухъ депутатовъ изъ каждаго города, занимавшихся, правда, только назначеніемъ и распредѣленіемъ налоговъ; но у кого въ рукахъ деньги, тотъ можетъ завладѣть и всею властью въ странѣ, что дѣйствительно и случилось впослѣдствіи. Въ то время, когда комуны падали во всей Европѣ, въ Англіи цѣлая избранная палата получила названіе „палаты общинъ“ или комонеровъ. Но нигдѣ средневѣковое устройство комунъ и муниципій не могло сохраниться при развитіи духа національности въ государствѣ. Нельзя было бы ввести ни гражданскаго равенства, ни единства судебныхъ и административныхъ узаконеній, если бъ каждая комуна, основываясь на своихъ старинныхъ правахъ, обычаяхъ и привилегіяхъ, противилась принятію мѣръ общихъ для всего государства. Учреди-

тельное собраніе 1789 года уничтожило не только муниципіи, но и провинціи древней Франціи. Стремясь создать страну единую и нераздѣльную, собраніе постановило, что всѣ комуны должны пользоваться одинаковыми правами и называться муниципіями.

Въ послѣдній разъ комуна возродилась съ новою силою во Франціи послѣ революціи 1789 года; до нея Парижъ раздѣлялся на 21 кварталъ и муниципалитетъ его состоялъ изъ главы купеческихъ старшинъ, четырехъ старшинъ и 36-ти совѣтниковъ. Всѣ эти званія были наслѣдственны или замѣщались по назначенію короля. Муниципалитетъ былъ настоящей аристократіей среди высшей буржуазіи. Декретъ, созывавшій генеральные штаты, раздѣлилъ Парижъ на 60 округовъ, но прежде чѣмъ они образовались въ муниципію, въ городѣ возникла другая, чисто революціонная власть изъ собранія избирателей въ члены генеральныхъ штатовъ. При извѣстіи о враждебномъ настроеніи двора и намѣреніи его распустить Національное собраніе, избиратели эти, въ числѣ 300, начали сходиться сначала въ частномъ домѣ, потомъ въ ратушѣ. Не задолго до взятія Бастиліи они смѣло захватили въ свои руки, во имя народной безопасности, большую часть муниципальнаго управленія, созвали округа, сформировали національную милицію и назначили постоянный комитетъ для охраны публичнаго спокойствія. Это собраніе избирателей дѣйствовало, впрочемъ, вяло, нерѣшительно и было увлечено впередъ народнымъ движеніемъ. Уже послѣ взятія Бастиліи оно захватило въ свои руки управленіе городомъ и избрало Бальи парижскимъ меромъ, а Лафайета—начальникомъ національной гвардіи. Этотъ муниципалитетъ былъ все-таки подозрителенъ народу, такъ какъ въ немъ было много реакціонеровъ и онъ постановилъ обезоружить работниковъ, стѣснялъ свободу печати и пр., а когда король явился въ ратушѣ, принялъ его съ восторгомъ, постановилъ воздвигнуть ему статую и провозгласилъ его „возстановителемъ свободы націи". Бальи сказалъ даже, что 14 іюля народъ снова „завоевалъ себѣ своего короля". Парижскіе округи возстали противъ этого наивнаго увлеченія и отправили въ муниципалитетъ по два депутата изъ каждаго округа, чтобы составить планъ управленія городомъ.—30 іюля, 120 лицъ, избранныхъ округами, собрались въ ратушѣ и приняли названіе представителей парижской комуны. Они подтвердили назначеніе Бальи и Лафайета, открыли благотворительныя мастерскія для рабочихъ безъ занятій, дѣятельно занялись устройствомъ хлѣбныхъ складовъ, полиціи, національной гвардіи. Предметы вѣдѣнія этихъ лицъ не были, однако, точно опредѣлены. При множествѣ занятій число членовъ увеличено до 300 и новое собраніе представителей комуны принялось энергически преслѣдовать заговоры роялистовъ. Комитетъ его возбудилъ процесы Ламбеска, Безанваля и Фавраса. Шестьдесятъ членовъ собранія составляли администрацію, 240 остальныхъ—общій совѣтъ. Вслѣдствіе столкновеній съ меромъ Бальи, представители комуны подали въ от-

ставку. Національное собраніе выработало для нихъ новый уставъ, раздѣлявшій Парижъ на 48 отдѣловъ (sections). Избирателями въ муниципалитетъ могли быть только граждане, уплачивающіе прямой налогъ, равный тремъ днямъ поденной платы. Собранія этихъ избирателей назначали всѣхъ чиновниковъ отдѣла, мировыхъ судей, полицейскихъ комисаровъ и пр. Комуна состояла изъ мера, 16 администраторовъ, 32 членовъ муниципальнаго совѣта, 96 членовъ общаго совѣта, прокурора съ двумя помощниками, секретаря съ двумя помощниками, казначея, архиваріуса и библіотекаря. Выборы всѣхъ этихъ лицъ подвергались довольно сложной процедурѣ. Срокъ службы былъ двухгодичный. Меръ получалъ 72.000 франковъ жалованья, прокуроръ—15.000, его помощникъ и секретарь—6.000, полицейскіе администраторы—3.000, остальные члены общаго совѣта не получали никакого содержанія. Обязанности мера заключались въ наблюденіи за всѣми частями администраціи, но самъ онъ ничѣмъ не управлялъ. Онъ могъ остановить всякую мѣру, но обязанъ былъ втеченіи сутокъ доложить о ней въ общій совѣтъ. Меръ предсѣдательствовалъ съ совѣщательнымъ голосомъ во всѣхъ отдѣленіяхъ и занималъ первое мѣсто во всѣхъ процесіяхъ. Между 16 администраторами раздѣлялось управленіе продовольствіемъ, полиціей, финансами, общественными учрежденіями и публичными работами. Общій совѣтъ, завѣдывавшій всѣмъ, что касалось города, издавалъ декреты по предложенію членовъ или прокурора, утверждалъ или касировалъ постановленія отдѣленій и проч. Во время своего высшаго могущества, въ эпоху терора, комуна была настоящимъ парижскимъ конвентомъ, нерѣдко господствовавшимъ надъ самимъ Національномъ конвентомъ.

Новая комуна сформировалась въ октябрѣ 1790 года. Она сдѣлалась ненавистною революціонерамъ за то, что провозгласила военное положеніе послѣ убійствъ на Марсовомъ полѣ. При возобновленіи въ ней, по уставу, половины членовъ, въ концѣ 1791 года, въ нее вошли лица съ болѣе радикальнымъ направленіемъ. Меромъ былъ выбранъ Петіонъ, прокуроромъ Манюэль, Дантонъ его помощникомъ. При вторженіи народа въ Тюльери, 20-го іюня 1792 года, часть комуны считала необходимымъ, чтобы народъ произвелъ давленіе на короля, съ цѣлью побудить его къ утвержденію декретовъ, назначенію министровъ патріотовъ и къ явному принятію принциповъ революціи; но Петіонъ съ другими членами комуны отправился въ Тюльери, чтобы побудить народъ удалиться, заявивъ свои желанія,— и такимъ образомъ комуна содѣйствовала очищенію дворца. Несмотря на это, дворъ имѣлъ неосторожность смѣнить Петіона и Манюэля. Тогда весь Парижъ вскричалъ: „да здравствуетъ Петіонъ!" и отставка его и Манюэля, утвержденная королемъ, была отмѣнена Національнымъ собраніемъ; меръ и прокуроръ съ торжествомъ заняли свое прежнее мѣсто.

Большинство комуны было на сторонѣ низверженія короля, но хотѣло употребить для этой цѣли легальныя мѣры. Въ засѣданіи 9-го августа каждый отдѣлъ избралъ трехъ комисаровъ съ неограниченными полномочіями для спасенія отечества, и эта „комуна 10-го августа“, послѣ паденія королевской власти, образовала изъ себя „наблюдательный комитетъ“, въ который вступилъ Маратъ и который напрасно обвиняютъ въ сентябрскихъ убійствахъ. При извѣстіи объ убійствахъ въ парижскихъ тюрьмахъ, комуна оказала гораздо больше дѣятельности, чѣмъ Національное собраніе: она отправила комисаровъ, чтобы остановить пролитіе крови и охранила Тампль, которому угрожали убійцы. Она энергически отвергла всякую солидарность съ наблюдательнымъ комитетомъ и выказала столько же энергіи, какъ и патріотизма, организовавъ общій наборъ парижанъ въ армію. Въ Конвентѣ комуна постоянно боролась съ жирондистами, поддерживаемая монтаньярами. При новыхъ выборахъ 1792 года, въ ней получилъ преобладаніе революціонный элементъ. 30-го мая 1793 года, 42 секціи Парижа возстали противъ конвента и, учредивъ общій революціонный совѣтъ, потребовали удаленія, потомъ казни жирондистовъ. Въ это время власть коммуны была выше власти конвента: она настояла на уничтоженіи католическаго культа, посылала комисаровъ въ департаменты, сдѣлала очень много для улучшенія управленія госпиталями, продовольствіемъ города, общественной благотворительностью; но комитетъ народнаго благосостоянія ограничилъ власть комуны и положилъ начало централизаціи. Робеспьеръ казнилъ прокурора комуны Шомета и помощника его Гебера, смѣнивъ мера Пашо. Многіе изъ членовъ комуны были заключены въ тюрьму. Собранія ея происходили только два раза въ мѣсяцъ. Несмотря на это, комуна приняла сторону Робеспьера 9-го термидора, но конвентъ уничтожилъ ее, отправивъ болѣе ста ея членовъ на гильотину. Управленіе Парижемъ ввѣрено было комисіямъ, назначаемымъ правительствомъ. Во время возстанія, въ преріалѣ III года, инсургенты, захвативъ ратушу, пытались возстановить комуну, но конвентъ, подавивъ возстаніе, отнялъ у секцій ихъ артилерію и такъ очистилъ ихъ, что забравшихся въ нихъ роялистовъ, спустя полгода, надо было разгонять пушками 13-го вандемьера. Конституція III-го года раздѣлила Парижъ на 12 округовъ, съ муниципалитетомъ и меромъ въ каждомъ округѣ; секціи обратились въ отдѣленія, гдѣ засѣдали полицейскіе комисары.

Съ тѣхъ поръ комуна не возрождалась болѣе, и только въ 1848 году Собріе настаивалъ на необходимости ея возрожденія, въ своей газетѣ, названной имъ „Парижская Комуна“. Изданіе этой газеты, гдѣ работали, подъ охраною волонтеровъ изъ рабочей бригады, редакторы въ блузахъ и съ двумя пистолетами, заткнутыми за краснымъ поясомъ, прекратилось черезъ три мѣсяца послѣ вторженія въ типографію ея національной гвардіи, уничтожившей печатные станки

и наборъ. Собріе былъ посаженъ въ тюрьму, откуда вышелъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, умирающимъ и помѣшаннымъ.

Комуна была враждебна не только монархическому, но и парламентскому правленію. По мѣрѣ того, какъ прогрессъ современной промышленности увеличивалъ сословную рознь между трудомъ и капиталомъ, парламентаризмъ стремился къ порабощенію труда и каждая революція была только сословною борьбою. Въ 1830 году, во Франціи власть перешла изъ рукъ поземельныхъ собственниковъ въ руки капиталистовъ, непосредственныхъ враговъ рабочихъ. Парламентская республика 1848 года была, по словамъ Тьера, формою правленія, наименѣе раздѣлявшею различныя фракціи господствующихъ сословій; зато она открыла пропасть между этими сословіями. Въ виду грозившаго возстанія пролетаріата, имущія сословія были поставлены въ необходимость предоставить исполнительной власти широкое право преслѣдованія и этимъ лишили Національное собраніе всѣхъ средствъ къ оборонѣ противъ исполнительной власти, которая, въ лицѣ Луи-Наполеона, и разогнала собраніе. Вторая имперія, совершая государственный переворотъ, утверждала, что она защищаетъ интересы крестьянъ, т. е. обширную массу производителей, незамѣшанную непосредственно въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ. Основываясь на томъ, что она сломила подчиненіе правительства капиталистамъ, имперія выдавала себя за спасительницу рабочаго сословія и разсчитывала объединить всѣ классы общества, воскресивъ ложный призракъ національной славы. Имперія явилась дѣйствительно единственно возможною формою правленія, такъ какъ всѣ убѣдились въ неспособности буржуазіи управлять народомъ, а рабочее сословіе и не заявляло притязаній на эту способность. Немудрено, что всѣ державы привѣтствовали вторую имперію, какъ спасительницу общества. Подъ ея правленіемъ торговая, промышленная и въ особенности биржевая спекуляція достигли громадныхъ размѣровъ, наряду съ наглымъ блескомъ безумной роскоши, нажитой плутовствомъ и преступленіемъ. Самымъ вопіющимъ скандаломъ французскаго общества и источникомъ его порчи была вторая имперія. Прусское вторженіе обнаружило всю гнилость этой государственной власти и спасеннаго ею общества. Необходимость реформъ въ этомъ обществѣ доказывалась криками, при которыхъ пала съ такимъ позоромъ вторая имперія; крики эти были: „да здравствуетъ соціальная республика!“ Когда Парижъ увидѣлъ, что бордоское собраніе не только не думаетъ о соціальныхъ реформахъ, но и склоняется къ монархизму въ его болѣе ненавистной для народа формѣ — легитимизма, онъ поднялся противъ правительства. Парижъ могъ сопротивляться Версалю только потому, что осада освободила его отъ арміи, мѣсто которой заступила національная гвардія, состоявшая преимущественно изъ рабочихъ. Поэтому первый декретъ комуны 1871 года уничтожилъ регулярное войско и замѣнилъ его вооруженнымъ народомъ.

Комуна образовалась изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, выбранныхъ округами Парижа посредствомъ всеобщей подачи голосовъ; члены ея были смѣняемы и отвѣтственны и состояли преимущественно изъ рабочихъ. Они соединяли въ себѣ исполнительную и законодательную власть. Всѣ общественныя должности въ ней оплачивались заработной платой. Полиція потеряла свою правительственную власть и сдѣлалась простымъ исполнительнымъ орудіемъ. Уничтоживъ армію и полицію, комуна уменьшила и ограничила власть католическаго духовенства, этого орудія умственнаго порабощенія народа; она лишила церковь и монастыри ихъ имуществъ и доходовъ. Патеры должны были, по образцу своихъ предшественниковъ, жить приношеніями вѣрующихъ. Всѣ учебныя заведенія были освобождены отъ вмѣшательства церкви и государства и открыты для народа безплатно. Судьи сдѣланы выборными и смѣняемыми. Парижская комуна должна была служить образцомъ всѣмъ городамъ Франціи. Завѣдываніе дѣлами сельскихъ общинъ каждаго департамента должно было принадлежать собранію уполномоченныхъ, засѣдающему въ главномъ городѣ округа. Такимъ образомъ, установлялась всеобщая децентрализація, не уничтожавшая нисколько единства націи. Комунальное устройство государства вовсе не было союзомъ маленькихъ республикъ, мечтою Монтескье и жирондистовъ: оно хотѣло, напротивъ, возвратить общественному организму всѣ силы, которыя до тѣхъ поръ отнимало у него государство. Наука народнаго права признаетъ комуну въ двухъ видахъ, какъ корпорацію, аналогичную съ фабриками, колегіями, госпиталями и т. п. и какъ територіальный округъ; поэтому, какъ община, она имѣетъ право самоуправленія, подъ надзоромъ государства, какъ часть територіи — она должна подчиняться прямому дѣйствію центральной власти. Наука не рѣшила еще, въ настоящее время, важнаго вопроса о томъ, въ какой степени государство можетъ допустить децентрализацію въ различныхъ органахъ власти, а отъ этого рѣшенія зависитъ устройство общинъ во всей Европѣ, такъ какъ общественныя и народныя учрежденія всѣхъ націй стремятся къ единству. Но какой бы системы ни держались приверженцы комунальнаго управленія, они, конечно, не потребуютъ возвратить комунѣ политическую, судебную и военную власть, которыми она пользовалась въ періоды общественной анархіи. Парижская комуна 1871 года попыталась захватить всѣ эти средневѣковыя права и уничтожить власть государства. Понятно, что она не могла имѣть успѣха. Какъ ни плохи были правленіе буржуазіи и деспотизмъ имперіи, но власть рабочихъ, высказавшаяся въ такихъ дикихъ формахъ, какъ вражда къ интелигенціи и истребленіе памятниковъ искуства и цивилизаціи, была еще невозможнѣе. Посмотримъ же, чѣмъ ознаменовала свое управленіе комуна, вышедшая изъ народа и дѣйствовавшая его именемъ.

Вл. З—въ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Реймонъ. Джино Каппони [1]).

Это памятникъ, воздвигнутый другомъ для друга и съ любовью выведенный въ частностяхъ. Но частная біографія расширяется здѣсь до характеристики различныхъ направленій умовъ, изъ которыхъ каждое въ концѣ концовъ по силамъ содѣйствовало возрожденію Италіи. Въ силу разнообразныхъ и многолѣтнихъ сношеній между Реймономъ и Каппони, этотъ трудъ можно назвать автобіографіей, написанной вдвоемъ. Самъ авторъ даже яснѣе и чаще, чѣмъ въ прежнихъ трудахъ, выступаетъ здѣсь съ личными убѣжденіями. Слѣдуетъ ли подобную работу упрекнуть за субъективную окраску, или даже подвергнуть разбору убѣжденія автора, ихъ фактическое содержаніе и историческій смыслъ? Какъ бы несправедливо ни казалось это на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ отдѣльныя части книги неизбѣжно вызываютъ подобный разборъ. Всякое убѣжденіе имѣетъ свои права, но самое высшее принадлежитъ объективной истинѣ. Быть можетъ, федеративное государство, за которое авторъ всегда готовъ поднять свое копье, было предпочтительнѣе для итальянцевъ, нежели государство единое,—относительно этого можно еще спорить. Но при данныхъ обстоятельствахъ союзное государство было просто-на-просто недостижимымъ. Чтобы добиться его, для этого, какъ необходимое условіе, нужна была искренняя, добрая воля господствовавшихъ династій. Что такая воля, или хотя бы малѣйшая тѣнь ея, существовала въ дѣйствительности, это можетъ утверждать только тотъ, чье заду-

---

[1]) Reumont. Gino Capponi.

шевное убѣжденіе не поколеблють даже очевидные факты. Доказано, что въ 1858 году и при началѣ войны слѣдующаго года Кавуръ еще имѣлъ въ виду федеративное устройство полуострова. Но его предложеніе союза было отклонено во Флоренціи и Неаполѣ, а при дворѣ въ Неаполѣ онъ повторялъ его съ ноября 1856 и до начала 1860 годовъ. Правда, король Францъ II, до крайности устрашенный революціей, самъ обратился, наконецъ, въ Туринъ съ планами союза; но онъ противился признать пріобрѣтенія Пьемонта въ папской области, названныя имъ узурпаціей. Наконецъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, Кавуръ оставилъ всякую мысль о федеративномъ развитіи и противъ своей воли принужденъ былъ добиваться единственно возможнаго единаго государства. Реймонъ приводитъ много основательныхъ съ виду доводовъ противъ идеи единства; но все, чтобы ни говорилось противъ нея, имѣетъ чисто теоретическое значеніе. На дѣлѣ итальянцы должны были „перевернуть свою исторію вверхъ ногами“ или отказаться отъ національной будущности. И своими частными, антинаціонально настроенными правительствами они были приведены къ этому выбору.

Если оставить въ сторонѣ подобныя размышленія заднимъ числомъ, при которыхъ, впрочемъ, авторъ старается отстранить отъ себя подозрѣніе, будто бы онъ еще мечтаетъ о ихъ запоздаломъ осуществленіи, то все-таки драгоцѣнныя подробности касательно политической и литературной исторіи Италіи, которыми такъ богата книга, вполнѣ вознаградятъ читателя. За исключеніемъ Мадзини, врядъ ли найдется хоть одинъ вліятельный итальянецъ, съ которымъ бы Джино Каппони не былъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ или съ которымъ, по крайней мѣрѣ, ему не приходилось бы сталкиваться. Разсказывать его жизнь—это значило слѣдовать въ глубину за всѣми движеніями итальянскаго духа; для этого Реймонъ былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ. Онъ рисуетъ своего усопшаго друга какъ патріота и ученаго, какъ частнаго и государственнаго человѣка. Онъ приводитъ немало данныхъ для рѣшенія загадки, какимъ образомъ этотъ флорентинскій аристократъ, аристократъ въ лучшемъ, но и полномъ смыслѣ слова, сдѣлался однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей народности среди своихъ итальянскихъ современниковъ. Причина этого коренилась и въ личности человѣка, и въ средѣ, въ которую онъ былъ поставленъ. Для историческаго разъясненія обоихъ обстоятельствъ авторъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія. Даже когда онъ говоритъ какъ человѣкъ партіи, онъ обыкновенно ни на минуту не теряетъ благоразумія историка. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ собой его отзывъ о римскихъ дѣлахъ; здѣсь, дѣйствительно, видѣнъ промахъ. По мнѣнію автора, Кавуръ требовалъ Рима только для того, чтобы бросить кусокъ „алчности партій“. Между тѣмъ Кавуръ никогда не сомнѣвался въ несовмѣстности свѣтскаго

могущества папства съ національнымъ государствомъ въ Италіи. Это очевидно изъ словъ великаго государственнаго мужа Пьемонта, сказанныхъ имъ въ откровенной бесѣдѣ. Но такія легко объяснимыя ошибки и преувеличенія мало вредятъ цѣнности труда Реймона. Не только по формѣ, какъ это говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, но и по духу книга склоняется къ литературному типу мемуаровъ. Поэтому мѣстами въ ней преобладаетъ элементъ субъективный, который читатель и долженъ исключать по своему усмотрѣнію.

Ричардъ Гисъ. Эдгаръ Кинэ [1]).

„Цѣль этой книги—познакомить англійскихъ читателей съ однимъ изъ самыхъ сильныхъ, свѣтлыхъ и проницательныхъ умовъ нашего столѣтія". Такимъ образомъ съ первыхъ словъ авторъ обнаруживаетъ то глубокое удивленіе, которое внушаетъ ему его герой. Это удивленіе ни на минуту не измѣнило себѣ втеченіе всего изслѣдованія. Постоянное сочувствіе автора къ своему предмету придаетъ его труду единство и живость, которыя составляютъ его прелесть и удвоиваютъ интересъ.

Трудъ Гиса состоитъ изъ шести книгъ, обнимающихъ тридцать шесть лѣтъ жизни Кинэ. Первая книга знакомитъ читателя съ происхожденіемъ и дѣтствомъ великаго писателя. Вторая рисуетъ Кинэ въ королевской коллегіи въ Ліонѣ и во время перваго пребыванія въ Парижѣ. Третья разсказываетъ самый безпокойный періодъ жизни Кинэ. Авторъ поочередно слѣдуетъ за нимъ въ Швейцарію, Англію, Страсбургъ и Гейдельбергъ, Грецію и, наконецъ, Италію. Въ четвертой главнымъ образомъ изслѣдованы три большія эпопеи Кинэ—Агасферъ, Наполеонъ и Прометей. Пятая носитъ заглавіе „профессура". Нѣсколько страницъ посвящены характеристикѣ Кинэ на его новомъ поприщѣ. Къ этому присоединенъ длинный разборъ „Духа древнихъ религій", его перваго научнаго разсужденія. Преподаваніе Кинэ началъ въ 1839 году. Съ этой минуты выдающійся писатель, дѣлаясь, благодаря своей профессурѣ, до извѣстной степени общественнымъ дѣятелемъ, обращаетъ кафедру въ трибуну, чтобы вліять на общественное мнѣніе. На 1839 году останавливается и жизнеописаніе Гиса. Такимъ образомъ, авторъ хотѣлъ описать если и не наименьшую, то наименѣе видную часть жизни Кинэ.

Рожденный у подножія Юры на южной границѣ Бургоньи, родины высокаго слога, этотъ потомокъ древнихъ бургундцевъ какъ бы

---

[1]) Richard Heath. Edgar Quinet.

чувствовалъ тайное сродство съ Германіей. Кинэ постигалъ ее лучше, чѣмъ кто либо другой во Франціи, лучше судилъ и понималъ ея писателей. Онъ перевелъ самый важный трудъ Гердера, былъ оригинальнымъ ученикомъ Крейцера и пытался соперничать съ Гёте въ „Агасферѣ“, „Прометеѣ“. Втеченіи трехъ лѣтъ онъ оставался на берегу Рейна то въ Страсбургѣ, то въ Гейдельбергѣ, какъ бы для того, чтобы лучше углубиться въ тайны нѣмецкой науки, которую ему предстояло открыть для Франціи. Его „Опыты о трудахъ Гердера“ и „О происхожденіи боговъ“ показали, насколько онъ проникъ въ нее. „Мерлинъ Волшебникъ“, появившійся вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, обнаружилъ особенную черту его ума—это склонность къ мистическому, любовь къ чудесному и таинственному, которыя проявляются въ значительной части его сочиненій. Затѣмъ, во время путешествія въ Грецію, окончательно созрѣлъ его талантъ. Изслѣдованіе о „Современной Греціи“, которое было плодомъ путешествія, обративъ на него вниманіе, сдѣлало его отнынѣ знаменитостью. По возвращеніи онъ былъ радушно принятъ нѣкоторыми изъ самыхъ видныхъ людей эпохи, какъ Кузенъ, Бенжаменъ Констанъ, Гизо, Шатобріанъ, а Викторъ Гюго публично принесъ ему свои поздравленія. Если надежды, которыя онъ питалъ въ это время, и не осуществились, зато онъ принялъ, по крайней мѣрѣ, участіе въ „Revue des Deux Mondes“ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ и самыхъ знаменитыхъ сотрудниковъ журнала. Въ этомъ извѣстномъ сборникѣ онъ напечаталъ свое изслѣдованіе о „Неизданныхъ эпопеяхъ XII-го вѣка“. Это было настоящимъ открытіемъ непризнанной и невѣдомой древне-французской поэзіи, съ которой его только что познакомили изысканія въ „Королевской библіотекѣ“.

Однако Кинэ не могъ избѣжать политическаго возбужденія, послѣдовавшаго за революціей 1830 года. Это замѣтно на одномъ изъ его трудовъ, написанномъ на другой день послѣ событія,—„Германія и революція“, любопытномъ памфлетѣ, гдѣ пророческій духъ молодого писателя, видѣвшій впереди яснѣе государственныхъ людей того времени, предсказалъ роль, которую Пруссіи предстояло сыграть сорокъ лѣтъ спустя. Извѣстіе о смерти Гёте, которое онъ получилъ во время краткаго пребыванія въ Цертинѣ, вернуло его къ любимымъ изысканіямъ. Въ „Размышленіяхъ объ искусствѣ и литературѣ въ Германіи“ онъ еще разъ съ большей полнотой, чѣмъ прежде, попытался набросать картину интеллектуальнаго развитія Германіи въ концѣ XVIII вѣка. Путешествіе, предпринятое имъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, открываетъ новые горизонты для его мысли. Въ 1832 году онъ проѣхалъ почти черезъ всю Италію, изслѣдуя памятники прошедшаго, вызывая въ себѣ воспоминанія литературы и искусства полуострова и стараясь разгадать тайну особыхъ судебъ Рима языческаго и христіанскаго. Такимъ образомъ, онъ подготовлялъ себя къ тѣмъ двумъ произведеніямъ, которыя окончательно упрочили его

славу: „Агасферу“ и „Прометею“. Гисъ подвергъ пространному и существенному разбору эти двѣ причудливыя поэмы, въ особенности первую, въ которой господствуетъ какой-то мрачный и туманный мистицизмъ. Въ „Наполеонѣ“ авторъ возвращается къ дѣйствительности исторіи, но исторіи возвеличенной и идеализированной. Въ этомъ трудѣ, по странному противорѣчію, молодой республиканецъ, какъ и многіе изъ ему подобныхъ, безсознательно создавалъ и распространялъ наполеоновскую легенду. За этой эпопеей „человѣческой“, но необъятной, послѣдовала трилогія „Прометей“, если не болѣе высокая, то по крайней мѣрѣ болѣе глубокая по вдохновенію. Здѣсь опять любимыя задачи Эдгара Кинэ въ области религіи, его постоянное стремленіе отгадать тайну человѣчества, уловить нить его таинственныхъ предназначеній. Какого бы кто мнѣнія ни былъ объ этихъ трехъ величественныхъ поэмахъ Кинэ, нельзя во всякомъ случаѣ не согласиться, что онѣ представляютъ собой трудъ одного изъ самыхъ могучихъ умовъ нашего столѣтія. Понятно, что Гисъ считалъ своимъ долгомъ познакомить съ ними читателя. Нужно отдать справедливость полнотѣ и ясности его анализа, но нельзя не пожалѣть, что онъ не произнесъ никакого мотивированнаго сужденія о каждой изъ поэмъ и не попытался на основаніи ихъ охарактеризовать поэтическій талантъ и гуманитарныя стремленія знаменитаго писателя. Отличительная черта Кинэ—это способность интуитивнымъ путемъ доходить до истины, способность, которая обнаруживается еще въ его первыхъ трудахъ и проходитъ затѣмъ черезъ всѣ произведенія, даже критическіе опыты, въ особенности тѣ, которые онъ обнародовалъ въ эту эпоху относительно античнаго и средневѣковаго эпоса. Впрочемъ, первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ критическій анализъ жизни Христа, Штрауса, который поистинѣ можетъ служить образцомъ проницательнаго и сжатаго разбора, гдѣ остроумные взгляды перемѣшаны съ самой тонкой и справедливой критикой.

Кинэ достигъ вершины славы въ тѣ годы, когда люди зачастую еще только отыскиваютъ себѣ дорогу. Самые извѣстные салоны того времени были для него открыты. Онъ каждую зиму посѣщалъ Парижъ, и его знакомства искали самые знаменитые представители литературнаго міра. Но несмотря на такую славу, несмотря на многочисленные новые труды, онъ не удовлетворялся своей дѣятельностью. Онъ намѣревался заняться преподаваніемъ. Защитивъ въ 1839 году въ Страсбургѣ положенія на степень доктора, онъ въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ профессоромъ словеснаго факультета въ Ліонѣ. Кинэ началъ свое преподаваніе съ безпримѣрнымъ успѣхомъ, и курсы, прочитанные имъ въ Ліонѣ съ 1839 до 1840 гг., легли въ основу одного изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокихъ произведеній, опыта о „Духѣ религій“. Гисъ представилъ длинный и добросовѣстный анализъ этой книги, полной такихъ остроумныхъ и такихъ новыхъ воззрѣній. Изложеніе философіи религіи, такъ хорошо написанное и

продуманное, читается съ удовольствіемъ. Но на этомъ, неизвѣстно почему, совершенно неожиданно обрывается изслѣдованіе Гиса. Нельзя не пожелать, чтобы онъ въ скорѣйшемъ времени довелъ до конца свой привлекательный очеркъ жизни великаго писателя.

Мейеръ. Реформа государственнаго управленія при Штейнѣ и Гарденбергѣ [1]).

Авторъ этого сочиненія блестящимъ образомъ выполнилъ свою задачу. Этотъ отзывъ относится не только къ тѣмъ отдѣламъ матеріала, которые были удобны для научной работы, но и къ тѣмъ значительнымъ частямъ, которыя въ этомъ отношеніи представляли собой почву крайне неблагодарную. Трудъ Мейера распадается на пять отдѣловъ. Первый изъ нихъ—„Существующій порядокъ"—носитъ характеръ введенія. „Исторія правительственнаго строя втеченіе XVIII вѣка" не входила въ планъ сочиненія. Но вся реформа можетъ быть уяснена читателю только тогда, когда предварительно изображенъ въ крупныхъ чертахъ прежній государственный строй съ тѣмъ характеромъ, который онъ получилъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, „величайшемъ королѣ по внутреннимъ дѣламъ". Работа надъ этимъ вступительнымъ отдѣломъ была благодарной задачей. Въ послѣднее время изслѣдователи съ большой любовью обратились къ государственному строю, созданному Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. Чѣмъ глубже проникали они въ этотъ предметъ, тѣмъ выше росло уваженіе къ громадному организаторскому таланту этого короля. Мы напомнимъ только новѣйшіе труды Шмоллера по этой эпохѣ. Но и для этого періода Мейеръ обработалъ новый богатый матеріалъ и во всякомъ случаѣ впервые съ такою систематичностью далъ строго юридическое изложеніе стараго строя.

Прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ характеристику „Людей и идей реформы" даетъ затѣмъ второй краткій, но богатый по содержанію отдѣлъ. Великіе, но спорные вопросы о цѣли и задачѣ государства, которые въ наши дни снова глубоко волнуютъ общественную жизнь, съ большой основательностью обсуждаются въ докладныхъ запискахъ Штейна, Гарденберга, Финке, Шёна, Шрёттера. Личные взгляды Штейна на государство невольно приводятъ на память дѣятельность князя Бисмарка. Наоборотъ, Гарденбергъ и Шёнъ, какъ безусловные поклонники Адама Смита, хотѣли бы осуществить въ законодательствѣ начало свободы личности въ его крайнихъ выводахъ. Мейеръ приводитъ рядъ характеристичныхъ отзывовъ этихъ

---

[1]) Ernst Meier. „Die Reform der Verwaltungs-organisation unter Stein und Hardenberg".

государственныхъ дѣятелей. Въ третьемъ отдѣлѣ къ этому присоединяется изображеніе „Преобразованія центральныхъ и провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ“, далѣе, въ четвертомъ—„Городовой строй“, въ пятомъ и послѣднемъ—„Окружное, полицейское и общинное устройство земскихъ областей“. Оба послѣдніе отдѣла заключаютъ въ себѣ вполнѣ новые очерки на основаніи матеріала, который до сихъ поръ совершенно не былъ извѣстенъ. Между тѣмъ, матеріалъ, касающійся третьяго отдѣла, уже былъ отчасти извѣстенъ, благодаря Пертцу, изъ бумагъ Штейна, хотя и не былъ еще обработанъ. Впрочемъ, отчасти и здѣсь матеріалъ новъ. Это относится въ особенности къ своеобразному учрежденію оберъ-президентовъ, созданному законодательной реформой для управленія въ провинціяхъ. Любопытные контрасты во мнѣніяхъ относительно значенія, которое слѣдуетъ придавать должности оберъ-президента, характеристично выступаютъ въ матеріалѣ, сообщенномъ Мейеромъ. Былъ ли оберъ-президентъ главнымъ начальникомъ управленія въ своей провинціи, или онъ стоялъ надъ управленіемъ какъ уполномоченный министерства—въ такомъ случаѣ это остатокъ прежнихъ провинціальныхъ министровъ,—этотъ спорный вопросъ, собственно говоря, до сихъ поръ еще не получилъ окончательнаго рѣшенія. Впрочемъ, значительный перевѣсъ находится на сторонѣ послѣдней точки зрѣнія. Организація государственнаго министерства, оберъ-президенствъ и правленій была доведена законодательной реформой до прочнаго конца и по настоящую минуту съ измѣненіями и дополненіями лежитъ въ основаніи прусскаго государственнаго управленія. Вопросъ о личной или коллегіальной системѣ для правленій уже тогда вызывалъ очень живые разсужденія и споры. Въ дѣйствительности была принята система коллегій.

Устройство городовъ было доведено до конца точно такъ же только относительно. Его историческое развитіе имѣетъ большой интересъ. Отдѣльныя ступени этого развитія впервые вполнѣ выяснены Мейеромъ. Къ этому примыкаетъ обсужденіе кореннаго значенія крайне важныхъ измѣненій, которыя городское устройство Штейна претерпѣло подъ вліяніемъ городоваго положенія 1831 года. Отношеніе представителей города къ магистрату и государственный надзоръ надъ городскимъ самоуправленіемъ, почти совершенно уничтоженный Штейномъ,—вотъ два важныхъ пункта, которые приходилось имѣть въ виду при установленіи городскаго устройства; съ перваго раза они были установлены невѣрно. Въ этомъ отношеніи коренныя измѣненія послѣдовали только послѣ движеній 1848 года. Полагали, будто бы упомянутыя городовыя положенія „создали внутри отдѣльнаго государства маленькія, почти независимыя республики, которыя въ конституціонной монархіи еще менѣе умѣстны, чѣмъ при прежнемъ государственномъ строѣ“. (Изъ отчета комиссіи палаты представителей касательно плана общиннаго устройства 1850 года).

Далѣе, до конца не была доведена и организація земская; она не окончена еще и до сихъ поръ. Предварительныя реформы были сдѣланы и для этой самой трудной части реформы. Было подробно и тщательно взвѣшено, насколько въ этомъ случаѣ возможно и полезно перенести англійскій образецъ на Пруссію; Финке былъ горячимъ защитникомъ этого идеала. Мнѣнія, поданныя по этому поводу, въ высшей степени интересны и вызываютъ цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, которые, пожалуй, еще до сихъ поръ заслуживаютъ самаго тщательнаго обсужденія. Это въ особенности относится къ сужденіямъ, которыя касаются взаимныхъ отношеній полиціи и общиннаго управленія. Въ этомъ случаѣ самый ясный и вѣрный взглядъ на интересы и нужды государства въ его отношеніяхъ къ самоуправленію по дѣламъ чисто полицейскаго характера принадлежалъ едва ли не Шёну. Это далеко не всегда можно сказать о его взглядахъ, надъ которыми всецѣло господствовала доктрина индивидуальной свободы.

Итакъ, спорный въ принципѣ вопросъ, сильно затруднявшій организацію земскаго управленія, заключался въ томъ, можно ли и въ какой степени чисто государственныя по своей природѣ полицейскія обязанности перенести на ὀрганы общиннаго самоуправленія. Но въ Пруссіи эта организація представляла еще особенное затрудненіе своеобразнаго характера, которое, вѣроятно, никогда не будетъ вполнѣ побѣждено. Это затрудненіе заключается въ недостаткѣ сельскихъ общинъ въ восточныхъ провинціяхъ прусской монархіи. Мейеръ вкратцѣ излагаетъ весь ходъ развитія, который привелъ къ такому послѣдствію. Онъ приходитъ при этомъ къ окончательному выводу, что въ этихъ областяхъ округъ нàвсегда останется самой нижней ступенью при организаціи управленія. Онъ считаетъ это даже необходимымъ, потому что отдѣльныя общины, насколько такія существуютъ, не имѣютъ достаточныхъ силъ для самостоятельной организаціи. Притомъ же въ этихъ земскихъ областяхъ преобладаютъ участки самостоятельныхъ владѣльцевъ.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній между корифеями этой реформаціонной эпохи, большія затрудненія въ двухъ указанныхъ направленіяхъ были, наконецъ, побѣждены и установленъ планъ опредѣленной организаціи. Но въ это время Штейнъ принужденъ былъ удалиться; вмѣстѣ съ этимъ рушилась и самая реформа. Его преемникамъ въ управленіи предварительныя работы показались недостаточными. Они начали повѣрку и такъ и не довели ее до конца. О выходѣ Штейна въ отставку авторъ отзывается какъ о событіи, которое имѣло неисчислимое значеніе для дальнѣйшаго развитія прусскаго государства. Вообще, трудъ Мейера обнаруживаетъ большую тщательность въ историческихъ подробностяхъ и практическій смыслъ къ задачамъ и интересамъ государства въ его отношеніяхъ къ началамъ самоуправленія. Характеристика государственныхъ людей, стоящихъ во главѣ реформаціоннаго движенія, написана въ

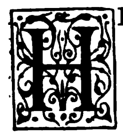
крупныхъ чертахъ и съ большимъ искусствомъ. Съ другой стороны, заслуживаетъ особеннаго вниманія, что, сосредоточившись на крупныхъ дѣятеляхъ реформы, Мейеръ не упустилъ изъ виду и заслугъ маленькихъ людей.





КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Дополненіе I-е. Составлено, по порученію комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ-Экономическомъ Обществѣ, спеціальною комиссіею. Спб. 1882.

ЕЛЬЗЯ не сочувствовать задачѣ, которую принялъ на себя Комитетъ Грамотности. Задача дѣйствительно очень важная и, прибавимъ, для разрѣшенія, очень трудная. Само собой понятно, что мы не можемъ принять на себя смѣлости заняться разсмотрѣніемъ вопроса, въ какой степени упомянутая задача исполняется спеціальною комиссіею, состоящею изъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ педагогическихъ дѣятелей, неизвѣстныхъ по крайней мѣрѣ для большинства нашего общества; не принимаемъ на себя смѣлости при томъ условіи, что наша настоящая рецензія заключена въ самыя тѣсныя рамки. Мы тѣмъ болѣе находимся въ тѣсныхъ предѣлахъ по отношенію къ нашей рецензіи, что предметомъ ея является лишь историческій отдѣлъ систематическаго обзора русской народно-учебной литературы.

Но мы рѣшаемся, по отношенію ко всему упомянутому изданію Комитета Грамотности, сдѣлать одно существенное замѣчаніе, не пускаясь въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ его достоинствъ и недостатковъ, а именно слѣдующее: намъ кажется, что господа педагоги, взявшіеся за составленіе руководящихъ статей въ изданіи Комитета Грамотности, очень мало знакомы съ народной школой и ея требованіями, ибо статьи ихъ, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ трудны для пониманія народнымъ учителямъ и могутъ породить только верхоглядство, привычку болтать о томъ, чего не въ силахъ принять сознаніемъ. Спрашиваемъ: изъ какихъ элементовъ состоитъ большинство народныхъ учителей? Большинство ихъ состоитъ изъ недоучившихся гимназистовъ и семинаристовъ; имѣется не мало и такихъ, которые прошли лишь курсъ уѣзднаго училища, кое-какъ подучившіеся, чтобы выдержать экзаменъ на элементарнаго учителя. Къ этому необходимо прибавить, что самая ничтожная цифра

изъ нихъ, до такой степени ничтожная, что о ней не стоитъ и упоминать, посвятила себя дѣлу начальнаго обученія по призванію, большая же часть отдаются учительской дѣятельности изъ стремленія обезпечить себя кускомъ хлѣба и пріобрѣсти гражданскія права, изъ которыхъ одно изъ важнѣйшихъ—свободу отъ воинской повинности. Затѣмъ, имѣется ничтожное число учительницъ, кончившихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ; онѣ, конечно, считаются единицами. Кончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ составляютъ, какъ извѣстно, процентъ самый незначительный, да при этомъ необходимо взять въ соображеніе и то обстоятельство, что программы учительскихъ семинарій не широкихъ размѣровъ, очень мало превышающія курсъ уѣздныхъ училищъ. Курсъ обученія въ учительскихъ семинаріяхъ въ иныхъ четырехгодичный, въ иныхъ трехгодичный, а есть, какъ напримѣръ въ петербургской земской семинаріи, двухгодичный, изъ которыхъ годъ посвящается практическимъ занятіямъ; такъ что на занятія теоретическимъ курсомъ остается лишь одинъ годъ, что, разумѣется, съ педагогической точки зрѣнія, представляетъ явленіе трудно объяснимое, особенно при томъ условіи, что программы упомянутой семинаріи выполнимы не менѣе, какъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ.

Принимая въ соображеніе всѣ вышеупомянутыя данныя, кажется, можемъ сказать, что руководящія статьи „Обзора“ едва ли принесутъ пользу мало умственно развитымъ и мало подготовленнымъ со стороны фактической народнымъ учителямъ. Для подтвержденія нашей мысли укажемъ на очень длинную руководящую статью по исторіи, которая, такъ сказать, находится въ „Обзорѣ“ въ завѣдываніи г. Михайловскаго и которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашему журналу, т. е. „Историческому Вѣстнику“. Для кого годна, составленная г. Михайловскимъ программа по этому предмету, со всѣми ея философскими взглядами? Конечно, только для учениковъ высшихъ классовъ гимназіи, но уже никакъ не для народнаго учителя, въ предметъ занятій котораго, во-первыхъ, преподаваніе исторіи, какъ извѣстно, не входитъ; во-вторыхъ, если въ иныхъ школахъ (намъ извѣстныхъ) и передаются дѣтямъ историческія свѣдѣнія, то не иначе, какъ въ самыхъ короткихъ эпизодическихъ разсказахъ, признаваемыхъ учителемъ особенно важными, ибо, по недостатку времени, положительно не представляется возможнымъ даже и помыслить о преподаваніи исторіи въ народной школѣ въ строго-систематическомъ порядкѣ или въ объемѣ, предлагаемомъ г. Михайловскимъ, въ статьѣ котораго даже разсмотрѣны всѣ способы преподаванія исторіи, какъ-то: 1) регрессивный или ретроспективный, 2) прогрессивно-хронологическій, 3) культурно-историческій, 4) коллективно-календарный, 5) коллективно-категорическій и проч. Можемъ увѣрить, что читатель „Обзора“, который дѣйствительно знаетъ нашу народную школу, знаетъ народныхъ учителей, невольно улыбнется при чтеніи всей упомянутой премудрости, особенно при томъ условіи, что всѣ означенныя названія оставлены безъ перевода. Такъ какъ всѣ эти методы развиты у г. Михайловскаго очень подробно, то легко себѣ представить ту кашу, которая заварится въ бѣдной головѣ сельскаго учителя, мало учившагося, не перешагнувшаго далѣе начальнаго курса. Повторяемъ, что статья г. Михайловскаго, для ея вполнѣ сознательнаго усвоенія, требуетъ хорошаго, основательнаго знанія исторіи и вообще университетскаго образованія, и въ изданіи, подобномъ упомянутому „Обзору“, она совершенно не на мѣстѣ. Мы сохраняемъ твердое убѣжденіе, что фразы г. Михайловскаго, въ родѣ слѣдующихъ: „съ своей стороны мы совѣтовали бы ему (т. е. народному учителю)

при чтеніи (т. е. историческихъ сочиненій, кстати замѣтимъ, очень доступныхъ учителю, который иногда не можетъ купить, не имѣя денегъ, руководства къ грамматикѣ или ариѳметикѣ), совѣтовали бы обратить, прежде всего, вниманіе на уясненіе правильнаго, современнаго взгляда на историческую науку, — подобныя фразы и остаются фразами, безъ малѣйшаго значенія.

Далѣе г. Михайловскій прибавляетъ: „А свѣдѣнія объ этомъ (т.-е. о правильномъ современномъ взглядѣ на историческую науку), онъ найдетъ, между прочимъ, въ небольшой (всего 69 стран.), но многосодержательной статьѣ: „Общія понятія о наукѣ вообще и объ исторической наукѣ въ особенности“, помѣщенной въ сборникѣ Стасюлевича „Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ“. Остается только порадоваться за это простое, скорое и недорогое средство усвоить правильный взглядъ на современную историческую науку; особенно радуемся потому, что это не хитрое средство предлагается учителю, знакомому съ русской и всеобщей исторіями по краткимъ учебникамъ Иловайскаго и Рождественскаго. Легко сказать: усвоить правильный взглядъ на современную науку. Поучись въ уѣздномъ училищѣ и усвоишь. Какое бы большое спасибо сказали подобному изданію, какъ „Обзоръ“, наши народные учителя, если бы, вмѣсто упомянутой мудреной статьи г. Михайловскаго, они могли прочитать указанія совершенно простыя, примѣненныя къ ихъ степени знаній по исторіи, къ ихъ степени умственнаго роста; могли бы прочитать указанія, принявшія въ соображеніе и значеніе нашей народной школы, какъ школы начальной, очень недалеко ушедшей отъ школы грамотности, каковая, въ сущности, въ настоящее время только и требуется, и краткость времени для занятій, о чемъ кабинетные руководители народной школы не имѣютъ и представленія. Мы вообще любимъ скакать на почтовыхъ въ дѣлѣ прогресса и непремѣнно хотимъ дотянуть народную школу до маленькаго университета.

Извиняясь предъ читателями за то, что увлеклись бесѣдой о руководящей статьѣ по исторіи, мы обращаемся къ дополненію, къ систематическому обзору русской народно-учебной литературы, поставленному въ заголовкѣ нашей рецензіи.

Въ дополненіи разсматриваются пособія для учителей, наглядныя пособія, книги для чтенія по всякому отдѣлу учебнаго курса, въ томъ числѣ и по исторіи. Такъ какъ въ короткихъ рецензіяхъ „Обзора“ встрѣчаются исключительно отзывы благопріятные для авторовъ, то изъ этого мы можемъ заключить, что книги, не заслуживающія, по своимъ недостаткамъ, критики, исключены изъ разсмотрѣнія. Съ такимъ взглядомъ на дѣло, пожалуй, можно согласиться, хотя въ этомъ случаѣ нельзя безусловно положиться на какое бы то ни было личное мнѣніе. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе и болѣе согласно съ справедливостью, если бы вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли та или другая книга рецензіи, разсматривался въ комиссіи, а не разрѣшался однимъ лицемъ. Старая истина: quot capita tot sensa, т.-е. сколько головъ, столько умовъ. Такъ, напримѣръ, въ „Обзорѣ“, по отдѣлу исторіи, мы, по личнымъ нашимъ взглядамъ, никакъ не можемъ согласиться съ г. рецензентомъ по вопросу о книгахъ г. Иванова: „На походѣ“, „Бой подъ Плевной за Зеленыя Горы“, „Зимой черезъ Балканы“, „Въ обходъ Шипки въ декабрѣ 1877 г.“, „Зимой черезъ Балканы“, „Послѣдній бой подъ Шипкой 28 декабря 1877 г.“ Рецензентъ даетъ слишкомъ большое значеніе этимъ трудамъ г. Иванова, утверждая,

„что авторъ упомянутыхъ разсказовъ, какъ составитель книжекъ для народнаго и солдатскаго чтенія, въ настоящее время не имѣетъ у насъ соперниковъ. Писатель, несомнѣнно талантливый, начитанный и литературно-образованный, онъ въ то же время отлично знаетъ характеръ и бытъ простолюдина, а въ особенности, солдата". По нашему же крайнему разумѣнію, никакого особеннаго таланта въ г. Ивановѣ не имѣется или, во всякомъ случаѣ, онаго таланта мы въ его произведеніяхъ не видимъ. Соперниковъ у него дѣйствительно нѣтъ, но по причинѣ очень простой: совершенно не имѣется писателей, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ, которые подвизались бы съ успѣхомъ на поприщѣ чисто народной литературы или солдатской. Говорятъ, что на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, но мы думаемъ, что такое дворянство не особенно почетно. Можно ли назвать талантливымъ писателемъ того, произведенія котораго хотя и читаются, но очень скоро забываются, ибо нѣтъ въ нихъ крѣпости, силы, художественности, присущихъ истинному таланту. Мало ли сколько каждому изъ насъ приходится прочитать на своемъ вѣку. Послѣ иного чтенія говоришь самъ себѣ: „да, прочитано не безъ интереса"; а потомъ кладешь книгу и, съ теченіемъ времени, и имя автора и его произведеніе испаряются, какъ испаряется не малое число именъ и различныхъ литературныхъ произведеній. На титулъ „талантливый" нельзя быть расточительнымъ, ибо это титулъ большой и требуетъ несравненно болѣе права, чѣмъ можетъ предъявить г. Ивановъ. Всѣ книги по исторіи г. Гуревича заслужили со стороны рецензента вполнѣ благопріятные отзывы, хотя, по нашему мнѣнію, произведенія этого писателя представляютъ не мало и слабыхъ сторонъ, о которыхъ слѣдовало бы сказать пообстоятельнѣе, чѣмъ говоритъ о нихъ г. Михайловскій. Вообще, въ рецензіяхъ, нами разсматриваемыхъ, много общихъ фразъ, положительно ничего не доказывающихъ. Общія фразы у рецензентовъ обыкновенно встрѣчаются въ тѣхъ случаяхъ, когда книга, подлежащая рецензіи, не представляетъ ни особенныхъ достоинствъ, ни особенныхъ недостатковъ. Нѣтъ необходимости долго доказывать, что авторъ рецензій и въ данномъ случаѣ остается вѣренъ усвоенному имъ взгляду на народныхъ учителей. Если г. Михайловскій и не авторъ рецензій, то, во всякомъ случаѣ, онѣ составлены подъ его редакціею, какъ значится въ замѣткѣ, подъ отдѣломъ. Слѣдовательно, онъ болѣе или менѣе солидаренъ со взглядами составителей рецензій.

Повторяемъ, что рецензіи равнымъ образомъ мало доступны народнымъ учителямъ, какъ, напримѣръ, разсужденіе о томъ, что личность Грознаго если и заслуживаетъ обстоятельнаго изученія, то только лишь съ точки зрѣнія психологической и даже психіатрической, но никакъ не съ исторической, каковой взглядъ на личность Грознаго совершенно безполезенъ для нашего народнаго учителя, который, какъ и его школа, пока можетъ совершенно обойтись безъ этихъ тонкостей. Мы, опираясь на все вышесказанное, полагаемъ, что комиссія, занимающаяся составленіемъ „Обзора", достигла бы болѣе благихъ результатовъ, если бы преслѣдовала не двѣ цѣли, какъ она преслѣдуетъ теперь, т.-е. издаетъ свои труды и для народныхъ учителей и для лицъ, близко поставленныхъ къ дѣлу народнаго образованія. Мы считаемъ, на основаніи данныхъ, нами уже высказанныхъ, совершенно несовмѣстимыми означенныя двѣ цѣли и опять скажемъ, что невѣрный взглядъ нѣкоторыхъ членовъ этой комиссіи происходитъ положительно отъ малаго ихъ знакомства съ народной школой. Можно поручиться, что если бы членомъ комиссіи былъ педагогъ баронъ Корфъ и лица ему подобныя, близко стоящія къ народной школѣ, то

„Обзоръ“ получилъ бы совершенно другое направленіе, болѣе отвѣчающее современнымъ требованіямъ народной жизни.

Настоящій трудъ комиссіи можетъ быть пригодится народной школѣ лѣтъ черезъ пятьдесятъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не выразить недоумѣнія, что комиссія издала дополненіе I-ое, вслѣдствіе чего имѣемъ основаніе предполагать о возможности появленія и другихъ дополненій. Намъ кажется, что наша народноучебная литература не особенно богата, слѣдовательно, весь „Обзоръ“ могъ бы помѣститься въ одномъ томѣ. Остается утѣшаться тѣмъ, что мы очень богаты хорошими народно-учебными литературными произведеніями.

К. Л.

Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ (1805—1850). А. Бѣляева. Спб. 1882.

Болѣе полустолѣтія отдѣляетъ насъ отъ событія 14-го декабря; втеченіе этого полувѣка многое измѣнилось въ Россіи,—какъ характеръ общественной жизни, такъ и общественные интересы въ значительной степени стали другими: нѣтъ болѣе ни помѣщиковъ, ни „крѣпостныхъ“; общественное мнѣніе начинаетъ зарождаться, а съ нимъ ростетъ и политическая пресса... Но, не смотря на совершившуюся перемѣну, повидимому, еще не наступило время для беспристрастной оцѣнки событія 14-го декабря. Исторія этого времени еще впереди,—быть можетъ, только наши внуки получатъ возможность, на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ, вполнѣ оцѣнить значеніе для русской жизни того тревожнаго времени, которое пережили наши отцы и дѣды въ первой четверти этого столѣтія. Однако, вниманіе, съ которымъ образованное общество встрѣчаетъ мемуары нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ декабристовъ, кажется, служитъ яснымъ доказательствомъ того нравственнаго вліянія, которое „декабрская смута“ оказала на послѣдующій періодъ.

Въ виду этого „Воспоминанія“ г. Бѣляева, навѣрное, будутъ встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ, несмотря на то, что авторъ „Воспоминаній“ вовсе не принадлежалъ къ вожакамъ движенія, не былъ даже членомъ какого нибудь тайнаго общества и былъ вовлеченъ въ водоворотъ политической смуты почти случайно. Въ самомъ дѣлѣ, какая-то „роковая сила“ направляла этого еще незрѣлаго юношу, едва достигшаго 22-хъ-лѣтняго возраста, съ пылкими, но неопредѣленными стремленіями, съ честными, но неустановившимися убѣжденіями,—къ тому шагу, который онъ самъ же оплакиваетъ въ первое время своего заключенія въ крѣпости. Не доказываетъ ли намъ этотъ примѣръ, какъ и тысячи другихъ, что данное историческое „повѣтріе“ является не deus ex machina, не въ силу фантазіи или энтузіазма того или другого дѣйствующаго лица, но подготовляется медленно и неуклонно всѣмъ ходомъ жизни, разъ она переросла свои бытовыя, юридическія и общественныя формы. Дѣйствительно, такъ называемое „либеральное“ движеніе, со времени вступленія на престолъ Александра I-го вплоть до 55 года, шло не прерываясь, и если, подъ вліяніемъ „независящихъ обстоятельствъ“, русло этого „либеральнаго“ потока мѣняло свое направленіе, а самый потокъ скрывался въ подпочвѣ и даже, повидимому, вовсе изсякалъ,—то это обстоятельство нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу того, что „колесо исторіи“ можетъ быть повернуто назадъ,

а лишь подтверждаетъ давно извѣстную истину, что борьба новаго начала съ старымъ идетъ въ исторіи не непрерывно, но съ послабленіями и реакціями, пока новыя формы жизни не сдѣлаютъ анахронизмомъ стараго начала, умирающаго вслѣдствіе собственной ветхости и несоотвѣтствія съ наличными условіями жизни.

Принесенныя къ намъ съ Запада идеи о „правахъ человѣка", развившійся на западно-европейской почвѣ скептицизмъ въ области науки и философіи, вмѣстѣ съ стремленіемъ воплотить въ жизни идеалъ „всеобщаго счастія и братства"—не могли не найти себѣ отклика среди нашего образованнаго сословія. „Жить по-старому" стало уже невозможно для людей, развившихъ въ себѣ другія нравственныя потребности и питавшихъ иныя вѣрованія, чѣмъ тѣ, которыми довольствовалось поколѣніе „временъ Очакова и покоренья Крыма"; а между тѣмъ, основной фонъ русской жизни оставался все тотъ же—крѣпостничество и безправіе царили въ обществѣ! Такимъ образомъ, кружокъ лучшихъ людей тогдашняго образованнаго общества,—жившій все же отъ трудовъ „крѣпостныхъ" рукъ, — долженъ былъ, такъ сказать, совершить политическое самоубійство: поступиться своими привиллегіями и отказаться отъ власти, которую законъ давалъ ему надъ личностью и собственностью другого человѣка. Понятно, что дворянство, какъ сословіе, не могло слѣдовать за такими эксцентрическими „вольнодумцами": исторически сложившаяся формула „житья безъ хлопотъ" не могла помириться съ донъ-кихотствомъ тѣхъ графовъ, которые, по выраженію Ростопчина, вдругъ захотѣли сдѣлаться сапожниками. Не мудрено, что движеніе 20-хъ годовъ могло произвести только мелкую зыбь на поверхности общества, — компромиссъ между „вольнодумцемъ", возмущавшимся крѣпостничествомъ, и рабовладѣльцемъ, защищавшимъ „жизнь безъ хлопотъ", конечно, не могъ имѣть мѣста: дворянство, какъ сословіе, не могло сочувствовать предложенію совершить добровольно политическое самоубійство; оно держалось до тѣхъ поръ за свои права и привиллегіи, пока сама жизнь не превратила эти права въ гнилушки, лишенныя всякаго реальнаго значенія... Крѣпостной трудъ, становившійся все болѣе и болѣе непроизводительнымъ, не могъ обезпечить фиску безнедоимочныхъ взносовъ податей; дворянство быстро шло къ разоренію, опекунскій совѣтъ, съ его дешевымъ кредитомъ, не могъ остановить этого разоренія: старая форма производства должна была, наконецъ, для всѣхъ обнаружить свою полную несостоятельность. Но въ 20-хъ и 30-хъ годахъ мы еще вѣрили въ плодородіе „житницы Европы" и предавались сладкимъ мечтамъ по поводу патріархальныхъ, почти идиллическихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Крымская кампанія показала, что „вольнодумцы" были прозорливѣе Ростопчина: пришлось, волей-неволей, сознаться, что старый идеалъ „житья безъ хлопотъ" былъ никуда не годенъ... Но кто бы повѣрилъ въ 20-хъ годахъ, что тридцати лѣтъ будетъ достаточно чтобы похоронить крѣпостное право, что мечты вольнодумцевъ о „правахъ человѣка" не умрутъ, а возникнутъ въ новой формѣ и заставятъ не въ шутку подумать о томъ, почему намъ не удавалось основать благоденствія и спокойствія на почвѣ безправія!

Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ причины, которыя изолировали передовыхъ людей 20-хъ годовъ, вотъ гдѣ разгадка того обстоятельства, что „либеральныя" идеи, возвѣщенныя съ высоты трона императоромъ Александромъ I-мъ, не нашли и не могли найти отголоска въ средѣ дворянства... даже гораздо позднѣе, — когда „либералами" стали величать себя безъ разбору всѣ поголовно,

въ томъ числѣ и помышлявшіе объ освобожденіи крестьянъ „безъ земли",— истинные защитники свободы не нашли достаточно подготовленной почвы; вѣроятно, старый идеалъ „житья безъ хлопотъ" успѣлъ пустить очень цѣпкіе корни въ русскую почву. Со времени нашего увлеченія „свободолюбивыми мечтами", очень многіе изъ числа проповѣдниковъ свободы и братства не брезговали округлять свои капитальцы на счетъ опекаемыхъ братій:

„..... И глядишь, нашъ Лафаэтъ,
Брутъ или Фабрицій —
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей".

Такимъ образомъ, вся исторія русскаго общества встала стѣной передъ попыткой „идеалистовъ-мечтателей" 20-хъ годовъ достигнуть „всеобщаго благоденствія"; сразить крѣпостное право не удалось небольшой горсти людей, которая готова была отдать не только свое имущество, но и самую жизнь для блага своей родины... Эта любовь къ своему народу не была у нихъ одною фразою: она поддерживала ихъ въ ссылкѣ, она и до сихъ поръ живетъ въ тѣхъ изъ нихъ, кого еще не поглотила могила!

Но если мы не видимъ осязательныхъ результатовъ той борьбы, которую вели передовые люди 20-хъ годовъ съ общественною неправдою, то отсюда еще не слѣдуетъ, что это движеніе было безплодно: разъ зародившаяся идея не умирала, а росла съ каждымъ десятилѣтіемъ; способность „стыдиться" своего привиллегированнаго положенія передавалась отъ одного поколѣнія къ другому,—то, что было нравственнымъ достояніемъ немногихъ, стало, наконецъ, общею собственностію. „Свободолюбивыя мечты" не остались только въ средѣ единичныхъ личностей богатаго образованнаго класса: онѣ просачивались съ каждымъ годомъ все глубже и глубже въ подлежащіе общественные слои; уровень нравственныхъ потребностей вслѣдствіе этого значительно поднялся, такъ какъ въ этихъ слояхъ мы не замѣчаемъ того раскола, который былъ очевиденъ въ верхнихъ слояхъ... Тутъ ужъ не графы стремились сдѣлаться сапожниками, а неимущіе и обездоленные люди искали возможности пристроить себя къ такому дѣлу и добиться такого заработка, который не противорѣчилъ бы общему благосостоянію. Однимъ словомъ, вопросъ о „правахъ человѣка" перешелъ изъ отвлеченной области въ живую, дѣйствительную сферу, гдѣ экономическая задача „личнаго заработка" оказалась въ тѣснѣйшей связи съ требованіемъ тѣхъ „правъ", безъ которыхъ не можетъ существовать ни общественное спокойствіе, ни дружная, совмѣстная работа для блага родины. Такимъ образомъ, идеи лучшихъ людей 20-хъ годовъ нашли себѣ откликъ; мало того, онѣ живутъ и множатся, расширяясь и овладѣвая массою; а если это справедливо, то громадное значеніе движенія 20-хъ годовъ должно стоять внѣ всякаго сомнѣнія, хотя, повторяемъ, вполнѣ оцѣнить это значеніе мы, при наличныхъ матеріалахъ, еще не имѣемъ возможности.

Силу идейнаго движенія 20-хъ годовъ испыталъ на себѣ авторъ „Воспоминаній", Александръ Петровичъ Бѣляевъ. Хотя онъ родился отъ бѣдныхъ родителей, но случайность (дружба его сестры съ княжною Гагариной, впослѣдствіи княгиней Долгоруковой) бросила его въ среду богатыхъ и счастливыхъ людей: княгиня Долгорукова взяла его на свое попеченіе, а мужъ ея, по совѣту адмирала Шишкова, помѣстилъ мальчика въ морской корпусъ. По ходатайству того же Долгорукова, Бѣляевъ поступаетъ въ гвардейскій экипажъ и въ качествѣ младшаго офицера участвуетъ въ нѣсколькихъ практическихъ

плаваніяхъ—именно къ берегамъ Исландіи, во Францію и Испанію. Молодой офицеръ постоянно посѣщаетъ домъ князя Долгорукова, вращается въ высшемъ кругу и среди веселой и пріятной жизни находитъ досугъ читать и заниматься.

Знакомство Бѣляева съ братьями Недоброво (гвардейскими офицерами), съ которыми онъ жилъ одно время въ Петербургѣ, оказало сильное вліяніе на его образъ мыслей. „Хотя въ этой новой жизни, говоритъ авторъ, я вступилъ въ среду очень пріятнаго, образованнаго и рыцарски благороднаго общества офицеровъ гвардіи того времени, людей, принадлежавшихъ къ высшему кругу, очень изящныхъ... но понятія которыхъ о жизни, нравственныхъ началахъ, религіи, носили печать того времени, а эта печать была чистое отрицаніе вѣры... Легкія натуры предавались всякимъ возможнымъ наслажденіямъ до упоенія, а болѣе положительныя уже смотрѣли критически на все ихъ окружающее. Порицали мелочной педантизмъ службы, военный деспотизмъ, смѣшную шагистику, доходившую до крайности, безправіе, подкупность, фактическое рабство народа, льстецовъ и всѣ, дѣйствительно существовавшія, язвы".

У Недоброво была большая библіотека ихъ отца, состоявшая изъ многихъ французскихъ классическихъ и другихъ сочиненій. Бѣляевъ тутъ познакомился съ сочиненіями Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ, началъ переводить L'homme sauvage Meriey и „съ неопытнымъ, еще мало образованнымъ умомъ скоро допустилъ въ свои мысли порядочную долю тогдашняго скептицизма".

„Изъ „Философскаго лексикона" Вольтера, говоритъ авторъ, болѣе всего подѣйствовали на меня „Фанатизмъ" и другія въ такомъ родѣ статьи".

Во время практическихъ плаваній, авторъ, какъ сказано, посѣтилъ Францію и Испанію. Лично ознакомившись съ европейскою жизнію, онъ, понятно, съ грустью видѣлъ, что Россія очень далеко отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей. „Послѣ нашего плаванія въ Испанію, говоритъ онъ, гдѣ мы видѣли подвижниковъ испанской свободы, гдѣ сошлись съ свободолюбивыми англичанами, гдѣ слушали маршъ Ріего и съ восторгомъ поднимали бокалы въ его память, мы, конечно, сдѣлались еще бо́льшими энтузіастами свободы. Съ поступленіемъ въ нашу 2-ю дивизію командиромъ великаго князя Михаила Павловича, шагистика стала принимать еще бо́льшіе размѣры, что еще больше раздражало насъ всѣхъ".

При такихъ обстоятельствахъ, Бѣляеву пришла мысль поступить вмѣстѣ съ братомъ капитаномъ одного коммерческаго американскаго судна; оставалось только получить отпускъ, но... „мечты объ океанѣ, о возможности пріобрѣсти что нибудь для себя и матери разлетѣлись, осталась одна дѣйствительность, очень неутѣшительная, дѣйствительность, отъ которой мы и хотѣли бѣжать въ объятія океана, чтобы не видѣть всего того, что возмущало и раздражало; но тутъ какая-то неодолимая сила влекла насъ именно туда, въ ту пучину, которая должна была поглотить насъ".

Описанію „несчастнаго событія 14-го декабря" авторъ предпосылаетъ небольшой очеркъ того времени, которое „должно было, рано или поздно, привести къ чему-нибудь подобному, если еще не къ худшему" [1]).

Первые члены тайнаго общества, какъ извѣстно, были большею частію военные, прошедшіе побѣдоносно Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ

---

[1]) См. гл. X.

европейскою цивилизаціей, они „естественно желали и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй, и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи... Въ періодъ времени съ 1820 года до смерти Александра I-го либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка. Частыя колебанія самого правительства между мѣрами прогрессивными и реакціонными еще болѣе усиливали желаніе положить конецъ тогдашнему порядку вещей".

Появилась комедія „Горе отъ ума" и ходила по рукамъ въ рукописи; „слова Чацкаго: „всѣ распроданы по одиночкѣ" приводили въ ярость; это закрѣпощеніе крестьянъ, 25-ти-лѣтній срокъ солдатской службы, считались и были въ дѣйствительности безчеловѣчными... Разсказы о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушные сборы чуть не пытками, анекдоты о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Аракчеева; разсказывали также, какъ такой-то помѣщикъ по очереди насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ; какъ жестоко нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти. Можно себѣ представить, какое потрясающее дѣйствіе производили всѣ эти разсказы, приводимые какъ факты, на умы и сердца!" [1]).

Всѣ эти явленія, наравнѣ съ господствовавшими въ судахъ кривосудіемъ и взяточничествомъ, приводили къ невольному заключенію, что „все приходитъ въ разстройство и все это, какъ всѣ знали, при лучшемъ и либеральнѣйшемъ императорѣ!.. Такъ всѣ думали и убѣждались въ томъ, что все это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго порядка вещей, въ которомъ не признавались ничьи права передъ сильнѣйшимъ; въ которомъ старшій, кто бы онъ ни былъ, всегда былъ не начальникомъ, а властелиномъ и господиномъ младшаго—сильный слабаго, богатый бѣднаго; въ которомъ никто не могъ сослаться на свое право, потому что никакого права не было. Казалось бы, дворянство имѣло дарованныя и утвержденныя за нимъ права, но еслибъ кто нибудь сослался тогда на эти права, то это было бы сочтено за бунтъ (!). Такимъ образомъ, вся Россія—заключаетъ авторъ—дѣлилась на два разряда: на властителей и рабовъ, по очереди" [2]).

Легко себѣ представить, какъ жилось и чувствовалось тогда человѣку, который имѣлъ понятіе о другой жизни, который за-границею встрѣчалъ иныя правовыя понятія. Закрѣпощеніе крестьянъ неизбѣжно налагало отпечатокъ на всю тогдашнюю жизнь и обращало самихъ властителей въ рабовъ!.. Въ обществѣ не было развито ни чувство личной чести, ни уваженіе къ труду; „случай" дѣлалъ все, „протекція" замѣняла знанія и способности. Кто не хотѣлъ купаться въ этомъ грязномъ омутѣ и жить на счетъ казны или мужика, тотъ долженъ былъ задыхаться въ томъ безвоздушномъ пространствѣ, которое создавала вокругъ него тогдашняя жизнь. Послѣ этого, понятно, желаніе автора броситься въ объятія океана, чтобы не знать, не видѣть, не чувствовать той „дѣйствительности", отъ которой приходилось жутко не одному поколѣнію образованныхъ людей. Выросши въ подобной средѣ, человѣкъ „привиллегиро-

---

[1]) Стр. 156.

[2]) Стр. 156.

ванный" чувствовалъ, что онъ самъ какъ бы играетъ роль „попустителя", такъ какъ его близкіе—иногда отецъ и мать—нисколько не смущаясь, запускали руку въ казенный сундукъ, или, по крайней мѣрѣ, распоряжались трудомъ и личностью „крѣпостнаго", какъ своею собственностію. Куда можно было скрыться отъ этой страшной безурядицы, какъ можно было спасти себя отъ заразы, которая окружала вплотную; наконецъ,—что самое главное,—какимъ „честнымъ" трудомъ можно было обезпечить существованіе свое и своего семейства, когда кромѣ чиновничества и солдатчины почти не было профессій! Кто не имѣлъ собственной деревеньки или богатаго патрона, тотъ долженъ былъ испытывать всю прелесть роднаго самодурства и крѣпостнаго безначалія: у васъ не только могли безнаказанно оттягать собственность, но даже, если хотѣли, могли наносить нравственныя оскорбленія. Этотъ ужасный деспотизмъ „темнаго царства", — такъ ярко обнаруженный Добролюбовымъ, — вошелъ во всѣ пóры русскаго общественнаго быта: среди криковъ и стоновъ многомилліонной толпы, лишенной всякаго права, затеривался всякій протестъ, замирали слова проклятія... Это такая язва, которая очень и очень медленно покидаетъ общественный организмъ: его не излечить даже хорошимъ писаннымъ закономъ, такъ какъ общество извѣрилось въ „законъ". Тамъ, гдѣ отсутствуетъ свободное проявленіе общественнаго мнѣнія, гдѣ люди ходятъ ощупью и боятся собственнаго голоса, гдѣ никто не рѣшится заступиться за обиженнаго, чтобы „не попасть въ исторію", гдѣ всякій разсчитываетъ только на „случай" и не надѣется на общественную поддержку, какъ бы ни былъ онъ правъ,—тамъ жизнь превращается въ прозябаніе для однихъ, въ пытку одиночнаго заключенія для другихъ и невыносимую тяготу для третьихъ. Только при полусознательномъ прозябаніи можетъ еще человѣкъ тянуть подобную лямку, не чувствуя острой боли и постояннаго недовольства: пріученный исторіею къ пассивному подчиненію и считая чуть ли не за законъ природы подобную жизненную практику, русскій человѣкъ могъ сносить почти безропотно свое положеніе; но, разъ увидавши иные порядки, подышавъ воздухомъ свободы, развивъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства, онъ не могъ пребывать въ прежнемъ „довольномъ" состояніи,—прелести его привиллегированнаго положенія бросались ему глаза, а знакомый окрикъ: „не разсуждать, повиноваться!" который ему такъ надоѣдалъ всю жизнь отъ колыбели до могилы, леденилъ кровь въ его жилахъ. Отсутствіе воздуха и свѣта въ этомъ „темномъ царствѣ" убивало всякую чуткость къ общественному интересу; изъ боязни за свою личную безопасность, каждый молчалъ, даже въ виду самой открытой споліаціи.

Такимъ образомъ, „не одно тайное общество — говоритъ Бѣляевъ, а много другихъ обстоятельствъ производили въ русскомъ обществѣ той эпохи то недовольство и то броженіе, которое выразилось въ происшествіи 14-го декабря. Можно сказать даже, что самъ покойный великодушный императоръ Александръ Павловичъ какъ бы косвенно положилъ ему основаніе. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ либеральнымъ взглядомъ онъ вступилъ на престолъ, какъ старался онъ просвѣтить свой народъ учрежденіемъ повсемѣстныхъ школъ, какъ онъ началъ освобожденіе крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя это освобожденіе и оказалось фиктивнымъ; какъ заявилъ онъ въ манифестѣ своемъ, послѣ знаменитой войны, свои желанія и для русскаго народа совершить современемъ то, что совершилъ онъ тогда для Польши, даровавъ ей представительное правленіе"... Но, разъ ставши на эту

дорогу, остановить эту умственную работу онъ уже былъ не въ силахъ. На время только остановилъ ее преемникъ его, императоръ Николай, и то благодаря несчастному 14-му декабря, которое, бывъ задушено, распространило панику на все образованное общество и сдѣлало бо́льшую часть его, можетъ быть, лицемѣрно вѣрнѣйшими подданными и ревностными поборниками status quo".

Кажется, никто не станетъ отрицать, что это „лицемѣрное" искорененіе зла, которому послѣ 14-го декабря съ такою охотою предалось русское образованное большинство, было въ дѣйствительности далеко отъ той цѣли, которую оно провозглашало. „Общественное спокойствіе" для этихъ ревностныхъ поборниковъ „правды и строгости" выражалось лишь въ возможности подъ шумокъ обдѣлывать свои личныя дѣлишки, иногда весьма неказистаго свойства: подавить всякую общественную мысль, чтобы безконтрольно и безпечально опустошать казну и народную ниву—вотъ цѣль, къ которой они стремились... но, въ концѣ-концовъ, все-таки общественная мысль восторжествовала, а лицемѣрные охранители „отечественныхъ интересовъ" обнаружили свои настоящія поползновенія во время достопамятной крымской кампаніи.

„Но чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція, говоритъ далѣе Бѣляевъ, тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе. Особенно это замѣтно было въ гвардіи, гдѣ недовольныхъ было множество, да иначе и быть не могло, потому что недовольныхъ составляли всѣ почти мыслящіе образованные люди, которые не могли не видѣть всѣхъ безобразій тогдашняго порядка вещей" [1]).

Тотъ кружокъ, къ которому принадлежали А. П. Бѣляевъ и его братъ, былъ очень не великъ. Особенно сильное вліяніе на братьевъ въ этомъ тѣсномъ кружкѣ оказывалъ Д. И. Завалишинъ, воспитывавшійся въ томъ же морскомъ корпусѣ. Завалишинъ сообщилъ имъ, что онъ состоитъ членомъ одного изъ заграничныхъ тайныхъ обществъ, подъ названіемъ „Ордена возстановленія", отъ котораго онъ имѣетъ полномочіе набирать членовъ въ Россіи. По словамъ Завалишина, имъ былъ представленъ государю проектъ устройства и укрѣпленія мѣстечка Россъ въ Калифорніи, — это-то мѣстечко, населившись, и должно было сдѣлаться ядромъ русской свободы. „Какимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ, ничтожная колонія Тихаго океана могла имѣть какое нибудь вліяніе на судьбу такого громаднаго государства, какъ Россія, тогда это критическое воззрѣніе не приходило намъ въ голову, — до такой степени мы были дѣтьми. Мы мечтали, строили воздушные за́мки, а какъ эти замки будутъ держаться на воздухѣ — мы вовсе не думали объ этомъ!" [2]).

За отсутствіемъ настоящаго дѣла, подобнаго рода мечтанія давали пищу молодымъ умамъ; такъ какъ осуществить эти мечты не было возможности, то все ограничивалось вполнѣ невинными разговорами.

Понятно, что въ этихъ разговорахъ не было ни малѣйшей мысли о чемъ либо близкомъ и дѣйствительномъ. Въ своихъ мечтахъ они рисовали себѣ то золотое время народныхъ собраній, гдѣ царствуетъ пламенная любовь къ отечеству, свобода, ничѣмъ и никѣмъ не ограничиваемая, кромѣ закона, полное благосостояніе народа и т. д. Идеаломъ своимъ они „ставили Америку, кото-

---

[1]) Стр. 160.

[2]) Стр. 162.

рая считалась тогда раемъ либераловъ" (стр. 163). „Мы съ братомъ, говоритъ авторъ, принадлежали къ умѣреннымъ, и хотя были готовы на всякое дѣйствіе, гдѣ надо было жертвовать собою, но приносить въ жертву кого бы то ни было намъ было противно". Неожиданная и преждевременная кончина императора Александра I-го ускорила развязку. „Тутъ все всполохнулось. Не знали, кто будетъ царствовать, что будетъ. Всѣ либералы считали эту преждевременную смерть какъ бы роковымъ вызовомъ приступить немедленно къ измѣненію правленія. Бесѣды наши, говоритъ Бѣляевъ (стр. 165), дѣлались лихорадочными по волненію, которое возбуждало въ насъ ожиданіе чего-то... Присяга была принесена старшему въ родѣ, всѣ считали это правильнымъ и никому не приходило въ голову, что Константинъ отказался и что царствовать будетъ Николай, котораго еще великимъ княземъ боялись".

„При роковомъ извѣстіи о смерти Александра, Николай, съ первой же минуты полученія депеши, самъ первый позвалъ всѣхъ бывшихъ во дворцѣ офицеровъ въ церковь и самъ первый присягнулъ старшему брату... Но вотъ проходитъ недѣля, другая—и нѣтъ ни императора, ни извѣстія. Великій князь Михаилъ Павловичъ самъ ѣдетъ въ Варшаву; разносится слухъ, что Константинъ отказывается отъ престола, но ни оффиціальнаго извѣстія, ни манифеста не появляется" (стр. 166).

„Присяга Николаю безъ манифеста со стороны Констатина, его упорное отсутствіе, порождали въ самыхъ даже тихихъ и не свободномыслящихъ недоумѣніе, смущеніе, и каждый дѣйствительно считалъ новую присягу противною совѣсти. Даже нижніе чины тяготились этою присягою, и безъ особыхъ подготовленій и какъ одинъ человѣкъ отказались присягать вслѣдъ за офицерами" [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что если между офицерами гвардейскаго экипажа и было не мало мыслящихъ людей, которые сознавали, что порядокъ вещей въ государствѣ очень нехорошъ и что нужно и желательно его измѣнить, но никто между ними, какъ говоритъ Бѣляевъ, не имѣлъ понятія даже о существованіи тайнаго общества, и потому никто не готовился къ чему либо опредѣленному. „Кромѣ насъ, молодыхъ офицеровъ, говоритъ авторъ, заразившихся идеею свободы до фанатизма, всѣ прочіе исполняли долгъ присяги, хотя и ожидали, что правленіе наше будетъ измѣнено къ лучшему" (стр. 170).

---

[1]) Очень характеренъ сообщаемый авторомъ эпизодъ, показывающій, какимъ образомъ приводились къ присягѣ офицеры гвардейскаго экипажа. Когда явился генералъ Шиповъ (присланный императоромъ Николаемъ), лейтенантъ Вишневскій (не имѣвшій никакого понятія ни объ обществѣ, ни о заговорѣ) сказалъ ему: „Мы не видимъ отреченія императора и потому считаемъ своимъ долгомъ сохранить свою присягу Константину".

— Нельзя же, господа, — возразилъ Шиповъ, — государю давать знать о своемъ отреченіи каждому полку Ингерманландскому или какому нибудь, стоящему гдѣ нибудь въ захолустьѣ.

— „Вы, генералъ, забываете,—замѣтилъ Вишневскій,—что мы его гвардія, т. е. тѣлохранители, а потому имѣемъ право ожидать разрѣшенія данной ему присяги только отъ него одного".

„Въ эту минуту, говоритъ авторъ, намъ,—не думая уже о переворотѣ,—казалось крайне обиднымъ и унизительнымъ такое безцеремонное обращеніе съ нашимъ долгомъ, съ нашею совѣстью и такое пренебреженіе къ нашей самостоятельности" (стр. 167).

Такимъ образомъ, 14-е декабря настигло автора „Воспоминаній“ почти неожиданно. „Какая-то роковая сила, говоритъ онъ, влекла меня въ эту пучину; передъ тѣмъ, какъ выходить батальону, какъ теперь помню, я бросился на колѣни передъ образомъ Спасителя, вспомнилъ свою нѣжно-любимую мать, сестеръ, которымъ единственною опорою были мы одни; представилъ себѣ послѣдствія этой рѣшимости—и тяжелъ былъ этотъ подвигъ; тяжела была борьба чувствъ, но долгъ, какъ я разумѣлъ его тогда, принести въ жертву отечеству самое счастіе матери и семейства—самыя священныя свои привязанности,—наконецъ, побѣдилъ! Я вспомнилъ слова Спаситетя: „кто не оставитъ матери, сестеръ, имѣнія, ради меня (я разумѣлъ подъ этимъ словомъ долгъ), тотъ недостоинъ меня“ [1]) (стр. 170).

Подъ вліяніемъ такого убѣжденія, авторъ вышелъ на площадь. Тамъ царила полная безурядица. „Не было никого изъ тѣхъ, которыхъ назначали вождями въ этомъ возстаніи. Трубецкой уже былъ арестованъ, какъ говорили, самъ отдавъ свою шпагу... Когда раздался первый выстрѣлъ, батальоны стояли; затѣмъ второй—и картечь повалила многихъ изъ людей и заставила Московскій полкъ отступить съ площади первымъ, затѣмъ отступилъ нашъ экипажъ. Думаю, что довольно было этого успѣха для людей, стоявшихъ тогда во главѣ правительства, и можно было остановить безполезное кровопролитіе, продолжая стрѣлять въ бѣгущихъ и несчастную толпу любопытныхъ. Какъ только оказалось, что никто изъ назначенныхъ вождей не явился, т. е. ни Трубецкой, ни Якубовичъ, можно было сказать съ самаго начала, что это возстаніе было не опасно“ (стр. 174).

Такъ кончился мрачный день 14-го декабря; за нимъ послѣдовалъ арестъ, судъ и ссылка. Мы не будемъ дальше слѣдить за ходомъ „Воспоминаній“. Остановимся только на одномъ эпизодѣ—въ доказательство того, что понятіе о „правахъ“ было тогда весьма смутно.

„Однажды, въ утреннемъ допросѣ, генералъ Чернышевъ грозно сказалъ мнѣ:—Если вы будете запираться и не сознаетесь во всемъ откровенно, ничего не скрывая, то вѣдь мы имѣемъ средства заставить васъ говорить!

„На это я отвѣчалъ ему:

„— Напрасно, ваше превосходительство, вы меня стращаете: рѣшившись на такое опасное дѣло, я хорошо зналъ, чему подвергался, и былъ готовъ на все; слѣдовательно, ваши угрозы на меня не подѣйствуютъ. Я сказалъ вамъ, что буду показывать одну истину изъ того, что вамъ уже извѣстно, и ничего болѣе“.

„Съ этой минуты Чернышевъ совершенно измѣнился относительно меня и сдѣлался такъ внимателенъ ко мнѣ, что плацъ-адъютантъ, приводившій меня въ разное время въ комитетъ, спросилъ меня однажды:

— Вамъ Чернышевъ не родня ли?

„Я сказалъ, что нѣтъ.

— Отчего же онъ такъ ласковъ съ вами?

---

[1]) Вспоминая о томъ времени, когда послѣдовало милостивое повелѣніе государя снять оковы съ заключенныхъ, послѣ 3-хъ или 4-хъ-лѣтняго заключенія, авторъ прибавляетъ: „Кто повѣритъ,—но скажу истину,—намъ стало жаль этихъ оковъ, съ которыми мы уже свыклись... и которыя все же были для насъ звучными свидѣтелями нашей любви къ отечеству, для блага котораго мы ложно считали дозволенными даже такія мѣры, какъ революція и кровопролитіе, но все же мы за него носили ихъ“ (стр. 233).

Кажется, понятіе о „долгѣ" должно было бы удержать судью въ предѣлахъ законности, разъ онъ имѣлъ дѣло съ „подсудимымъ", т. е. полноправнымъ гражданиномъ, еще не осужденнымъ, а только обвиняемымъ... Становясь выше закона, судья не могъ, конечно, внушить другимъ уваженія къ „законности", а безъ этого уваженія нѣтъ спокойствія въ обществѣ.

В. Г. К.

Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. А. А. Иностранцева, профессора с.-петербургскаго университета (съ 122-мя политипажами въ текстѣ, 2-мя литографіями и 12-ю таблицами фототипіи). Спб. 1882 г.

Профессоръ геологіи Иностранцевъ давно уже обратилъ вниманіе на своеобразное геологическое строеніе долины рѣки Невы, равно и на строеніе береговой полосы Ладожскаго озера, для котораго она служитъ истокомъ въ Балтійское море. Изъ академическаго каталога Гмелина ему было извѣстно, что еще при Минихѣ, при прорытіи стараго Ладожскаго канала, находили разные предметы изъ камня, безспорно представляющіе дѣло человѣческихъ рукъ, хотя отнесенные въ каталогѣ къ царству минеральному по тогдашнему состоянію науки. Точно также при работахъ на новомъ Ладожскомъ каналѣ (Александра II) находимы были кости и черные дубы, но о такихъ находкахъ г. Иностранцевъ узналъ уже по наполненіи канала водою. Осенью 1878 года профессоръ получилъ извѣщеніе отъ инспектора работъ по открытію новыхъ обходныхъ каналовъ, Свирскаго и Сясьскаго, что при началѣ этихъ работъ найденъ былъ черепъ и два каменныхъ орудія. Находки эти побудили г. Иностранцева отправиться на вновь прорываемые каналы и неоднократныя его поѣздки туда, а равно попеченіе инженеровъ и самихъ рабочихъ о попадавшихся имъ при рытьѣ каналовъ предметахъ, доставили богатый матеріалъ, въ видѣ череповъ человѣка, костей разныхъ млекопитающихся, птицъ, рыбъ, разныхъ орудій изъ камня, кости и глины, сѣмянъ и остатковъ растеній и, наконецъ, части дубоваго челнока. Всѣ эти остатки, принадлежащіе безспорно къ каменному вѣку, дали возможность составить себѣ понятія о доисторическомъ человѣкѣ, обитавшемъ на берегахъ Ладожскаго озера, о мѣстности, окружавшей этого древняго обитателя, о животныхъ, которыя служили ему пищею, или съ которыми онъ велъ борьбу, и о растеніяхъ, покрывавшихъ собою прибрежье этого огромнаго воднаго бассейна. Въ этомъ трудѣ профессора Иностранцева участвовали и другіе ученые: покойный профессоръ Кесслеръ чрезвычайно подробно разобралъ многочисленные остатки рыбъ каменнаго вѣка; профессоръ московскаго университета А. П. Богдановъ, изучилъ собранные на Ладожскомъ прибрежьѣ черепа человѣка; остатки его костяковъ были изучены М. Л. Тихоміровымъ; профессоръ московскаго университета Д. Н. Анучинъ подробно изучилъ остатки рода собаки; профессоръ петербургскаго университета, М. Н. Богдановъ, разобралъ птицъ каменнаго вѣка, а профессоръ кіевскаго университета, И. Ѳ. Шмальгаузенъ, растенія изъ торфа.

Труды означенныхъ профессоровъ, изъ которыхъ иные составили самостоятельныя изслѣдованія, заключаются въ шести главахъ. Въ первой разсматривается геологическое строеніе южнаго побережья Ладожскаго озера; во

второй флора и фауна каменнаго вѣка; въ третьей человѣкъ каменнаго вѣка, а также замѣтка о костяхъ людей каменнаго вѣка; въ четвертой издѣлія доисторическаго человѣка, именно, каменныя, роговыя, костяныя, глиняныя и деревянныя; въ пятой бытовая и духовная сторона жизни доисторическаго человѣка побережья Ладожскаго озера, и, наконецъ, въ шестой заключеніе изъ всего труда.

Профессоръ Иностранцевъ въ своемъ заключеніи приходитъ къ тому выводу, что, до ледниковой эпохи, Финскій заливъ соединялся широкимъ проливомъ не только съ Ладожскимъ озеромъ, но можетъ быть и съ Онежскимъ. Наступленіе эпохи ледниковъ вызвало уничтоженіе бывшихъ тамъ бассейновъ. Спускавшійся съ финляндскихъ высотъ ледникъ, переходя нынѣшній Корельскій перешеекъ и, поднимаясь на высоты Царскаго Села, принесъ поддонную морену въ находящуюся тамъ котловину. Таяніе бывшихъ ледниковъ вызвало образованіе озеръ или выполненіе болѣе глубокихъ котловинъ водою. Такими наиболѣе крупными котловинами въ сѣверо-западной Россіи являлись озера Ладожское и Онежское. По мнѣнію г. Иностранцева, въ то время уровень Ладожскаго озера стоялъ ниже, чѣмъ въ современную намъ эпоху и къ этому времени онъ относитъ поселенія въ побережьѣ Ладожскаго озера доисторическаго человѣка каменнаго вѣка. Въ то время не было ни рѣки Невы и никакого другаго сообщенія Ладожскаго озера съ Финскимъ заливомъ. Скопленіе атмосферныхъ остатковъ, доставляемыхъ съ столь обширной площади, въ Ладожскомъ озерѣ, повело за собою, конечно, нѣкоторое повышеніе, хотя можетъ быть и ничтожное, уровня воды. Сосѣдній громадный водоемъ Онежскаго озера, имѣвшій нѣкогда очень высокій горизонтъ, долженъ былъ найти себѣ исходъ. Первый стокъ воды изъ Онежскаго озера въ Ладожское долженъ былъ образовать прорывъ, а съ нимъ и рѣку Свирь. Образованіе широкаго протока рѣки Свири должно было повести за собою повышеніе уровня воды въ Ладожскомъ озерѣ. Къ такому геологическому времени г. Иностранцевъ и относитъ постепенное затопленіе побережья Ладожскаго озера, гдѣ жилъ доисторическій человѣкъ. Къ этому же времени относится и затопленіе лѣса съ вертикально стоящими деревьями, открытаго близь города Шлиссельбурга. Повышеніе уровня Ладожскаго озера и затопленіе его побережья продолжалось до тѣхъ поръ, пока избытокъ въ немъ воды не нашелъ себѣ исхода въ Финскій заливъ, посредствомъ пролива въ видѣ Невы. Образованіе этой рѣки повлекло за собою пониженіе уровня Ладожскаго озера, но, получивъ постоянный приливъ воды изъ Онежскаго озера, оно уже никогда не достигало болѣе того низкаго уровня, при которомъ первоначально жилъ на берегу Ладожскаго озера человѣкъ каменнаго вѣка. Доисторическій человѣкъ, по мнѣнію г. Иностранцева, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ быть свидѣтелемъ не только образованія рѣки Невы, но и широкаго пролива, которымъ она представляется.

Побережье Ладожскаго озера, служившее мѣстомъ жительства для доисторическаго человѣка каменнаго вѣка, покрыто было густымъ лиственнымъ лѣсомъ, въ которомъ процвѣталъ и дубъ и многія ягодныя растенія, малина, ежевика, морошка. Мѣстность изобиловала также болотами. Изъ животныхъ въ этихъ лѣсахъ водились косуля, сѣверный олень, кабанъ, туръ и плосколобый быкъ, бобръ рѣчной, бѣлякъ, бурый медвѣдь, водяная крыса, соболь, куница, хорекъ, выдра, волкъ, лисица. Изъ домашнихъ животныхъ доисторическій человѣкъ успѣлъ приручить къ себѣ одну собаку. Изъ птицъ водились беркутъ, бѣлохвостъ, глухарь, полевой тетеревъ, бѣлая куропатка, сѣрая цапля,

турухтанъ, лебедь кликунъ, дикій гусь, дикія утки, гагара, чайки, мартышки, ястребъ-тетеревятникъ, сарычь, сарпъ, воронъ. Въ Ладожскомъ озерѣ водились тюлень, сомъ, судакъ, налимъ, сигъ, окунь, плотва, бершъ. Тогдашніе сомы были длиною болѣе десяти или двѣнадцати футовъ, а налимы достигали въ длину до пяти футовъ. Виды рыбъ, жившихъ въ каменный вѣкъ при южной оконечности Ладожскаго озера, были, повидимому, тѣ же самые, которые и въ настоящее время водятся въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ, вода въ которыхъ была совершенно прѣсная. Водяной бассейнъ, служившій мѣстомъ ловли найденныхъ рыбъ, долженъ былъ, по мнѣнію профессора Кесслера, находиться въ сообщеніи съ древне-каспійско-понтійскимъ бассейномъ, такъ какъ судакъ, сомъ, бершъ ведутъ, какъ извѣстно, именно оттуда свое начало.

Относительно доисторическаго человѣка, обитавшаго на южномъ берегу Ладожскаго озера, профессоры Богдановъ и Иностранцевъ пришли не къ одинаковымъ заключеніямъ. Г. Богдановъ полагаетъ, что „найденная мѣстность на Ладожскомъ озерѣ принадлежала не къ поселку, а къ постоянной стоянкѣ различныхъ охотниковъ, приходившихъ туда на промыселъ, по преимуществу изъ средней Россіи, а можетъ быть и съ сѣвера". Г. Иностранцевъ утверждаетъ, что въ лѣсистой мѣстности Ладожскаго прибережья въ каменный періодъ обитало густое населеніе и имѣло наибольшее скопленіе при устьяхъ рѣкъ. Профессоръ Богдановъ, въ своемъ изслѣдованіи череповъ, найденныхъ г. Иностранцевымъ, приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ: что самый древній типъ народонаселенія, до сихъ поръ извѣстный, для Петербургской губерніи былъ длинноголовый и что въ немъ существовали несомнѣнныя черты, родственныя съ курганнымъ типомъ средней Россіи. Такъ какъ и другіе черепа изъ кургановъ съ длинноголовымъ населеніемъ, какъ, напримѣръ, въ Полтавской и Ярославской губерніяхъ, въ могилахъ съ предметами, исключительно каменными, дали тоже длинноголовый типъ, то этимъ значительно отдаляется въ глубь вѣковъ заселеніе сѣверной и средней Россіи длинноголовымъ типомъ людей, представившихъ значительное единство въ своихъ краніологическихъ чертахъ. Въ самыя древнія времена мы встрѣчаемъ въ коренныхъ областяхъ Россіи только длинноголовыхъ и они пока должны считаться первыми заселителями этой области земли русской. Этотъ фактъ важенъ потому, что выясняетъ и значительную наклонность къ длинноголовости современныхъ русскихъ череповъ. Если впослѣдствіи стала появляться все большая и большая примѣсь короткоголовыхъ къ великорусскимъ, то потому, что уже въ періодъ каменнаго вѣка на пограничныхъ сѣверныхъ и восточныхъ мѣстахъ, начиная съ Мурома, восточныхъ уѣздовъ Московской губерніи и Петербурга, длинноголовое племя стало окружаться короткоголовыми урало-алтайскими племенами, болѣе и болѣе съ нимъ смѣшивавшимися. Замѣчательно, что муромскій черепъ каменнаго вѣка графа Уварова такой же короткоголовый, какъ и многіе курганные послѣдующіе черепа той же мѣстности. „Въ настоящее время (пишетъ г. Богдановъ), имѣя передъ собою черепа каменнаго вѣка изъ различныхъ, хотя еще и немногихъ, мѣстностей Россіи, я считаю, что наибольшею научною вѣроятностію является то мнѣніе, что славяне великоруссы не есть какое-либо пришедшее впослѣдствіи, въ новыя времена, племя въ среднюю Россію, но потомки искони, съ каменнаго вѣка, населявшаго ее народа, представившаго значительное единство антропологическаго строенія и явившагося цѣльнымъ краніологическимъ типомъ".

Въ своемъ же заключеніи, профессоръ Иностранцевъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ, что „краніологическое изслѣдованіе череповъ приладожскаго человѣка каменнаго вѣка показало, что это не славяне, не финны, не монголы, но, прибавимъ мы отъ себя, и не арійцы. У арійцевъ уже такъ много домашнихъ животныхъ, у нихъ извѣстны и металлы, а нашъ приладожскій человѣкъ зналъ только камень и кость и съумѣлъ приручить только собаку. Такое сопоставленіе заставляетъ насъ отодвинуть въ глубь временъ, далеко за времена арійцевъ, человѣка каменнаго вѣка Ладожскаго побережья и видѣть въ немъ представителя еще болѣе древняго родоначальнаго племени. Чрезъ четыре страницы, въ послѣднихъ строкахъ своего заключенія, г. Иностранцевъ, какъ бы дополняя вышесказанное, но, противорѣча себѣ и соглашаясь съ г. Богдановымъ, пишетъ: „Во всякомъ случаѣ, какъ это видитъ и А. П. Богдановъ, въ этомъ племени каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера, мы должны признать то родоначальное племя, которое съ глубокой древности населяло европейскую Россію и которое дало въ своихъ прямыхъ потомкахъ начало и большинства нашихъ курганныхъ племенъ. Если есть нѣкоторыя историческія данныя, доказывающія, что еще задолго до призванія варяговъ новгородская область представляла уже значительное гражданское развитіе, то въ находкахъ доисторическаго человѣка каменнаго вѣка, мы можемъ видѣть не только родоначальное древо народовъ этой области, но и довольно густое ея заселеніе во времена, теряющіяся въ глубокой древности“.

Такимъ образомъ, трудъ г. Иностранцева не даетъ намъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, къ какому племени принадлежалъ ладожскій доисторическій человѣкъ каменнаго періода. Во всякомъ случаѣ, этотъ почтенный трудъ вноситъ богатый вкладъ въ новую еще науку доисторической археологіи и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія.

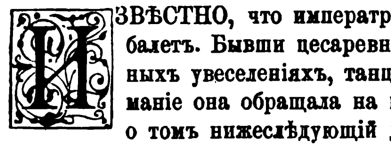
П. У.





ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Матеріалъ для исторіи итальянской оперы въ Россіи.



ИЗВѢСТНО, что императрица Елизавета Петровна любила оперу и балетъ. Бывши цесаревной, она сама принимала участіе въ придворныхъ увеселеніяхъ, танцуя чрезвычайно граціозно. Особенное вниманіе она обращала на итальянскую оперу, какъ свидѣтельствуетъ о томъ нижеслѣдующій документъ, подлинникъ котораго принадлежитъ намъ и до сихъ поръ еще не былъ напечатанъ.

„Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской, изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, капитану Ивану Шокурову.

„Находящейся въ Прагѣ содержатель оперы комической, италіянецъ Локатели, въ пріѣздъ туда отправленнаго ко двору французскому посломъ, господина оберъ-гофмаршала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, явясь, у него просилъ, чтобъ принять его́ въ службу ко двору ея императорскаго величества на одинъ годъ, по приложеннымъ при семъ (въ копіи и въ переводѣ) представленнымъ отъ него кондиціямъ, и чтобъ ему выдано было напередъ тысяча червонныхъ, чѣмъ бы онъ могъ къ воспріятію пути исправиться.

„И понеже объ ономъ потребно съ нимъ, Локателемъ, надлежащій контрактъ заключить, то какъ скоро ты въ Варшаву прибудешь и посланныя съ тобою депеши посланнику Гроссу вручишь, надлежитъ тебѣ оттуда, принявъ у него, Гросса, означенное число—тысячу червонныхъ, или на оную сумму вексель, и потребное число на дорожный проѣздъ денегъ, о чемъ къ нему, Гроссу, въ отправленномъ съ тобою жъ рескриптѣ писано, ѣхать безъ замедленія въ Прагу и тамо, сыскавъ его, Локателю, объявить ему, что о принятіи его въ службу ко двору ея императорскаго величества, по вышеозначенному его прошенію, высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе послѣдовало, и что ты присланъ нарочно о томъ съ нимъ согласиться и заключить,

по его представленію, на одинъ годъ контрактъ. А какимъ образомъ имѣешь ты при томъ поступить, объ ономъ въ наставленіе тебѣ объявляется слѣдующее:

1) „Написать оный контрактъ на имя ея императорскаго величества оберъ-гофмаршала, генерала и кавалера Дмитрея Анедреевича Шепелева и гофмаршала генерала-лейтенанта и кавалера Семена Кириловича Нарышкина.

2) „Въ кондиціяхъ, буде можно, изъ предъявленной имъ Локателемъ, на годовое жалованье сумму осми тысячъ рублевъ до тысячи рублевъ убавить. Оное предается твоему попеченію.

3) „На дорожные проѣзды сюды и обратно никакихъ денегъ не постановлять, а о помянутыхъ тысячи червонныхъ именно изъяснить, что оные ему, Локателю, даны напередъ въ число поставленнаго ему съ компаніею жалованья, и что квартиры для себя имѣютъ они здѣсь сами нанимать на свой счетъ.

4) „Платье и уборы разные, принадлежащіе къ оперѣ, они отъ себя дѣлать будутъ.

5) „Надобно въ контрактѣ точно именовать: сколько какихъ разныхъ піесъ въ цѣлый годъ они представлять имѣютъ, также и по сколько балетовъ при каждомъ дѣйствіи будетъ.

6) Что изъ оныхъ разныхъ піесъ оперъ, по меньшей мѣрѣ, единожды въ недѣлю представлять имѣютъ.

7) „Что представляемыя ими оперы въ придворномъ театрѣ будутъ на коштъ двора ея величества отправляться, и они денегъ собирать не имѣютъ но что:

8) „Имъ позволится за деньги въ городѣ играть на вольномъ театрѣ, который они однако жъ нанимать имѣютъ.

9) „Будучи въ Прагѣ, можешь ты достовѣрно навѣдаться, по сколько они денегъ въ театрѣ, въ ложѣ и въ партерѣ съ каждой персоны собирали, чтобъ потому не болѣе и здѣсь брать могли; также и о томъ освѣдомиться, сколько они за театръ въ Прагѣ платили.

„По заключеніи контракта, имѣешь ты означенные выше сего тысячу червонныхъ ему, Локателю, отдать съ роспискою, а потомъ возвратиться чрезъ Варшаву сюда, и тотъ контрактъ подать въ коллегію, при доношеніи.

(Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ).

(Гр. Михайла Воронцовъ).

„Апрѣля 12 дня 1757 года.

Капитанъ Иванъ Шокуровъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ успѣхомъ. Локатели согласился на означенныя условія и вступилъ въ службу ея величества (Sua Maestà Cesarea) при уменьшенныхъ, съ его стороны, денежныхъ требованіяхъ, первоначально заявленныхъ имъ графу М. П. Бестужеву-Рюмину. Въ чемъ заключались эти требованія, видно изъ слѣдующаго документа, переведеннаго съ итальянскаго подлинника въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ слѣдующимъ образомъ:

„Импрессаріо Локателли обязуется привезть добрую компанію комическаго дѣйства (въ подлинникѣ: una buona compagnia di opera-buffa), коего сочиненіи (sic!) отчасти серіозны, съ хорошими, при томъ, между дѣйствіями балами (accompagnata de buoni balli fragliatti).

„Обязуется онъ представить во время десяти мѣсяцевъ разныхъ дѣйствъ (opera) всего числомъ двѣнадцать.

„Проситъ, чтобъ ему было выдано напередъ тысяча червонныхъ, чѣмъ бы онъ могъ къ воспріятію пути исправиться; а оные червонные зачитаны быть имѣютъ помѣсячно въ то число денегъ, кои ея императорское величество соизволитъ опредѣлить ему на жалованье.

„Ежели ея императорское величество соизволитъ вышереченную компанію комиковъ (compagnia buffa) продержать въ своей службѣ годъ, съ двумя парами хорошихъ танцовальщиковъ (due para buoni ballerini), то импрессаріо обязуется привезть съ собою всю компанію изъ жалованья 8.000 рублевъ, то-есть восьми тысячъ рублевъ за одинъ годъ; да притомъ бы и дорожныя издержки ему заплачены были". (Переводъ и итальянскій текстъ скрѣпили: протоколистъ Петръ Сафьянниковъ и регистраторъ Константинъ Тарховъ).

Сообщено **Л. Н. Трефолевымъ.**

Тамбовскій губернаторъ Бахметевъ и отставные приказные.

Въ царствованіе императора Павла, по случаю повсемѣстнаго упраздненія нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, чрезвычайно увеличился классъ отставныхъ приказныхъ, которые, по старой привычкѣ и по отсутствію всякой дѣятельности, другъ передъ другомъ изощрялись въ разныхъ ябедахъ. Эти ябеды въ нѣкоторыхъ губерніяхъ практиковались въ изумительномъ количествѣ и, вслѣдствіе этого, становились общественнымъ зломъ, отъ котораго терпѣли и правительственныя мѣста и частныя лица. Вотъ что писалъ объ отставныхъ приказныхъ генералъ-прокурору Обольянинову Тамбовскій губернаторъ Бахметевъ (19-го іюня 1800 года).

„Отставные приказные служители, имѣющіе нижніе чины, а нѣкоторые оберъ-офицерскіе, составляя собою довольное число, занимаются только праздностію, къ которой имѣютъ свободу и которая естественнымъ слѣдствіемъ своимъ производитъ то, что живущіе изъ оныхъ, особливо въ самомъ Тамбовѣ, выискивая разнаго состоянія людей, а паче крестьянъ, подущаютъ ихъ на просьбы, не соотвѣтственныя ни справедливости, ни закону, ниже порядку. Неограничиваясь писаніемъ просьбъ въ здѣшнія мѣста и лично ко мнѣ, подвигаютъ тѣхъ, кои ими руководствуются, даже на посыланіе подобныхъ въ С.-Петербургъ и тѣмъ составляютъ одну ябеду, бывъ при томъ въ чувствительную тягость не только частнымъ людямъ, но самымъ присутственнымъ мѣстамъ, которыхъ вниманіе отвлекается отъ настоящихъ дѣлъ. Сіи же люди кои находятся въ Тамбовѣ, тѣмъ несноснѣе, что они или поведенія не хорошаго, или застарѣвши въ ономъ не имѣютъ уже способности къ отправленію статской службы".

Не находя средствъ къ удаленію „таковыхъ праздноживущихъ" изъ тамбовскаго края, Бахметевъ спрашивалъ генералъ-прокурора: что дѣлать съ ними?

Очевидно, Бахметевъ разсчитывалъ на какія нибудь чрезвычайныя мѣры противъ тамбовскихъ ябедниковъ и крючкодѣевъ, однако петербургское начальство приказало ему только усилить административный надзоръ за ними. А энергическія мѣры велѣно было принимать лишь въ случаѣ прямаго нарушенія закона.

Сообщено **И. И. Дубасовымъ.**

Къ „Семеновской исторіи".

Въ XXIII томѣ „Архива князя Воронцова" находится любопытный разсказъ о печальномъ событіи въ Семеновскомъ полку, случившемся 17-го октября 1820 года,—разсказъ современника, близко стоявшаго къ событіямъ. Н. М. Лонгиновъ въ письмѣ своемъ къ графу С. Р. Воронцову (отъ 27 октября) сообщаетъ столь интересныя и рисующія эпоху подробности этой печальной исторіи, что мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь отрывокъ изъ этого любопытнаго письма въ русскомъ переводѣ, такъ какъ почти всѣ письма Лонгинова писаны на французскомъ языкѣ:

. . . „Карбонары появляются только тогда, когда народъ доведенъ до отчаянія и у насъ уже есть элементы для появленія ихъ, начиная съ самихъ защитниковъ отечества. У насъ только военные пользуются уваженіемъ, но въ то же время это самые несчастные люди. Отчаянный поступокъ Семеновскаго полка доказалъ это лучше, чѣмъ что бы то ни было. Еще при самомъ назначеніи полковника Шварца командиромъ полка, солдаты говорили уже: „хорошъ командиръ, и Георгіевскаго креста нѣтъ!" Къ тому же они провѣдали о еврейскомъ происхожденіи Шварца и въ полку спрашивали другъ друга—крещенъ ли командиръ или еще держится Моисеева закона? Разсказываютъ, что когда великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ бригадный командиръ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, назначилъ командиромъ перваго адъютанта своего Пирха и просилъ о назначеніи командиромъ Семеновскаго полка Шварца, то императоръ нѣсколько разъ говорилъ ему, что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Но великій князь настаивалъ, говоря, что только съ такимъ командиромъ можно сдѣлать что нибудь хорошее, потому что онъ, по своему ничтожеству, будетъ вполнѣ зависить отъ Е. И. Высочества. Желаніе великаго князя было исполнено и вотъ что сдѣлано въ Семеновскомъ полку хорошаго. Не будучи въ состояніи жить на свой жалкій паекъ, солдаты принуждены зарабатывать, чтобы въ артели было больше денегъ, а лѣтомъ, когда поденная работа здѣсь оплачивается хорошо, солдаты собирали порядочныя деньги. Шварцъ далъ своимъ солдатамъ только два дня для заработка и даже въ каникулярное время не переставалъ учить ихъ. Кромѣ баталіоннаго и ротнаго ученія, онъ еще требовалъ къ себѣ на домъ по 12-ти человѣкъ солдатъ—безъ штановъ и босыхъ, чтобы виднѣе была гибкость ихъ ногъ и точность шага, а самъ въ это время ложился на земь и выравнивалъ имъ носки шпагой или ружейнымъ шомполомъ, разсыпая безжалостно удары на-право и на-лѣво. Въ бѣшенствѣ, онъ колотилъ ихъ по зубамъ, вырывалъ усы; приказывалъ провинившемуся стоять съ открытымъ ртомъ и заставлялъ всю роту, проходя мимо его, плевать ему въ ротъ. Въ жизни моей я не слыхалъ такихъ ужасовъ! Въ воскресеніе 17-го октября, Шварцъ приказалъ 1-й ротѣ идти на ученіе, а въ понедѣльникъ весь полкъ долженъ былъ идти въ караулъ. Рота отказывается, говоря что у солдатъ уже нѣтъ силъ для ученія, что государь отдалъ воскресенье для отдыха и что они не успѣютъ отдохнуть для завтрашняго караула. Шварцъ продолжалъ настаивать—солдаты отвѣчали тѣмъ же отказомъ. Дали знать высшему начальству и рѣшили отправить роту въ крѣпость. Но едва сдѣлали это вечеромъ, 1-й баталіонъ добровольно, хотя безъ оружія, вышелъ изъ казармъ и

потребовалъ или вернуть первую роту, или отправить вслѣдъ за нею и весь полкъ и всю ночь остался подъ дождемъ, на холодѣ, низачто не соглашаясь вернуться въ казармы. Появилась пѣхота, конная гвардія, казаки, артиллерія съ заряженными пушками. Бунтовщики стояли неподвижно, не говоря ни слова, кромѣ того, чтобы имъ вернули первую роту или же позволили имъ раздѣлить ея участь. Шварцъ еще вечеромъ скрылся у великаго князя. Въ квартирѣ его все перебили, кромѣ бюстовъ императорской фамиліи. На утро пріѣхалъ изъ Гатчины великій князь и обратился къ солдатамъ со словами: братцы! ребята! Мертвое молчаніе. Онъ былъ пораженъ; бросился къ Шварцу—его не оказалось. Напрасно Васильчиковъ, Милорадовичъ, Потемкинъ, бывшій командиръ полка, священникъ, уговаривали и убѣждали. То же молчаніе или тотъ же отвѣтъ: верните намъ 1-ю роту или отправьте и насъ въ крѣпость! Рѣшились отправить весь полкъ въ крѣпость и на утро, во вторникъ 19-го числа, послѣ военнаго совѣта, вынесли резолюцію: 1-й баталіонъ оставить въ здѣшней крѣпости, 2-й отправить въ Свеаборгъ, а 3-й въ Кексгольмъ. Теперь производится слѣдствіе военнымъ совѣтомъ, который засѣдаетъ въ крѣпости и еще неизвѣстно, каковы будутъ результаты слѣдствія. Вчера извѣстіе объ этомъ должно было получиться въ Тропау; оно, конечно, произведетъ дурное впечатлѣніе и, я думаю, ускоритъ возвращеніе Государя. Здѣсь очень боялись, чтобы этотъ примѣръ не подѣйствовалъ на остальныя войска, но, слава Богу, все спокойно и порядокъ во всемъ городѣ нигдѣ нарушенъ не былъ.

„Передъ отъѣздомъ в. к. Николая Павловича офицеры Измайловскаго полка тоже хотѣли оставить полкъ. Съ 1-го сентября, каждый день поступало 3 прошенія объ отставкѣ. Только послѣ извиненій со стороны великаго князя и подачи въ отставку полковаго командира Мартынова офицеры согласились взять свои отставки назадъ. Какимъ же образомъ согласить это страшное униженіе военнаго званія съ нынѣшней маніей милитаризма!“

Высочайшимъ приказомъ по арміи, подписаннымъ въ г. Тропау 2-го ноября 1820 г., Семеновскій полкъ былъ раскассированъ, а всѣ штабъ и оберъ-офицеры, „найденные непричастными сему неповиновенію, но показавшіе неумѣнье обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться“, были переведены въ армейскіе полки (см. „Воен. Сбор.“ 1869 г., № 10). „Полковой же командиръ Шварцъ—сказано въ томъ же приказѣ, предается суду за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи“.

Чѣмъ кончился судъ надъ Шварцемъ, довольно обильная по вопросу о „Семеновской исторіи“ литература точныхъ указаній не даетъ или, по крайней мѣрѣ, мы не могли ихъ отыскать. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что Шварцъ не понесъ никакого наказанія, и былъ только отставленъ отъ службы съ генеральскимъ чиномъ. Кажется, онъ жилъ послѣ отставки безвыѣздно въ своемъ имѣніи въ Орловской губерніи, гдѣ и умеръ въ тридцатыхъ годахъ.

Въ распоряженіи редакціи „Историческаго Вѣстника“ находится четыре письма Шварца къ нынѣ уже умершему тайному совѣтнику Алексѣю Павловичу Ушакову, бывшему во время „Семеновской исторіи“ адъютантомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Письма эти относятся ко времени между 1820-мъ и 1827 годами и содержатъ нѣкоторыя подробности, въ высшей степени интересныя для біографіи и характеристики Шварца. Мы печатаемъ ихъ съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

1.

„Милостивый Государь

„Алексей Павловичь!

„Нещастіе лишило меня и всехъ знакомства, одного васъ я решился просить аказать помощъ, принять на себя доставить къ Его высочеству писмо, вкоторомъ я ни очемъ непрошу и незатрудняю, какъ толко малю Его извинить, что я нанесъ Ему невинно такое огорченіе.

„Я теперь боленъ разстроинъ, прошу васъ втакомъ моемъ положеніи доставте симъ мне отраду иутешеніе.

„Я нерешился квамъ пріехать чтоб не подать случая сего заметить податель есть мой братъ. Его никто не знаитъ впетербурге.

„Неотъ казитесь обязать меня Алексей Павловичь, конечно ето прозба должна быть вжизни моей последнею,

„Съ отличнымъ Квамъ почтеніемъ имею честь быть

„Покорнѣйшей слуги

„Федоръ Шварцъ".

„26-го дня 1820-го года.

2.

„Любезный Алексей Павловичь

„Богъ и ваша совесть васъ наградитъ, вы обязали меня до слезъ я душевно утѣшаюсь вами, и добрыми вашими делами,

„Пишите, что Его Высочеству угодно знать когда я отъезжаю, что доложите, что непременно завтре.

„Пращайте достойнейшій Алексей Павловичь и не забывайте душевно Васъ почитающаго Шварцъ".

(Безъ означенія года и числа).

3.

„Милостивый Государь

„Алексей Павловичь!

„Болезнь удерживала меня до сего времени въ Петербурге; теперь благодаря Бога оправился и завтра отъезжаю, чувства признательности къ Его Высочеству моему Благотворителю обязываютъ меня благодарить, я не смею просить чтобы представиться лично, притомже и здоровье не совсемъ позволяитъ. А решился писмомъ, которое и прилагаю; прошу почтенный Алексей Павловичь! на себя принять трудъ сей доставить, вы усугубите ваши добрые дела и одолженія къ которымъ уже и такъ признателенъ по гроб мой, я Еду въ Одессу, можетъ быть другое небо будѣтъ благодѣтельнее для моего здоровья и приведет ли Богъ мне еще васъ видѣть! чувствую себя душей и теломъ слабеющаго.

„Алексей Павловичь! зная вашу деликатность, я васъ прашу, ежели вамъ что препятствуетъ принять на себя сіе исполненіе; то обратите ко мне назадъ, зная васъ! равно буду уверенъ, въ готовности вашей дѣлать добро довозможной степени.

„Я полагаю что и вы признайте за должное мнѣ извѣстить Его Высочество объ своимъ отъездѣ, ибо Государь изъ рапортовъ увидитъ меня выехав-

шимъ лехко случиться можеть, что спросить у его Высочества извѣстноли ему И такъ ежели примитѣ на себя сей трудъ которымъ весма меня обяжите, то постарайтесь доставить сего дня. Незаблагоразсудится ли Его Высочеству мнѣ что приказать.

„Съ почтеніемъ и преданностію имею честь именоваться

„Милостиваго Государя

„Покорнейшій слуга

„Федоръ Шварцъ".

(въ письмѣ моемъ къ Его Величетву никакихъ прозбъ нетъ, какъ благодарю за милости и прошу опродолженіи покровительства).

„Генваря 8-го дня, 1822-го года".

4.

„Милостивый Государь

„Алексей Павловичь!

„Его Императорское Высочество благоволилъ чрезъ брата моего приказать мнѣ донесть Еему желаю ли я нынѣ—опредѣлиться на службу въ Грузію; преисполнясь чувствъ благодарности за милостивое воспомннаніе—я покорнейше прашу васъ Алексей Павловичь донесть Его Императорскому Высочеству, что, надежда на Его Высокое покровительство, единственно поддерживаетъ мое существованіе до сѣле. Но настоящее время я въ здоровьи разстроинъ такъ, что боліе чувствую въ себѣ мертвенности, нежели жизни, и въ такомъ моемъ теперишнемъ положеніи не смею и помыслить воспользоваться щастіемъ служить; а решился по совѣту врачей въ первыхъ числахъ майя ехать въ другой разъ на Кавказскіе воды, и естьли угодно будетъ Богу прадлить жизнь мою, тогда приму смелость вновь утруждать Его Императорское Высочество моего отца и благодетеля.

„Докладомъ вашимъ Алексѣй Павловичь Его Императорскому Высочеству о моемъ положеніи чувствительно обяжите.

„Съ чувствемъ совершеннаго уваженія и преданности за честь вненяю себѣ именоваться

„Милостиваго Государя

„Покорнейшимъ слугою

„Федоръ Шварцъ.

„1-го маия, 1827 года.

„жительство мое тульской губерніи въ Г: белевѣ".

Къ біографіи княгини Е. Р. Дашковой.

Давая въ прошломъ году отзывъ о новомъ изданіи „Записокъ княгини Е. Р. Дашковой", составившихъ 21-й томъ „Архива князя Воронцова" (См. „Ист. Вѣстн.", 1881, кн. 11), мы имѣли случай указать на крайнюю субъективность этихъ мемуаровъ, которая постоянно заставляетъ автора преувеличивать свое значеніе и затушевывать нѣкоторыя подробности, не вполнѣ соотвѣтствующія свойствамъ возвышенной и строго независимой натуры, какой вездѣ и всегда

себя выставляетъ княгиня Дашкова. Интересно поэтому сопоставить нѣкоторыя мѣста изъ мемуаровъ съ ея же собственными письмами, особенно такими, которыя, сколько намъ извѣстно, никогда еще не были напечатаны. Нѣкоторыя изъ такихъ писемъ, равно какъ и другіе документы, касающіеся кн. Дашковой, извлечены изъ дѣлъ государственнаго архива Г. В. Есиповымъ и обязательно доставлены имъ въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника".

Первыя два письма кн. Дашковой къ императрицѣ Екатеринѣ II, изъ которыхъ одно представляетъ собою postscriptum ко всеподданнѣйшей просьбѣ, относятся къ печальному факту расточительности дочери кн. Дашковой, г-жи Щербининой. Приведенная въ отчаяніе запутанными дѣлами своей дочери, кн. Дашкова не останавливалась ни передъ чѣмъ и поступалась даже своимъ самолюбіемъ, какъ это мы видимъ изъ вышеупомянутыхъ писемъ, и что̀ въ то же время затушевано въ самыхъ мемуарахъ княгини Дашковой.

Послѣдующіе документы, касающіеся дѣлъ по академіи (III—V), а также донесенія Измайлова и Архарова относительно ссылки кн. Дашковой по повелѣнію императора Павла, нисколько не идутъ въ разрѣзъ съ мемуарами самой княгини и только подтверждаютъ ихъ.

Нельзя того же сказать о письмѣ княгини Дашковой къ императору Павлу I, съ просьбой о помилованіи (IX).

Нечего и говорить, какъ тяжело было кн. Дашковой, удручаемой преклонными уже годами и при сильно разстроенномъ здоровьѣ, переносить тяжелую ссылку и, конечно, никто не обвинилъ бы ее за упадокъ духа и исторія не поставила бы ей въ вину смиренную и даже униженную просьбу о помилованіи. Но княгиня Дашкова, какъ кажется, именно заботилась о своей репутаціи передъ судомъ исторіи, извративъ въ своихъ „Запискахъ" свое же письмо къ императору Павлу. Вотъ что̀ читаемъ мы въ „Запискахъ": „Признаюсь,— пишетъ Дашкова о вышеупомянутомъ письмѣ („Арх. кн. Воронцова", т. XXI, стр. 341—342),— „что это письмо было скорѣе надменное, чѣмъ умоляющее, потому что я начала съ описанія моего здоровья и высказала, что изъ-за него не стоило бы утруждать его величество чтеніемъ моего письма, а мнѣ не стоило бы писать его; что для меня безразлично, когда и гдѣ я умру; но что правила гуманности и религіи не дозволяютъ мнѣ смотрѣть на страданія окружающихъ меня невинныхъ людей, раздѣлившихъ мое изганіе, которое я, по совѣсти, считаю не заслуженнымъ; что при жизни императрицы, его матери, я никогда не злоумышляла противъ него и что, наконецъ, я прошу для себя позволенія возвратиться въ мое калужское имѣніе, гдѣ для моихъ друзей и моей прислуги найдется лучшее помѣщеніе, а въ случаѣ болѣзни—медицинская помощь".

Приведенный отрывокъ свидѣтельствуетъ о чувствахъ женщины благороднаго характера, непоколебленной несчастіями и только ради ближнихъ своихъ просящей себѣ милости. Къ сожалѣнію, совсѣмъ другое говоритъ самый подлинникъ письма, который мы помѣщаемъ ниже (IX) и который, кажется, не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

Относительно высочайшаго указа императора Павла (X), разрѣшившаго кн. Дашковой оставить мѣсто ссылки, и затѣмъ письма кн. Дашковой къ императору Александру Павловичу, скажемъ тоже, что эти документы совершенно согласны съ фактами, какъ ихъ передаетъ и сама Дашкова въ своихъ „Запискахъ".

Письма княгини Дашковой къ императрицѣ Екатеринѣ II, къ императору Павлу I и къ императору Александру I.

I.

„Madame.

„Ce n'est que parceque je suis sans espoir de contre balancer la puissante influence de m-r Давыдовъ, que je prends la liberté de supplier votre majesté d'ordonner que le sénat donne sa résolution sur la representation du tuteur de Scherbinin. Voilà un an passé qu'il a demandé les ordres du sénat au sujet d'une donation faite dans les formes et qui n'a aucune loix contre elle: il ne s'agit que d'un quart d'heure de lecture, et d'un oui ou non. Cet oui avait été, à ce que l'on dit, déjà prononcé, mais la partie adverse est trop forte et comme l'on ne peut légalement dire non, l'affaire a eté jettée dans le gouffre d'oubli, dont je n'ai pas le crédit de la jamais tirer, si votre majeste qui aime la justice ne l'ordonne. Pardonnez, madame, si j'y ai recours et votre majesté remarquera sans doute que j'ai douloureusement patienté assez et que ce n'est pas de mon coté qu'est la rapacité et la force. Je respecte trop l'emploi précieux de votre temps pour entrer dans details qui ne pourrait être favorable à la cause de ma fille. Je me mets aux pieds de votre majesté avec les sentiments de respect le plus inviolable me faisant gloire de me nommer.

„Madame
„de votre majesté
„La très obéissante et très fidèle
„sujette princesse de Daschkow".

На письмѣ помѣта:
Генваря 14. 1794 года.

Переводъ. „Потерявъ всякую надежду побороть могущественное влiянiе г. Давыдова, я беру на себя смѣлость умолять ваше величество повелѣть сенату положить свою резолюцiю на представленiе опекуна Щербинина; прошелъ уже годъ, какъ онъ просилъ разрѣшенiя сената относительно дарственной записи, сдѣланной съ соблюденiемъ всѣхъ формальностей и совершенно законной: достаточно четверти часа чтенiя, чтобы сказать да или нѣтъ. Это да, какъ говорятъ, уже и было бы сказано, но противная партiя слишкомъ сильна, и такъ какъ по закону нельзя сказать нѣтъ, то и дѣло было заброшено въ бездну забвенiя, изъ которой я уже не въ силахъ извлечь его, если ваше величество не повелитъ этого, по своей любви къ справедливости. Простите, государыня, если я прибѣгаю къ этому, и ваше величество, безъ сомнѣнiя, замѣтитъ, что я достаточно выстрадала и что здѣсь съ моей стороны нѣтъ ни алчности, ни насилiя. Я слишкомъ цѣню драгоцѣнное употребленiе вашего времени, чтобы входить въ подробности, чтó можетъ быть не въ пользу моей дочери. Повергаю себя къ стопамъ вашего величества съ чувствами несокрушимаго уваженiя, которое даетъ мнѣ честь называться

„вашего величества,
„покорнѣйшей и вѣрнѣйшей подданной
„княгиней Дашковой".

II.

„Всѣ милостивѣйшая государыня.

„Свойственно правосудiе вашему величеству, какъ государю мудрому, пекущемуся о своихъ подданныхъ, свойственно вамъ и милосердiе, какъ душе благотворной и жалостливой, почему и осмеливаюсь, припадая къ стопамъ вашего

величества, просить усовершить правосудное решеніе ваше касательное данной записи дочери моей, узаконивъ меня опекуномъ онаго имѣнія, дабы я могла продать оное для заплаты еѣ долговъ и естьли можно спасти изъ онаго нужное малое ей пропитаніе и чтобы я безвинно не доведена была и сама до раззоренія, — ибо великая разница продать съ разсмотреніемъ, или чтобы ненасытные піявицы Marchande de mode французскіе, схватя имѣніе, съ публичнаго торгу проданное за безъцѣнокъ разтащили, я и такъ разстроила свое состояніе, а паче духъ мой отъ такого рода безпокойствія разстроенъ. Ваше величество, здѣлавъ сію милость, подадитѣ мнѣ способъ, какъ законные долги дочери моей заплатить, такъ и возвратитѣ спокойствіе мое, которое при такихъ безпорядкахъ существовать не можетъ. Пребываю съ непоколебимою' верностію

„вашего величества
„всѣ милостивейшая гдр̃ня
„вѣрно подданная
„княгиня Дашкова".

„P. S. C'est plus à ma bienfaitrice, qu'à mon souverain que j'adresserai ces lignes. Vous avez toujours lu, madame, dans mon coeur comme dans ma pensée, pourquoi vous cacherai-je donc la cause qui m'oblige d'avoir encore recours à votre bonté. Ma fille, en partant pour les pays étrangers m'a laissé une liste de ses dettes de la valeur de quatorze mille roubles et il s'ent rouve à prèsent plus de trente et, soit besoin d'apaiser ses créanciers, soit étourderie, elle a laissé chez plusieurs et les comptes arretés et signés et des lettres de change pour la même somme. Elle alla, malgré ma défense de faire ce détour, à Varsovie, où elle a contracté des dettes, dont j'ignore le montant. Avant hier, je reçois de Koenigsberg, sans en avoir été prévenue par un mot de lettre, une lettre de change payable en 15 jours de la valeur de douze mille roubles. Votre majésté peut juger combien cette surprise a dût choquer une personne qui accoutumée à l'ordre et à respecter ses engagements, se trouvant au depourvu, je ne sais ni comment la faire revenir, ni comment mettre un frein à ses dèpenses et à sa folle générosité. Mais je sais que si je ne me précautionne pas, elle m'entrainera dans sa ruine; déjà j'ai tout vendu, excepté mes terres et il est dur de manquer de beaucoup de choses et d'être assiegée d'inquiétude dans un áge où les infirmités commencent et tout cela sans l'avoir merité. Votre majésté plus juste, plus éclairée que les autres, m'avait rendu justice et avez pris, à ce que je sais, souvent mon parti. Veuillez, madame, m'aider encore cette fois-ci et je pourrai en étant nommée par votre majeste tutrice de cette terre, donner un plein pouvoir à quelqu'être compâtessant et hônnete qui prendra sur lui ce tripotage avec les créanciers de ma fille, qui m'est étranger, humiliant et inquiétant".

(На первомъ листѣ сверху помѣта: іюля 9-го 1794 г., а внизу: посему данъ указъ генералъ-прокурору 13-го іюля 1794 г.).

Переводъ. „Скорѣе своей благодѣтельницѣ, чѣмъ своей государынѣ, я адресую эти строки. Вы, государыня, всегда читали въ моемъ сердцѣ и моихъ мысляхъ, зачѣмъ же скрою я отъ васъ дѣло, которое заставляетъ меня еще разъ прибѣгать къ вашей добротѣ. Моя дочь, отправляясь за-границу, оставила мнѣ списокъ своихъ долговъ въ 14.000 р., а оказывается теперь болѣе 30.000, и чтобы успокоить своихъ кредиторовъ или заглушить ихъ, она оставила у многихъ подписанные счеты и векселя на ту же сумму. Не смотря на мое запрещеніе, она заѣхала въ Варшаву, гдѣ надѣлала долговъ, сумму которыхъ я не

знаю. Третьяго дня, не будучи предупреждена ни одной строчкой письма, я получаю изъ Кенигсберга вексель въ 12 т. руб. къ уплатѣ черезъ 15 дней. Ваше величество можетъ судить, насколько такая неожиданность могла смутить особу, которая, привыкши къ порядку и къ уваженію своихъ обязательствъ, оказалась захваченной врасплохъ; я не знаю, ни какъ заставить ее возвратиться, ни какъ обуздать ея безумную расточительность. Но я знаю, что, если я не приму мѣръ, она разоритъ меня; я уже продала все, исключая земель, но тяжело лишаться многаго и находиться въ тревогѣ въ такихъ лѣтахъ, когда начинаешь слабѣть, и все это совершенно незаслуженно. Ваше величество справедливѣе, просвѣщеннѣе другихъ, отдавало мнѣ справедливость и часто, какъ я знаю, брало мою сторону. Помогите, государыня, мнѣ и на этотъ разъ и, будучи назначена опекуншей этого имѣнья, я могу дать полную довѣренность какому нибудь лицу, сострадательному и честному, которое возьметъ на себя эту возню съ кредиторами моей дочери, для меня чуждую, унизительную и безпокойную".

III.

„Всемилостивѣйшая государыня.

„Собственный вашего императорскаго величества выборъ меня въ директоры императорской академіи наукъ, сколь необыкновененъ, столь и лестенъ для меня былъ, почему двѣнадцатый уже годъ, какъ я, истощая силы и малыя свои способности, со рвеніемъ сіе служеніе несу. Изъ покорнѣйшаго моего репорта усмотрѣть изволите, что я имѣла счастіе прибыли въ казну вашего величества сдѣлать на 526.188 р. 13¾ коп., а какъ втеченіе сихъ лѣтъ не оставалось мнѣ времени ни способности разстроенное свое состояніе и здоровье поправлять, сіе послѣднее требуетъ нынѣ покоя, почему всенижайше прошу васъ, всемилостивѣйшая государыня, отъ должности директора меня уволить, а какъ штатсъ-даму на два года въ отпускъ отпустить. Ожидая высочайшей резолюціи, препоручаю себя щедрому и милостивому покровительству, которое я тридцать два года отъ вашего величества имѣла. Пребывая,

„Вашего императорскаго величества

„всемилостивѣйшей государыни,

„вѣрноподданная

„княгиня Дашкова".

Письмо это княгиня послала къ Д. П. Трощинскому при слѣдующемъ письмѣ:

IV.

„Милостивый государь мой,

„Дмитрій Прокофьевичъ.

„Покорно прошу включенное съ приложенными репортами ея императорскому величеству вручить и имѣть притомъ благосклонность доложить, что если всемилостивѣйшей государынѣ угодно, я съ радостію при должности въ россійской академіи останусь, дабы окончить начатое мною и привесть еще паче въ цвѣтущее состояніе созданіе ея величества. Изъ репорту объ оной академіи, можетъ быть, замѣтить изволитъ, что и оная богата становится: въ предложеніи моемъ пребыть предсѣдателемъ россійской академіи корысти и личныхъ выгодъ въ виду не имѣю; ибо по самому положенію, мною сдѣланному, предсѣдатель не долженъ получать и не получаетъ жалованья. Преданность и любовь моя къ ея императорскому величеству и къ отечеству моему

возрождаетъ мое желаніе, сколько въ силахъ моихъ есть, еще быть полезной. Управленіе же россійской академіей и соучаствованіе въ трудахъ оной равномѣрно успѣшно и въ отсутствіи выполнять могу.

„Въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вамъ
„милостивому государю моему
„покорная услужница
„кн. Дашкова.

„P. S. Не могу воздержаться, чтобъ не раздѣлить съ вами удовольствіе, которое я имѣю, что успѣла прежде отъѣзда своего видѣть окончаніе нашего „Словаря".

(На листѣ, въ которомъ обернуты эти два письма, карандашемъ рукою Д. П. Трощинскаго написано:

„Княгиня Дашкова отпущена на 2 года, о чемъ указъ сей данъ августа 12, 1794 г.").

V.

„Всемилостивѣйшая государыня.

„Осмѣливаюсь у вашего императорскаго величества всеподданнически просить отсрочить еще на годъ отпускъ мой; болѣзненные припадки лишаютъ меня удовольстія предпринять нынѣ служеніе, на которое я привыкла всѣ силы и малыя свои способности истощевать. Ожидая высочайшей воли съ безпредѣльною преданностію и съ благоговѣніемъ честь имѣю назваться

„Вашего императорскаго величества,
„всемилостивѣйшая государыня,
„вѣрноподданная
„княгиня Дашкова".

Село Троицкое,
27 августа.

(На письмѣ помѣта: „4-го сентября 1796 года").

VI.

Донесеніе императору Павлу I-му главнокомандующаго въ Москвѣ Измайлова, отъ 4-го декабря 1796 г.

„Всемилостивѣйшій государь.

„Имѣлъ счастіе высочайшее вашего величества повелѣніе получить: объявить княгинѣ Дашковой, чтобъ она напамятовала бы происшествія, случившагося въ 1762 году,—выѣхала въ дальнія свои деревни. По полученіи вашего величества повелѣнія, въ тотъ же часъ къ ней въ домъ поѣхалъ и точныя слова, предписанныя ко мнѣ вашего величества повелѣнія ей объявилъ; въ отвѣтъ мнѣ объявила, что она высочайшую волю государя своего въ точности исполнитъ и чрезъ три дня выѣдетъ въ свои деревни, и какъ скоро выѣдетъ, всеподданнѣйше донесу вашему императорскому величеству и буду наблюдать о скорѣйшемъ ея выѣздѣ.

„Всемилостивѣйшій государь,
„вашего императорскаго величества
„всеподданнѣйшій
„Михаилъ Измайловъ".

1796 г. декабря 4 дня.
Москва.

VII.

Донесеніе его же, Измайлова, безъ числа.

„Всемилостивѣйшій государь.

„Въ первомъ моемъ донесеніи я вашему императорскому величеству донесъ, что я точное содержаніе высочайшаго вашего указа повелѣнія княгинѣ Дашковой объявилъ, а теперь всеподданнѣйше доношу, что она сего числа, во 2-мъ часу пополуночи, изъ Москвы выѣхала въ свою деревню отъ Москвы во сто пятнадцати верстахъ".

VIII.

Донесеніе московскаго военнаго губернатора Ивана Архарова, отъ 21-го декабря 1796 года.

„Всемилостивѣйшій государь.

„Высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе отъ 12-го числа сего мѣсяца о наблюденіи за княгинею Дашковою, въ нынѣшнемъ ея отдаленіи, я имѣлъ счастіе получить. Всѣ мои силы и возможность употреблю на исполненіе освященнѣйшей воли вашего величества.

„Сверхъ отряженнаго отъ меня съ нужными наставленіями испытанной вѣрности и расторопности штата полицейскаго титулярнаго совѣтника Іевлева, въ Серпуховскую ея деревню, гдѣ она пребываніе свое имѣетъ, равно гдѣ впредь жить будетъ, для примѣчанія и малѣйшихъ ея движеній, не оставлю имѣть неусыпное наблюденіе и обо всемъ, примѣчанія достойномъ, вашему императорскому величеству донесть".

IX.

Письмо княгини Дашковой къ императору Павлу I въ январѣ 1797 года.

(Получено въ Петербургѣ по сдѣланной на письмѣ помѣтѣ—февраля 10-го, 1797 г.)

„Всемилостивѣйшій государь.

„Милующее сердце вашего императорскаго величества, подданной, угнетенной лѣтами, болѣзнями, а паче горестію быть подъ гнѣвомъ вашимъ, простить, что сими строками прибѣгаетъ къ благотворительной душѣ монарха своего. Будь милосердъ, государь, окажи единую просимую мною милость, дозволь спокойно окончать дни мои въ Калужской моей деревнѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ имѣю покровъ и ближе помощи врачей. Неужели мнѣ одной оставаться несчастной, когда ваше величество всю имперію ощастливить желаете и столь многимъ содѣлываете счастіе. Удовлетворя моей просьбѣ, вы оживить изволите несчастную, которая по гробъ будетъ государя человѣколюбиваго прославлять, пребывая съ непоколебимою вѣрностію

„вашего императорскаго величества,
„всемилостивѣйшаго государя,
„всенижайшая и послушная вѣрноподданная
„княгиня Е. Дашкова".

„Коротова деревня, близъ Череповца.
„Генварь 1797 г.

X.

Высочайшее разрѣшеніе княгинѣ Дашковой жить въ Москвѣ.

„Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ
князь Куракинъ.

„Княгинѣ Дашковой, живущей теперь въ серпуховской своей деревнѣ позволить изъ оной выѣхать и жительство свое имѣть въ прочихъ своихъ деревняхъ и въ Москвѣ, когда нашего въ сей столицѣ пребыванія не будетъ; во время же онаго можетъ она жить и въ ближайшей подмосковной. Пребываемъ вамъ въ прочемъ благосклонны.

„Павелъ“.

„Въ С.-Петербургѣ,
„апрѣля 13 дня 1798.

XI.

Письмо кн. Дашковой къ императору Александру I.

„Всемилостивѣйшій государь.

„Позвольте, ваше императорское величество, дряхлой старухѣ изъ уединенія своего также принесть не меньше усердное всеподданническое поздравленіе; объятой духъ радостію, скажу вамъ, что самый первый вашъ указъ, изображающій къ подданнымъ милость, а къ памяти безсмертной великой Екатерины благоговѣніе, наполнилъ сердца всѣхъ россовъ радостію и купно надеждою, что въ блаженствѣ паки будемъ славны и велики. Вы, милостивѣйшій государь, знали мою безкорыстную личную привязанность къ бабушкѣ вашей, въ сердцѣ которой вы были первый дражайшій предметъ; льщусь также, что изволили знать мою къ вашему величеству еще съ младенчества вашего, смѣю сказать, любовь и приверженность, то легко вообразите, что если бы тѣлесныя силы мои дозволили, я бы не мѣшкавъ повергла бы себя къ стопамъ вашимъ, но лѣта, а паче печали, придвинули меня къ дверямъ гроба; если же доживу до пріѣзда вашего въ Москву и дозволите пасть къ ногамъ вашимъ, тогда всѣ горести забуду; между тѣмъ, препоручая себя и сына своего въ высокомонаршую милость, за счастіе поставляю именоваться

„вашего императорскаго величества
„вѣрноподданная
„княгиня Дашкова“.

„19 марта (1801).
„Село Троицкое.

„P. S. Зная душевную красоту и кротость вашу, не обинуяся осмѣливаюсь васъ, милостивѣйшій государь, просить засвидѣтельствовать ея императорскому величеству, августѣйшей вашей супругѣ, всеподданническое мое поздравленіе и благодарность за утѣшеніе въ бѣдствіяхъ моихъ, которое приносили мнѣ пожалованные ея и вашего величества портреты; сіи божественныя изображенія меня подкрѣпляли и оживляли.

„Простите милостиво дрожащихъ рукъ начертаніе“.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.



СМѢСЬ.



ОСУДАРСТВЕННОЕ древлехранилище въ теремахъ Большаго дворца въ московскомъ Кремлѣ, по высочайшему повелѣнію устроено въ 1855—1856 годахъ директоромъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, княземъ М. А. Оболенскимъ, по мысли и при содѣйствіи графа Д. Н. Блудова. Въ основу названнаго учрежденія положена идея сосредоточить въ одномъ мѣстѣ важнѣйшіе какъ письменные, такъ и другіе отечественные памятники государственнаго значенія, которые было предположено собрать изъ разныхъ нашихъ общественныхъ, церковныхъ и другихъ хранилищъ. По разнымъ причинамъ это предпріятіе далеко не было доведено до надлежащей полноты. Главная масса памятниковъ, составляющихъ древлехранилище, поступила: изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ московкой Оружейной палаты и изъ собственнаго собранія кн. М. А. Оболенскаго, а также по нѣскольку памятниковъ изъ московской синодальной библіотеки, изъ архива министерства юстиціи и изъ библіотеки московскаго императорскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ. Затѣмъ дальнѣйшее развитіе древлехранилища было пріостановлено. Но тѣмъ не менѣе и то, что было собрано въ древлехранилище въ первые годы его основанія, по древности, рѣдкости и высокому научному значенію собранныхъ памятниковъ, ставитъ его на степень нашихъ историческихъ и археологическихъ собраній первостепенной важности. По характеру памятниковъ древлехранилище распадается на два отдѣленія. Изъ нихъ въ составъ перваго входятъ памятники письменные; во второмъ отдѣленіи памятники вещественные, какъ-то: государственныя и другія печати, перстни, медали, монеты и проч. А. Е. Викторовъ впервые издалъ недавно для Общества Любителей Древней Письменности подробное описаніе находящагося въ древлехранилищѣ собранія памятниковъ письменныхъ. Заимствуемъ изъ этого описанія важнѣйшія данныя.

Общее количество памятниковъ, входящихъ въ составъ названнаго отдѣленія, восходитъ до 920 нумеровъ. Изъ нихъ грамотъ и другихъ актовъ, писанныхъ на открытыхъ листахъ и въ столбцахъ, 811, рукописей 77 и при этомъ славянскихъ старопечатныхъ книгъ 32. По своему содержанію и характеру, письменные памятники древлехранилища могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) древнія великокняжескія и царскія грамоты, на пергаментѣ и бумагѣ, числомъ 198, между которыми: 18 договорныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей съ Великимъ-Новгородомъ, съ 1265 по 1471 годъ. 84 договорныхъ грамоты великихъ и удѣльныхъ князей между собою, съ 1341 по 1566 годъ. 37 духовныхъ грамотъ (завѣщаній), съ 1328 по 1523 годъ. 59 жалованныхъ грамотъ, съ 1362 по 1725 годъ.

Большинство исчисленныхъ грамотъ, составляющихъ главное основаніе нашей дипломатики, давно обнародовано въ извѣстномъ монументальномъ изданіи гр. Н. П. Румянцева: „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ". Нѣкоторыя же изъ нихъ, именно изъ рубрики жалованныхъ грамотъ (до 40 нумеровъ), никогда изданы не были и въ наукѣ совсѣмъ неизвѣстны или изданы по позднѣйшимъ копіямъ.

Второй отдѣлъ разсматриваемаго собранія составляютъ подлинныя письма русскихъ государей и другихъ членовъ царскаго семейства, числомъ до 418, именно: 5 писемъ великаго князя Василія Ивановича, 180 писемъ патріарха Филарета Никитича, 116 писемъ царя Михаила Ѳеодоровича, 32 письма царицы Евдокіи Лукьяновны, 47 писемъ царицы-иноки Марѳы, и т. д., вообще тѣ письма русскихъ государей, которыя изданы подъ этимъ заглавіемъ археографическою комиссіею въ 1848 году. Здѣсь же: три грамоты царевича Алексѣя Алексѣевича, напечатанныя въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ" (I, подъ №№ 178—180), и 24 письма Петра Великаго къ императрицѣ Екатеринѣ I, напечатанныя въ изданіи архива министерства иностранныхъ дѣлъ (1861, вып. 1). Письма Петра Великаго и нѣкоторыя изъ писемъ Филарета Никитича собственноручныя; остальныя письма, по обычаямъ того времени, писаны дьяками. Въ этомъ же отдѣлѣ нѣсколько собственноручныхъ писемъ патріарха Никона.

Въ третьемъ отдѣлѣ собранія находятся акты, относящіеся къ утвержденію царской власти.

Въ составъ четвертаго отдѣла входятъ акты, относящіеся къ обрядамъ вѣнчанія русскихъ государей на царство (1547—1684) и къ царскимъ бракосочетаніямъ (1495—1684). Памятниковъ перваго разряда, писанныхъ частью на столбцахъ, частью въ книгахъ—21.

Къ пятому отдѣлу собранія принадлежатъ рукописныя и печатныя книги, изъ коихъ однѣ (конечно, въ другихъ экземплярахъ), по очень вѣроятному предположенію учредителей древлехранилища, должны были быть настольными у русскихъ государей, другія принадлежали имъ дѣйствительно.

Наконецъ шестой отдѣлъ собранія представляютъ акты и рукописи, къ идеѣ учрежденія древлехранилища, строго говоря, не относящіеся. Таковы, напримѣръ, тринадцать актовъ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества и объ избраніи и поставленіи патріарховъ на патріаршій престолъ (1581—1640); акты дипломатическіе (1709—1762), въ томъ числѣ нѣсколько грамотъ за подписью Петра Великаго и, наконецъ, около пятидесяти актовъ разнаго, большею частью административнаго и судебнаго содержанія, обнимающихъ время съ 1520 по 1716 годъ, преимущественно изъ собранія Малиновскаго. Отмѣтимъ также принадлежащіе къ разсматриваемому отдѣлу: десять пергаментныхъ листковъ и лоскутковъ, найденныхъ въ землѣ въ глиняномъ сосудѣ въ московскомъ Кремлѣ, близъ церкви Константина и Елены (изданы Бередниковымъ въ 1843 году); записныя приходныя книги по сбору мѣховъ въ Камчаткѣ (1715—1717), писанныя на берестѣ, и поддѣльную будто бы древнюю копію съ грамоты великаго князя Олега Ингваровича Рязанскаго, 23-го ноября 1257 года.

Русское Географическое Общество въ 1881 году. Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1881 годъ, вышедшій на-дняхъ, помимо свѣдѣній, уже появившихся въ свое время въ печати о дѣятельности общества, заключаетъ въ себѣ обстоятельныя данныя объ экспедиціяхъ и изданіяхъ общества. Самымъ важнымъ изъ научныхъ предпріятій было устройство международныхъ полярныхъ станцій, затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о сибирской экспедиціи г. Полякова на Сахалинъ, снаряженной на средства статсъ-секретаря К. К. Грота; о геологической экспедиціи г. Адріанова въ Кузнецкій край; о ботанико-географической экспедиціи г. Регеля въ Каратегинѣ и Дарвазѣ. Заслуживаютъ вниманія также участіе Географическаго Общества въ экспедиціи министерства путей сообщенія для изслѣдованія сухаго русла Аму-Дарьи, поѣздка г. Лессара въ Сераксъ, поѣздка г. Елисѣева въ Сирію. Это—въ предѣлахъ Азіи. Что же касается Европейской Россіи, тутъ надо отмѣтить изслѣдованія кавказскихъ ледниковъ, производимыя г. Мушкетовымъ, изслѣдованія г. Малахова до-историческихъ памятниковъ на Уралѣ, поѣздку г. Потанина въ Вятскую губернію съ цѣлью изслѣдованія вотяковъ, поѣздку г. Кузнецова туда же для изслѣдованія черемисъ и, наконецъ, тотъ же сотрудникъ общества продолжалъ свои работы въ отчетномъ году по изученію хлѣбной и

лѣсной торговли сѣверо-западнаго края. Издательская дѣятельность Географическаго Общества въ минувшемъ году представляла двѣ группы: съ одной стороны разработку и печатаніе матеріаловъ, собранныхъ экспедиціями общества, и изданіе отдѣльныхъ трудовъ, относящихся до познанія странъ, изученіе которыхъ составляетъ непосредственную задачу общества; другую группу составляло изданіе „Записокъ" и „Извѣстій" общества. Главный интересъ представляетъ, конечно, первая группа. Здѣсь заслуживаютъ особеннаго вниманія труды г. Потанина—„Очерки сѣверо-западной Монголіи" и г. Пржевальскаго—„Путешествіе въ пустыняхъ центральной Азіи".

Рукописная исторія французскихъ королей. Недавно найденъ во Франціи историческій документъ, о существованіи котораго было извѣстно, но который считали окончательно утраченнымъ. Это—рукописная исторія нѣсколькихъ французскихъ королей, которую перечитывалъ дофинъ во время заключенія своего въ Тамплѣ, дѣлая многочисленныя помѣтки на поляхъ рукописи. Герцогиня Ангулемская подарила эту рукопись семьѣ Шантерень, у которой она была украдена вмѣстѣ съ драгоцѣнными вещами. Похититель, однако, сознался въ этой кражѣ на смертномъ одрѣ и рукопись была возвращена, но на этотъ разъ одинъ изъ членовъ семьи Шантерень запряталъ ее такъ искусно, что рукопись долго не могли найти, считая ее истребленной, и даже вовсе забыли въ послѣднее время о ея существованіи. Недавно она была случайно найдена въ старомъ платяномъ комодѣ, въ замкѣ Шантерень, находящимся въ департаментѣ Сарты.

† **Графъ Ѳ. П. Литке.** Въ Петербургѣ, 8-го августа, послѣ продолжительной болѣзни скончался членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, адмиралъ графъ Ѳеодоръ Петровичъ Литке. Старшій изъ адмираловъ нашего флота, покойный былъ также членомъ александровскаго комитета о раненыхъ и почетнымъ членомъ Николаевской морской академіи. Извѣстный морякъ, кругосвѣтный плаватель и изслѣдователь-гидрографъ, покойный графъ оставилъ послѣ себя много замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій и работъ, сдѣлавшихъ имя его извѣстнымъ всему ученому міру и доставившихъ ему, въ 1864 году, почетное званіе президента императорской академіи наукъ. Постъ этотъ оставленъ имъ лишь въ концѣ прошлаго года, вслѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья и упадка силъ. Вся его жизнь была прежде всего посвящена нашему флоту. Уроженецъ Прибалтійскаго края, Ѳеодоръ Петровичъ поступилъ во флотъ юнкеромъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, въ 1813 году; въ томъ же году онъ заслужилъ знакъ отличія военнаго ордена подъ Данцигомъ и былъ произведенъ въ мичманы. По окончаніи знаменитой кампаніи, кончившейся освобожденіемъ Германіи, молодой мичманъ въ 1817 году отправился въ свое первое кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ „Діана", подъ командой капитанъ-лейтенанта В. М. Головнина. Въ этомъ первомъ плаваніи молодой морякъ сдѣлалъ свои первыя ученыя изслѣдованія, которыя сразу выдвинули его и обратили на него вниманіе не только моряковъ, но и ученыхъ. Въ 1821 году онъ былъ уже посланъ начальникомъ самостоятельной гидрографической экспедиціи для изслѣдованія и описанія береговъ Камчатки и Берингова пролива. Затѣмъ, слѣдуетъ изслѣдованіе Сѣвернаго океана и описаніе береговъ острова Новая Земля. Въ 1826 году, онъ снова отправился въ кругосвѣтное плаваніе командиромъ шлюпа „Сенявинъ". Результатомъ этого плаванія было образцовое учено-морское сочиненіе, изданное въ 1835 году въ четырехъ томахъ, доставившее автору славу ученаго моряка и изслѣдователя. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, описываются точныя магнитныя наблюденія и наблюденія надъ длиной секунднаго маятника, произведенныя самимъ авторомъ въ различныхъ точкахъ земнаго шара. Вскорѣ послѣ того Ѳеодоръ Петровичъ былъ избранъ покойнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ воспитателемъ его императорскаго высочества, великаго князя генералъ-адмирала Константина Николаевича, и продолжалъ службу, участвуя во всѣхъ плаваніяхъ и кампаніяхъ его высочества. Въ 1835 году, Ѳедоръ Петровичъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, а въ 1842 году, назначенъ генералъ-адъютантомъ его императорскаго величества. Въ вице-адмиралы онъ былъ произведенъ въ 1843 году, а въ 1845 году, назначенъ командиромъ порта и военнымъ губернаторомъ города Ревеля. Въ 1854 г., Ѳеодоръ Петровичъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ гор. Кронштадта, а въ 1855 г., произведенъ въ адмиралы. Въ этомъ же году онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въ 1866 году, по-

койному было пожаловано графское достоинство. Покойный адмиралъ скончался на 85-мъ году жизни, записавъ свое имя на страницахъ исторіи русскаго флота и науки, окруженный всеобщимъ уваженіемъ русской морской семьи, патріархомъ которой онъ, по словамъ „Кронштадтскаго Вѣстника", справедливо считался съ давнихъ поръ.

† **И. С. Гагаринъ.** 7-го (19-го) іюля, въ Парижѣ скончался членъ общества Іисуса, достопочтенный о. Иванъ Гагаринъ. Въ пятницу, 9-го (21-го) іюля, въ церкви св. Магдалины (de la Madeleine) происходило отпѣваніе. Русскихъ іезуитовъ очень немного. Въ извѣстномъ іезуитскомъ домѣ, въ Парижѣ (35, rue de Sèvres), пребывало только четыре члена конгрегаціи русскаго происхожденія, среди которыхъ Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ справедливо стяжалъ себѣ общее уваженіе. О. Иванъ Гагаринъ родился 20-го іюля 1814 года. Онъ сынъ князя Сергѣя Гагарина, бывшаго пензенскимъ вице-губернаторомъ. Его младшій братъ, Михаилъ, умеръ малолѣтнимъ; изъ трехъ сестеръ, двѣ княжны, обѣ Натальи, младшая и старшая, скончались, не достигши совершеннолѣтія, и только княжна Марія была замужемъ за С. П. Бутурлинымъ. Князь И. С. Гагаринъ получилъ прекрасное образованіе; природа щедро надѣлила его своими дарами; рожденіе предоставило ему полную возможность занять въ мірѣ видное положеніе. Онъ отказался отъ всего мірского и предпочелъ сосредоточить стремленіе своего созерцательнаго ума въ уютномъ помѣщеніи іезутскаго дома. Ставъ іезуитомъ, Гагаринъ не переставалъ быть русскимъ: онъ интересовался судьбами родины, много читалъ о Россіи и съ удовольствіемъ выслушивалъ извѣстія, сообщавшіяся ему русскими людьми, изрѣдка его навѣщавшими. Онъ не разрывалъ связей и со своими московскими соотечественниками и, несмотря на разницу въ религіозныхъ и политическихъ мнѣніяхъ, интересовался судьбою и сочиненіями Герцена и не прекращалъ съ нимъ сношеній; а когда Самаринъ написалъ свою книгу о іезуитахъ въ Россіи, издалъ обширное опроверженіе на французскомъ языкѣ многихъ мнѣній русскаго писателя, казавшихся ему ошибочными. Когда же И. С. Аксаковъ невыгодно отозвался о книгѣ русскаго іезуита, Гагаринъ вошелъ съ нимъ въ полемику, отрывки изъ которой помѣщались въ газетѣ г. Аксакова „День". Также и при другихъ нападкахъ на орденъ іезуитовъ, часто являвшихся въ заграничной печати, убѣжденный искренно въ правотѣ ордена, Гагаринъ защищалъ въ газетахъ и брошюрахъ ученія ордена, къ которому принадлежалъ. Онъ оставилъ также много французскихъ сочиненій богословскаго содержанія; но, сверхъ того, имъ написано нѣсколько брошюръ чисто историческаго и археологическаго содержанія, доказывающихъ его обширныя свѣдѣнія и многосторонній умъ. Извѣстно, что Гагарина упрекали въ томъ, будто онъ участвовалъ въ распространеніи клеветы, бывшей причиной дуэли и смерти Пушкина; но когда толки объ этомъ явились въ печати, Гагаринъ прислалъ изъ Парижа (въ 1865 году) письмо, напечатанное въ „Голосѣ" (въ № 197-мъ) и другое—въ „Русскомъ Архивѣ", въ которыхъ опровергнулъ взведенныя на него обвиненія. Въ 1868 году онъ издалъ замѣчательное изслѣдованіе о гимнахъ греческой церкви: „Les hymnes de l'église grecque, études réligieuses, historiques et littéraires".

Взятіе Нотебурга въ 1702 году.

(По поводу картины профессора Коцебу).

Въ 1700 году, Карлъ XII, разбивъ русскія войска подъ Нарвой и считая Петра Великаго надолго обезсиленнымъ, двинулся съ главными силами своей арміи въ Курляндію и Польшу, оставивъ для защиты шведскихъ областей со стороны Россіи не болѣе 15.000 человѣкъ. Изъ нихъ около 8.000 находились подъ начальствомъ полковника Шлиппенбаха въ окрестностяхъ Дерпта, а остальные, подъ начальствомъ генерала Крангіорта, занимали Ингерманландію.

Петръ, наученный горькимъ опытомъ, болѣе года ограничивался лишь обороной, стягивая войска къ Пскову, Новгороду и Ладогѣ, обучая и устраивая полки, запасая военный матерьялъ. Когда ему удалось, наконецъ, сосредоточить въ этихъ мѣстахъ около 50.000 человѣкъ, онъ рѣшился перейти въ наступленіе. Въ 1702 г., Шереметевъ уничтожилъ отрядъ Шлиппенбаха, при

Гумельсгофѣ, а Апраксинъ разбилъ Крангіорта на Ижорѣ. Обрадованный этими успѣхами, Петръ увидѣлъ возможность смѣлѣе идти къ главной цѣли, для которой началъ войну, т.-е. овладѣть берегами Финскаго залива. Но все еще не довѣряя силамъ и искусству своей арміи, онъ вознамѣрился начать дѣйствія не съ Нарвы, которую непріятель легко могъ подкрѣпить войсками, а съ пункта менѣе сильнаго и болѣе удаленнаго—крѣпости Нотебурга.

Крѣпость эта, выстроенная у истока Невы, совершенно запирала входъ въ нее изъ Ладожскаго озера. Гарнизонъ крѣпости состоялъ всего изъ 500 или 600 человѣкъ; но она имѣла 140 орудій и, находясь на острову, была вполнѣ обезпечена отъ аттаки открытою силою.

Не смотря на малочисленность нотебургскаго гарнизона, Петръ привелъ къ крѣпости бо̀льшую часть своихъ войскъ и въ концѣ сентября обложилъ ее по обоимъ берегамъ Невы.

Осада и затѣмъ штурмъ Нотебурга особенно замѣчательны по геройскому сопротивленію шведовъ и по необычайной настойчивости, съ которою наши войска превозмогли препятствія почти неодолимыя.

Еще при началѣ осады, для полнаго обложенія крѣпости было собрано множество судовъ на Ладожскомъ озерѣ; но, чтобы прервать сообщеніе по Невѣ, необходимо было имѣть и на ней суда. Провести ихъ изъ Ладожскаго озера было почти невозможно, ибо имъ приходилось плыть подъ самыми пушками крѣпости. Государь приказалъ перетащить суда берегомъ, черезъ лѣсъ, и спустить въ Неву. Такъ было перетянуто около 50-ти большихъ лодокъ. Въ званіи капитана бомбардирской роты Петръ Великій самъ управлялъ осадою и дѣйствіемъ батарей. Шереметевъ съ арміею стоялъ лагеремъ въ виду крѣпости, на лѣвомъ берегу Невы. Онъ сохранялъ званіе главнокомандующаго и получалъ обо всемъ донесенія отъ государя. Двѣ недѣли наши батареи громили крѣпость съ обоихъ береговъ Невы, но не могли сдѣлать удобовсходимыхъ проломовъ. Между тѣмъ, отъ неумѣренно частой стрѣльбы, значительная часть орудій пришла уже въ негодность и началъ оказываться недостатокъ въ военныхъ снарядахъ; поэтому на собранномъ военномъ совѣтѣ было рѣшено штурмовать крѣпость съ помощью лѣстницъ.

Государь выбралъ днемъ штурма 11-е октября. Наканунѣ изъ всѣхъ полковъ были вызваны охотники и распредѣлены на суда, стоявшія въ Ладожскомъ озерѣ въ полной готовности двинуться къ крѣпости. Ночью въ ней произошелъ пожаръ. Это обстоятельство, казалось, благопріятнымъ для успѣха и предъ разсвѣтомъ, по тремъ сигнальнымъ залпамъ съ царской батареи, всѣ суда устремились къ стѣнамъ. Гарнизонъ Нотебурга, не превышавшій уже 300 человѣкъ, мужественно встрѣтилъ и отбилъ это первое нападеніе; но оно тотчасъ было возобновлено гвардейскими полками. Подъ градомъ картечи, ядеръ и ручныхъ гранатъ, гвардейцы пристали къ острову у подошвы проломовъ и начали приставлять лѣстницы для штурма. Къ сожалѣнію, лѣстницы оказались короткими. Но храбрецы не отступили; стѣсненные у пролома, между подошвою стѣны и рѣкою, они втеченіе нѣсколькихъ часовъ выдерживали ужасный огонь гарнизона и напрасно истощали усилія взойти на стѣны. Наконецъ, Меншиковъ подвелъ съ берегу свѣжія силы и началъ переправлять ихъ для подкрѣпленія штурмующихъ. Такая настойчивость атакующихъ поколебала твердость гарнизона и комендантъ приказалъ ударить сдачу. Крѣпость сдалась на условіяхъ, по которымъ гарнизонъ отпущенъ съ оружіемъ и 4-мя пушками и съ распущенными знаменами. Вся русская армія выстроилась, чтобы отдать честь горсти героевъ: ихъ было только 83 здоровыхъ и 160 раненыхъ. Остатки пали во время осады и штурма. Наши войска потеряли 500 убитыми и 1.000 ранеными. Штурмъ продолжался тринадцать часовъ.

Государь приказалъ исправить укрѣпленія Нотебурга и переименовать его въ Шлиссельбургъ (ключъ-городъ) въ предзнаменованіе того, что крѣпость эта послужитъ ключемъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ и къ Балтійскому морю, до входа въ которое оставалось только шестьдесятъ верстъ.

О. Ш.

ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЦАРСТВОВАНІЯ

ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЯ КАРЛА IX

П. МЕРИМЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО



ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1882

ГЛАВА I.

Рейтары.

ВЪ НЕДАЛЕКОМЪ разстояніи отъ Этампа, со стороны Парижа, до сихъ поръ виднѣется большое четырехъ-угольное зданіе со стрѣльчатыми готическими окнами, на которыхъ сохранились остатки грубыхъ скульптурныхъ украшеній. Надъ дверью устроена ниша, гдѣ нѣкогда стояла каменная статуя Мадонны; но во время революціи она подверглась участи многихъ другихъ изображеній святыхъ. Президентъ революціоннаго клуба въ Ларси торжественно разбилъ ее при большомъ стеченіи публики. Впослѣдствіи, на этомъ мѣстѣ поставлена была другая, болѣе простая статуя св. Дѣвы, изъ гипса; но, благодаря украшающимъ ее шелковымъ лоскутьямъ и стекляннымъ бусамъ, она все еще довольно представительна и придаетъ почтенный видъ нынѣшнему питейному дому Клода Жиро.

Болѣе трехъ столѣтій тому назадъ, а именно въ 1572 году, это зданіе такъ же, какъ и теперь, служило убѣжищемъ для жаждущихъ и утомленныхъ путешественниковъ. Но въ тѣ времена оно имѣло снаружи совершенно иной видъ. Стѣны были покрыты надписями, которыя свидѣтельствовали о различныхъ превратностяхъ междоусобной войны. Рядомъ съ фразой: „Да здравствуетъ принцъ!“ (Конде), можно было прочесть: „Да здравствуетъ герцогъ Гизъ! Смерть гугенотамъ!“ Въ другомъ мѣстѣ какой-то солдатъ нарисовалъ углемъ висѣлицу съ повѣшеннымъ, а внизу, въ видѣ поясненія, сдѣлалъ надпись: Гаспаръ Шатильонъ. Но, повидимому, протестанты позднѣе господствовали въ этой мѣстности, потому что въ описываемое время имя ихъ предводителя было вычеркнуто и замѣнено именемъ герцога Гиза. Другія надписи, наполовину стертыя, которыя трудно было разобрать, а еще труднѣе передать въ приличныхъ выраженіяхъ, показывали, что король и его мать такъ же мало внушали къ себѣ уваженіе, какъ и предводители партій. Однако, несчастной Мадоннѣ пришлось всего болѣе пострадать отъ неистовствъ междоусобной войны

и религіозныхъ распрей. Статуя едва ли не въ двадцати мѣстахъ была повреждена пулями, что служило доказательствомъ того усердія, съ какимъ солдаты гугеноты уничтожали все то, что они называли „языческими изображеніями". Въ то время, какъ благочестивый католикъ, проходя мимо статуи, почтительно снималъ шапку, протестантъ считалъ своимъ долгомъ сдѣлать по ней выстрѣлъ, и если попадалъ въ цѣль, то гордился этимъ, какъ будто убилъ чудовище изъ Апокалипсиса и уничтожилъ идолопоклонство.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, былъ заключенъ миръ между двумя враждебными сектами; но клятва была произнесена устами, а не сердцемъ. По-прежнему была сильна ненависть между обѣими партіями. Все напоминало о недавнемъ окончаніи войны, и во всемъ видны были несомнѣнные признаки, что миръ не можетъ долѣе продолжаться.

Гостинница „Золотаго Льва" была переполнена солдатами. По ихъ иноземному выговору и странной одеждѣ можно было сразу узнать, что это нѣмецкіе всадники, носившіе названіе рейтаровъ (reîtres). Они предложили свои услуги протестантской партіи и выказывали ей особенное усердіе въ то время, когда получали наиболѣе щедрую плату. Если ловкость, съ какой эти иностранцы управляли лошадьми, и ихъ искусство въ стрѣльбѣ дѣлали ихъ грозными въ день битвы, то съ другой стороны они пользовались, быть можетъ, еще болѣе заслуженной репутаціей отчаянныхъ хищниковъ и безжалостныхъ побѣдителей. Отрядъ, который остановился въ гостинницѣ, состоялъ изъ пятидесяти всадниковъ; они наканунѣ выѣхали изъ Парижа и спѣшили въ Орлеанъ, гдѣ должны были расположиться гарнизономъ.

Въ то время, какъ одни чистили лошадей, привязанныхъ у стѣны, другіе занимались стряпней, подкладывали дрова въ печь и поворачивали вертела на огнѣ. Растерявшійся хозяинъ гостинницы, съ колпакомъ въ рукѣ, смотрѣлъ сквозь слезы на сцену безпорядка, происходившую въ кухнѣ. Онъ видѣлъ полное расхищеніе своего птичьяго двора и разграбленіе погреба; отъ бутылокъ отбивали горлышки, не давая себѣ труда откупорить ихъ; и, что всего хуже, онъ былъ убѣжденъ, что, несмотря на строгіе приказы короля относительно военной дисциплины, ему нечего ожидать вознагражденія отъ тѣхъ, которые обходились съ нимъ, какъ съ непріятелемъ. Всѣмъ было извѣстно, что въ эту несчастную эпоху, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, всякая вооруженная шайка, гдѣ бы она ни находилась, жила насчетъ безоружныхъ жителей и безнаказанно распоряжалась ихъ имуществомъ.

За дубовымъ столомъ, почернѣвшимъ отъ жира и копоти, сидѣлъ капитанъ рейтаровъ. Это былъ высокій, дородный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ орлинымъ носомъ, краснымъ лицомъ и рѣдкими волосами съ просѣдью, которые едва покрывали широкій шрамъ, идущій отъ праваго уха до густыхъ усовъ. Онъ снялъ съ себя латы и ка-

ску и остался въ курткѣ изъ венгерской кожи, почернѣвшей отъ постояннаго ношенія оружія и старательно починенной въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Сабля и пистолетъ лежали возлѣ него на скамейкѣ; онъ оставилъ на себѣ только широкій кинжалъ, съ которымъ предусмотрительные люди разставались тогда не иначе, какъ ложась въ постель.

Налѣво отъ него сидѣлъ краснощекій юноша, высокаго роста и довольно красиво сложенный. Куртка его была вышита и во всемъ костюмѣ проглядывало больше изысканности, нежели у его товарища, хотя онъ былъ только корнетъ и подчиненный капитана.

За тѣмъ же столомъ сидѣли двѣ молодыя женщины, лѣтъ двадцати или двадцати пяти. Ихъ платья, одѣтыя съ чужаго плеча, и представлявшія смѣсь нищеты и роскоши, достались имъ, благодаря случайностямъ войны. На одной былъ надѣтъ поношенный корсажъ изъ шелковой камки, затканной золотомъ, и простая холстинная юбка. Другая была въ бархатномъ фіолетовомъ платьѣ и въ мужской шляпѣ изъ сѣраго войлока, украшенной пѣтушьимъ перомъ. Обѣ были недурны собой; но ихъ смѣлые взгляды и свободныя рѣчи показывали привычку вращаться среди солдатъ. Онѣ пріѣхали изъ Германіи безъ опредѣленнаго занятія. Одна изъ нихъ, одѣтая въ бархатномъ платьѣ, была цыганка; она умѣла гадать въ карты и играла на мандолинѣ. Другая имѣла нѣкоторыя свѣдѣнія въ хирургіи и, повидимому, пользовалась особымъ уваженіемъ корнета.

Передъ каждымъ изъ четырехъ собесѣдниковъ стояла большая бутылка вина и стаканъ; они разговаривали и пили въ ожиданіи ужина.

Но разговоръ шелъ вяло, какъ это всегда бываетъ съ проголодавшимися людьми. Въ это время къ воротамъ гостинницы подъѣхалъ на красивомъ алансонскомъ конѣ молодой человѣкъ, высокаго роста и довольно изящно одѣтый. Трубачъ рейтаровъ, сидѣвшій на скамейкѣ, поднялся съ мѣста и, подойдя къ незнакомцу, взялъ поводья его лошади. Незнакомецъ, принимая это за любезность, хотѣлъ было поблагодарить его, но тотчасъ же убѣдился въ своей ошибкѣ, потому что трубачъ поднялъ голову лошади и посмотрѣлъ ей въ зубы съ видомъ знатока; затѣмъ, отойдя на нѣсколько шаговъ и разглядывая ноги и спину благороднаго животнаго, покачалъ головой съ видомъ человѣка, удовлетворившаго свое любопытство.

— У васъ добрый конь, монтсиръ! сказалъ онъ ломаннымъ французскимъ языкомъ и добавилъ по-нѣмецки нѣсколько словъ, возбудившихъ смѣхъ его товарищей, среди которыхъ онъ опять усѣлся на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Безцеремонное обращеніе трубача не понравилось путешественнику, но онъ удовольствовался тѣмъ, что презрительно взглянулъ на рейтара и сошелъ съ лошади.

Хозяинъ гостинницы, выйдя на встрѣчу посѣтителю, почтительно

взялъ поводья изъ его рукъ и сказалъ вполголоса, чтобы рейтары не могли разслышать его словъ:

— Господь да благословитъ васъ, молодой господинъ! Но вы пожаловали не во-время; здѣсь остановилась компанія этихъ нечестивцевъ. Не мѣшало бы святому Христофору свернуть имъ шеи! Намъ съ вами, какъ истиннымъ христіанамъ, ихъ присутствіе не можетъ доставить особеннаго удовольствія.

На лицѣ молодаго человѣка появилась грустная улыбка.

— Эти господа, вѣроятно, протестанты? спросилъ онъ.

— И вдобавокъ рейтары! продолжалъ хозяинъ.—Да поразитъ ихъ гнѣвъ святой Богородицы! Они здѣсь не больше часа, а уже переломали половину моей мебели. Они такіе же безсовѣстные грабители, какъ ихъ начальникъ, г-нъ де-Шатильонъ, этотъ прославленный адмиралъ сатаны.

— При такой сѣдой бородѣ, какъ ваша, не мѣшало бы имѣть побольше осторожности! Какъ вамъ не пришло въ голову, что вы, быть можетъ, говорите съ протестантомъ? Ну, а если онъ вздумаетъ отвѣтить какъ слѣдуетъ на ваши слова!

Говоря это, незнакомецъ билъ хлыстомъ по своему бѣлому кожаному сапогу.

— Какъ!.. неужели!.. вы гугенотъ, протестантъ! хотѣлъ я сказать, воскликнулъ удивленный хозяинъ. Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и разглядывалъ незнакомца съ головы до ногъ, какъ бы отыскивая какой нибудь признакъ, по которому можно было бы узнать, къ какой религіи онъ принадлежитъ. Красивый нарядъ молодаго человѣка и его открытое улыбающееся лицо мало-по-малу успокоили трактирщика; и онъ продолжалъ вполголоса: — Протестантъ въ зеленомъ бархатномъ платьѣ! гугенотъ съ брыжами à l'espagnole! Это невѣроятно!.. Нѣтъ, молодой господинъ, такого щегольскаго платья не бываетъ у еретиковъ. Пресвятая Марія! Камзолъ изъ тончайшаго бархата!.. Это слишкомъ красиво для такихъ негодяевъ!..

Въ тотъ же моментъ хлыстъ свиснулъ по воздуху и ударилъ по щекѣ бѣднаго содержателя гостинницы, не оставивъ въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вѣроисповѣданія его собесѣдника.

— Вотъ тебѣ, дерзкій болтунъ! Я научу тебя держать языкъ за зубами!.. Но довольно объ этомъ!.. Сведи мою лошадь въ конюшню и позаботься о ней.

Содержатель гостинницы печально опустилъ голову и повелъ лошадь подъ навѣсъ, проклиная въ душѣ нѣмецкихъ и французскихъ еретиковъ; и если бы молодой человѣкъ не послѣдовалъ за нимъ, то бѣдному животному, вѣроятно, пришлось бы пострадать за своего хозяина и остаться безъ ужина.

Немного погодя, незнакомецъ вошелъ въ кухню и поклонился небольшому обществу, сидѣвшему за дубовымъ столомъ, слегка приподнявъ свою большую шляпу, украшенную чернымъ и желтымъ перомъ.

Капитанъ отвѣтилъ на его поклонъ, и оба они нѣсколько минутъ молча осматривали другъ друга.

— Капитанъ, сказалъ незнакомецъ, я дворянинъ протестантъ; и очень радъ, что встрѣчаю здѣсь моихъ собратій по религіи. Если вы ничего не имѣете противъ этого, то поужинаемъ вмѣстѣ.

Благородная осанка и изящный костюмъ незнакомца расположили капитана въ его пользу; онъ вѣжливо отвѣтилъ, что считаетъ себя польщеннымъ такой честью. Мила, одна изъ молодыхъ женщинъ, цыганка по происхожденію, о которой мы говорили выше, пригласила его сѣсть возлѣ себя на скамьѣ; и такъ какъ она вообще отличалась услужливостью, то подала ему стаканъ, который капитанъ тотчасъ же наполнилъ виномъ.

— Мое имя Дитрихъ Горнштейнъ, сказалъ капитанъ, чокаясь съ молодымъ человѣкомъ.—Вы, вѣроятно, слыхали о капитанѣ Дитрихѣ Горнштейнѣ? Я командовалъ отрядомъ „Enfants-Perdus“ [1]) въ битвѣ близъ Дрё, а затѣмъ при Арнау-ле-Дюкъ.

Незнакомецъ понялъ, что въ этихъ словахъ заключается косвенный вопросъ и отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, я не могу назвать себя такимъ громкимъ именемъ, какъ ваше, капитанъ! Я говорю лично о себѣ, потому что имя моего отца извѣстно въ нашихъ междоусобныхъ войнахъ. Меня зовутъ Бернаръ Мержи...

— Никто лучше меня не знаетъ этого имени! воскликнулъ Горнштейнъ, наполняя свой стаканъ. — Я хорошо помню вашего отца, мосье Бернаръ де-Мержи! Я познакомился съ нимъ въ самомъ началѣ нашихъ войнъ и былъ его близкимъ пріятелемъ. За его здоровье, мосье Бернаръ!

Горнштейнъ поднялъ свой стаканъ и сказалъ нѣсколько словъ по-нѣмецки присутствующимъ солдатамъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ поднесъ вино къ губамъ, рейтары громко крикнули и бросили вверхъ свои шляпы.

Хозяину гостинницы представилось, что это сигналъ къ рѣзнѣ; онъ въ испугѣ бросился на колѣни. Даже Бернаръ былъ нѣсколько удивленъ этой неожиданной почестью; но тѣмъ не менѣе счелъ своимъ долгомъ отвѣтить на эту германскую любезность предложеніемъ выпить за здоровье капитана.

Въ бутылкахъ, которыми усердно пользовались до его прибытія, не оказалось вина для этого новаго тоста.

— Встань, ханжа! крикнулъ капитанъ, обращаясь къ хозяину,

---

[1]) Les Enfants-Perdus составляли часть французской милиціи и выбирались большинствомъ голосовъ изъ цѣлой арміи. Ихъ употребляли для опасныхъ экспедицій и отдѣльныхъ стычекъ; они исполняли также роль развѣдчиковъ и вольтижеровъ и первые вступали въ битву. При Людовикѣ XIII-мъ и Людовикѣ XIV-мъ ихъ выбирали преимущественно изъ мушкетеровъ и гренадеровъ. Впослѣдствіи Enfants-Perdus называли волонтеровъ. Прим. перев.

все еще стоявшему на колѣняхъ.—Притащи еще вина. Развѣ ты не видишь, что бутылки пусты?

Корнетъ, чтобы еще болѣе убѣдить его въ этомъ, бросилъ ему въ голову одну изъ бутылокъ.

Хозяинъ побѣжалъ въ погребъ.

— Этотъ человѣкъ дерзкій и заносчивый дуракъ, сказалъ Мержи,— но если бы бутылка попала въ него, то вы могли бы, помимо вашего желанія, повредить ему черепъ!

— Не велика бѣда! возразилъ съ хохотомъ корнетъ.

— Голова паписта крѣпче этихъ бутылокъ, хотя также пуста! замѣтила Мила.

Корнетъ разразился еще болѣе громкимъ смѣхомъ; всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру, не исключая Мержи, который былъ несовсѣмъ доволенъ грубой шуткой своей сосѣдки, но невольно улыбался, глядя на ея красивый ротикъ.

Принесли еще вина; затѣмъ поданъ былъ ужинъ. Всѣ принялись усердно за ѣду. Капитанъ послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

— Мнѣ ли не знать полковника де-Мержи! Онъ командовалъ пѣхотой во время перваго похода принца Конде. При осадѣ Орлеана мы прожили съ нимъ два мѣсяца въ одномъ и томъ же домѣ. Какъ его здоровье теперь?

— Довольно сносно для его преклонныхъ лѣтъ, такъ что остается только благодарить Бога. Онъ часто разсказывалъ мнѣ о рейтарахъ и ихъ удачныхъ аттакахъ во время сраженія при Дрё.

— Я зналъ также его старшаго сына... вашего брата, капитанъ Жоржъ. Тогда еще онъ...

Мержи видимо смутился при этихъ словахъ.

— Нужно отдать ему справедливость, продолжалъ капитанъ;—онъ никому не уступитъ въ храбрости. Но чортъ возьми, что это за горячая голова. Я воображаю, какъ былъ огорченъ вашъ отецъ его отступничествомъ.

Мержи еще больше покраснѣлъ и пробормоталъ нѣсколько словъ въ оправданіе брата, хотя видно было, что онъ еще строже относится къ нему, нежели капитанъ рейтаровъ.

— Извините, что огорчилъ васъ! сказалъ капитанъ,—поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Это немаловажная потеря для религіи и большая находка для короля, который, по слухамъ, оказываетъ величайшій почетъ вашему брату...

— Вы изъ Парижа, прервалъ его Мержи, чтобы перемѣнить разговоръ.—Пріѣхалъ ли адмиралъ? Вамъ, вѣроятно, удалось видѣть его? Какъ его здоровье?

— Онъ пріѣхалъ съ дворомъ изъ Блуа, какъ разъ передъ нашимъ отъѣздомъ. Онъ совершенно здоровъ, свѣжъ и бодръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Славный парень! онъ выдержитъ еще двадцать

междоусобныхъ войнъ. Его величество относится къ нему съ такимъ уваженіемъ, что паписты готовы лопнуть съ досады.

— Въ самомъ дѣлѣ! Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы король былъ въ состояніи когда либо оцѣнить надлежащимъ образомъ всѣ его достоинства.

— Вотъ, напримѣръ, я видѣлъ вчера короля на лѣстницѣ въ Луврѣ: онъ жалъ руку адмиралу. Гизъ шелъ сзади и имѣлъ самый жалкій видъ, точно собака, которая поджала хвостъ отъ побоевъ. Знаете ли вы, что я подумалъ въ эту минуту? Король произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, показывающаго льва на ярмаркѣ, когда онъ заставляетъ звѣря подать себѣ лапу, и хочетъ при этомъ выказать твердость и храбрится, но не можетъ забыть, что лапа, которую онъ держитъ въ рукахъ, съ страшнѣйшими когтями. Да, клянусь своей бородой, мнѣ показалось, что король чувствовалъ когти адмирала.

— У него долгія руки! сказалъ корнетъ.

(Эта фраза, которая служила выраженіемъ того вліянія, которымъ пользовался адмиралъ Колиньи, вошла въ поговорку у протестантовъ).

— Для своихъ лѣтъ это замѣчательно красивый мужчина! замѣтила Мила.

— Я предпочла бы имѣть его своимъ любовникомъ, нежели любаго изъ молодыхъ папистовъ, добавила Трудхенъ, пріятельница корнета.

— Онъ истинный столпъ религіи! сказалъ Мержи, желая съ своей стороны сказать что нибудь въ похвалу адмиралу.

— Да, но онъ чертовски строгъ относительно дисциплины, замѣтилъ капитанъ, покачавъ головой.

Корнетъ многозначительно подмигнулъ ему въ отвѣтъ, и его толстая физіономія съежилась въ гримасу, которой онъ напрасно хотѣлъ придать нѣчто похожее на улыбку.

— Я не ожидалъ—сказалъ Мержи,—что такой старый служака, какъ вы, капитанъ, поставите въ упрекъ адмиралу строгую дисциплину, которую онъ ввелъ въ своей арміи.

— Само собою разумѣется, что дисциплина необходима; но слѣдуетъ имѣть въ виду труды и лишенія, какія приходится переносить солдату, и позволить ему при случаѣ извѣстныя развлеченія. Впрочемъ, у всякаго человѣка свои недостатки! Хотя меня вздернули на висѣлицу по приказанію адмирала, но я первый готовъ выпить за его здоровье.

— Какъ! адмиралъ приказалъ васъ повѣсить? Однако, у васъ замѣчательно бодрый видъ для человѣка, побывавшаго на висѣлицѣ.

— Да, чортъ побери! Онъ приказалъ меня повѣсить; но я не злопамятенъ и предлагаю тостъ за его здоровье.

Съ этими словами капитанъ наполнилъ стаканы виномъ, снялъ шляпу и велѣлъ своимъ солдатамъ трижды прокричать ура.

Такимъ образомъ, Мержи могъ возобновить свои вопросы только тогда, когда вино было допито и шумъ окончательно затихъ.

— За что же повѣсили васъ, капитанъ? спросилъ онъ.

— За сущую бездѣлицу! Вся наша вина заключалась въ разграбленіи древняго монастыря Сентонжъ, который мы вслѣдъ затѣмъ сожгли севершенно случайно.

— Да, но не всѣ монахи успѣли тогда выйти изъ него! — замѣтилъ корнетъ и громко захохоталъ отъ своей остроумной шутки.

— Не велика бѣда, если сгораютъ подобныя канальи! — продолжалъ капитанъ. — Туда имъ и дорога, сожгутъ ихъ немного раньше или позже, — не все ли равно? Но повѣрите ли, мосье де-Мержи, адмиралъ не на шутку разсердился на насъ за это и приказалъ меня арестовать, а его главный профосъ, не вникнувъ въ сущность дѣла, присудилъ меня къ повѣшенію. Тогда всѣ окружающіе адмирала дворяне и сеньоры стали просить его о помилованіи, не исключая Лену, который, какъ вамъ извѣстно, не отличается мягкимъ сердцемъ относительно нашего брата-солдата, такъ что о немъ даже составилась поговорка, что онъ только умѣетъ завязывать петли для висѣлицъ, а не развязывать ихъ. Капитаны также просили за меня; но адмиралъ отказалъ всѣмъ на-отрѣзъ. Прахъ его возьми, какъ онъ разозлился тогда! Не помня себя отъ ярости, онъ грызъ свою зубочистку; а вы знаете нашу поговорку: Избави насъ Боже отъ „Отче Нашъ“ Монморанси и зубочистки адмирала! Онъ даже сказалъ такую фразу: „Господь да проститъ мои прегрѣшенія; но я считаю необходимымъ убить мародерство въ зародышѣ, а не тогда, когда оно достигнетъ чудовищныхъ размѣровъ и погубитъ насъ!“ Затѣмъ явился священникъ съ своей книгой, которую онъ держалъ подъ мышкой; насъ обоихъ, т. е. меня и товарища, повели подъ одинъ дубъ... Мнѣ кажется, что я и теперь вижу его; одна вѣтка далеко выступила впередъ, какъ будто нарочно выросла для этого... Мнѣ надѣли петлю на шею... Всякій разъ, какъ я только вспомню объ этой веревкѣ, у меня пересыхаетъ горло, какъ трутъ.

— Вы можете этимъ смочить себѣ горло, сказала Мила, наполнивъ стаканъ разсказчика.

Капитанъ выпилъ залпомъ вино и продолжалъ:

— Я уже воображалъ себя не болѣе ни менѣе, какъ въ положеніи желудя на дубѣ; но тутъ я осмѣлился сказать амиралу: „Что вы дѣлаете, милостивѣйшій сеньоръ! Развѣ вѣшаютъ человѣка, который предводительствовалъ отрядомъ Enfants-Perdus въ битвѣ при Дрё!“ Я замѣтилъ, что онъ выплюнулъ зубочистку и взялъ другую; и я подумалъ: это хорошій знакъ! Онъ подозвалъ къ себѣ капитана Кормье и шепнулъ ему что-то на ухо, затѣмъ обращаясь къ профосу, сказалъ громко: „Повѣсьте его!“ Съ этими словами онъ повернулъ спину и ушелъ. Меня и взаправду вздернули на воздухъ; но

тутъ добрякъ Кормье перерѣзалъ веревку своей шпагой, такъ что я упалъ съ вѣтки на землю, красный, какъ вареный ракъ.

— Вы счастливо выпутались изъ бѣды! — замѣтилъ Мержи, внимательно разсматривая расказчика. Общество человѣка, справедливо заслужившаго висѣлицу, до извѣстной степени тяготило его. Но въ эти злополучныя времена преступленія были такимъ обычнымъ явленіемъ, что невозможно было относиться къ нимъ такъ строго, какъ теперь. Жестокости одной партіи оправдывали репрессивныя мѣры другой. Помимо этого были и побочныя причины, заставлявшія Мержи относиться снисходительно къ своимъ собутыльникамъ: во-первыхъ, кокетничанье Милы, которая все больше и больше нравилась ему, а, во вторыхъ, вино, дѣйствовавшее сильцѣе на его молодой мозгъ, чѣмъ на закаленныя головы рейтаровъ.

— Цѣлыхъ восемь дней я прятала капитана въ крытой телѣгѣ и позволяла ему выходить изъ нея только по ночамъ, — сказала Мила.

— А я—добавила Трудхенъ—приносила ему тайкомъ питье и ѣду; онъ можетъ подтвердить это!

— Адмиралъ сдѣлалъ видъ, что сердится на Кормье, — продолжалъ капитанъ, — но въ сущности это была только комедія, потому что все заранѣе было условлено между ними. Что касается меня лично, то я долго оставался въ послѣдних рядахъ арміи, не смѣя показаться на глаза адмиралу; наконецъ, при осадѣ Ланьяка онъ увидѣлъ меня въ траншеѣ и сказалъ: — „Мой другъ Дитрихъ, такъ какъ ты не умеръ на висѣлицѣ, то постарайся, по крайней мѣрѣ, чтобы тебя застрѣлили!“ Съ этими словами онъ указалъ на брешь. Я понялъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать, и смѣло пошелъ на приступъ; а на другой день представился ему на главной улицѣ съ прострѣленной шляпой въ рукахъ.— „Милостивѣйшій сеньоръ“,—сказалъ я ему,— „меня застрѣлили тѣмъ же самымъ способомъ, какъ нѣкогда повѣсили“. Онъ улыбнулся и, подавая мнѣ кошелекъ, сказалъ:—„Возьми это и купи себѣ новую шляпу!“ Съ этого времени мы всегда ладили съ нимъ. Что за золотое дно былъ этотъ городъ Ланьякъ! Даже теперь слюнки текутъ, когда вспоминаю о немъ.

— Какія тамъ были чудесныя шелковыя платья! воскликнула Мила.

— И какое множество отличнаго бѣлья!—добавила Трудхенъ.

— Дали же мы себя знать монахинямъ тамошняго монастыря!— сказалъ корнетъ. — Представьте себѣ, подъ одной кровлей двѣсти конныхъ мушкетеровъ и сотня монахинь!..

— Гугеноты такъ пришлись имъ по вкусу,—замѣтила Мила, — что болѣе двадцати монахинь отреклись отъ папизма.

— Стоило тогда посмотрѣть на нашихъ карабинеровъ!—воскликнулъ капитанъ. — Они ходили на водопой въ священническихъ ри-

вахъ; лошади ѣли овесъ на алтаряхъ, а мы пили превосходное вино въ серебряныхъ церковныхъ сосудахъ!

Онъ оглянулся, чтобы спросить еще вина, и увидѣлъ содержателя гостинницы, который поднялъ руки къ небу, съ выраженіемъ неизъяснимаго ужаса на лицѣ.

— Дуралей!—замѣтилъ храбрый Дитрихъ Горштейнъ, пожимая плечами.—Я не понимаю, какъ могутъ быть люди настолько глупы, чтобы вѣрить всѣмъ нелѣпостямъ, которыя распускаютъ священники паписты. Такъ, напримѣръ, во время сраженія при Монконтурѣ, я убилъ выстрѣломъ изъ пистолета одного дворянина изъ отряда герцога Анжуйскаго. Когда я снялъ съ него куртку, то какъ вы думаете, мосье Мержи, что̀ я увидѣлъ у него на животѣ? Большой кусокъ шелковой матеріи, исписанный именами святыхъ. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что это предохранитъ его отъ пуль. Но, чортъ возьми, я ему доказалъ, что не существуетъ такого талисмана, который бы не пробила протестантская пуля.

— Само собою разумѣется! — прервалъ корнетъ; — но и на моей родинѣ продаютъ пергаменты, которые предохраняютъ отъ свинца и желѣза.

— Я предпочелъ бы всему этому, — сказалъ Мержи, — хорошіе стальные латы, въ родѣ тѣхъ, какія изготовляетъ Жакъ Леско въ Нидерландахъ.

— Однако, нельзя отрицать,—сказалъ капитанъ,—что можно сдѣлать человѣческое тѣло неуязвимымъ. Въ Дрё я видѣлъ собственными глазами дворянина, которому мушкетный выстрѣлъ попалъ прямо въ грудь; но онъ зналъ рецептъ одной мази и натерся ею подъ своей курткой изъ буйволовой кожи. Что же вы думаете, на мѣстѣ выстрѣла не видно было даже чернаго и краснаго пятна, которое всегда остается послѣ контузіи.

— Развѣ вы не допускаете, что достаточно было упомянутой вами буйволовой кожи, чтобы уменьшить силу мушкетнаго выстрѣла?

— Вы, французы, ничему не хотите вѣрить! Но что сказали бы вы, если бы видѣли, такъ же какъ я, сицилійскаго жандарма, который положилъ при насъ руку на столъ, и никакіе удары ножа не могли ранить ее. Вы смѣетесь, и считаете это невозможнымъ; но спросите Милу. Вы видите эту дѣвушку? Она родомъ изъ страны, гдѣ колдуны встрѣчаются такъ же часто, какъ здѣсь монахи; она можетъ разсказать вамъ страшныя исторіи. Въ длинные осенніе вечера, когда мы сидѣли у огня подъ открытымъ небомъ, у меня подчасъ волосы становились дыбомъ отъ ея разсказовъ.

— Мнѣ очень хотѣлось бы услышать одинъ изъ нихъ,—сказалъ Мержи.—Прелестная Мила, доставьте мнѣ это удовольствіе.

— Да, Мила,—добавилъ капитанъ,—разскажи намъ какую нибудь исторію, пока мы допиваемъ эти бутылки.

— Ну, такъ слушайте!—сказала Мила,—а вы, молодой господинъ,

ни во что не вѣрующій, сдѣлайте одолженіе, оставьте про себя ваши сомнѣнія.

— Почему вы думаете, что я ни во что не вѣрю? возразилъ вполголоса Мержи;—клянусь честью, мнѣ кажется, что вы заколдовали меня; я влюбился въ васъ по-уши.

Мила слегка оттолкнула его, потому что губы Мержи почти касались ея щеки. Затѣмъ она взглянула украдкой по сторонамъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли слушаютъ ее, и начала свой разсказъ:

— Капитанъ, вы, вѣроятно, бывали въ Гамельнѣ?

— Ни разу въ моей жизни.

— А вы, корнетъ?

— Я также никогда не бывалъ тамъ.

— Какъ! Неужели никто изъ васъ не знаетъ Гамельна?

— Я прожилъ тамъ цѣлый годъ, сказалъ одинъ изъ рейтаровъ, подходя къ столу.

— Ну, Фрицъ, значитъ, ты видѣлъ церковь въ Гамельнѣ?

— Разъ сто, если не больше.

— И видѣлъ также большія расписанныя стекла?

— Само собою разумѣется!

— Не можешь ли сказать намъ, что̀ нарисовано на этихъ стеклахъ?

— На этихъ стеклахъ?.. Если не ошибаюсь, то на лѣвомъ окнѣ нарисованъ большой черный человѣкъ, играющій на флейтѣ, и маленькія дѣти, которыя бѣгутъ за нимъ.

— Совершенно вѣрно. Ну, слушайте, я разскажу вамъ исторію этого чернаго человѣка и этихъ дѣтей. Много лѣтъ тому назадъ, жители Гамельна были обезпокоены безчисленнымъ множествомъ крысъ, пришедшихъ съ сѣвера такими огромными ватагами, что земля совсѣмъ почернѣла отъ нихъ; и ни одинъ крестьянинъ въ это время не рѣшался проѣхать въ тѣлѣгѣ по дорогѣ, по которой пробирались эти животныя. Они все пожирали въ одно мгновеніе ока, а въ амбарѣ крысамъ легче было съѣсть бочку ржи, нежели мнѣ выпить стаканъ этого хорошаго вина.

Она выпила стаканъ и продолжала:

— Мышеловки, крысоловки, ядъ, западни — все было напрасно. Изъ Бремена выписали лодку, нагруженную 1.100 крысами, но и это не подѣйствовало. Едва успѣютъ уничтожить тысячу крысъ, какъ на ихъ мѣсто является другія десять тысячъ, и еще болѣе голодныхъ, нежели первыя. Однимъ словомъ, если бы не нашлось средства противъ этой язвы, то въ Гамельнѣ не осталось бы ни одного зерна ржи и всѣ жители умерли бы съ голоду.

Но вотъ однажды, въ пятницу, къ городскому бургомистру явился человѣкъ высокаго роста, смуглый, худощавый, съ большими глазами, ртомъ до ушей, въ красной курткѣ, остроконечной шляпѣ, въ широкомъ исподнемъ платьѣ, украшенномъ лентами, въ сѣрыхъ чулкахъ и башмакахъ съ розетками огненнаго цвѣта. У пояса его висѣлъ небольшой

кожаный мѣшокъ. Мнѣ кажется, что я и теперь вижу его передъ собой.

Всѣ невольно устремили глаза на стѣну, на которую смотрѣла Мила.

— Развѣ вы видѣли его когда нибудь? спросилъ Мержи.

— Не я, а моя бабушка; она такъ хорошо помнила его, что могла бы нарисовать его портретъ.

— Что сказалъ онъ бургомистру?

— Онъ предложилъ ему за сто дукатовъ избавить городъ отъ опустошавшей его язвы. Какъ и слѣдовало ожидать, бургомистръ и бюргеры тотчасъ же согласились на эту сдѣлку. Тогда незнакомецъ вышелъ на торговую площадь, всталъ передъ церковью, но замѣтьте—спиной къ ней, вынулъ изъ своего кармана бронзовую флейту и началъ наигрывать странную арію, какую никогда не игралъ ни одинъ нѣмецкій флейтистъ. Мыши и крысы, услыхавъ эту арію, стали сбѣгаться къ нему сотнями и тысячами со всѣхъ чердаковъ, щелей въ стѣнахъ, изъ-подъ стропилъ и черепицъ городскихъ крышъ. Незнакомецъ, не переставая играть на флейтѣ, направился къ Везеру, снялъ съ себя обувь и вошелъ въ воду въ сопровожденіи всѣхъ крысъ Гамельна, которыя тутъ же и перетонули. Но въ городѣ оставалась еще одна крыса, и вы сейчасъ узнаете, почему. Колдунъ (это былъ онъ) спросилъ у одной крысы, отставшей отъ своихъ товарищей, которая еще не успѣла войти въ рѣку, почему не пришла бѣлая крыса Клауссъ?—„Милостивый государь“, отвѣтила крыса, „Клауссъ такъ стара, что уже не въ состояніи ходить“. — „Пойди и приведи ее сюда!“ отвѣтилъ колдунъ. Крыса пошла назадъ въ городъ и скоро вернулась съ толстой бѣлой крысой, которая была такъ стара, что съ трудомъ передвигала ноги. Тогда молодая крыса потащила ее за хвостъ и онѣ обѣ вошли въ Везеръ и потонули, какъ вся ихъ остальная компанія. Такимъ образомъ, городъ былъ очищенъ отъ крысъ. Но когда незнакомецъ явился въ ратушу, чтобы получить обѣщанную награду, то бургомистръ и бюргеры разсудили, что имъ нечего больше опасаться крысъ и можно подешевле отдѣлаться отъ человѣка, не имѣющаго никакой протекціи. Въ виду этого, они не постыдились предложить ему десять дукатовъ вмѣсто обѣщанныхъ ста. Незнакомецъ сталъ настойчиво требовать деньги, но его послали ко всѣмъ чертямъ. Онъ пригрозилъ имъ, что заставитъ ихъ заплатить еще дороже, если они не исполнятъ въ точности заключеннаго съ нимъ условія. Бюргеры покатились со-смѣху при этой угрозѣ и вытолкали его за дверь ратуши, назвавъ его въ насмѣшку прекраснымъ крысоловомъ. Эту кличку подхватили уличные ребятишки и проводили его съ крикомъ по улицамъ до Новыхъ Воротъ. Въ слѣдующую пятницу, ровно въ полдень, незнакомецъ опять появился на торговой площади; но на этотъ разъ въ пунцовой шляпѣ съ полями, загнутыми самымъ страннымъ образомъ. Онъ вынулъ изъ своего мѣшка флейту, но совсѣмъ не такую, какъ въ первый разъ, и какъ только началъ играть, около

него собрались мальчики всего города отъ шести до шестнадцати лѣтъ и вышли вмѣстѣ съ нимъ изъ городскихъ воротъ.

— Неужели жители Гамельна позволили ему увести дѣтей? спросили въ одинъ голосъ капитанъ и Мержи.

— Они послѣдовали за нимъ до горы Коппенберга, гдѣ находилась тогда пещера; теперь она уже не существуетъ. Флейтистъ вошелъ въ пещеру, а за нимъ всѣ дѣти. Нѣкоторое время слышны были звуки флейты; но они становились все слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ замолкли. Дѣти исчезли безслѣдно; и съ тѣхъ поръ никто не имѣлъ о нихъ никакихъ извѣстій...

Цыганка остановилась, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвелъ ея разсказъ на слушателей.

Рейтаръ, жившій въ Гамельнѣ, счелъ нужнымъ добавить съ своей стороны нѣсколько словъ:

— Эта исторія настолько правдива, сказалъ онъ,—что когда въ Гамельнѣ говорятъ о какомъ либо необычайномъ событіи, то добавляютъ: это случилось черезъ двадцать или десять лѣтъ послѣ ухода нашихъ дѣтей... Фалькенштейнъ разорилъ нашъ городъ шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ пропали наши дѣти...

— Но всего любопытнѣе,—прервала Мила,—что около этого времени, въ недалекомъ разстояніи отъ Гамельна, въ Трансильваніи, появились какіе-то дѣти, которыя говорили чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, но не могли объяснить, откуда они. Они женились въ своемъ новомъ отечествѣ и научили дѣтей, которые родились у нихъ, своему родному языку; отъ этого до сихъ поръ въ Трансильваніи говорятъ по-нѣмецки.

— Изъ вашихъ словъ можно понять, что это были дѣти, перенесенные сюда нечистой силой? замѣтилъ улыбаясь Мержи.

— Призываю небо въ свидѣтели, что это правда! воскликнулъ капитанъ...—Я былъ въ Трансильваніи и знаю, что тамъ говорятъ по-нѣмецки, между тѣмъ какъ кругомъ слышишь чортъ знаетъ какой языкъ.

Свидѣтельство капитана стоило всякихъ доказательствъ, такъ что вопросъ былъ окончательно рѣшенъ.

— Не хотите ли, чтобъ я вамъ погадала? спросила Мила, обращаясь къ Мержи.

— Пожалуйста! отвѣтилъ Мержи, обнявъ правой рукой талію цыганки и протягивая ей ладонь лѣвой руки.

Мила молча разсматривала ее впродолженіе нѣсколькихъ минутъ и по временамъ качала головой съ задумчивымъ видомъ.

— Ну, скажи, моя милочка, согласится-ли любимая женщина сдѣлаться моей любовницей?

Мила щелкнула его по рукѣ вмѣсто отвѣта.

— Тебя ждетъ счастье и несчастье, сказала она;—голубые глаза

приносятъ добро и зло... Но, что всего хуже, ты самъ прольешь свою собственную кровь.

Капитанъ и корнетъ молчали и, повидимому, оба были одинаково поражены послѣдними словами гадальщицы.

Хозяинъ гостинницы усердно крестился, стоя въ углубленіи комнаты.

— Я повѣрю, что ты настоящая колдунья, сказалъ Мержи,—если ты скажешь, что̀ я намѣренъ сдѣлать въ эту минуту?

— Ты поцѣлуешь меня, шепнула ему на ухо цыганка.

— Ты колдунья! воскликнулъ Мержи, цѣлуя ее.

Они продолжали разговоръ вполголоса, и ихъ взаимная дружба, повидимому, усиливалась съ каждой минутой.

Трудхенъ взяла родъ лютни, на которой почти всѣ струны были цѣлы, и начала наигрывать прелюдію къ нѣмецкому маршу. Около нея тотчасъ же образовался кружокъ солдатъ; она запѣла военную пѣсню на своемъ родномъ языкѣ; рейтары во все горло повторяли припѣвъ. Капитанъ, увлеченный примѣромъ молодой женщины, принялся пѣть громовымъ голосомъ гугенотскую пѣсню, мотивъ которой былъ такой же варварскій, какъ и слова:

„Принцъ де-Конде
Былъ убитъ,
Но господинъ адмиралъ
Еще на конѣ сидитъ
Съ ла-Рошфуко;
Они спровадятъ всѣхъ папистовъ,
Папистовъ, папистовъ“, и пр.

Рейтары, разгоряченные виномъ, запѣли еще громче; но каждый тянулъ свою пѣсню, не обращая вниманія на остальныхъ. Полъ былъ покрытъ осколками разбитыхъ блюдъ и бутылокъ; раздавались взрывы хохота, проклятія, вакхическія пѣсни. Но мало-по-малу орлеанское вино оказало свое дѣйствіе; участниками этой дикой вакханаліи началъ овладѣвать сонъ. Солдаты разлеглись на скамейкахъ; корнетъ, поставивъ двухъ караульныхъ у дверей, добрелъ, пошатываясь, до своей постели. Капитанъ, который еще не потерялъ способности держаться прямой линіи, отправился, не лавируя, въ спальню хозяина, выбранную имъ для ночлега, такъ какъ это была лучшая комната въ гостинницѣ.

А Мержи и цыганка? Они исчезли прежде, чѣмъ капитанъ пропѣлъ свою пѣсню.

ГЛАВА II.

Непріятное пробужденіе.

Давно уже наступилъ день, когда проснулся Мержи, смутно припоминая событія предъидущаго вечера. Платье его было разбросано по всей комнатѣ; на полу лежалъ открытый чемоданъ. Онъ поднялся съ постели и смотрѣлъ нѣкоторое время на эту сцену безпорядка, потирая себѣ лобъ и какъ бы собираясь съ мыслями. Лицо его выражало одновременно усталость, удивленіе и безпокойство.

Послышались тяжелые шаги на каменной лѣстницѣ, ведущей въ комнату. Кто-то отворилъ дверь, даже не взявъ на себя труда предварительно постучать въ неё. Вошелъ хозяинъ гостинницы; лицо его казалось еще мрачнѣе, нежели наканунѣ; но вмѣсто страха, въ глазахъ можно было теперь замѣтить какое-то дерзкое и вызывающее выраженіе.

Онъ окинулъ взглядомъ комнату и перекрестился, какъ бы прійдя въ ужасъ при видѣ такого невообразимаго безпорядка.

— Вы все еще въ постели, молодой человѣкъ! воскликнулъ онъ.— Вставайте-ка скорѣе! намъ нужно свести съ вами счеты.

Мержи, зѣвая во весь ротъ, спустилъ одну ногу съ постели.

— Что значитъ этотъ безпорядокъ? Зачѣмъ открытъ мой чемоданъ? спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ, въ тонъ хозяину.

— Зачѣмъ и почему? возразилъ этотъ;—развѣ я обязанъ это знать? Какое мнѣ дѣло до вашего чемодана? Вы произвели еще бо́льшій безпорядокъ въ моемъ домѣ! Клянусь моимъ патрономъ св. Евстафіемъ, что я заставлю васъ заплатить мнѣ за всѣ убытки.

Мержи сталъ натягивать красные рейтузы, и при этомъ движеніи кошелекъ выпалъ у него изъ кармана. Повидимому, звукъ, произведенный паденіемъ, былъ не тотъ, какого онъ ожидалъ, потому что онъ поспѣшно поднялъ кошелекъ и съ безпокойствомъ открылъ его.

— Меня обокрали! воскликнулъ онъ, обращаясь къ хозяину.

Вмѣсто двадцати золотыхъ, которые были въ его кошелькѣ, оказалось не болѣе двухъ!

Хозяинъ пожалъ плечами и презрительно улыбнулся.

— Меня обокрали! продолжалъ Мержи, поспѣшно завязывая себѣ поясъ.—Въ этомъ кошелькѣ было двадцать экю; я требую, чтобы они были возвращены мнѣ; ихъ украли въ вашемъ домѣ.

— Клянусь моей бородой, я очень радъ этому! воскликнулъ хозяинъ вызывающимъ тономъ;—это отъучитъ васъ якшаться съ колдуньями и воровками! Впрочемъ,—добавилъ онъ вполголоса,—сапогъ сапогу пара; недаромъ всѣ эти еретики, колдуны и мошенники льнутъ другъ къ другу! Ихъ мѣсто на площади Гревъ!

— Что ты тамъ бормочешь про себя, бездѣльникъ! крикнулъ Мержи, не помня себя отъ гнѣва, потому что онъ чувствовалъ, насколько былъ справедливъ сдѣланный ему упрекъ, и какъ человѣкъ, сознающій свою вину, искалъ предлога, чтобы затѣять ссору.

— Я говорю, отвѣтилъ подбоченясь содержатель гостинницы громкимъ голосомъ, — что вы все переломали въ моемъ домѣ, и я хочу, чтобы вы заплатили мнѣ за это до послѣдней копѣйки.

— Я заплачу, сколько приходится на мою долю, и ни ліарда болѣе. А гдѣ капитанъ Корн... Горнштейнъ?

— У меня выпили больше двухсотъ бутылокъ хорошаго стараго вина, — продолжалъ хозяинъ, еще больше возвысивъ голосъ; — но я получу съ васъ все, что слѣдуетъ.

Мержи окончилъ свой туалетъ.

— Гдѣ капитанъ? крикнулъ онъ во все горло.

— Онъ уѣхалъ болѣе чѣмъ два часа тому назадъ; чортъ бы побралъ его и всѣхъ гугенотовъ! Со временемъ мы сожжемъ всѣхъ ихъ на кострѣ!

Здоровая пощечина была единственнымъ отвѣтомъ Мержи на эти слова.

Неожиданность и сила удара настолько ошеломили почтеннаго Евстафія, что онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ. Изъ кармана его панталонъ выглядывала рукоятка большого кухоннаго ножа; онъ инстинктивно схватился за нее и, если бы поддался первому движенію гнѣва, то, вѣроятно, это повело бы къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Но благоразуміе парализовало его гнѣвъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что Мержи протянулъ руку къ изголовью, гдѣ висѣла длинная шпага. Онъ тотчасъ же мысленно отказался отъ неравнаго боя и быстро бросился внизъ по лѣстницѣ съ крикомъ: помогите! убиваютъ!

Мержи остался одинъ на полѣ битвы; но его сильно безпокоили послѣдствія одержанной имъ побѣды. Онъ застегнулъ портупею, вооружился пистолетами и съ чемоданомъ въ рукѣ вышелъ изъ комнаты, съ твердымъ намѣреніемъ отправиться съ жалобой къ мѣстному судьѣ. Онъ прошелъ переднюю и едва вступилъ на первую ступень лѣстницы, какъ очутился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Во главѣ наскоро собранной арміи выступалъ хозяинъ гостинницы съ старой алебардой въ рукахъ; за нимъ слѣдовали три поваренка, вооруженные вертелами, и сосѣдъ съ заржавленнымъ мушкетомъ, составлявшій аріергардъ. Обѣ стороны не ожидали такой быстрой встрѣчи. Всего пять или шесть ступеней раздѣляли противниковъ.

Мержи бросилъ чемоданъ и схватился за одинъ изъ пистолетовъ Это движеніе указало почтенному Евстафію и его приверженцамъ всѣ невыгоды ихъ положенія. Подобно персамъ въ Саламинской битвѣ, они не съумѣли выбрать позиціи, которая давала бы имъ возможность воспользоваться своей многочисленностью. Въ ихъ арміи

находился только одинъ человѣкъ, у котораго было огнестрѣльное оружіе; но онъ не могъ употребить его, не поранивъ товарищей, шедшихъ впереди, между тѣмъ какъ пистолеты гугенота, направленные вдоль лѣстницы, грозили положить всѣхъ ихъ съ одного выстрѣла. Слабый звукъ взводимыхъ курковъ привелъ ихъ въ такой ужасъ, какъ будто они услыхали настоящій выстрѣлъ. Въ этотъ же моментъ непріятельская колонна внезапнымъ движеніемъ повернула тылъ къ врагу и бросилась въ кухню, въ надеждѣ найти тамъ болѣе обширную и выгодную позицію. Въ замѣшательствѣ, неизбѣжномъ при всякомъ поспѣшномъ отступленіи, содержатель гостинницы, желая повернуть алебарду, зацѣпился за нее ногой и упалъ. Мержи, какъ великодушный побѣдитель, не захотѣлъ употребить оружіе противъ бѣгущихъ и удовольствовался тѣмъ, что бросилъ имъ вслѣдъ свой чемоданъ, который съ шумомъ скатился по каменнымъ ступенямъ, что еще болѣе усилило разстройство непріятельской арміи. Лѣстница была очищена отъ враговъ и сломанная алебарда осталась на мѣстѣ въ видѣ побѣднаго трофея.

Мержи быстро спустился по лѣстницѣ въ кухню, гдѣ непріятель уже выстроился въ одну линію. Тотъ, который былъ вооруженъ мушкетомъ, держалъ его на-готовѣ и раздувалъ зажженный фитиль; содержатель гостинницы, весь покрытый кровью,—такъ какъ онъ разбилъ себѣ носъ при паденіи,—всталъ позади своихъ приверженцевъ, какъ нѣкогда раненый Менелай за рядами греческаго войска. Но вмѣсто Махаона или Подалира [1]) на помощь явилась его жена, съ растрепанными волосами и въ развязанномъ чепчикѣ, и принялась вытирать ему лицо грязной салфеткой.

Мержи тотчасъ же составилъ планъ дѣйствій. Онъ подошелъ къ воину, вооружённому мушкетомъ, и приложилъ пистолетъ къ его груди.

— Брось фитиль, или я убью тебя! воскликнулъ онъ.

Фитиль упалъ на полъ, и Мержи затопталъ сапогомъ конецъ зажженной веревки. Союзники разомъ сложили оружіе.

— Относительно васъ, сказалъ Мержи, обращаясь къ хозяину,— я могу только сказать, что вы получили достойное наказаніе; быть можетъ, это научитъ васъ обращаться вѣжливѣе съ посѣтителями. Если бы я хотѣлъ, то могъ бы лишить васъ права имѣть вывѣску,— стоитъ только обратиться съ жалобой въ уѣздный судъ. Но я не злой человѣкъ, и поэтому оставлю васъ въ покоѣ. Скажите: сколько приходится на мою долю?

Хозяинъ, замѣтивъ, что Мержи во время разговора спустилъ курокъ и заложилъ пистолетъ за поясъ, немного ободрился и, обтирая кровь съ лица, отвѣтилъ печальнымъ голосомъ:

---

[1]) Махаонъ—сынъ Эскулапа, исполнявшій должность врача въ греческомъ войскѣ, при осадѣ Трои. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Подалиромъ онъ предводительствовалъ частью греческаго войска. Прим. перев.

— Въ домѣ колотятъ посуду, бьютъ людей, разбиваютъ носы добрымъ христіанамъ... производятъ адскій шумъ... Послѣ всего этого очень трудно сказать, какая плата можетъ удовлетворить порядочнаго человѣка!..

— Ну, такъ и быть! возразилъ улыбаясь Мержи.—За вашъ разбитый носъ я заплачу, сколько онъ дѣйствительно стоитъ по моему мнѣнію. Относительно битой посуды поговорите съ рейтарами; это дѣло ихъ рукъ. Я собственно хочу знать: сколько стоитъ мой вчерашній ужинъ?

Хозяинъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на свою жену, на поваренковъ и на своего сосѣда, какъ бы испрашивая у нихъ совѣта и покровительства.

— Рейтары! поговорить съ рейтарами!.. сказалъ онъ, наконецъ.— Развѣ легко получить съ нихъ деньги? Капитанъ заплатилъ мнѣ три ливра, а корнетъ далъ мнѣ пинка ногой.

— Но я не хочу обижать васъ, и мы разстанемся друзьями! сказалъ Мержи и, вынувъ золотой изъ своего кошелька, бросилъ его хозяину, который не счелъ нужнымъ протянуть руку и съ презрѣніемъ смотрѣлъ, какъ монета упала на полъ.

— Одинъ экю! воскликнулъ онъ. — Одинъ экю за сто разбитыхъ бутылокъ, за разграбленіе всего дома! Колотятъ людей и хотятъ раздѣлаться однимъ экю!

— Нечего сказать, хороша плата! добавила жена такимъ же плачевнымъ тономъ. — Къ намъ заѣзжаютъ иногда дворяне-католики; случается, что и они пошумятъ немного, но, покрайней мѣрѣ, знаютъ цѣну вещамъ.

Если бы у Мержи было побольше денегъ, то онъ, разумѣется, охотно поддержалъ бы репутацію щедрости своей партіи.

— Тѣмъ лучше для нихъ! отвѣтилъ онъ сухо. — Но этихъ католическихъ дворянъ, вѣроятно, не обкрадывали въ вашемъ домѣ, какъ меня. Итакъ, рѣшайтесь! возьмите этотъ экю, или вы ничего не получите.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы поднять монету.

Содержательница гостинницы поспѣшила предупредить его.

— Ну, теперь прикажите подать мою лошадь; а ты брось свой вертелъ и возьми мой чемоданъ.

— Вы спрашиваете свою лошадь, молодой сеньоръ? спросилъ одинъ изъ слугъ съ многозначительной гримасой.

Хозяинъ гостинницы, несмотря на свое горе, поднялъ голову, и въ глазахъ его промелькнуло выраженіе злобной радости.

— Я самъ приведу вашего прекраснаго коня, мой добрый сеньоръ, сказалъ онъ, и съ этими словами вышелъ изъ комнаты, закрывая себѣ носъ салфеткой.

Мержи послѣдовалъ за нимъ на дворъ.

Но каково было его удивленіе, когда вмѣсто своей красивой алан-

сонской лошади онъ увидѣлъ малорослую пѣгую клячу, не первой молодости и съ широкимъ шрамомъ на головѣ, а вмѣсто превосходнаго сѣдла изъ тонкаго фландрскаго бархата простое кожаное сѣдло, кованное желѣзомъ, какое употреблялось тогда у солдатъ.

— Это что значитъ? Гдѣ моя лошадь? воскликнулъ онъ.

— Не угодно ли будетъ вашей милости спросить объ этомъ у господъ рейтаровъ? отвѣтилъ хозяинъ съ притворной покорностью.— Эти достойные иностранцы увели ее съ собой; вѣроятно, они сдѣлали это по ошибкѣ, благодаря сходству обѣихъ лошадей.

— Отличный конь! замѣтилъ одинъ изъ поваренковъ; — держу пари, что ему не болѣе двадцати лѣтъ.

— Всякій повѣритъ, что эта лошадь побывала въ бою, добавилъ другой;—посмотрите, какой у ней шрамъ на головѣ.

— И, вдобавокъ, она отличной масти! сказалъ третій. — На ней точно пасторская ряса, бѣлая съ чернымъ.

Мержи вошелъ въ конюшню и увидѣлъ, что она совершенно пуста.

— Зачѣмъ же вы позволили увести мою лошадь? воскликнулъ онъ внѣ себя отъ бѣшенства.

— Сами посудите, ваша милость, что̀ намъ оставалось дѣлать,— отвѣтилъ одинъ изъ слугъ, которому былъ порученъ надзоръ за конюшней;—ее увелъ трубачъ; онъ увѣрилъ насъ, что вы помѣнялись съ нимъ лошадьми.

Мержи задыхался отъ гнѣва и къ своей досадѣ не зналъ, кого обвинить въ постигшемъ его несчастіи.

— Я отыщу капитана, пробормоталъ онъ сквозь зубы;—надѣюсь, что онъ накажетъ негодяя, который обокралъ меня.

— Разумѣется, вы должны сдѣлать это, молодой сеньоръ, потому что капитанъ... забылъ его имя... повидимому, честнѣйшій человѣкъ.

Въ головѣ Мержи мелькнула мысль, что капитанъ не только способствовалъ кражѣ, но даже, быть можетъ, лошадь была уведена по его приказанію.

— Вы также могли бы, добавилъ хозяинъ,—пользуясь удобнымъ случаемъ, получить обратно ваши экю отъ молодой дѣвицы; она, вѣрно, взяла ихъ по ошибкѣ, такъ какъ укладывала свои вещи въ темнотѣ, не дожидаясь разсвѣта.

— Не прикажете ли, ваша милость, привязать чемоданъ къ лошади? спросилъ конюхъ почтительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ убійственно хладнокровнымъ тономъ.

Мержи сообразилъ, что чѣмъ онъ дольше останется тутъ, тѣмъ больше долженъ будетъ подвергнуться грубымъ шуткамъ окружавшей его челяди, и поэтому, едва дождавшись, чтобы привязали его чемоданъ, вскочилъ на сѣдло. Лошадь, почуя новаго хозяина, возъимѣла злобное намѣреніе испытать его познанія въ искусствѣ верховой ѣзды. Но она скоро должна была убѣдиться, что имѣетъ дѣло съ ловкимъ

наѣздникомъ, который въ данный моментъ всего менѣе былъ расположенъ выносить ея милыя проказы. Поэтому, сдѣлавъ еще нѣсколько прыжковъ и получивъ за нихъ должное наказаніе острыми шпорами, она благоразумно рѣшила покориться своей участи и побѣжала по дорогѣ крупной рысью. Но тутъ оказалось, что она потратила слишкомъ много силъ на борьбу съ своимъ всадникомъ, и съ ней случилось то, что нерѣдко бываетъ съ клячами въ подобныхъ случаяхъ: она упала на всѣ четыре ноги. Нашъ герой тотчасъ же поднялся, слегка помятый тяжестью лошади, но еще болѣе взбѣшенный насмѣшливыми возгласами, которые раздавались со двора гостинницы. Онъ колебался одну минуту, не отомстить ли обидчикамъ ударами шпаги; но, по зрѣломъ размышленіи, ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ оскорбленій, которыя сыпались на него издали. Онъ заставилъ подняться лошадь съ земли и медленно повелъ ее по дорогѣ въ Орлеанъ, преслѣдуемый на нѣкоторомъ разстояніи толпой дѣтей: старшіе изъ нихъ пѣли ему пѣсню о Jehan Petaquin [1]); между тѣмъ какъ меньшіе кричали ему во все горло: „Вотъ гугенотъ! Прочь отсюда! Гугенотъ! Убирайся прочь, еретикъ!“

Мержи прошелъ съ полверсты пѣшкомъ въ довольно мрачномъ настроеніи духа, размышляя о томъ, что въ этотъ день ему не удастся догнать рейтаровъ, что лошадь его, вѣроятно, продана, а если нѣтъ, то весьма сомнительно, чтобы эти господа согласились возвратить ее. Такимъ образомъ, онъ мало-по-малу пріучилъ себя къ мысли, что лошадь навсегда потеряна для него. Въ виду этого предположенія, онъ рѣшилъ, что ему нечего дѣлать въ Орлеанѣ, и свернулъ на дорогу, ведущую въ Парижъ, выбравъ проселочный путь, чтобы не проходить мимо злополучной гостинницы, которая была свидѣтельницей постигшихъ его бѣдствій. Но такъ какъ онъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ находить хорошую сторону во всѣхъ событіяхъ жизни, то постепенно пришелъ къ убѣжденію, что онъ, въ сущности, очень дешево отдѣлался отъ бѣды: его могли не только обокрасть, но и убить. Между тѣмъ, у него въ кошелькѣ остался золотой; вещи были также почти цѣлы и, наконецъ, въ его распоряженіи лошадь, хотя и не особенно красивая, но она все-таки могла везти его. И если говорить правду, то воспоминаніе о прекрасной Милѣ не разъ вызвало улыбку на его губахъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы и сытнаго завтрака въ трактирѣ, который попался ему по дорогѣ, онъ былъ почти растроганъ деликатностью честной цыганки, которая украла у него только восемнадцать экю, вмѣсто двадцати. Ему гораздо тяжелѣе было помириться съ потерей своего прекраснаго коня, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что болѣе закоснѣлый воръ, нежели трубачъ, увелъ бы у него лошадь, не оставивъ взамѣнъ свою.

---

[1]) Комическая личность одной старинной народной пѣсни.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ вечеромъ, незадолго до закрытія городскихъ воротъ, и помѣстился въ гостинницѣ на улицѣ Saint-Jacques.

ГЛАВА III.

Молодые придворные.

Мержи пріѣхалъ въ Парижъ въ надеждѣ найти рекомендацію къ адмиралу Колиньи и поступить въ армію, которая, по слухамъ, должна была сражаться во Фландріи подъ начальствомъ этого великаго полководца. Онъ разсчитывалъ, что друзья его отца, къ которымъ онъ имѣлъ рекомендательныя письма, помогутъ ему получить доступъ къ королю Карлу IX-му и адмиралу, у котораго также былъ своего рода дворъ. Мержи зналъ, что его братъ пользовался нѣкоторымъ кредитомъ, но онъ былъ въ нерѣшительности: слѣдуетъ ли ему обратиться къ его помощи, или нѣтъ. Отступничество отъ вѣры Жоржа Мержи почти совершенно отдѣлило его отъ семьи, для которой онъ сталъ не болѣе, какъ постороннимъ человѣкомъ. Въ тѣ времена это былъ не единственный примѣръ семьи, разъединенной различіемъ религіозныхъ мнѣній. Отецъ Жоржа запретилъ произносить его имя въ своемъ присутствіи, находя оправданіе для подобнаго ригоризма въ слѣдующемъ текстѣ евангелія: „Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя". Хотя Бернаръ далеко не отличался такою же непоколебимостью, но тѣмъ не менѣе отступничество брата казалось ему постыднымъ пятномъ для его фамильной чести, и это убѣжденіе должно было ослабить въ немъ чувство братской привязанности.

Но прежде чѣмъ остановиться на какомъ нибудь рѣшеніи, и прежде даже, чѣмъ отнести рекомендательныя письма, онъ увидѣлъ необходимость пополнить свой пустой кошелекъ. Съ этою цѣлью онъ отправился къ одному ювелиру, жившему у моста Saint-Michel, который долженъ былъ значительную сумму его семьѣ, которая ему поручила взыскать ее.

При входѣ на мостъ онъ встрѣтилъ нѣсколько молодыхъ людей, очень щеголевато одѣтыхъ, которые шли рука объ руку и почти загородили собой узкій проходъ на мосту, стѣсненный множествомъ лавокъ и балагановъ, выстроенныхъ по обѣимъ сторонамъ двумя параллельными стѣнами, такъ что видъ на рѣку былъ закрытъ для прохожихъ. За молодыми господами шли ихъ лакеи, изъ которыхъ каждый несъ въ рукѣ одну изъ длинныхъ обоюдоострыхъ шпагъ, носившихъ тогда названіе „дуэльныхъ", и кинжалъ въ такихъ широкихъ ножнахъ, что послѣднія, въ случаѣ надобности, могли служить

щитомъ. Повидимому, оружіе казалось слишкомъ тяжелымъ для молодыхъ дворянъ или же, быть можетъ, они были не прочь похвастать передъ публикой своими богато одѣтыми лакеями.

Они находились въ наилучшемъ расположеніи духа, судя, по крайней мѣрѣ, по ихъ частымъ и громкимъ взрывамъ хохота. Встрѣчая прилично одѣтую женщину, они вѣжливо раскланивались съ ней, но при этомъ дерзко осматривали съ головы до ногъ, а нѣкоторые изъ этихъ вѣтренниковъ намѣренно толкали локтями степенныхъ буржуа въ черныхъ плащахъ, которые поспѣшно удалялись отъ нихъ, бормоча проклятія дерзкимъ придворнымъ. Но среди этой молодежи былъ одинъ, который шелъ съ опущенной головой и не принималъ никакого участія въ общемъ весельи.

— Будь я проклятъ, Жоржъ! воскликнулъ одинъ изъ молодыхъ людей, ударивъ его по плечу,—у тебя такой угрюмый видъ, что ни на что не похоже! Вотъ уже болѣе четверти часа, какъ ты не раскрывалъ рта. Не намѣренъ ли ты сдѣлаться картезіанскимъ монахомъ?

Мержи вздрогнулъ при имени своего брата, но онъ не разслышалъ, что отвѣтилъ тотъ, котораго называли Жоржемъ.

— Держу пари на сто пистолей, продолжалъ первый, — что онъ опять влюбился въ какого нибудь добродѣтельнаго дракона. Бѣдный другъ! отъ души жалѣю тебя; нужно особенное несчастіе, чтобы встрѣтить въ Парижѣ неприступную женщину.

— Совѣтую тебѣ отправиться къ волшебнику Рудбеку, сказалъ другой.—Онъ дастъ тебѣ любовный напитокъ, противъ котораго не устоитъ никакая женщина.

— Не влюбился ли нашъ капитанъ въ монахиню! воскликнулъ третій.—Эти черти гугеноты, если они даже обращены въ истинную вѣру, то все-таки чувствуютъ особенное влеченіе къ христовымъ невѣстамъ.

Мержи услышалъ хорошо знакомый голосъ, который отвѣтилъ печальнымъ тономъ:

— Я не былъ бы огорченъ въ такой степени, если бы дѣло шло о любовной исторіи. Меня встревожило то, что де-Понъ, которому я поручилъ передать письмо моему отцу, вернулся ни съ чѣмъ, такъ какъ отецъ по-прежнему не желаетъ даже слышать моего имени.

— Твой отецъ человѣкъ стараго закала, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.—Это одинъ изъ тѣхъ завзятыхъ гугеноговъ, которые хотѣли во что бы то ни стало взять приступомъ Амбуазъ.

Жоржъ въ это время случайно оглянулся и, увидя своего брата, бросился къ нему съ распростертыми объятіями. Мержи безъ всякаго колебанія протянулъ ему обѣ руки и крѣпко прижалъ къ своей груди. Быть можетъ, если бы встрѣча была менѣе неожиданна, то онъ сдѣлалъ бы надъ собой усиліе, чтобы вооружиться равнодушіемъ, но теперь онъ далъ волю своему чувству. Они встрѣтились, какъ старые друзья послѣ долгой разлуки.

Жоржъ, поспѣшно обмѣнявшись съ братомъ нѣсколькими вопросами, обратился къ своимъ друзьямъ, которые молча смотрѣли на эту сцену.

— Господа, сказалъ онъ, — вы видите, насколько неожиданна наша встрѣча. Извините, если я оставлю васъ, чтобы побесѣдовать съ братомъ, съ которымъ не видѣлся болѣе семи лѣтъ.

— Клянусь честью, что мы не отпустимъ тебя сегодня! сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, схвативъ его за плащъ. Обѣдъ заказанъ, и мы не сядемъ за столъ безъ тебя.

— Бевиллъ правъ, мы не пустимъ тебя.

— Чортъ возьми! продолжалъ Бевиллъ. — Развѣ твой братъ не можетъ пообѣдать съ нами? Хорошій товарищъ всегда кстати.

— Прошу извинить меня, сказалъ Мержи, — но я долженъ сегодня окончить нѣкоторыя дѣла и передать письма...

— Вы ихъ передадите завтра.

— Мнѣ необходимо, чтобы они были получены сегодня... и, наконецъ, добавилъ Мержи, краснѣя, — у меня нѣтъ денегъ; я долженъ пойти за ними...

— Нечего сказать, хороша отговорка! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. — Мы не допустимъ, чтобы вы отказались отъ обѣда съ честными людьми и отправились занимать деньги у жидовъ.

— Посмотрите на это, мосье де-Мержи, сказалъ Бевиллъ, указывая на длинный шелковый кошелекъ, висѣвшій у его пояса. — Располагайте мною, какъ своимъ казначеемъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мнѣ чертовски везетъ въ гальбикъ [1]).

— Однако, не станемъ терять время попусту. Пойдемъ въ гостинницу „Мавръ". Обѣдъ, вѣроятно, давно готовъ! заговорили молодые люди.

Жоржъ въ нерѣшимости взглянулъ на брата.

— Ты, разумѣется, еще успѣешь передать письма! сказалъ онъ. — Денегъ у меня достаточно; пойдемъ съ нами. Ты познакомишься съ парижской жизнью.

Мержи нехотя согласился. Капитанъ представилъ брата своимъ друзьямъ: барону Водрёль, шевалье Ренси, виконту Бевиллъ и проч. Всѣ они разсыпались въ любезностяхъ передъ новымъ пріятелемъ, который долженъ былъ разцѣловаться со всѣми ними. Бевиллъ подошелъ къ нему послѣдній и, обнявъ его, воскликнулъ:

— Ого! Будь я проклятъ! У меня тонкое обоняніе: сразу слышу еретика. Держу пари на мою золотую цѣпочку, что вы протестантъ!

— Вы не ошиблись; но, къ сожалѣнію, я не такой истинный христіанинъ, какимъ бы мнѣ слѣдовало быть.

— Ну, вотъ! развѣ я вамъ не говорилъ, что узнаю гугенота среди тысячи людей. Тьфу ты, пропасть, какъ у этихъ господъ ере-

---

[1]) Игра въ три кости.

тиковъ вытягивается лицо, когда они начинаютъ говорить о религіи.

— Мнѣ кажется, что никогда не слѣдуетъ говорить шутя о такомъ серьезномъ предметѣ.

— Мосье де-Мержи совершенно правъ, замѣтилъ баронъ де-Водрёль, а съ вами, Бевилль, непремѣнно случится какое нибудь несчастіе за ваши постоянныя насмѣшки надъ священными вещами.

— Посмотрите-ка на этого святошу! сказалъ Бевилль, обращаясь къ Мержи. — Это самый отъявленный развратникъ изъ всѣхъ насъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ осмѣливается время отъ времени читать намъ проповѣди.

— Предоставьте мнѣ, Бевилль, быть такимъ, какимъ создала меня природа, возразилъ Водрёль. — Если я развратенъ, то въ этомъ виновата моя плоть, которую я не могу побѣдить; но я, по крайней мѣрѣ, отношусь съ почтеніемъ къ тому, что заслуживаетъ уваженія.

— Что касается меня лично, продолжалъ Бевилль, — то я глубоко уважаю... мою мать; это единственная добродѣтельная женщина, которую я когда либо встрѣчалъ въ моей жизни. Затѣмъ, я долженъ сказать, что отношусь совсѣмъ безразлично къ католикамъ, гугенотамъ, папистамъ, жидамъ и туркамъ, и меня настолько же интересуютъ ихъ распри, какъ сломанная шпора.

— Безбожникъ! пробормоталъ Водрёль. Онъ перекрестилъ себѣ ротъ, прикрывшись по возможности носовымъ платкомъ.

— Нужно предупредить тебя, Бернаръ, что ты не встрѣтишь среди насъ такихъ спорщиковъ, какъ почтенный Теобальдъ Вольфштейнъ. Мы не особенно любимъ богословскіе разговоры и, благодаря Богу, проводимъ время болѣе пріятнымъ образомъ.

— Быть можетъ, возразилъ Мержи съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, — было бы лучше для тебя, если бы ты внимательнѣе слушалъ поучительныя рѣчи достойнаго пастора Вольфштейна.

— Прекратимъ этотъ разговоръ, отвѣтилъ капитанъ. — Быть можетъ, придетъ время, когда я самъ попрошу тебя выслушать мою исповѣдь; мнѣ извѣстно, какое мнѣніе ты составилъ обо мнѣ... Но все равно... Мы собрались не для того, чтобы толковать о подобныхъ вещахъ... Я считаю себя честнымъ человѣкомъ и когда-нибудь ты убѣдишься... Но довольно объ этомъ; теперь мы должны думать только о томъ, чтобы повеселѣе провести время!

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ будто желая согнать тяжелую мысль.

— Дорогой братъ! сказалъ Мержи вполголоса, пожимая ему руку. Жоржъ отвѣтилъ такимъ же пожатіемъ руки, и оба поспѣшили присоединиться къ товарищамъ, которые опередили ихъ на нѣсколько шаговъ.

Проходя мимо Лувра, они встрѣтили нѣсколькихъ богато одѣтыхъ господъ, которые выходили оттуда одни за другими. Жоржъ и его

товарищи дружески здоровались съ ними и цѣловались, равно и со всѣми сеньорами, которые попадались имъ по дорогѣ. При этомъ они считали нужнымъ представить имъ младшаго Мержи, который, такимъ образомъ, не только познакомился со многими знаменитостями этой эпохи, но даже узналъ ихъ клички (всякому сколько-нибудь извѣстному лицу давали тогда какое-нибудь прозвище), а равно и скандальныя исторіи, ходившія о нихъ по городу.

— Видите ли вы, разсказывали ему молодые придворные,—этого господина съ блѣдножелтымъ лицомъ? Его настоящее имя Пьеръ Сегье; но его зовутъ Petrus de finibus, потому что онъ такъ долго обдумываетъ всякое предпріятіе и взвѣшиваетъ шансы успѣха, что всегда добьется благополучнаго конца. Вотъ Торе де-Монморанси, прозванный le petit capitaine brûle-bancs, а это почтенный архіепископъ бутылокъ (де-Гизъ); онъ еще держится довольно прямо на своемъ мулѣ, потому что не успѣлъ пообѣдать... А вотъ одинъ изъ героевъ вашей партіи, знаменитый Ла-Рошфуко, врагъ капустныхъ кочней. Въ послѣднюю войну, по своей близорукости, онъ приказалъ сдѣлать залпъ изъ мушкетовъ по злополучнымъ грядамъ капустныхъ кочней, принявъ ихъ за головы ландскнехтовъ...

Затѣмъ, менѣе чѣмъ въ четверть часа Мержи узналъ имена любовниковъ всѣхъ тогдашнихъ придворныхъ дамъ и число дуэлей, вызванныхъ ихъ красотой. Онъ убѣдился, что, достоинство репутаціи дамы было соразмѣрно количеству смертныхъ случаевъ, которыхъ она было причиной. Такъ, напримѣръ, мадамъ де-Куртавель была въ бо́льшей славѣ, нежели бѣдная графиня де-Померандъ, такъ какъ ея послѣдній любовникъ убилъ двоихъ соперниковъ, между тѣмъ какъ изъ-за графини произошла только незначительная дуэль, которая кончилась легкой раной.

Вниманіе Мержи было привлечено высокой дамой, ѣхавшей верхомъ на бѣломъ мулѣ, котораго велъ конюхъ; два богато одѣтыхъ лакея слѣдовали сзади. На дамѣ было модное платье, самого послѣдняго фасона, сплошь покрытое вышивками. По всѣмъ признакамъ она казалась очень красивой. Лицо ея было покрыто черной бархатной маской, потому что въ тѣ времена дамы не иначе выходили на улицу, какъ въ маскахъ; но тѣмъ не менѣе можно было замѣтить, что у ней ослѣпительно бѣлая кожа и темноголубые глаза.

Поровнявшись съ молодыми придворными, она поѣхала шагомъ и, казалось, съ нѣкоторымъ вниманіемъ смотрѣла на младшаго де-Мержи, лицо котораго ей было незнакомо. Она граціозно склоняла голову въ отвѣтъ на многочисленные поклоны своихъ обожателей, которые при этомъ такъ низко опустили свои шляпы, что перья почти касались земли. Въ это время легкій порывъ вѣтра приподнялъ ея длинное атласное платье, и можно было видѣть мелькомъ маленькій башмакъ изъ бѣлаго бархата и нѣсколько дюймовъ розоваго чулка.

— Кто эта дама, что ей всѣ кланяются? спросилъ съ любопытствомъ Мержи.

— Каково, уже успѣлъ влюбиться! воскликнулъ Бевилль.—Впрочемъ, это въ порядкѣ вещей; гугеноты и паписты всѣ безъ ума отъ графини Діаны де-Тюржи.

— Это одна изъ придворныхъ красавицъ, сказалъ Жоржъ, — и, вдобавокъ, изъ самыхъ опасныхъ для нашихъ молодыхъ волокитъ. Но, чортъ возьми, не легко овладѣть этой цитаделью!

— Я желалъ бы узнать, сколько произошло изъ-за нея дуэлей? спросилъ улыбаясь Мержи.

— Она не иначе считаетъ ихъ, какъ десятками, возразилъ баронъ Водрёль;—но всего любопытнѣе то, что она сама хотѣла драться на дуэли и послала формальный вызовъ одной придворной дамѣ, которой отдано было предпочтеніе передъ нею.

— Что за сказка! воскликнулъ Мержи.

— Графиня была бы не первая женщина нашего времени, которая дралась на дуэли, сказалъ Жоржъ.—Она послала настоящій вызовъ, написанный по всѣмъ правиламъ, г-жѣ С. Фуа, приглашая ее на смертельный поединокъ, на шпагахъ или кинжалахъ, и безъ верхняго платья, какъ сдѣлалъ бы самый утонченный дуэлистъ.

— Мнѣ очень бы хотѣлось быть секундантомъ этихъ дамъ, чтобы видѣть ихъ обѣихъ въ рубашкахъ! замѣтилъ Шевалье де-Ренси.

— Что же, состоялась ли эта дуэль? спросилъ Мержи.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Жоржъ;—ихъ успѣли помирить во-время.

— Онъ же и устроилъ это примиреніе, сказалъ Водрёль; — онъ былъ тогда любовникомъ г-жи С. Фуа.

— Что за вздоръ! Развѣ такимъ же, какъ ты! возразилъ Жоржъ сдержаннымъ тономъ.

— Графиня Тюржи въ родѣ нашего Водрёль, сказалъ Бевилль;— она умѣетъ совмѣстить благочестіе и современные нравы: она готова драться на дуэли, хотя это считается смертнымъ грѣхомъ, и въ то же время ежедневно бываетъ на двухъ обѣдняхъ.

— Оставь меня въ покоѣ съ обѣднями! воскликнулъ Водрёль.

— Да, она усердно посѣщаетъ церковь, добавилъ Ренси;—но, разумѣется, съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность показаться публикѣ безъ маски.

— Вѣроятно, благодаря этому, столько женщинъ ходятъ у васъ къ обѣднѣ, замѣтилъ Мержи, пользуясь случаемъ, чтобы задѣть католиковъ.

— А въ вашихъ-то церквахъ что дѣлается! возразилъ Бевилль.— Какъ только кончится проповѣдь, тушатъ свѣчи, и можно себѣ представить, какія тамъ происходятъ назидательныя сцены. Клянусь честью, когда я думаю объ этомъ, то у меня даже является желаніе сдѣлаться лютераниномъ.

— И вы вѣрите этимъ нелѣпымъ росказнямъ? спросилъ Мержи презрительнымъ тономъ.

— Нельзя не вѣрить, когда факты на-лицо. Ферранъ, котораго

мы всѣ отлично знаемъ, нарочно ходилъ въ Орлеанѣ въ протестантскую церковь на свиданіе съ женой нотаріуса. Это была такая прелестная женщина, что, клянусь честью, я и теперь не могу хладнокровно вспомнить о ней. Онъ не могъ иначе видѣться съ нею, какъ въ церкви; но, по счастью, одинъ изъ его друзей гугенотовъ сообщилъ ему пароль; онъ приходилъ къ самой проповѣди, а затѣмъ, когда свѣчи были потушены, разумѣется, влюбленные не теряли даромъ время.

— Это невозможно! замѣтилъ сухо Мержи.

— Невозможно? почему?

— Потому что протестантъ никогда не рѣшится сдѣлать такую подлость, чтобы привести паписта въ свою церковь.

Этотъ отвѣтъ возбудилъ громкій взрывъ хохота.

— Какъ! воскликнулъ баронъ Водрёль—вы воображаете, что гугенотъ не можетъ быть воромъ, измѣнникомъ и исполнять роль сводни!

— Мосье де-Мержи не отъ міра сего! замѣтилъ со смѣхомъ Ренси.

— Если бы мнѣ, напримѣръ, вздумалось послать цыпленка въ подарокъ гугеноткѣ, сказалъ Бевилль,—то я непремѣнно обратился бы къ пастору.

— Вы, разумѣется, говорите это потому, что привыкли давать подобныя порученія вашимъ священникамъ.

— Нашимъ священникамъ!.. воскликнулъ Водрёль, багровѣя отъ гнѣва.

— Кончите ли вы когда-нибудь эти скучные диспуты! прервалъ Жоржъ, замѣтивъ раздраженіе, которое слышалось въ каждомъ отвѣтѣ собесѣдниковъ; — предоставимъ подобные разговоры святошамъ и ханжамъ всевозможныхъ сектъ. Я предлагаю брать штрафъ со всякаго, кто первый произнесетъ слова: папистъ, гугенотъ, протестантъ.

— Отлично! мы согласны! воскликнулъ Бевилль.—Тотъ, кто провинится, долженъ будетъ угостить насъ хорошимъ кагорскимъ виномъ въ той гостинницѣ, гдѣ мы сегодня обѣдаемъ.

Наступила минута молчанія.

— Со дня смерти бѣднаго Ланнуа, который былъ убитъ при осадѣ Орлеана, у графини Тюржи, насколько извѣстно, не было любовника, сказалъ Жоржъ, чтобы отклонить мысли своихъ друзей отъ религіозныхъ вопросовъ.

— Кто это осмѣливается утверждать, что у парижанки нѣтъ любовника? воскликнулъ Бевилль.—Одно несомнѣнно, что Комминжъ сильно пріударяетъ за ней.

— Это, вѣроятно, и побудило младшаго Наваретъ очистить поле битвы, сказалъ Водрёль:—онъ, должно быть, испугался такого соперника.

— Я не ожидалъ, сказалъ Жоржъ,—чтобы Комминжъ былъ способенъ къ ревности.

— Онъ ревнивъ, какъ тигръ, отвѣтилъ Бевиль, — и объявилъ, что убьетъ каждаго, кто осмѣлиться ухаживать за прекрасной графиней. Такимъ образомъ, чтобы не остаться безъ любовника, ей поневолѣ придется соединиться съ Комминжемъ.

— Кто же этотъ опасный господинъ? спросилъ Мержи, который, самъ не замѣчая этого, живо интересовался всѣмъ, что прямо или косвенно касалось графини Тюржи.

— Это одинъ изъ самыхъ утонченныхъ щеголей, raffinés, какъ мы называемъ ихъ, отвѣтилъ Ренси.—Вы изъ провинціи, и поэтому я вамъ объясню, что значитъ слово raffiné на языкѣ нашего высшаго общества. Такъ называютъ человѣка, дошедшаго до совершенства въ искусствѣ ухаживанія за женщинами, который при этомъ дерется на дуэли изъ-за всякихъ пустяковъ, какъ, напримѣръ, изъ-за того, если чей нибудь плащъ прикоснется его особы, или кто нибудь плюнетъ на разстояніи четырехъ шаговъ отъ него, и т. п.

— Комминжъ, сказалъ Водрёль,—пригласилъ между прочимъ одного господина въ Pré-aux-Clercs [1]); они сняли камзолы и взялись за шпаги.—Ты Берни изъ Оверна? спросилъ Комминжъ.

— Ничуть не бывало, отвѣтилъ этотъ,—меня зовутъ Виллекье и я родомъ изъ Нормандіи.

— Ну, значитъ я принялъ тебя по ошибкѣ за другаго, возразилъ Комминжъ,—но такъ какъ я вызвалъ тебя на дуэль, то будемъ драться; съ этими словами онъ убилъ его самымъ хладнокровнымъ образомъ.

Каждый изъ молодыхъ придворныхъ сообщилъ какой нибудь анекдотъ или черту, рисующую необычайную ловкость и задорный характеръ Комминжа. Матеріалъ былъ настолько богатый, что они незамѣтно вышли за городъ и приблизились къ гостинницѣ „Мавръ“, которая находилась среди сада, въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ строился тогда замокъ Тюльери, начатый въ 1564 году.

Жоржъ и его пріятели, войдя въ гостинницу, встрѣтили многихъ знакомыхъ дворянъ, такъ что за столомъ образовалась довольно большая компанія.

Мержи, занявшій мѣсто рядомъ съ барономъ Водрёль, замѣтилъ, что этотъ, садясь за столъ, перекрестился и, закрывъ глаза, прочиталъ вполголоса слѣдующую странную молитву:

„Laus Deo, pax vivis, salutem defunctis, et beata viscera virginis Mariae, quae portaverunt aeterni Patris Filium!“ [2]).

— Вы учились латынѣ, г. баронъ? спросилъ Мержи.

— Вы слышали мою молитву?

— Да, сознаюсь откровенно, что я не понялъ ее.

---

[1]) Классическое мѣсто дуэлей. Поле, называемое Pré-aux-Clercs, находилось передъ Лувромъ, между улицами des Petits Augustins et du Bac.

[2]) „Хвала Богу, миръ живымъ, спасеніе умершимъ, и благословенно чрево Дѣвы Маріи, носившее Сына Предвѣчнаго Отца“.

— Если говорить правду, то я совсѣмъ не знаю латинскаго языка. Я научился этой молитвѣ у моей тетки, которая придавала ей особенное значеніе. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ я ежедневно читаю ее, мои дѣла пошли наилучшимъ образомъ.

— Должно быть, это католическая латынь, и поэтому мы, гугеноты, не въ состояніи понимать ее.

— Штрафъ! Платите штрафъ! воскликнули Бевилль и Жоржъ въ одинъ голосъ.

Мержи охотно согласился на это и потребовалъ еще вина, которое не замедлило привести общество въ хорошее расположеніе духа.

Разговоръ становился все болѣе и болѣе шумнымъ. Мержи воспользовался этимъ, чтобы поговорить на свободѣ съ братомъ, не обращая вниманія на то, что дѣлалось вокругъ нихъ.

Но ихъ бесѣда a parte была прервана за вторымъ блюдомъ, благодаря горячему спору, который завязался между двумя гостями.

— Это ложь! воскликнулъ шевалье де-Ренси.

— Ложь! повторилъ Водрёль и его блѣдное лицо еще больше помертвѣло.

— Это самая добродѣтельная и цѣломудренная женщина! продолжалъ шевалье.

Водрёль усмѣхнулся и пожалъ плечами. Всѣ глаза были устремлены на участниковъ этой неожиданной сцены; каждый молча выжидалъ, чѣмъ окончится ссора.

— Въ чемъ дѣло, господа? Что случилось? спросилъ Жоржъ, готовый, по своему обыкновенію, употребить всѣ усилія, чтобы помирить противниковъ.

— Видите ли, сказалъ Бевилль,—нашъ другъ шевалье хочетъ, чтобы всѣ признали его любовницу Силлери цѣломудренной женщиной, а нашъ другъ баронъ утверждаетъ противное, и говоритъ, что можетъ доказать это нѣкоторыми фактами.

Всѣ разразились громкимъ хохотомъ, что еще болѣе усилило ярость Ренси; глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ попеременно смотрѣлъ то на Водрёля, то на Бевилля.

— Если угодно, то я могу показать ея письма, сказалъ Водрёль.

— Ты не можешь этого сдѣлать, потому что у тебя нѣтъ ихъ! воскликнулъ шевалье де-Ренси.

— Если такъ, сказалъ Водрёль съ злобной усмѣшкой,—то я прочту одно изъ ея писемъ этимъ господамъ. Быть можетъ, почеркъ г-жи Силлери такъ же знакомъ имъ, какъ и мнѣ, такъ какъ я убѣжденъ, что помимо меня многіе имѣли счастье получать ея письма и пользовались ея добрымъ расположеніемъ. Вотъ, напримѣръ, записка, которую я получилъ сегодня...

Съ этими словами Водрёль опустилъ руку въ карманъ.

— Безсовѣстный лжецъ!

Столъ былъ настолько широкъ, что баронъ не могъ достать рукой своего противника, сидѣвшаго противъ него на другой сторонѣ.

— Я заткну тебѣ глотку, бездѣльникъ! продолжалъ съ бѣшенствомъ баронъ.

Съ этими словами онъ бросилъ бутылку въ голову Ренси, который избѣжалъ удара и, опрокинувъ стулъ, поспѣшно подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣла его шпага.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ: одни съ цѣлью вмѣшаться въ ссору и примирить противниковъ, другіе—чтобы отойти подальше отъ непріятной сцены.

— Перестаньте! Вы съ ума сошли! воскликнулъ Жоржъ, становясь передъ барономъ, который былъ ближе къ нему, чѣмъ шевалье.— Неужели два друга будутъ драться на дуэли изъ-за пустой бабенки!

— Брошенная бутылка стоитъ пощечины! замѣтилъ хладнокровно Бевилль.—Дѣлать нечего, мой милый Ренси! Вынимай шпагу!

— Ну, начинайте! Живѣе! Посторонитесь! заговорили разомъ присутствующіе.

— Запри всѣ двери, Жано! сказалъ спокойнымъ голосомъ хозяинъ гостинницы, который привыкъ видѣть подобныя сцены;—если пройдетъ отрядъ стрѣлковъ, то онъ можетъ помѣшать этимъ господамъ, а намъ это не съ руки!

— Неужели вы будете драться за обѣдомъ въ гостинницѣ, какъ пьяные ландскнехты! продолжалъ Жоржъ, чтобы выиграть время.— Отложите, по крайней мѣрѣ, дуэль до завтрашняго дня.

— Ну, такъ и быть, до завтра, сказалъ Ренси и сдѣлалъ движеніе, чтобы вложить шпагу въ ножны.

— Нашъ шевалье струсилъ! воскликнулъ съ усмѣшкой Водрёль.

Ренси при этихъ словахъ оттолкнулъ всѣхъ стоявшихъ возлѣ него и бросился на своего врага. Оба схватились съ одинаковой яростью; но Водрёль успѣлъ обвить себѣ салфеткой лѣвую руку и ловко отпарировалъ удары; между тѣмъ какъ Ренси, не взявшій этой предосторожности, былъ тотчасъ же раненъ въ лѣвую руку. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ биться и, подозвавъ своего лакея, потребовалъ у него кинжалъ. Бевилль оттолкнулъ лакея, говоря, что Водрёль дерется безъ кинжала и, слѣдовательно, шевалье не имѣетъ права пользоваться имъ. Нѣкоторые изъ друзей Ренси возстали противъ вмѣшательства Бевилля; завязался горячій споръ, который могъ ежеминутно превратиться въ общую свалку. Но тутъ Водрёль повалилъ своего противника сильнымъ ударомъ въ грудь и поспѣшно наступилъ на его шпагу, чтобы тотъ не могъ пользоваться ею, а самъ между тѣмъ, готовился нанести послѣдній ударъ.

Правила, принятыя въ тогдашнихъ дуэляхъ, допускали подобныя жестокости.

— Развѣ бьютъ обезоруженнаго врага? воскликнулъ съ негодованіемъ Жоржъ, выхвативъ шпагу изъ рукъ барона.